

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

Том II

Материалы Всероссийского археологического съезда
(23–28 октября 2006 г., Новосибирск)

Ответственные редакторы
академик *А.П. Деревянко*
академик *В.И. Молодин*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2006

ББК Т 4(2)
С568

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Организация Всероссийского археологического съезда и издание материалов осуществлены при финансовой поддержке Президиума СО РАН, проектов РГНФ № 06-01-14044 и РФФИ № 06-06-85006.

Исследования выполнены в рамках программ Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», «Происхождение и эволюция биосферы» и проекта Рособразования – РНП 2.2.1.1.2183.

С568 **Современные** проблемы археологии России: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. II. – 524 с.

ISBN 5-7803-0150-6

Материалы Всероссийского археологического съезда отражают широкий спектр исследований по актуальным проблемам современной археологии. Тематика докладов охватывает вопросы развития культурных традиций от палеолита до средневековья, взаимоотношений древних культур и природной среды, этногенеза народов Евразии, изучения первобытного искусства, теории, методики, историографии археологии, сохранения археологического наследия России.

Для археологов и специалистов смежных научных дисциплин.

ISBN 5-7803-0150-6

ББК Т 4(2)

© Институт археологии и этнографии СО РАН

КУЛЬТУРЫ И ОБЩНОСТИ СКИФСКОГО МИРА И АНТИЧНОСТИ

Н.А. Боковенко

ИИМК РАН

Санкт-Петербург

НАЧАЛО СКИФО-САКСКОЙ ЭПОХИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Скифо-сакская эпоха в степной зоне Евразии, представленная свитой самобытных кочевых культур, занимает практически все I тысячелетие до н.э. и характеризуется важными изменениями в социально-культурной жизни древнего общества. Исследования последних лет дали возможность по-новому осмыслить процесс сложения культур скифского типа, подойти к пониманию истоков и путей становления кочевничества, как ведущей системе хозяйствования на последние три тысячи лет у многих степных народов.

Начало скифской эпохи было определено М.П.Грязновым [1983] для азиатской части Евразии на теоритическом уровне IX в. до н.э. Он исходил из того, что «царский» курган Аржан 1 в Туве, который датировался в тот момент по дендрохронологии VIII в. до н.э., уже обладает всеми признаками культур скифского типа (оружие, всадническое конское снаряжение, развитое искусство звериного стиля). Но эта датировка принята тогда была не всеми и требовала специального обоснования.

Для выяснения процессов сложения и хронологии культур ранних кочевников в Центральной Азии было разработано несколько программ, позволившие более ясно представить динамику этого явления.

Исследование палеоклимата этого региона проводилось методами геохимического, палинологического и радиоуглеродного анализа образцов из озерных отложений, в результате этих работ удалось установить периодические существенные изменения климата в эпоху бронзы, скифское время и последующие периоды [Zaitseva, van Geel, Bokovenko, Chugunov, Dergachev, Dirksen, Koulikova, Nagler, Parzinger, van der Plicht, Bougova, Lebedeva 2004; Боковенко, Дергачев, Дирксен, Зайцева, Кулькова, ван Гил, Ван дер Плихт 2005 и др.]. Так, значительное увлажнение степей, по сравнению с предшествующим сухим и холодным периодом, наблюдается в самом начале I тыс. до н.э., что способствовало увеличению биомассы степей и, соответственно, стимулировало заселение больших пространств кочевниками и продвижение их значительных групп в степной зоне в различных направлениях. Именно в этот период происходит окончательное формирование скифо-сакской культуры в Центральной Азии.

Радиоуглеродное датирование Аржана 1 и многих синхронных ему тагарских памятников Минусинской котловины (Казановка, Хыстаглар, Большая Ерба, Шаман Гора и др.) показало, что курган Аржан 1 датируется концом IX - началом VIII вв. до н.э. и никак не позже: абсолютная дата памятника, полученная путем корреляции серии радиоуглеродных дат (даже с учетом наиболее поздних дат, приведенных Н.Л.Членовой - шифр GIN) с данными дендрохронологии, ^{14}C , используя методы математической статистики, ~ 810 год до н.э. [Зайцева, Васильев, Марсадолов, Семенов, Дергачев, Лебедева 1996: 33-38; Марсадолов 1997: 49; Alekseev и др. 2001; Алексеев, Боковенко, Васильев, Дергачев, Зайцева, Ковалюх, Кук, ван дер Плихт, Поснерт, Семенов, Скотт, Чугунов 2005]. Синхронизация материалов и датировок в центральноазиатском регионе выявила, что наиболее ранние тагарские памятники синхронны Аржану и практически все датируются X - IX вв. до н.э. [Боковенко, Зайцева, Гил, Лебедева, Семенов 2003 и др.] и именно в это время окончательно складываются характерные черты культур скифского типа в Центральной Азии (всадническое конское снаряжение, специфическое вооружение, звериный стиль, переносная бронзовая посуда в виде котлов, легкие переносные жилища и т.п.).

---

* Работа выполняется при поддержке гранта ИНТАС, проект № 03-51-4445 и программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Погребальный обряд кургана Аржан и других аналогичных памятников (Улуг Хорум и т.п.) наиболее соответствует представлениям, которые отмечены по письменным источникам у массагетов, отчасти у скифов, бактрийцев, гирканцев и каспиев (см. Геродота, Страбона, Николая Домасского и др.). Но, именно саки и массагеты поклонялись Солнцу, принося в жертву коней - "... самому быстрому из богов они отдают самое быстрое из смертных существ" [Геродот, I, 212, 216]. К этому можно добавить, что ранние свидетельства о скифах и киммерийцах, по некоторым исследованиям, относятся к более восточным, азиатским областям [Ельницкий 1977, Куклина 1985]. Мир саков, видимо, простирался значительно восточнее, чем это считалось ранее, вплоть до Енисея, Тувы и Монголии. На это указывают многочисленные признаки как в погребальном обряде, так и отдельные маркеры в материальной культуре и искусстве древнего населения в этих регионах [Bokovenko 1994].

Список литературы

Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт Х., Поснерт Г. Семенов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. - СПб.: Теза, 2005. - 290 с.

Боковенко Н. А., Зайцева Г. И., ван Гил Б., Лебедева Л. М., Семенов А. А. К проблеме хронологии раннетагарских памятников Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 2. - СПб.: Гос.Эрмитаж, 2003 - С. 19–22.

Боковенко Н.А., Дергачев В.А., Дирксен В.Г., Зайцева Г.И., Кулькова М.А., ван Гил Б., Ван дер Плихт Й. Развитие археологических культур и климатические изменения в Евразийских степях Южной Сибири в голоцене (Минусинская котловина) // II Городцовские чтения. - М.: ГИМ, 2005.- С. 96-102.

Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1983. - С. 3–18.

Дирксен В.Т., Кулькова М.А., Ван Гил Б. Климат и растительность Минусинской котловины в голоцене по данным детальных палинологических, микрофоссильных и геохимических исследований // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. - Красноярск: КГУ, 2005. - С.77-79.

Зайцева Г. И., Марсаолов Л. С., Семенов А. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Лебедева Л. М. Применение методов математической статистики для корреляции дендрохронологических и радиоуглеродных данных (по материалам элитных курганов Саяно-Алтая) // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. - СПб.: ИИМК РАН, 1996. - С. 33–39.

Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. - Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1977.

Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. - Л.: Наука, 1985. - 206с.

Марсаолов Л. С. Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. // Радиоуглерод и археология. - Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1997. - С. 45–52.

Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Boltrik Yu, Chugunov K.A., Cook G., Dergachev V.A., Kovalyukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. 2002 Some problems in the study of the chronology of the ancient nomads cultures (9th –3rd centuries BC) // Geochronometry. N21. - Ustron. Poland. 2001. - P.143-149.

Bokovenko N.A. Tomb of Saka princes discovered in the Sayans, Siberia. - Sankt-Petersburg: IHMC RAS, 1994. - P. 48-53.

Zaitseva G. I., van Geel B., Bokovenko N. A., Chugunov K. V., Dergachev V. A., Dirksen V. G., Koulikova M. A., Nagler A., Parzinger G., van der Plicht J., Bourova N. D., Lebedeva L. M. Chronology and possible links between climatic and cultural change during the first millennium BC in Southern Siberia and Central Asia // Radiocarbon, Vol 46, №2, 2004. - P.259-277.

А.П. Бородовский
 ИАЭТ СО РАН, Новосибирск

РЕЗНЫЕ РОГОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НИЖНЕЙ КАТУНИ*

Исследование регионального своеобразия скифо-сибирской художественной традиции позволяет конкретизировать [Гуляев, 2004, с.34] представления о существовании и о особенностях развития этого историко-культурного феномена. В полной мере это относится к резным роговым изделиям I тыс. до н.э. различных районов Алтая, одним из которых является нижняя Катунь. Она простирается от с. Чемал на юге [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 95] до слияния с р. Бией. На северном крае алтайских гор у с. Майма речное русло выходит на равнину. Нижняя Катунь объединяет несколько ландшафтных зон степную, лесостепную и горно-лесную. В целом на этой территории известен целый ряд погребальных комплексов скифского времени: Красный Яр, Березовка-1, Майма XIX, Чултуков Лог-1, Барангол-1, Чемал-Карьер-1 [Сергеев, 1946, с.289-292; Киреев, 1992, с.181-185; Бородовский, Ойношев, Соёнов и др., 2005] в сопроводительных материалах которых представлены резные роговые предметы (рис. 1,2). Следует подчеркнуть, что резные роговые изделия нижней Катунь связаны не с элитными «большими» курганами, а обнаружены на обширных некрополях основной массы населения скифского времени.

Хронологически комплекс резных роговых предметов относится к раннескифскому (рис. 1) и пазырыкскому (рис. 2) времени. Для раннескифского периода выявлено около двух десятков резных роговых изделий. Для пазырыкского времени известно еще 15 предметов. В сравнении со средней Катунью этих изделий в низовьях реки существенно больше. Функционально все изделия относятся к предметам конского снаряжения, экипировки всадника, вооружения и украшений, отражающие эпохальные особенности материальной культуры в древнем косторезном производстве раннего железного века [Бородовский, 2005, с.62].

Основным материалом для всех предметов является рог марала, из которого изготавливались различные варианты заготовок (роговые отростки, закраины и «пеньки» роговой ветви, одинарные пластины) [Бородовский, 1997, с.87-102]. Изделия выполнены преимущественно в технике рельефной резьбы (рис.1,2), встречаются единичные гравировки (рис.1/7). Не менее многочисленны образы, отраженные в резном роге. К ним относятся: головы реальных (хищников - волк, барс; копытных - лошадь, кабан, козел, баран) и фантастических существ (грифон), условно-схематические образы (стилизация женских фигур в колоколовидных подвесках, крестообразно – солярные предметы), имитации кабаньих клыков. В локальном контексте актуально обсуждение проблемы об изображении в косторезном искусстве скифского времени исключительно местной фауны [Ильинская, 1976, с.18,19; Гуляев, 2004, с.32,33]. Для нижней Катунь это имеет особое значение. Именно на этой территории локализуется северная граница встречаемости многих видов высокогорных животных, таких как горные козлы, бараны и барсы.

Раннескифские роговые детали конской узды (рис.1/5,6) (Чемал-Карьер-1) имеют явные аналогии с металлческими изделиями. Однако вопрос о первоначальном изготовлении формы этих предметов именно в роге не всегда может быть решен однозначно. Поскольку в каждом конкретном случае производство изделия имеет свои особенности.

Некоторые из предметов имеют следы раскраски. На массивной роговой бляхе с изображением головы оскалившегося хищника из Маймы-XIX (рис. 2/2) фрагменты красного красителя (киновари?) сохранились в углублениях – глаза, скулы, гривы животного. Аналогичная раскраска встречена среди роговых предметов Пазырыка [Руденко, 1948], Берели [Самашев, Бородовский, 2004, с. 82-87] на Алтае и Обьездного на Приобском Плато [Телегин, Бородовский, 2005, с.470-475].

* Работа выполнена по проекту № ИШ-6568.2006.6

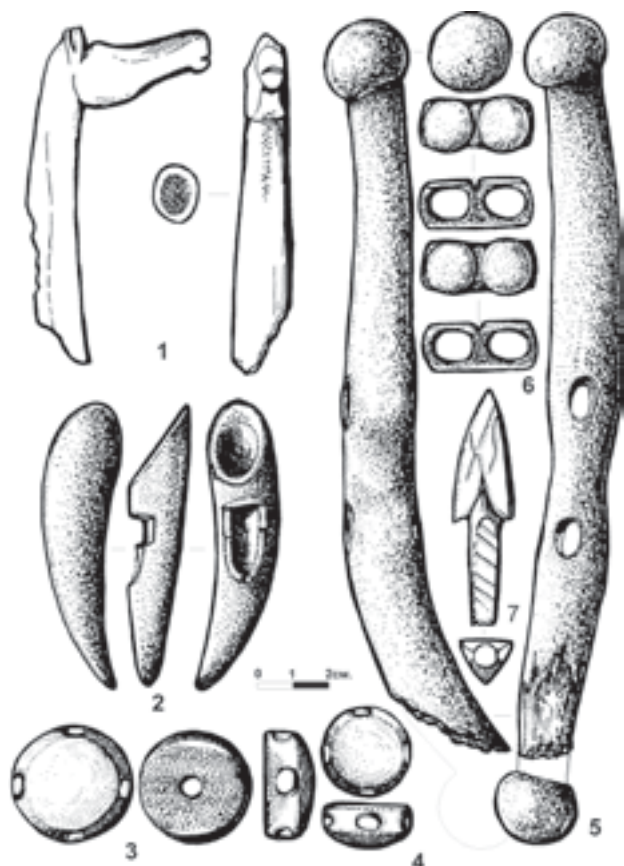

Рис. 1 Раннескифские резные роговые предметы нижней Катун

1 – Навершие Березовка-1 (по С.М. Сергееву); 2,3,4,5,6 – Детали конской упряжи Чемал-Карьер-1; 7 – Наконечник стрелы с гравировкой.

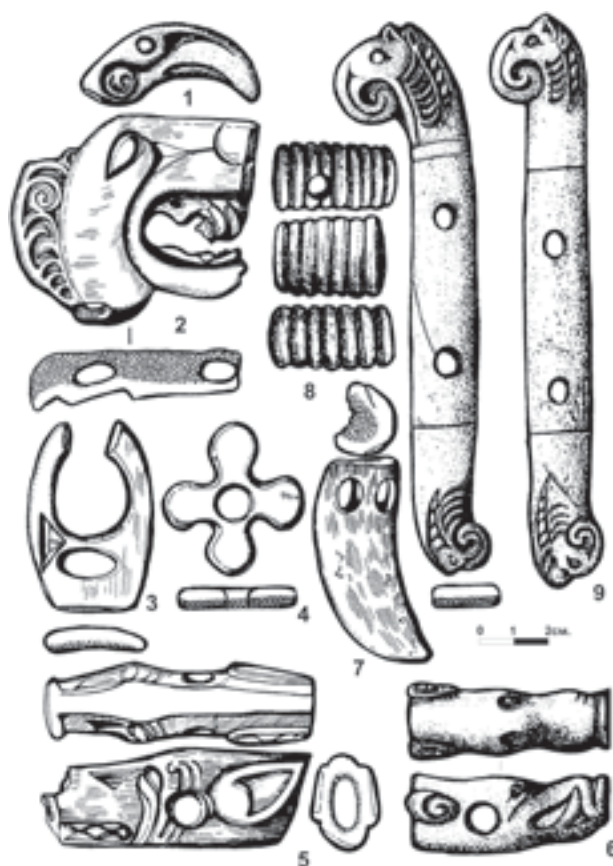

Рис. 2 Резные роговые изделия пазырыкского времени нижней Катун

1,6,8,9. – Детали конской упряжи Красный Яр-1 (по С.М. Сергееву), 2,3,4,7. – Детали конской упряжи Майма XIX (по С.М. Кирееву)

Среди «декорированных» предметов вооружения следует отметить наконечники стрел. В скифскую эпоху роговые наконечники с гравировкой граней наиболее широко распространены на территории горного Алтая [Бородовский, 1997, с.124, рис.16]. На нижней Катун такие предметы (рис.1/7) обнаружены в раннескифских (Чемал-Карьер-1) и пазырыкских (Барангол-1) погребальных комплексах. Изображения на них можно интерпретировать не только как «метки», но и рассматривать в качестве стилизации орноморфного и зооморфного декора, представленного на гранях железных наконечников Аржана-2 [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2004, с.9].

Не менее любопытна незавершенность некоторых орнаментированных роговых предметов (рис.2/3). Эти изделия вряд ли стоит рассматривать только как полуфабрикаты или связывать с изготовлением особых погребальных изделий. Количество таких вещей в погребальных комплексах Южной Сибири достаточно представительно. Возможно, что именно эти «не завершенные» образцы отражают реальный процесс создания резных роговых предметов древности. Предмет изготавливался на протяжении не фиксированного времени, а с длительными перерывами в процессе обработки, что вообще типично для технологии традиционных производств.

Резными роговыми предметами, имеющими прямые соответствия в центрально-азиатском регионе [Бородовский, 1999] вполне уместно дополнить аналогии материального комплекса Алтая, Верхней Оби и Тувы скифского времени [Чугунов, 2001 с.174, табл. I]. Многообразие резных роговых изделий нижней Катун имеет целый ряд близких аналогий с комплексом «резной кости» Тувы. К таким изделиям, на нижней Катун следует отнести уздечные украшения в виде головы ушастого грифона, кабана (рис. 2/) из Красного Яра и рифленые «колоколовидные» подвески из Барангола-1. Последняя разновидность предметов интерпретируется в качестве атрибутов женского культа [Мачинский, Чугунов, 1998, с.184, рис.1/17, с.186], обнаруженных в женских и детских погребениях в Туве и на Алтае. К северу от нижней Катун в Верхнем Приобье встречаются уже лишь отдельные элементы этого комплекта резных роговых предметов (Бийск-1, Аэродромный, Рагозиха-1, Усть-Иш-

товка-1, Вяткино, Быстровка-2, Новый Шарап-2, Каменный Мыс-1). Такая представительность и топография находок позволяют рассматривать нижнюю Катунь, как территорию, с которой могло идти распространение резных роговых изделий скифского времени на сопредельные регионы. Для «художественных» косторезных предметов юга Западной Сибири культурно-исторические «связи» с алтайским и центрально-азиатским регионами [Бородовский, 1995] достаточно характерны, особенно во второй половине I тыс. до н.э.

Представительность и хронологическая «преемственность» серии резных роговых предметов дает все основания рассматривать нижнюю Катунь как один из очагов художественной резной «кости» скифского времени на Алтае. Ряд изделий с этой территории (голова хищника, кабана, S-видные псалии с головой грифонов) имеет широкие аналогии в металлопластике скифского мира, вплоть до Северного Причерноморья. Такие параллели отражают единство звериных образов скифо-сибирской художественной традиции в Евразии.

Список литературы

- Бородовский А.П.** Сюжеты зооморфных гравировок саргатской поясной гарнитуры как отражение культурно-исторических связей // Гуманитарные науки в Сибири. -1995. -№ 3. - С. 55 - 61.
- Бородовский А.П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э.- первая половина II тыс. н.э.).- Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997, -224 с.
- Бородовский А.П.** Новые аналогии роговой резной пластины с лошадей из Саглы-Бажи-2 //Гуманитарные науки в Сибири. -1999. -№ 3. - С. 90 - 91.
- Бородовский А.П.** Упряжь и раскрой рога в Западной Сибири // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. - С. 58 - 62.
- Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соёнов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В.** Древности Чуйского тракта. Горно-Алтайск, 2005. - 102 с.
- Гуляев В.И.** Резная кость из курганов скифского времени на среднем Дону //Археология среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004. - С. 25-34.
- Ильинская В.А.** Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М: наука, 1976. – С. 9-29.
- Киреев С.М.** Курганы Майма XIX // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. – С. 39-50, 181-185.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха горного Алтая. Часть I, Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. Ун-та, 1997. – 332 с.
- Мачинский Д.А., Чугунов К.В.** Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологической и семантической аспекты) // Древние культуры центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., Изд-во: Культинформ-пресс. 1998. – С. 183 – 188.
- Полторацкая В.Н.** Могильник Березовка-1 //АСГЭ Вып. 3. Л., 1961. – С. 74-88
- Руденко С.И.** Второй пазырыкский курган. Л: Изд-во ГЭ, 1948. – 63 с.
- Самашев З.С., Бородовский А.П.** Роговые украшения конской узды и упряжи из Берельского некрополя // Археология, этнография и антропология Евразии № 3 (19) 2004. - С. 82 - 87.
- Сергеев С.М.** О резных костяных украшениях конской узды из «скифского» кургана на Алтае // Советская археология, 1946. № 8. – С. 289-292.
- Телегин А.Н., Бородовский А.П.** Резные роговые украшения седла скифского времени с Приобского Плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI, ч.1. Новосибирск, 2005. – С.470 - 475.
- Чугунов К.В.** Локально-хронологические особенности Тувы в середине I тыс. до н.э. // Евразия сквозь века. СПб: Изд-во Филологического факультета Санкт Петербургского ун-та, 2001. – С. 173 – 178.
- Чугунов К.В., Парцигер Г., Наглер А.** Золотые звери из долины царей. СПб: Из-во ГЭ, 2004. – 16 с.

А.П. Бородовский, К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин, В.П. Семибратов

ИЗДЕЛИЯ ИЗ РОГА КОСУЛИ В ПЕЩЕРНЫХ КОМПЛЕКСАХ ГОРНОГО АЛТАЯ*

На территории северо-запада горного Алтая в целом ряде пещерных комплексов и гротов неоднократно встречены изделия из рога косули. На нижней Катуни в Тавдинском гроте у подножия Большой Тавдинской пещеры в 7 км выше по течению от с. Манжерок, обнаружено несколько интересных находок из этого материала [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2005, С. 334]. Особый интерес вызывает предмет, изготовленный из рога крупного самца косули, обнаруженный в слое скифского времени [там же]. Для его изготовления использовалась развилка рога (рис. 1 - 1). Интерпретация этого изделия не однозначна. Во-первых, выдвинуто предположение, что резная часть рога в виде трех выступов является антропоморфным изображением возможно являющегося частью навершия шаманского посоха. В мифологии у алтайских шаманов известны роговые посохи [Сагалаев А.М., 2001, С. 254]. Возможно также, что этот предмет представляет собой деталь сложного головного убора пазырьковского времени.

Исходя из этих предположений, не исключено, что это изделие не утилитарного назначения, которое использовалось при совершении культовых действий в скифское время, когда в Тавдинском гроте функционировало святилище [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2005, С. 334]. Во-вторых по трассологическому определению П.В. Волкова этот роговой предмет использовался как крюк, активно контактировавший с органикой (мясом, кожей) [Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2006 С. 217].

Два предмета, изготовленные из отростка рога косули, обнаружены в Тавдинском гроте в слое финального неолита-раннего энеолита (рис. 1 -2,3). Один из них (рис. 1 - 3) использовался, скорее всего, как отжимник. Функциональное назначение второго артефакта (рис. 1 - 2) не установлено. На обоих изделиях прослежены характерные следы обработки поверхности артефакта. Их интерпретация определила факт использования металлического ножа [Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2006 С. 219].

Изделия из целого рога косули обнаружено в непосредственной близости от грота А.П. Окладникова в нижнем течении р. Ануй у с. Сибирячиха. Предмет изготовлен из сброшенного рога молодого животного с неразвитой роговой развилкой и перлами на спице [Бородовский А.П., 1997, С. 205, табл. 44/8]. Нижняя часть рога около роговой розетки активно использовалась в качестве инструмента для размягчения ремней, что привело к интенсивной сработанности и залащиванию компактного рогового вещества.

В среднем течении р. Ануй в Денисовой пещере в слоях эпохи раннего железа найден струг из стенки рогового ствола косули [Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, С. 49, рис. 43/6] и рог косули с отсеченным роговым разветвлением и розеткой.

В окрестностях Денисовой пещеры в заполнении могилы одного из курганов могильника скифского времени Черный Ануй-3 известна находка целого рога косули с фрагментами костей черепа, возможно использовавшаяся в качестве землеройного инструмента [Бородовский А.П., 1995, с.120].

Для эпохи раннего железа складывается достаточно последовательная система разделки рога косули представленная в целом ряде различных археологических комплексов верхнеобского бассейна [Бородов-

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01390а и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект № 2.21

ский А.П., 1997, С. 205, табл. 44/8-12]. В синхронных слоях этой эпохи из пещерных комплексов северо-западного Алтая неслучайно представлен целый ряд предметов из рога козули в целом отражающий полный цикл разделки такого косторезного сырья.

Рог козули мог использоваться целиком (инструмент для размягчения ремней, землеройное орудие) и частично. Во втором случае отсекалась спица и разветвление. Из таких заготовок могли изготавливаться псалии (спица) и крюки или наверхия (разветвление), обнаруженные в Тавдинском гроте. Рассечение этих заготовок позволяло получить из отдельных отростков ретушеры (Тавдинский грот), а из стенки спицы струги (Денисова пещера).

Находки изделий из рогов козули в пещерных комплексах северо-западного Алтая располагаются в непосредственной близости от путей миграции этого животного в верхнеобском бассейне. Для окрестностей Тавдинского грота это особенно характерно. Здесь вплоть до настоящего времени сходятся два миграционных пути [Собанский Г.Г. 1992, С. 126-137] козуль делая эту территорию горного Алтая одной из самых удобных для промысла таких животных. Кроме того, в малоснежной долине нижней и средней Катуня располагались основные зимовки козуль. Перспективность этого района для охоты, судя по археологическим данным, было оценено уже в эпоху неолита [Кургурова Н.Ю., 1997, С.5]. По данным А.В. Гальченко большинство костей неолитических слоев Тыткескень-II принадлежит козуле. Среди промысловых животных в голоценовых слоях Денисовой пещеры кости козули так же преобладали [Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, С. 172].

На значительно более позднем археологическом комплексе Тыткескень-III А.Л. Кунгуровым [Кунгуров А.Л., 1994, С. 45] был обнаружен обрубок роговой спицы козули еще не утративший связи с костями черепа этого животного. Такая находка позволяет установить вероятную сезонность добычи. Поскольку самцы козули обладают рогами на протяжении с марта по октябрь.

Однако кроме промыслового значения находок рогов козули и утилитарных изделий, изготовленных из этого материала в пещерных комплексах Алтая не следует упускать из виду культовое значение рога вообще и

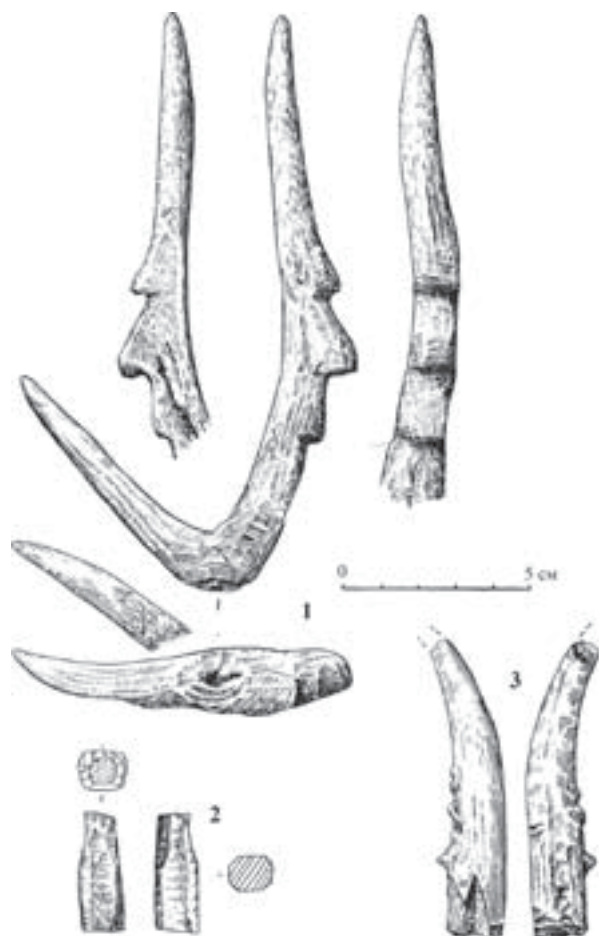

Рис. 1. Роговые изделия Тавдинского грота.
1 – скифская эпоха; 2, 3 – финальный неолит-энеолит.

рога косули в частности. Например, в погребальных неолитических комплексах Дальнего Востока, по мнению некоторых исследователей, прослежены композиции со сложной религиозно-мифологической семантикой, в которых рог косули занимает одно из центральных мест [Бродянский Д.Л., 2001, С.73, рис.5].

Учитывая все это, следует признать, что части разделки рога косули и предметы из этого материала обнаруженные в пещерных комплексах Горного Алтая, кроме утилитарного использования, возможно, имеют и культовое назначение.

Список литературы

Бородовский А.П. Предварительные итоги исследования одного из многослойных поселений горного Алтая // Охрана и исследование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). -Барнаул, 1991.- С. 61 - 65.

Бородовский А.П. Аварийные исследования могильника эпохи раннего железа в верховьях р. Ануй // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 1. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1995. - С. 118 - 121.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. Новосибирск, 1997. - 224 с.

Бродянский Д.Л. Свинья, черепаха и олень в дальневосточной археологии и мифологии. //Традиционная культура востока. Вып. 3, Благовещенск. 2001, -С. 67-74.

Дервянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск, 1994. - 260 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Исследование Тавдинского грота в 2005 г. //Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI, ч.1, Новосибирск, 2005.- С. 333 - 338.

Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Роговые изделия Тавдинского грота // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Выпуск XV. Барнаул, Изд-во ООО «Азбука», 2006. С. 216-222.

Кунгуров А.Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескен 3. //Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. – С. 43-58.

Кунгурова Н.Ю. Охота неолитических обитателей Катуня.//Известия лаборатории археологии. Вып. № 2. Горно-Алтайск, 1997. - С. 3-8

Собанский Г.Г. Копытные Горного Алтая. - Новосибирск, 1992. - 256с.

Сагалаев А.М. К проблеме “Вещь” и “Миф” в культуре урало-алтайских народов (опыт прочтения символики посоха). //Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. - С. 253 - 254.

С.Г. Боталов, И.Э. Любчанский, А.Д. Таиров

*Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН; Челябинский государственный университет
Челябинск*

КУРГАНЫ С «УСАМИ»: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Вероятно, впервые мысль о датировке курганов с «усами» эпохой раннего железа была высказана П.С. Рыковым [Рыков, 1935] и поддержана М.П. Грязновым, отмечавшим, что «если не все, то какая-то часть этих курганов относится к раннескифскому времени». Основой для такого вывода послужили материалы кургана Большое Чебачье [Грязнов, 1956]. Эта датировка была принята и уточнена М.К. Кадырбаевым, который включил курганы с «усами» в выделенную им тасмолинскую культуру Центрального Казахстана и определил хронологические рамки существования таких комплексов VII–IV вв. до н.э. [Кадырбаев, 1958]. В дальнейшем он, опираясь на исследованные им и хорошо датируемые памятники (курган 19 Канатгас и Коктал), еще более расширяет рамки их существования, поднимая верхнюю границу до середины I тыс. н.э. [Кадырбаев, 1959]. После выхода в свет коллективной монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» датировка комплексов курганов с «усами» и их культурная принадлежность стали на долгое время общепризнанными. Материалы кургана с «усами» Беркутты в Южном Казахстане заставил исследователей вновь поднять верхнюю границу существования таких комплексов – до VII–VIII вв. н.э. В 1997 г. А.З. Бейсенов, постулируя положение о том, что «ряд памятников (11 объектов) в свое время был датирован исследователями I тыс. н.э. на основании найденных в них впускных захоронений или же предметов, имеющих характер «кладов», пришел к заключению, что скорее всего, верхняя граница памятников не выходит за пределы тасмолинского периода [Бейсенов, 1997]. Однако материалы Южного Зауралья позволили нам поставить под сомнение ранее устоявшиеся точки зрения.

Ареал распространения курганов с «усами» значительно шире территории, занимаемой тасмолинской культурой. Помимо Центрального Казахстана, где зафиксирован 231 курган, а исследовано раскопками 44, они открыты в Западном (9 курганов, исследовано 4), Восточном (11 курганов, исследовано 5) и Южном (11 курганов, раскопано 2) Казахстане, а также в Семиречье (8 курганов, исследован 1) [Бейсенов, 1996]. В Южном Зауралье в настоящее время насчитывается 112 комплексов курганов с «усами» (исследовано 11), что составляет почти треть от общего числа известных памятников этого типа в урало-казахстанских степях. Выявлены они также на Алтае, в Синьцзяне, Нижнем Поволжье и Приднепровье.

Анализируя раскопанные в Центральном Казахстане комплексы курганов с «усами» А.З. Бейсенов был вынужден прийти к выводу, что собственно курганами с каменными грядами являются комплексы, состоящие только из одного центрального сооружения, от которого и отходят «усы». Это простые и небольшие сооружения в виде округлых (овальных, прямоугольных) курганообразных насыпей, реже аналогичных оград или колец. В этих сооружениях отсутствуют погребения человека, но они содержат на древнем горизонте кости лошади, глиняные сосуды, следы разведения огня (тип 1, здесь и далее – по А.З. Бейсенову). К типу 1 курганов с «усами» близок тип 3б – несколько вытянутых с С на Ю, близких по размеру и конструктивным особенностям сооружений. В особых случаях эта система кургана с каменными грядами бывает пристроена к обыкновенному погребальному сооружению, располагаясь восточнее (тип 2) или севернее (тип 3а) него. Причем по своим размерам и конструктивным особенностям курган с погребением человека отличается от центрального сооружения комплекса с каменными грядами. В ряде случаев центральное сооружение комплекса возводилось поверх кургана с погребением человека (тип III, по М.К. Кадырбаеву) [Бейсенов, 1996; Древняя культура..., 1966].

Приведенный ниже анализ основан на доступных нам материалах 51 кургана с «усами», исследованных в урало-казахстанских степях. Из них 14 комплексов к типу 1 без погребения человека или собственно курганов с «усами» относятся: 2 – в Восточном и 7 – в Центральном Казахстане, 5 – в Южном Зауралье. Восточ-

ноказахстанские комплексы датированы IV–V вв. н.э. В Центральном Казахстане только в кургане 1 Джанайдар найден вещевой материал тасмолинского времени VII–V вв. до н.э. Однако связь его с сосудами, стоящими на древней поверхности, сомнительна, поскольку вещи найдены в насыпи кургана. В Южном Зауралье лишь в одном кургане (Городищенский IX) вместе с сосудом на древней поверхности находился инвентарь V–VII вв. н.э. Однако в трех курганах (Солончанка IX, Новокиндуровский I, Новоактюбинский I) обнаружены красноглиняные кувшины, аналогии которым в комплексах джетыясарской культуры позволяют датировать их V–VII вв. н.э.

Часто центральное сооружение комплекса кургана с «усами» возводилось поверх обычного кургана с погребением в могильной яме (тип III по М.К. Кадырбаеву). В урало-казахстанских степях нам известно 10 таких памятников: 7 – в Центральном и 1 – в Южном Казахстане, 2 – в Южном Зауралье. Если исключить комплексы, в которых могильные ямы были полностью ограблены, то оставшиеся погребения культурно и хронологически распределяются следующим образом: тасмолинское VII–VI вв. до н.э. (Тасмола I, курган 19), савроматское (Усуп 1, курган 1), раннесарматское III–II вв. до н.э. (Каинсай, курган 14), среднесарматское (Каргалы 2, курган 1), эпоха переселения народов: IV–V вв. н.э. (Канаттас, курган 19), VI – начала VII вв. н.э. (Султантимировский I) и VII–VIII вв. н.э. (Беркутты). Следует подчеркнуть, что в комплексе Беркутты в могильной яме находилось безинвентарное погребение, а вещи были помещены на древнюю дневную поверхность. В Султантимировском I кости человека и инвентарь находились в пределах площадки со снятым дерновым слоем. В кургане 4 Егиз-Койтас у колен погребенного стоял сосуд, отличающийся по своим параметрам от керамики из курганов с «усами». Данное погребение «довольно нетипично для тасмолы» [Бейсенов, 1996], так как для тасмолинской культуры совершенно не характерно помещение сосуда в могильную яму. В ряде случаев (Толагай, курган 1 Кара-Бие, курган 14 Каинсай) стратиграфически и планиграфически зафиксирована одновременность кургана с могильной ямой и возведенного на нем центрального сооружения собственно кургана с «усами». Вероятно такая же ситуация, судя по форме насыпи, имела место и в кургане 19 Тасмола I. В кургане 14 Каинсай под насыпью центрального сооружения собственно кургана с «усами», возведенного на восточной поле кургана III–II вв. до н.э., вместе с сосудом, типичным для курганов с «усами» урало-казахстанских степей, найден сосуд кушнаренковского типа VI–VIII вв. н.э.

Из 11 комплексов курганов с «усами» типа 3 два дали материалы тасмолинского времени – курган Большое Чебачье (VII–VI вв. до н.э.) и курган 4 могильника Карамурун I (V–IV вв. до н.э.). Четыре комплекса по вещевому инвентарю датируются: Коктал, курган 1 Зевакино – IV–V вв. н.э., Солончанка I – V – начала VI в. н.э, Нижне-Давлетовский – VI–VII вв. н.э. В кургане с «усами» Ижевский-2, помимо сосудов, вкопанных в материк, в насыпи найден железный наконечник стрелы, аналогичный наконечнику из соседнего кургана, датированного второй половиной VII – первой половиной VIII в. н.э. В остальных курганах типа 3 найдены только сосуды. В кургане 4 Карамурун I могильная яма находилась под северной насыпью («курган А»). Однако, судя по планам могильника и кургана, каменные гряды («усы») связаны только с южным курганом («курганом Б»), в котором найдены обломки глиняного сосуда и прослежены зольные полосы [Древняя культура..., 1966]. В кургане Большое Чебачье обращает на себя внимание нетипичное для комплексов типа 3 расположение курганов – «рядом вплотную так, что насыпи сливаются» [Грязнов, 1956].

Из 16 доступных для анализа комплексов типа 2 два исследованы в Восточном Казахстане (курган 2 Зевакино, курган 1 Кызылтас), 1 – в Южном Зауралье (Елизаветпольский) и 13 – в Центральном Казахстане. Если исключить керамику, найденную под малыми насыпями, то только в 5 курганах зафиксирован датирующий инвентарь, связанный только с могильными ямами под большими насыпями. Датируются они следующим образом: курган 1 Сангуыр II – эпоха бронзы; курган 4 Нурманбет II и курган 1 Киик-Су – тасмолинское время (VII–V вв. до н.э.); Елизаветпольский – савроматское (середина V в. до н.э.); курган 1 Кызылтас – IV–V вв. н.э. Остальные курганы, за исключением кургана 2 Зевакино (IV–V вв. н.э.), отнесены к тасмолинской культуре на основании, во-первых, мнения о принадлежности курганов с «усами» тасмолинской культуре и, во-вторых, на основе конструкции могильных ям. Последние представлены грунтовыми ямами овальной формы, часто перекрытыми каменными плитами, и каменными ящиками. Принадлежность к тасмолинской культуре одних (курган 4 Нурманбет II, курган 1 Киик-Су) не вызывает сомнений, других, безинвентарных или разграбленных, – вполне вероятно. Вызывает сомнение лишь одновременность кургана с погребением человека и собственно кургана с «усами». Основанием для этого служат стратиграфия и планиграфия кургана 3 могильника Сангуыр II, Ельшибек в Центральном Казахстане и Елизаветпольский в Южном Зауралье.

Итак, из 51 исследованного комплекса курганов с «усами» 26 содержали, помимо сосудов, культурно и хронологически определимый инвентарь, который распределился следующим образом: эпоха бронзы – 1,

тасмолинская культура – 6, савромато-сарматская эпоха Южного Урала – 4, эпоха переселения народов – 15. Почти во всех памятниках I тыс. до н.э. зафиксирован, в той или иной степени, значительный хронологический разрыв между возведением погребального сооружения и собственно кургана с «усами». Следует подчеркнуть, что практически вся относимая к тасмолинской культуре керамика найдена в комплексах собственно курганов с «усами». «Вне этого комплекса глиняная посуда почти не встречается» [Древняя культура..., 1966]. В тоже время керамический комплекс курганов с «усами», при всем его разнообразии, представляет единое целое и достаточно хорошо вписывается в ареал керамической традиции, характерной для обществ эпохи переселения народов степной Евразии.

Таким образом, курганы с «усами» не связаны с тасмолинской культурой Центрального Казахстана, а характеризуют эпоху переселения народов IV–VII вв. н.э. евразийских степей.

Список литературы

Бейсенов А.З. Культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана // Изв. МН-АН РК. Сер. обществ. науки. - 1996. - № 2. – С. 31-41.

Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7–1 вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Алматы, 1997. – 26 с.

Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. - 1956. - Вып. 61. – С. 8-16.

Древняя культура Центрального Казахстана / Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. - Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.

Кадырбаев М.К. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. история, археология и этнография. - 1958. - Вып. 1 (6). – С. 95-104.

Кадырбаев М.К. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбульской области // Вест. АН КазССР. - 1959б. - № 7 (172). – С. 89-97.

Рыков П.С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках в 1932-44 гг. Т. II. - Изв. ГАИМК. - 1935. - Вып. 110. – С. 40-68.

Ю.А. Виноградов
Санкт-Петербург

РАБОТЫ БОСПОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК РАН В 2001–2005 гг.

Боспорская экспедиция Института истории материальной культуры РАН (ГАИМК, ИИМК АН СССР, ЛОИА АН СССР) имеет давние традиции в изучении античной культуры Северного Причерноморья. Экспедиция была создана в 1932 г. и в первую очередь стала известна благодаря масштабным исследованиям так называемых «малых» городов Боспора Киммерийского (современный Керченский пролив). Работы традиционно проводились на памятниках Керченского полуострова: Мирмекий, Порфмий, Тири-така, Илурат и др. В разное время ими руководили такие видные отечественные ученые как О.О.Крюгер, Л.М.Славин, В.Ф.Гайдукевич, И.Г.Шургая. Наибольшую известность и высокую оценку в научной среде заслужили работы В.Ф.Гайдукевича, возглавлявшего экспедицию в 1934–1966 гг., с понятным перерывом на годы Великой Отечественной войны. Сейчас во главе экспедиции стоит В.А.Горончаровский.

Политические изменения 90-х годов прошлого века сказались на Боспорской экспедиции весьма болезненно. Украина стала независимым государством, и проведение раскопок на Керченском полуострове для нас стало сопрягаться с немалыми трудностями. В результате происшедших перемен для археологов ИИМК РАН были «потеряны» Мирмекий и Илурат. Из числа старых памятников исследования экспедиции сейчас продолжают только на городище Порфмий. Большинство археологов-атикологов ИИМКа были вынуждены постепенно перебираться на российскую сторону пролива – Таманский полуостров. Адаптация к новым условиям была непростой и нелегкой, но этот период уже позади, и есть все основания признать, что Боспорская экспедиция активно включилась в изучение памятников классической древности этого района.

Сейчас она состоит из пяти отрядов; четыре из них (Семибратний, Бугазский, Таманский и Анапский) работают на Таманском полуострове, и лишь один (Порфмийский) – в Восточном Крыму. Следует подчеркнуть, что Боспорская экспедиция ИИМК РАН является одной из немногих античных экспедиций нашей страны, проводящих исследования на памятниках различных категорий: греческий город (Порфмий), город, построенный по греческому типу (Семибратнее городище), варварское городище (Вышестеблиевская–11), сельские поселения (Артюшенко–1 и 2), некрополь (Артюшенко–2). Отряды, проводящие археологические изыскания на Таманском полуострове, как правило, имеют скромную, но весьма ценную для нас финансовую поддержку администрации Краснодарского края.

Семибратний отряд под руководством В. А. Горончаровского начал изучение Семибратнего городища (вероятно, город Лабрит) в 2001 г. Это крупное городище (площадь – 9 га) является одним из ключевых для понимания древней истории района; считается, что именно здесь располагалась столица Синдского государства. Позднее, когда Синдика потеряла политическую независимость, город стал важным военным, экономическим, культовым пунктом в структуре Боспорского царства. В 1938–1955 гг. в северной части городища проводила исследования экспедиция Краснодарского музея во главе с Н. В. Анфимовым. Тогда удалось сделать ряд важных открытий. В частности, было выяснено, что поселение, скорее всего, возникло в конце VI – начале V вв. до н.э. Крепостная стена с прямоугольными башнями была возведена вокруг него в начале V в. до н.э. Город подвергался разгрому в начале и в конце IV в. до н.э. Несмотря на это, он просуществовал вплоть до конца I в. до н.э., в дальнейшем жизнь на его территории возобновлялась эпизодически.

Работы Семибратнего отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН производились в южной части городища, самые ранние находки здесь относятся к второй четверти V в. до н.э. Однако и на этом участке удалось

открыть одно из звеньев ранней оборонительной системы – прямоугольную проездную башню с примыкающей лестницей. Наклон лестницы позволяет рассчитать, что верхняя площадка башни находилась на высоте около 3.5 м.

На протяжении 5 м выявлены также остатки оборонительной стены, возведенной в начале IV в. до н. э. и просуществовавшей до конца этого столетия. Можно заключить, что после событий военного характера, затронувших город около рубежа V–IV вв. до н. э., ранние фортификационные сооружения в южной части городища были разобраны, после чего здесь была построена новая стена, линия которой прошла несколько восточнее, близ фиксируемой линии рва. Очень показательны, что среди находок имеются части архитектурного декора какого-то крупного храмового или иного общественного здания.

На южном участке городища удалось открыть ограду и двор теменоса раннеэллинистического времени, на котором находился двухступенчатый алтарь. Необходимо особо отметить, что материальная культура Семибратнего городища, каковой она рисуется в результате раскопок В. А. Горончаровского, в принципе, ничем особенным не отличается от культуры других боспорских городов. Можно отметить насыщенность слоя монетами, находками расписной импортной керамики, а также небольшое количество лепной посуды, изготовленной в традициях местного варварского населения.

Важность систематического изучения Семибратнего городища не вызывает никаких сомнений. С целью расширения сферы археологических изысканий в его окрестностях в 2004 г. был создан Анапский отряд (начальник – О. В. Шаров). Отряд проводил разведочные работы по маршруту Анапа – Чекон – Семибратнее городище. Разведки были направлены на поиск здесь материалов римского времени. В ходе разведок были открыты остатки семи усадеб эпохи раннего эллинизма, но памятников римского времени на прилегающих к городищу территориях пока не зафиксировано.

Бугазский отряд (начальник – Ю. А. Виноградов) проводил охранно-спасательные раскопки на крупном античном поселении Артющенко–1 (Бугазское), расположенном на обрывистом берегу Черного моря в 16 км к юго-востоку от станицы Тамань. Раскопки проводились на участке II, где были выявлены культурные напластования, относящиеся к трем хронологическим этапам: последняя четверть VI – первая четверть V вв. до н.э., середина IV в. до н.э., вторая половина III – первая половина II вв. до н.э. Зафиксированная дискретность в развитии поселения, как представляется, может дать информацию об изменениях военно-политической ситуации в степях Предкавказья. Есть основания считать, что неукрепленные поселения могли возникать и долгое время существовать лишь в условиях благоприятной, относительно мирной обстановки, в случае ее ухудшения, возникновения угрозы нападения население с них уходило, вероятнее всего, под защиту городских укреплений.

Раскопки на Артющенко–1 привели к открытию весьма неожиданных фактов, характеризующих своеобразие освоения греками сельскохозяйственных угодий Таманского полуострова на этапе колонизации и несколько позднее. Можно считать, что поселение принадлежало сельской округе одного из полисов азиатского Боспора, скорее всего, Гермонассы. Своеобразие строительных остатков, относящихся к последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э., позволяет предполагать, что Артющенко–1 не было стационарным сельским поселением. Земледельцы приходили сюда лишь временно, вероятнее всего, на период проведения полевых работ. Большое количество находок лепной керамики (около 50 % в керамическом комплексе), изготовленной в традициях местных племен Прикубанья, позволяет сделать еще один важный вывод. Вполне возможно, что для земледельческих работ в этом районе греки привлекали местную рабочую силу.

Обнаруженные находки зерен злаковых демонстрируют картину вполне типичную для античных памятников Северного Причерноморья. По определениям Г.А.Пашкевич, в составе зерновых доминировали две культуры: мягкая пшеница (*Triticum aestivum* s.l.) и пленчатый ячмень (*Hordeum vulgare*). Этим культурам намного уступала пшеница однозернянка и двузернянка, а находки зерен ржи, проса и овса вообще единичны.

После долгого перерыва, охватившего почти целый век, возрождение жизни на памятнике проявляется около середины IV в. до н.э. Характер материальной культуры этого периода почти не отличается от предыдущего, и, в общем, вполне можно предположить, что поселение по-прежнему было сезонным, преимущественно варварским по составу населения.

Заметные перемены в общем облике поселения и его функциональном назначении фиксируются приблизительно с середины III в. до н.э. Большой научный интерес представляют остатки производственного комплекса второй половины III – первой половины II вв. до н. э., связанного с обработкой железной руды и получением железа. На других античных памятниках Северного Причерноморья за всю историю их раскопок ничего подобного открыто не было. С этим производственным комплексом связана серия культовых сооружений, при исследовании которых было найдено немало любопытных терракотовых статуэток.

Таманский отряд (начальник – С. В. Кашаев) продолжил спасательные работы на юге Таманского полуострова на двух сельских памятниках античного времени Артющенко-2 и Вышестеблиевская–11. На Артющен-

ко-2, расположенном совсем недалеко от Артюшенко-1, работы были сосредоточены на грунтовом некрополе, где вскрытая площадь составила около 450 кв. м, обнаружены 25 погребений разного времени. Самые ранние содержат инвентарь начала V в. до н. э., наиболее поздние датируются примерно I–II вв. н. э. Чрезвычайно интересна ранняя группа, относящаяся, в целом, к первой половине V в. до н. э., в составе которой представлены погребения с оружием (копья, мечи, кинжалы, стрелы). Эта деталь погребального обряда интересна сама по себе, но имеются основания предполагать, что некоторые из погребенных здесь лиц были убиты стрелами скифского типа. Эти наблюдения, безусловно, очень важны для понимания военно-политической ситуации, сложившейся на Боспоре в первой половине V в. до н. э., то есть во время правления Археанактидов.

Крупное городище Вышестеблиевская-11 расположено в глубине Таманского полуострова, и его следует связывать с местным варварским земледельческим населением. Научная значимость археологического изучения этого памятника заключается, в частности, в возможности проследить взаимодействие античной культуры с культурой туземных племен. Работы здесь проводились на раскопах 1 и 3, где исследовались строительные комплексы и хозяйственные ямы, относящиеся к различным периодам жизни поселения от V в. до н. э. до IX в. н. э. В результате раскопок были получены совершенно новые данные о структуре поселения. На участке 1 на протяжении 25 м был исследован участок улицы, трасса которой прослеживается по слою плотной глины с большим количеством фрагментов керамики второй половиной V в. до н. э. Установлено, что улица шла от центральной части поселения в сторону берегового обрыва, с каждой ее стороны располагалось по семь заглубленных в землю построек. На раскопе 3 обнаружены строительные и хозяйственные комплексы IV–II вв. до н. э.

При исследовании серии крупных ям был обнаружен многочисленный керамический комплекс. Это открытие имеет важное научное значение, поскольку ямы были засыпаны в пределах узкого хронологического периода (третья – начало последней четверти V в. до н. э.).

Порфмийский отряд (начальник – М. Ю. Вахтина) в 2002 г. возобновил исследования городища Порфмий, расположенного под Керчью в районе современной переправы через Керченский пролив. Это городище являлось объектом раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН (ЛОИА АН СССР) с 70-х гг. прошлого века, и, в принципе, лишь оно одно досталось нам в наследство от былых времен. В работе Порфмийского отряда, однако, возникло ряд новых, несвойственных для него ранее аспектов. Прежде всего, главной задачей исследований стали охранно-спасательные работы, которые усложняются систематическими грабительскими раскопками.

В восточной части городища (раскоп Г) были продолжены исследования культурного слоя по трассе архаических оборонительных сооружений, где на площади более 200 кв. м разобран слой разрушения зданий эллинистического времени и выявлены остатки застройки периода архаики. По-прежнему важным объектом исследований на городище является оборонительная стена второй половины VI в. до н. э. и связанные с ней следы крупных пожаров. Необходимо подчеркнуть, что оборонительная стена Порфмий является одной из наиболее ранних и сравнительно хорошо сохранившихся из всех открытых к настоящему времени на античных памятниках Северного Причерноморья.

Важным достижением работы отряда стало открытие грунтового некрополя Порфмий и начало его изучения. Некрополь располагается на равнине, простирающейся к западу от городища. Здесь обнаружены остатки двух каменных склепов, стены которых были сложены из крупных блоков известняка, а полы вымощены известняковыми плитами. Погребения в склепах оказались сильно ограбленными, но, очевидно, они относятся к II–I в. до н. э. Среди находок можно отметить антропоморфное изваяние из известняка.

Признавая важность археологических изысканий Боспорской экспедиции ИИМК РАН на Керченском полуострове, хочется еще раз подчеркнуть значение ее работ на Тамани. За первые пять лет XXI века отряды экспедиции открыли немало важных материалов, характеризующих особенности культурно-исторического развития этих территорий Боспора. Хочется надеяться, что позитивное начало, которое удалось достичь за это время, будет сохранено и в последующие годы.

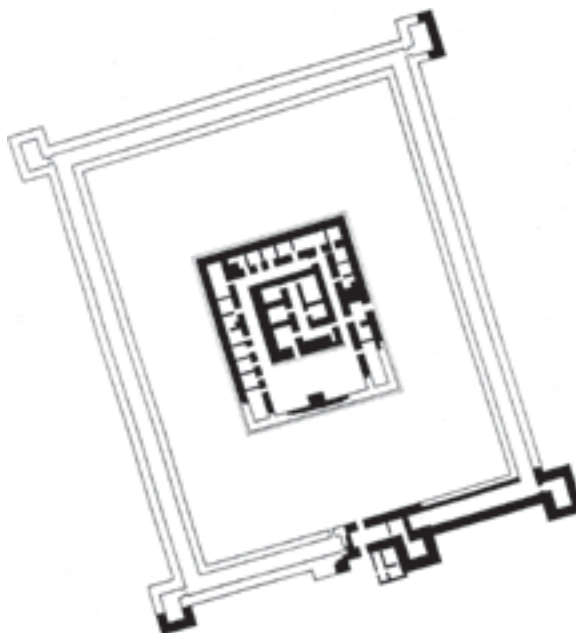
В.А. Гаилов

Институт археологии РАН, Москва

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПАРФЯНСКОЙ МАРГИАНЫ: БУЛЛЫ ИЗ РАСКОПОК ГЕБЕКЛЫ-ДЕПЕ

Мервский оазис (Маргиана античных авторов), расположенный вдоль течения реки Мургаб на юге Туркмении, являлся одной из важнейших историко-культурных областей Парфянского царства – главного соперника Рима на Востоке на протяжении нескольких столетий. Однако степень изученности материальной и духовной культуры этого региона до сих пор не соответствует той важной роли, которую он играл в различные исторические эпохи. Помимо скудных сведений греко-римских авторов (Диодор Сицилийский, Плутарх, Страбон, Исидор Харакский, Аппиан, Арриан и др.) основную информацию о Маргиане дают археологические (архитектура, керамика, терракота, надписи) и нумизматические материалы, полученные в ходе раскопок и разведок различных памятников оазиса. С недавнего времени к числу таких информативных источников стало возможным причислить и данные сфрагистики – оттиски печатей, нанесенные на глиняные «буллы», предназначенные для опечатывания различного рода тары. Коллекция таких булл парфянского времени (свыше 3000 экземпляров) была обнаружена в ходе многолетних раскопок на пограничной крепости Гебеклы-депе в северо-западной части оазиса [Кошеленко, Гаилов, 2006] (рис. 1). Следует указать, что термин «буллы» здесь используется соответственно его расширительному толкованию, предложенному для данной категории находок Р. Гёблем [Göbl, 1976].

Буллы Гебеклы-депе являются источником сведений по экономической истории данного региона Парфянского царства, его официальной идеологии, культуре и религиозных представлениях.

Рис. 1. Гебеклы-депе. Общий план городища в парфянское время.

Буллы, имеющие различные размеры и формы, были предназначены, в подавляющем большинстве, для того, чтобы воспрепятствовать несанкционированному доступу к запечатанной таре, т.е. являлись «пломбами», гарантирующими сохранность груза. В гебеклинской коллекции имеются буллы, служившие пробками для крупных кувшинов и миниатюрных сосудов, буллы со следами веревок и шнуров, которыми перевязывались тюки или горловины больших сосудов – хумов, а также буллы, которыми запечатывали деревянные коробки или ящики, о чем также свидетельствуют следы ткани и дерева, сохранившиеся на обратной стороне булл. Различное количество оттисков на буллах (от одного до семи) нанесено, как правило, одной, двумя, либо – максимум – тремя различными печатями, принадлежавшими, очевидно, государственным чиновникам, ответственным за транспортировку опечатанных грузов. При этом нередки случаи, когда все поле буллы заполнено несколькими оттисками одной печати. Вероятно, это делалось для того, чтобы не оставить места для «незаконной» печати. Плохое, как правило, качество глины, из которой формировались буллы (лишь очень небольшое число булл изготовлено из специально отмученной глиняной массы) свидетельствует, видимо, о том, что товары, находившиеся в запечатанной подобным образом таре, перевозились на небольшие расстояния, поскольку длительной транспортировки такие пломбы не выдержали бы. Все это, очевидно, является отражением какой-то системы централизованного распределения товаров и продуктов, идущих из центра оазиса в пограничный пункт [Koshelenko, 1997]. Естественным является предположение о том, что грузы поступали сюда из столицы оазиса – Антиохии Маргианской (городище Гяур-кала), здесь они вскрывались, при этом буллы разламывались и выбрасывались. Именно этим и объясняется большое количество булл, встреченных при раскопках, а также их, как правило, фрагментарный характер. При этом продукты, предназначенные для гарнизона крепости, размещались в складских помещениях комплекса, а товары, предназначенные для дальнейшей транспортировки за пределы Маргианы, переупаковывались или перегружались в другую тару. В таком случае гарнизон Гебеклы-депе (как и другие крепости на границах оазиса) мог выполнять и таможенные функции.

В одном случае на Гебеклы-депе удалось зафиксировать оттиски печатей не на контейнерах, а *in situ*, на углу дверного прохода, ведущего в одно из периферийных помещений центрального комплекса. Следует отметить, что именно в этом помещении была обнаружена уникальная для всего центральноазиатского региона находка: бронзовая курильница-фимиатерий [Гаиров, Кошеленко, 1999]. Возможно, опечатывались не все помещения, а лишь имеющие особое назначение.

Предварительный иконографический анализ позволил выделить несколько десятков сюжетов и их вариантов, использовавшихся при изготовлении печатей для «клеймения» булл (рис. 2).

Особняком стоит группа оттисков с геометрическими рисунками, поразительно напоминающими изображения на каменных и металлических печатях, встречающихся в большом количестве на памятниках оазиса эпохи бронзы [Gaibov, 1997]. К этой же группе можно отнести и буллы с изображением сцен терзания животных – сюжет, весьма популярный на огромном евразийском пространстве, а также некоторые антропоморфные изображения, например изображение мужчины, сжимающего в обеих руках змей.

Основная масса булл содержит фигуративные изображения, среди них доминируют различные животные: лев, олень, козел (антилопа), бык-зебу, заяц, конь (часто – стоящий перед алтарем), орел (как правило, в «геральдической» позе, нередко – с развевающимися лентами в клюве), фантастические животные (грифоны, гиппокампы и др.).

Большую группу составляют буллы с явно религиозными сюжетами, например богиня, сидящая на троне, с пальмовой (?) ветвью в руке, или мужчина и женщина (царь и богиня?) перед алтарем огня. Относительно первого из названных сюжетов можно сказать, что он имеет более (в нумизматике) [Кошеленко, Гаиров, 2006] или менее (в коропластике) [Кошеленко, Гаиров, Бадер, 1995] близкие аналогии в парфянском искусстве. Второй сюжет, очевидно, представляет собой сцену инвеституры царя женским божеством, также весьма популярную в различных районах иранского мира начиная с ахеменидского периода, особенно в наскальных рельефах, в живописи и глиптике.

Особое место в сфрагистике парфянской Маргианы занимают буллы со сценами прославления царской власти, ярким образцом которых являются изображения царя-всадника, зачастую – перед алтарем огня, с инсигниями власти в руке, за спиной которого парит Ника, либо (как вариант) – орел с лентами в клюве [Bader, Gaibov, Koshelenko, 1998; Кошеленко, Гаиров, 2006]. Все составные элементы этой сцены по отдельности представлены в парфянском официальном искусстве, но, кажется, не известно (помимо гебеклинских булл) ни одного примера, когда они соединены вместе.

К особенностям коллекции булл Гебеклы-депе следует отнести факт крайне редкого присутствия оттисков с надписями. После предварительного анализа выявлено лишь несколько экземпляров, содержащих надписи (пока не прочитанных): речь идет о булле с изображением верблюда-бактриана с плохо различимой надписью

Рис. 2. Некоторые сюжеты, представленные на буллах Гебеклы-депе.

над горбами и тамгообразным знаком перед ним; другим примером является группа из четырех булл, оттиснутых одной печатью, с изображением сцены инвеституры и надписями (именами?) за спинами персонажей. Другой особенностью коллекции является практически полное отсутствие находок самих печатей, которыми оттискивались буллы, что, впрочем, вполне объяснимо, если исходить из археологического контекста находок. Единственным исключением является находка глиняной печати «гантелеобразной» формы, обнаруженная при раскопках крепостных ворот. Возможно, эта печать использовалась при опечатывании ворот.

Исследование коллекции булл Гебеклы-депе еще далеко от завершения и может дать значительную информацию о различных сторонах жизни этого региона Парфянской державы.

Список литературы

- Göbl R.** Die Tonbullen vom Takht-i Suleiman. Ein Beitrag zur spätsasanidischen Sphragistik. - Berlin, 1976.
- Gaibov V.** Bullae from Gobekly-depe (Margiana). Bronze Age traditions in Parthian sphragistics // Archives et sceaux du monde hellénistique. Ed. M.-F. Bussac et A. Invernizzi (BCH. Supplement 29). – Paris, 1997. – P. 385-394.
- Koshelenko G.** Bullae from Göbekly-depe. General Problems and Main Subjects // Archives et sceaux du monde hellénistique. Ed. M.-F. Boussac et A. Invernizzi (BCH. Suppl. 29). - Paris, 1997. – P. 409-412.
- Bader A., Gaibov V., Koshelenko G.** Monarchic Ideas in Parthian Margiana as shown of Seals // The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires. - L.,N.-Y., 1998. – P. 24-37.
- Кошеленко Г.А., Гаилов В.А., Бадер А.Н.** Две богини? // ВДИ. - 1995. - № 2. –С. 194-203.
- Кошеленко Г.А., Гаилов В.А.** Новое о парфянской культуре: раскопки в Мервском оазисе // Вестник истории, литературы, искусства. Т. II. - М.: Собрание, 2006. – С. 7-21.

П.К. Дашковский, А.А. Тишкин
Алтайский государственный университет, Барнаул

ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ – ПАМЯТНИК ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ*

Северо-Западный Алтай является одним из наименее изученных в археологическом отношении регионов. Несмотря на то, что в этой части известны объекты разных исторических периодов, целенаправленное раскопки проводились только на отдельных памятниках. Между тем, указанная территория является своеобразной контактной зоной, в пределах которой в раннем железном веке и в эпоху средневековья шел интенсивный процесс взаимодействия кочевников Казахстана и племен, проживающих в степной и горной части Алтая. Результаты такого взаимодействия нашли отражение в памятниках скифского времени, где отмечен синкретичный погребальный обряд, включавший в себя элементы различных этнических групп [Шульга, 2003]. В этой связи исследование каждого нового объекта представляет несомненный интерес для изучения культуругенеза кочевников Южной и Западной Сибири.

Чинетинский археологический микрорайон зафиксирован в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края. В течение нескольких полевых сезонов экспедиция АлтГУ под руководством авторов статьи проводила комплексное изучение объектов пазырыкской, сrostкинской и кыргызской культур Алтая [Тишкин, Дашковский, 2002, 2003в; Дашковский, 2004; Дашковский, Тишкин, 2005; Горбунов, Дашковский, Тишкин, 2005; и др.]. Настоящая публикация касается некоторых итогов раскопок захоронений могильника пазырыкского периода.

Некрополь Ханкаринский дол расположен на второй надпойменной террасе левого берега Ини (левый приток Чарыша) в 1,2 км к ЮЮВ от с. Чинета. В его пределах курганы сгруппированы в две «цепочки» по линии Ю–С с незначительными отклонениями. Всего в настоящее время на памятнике зафиксировано 13 объектов. В тоже время не исключено, что число курганов в каждой группе больше, но из-за мощного гумусного слоя их можно обнаружить только в процессе исследования сплошным раскопом значительной площади. Именно такая методика и применялась при изучении погребальных сооружений кочевников пазырыкской культуры. В результате в западной «цепочке» было раскопано три объекта, а в восточной – четыре.

По периметру пяти курганов (№3–6, 8) выявлены каменные кольцевые выкладки из более крупных камней. Диаметр сооружений составлял от 6,5 до 11,5 м, высота от 0,1 до 1 м. При этом насыпи западной «цепочки» (№1–3) в среднем имели на 2,5 м меньший диаметр, но большую высоту по сравнению с остальными объектами (№4–6, 8) восточной группы. Детали внутримогильных конструкции атрибутировать достаточно сложно, поскольку дерево сохраняется очень плохо. В одном случае на дне могилы зафиксирована колода (№3), в другом – заплечики, на которых располагались остатки деревянного перекрытия (№1). В двух курганах (№4, 6) обнаружены фрагменты рамы с перекрытием. В кургане №8 по дну могилы ямы прослежен древесный тлен. В остальных объектах (№2, 5) дополнительных конструктивных особенностей не отмечено.

Погребенные люди в курганах №1 и 3 были уложены в могилу в традиционном положении (скорченно на правом боку) и ориентированы головой на восток. Особый интерес представляют курганы №4–, 8, в которых были обнаружены вторичные захоронения [Дашковский, Тишкин, Тур, 2005]. Судя по ориентации могильных ям и костных останков, зафиксированных в анатомическом порядке, умершие, как и в предыдущих объектах, были ориентированы головой на В (№6), на ЮВ (№4, 8) или на В с отклонениями к южной стороне горизонта (№5). По антропологическим определениям, выполненных С.С. Тур, только в кургане №3 был похоронен муж-

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ (проект №МК-1973.2005.6)

чина, а во всех остальных случаях – женщины и дети. Важной чертой погребального обряда рассматриваемого комплекса являются сопроводительные захоронения лошадей, обнаруженные в восточной группе курганов (№4–6, 8). В западной микрогруппе объектов (№1–3) такой признак не зафиксирован.

Предварительные результаты исследования курганов могильника Ханкаринский дол позволяют обратить внимание на культурно-хронологическую атрибуцию памятников Северо-Западного Алтая скифской эпохи. Погребальный инвентарь из рассмотренных погребений характеризуется достаточно традиционным набором вещей, типичных для памятников пазырыкской культуры Алтая 2-й половины V–III вв. до н.э.: бронзовые миниатюрные зеркала, ножи, кинжал, чекан, костяной наконечник стрелы, керамические сосуды, железные ножи, удила, заколки с шаровидными навершиями, покрытыми золотой фольгой. Особый интерес представляет обнаружение большого количества фрагментов золотой фольги в восточной группе курганов. Вероятно, такие фрагменты и аппликации были нашиты на верхнюю одежду и головные уборы погребенных.

Памятники пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая, как и ряд объектов с территории так называемой Средней Катунь, П.И. Шульга [2003, с. 115–116] предложил отнести к третьему типу погребений, который получил название «сентелекский». К нему автор причислил 38 объектов, из которых 14 находились в рассматриваемом регионе, 21 – на Средней Катунь и 3 – в Центральном Алтае. Кроме этого, исследователь разделил сентелекский тип погребений на две группы (по Чарышу и Катунь) и указал на возможность в перспективе выделить на основе памятников указанной группы локальный вариант пазырыкской культуры.

Материалы, полученные при исследовании могильника Ханкаринский дол, позволяют рассматривать проблему характеристики особенностей погребального обряда пазырыкской культуры в разных районах ее распространения. Среди важных признаков сентелекского типа погребений П.И. Шульга [2003, с. 115] отметил почти полное отсутствие сопроводительных захоронений лошадей. Между тем, на исследованном могильнике Ханкаринский дол из семи раскопанных курганов в четырех отмечен такой показатель. Если эти погребения добавить к ранее учтенным П.И. Шульгой 14 курганов, то из 21 (100%) объекта в 5 (23,8%) достоверно отмечен факт сопроводительных захоронений лошадей. Таким образом, указанный признак имеет большую степень распространения в этом районе, чем на Средней Катунь, но несколько ниже, чем в Юго-Восточном и Центральном Алтае [Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 146–147].

Другой признак, выделяемый П.И. Шульгой [2003, с. 115] – преобладание парных и коллективных погребений, также нуждается в уточнении. Среди исследованных семи курганов на могильнике Ханкаринский дол, только в одном случае (№5) зафиксировано парное погребение. Не является исключительным для «сентелекской группы памятников» и ряд других признаков, отмеченных П.И. Шульгой [2003, с. 115–116]: наличие кольцевых выкладок по периметру кургана, юго-восточная и восточная ориентация умерших, отсутствие балбалов, разнообразие внутримогильных конструкций, наличие углей в заполнении могил, кольцевые насыпи с не заложённой камнями серединой. Указанные признаки погребального обряда хотя и в разной степени, но хорошо известны по памятникам пазырыкской культуры в других районах Алтая [Кубарев, 1987, 1991; Тишкин, Дашковский, 2003а; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; и др.], что, безусловно, признает и сам исследователь [Шульга, 2003, с. 116].

Нужно отметить, что вопрос о культурно-хронологическом разграничении памятников пазырыкской культуры – один из наиболее сложных и дискуссионных, поэтому требует отдельного рассмотрения. Достаточно указать на выделение тыткескенского локального варианта [Тишкин, Дашковский, 2003б; Степанова, 2004]. В этой связи следует особо обращать внимание на методологический аспект таких изысканий. Авторы уже указывали на то, что при культурно-хронологических построениях исследователи часто одну и ту же источниковую базу (например, памятники кара-кобинского типа) пытаются интерпретировать как отдельную археологическую культуру или самостоятельную группу памятников или локальный вариант, и как тип погребений [Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 163]. В этой связи, представляется не совсем оправданным дублированное использование одних и тех же признаков для обоснования типа погребений, распространенного в разных районах Алтая и указания на возможности в перспективе выделения локального варианта культуры по точно таким же показателям [Шульга, 2003, с. 116].

В тоже время, памятники пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая безусловно обладают определенным своеобразием (отсутствие устойчивых внутримогильных конструкций в виде сруба, преобладание рам, наличие заплечиков, довольно высокий процент вторичных захоронений, обильное использование золотой фольги при изготовлении одежды и головных уборов и др.). Исходя из этого, для обоснования выделения на данной территории локального варианта пазырыкской культуры [Шульга, 2003, с. 116] требуется накопление более широкой и репрезентативной источниковой базы, а также учета следующих теоретических положений: 1. Локальный вариант является составной частью археологической культуры. 2. Он занимает определенную территорию и существует в конкретный хронологический отрезок. 3. Локальный вариант обладает набором

специфичных, свойственных только ему, социокультурных характеристик, представленных в различных археологических источниках. 4. Формирование локальных вариантов обусловлено динамикой существования культуры, как за счет органичного внутреннего саморазвития, так и при взаимодействии в контактных зонах с другими аналогичными по сути явлениями. 5. Локальный вариант при определенных условиях может трансформироваться в самостоятельную культуру [Тишкин, Дашковский, 2003б].

Таким образом, приведенные результаты исследования могильника Ханкаринский дол пазырыкской культуры позволяют уверенно обозначить северо-западную границу ее распространения. Рассмотренные основные признаки погребального обряда и сопроводительный инвентарь, несмотря на некоторое своеобразие, в настоящее время не дают достаточных оснований для выделения каких-либо типов погребений и локального варианта, поскольку в целом они соответствуют показателям, характерным для пазырыкской культуры. В то же время, дальнейшее изучение объектов скифского времени в Северо-Западном Алтае позволит продвинуться в решении вопросов культурно-хронологического и территориального разграничения памятников кочевников.

Список литературы

Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А. Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая (по материалам памятника Чинета-II) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 145–147.

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск: ОмГУ, ОФ ОИИФиФ СО РАН, 2004. – С. 34–37.

Дашковский П.К., Тишкин А.А. Памятник пазырыкской культуры Ханкаринский дол в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI. – С.294–296.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С.62-68.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 234 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 270 с.

Степанова Н.Ф. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры скифской эпохи Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С.267-274.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С.468-471.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. – 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье – СПб: Изд-во ГЭ, 2003б. – Кн. II. С.166-169.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003в. – С.494-498.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.

Г.И. Зайцева*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург***А.Ю. Алексеев***Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург***К.В. Чугунов***Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

СООТНОШЕНИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ШКАЛ ЕВРОПЕЙСКИХ И АЗИАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ*

1. Хронология скифской культуры Северного Причерноморья вплоть до настоящего времени является опорной для большинства культур Евразии эпохи ранних кочевников, сама находя опору преимущественно в хронологических системах, построенных для соседних регионов, – ближневосточной (парадные и престижные ювелирные предметы VIII—VII вв. до н.э.) и греческой (прежде всего, это — столовая керамическая посуда и амфоры VII¼III вв. до н.э.). Датировки предскифских памятников также во многом базируются на европейской и переднеазиатской хронологии, которая, в свою очередь, периодически подвергается коррекции. И все изменения в этих областях иногда своевременно, чаще же с запозданием, но неизбежно отражаются и на северопричерноморской археологии. Таким образом, именно хронология иных культур стала базовой для исследователей Скифии, своей же собственной, независимой от внешних археологических схем, хронологической системы скифология так и не выработала.

Даты, первоначально установленные для западного, причерноморского, региона, по мере увеличения корпуса раннекочевнических древностей Евразии, переносились на типологически близкие памятники восточных областей. Так были заложены основы хронологии «савроматской» культуры (Нижнее Поволжье и Южное Приуралье), сакской (Средняя Азия и Казахстан), тагарской (Южная Сибирь), «пазырыкской» (Алтай).

При этом исследователи были вынуждены выстраивать достаточно длинные цепочки типологических связей, подводящие к той или иной дате. В целом подобный подход неизбежно приводил к очень громоздким построениям, чреватым в том числе и искажениями (некоторые из которых могли носить и логический характер), фокусирующим даты, установленные по аналогиям, в точку к той первоначальной дате, которая определена на основании действительно надежных данных. Итоговые даты (в том числе и протяженные, интервальные) таким образом приобретали тенденцию к «сжатию».

Помимо этого, в связи с изменениями взглядов на датировку европейских древностей, произошел заметный отрыв двух систем – «восточной» и «западной» - друг от друга. Каждая из них стала существовать и изменяться независимо. В результате этого процесса начали накапливаться несовпадения, проследить источники которых чрезвычайно трудно, а система хронологических привязок превратилась просто в ряд взаимных отсылок.

Лишь в последние годы тенденция к удревнению культур и, соответственно, к хронологическим коррективам, аналогичная проявившейся в европейской скифологии, наметилась и для азиатских памятников скифской эпохи, коснувшись прежде всего культур Южной Сибири, Алтая и Тувы.

Все это является следствием динамичного характера исследований в археологии, приводящего к неравномерной изученности древностей Евразии. Для части из них наблюдается эффект запаздывания, что делает невозможным в настоящее время полноценный сравнительный анализ.

В связи с этим настоятельно требуют проверки некоторые археологические хронологические соответствия, установленные для азиатских и европейских памятников предскифской и раннескифской эпохи.

* Исследование проводится при поддержке ИНТАС, проект № 03-51-445 и программы «Адаптация» Президиума РАН.

2. В настоящее время типологическое сходство памятников (как по особенностям погребальных конструкций, так и по близости отдельных категорий изделий) позволило некоторым исследователям предложить масштабную картину последовательных линий синхронизации «скифских» древностей на всей территории Евразии [Марсадолов 2004]. Первый опыт был предложен М.П. Грязновым еще в работах 1970 - 1980-х годов, где на основе выделения синхронных и близких в типологическом отношении эпонимных «западных» и «восточных» памятников им были описаны три фазы [Марсадолов 1996]: 1) аржанско-черногородовская VIII - VII вв. до н.э., 2) майэмирско-келермесская VII - VI вв. до н.э. и 3) пазырыкско-чертомлыцкая V - III вв. до н.э. В настоящее время Л.С. Марсадолов выделяет аржано-черногородовский пласт (вторая половина IX – первая половина VIII вв. до н.э.), карбано-жаботинский (вторая половина VIII – первая четверть VII в. до н.э.), чиликтинско-келермесский (VII в. до н.э.), башадарско-черниговский (VI в. до н.э.), позднеуэктинско-блюменфельдский (последняя четверть VI – первая половина V в. до н.э.), пазырыкско-семибратний (вторая половина V в. до н.э.). Подобный подход на первый взгляд позволяет не только оперировать тонкими культурно-хронологическими срезами, но и наглядно демонстрирует характер связей между удаленными друг от друга областями скифского мира. В некоторых случаях можно, вероятно, даже прогнозировать открытие соответствующих памятников. Правда, при анализе схемы Л.С. Марсадолова можно обратить внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, в ней отсутствуют соответствия для евразийских памятников IV в. до н.э., а во-вторых, правомерность выделения пазырыкско-семибратнего пласта (или, по крайней мере, помещение его в узкий интервал второй половины V в. до н.э.) в результате последних уточнений радиоуглеродной хронологии алтайских курганов (имеется в виду вероятность их «омоложения» на 100-150 лет; см. [Алексеев, Боковенко, Васильев, Дергачев, Зайцева, Ковалюх, Кук, Плихт, Поснерт, Семенцов, Скотт, Чугунов 2005]) наталкивается на определенные трудности и в полной мере не подтверждается. Последнее обстоятельство, видимо, означает, что сходство по ряду формальных признаков вовсе не обязательно указывает и на одновременность памятников. Равным образом и отсутствие сходства не может свидетельствовать о разновременности.

Проверить этот вывод позволяет применение независимых от археологической традиции методов датирования, прежде всего – радиохронометрии. Этот метод впервые был применен для датировки памятников азиатской Скифии, но в настоящее время уже накоплен банк данных и для древностей причерноморской Скифии, позволяющих корректировать и европейскую систему дат. Разумеется, в целом для северопричерноморских памятников VII - IV вв. до н.э. до сих пор предпочтительными остаются весьма точные способы датирования, основанные и на типологическом методе, и на датировках по разнообразным античным изделиям - столовой и парадной керамике, амфорной таре, монетам и т.п. Тем не менее, в любом случае речь может идти если и не о существенном уточнении абсолютных дат конкретных памятников, то о проверке выявившихся тенденций изменения хронологии.

Но самый важный аспект подобных исследований заключается, пожалуй, в том, что ранее проведенные параллели и установленные хронологические «стадиальные» соответствия между ключевыми азиатскими и европейскими памятниками (например, между тувинским курганом Аржан, с одной стороны, и причерноморскими черногородовскими и раннескифскими древностями, с другой [Грязнов 1980]), могут быть надежно проверены.

3. В результате радиоуглеродного датирования серии «европейских» и «азиатских» памятников было установлено, например, следующее: погребение 5 кургана Высокая Могила (Северное Причерноморье), принадлежащее предскифской черногородовской культуре, относится к 1000 – 800 гг. до н.э., а курган Аржан (Тува), отмеченный помимо черногородовских элементов уже присутствием признаков раннескифской культуры – приблизительно к 800 г. до н.э.; курган Аржан-2 (Тува) датируется серединой – второй половиной VII в. до н.э., и этим же временем – курганы Келермесского могильника (Северный Кавказ) [Алексеев, Боковенко, Васильев, Дергачев, Зайцева, Ковалюх, Кук, Плихт, Поснерт, Семенцов, Скотт, Чугунов 2005]. В последнем случае следует обратить внимание на то, что при практически абсолютной синхронности этих памятников не только их погребальный обряд, но и вещевой комплекс (за исключением, пожалуй, лишь художественного стиля) имеет чрезвычайно мало близких черт. Это обстоятельство косвенно свидетельствует о том, что формирование локальных вариантов скифской культуры Евразии началось около 800 г. до н.э. и продолжалось на протяжении VIII в. до н.э. Не случайно радиоуглеродное датирование продемонстрировало хронологическую близость нескольких эталонных памятников, относящихся при этом к различным и удаленным друг от друга культурно-историческим зонам: Большой Гумаровский курган (Южное Приуралье), курган 15 могильника Стеблей (Приднепровье), курган Уашхиту и курган 31 Келермеса (Северный Кавказ). Для всех четырех комплексов оказалась наиболее вероятной датировка VIII–VII вв. до н.э. Это заключение вполне согласуется с установленным фактом сосуществования и других па-

мятников, периодов или археологических культур, которые обычно рассматриваются как последовательно размещенные во времени (алдыбельская и уюкско-саглынская культура в Центральной Азии, подгорновская и сарагашенская фаза тагарской культуры в Южной Сибири, черногоровские и новочеркасские древности Восточной Европы). Установленные синхронизмы свидетельствуют о более сложных этнических и социальных процессах, чем прямолинейное, эволюционное развитие культуры на одной территории.

Список литературы

Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., ван дер Плихт Х., Посснерт Г., Семенов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. - СПб.: Изд-во Теза, 2005. – 290 с.

Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннескифского времени. - Л.: Наука, 1980. - 60 с.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). - СПб., 1996. - 100 с.

Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 межд. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». - Краснодар, 2004. - С. 69 - 85.

Г.А. Кошеленко, В.А. Гаилов, Г.В. Требелева

Институт археологии РАН, Москва

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА МАРГИАНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В истории древней и средневековой Средней Азии важное место принадлежит Маргиане (области Мерва), расположенной в центре пустыни Каракум в районе дельты реки Мургаб. Эта область была освоена человеком в конце III тыс. до н.э. На протяжении первой половины II тыс. до н.э. здесь существовала самобытная цивилизация, которую несколько условно называют Бактрийско-Маргианским археологическим комплексом. На смену ей пришла гораздо более примитивная культура раннего железного века, которая охватывает время от конца II тыс. до н.э. вплоть до времени завоеваний Александра Македонского. После этого Маргиана входила в состав государства Селевкидов, затем – в середине II в. до н.э. – она была завоевана парфянами. В 20-х годах III в. н.э. Маргиана была включена в государство Сасанидов.

Хотя археологическое изучение памятников оазиса имеет уже достаточно длительную историю, проблема создания археологической карты оазиса никогда не ставилась. Осуществлялись только небольшие по масштабам маршрутные поездки, ориентированные на изучение направлений главных караванных путей [Массон М. Е. 1966]. Работы по созданию такой карты оазиса были начаты только в 80-ые годы XX века. Они первоначально осуществлялись экспедицией Института археологии АН СССР и Московского и Туркменского государственных университетов. Затем в эту работу включились археологи из Итальянского института Ближнего Востока под руководством проф. М. Този. Первый этап работы был закончен к 1998 г., когда был опубликован первый том «Отчета» [The Archaeological Map... 1998]. В нем было представлено около 1000 памятников всех периодов: от ранней бронзы до развитого средневековья. В списке памятников указывалось его точное местоположение (установленное с помощью системы GPS), размеры, форма, датировка. Кроме того, с целью верификации определений на ряде памятников проводились раскопки. Одновременно была проведена серия исследований геологического, палеогеографического и палинологического характера.

Дальнейшая работа по данному проекту состояла: 1) в расширении зоны исследований: был проведен учет всех археологических памятников вдоль среднего течения реки Мургаб; 2) уточнении всех недостаточно выясненных особенностей памятников, включенных в список; 3) начато создание исчерпывающей базы данных по каждому из памятников. Хотя намеченная программа рассчитана на ряд лет, имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют уже сейчас попытаться сделать некоторые выводы по истории Маргианы на основе материалов, предоставляемых археологической картой.

Не касаясь в целом проблем истории оазиса в эпоху бронзы, отметим только самое важное. Ранее всего были освоены самые северные районы оазиса, в дальнейшем же наблюдалось постепенное «скольжение» освоенной человеком зоны на юг [Бадер, Гаилов, Губаев, Кошеленко. 1995. С. 9-10].

Эпоха раннего железа (культуры Яз-I-III) с точки зрения политической истории распадается на два периода: первоначально развитие оазиса происходит совершенно «автономно», без серьезного вмешательства каких-либо внешних сил, но около середины VI в. до н.э. Мервский оазис вошел в состав Ахеменидской державы [Дандамаев 1985. С. 29-30].

Проведенные исследования показали, что в это время существует очень значительное число населенных пунктов – 246. Территориальное распределение поселений (рис. 1,1) подчиняется очень строгой закономерности: основная масса их вытянута в длинные цепочки. Можно полагать, что это является результатом того, что они располагались вдоль древних протоков дельты реки.

Считается, что в то время, когда оазис был подчинен Ахеменидам, здесь была построена первая плотина, расположенная далеко на юге [Ляпин. 1986. С. 15-16]. Система расположения памятников подтверждает

этот вывод – именно здесь, достаточно далеко от основной части населенных пунктов, зафиксировано три памятника. Можно полагать, что эти памятники – остатки укреплений, контролирующих и защищающих плотину.

Поражает карта археологических памятников следующего периода – эллинистического (рис. 1,2). В это время происходит резкий упадок. На территории оазиса зафиксировано всего 5 памятников. Эта картина резко отличается от того, что мы видим в ряде других областей Центральной Азии, для которых эллинисти-

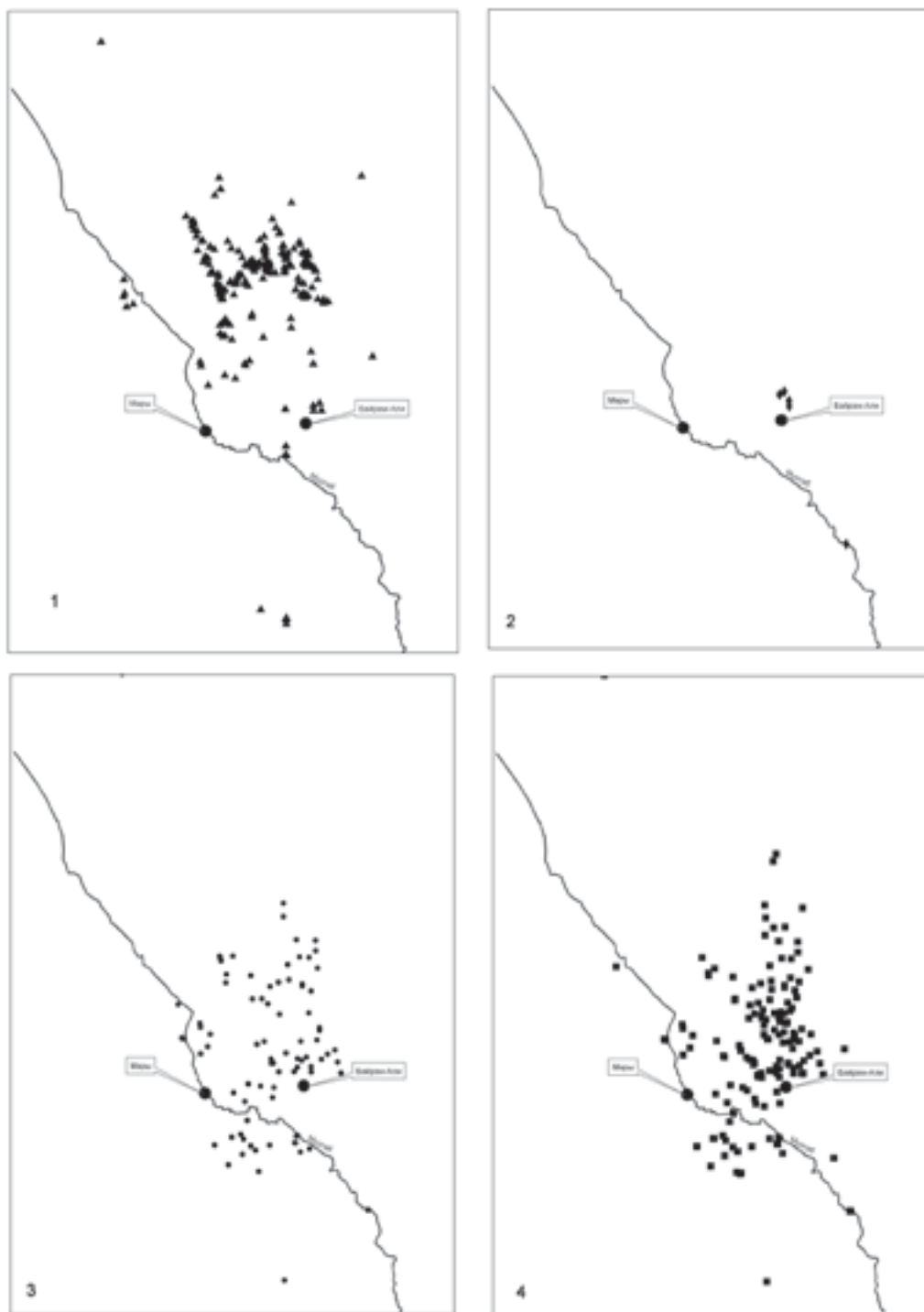

Рис. 1. – схема расположения памятников в Мервском оазисе: 1 – раннежелезный век; 2 – период эллинизма; 3 – парфянский период; 4 – сасанидский период.

ческий период знаменует время значительного экономического подъема, находившего свое выражение в создании новых больших ирригационных систем и строительстве значительного числа новых населенных пунктов. Видимо, объяснение лежит в информации Плиния Старшего, который сообщил, что Александрия в Маргиане была разрушена варварами, затем восстановлена Антиохом, сыном Селевка I (Plin. Nat. Hist. VI, 46-47). Эту информацию подтверждает и Исидор Харакский, который в своих «Парфянских стоянках», отражающих ситуацию I в. до н.э., указывает на отсутствие деревень в Маргиане (Isid. Char. Mans. Parth. 14). Археологические исследования показывают, что основным центром оазиса в это время являлись городища Гяуркала (собственно город) и Эркала (городская цитадель). Остальные поселения располагались в непосредственной близости от них.

Решительные изменения происходят в парфянское время – начиная с I в. н.э. Самое основное состоит в том, что резко увеличивается число населенных пунктов – теперь их уже 88 (рис. 1,3). Практически все они были созданы на территориях к северу от центра оазиса [Bader, Gaibov, Koshelenko. 1993/1994]. Вторая по значимости группа памятников создается на территориях к юго-западу от столицы оазиса. Это заставляет думать о воссоздании плотины на Мургабе и строительстве нового большого оросительного канала, направленного на северо-запад от плотины.

Основная масса вновь основанных населенных пунктов создана по единой принципиальной схеме: все они имеют достаточно четкие геометрические очертания (квадрат, прямоугольник) и снабжены укреплениями. Не подлежит сомнению, что создание новой ирригационной системы, ориентированной на юго-запад, и возрождение старой, строительство нескольких десятков новых населенных пунктов, их заселение – вся эта грандиозная в масштабах оазиса программа не могла быть осуществлена только за счет ресурсов оазиса. Для этого, по всей видимости, были привлечены средства центрального правительства государства Аршакидов.

Следующий большой исторический период – сасанидский – характеризуется дальнейшим развитием тех процессов, которые мы наблюдали раньше. Вновь возрастает число населенных пунктов – теперь их на территории оазиса насчитывается 157 (рис. 1,4). При этом характерно, что размеры освоенных земель не увеличиваются, но усиливается плотность заселения. На ранее освоенных землях появляются новые населенные пункты.

Другое важное новшество этого времени – усложнение структуры населенных пунктов. Вокруг старых укрепленных поселков довольно часто появляются неукрепленные пригороды. Примеры таких трансформаций достаточно многочисленны: Чильбурдж [Koshelenko, Gaibov, Novikov. 1990], Койне Кишман [Bader, Gaibov, Koshelenko. 1992a], Чанглы [Bader, Gaibov, Koshelenko. 1992] и т.д. Кроме того, в конце сасанидского периода на территории оазиса появляются памятники, которые можно истолковывать, как замки, вокруг которых возникают неукрепленные деревни [Бадер, Гаилов, Губаев, Кошеленко. 1995. С. 24-26].

Естественно, что эти процессы сопровождались усложнением ирригационных систем. Для конца этого периода и начала следующего (арабского) появляются уже письменные свидетельства относительно достаточно сложных ирригационных сооружений оазиса, которые иногда считались чуть ли не лучшими на всем Среднем Востоке.

Список литературы

Системы расселения и ирригации в Мервском оазисе (Туркменистан) от эпохи бронзы до средневековья / Бадер А.Н., Гаилов В.А., Губаев А.А., Кошеленко Г.А. - М.: Центр сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, 1995. – 45 с.

Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. - М.: Наука, 1985. – 317 с.

Ляпин А. Каушутбент // Памятники Туркменистана. - 1986. - № 1 (41). – С. 15-17.

Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР). - Ашхабад: Издательство «Туркменистан», 1966. – 297 с.

The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Report 1990-1995 / Ed. by A. Gubaev, G. Koshelenko and M. Tosi. – Roma: Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente. - 1998. – 299 p.

Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Materials for Archaeological Map of the Merv oasis: the Changly Region // Mesopotamia. - 1992. - Vol. XXVI. – P. 166-186.

Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Materials for Archaeological Map of the Merv oasis: Köne Kishman // Mesopotamia. - 1992a. - Vol. XXVII. – P. 225-250.

Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. The Northern Periphery of the Merv Oasis from Achaemenid Period to the Mongol Conquest // Silk Road Art and Archaeology. - 1993/1994. - 3. – P. 51-70.

Koshelenko G., Gaibov V., Novikov S. Chilburdj // Bulletin of the Asia Institute. N.S. - 1990. - Vol. 5. – P. 21-36.

Н.А. Кузнецов

ИИАМ «Кузнецкая крепость», Новокузнецк

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ЭПИГРАФИКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ (СКИФСКОЕ ВРЕМЯ)

Традиционно считается, что древнейшие памятники письменности на территории Южной Сибири, это древнетюркская руника, или памятники орхоно-енисейской письменности. Более ранние памятники эпиграфики — это, в лучшем случае, немногочисленные находки привозных монет. Других текстов здесь практически нет.

Однако, невозможно отрицать то, что население Южной Сибири вступает в контакты разного уровня с более цивилизованным населением Средней и Центральной Азии, что влечет за собой не просто импорт определенных категорий товара, но, также культурные и технические заимствования. При этом возможно и появление в Южной Сибири людей, «знающих грамоту», то есть умеющих читать и писать.

Именно необходимость руководить торговыми агентами, вести заморскую торговлю, необходимость пересылать информацию на далекое расстояние так, чтобы, с одной стороны не исказить ее, с другой стороны, сохранить в секрете, послужила главнейшей причиной появления древнего буквенного письма у финикийцев.

И мы вправе ожидать находки памятников эпиграфики в Сибири. Безусловно, торговля в Сибири была и если в скифское время здесь появляются раннегосударственные образования, то торговля эта не могла быть примитивной. Даже бартерные сделки, при отсутствии монет и денежного обращения, велись, тем не менее, среднеазиатскими купцами или их торговыми агентами. Обилие импортных вещей в Сибири подтверждает то, что торговля велась. Но где же тексты или хотя бы отдельные надписи? Столетия археологического изучения Сибири не дали нам достаточного количества убедительных надписей, древнее тюркских рун.

Даже в Средней Азии, находившейся значительно ближе к древним государствам с их развитой торговлей, очень мало эпиграфических памятников, относящихся к первому тысячелетию до н.э. И все же, находка чаши с надписью в кургане Иссык, заставляет внимательнее относиться к памятникам скифского времени и в Сибири.

В частности, с территории Северного Алтая известны несколько глиняных и каменных пряслиц, на которые нанесены руноподобные знаки. Одно из таких пряслиц обнаружено Ю.В. Шириным при раскопках поселения скифского времени Гробница, в Ельцовском районе Алтайского края, на берегу р. Чумыш. (Благодарю Ю.В. Ширина за возможность ознакомиться с находкой).

Пряслице найдено в культурном слое и, безусловно, датируется скифским временем. Более того, можно утверждать, что подобные находки вообще характерны для памятников скифского времени Северного Алтая. Нам известны как минимум еще два подобных артефакта с Северного Алтая. На плоской поверхности пряслица, вокруг отверстия, идет строка из знаков, похожих на древнетюркские руны (рис. 1). Легко «узнаются» знаки, имеющие такое же написание, как тюркские руны **bl**, **iq(qi)**, **dl**, **P**. Причем **bl** повторяется дважды. (Рис. 2). Вместе с тем, несколько знаков не находят аналогий в тюркской рунике.

Надписи на пряслицах характерны не только для Северного Алтая. В Сибири известны и находки пряслиц с надписями с других территорий. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея по (Д.Д. Васильеву), включает такие изделия, как каменные прясла Е 87 и Е 88. Оба представляют собой случайные находки. Так как оба найдены вне культурного слоя и имеют надписи, похожие на рунические, то эти находки были отнесены к эпохе средневековья. При этом оказывается, что не все знаки находят аналоги среди рун. В Интернет-сайте Энесай жазулары (<http://elbilge.org/archive/e87.html>), посвященном древнетюркским письменным памятникам, говорится по этому поводу: *В палеографическом отношении пам. выделяются среди других енисейских надписей: несколько аллограф являются уникальными...*

лица, определить трудно, в первую очередь именно потому, что надписи эти слишком короткие и известно их не много. Очевидно, что это письмо не прямо протосинайское, но очень близкое ему. По аналогии с пряслицами Северного Алтая, возможно считать, что и в данном случае пряслица скорее всего скифского (тагарского) времени. Дополнительным подтверждением возможной тагарской атрибуции пряслиц служит то, что среди десятков опубликованных А.М. Малолетко знаков с ограды кургана Салбык есть знаки, соответствующие знакам на пряслицах и знакам протосинайского алфавита (Малолетко, 1993. С.37).

Возникает вопрос, почему же обнаружены надписи именно на пряслах? Для чего вообще использовались прясла? Например, в русских памятниках гораздо больше пряслиц, чем нужно для нормальной хозяйственной деятельности, что привело к гипотезам, будто бы эти предметы использовались на Руси вместо монет. А в кулайских памятниках Новосибирского Приобья пряслица неоднократно найдены в мужских погребениях. Возможно, атрибуция этих предметов не настолько очевидна, как это представляется большинству археологов.

Памятники древнейшей эпиграфики (Египет, Китай) часто связаны с заклинаниями, гаданием или даже проклятиями. Возможно, пряслица имели какое-то сакральное, ритуальное, символическое значение. Надписи на них каким-то образом связаны с примитивной магией и вероятнее всего, они являются благопожеланиями.

Почему в таком случае надписей так мало? Ответ очевиден. Предметы привозные. Но если на Северном Алтае пряслица глиняные, то скорее всего, их делали на месте. И даже если вещь привозная, знаки что-то значили для владельца вещи и он, видимо, знал, что они означают. Кроме этого, известно, что хорошо исследованных поселений тагарской культуры ничтожно мало, в то время как тагарские курганы в Хакасии, самые многочисленные. Находки непременно будут. И очень вероятно, что будут они не только из раскопок, но и из хранилищ археологических коллекций.

Список литературы:

- Васильев Д. Д.** Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири // Тюркологический сборник 1975. – М.: Наука, 1978. – С. 92–102.
- Малолетко А.М.** Отчет о посещении кургана Салбык (Хакасия)// Вопросы географии Сибири. Вып.20. – Томск, 1993. – С. 20–39

С.И. Лукьяшко*Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону*

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ДОНА (VI-V вв. до н.э.)

Погребальная обрядность древнего населения Нижнего Дона изучена еще далеко недостаточно, а стремительное накопление новых материалов требует постоянной корректировки уже имеющихся реконструкций (Максименко, 1983).

Скифские погребения под индивидуальной насыпью появляются с VII в. до н.э. Эти погребения отличаются относительным богатством инвентаря и содержат в своем составе импортные античные, или восточные предметы. В этой обрядовой группе все погребения основные под индивидуальными насыпями, располагавшимися на водораздельных мысах. В конструкции курганной насыпи присутствует камень – это кольцевые кромлехи. В центре насыпи квадратная или округлая могильная яма с каменной забутовкой. В одном случае прослежена каменная облицовка стен могильной ямы. Такие погребальные конструкции бытуют на донском правобережье до V-IV вв. до н.э.

Среди недавно открытых комплексов к этой группе погребений относятся два опубликованных погребения в кургане 81 могильника Приморский 1 и погребение 2 кургана 4 могильника Русский III (Лукьяшко, 1994, с.95-102).

Вторая группа погребальных памятников представлена погребениями в ямах подбойной конструкции. Все погребения этой группы впускные в насыпи курганов эпохи бронзы. Положение погребенных вытянутое на спине с восточной ориентировкой. Тяготеют они к левобережной донской степи и распространены на юге до района ст. Брюховецкой на Кубани, на востоке крайняя точка нахождения погребений этой группы известна в районе станицы Темижбекской. Эта погребальная обрядность, по моему мнению, очерчивает территорию обитания иксоматов античной традиции.

В хронологической группе погребений V вв. до н.э. следует, прежде всего, отметить появление Елисаветовского комплекса. Ситуация с Елисаветовским городищем и могильником требует особого анализа. Значительный пласт информации заключен в Елисаветовском могильнике и пока ещё не до конца оценен. Так царский «Пятибратний курган» из раскопок В.П.Шилова интерпретируют исключительно по материальным предметам. Между тем конструкция погребального сооружения находит значительное число параллелей в кубанских курганах со склеповыми сооружениями (Семибратние курганы, Курджипский курган и др.) Склепы в обоих случаях перекрыты толстыми бревнами и состоят из трех частей: погребальной камеры, дромоса и входного колодца. Внутри склепы засыпались песком. Наборы инвентаря в аристократических комплексах имеют множество сопоставимых деталей. Длинной осью склепы были ориентированы по линии З-В. Как и на Кубани, курганный могильник примыкает к древнему городищу.

Наличие большого количества погребений, входящих в состав Елисаветовского могильника диктует нам необходимость применения для обработки этих данных методов математической статистики, что связано с извлечением из общего массива, содержащего набор разнотипных данных, отражающих информационные линии погребального обряда, сведений в удобном для обработки виде. Для решения этой проблемы целесообразно использовать компьютерные базы данных и средства управления ими. Нами был воспроизведен опыт создания базы данных и применения методов статистической обработки проекта, который координировали Институт Археологии РАН и итальянский Институт Среднего и Дальнего Востока (результатом их работы явилось издание ряда сборников, таких как «Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии» под ред. М.Г.Мошковой и Б.Дженито и др.). Использование предложенного авторами проекта способа кодировки и архитектуры базы данных продиктовано в

первую очередь желанием получить сопоставимую БД (с уже имеющимися по савроматской и сарматской культурам). Описываемая база имеет возможности добавления новых категорий различных признаков погребального обряда, что и было осуществлено нами, соответственно характеру археологического материала Елисаветовского могильника. Кроме того, за основу построения собственной базы данных была взята стандартная СУБД Microsoft Access, а не dBase, формулы для вычислений созданы в среде Mathcad, управление осуществляется с помощью специально написанных программ. Приступая собственно к анализу материала, содержащегося в базе данных в кодированном виде, необходимо учитывать особенности погребений, составляющих Елисаветовский комплекс. Или скорее, особенности информации, доступной исследователю, которая содержится в отчетах, публикациях, дневниках и т. д. Имеющаяся в нашем распоряжении информация относится к 184 погребениям. Те сведения, которые присутствуют в источниках, зачастую неполны. Используемая система кодировки признаков, несмотря на достаточно высокий уровень, тоже не является идеальным инструментом, отражающим все особенности материала. Некоторые категории признаков, заложенные авторами, излишне обширны, что может скрыть серьезные отличия разных объектов базы данных (конкретных погребений). Простое добавление категорий не всегда может помочь в такой ситуации. С другой стороны, избыток категорий может разнести достаточно сходные погребения по совершенно разным группам.

Все вышеизложенное требует крайне осторожного подхода к статистической обработке комплекса, содержащего как разнородные (что в принципе нивелируется системой кодировки), так и неполные данные. Можно говорить пока лишь о попытке анализа в первом приближении, с очень высокой долей критичности по отношению к получаемым результатам. Большая часть погребений рассматриваемого комплекса были совершены в насыпях малого размера - 56,5%, 10,8% - в средних насыпях. 24,5% всех погребений - основные в данном кургане, 16,3% - впускные центральные, 20, 7% - впускные периферийные. В 42,4% всех курганов было от трех и более погребений одного времени, в 20,6% - по два. Исследуемый объект дает большое разнообразие форм могильных ям. 25% всех умерших были погребены в четырехугольных средних ямах, 10,9% - в четырехугольных узких, 3,2% - в четырехугольных широких, 7% - в овальных, 4,35% - в так называемых булавовидных, 1,6% - в подбойных. У 21,2% погребенных - западная ориентировка, близкая к западной (ЗЮЗ) - у 12,5% и (ЗСЗ) - у 3,8%, юго-западная ориентировка - 8,7%. Восточную и близкую к восточной ориентировку имеют 9,8% всех погребений, северная и южная ориентировки представительны - соответственно 1,6% и 2,18%. 50,55% погребенных располагались вытянуто на спине, у 21,2% - руки были вытянуты, у 4,35% - кисти на тазе. Ноги вытянуты у 35,87% погребенных (если поза погребенного прослежена во многих погребениях, то положение рук и ног можно проследить гораздо реже - отсюда и столь невысокие проценты). Самой многочисленной категорией инвентаря являются керамика и вооружение. В 34,8% погребений встречаются амфоры, в 8,7% - лепные миски, в небольших количествах встречаются килики, скифосы, канфары, лутерии. В 13,6% погребений встречаются стрелы в колчане, в 16,3% - копья, в 12% - мечи.

Все признаки погребального обряда были оценены на однородность (со значением энтропии выше порогового) и оказалось, что повышенной неоднородностью обладают 25 совокупностей и отдельных признаков.

По этим показателям СУБД рассчитывает значения коэффициентов парной взаимосвязи (коэффициентов Райского).

Определяется тесная взаимосвязь ряда признаков и совокупностей, что позволяет выделить 4 блока сопряженности. Первый - группа, включающая совокупности, относящиеся к «наличию костей животного в могильной яме» (вид животного - неизвестен, часть туши - нет данных, расположение костей животного в могиле - у ног погребенного) и «заупокойной пище» (железный нож с пищей, амфора у ног погребенного). К сожалению, какие-либо выводы в этом случае делать бессмысленно - категории «нет информации», которые мы были вынуждены ввести, могут включать самые разные варианты. Сильная связь совокупности «нож с пищей» с ними вполне объяснима и даже ожидаема. Другой блок относится к вооружению - это железное копьё острием к голове, железный меч на теле, втульчатые бронзовые стрелы в колчане слева от погребенного, и втульчатые железные стрелы в колчане слева от погребенного. Тесная взаимосвязь этих совокупностей может дать представление о традициях воинского искусства народа, которому принадлежат погребения Елисаветовского могильника и военизированном характере этого общества в целом. Положение колчана со стрелами слева от погребенного характерно для кубанских курганов и раннескифских комплексов донского левобережья. Следующий блок - триада признаков, примыкающая к группе вооружения через совокупность «меч на теле», а к группе заупокойной пищи - через признак «амфора у ног». Они достаточно разнородные, но, тем не менее, сильно связаны и выделяются в отдельную группу:

величина могильной ямы, положение тела по отношению к оси могильной ямы и миска глиняная лепная у ног погребенного. К этому блоку тесно примыкает последний, представляющий собой группу признаков, описывающих положение тела (поза погребенного, положение рук, ног), пол и возраст покойного.

Таким образом, первый блок характеризует способ препровождения покойного в загробный мир, или тризну, третий и четвертый - обряд, а второй блок, соответствующий в принципе этим определениям, должен скорее указывать на характер культуры в целом. Тесная связь между признаками внутри каждого блока говорит о стабильной системе погребальной обрядности в социуме и о наличии определенной религиозной доктрины.

Эта религиозная доктрина характеризуется высокой стабильностью и концептуальной завершенностью с небольшим количеством общих для кочевников евразийской степи признаков и со значительным количеством специфических признаков характеризующих их носителей как замкнутый социум с этноспецифическими чертами. Сопоставление с памятниками скифского, савроматского или меотского круга не дает решительного перевеса ни одной из выделенных групп, как и не позволяет исключить полностью одну из них из сопоставлений.

Культурная близость Прикубанских памятников скифского времени и памятников Нижнего Дона позволяют предполагать их этническое единство. И близость исторических судеб.

Список литературы

- Лукьяшко С.И.** Погребения V в. до н.э. на правобережье Нижнего Дона. ИАИАИАНД. Вып. 13. Азов. 1994.
Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. - Ростов-на-Дону: Из-во РГУ. 1983. - 224 с.

А.А. Малышев*Институт археологии РАН*

К ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА В VI – I вв. до н.э.

Археологические свидетельства длительного пребывания греков, как правило, достаточно специфичны: традиции каменного и сырцового домостроительства, регулярная планировка застройки, специфические предметы античного быта (находки светильников, терракот), свидетельства товарно-денежных отношений, захоронения по греческому обычаю (конструктивные особенности погребальных сооружений, обряд «обол Харона») и т.п.). Комплексные археологические исследования в регионе, получившем название полуостров Абрау, позволяют воссоздать историю его освоения греками-боспорянами.

Архаическая эпоха

Природно-географические условия способствовали изоляции населения этого регион как со стороны моря, так и с континента. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют датировать первые попытки греков-переселенцев обосноваться в этом регионе не позже второй четверти VI в. до н.э.

Наиболее яркие свидетельства начала освоения кавказского побережья греческими колонистами во второй четверти – середине VI в. до н.э. дают материалы из античного поселения, расположенного у входа в Геленджикскую бухту, на Тонком мысу (раскопки Н.А. Онайко). Поселение Торик располагалось на небольшом мысообразном скалистом плато.

Эта одна из самых ярких особенностей этого комплекса – общая масштабность постройки: общая площадь 1540 м². Он насчитывает 21 помещение, которые расположены вокруг внутреннего двора площадью свыше 900 м². Сопоставимые жилые комплексы получают распространение в Средиземноморье и Причерноморье лишь в эпоху эллинизма. Обычные для греческого домостроительства архаического периода сырцовые и углубленные в землю постройки отсутствуют (рис. 1). Прослежено три строительных периода.

Явная поспешность при строительстве, очевидное стремление жителей к обособлению (расположение пожароопасных объектов (печей) в пределах этого пространства, отсутствие хозяйственных построек вне периметра сооружения), – все это говорит о напряженных взаимоотношениях с местным населением.

Специализация хозяйства – источник дохода жителей Торика вряд ли можно охарактеризовать однозначно. Оно, наверняка, было комплексным: включало торговую (древесина, мед, воск, рабы) и производственную (металлообработка, возможно ремонт и оснащение всем необходимым проплывающих судов) составляющую и в значительной мере могло меняться со временем.

Поселение, основанное одновременно с первыми апокиями европейского и азиатского Боспора, просуществовало более века. Вне всякого сомнения, за это время здесь сложились свои традиции, нормы права, оно находилось в системе давно сложившихся дипломатических отношений с причерноморскими и, вероятно, средиземноморскими центрами. Однако, превратиться в античный город Торика было не суждено. Вряд ли это можно объяснить природно-климатическими причинами, действиями северо-восточного ветра – боры (Онайко, 1980), ведь на протяжении вековой истории Торика это обстоятельство не служило серьезной помехой. Более правдоподобным, судя по целому ряду косвенных наблюдений, выглядит агрессивное поведение местных племен, изменение маршрутов кораблей (не вдоль берега, а непосредственно через Черное море) и даже удаленность от боспорских центров.

С пребыванием греков на этой территории связано, по всей видимости, небольшое поселение «Балка» (Мысхако 5) позднеархаического времени, на котором засвидетельствованы следы каменного домостроительства. Достоверные данные о позднеархаических греческих поселениях на берегах Цемесской бухты отсутствуют.

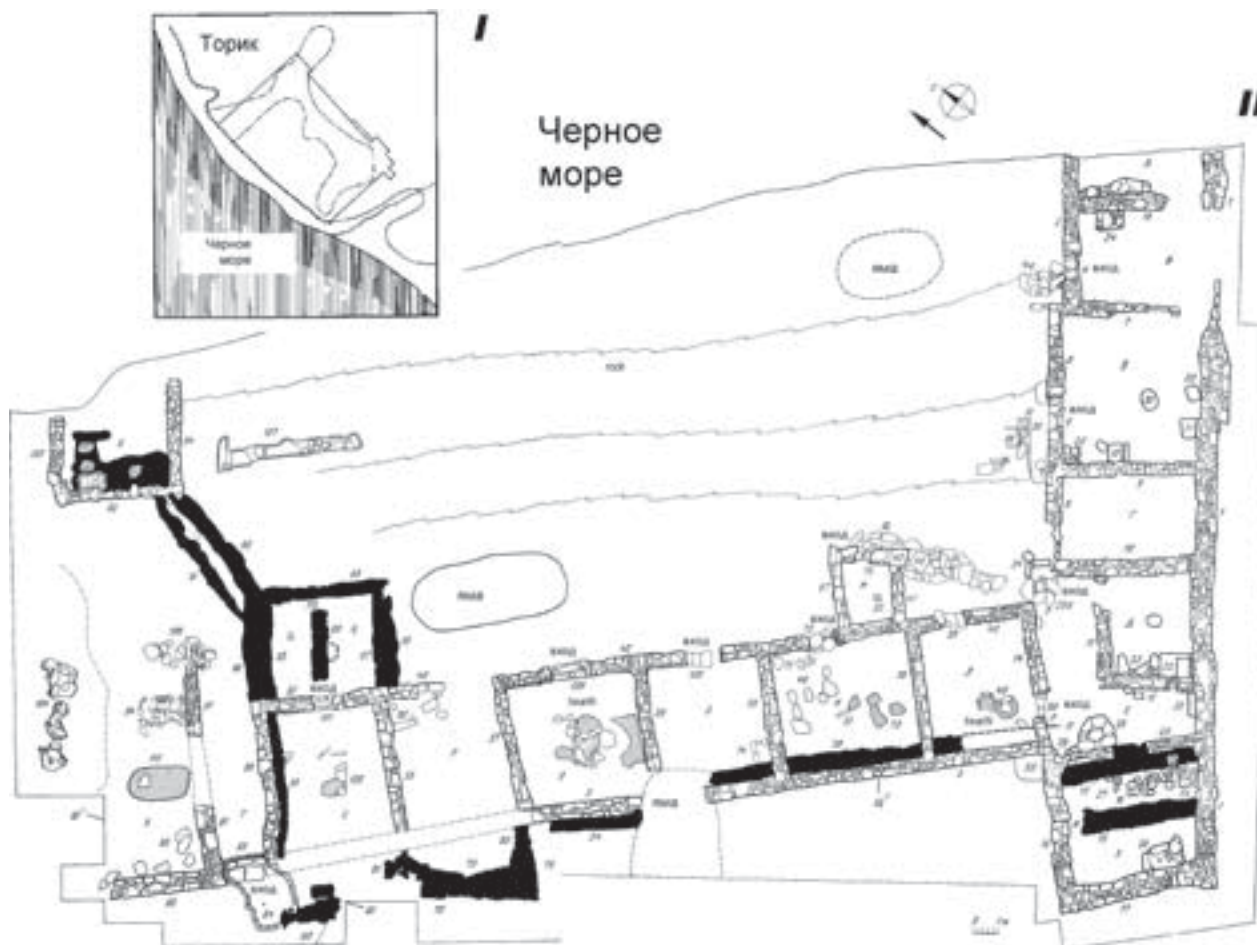

Рис. 1. План античного поселения Торик (раскопки Н.А. Онайко).

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют говорить, что колонизация прибрежной зоны в VI–V в. до н.э. имела значительный успех и были заложены основы для дальнейшего хозяйственного и политического освоения внутренних районов.

Раннеэллинистическая эпоха

Вторичная, боспорская, колонизация приграничных территорий разворачивается в начале IV в. до н.э., по мере объединения центров азиатского и европейского Боспора в единое государство. Катализатором продвижения боспорян на восток стала потребность в товарном зерне – основе экономического и политического могущества боспорских владык на протяжении всего IV в. до н.э. В конце IV в. до н.э. возрастание могущества Боспорского государства, судя по довольно скудным данным в письменных источниках (Diod., XX, 22-24), привело к существенному расширению его границ на восток и юго-восток.

Претерпевает изменение характер и направление колонизации: осваивается не прибрежная часть, а предгорья к северу от Навагирского хребта. Под боспорским контролем оказываются значительные территории в предгорьях (бассейн реки Катламы и Маскаги). Они подвергается интенсивному хозяйственному освоению, причем организация хозяйственной системы во многом использует в силу природно-географических (рельеф, источники воды) и климатических (роза ветров и осадки) особенностей систему расселения аборигенного населения.

Наиболее яркий и значительный памятник этой эллинистической эпохи – архитектурный комплекс Раевского городища – связан с появлением здесь боспорян (рис. 2). Центральной частью этого комплекса является монументальное здание с перистильным двориком площадью свыше 400 м². Постройки здания ориентированы довольно точно по странам света: парадный вход обращен на запад, на античную Горгип-

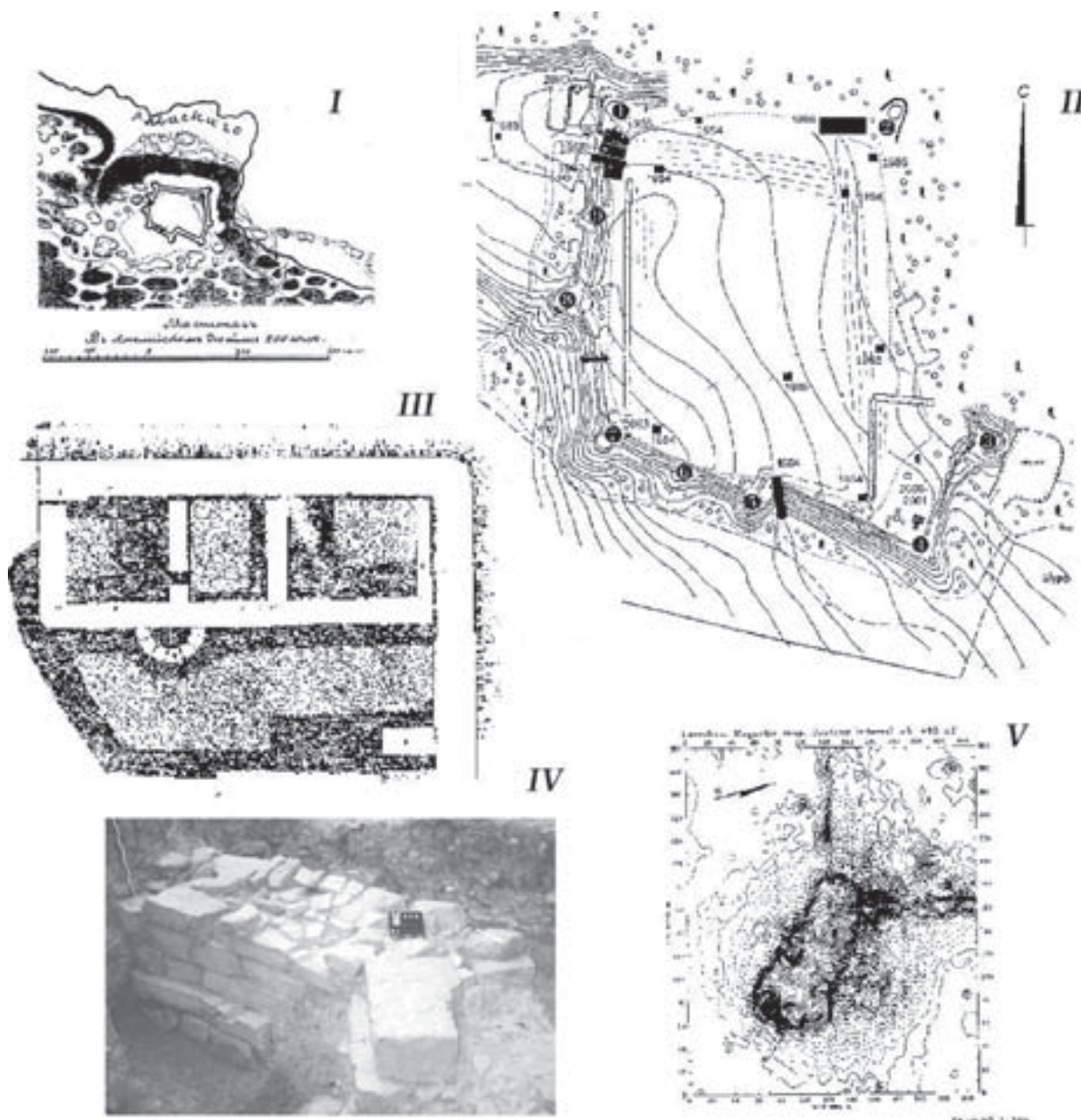

Рис. 2. Раевское городище: I – план по В.И. Сизову; II – план (съемка А.Н. Гея, 2002-2003 г.); III – здание раннеримского времени (раскопки В.И. Сизова); IV – участок оборонительной стены (раскопки А.А. Малышева); V – юго-восточная башня (магниторазведка Т.Н. Смекаловой).

пию. Внутренние фасы стен помещения «Б» были покрыты двуслойной штукатуркой, на которой выявлены фрагменты полихромной фресковой росписи. Обнаруженные в обоих помещениях обломки, по мнению Н.А. Онайко, принадлежат горгийской черепице с клеймом «ΕΥΜΗΛΟΥ» свидетельствует о наличии черепичной кровли.

Экономика поселения в эллинистическую эпоху также не совсем ясна. Появление нового, боспорского населения, по всей видимости, не привело к коренным изменениям в традиционной для этого региона системе зернового хозяйства. Палеозоологические материалы из культурных слоев эллинистического Раевского городища показывают абсолютное доминирование остатков домашних животных.

Исследования последних лет всецело подтверждают наблюдения Н.А. Онайко, которая отмечала ограниченные торговые возможности поселения и значительное военное, стратегическое значение этого центра.

О сложной этнополитической ситуации в предгорьях в эллинистическую эпоху свидетельствуют материалы некрополя Раевского городища. Можно достоверно говорить о наличии боспорского и меотского культурно-этнических компонентов при отсутствии аборигенного керкето-торетского.

Раннеримское время

Этнополитические потрясения, происходившие в Причерноморье позднеэллинистическое-раннеримское время (Сапрыкин, 2002), привели к значительным изменениям в этом регионе. Археологические материалы подтверждают возрастание интереса к этому региону со стороны боспорской власти. Учитывая низкий экономический потенциал этого региона, приходится признать, что дальнейшее расширение боспорского присутствия велось при явной поддержке центральной власти и была чисто политической мерой, призванной обезопасить основные стратегические трассы, подступы к городским центрам азиатского Боспора, прежде всего к Горгиппии (Онайко, Дмитриев, 1982). Возникшая в результате этих действий система укрепленных пунктов была частично скоординирована с более древней системой расселения, частично базировалась в пунктах, имевших чисто стратегическое значение (рис. 3).

Наиболее значительными центрами античного влияния становятся центры, расположенные на Раевском городище и на Мысхако (Бата – деревня античных источников этого времени (Strabo., XI, 2,14; Ptol., V,8,8).

Рис. 3. I – памятники юго-восточной периферии азиатского Боспора I в. до н.э.; II – находки монет раннеримского времени; III – укрепленная башня-усадьба в Цемдолине; а – фигурка античного божества из окрестностей Раевского городища; б – бюст царицы Динамии из Широкой балки; с – терракотовые статуэтки из пос. Мысхако; в – терракотовая статуэтка из Цемдолинского здания.

В контексте этих мер в позднеэллинистическое-раннеримское время на Раевском городище происходит полная перепланировка, в результате которой часть эллинистической застройки осталась вне укреплений, была разобрана и засыпана. В самой высокой точке городища, в северо-северо-восточном углу, было сооружено здание, состоящее из трех помещений с апсидообразной пристройкой (Сизов, 1889, с.113-117) (рис. 2). Планировка и приемы строительства сопоставимы с башнеобразными зданиями-усадьбами, возведенными во время правления Асандра по всей территории Боспора, в Крыму и на мысе Сунион (Онайко, Дмитриев, 1982, с.121).

Экономическая необходимость присутствовала лишь при основании в I в. до н.э. боспорского укрепленного поселения на черноморском побережье, к юго-западу от Цемесской бухты, у подножия горы Колдун (Мысхако). В древности поселение носило название Бата (Гайдукевич, 1949, с.220; Вязкова и др., 2001, с. 205). Постройки из камня или на каменных основаниях на Восточном холме были сооружены с соблюдением принципов гипподамовой планировки и ориентированы по сторонам света (Гей и др., 2001, с.88) (рис. 3).

Мысхаковский некрополь, как и могильники раннеримского времени в Широкой балке, в долине рек Цемес и Озерейка отразили резкую смену культурных традиций, связанную с интенсивными этническими передвижениями.

Список литературы:

- Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А.** Мысхако - форпост Боспора на юго-востоке // ПИФК, 2002. Вып. 9.
- Гайдукевич В.Ф.** Боспорское царство. М.-Л., 1949.
- Гей А.Н., Малышев А.А., Антипина Ек.Е., Богатенков Д.В., Вязкова О.Е., Гольева А.А., Дробышевский С.В., Козловская М.В., Лебедева Е.Ю.** Палеоэкология Северо-Западного Кавказа (работы Северо-Кавказской археологической экспедиции в 2001 г.) // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея, 2001.
- Сапрыкин С.Ю.** Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
- Сизов В.И.** Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК, 1889. II.
- Онайко Н.А.** Архаический Торик – античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- Онайко Н.А., Дмитриев А.В.** Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ, 1982. № 2.

Л.С. Марсаолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ГОРДИОН В АНАТОЛИИ (ТУРЦИЯ) – ВОЕННАЯ «БАЗА» КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ В VIII-VI веках до н.э.

История военных походов кочевых племен в Передней Азии, периода их наивысшего там господства в VIII-VII вв. до н.э., с разной степенью подробности изложена в сочинениях Геродота, Страбона, проанализированных в работах И.М.Дьяконова, Б.Б.Пиотровского, Р.С.Янга, Э.Л.Кохлер, С.И.Руденко, М.И.Артамонова, Л.А.Ельницкого, Э.А.Грантовского, М.Н.Погребовой, Д.С.Раевского, И.Н.Медведской, А.Ю.Алексеева, Н.К.Качаловой, С.Р.Тохтасьева, Л.К.Галаниной, А.И.Иванчика, Л.С.Марсаолова и многих других авторов.

Евразийские кочевники использовались древневосточными владыками, а позднее и греками, по многим причинам. Прежде всего, как высококлассные, преданные и смелые воины-наемники, в качестве охраны правителей и правопорядка, как пограничные отряды, союзники небольших держав и с другими целями. Жестокость Ассирии и других государств по отношению к покоренным народам, постоянные территориальные претензии и поборы, не могли не вызывать протеста среди подвластных и соседних с ними народностей. Но главное, вероятно, было в другом - кочевники, особенно молодёжь, придерживались личных целей - обогащения за счет более богатых восточных правителей и городов.

Каждый воин, закалённый и возмужавший в далёких походах, вернувшийся домой с богатой добычей, окруженный заслуженным авторитетом среди своих соплеменников, часто становился вождём или знатным лицом у местных племён. Хотя иногда это плохо кончалось (возможно, для убитого и оскальпированного вождя из Пазырыка-2), но всё равно рассказы о дальних походах в неведомые и сказочно богатые страны постоянно вдохновляли молодёжь на новые походы.

Одной из основных причин образования крупных союзов кочевых племён обычно было ослабление соседних, более богатых оседлых высокоразвитых цивилизаций. Вероятно, евразийские кочевники неоднократно совершали набеги на страны Передней Азии в IX-VIII вв. до н.э., о чем свидетельствует широко известный рельеф времен Ашшурнасирпала II (885-859 гг. до н.э.).

Так как Ассирия и Урарту были для киммерийцев слишком сильными противниками, то в конце VIII в. до н.э. они устремились на запад, против Фригии. В начале VII в. до н.э. фригийское войско потерпело от киммерийцев, выступавших, по-видимому, совместно с урартами, сокрушительное поражение. После этих событий или немного ранее киммерийцы начинают играть активную роль в судьбе Фригийского государства. В 670-х гг. до н.э. киммерийцы усилились в Малой Азии, громили владения Фригии, совершали набеги на ассирийскую и урартскую территории. Часть киммерийцев вошла в союз с фригийским царем Мидасом (?). Затем в 675 г. до н.э. урартский царь Руса II перетянул киммерийцев на свою сторону в походе против Фригии, Мелитены и халдов-халибов, закончившийся успехом. Царь Мидас (?) погиб, а Фригия была отдана на разграбление киммерийцам, которые опустошали страну более двадцати лет и оставались ее настоящими хозяевами, хотя ассирийские цари и претендовали на господство над Фригией.

Богатство оседлых приморских городов, а не сельскохозяйственные районы и море с их специфическими культурно-хозяйственными типами, привлекали туда кочевников. Для длительного проживания кочевники нуждались в экологически близком им горно-степном ландшафте, отвечающим их образу жизни, культурно-экономическим потребностям. Такую экологическую «нишу», например, киммерийцы нашли во Фригии, около города Гордиона, расположенном в стратегически важном районе, на пересечении торговых и военных путей (недалеко от совр. столицы Турции Анкары, рядом с которой в монгольское время произошла грандиозная «битва народов»).

Расположенный в центре Анатолии, Гордион, вероятно, постепенно стал постоянным военным “лагерем-базой” многоэтнических кочевых объединений (в основном киммерийцев и, возможно, фракийцев), функционировавшим более 100 лет. Там находятся сотни больших, средних и малых курганов кочевников. Такая «база» могла постоянно пополняться в течение нескольких поколений воинами-наёмниками из числа молодежи разных племён Евразии, способствовать формированию в Анатолии в VIII-VII вв. до н.э. отрядов воинственных кочевых племен, что со временем, вероятно, привело к их господству над местным населением.

Самая ранняя группа курганов-тумулузов (№№ W, Q, K-III и др.) в Гордионе была воздвигнута в 750-710-х гг. до н.э. По своему погребальному обряду и по конструкции деревянных гробниц эти тумулузы близки к таким же памятникам VII в. до н.э., находящимся на одном и том же курганном поле (тумулузы - KY, B, Z, J и др.), которые американские археологи относят к киммерийскому периоду.

Гордион лежит в долине реки Сакарья (Сангария), что, возможно, связано с этнонимом “сака” - саки. М.А.Дандамаев и В.Г.Луконин отмечали, что в более поздних вавилонских текстах VI-V вв. до н.э., довольно часто встречается этноним киммерийцы (“гимирри”), который, судя по параллельным вариантам ахеменидских надписей, соответствовал кочевникам-“сакам”.

Широкий стратегический простор в центре Анатолии, обусловленный обширным пространством горно-степного ландшафта, особенно около Гордиона, вероятно, способствовал созданию стационарных и временных лагерей для накопления сил кочевых племён перед военными походами во “все стороны мира”: на запад - в Лидию, Вифинию, Мисию, Ионию; на северо-восток - в Урарту и Понт; на восток - в Каппадокию; на юго-восток - в Шубрию и, возможно, в Манну и Мидию; на юг - в Киликию, Хубушну, Сидон, на территорию современной Сирии и др.

В памятниках Анатолии и Гордиона прослеживаются синхронные культурные связи с другими евразийскими регионами в VIII-VII вв. до н.э. по предметам вооружения (наконечникам копий и стрел, кинжалам, узким длинным слегка изогнутым ножами), трёхжелобчатым бляшкам и украшениям (рис. 1). В зависимости от разра-

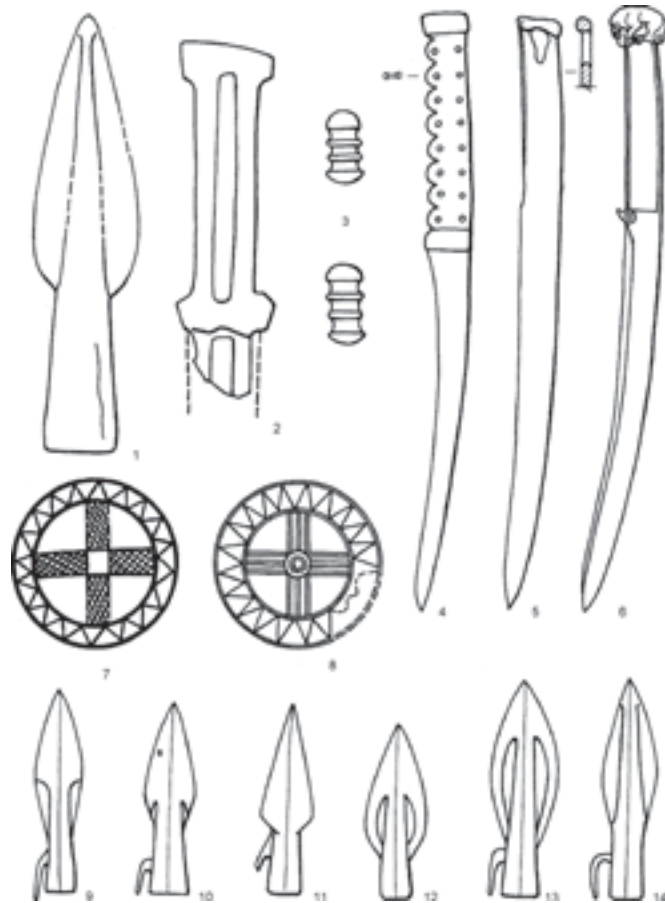

Рис. 1. Сопоставление близких по форме предметов из разных регионов Евразии: 1-4, 7, 9-14 – Анатолия, Гордион; 5 – Алтай, Усть-Куюм; 6 – Тува, Туран; 8 – Кубань, Келермес.

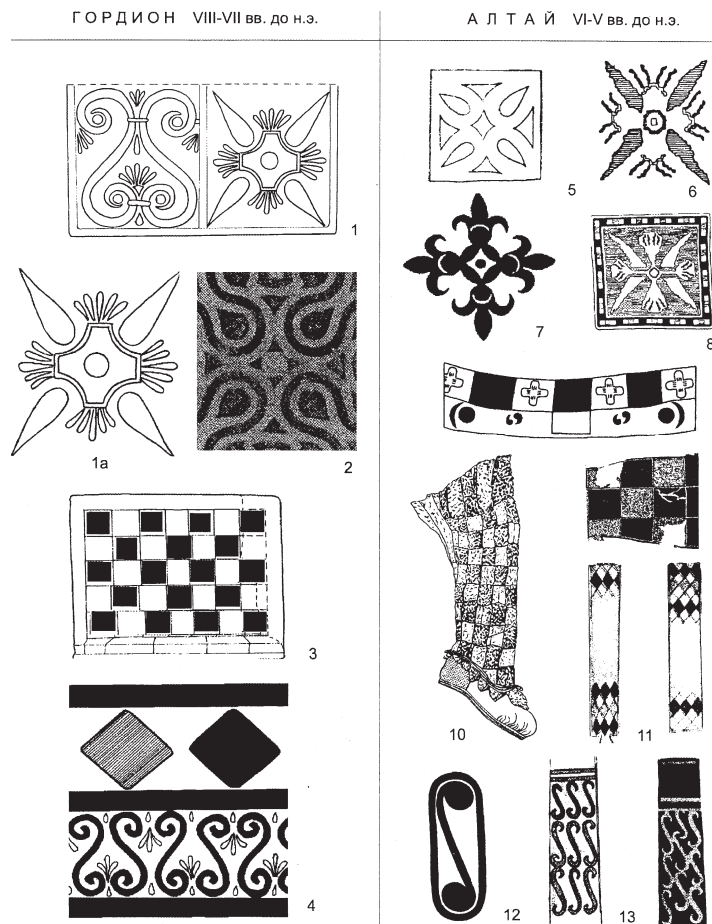

Рис. 2. Сопоставление орнаментальных мотивов из Анатолии, Гордиона (1-4) и Алтая (5-13):
5, 9, 10 – Башадар-2; 11 – Туэкта; 12, 13 – Пазырык-3; 6-8 – Пазырык-5.

ботанности хронологических шкал в разных регионах Евразии можно произвести более дифференцированный анализ памятников VIII, затем VII, VI веков до н.э., т.к. многие объекты в Гордионе датированы с точностью до нескольких десятилетий. Именно на территории Анатолии (Турции) можно найти прототипы таких предметов как бронзовые наконечники, кольчатые удила, зеркала, стоящие «курильницы», а также изображения крылатого сфинкса, сценам терзания хищником копытных животных, которые неизвестны ранее в степных культурах Евразии, но «неожиданно» появляются там в VIII-V вв. до н.э.

Памятники древних кочевников Анатолии и Саяно-Алтая расположены в схожей горно-степной зоне. В материалах Гордиона и Анатолии встречаются прототипы многих предметов, найденных в ранних памятниках пазырыкской культуры Алтая. Привыкших жить в небольших жилищах (типа деревянных срубов или войлочных юрт), вновь прибывших кочевников в Гордионе в первую очередь поражали огромные крепостные сооружения и красивые стационарные дома с удобствами. Стены общественных и жилых домов часто были украшены каменными барельефами и обожженными керамическими плитками с яркими геометрическими орнаментами, зоо- и антропоморфными изображениями. Увезти такой дом на далёкую родину – не по силам и возможностям кочевников, но они старались хоть как-то сохранить воспоминания об этом. Например, украшения одежды кочевников, седел их коней, окончания наконечников стрел из Башадара-2, Туэкта и Пазырыков, возможно, восходят к орнаментальным мотивам из Гордиона (рис. 2), частично также копируют «киммерийский» орнамент в виде ромба с вогнутыми сторонами с кругом в центре (рис. 2.- 1a, 2, 5, 7).

В дальнейшем материалы из Гордиона, при их сопоставлении с объектами евразийских кочевников, могут быть рассмотрены в: 1) ландшафтно-топографо-планиграфическом; 2) хронологическом; 3) предметном; 4) семантическом и многих других аспектах.

Ф. Мец

О НЕДАВНЕЙ НАХОДКЕ В БАДЕН-ВЮРТЕМБЕРГЕ

Проблема контактов населения Центральной Европы с восточными соседями – кочевниками степей Евразии в эпоху раннего железа была поставлена в археологической науке более века тому назад и имеет в настоящее время очень обширную историографию. Исследователи отмечают несомненное наличие следов влияния кочевников в материальной культуре племен, обитавших прежде всего в восточной части Центральной Европы; вопросы хронологии и сам характер этих контактов продолжают оставаться остро дискуссионными. Постулировавшиеся ранее неоднократные военные походы причерноморских скифов в районы, занятые населением лужицкой культуры, сыгравшие в ее судьбах крайне негативную роль, теперь ставятся под сомнение [Скорый, 1990; Парцингер, 1998]. Действительно, как оказалось, достоверные следы пребывания скифов в этих районах практически отсутствуют, а обнаруженные там довольно многочисленные предметы скифского типа (вооружение, конская сбруя, керамика) [См. напр.: Schdtze aus der Keltzeit..., 1998] имеют признаки их местного, нескифского изготовления. Достаточно отчетливо влияние скифской культуры прослеживается на территориях, занятых лужицкой и восточными вариантами гальштатской культур (включая Боснию и Сербию). Простиралось ли это влияние далее на Запад? И если да, то каковы его хронологические рамки и характер? Из-за скудости источниковой базы вопросы эти пока не могут получить обстоятельного ответа. Не исключено, что присутствие в богатых позднегальштатских погребениях Центральной Европы рогов для питья и тканей из волокон конопли связаны с заимствованием из кочевой среды [Pauli, 1988/89; Парцингер, 1998]. Однако, заимствования эти были возможны только при наличии многочисленных посредников, почему и следы их весьма скудны, и представляют они собой, по всей видимости, курьезные раритеты, приобретающиеся отдельными представителями знати, чтобы с их помощью подчеркивать свой ранг как при жизни, так и после смерти.

Иллюстрацией этого положения, высказанного Г. Парцингером, видимо служит недавняя находка, сделанная в г.Карлсруэ (земля Баден-Вюртемберг, ФРГ). В районе Грюнвинкель, на месте древней переправы через Рейн известны остатки римского поселения (*vicus*) со следами жилых сооружений, земляных и каменных кладовых. В одной из них был найден алтарь Дианы, статуэтка Меркурия, а также рельеф с изображением кельтских божеств подземного мира Сукеллуса и Нантусвелты. Очень интересна одна из последних находок из этого поселения, опубликованная П. Кнетцеле [Knutzle, 2005, S. 20, Abb. 3]. Речь идет о составленной из трех фрагментов бронзовой пластине, обломанной с одного конца. Сохранившаяся часть имеет размеры примерно 20 × 30 см, специфическую подтреугольную форму и украшена рельефными изображениями, расположенными двумя горизонтальными уровнями: вверху – гиппокамп со змеевидно закрученным хвостом, внизу четко просматриваются две геральдически противопоставленные грифоньи головки с мощными крючкообразными клювами и частично сохранившаяся сцена терзания оленя орлиным грифоном (рис. 1). П. Кнетцеле считает, что этот артефакт являлся бронзовым украшением клины (пиршественного ложа) и свидетельствует о достаточно большой степени зажиточности одного из римских граждан, проживавших на этом поселении. Между тем, характерная и вполне узнаваемая форма пластины не оставляет сомнения в том, что это фрагмент (верхняя часть) обкладки ножен скифского акинака.

Исследователи считают, что подобного рода изделия производились греческими торевтами в мастерских северопричерноморских колоний (прежде всего Пантикапея) специально в расчете на сбыт среди скифской знати. Примечательно, что такие обкладки известны только в пределах Северного Причерноморья и их бытование не выходит за рамки IV в. до н.э. Близкие по внешнему виду экземпляры имеются в материалах

Рис. 1. Находка из Карлсруэ.

Рис. 2. Золотая обкладка ножен акинака из кургана Куль-Оба.

таких погребальных комплексов, как Чертомлык, Солоха, Толстая Могила, Великая Белозерка, а сопоставление баденской находки с обкладкой из кургана Куль-Оба [Schiltz, 1994, S. 399, № 331] показывает их полную идентичность (ср.: рис. 1 и 2).

Известные на востоке Центральной Европы ножны акинаков сделаны по образцу скифских, с использованием местных приемов оформления [см. напр.: Скорый, 1990]. В данном же случае речь, видимо, должна идти именно о скифской вещи, изготовленной хотя и греками, но специально для причерноморских варваров. Примеров слепого копирования скифских вещей в Центральной Европе как будто бы нет, у кочевников же обкладки предметов парадного вооружения, изготовленные по одной матрице, широко известны: это золотые обкладки горитов и акинаков чертомыцкой серии, да и обрывки серебряных пластин неизвестного назначения из кургана Карагодеуаш, как оказалось точно ложатся на соответствующие

места золотой обкладки горита из гробницы в Вергине, которая считается могилой Филиппа II Македонского. Наличие там обкладки связывается с его скифским походом. Теперь, видимо, можно говорить об обкладках ножен кульбоской серии. Правда, следует отметить, что это, пожалуй, единственный случай, когда подобный символ высокого социального статуса был изготовлен не из драгоценного металла.

Трудно сказать, как и когда это скифское изделие попало на берега Рейна. Бытование подобных вещей в ограниченных хронологических рамках (IV в. до н.э.) делает его связь с римским поселением крайне маловероятной. Логичнее связать его с исконным населением рейнской области – кельтами. В нашем распоряжении пока нет данных о наличии кельтских памятников в непосредственной близости от места обнаружения обкладки. Однако находка в погребке римского дома упоминавшейся плиты с изображением кельтских божеств не исключает возможности существования где-то рядом святилища или жертвенного места. Это тем более вероятно, так как в этом месте находилась переправа через Рейн.

Традиция жертвовать парадное оружие или просто курьезные вещи была широко распространена в древности. И это одна из возможных, хотя, естественно, далеко не единственная причина, по которой обкладка ножен скифского акинака оказалась на территории современной земли Баден-Вюртемберг.

Но независимо от причин и путей проникновения этой вещи на Рейн на сегодняшний день это, по-видимому, одна из самых западных находок собственно скифского предмета материальной культуры в Европе.

Список литературы

Парцигер Г. Степные кочевники на востоке Центральной Европы. Находки и памятники в свете сравнительной археологии // Вестник древней истории. – 1998. - № 2. - С. 104 – 115.

Скорый С.А. К вопросу о скифских походах в лужицкие земли // Советская археология. – 1990. - № 1. – С. 34 – 41.

Knötzele P. Pater Rhenus und der Stein des Neptun. Spuren den Römer im Raum Karlsruhe // Archäologische Nachrichten aus Baden. – Freiburg-. – Lavori Verlag. – 2005. – Heft 71. – S. 18 – 21.

Pauli L. Zu Gast bei einem keltischen Fürsten // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. – 1988/89. – Band 118/119. – S. 291 - 303.

Schätze aus der Keltenzeit in Ungarn. Kunst im Karpatenbecken im 1. Jahrtausend vor Christus. – Eberdingen. – 1998. – 87 S.

Schiltz V. Die Skythen und andere Steppenvölker: 8. Jahrhundert v. Chr. bis 1. Jahrhundert n. Chr. (Universum der Kunst; Band 39). – München. – Verlag C.H.Beck. – 1994. – 473 S.

В.П. МЫЛЬНИКОВ

ФЕНОМЕН ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЗЬБЫ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ НА АЛТАЕ*

Художественная резьба по дереву в древности - явление само по себе необычное и уникальное. Уникальность ее заключается в творческом, можно сказать, новаторском, подходе к обработке дерева. Кроме абсолютных познавательных свойств материала, ювелирного владения основным орудием обработки ножом древний мастер должен был знать историко-культурные традиции рода, мифологию, ритуалы, связанные с погребальными обрядами и многое другое. Вероятно, правы те исследователи, которые утверждают, что истоки возникновения художественной резьбы по дереву сокрыты в глубинах эпохи верхнего палеолита, когда мастера обработчики камня стали изготавливать специальные пластины с острыми режущими кромками [Волков, 2000, с. 30-37]. Самым ранним деревянным предметом с художественной резьбой, обнаруженным в археологических раскопках на территории нашей страны, считается скульптурное изображение головы лося из Висского торфяника, датируемое эпохой мезолита [Формозов, 1977, с. 3]. В эпоху палеометалла состав орудий для всех видов обработки дерева, выполненных из новых материалов, обновился количественно и качественно. Совершенствовалось и мастерство художественной резьбы по дереву, в частности скульптурной. Об этом свидетельствуют многочисленные находки деревянных ковшей с фигурными ручьями, а также, скульптурные изображения людей из Висского, Горбуновского и Шигирского торфяников [Эдинг, 1940, с. 35-55].

В раннем железном веке орудия для обработки дерева изготавливали из самого совершенного металла, который позволял формировать лезвия с заданной твердостью и острой заточки. Искусство резьбы по дереву в это время заметно возрастает и усложняется. О развитии художественной резьбы по дереву в эпоху палеометалла много ценной информации получено при изучении первоисточников из памятников античности. В Древнем Египте и странах Европы скульптурная резьба применялась при изготовлении статуй богов, скульптурных крышек деревянных саркофагов фараонов, рельефная и интарсионно-инкрустационная - при художественном оформлении античных саркофагов, фигурных ножек столиков, клин - лож-кроватей [Керам, 1960, с. 192-194; Перепелкин, 1968, с. 12; Геродот, 1972, с. 105; Церен, 1976, с. 186; Замаровский, 1986, с. 177, 179, 195, 202; Иванова, 1958, с. 102-112; Сокольский, 1971, с. 229-240]. Различные виды высокорельефной и плоскорельефной резьбы широко применялась и при изготовлении деревянных шаблонов-посредников и утрачиваемых моделей для отливки художественных изделий из цветных металлов [Минасян, 1990, с. 67-68; 1991, с. 10].

Как свидетельствуют археологические материалы, в Сибири и на сопредельных с ней территориях искусство художественной резьбы по дереву наиболее ярко проявилось в среде древних кочевников в скифское время. Подавляющее большинство уникальных по своему исполнению резных деревянных предметов найдено в курганных погребениях пазырыкской культуры скифского времени на территории Российского и Казахского Алтая, в сакрализованном пространстве могильных ям, внутри деревянных срубов и за их северными стенками в отсеках с сопровождающими захоронениями коней.

Художественная резьба у носителей культур этой эпохи была специализированным видом обработки дерева. Она сочетала в себе все достижения плотницкого и столярного искусства и в тоже время находилась в некоторой обособленности от плотницкого и столярного дела. Техника и технология художественной резьбы требовала многолетней наработки навыков специализированного отбора материала, наиболее подходящего для конкретного вида работ, способов и приемов его обработки.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта НИШ № 2286.2003.6

Технико-технологический анализ большого количества разнообразных резных деревянных изделий из погребальных наборов раннего железного века Северной и Центральной Азии позволил выявить несколько областей применения деревянных предметов с художественной резьбой: украшения человека, украшения коня, средства передвижения, посуда, предметы вооружения, культа.

Главная технологическая особенность художественной резьбы в степной и лесостепной полосе Северной и Центральной Азии в раннем железном веке заключалась в том, что мастера резчики выявление рельефа орнамента простых и сложных фигур или скульптурного изображения производили в основном одним универсальным инструментом – ножом с небольшим, тонким и очень острым лезвием. Конечно, кроме ножа резчики в своей работе использовали еще целый ряд инструментов, таких как стамески, сверла (провертки), шилья, ложила и т.д. Однако эти инструменты имели второстепенное, вспомогательное значение при подготовке заготовки к художественной резьбе, дополнительной обработке резного рельефа, прорезании отверстий. Существовал и довольно жесткий консерватизм в выборе материала для изготовления конкретного вида изделий. Практически все украшения человека и коня выполнены из древесины сибирского кедра, крупная посуда из прикорневой части ствола березы, посуда с резными рукоятками из березового нароста - капа.

Трасологические исследования показали, что деревянные предметы с художественной резьбой, составлявшие погребальный инвентарь носителей пазырыкской культуры, изготавливались как сразу после смерти человека, специально для погребального обряда [Грязнов, 1950, с. 69], так и задолго до похорон. Сохранились следы потертости, сработанности и ремонта на местах старых изломов – свидетельство длительного использования предметов в быту [Руденко, 1960, с. 239].

Одна из главных составляющих феномена художественной резьбы в скифское время - производство деревянных предметов парами и сериями. Украшения женского головного убора, нашейные украшения, полный сбруйный комплект украшений коня, в зависимости от статуса погребенного, составляли от одного до трех десятков предметов. Для сбруйных комплектов украшения коня характерен большой набор повторяющихся образов диких и домашних животных, птиц, фантастических зверей, антропоморфных изображений. Иногда в одном наборе можно насчитать до двух десятков совершенно одинаковых по форме и размерам рельефа резных предметов, зачастую специально изготовленных мастером в процессе творческой подготовительной работы для точного размещения на правом и левом боку животного.

Главная загадка, один из феноменов художественной резьбы – в скифское время на Алтае, «когда золото было доступно, в различных, правда, количествах, всем группам населения» [Киселев, 1951, с. 358], все украшения вырезали из сибирского кедра и покрывали их золотой фольгой [Полосьмак, 2001, с. 35; Грязнов, 1950, с. 45].

В синхронных погребениях Казахстана (Чиликты, Иссык, Бесшатыр) среди многочисленных золотых украшений и сохранившихся деревянных предметов не найдено ни одного украшения из дерева или фольги от него. В погребениях скифского времени Синьцзяна найдены деревянные каркасы для кожаных колчанов с криволинейной резьбой и растительным орнаментом, но нет данных о других видах украшений из дерева [Полосьмак, 1998, с. 337-343]. Нет таких сведений и по скифским погребениям Северо-Западной Монголии. Вообще, во многих археологических памятниках того времени, где в той или иной степени сохранились деревянные предметы быта и вооружения, изделия с художественной резьбой не встречены.

Раскопки нового тысячелетия в кургане Аржан-2 в Туве показали, что и в этих памятниках украшения из дерева не обнаружены, хотя там сохранились фрагменты древков от внутрисрубных конструкций, ковши из березового нароста капа, жертвенное блюдо-стол, деревянная основа горита с чешуйчатым орнаментом, деревянные составные гребни тонкой работы [Никитина, 2004, с. 56-63].

В гуннское время, судя по материалам могильника Ноин-Ула, художественные достоинства резьбы по дереву заметно снизились, появился схематизм и геометричность, из арсенала резчиков исчезли антропо и зооморфные образы. Техника резьбы стала заметно грубее и проще, в основном одного вида - плоскорельефная, а самих изделий с художественной резьбой в погребениях значительно меньше. Аналогичные трансформации фиксируются и на археологических материалах Северного Причерноморья [Сокольский, 1971, с. 241]. Очевидно, эти изменения были следствием влияния общеисторических и общекультурных процессов, происходивших на всем пространстве Великого Пояса Степей [Ольховский, 1977, с. 127; Марсадалов, 2001а, с. 159; Савинов, 2002, с. 135–138].

Анализ многочисленных косвенных источников показывает, что художественная резьба по дереву возникла в недрах каменного века. Ее развитие шло параллельно с развитием техники обработки камня и совершенствованием специализированных орудий деревообработки. Заметный прогресс в резьбе по дереву произошел в эпоху палеометалла с появлением первых металлических орудий. Дальнейший рост мастерства художественной резьбы по дереву связан с внедрением в арсенал инструментария резчиков орудий обработки из самого прочного материала – железа.

Первичные источники свидетельствуют, что в эпоху мезолита и бронзы специалисты художественной обработки древесины довольно успешно освоили мастерство скульптурной резьбы. Наивысшего расцвета искусство художественной резьбы по дереву в наиболее развитых странах достигло в раннем железном веке [Сокольский, 1971, с. 241], а в среде древних кочевников, на Алтае в скифское время у носителей пазырыкской культуры. Не смотря на то, что Алтай в эту эпоху был краем «грифов, стерегущих золото» [Геродот, 1972, с. 193; Полосьмак, 1994, с. 9] и изобилдовал месторождениями этого благородного металла [Киселев, 1951, с. 358], а пазырыкцы «были знакомы с плавкой золота и другими видами его обработки» [Грязнов, 1950, с. 46], практически все украшения для людей и их верных спутников и помощников коней местные резчики изготавливали из благородной древесины сибирского кедра и покрывали их тончайшей золотой фольгой. Ни в одной другой культуре скифо-сибирского круга, кроме как в пазырыкской, нет такого количества и разнообразия деревянных предметов с художественной резьбой, поражающих современных исследователей богатством и символикой образов, сложностью и тонкостью резьбы, изысканным изяществом ее исполнения.

Список литературы

- Волков П.В.** Стандартные схемы работы основными орудиями верхнего палеолита // Экспериментальная археология. Археологические вещи и некоторые вопросы источниковедения. – Тобольск, 1994. – Вып. 3. – С. 105–118.
- Волков П.В.** Новые аспекты исследований в экспериментальной археологии палеолита // Археология, этнография антропология Евразии, 2000. – № 4. – С. 30–37.
- Геродот** Геродот. История в 9-ти книгах. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во ГЭ, 1950. – 85 с.
- Иванова А.П.** Анапский саркофаг и древняя резьба на Боспоре в эпоху эллинизма // Труды Государственного Эрмитажа. – Л. – М., 1958. – Т. II. – С. 102 – 112.
- Керам К.В.** Боги гробницы ученые. Роман археологии. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 400 с.
- Киселев С.В.** Древняя История Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
- Марсаолов Л.С.** Новые исследования на Улуг Хоруме в Туве (предварительное сообщение) // Евразия сквозь века. – СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского госуниверситета, 2001а. – С. 155–159.
- Минасян Р.С.** Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // Археологический сборник. – Л.: ЛО Искусство, 1990. – № 30. – С. 67–76.
- Минасян Р.С.** Техника обработки бронз кобанской и колхидской культур. Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии // Археологический сборник. – Санкт-Петербург: Искусство, 1991. – № 31. – С. 5–14.
- Никитина К.Ф.** Реставрация археологических находок из органических материалов памятника Аржан-2 // **Аржан. Источники в Долине Царей:** Археологические открытия в Туве: Каталог выставки по материалам раскопок, проводившихся в 2000-2003 годах Центрально-Азиатской экспедицией Госэрмитажем совместно с Германским археологическим институтом. – СПб: «Славия», 2004. С. 56-63.
- Ольховский В.С.** Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА. – 1977. – № 4. – С. 108–128.
- Перепелкин Ю.Я.** Тайна Золотого гроба. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва “Наука”, 1968. – 172 с.
- Полосьмак Н.В.** Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы VI Годовой итоговой сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 337–343.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Савинов Д.Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2002. – 204 с.
- Сокольский Н.И.** Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. МИА. – М.: Наука, 1971. – № 178. – 287 с.
- Формозов А.А.** Искусство каменного и бронзового веков // Производство искусства в новых находках советских археологов. – М.: Искусство, 1977. – С. 7–41.
- Церен Э.** Лунный бог. Пер. с нем. Предисловие А. А. Нейхардт. – М.: Наука, Гл. ред. Вост. лит-ры, 1976. – 381 с.
- Эдинг Д.Н.** Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля. – М.: Труды ГИМ, 1940. – 104 с.

Д.В. Папин, Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, НИЦ «Наследие», Барнаул

О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУР СКИФСКОГО КРУГА НА ВЕРХНЕЙ ОБИ*

В VIII-VII в. до н.э. в степных и горных районах Западной Сибири и Саяно-Алтая складываются раннескифские культуры, а на территории лесостепной зоны вплоть до конца переходного времени от бронзы к железу сохранялись традиции эпохи поздней бронзы, но и здесь появляются элементы ставшие ведущими в последующий период раннего железного века. В материальной культуре населения Верхнего Приобья, это выразилось в бытовании новых типов изделий - предметов вооружения и деталей конской упряжи, в изменениях орнамента керамики. Происходят изменения и в погребальном обряде, в могилах появляется вооружение, фиксируются ритуальные действия с головой коня при погребении. Важно отметить, что данные процессы были характерны для Западносибирской лесостепи в целом. [Папин, 2002, 2003, 2004; Папин, Шамшин, 2005; Труфанов, 2003; Тур, Фролов 2001].

Огромное значение на культурно-историческую обстановку региона оказывали процессы культурогенеза на сопредельной территории степного Алтая. Если для периода эпохи поздней бронзы мы можем говорить о взаимовлиянии (на территории степного Алтая встречаются памятники ирменского облика, а в ирменской керамической традиции Приобья проявляются элементы саргаринско-алексеевской культуры и т.д.), то для периода VIII-VII (VI) вв. до н.э. зона распространения большереченской керамической традиции ограничена Приобьем. Более того, картографирование городищ переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку юга Западной Сибири (Елбанка, Староалейка IV, Елунинское культовое место, Чича I, показывает, что расположены они по краю лесостепной зоны. Но наибольшее скопление укрепленных поселений приходится на междуречье рек Бии и Катунь: Солонцы III, Пикет, Королев Лог, Усть-Иша 2, 3а. [Абдулганеев, 1997; Абдулганеев, Папин, 1999, Папин, 2004]. Городища защищают со стороны степной части Обь-Иртышского междуречья что связано с появлением раннескифского населения в алтайских степях.

Еще М.П. Грязнов отмечал наличие убитых людей на памятниках переходного времени Верхнего Приобья. Это же подтверждается по данным Бобровского могильника. На скелетах часто встречаются травматические повреждения. Причем погребенные в этих могильниках убиты наконечниками раннескифских типов [Грязнов, 1956; Тур, Фролов, 2001; Шамшин, Фролов, Медникова, 1996]. В связи с этим нельзя не отметить синхронное поселение Мыльниково. При исследовании данного памятника были зафиксированы многочисленные следы пожара, брошенных вещей и других признаков свидетельствующих, скорее всего, о его гибели вследствие военного набега [Папин, Шамшин, 2005]. Все это говорит о том, что отношения большереченцев со своими ближайшими соседями «ранними скифами» степных районов Алтая и Кулунды, чужеродными им не только по культуре, но и по происхождению нередко принимали форму вооруженных конфликтов. В то же время фиксируются случаи включения «ранних скифов» (мужчин) в структуру большереченских популяций. В антропологической серии Бобровского грунтового могильника (датируемого авторами VIII-VII вв. до н.э.) выделяется группа мужских погребений с северо-западной ориентацией и краниологическими параметрами характерными для «ранних скифов» степной зоны Алтая [Тур, 2001; Тур, Фролов, 2001; Шамшин, Фролов, Медникова, 1996].

Вероятно уже в VIII-VII вв до н.э. группы населения культур раннескифского круга присутствуют на Кулундинской равнине. Погребальных памятников этого периода пока не обнаружено. Наиболее ранние могильники

* Выполнена при поддержке РГНФ № 06-01-00510а «Происхождение культур скифского круга на Верхней Оби».

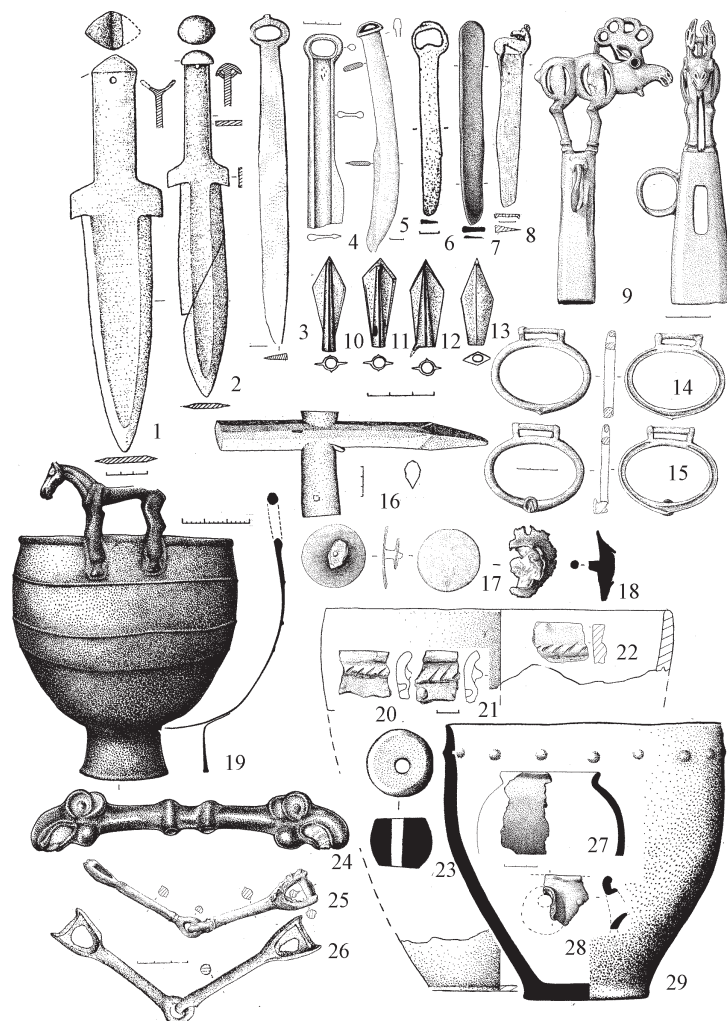

Рис. 1. Лесостепной Алтай. VIII-VI вв. до н.э.

1, 10- Завьяловский р-н; 2 - с. Петухи, Ключевской р-н; 3- пос. Новосклониха 1; 4- с. Буканское; 5- пос. Новенькое 11; 6, 23 - пос. Рублево 5; 6, 18, 20-22, 28, 29 - пос. Горелый Кордон 1; 8- пос. Белое 3; 9 - с. Штабка; 11- пос. Калиновая Ляга; 12- Каменский р-н; 13 - Вознесенское 6; 14, 15, 17, 25 - мог. Рублево 6; 16-с. Урлапово; 19- с. серебрениково; 24- с. Завьялово; 26- с. Гуселетово 1-19, 24-26 - бронза; остальное - керамика.

скифского облика в Обь-Иртышском междуречье (Шелоболиха 3; Нижний Кучук 1; Ключи 3; Гоньба 2) датируются VII-VI вв. до н.э. [Фролов, 1999]. Но широкое распространение случайных находок раннескифского времени VIII-VII говорит о том, что территория алтайских степей в это время уже входила в круг влияния культур раннескифского облика [Иванов, 2005а; Фролов, Папин, 2004]. Кроме того, в пользу этого говорят и материалы нескольких поселений (Горелый Кордон 1; Рублево 5) степной зоны Алтая, материалы которых близки к стоянкам из Казахстана, которые М.К. Хабдулина связывает с ранними саками [Хабдулина, 2003]. На этих двух памятниках прослеживаются, черты смешения саргаринско-алексеевских традиций и культур скифского времени. [Фролов, Папин, Шамшин, 2002; Фролов, Папин, 2004].

На соседних территориях, Рудном Алтае, Восточном Казахстане, Горном Алтае погребальных памятников раннескифского времени обнаружено довольно много. Не исключено, что часть населения из этих регионов в летний период времени откочевывала севернее в степную и лесостепную зону Алтая, как это зафиксировано по материалам более поздних эпох. Поэтому в Кулунде и лесостепной зоне Алтая раннескифские памятники малочисленны.

Таким образом, в степной зоне на основе саргаринско-алексеевского и возможно бегазы-дандыбаевского населения при влиянии пришлых элементов формируются культуры раннескифского круга, и происходит переход к кочевому скотоводству, а в Верхнем Приобье традиции эпохи поздней бронзы консервируются, и продолжает развиваться многоотраслевое хозяйство. Усиливающееся давление со стороны степи приводит, к тому, что в Приобье создаются городища, но, в VII-VI вв. до н.э. в этом регионе появляются объекты уже скифского круга - ранние могильники староалейской (МГК 1, могильник 3), быстрянской, каменской культур (Шелоболиха 3; Рогозиха 1, Гоньба 2)

[Фролов, 1999; Фролов, 2004]. Материалы этих памятников уже кардинально отличаются от местных традиций. Только в погребальном ритуале староалейских племен, где доминируют новые элементы, традиции предшествующего населения органично включены в новую обрядовую практику, что отразилось в сохранении грунтовых захоронений.

Таким образом, скифские культуры Верхнего Приобья (быстрянская, староалейская, каменная) формируются не на основе местного населения переходного времени, а под влиянием мигрантов из других регионов. Каменная включает черты степной саргаринско-алексеевской культуры [Иванов, 2005б; Фролов, 1999; Фролов, Папин, 2004], а староалейская и быстрянская отдельные традиции населения переходного времени Верхней Оби. Причем ни в староалейских, ни в быстрянских комплексах, черт материальной культуры переходного времени практически не прослеживается [Фролов, 2004]. Поэтому говорить о местной основе, на которой формируются эти культуры, нам кажется не совсем верным. Все культуры скифского круга на Верхней Оби формируются при взаимодействии мигрантов из других регионов и местного населения. Причем традиции местных культур переходного времени от бронзы к железу подавляются пришельцами, и лишь отдельные элементы включены в новые культурные образования.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т.** Древнейшие городища северных предгорий Алтая // Известия лаборатории археологии.– Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997б. – Вып. № 2. – С. 53–61.
- Абдулганеев М.Т., Папин Д.В.** Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. - Барнаул, 1999. - С. 5–13.
- Грязнов М.П.** История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.-Л., 1956. № 48. – 256 с.
- Иванов Г.Е.** Два бронзовых кинжала раннескифского времени из лесостепного Алтая // Западная и южная Сибирь в древности. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2005а. – С.72-77.
- Иванов Г.Е.** О некоторых дискуссионных проблемах визучении каменной культуры Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2005б. – С. 41-46.
- Папин Д.В.** Проблемы трансформации позднебронзовых культур в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку на Верхней Оби // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. - Кн. 1. - Ч. I. - С. 206-208.
- Папин Д.В.** Проблема сложения археологических культур в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку на верхней Оби // Исторический опыт культурного и хозяйственного освоения Западной Сибири. - Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. - Книга I. - С. 341-343.
- Папин Д.В.** Культура населения лесостепного Алтайского Приобья в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Барнаул, 2004. - 21 с.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б.** Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку: монография. - Барнаул, Изд-во Алт. ун-та, 2005. - 202 с
- Труфанов А.Я.** К проблеме содержания понятия «переходное время к железному веку» // Исторический опыт культурного и хозяйственного освоения Западной Сибири. - Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. - Книга I. - С. 384-386.
- Тур С.С.** Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку (VIII-VII вв. до н.э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии № 7. - Горно-Алтайск, ГАГУ, 2001. - С. 67-82
- Тур С.С., Фролов Я.В.** О происхождении большереченской культуры Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII-VI вв. до н.э.) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. - Барнаул, 2001. - С.69-82.
- Фролов Я.В.** Некоторые проблемы в изучении памятников, датировемых VI-V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 211-219.
- Фролов Я.В.** Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
- Фролов Я.В., Папин Д.В.** О трансформации культурных традиций населения кулундинской равнины в VIII-VI вв. до н.э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. с. 31-42
- Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б.** Горелый Кордон I – первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды. // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура (Материалы международной научной конференции) – Барнаул, Изд-во Алтайского госуниверситета, 2002. – С. 135-139.
- Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М.** Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. - Барнаул, 1996. - С. 69-88.
- Хабдулина М.К.** Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация восточной Евразии. – Астана: Изд-во «Култегін», 2003. – Т. 1. – С. 189-214.

М.Н. Пшеницына
ИИМК РАН, Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПАМЯТНИКОВ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРЕДГОРЬЯХ САЯН НА ЮГЕ ХАКАСИИ*

Памятники древности, обнаруженные в окрестностях г.Саяногорска, расположенного в глубине Азиатского материка на южной оконечности Минусинской котловины в предгорьях Саян привлекали к себе внимание русских и зарубежных ученых еще с первой половины XVIII в. Финский ученый М.А.Кастрен во время своего путешествия в 1847 году по рекам Енисею и Абакану у села Означенного обнаружил камень с рунической надписью и раскопал расположенный неподалеку земляной курган. В 1889 году во время работ финской экспедиции под руководством профессора И.Р.Аспелина на средства финской общественности, у села Означенного было исследовано еще два кургана тагарской культуры. На одном из них стоял камень с надписью, обнаруженной М.А.Кастреном.

В 1971-1973 годах начальником 5 отряда Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР Ю.И.Трифоновым в районе пос. Майна и Означенное, проводились рекогносцировочное обследование и выборочные раскопки разнотипных сооружений, относящихся к различным периодам истории Южной Сибири и Центральной Азии, впервые после 1889 года.

В связи с большим значением этого региона для археологии и древней истории Южной Сибири в 1975 году для проведения рекогносцировочного обследования с целью выявления археологических памятников и выборочных их раскопок у пос. Означенное на территории строительства г. Саяногорска и Саянского алюминиевого завода ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) была организована Бейская экспедиция под руководством М.Н.Пшеницыной. В результате рекогносцировочного обследования экспедицией была составлена подробная карта-схема расположения археологических памятников на вышеуказанной территории.

В результате 10 лет работ экспедиции исследовано 37 курганов, относящихся к тагарской культуре (1975,1978,1979,1990-1996 г.г.). В проектируемой парково-спортивной зоне г.Саяногорска (могильники Летник II, Летник VI и Летник VII) и инженерных коммуникаций Саянского алюминиевого завода (могильник Означенное VII) раскопано 19 курганов, из которых восемь относятся к баиновскому и подгорновскому этапам тагарской культуры (VIII-VI вв. до н.э.), остальные - к ее сарагашенскому этапу (IV-III вв. до н.э.). При исследовании тагарских курганов в местности Ай-дай у юго-западной границы г. Саяногорска (могильники Ай-дай I, Ай-дай II и Ай-дай III) в могильнике Ай-дай II была выделена группа из четырех курганов, относящихся к биджинскому этапу (V-IV в.в. до н.э.). Остальные 14 раскопанных курганов в могильниках Ай-дай I - Ай-дай III с индивидуальными и коллективными захоронениями в погребальных камерах датируются сарагашенским этапом тагарской культуры (IV-III в.в. до н.э.).

Исследования погребальных памятников сарагашенского этапа в окрестностях г.Саяногорска дали много новой информации для реконструкции погребального обряда курганов с коллективными захоронениями. Следует подчеркнуть, что 30 % раскопанных склепов оказались неграбленными. В каждом из них было захоронено, в среднем, от 16 до 65 взрослых и детей (могильники Ай-дай I, III).

Под земляными насыпями четырех курганов высотой от 2 до 3 м, диаметром от 25 до 30 м обнаружены прямоугольные ограды размерами, в среднем, 23x27 м, сложенные в одном случае из валунов и крупной гальки, в двух других - из песчаниковых плит. В одной из оград - одна, в двух других - две, и еще в одной - три

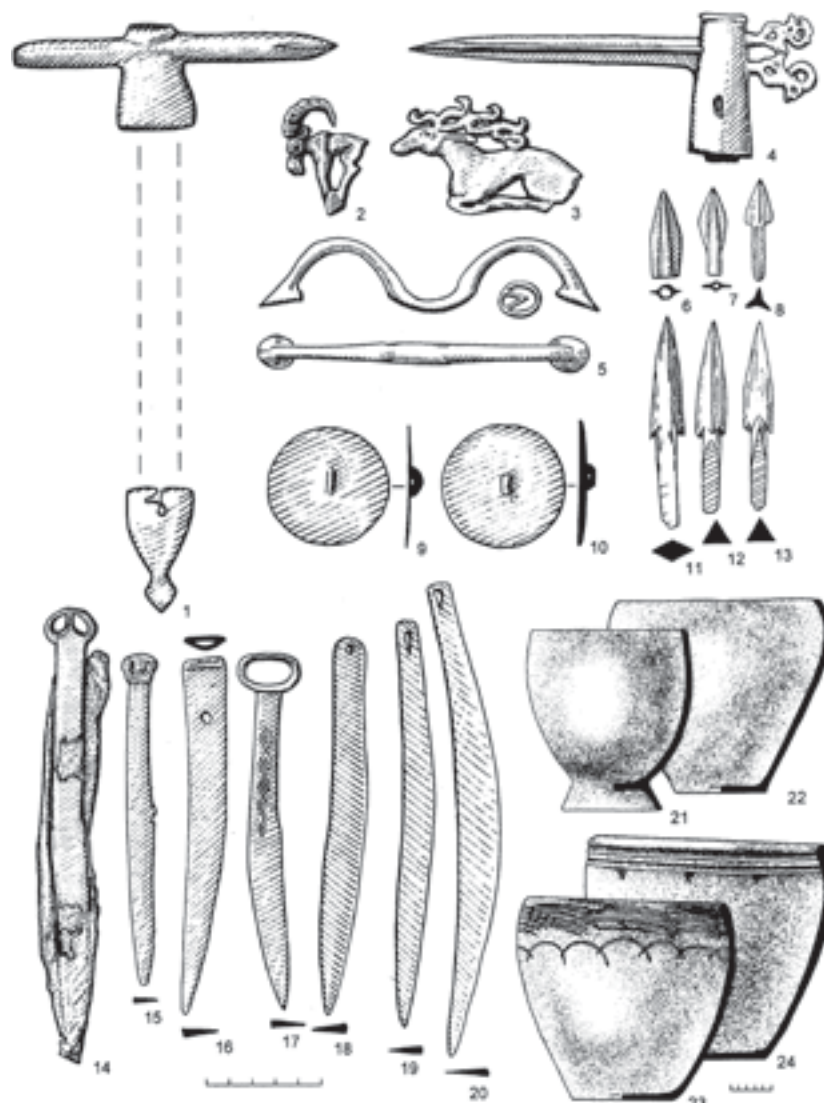
---

* Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

основных могилы с индивидуальными захоронениями. Размеры их от 3х3,3 до 4х4,1 м, глубина от 1,5 до 2 м. В каждой из могильных ям сохранились остатки бревенчатого сруба с дощатым полом. В одном из курганов могильника Ай-дай III (курган 4, могила 2) на полу сруба стоял гроб наподобие колоды, выдолбленной из толстого ствола лиственницы. Крышка для нее была сделана из другого такого же ствола. Размеры колоды 2,4х1,3 м. Стенки сруба, его пол и потолок, а также внешняя поверхность колоды и

крышки были закрыты листьями бересты. Могильные ямы покрыты одним-двумя накатами из бревен и застланы листьями бересты. Бревенчатое покрытие ям сверху часто заложено галькой и валунами в несколько слоев. Могилы ограблены. Из инвентаря следует отметить находки стеклянных глазчатых бус и бус из бирюзы и сердолика, фрагментов диадем из листового золота и бронзового литого навершия.

В восьми курганах под остатками насыпей высотой от 0,3 до 1 м, диаметром от 14 до 20 м, находилось по одной - две могилы размерами от 4х4 м до 4,2х4,4 м, глубиной от 1,2 до 1,5 м с коллективными погребениями взрослых и детей. В могильную яму поставлен бревенчатый сруб с потолком и дощатым полом площадью от 9,5 до 15 кв. м. Сверху ямы покрыты бревенчатыми накатами и берестой. В двух из исследованных погребальных камер было захоронено от 36 до 65 человек. При погребенных обнаружены орудия труда и оружие из бронзы: ножи, шилья, иглы, кинжалы, чеканы со втоками (рис. 1: 1) и наконечники стрел из бронзы (рис. 1: 7, 8) и кости (рис. 1: 12, 13). Значительный интерес представляют находки чеканов, украшенных одной - двумя

Погребальный инвентарь из курганов могильников Ай-Дай I, II, III.
Ай-Дай I, к. 2, м. 1-22; Ай-Дай II, к. 1: 7, 8, 12, 13, 16; к. 2, м. 1: 5; м. 2: 15; к. 4, м. 1: 1, 17; м. 2: 19, 23, 24; м. 3: 9, 10, 18; к. 6, м. 1: 6, 11; м. 2: 20; Ай-Дай III, к. 3, м. 1: 21; к. 5, м. 1: 2-4, 14.

фигурками горных козлов (рис. 1: 4) или фигуркой стоящего оленя, помещенных на обушке, ножей, рукоять которых завершается стилизованным изображением головы хищной птицы, или с фигуркой кабана на конце рукояти (рис. 1: 15), и ажурных «оленных» блях (рис. 1: 3). Часто встречаются наборы ножей, шильев и зеркал в футлярах из кожи (рис. 1: 14). Особо следует отметить находку тщательно отлитой фигурки горного козла, являющейся деталью бронзового навершия - украшения погребального ложа (рис. 1: 2). Из предметов туалета и украшений большой интерес представляют находки двух бронзовых зеркал с фигуркой животного вместо петельки, целой диадемы из листового золота, бус из бирюзы и сердолика. Найдены также предметы неизвестного назначения с рельефными головками копытного животного на обоих концах. В одном случае концы ИНН завершаются изображениями копыт животного (рис. 1: 5). Обращает на себя внимание малое количество глиняной посуды баночной и кубковидной форм по отношению к числу погребенных в могиле (рис. 1: 21, 22).

Сравнительный анализ погребального обряда индивидуальных и коллективных захоронений раскопанных тагарских курганов в могильниках Ай-дай I, III, Летник II, VII дает возможность рассмотреть некоторые вопросы социального состава тагарского общества в IV-III в.в. до н.э. Как и у кочевников Алтая, в среде тагарских племен в это время наблюдается процесс выделения родовой и племенной знати. Курганы знати по внешнему виду мало отличаются от курганов с родовыми склепами основного населения. Разница в том, что монументальные надмогильные сооружения в одном случае воздвигнуты над десятками погребенных родовичей, в другом - над индивидуальными могилами родовой знати. находка в одной из таких могил гроба-колоды из ствола лиственницы (могильник Ай-дай III курган 4) позволяет сделать предположение о существовании прямого контакта тагарского населения Присяняня в IV-III в.в. до н.э. с другой группой раннекочевнических племен, обитавшей на Алтае и получившей наименование пазырыкской. Исследования курганов на Ай-дае дали много дополнительной информации для реконструкции погребального обряда тагарских курганов с коллективными захоронениями, особенно благодаря тому, что два кургана могильника Ай-дай I, где было погребено от 36 до 65 человек в каждом, оказались непотревоженными. Эти могилы надо рассматривать как родовые или фамильные усыпальницы.

В могильниках Летник II и VII пять погребальных камер с коллективными захоронениями в какой-то момент были преданы огню. Можно думать, что этим актом завершалась процедура похорон всех погребенных в срубе. Обряд сожжения погребальных камер, появившийся на сарагашенском этапе, становится характерным для последующей хунно-сарматской эпохи на Среднем Енисее (II в. до н.э. — I-II вв. н.э.). Истоки распространения обычая сожжения погребальной камеры нам неизвестны.

Наибольший интерес при исследовании могильника Ай-дай II вызвали раскопки четырех курганов (курганы 4, 6, 7 и 8) с семью неграбленными захоронениями в бревенчатых срубах (от 2 до 20 человек взрослых и детей в каждом). Под остатками земляных насыпей высотой до 0,4 м обнаружены

каменные ограды из валунов и крупной гальки. Размеры их, в среднем, 12x15 м. Внутри каждой из оград находилось от двух до трех могильных ям глубиной 1-1,3 м. В яму поставлен сруб из бревен в 7-8 венцов. Размеры их, в среднем, 2,2x2,5 м. Сверху ямы покрыты бревенчатыми накатами.

Исследованные курганы по размерам и устройству могил, количеству погребенных в каждой из них, по формам и орнаментации глиняных сосудов (рис. 1: 23, 24), орудиям труда (рис. 1: 16-20), костяным и бронзовым наконечникам стрел (рис. 1: 6, 12, 13), предметам туалета (рис. 1: 9, 10) и украшениям относятся к переходному подгорновско-сарагашенскому типу памятников тагарской культуры, комплексы которого выделены в самостоятельный хронологический этап, названный биджинским. Устройство погребальных камер типично как для биджинских курганов, так и для сарагашенских. Коллективные захоронения до 20 погребенных и более характерны только для сарагашенских памятников. Керамика представлена классическими тагарскими формами - баночными сосудами и мисками. При этом можно отметить некоторые архаические черты, присущие еще подгорновскому этапу: утолщение по краю венчика и орнаментация желобками под ним. Имеются сосуды цилиндрической формы, известные только в могилах биджинского этапа. Из находок наиболее характерны ножи: пластинчатые с отверстием в рукояти чаще всего встречаются в подгорновских и биджинских памятниках, ножи с кольцевидным навершием получили распространение на сарагашенском этапе. Раскопанные курганы можно с одинаковым успехом считать и биджинскими и сарагашенскими, предварительно датируя их V-IV вв. до н.э. К этой же группе памятников относится курган в п. Тепсей XV, серия могил в курганах могильника Кичик-Кюзюр I и курган 5 в могильнике Улуг-Кюзюр I. Это примеры того, когда определить конкретный этап памятников тагарской культуры нелегко. Необходимо также отметить, что памятники биджинского этапа ранее были неизвестны в районе г. Саяногорска. Выявление их в предгорьях Саяна дает возможность проследить развитие погребального обряда на всем протяжении существования тагарской культуры на юге Хакасии.

К.Ш. Табалдиев

«ВОСЬМИКАМЕННЫЕ» ПАМЯТНИКИ И «ОЛЕННЫЕ» КАМНИ ТЯНЬ-ШАНЯ

О «восьмикаменных» памятниках Тянь-Шаня в научной литературе известно с начала XX века [Pumpelly, 1905; Винник и др. 1995; Кибиров, 1959; Ташбаева, 1995, 1996; 1987].

В Ат-Башинской долине Тянь-Шаня в одной из «восьмикаменных» оградок был найден клад, состоящий из бронзовых предметов [Табалдиев 1996а, 1996б]. Объект надежно датировался на основании бронзовых предметов, наиболее характерных для раннего сакского времени. Клад состоял из удил со стремячковидными окончаниями, распределителей ремня, пронизок с колпачком. Аналогичный же комплект бронзовых предметов был найден в этом же могильнике Кичи-Ача, но совершенно другого характера в памятнике, напоминающего квадратную в плане формы поминальную оградку со стелой.

Наибольшее количество «восьмикаменных» поминальных памятников обнаружено и частично раскопано К.Табалдиевым и Р.Бозер в Сонкульской долине [Табалдиев, Бозер, 2003.]. Согласно добытым материалам во Внутреннем Тянь-Шане, предлагается нижеследующая характеристика.

На территории Центрального Тянь-Шаня «восьмикаменные» оградки встречаются не на всех могильниках сакского и усуньского времени. Исходя из материалов Тянь-Шаня, отмечаются две разновидности одного и того же, или близкого по характеру, ритуально-поминального обряда, в процессе которых сооружали два варианта «восьмикаменных» оград:

1) «Восьмикаменные» оградки состоящие из двух, трех и девяти объектов, расположенных на отдельном участке. Каждая из них строго состоит из восьми валунов. Они почти не связаны с могильниками, т.е. сооружены на отдельных просторных участках долин или на участке, значительно удаленном от могильника. Поминальные памятники этой группы отличаются большими размерами (диаметр до 7 м), для сооружения, которых специально выбирались массивные камни, иногда их даже привозили с далекого расстояния. Яркий образец комплекс Таш-Тулга (Рис. 1, 1). Непосредственно около одной из «восьмикаменных оград» и вблизи комплекса установлены каменные стелы, напоминающие «оленные камни». Комплекс Таш-Тулга не связан с местом погребения умерших.

2) Второй вариант «восьмикаменных» оград отличается меньшим размером (Чондэбё и Кичи-Ача). Этот вариант сооружения оградок, рядом с местом погребения, непосредственно связан с поминальным обрядом конкретного умершего. Количество таких кольцевых оград доходит до 90 и обычно, они дугообразно окружают курганы (рис. 1, 4-5). Они не являются погребальными сооружениями. В Ат-Башинской долине, в могильнике Кичи-Ача присутствовали оба варианта оград. Они, «поминальнички», как правило, сооружены в западном секторе от курганов. На сегодняшний день известен только один «восьмикаменный» памятник с погребением человека.

Аналогичные памятники, также состоящие из восьми камней и примерно, таких же размеров как на Сонкёле, открыты и изучены на Горном Алтае в Туве. Они относятся к середине I тыс. до н.э. [Киселев, 1949; Кубарев, 1980, 1987, 1991, 1992; Илюшин, 1989]. Они идентифицируются как культовые памятники, где совершались поминальные церемонии. Считаю нужным напомнить о жертвенных сооружениях Центрального Казахстана, включенных в круг памятников эпохи бронзы [Маргулан, Акишев и др. 1966.]. Бронзовые изделия из Кичи-Ача включены в круг памятников ранней сакской культуры среднеазиатского региона [Горбунова, 2001]. Сонкульские культовые поминальные оградки (могильник Чон-Дэбё) окружавшие массивных курганов дугой с западного сектора относятся к середине I тысячелетия до н.э.

Обряд сооружения поминальных объектов на территории могильников, курганов хуннского времени на Тянь-Шане пока не выявлен. По всей вероятности, в хуннскую эпоху поминальные обряды и их материальные остатки носили иную форму, или оба обряда совершались в пределах мест погребений, без строительства объектов для совершения поминальных обычаев в честь умершего.

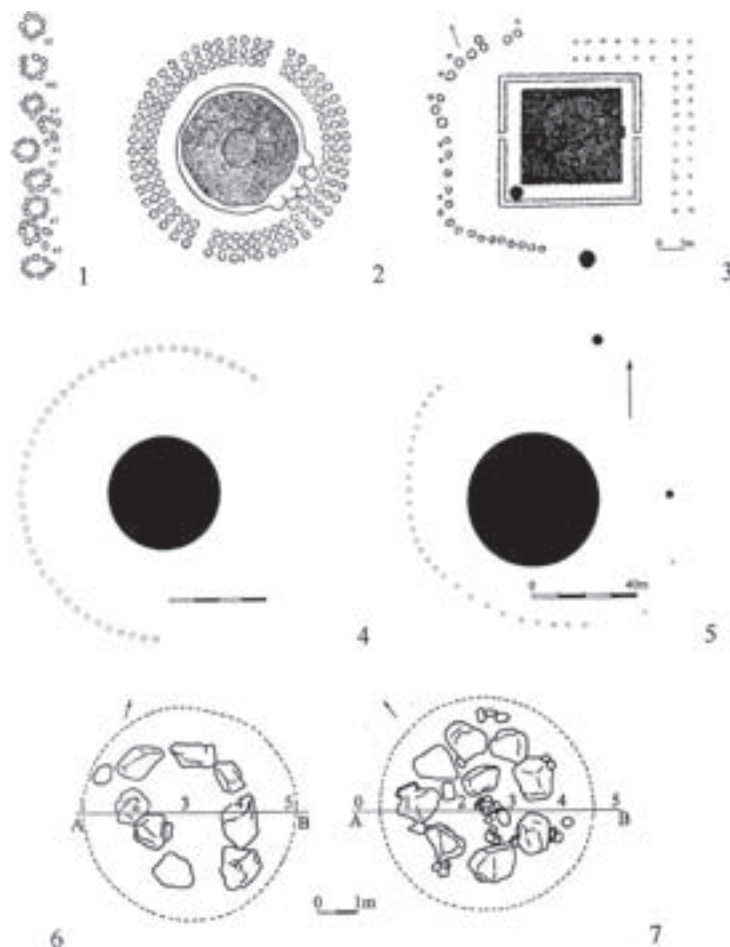

Рис. 1. «Восьмикаменные» оградки и курганы с «поминальниками».

1 – Сон-Кёл (Таш-Тулга, по Р. Пампелли); 2 – Берккаринский могильник (долина р. Талас, по А.Н. Бернштаму); 3 – Сон-Кёл (Жапырык, по К. Ташбаевой); 4–7 – Сонкёл (4–5 – Чон-Дёбе, 6–7 – Чалчык-Булак, по К. Табалдиеву и Р. Бозер).

Возрождение близкого по характеру поминального обряда в горных и степных зонах Центральной Азии произошло в середине I тысячелетия н.э. в периоды тюркских каганатов. На территории могильников стали устанавливать поминальные оградки квадратной или прямоугольной формы. С восточной или с западной стороны ограды устанавливали монументальные каменные изваяния.

Есть основания считать «восьмикаменные» поминальные оградки и кольцевые выкладки, окружающие курганы на Центральном и Внутреннем Тянь-Шане, привнесенными из восточных регионов Центральной Азии. Наше сопоставление с данными Алтая, в частности, памятников майэмйрского этапа пазырыкской культуры и саков Тянь-Шаня предпринимается не впервые. Для пазырыкской культуры характерны сопроводительные конские захоронения, что пока не известно в погребальных памятниках саков Тянь-Шаня. Культовые каменные выкладки округлой формы, состоящие из восьми камней, известны у саглинской культуры Тувы, датируемой У-Ш вв. до н.э. [Грач, 1980]. Грач А.Д. в своей монографии писал: «С культом лошади были связаны и кольцевые выкладки: Здесь, в характерном сочетании зафиксированы кости коней черепа и кости ног ниже голеностопного сустава (отсутствовали позвонки, ребра и крупные кости конечностей). М.П.Грязнов и Маннай-оол полагают, что это остатки конских шкур, в которых были оставлены черепа и нижние кости конечностей». В этом плане небезынтересно упомянуть нахождение бронзовых деталей узды в «восьмикаменной» оградке, в могильнике Кичи-Ача, в Атбашинской долине Внутреннего Тянь-Шаня.

Рассмотренный тип памятников - восьмикаменные поминальные оградки типа кичиачинских, с надежно датирующими материалами позволяют выделить ранние этапы культуры раннесакского времени на Тянь-Шане. Этот тип памятников и другие известные нам материалы, связанные с могильниками вынуждают выделить могильники с «восьмикаменными» оградками и могильники без них. В предстоящем этапе исследования, особо следует обратить внимание на хронологию, выделенных в данной статье, вариантов «восьмикаменных» памятников.

ков и на их взаимосвязь. Полученные результаты, несомненно, должны быть анализированы вместе с остальным комплексом – погребальными памятниками и другим видом поминальных памятников этого времени «оленными камнями».

Археолог В.П.Мокрынин и ввел термин «оленные камни» в качестве одного из типов памятников саков Тянь-Шаня [Мокрынин, 1986].

В Сон-Куле, в урочище Кыла 1997 году, нами во время археологической разведки, был обнаружен любопытный объект. На двух углах четырехугольного земляного возвышения высотой 0,30м стояли две стелы, высотой до 1м. На одной из них, наверху вырезан круг диаметром 10см. Четырехугольную земляную возвышенность на Сон-Куле (Кыла), на двух углах которой установлены стелы, можно представить как ритуальное предназначение.

Есть случаи когда «оленный камень» использовался позднее в качестве каменного изваяния. Сам факт повторного использования древнего поминального памятника через полтора тысячи лет древними тюрками в качестве каменного изваяния с изображением на обратной конечности является уникальным случаем.

Есть подобные стелы стелы в культовом комплексе Тулга-Таш, они непосредственно связаны с «восьмикаменными оградками». Эти статуарные памятники, напоминающие оленные камни, без изображений. Вполне вероятно, что изображения на них все же были нанесены (наклеены? – кожаные трафареты, матрицы) или по тем или иным причинам не производились. Они могли быть разрушенными впоследствии отслоения камня. В эпоху бронзы такие стелы не были известны. Этот тип памятников показывает отчетливые связи древних жителей Кыргызстана с указанными восточными регионами Центральной Азии.

Население Тянь-Шаня, оставившие «оленные камни», курганы, «восьмикаменные оградки» генетически были близко с населением Центральной Азии. Их носители имели непосредственное отношение к формированию сакской культуры Тянь-Шаня.

Список литературы

- Винник Д.Ф., Жаманкараев А., Умурзаков С.** Таш-Гулга //Манас. Энциклопедия. –Т.П. –Бишкек. –1995.
- Горбунова Н.Г.** Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан)// Древние цивилизации Евразии. История и культура. Москва 2001.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в Центре Азии. Москва, 1980.
- Илюшин А.М.** Комплекс культовых сооружений у кочевников Горного Алтая в Скифское время //Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы всесоюзной конференции. Часть 1. -Кемерово, 1989.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата 1966. С.154-159.
- Кибиров А.К.** Археологические работы в Тянь-Шане//Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции (ТКАЭ). -Москва, 1959.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР(МИА) №9.-М.,Л., 1949.-С. 169.
- Кубарев В.Д.** Археологические памятники Кош-Агачского района (*Горный Алтай*)//Археологический поиск (Северная Азия). -Новосибирск: Наука, 1980. -С.69-91. -рис.9;
- Савинов Д.Г.** Первичные материалы и стиль Саяно-Алтайских изображений раннескифского времени//Итого изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Сборник научных статей. –Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1998. –С.154-158.
- Табалдиев К.Ш.** Новые сведения из области духовной и материальной культуры сакского времени Тянь-Шаня//Древний и средневековый Кыргызстан. -Бишкек, Илим, 1996. -С. 172-177; Tabaldiev K.Š. Neue Funde der Sakenzeit aus dem Tien Shan//EURASIA ANTIQUA. Zeitschrift für Archdologie Eurasiens. Band 2. –Berlin? 1996. 355-361.
- Табалдиев К.Ш., Бозер Р.** Памятники ранних кочевников долины озера Сон-Куль// Стелы Евразии в древности и средневековье/ Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Санкт-Петербург, Книга 2. Часть 3. Бронза, ранние кочевники. Санкт-Петербург, 2003. -С.158-161.
- Ташбаева К.И.** Новые аспекты в культуре ранних кочевников Тянь-Шаня // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. -Бишкек, Илим, 1995. -С.30-43;
- Ташбаева К.И.** Археологические комплексы ранних кочевников Тянь-Шаня//Древний и средневековый Кыргызстан. -Бишкек, Илим, 1996. -С.44. Рис.4-5;
- Ташбаева К.И.** Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая: автореф. Дисс...канд. ист. наук. –Л.,1987. –С.9-11.
- Raphael Pumpelly** Explorations in Turkestan. Expedition of 1903, under the Direction of Raphael Pumpelly. Washington, 1905.

А.А. Туаллагов

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, Владикавказ

ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ О ПРЕБЫВАНИИ КОЧЕВНИКОВ СКИФО-САВРОМАТСКОГО КРУГА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

До последнего времени на территории Северной Осетии были известны предметы скифского облика, зафиксированные в погребениях кобанской культуры (могильники у ее. Кобан, Галиат, Камунта, Карца, Кумбулта, Чми, Донифарс, Заманкул, Комарово, г. Моздок), на поселениях (городища Эльхоты ком, Щарстаг, Дур-Дур III, Раздольненское, поселения Змейское, Сухая балка), или в качестве случайных находок (сс. Камунта, Кумбулта, Чми, Верхняя Рутха, Лезгор, Средний Урух, Лац, Дигорский оросительный канал у г. Чикола, ст. Николаевская, Змейская, холм у с. Гизель, святилище Реком) [Вольная. 2004].

В V-IV вв. до н.э. у кобанского населения Дарьяльского, Кобанского и Дигорского ущелий были контакты со скифами. Материалы из погребений кобанской культуры в Гастон Уота в Дигорском ущелье свидетельствуют о влиянии культур скифо-савроматского типа в V-IV вв. до н.э. Аналогию материалам из Гастон Уота усматривают в погребениях I и II Нартанских могильников, а также в савроматских погребениях [Маслов, Очир-Горяева. 1997; Вольная. 2004; Мошинский. 2004].

Сделанный ранее предварительный вывод по материалам захоронений у ст. Павлодольская и Черноярская Моздокского района о наблюдающемся процессе синтеза этносов и культур (савроматы и автохтоны) в контактной зоне Центрального Предкавказья [Наглер, Гриднев. 1986] нашел свое продолжение в сравнении с данными по погребениям у с. Сунжа. Был поставлен вопрос о существовании в этой части Центрального Предкавказья кобанского населения, теснейшим образом связанного с племенами скифо-савроматского круга [Березин. 2003]. Культурная близость Краснознаменской группы с Каменноостскими и Моздокскими, Комаровскими (Северная Осетия) погребениями объясняется включением собственно скифов в состав носителей смешанной кобано-скифской культуры [Ковалевская. 2005].

До последнего времени на территории республики не были известны собственно скифские памятники. Возможное исключение составляло разрушенное в 1934-1935 гг. погребение со скифской керамикой на правом берегу Терека, напротив г. Моздок [Кузнецов. 1965]. Новые археологические раскопки позволяют скорректировать устоявшуюся картину. В Сунженском могильнике представлены основные и единственные погребения в кург. №№ 7 и 17 VII-VI вв. до н.э. (раскопки П. К. Козаева 1991, 1993 гг.). Возле с. Брут исследованы основные погребения V-IV вв. до н.э. в кург. № 4 в катакомбе (раскопки В. Л. Ростунова) и кург. № 1 в срубе [Габуев, Эрлих. 2001]. Согласно предварительной информации, возле с. Донифарс в Дигорском ущелье обнаружено скифское изваяние (раскопки А. П. Мошинского 2004-2005 гг.), что могло бы указывать на непосредственное присутствие скифов в данном горном районе. К скифским памятникам могут относиться [Вольная. 2004] зафиксированные курганы у ее. Красногор, Став-Дорт, Чикола, Брут, Сунжа, Карца, Веселое, на окраине г. Владикавказ, грунтовые могильники на правом берегу Терека у кадетского корпуса г. Владикавказ и горы Иль.

На территории Северной Осетии были открыты и комплексы савроматской культуры. В их число следует включить кург. № 1, поф. № 7 у ст. Павлодольская, кург. № 1, поф. № 2 у ст. Черноярская, кург. № 3, поф. № 2 и кург. № 4, погр. № 2 у ст. Садовая Моздокского района VI-V вв. до н.э. [Наглер, Гриднев. 1986; Сосранов, Черджиев. 1990], кург. № 11, погр. № 3 Сунженского могильника конца V-IV вв. до н.э. (раскопки П. К. Козаева).

Полагают, что появление курганов Павлодольский (Северная Осетия), Этокский, Ачикулакский могло быть связано с продвижением какой-то части кочевого населения из междуречья Волга-Дон или Нижнего Поволжья, т.к. аналогичные, но хронологически более ранние памятники скифского облика известны на Нижнем Дону и в прилегающих областях Прикубанья [Махортых, 1991]. Погребения у ст. Садовая сопоставимы с погребением из кург. № 7 могильника Аксеновский, погребениями №№ 2, 4 кург. № 2 могильника Цаган-Усн.

Отмечаются прямые соответствия в погребальном обряде и инвентаре моздокских погребений с нижневолжскими на фоне открывающихся достаточно устойчивых связей кочевников Нижнего Поволжья с Северным Кавказом [Очир-Горяева, 1992; Маслов, Очир-Горяева, 1997]. Фиксируемая ярусность в моздокских захоронениях известна по погребальным памятникам «предсавроматского» и «савроматского» периодов в районе рр. Илек и Орь.

В сарматских погребениях II в. до н. э. из Моздокского района (Комарово, кург. № 1, погр. № 24, Павлодольская, кург. № 2, погр. № 1) представлены ювелирные украшения, которые близки ювелирным украшениям скифов, в том числе, изготовленным греческими мастерами на заказ [Абрамова, 1993]. Данные находки свидетельствуют о более продолжительном, чем считалось ранее, переживании скифских традиций в регионе.

Список литературы

- Абрамова М.П.** Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). – М., 1993. – 240 с.
- Березин Я.Б.** Погребения эпохи раннего железа с Владикавказской равнины // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – 2003. – Вып. 2. – С. 33–46.
- Вольная Г.Н.** Скифские культурные элементы в памятниках верхнего Притеречья // Ритмы истории – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2004. – Вып. 2,1. – С. 78–99.
- Габуев Т.А., Эрлих В.Р.** Два погребения V в. до н. э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока) // Материалы и исследования по археологии России. – 2001. – № 3. – С. 112–125.
- Ковалевская В.Б.** Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э.–I тыс. н. э. – М.: Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.
- Кузнецов В.А.** Новое в археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1965 // ОРФ СОИГСИ. – Ф. 6. – Оп. 1. Д. – 91.
- Маслов В.Е., Очир-Горяева М.А.** Об общих элементах в культуре нижневолжских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце V в начале IV вв. до н. э. // Труды Гос. Ист. музея. – 1997. – Вып. 97. – С. 62–74.
- Махортых С.В.** Скифы на Северном Кавказе. – Киев: Наукова думка, 1991. – 136 с.
- Мошинский А.П.** Древности горной Дигории VII–IV вв. до н. э.: систематизация и хронология: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 21 с.
- Наглер А.О., Гриднев В.В.** Новые материалы эпохи раннего железа из Моздокского района СО АССР // Этнокультурные проблемы эпохи бронзового века Северного Кавказа– Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1986. – С. 64–67.
- Очир-Горяева М.А.** О северокавказских элементах в культуре нижневолжских кочевников скифского времени // XVII Крупновские чтения. – ТД. – Майкоп, 1992. С. 52–55.
- Сосранов С.Р., Черджигов Э.Л.** Раскопки курганов в Моздокском районе Северной Осетии // XVI Крупновские чтения. – ТД. – Ставрополь, 1990. – С. 51–55.

Г.В. Туркин*Иркутский государственный технический университет, Иркутск*

К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДБАЙКАЛЬЯ В I тыс. до н.э.

Лесостепное Предбайкалье включает остепненные участки к западу от озера – Приольхонье, Кудинская долина, Унгино-Осинские степи и верхнее течение р.Ангары и Лены, Тункинская долина, небольшие участки на северо-западном побережье Байкала и в районе с.Большое Голоустрое.

Изучение погребально-поминальных комплексов эпохи поздней бронзы – раннего железа на указанной территории продолжается уже более 125 лет. Несмотря на постоянно пополняемую базу фактического материала попыток его обобщения в рамках интерпретации культурного взаимодействия не проводилось. Для одних исследователей погребальные комплексы четко разделялись как в хронологическом, так и в культурном отношении, что полностью исключало вероятность каких бы то ни было контактов между населением, их оставивших (Горюнова, 1993), другим массив захоронений представлялся недостаточным для анализа (Харинский, 1995).

Однако с 1994 г. автором накоплен фактический материал благодаря целенаправленным раскопкам захоронений рассматриваемого периода в лесостепном Предбайкалье, в основном на территории Приольхонья. Это позволяет представить эволюцию отдельных культурных традиций в погребальном обряде населения лесостепной зоны Предбайкалья в I тыс. до н.э.

Согласно последним археологическим данным на этой территории отмечается несколько групп, значительно различающихся по деталям погребального обряда – четыре группы плиточных могил, бутухейская (Горюнова, 1993; Туркин, 2004), будунская (Туркин, 2003) и елгинская (Горюнова, 1993; Харинский, 2001). Вопрос о более раннем возрасте т.н. шумилихинской группы, характерным признаком погребального обряда которой является сидячее положение погребенных, можно считать окончательно решенным (Туркин, Харинский, 2004), несмотря на попытки отдельных исследователей реанимировать научные представления полувековой, по крайней мере, давности (Горюнова, 2002).

Хронологические рамки существования различных погребальных традиций по современным представлениям, основанным на данных радиоуглеродного датирования, различны, в том числе и по разным районам Предбайкалья. Из семи указанных групп погребений, первые пять существовали в течение большей части I тыс. до н.э. На основе 26 радиоуглеродных определений возраста погребений современная хронологическая картина приведена в таблице 1.

Бутухейская погребальная традиция существует не позднее, чем с XVII в. до н.э. в Ангарской долине вплоть до последних веков I тыс. до н.э. Возможно, несколько позднее, начиная с XIV в. до н.э. эта традиция представлена в Приольхонье, где исчезает не ранее V в. до н.э. На северо-западном побережье Байкала ее существование укладывается в рамки VI в. до н.э. - I в. н.э. Захоронения тырганской группы представлены среди плиточных могил наиболее широко как географически - в Приольхонье и Кудинской долине, так и хронологически - их существование определяется как XII-III вв. до н.э. Хужирская группа зафиксирована в Приольхонье с VII-V вв. до н.э. и несколько позднее на северо-западном побережье – на рубеже эр. Хоторукская и хужир-нугойская группы отмечены только в Приольхонье в диапазоне VII-III вв. до н.э. и IX-III вв. до н.э. соответственно. Последняя из групп, будунская, представляет собой два захоронения детей под плоскими округлыми кладками, расположенными в непосредственной близости от плиточных могил, отнесенных по способу оформления надмогильных конструкций к хоторукской и хужирской группам.

Таблица. 1. Абсолютная хронология погребений конца II – конца I тыс. до н.э. лесостепного Предбайкалья.

Группа	Абсолютные даты по погребениям и их относительная датировка по районам Предбайкалья			
	Приольхонье	Кудинская долина	Унгино-Осинские степи и верхнее течение р. Ангара	Северо-западное побережье Байкала
Бутухейская	3210±65; 3140±70; 2460±100 (XIV-XIII – VI-V вв. до н.э.)	2775±135 (X-VIII вв. до н.э.)	3445±75; 2750±45; 2165±60 (XVII-II вв. до н.э.)	2370±45; 2025±75; 1980±65 (VI в. до н.э. – I в. н.э.)
Тырганская (ПМ)	3100±35; 2620±50; 2520±90; 2230±50 (XII – IV-III вв. до н.э.)	2640±110 (IX-VII вв. до н.э.)	Не отмечены	Не отмечены
Хужирская (ПМ)	2420±60; 2440±100; 2590±30 (VII-V вв. до н.э.)	Не отмечены	Не отмечены	1940±90 (II в. до н.э. – I в. н.э.)
Хоторукская (ПМ)	2575±115; 2520±50; 2280±65 (VII - IV-III вв. до н.э.)	Не отмечены	Не отмечены	Не отмечены
Хужир-Нугуйская (ПМ)	2790±50; 2360±90; 2340±60; 2300±90 (IX-III вв. до н.э.)	Не отмечены	Не отмечены	Не отмечены
Будунская	Не датированы	Не отмечены	Не отмечены	Не отмечены

Таким образом, наиболее исследованным период позднего бронзового – раннего железного веков предстает в одном из районов лесостепного Предбайкалья – Приольхонье. Именно здесь фиксируются все выделенные типы плиточных могил, и, кроме того, в Приольхонье появляются наиболее ранние из них.

Следовательно, шесть различных подходов к форме реализации погребального обряда, причем существовавших некоторое время синхронно на единой территории, требует объяснений. Наиболее реальным из возможных можно считать различную этническую принадлежность населения, оставившего различные группы погребений. Все без исключения исследователи, касаясь вопроса о происхождении носителей культуры плиточных могил, указывали на его забайкальские корни. Однако по поводу причины первого появления плиточников к западу от Байкала предположения высказывались разные: и миграция под давлением экспансионистской политики хуннского племенного союза (Окладников, 1955; Асеев, 2003); и основание торговой фактории (Цыбиктаров, 1998). После получения первых радиоуглеродных определений (Мамонова, Сулержицкий, 1989) первая гипотеза может считаться скорее историографической, чем исследовательской. Вторую после значительного удревления времени появления плиточников (с VII до XII вв. до н.э.) (Туркин, 2003) следует воспринимать осторожно. К настоящему времени в Приольхонье выявлено свыше 55 отдельных пунктов расположения плиточных могил, покрывающих практически все остепненное пространство. Крупные могильники, состоящие более чем из 5-6 захоронений, практически неизвестны. Более характерны одиночные и состоящие из 2-4 погребений местонахождения. Такое положение, на наш взгляд, свидетельствует в пользу того, что пришлое население было заинтересовано скорее не в экстенсивном развитии скотоводческой экономики, а в продуктах таежного производства.

Несомненно, миграция нового населения, обладавшего находившейся на более высоком уровне развития культурой, неизбежно должна была привести к контактам с обитавшим в Приольхонье с эпохи неолита населением. А.Д.Цыбиктаров (1998) указывая на более частые находки в предбайкальских плиточных могилах предметов вооружения, предполагает наличие военных столкновений между аборигенным и пришлым населением. Однако объяснение этому можно предположить в неравнозначности сохранения сопроводительного инвентаря, в реальном отражении обыденного существования населения которым также можно усомниться. Возможно, какие-то столкновения и происходили, но к VII в. до н.э. отмечается появление новых форм оформления надмогильных конструкций плиточных могил и изменения в погребальном обряде бутухейского населения, что, видимо, указывает на более глубокие контакты между двумя группами населения Приольхонья. Например,

в бутухейских погребениях начинают фиксироваться костные остатки домашних животных (череп, позвонки, копыта), расположенных к востоку от захоронения в специально подготовленном углублении, что отмечено также в нескольких плиточных могилах. Особых отличий в предметном комплексе плиточников и бутухейцев не наблюдается, но в бутухейских захоронениях начинают встречаться украшения, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. В конструктивном отношении плиточные могилы хужирской группы представляют собой нечто среднее между плоской кладкой и снабжены необходимым минимальным набором строительного материала для сооружения характерного отличительного элемента плиточной могилы - оградки. По-видимому, исчезновение после V в. до н.э. бутухейских погребений свидетельствует об интеграции по крайней мере части аборигенного населения в скотоводческое общество. Примерно с этого времени (VI в. до н.э.) бутухейские захоронения фиксируются на северо-западном побережье Байкала, поэтому можно предположить, что другая часть бутухейцев оказалась вытесненной сюда из Приольхонья. Вне всяких сомнений дальнейшие исследования позволят уточнить картину межкультурных контактов в лесостепном Предбайкалье в I тысячелетии до нашей эры.

Список литературы

- Горюнова О.И.** Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: (Тез. и мат-лы науч. конф.). - Улан-Удэ, 1993. - С. 76-80.
- Горюнова О.И.** Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). – Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. Ун-та, 2002. – 84 с.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.** Опыт датирования по C^{14} погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. – 1989. - № 1. – С. 19-32.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 374 с.
- Туркин Г.В.** Лесостепное Предбайкалья в кон. II – I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов). Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. – Иркутск, 2003. – 24 с.
- Туркин Г.В.** Особенности погребальных традиций населения эпохи поздней бронзы - раннего железа лесостепного Предбайкалья / Вестник ИрГТУ. - 2004. - № 4 (20). - С. 25-31.
- Туркин Г.В., Харинский А.В.** Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита-бронзового века на Южном Байкале // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2004. – Вып. 2. - С. 124-158.
- Харинский А.В.** О появлении скотоводства в Предбайкалье // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. - Омск, 1995.- Ч. 2. - С. 95-98.
- Харинский А.В.** Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2001. – 199 с.
- Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.

Я.В. Фролов

НИЦ «Наследие», Барнаул

МАТЕРИАЛЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НОВОАЛТАЙСКОГО МОГИЛЬНИКА*

В 1975 году в ходе строительных работ на окраине г. Новоалтайска был разрушен Новоалтайский могильник. Основной комплекс памятника относится к скифскому времени. Он располагался на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Оби. В ходе строительства рабочие натолкнулись на захоронения, о чем сообщили в Новоалтайский городской краеведческий музей. Сотрудники этого музея под руководством В.А. Полянина и работник Алтайского государственного краеведческого музея Э.М. Медникова обнаружили на памятнике более 35 могил разной степени сохранности. Полевой документации о раскопках почти не сохранилось.

Над погребениями Новоалтайского могильника были невысокие земляные курганные насыпи. Из-за разрушений их количество и размеры выявить не удалось. Могилы на площадке строительства располагались беспорядочно. Выделяются только два скопления погребений, вероятно, находившихся под отдельными курганными насыпями. Все захоронения сделаны в грунтовых ямах подпрямоугольной формы. Стенки ям прямые. В одном случае зафиксированы заплечики. Средние размеры ям для взрослых – 0,8-1,5 м × 2-2,5 м. Захоронения одиночные. Обнаружена 1 могила с двумя взрослыми и ребенком. Погребенные уложены вытянуто на спине. Преобладающая ориентация головой в западный сектор (примерно в равных пропорциях на ЮЗ, СЗ и З).

Инвентарь погребений представлен большой серией керамики (Рис. 2, 1-25). В ее составе сосуды кувшиновидной и баночной формы. В целом керамическая серия занимает промежуточное положение, между керамикой из каменных могильников Новосибирского Приобья (Новый Шарап 1, Ордынское 1 и т.д.), где встречается много банок и орнамент сравнительно беден [Троицкая, Бородавский, 1994] и сосудами из могильников алтайского левобережья (Рогозиха 1; ЕКМ 1 и др.), где преобладают кувшиновидные сосуды и елочный орнамент [Уманский и др., 2005; Кирюшин, Фролов, 1998].

Оружие представлено обломком конца лезвия железного кинжала (Рис. 1, 33). Здесь найдено 6 ножей. Один – пластинчатый бронзовый, без выделенной рукояти с прямой спинкой, очень архаичного облика (Рис. 1, 6). Основные аналогии этому изделию происходят из памятников VIII-VI вв. до н.э. [Фролов Я.В., 1996]. Железные ножи представлены несколькими типами. Два из них – кольчатые. Наиболее интересен нож с широкой петлей и узким лезвием, напоминающий звено удила (Рис. 1, 8). Но для удила стержень слишком длинный. Еще два железных ножа имеют прямую спинку. Рукоять не выделена. На ее конце имеется отверстие удлиненной формы (Рис. 1, 10-11). Пряслица – четыре экземпляра. Два биконической формы (Рис. 2, 27, 29). Одно имеет трапецевидный разрез (Рис. 2, 30) и другое прямоугольный срез (Рис. 2, 31). Два пряслица имеют орнамент из радиальных линий (Рис. 2, 30-31), одно – из ногтевых вдавлений (Рис. 2, 27). Возможно, к орудиям труда следует отнести и железный стержневидный полой внутри предмет (Рис. 1, 5). Курильницы представлены двумя экземплярами. Обе небольшие подпрямоугольной формы с закругленными углами (Рис. 2, 26, 28). Одна из них имеет четыре ножки (Рис. 2, 28). Украшения представлены шпильками нескольких типов. Одна – с железным стержнем и шляпкой из бронзы с орнаментом в виде розетки (Рис. 1, 1), – две бронзовые обложенные рифленным золотым листом (Рис. 1, 3, 4). У одной из них была шаровидная головка из золотого листа, орнаментированная несколькими выпуклостями (Рис. 1, 4). Еще одна шпилька имеет лопатковидное расширение на конце (Рис. 1, 2). Шейные украшения представлены гривнами из бронзового прута (Рис. 1, 29-32) и ожерельями из пастовых, костяных и каменных бусин (Рис. 1, 14-

*Выполнена при поддержке РГНФ № 06-01-00510а «Происхождение культур скифского круга на Верхней Оби».

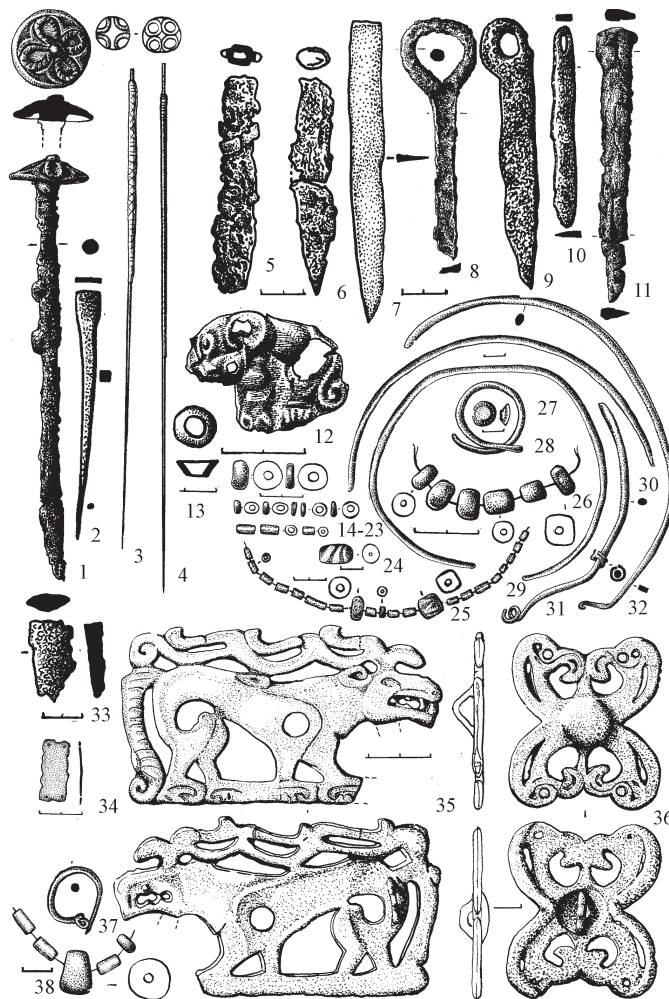

Рис. 1. Новоалтайский могильник. 1- железо, бронза; 2,7,13,27-32,34-37 – бронза; 3,4 – бронза, золото; 5,6,8-11,33 – железо; 12-золото; 14-26,38 – кость, паста, камень.

26,38). Найдена одна бронзовая проволочная восьмерковидная серьга (Рис. 1, 37) и две фигурные подпрямоугольной формы нашивки из тонкого бронзового листа с отверстиями для пришивания по углам (Рис. 1, 34). Обнаружена одна бронзовая коническая пронизь (Рис. 1, 13). Пуговицевидная бляха нашивка имеет перфорированный край (Рис. 1, 27). К деталям поясного набора относится свернутое из бронзового прута кольцо (Рис. 1, 28). Совместно найдены две крупных бронзовых поясных бляхи щитки, которых оформлены в зооморфной манере. Одна из них со щитком, изображающим стоящего рогатого хищника, по всей вероятности, является пряжкой (Рис. 1, 35). Известна полная аналогия этой бляхи. Она обнаружена в могильнике Новый Шарап – I, датирующемся VI-IV вв. до н.э. [Троицкая, Бородавский, 1994]. Не совпадают некоторые мелкие детали. Как отмечает И.А. Дураков обе бляхи сделаны в одной литейной форме или в формах изготовленных с одного штампа-матрицы [Дураков, 2001]. Оба изделия имеют литейный брак. У бляхи из Нового Шарапа 1 недолитой оказалась часть морды, в результате чего она приобрела несколько иные, чем на Новоалтайском изделии конфигурации. На предмете из Новоалтайска отсутствует голова барана под пастью фантастического зверя, которая отломлена после отливки.

Полную аналогию имеет и другая бляха из Новоалтайского могильника. Это бантовидная бляха на щитке которой изображены четыре по парно совмещенные головы хищной птицы (Рис. 1, 36). Почти идентичное изделие происходит из Нарымского Приобья. Эти бляхи так же, вероятно, сделаны по одной матрице или изготовлены в одной литейной форме [Яковлев, 1991].

Довольно много близких аналогий имеет бляха нашивка из золотой фольги в виде стоящего хищника из семейства кошачьих (Рис. 1, 12). В лесостепном Алтае близкие бляшки найдены в могильнике староалейской культуры МГК I и в могильнике Ключи 3. На Алтае и сопредельных территориях подобные бляшки датируются VII-V вв. до н.э. [Кунгуров, Фролов, 1995].

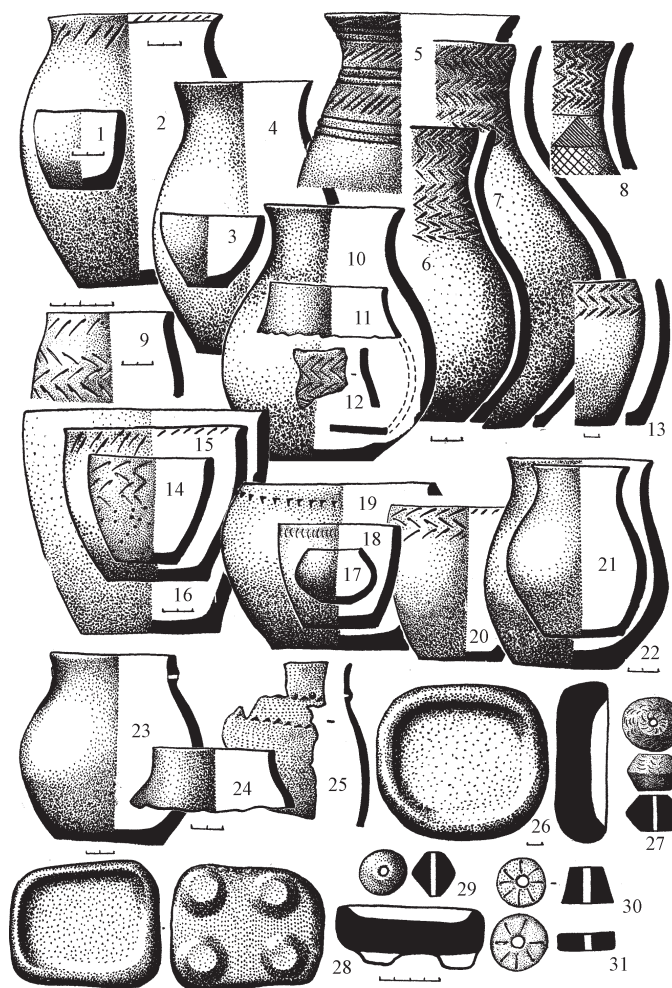

Рис. 2. Новоалтайский могильник. 1-25, 27, 29-31 – керамика; 26, 28 – камень.

В целом, инвентарь и погребальный обряд Новоалтайского могильника характерен для памятников каменной культуры. Вещевой комплекс памятника можно датировать VI-IV вв. до н.э. Но ряд предметов - бляха нашивки в форме кошачьего хищника, коническая пронизь, бронзовый нож датируются в рамках VII-V вв. до н.э. Поэтому, наличие этих предметов в коллекции позволяет говорить о том, что, по крайней мере, несколько погребений на этом могильнике могут относиться к VI-V вв. до н.э. В связи с этим возникает проблема - всего в 3 км от этого памятника находится могильник староалейской культуры Фирсово XIV, который датируется так же VI-V вв. до н.э. А в 2 км расположен могильник Фирсово II ранний комплекс, которого датируется IV-II вв. до н.э. Этот памятник, грунтовый могильник носит смешанный характер. Он относится к каменной культуре, но в его материалах присутствуют черты, которые можно связать со староалейской культурой [Фролов, Шамшин, 1999]. Рассматривая могильники скифского времени в одном микрорайоне, можно реконструировать локальную этнокультурную ситуацию следующим образом. Вероятно, в V в до н.э. в на правобережье Оби начинает проникать население каменной культуры, которое вытесняет и ассимилирует староалейцев. Уже с IV в до н.э. на этой территории распространяются только памятники каменной культуры, включающие в себя отдельные староалейские элементы.

Находки практически аналогичных изделий бронзовых поясных блях в довольно отдаленных памятниках, что для предметов подобного рода случай уникальный, наглядно демонстрируют тесную взаимосвязь различных культурных образований в Верхнем и Среднем Приобье. Аналогичные предметы встречены во всех культурах рассматриваемого региона; староалейской, каменной, кижировской. Все это говорит о том, что в период с VI по IV вв. до н.э. они сосуществовали и активно взаимодействовали в Приобье. Обособленность этих культур на определенном этапе связана, вероятно, с тем что население оставившее памятники

ки VI по IV вв. до н.э. в Верхнем Приобье занимало разные экологические ниши начиная от степей и до тайги и имело в своем составе разные по происхождению компоненты. Активные контакты, смешение населения в Верхнем Приобье привели к тому, что к IV-III вв. до н.э. культурные различия у населения этого региона нивелируются и с этого времени можно уже говорить о едином культурном образовании в этом регионе.

Список литературы

- Дураков И.А.** Цветная металлообработка раннего железного века (по материалам Новосибирского Приобья): Дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2001.
- Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В.** Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 110-136.
- Кунгуров А.Л., Фролов Я.В.** Могильник раннего железного века на МГК-I // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995 – С. 94-99.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большеереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1994. – 184 с.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.** Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – 204 с.
- Фролов Я.В.** Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I (по материалам М.Д. Копытова и С.М. Сергеева 1925, 1928 гг.) // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. –С. 135-143.
- Фролов Я.В., Шамшин А.Б.** Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово –III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 219-226.
- Яковлев Я.А.** Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. – Томск Изд-во ТГУ, 1991. –С.115-142.

И.Ю. Чикунова*Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень*

КЕРАМИКА КАШИНСКОГО ТИПА В КОМПЛЕКСАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЗАУРАЛЬЕ*

Археологическое исследование раннего железного века Зауралья привело исследователей к неизбежной констатации факта присутствия в керамических комплексах большинства исследованных памятников фрагментов сосудов нескольких культурных образований [Викторова, Кернер, 1988; Корякова, Морозов, Суханова, 1988; Корякова, Сергеев, 1993; Матвеева, 1993; Пантелеева, 2003; Потемкина, Чикунова, 2001; Пошехонова, Зах, 2003]. Особенно это прослеживается в материалах крупных поселений и городищ, расположенных на Исети: Прыговском, Павлиновском, Рафайловском и Коловском городищах [Генинг, Позднякова, 1964; Корякова, Дэйр, 2003; Матвеева и др., 2004]. Керамические комплексы названных памятников включают от 4 до 20 % фрагментов сосудов так называемого кашинского типа. Выделение данного типа керамики, а впоследствии и культуры, стало возможным на основании характерных формообразующих, технологических признаков и орнаментальных построений, фиксирующихся на фрагментах сосудов [Викторова, 1969; Матвеева, 1994].

Кашинская декоративная традиция сочетает в себе гребенчатый и шнуровой способы нанесения орнамента. Шнуровой способ орнаментации характерен для посуды «прыговского» типа, и является, по мнению Н.П. Матвеевой [1994] «поздним вариантом кашинской орнаментики» (рис. 1). В качестве орнамента применялся шнур, состоящий из 5-7 волокон или нитей, изготовленных из грубой шерсти или растительного сырья. Длина и ширина шнурового отпечатка колеблется на каждом фрагменте керамики [Чикунова, 2000].

Орнаментированы абсолютно все кашинские сосуды. Узор наносился на венчик, шейку, украшались также переходная от шейки к плечу зона и иногда плечико. Характерной чертой для данного типа керамики является наличие «бордюрного» орнамента, который komponуется из 2-3-4 горизонтальных линий оттисков гребенчатого штампа или шнура, с заключенными между ними различными мотивами - многорядовый зигзаг, столбики, наклонные оттиски гребенчатого штампа, шнуровые «подковки» [Пантелеева, 2003; Шаропова, 1999, 2004; Чикунова, 2000]. Некоторые схожие орнаментальные мотивы выполнялись как гребенчатым штампом так и в шнуровой технике. Встречаются также фрагменты керамики, на которых сочетаются гребенчатая и шнуровая техники нанесения орнамента. Сравнение кашинской посуды из культурных слоев разных памятников показало, что сосуды обычно изготавливались из хорошо отмученного теста, в качестве примеси использовались шамот, органика, иногда тальк. Черепки плотные, хорошо обожженные, цвет от темно-коричневого до светло-серого. Посуда в основном больших и средних размеров, изредка встречаются маленькие сосуды. Диаметр устья сосудов колеблется от 15 до 35 см, форма тулова шаровидная или яйцевидная. Большинство сосудов имеют уплощенный срез венчика, округлых или скошенных форм мало. Шейка прямая или отогнутая, дно округлое или приостренное (рис. 1).

Технологический анализ керамики также показал близость состава исходного сырья и рецептуры формовочных масс кашинских и прыговских сосудов [Шаропова, 1999]. Исходя из того, что зачастую для изготовления сосудов разных культурных типов в пределах одного памятника вырабатывалось одно глинище, можно предположить определенное сходство технологических и физико-механических свойств кашинской и саргатской керамики (по результатам анализа керамики Рафайловского комплекса [Борисов и др., 2003].

* Работа написана при поддержке гранта СО РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Рис. 1. Варианты орнаментации керамики кашинской культуры.

Список литературы

- Борисов В.А., Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю.** Опыт изучения соотношения технологических особенностей и функционального назначения посуды саргатского населения Рафайловского археологического комплекса // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. ИПОС СО РАН, 2002 - № 4 – С. 193-202.
- Викторова В.Д.** Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дисс.канд.ист.наук. - Свердловск, 1969
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф.** Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. - Свердловск, 1988. - С. 129-141.
- Генинг В.Ф., Позднякова М.К.** Прыговское городище на р. Исети // Вопросы археологии Урала, Вып. 6. – Свердловск, 1964. – С. 34-63.
- Корякова Л.Н., Дэйр М.-И.** Исследование Павлиновского археологического комплекса на р. Исеть // Экология древних и современных обществ. - Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. – С. 124-129.
- Корякова Л.Н., Сергеев А.С.** Селище раннего железного века Дуванское II // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, «Наука», 1993. – С. 182-206.
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю.** Поселение Ипкуль XV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ-19. – Свердловск, 1988. – С. 117-129.
- Матвеева Н.П.** Саргатская культура на среднем Тоболе. - Новосибирск, Наука, 1993. - 175 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья. - Новосибирск: Наука, 1994. - С. 129-144.
- Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю., Орлова Л.А., Поклонцев А.С.** Новые исследования Рафайловского городища // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. ИПОС СО РАН, 2004 - № 5 – С. 74-95.
- Пантелеева С.Е.** Исследование распределения керамики в слое Павлинова городища // Экология древних и современных обществ. - Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. – С. 156-159.
- Потемкина Т.М., Чикунова И.Ю.** Поселение раннего железного века Белый Яр XII // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень. ИПОС СО РАН, 2001 - № 3 – С. 150-153.
- Пошехонова О.Е., Зах В.А.** Исследование многослойного поселения Юртоборский Мост 2 // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 4. - Тюмень, 2003. - С. 17-22.
- Чикунова И.Ю.** Керамический комплекс кашинской культуры с Рафайловского селища // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. - Тюмень: ИПОС СО РАН, 2000. вып. 1.- С. 42-44.
- Шарапова С.В.** Керамика и основные орнаментальные стили раннего железного века зауральской лесостепи // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. – Челябинск, 1999. – С. 146-148.
- Шарапова С.В.** Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // Археология, этнография и антропология Евразии. - Новосибирск, 2004. Вып. 4. – С. 123-134.

К.В. Чугунов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

СИНХРОНИЗАЦИЯ КУЛЬТУР НАЧАЛА РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ЮЖНОЙ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА*

Хронологический приоритет восточной зоны степей в сложении основных компонентов культурного комплекса эпохи ранних кочевников в настоящий момент разделяется подавляющим большинством скифологов. Однако определение направления культурно-генетических связей, выяснение исходных очагов инноваций и путей их распространения невозможно без надежных хронологических реперов и синхронизации с ними памятников Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана.

Таким хронологическим репером для начала эпохи ранних кочевников сейчас может выступать комплекс кургана Аржан. Для образцов из этого ключевого памятника получена значительная серия радиоуглеродных дат, в том числе вычисленных методом согласования радиоуглеродного и дендрохронологического возраста древесины. Датировка его рубежом IX-VIII вв. до н.э., то есть предскифским временем по европейской хронологической шкале, сейчас может считаться установленной [Евразия в скифскую эпоху, 2005]. Эта хронологическая позиция, с одной стороны, объясняет тесную связь аржанского комплекса с предшествующей эпохой, с другой – указывает на меридиональные культурные трансляции в Евразийских степях уже в самом начале 1 тысячелетия до н.э., то есть на аржано-черногоровском (или начальном) этапе эпохи ранних кочевников.

Этот памятник, помимо раннетагарских аналогий, о которых будет сказано ниже, демонстрирует несомненную связь, как в погребальном обряде, так и в материальном комплексе с кругом культур предшествующей эпохи [Грязнов, 1983]. Истоки комплекса Аржана продемонстрировал Д.Г. Савинов в последней монографии по скифской эпохе Тувы [Савинов, 2002].

Обобщая заключения, сделанные в упомянутых выше работах, можно обозначить признаки комплекса Аржана, восходящие к эпохе бронзы. К таковым относятся: в погребальном обряде – наземный способ захоронения; радиальность конструкции, ассоциируемая с херексурами; сильно скорченная «андроновская» погребальная поза; в сопроводительном инвентаре – роговые украшения узды, аналогичные черногоровским. Сюда же можно добавить найденные серьги, конструктивно восходящие к украшениям из постандроновских памятников более западных регионов [Чугунов, 2003].

Непосредственно в Туве с элитным комплексом Аржана хронологически соотносится серия скорченных захоронений под небольшими каменными конструкциями в наземных погребальных камерах. Наиболее яркими памятниками этого типа являются исследованные Л.Р. Кызласовым курганы могильника Шанчиг [Кызласов, 1977]. Основное отличие шанчигской (аржанской) группы памятников от погребального обряда предшествующей мон-гун-тайгинской культуры заключается в иной («андроновской») погребальной позе, сравнительно частом наличии остатков инвентаря и некоторых конструктивных деталей устройства могилы. В частности – при строительстве погребальной камеры нередко использовались вертикально установленные плиты [Чугунов, 1992; 1994]. Эта особенность прямо соответствует погребальному обряду населения соседнего региона, оставившего могильники бийкенской культуры Горного Алтая.

Бийкенский культурный комплекс является наиболее близким аржанской группе памятников по всем основным компонентам. Вычлененный из общего пласта древностей раннескифского времени Алтая совсем недавно [Кирюшин, Тишкин, 1997; Тишкин, 2005], он может быть соотнесен с Аржаном и памятниками шанчигского типа не только по специфическому погребальному обряду, но и по отдельным категориям сопроводительного инвентаря. Кроме того, в курганах бийкенской культуры известны оленные камни и захоронения коней. Найденные с ними псалии аржанского (по М.П. Грязнову) типа позволяют датировать наиболее ранние бийкенские комплексы IX-VIII вв. до н.э.

* Исследование проводится при поддержке ИНТАС, проект № 03-51-445.

и синхронизировать их с начальной аржано-черногорской фазой эпохи ранних кочевников. Кроме того, вслед за Д.Г. Савиновым [2002], можно сделать предварительный вывод, что в культурно-историческом плане в это время территория Тувы и Горного Алтая представляла собой единый регион с населением, имеющим общий генезис. Субстратная основа его – племена, оставившие монгун-тайгинскую культуру, в свою очередь связанные генетически с носителями традиции херексуров.

Вскоре после выхода первых публикаций материалов Аржана, Л.Р. Кызласов, основываясь на датировке его VII веком до н.э., связал происхождение комплекса тувинского кургана с миграцией сакских племен с территории Казахстана. Представляется чрезвычайно значимой отмеченная им близость погребальных традиций в элитных памятниках Семиречья и Восточного Казахстана, выразившуюся в сходстве планировки захоронения в Чиликте и устройства наземных гробниц в Бешшатырских курганах [Кызласов, 1977]. У тех и других зафиксирован дромос, расположенный с востока. Элитный комплекс кургана 5 Чиликтинского могильника содержал набор втульчатых двухлопастных стрел, верхняя дата которого не может выходить за пределы VII века до н.э. Учитывая найденный здесь комплекс предметов, выполненных в зверином стиле, можно предположить, что хронологическая позиция этого памятника должна располагаться на хронологической шкале между тувинскими курганами Аржан (рубеж IX-VIII вв. до н.э.) и Аржан-2 (середина – вторая половина VII в. до н.э.).

Курган бешшатырского типа с наземной погребальной камерой исследован В.П. Дьяконовой в могильнике Хондей в юго-восточной Туве [Кызласов, 1979]. К сожалению, как и монументальные сооружения Бешшатыра, он оказался полностью ограбленным и материальный комплекс, связанный с ним, неизвестен. Одна радиоуглеродная дата образца древесины от волокуши, найденной в шестом Бешшатырском кургане, показала широкий календарный интервал времени – от конца IX до середины VI века до н.э. [Евразия в скифскую эпоху, 2005], но указала, что курганы этого типа относятся к раннескифскому периоду, а не позже.

В свою очередь планировка погребальных камер Бешшатыра сопоставлялась Л.Р. Кызласовым с плиточными оградами Бегазинского некрополя [Кызласов, 1977]. Бегазы-дандыбаевская культура датируется концом 2 – началом 1 тысячелетия до н.э. [Маргулан, 1979]. Хотя погребальные памятники, оставленные ее носителями, сосредоточены, в основном, на территории Центрального Казахстана, распространена она гораздо шире. Сочетание в керамическом комплексе этой культуры различных компонентов [Варфоломеев, 2003] только подтверждает обширные контакты ее носителей. Распространение на территории Южной Сибири и Центральной Азии бронзовых наконечников стрел «предскифских» типов также может быть связано с этим культурным феноменом [Чугунов, 2000]. Связь с бегазы-дандыбаевской культурой могильника Северный Тагискен в Приаралье давно отмечена исследователями.

Между тем, уточнение хронологической позиции комплексов Северного Тагискена и сакских могильников Приаралья является исключительно важным для реконструкции культурно-генетических связей в начале раннескифского периода. Датировка мавзолеев Тагискена периодом с X по VIII вв. до н.э. [Итина, 1992], отмечаемые черты сходства в погребальном обряде и параллели в материальном комплексе между памятником эпохи поздней бронзы и некрополями ранних кочевников [Яблонский, 2004], говорят о преемственности и возможном сосуществовании некоторое время на этой территории обеих традиций. На типологическое соответствие золотых серег из Аржана серьгам из Северного Тагискена уже указывалось [Чугунов, 2003]. Отметим также стремевидные пряжки, найденные в Северном Тагискене и известные в бегазы-дандыбаевских материалах, аналогичные обнаруженным в комплексе Аржана. Углубление датировки некоторых сакских комплексов до рубежа IX – VIII вв. до н.э. [Иванчик, 2001] весьма вероятно, хотя и требует дополнительных исследований керамических импортов. Не стоит недооценивать и находки в некоторых из них обломков с соляными, так называемыми «киммерийскими», знаками, датированных в западных регионах предскифским временем.

Еще один регион, где планировка бегазинских мавзолеев находит себе соответствия – ареал тагарской культуры. Такое сопоставление правомерно, так как хронология тагарских памятников как подгорновского, так и сарагашенского этапов должна быть углублена [Чугунов, 2005; Евразия в скифскую эпоху, 2005]. Это очевидно не только на основании результатов радиоуглеродного датирования, но и на основании сравнительного анализа некоторых категорий сопроводительного инвентаря с материалами соседних и отдаленных регионов. Прежде всего на это указывает типологический анализ бронзовых наконечников стрел из могил подгорновского этапа. Некоторые типы, например, килевидные наконечники с выступающей втулкой, имеют параллели в новочеркасском культурном комплексе предскифского времени. В целом, для раннетагарского стрелкового набора абсолютно преобладающими являются двухлопастные втульчатые формы [Морозов, 2003], происхождение которых от прототипов эпохи бронзы не вызывает сомнений. Бронзовые чеканы и кинжалы, аналогичные и близкие по типу оружию из Аржана, подтверждают сопоставление подгорновских древностей с аржано-черногорской фазой развития степных культур в регионе. Однако и некоторые памятники сарагашенского этапа тагарской культуры содержат материалы, позволяющие сопоставить их с хронологическим горизонтом Аржана. Имеется в виду такая категория находок как бронзовые наперстки. Можно допустить, конечно, что аржанские изделия являются прототипами для сарагашенских. Но из этих же комплексов

происходят и бляхи в виде оленей, аналогичные изделиям из погребений Чиликты и Гумарово, дата которых не может быть позднее VII века до н.э. Таким образом, не исключено, что на Среднем Енисее на каком-то этапе могли параллельно существовать две культурные традиции – подгорновская и сарагашенская. В связи с этим представляется возможным предположить связь тагарских погребальных оград с дромосами, пристроенными к восточной стенке, с центрально-казахстанской традицией эпохи поздней бронзы. Во всяком случае, единственной культурой, где в предскифское время практиковался подобный тагарскому обряд сооружения мегалитических оград из плит с вертикально установленными стелами, является бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана.

Итак, в восточной зоне Великого пояса степей в самом начале I тысячелетия до н.э. выявляется достаточно сложный процесс формирования раннескифского культурного комплекса. В круг древностей, синхронных Аржану, следует включить наиболее ранние памятники бийкенской культуры Алтая, тагарские курганы подгорновского этапа и мавзолеи Северного Тагискена, генетически связанные с бегазы-дандыбаевской культурой. Последняя, вероятно, является ключевой в распространении инноваций практически во всех регионах восточной степной зоны. Традиции элитарного погребального обряда этой культуры эпохи поздней бронзы фиксируются в Семиречье (Бесшатыр), Восточном Казахстане (Чиликта) и Туве (Хондей). Плиточные мавзолеи Бегазы, вероятно, могут считаться прототипом для монументальных наземных сооружений сарагашенского этапа тагарской культуры (Салбык, Черемшино и др.), которые появляются на Среднем Енисее, возможно, уже в конце VIII века до н.э., сосуществуя какое-то время с подгорновскими памятниками. При этом нет оснований непосредственно связывать с территорией Казахстана возникновение аржанского погребального обряда, который восходит к традициям херексуров Центральной Азии. Общие черты здесь обусловлены тем, что «культура херексуров» оказала влияние и на формирование бегазы-дандыбаевского культурного комплекса [Чугунов, 2002].

Список литературы

- Варфоломеев В.В.** К вопросу «о мощном миграционном потоке бегазы-дандыбаевских племен» // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье) – Кемерово, 2003. – С. 60-65.
- Грязнов М.П.** Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири – Кемерово, 1983. С. 3-18.
- Евразия** в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / под ред.: Зайцева Г.И., Боковенко Н.А., Алексеев А.Ю., Чугунов К.В., Скотт Е.М. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с.
- Иванчик А.И.** Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. – М., 2001. – 324 с.
- Итина М.А.** Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время – М.: Наука, 1992. – С. 31-47.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. Часть 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.
- Кызласов Л.Р.** Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // Советская археология. – 1977. – № 2. – С. 69-86.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 207 с.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука Каз. ССР, 1979. – 360 с.
- Морозов С.В.** Бронзовые наконечники стрел в раннетагарских памятниках Южной Сибири // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга II. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 119-122.
- Савинов Д.Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культуругенез). СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2002. – 204 с.
- Тишкин А.А.** Проблема происхождения бийкенской культуры Алтая раннескифского времени и выделение основных этапов ее развития // Социогенез в Северной Азии. Часть 1. Иркутск: Изд-во Ирк. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 322-327.
- Чугунов К.В.** Выделение погребальных памятников аржанского этапа в Туве // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Часть 2. Тез. конф. Омск, 1992. – С. 78-79.
- Чугунов К.В.** Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. Вып. 8. СПб, 1994. – С. 43-53.
- Чугунов К.В.** К вопросу о формировании колчанного набора в восточных регионах скифского мира. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Выпуск XI. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С.165-168.
- Чугунов К.В.** Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 142-149.
- Чугунов К.В.** Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Книга 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С.386-395
- Чугунов К.В.** Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск: РИО КГПУ им В.П. Астафьева, 2005. – С. 102-104.
- Яблонский Л.Т.** Хронология древнейших памятников раннего железного века Средней Азии и Казахстана (по материалам из Приаралья) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. – Краснодар, 2004. – С. 45-61.

П.И. Шульга

*Лаборатория археологии и этнографии
Южной Сибири ИАЭТ СО РАН и АлтГУ, Барнаул*

О ДАТИРОВКЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЭТАПА ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Согласно традиционных датировок и относительной хронологии, погребальные комплексы пазырыкской культуры подразделяются большинством исследователей (с известными различиями) на три этапа: ранний (около середины VI – первой половины V вв. до н. э. - Башадар-2, Туэкта-1,2 и др.), средний (вторая половина V – первая половина IV вв. до н. э. - Большие курганы в урочище Пазырык, Укок, Берель, Уландрык и др.) и поздний (вторая половина IV-III вв. до н. э., или III – начало II вв. до н. э.). Существует и другая, основанная на радиоуглеродном анализе и дендрохронологии, точка зрения, согласно которой Пазырык-1,2 и 5 датированы около 300 и 250 гг. до н. э., а Туэкта-1 – около 440 г. до н. э. [Евразия ..., 2005, с. 52-54, 81-82, 215]. Казалось бы, после выхода указанного труда ответ на важнейший вопрос о датировке опорных памятников Южной Сибири наконец-то получен и осталось лишь привести в соответствие типологию инвентаря и погребальной обрядности. Однако сделать это на основе новых дат затруднительно. Достаточно сказать, что материалы из Догээ-Баары, выглядящие более ранними, чем Туэкта-1 и Башадар-2, вполне справедливо соотносённые со староалейской культурой и могильником Кайнду на Средней Катунь [Чугунов, 2001, с. 176-177], по новой хронологии, наоборот, датируются на 50-80 лет позже Туэкта-1. С этим согласиться нельзя. Совершенствование методики синхронизации по конскому снаряжению, поясной фурнитуре и хронологическим индикаторам из украшений, оружия и звериного стиля, позволяет достаточно уверенно говорить о существовании в восточной части Евразии (по меньшей мере, от Тувы до Южного Урала) синхронно меняющихся инвентарных комплексов. Учитывая условность традиционных датировок, мы не можем отвергать вероятность смещения во времени всей цепочки вычленимых культурно-хронологических слоёв, но без нарушения их последовательности. Этот вывод вполне согласуется с разработками М.П. Грязнова и Л.С. Марсадолова [Марсадолов, 2004] с тем лишь различием, что синхронизация восточных и причерноморских материалов, в силу имеющихся генетических особенностей в формировании культур на этих территориях, пока не выглядит достаточно убедительной.

Ранняя группа захоронений пазырыкской культуры рассматривалась неоднократно [см. Марсадолов, 2000; Шульга, 1998; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.], но развёрнутой характеристики и внутренней периодизации её начального этапа не предлагалось. В 2004 г. в тезисной форме были выделены башадарский (Башадар-2 и Туэкта-1 - «1-я пол. 6 в. до н. э.»), и позднеуэктинский (Туэкта-2 и малый туэктинский курган №6 - «посл. четв. 6 – 1-я пол. 5 вв. до н. э.») этапы [Марсадолов, 2004, с. 79,81]. Разделяя мнение о возможности выделения в раннепазырыкское время ранней и поздней групп памятников, мы не можем согласиться с перечнем включаемых в них памятников и, соответственно, с предполагаемыми критериями их выделения. Анализ раннепазырыкских материалов приводит к заключению, что *Башадар-2 и Туэкта-1 не являются самыми ранними курганами пазырыкской культуры*. На наш взгляд, в рамках раннепазырыкского времени пока можно говорить лишь о ранней группе памятников и поставить вопрос о критериях выделения поздней.

Курганы первой (ранней) группы (около середины VI в. до н. э.) К настоящему времени в Горном Алтае и за его пределами выявлено значительное количество комплексов из малых курганов с более ранней, чем в Башадаре-2 и Туэкте-1, сбруей, ранними типами оружия, инвентаря и украшений (малый туэктинский курган №6; Кайнду, к.7; Тьгкескень-6, к. 27; Арагол, к. 5; Талдура-1, к. 4; Чендек-6, к. 2; Майма-19, к. 4; Юбилейный-2, к. 1; Новый Шарап-1, к. 19; Кузнецк-1/5; Туран-1, к. 93 (34); по-видимому, некоторые курганы в могильнике

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 05-01-011919

Аймырлыг и другие). Основное их отличие от Башадара-2 и Туэқты-1 заключается в присутствии распространившейся в это время от Тувы до Нижнего Поволжья переходной сбруи с конструкцией уздечки раннескифского типа. Фурнитура уздечки этого времени по функциональному назначению почти полностью воспроизводит раннескифскую, но оформляется она уже по другому [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 38-39]. Например, распространяются распределители с козырьком на верхнем щитке, кольцевидные пронизки почти повсеместно заменяются на бронзовые и железные полукруглые или железные скобчатые. Широкое распространение получают чумбурные блоки, двойтели нащёчных ремней и специфические застёжки подбородных ремней. На седельных ремнях имевшаяся в раннескифское время фурнитура исчезает полностью (за исключением видоизменённых парных подпружных застёжки и блока), но появляются ранее неизвестные роговые детали и широко представлены клыки кабана (или их имитации) с отверстиями, используемые в качестве распределителей на узде и подвесок нагрудника. Важно подчеркнуть, что именно в этих ранних комплексах пазырыкской (Кайнду, к. 7) и соседней быстрианской (Майма-19, Юбилейный-2) культур найдено два трёхдырчатых роговых псаля и один бронзовый с намеченным третьим отверстием. Поясная фурнитура этого времени, составлявшая вместе со сбруей единый комплекс снаряжения лошади и всадника, сохраняет бронзовые и копирующие их роговые конические ворворки, бронзовые и железные полукруглые пронизки (иногда железные скобчатые), подтрапециевидные очертания прорезных обойм и видоизменённые подвесные костыльки. Из украшений для этих комплексов характерны также следующие раннескифским традициям серьги с припаянным малым колечком и подвесками в виде цепочек из простых или сложных колечек, а также плоские подпрямоугольные бусы со специфическими отверстиями с двух сторон. У многих бронзовых и железных ножей имеется характерный выгнутый обушок и кольцевидное навершие. На Алтае и в Туве продолжают с раннескифского времени повсеместно бытовать несколько видоизменённые роговые наконечники стрел с башневидной головкой, встречаются массивные бронзовые черешковые трёхлопастные наконечники с трёхгранным острием. Изображения головок раннескифского орла заменяются на головки с ухом (в том числе с удлинёнными клювом и шеей), но характерные для реалистичных и стилизованных изображений Башадара-2 и Туэқты-1,2 хохолки ещё отсутствуют. По всем этим параметрам вышеуказанные малые курганы выглядят более ранними и синхронизируются с подобными комплексами Тувы (включая Догээ-Баары), Приаралья, Южного Урала и Нижнего Поволжья. В погребальном обряде наиболее ранних пазырыкских захоронений сохраняются такие раннескифские черты, как отсутствие керамики, а расположение и ориентация людей и коней в курганах в Кайнду (к.7) и Тыткескене-6 (к.27) на средней Катуні воспроизводят один из известных на Алтае в раннескифское время вариант погребения.

По всей видимости, грандиозные курганы пазырыкской культуры начали возводить несколько позднее, и связаны они не с одномоментным приходом групп населения из Передней Азии, а с последовательным развитием культуры на местной основе. Важно отметить, что относительная хронология Башадара-2 и Туэқты-1 (как и Больших курганов из урочища Пазырык) может быть установлена только по конскому снаряжению и особенностям звериного стиля, поскольку в этих, несомненно, представительных комплексах другого хорошо датированного инвентаря нет. Из датирующей сбруиной фурнитуры в Башадаре-2 и Туэкте-1 имеются только совершенно отличные от раннескифских бронзовые подпружные пряжки, чумбурные блоки, да скобчатые железные пронизки от одного или двух наборов из кургана Башадар-2. Конструкция узды там уже не переходного (близкого раннескифскому) типа, как в указанных малых курганах. Она имеет аналогии в более поздней узде, повсеместно фиксируемой на втором этапе в курганах из урочища Пазырык и других. В Башадаре-2 и Туэкте-1 мы впервые фиксируем распространившуюся позднее в пазырыкской культуре традицию прикрывать места пересечения ремней подвесными бляхами, как на уздечке, так и на седельных ремнях. Смушают и предельно разработанные образы мифических орлов и грифонов. Таким образом, сбруиные наборы из Башадара-2 и Туэқты-1 демонстрируют окончательный отход от раннескифской конструкции с частичным сохранением особенностей сбруи и фурнитуры переходного типа. Соответственно, эти комплексы могут быть определены как переходные ко второй поздней группе раннепазырыкского этапа или включены в неё как наиболее ранние. Помимо того, имеются основания предполагать, что хронологический разрыв между Туэқты-1 и Вторым Пазырыкским курганом не столь велик, как это даётся по плавающей дендрохронологической шкале.

Памятники второй (поздней) группы (около конца VI - первой половины V вв. до н. э.) вычлняются не столь явно. В настоящее время известно значительное количество сравнительно небогатых комплексов с чумбурными блоками, характерными бронзовыми и роговыми пряжками-застёжками и блоками, клыками кабана, полукруглыми пронизками, серьгами с припаянным малым колечком и цепочками, роговыми башневидными наконечниками стрел, выгнутообушковыми ножами и другим ранним инвентарём. Однако в силу фрагментарности данные комплексы могут быть отнесены как к первой, так и второй группам. К тому же, многие характерные для начального периода категории инвентаря, включая кинжалы и чеканы, продолжали бытовать и в на-

чале V в. до н. э. Следует отметить, что служившие долгое время основой датировки представления о позднем появлении на Алтае изделий из железа (включая кинжалы, чеканы, наконечники стрел и ножи), железных ножей с кольчатыми навершиями, роговых наконечников с расщепленным насадом, поясных защитных пластин и вотивного оружия (бронзовых кинжалов и чеканов) неверны [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 71-73; и др.]. Всё это представлено уже в раннепазырыкское время и, соответственно, часть считавшихся поздними захоронений должна быть отнесена к раннему этапу. Это существенно осложняет выработку применимых для культур Саяно-Алтая критериев датировки. Наиболее надёжным представляется использование в качестве хронологических индикаторов сбруйных наборов с уздечными распределителями, однозначно указывающими на сохранение раннескифского принципа перекрещивания ремней сбруи. Теоретически нельзя исключить сохранение этого типа сбруи вплоть до начала V в. до н. э., однако все 22 известных автору сбруйных набора с бронзовыми и роговыми распределителями (в том числе в виде клыков или головки хищной птицы) в Туве (2), Горном Алтае (9), быстрянской (6) и каменной (5) культурах входят в состав наиболее ранних по инвентарю и погребальному обряду комплексов. В эти же наборы входит большая часть двоителей (в десяти наборах) и все вышеупомянутые псалии с имевшимся или намеченным третьим отверстием. Следует особо подчеркнуть, что ни в одном из многочисленных наборов Башадара-2 и Туэкты-1,2 распределителей и двоителей нет. Вполне закономерно они не найдены на Алтае и прилегающих территориях в сотнях курганов середины V-III вв. до н.э. Представительность выборки позволяет говорить, что ко времени возведения Башадара-2 и Туэкты-1,2 конструкция сбруи раннескифского типа выходит из употребления полностью, а вместе с ней исчезают и соответствующие функциональные детали.

Подводя некоторые итоги, отметим, что наиболее ранние погребальные комплексы пазырыкской (малые курганы), быстрянской, староалейской и каменной культур Алтая входят в один культурно-хронологический этап (слой) с памятниками из Тувы типа Турана-1, к. 93 (34), а также не содержащими сбруйных наборов ранними курганами из Урбюна-3, Догээ-Баары-2, Аймырлыга и других. Вполне естественно, одни из вышеуказанных комплексов выглядят более ранними, другие - более поздними, но в целом они имеют ряд общих черт, характеризующих становление в восточной части Евразии культур скифского времени.

Список литературы

- Евразия** в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб: Изд-во «Теза», 2005. – 290 с., 173 илл.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.** Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. – Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 2004. – 282 с.: ил.
- Марсадолов Л.С.** Археологические памятники IX – III веков до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). Автореф. дис. док. культурологии. – Санкт-Петербург, 2000. – 57 с.
- Марсадолов Л.С.** О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племён степей Евразии I-го тыс. до н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. – Краснодар, 2004. – С. 69–85.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.** Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 204 с., ил.
- Чугунов К.В.** Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н. э. // Евразия сквозь века. – СПб., 2001. – С. 173–178.
- Шульга П.И.** О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума): В 2 т. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. I. – С. 702–712.

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

И.А. Глазов

Омский музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Омск

К ПРОБЛЕМЕ ВТОРИЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛИТАРНЫХ ИМПОРТНЫХ ПРЕДМЕТОВ У КОЧЕВНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ФАЛАРОВ ИЗ САРГАТСКОГО ВОИНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ У д. СИДОРОВКА

Работа посвящена предметам бактрийской торевтики – серебряным фаларам с прочеканенным изображением свернувшегося тигрового грифона, неоднократно становившимся объектом исследований [Матющенко, Татаурова, 1997; Мордвинцева В.И., 2001]. Фалары были найдены в неразграбленном погребении саргатской археологической культуры раннего железного века у д. Сидоровки Нижнеомского района Омской области в 1986 году экспедицией под руководством В. И. Матющенко. Они входили в состав богатого сопроводительного инвентаря представителя высшей военной элиты саргатского общества – военного вождя [Матющенко, Татаурова, 1997. С. 85-87; Глазов, 2003; Матвеева, 2000. С. 175-179]. Хранятся в Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля.

Сидоровские фалары представляют собой круглые бляхи диаметром 22,8 см и 23 см, весом – 460,2 г и 460,3 г с тремя петлями на обороте. По своим морфологическим признакам относятся к предметам убранства коня, являясь распределителями наплечных ремней, и располагались симметрично по бокам на плечах [Мордвинцева, 1996. С. 152. Рис. 4-1].

Слово «фалары» греческого происхождения и означает – «металлические бляхи, побрякушки» (Словарь современных ..., 1992. С. 636). Впервые фалары были зафиксированы на изображениях ассирийских и ахеменидских владык IX – IV вв. до н. э. Самая ранняя находка относится к VIII в. до н. э. и происходит из Хасанлу в Иране. Они получили широкое распространение в кочевой среде степей Евразии: Причерноморья, Подонья, Прикубанья, Приуралья, Западной Сибири, а также в Западной Европе, Сирии, Бактрии, Индии и Монголии [Щукин, 2001. С. 137, 138, 151].

Автор не ставит под сомнение изначальное предназначение сидоровских фаларов как предметов конского убранства, но ряд обстоятельств и в первую очередь местоположение в погребении позволяет предположить другой вариант их использования саргатским вождем.

Во-первых, в погребении фалары располагались внутри свернутого по вдоль железного панциря (в грудной его части), прижатые лицевой стороной друг к другу. Уздечный набор находился немного ниже панциря. Первоначально в отчете о проведенных полевых исследованиях В.И. Матющенко интерпретировал фалары как «серебряные нагрудники доспеха» [Матющенко, 1986. С. 11]. «Серебряными нагрудниками» они были названы в докладе на конференции «Исторические чтения памяти М. П. Грязнова» [Матющенко, Яшин, 1987. С. 192]. В более поздних публикациях они рассматривались как принадлежности конской сбруи [Матющенко, 1989. С. 56; Матющенко, Татаурова, 1997. С. 47, 58-61], но осталось без комментариев их фактическое положение (*in situ*) в погребении. Значительная же часть подобных предметов, происходящих из степных кочевнических районов, относится к разряду случайных находок.

Во-вторых, исследователи неоднократно отмечали факт вторичного использования престижных импортных предметов в кочевой среде, когда вещи применялись не по их прямому (первоначальному) назначению. Так в богатом сарматском погребении Филипповского могильника, были найдены два серебряных фиала с прикрепленными к их бортикам скобами и отверстиями, пробитыми для них. Данные фиалы использовались как фалары в составе конской упряжию [Зуев, 2000. С. 317. Табл. III-1, IV-1]. У кочевников сложилась традиция использования вместо фаларов чаш, что прослеживается по целому ряду находок – «Грушки» в Молдове, Давыдовский клад в Воронежской области, погребение «Дачи» на Дону [Щукин, 2001. С. 151].

В памятниках той же саргатской культуры известны случаи использования фрагментов импортной среднеазиатской красноглиняной посуды для изготовления пряслиц, вставок в украшения, они измельчались в по-

рошок, который служил древним красавицам в качестве косметических средств. Золотые подвески использовали как серьги, наконечники стрел как подвески и т. д. [Могильников, 1992. С. 302. Табл. 126-25].

В-третьих, необходимо принять во внимание широкое распространение нагрудных блях у древних и средневековых воинов. Нагрудные бляхи по функциональному назначению можно разделить на три группы: защитные, знаки отличия и декоративно-сокральные. Конечно же, некоторые из них могли быть «универсальными», совмещая те или иные функции.

Защитные бляхи служили для усиления доспеха, изготавливались из твердых и прочных материалов – бронза, железо, кость, проклеенная в несколько слоев и лакированная кожа. Они могли быть различной формы и обычно крепились наглухо. Особенно большое разнообразие блях демонстрирует Древний Китай: круглые, квадратные, прямоугольные, сложнопрофилированные, в виде личин и маскоитов [Варенов, 1990. С. 58-66; Горелик, 1993. С. 128-132].

Знаками отличия награждали особо отличившихся воинов. Они носились поверх доспехов и могли быть в виде круглых блях. Яркий тому пример – практика поощрения в армии Древнего Рима. Среди прочих наград центурионы носили круглые нагрудные знаки-бляхи с изображением императоров или богов поверх доспеха [Коннолли, 2001. С. 245-246. Прил. III-3]. Их тоже называют фаларами или чаще латинским словом «фалерами» – металлические украшения, служившие воинскими наградами, знаками отличия. Отсюда название вспомогательной исторической дисциплины – фалеристика – наука, изучающая историю орденов, медалей, знаков отличия [Словарь современных ..., 1992, С. 636; Щукин, 2001, С. 137].

Декоративно-сокральные бляхи служили в качестве парадных украшений, защищали владельцев от врагов и злых духов, «делали» неуязвимыми. Сидоровские фалары могли выступать именно в качестве декоративно-сокральных. Для их фиксации на груди служили те же скобы на обороте: ремень проходил вокруг шеи и на груди под руками.

В-четвертых, фалары из Сидоровки относятся к Греко-бактрийской стилистической группе подобных изделий II – начало I вв. до н. э. [Мордвинцева, 2001. С. 163-164]. По мнению М.Б. Щукина, данная группа предметов относится к III в. до н. э. – I в. н. э. В I – II вв. н. э. распространяются фалары в бирюзово-золотом стиле (2001. С. 137). В.И. Матюшенко отнес найденные фалары к вещам II в. до н. э. – I/II в. н. э. Сидоровское погребение в целом, как и могильник, датируются II – IV вв. н.э. [Матюшенко, Татаурова, 1997. С. 60, 61, 82]. Фалары значительно старше самого погребения.

Во II – IV вв. до н. э. у кочевников распространяется другой тип фаларов – меньшего диаметра, и их в упряжи становится четыре, а не два, как раньше. Они располагаются на плечах и бедрах коня с обеих сторон (сарматский могильник Центральный-IV конца II – 1 половины III в. н. э.). Такое же размещение фаларов на сбруе царских коней на раннесасанидских рельефах 60 – 70 годов III в. н. э. [Безуглов, 1988. С. 107, 111. Рис. 5]. Поэтому во II – IV вв. н. э. сидоровские фалары могли и не входить в состав конской упряжи.

Таким образом, исходя из приведенных аргументов, фалары из Сидоровки были изготовлены и первоначально использовались как предметы убранства коня. Значительно позже саргатский вождь, очевидно, нашел им иное применение в качестве парадных нагрудных блях – нагрудников, которые надевались поверх доспеха на торжественные церемонии и могли выступать как определенные атрибуты власти, военной доблести. Особый статус владельца подчеркивали изображенные на них тигровые грифоны, наделяя его мифической силой и делая непобедимым. Разрешению данного вопроса способствовало бы трассологическое исследование сидоровских фаларов.

Список литературы

- Безуглов С.И.** Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. - 1988. - № 4. – С. 103-115.
- Варенов А.В.** Реконструкция иньского защитного вооружения и тактики армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху Древности. История и культура Востока Азии. - Новосибирск: Наука, 1990. – С. 56-72.
- Глазов И.А.** Погребения «военных вождей» (к проблеме реконструкции социальной организации саргатской общности) // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и средневековье). - Кемерово: Изд-во КемГУ, 2003. – С. 95-99.
- Горелик М.Ф.** Военное дело Древнего Востока. - М.: Наука, 1993. – 349 с.
- Зув В.Ю.** Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΤΙΤΑ. Сборник статей памяти Ю. В. Андреева. – СПб.: Алетейя, 2000. - С. 304-330.
- Коннолли П.** Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 320 с.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). - Новосибирск: Наука, 2000. – 400 с.

Матюшенко В.И. Отчет о раскопках курганов у д. Сидоровка Нижнеомского района Омской области, произведенных кафедрой всеобщей истории Омского госуниверситета в 1986 г. // МАЭ ОмГУ. Ф. II, д. 50 – 1.

Матюшенко В.И. Погребение воина саргатской культуры (предварительное сообщение) // Известия СО АН СССР. Сер. Истории, филологии и философии. - 1989. - Вып. 1. – С. 51-58.

Матюшенко В.И., Яшин В.Б. Погребение воина из могильника у деревни Сидоровка и некоторые вопросы мировоззрения кочевников степей // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тезисы докладов конференции. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. – С. 192-195.

Матюшенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. - Новосибирск: Наука, 1997. – 198 с.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. - М.: Наука, 1992. – С. 274-311.

Мордвинцева В.И. Фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у села Володарка в Западном Казахстане // Российская археология. - М., 1996. - № 4. – С. 148-156.

Мордвинцева В.И. Стилистические группы фаларов III – I вв. до н. э. из музеев России и Украины // Ювелирное искусство и материальная культура. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – С. 161-166.

Словарь современных иностранных слов. - М.: Русский язык, 1992. – 740 с.

Щукин М.Б. О фаларах так называемого греко-бактрийского стиля (к проблеме контактов Восток – Запад) // Ювелирное искусство и материальная культура. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. – С. 137-161.

А.И. Готлиб*Хакасский государственный университет, Абакан*

НОВЫЕ СЮЖЕТЫ ТАШТЫКСКОГО ИСКУССТВА (предварительная публикация)

Изучению искусства таштыкской эпохи в Минусинской котловине в последние десятилетия уделяется достаточно большое внимание. На основе исследования предметов искусства из коллективных могил-склепов удалось классифицировать и выделить таштыкский художественный стиль как яркое явление духовной культуры населения Южной Сибири в хунно-сарматское время [Грязнов М.П., 1979; Савинов Д.Г., 1995]. Многими исследователями отмечается, что предметы искусства в грунтовых таштыкских могилах встречаются достаточно редко и «не дают целостного представления о художественном творчестве ранних таштыкцев» [Панкова С.В., 2005].

Одним из ярких и уникальных памятников искусства таштыкской культуры является находка в одной таштыкской грунтовой могилы берестяного короба со стилизованным рисунком хищного зверя, обнаруженная при охранных раскопках могильника Чёрноозерное-II в 2001-2002 гг в Ширинском районе Республики Хакасия.

В ходе реконструкции автомобильной дороги проводились аварийно-спасательные раскопки одного из тагарского курганов данного могильника. На территории кургана удалось обнаружить многочисленные древние захоронения, относящиеся к трем археологическим эпохам: тагарская, тесинская и таштыкская. В таштыкское время на кургане было устроено настоящее кладбище, состоящее из взрослых грунтовых могил с листовничными срубам и детских погребений в каменных ящиках. Всего было раскопано 32 таштыкские могилы.

Особое и исключительное место среди таштыкских объектов занимает могила №9. Это небольшой каменный ящик квадратной формы, размерами 0,8 × 0,8 м. Внутри ящика находился берестяной короб ладьевидной формы, в который был поставлен неорнаментированный сосуд баночной формы. В сосуде были найдены: человеческий зуб (ребёнка?) и две небольшие жёные косточки. Предположительно данная могила является поминалом.

Восстановить полную форму короба не представляется возможным из-за плохой сохранности. Размеры сохранившейся части берестяного короба: 0,58 × 0,18 × 0,15 м. Короб состоял из двух частей, которые накладывались друг на друга и прошивались. На бересте обнаружены следы систематических отверстий. При осмотре берестяных обрывков внутренней части короба на одном из крупных фрагментов выявлен великолепный по качеству и технике исполнения рисунок хищного животного (рис. 1 и рис. 2). Рисунок стилизованный и выполнен тонкими резными линиями. Размеры фрагмента бересты с рисунком: 0,22 × 0,3 м. Обращает на себя внимание необычность характера изображения животного. Стилизованный образ хищного «зверя» показан в движении. Массивное туловище с четко выделенной холкой, длинный загнутый на спину хвост, оканчивающийся округлой кисточкой; поджарый живот с мощной грудью; длинные, изогнутые в коленях лапы, вывернутые когтями наружу; выразительная массивная морда; торчком стоящие треугольной формы два уха – таково изображение этого хищного «зверя». К сожалению, повреждена часть рисунка с изображением морды зверя. Поэтому образ животного не является законченным для нашего восприятия и непонятно какое животное здесь изображено: реальное – собака, волк, медведь, рысь или иной кошачий хищник(?), а может быть это фантастический зверь. Из ярко выраженных стилистических особенностей рисунка животного следует выделить полусогнутые лапы с четко показанными тремя когтями в виде полукружий на каждой лапе; хвост с кисточкой; ноздри, а возможно и пасть зверя также выполнены в виде окружностей. Примечательная деталь изображения - сплошное заполнение внутреннего пространства рисунка тонко прорисованными вертикальными и изогнутыми линиями. Рисунок животного полностью покрыт такими линиями.

Фрагмент берестяного короба с изображением зверя.
Могильник Черноозерное-II, могила № 9.

Фрагмент берестяного короба с изображением зверя.
Могильник Черноозерное-II, могила № 9.

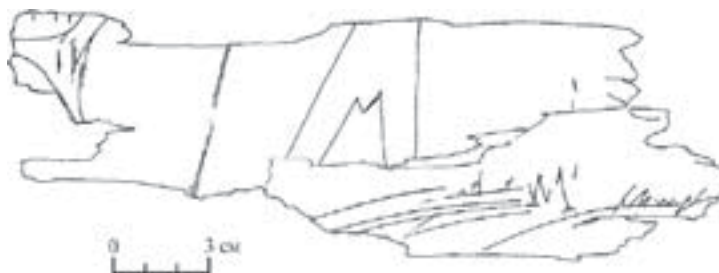
Холка животного показана короткими вертикальными черточками. Специфической особенностью является и незаконченность изображения задней части животного. Нарисована только одна задняя лапа. Далее рисунок зверя ограничивается прочерченной дугообразной линией, которая обозначает место наложения на данный лист бересты второго внешнего листа. В этом месте листы бересты сшивались между собой. Видны парные сквозные отверстия.

При осмотре данного обрывка бересты над головой хищного «зверя» в другой технике исполнения нарисован контурный рисунок копытного животного, предположительно, косули. Рисунок сохранился не полностью. Изображение прочерчено сплошной тонкой резной линией. Косуля головой показана в противоположную сторону направлению головы «зверя». Передние сомкнутые ноги косули упираются в холку хищного животного. Рисунок косули выполнен в классической таштыкской манере. Не вызывает никаких сомнений одновременность двух изображений животных на данном фрагменте бересты.

Стилизованные изображения хищного «зверя» в таштыкском искусстве в такой манере исполнения ранее неизвестны. Представляет интерес показательная аналогия с территорией Северо-западного Китая синхронная по времени изображению из могильника Черноозерное-II в Хакасии. Речь идёт о фрагменте двухцветной шелковой ткани из могильника Лоулан (Синьцзян, Хотанский оазис) из коллекции Аурела Стейна, находящейся в собрании Национального музея Нью-Дели, Индия [Krishnâ Riboud, Loubo-Lesnichenko E., 1973] (рис. 4). На шёлке мы видим стилизованное изображение фантастического хищного кошачьего животного. Спина животного плавно изогнута. Хвост зверя запрокинут за спину и оканчивается пушистой кисточкой. Лапы показаны изогнутыми, вывернутыми когтями на внешнюю сторону. Внутреннее пространство рисунка тела животного заполнено поперечными изогнутыми линиями. Такая манера изображения фантастического зверя на шёлке, по-нашему мнению, совпадает со стилистическими особенностями рисунка на бересте из Хакасии. Одна существующая деталь прослеживается на шелковом изображении из Синьцзяна – у животного на спине условно показано крыло.

Стилизованное изображение хищного зверя, обнаруженное в грунтовом могильнике таштыкского времени на севере Хакасии, как и татуированные рисунки на мумии из таштыкского могильника Оглахты VI, несомненно, имеют определённые аналогии с территорией Северо-западного Китая в хуннскую эпоху, но характер связи населения этих двух регионов в это время пока не понятен [Панкова С.В., 2005].

При осмотре сохранившихся фрагментов берестяного короба совершенно неожиданным стало ещё одна замечательная находка. На одном из обрывков короба были зафиксированы прочерченные знаки, внешне очень напоминающие руноподобные знаки письменности (рис. 3). Четко читались два таких знака и фиксировались следы ещё одного знака. К сожалению, осталось не выяснено как соотносится обрывок с руническими знаками с фрагментом бересты с рисунком хищного зверя. Оригинал фрагмента берестяного короба с предполагаемыми знаками был передан на экспертизу известному тюркологу С.Г. Кляшторному, в связи, с чем выражаем искреннюю благодарность Сергею Григорьевичу. По предварительному заключению уважаемого ученого не вызывает сомнений палеографическая оценка знаков как классического варианта енисейской руники [Акт апробации надписи С.Г.Кляшторным от 12-15 февраля 2002 г.]. Исследователь переводит данную надпись на русский язык как еда, корм.

Прорисовка бересты с предполагаемыми руническими знаками.
Могильник Черноозерное-II, могила № 9;

Фрагмент шелковой ткани, могильник Лоулан
(по Krishnā Riboud, Loubo-Lesnichenko E., 1973).

Мы понимаем всю важность данной находки, и если принять точку зрения С.Г. Кляшторного, то мы имеем первый случай обнаружения несомненной руники в памятнике раннеташтыкского времени на территории Южной Сибири. Необходимы дальнейшие исследования в этом направлении.

Замечательная находка берестяного короба с рисунками и предполагаемой рунической надписью в таштыкском могильнике Черноозерное-II является первой подобной находкой на территории Минусинской котловины.

Список литературы

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: изд-во Наука, 1979. – С. 144-146.

Панкова С.В. Новые образы таштыкского искусства и их параллели // Археология Южной Сибири: Идеи, методы, открытия. Сборник докладов международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Российской академии наук С.В. Киселёва – Красноярск: РИО КГПУ им.В.П. Астафьева, 2005. – С. 183.

Савинов Д.Г. О происхождении таштыкского стиля // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995. – С. 6-10.

Krishnā Riboud, Loubo-Lesnichenko E. Nouvelles découvertes soviétiques a Oglakty et leur analogie avec les soies façonnées polychromes de Leou-Lan – dynastie Han // Arts Asiatiques. Tome XXVIII. 1973, S. 157, Pl. 5 B.

В.А. Кисель

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВОЗМОЖНОЙ МИГРАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУВУ

Могильное поле Догээ-Баары II (Республика Тыва) расположено на правобережной террасе Большого Енисея в пяти километрах от его слияния с Малым Енисеем. Поле состоит из различных погребальных и поминальных сооружений, возводившихся с эпохи бронзы до средневековья. Оно уже более 15 лет исследуется археологическими экспедициями (руководители – К.В. Чугунов, С.В. Панкова, С.В. Хаврин, Н.Н. Николаев). Последние несколько лет раскопки велись преимущественно на южной части могильника в месте расположения цепочки из 7 курганов.

Внешне курганы выглядели как невысокие округлые холмы, состоявшие из покрытого полупустынной растительностью суглинистого грунта, каменных плит и валунов (высота 0,3-0,5 м, диаметр 10-15 м). Как удалось выяснить, площадь двух объектов до постройки насыпи специально выравнивалась, причем погребенная почва кое-где была скрыта на глубину 0,35 м. В основании курганов находились крепиды – стены в форме незамкнутых колец, сложенные из нескольких рядов плит (высота 0,3-0,4 м). Незамкнутые пространства были заложены валунами. В центре насыпей сооружались намогильные памятники, представлявшие собой горки из валунов. У первого кургана цепочки (№28) памятник был облицован плитами и напоминал правильную усеченную пирамиду (стороны основания ок. 3, вершины ок. 2, высота 1,2-1,5 м).

Могильные ямы (длина 3,1-5,1, ширина 3,1-4,7, глубина 1,9-2,3 м), ориентированные углами по странам света, размещались в центральных частях курганов. Большинство из них на северо-восточном и юго-западном бортах имели символические ворота, сложенные из плит. В первом кургане цепочки (№28) к могиле вел дромос (длина 3, ширина 0,3-0,9, глубина 0,6 м). Он спускался в яму от края насыпи под небольшим углом. Пол и стены дромоса были обложены плитами, а потолок сформирован из нескольких слоев плит. Вход на границе кургана закрывали две вертикально врытые плиты.

В могилах в бревенчатых срубках с перекрытиями и полами были совершены коллективные (2-6 чел.) погребения. Покойные располагались скорченно на боку и головой, как правило, в западном направлении. Большая часть детских (младенческих) захоронений находилась за срубом, на перекрытии или в отдельной яме в колодах и каменных ящиках. Срубы (особенно перекрытия) несли на себе следы воздействия огня. Горение происходило в условиях ограниченного доступа воздуха, но температура была такой высокой, что грунт в могилах прокалился, а местами даже превратился в шлак.

Все курганы оказались ограблены. Уцелевший сопроводительный инвентарь включал предметы различных культур: позднескифской (лепная керамика, золотые проволочные серьги, бронзовые накладки с геометрическим и зооморфным орнаментом, бронзовые пряжки, шилья и ворворки, железные ножи), хуннской (гончарная керамика, костяные пряжки, наконечники стрел с расщепленным насадом) и китайской (бронзовые фрагменты зеркал, кольцо, стеклянные бусы, кусочки лака, раковины каури). Такое сочетание вещей и их типология позволяет датировать погребения III-II вв. до н.э. [Панкова..., 2002, с. 10-13; Николаев..., 2003, с. 22-25; Николаев..., 2004, с. 34-35].

В целом исследованные объекты вполне соответствуют общему типу погребальных сооружений озен-ала-белигского этапа саглынской (по А.Д. Грачу) или казылганской культуры (по С.И. Вайнштейну). Однако такие специфические признаки, как дромос, «ворота», намогильные памятники, обгоревшие срубы, выделяют их из позднескифских курганов Тувы.

Подхоронительные ходы известны в комплексах скифского времени [Грач, 1980, с. 18; Савинов, 2002, с. 136]. Правда, обычно они являлись узкими лазами (Саглы-Бажи IV, к. 1, 2; Даган-Тэли I, к. 1, 2, 3; Ду-

жерлиг-Ховузу I, к. 2; Суглуг-Хем I, к. 26; Хайыракан 5, к. 3) [Грач, 1980, с. 115, 117-118; Семенов, 2003, с. 20, 43-44]. К тому же ни один из ходов не имел такой протяженности и столь тщательной отделки, как дромос кургана 28.

Плиточные «ворота» можно принять за погребальные каменные ящики, обычно располагавшиеся на бортах могил позднескифских курганов (Суглуг-Хем I, к. 14, 15, 24) [Семенов, 2003, с. 14, 17, 18]. Однако внутри «ворот» не было найдено никаких человеческих останков.

Намогильные памятники сопоставимы с каменными выкладками, возводившимися на перекрытиях могил или срубов тувинских погребальных сооружений (Суглуг-Хем I, к. 25, 26; Суглуг-Хем II, к. 6) [Семенов, 2003, с. 19-20, 35-36]. Впрочем, все известные выкладки возвышались на незначительную высоту, и основным материалом для них служили не валуны, а плиты или рваный камень.

Ритуальное разведение костров на перекрытиях могил и срубов было отмечено в комплексах раннего и классического скифского периода [Дэвлет, 1975, с. 119, 126-127; Чугунов, 1999, с. 35; Савинов, 2002, с. 120, 134]. Но в позднескифское время следы огня встречаются редко и только на стенах и дне могил (Озен-Ала-Белиг, к. 1, 15; Суглуг-Хем I, к. 16) [Вайнштейн, 1966, с. 145, 154, 167; Семенов, 2003, с. 14, 46].

Естественно предположить, что помочь в решении проблемы происхождения отмеченных культурных новаций может присутствие в погребениях чужеродных вещей. Однако все они имеют явно престижный характер. При этом большая часть предметов (китайские и некоторые хуннские) представляла собой несомненные импорты, а остальные изделия («хуннские»), по всей видимости, являлись местными подражаниями. К тому же хуннские погребальные сооружения разительно отличаются от исследованных курганов. Очевидно, что определять культуру хуннов в качестве источника заимствований не приходится.

Пожалуй, направление поиска должен задать наиболее существенный отличительный признак – факт поджигания срубов. Как было отмечено, подобный обычай локально бытовал у населения Тувы еще в раннескифское время. Погребальные комплексы Тоджинского района, имевшие обожженные могильные перекрытия, сочетали наряду с местными чертами инокультурные (Вторая Поляна, к. 1, 2). Среди «чужих» элементов выделялись подпрямоугольная форма земляных насыпей и предметы сопроводительного инвентаря, указывавшие на влияние тагарской культуры Минусинской котловины [Дэвлет, 1975, с. 119-127; Савинов, 2002, с. 132-134]. Следует согласиться с исследователями, исключившими эти памятники из комплексов саглынской культуры и констатировавшими тесные связи тоджинских племен с населением Минусинской котловины [Савинов, 2002, с. 134; Чугунов, 2005, с. 89]. Принимая во внимание труднодоступность и изолированность горно-таежной Тоджи, трудно представить, что межкультурные контакты были длительными. Скорее всего, они носили разовый и случайный характер.

По-видимому, нечто подобное произошло несколькими столетиями позже в Северной и Центральной Туве. Это подтверждается появлением тагарских черт в саглынских курганах (увеличение числа погребенных в одной могиле, порядное и послойное размещение покойных, сохранение трупов на некоторое время вне погребения, распространение керамических банок и кубков) [Савинов, 2002, с. 140]. Комплексы могильника Догээ-Баары II служат дополнительным свидетельством. Они во многом напоминают курганы завершающего, так называемого тесинского, этапа тагарской культуры, иначе – тесинской культуры.

подавляющее большинство бревенчатых тесинских склепов с коллективными захоронениями подверглось сожжению. Порой каменная крепида тесинских насыпей сооружалась на границе рва, выкопанного по краю могилы (выравнивание поверхности?) (Туимский курган). У многих сооружений бревенчатое перекрытие могильной ямы походило на усеченную пирамиду, служа одновременно намогильным памятником (Барсучиха I, Разлив III, Береш). Кроме того, в минусинских курганах имелись внушительные дромосы, обложенные бревнами и закрытые плитами (Разлив III), а также псевдо-входы из вертикально врытых плит. Обращает на себя внимание сочетание в сопроводительном инвентаре тесинских захоронений местных вещей с предметами хуннской культуры. При этом часть «типично хуннских» изделий была изготовлена тесинскими мастерами [Субботин, 1983, с. 64-65; Миняев, 1983, с. 101-103; Вадецкая, 1986, с. 80-81, 83-84, 99; Степная полоса..., 1992, с. 227-228, 231-234; Паульс, 2001, с. 126-127].

Несмотря на достаточную условность приведенных соответствий, курганы могильника Догээ-Баары II вполне могут рассматриваться как памятники, воплотившие в себе элементы двух родственных скифоидных культур, наглядно продемонстрировавших культурные импульсы, поступающие в Туву из Минусинской котловины. Должно быть, исследованные комплексы были возведены тесинскими пришельцами, адаптировавшимися на новом месте и смешавшимися с аборигенным населением.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Ленинград: Наука, 1986. – 178 с.
- Вайнштейн С.И.** Памятники казылганской культуры // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – 1966. - Т. II. – С. 143-184.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. - М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Дэвлет М.А.** Памятники «скифского» времени в северо-восточной Туве // Первобытная археология Сибири. - Ленинград: Наука, 1975. – С. 119-127.
- Миняев С.С.** Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). - Ленинград: Наука, 1983. – С. 101-103.
- Николаев Н.Н., Хаврин С.В.** Некоторые итоги полевых исследований 2001-2003 гг. на могильнике Догээ-Баары II // Археологические экспедиции за 2003 год: Сборник докладов. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. – С. 24-36.
- Николаев Н.Н., Хаврин С.В., Кисель В.А.** Работы Кызыльского отряда Тувинской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия за 2002 год: Тезисы докладов. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С. 22-25.
- Панкова С.В., Хаврин С.В.** Работа Тувинской экспедиции // Отчетная археологическая сессия за 2001 год: Тезисы докладов. - СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – С. 10-12.
- Паульс Е.Д.** Курганы тагарской культуры с входами // Евразия сквозь века. – СПб.: Изд-во Филологического факультета Санкт-Петербургского гос. университета, 2001. – С. 126-128.
- Савинов Д.Г.** Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. университета, 2002. – 204 с.
- Семенов Вл.А.** Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 238 с.
- Степная** полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. (Археология СССР). - М.: Наука, 1992. – 494 с.
- Субботин А.В.** Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). – Ленинград: Наука, 1983. – С. 64-70.
- Чугунов К.В.** Некоторые итоги исследований могильника Догээ-Баары II // Круг знания: Научно-информационный сборник. - Кызыл, 1999. - Вып. 2. – С. 33-46.
- Чугунов К.В.** Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур // Археологический сборник. - СПб., 2005. - Вып. 37. – С. 68-92.

О.В. Кокуркина

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДИАГОНАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ I-II вв. н.э.

В середине прошлого столетия диагональные погребения среднесарматского времени считались наиболее типичными для Поволжья.

К.Ф. Смирнов выделял две области распространения диагональных погребений среднесарматского времени – основная поволжско-уральская и западная, охватывающая район левобережья Днепра [Смирнов К.Ф., 1948]. При этом ученый уточнял, что на Урале было найдено единственное погребение в кургане 7 у Бердинского поселка, которое датировалось IV-II вв. до н.э. Распространение квадратных ям с диагональным положением погребенного, относящиеся к сусловской культуре, Б.Граков локализовал на реке Торгуне и вокруг Степного [Граков Б., 1947].

Однако в результате последующих археологических раскопок были открыты новые диагональные погребения в Поволжье – у сел Политотдельское, Быково, Калиновка, Новоникольское [Смирнов К.Ф., 1959; Смирнов К.Ф., 1960; Шилов В.П., 1959; Шилов В.П., 1954]. Одновременно на территории Астраханской области были открыты диагональные погребения. На протяжении 1962-1965 годов астраханской археологической экспедицией были раскопаны подобные погребения близ села Никольское, Кузин хутор, Балкин хутор [Засецкая И.П., 1979; Шилов В.П., 1962; Шилов В.П., 1982].

Обширная группа диагональных погребений была открыта на территории Нижнего Дона, правобережье реки Маныч (Красногоровка, Колдыри, Тузлуки, Крепинский I).

Однако это была не самая западная область ареала распространения среднесарматских диагональных погребений. Раскопки у села Усть-Каменка, начатые еще в 1951 г. под руководством Е.В. Махно, были продолжены в 1983-1985 гг. под руководством В.И. Костенко [Костенко В.И., 1993]. Благодаря этому были открыты диагональные погребения, позволившие расширить представление ученых о территории бытования данного типа погребений сарматов.

В Приуралье, помимо открытых диагональных погребений более раннего периода (савроматских, раннесарматских) были открыты погребения, которые по сопровождающему инвентарю, характеристикам погребального обряда могли быть датированы I-II вв. н.э. Здесь следует отметить, что для территории Южного Приуралья М.Г. Мошкова выделяет среднесарматские диагональные погребения, которые датируются концом II – I вв. до н.э. [Мошкова М.Г., 2004]. Возможно, данные погребения можно отнести к переходному периоду – формирования среднесарматской культуры. Основная же масса диагональных погребений Поволжья, Нижнего Дона, Украины датируются в пределах I- середина II вв. н.э., хотя среди их числа можно вычленить погребения, возможно датирующиеся до рубежа эр.

Таким образом, территория бытовая диагонального обряда погребения в среднесарматское время охватывала обширные пространства от Южного Урала до Днепра, при этом можно выделить несколько локальных групп их распространения – Южное Приуралье, левобережье Волги, Астраханская область (правобережье Волги), Нижний Дон, Украина.

И.П. Засецкой и Е.К. Максимовым был сделан анализ суммы признаков диагонального обряда погребений [Засецкая И.П., 1974; Максимов Е.К., 1966].

В результате многолетних археологических открытий накопилось большое число раскопанных могил, что позволяет вновь обратиться к проблеме вычленения признаков, характеризующие диагональные погребения среднесарматской культуры. В данной работе будет сделан сравнительный анализ погребальных признаков локальной группы диагональных погребений, происходящих с территории Южного Приуралья и левобережья Волги.

Всего было учтено 60 диагональных погребения, которые располагались компактными группами по левобережью Урала, в верховьях Илека, левобережья Волги. Для каждой территориально компактной группы будет представлен комплекс взаимосвязанных признаков, которые характеризуют устройство погребального сооружения, состояние и положение останков погребенного, состав погребального инвентаря.

В выборку по Южному Приуралью включено 17 диагональных погребений. Для данных погребений характерны прямоугольные ямы (7) (размеры которых варьируются от $1,6 \times 2,10$ до $2,5 \times 1,8$), широкие прямоугольные (4) (размеры которых в среднем от $1,8 \times 2,0$ до $2,4 \times 1,9$) и квадратные (6) (от $1,7 \times 1,7$ до $2,1 \times 2,0$). Преобладающей ориентировкой могильных ям является СВ-ЮЗ (8). В 6 погребениях было отмечено деревянное перекрытие, в двух случаях (Красный яр к.5, Цилинный к.25) зафиксирована деревянная рама квадратной формы. В кургане 28 Восточного-Курайлинского могильника над могильным пятном были набросаны каменные плиты, а также они встречались в заполнении могилы [Гуцалов С.Ю., 2006]. В трех погребениях была зафиксирована подстилка из коры дерева, погребенный из кургана 1 могильника Красный Яр был полностью завернут в бересту. В двух погребениях была отмечена органическая подстилка и в одном погребении – меловая посыпка, признак характерный для более раннего периода. Погребенные лежали вытянуто на спине. По сравнению с положением погребенных более раннего периода, когда руки расположены были параллельны туловищу, в среднесарматских диагональных погребениях отмечается вариативность расположения рук погребенных. Так в трех случаях отмечены отставленные в сторону руки, и у трех погребенных руки были согнуты в локтях. Ноги располагались параллельно друг другу, за исключением погребенных в могильнике Сорочинский (к.4 п.2) и Цилинный (к.25), где ноги у погребенных были в виде ромба. Было определено 5 мужских и 5 женских погребений. Во всех погребениях была зафиксирована керамика (за исключением погребения из к. 25 могильника Цилинный). В основном это были кувшины (рис. 1, 1,3, 5,6,7), орнаментированные сосуды (рис. 1, 4,8) характерные для среднесарматской культуры. Однако в погребении кургана 13 могильника Красный яр был найден грубо сделанный круглодонный сосуд, характерный для прохоровской культуры. В 7 погребениях были зафиксированы железные трехлопастные наконечники стрел. В 4 погребениях найдены мечи, 2 из которых были с круглым навершием и прямым перекрестием, тип меча характерного для среднесарматского времени. В кургане 1 могильника Красный Яр и кургане 11 могильника Целинный оружие было представлено мечом и железными наконечниками стрел. В 4 погребениях были встречены курильницы, характерные для среднесарматской культуры (рис. 1, 10, 11, 12, 13) [Максименко В.Е., 1998; Скрипкин А.С., 1999]. В кургане 7 могильника Красный Яр, Уметбаево (к.7) и I Кардаиловском могильнике кургане 20 были найдены 3 различных типа бронзовых зеркал – зеркальце-подвеска, плоское бронзовое зеркало с небольшим штырем и плоское зеркало с ободком по краю. Они относились соответственно к IX типу, II типу, V типу (по Хазанову), были характерны для среднесарматской культуры и датировались I- началом II в. н.э. [Хазанов А.М., 1963]. Из других категорий инвентаря здесь были зафиксированы находки пряслиц (4), фибул (1) (рис. 1, 15), бус (5) и железных удил (2).

Другую многочисленную группу представляют 43 диагональных погребения происходящие с территории левобережья Волги (курганные могильники Бережновка, Калиновка, Новоникольский, Сусловский). К этой же группе отнесено диагональное погребение 8 из кургана D 4 могильника Шульц, расположенного в междуречье Волги и Малый Узень. Десять могильных ям были прямоугольной формы, одна круглая (Сусловский к.31), одна в форме ромба (Сусловский к. 25), большинство могил были квадратной формы ориентированные по сторонам света. Размеры ямы варьировались от $1,9 \times 2,0$ до $2,20 \times 2,5$. Погребения все были основным, совершенными под индивидуальными насыпями. В 13 погребениях была зафиксирована подстилка из коры дерева, в 5 случаях дно посыпано мелом. В 25 могилах были погребены женщины, возраст которых варьировался от 25-55. Десять погребенных были определены как мужские. В 4 погребениях вместе с женщинами были похоронены дети (в могильнике Бережновский –II к. 18 – 4 ребенка).

Аналогичные погребения были известны на территории Южного Приуралья, датирующиеся среднесарматским временем.

Ориентированы погребенные были головой на ЮЗ (24), ЮВ (7), Ю (7), С, СЗ (2). Лежали погребенные вытянуто на спине, руки расставлены в стороны, либо согнуты в локтях. В состав погребального инвентаря входила керамика – станковой работы кувшины сероглиняные, краснолаковые (рис. 1, 17), лепные сосуды баночной формы с плоским дном, мраморные сосуды небольших размеров. Необычной биноклевидной формы сосудик был найден в кургане 57 II Бережновского могильника (рис. 1, 9). В 10 погребениях были найдены мечи (преобладает тип мечей с прямым перекрестием и кольцевым навершием). В 14 погребениях были зафиксированы железные трехлопастные наконечники стрел. В 10 погребениях

Рис. 1. 1. Красный яр к.5; 2. Покровка I к. 7 п.1; 3. Сорочинский к.4 п.2; 4. Уметбаево II к.1; 5. Уметбаево II к.5; 6. Уметбаево II к. 7; 7. Цилинный I к.93; 8. Восточно-Курайлинский I к.28; 9. Бережновка II к.57 п.1; Цилинный I к.93; 12,13. Красный Яр к.7; 14. Цилинный I к.11; 15. Цилинный I к. 25; 16. Уметбаево II к. 7; 17. Бережновский II к.57 п.1; 18. Бережновский II к.33.

отмечены находки бронзовых зеркал среднесарматского времени (прямоугольное, плоское с ободком по краю и с ручкой штырем, китайское зеркало (рис. 2, 26) было найдено в погребении II Бережновского могильника к.33). Также в диагональных погребениях данной группы были найдены курильницы, бусы, золотые штампованные бляшки, пряслица. Весь погребальный инвентарь соответствовал среднесарматской культуре.

Таким образом, в результате представленного комплекса признаков, характеризующих каждую выделенную территориальную группу – с территории Южного Приуралья и левобережье Волги, можно утверждать, что каждая группа обладает отличительными особенностями, выраженными как в погребальном обряде, так и в сопровождающем погребальном инвентаре, хотя они и относятся к одной среднесарматской культуре.

Список литературы

- Граков Б. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ № 3. 1947. с. 100-121.
 Гуцалов С.Ю. К проблеме стыка прохоровской и суловской культур в степях Южного Урала // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблема соотношения. Волгоград. Волгоградское научное издательство. 2006. 140с.

Засецкая И.П. Диагональные погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // Археологический сборник № 16. Ленинград. 1974. с. 105-121.

Засецкая И.П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Труды государственного Эрмитажа. Ленинград. 1979. с. 87-113.

Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье. Днепропетровск. Издательство ДДУ. 1993. 152с.

Максименко В.Е. Донские древности. Вып. 6. Сарматы на Дону. Азов. Издательство азовского краеведческого музея. 1998. 304с.

Максимов Е.К. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археологический сборник. Саратов. 1966. с. 98-115.

Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар. 2004. с. 22-44.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов. Издательство Саратовского университета. 1990. 300с.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА № 78. 1960. с. 121-135.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатки и Политотдельское Волгоградской области // МИА № 60. 1959. с. 228-240.

Смирнов К.Ф. О погребении роксолан // ВДИ № 1. 1948. с. 213-219.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА № 4. с. 58-71.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА № 60. 1959. с. 323-350.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции за 1962 год Архив И.А. РАН, Р-1 №2728. 1962.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Калиновского отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1954 году. Архив ИА РАН, Р-1 №1300. 1954.

Шилов В.П. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья. Элиста. 1982.

Б.А. Раев*Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону*

К АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ РИМСКОГО ИМПОРТА В АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ

Погребальные памятники Азиатской Сарматии, в состав инвентаря которых входят импортные италийские или провинциально-римские изделия последнего века до н.э. и первых вв. н.э., принадлежат к числу хорошо изученных и более или менее полно опубликованных. Это связано с тем, что в них, даже после ограбления, сохраняются дорогие, иногда высокохудожественные предметы, изготовленные в античных центрах, которые – с нашей точки зрения – говорят о высоком статусе погребенного.

Погребения знати с их богатым инвентарем являются опорными при построении хронологических шкал сарматских памятников различных территорий, они очень точно отражают все инновации в материальной культуре, появление одних и выход из обихода других типов вещей. Однако работ, в которых комплексно исследовались бы элитные погребения отдельных территорий, исключая Нижнее Подонье, у нас нет. Построенная автором 30 лет назад хронология погребений знати этого региона (Раев 1979) – в чем-то несовершенная и позже уточненная, в чем-то устаревшая и нуждающаяся в корректировке – тем не менее, является пока единственным опытом такого рода.

И в публикациях отдельных элитных погребений в курганах, и в этой работе хронологические выводы построены в основном на импортных предметах. Определенные основания для использования их в качестве т.н. “хроноиндикаторов” у нас, безусловно, есть, хотя я не считаю методически корректной процедуру прямого переноса европейской хронологии на погребения кочевой аристократии. А именно такой перенос, как правило, и имеет место в большинстве работ.

Создается парадоксальная, по сути, ситуация: импортные изделия (чаще металлическая и стеклянная посуда, реже – фибулы и другие изделия), которые в шкалах европейской хронологии относятся к определенной стадии протяженностью в несколько десятков лет, в наших условиях начинают исполнять роль точных – до 10 лет! – хронологических реперов.

Магическое заклинание “европейская хронология импортов” реально обращено к шкале относительной хронологии, которая, во-первых, если и становится абсолютной, то основываясь совсем не на импортных предметах [Eggers, 1955], а во-вторых, если и используется для памятников варварской периферии, то совсем не кочевнических. Условия бытования импортных предметов, определенные их утилитарной или иной ценностью, их использование в погребальном ритуале были, вероятно, у племен Свободной Германии и Азиатской Сарматии все-таки разными.

Впрочем, по мнению многих исследователей, ситуация не так уж безнадежна, потому что есть, хоть и немногочисленные, но достоверные письменные источники. Сблести связать с ними конкретные памятники столь велик, что избежать его не удалось, пожалуй, ни одному сарматологу. Причем, если прочитать эпиграфические источники археологи просто не могут, а интерпретировать их берутся редко, предоставив это специалистам, то трактовка античных авторов давно стала обязательным атрибутом и своеобразным показателем фундаментальности исследования.

Эта традиция восходит, безусловно, к работам археологов начала 20 века. В их распоряжении были те же письменные источники и не намного уступающий современному эпиграфический материал; они владели языками древними (всеми), европейским (многими), но в источниках археологических были очень ограничены. Диспропорция источников обусловила верность большинства их построений, которые – мы не перестаем этому удивляться – остаются, в основном, актуальными, и только корректируются новым археологическим материалом. В этих работах отдельные яркие археологические памятники иллюстрировали полотно, написанное древними авторами.

Многочисленное увеличение археологического материала за последние 50–70 лет позволяло создать относительную хронологию памятников Азиатской Сарматии собственно археологическими методами. Для отдельных регионов, сведения о которых у древних авторов крайне скудны, а эпиграфических источников или вовсе нет, или они единичны – например Нижнее Поволжье, Южное Приуралье – такие шкалы относительной хронологии были построены. Итальянские и провинциально-римские импорты заняли в этих схемах свое место и маркируют *terminus post quem* для отдельных периодов развития культуры. Многочисленные восточно-эллинистические импорты (аналогов которым в Европе нет), составляющие в Азиатской Сарматии добрую половину всех импортов, только начинают осознаваться как отдельный культурный пласт и становятся объектом исследования [см., напр.: Раев, 1987; Pfrommer, 1993; Трейстер 1994].

И вот здесь как раз у сарматской археологии появляется исторический шанс сыграть ту роль, которую сыграли памятники варварской Европы для датировки римских импортов. Наши памятники дают уникальную возможность создать синхронизированные шкалы относительной хронологии сарматских погребений Нижнего Подонья и Поволжья и привязать их к хронологическим колонкам (пока тоже не созданным) грунтовых могильников нижнедонских городищ. Привязка последних к абсолютной хронологии возможна через некрополи Танаиса, городов Азиатского Боспора и меотских городищ Прикубанья, обеспеченные амфорной тарой. В этой жесткой схеме получили бы абсолютные датировки восточно-эллинистические импорты. Любопытно, что существующие в комфорте “европейской хронологии” западные археологи не могут датировать новые типы металлической посуды, найденные в Италии, потому, что “они не распространены в кельтской Европе” [Castoldi, 1991, 67].

Определение абсолютной даты отдельных погребений сарматской знати, когда они вырваны из контекста и не находятся в определенной схеме относительной хронологии, представляется мало продуктивным. Тем более что основания, на которых эта дата определяется, по большей части или спорны, или не учитывают специфику функционирования вещей в кочевом обществе. И если верно то, что нас должно интересовать время использования вещи, а не дата ее превращения в “мертвую культуру” [Щукин, 2004, 267; ср.: Клейн 2004, 123 и сл.], бурные дискуссии об абсолютных датах отдельных, пусть и ярких комплексов, лишены смысла.

Сопоставление датированных такими методами археологических памятников с данными письменных источников, превращает археологические по замыслу работы в иллюстрированное – подчас богато – изложение античной истории [Зайцев, Мордвинцева, 2004, 290 и сл.]. При этом древние авторы толкуются археологом в соответствии с задачами конкретного исследования, с его нынешним видением археологических данных.

Возможности использования античных импортов в качестве хроноиндикаторов для абсолютной датировки погребальных памятников Азиатской Сарматии представляются мне чрезвычайно ограниченными. Если нет прямых указаний письменных источников на конкретные археологические памятники, то по импортам могут быть определены только периоды их существования в живой культуре местного населения. Импортными предметами маркируются волны передвижений кочевников, с которыми вещи проникают в степи Восточной Европы, но и они не имеют конкретной даты. Применительно к нашим памятникам уместней говорить о континууме их бытования, об определенных периодах, которые действительно более или менее совпадают с периодами существования этих вещей в Европе.

Что же касается возможностей при определении дат абсолютной хронологии, то их гораздо больше у изделий керамических мастерских местных поселений и античных городов. Ведь для окружающего кочевого населения они являются своеобразным импортом, не отличающимся, к тому же, долговечностью.

Список литературы

- Виноградов Ю.Г.** Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. – 1994. – №2. – С. 151–170.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И.** “Царица” из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. – С. 290–297.
- Клейн Л.С.** Введение в теоретическую археологию. Книга 1. Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. – 470 с.
- Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А.** Окно в бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. – Ханты-Мансийск – Томск: ГалаПресс, 2002. – 88с.
- Раев Б.А.** Итальянские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I–III вв. н.э. на Нижнем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград, 1979. – 17 с.

Раев Б.А. Неримские центры производства “римского” серебра (по находкам в сарматских курганах первых вв. н.э.) // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово, 1987. – С. 119-121.

Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. – 1994. – № 1. – С. 172-203.

Трейстер М.Ю. Сарматские воины Фарнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. – С. 322–330.

Уилер М. Пламя над Персеполем. Поворотный момент истории. – М., 1972. – 144 с.

Щукин М.Б. Река времени (Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. – С. 261–276.

M. Castoldi, *Simpula a due pezzi a manico orizzontale.* // *La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Actes de la table-ronde CNRS organisée a Lattes du 26 au 28 avril 1990.* – Dijon: Universit de Bourgogne. – 1991. – P. 63–72.

Eggers H.-J. *Zur absoluten Chronologie der Römischen Kaiserzeit im Freien Germanien* // *Jahrbuch d. Römisch-Germanisches Zentralmuseum*, 2. – 1955. – S. 196–244.

Petrowsky R. *Studien zu römeschen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln (Kölner Studien zur Archdologie der Römischen Provinzen. Bd. 1).* – Köln: Buch am Erlbach, 1993. – 460 S.

Pfrommer M. *Metalwork from the Hellenized East. Catalogue of the Collections.* – Malibu: J.Paul Getty Museum, 1993. – 244 p.

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский Государственный университет
Санкт-Петербург

МИНУСИНСКАЯ «ПРОВИНЦИЯ» ХУННУ

Изучение памятников Минусинской котловины, хронологически занимающих промежуточное положение между тагарской и таштыкской культурами и известных сейчас под наименованием «тесинских», составляет сложную культурно-историческую проблему, суть которой сводится к сосуществованию двух принципиально различных видов погребений (курганов – склепов и т.н. грунтовых могильников) с некоторыми общими формами предметов сопроводительного инвентаря. Имеющаяся по этому поводу литература уже достаточно обширна, и основные точки зрения исследователей могут быть сформулированы следующим образом.

Л.Р. Кызласов: переходный тагаро-таштыкский этап (II – I вв. до н.э.); отличие материалов грунтовых могильников от тагарской традиции; определяющее значение центрально-азиатского компонента, связанного с образованием империи Хунну (рубеж III – II вв. до н.э.); двухэтапное проникновение групп центрально-азиатского происхождения (гяньгуней) из Северо-Западной Монголии – при Маодуне и после распада государства на северных и южных хуннов (середина I в. до н.э.); смешение гяньгуней с тагарцами – динлинями (развитие идеи С.В. Киселева); образование таштыкской культуры (с середины I в. до н.э.ж) [Кызласов, 1960, с. 161-166; 1984, с. 7-22].

М.П. Грязнов: тесинский этап тагарской культуры, включающий разные виды памятников – большие курганы-склепы и грунтовые могильники (II – I вв. до н.э.); причины различия между ними – в социальной сфере (разные слои населения, племенные или этнические образования); усложнение этносоциальной структуры тагарского общества – отражение событий, связанных с образованием государства Хунну; I-II вв. н.э. – начало сложения таштыкской культуры (батаневский этап) [Грязнов, 1968].

М.Н. Пшеницына: тесинский этап тагарской культуры (по М.П. Грязнову): датировка тесинского этапа – II в. до н.э. – I в.н.э.; выделение нескольких (помимо склепов) видов тесинских погребений, а также двух хронологических групп памятников (без уточнения абсолютной датировки); общее усложнение этносоциальной обстановки на Енисее, связанное с образованием государства Хунну (с рубежа III-II вв. до н.э.); возможный приток новых групп населения из Тувы (или через Туву), инкорпорированных тагарцами [Пшеницына, 1975, 1992].

Ю.С. Худяков: все виды памятников тесинского этапа относятся к тагарской культуре, воспринявшей в конце I тыс. до н.э. ряд инновационных (центральноазиатских) элементов; вариативность отдельных видов тесинских погребений связана с дислокальным характером этих инноваций; влияние со стороны хуннов на население Минусинской котловины несомненно, но динлинбы и гяньгуни, судя по данным письменных источников, вряд ли могли обитать на Енисее [Худяков, 1989].

Э.Б. Вадецкая: четкое обособление погребений в склепах и грунтовых могильниках, названных «инокультурными»; тесинский этап тагарской культуры (II в. до н.э. – II в.н.э.) выделяется только по материалам склепов; приход «инокультурного» населения не ранее I в. до н.э.; длительное, вплоть до IV в.н.э., сосуществование населения позднетагарской (тесинской), раннеташтыкской культур и «инокультурных» могильников; выделение двух групп «инокультурных» могильников с таштыкскими элементами и без них; население «инокультурных» могильников пришлое, разноэтническое, возможно потомки окуневцев, спустившихся «с гор» (в более ранних работах – пришедшее из Тувы); основные исторические события связаны с экспансией хуннов во II в. до н.э. в сторону Восточного Туркестана и установлением ими (до середины I в. до н.э.) контроля над этим участком Великого шелкового пути [Вадецкая, 1999, с. 161-174 и др.].

Н.Ю. Кузьмин: двухкомпонентная тесинская культура, отличная от тагарской, но в одном из своих компонентов (склепы) развивающая тагарские традиции (II в. до н.э. – I // II вв. н.э.); выделение двух групп памятников – ранней (II в. до н.э.) и поздней (с преобладанием грунтовых могильников, I в. до н.э. – I в. н.э.); приход различных групп населения грунтовых могильников из более южных районов (Атай, Тува); связь между тесинскими склепами и грунтовыми могильниками (по материалам частичных погребений) [Кузьмин, 1992].

Из всего сказанного следует, что наличие (или влияние) пришлого хуннского компонента в культуре населения Минусинской котловины так или иначе признается всеми исследователями. Основное различие заключается в интерпретации сочетания этого компонента с поздним этапом тагарской культуры и вариантах предложенных датировок, что в значительной степени объясняется синхронизацией с разными периодами политической истории Хунну.

Обращаясь еще раз к проблеме тесинских грунтовых могильников, следует отметить, что источниковая база для их изучения еще далеко не исчерпана. В настоящее время известно не менее двух десятков памятников, не считая впускных погребений, материалы которых до сих пор полностью не опубликованы. Это такие могильники, как Каменка III и V (раск. Я.А. Шера, 1965-1967 гг.); Оглахты V (раск. Л.Р. Кызласова, 1969 г.); Разлив II (раск. М.Н. Пшеницыной, 1972 г.); Маяк (раск. Н.Ю. Кузьмина и М.Л. Подольского, 1979 г.); Сабинка II (раск. П.Г. Павлова, 1983 – 1984 гг.); Черное озеро I и Есино III (раск. Д.Г. Савинова, 1984-1985, 1988 – 1989 гг.); Хара-Хая (раск. Н.Ю. Кузьмина, 1987 г.) и др. В ряде случаев небольшие грунтовые могильники находились за оградой курганов-склепов (Новые Мочаги, Большое Русло, Степновка II, Есино IV). Как правило, это наиболее «бедные» среди всех остальных тесинских погребений.

Несмотря на сложившееся представление об известной хаотичности (или неупорядоченности) погребального обряда тесинских грунтовых могильников, большинство из них имеют свою планиграфию и внутреннюю логику расположения составляющих их объектов. Это очень плотное размещение на сравнительно небольшой площади, вытянутой в направлении близкому к меридиональному, большого количества погребальных сооружений практически без какого-либо промежуточного пространства. Мнение о том, что такие скопления могил имели первоначально одно общее каменное покрытие, называемое «панцирем» или «платформой», скорее всего, ошибочно, так как то, что принималось за единое (общее) покрытие на самом деле, как показывают раскопки могильника Есино III, представляет собой развал каменных конструкций отдельных наземных сооружений, вплотную примыкающих друг к другу. Традиция создания таких «многокамерных» сооружений существовала длительное время и вполне «узнаваема» в некоторых ранних таштыкских могильниках [Кызласов, 1960, рис. 5а].

Помимо могильников, включающих несколько десятков и более захоронений, известны тесинские памятники, состоящие из двух-трех сооружений с индивидуальными или парными погребениями (Мохов II, Тепсей VII, Каменка V, Арбан IV). Как правило, они отличаются отсутствием последовательных захоронений, большим количеством сопроводительного инвентаря и находками отдельных «не серийных» изделий, что позволяет предполагать несколько иной, более высокий социальный статус погребенных. Определенные закономерности могут быть выявлены и при анализе внутримогильных сооружений, положения и ориентировки погребенных и т.д.

Таким образом, уже исходя из характера расположения и внешних признаков тесинских грунтовых могильников, можно сделать вывод о неоднородности социального состава общества, включающего, по крайней мере, три слоя населения 1. Собственно тесинцы (сложные планиграфические комплексы с большим количеством погребенных и близкие их впускные захоронения в курганах более ранних исторических эпох). 2. Привилегированная часть общества, для представителей которой создавались отдельные погребальные сооружения. 3. Наименее обеспеченная (социально зависимая?) часть населения, устраившая свои небольшие кладбища за оградой курганов-склепов. Наличие «своей» социальной иерархии погребенных в грунтовых могильниках еще больше актуализирует вопрос об отношении их к погребенным в одиночных курганах-склепах.

Основной предметный комплекс из грунтовых тесинских могильников составляют изделия из железа. В этом заключается их кардинальное отличие от погребений в склепах, где абсолютно преобладают вотивные бронзовые изделия, воспроизводящие формы предметов тагарской культуры. Отличается и состав сопроводительного инвентаря. В грунтовых могильниках это чаще всего ножи с кольцевидным навершием, различного рода пряжки, костяные булавки, поясные кольца, отдельные предметы вооружения и конской упряжи. Керамика по своей форме (открытая банка) сопоставима с тагарской, но значительно меньших размеров и без орнамента. Вместе с тем, из грунтовых могильников происходят и глиняные сосуды иных форм, в том числе тюльпановидные, близкие к вазообразным, иногда украшенные наклепным волнистым орнаментом, т.е. явно отражающие влияние хуннской керамической традиции.

Еще более определенно об этом свидетельствуют предметы художественной бронзы, демонстрирующие дискретность развития культуры: на смену тагарским бронзам, имеющим глубокие местные традиции, приходят принципиально новые виды бронзовых изделий, если не собственно хуннского происхождения, то сделанные по хуннским образцам [Миняев, 1980]. Происходят они только из тесинских грунтовых могильников (Тепсей VII, Калы, Есино III и др.), а также в достаточно большом количестве представлены в виде случайных находок и кладов [Дэвлет, 1980, табл. 1-28]. Судя по забайкальским аналогиям (Иволгинский и Дырестуйский могильники), это явно ранжированные элементы культуры, свидетельствующие, если не об этническом, то, во всяком случае, о социальном присутствии хуннов на Среднем Енисее. Кто именно был обладателем подобных изделий, конечно, сказать трудно, но несомненно, что это были люди, принимавшие (а, скорее всего, «проводившие») хуннскую культурную традицию на местах, входивших в систему социально-этнического подчинения Хунну [Савинов, 2005].

К числу других инноваций можно отнести отдельные подбойные погребения (Тепсей VII), отражающие погребальную традицию хунну [Миняев, 1990], определенную конструкцию поясных наборов (с подвесными кольцами и ложечковидными застежками), некоторые виды предметов вооружения, своеобразные рисунки – «лабиринты» на каменных плитках и стелах [Савинов, 1995]. В составе грунтовых могильников встречаются отдельные захоронения сосудов (Есино III), что также является отражением ритуальной хуннской традиции [Савинов, 1995а]. Собственно хуннских погребений на территории Минусинской котловины не обнаружено, однако есть основания полагать, что они еще могут быть открыты. Так, одно из погребений (№ 9) на могильнике Черное озеро I (раск. Автора 1985 г.) – захоронение женщины в деревянном гробу – колоде в вытянутом положении, с характерным устройством пояса (подвесные бронзовые кольца и ложечковидные застежки) – уже очень близко сближается с «настоящими» хуннскими погребениями. Во- всяком случае, «тагарским» его никак не назовешь.

Оглядывая в целом то, что сейчас известно о тесинских грунтовых могильниках (а это более 500 погребений), с учетом значения хуннского культурообразующего компонента, можно предполагать, что здесь, на Среднем Енисее находилась одна из «провинций» государства Хунну, которая условно может быть названа «минусинской». Для определения времени ее появления существенное значение имеют находки китайских монет *у-шу* (Тепсей VII, курган «Ближний»), первый выпуск которых относится к 118 г. до н.э. (т.е. самый конец II в. до н.э.; с учетом фактора распространения – не ранее I в. до н.э.), что уже раньше было принято для обоснования датировки хуннских памятников Забайкалья [Миняев, 1975]. С точки зрения исторической синхронизации, этому предшествуют известные события политической истории хуннов – оттеснение из Восточного Туркестана, потеря Ордоса и перенесение «ставки правителя» севернее Гоби, что вызвало отток «на север» (Монголия и Забайкалье) основной массы населения и войска (123-119 гг. до н.э.). Именно в это время политическая и социально-экономическая сфера интересов государства Хунну вплотную «придвинулась» к территории Саяно-Алтайского нагорья.

Можно предполагать, что распространение хуннских традиций «на север» не было вызвано «разовым» завоеванием (хотя и это не исключено), а явилось следствием общей тенденции смещения «центра тяжести» хуннского влияния из сопредельных с Китаем областей на периферию уже бывшего хуннского объединения эпохи правления Маодуня. В этих условиях вполне мог образоваться определенный «пресинг» центрально-азиатских племен, знакомых с хуннской культурной традицией, в том числе и самих хуннов, в отдаленную, но относительно безопасную и богатую Минусинскую котловину. Не исключена возможность и «прямого» (насильственного?) переселения каких-то подвластных хуннам племен на другую территорию, как это неоднократно имело место в истории народов Центральной Азии.

О пришлом характере населения тесинских грунтовых могильников говорит и постоянная практика впускных захоронений в погребальные сооружения более ранних исторических эпох (раннетагарские и эпохи поздней бронзы), свидетельствующая об отсутствии «своих» традиционных мест для создания кладбищ. Судя по общему количеству погребений (а сколько их вообще исчезло, еще не открыто и не раскопано), это было достаточно многочисленное население, постепенно занимавшее места обитания тагарцев и находившееся с ними в близких отношениях или в состоянии какой-то зависимости (социально-экономической ? административно-правовой ?).

Большие одиночные курганы – склепы по характеру наземных сооружений, устройству погребений и формам вотивных предметов сопроводительного инвентаря несомненно продолжают тагарскую традицию. По количеству погребенных (до 200 и более человек в одном склепе) они заменяют целые могильники, что может означать утрату родовых территорий и прежних сакральных центров. Чрезмерная миниатюризация бронзовых изделий (кинжалов, чеканов и др.) тем более удивительна, что в это же время широко распространяются полновесные хуннские художественные изделия (пряжки, застежки и др.). Обращает на

себя внимание, что население тесинских грунтовых могильников освоило главным образом южные и центральные районы Хакасии. Возможно, что с этим было связано оттеснение тагарцев в более северные районы и на территорию соседней Кемеровской области, где также появляются курганы с большим количеством погребенных и тесинским инвентарем (шестаковский этап), но сами грунтовые могильники, типа среднеенисейских, отсутствуют. Все это вместе взятое нельзя расценивать иначе, чем «вынужденную» трансформацию позднетагарской культуры в период распространения здесь тесинских грунтовых могильников.

В свете приведенных наблюдений интерпретация дворцовой постройки на р. Ташебе, как места нахождения хуннского наместника [Кызласов, 2001], независимо от точной датировки данного памятника, представляется правильной. Среди находок здесь представлены хуннская керамика и отдельные вещи тесинского облика, а зафиксированная система отопления, скорее всего, была заимствована из Средней Азии, во время пребывания хуннов в Восточном Туркестане. Расположенные на развалинах дворца несколько грунтовых могил относятся уже к таштыкской культуре.

Как долго существовала минусинская «провинция» Хунну, сказать трудно. Скорее всего, она потеряла свое значение после разгрома северных хуннов сяньбийцами (середина II в.н.э.). Во всяком случае, найденная в одной из таштыкских могил в кургане Салбык бронзовая пластина с мотивами растительного орнамента [Вадецкая, 1999, рис. 15] относится уже не к хуннским, а к сяньбийским бронзам. Сяньбийские рисунки выделяются в некоторых петроглифических комплексах Минусинской котловины – Куны и Оглахты [Миклашевич, 2004], что является веским доказательством присутствия каких-то групп сяньбийцев на Енисее. Возможно, это объясняет, почему наиболее известные клады с хуннскими художественными бронзами (например, Косогольский клад) найдены на севере области – их могли здесь «прятать» от сяньбийцев? Вероятно, именно с этой «точки отсчета» – середина II в.н.э. – следует начинать развитие таштыкской культуры. Наследовавшей многое из того, что было характерно для тесинских грунтовых могильников.

Определение Минусинской котловины с ее сложным – местным и пришлым – составом населения на тесинском этапе (I в. до н.э. – середина II в.н.э.), как одной из самых северных «провинций» государства Хунну имеет важное историко-методологическое значение. Вероятно, такого же рода «провинции» с отчетливо, но по разному выраженным хуннским культурным комплексом, одновременные или относящиеся к более раннему времени, могут быть выделены на территории Горного Алтая и Тувы. По мнению Н.Н. Крадина, Забайкалье, материалы которого служат своеобразным «эталоном» при определении хуннского компонента в саяно-алтайских культурах, «являлось северным пограничным форпостом Хуннской империи. Здесь обитала одна или несколько периферийных племенных групп, входивших в состав имперской конфедерации» [Крадин, Данилов, Коновалов, 2004, с. 86]. Вместе с погребениями хуннского времени на территории Саяно-Алтайского нагорья они образуют ближайшее окружение кочевой империи Хунну периода ее расцвета и упадка, наподобие восточных провинций Великой Римской империи.

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 433 с.
- Грязнов М.П.** Тагарская культура // История Сибири. Т. 1 – Л.: Наука, 1968. – С. 187-196.
- Дэвлет М.А.** Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в.н.э. // САИ, вып. Д 4-7 – М.: Наука, 1980. – 28 с. С илл.
- Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б.** Социальная структура хунну Забайкалья – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 104 с.
- Кузьмин Н.Ю.** Тесинская культура в степях Среднего Енисея (проблема выделения и основные признаки) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 2 – Омск, 1992. – С. 72-74.
- Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Изд. МГУ, 1960. – 196 с.
- Кызласов Л.Р.** История Южной Сибири в средние века. – М.: Высшая школа, 1984. – 164 с.
- Кызласов Л.Р.** Гуннский дворец на Енисее. – М.: Изд. Восточная литер., 2001. – 173 с.
- Миклашевич Е.А.** «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы. Тематическ.научн.конф. – СПб, 2004. – С. 320-325.
- Миняев С.С.** К хронологии сюннских памятников Забайкалья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. – Тезисы докл.конф. – Л., 1975 – С. 47-48.
- Миняев С.С.** Производство и распространение поясных ажурных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) // В кн. Дэвлет М.А.. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в.н.э. – САИ, вып. Д 4-7 – М., Наука, 1980. – С. 29-34.

Миняев С.С. Подбойные погребения Центральной Азии в эпоху сюнну // Инф.бюлл. МАИКЦА. – 1990. – вып. 17. – С. 74-81.

Пшеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири – Л.: Наука, 1975. – С. 150-161.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР с скифо-сарматское время («Археология СССР») – М.: Наука, 1992. – С. 224-235.

Савинов Д.Г. Тесинские «лабиринты» (по материалам могильника Есино Ш) // Древнее искусство Азии. Петроглифы – Новосибирск.: ИПзд. КемГУ, 1995. – С. 22-32.

Савинов Д.Г. Ритуальные комплексы с захоронениями сосудов хуннского времени в Туве // Ритуал и ритуальный предмет. Сборник научн. трудов – СПб.: Изд. ГМИР, 1995а. – С. 48-59.

Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2 – Улан-Удэ.: Изд. Бурятского научн. Центра СО РАН, 2005 – С. 1-43.

Худяков Ю.С. Тесинские курганы в долине р. Табат // Археологические памятники Сибири и Дальнего Востока – Новосибирск: МИИФФ СО РАН, 1989. – С. 103-112.

Список сокращений

ГМИР – Государственный музей истории религии

МАИКЦА – Материалы ассоциации по изучению культур Центральной Азии

САИ – Свод археологических источников.

А.В.Харинский

Иркутский государственный технический университет

НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДБАЙКАЛЯ И ЕГО СОСЕДИ В КОНЦЕ I тыс. до н.э. – НАЧАЛЕ I тыс. н.э.

С конца II тыс. до н.э. территория лесостепного Предбайкаля становится частью Центральноазиатского хозяйственно-культурного региона – одного из основных центров евразийской скотоводческой цивилизации. С этого времени в Приольхонье и Кудинской долине вместе с носителями культуры плиточных могил распространяется полуседлый тип хозяйства, базирующийся на разведении лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. С формированием в Центральной Азии первого значительного политического объединения кочевников – державы хунну, население Предбайкаля активно вовлекалось в культурно-политические процессы, протекавшие в Центральноазиатском регионе, несмотря на то, что находилось на его периферии.

В это время в лесостепном Предбайкалье преобладали захоронения елгинского типа, которые характеризуются труположением умерших в могильной яме на боку с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Над могильной ямой сооружалась каменная кладка овальной или четырехугольной формы (рис. 1 – 14).

Имеющиеся к настоящему времени данные позволяют считать, что елгинский погребальный обряд начал формироваться в Южном Забайкалье в V-III вв. до н.э. на основе культурной общности, оставившей захоронения сотниковского типа [Харинский, 2006]. Сотниковцы хоронили умерших на боку с подогнутыми ногами. Погребенные располагались, преимущественно, на правом боку (два захоронения на левом боку), головой на восток или северо-восток. Захоронения были впущены в плиточные могилы. К настоящему времени в число сотниковских захоронений входят: Саянтуй – 91; Тологой II – 8; Верхне-Килганутский улус – 45; Сотниково – 1, 15; Ацай II – 4, 6, 7 [Цыбиктаров, 1998, с.107] - всего восемь захоронений.

В III-II вв. до н.э. сотниковцы мигрируют в Предбайкалье, Баргузинскую котловину, район Еравнинских озер, в долины Онона и Ингоды. С конца I тыс. восточнозабайкальская и предбайкальская группы сотниковцев развиваются самостоятельно. Первая из них становится основой для формирования носителей дарасунского погребального обряда, а вторая – для елгинцев и пришедших им на смену на побережье Байкала черенхынцев [Харинский, 2001, с.106-107].

Изменение погребального обряда, фиксируемое у потомков сотниковцев в Предбайкале, вероятно, было обусловлено влиянием на них со стороны носителей бутухейских погребальных традиций, с которыми они, например, в Приольхонье соседствовали около ста лет. Под их воздействием восточная ориентировка сотниковцев меняется на юго-восточную, а надмогильные кладки тех и других стали практически одинаковыми – овальная или подпрямоугольная плоская конструкция из камней. Изменения, произошедшие с сотниковцами на западном берегу Байкала, привели к формированию новой культурной общности – елгинской.

В настоящее время елгинские захоронения отмечены в четырех районах Предбайкалья: в Ангарской долине; на Верхней Лене; на Северном Байкале; в Приольхонье. По ряду елгинских захоронений получены радиоуглеродные даты: Цаган-Хушун Па-6 - 2285±50 л.н. (СОАН-5281), Цаган-Хушун-Пб-23 - 2275±60 л.н. (СОАН-5280), Байкальское XXXI-1 - 2130±50 л.н. (СОАН-4100), Цаган-Хушун Пб-4 - 2050±55 л.н. (СОАН-4324), Елга VII-19 - 2050±100 л.н. (ГИН-7645), Елга VII-13 - 1960±60 л.н. (ГИН-7644), Елга VII-3 - 1890±50 л.н. (ГИН-7643). Судя по ним, время существования елгинских захоронений на побережье Байкала можно определить III в. до н.э. – IV в. н.э. Для других районов Предбайкалья верхняя граница елгинского этапа пока остается открытой. Предварительно время бытования погребений елгинского типа в Приангарье определяется II в. до н.э. – VII в. н.э.

На северо-западном побережье Байкала появление елгинских захоронений, вероятно, носило эпизодический характер. К настоящему времени в этом районе известно три елгинских захоронения, которые предвари-

тельно датируются II в. до н.э. – I в. н.э. Они не образуют отдельных могильников, а соседствуют с синхронными им бутухейскими погребениями, которые количественно преобладают над ними. Вероятно, появившиеся в конце I тыс. до н.э. на северном берегу Байкала носители елгинских погребальных традиций уже к началу I тыс. н.э. растворились в среде местного – бутухейского населения. Хотя, не исключено, что дальнейшие археологические исследования в регионе изменят, сложившиеся к настоящему времени представления о культурных процессах, протекавших в районе в хуннское время.

Из 30 елгинских захоронений, исследованных к настоящему времени, анатомический порядок сохранили костяки из 5 могил. По костным останкам еще 9 захоронений можно установить положение погребенного. В остальных могилах елгинского типа кости сохранились фрагментарно или вообще отсутствовали.

Вместе с захоронениями елгинского типа в Предбайкалье распространяются вещи, до этого не встречавшиеся к западу от Байкала. Среди них, прежде всего, выделяются изделия из бронзы: ложечковидные подвески (рис. 1 – 4); бляшки с зооморфными изображениями (рис. 1 – 1, 2); ременные пряжки (рис. 1 – 3); серьги со спи-

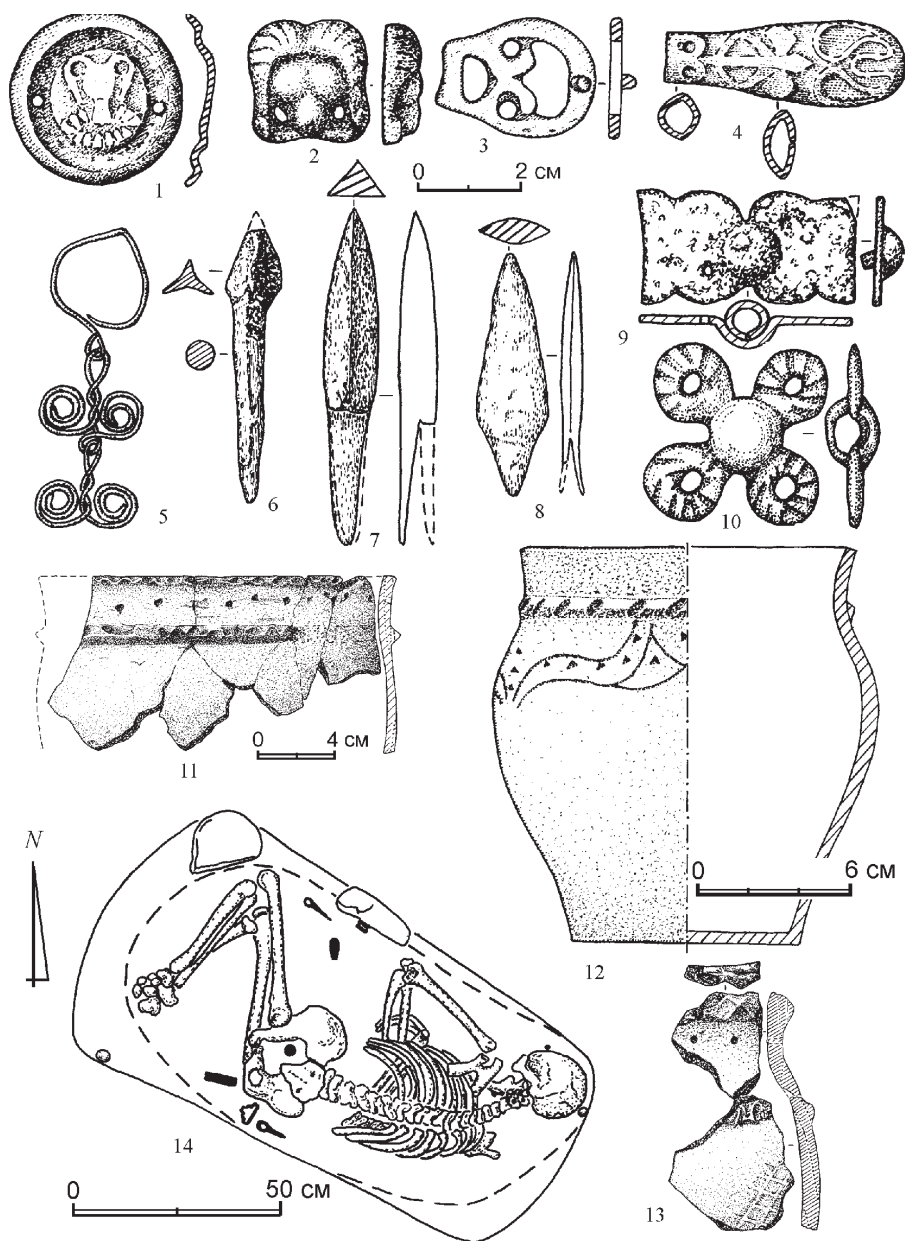

Рис. 1. Материалы елгинского этапа Предбайкалья: 1, 3-5, 11, 14 – Цаган-Хушун II; 2, 6, 13 – Байкальское XXVII; 7, 8 – Будун I; 9, 10 – Байкальское XXXI; 13 – Байкальское I.

ралевидными окончаниями (рис. 1 – 5); четырехлепестковые бляшки (рис. 1 – 10); четырехугольные и фигурные поясные пластины. Из погребального инвентаря практически исчезают изделия из камня. Наблюдаются изменения в вооружении. Появляются сложносоставные луки с концевыми боковыми накладками, имеющие вырез для крепления тетивы, железные трехлопастные наконечники стрел (рис. 1 – 6), костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом (рис. 1 – 7, 8), железные ножи с кольцевым или петельчатым навершием. Среди бытовых вещей следует отметить железные сферические пуговицы, по форме напоминающие пуговицы из бронзы, и детали прибора для добывания огня. Появляются украшения из железа: бабочковидные бляшки (рис. 1 – 9), браслеты, полые кольца.

Елгинские сосуды были гладкостенными (рис. 1 – 11) или покрывались с внешней стороны ромбовидными (вафельными) оттисками (технический декор) (рис. 1 – 13). Они имели плоское дно или поддон. Сосуды украшались треугольными налепными валиками, рассеченными поперечными вдавлениями. Разновидностью елгинской керамической традиции является керамика сосновоостровского типа, встречающаяся в культурных слоях стоянок, поселений и городищ-святилищ. Она характеризуется прочерченным криволинейным орнаментом (зигзаг, комбинированный подтреугольный, двусоставной овально-подтреугольный), сочетающимся, преимущественно, с налепными горизонтальными валиками и дугообразными вдавлениями (рис. 1 – 12)

Маркерами для сосновоостровских сосудов могут быть радиоуглеродные даты, сделанные по углю или костям, залегающим в одном слое с ней. Одна из дат получена по углю поселения Лесной остров III, располагавшемуся в верховьях Ангары, (раскопки 1953 г.) - 2070±40 л.н. (ГИН-7640). По кости из 2 культурного слоя стоянки Манхай IV (Кудинская долина) имеется дата 2165±150 л.н. (СОАН-3585). Для северобайкальских городищ-святилищ Байкальское I (участок 55 кв.30) и Байкальское III (траншея, кв.12) соответственно получены даты 1650±140 л.н. (ЛЕ-3615) и 2030±50 л.н. (ГИН-7633). Таким образом, время существования керамики сосновоостровского типа можно определить концом I тыс. до н. э. - началом I тыс.н.э.

Смена погребальных традиций в лесостепном Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. знаменует наступление нового культурно-хронологического этапа – елгинского (III в. до н.э. - IV в. н.э.). Вероятно, в это время на территории двух смежных культурно-исторических областей Байкальской и Ангаро-Ленской проживало население, обладающее общим культурным достоянием, что позволяет объединить их в рамках одной археологической культуры – елгинской. Переселившись в конце I тыс. до н.э. из Забайкалья, протоелгинцы-сотниковцы, вместе с потомками бутухейцев и плиточников сформировали собственную региональную культуру, испытывавшую значительное культурное и политическое влияние со стороны своих юго-восточных соседей - хунну. К настоящему времени в лесостепном Предбайкалье исследованы различные археологические объекты, соотносимые с елгинским временем: могильники, поминальники, металлургические центры, стоянки и городища-святилища. И если культурные особенности елгинской общности и ее территориально-хронологическая локализация уже имеет конкретные очертания, то о ее соседях, проживавших в лесных районах Предбайкалья, известно очень мало. Поэтому для формирования целостной культурно-исторической картины региона в ближайшее время требуется проведение широкомасштабных исследований археологических памятников железного века в северной и западной частях Предбайкалья.

Список литературы

Харинский А.В. Предбайкалье в кон.I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация.- Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технического университета, 2001.- 200 с.

Харинский А.В., 2006 Лесостепное Предбайкалье в хунну-сяньбийское время // Народы Внутренней Азии: этносоциальные процессы в геополитической и цивилизационной динамике.- Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2006.- С.11-15.

Цыбиктаров А.Д., 1998 Культура плиточных могил Моноголии и Забайкалья.- Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 1998.- 286 с.

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХУННОВ И СЯНЬБИ С НОМАДАМИ ЮЖНОЙ СИБИРИ*

В этнокультурной истории Южной Сибири, как и всего Центрально-Азиатского региона, особое место занимает хронологический период, который имеет протяженность почти семь столетий, с конца I тыс. до н.э. - до середины I тыс. н.э. В течение этого периода в культурах кочевых племен Саяно-Алтая произошли существенные изменения, трансформировавшие этнокультурный облик кочевого населения. На протяжении ряда столетий кочевые племена Южной Сибири входили в сферу влияния центрально-азиатских кочевых держав хуннов и сяньбийцев. В течение рассматриваемого периода на территорию Саяно-Алтая мигрировало несколько групп монголоидных номадов из Центральной Азии. Под влиянием хуннов и сяньбийцев аристократия саяно-алтайских племен заимствовала престижные элементы хуннской и сяньбийской военно-дружинной культуры, что трансформировало южносибирские культуры. В это время изменился расовый, этнический и языковой состав кочевого населения Южной Сибири. В хунно-сяньбийский период основной поток инноваций в культуры Саяно-Алтая шел из Центральной и Восточной Азии. На процесс этнокультурогенеза повлияло политическое господство и культурное воздействие тюркских и монгольских номадов, что привело к метисации монголоидов и европеоидов, этнической, культурной ассимиляции и тюркизации. В хунно-сяньбийское время и позднее в кочевом мире стали отчетливо проявляться механизмы взаимодействия и заимствования культурных новаций. Правящая элита вассальных племен стремилась заимствовать у ведущего этноса передовые образцы вооружения, воинского и конского снаряжения, украшения и утвари. В это время к номадам Саяно-Алтая попадали вещи, изготовленные в Китае, Восточном Туркестане, Средней Азии. В хунно-сяньбийское время население Южной Сибири вошло в зону действия северных ответвлений «Великого шелкового пути», что ускорило процессы торгового и культурного обмена. Произошли изменения в военно-политическом устройстве и этносоциальной иерархии кочевых племен Южной Сибири. Сложившийся под влиянием хуннов и сяньби предметный комплекс кочевнических культур Южной Сибири получил дальнейшее развитие в древнетюркское время. В сферу военно-политического и этнокультурного влияния хуннов древние номады Саяно-Алтая, носители третьего этапа саглынской культуры, позднего этапа пазырыкской культуры и тесинского этапа тагарской культуры вошли в конце III в. до н.э., в результате хуннских завоеваний. О включении южносибирских кочевых племен в сферу влияния державы Хунну свидетельствуют отдельные памятники хуннской культуры, исследованные на территории Тувы, Минусинской котловины и Горного Алтая, а также вещи хуннского облика в составе предметного комплекса саглынской, пазырыкской культур и тесинского этапа тагарской культуры. Влияние хуннской культуры получило распространение и среди населения лесостепных и таежных районов Западной и Средней Сибири. Памятники хуннской культуры, обнаруженные на территории Саяно-Алтая, не многочисленны. В Туве исследованы хуннские поселения, горные выработки и курганы, в Минусинской котловине раскопан «китайский дом», сооруженный хуннским наместником для своей жены – китайки, в Горном Алтае изучены керамические печи, служившие для обжига хуннской гончарной посуды [Вайнштейн, Крюков, 1976, С.148; Кызласов, 1979, С.81-83; Кубарев, Журавлева, 1986, С.101]. На развеянных дюнных стоянках на территории Тувы и Минусинской котловины в разное время были обнаружены фрагменты хуннской гончарной керамики и украшения. В курганах пазырыкской культуры в южных районах Горного Алтая были найдены фрагменты

---

* Работа выполнена по гранту РФФИ № 04-01-00535

хуннских гончарных сосудов. Судя по этим находкам, хуннские военные отряды появились на территории Саяно-Алтая в период создания военной державы Хунну и поддерживали власть шаньюев до падения государственности северных хуннов в конце I в. н.э. Вероятно, основную численность хуннских войск составляли кочевники из вассальных племен. После признания власти хуннских шаньюев кочевые племена Южной Сибири были включены в состав западного крыла державы Хунну. Вероятно, первоначально центром хуннской власти в Саяно-Алтае были центральные степные районы Тувы. В Центральной Туве на могильнике Бай-Даг II А.М. Мандельштамом были раскопаны каменные курганы, характерные для хуннской знати. Эти курганы имели уплощенные трапециевидные каменные насыпи с дромосами. Под насыпями, на дне глубоких могильных ям находились двойные деревянные камеры. Дошчатые гробы были помещены внутри деревянных рам и обложены со всех сторон камнями. Стенки гробов были обтянуты шелковой тканью и украшены обкладками из золотой и серебряной фольги [Мандельштам, Стамбульник, 1992, С. 197-198]. Подобные погребальные сооружения по своим конструктивным особенностям очень схожи с памятниками хуннской знати. Вполне вероятно, что они были возведены для захоронения представителей хуннской власти в Саяно-Алтае. Хуннская знать и воинские подразделения, на которые она опиралась, заняли высшую ступень в этносоциальной иерархии в Южной Сибири. Помимо самих хуннов в Туве и Минусинской котловине были размещены военные отряды, состоявшие из вассальных племен, воспринявших некоторые характерные элементы хуннской военно-дружинной культуры. Вероятно, основными ретрансляторами образцов культуры господствующего этноса среди южносибирских аборигенов были именно хуннские вассалы, носители своеобразных культурных комплексов в составе улуг-хемской культуры и тесинского этапа тагарской культуры. Главными реципиентами вошедших в моду образцов хуннской культуры в Саяно-Алтае были представители родовой аристократии аборигенных племен, стремившиеся во всем подражать знати господствующего хуннского этноса. Помимо престижных элементов собственно хуннской культуры заимствовались и некоторые вещи ханьского производства, получившие широкое распространение среди хуннской знати. Однако, в начале I в. н.э. резиденция хуннских наместников – правителей кочевых племен Южной Сибири была перенесена в Минусинскую котловину, где был построен и некоторое время функционировал знаменитый «китайский дом», служивший ставкой для хуннского князя – наместника западных земель хуннской державы. Как было установлено, этот дом был построен хуннским князем Сюйбуданом для своей жены – китайки Имо [Вайнштейн, Крюков, 1976, С. 148]. Видимо, резиденция наместника была перенесена вглубь подвластных северным хуннам земель, подальше от ханьских владений и враждебных кочевых племен. Появление в Минусинской котловине ставки хуннского наместника и его супруги должно было способствовать распространению хуннских и ханьских инноваций среди местного кочевого населения. К числу находок предметов хуннской культуры в Минусинской котловине должны относиться нефритовые когтевидные подвески и фрагменты керамических сосудов [Кызласов, 2001, С. 51-58]. Заимствованные у хуннов и их вассалов образцы вооружения, воинские пояса, ханьские зеркала и монеты, некоторые виды женских украшений вошли в повседневный обиход кочевой знати булан-кобинской культуры Горного Алтая и улуг-хемской культуры Тувы. В составе комплекса вооружения южносибирских племен к числу заимствований из хуннской культуры необходимо отнести, прежде всего, сложносоставные луки с костяными накладками. Благодаря этим дальнобойным лукам хуннские воины имели преимущество над своими противниками на поле боя в кочевом мире. Естественно, что номады Саяно-Алтая стремились заимствовать подобные луки у хуннов. Отдельные находки костяных накладок от сложносоставных луков имеются в памятниках пазырыкской культуры Горного Алтая. Однако, освоить данный вид оружия дистанционного боя смогли носители булан-кобинской культуры [Худяков, 1997, С. 28-29]. На территории Тувы такие луки стали оружием носителей улуг-хемской культуры. В Минусинской котловине подобные луки были обнаружены в памятниках тепсейского этапа таштыкской культуры [Худяков, 1986, С. 91]. Саяно-алтайские кочевники заимствовали у хуннов железные трехлопастные наконечники асимметрично-ромбического и ярусного типа и костяные стрелы с раздвоенным насадом. Трехлопастные асимметрично-ромбические и ярусные стрелы имеются в комплексе вооружения населения таштыкской культуры, а костяные стрелы с раздвоенным насадом были распространены в Саяно-Алтае повсеместно [Худяков, 1986, С. 55-57,92]. Кочевники Саяно-Алтая достаточно широко пользовались воинскими наборными поясами хуннского облика. В комплексах тесинского этапа тагарской культуры представлены ажурные пряжки и поясные пластины с зооморфными изображениями и композициями, характерными для хуннского звериного стиля, ложечковидные застёжки и кольца. Схожий репертуар зооморфных изображений представлен на поясной фурнитуре булан-кобинской культуры. Среди заимствованных ханьских изделий были зеркала, шелковые ткани, бронзовые монеты, нефритовые украшения и лаковая посуда. Импортные вещи обнаружены, преимущественно, в погребениях кочевой знати племен Южной Сибири. Влияние хуннов на кочевое население Саяно-Алтая способствовало трансформации архаичных форм

культуры южносибирских племен. После крушения хуннской державы сяньбийцы во II в. н.э. подчинили все кочевые племена Центральной Азии. В источниках нет прямых свидетельств о покорении ими номадов Южной Сибири. Однако, судя по археологическим находкам, эти племена находились в сфере политического и культурного влияния сяньбийцев. В памятниках улуг-хемской культуры в Туве и таштыкской культуры в Минусинской котловине найдены предметы поясной фурнитуры, характерные для сяньбийских номадов [Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999, С. 165]. На могильнике Аймырлыг были обнаружены поясные пластины и пряжки, накладки и подвески с изображениями крылатых коней-единорогов, бегущих лошадей, стоящих ланей и переплетенных змей. На памятнике Салбык была обнаружена бляха с изображением переплетенных змей. В материалах таштыкской культуры широко представлены изображения парных конских голов, обращенных в противоположные стороны. Подобные изображения известны у сяньбийцев. Под влиянием сяньбийцев у кочевых племен Саяно-Алтая получили распространение некоторые виды оружия ближнего боя, средства защиты и тактика атаки противника в плотно сомкнутом конном строю [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, С. 42]. В Саяно-Алтае ударные копья и палаши получили широкое распространение в кокзельской культуре Тувы и таштыкской культуре Минусинской котловины. Копья, длинные мечи и палаши, ламеллярные доспехи применялись воинами булан-кобинской и кок-пашской культур Горного Алтая [Худяков, 2005, С. 36, 45]. Судя по имеющимся данным, объектами заимствования со стороны южносибирских номадов становились престижные элементы сяньбийской военно-дружинной культуры: вооружение, воинские пояса и украшения. Процессы этнокультурного взаимодействия номадов Саяно-Алтая с хуннами и сяньби способствовали ускорению эволюции южносибирских культур, их интеграции в культурное пространство кочевого мира Центральной Азии.

Список литературы

- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.** «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // Советская этнография. – 1976. – № 3. – С. 137-149.
- Кубарев В.Д., Журавлева А.Д.** Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. - Новосибирск: Наука, 1986. – С.101-119.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.).- М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. – 207 с.
- Кызласов Л.Р.** Гуннский дворец на Енисее. – М.: Изд-во «Восточная литература», 2001. – 176 с.
- Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У.** Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1992. – С. 1906-205.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 28-37.
- Худяков Ю.С.** Вооружение центрально-азиатских номадов в II – V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. – С. 19-55.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа.** Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – № 5. - С. 37-48.
- Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су -Хуа.** Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. - № 4. – С. 163-169.

Ю.П. Чемякин

*Уральский государственный университет, Екатеринбург***КУЛАЙСКИЙ МОГИЛЬНИК НА БАРСОВОЙ ГОРЕ**

Уже более полувека кулайская культура привлекает внимание многих археологов. Длительное время она была известна в основном по случайным находкам и разрушенным культовым местам. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. были открыты первые поселения и городища, относящиеся к этой культуре. Сегодня число их превысило 200, а число могильников, относящихся кулайской общности в ее различных вариантах — 30. Однако многие погребальные комплексы до сих пор не получили должного отражения в публикациях. Это относится и к Барсовскому VII могильнику, открытому в урочище Барсова гора (окрестности г. Сургута, Ханты-Мансийский автономный округ) [Чемякин, Степанова, 1994; Чемякин, Шатунов, 1997; Чемякин, Зыков, 2004, с. 157-158]. Пять погребений этого могильника были обнаружены при раскопках селища раннего железного века Барсова гора 1/21 в 1991–1992 гг. В 1996 г. были найдены еще 4 могилы. К этому времени часть его площади была уничтожена траншеей, вырытой вдоль автодороги.

На памятнике выявлена следующая планировка: 6 погребений располагались по дуге с запада на юго-восток, 2 находились южнее дуги и 1 (№ 2) — севернее. Последнее, совершенное во внешней яме кулайского жилища, не содержало ни останков умершего, ни погребального инвентаря, и отнесено к могильнику на основании стратиграфии и формы ямы. Размеры могильных ям от 95×40 до 350×110 см, глубина от 30 до 70 см. 4 ямы имели подпрямоугольную со скругленными углами форму (рис. 1 – 3, 4), 5 ям (в том числе пустая) по форме напоминали лодку с обрезанной кормой (рис. 1 – 1, 2). Скорее всего, в них действительно были захоронения в лодках. Южнее погребений зафиксирована канава, ограничивавшая могильное поле и протянувшаяся, с изгибами, в направлении с запада на восток на 22 м (рис. 1 – А). Ширина ее от 20–30 до 60–70 см, а местами еще шире. Дно канавы неровное, не имеющее стока в какую-либо сторону. В западном конце на ее дне были выявлены ямки. Там же от канавы отходило ответвление, изгибавшееся дугой (полукольцом диаметром около 4 м). Канава пересекала жилища 1 и 6 белоярской культуры. В ее средней части была вырыта могильная яма 9. Таким образом, канава образовалась после того, как белоярский поселок прекратил существование и до того, как было совершено кулайское погребение 9. Возможно, она связана с каким-то ограждением, относящимся к исследованной группе захоронений. Южнее кулайского жилища 5, в центре могильного поля, был обнаружен открытый очаг, в заполнении которого и вокруг найдены многочисленные черепки от кулайских горшков, а также обломки бронзовых изделий, в том числе зеркал. Этот очаг мог быть летним и относиться к кулайскому селищу Барсова гора 1/21в, а мог быть связан и с могильником. Обломки зеркал с валиком по краю, аналогичные происходящим из очага, обнаружены в погребении 6. В этом случае очаг отражает какой-то обряд, входивший в погребальный или поминальный ритуал. Обломки сосудов вокруг него могут быть следами тризны. В 6 могилах выявлены остатки труположений. Умерших хоронили на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Сохранность костей плохая, часто на их месте наблюдался лишь тлен. В трех погребениях кости вообще не сохранились. Костяки были ориентированы головой на северо-запад (2), северо-восток (2), восток-северо-восток (1) и юго-восток (? – 1). Соответственно, могильные ямы ориентированы по линиям северо-запад – юго-восток (4), северо-восток – юго-запад (4) с небольшими отклонениями. Лишь яма 2 ориентирована с севера на юг. Отметим, что все «лодки» были обращены носами (с небольшими отклонениями) к очагу в центре могильного поля. В южной части могилы 1 (в носовой части «лодки»), в ногах погребенного, Г.А. Степанова зафиксировала большое охристое пятно. По богатству погребального инвентаря выделяются могилы 6 и 8, где расчищено 32 и 38 мелких предметов, включая бусы и культовое литье, часть из которого была завернута в бересту. В двух могилах найдено от 13 до 16 предметов, в трех — до 10. В погребении 7 стоял только 1 сосуд, а погребение 2, как уже указывалось, было пустое. Горшки, обнаруженные в 6 ямах, находились в изголовье. Только в развороченной корнями могиле 5 сосуд найден в ногах, но за пределами ямы. Погребальный инвентарь состоял из бус, бронзовых и серебряных пластинок,

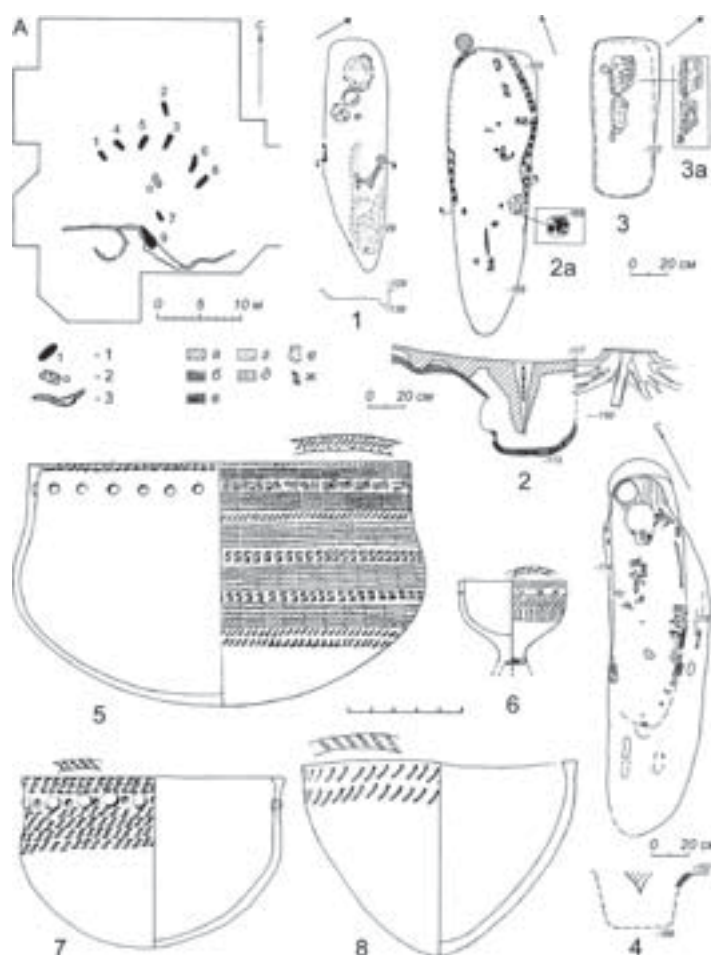

Рис. 1. А – общий план могильника (1 – могилы; 2 – очаг; 3 – канава); 1 – погребение 1; 2 – погребение 3; 3, 6 – погребение 4; 4 – погребение 6; 5 – межмогильное пространство; 7 – погребение 9; 8 – погребение 7 (1–4 – планы погребений: а – лесная подстилка и подзол, б – погребенный подзол, в – темно-серая углистая супесь, г – охра, д – тлен, е – береста, ж – обугленное дерево; 2а, 3а – берестяные “коробочка” и “сумка” изнутри; 5–8 – сосуды).

пронизок, подвесок, фрагментов зеркал, в том числе с гравировками, культового литья (рис. 2). Антропоморфные, зооморфные и птицевидные фигурки присутствовали в 4 могилах. Часть вещей была завернута в бересту. В 3 погребениях были железные ножи или их фрагменты.

Датирующих вещей в могильнике не найдено. Ясно, что он возник после того, как было заброшено кулайское жилище 5 — две могилы находились в его внешних ямах. Среди сосудов, найденных в жилище и вокруг очага в центре могильного поля, преобладали емкости котловидной формы с профилированным плечиком, ярко выраженным внутренним карнизиком на венчике, нередко украшенном горизонтальными оттисками гребенчатого или змейковидного штампа. Орнамент на внешней поверхности насыщенный, плотный, часто переходящий с плечика на верхнюю часть тулова. Подобные сосуды характерны для поздней стадии кулайской культуры Сургутского Приобья и сравнимы с горшками 6 и 7 групп саровского этапа (по: [Чиндина, 1984]). В межмогильном пространстве найден сосуд, украшенный штампами в виде утки, змейки и двучленным, близкий ярсалинским (рис. 1 – 5). В то же время горшки из погребений имеют ранний облик (рис. 1 – 6–8), что можно объяснить традицией. Ряд аналогий с материалами Барсовского III могильника [Борзунов, Зыков, 2003], форма и орнамент части сосудов позволяют предположить, что могильник существовал на рубеже эр или, скорее, в начале I тыс. н.э. Погребения с богатым культовым литьем, вероятно, связаны с шаманами.

Описанный памятник представляет большой интерес, так как погребальный обряд досредневекового населения Сургутского Приобья почти неизвестен. Исключение составляют энеолитический могильник Барсовский II и могильник белоярской культуры Барсовский VI, относящийся к началу раннего железного века [Чемякин, Зыков, 2004, с. 155–157]. Их погребения совершены по обряду трупосожжения. Открытые в 2004 г. кулайские могильники

Рис. 2. Инвентарь: 1–4, 12, 13, 18 – погребение 4; 5, 19, 25, 26, 32, 33, 37, 38, 42, 43 – погребение 3; 6 – погребение 9; 7, 8, 10, 11, 27 – погребение 8; 9, 16, 20–24, 28, 30, 31, 34–36, 41, 44–47 – погребение 6; 14, 29 – погребение 1; 15, 17, 39, 40 – погребение 5 (1–4, 6 – стекло; 5 – гагат; 10, 11 – дерево; 12 – медь, мех; 18 – серебро, мех; 21, 40 – серебро (?); 27 – береста; 29 – медь, мех, дерево; 37–39 – железо; остальное – медь (бронза))

Сырой Аган 13 и 16 на правом берегу Оби только начали изучаться. Для средневековых же комплексов характерны некоторые элементы обряда, прослеженные на могильнике Барсовском VII. Так, употребление бересты и меха, в том числе для обертывания трупа, хорошо известны с VIII в., а погребения в лодках-долблёнках с обрезанной кормой (носом) — с конца IX в. [Терехова, Карачаров, 1994].

Список литературы

- Борзунов В.А., Зыков А.П.** Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // *Образы и сакральное пространство древних эпох.* — Екатеринбург: «Аква-Пресс», 2003. — С. 103-112.
- Терехова Л.М., Карачаров К.Г.** Среднеобская низменность // *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* Т. 2. Мир реальный и потусторонний. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. — С. 277-289.
- Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут–Омск: ОАО “Омский дом печати”, 2004. — 208 с.
- Чемякин Ю.П., Степанова Г.А.** Охранные работы на Барсовой горе // *Археологические открытия Урала и Поволжья.* — Йошкар-Ола: Изд-во МариГУ, 1994. — С. 145-148.
- Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В.** Охранные раскопки кулайского могильника на Барсовой горе // *275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАЭСК вузов Сибири и Дальнего Востока.* — Красноярск: изд-во КГПУ, 1997. — С. 35–36.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. — 256 с.

Л.Т. Яблонский*Институт археологии РАН, Москва*

НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ В САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ*

При всем разнообразии мнений относительно особенностей формирования и хронологии различных этапов сарматской культуры Евразийских степей мало кто сомневается в том, что древнейший этап развития этой культуры связан именно с южноуральским регионом.

Эта точка зрения, восходит к основополагающему труду М.И.Ростовцева [1918], который впервые связал исторический этноним «сарматы» с археологическими памятниками, расположенными на территории современной Оренбургской области Российской Федерации. В основе исследования Ростовцева лежали материалы, полученные после ограбления в 1911 г. местными крестьянами курганного могильника у с. Прохоровка и доследования курганов, проведенного в 1916 г. С.И.Руденко. Эти материалы, по мнению Ростовцева, отражали наиболее ранний этап развития сарматской культуры, который по сложившейся в российской археологии традиции он назвал «прохоровским» (по названию ближайшей к памятнику деревни).

Блестящее предвидение Ростовцева состояло в том, что он, располагая лишь отрывочными и плохо документированными археологическими коллекциями, в целом, правильно угадал не только вероятную этническую принадлежность носителей прохоровской культуры, но и определил ее хронологические рамки в пределах III (возможно, IV) – II вв. до н.э. Так Прохоровский могильник навсегда стал эпонимным для отечественной археологии памятником.

Идеи М.И.Ростовцева с некоторыми вариациями были развиты основоположниками школы отечественного сарматоведения, Б.Н.Граковым [1947] и К.Ф.Смирновым [1964].

Между тем, со времени полевых работ С.И.Руденко научные раскопки курганов у д. Прохоровка больше не проводились. Именно это обстоятельство, очевидно, привело в последнее время к попыткам, как оказалось, совсем не оправданной, но решительной ревизии хронологической принадлежности отдельных курганов могильника и его типологического положения в ряду памятников Приуралья.

Особенно ярко эта тенденция проявилась в целом ряде работ В.Ю.Зуева. Вольно комбинируя до-революционными находками из Прохоровки (полученными вне строгого археологического контекста) [Зуев, 2000а; ср.: Мещеряков и др., 2006], он, на примере Прохоровки, усматривал хронологический hiatus между памятниками Приуралья VI-V вв. до н.э. и собственно раннесарматскими, доказывал отсутствие на территории Волго-Уральского региона памятников III в. до н.э. вообще и относил начало развития раннесарматской культуры ко времени не ранее II в. до н.э. [см., например: Зуев, 2000а,б]. Концепция Зуева, отраженная, в том числе, в его кандидатской диссертации [1999] расшатывала основы отечественного сарматоведения. Она встретила резкие возражения со стороны специалистов-сарматологов [см., например: Мошкова, 2000; Скрипкин и др., 2002], что привело к оживленной, но не слишком плодотворной дискуссии – Прохоровский могильник, который находился в центре этой дискуссии, оставался не доследованным, а любая комбинаторика вещами из старых коллекций уже не могла составить научно доказательную базу.

Наконец, в 2003 году при поддержке РГНФ (проект №03-01-18024е) была организована Прохоровская археологическая экспедиция Института археологии РАН, которая приступила к планомерному археологическому исследованию памятника [Яблонский и др., 2004].

---

* Работа выполнена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ), проект № 05-01-01527а

В ходе работ экспедиции выяснилось, что, на месте, так называемого, «городища» (по С.И.Руденко) располагались перепланированные в XIX в. насыпи, под которыми оказались женское и детское захоронения, сопровождавшиеся богатым инвентарем: круговые сосуды, туалетный сосуд из мраморного оникса, серебряная с позолотой орнаментированная чаша, бронзовое зеркало, золотые накладки на деревянную чашу, наполненную множеством золотых бляшек, бусы из различных камней, янтаря и стекла, золотая серьга и агатовая подвеска в золотой оправе, более ста железных черешковых и один бронзовый наконечники стрелы, преднамеренно сломанный железный наконечник копья, железный с золотым покрытием колчанный крюк, выполненный в традициях «звериного стиля», блюдо из рога лося и другие.

В остальных курганах могильника оказались дополнительные (впускные) погребения (около 30), которые не были обнаружены С.И.Руденко и впервые были выявлены и исследованы Прохоровской экспедицией. Среди находок имеются многочисленные предметы вооружения (железные мечи и кинжалы, бронзовые и железные наконечники стрел), украшения (серьги, бусы), предметы труда и быта (бронзовые зеркала, глиняные и каменные пряслица, ножи, разнотипные керамические сосуды и др.).

Все захоронения, раскопанные в могильнике, могут быть уверенно датированы в пределах 2-ой пол. IV-II вв. до н.э. и относятся, следовательно, к раннему этапу сарматской культуры Южного Приуралья (Мещеряков и др., 2006; Балахванцев, Яблонский, 2006).

Таким образом, в результате работ Прохоровской экспедиции были существенным образом дополнены сведения о могильнике, полученные при его исследовании в 1916 г. и опубликованные М.И.Ростовцевым в 1918 году – вновь исследовано около 30 захоронений, которые дали выразительный археологический материал, позволяющий уточнить хронологическую атрибуцию каждого кургана могильника. Получен серийный палеоантропологический и палеозоологический материал. Богатые и исключительно яркие находки, сделанные в ходе работ экспедиции, могут украсить экспозицию музея любого уровня.

Проблема нижней даты формирования прохоровской культуры связана, в том числе, с материалами Филипповского курганного могильника, расположенного на водоразделе рек Урал и Илек. Раскопки этого могильника, проводившиеся во 2-ой половине 80-х гг. XX столетия под руководством А.Х.Пшеничнюка, дали многочисленные и уникальные материалы. Благодаря большой серии находок, выполненных из драгоценных металлов, могильник получил мировую известность [см, например: The Golden Deer...2001; Золотые олени...2003]. После 1990 года из-за отсутствия финансирования раскопки могильника прекратились, и памятник стал подвергаться постоянному разграблению с использованием землеройной техники.

Научные раскопки памятника удалось возобновить лишь в 2004 году при поддержке РГНФ (проекты №№. 04-01-18021е и 05-04-180013е). С тех пор на памятнике было исследовано еще шесть курганов, которые дали новые материалы по погребальному обряду и уникальные находки. Материалы из раскопок А.Х.Пшеничнюка пока полностью не опубликованы. Ранее их автор датировал большинство находок IV в. до н.э., не исключая для некоторых из них и V в. По его мнению, типологически курганы принадлежат к раннесарматской культуре (Pshenichnuk, 2001, pp.29-30).

Недавние раскопки дают, на наш взгляд, возможность предварительно синхронизировать филипповские курганы в пределах 2-ой пол. V – IV в. до н.э.

В материалах погребального обряда и вещевого инвентаря Филипповки прослеживаются те признаки, которые станут характерными для относительно более поздних памятников развитой раннесарматской культуры. К ним относится, в частности, обычай устраивать впускные индивидуальные захоронения вокруг центральных. Инвентарь рядовых курганов Филипповского могильника по составу синкретичен. В едином курганном комплексе здесь, с одной стороны, встречаются предметы, типологически уводящие нас в савроматскую эпоху – V вв. до н.э. (например, вещи, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля), – не позднее 2-ой пол. V в. до н.э, а с другой – предметы вооружения и детали конской упряжи, которые вполне характерны для захоронений раннесарматского (похоровского) типа. Это и наборы бронзовых наконечников стрел, и мечи, так называемого «переходного» типа, и железные удила и псалии, и характерные бронзовые зеркала. В целом, этот комплекс материальной культуры маркирует культурно-хронологический горизонт [о термине см.: Bashilov, Yablonsky, 2000], который А.Д.Таиров [1998] удачно, на наш взгляд, назвал «древнепрохоровским».

Кроме того, после новейших раскопок памятника было надежно установлено, в частности, что подземные ходы в филипповских курганах имеют не грабительское, как думали раньше, а ритуальное назначение. Уникально для сарматской археологии мужское захоронение стоя в специально устроенной жертвенной нише.

Вновь полученные данные, вкупе с результатами раскопок А.Х.Пшеничнюка, наверняка, сыграют большую роль в уточнении хронологии и периодизации самых ранних этапов формирования сарматской культуры степной Евразии.

Список литературы

- Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т.** Серебряная чаша из Прохоровки // Российская археология. – 2006. – №1.
- Граков Б.Н.** ΓΙΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΓΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов) // Вестник древней истории. – 1947. – №3.
- Золотые олени Евразии.** СПб.: Славия – 2003.
- Зуев В.Ю.** Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры // Автореф. дисс. ... канд. ист.наук. – СПб. 1999
- Зуев В.Ю.** Основные проблемы хронологии “раннесарматской” культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. – Мат. IV междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. – Вып.1. – Самара. – 2000а. – С.85.
- Зуев В.Ю.** Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка. – СПб.: Алетейя – 2000б – С.26.
- Мещеряков Д.В., Федоров В.К., Яблонский Л.Т.** Старая коллекция находок из Прохоровки в свете новейших археологических исследований // Российская археология. – №1. – 2006.
- Мошкова М.Г.** Что такое III в. до н.э. в истории сарматов? // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. – Азов. – 2000. – Вып. 16.
- Ростовцев М.И.** Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложениями академика П.К. Коковцова и С.И. Руденки // Материалы по археологии России, издаваемые Государственной археологической комиссией. – №37. – Пгр. – 1918.
- Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Мошкова М.Г.** Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // Российская археология. – 2002.- №1.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука – 1964.
- Таиров А.Д.** Генезис раннесарматской культуры Южного Урала //Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. II. – Оренбург.: Димур. – 1998.
- Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В.** Могильный Прохоровка 1 – эпонимный памятник сарматской археологии (по результатам археологических раскопок) // Вестник РГНФ. – №4 (37). – М.: РГНФ – 2004.
- Bashilov V.A. and Yablonsky L.T.** “Some current problems Concerning the History of Early Iron Age Eurasian Steppe Nomadic societies // (J.Davis-Kimball, E.Murphy, L.Koryakova and L.Yablonsky – ed.) Kurgans, Ritual Sites, and settlements. Bronze and Iron Age. – Oxford.: BAR. – 2000. Pp. 10-11.
- Pshenichnuk A., 2001.** The Filippovka Kurgans at the Heart of Rurssian Steppe // The Golden Deer of Eurasia. – New York.: Metropletan Muzeum. – 2001.
- The Golden Deer of Eurasia.** – New York.: Metropletan Muzeum. – 2001.

СЛАВЯНСКОЕ, ФИНСКОЕ И ТЮРКСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕВРАЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

О.П. Бачура*, А.Е. Некрасов*, Н.В. Федорова**

*Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

**Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ УСТЬ-ВОЙКАРСКОГО ГОРОДИЩА

Материалом для данной работы послужили костные остатки, собранные в ходе раскопок городища Усть-Войкарский 1 (2004 – 2005 гг). Первое письменное упоминание о Войкарском городке относится к концу XVI – началу XVII вв. [Миллер, 1988]. Городище расположено на левом берегу р. Горная Обь недалеко от устья Войкарского Сора. Городок представляет собой высокий (6-8 м) холм, который сложен культурными органическими напластованиями (щепа, древесина, опил и т.п.), что способствовало формированию в его толще многолетней мерзлоты, идеально сохраняющей культурные остатки [Брусницына, 2003; 2005].

На основании серии дендрохронологических дат выделено четыре строительных горизонта. На верхней площадке выделено два горизонта. Первый горизонт, к которому относится постройка 2, датируется началом XIX века. Ко второму горизонту, датированному концом XVI – XVII веком относится весь комплекс построек 8 и 6. На склоне и у подножья холма вскрыты еще более ранние строительные горизонты. Часток 2 датируется началом XV века. Вероятно, он является третьим строительным горизонтом. Четвертый горизонт вскрыт у подножья холма и датируется он концом XIII – началом XIV вв.

Домашние млекопитающие. Наличие единичных костей домашних животных в материалах XIII – XIV веков: лошади и крупного рогатого скота говорит о связях населения с русскими или коми-зырянами. В XVI – XIX вв. на территории городища разводили свиней. Такой вывод сделан на основании находки костей от эмбриона свиньи (табл. 1). В течение всего периода существования на поселении содержали собак.

Дикие млекопитающие. Видовой состав костных остатков млекопитающих из материалов городища типичен для северотаежной зоны Западной Сибири (табл. 1). В настоящее время здесь отсутствуют бобр, истребленный в XIX веке.

В течение всего периода существования городища наиболее важную роль в питании населения принадлежала северному оленю, т.к. большая часть костей животных принадлежит этому виду. Жители городка могли добывать как дикого северного оленя, так и содержать домашнюю форму. Оленеводство на этой территории известно с раннего железного века [Федорова, 2000]. По костным остаткам невозможно различить дикую и домашнюю формы. Поэтому мы не можем говорить о преобладании охоты над оленеводством или наоборот. В материалах конца XIII – начала XIV веков среди остатков довольно большое количество костей лося, которое уменьшается в более поздние периоды. Возможно, это связано с вековой динамикой численности этого вида в позднем голоцене [Косинцев, 1997]. Среди остатков северного оленя и лося присутствуют все элементы скелета, что свидетельствует о том, что туши этих животных разделявали и утилизировали на территории городища.

Среди диких животных наиболее многочисленны остатки зайца беляка и песца. Наличие остатков песца указывает на зимнюю охоту, т.к. песец заходит на данную территорию только в зимний период.

В течение всего периода времени на поселении преобладал промысел млекопитающих над промыслом птицы и рыбы (табл. 2). Структура промысла млекопитающих была одинаковой на протяжении всего рассматриваемого периода существования городища, где преобладали млекопитающие, которых забивали на мясо (табл. 2).

Птица. Кости промыслово-охотничьих птиц из городка Усть-Войкарский 1 составляют 94% от общего количества костей птиц. Это говорит о том, что велась постоянная промысловая охота на птиц: в зимнее время на глухарей и куропаток, а в весенне-летний период на водоплавающую и околводную птицу. Жители городища, прежде всего, ориентировались в своей охотничьей деятельности на зимний промысел (63%). Доля костей, принадлежащая белой куропатке, составляла (48%) от общего количества костей промысловых видов. Охота могла

Таблица 1. Видовой состав костных остатков животных из раскопок городища Усть-Войкарский 1.

Вид	Начало XIX в.	XVI – XVII вв.	Начало XV в.	Конец XIII – начало XIV в.
	Постройка 2	Постройки 6, 8	Частокол 2	Подножье холма
Домашние млекопитающие				
Лошадь	-	-	-	5
Свинья	1	5	-	-
Крупный рогатый скот	-	-	-	1
Собака	20	2	1	11
Дикие млекопитающие				
Олень северный	506	217	67	282
Лось	5	5	7	60
Заяц	50	38	1	26
Бобр	7	8	5	25
Песец	29	22	9	38
Лисица	10	2	-	1
Волк	2	3	-	-
Соболь	1	2	3	14
Росомаха	3	-	1	1
Горноста́й	1	1	-	-
Птица				
Краснозобая гагара	-	1	-	1
Лебедь-кликун	3	2	-	4
Серый гусь	1	-	1	3
Белолобый гусь	1	1	1	1
Гуменник	2	-	-	19
Чирок свистунок	-	-	-	2
Кряква	1	-	-	2
Шилохвость	1	-	-	2
Широконос	-	-	1	1
Хохлатая чернеть	-	-	-	1
Орлан белохвост	-	-	-	6
Тетеревятник	1	-	-	1
Белая сова	1	1	-	-
Белая куропатка	32	17	11	14
Глухарь	16	3	-	4
Серый журавль	-	-	-	1
Серебристая чайка	-	-	-	1
Рыба				
Сибирский осётр	10	2	1	-
Стерлядь	-	-	-	1
Щука	22	10	3	21
Язь	1	-	3	3
Карповые ср.	-	-	3	1
Налим	50	9	3	15
Окунь	-	-	-	2
Нельма	9	29	3	17
Чир	1	-	-	-

проводиться с начала ноября по март месяц, когда недостаток корма в зимний период времени вызывает массовые кочевки [Рябицев, 2001]. Небольшое количество добываемой водоплавающей и околородной птицы в весенне – летнее время охотниками, на наш взгляд, может объясняться отсутствием достаточно большого скопления линных птиц в этом районе.

В целом, видовой состав орнитокомплекса из городища Усть-Войкарский 1 представлен в основном промысловыми видами птиц, которые добывались прежде всего для получения мяса, пера, пуха и прочего. Анализируя полученные данные, можно с уверенностью сказать, что люди, проживавшие в городище Усть-Войкарский 1,

Таблица 2. Соотношение остатков различных групп животных

Группа	Начало XIX в.		XVI – XVII вв.		Начало XV в.		Конец XIII – начало XIV вв.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Млекопитающие	735	88	336	85	150	83	605	86
из них								
“пушные” ¹	92	14	30	11	13	14	54	12
“мясо-пушные”	57	9	44	16	6	6	51	11
“мясные”	511	77	202	73	74	80	342	77
Птица	59	7	25	6	11	6	68	9
из них								
“водоплавающие и околотовдные” ²	9	16	4	15	0	0	43	70
“глухарь”	16	28	3	13	0		4	7
“белая куропатка”	32	56	17	71	11	100	14	23
Рыба	93	11	50	12	16	9	60	8
из них:								
“ценные породы” ³	20	22	31	62	4	25	18	32
“неценные породы”	73	78	19	38	12	75	42	68

¹ «пушные» – песец, лисица, волк, соболь, россомаха, горностай; «мясо-пушные» – заяц-беляк и бобр; «мясные» – северный олень и лось;

² «водоплавающие и околотовдные птицы» – краснозобая гагара, лебедь-кликун, серый гусь, белолобый гусь, гусеник, чирок свистунок, кряква, шилохвость, широконоска, хохлатая черныш, серый журавль, серебристая чайка;

³ «ценные породы» – осетровые и лососевые; «неценные» – все остальные виды рыб.

занимались промыслом птиц круглый год. Основным промысловым видом была куропатка, кости которой преобладают в данной коллекции.

Рыба. Хотя находки костей рыб также немногочисленны, по видовому составу ихтиофауны можно сказать, что она речная и старичная. Исследованный остеологический материал показывает, что объектом промысла были, как минимум, восемь видов рыб, которые и сейчас встречаются в Обско – Иртышском бассейне (табл. 1).

Сама добыча рыбы велась каким-то примитивным способом в период миграции, когда не требуется прибегать к большим ухищрениям для её ловли. Возможно, лов велся с помощью “запора”, его часто используют для ловли рыбы население Западной Сибири. Данное время для промысла объясняется, прежде всего, биологией рыб Обско – Иртышского бассейна, совершающих большие миграции, связанные с размножением, нагулом и зимовкой. Весной наблюдается противоположное направление движения – скат в пойменные водоёмы (соры) для нагула и нереста. Сделать вывод о способах и масштабах добычи рыбы пока не представляется возможным. Проведение дальнейших раскопок позволит нам более полно реконструировать промысловую – хозяйственную деятельность древних охотников и рыбаков, проживающих в древнем городище.

Работа выполнена по проекту РФФИ № 05-06-80233.

Список литературы

Брусницына А.Г. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума “Культурное наследие народов Западной Сибири”. Тобольск, 2003. С. 45 – 52.

Брусницына А.Г. Войкарский городок в XV-XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Екатеринбург-Салехард, 2005. С. 22 – 32.

Косинцев П.А. Крупные млекопитающие лесотундровой зоны Западной Сибири в начале позднего голоцена // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. Челябинск, 1997. С. 133 – 164.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена/ Книга первая. М.: Либерея, 1988.

Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2001. 606 с.

Федорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург-Салехард, 2000. С. 54 – 66.

А.М. Белавин
ПФ ИИА УрО РАН, Пермь

ДРЕВНЯЯ АФКУЛА (РОЖДЕСТВЕНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС X-XIII вв. В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ)

По очень точному замечанию Б.А.Рыбакова, рождение города – это длительный процесс, и исследователь, за редчайшим исключением, не может определить время рождения собственно самого города, то есть ту грань, которая отделяет протогородской этап уже от собственно города. Однако эта мысль смущает многих исследователей, считающих, что город возникает уже в сразу готовом виде, противопоставленный сельскому поселению. Кроме того, сам термин “протогород” или “ранний город” также вызывает возражение [Фроянов, Михайлова, 1999]. Однако этот термин кажется совсем уместным как определение некоего “эмбриона города” [Седов, 2002]. Судьба его такая же, как и у любого другого эмбриона – он может созреть во вполне здоровый организм; может развиваться, напротив, в больное и хилое образование, не имеющее перспектив; а может и просто погибнуть, так и не перейдя стадию эмбриона.

Археологические открытия в Прикамье последних десятилетий и, в особенности, широкомасштабные раскопки поселений, заставляют считать средневековое Пермское Предуралье одним из узловых пунктов Международной торговой системы, хорошо знакомым купцам из Волжской Булгарии, а через них получившим известность в восточной торгово-географической литературе.

Земли Пермского Предуралья стали объектом внимания торговцев с Востока весьма рано. Запасы ценной пушнины, “бобровой струи”, соли, качественной меди делали торговлю с Прикамьем весьма перспективным и прибыльным делом. Появление на Нижней Каме булгар, и возникновение здесь к X столетию одного из наиболее экономически развитых государств раннесредневековой Европы – Волжской Болгарии, послужило укреплению всей системы дальней Восточной торговли, и стало краеугольным камнем в сформировавшейся системе Международной торговли в Евразии.

Следует признать, что именно дальняя транзитная торговля стала основой для ускорения общественного прогресса в Предуральских землях периода средневековья. Она значительно расширяла географические и социальные представления местных жителей, обеспечение её безопасности и бесперебойности стали залогом успешности местной формирующейся знати, необходимость взаимодействия с иноземными купцами вызвало появление местных торговцев, бравших на себя посредническую роль для дальнейшей транспортировки товара. Можно утверждать, что соучастие в дальней торговле стало основой общественного прогресса для жителей средневекового Предуралья.

Одним из результатов ускорявшегося прогресса стало складывания условий необходимых для появления на землях Предуралья принципиально иного типа поселений – поселение предгородского или раннегородского типа (т.н. “протогородов”), резко отличающихся по укладу жизни от остальной массы населенных пунктов и связанных с развитием международной транзитной торговли.

Крупнейшим в Пермском Предуралье памятником эпохи средневековья является Рождественский археологический комплекс. Он расположен в 1,5 – 2 км к СЗ от с. Рождественск Карагайского района Пермской области. Основным объектом археологического комплекса является Рождественское (Постаногово) городище, в комплекс входят также Филипповское городище–цитадель, Рождественский могильник и неукрепленное поселение (посад?). В целом комплекс отличается не традиционной для поселений Предуралья трехчленной структурой (крепость–внутренний город–посад), прямоугольной планировкой укрепленных частей поселения (в отличие от традиционной мысовой), мощным (до 2 м.) и весьма насыщенным находками культурным слоем.

Рождественское городище известно в археологической науке с 1770 г., когда оно было осмотрено капитаном Н.П.Рычковым. Первые раскопки на городище были предприняты в 1981 г. Ю.А.Поляковым и продолжены А.М.Белавиным в 1985 г. и в 1990-1993 гг., а в 1997 г. Н.Б.Крыласовой.

Площадка Рождественского городища имеет подпрямоугольную форму, общая площадь городища вместе с валом составляет свыше 35 тыс. кв. м. Высота вала в древности составляла около 2,5 м, стенка, стоявшая на гребне вала, судя по остаткам сгоревших бревен, состояла из 13 бревен, общей высотой более 1,9 м. Таким образом, высота вала с конструкцией с напольной стороны составляла около 4,5 метров.

В целом на городище вскрыто более 2,5 тыс. кв. м. Раскопы располагались главным образом по краю обрыва, что преследовало спасательные цели. Здесь изучено два гончарных горна, остатки косторезной мастерской, расположенной в землянке, вход в подземный лаз(ход), несколько крупных ям – кладовок, колодец и т.п. Среди материалов, полученных с данной части городища, имеются обломки тиглей, керамические ложки-лячки, литейные формы и бракованные бронзовые изделия, что свидетельствует о существовании здесь и бронзолитейных мастерских. Обнаружены также бракованные бусины и крупный кусок стеклянной пасты, что подтверждает наличие стеклодельного ремесла. Конструкция производственных сооружений и состав материала городища свидетельствуют о том, что большинство ремесленников были выходцами из Волжской Болгарии.

В 1991 г. был исследован вал Рождественского городища и небольшая часть площадки перед валом. На этом раскопе были выявлены остатки третьего гончарного горна в небольшом наземном сооружении – мастерской. За валом ров не фиксируется – здесь находился неукрепленный посад с довольно мощным культурным слоем, площадью более 30 тыс. кв. м. Т.о., внутри городища располагались наиболее важные для его обитателей мастерские, кладовые и т.п., а жилые сооружения были вынесены за пределы укреплений.

Основу коллекции Рождественского городища составляют обломки глиняной посуды: как гончарной так и лепной. Всего за семь лет раскопок на городище было собрано 10648 фрагментов болгарской гончарной и 6729 фрагментов лепной керамики. Среднее количество лепной посуды в культурном слое городища, таким образом, не превышает 38,7% от числа всей собранной на нем древней керамики, поэтому, с полным основанием, керамическую коллекцию Рождественского городища можно охарактеризовать как гончарную. Основная и наиболее многочисленная этнокультурная группа керамики Рождественского городища – общеволжско-болгарская. По своему составу керамическая коллекция Рождественского городища очень напоминает коллекции памятников центральной части Волжской Болгарии.

Материалы раскопок свидетельствуют о том, что городище существовало в период с IX-X по вт. пол. XIV в., причем его наибольший расцвет приходится на XI – перв.пол.XIII в. Именно в этот период здесь существовала болгарская торгово-ремесленная фактория. Болгарские ремесленники снабжали население Прикамья украшениями, гончарной посудой, железными орудиями труда и пр. Наличие фрагментов весов, гирек, монет, а также большое количество болгарских ювелирных украшений, деталей пояса, фрагментов замков и ключей, предметов вооружения и снаряжения воина, свидетельствуют об активной деятельности на городище болгарских купцов. О проживании на городище болгар свидетельствуют и находки мусульманских костяных амулетов. По свидетельству капитана Рычкова, на поверхности городища им наблюдались обломки белого резного камня и муравленая черепица. Эти материалы использовались при сооружении мечетей. При раскопках городища обнаружен бронзовый светец – подобные светцы использовались в Поволжье в интерьере мечетей. Таким образом, на городище, вероятнее всего, была мечеть, фундамент которой пока не обнаружен. И, наконец, свидетельством того, что на городище жили болгары, является наличие при нем мусульманского некрополя.

С запада от Рождественского городища за Шиловским логом располагается небольшое (ок. 4 тыс. кв. м), но хорошо укрепленное Филипповское городище. Капитан Рычков описывал его “земляные ворота”, остатки башни на валу и многочисленные кирпичи и каменные вымостки внутри укреплений. В настоящее время городище ограничено 27-метровым обрывом к р.Обва и двумя оврагами с небольшими ответвлениями, плавно переходящими в ров.. С севера городище укреплено валом высотой 2,5-3,5 м и рвом глубиной 0,7-1,5 м и шириной 3-5 м. В центре вала имеются “ворота” – проход шириной 4,5 м. Восточный отрезок у “ворот” имеет насыпь, напоминающую земляную башню. Это городище было своеобразной цитаделью протогорода.

С востока от Рождественского городища за Постановоковским логом располагается могильник, состоящий из двух частей: языческой финно-угорской и мусульманской болгарской.

Могильник был известен с XIX в. В августе 1897 г. председатель Пермской комиссии УОЛЕ Н.Н. Новокрещенных произвел на мусульманском могильнике раскопки, в результате которых было вскрыто 12 безынвентарных погребений, сделанных с соблюдением кыблы [Новокрещенных, 1901]. С 1990 г. Рождественский могильник на протяжении ряда лет (1990-1993, 1997) раскапывался под руководством Н.Б.Крыласовой. В мусульманской части вскрыто 11 погребений. Отметим очень точное соблюдение кыблы, что, вероятно связано с инструментальными измерениями, последнее подтверждается письменными источниками, указывающими на периодические приезды в “касабу Афкуль” астрономов – измерителей времени из Болгарии.

Языческая часть находилась на 600 м восточнее городища. Здесь в 1990-1993, 1997 гг. было вскрыто 550 кв. м, изучено 100 погребений. Уникальной находкой на этой части могильника является серебря-

ная подвеска со знаком Рюриковичей – нагрудный знак, выдаваемый иноземным купцам на право торговли на Руси. В 15 погребениях найдены серебряные монеты и брактеаты, которые позволяют датировать данную часть могильника X – первой половиной XI в.

Весьма вероятно, что Рождественский археологический комплекс можно ассоциировать с “касабой Афкуль” (Аваколь, Афкула, Акикул) в 20 днях пути от Булгара на север в пределах страны Чулман (Джулыман, Джолман, Чолман). Арабским географом-энциклопедистом ал-Омари (1331 г.) упоминается касаба – маленький городок по-персидски – Акикул в 20 днях пути от Булгара на север, то есть в пределах страны Чулман, земля и город Чулман, расположенный севернее Афкулы, города Сибир, Ибыр. Ал-Омари сообщает: “Купцы наших стран, говорил Номан, не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулымские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера” [Тизенгаузен, 1884]. При этом Чулыман размещается примерно там же, где ранее находилась Вису.

“Когда путешественник едет от Чулымана на Восток, то приезжает к городу Каракоруму... когда путешественник, – писал ал-Омари, – едет на Запад, то приезжает в землю русских...”. Страна Чулымская, по данным ал-Омари, примыкает одной стороной – к землям башкир, другой стороной к странам сибирским, территориально это совпадает с Верхним Прикамьем. “Касаба Афкула – столица этой страны”. На мой взгляд, топоним Афкула можно понимать из тюркских (в персидском переложении) Афу, Ашу – “поворот” и Кула, Кала – “башня, крепость” как “Поворотная крепость”. Такое название соответствует характеру торговли болгар, которые ездили с товарами до этого места, а дальше торговали местные купцы. Название Чулыман, заменившее название Вису, знакомо и магрибинскому путешественнику Ибн Баттуте (вторая половина XIV в.).

Последнее упоминание “касабы Афкула” относится к 1412 г. и имеется в трудах египетского энциклопедиста ал-Калкашанди “Страна Афтакун, северная соседка страны Булгара. Их главный город – небольшой Афтакун.” В то же время (рубеж XIV-XV вв.) о стране Джолман (Чулман) сообщает египтянин Ибн Халдун.

Список литературы

- Новокрещенных Н.Н.** Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии – Пермь, 1901, вып. IV. – С.114–117
- Седов В.В.** Изборск – протогород – М., 2002.
- Тизенгаузен В.Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды – СПб, 1884. Т.1. – С.237–240.
- Фроянов И.Я., Михайлова И.Б.** Город или протогород? (Об одной надуманной исторической категории) // Ранне-средневековые древности Северной Руси и её соседей – С-Пб., 1999. – С. 228–236.

В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.А. Васютин

КемГУ, Кемерово

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КРЕМИРОВАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ КОНЦА I тыс. н.э. НА ВЕРХНЕЙ ОБИ

Многолетний опыт исследования средневековых захоронений с полными сожжениями погребенных показывает, что для их достоверной культурной атрибуции недостаточно ограничиться указанием только на способ погребения и на предполагаемое место кремации. Как правило, оно характеризовалось как «кремация на стороне». Однако такая характеристика обряда погребения не содержит более конкретных и корректных дифференцированных признаков для культурной идентификации новых погребальных памятников, особенно расположенных в инокультурной среде. В самом же материале содержатся данные, свидетельствующие о значительной вариативности этого способа погребения у верхнеобского и сrostкинского населения [Плетнева, 1984; Савинов, 1994; 1997; 1998; Троицкая, Новиков, 1998; Адамов, 2000; Могильников, 2002], даже в пределах одного кургана [Бобров, Васютин, Васютин, 2005]. Проблема культурной и этнической идентификации такого обряда погребения в лесостепных районах юга Западной Сибири остается не решенной до сих пор. Её решение связано с необходимостью более достоверной аргументации о происхождении обряда кремации и его генетической преемственности с традициями позднекулайского и фоминского населения лесостепного Приобья [Ширин, 2003].

В специальной литературе высказано предположение о связи обряда кремации только с енисейскими кыргызами или с их влиянием на обряд погребения на верхнеобское, по мнению некоторых исследователей, угрoсамодийское население [Троицкая, 1977; Троицкая Новиков, 1998]. Особенно, в связи с активизацией кыргызов после создания каганата в 840 г. Данная гипотеза, на наш взгляд, противоречит археологическим фактам. Широкое распространение обряда сожжения в среде верхнеобского населения, начиная с середины VIII в., происходило в условиях одновременного формирования новой сrostкинской культуры в лесостепном Алтае. В целом, как уже отмечалось, проблема культурной и этнической идентификации полных сожжений требует дополнительной разработки, в том числе на основе типологии собственно кыргызских и сrostкинских погребений [Митько, 1994; Кондрашов, 2001]. На погребальных памятниках из Среднего Причумылья начала II тыс. н.э. уже был получен позитивный результат в отношении классификации полных трупосожжений, когда в ее основу были заложены наиболее значимые признаки, характеризующих состояние останков умершего и стратиграфию погребений. Затем, уже на уровне вариантов признаков, выявлялись их устойчивые сочетания с использованием корреляционного метода [Беликова, 1996]. Согласно общей структуре погребального обряда, включающего действия до похорон, во время похорон и после них [Очерки культурогенеза..., 1994], такой «определитель» культурной принадлежности кремированных погребений должен иметь вид общего открытого и структурированного списка культурообразующих признаков, распределенных по трем указанным блокам погребального обряда. Согласно этим критериям все общераспространенные категории инвентаря: оружие, детали экипировки всадника и снаряжение верхового коня, импортные изделия, которые являются частью элитарной субкультуры, не попадают в реестр массовых культурообразующих признаков. Они могут в значительной степени влиять и влияют на общий облик культуры и в таком виде характеризовать ее общий социокультурный уровень.

Применительно к исходному материалу по кремированным погребениям конца I тыс. н.э. из Калтышинского археологического микрорайона (рис. 1) нами был разработан перечень вариантов значимых признаков обряда погребения, позволяющий в адаптированной форме сгруппировать их по типам. Тип I. Наземные погребения: вариант А (рис. 1, 1) – беспорядочная россыпь (вес менее 10 г) на берестяном подстиле, уложенным на специально приготовленную площадку, освобожденную от дерна, в раме-обкладке с перекрытием из бересты и продольных плашек; вариант Б (рис. 1, 2, погр. №№ 4, 7) – беспорядочная россыпь в раме-обкладке (вес 3 и 2,4 кг); вариант В (рис. 1, 2, погр. №№ 2, 5, 6) – беспорядочная россыпь без ограждающих конструкций и перекрытий

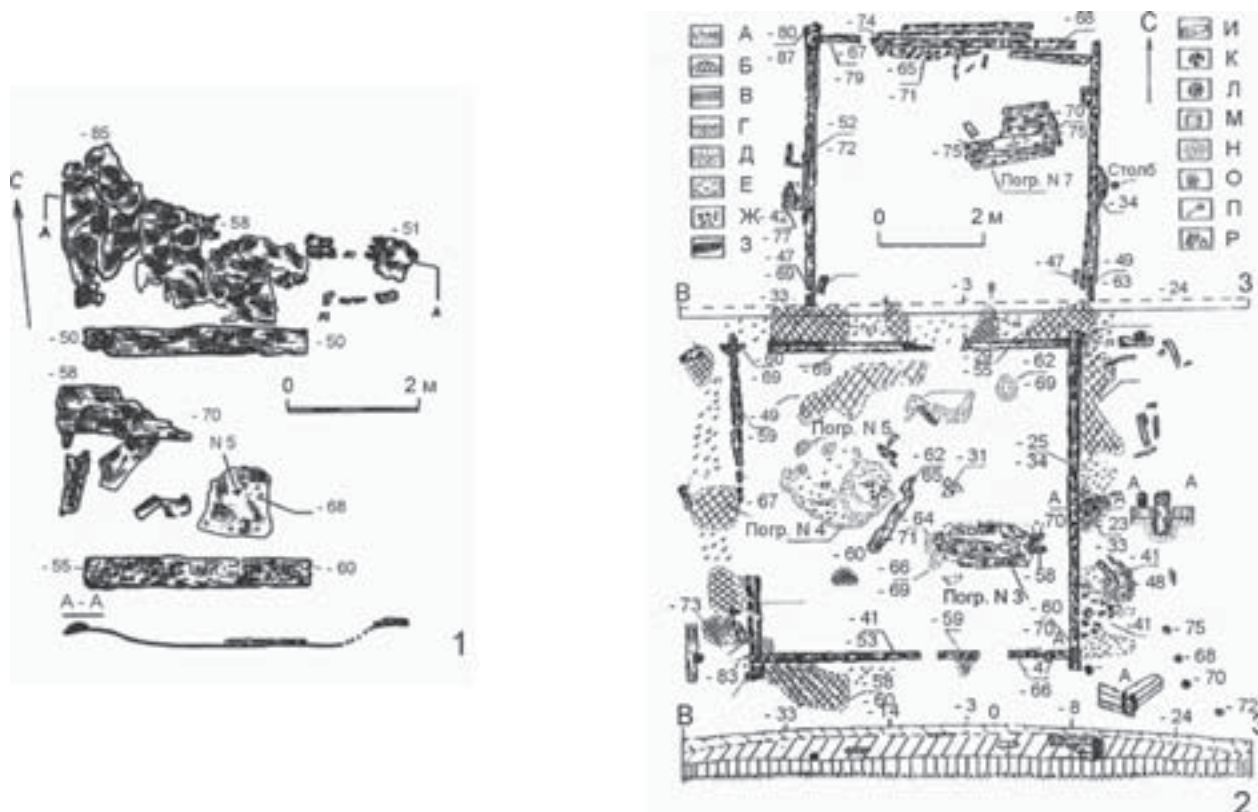

Рис. 1. Калтышинский археологический микрорайон

Условные обозначения: а – пахотный слой; б – насыпь кургана; в – погребенная почва; г – материк; д – границы концентрации интенсивных прокалов, древесных углей и обугленных бревен; е – прокаленная почва; ж – древесные угли; з – обугленное бревно; и – деревянные плахи; к – обугленный торец столба; л – торец деревянного столба; м – березовый столб; н – скопление кальцинированных костей; о – сырые кости животных; п – скелет крупного млекопитающего (собаки?); р – находки из железа и керамики за границами погребений.

Типы кремированных погребений: тип I – 1; 2 (погр. №№ 2, 4-7); 1 – курганный могильник Калтышино II, курган № 3; 2 – курганный могильник Озерки I, курган № 8.

(общий вес 3,1 кг). Тип II. Грунтовые погребения: вариант А (рис. 2, 1) – компактное скопление (вес 2,4 кг) на берестяном ложе в раме-обкладке с продольным перекрытием из плах; вариант Б (рис. 2, 2) – беспорядочная россыпь (вес менее 10 г) на берестяном подстиле в раме-обкладке с перекрытием из продольных плашек; вариант В (рис. 2, 3) – компактное скопление (вес более 100 г) в раме-обкладке с поперечным перекрытием из плашек.

Более детальная типология кремированных погребений должна учитывать общую массу и состав костных останков (иногда сохраняется общая масса костей скелета и их частичная анатомия), состав и расположение инвентаря, характер сопроводительных захоронений, стратиграфию могил относительно материка (ямы в погребенной почве и материковые ямы) и их ориентацию. В частности, могильные ямы для этих погребений были сооружены как в погребенной почве (вариант А), так и в материке (варианты Б и В). Для всех типов погребений характерна ориентация в северо-восточный и восточный сектора.

При таком подходе к культурной атрибуции кремированных погребений, необходимо учитывать связь этнополитической и этнокультурной ситуации с демографическими и социальными процессами на Верхней Оби во второй половине IX-X вв. В этот период происходит ряд преобразований: сокращается ареал верхнеобской культуры за счет Барнаульско-Бийского Приобья, где под непосредственным воздействием кочевников алтайских предгорий и восточно-казахстанских степей, формируется новое культурное образование – сrostкинская культура. В это время верхнеобское население в своей основной массе переходит к обряду полного сожжения. Этот ритуал становится доминирующим на завершающем, юрт-акбалыкском, этапе развития верхнеобской культуры. В сrostкинской этнокультурной среде обряд кремации не является ведущим, но его существование зафиксировано повсеместно и не ограничивается только ранними этапами развития этой культуры. Устойчивость этого способа погребения среди населения сrostкинской культуры объясняется его местным проис-

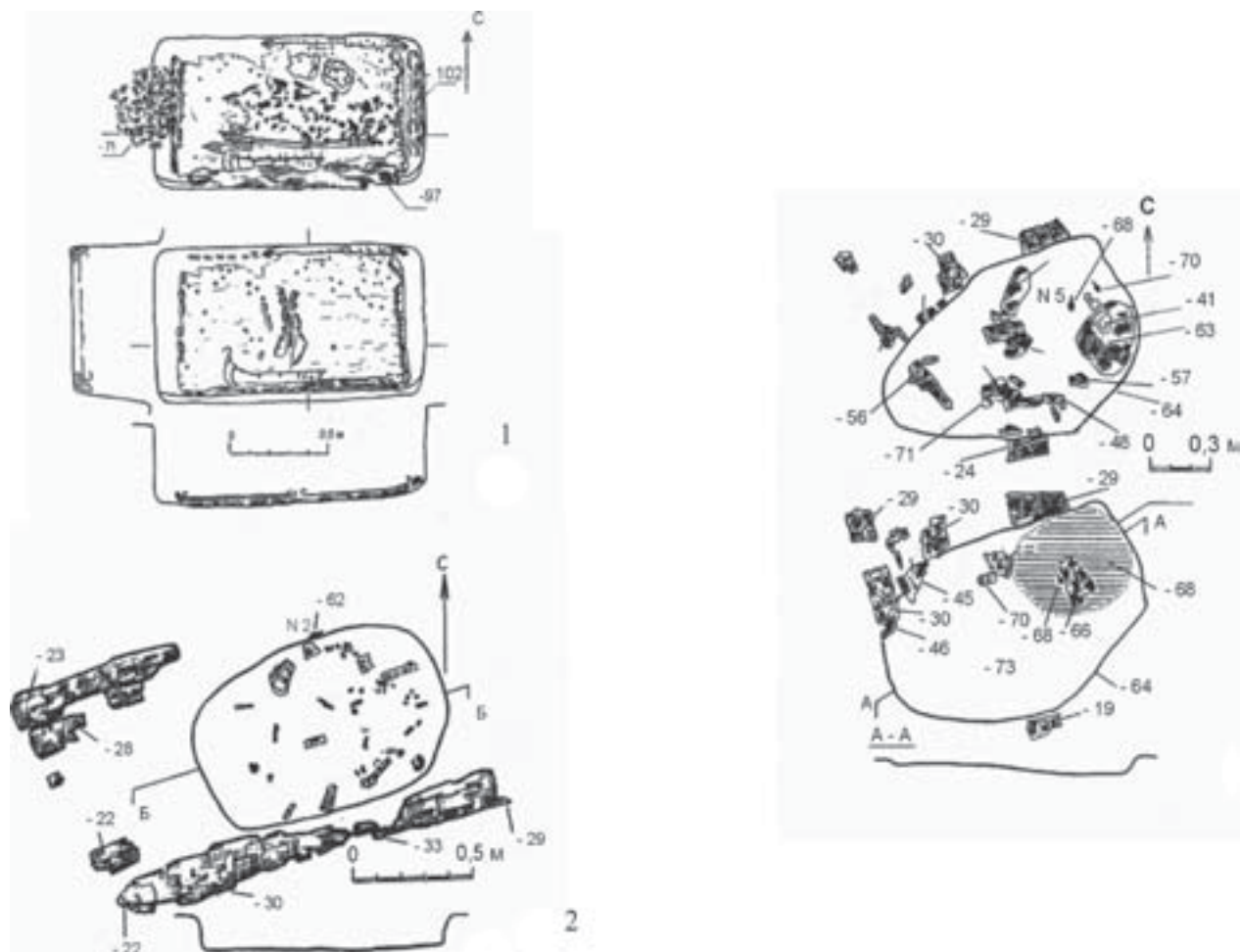

Рис. 2. Калтышинский археологический микрорайон.
Тип II – 3, 4, 5.3, 4, 5 – курганный могильник Озерки I, курган № 8.

хождением, а обряд кремации сохраняется в Верхнем Приобье до XI-XII вв. [Плетнева, 1984; 1997; Савинов, 1997; Адамов, 2000; Троицкая, 2002]. В последнее время появились и иные интерпретации полных сожжений в курганах сrostкинской культуры, отличные от кыргызских. Впервые такие погребения были названы «самодийскими» и рассматривались в качестве одного из субстратных компонентов сrostкинской культуры [Неверов, Горбунов, 2001]. Формирование новой сrostкинской культуры связано с северо-восточными окраинами кимакского ареала. Активное взаимодействие кочевых групп населения с «потчевашцами» и «верхнеобцами» происходило именно в приграничных районах. В отличие от Павлодарского Прииртышья и Барабы [Арсланова, 1972; Бараба..., 1988], где к рубежу VIII-IX вв. уже сложилась новая синкретичная культура Бобровского и Чулымского могильников, в алтайской лесостепи этот процесс еще находился на начальной стадии формирования новой культуры.

Наличие в погребальных комплексах конца I тыс. н.э. на Верхней Оби кремированных наземных и грунтовых погребений генетически восходит к традициям погребальной обрядности предшествующей верхнеобской культуры и является основным компонентом новой сrostкинской культуры. Следовательно, сам способ и обряд захоронения полных сожжений вне контекста всего погребального комплекса, а значит вне культурного контекста, не может быть объектом строгой культурной идентификации.

Список литературы:

Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжениями в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Изд-во Наука АН КазССР, 1972. – С. 56-76.

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобльск-Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – 256 с.

Бараба в тюркское время // В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородавский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов –Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1988. – 176 с.

Беликова О.Б. Среднее Причумылье в X-XIII вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 272 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Охранные раскопки верхнеобского кургана № 8 на могильнике Озерки I в 2005 г. (Калтышинский археологический микрорайон) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI, часть I. – С. 212-218.

Кондрашов А.В. Погребения по обряду кремации сrostкинской культуры в лесостепном Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 64-72.

Митько О.А. Обряд трупосожжения у енисейских кыргызов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I – II тыс. н.э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 207-226.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI вв. – М.: Наука, 2002. – 362 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – 475 с.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 176-178.

Плетнева Л.М. Погребения IX-X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – С. 64-87.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 350 с.

Савинов Д.Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1994. – 215 с.

Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 77-99.

Савинов Д.Г. Сrostкинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – С.175-190.

Троицкая Т.Н. Погребения с трупосожжениями конца I тыс. н. э. на р. Уень Новосибирской области // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1977. – С.121-130.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Троицкая Т.Н. К вопросу о сrostкинской культуре // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002, № 9. – С. 103-107.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. – 288 с.

П.Г. Гайдуков

Институт археологии РАН, Москва

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАЧАЛЕ РУССКОЙ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ В XIV в.

В нумизматической литературе считается общепризнанным, что первые серебряные денги весом ок. 1,0 г начали изготавливать в Великом княжестве Московском при Дмитрии Ивановиче Донском (1359–1389 гг.) сразу после Куликовской битвы. Почти одновременно с Москвой монетное производство начинает Дмитрий Константинович Нижегородский (1355–1383 гг.) и Олег Иванович Рязанский (1350–1402 гг.).

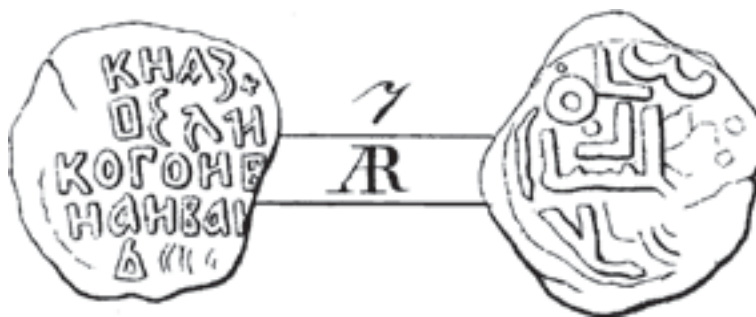
В музейных и частных коллекциях зарегистрировано всего ок. 200 денег Дмитрия Ивановича: 140 анонимных и 60 именных. Монет Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.), насчитывается ок. 2000 экз. Денег же Василия Васильевича Тёмного (1425–1462 гг.) известно не менее 20000–22000 экз. Количественное отношение монет разных правителей друг к другу (1, 10 и более 100) необычно.

Нумизматы уже давно обратили внимание на двусторонние подражания золотоордынским дирхемам и высказали предположение о их принадлежности к русским денежным системам [Чижов С.И., 1922. С. 10, 14; Янин В.Л., Янина С.А., 1955. С. 120; Волков И.В., 2005]. Наиболее подробное исследование двусторонних подражаний провел Г. А. Фёдоров-Давыдов при изучении Тихомировского и Саранского кладов [Фёдоров-Давыдов Г.А., 1963. С. 174-181; 1989. С. 152, 154, 155].

Автор в целом согласен с датировкой древнейших московских денег временем ок. 1380 г., но с одной оговоркой: не Дмитрий Иванович был инициатором русской монетной чеканки. Ко времени начала его княжения денежное производство на Руси уже существовало. Дмитрий Донской первым начал лишь выпуск монет русского облика нескольких типов: сначала безымянных, а позже и именных. Как до Дмитрия Ивановича, так и в первый период его правления русская чеканка осуществлялась в виде двусторонних подражаний золотоордынским дирхемам. Об этом свидетельствуют клады конца XIV – начала XV в., где, как правило, такие монеты представлены.

На Руси в денежном обращении конца XIV – начала XV в. наряду с именными и анонимными денгами русских княжеств, находились двусторонние подражания различных весовых норм. Выпуски таких монет были многочисленны, поскольку они присутствуют практически во всех кладах того времени, составляя от 6 до 33 %. В этих подражаниях автор, вслед за отмеченными выше историками, видит русские монеты. Они чеканились, вероятно, в разных регионах, но в первую очередь в крупнейших княжествах. До 1380 г. в денежном обращении эти подражания были единственными монетными номиналами русской денежной системы, и именно они, по всей видимости, являются первыми русскими деньгами. Саранский клад сохранил в своем составе восемь таких монет весом 1,02–1,18 г [Гайдуков П.Г., 2006. С. 46]. С введением анонимных и именных денег русского облика Дмитрием Донским чеканка подражаний не прекращается. Меняется лишь их весовая норма, которая была, вероятно, единой с другими деньгами. Трудно представить, чтобы население экономически наиболее развитого русского княжества в конце XIV – начале XV в. обходилось только немногочисленными деньгами русского облика. Должны были быть и другие типы монет и ими являлись двусторонние подражания.

Подражательные монеты Саранского клада разделяются на три разные по весу группы: свыше 1,00 г, 0,91–0,95 г и 0,80–0,88 г [Фёдоров-Давыдов Г.А., 1989. С. 152]. Судя по самым легким, они могли чеканиться даже в начале XV в. Процесс изготовления денег русского облика и двусторонних подражаний золотоордынским дирхемам в Московском, Нижегородском и других княжествах в 1380–1390-х гг. осуществлялся синхронно. В настоящее время самой насущной задачей изучения ранней русской чеканки является обстоятельное изучение подражаний и выявление общих штемпелей в разных потоках денежного производства.

Монета Ивана Ивановича Красного (*Шодуар С.*, 1837б. Табл. II, 54, 7)

Надежных датирующих материалов, свидетельствующих о начале чеканки на Руси двусторонних подражаний, пока нет. Можно лишь предполагать, что в 1350-х гг. такая чеканка уже существовала, поскольку есть значительное число монет, копирующих дирхемы хана Джанибека (1339–1357 гг.).

В собрании ГЭ хранится уникальная монета весом 0,62 г, на л. с. которой выбита пятистрочная надпись: «КНЯЗ/Я ВЕЛИ/КОГО ИВ/АНА ИВАНОВИЧА. На о. с. помещено подражание арабской надписи, в которой однозначно опознается легенда дирхемов ханов Бердибека или Кульны 760 года хиджры (1358–1359 г.). С неправильной атрибуцией она была опубликована С. Шодуаром еще в 1837 г. [*Шодуар С.*, 1837. Табл. II, 54, 7; 1841. С. 327. № 3207] (**Рис. 1**). Монета не вызывает никаких сомнений в подлинности. Заподозрить в ней фальшивку 30-х годов XIX в. невозможно еще и по той причине, что она происходит из коллекции Я. В. Брюса, собранной в первой трети XVIII в.

Монету следует относить к великому князю Ивану Ивановичу Красному (1353–1359 гг.), отцу Дмитрия Донского. Новая атрибуция монеты позволяет отодвинуть дату начала выпуска именных русских денег более чем на 20 лет. Сравнение надписи монеты с вислыми печатями Ивана Ивановича дает близкую палеографию букв и практически идентичную композицию расположения легенд [*Соболева Н.А.*, 1991. С. 148. № 8; *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.*, 1998. С. 168. № 413].

Можно говорить о том, что монетная чеканка в виде двусторонних подражаний джучидским дирхемам существовала на Руси с середины XIV в. Но высказанные соображения останутся предположениями до появления новых нумизматических фактов. Подобными источниками могут быть в первую очередь русские монетные клады, захороненные до 1380 г. Картографирование новых находок на русских землях, как дирхемов Золотой Орды, так и их подражаний, в будущем позволит конкретизировать ситуацию, которую сейчас можно наметить лишь в самых общих чертах.

Список литературы

- Волков И.В.** Новая группа русских подражательных монет конца XIV в. // *Нумизматика: Научно-информационный журнал*. – М., 2005. Март (№ 7). – С. 27–29.
- Гайдуков П.Г.** Русские полуденги, четвертцы и полушки XIV–XVII вв. – М.: Палеограф, 2006. – 408 с.
- Соболева Н.А.** Русские печати. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.** Находки джучидских монет // *Нумизматика и эпиграфика*. – М.: Наука, 1963. – Т. IV. – С. 165–221.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.** 1989б. Монеты Нижегородского княжества. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 255 с.
- Чижов С.И.** Дроздовский клад русских денег времени вел. кн. Василия Дмитриевича Московского. Пб., 1922. – 67 с. (РАИМК. Труды нумизматической комиссии. Т. III.)
- Шодуар С.**, 1837 – Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. С рисунками и таблицами. Сочинение барона Станислава де Шодуара. Перев. с французского В. А[настасевич]. – Собрание изображений. – СПб., 1837.
- Шодуар С.**, 1841 – Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен. С рисунками и таблицами. Сочинение барона Станислава де Шодуара. Перев. с французского В. А[настасевич]. – Ч. II. СПб., 1841. 340 + X с. (Каталог.)
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.** Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. – М.: Интрада, 1998. – 502 с.
- Янин В.Л., Янина С.А.** Начальный период рязанской монетной чеканки // *Нумизматический сборник*. Ч. I. М., 1955. – С. 109–123. (Труды ГИМ. Вып. № 25.)

И.Е. Зайцева*Институт археологии РАН, Москва*

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ОКРАИНАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ: ДАЛЬНЯЯ ТОРГОВЛЯ ИЛИ МЕСТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО?

Широкомасштабные археологические раскопки грунтовых могильников XI-XIII вв., расположенных на Северо-Восточных окраинах Древней Руси, предоставили в распоряжение исследователей богатые коллекции украшений из цветных металлов [Назаренко, Овсянников, Рябинин, 1984; Овсянников, Рябинин, 1986; Макаров, 1990; Макаров, 1997]. Стандартность изделий древнерусских и финно-угорских типов, малое количество локальных вариантов украшений в погребениях, а также положение об общей ориентации местной экономики на добычу пушнины и пушную торговлю [Макаров, 1996], позволили говорить о преимущественно импортном происхождении металлических украшений, поступающих в отдаленные северные поселки в обмен на меха. Подобная ситуация отмечается при анализе столь же многочисленных в погребениях стеклянных бус [Захаров, Кузина, 2005].

В последнее десятилетие активные исследования были проведены на сельских поселениях региона. Раскопкам подверглись селища Мининского археологического комплекса (Кубенское озеро), а также ряд поселений среднего течения р. Шексны и ее притоков [Кудряшов, 1996; 2000; 2003]. Также как и в могильниках, на селищах собраны обширные коллекции предметов из цветных металлов. Например, на поселении Минино-I плотность находок из цветных металлов составляет 3,8 предметов на 1 кв. м при толщине слоя около 50 см.

Неожиданным фактом стало открытие на многих селищах участков с остатками черной и, особенно, цветной металлообработки. Такие объекты выявлены на поселениях Минино-I на Кубенском озере, Кривец, Октябрьский мост, Минино-5 на Юге и Телешово в бассейне средней Шексны. Отдельные предметы производственного характера происходят почти со всех раскопанных поселений. Новые находки позволили вновь обратиться к проблеме изготовления и бытования металлических украшений на северо-восточных окраинах Древней Руси. Что преобладало в костюме местных жителей в различные хронологические периоды: импортные вещи, произведенные в крупных городских центрах, или изделия сельских мастеров, живших по соседству? Необходимо отметить, что на сегодняшний день подобная ситуация является уникальной для древнерусской археологии в целом: несмотря на широкий размах полевых исследований сельских поселений в последние годы, число археологически изученных производственных комплексов по обработке цветных металлов остается пока незначительным.

Решение поставленного вопроса осуществлено методами комплексного источниковедения: изучение планиграфии и стратиграфии раскрытых комплексов по обработке цветных металлов, исследование обнаруженного инструментария, анализ технологии изготовления готовой продукции и состава сплавов, как сырьевых материалов, так и законченных изделий. Полученные результаты позволяют охарактеризовать уровень и масштабы местной цветной металлообработки в различные хронологические периоды, а также выявить устойчивые серии импортных украшений.

Комплексы X – начала XI вв. Наиболее ранние древнерусские комплексы, содержащие материалы, связанные с изготовлением украшений из цветных металлов, относятся к X – началу XI вв. Они исследованы на поселениях Октябрьский мост и Андриюшино [Кудряшов, 2000], а также Телешово [Кудряшов, 2003]. Остатки цветной металлообработки зафиксированы в жилых сооружениях вместе с находками бытового назначения. Среди инструментов имеются как приспособления, необходимые для литья – литейные формы, так и для холодной обработки металла – небольшой молоток, зубила, чеканы, штихель. Вероятно, местные мастера изготавливали мелкие нашивные украшения, а также зооморфные подвески, выполнявшиеся в технике “воскового вязания”. В качестве сырья преимущественно использовались бронзовые и латунные сплавы.

Комплексы XI века. Комплексы XI в. по обработке цветных металлов изучены на селищах Манино-1, Манино-5 на реке Большой Юг, Кривец. Интересным является факт, что в периферийных частях всех трех поселений открыты материалы, связанные с обработкой железа. К рассматриваемому времени относится пока единственная исследованная в регионе специализированная ювелирная мастерская (селище Манино-1), представляющая собой небольшой однокамерный сруб с глинобитным полом и большим глинобитным очагом в центре. Остальные комплексы по-прежнему связаны с жилыми сооружениями.

Значительную роль в практике местных ювелиров играли литейные работы. Плавка металла (серебро, биллон, медь) производилась в высоких круглодонных тиглях-стаканах и мелких широких ковшиках с ручками (олово). В цветной металлообработке могли применяться универсальные инструменты с различными рабочими окончаниями разных форм. Наряду с использованием лома старых изделий, медных сосудов и серебряных денариев, мастера имели доступ к специальному ювелирному сырью, поступавшему в регион в виде небольших серебряных, латунных и медных слитков разных форм, а также проволоки.

К продукции, изготавливаемой в регионе, можно отнести металлические детали поясной гарнитуры, перстни, височные кольца, спиральные пронизки и др. Необходимо отметить, что этим периодом датируется большинство серебряных и биллоновых украшений, обнаруженных на северных памятниках, что можно объяснить использованием денариев в качестве источника металла, хотя на Манино-1 обнаружен и целый серебряный слиток. Наряду с местным изготовлением украшений, отмечены устойчивые серии изделий стандартного качества, вероятно, поступавших в окраинные поселки в результате торговли: например, узкопластинчатые перстни с мелким повторяющимся декором, пояса, украшенные бронзовыми накладками и др. Вообще, XI век – время наибольшего количества импортных металлических украшений в северных поселках.

Комплексы XII – начала XIII вв. Выразительные и обширные материалы, связанные с цветной металлообработкой, получены при исследовании слоев XII – начала XIII вв. Три комплекса этого времени открыты на поселении Манино-1. Отдельные находки производственного характера обнаружены на селищах Октябрьский мост и Муриновская пристань. Как и прежде, изготовление металлических украшений осуществлялось преимущественно в жилых домах. Среди инструментов преобладают приспособления для литья – конические тигли с треугольным устьем с остатками бронзы и латуни на стенках, и плоские ковшики с ручками. Значительным числом представлены целые и обрубленные слитки, выплески металла, заготовки, обрезки пластин, бракованные и незаконченные изделия. Ассортимент изготавливаемой продукции значительно расширяется: это и детали поясной гарнитуры, и металлические бусы, и зооморфные подвески, и подвески-лунницы, и кресты-тельники. Установление факта собственного изготовления крестов в отдаленных от центральных регионов поселках имеет большое значение для понимания процессов христианизации населения Древней Руси. Наряду со сплавами на основе меди большую роль в практике местных ювелиров играют легкоплавкие сплавы олова и свинца, заменившие серебро.

Сплошное детальное исследование вещевых коллекций многих памятников позволяет проследить, как оказавшиеся в регионе предметы начинают тиражироваться на местах, сохраняя имеющиеся у них литейные дефекты. Наряду с этим, любопытным фактом является обнаружение в расположенных неподалеку синхронных погребениях могильника Манино-2 одинаковых украшений, изготовленных в одной партии, что может свидетельствовать о специфическом “погребальном наборе”, отличном от носимого при жизни.

Наблюдения над распределениями сплавов на различных памятниках северо-восточных окраин Древней Руси выявляют при определенном сходстве своеобразие каждого поселения и полностью подтверждают вывод о существовании большого количества мелких локальных производственных центров со своими особенностями в изготовлении продукции.

Интересна и хронологическая динамика. Во второй половине X – рубеже X–XI вв. в украшениях преобладали бронзы и многокомпонентные сплавы, связываемые с финно-угорской производственной традицией. Двойные и тройные латуни, маркирующие западное направление контактов, появляются не ранее начала XI в. Существенно, что в отдаленный регион привозились не только готовые изделия, но и непосредственно сырьевые материалы. При этом мастера не стремились изменить состав полученного сырья, а просто изготавливали из него свои изделия.

В XII веке на фоне сохраняющих свое значение латуней, в местной цветной металлообработке вновь стремительно растет количество бронз. Общая хронологическая динамика в использовании типов сплавов северных селищ и Новгорода определяет роль последнего как одного из крупнейших поставщиков сырьевых материалов и образцов готовой продукции на периферию.

Заключение. Анализ производственных комплексов по обработке цветных металлов вместе с исследованием состава металла готовых изделий и производственных остатков, обнаруженных на селищах средней Шексны и района озер Белого и Кубенского, показали наличие собственной цветной металлообработки прак-

тически на всех поселениях, изученных достаточной площадью. Украшения делались на протяжении всего рассматриваемого временного диапазона – со второй половины X до первой половины XIII в. Несмотря на то, что изготовление украшений осуществлялось, преимущественно, в рамках домашнего ремесла, можно полагать, что продукция местных мастерских в значительной степени обеспечивала потребности сельских жителей округа, хотя немаловажным было и поступление в регион предметов дальней торговли. Местное производство не было нацелено на выпуск больших серий однотипных предметов, наоборот, сельские мастера выделяли единичные украшения, копирующие привозной образец, понравившийся заказчику (литье по оттиску). Изготавливались практически все категории изделий. Партии стандартизованных вещей могли поступать в регион из крупных городских центров

Географическое расположение региона на полпути из Новгорода в далекое Заволочье отразилось и на ассортименте бытовавших там украшений, сочетающем типы, характерные как для северо-западных областей древней Руси, так и восточных финно-угорских. Специфических локальных вариантов изделий выработано не было. Мастера имели доступ к дальним торговым каналам и могли получать необходимые им сырьевые материалы. Наряду с распространением самой простой техники литья по оттиску готового изделия, ювелиры в совершенстве владели сложнейшей финно-угорской техникой воскового вязания.

Таким образом, жизнь северных поселков не сводилась только к добыче и переработке пушнины. Она была наполнена разнообразными занятиями, почти полностью обеспечивавшими материальные и духовные потребности местных жителей. Импортные изделия, привозившиеся в регион на протяжении всего рассматриваемого периода времени, использовались и как украшения, и как модели для тиражирования.

Список литературы

- Захаров С.Д., Кузина И.Н.** О некоторых особенностях материальной культуры северных поселений // Российская археология. – 2005. – № 4. С. 115–124.
- Кудряшов А.В.** Поселение и могильник Кривец на Нижней Суде // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
- Кудряшов А.В.** Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне // Российская археология. – 2004. – № 4.
- Кудряшов А.В.** Поселение и могильник у д. Телешово на реке Согоже // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль, 2003.
- Макаров Н.А.** Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука, 1990. – 215 с.
- Макаров Н.А.** Колонизация Севера в X–XIII вв. и некоторые общие проблемы взаимоотношения центра и окраин в истории Древней Руси // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
- Макаров Н.А.** Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.: Скрипторий, 1997. – 368 с.
- Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А.** Средневековые памятники Чуди Заволочской // Советская археология. – 1984. – № 4. С. 197–216.
- Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1986.** Новые данные о культуре средневекового “чудского” населения в бассейне озера Лача // Советская археология. – 1986. – № 2. С. 210–216.

М.Г. Иванова*Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск*

ГОРОДИЩЕ ИДНАКАР IX–XIII вв.: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

В археологических исследованиях последних десятилетий неуклонно утверждается тенденция к максимальному использованию естественно-научных методов. Фундаментальные издания материалов крупнейших памятников России, итогов изучения отдельных проблем убедительно показывают, что именно комплексный характер является неременным условием плодотворности изысканий. В русле современных тенденций развиваются исследования на городище Иднакар, в которых предусмотрены все этапы, начиная от совершенствования методики раскопок, полевой фиксации, использования естественно-научных методов, геофизики, разработки баз данных и заканчивая компьютерным моделированием.

Древнеудмуртское городище Иднакар IX–XIII вв. – одно из крупнейших поселений Волго-Камья и Урала эпохи средневековья. Оно занимает обширный мыс высокой коренной береговой террасы, образованной долинами р. Чепцы и ее правого притока Пызеп, в настоящее время включено в пределы административных границ г. Глазова (Удмуртская Республика). С востока, с напольной стороны, располагаются два мощных вала (внешний ограничивает площадку, средний делит ее на две примерно равные части). Общая площадь памятника составляет около 40 тыс. кв. м. При возведении городища были максимально учтены топографические особенности мыса, которые позволяли контролировать окружающую территорию и расширять его площадку.

В округе городища, в пределах пятикилометровой зоны, расположены 4 селища, 4 могильника, ряд отдельных местонахождений и клад серебряных слитков. Один из могильников открыт в 200 м к северо-востоку от внешнего вала городища в 2000 г. и исследован в 2001–2002 гг. На площади около 500 кв. м изучено 92 захоронения XI–XII вв. Таким образом, Иднакарский комплекс представляет собой редкий пример эталонного микрорегиона, открывающий перспективы системных историко-культурных реконструкций.

С 1974 г. по настоящее время памятник исследует археологическая экспедиция Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Раскопы закладывались таким образом, чтобы изучить все структурные части городища – внутреннюю, среднюю, внешнюю, особое внимание уделялось всем трем линиям оборонительных сооружений. С 1992 г. проводились геофизические измерения, охватившие более 6000 кв.м. [Журбин, 2004]. Всего на памятнике вскрыто 9 149 кв. м площади, впервые выявлен характер слоя и сооружений, установлены принцип планировки и некоторые особенности возведения укреплений, изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений. Именно здесь впервые на обширных материалах прослежены этапы формирования топографической структуры поселения, территория которого в течение четырех столетий дважды расширялась вдвое, многократно усиливались фортификационные возможности.

Коллекция вещевого материала по количеству и разнообразию представленных в ней предметов, и особенно степени документированности, значительно превышает материалы финно-угорских поселений эпохи средневековья. Она вполне сопоставима с материалами городских поселений ранних государственных объединений Восточной Европы – Древней Руси и Волжской Болгарии. Исследования отдельных категорий источников методами естественных наук – биологии, геоморфологии и почвоведения, археозологии, археометаллографии – позволили с наибольшей полнотой воссоздать систему жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности, создали базу для раскрытия многих сторон материальной и духовной культуры средневекового населения, которое в конце I – начале II тысячелетия н. э. составляло свое-

*Исследования выполняются при финансовой поддержке программы РГНФ-Урал, проект № 05-01-80104а/У.

образное ядро формирующейся удмуртской народности; обоснования значения Иднакара как военнопоборонительного, аграрно-ремесленного и торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности [Иванова, 1998].

С середины 1990-х гг. с активным внедрением компьютерных технологий в обработку археологической информации в России в изучении городища стали использоваться новые методы полевых и лабораторных исследований. Необходимость их применения была вызвана как логикой развития археологии, так и сложностью обработки большого объема материалов памятника традиционными методами. Определение хронологии и функционального назначения многочисленных сооружений, располагавшихся в разных пластах культурного слоя, требовало скрупулезного изучения стратиграфического и планиметрического распределения огромного массива вещевых материалов. Выполнение таких исследований традиционными методами оказалось практически невозможным. Более того, выявление распределения сооружений по хронологическим периодам, обоснованная реконструкция формирования и динамики развития планировки поселения в условиях почти полного разрушения деревянных построек требовали детального анализа содержания культурных напластований, анализа изменения их структуры и мощности [Иванова, Степанова, 2005].

Основная задача компьютерных технологий состояла в построении пространственной модели объектов и слоев, зафиксированных в процессе раскопок, в максимально точном восстановлении формы, геометрических параметров и особенностей взаимного расположения каждого из объектов. Для реализации пространственной модели культурного слоя разработано специализированное программное обеспечение [Груздев, Журбин, 2005].

Ориентация археологических работ на создание многофункционального источника, внедрение компьютерных технологий в камеральную и научную обработку материалов потребовали и смены отношения к выбору, фиксации и обработке артефактов и, в частности, категорий массового материала. С середины 1990-х гг. обязательным элементом методики раскопок являются инструментальные замеры, начиная от дневной поверхности раскопа, и единая трехмерная система координат. Разработанный формат полевой документации определяет структуры созданных баз данных находок и слоев. Кроме того, документирование результатов археологических раскопок производится на основе технологии компьютерного картографирования в среде геоинформационных систем MapInfo [Степанова, Смагин, 1999]. Предложенная методика позволяет создавать цифровые карты планиграфических и стратиграфических разрезов культурного слоя.

Эффективность «компьютеризированных» исследований может быть проиллюстрирована результатами интерпретации данных раскопок 1999–2003 гг. Стратификационный и планиметрический анализы распределения слоев и находок позволили выделить не два, как это было в предстоящие десятилетия, а четыре этапа функционирования городища и определить их хронологические рамки [Иванова, Степанова, 2004]. Намечены механизмы определения функциональной специализации отдельных участков [Журбин, Груздев, 2005].

В настоящее время ведутся исследования, ориентированные на реконструкцию планировки памятника: городище функционировало на протяжении четырех веков, деревянные сооружения перестраивались, площадка расширялась, могло меняться и функциональное зонирование. Выполнение таких исследований затруднено многими обстоятельствами, основными из них являются отсутствие аналогий и плохая сохранность археологических объектов. Во-первых, крайне мало поселений, сохранившихся в полной мере, и лишь малая их часть изучена широкими площадями. Во-вторых, в слое поселений лесной зоны остатки сооружений из дерева почти полностью разрушаются. Именно поэтому в исследованиях Иднакара особое внимание уделяется комплексному анализу данных, полученных при предварительных исследованиях культурного слоя методами гуманитарных и естественных наук.

Использование новых методов на этапах выборки культурного слоя и фиксации материалов, их документирования, хранения и обработки, разработка механизмов определения функциональной специализации отдельных участков расширяют возможности детального изучения, интерпретации объектов и реконструкции городища на всех этапах развития с проработкой хронологических рамок структурных частей и периодов, что позволит в итоге представить обоснованную динамику его развития. В настоящее время продолжается обобщение и анализ материалов многолетних междисциплинарных исследований в коллективной монографии, решается задача восстановления последовательности освоения и использования территории городища.

С расширением исследованной части реально возможности более глубокого изучения социальной типологии жилых сооружений, социально-территориальной структуры поселения, крайне необходимы дополнительные специальные исследования многих категорий источников (керамика, предметы резной кости, бусы, включение результатов споро-пыльцевых анализов, обугленных древесных остатков, шлаков). Дальнейших изысканий требуют и отдельные аспекты этнокультурного и социально-экономического развития чепецкого

населения в плане более углубленного анализа имеющихся материалов. В большей степени это касается проблем палеодемографии и социальной стратификации, детального изучения исторической динамики ранних форм социальной стратификации на обширных материалах населения лесной зоны Восточной Европы.

Список литературы

Груздев Д.В., Журбин И.В. Программа для пространственного моделирования археологических объектов // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 73–79.

Журбин И.В. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 152 с.

Журбин И.В., Груздев Д.В. Компьютерный анализ распределения вещевого материала в культурном слое // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 80–89.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.

Иванова М.Г., Степанова Г.А. Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследованного пространства (по материалам раскопок 1999 г.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 238–263.

Иванова М.Г., Степанова Г.А. Использование компьютерных технологий в обработке культурного слоя городища Иднакар // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 29–44.

Иванова М.Г., Журбин И.В., Зелинский А.В. Исследование планировки городища Иднакар методом электрометрии (1991–1997 гг.) // Естественно-научные методы в полевой археологии. – М.: Институт археологии РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 36–49.

Косарева М.В., Будин А.В. Применение базы данных для первичной обработки, сохранения и использования информации городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Междунар. полевого симп. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 244–246.

Степанова Г.А., Смагин М.Г. К вопросу о методике извлечения, обработки и сохранения первичной информации на примере городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Междунар. полевого симп. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 230–243.

О.В. Кардаш

НПО «Северная археология», г. Нефтеюганск

ВООРУЖЕНИЕ ВОИНА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII-XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского и Обдорского городков)

С Комплексной археологической экспедицией НПО «Северная археология» под руководством автора (О.В. Кардаша) в 1998 – 2005 гг. на Надымском городке и в 2004-2005 гг. на Обдорском городке проведенные стационарные исследования памятников. Оба объекта находятся в субарктической зоне Северо-Западной Сибири на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Надымский городок расположен в дельте реки Надым в 25 км от устья. Обдорский городок стоит в устье реки Полуй (правый приток реки Обь).

Основная коллекция боевого оружия происходит из материалов раскопок Надымского городка. Тем не менее, как на этом памятнике так и в материалах исследований Обдорского городка имеется большое число моделей предметов вооружения разных типов и размеров.

Комплект боевого оружия из раскопок Надымского городка составляют несколько видов вооружения и воинского костюма. Большая часть предметов вооружения происходит из «клада оружия», обнаруженного в раскопе, осыпи и на дне протоки. «Клад оружия» состоял из нескольких локальных скоплений (минимум трех), включавших от 5 до 15 предметов. За семь лет исследований из состава клада было извлечено 45 предметов и фрагментов. Судя по условиям залегания арсенал был спрятан во время последней осады городка – зимой 1730 года. Найденные за 1998-2005 гг. в составе «клада оружия» предметы составляют единый комплекс с 19 клинками обнаруженными ранее в 1976 году Л.П. Хлобыстиным и рассматриваются вместе.

В итоге для анализа мы имеем комплекс предметов вооружения, включающий 124 экз. целых изделий или фрагментов. К наступательному вооружению из этого числа относятся 66 единиц. Комплект холодного оружия составляют: 25 целых клинков слабоизогнутых сабель, палашей и боевых ножей «местного образца» разных размеров и 25 фрагментов от минимум 15-18 подобных клинков, 5 фрагментов импортных клинков (сабель с елманью), 1 перекрестие сабли, 2 детали ножен, 1 фрагмент меча, 1 фрагмент пальмы, 2 навершия кистеня (?), 1 обоюдоострый клевец (?), 1 целый и 1 фрагмент боевого топора, 1 наконечник копья. К комплекту защитного доспеха (вооружения) относятся 58 фрагментов кольчуг. Все обнаруженные предметы вооружения по комплексу формальных признаков составляют две большие группы.

Первую группу составляет холодное оружие, изготовленное с учетом местных традиций, связанных с особенностями эргономики и использования в боевых действиях (Табл. 1). Клинки местных типов имеют размер от 25 до 65 см. Выделяются два вида туземного оружия ближнего боя: древковое и клинковое. По форме и размерам местные образцы клинкового оружия ближнего боя образуют три основных типа: слабоизогнутая сабля – 23 экз., палаш – 6 экз., боевой нож – 5 экз. Древковое оружие ближнего боя представлено двумя типами: клевец – 1 экз., копьё – 1 экз.

Детали лука и снаряжение лучника можно охарактеризовать и как предметы многофункционального использования, поскольку их, безусловно, применяли в качестве охотничьего оружия. Все фрагменты найденных охотничьих луков (6 экз.) принадлежали сложносоставным моделям. По найденным фрагментам реконструируется лук длиной до 1,8 м, состоявший из 6 элементов: наружная тонкая пластина (березовая планка), к которой крепились 3 кремлевые пластины; 2 березовых хвостовика с вырезом для тетивы. Детали лука склеивались, и оборачивались берестяной лентой. Предметы снаряжения лучника представлены: щитками для защиты запястья – 13 экз., крюками крепления колчана, рубанками для оцилиндровки древков стрел из кости и дерева.

Стрелы в коллекции представлены либо фрагментами древков – 12 экз., либо отдельными наконечниками – 241 экз., не считая игрушечных (вотивных?) моделей. Наконечники стрел по материалу, из которого они изготовлены, делятся на три группы: наконечники стрел (стрелы) из дерева – томары; наконечники стрел из кос-

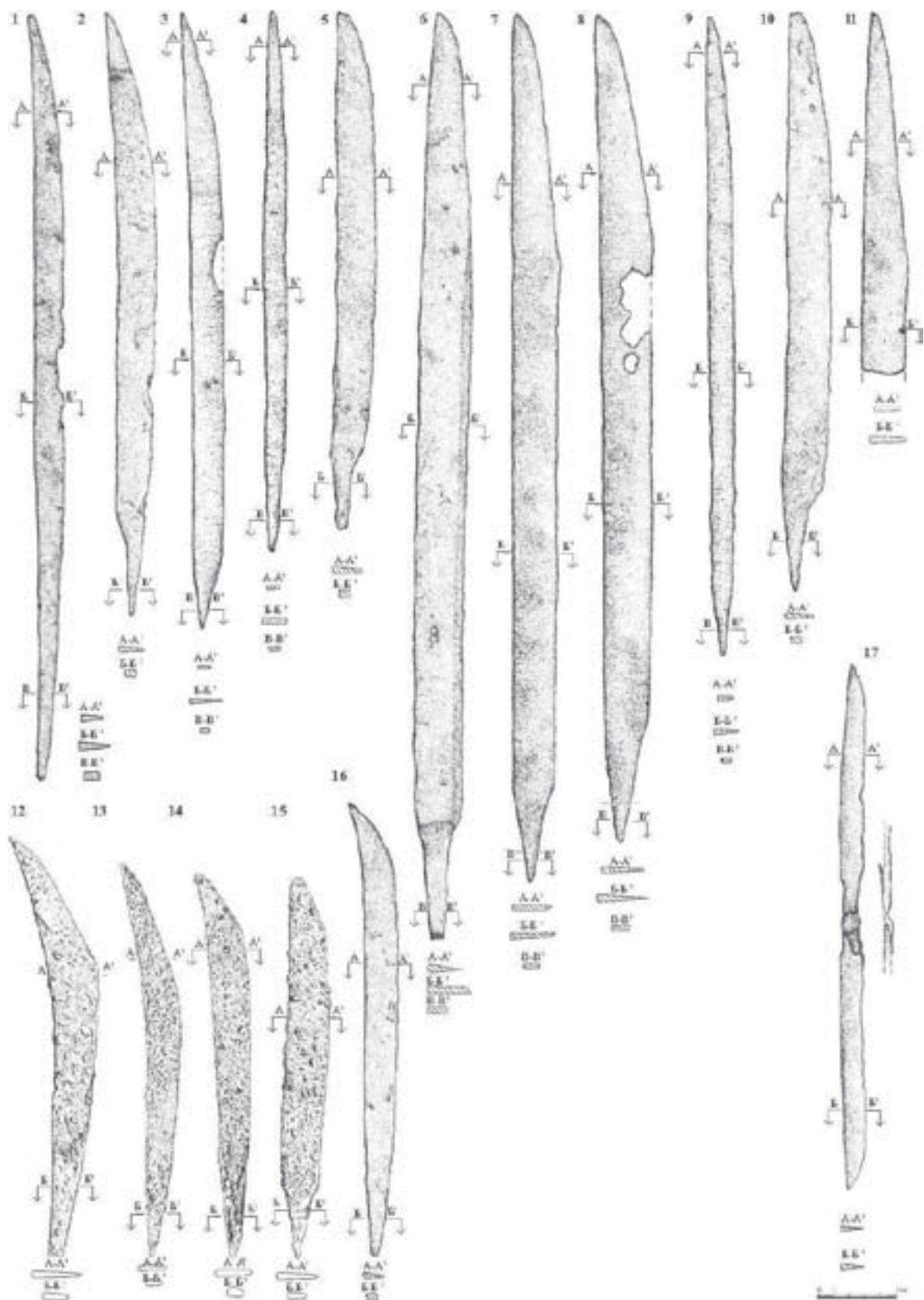

Таблица 1. Предметы вооружения. Боевые ножи – палаши.

1-5 – клинки слабоизогнутых сабель (железо); 6-10 – фрагменты клинков палашей; 11-15 – клинки боевых ножей (железо); 16 – фрагмент клинка (железо); 17 – клевец (?) из клинков бытовых ножей (железо).

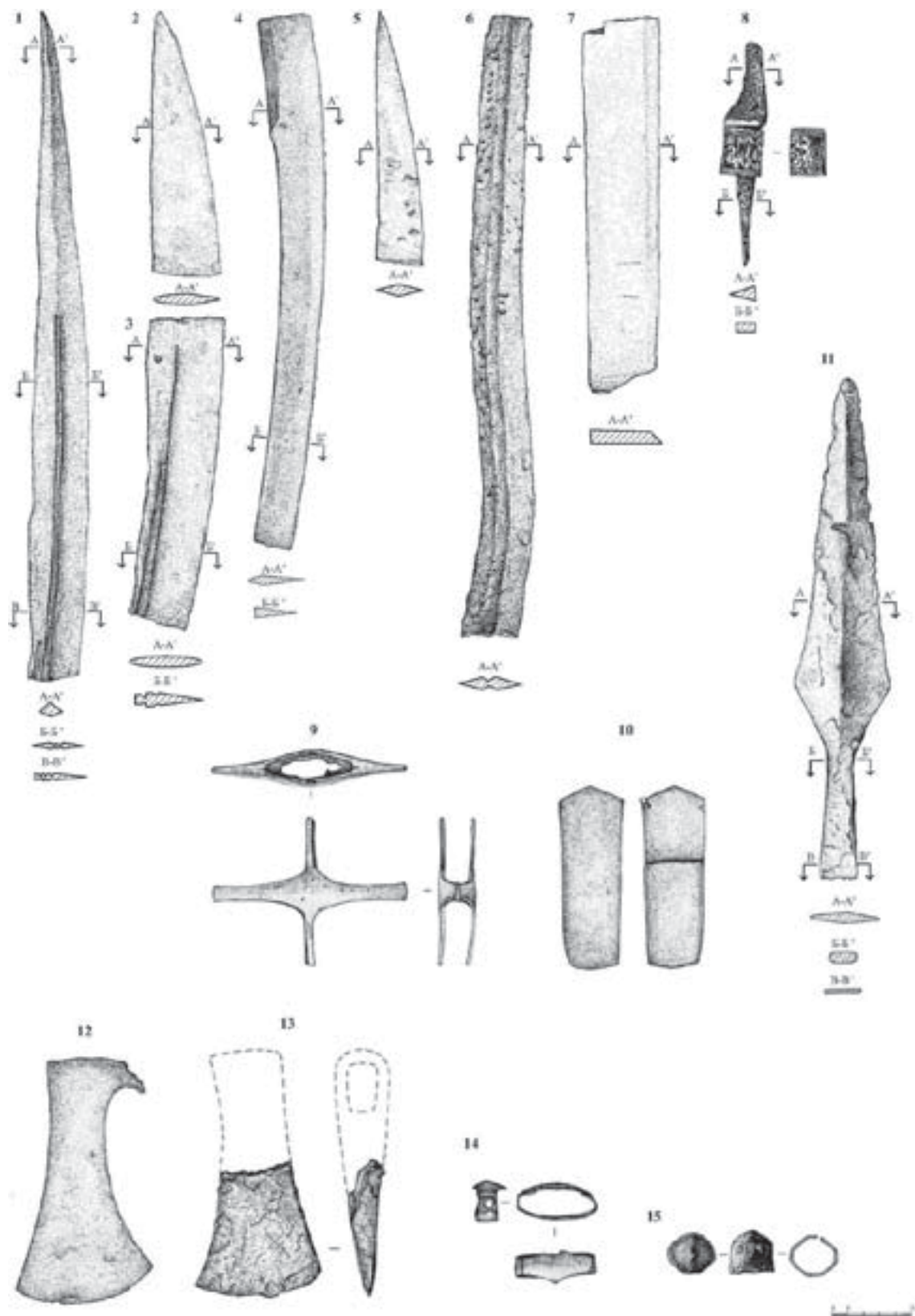

Таблица 2. Предметы вооружения. Предметы импортного вооружения.

1–5 – фрагменты сабель с елмью и долами; 6 – фрагмент клинка меча; 7 – фрагмент клинка пальмы; 8 – фрагмент клинка сабли с медной обкладкой рукояти; 9 – перекрестье сабли; 10 – деталь обкладки ножен; 11 – наконечник копья; 12–13 – боевые топоры; 14 – обойма, деталь ножен; 15 – ударное навершие (кистень, цеп?). Изделия 1–15 – железо.

ти и рога оленя, 4-х основных типов из которых первый тип – стержневидные, удлиненные (от 13,5 до 22,5 см) наконечники (бронбойные) составляют основную массу; наконечники стрел из железа черешковые 9-ти типов, из которых первый тип – наконечники в форме широкой развилки и второй тип – в форме вытянутого треугольника, расширяющегося к боевой части, с прямым острием, являются наиболее массовыми. Часть железных наконечников стрел могла быть предметом русского импорта.

Вторую группу составляют предметы импортного вооружения (Табл. 2). В эту группу входит два вида вооружения: холодное оружие и защитный доспех. Клинковое оружие ближнего боя представлено двумя типами – сабли – 6 экз. и мечи – 1 экз. Древковое оружие ближнего боя представлено тремя типами вооружения: пальма – 1 экз., топор боевой – 2 экз., ударное навершие (кистень?) – 1 экз. Защитный доспех представлен только одним типом: кольчужным панцирем – 58 экз.

Судя по облику предметов, арсенал представлял некий относительно устойчивый комплект. Все импортные клинки перековывались с соблюдением устойчивой местной формы. Факт относительно широкого распространения холодного оружия подобного вида и пропорций позволяет выделить надымский тип слабоизогнутых сабель, палашей и боевых ножей, отличающихся устойчивой формой, характерной для вооружения западно-сибирского воина XVI – первой половины XVIII вв.

Значительно дополняют коллекцию боевого оружия деревянные модели. Жители городков в большом количестве воспроизводили холодное оружие: русские сабли с елманью и перекрестием, топоры, туземные палаши и копья. Почти на всех изделиях имеются сколы, заломы и забитости от частого использования в имитации поединков. Для детей моделировали процесс кузнечнойковки и металлообработки, только для более ограниченного круга детей, чем тот, в котором имитировались поединки. Тем не менее, и среди миниатюрных деревянных вещей есть предметы очень маленьких размеров. Возможно, они применялись в других (например, ритуальных) целях. Тем не менее, по размеру провести грань между вотивными вещами и утилитарными практически невозможно, поскольку при раскопках обнаружены модели бытовых вещей всех размеров, начиная от копии размером один к одному до уменьшенной во много раз. Вероятно, все эти модели предметов вооружения и бытовых вещей, составляя большую категорию детских игрушек, были предназначены для формирования навыков и знаний в быту. К группе предметов вооружения отнесено 188 деревянных моделей изделий, в числе которых сабли, палаши, боевые ножи, топоры боевые, наконечники копья, луки, стрелы, наконечники стрел.

Комплекс предметов вооружения Надымского и Обдорского городков в настоящее время является самой большой коллекцией позднесредневекового оружия на территории Северо-Западной Сибири и позволяет аргументировано восстановить вооружение воина Северо-Западной Сибири XVII-XVIII вв.

Список литературы

- Кардаш О.В.** Отчет о НИР: Археологические исследования Надымского городища летом 1998 года. Т. 1-2. Нефтеюганск, 1999. Архив НПО СА № 31/1-
- Кардаш О.В.** Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища летом 1999 года. Т. 1-5. Нефтеюганск, 2000. Архив НПО СА № 38/1-5.
- Кардаш О.В.** Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища летом 2000 года. Т. 1-6. Нефтеюганск, 2001. Архив НПО СА № 52/1-6.
- Кардаш О.В.** Отчет о НИР: Аварийные археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) летом 2004 года. Т. 1-2. Нефтеюганск, 2003. Архив НПО СА № 138/1-5.
- Кардаш О.В.** Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища в 2005 году. Т. 1-3. Нефтеюганск, 2006. Архив НПО СА № 150/1-5.
- Хлобыстин Л.П.** 1976. Отчет о работе заполярной экспедиции в 1976 г. Архив ИА РАН. Р-1, № 6175, 6175а.

Г.Г. Король

Институт археологии РАН, Москва

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВА И ЭПОСА ТЮРКОВ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В раннем средневековье с выходом многочисленных племен тюрков на евразийскую историческую и политическую арену, возникновением крупных государственных образований происходят заметные процессы и в развитии их материальной и духовной культуры. В декоративном искусстве, представленном таким массовым материалом, как торевтика малых форм (ременные украшения коня и всадника), возник особый стиль с доминирующей ролью растительного орнамента. В сложении эпоса, происходившем в процессе формирования народов и государств, также наступил один из пиков (В.М. Жирмунский и др.). Интерес представляет в этом отношении исследование яркого и самобытного декоративного искусства и достаточно изученного эпоса тюрков Саяно-Алтая. Некоторые черты формировавшегося в раннем средневековье «пласта» тюркского героического эпоса сопоставимы с содержанием и поэтикой раннесредневековых памятников орхон-енисейской письменности (И.В. Стеблева, М.А. Унгвицкая, С.С. Суразаков, П.А. Трояков, В.Е. Майнагашева).

Специальное исследование орнаментально-декоративной системы декоративно-прикладного искусства саяно-алтайского региона в раннем средневековье, проведенное автором, ее особенности и сопоставление с эпосом (шире – фольклором, в котором отражены мифология и мировоззрение тюркских народов этого региона) показывает, что это искусство перспективно для изучения не конкретных сопоставлений (что в первую очередь предпринимается исследователями, обращающимися к сравнительному изучению сюжетов декоративного искусства и эпического творчества), а для выявления мировоззренческих основ и реальных исторических условий его возникновения и развития.

Существуют ли общие закономерности формирования и развития изобразительного (декоративно-прикладное) и словесного (героический эпос) видов искусства? Главным фактором, позволяющим искать общие закономерности, является их *стадиальное сходство: общность эпохи и процессов исторического развития*. Орнаментально-декоративный стиль в раннем средневековье и эпос тюркских народов формировались в одно время в одних и тех же условиях определенного хозяйственного уклада (кочевое и экстенсивное скотоводство) и военно-политических действий, в особый для этих народов исторический период. Становление ранней государственности тюрков, военная и политическая экспансия требовали утверждения самосознания, закрепления его через устное эпическое творчество и зрительное воспроизведение устной мифологической и эпической традиции, отражающей особенности тюркских племен и отличающей их от окружающего мира. Именно к этой героической эпохе относят фольклористы формирование основного «пласта» героического эпоса, относя архаический «пласт» к эпохе ранних кочевников. В ту же эпоху появляется и развивается в декоративном искусстве тюркских народов тот «пласт», который сохранился и в традиционном искусстве современных тюркских народов. Таким образом, декоративный стиль, как и эпос, формируется на общей идейной основе в период становления этноса и государственности.

Другим фактором, вытекающим из особенностей исторической эпохи, является *формирование мировоззрения* участников этого процесса, как на общей идейной основе того времени (самосознание и оформление государственности), так и на общей более древней основе (мифология сюжетов и сходство мифологических образов). Активные контакты как между самими тюркскими племенами, так и местным населением локальных территорий, вовлекаемых в орбиту государственных образований тюрков, вели к активному взаимобмену культурными достижениями, чему способствовали общие корни многих народов евразийских степей, проявленные в их единстве и преемственности их истории и культуры от эпохи бронзы и особенно в скифскую эпоху.

Уже в скифскую эпоху важны были для развития культуры и формирования некоей культурной общности активные и плодотворные контакты с городскими оседлыми цивилизациями. То был «героический период» ранних кочевников. И в эпосе (шире – фольклоре), и в прикладном искусстве средневековых кочевников сохранился более древний пласт как общий стратум их формирования – мифологическая (во многом фантастическая) составляющая. В эпосе это некоторые сюжеты с древними мифическими персонажами, сверхъестественные способности новых героев; в декоре – обращение на новом уровне к редкому ранее растительному декору и сохранение отдельных зооморфных образов прошлого, но в новой стилистической трактовке на основе их иного восприятия.

Третий немаловажный фактор – активные и плодотворные *контакты и обмен культурными достижениями* как внутри формирующейся общности тюркских народов, так и с народами крупных государств, входивших в орбиту их интересов. Контакты с городскими цивилизациями, где в прикладном искусстве широко был распространен и растительный орнамент в разнообразных формах, и антропоморфическое искусство, позволяли кочевникам воспользоваться не только результатами труда городских ремесленников, но и освоить их достижения, применяя их труд в своих целях и на своих или подвластных территориях.

Исходя из этих факторов и опираясь на труды исследователей истории фольклора, этнографов, а также на собственное изучение раннесредневекового декоративного искусства, можно выделить и *общие закономерности* формирования и развития обеих ветвей искусства. 1. Типологическая однородность. В героическом эпосе – активная фаза формирования его нового «пласта», в декоре – формирование стиля «степного орнаментализма». Стиль в эпосе – типичность идей и образов, сюжетов и мотивов; в декоре – преобладание растительного геометризованного орнамента и подчинение ему других типов. 2. Широкое территориальное распространение. 3. Активная открытость новациям. 4. Восприятие элементов инородных, в том числе мировых, религий. 5. Отбор определенных инородных образов, мотивов (в значительной мере – из искусства ираноязычных народов, в симбиозе с которыми тюрками были созданы крупные и значимые на политической арене средневековья государства в Средней Азии, на Среднем Востоке, в Малой Азии и Закавказье, а также из китайского искусства). 6. Как итог вышперечисленного – создание на основе типологической однородности собственных для народа или региона вариантов (в эпосе – отличающих эпос одного народа от другого; в декоре – региональные варианты, как крупные, связанные с государственными образованиями, так и более мелкие, локальные, связанные с этнической мозаикой политических государств).

На основе этих закономерностей и взаимодополнения обоих видов искусства можно говорить и о некоторой *общности стилистики и образов*. 1. Обобщение образов, их ирреальность (это относится и к растительному декору, в котором изначально заложена тенденция к стилизации и геометризации). 2. Для визуального искусства характерна декоративность, как внешняя – формально-эстетическое свойство ярких и пышных образцов украшенных изделий, так и внутренняя – усиление образной осмысленности орнаментального искусства за счет включения изобразительных мотивов – зооморфных и антропоморфных образов. Орнамент и декор благодаря известной «потребителям» этого искусства предметной или символической интерпретации его элементов включен в мифолого-поэтическую систему конкретной культуры. Для устного искусства – отмечаемая многими исследователями героического эпоса такая его стилистическая особенность, как «орнаментальность». Богатый и красочный язык повествования, наличие традиционных формул типа описаний-клише, отличающихся высокой поэтичностью и образностью, обилие их повторов создают поистине орнаментальную композицию внутри эпоса в виде ритмически повторяющихся мотивов. Они являются структурными элементами композиционного построения произведения. Обилие традиционных формул и их поэтика придают повествованию величавость, пышность и эффектность. Такая насыщенная и развитая поэтика эпических произведений складывалась постепенно, но, по мнению историков фольклора, о наличии постоянных эпитетов и повторов-клише в раннесредневековом эпосе можно косвенно судить по памятникам орхоно-енисейской письменности тюрков.

3. К общности стилистики обоих видов искусства можно отнести и вариативность. Вариация в тюркском эпосе рассматривается как ведущий стилевой принцип повествования. Вариативность орнаментальных мотивов в декоре также присутствует, в ней отражается творческий подход как мастера, изготовлявшего изделие, так и условного «заказчика» или «потребителя», его использующего, а также действие внутренних законов развития самого орнамента. 4. Общие образы – в основном мифологические (тотемы, волшебные превращения, божественные помощники); усиление уже в раннесредневековый период, возможно, дидактической функции зооморфных образов, как в эпосе в поэтической форме, так и в декоре. 5. Героя эпического (чаще всего всадник) и героя реального (воин тюркских дружин) сопровождает конь, главный спутник и помощник, для них (воина и коня) как единого целого важны обязательно украшенные пояс, сбруя, снаряжение. В эпосе седлание коня – одна из традиционных формул-клише. В нем всегда присутствуют издающие «рассыпчатый звон» «золотые» узда/пояс или «украшенная золотом» узда, узда «с бронзой и серебром», «бронзово-золотой» пояс, пояс/сбруя

«с узорами». А богатырь-всадник – «сияющий золотом», сверкает и светится, переливается в солнечном свете. Это фактически описание реальных сбруи и пояса раннесредневекового всадника, наборные украшения которых действительно красивы и впечатляющи и составляют массив изделий тюревтики малых форм.

б. В эпосе иногда можно наблюдать, что декор – функционален (его образы «оживают» и помогают воину). В жизни значимость декоративного убора коня и пояса всадника, его снаряжения не только социальная (статусная), но и семантическая. Изображение (орнамент и декор) придает осмысленность утилитарной вещи. А мифологически-художественная ее значимость усиливает и ее общественную значимость. Декор утилитарной вещи в жизни оказывается не только предполагаемо функциональным (его магическое значение), но и социально функциональным (его статусная роль).

Общие закономерности формирования и развития тюркского героического эпоса и декоративно-прикладного искусства (на примере Саяно-Алтая) в раннем средневековье, элементы общности их стилистики и образов свидетельствуют, что как в традиционной культуре современных народов декоративное искусство и устное творчество являются взаимодополняемыми частями народного художественного творчества в целом, так и в рассматриваемый период они были взаимосвязаны и так же являлись творческими аспектами одного явления и развивались по сходным законам. Последующее развитие как эпоса, так и декоративно-прикладного искусства подтверждает их многослойность и способность накапливать, перерабатывая, закреплять и сохранять наиболее важные элементы, которые характеризуют исторические периоды развития народов и их искусства. И это является еще одной закономерностью развития обеих ветвей искусства, подчеркивая их общность как культурного феномена той или иной эпохи.

Н.Н. Крадин*Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток*

КИДАНЬСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ

Киданьские города на территории Монголии изучаются уже длительный период времени. Под руководством Х. Пэрлээ [1961; 1962] были открыты и картографированы большинство киданьских городищ на территории страны, на некоторых из памятников были приведены разведочные работы. Часть из этих памятников позднее была обследована советского-монгольской экспедицией [Шавкунов 1978]. В начале 1980-х гг. В.В. Сви́нин вел исследования на городище Харбухын балгас. Позднее монгольские археологи занялись тщательным обследованием бассейна р. Толы, что привело к открытию ряда новых памятников [Очир и др. 2005]. Наконец, начиная с 2004 г. международная монголо-российская экспедиция проводит археологические исследования на городище Чинтолгой балгас. Исследования проводились за счет средств грантов РГНФ (02-01-00176а, 06-01-91915е/Г), а также программы фундаментальных исследований РАН “Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям”.

Кидани расселялись в основном в пределах Внутренней Монголии и Маньчжурии. Территория монгольских степей интересовала их как транзитный коридор для установления торговых дипломатских отношений с тангутами, уйгурами и государствами Средней Азии. Другой важной причиной их выхода на эту территорию было стремление поставить под контроль племена монгольских кочевников. Поскольку, как и местные народы, кидани были скотоводами, их не пугала перспектива длительных расстояний. Однако результативность внешней политики обеспечивалась нетипичными для кочевников методами - кидани создали на подчиненных территориях специальные укрепленные населенные пункты. Для этих целей были переселены большие массы кочевников, которые после завершения возведения фортификационных сооружений стали основой военных гарнизонов. Для помощи им и обеспечения необходимыми продуктами и изделиями были также переселены земледельцы и ремесленники из числа различных нетитульных народов империи Ляо.

Для защиты от кочевников был построен так называемый “вал Чингис-хана”, который протянулся по линии ЮЗ-СВ почти на 700 км. Западный участок вала начинается в междуречье Онона и Улдз-гола и далее тянется севернее Керулена. По территории КНР он проходит по территории аймака Хулун-Буйр Автономного района Внутренней Монголии. На территории Читинской области вал следует вдоль Аргуни и снова уходит на территорию Китая, где тянется по китайской стороне Аргуни. Стратегическое значение имели также два городища у истоков Керулена – Баруун-хэрэм и Зуун-хэрэм. Наконец, целая серия городищ была возведена в центральной части Монголии в бассейне реки Толы.

Археологические памятники киданей в окрестностях Толы исследовались в течение длительного времени монгольскими археологами. В результате этих исследований открыто большое количество различных объектов, которые подразделяются исследователями на укрепленные городища, объекты культового значения и курганные захоронения [Очир и др. 2005]. Из данных памятников выделяются своими размерами городища Хэрмэн дэнжийн балгас, Хаар бухын балгас и Чинтолгой балгас. Несомненно, они представляли собой единую административную и социально-экономическую систему, которую еще предстоит реконструировать.

Особенный интерес представляет городище Чинтолгой балгас. Оно расположено в Булганском аймаке (Дашинчилэн сомон) Монголии (примерно в 250 км к СЗ от Улан-Батора). Географические координаты памятника 47°52' С.Ш., 104°14' В.Д. Городище представляет собой почти правильный прямоугольник со сторонами 1,2 км на 0,6 км., ориентированный почти по сторонам света, вытянутый в направлении С-Ю. На северном валу расположено 6 башен, на южном – 5 башен, на западном и восточном – по 10 башен. В совокупности с 4 угловыми башнями, общее количество башен составляет 35. На городище имеется 5 ворот, по двое ворот

с западной и восточной сторон и одни ворота примерно посередине южного вала. Все ворота имеют Г-образный захаб.

Городище делится на две части (северную и южную) внутренним валом. Кроме этого есть длинная улица, пересекающая городище по линии С-Ю и две поперечные улицы внутри каждой из частей по линии З-В. В месте пересечения длинной улицы и внутреннего поперечного вала имеется П-образное укрепление, защищающее ворота с юга. На городище имеется большое количество холмообразных возвышений различной высоты и разной формы. На поверхности многих из них встречены фрагменты черепицы. На основании изучения рельефа внутри городища можно вычленить на его территории отдельные сооружения и кварталы, которые окружены валами, высотой не более 1 м. Большинство подобных конструкций находится в северной части городища, что позволяет идентифицировать её как административную часть данного населенного пункта.

В разные годы городище посещали и обследовали различные исследователи: Д.Д.Букинич, С.В. Киселев, Х. Пэрлээ, А. Очир и др. В качестве объекта раскопок российско-монгольской экспедиции был избран один из холмов, расположенный в северной части городища в непосредственной близости от “длинной” улицы, расположенной по линии С-Ю. Культурный слой оказался очень объемным (почти 2 м.) и насыщенным различными находками. В центре раскопа в верхней части были выявлены остатки здания с сырцовыми стенами, сделанными из очень плотной глины белесого цвета. Размеры здания 8x8 м. Для укрепления фундамента и стен использовались обломки черепицы, кирпичей, фрагменты керамических сосудов. В северо-западной части раскопа были найдены остатки жилища с трехканальным каном. Остатки еще двух разобранных канов были зафиксированы в соседних секторах раскопа. Эти конструкции относились к более раннему, чем центральное жилище, периоду жизнедеятельности городища. В разных секторах раскопа было вскрыто несколько хозяйственных ям, насыщенных горелостями, золой, костями животных и рыб, чешуей, обгорелыми зернами.

В процессе раскопок было обнаружено большое число керамики и черепицы, предметы материальной культуры, фаунистические остатки, предметы искусства. Керамика представляет собой наиболее массовый материал. Важно отметить наличие кроме киданьской керамики фрагментов сосудов более раннего уйгурского времени, свидетельствующих о том, что территория городища была заселена в более ранний период. Большой интерес имеют находки сделанных из стенок сосудов кружков диаметром от 2,6 до 7 см, так называемых “фишек”, весьма распространенных на бохайских памятниках Приморья. Кроме того найдено несколько типичных для бохайской керамики горизонтальных ленточных ручек от станковых сосудов. Фарфоровая посуда в основном представлена фрагментами белых глазурованных чаш (*диньяо*). Металлические изделия, к сожалению, сохранились очень плохо. К ним относятся гвозди, наконечники стрел, нож, фрагменты втулок ступиц тележных колес. Ранее на территории городища местным жителем была найдена плоская бронзовая отливка двух соединенных между собой рыбок.

Нумизматический материал – монеты Кай-юань Тунбао династии Тан и монеты династии Северная Сун.

Изделия из кости представлены целой серией предметов, включая игральные альчики, орнаментированные накладки, зубные (?) щетки, фрагмент трубочки и частично обструганную и обрезанную кость. Некоторые из игровых альчиков имеют отверстия в одном из боков, видимо, служившие для их нанизывания на веревку в связку для хранения. Около кана в северо-западном углу раскопа найдено целое скопление игровых альчиков – более 450 шт.

Архитектурные украшения представлены фрагментами вылепленных из серой глины голов животных (львов, либо драконов). Есть клык длиной 6,5 см, вытянутый миндалевидный глаз длиной 9 см, часть морды дракона (?). Черепица представлена большим количеством фрагментов плоской (нижней) и желобчатой (верхней). На некоторых фрагментах нижней черепицы есть знаки. По определению А.Л. Ивлиева некоторые из них близки к китайскому иероглифу “чжун”.

Особой интерес представляет уникальная фарфоровая статуэтка человека с собакой. Статуэтка небольшого размера, её высота всего 58 мм. Цвет фигурки белый с желтовато-оливковым отливом. Статуэтка представляет собой фигурку сидящего с подогнутыми ногами человека. Голова у фигурки отбита, сохранилась только часть затылка. Человек одет в киданьский длиннополый халат с круглым воротником и узкими рукавами. Халат, в отличие от киданьской традиции, запахнут левой полой наружу. Халат подпоясан ремнем с пряжкой на животе. Свободный конец ремня свисает на спине с левой стороны. Человек обут в сапоги с расширяющимся кверху голенищем. Правой рукой человек держит собаку.

Согласно данным 37 главы “Ляо ши”, с конца X в. кидани начали кампанию по обеспечению безопасности западных границ. На Керулуне и Толе была построена сеть пограничных крепостей с гарнизонами из покоренных народов с восточных рубежей Ляо. В 1004 г. на месте уйгурского населенного пункта Кэдунь (по всей видимости, это Чинтолгой балгас) был построен город - крепость Чжэньчжоу - самый северо-западный рубеж киданьской империи. Сюда было отправлено для несения воинской службы 20000 киданьских воинов,

а для обеспечения их продовольствием было придано 700 семей бохайцев, чжурчжэней и ханьцев, которые были расселены в Чжэньчжоу и подчиненных ему городах Фанчжоу и Вэйчжоу. Эти данные находят полное подтверждение в археологических материалах.

Список литературы

Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Энхтур А., Эрдэнэболд Л. Предварительные результаты исследования киданьского городища Чинтолгой балгас в 2004 г. // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2005. Ч.1. – С.264–273.

Очир А., Энхтор А., Эрдэнэболд Л. Хар бух балгас ба туул голын сав дахь Хятаны уеийн хот, суурингууд. – Улаанбаатар, 2005. – 214 с.

Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундан уеийн хог суурины товчоон. – Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн хэрэг хрхлэх хороо, 1961.

Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики (X век – начало XII в.) // Монгольский археологический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.55–62.

Шавкунов Э.В. Об археологической разведке по изучению средневековых памятников // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С.16–23.

Н.Б. Крыласова
ПФ ИИИА УрО РАН, Пермь

ПИЩА СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (проблемы археологической реконструкции)

Ключевое место в комплексе систем жизнеобеспечения принадлежит пище, которая составляет самую первую основную и повседневную потребность человека. Система питания – это совокупность основных продуктов, употребляемых в пищу, типов блюд, характерных приправ и специй, способов приготовления блюд, пищевых ограничений и предпочтений, правил поведения, связанных с приготовлением и приемом пищи и т.п., которая отражает этническую и культурную историческую специфичность различных народов [Арутюнов, 1989].

Систему питания определяет хозяйственно-культурный тип. В средневековом Пермском Предуралье хозяйство основывалось на земледелии и скотоводстве, с подсобной ролью рыболовства, охоты и собирательства.

Согласно классификации, предложенной С.А.Арутюновым, система питания средневековых жителей Пермского Предуралья относится к земледельческому типу.

Мотыжное земледелие здесь появилось еще в эпоху бронзы [Бадер, Оборин, 1958], и сохранялось до рубежа X-XI вв. Оно было малопродуктивным. На раннесредневековых поселениях не известно ям-зернохранилищ, зерно перемалывали на каменных плитах-зернотерках с помощью пестов-герочников. При этом примитивном способе переработки невозможно было получать достаточное количество муки для выпечки хлеба, такой способ, скорее, годился для получения круп.

Пашенное земледелие распространилось не раньше второй половины XI – XII вв. Увеличение производства зерна привело к широкому распространению ям-кладовок, где найдено обугленное зерно. Среди зерновых культур первое место занимал ячмень, встречаются полба, рожь, пшеница, просо, горох и конопля [Оборин, 1999]. В конце XI – начале XII вв. в связи с увеличением продуктивности земледелия распространились жернова [Бадер, Оборин, 1958].

Многие явления культуры, в том числе основы пашенного земледелия, а также ряд культурных растений – пшеница, просо, полба, горох, конопля и пр. – были заимствованы в Волжской Булгарии. Интересно, что в преданиях коми неоднократно упоминается о заимствовании хлеба и пашенного земледелия от болгар, но среди возделываемых культур называются исключительно рожь, овес и ячмень [Ожегова, 1971], хотя даже весьма фрагментарные археоботанические определения показывают большее разнообразие культур.

Следуя далее классификации Арутюнова, в рамках зернового подтипа прикамская система питания относится к зерново-скотоводческому классу.

Мясную пищу, главным образом, обеспечивало животноводство, ориентированное на разведение лошадей и крупного рогатого скота. Первоначально преобладало коневодство, лишь к концу I тыс. н.э. появилась тенденция к увеличению в стаде доли крупного рогатого скота, который к середине II тыс. н.э. занял первое место [Голдина, 1985; Оборин, 1999]. Большим подспорьем в питании было мясо свиней, мелкий рогатый скот выращивался не на мясо, а на шерсть [Талицкий, 1951]. Интересно, что в обрядовой пище манси существенное место принадлежит конине – продукту, не характерному для таежных охотников и рыболовов. Причем, лошадь была основным жертвенным животным [Федорова, 1996], а принесение в жертву определенного животного является реликтом повседневного употребления его мяса. Вероятно, эти традиции берут свое начало с тех времен, когда предки обских угров жили восточнее Урала, где занимались коневодством и скотоводством.

Меньшую долю в рационе составляло мясо диких животных и птиц. Кроме пушнины, которую массово добывали для торговли, среди охотничьих трофеев были лось, северный олень, медведь, рябчики, глухари, утки, гуси и др. [Талицкий 1951].

Значительная роль в питании принадлежала рыбе, среди которой преобладают осетровые, судак, щука [Талицкий, 1951; Оборин, 1999]. Причем ценные породы рыб поставлялись даже на экспорт [Белавин, 2000].

Важным вопросом остается, употреблялось ли прикамскими жителями молоко, так как с появлением его использования, во-первых, развивается особая ценностная и ритуальная система, ориентированная на доение скота и изготовление молочных продуктов, а во вторых, определяется тенденция к максимальному ограничению убоя скота [Арутюнов, 1989]. До X-XI вв. преобладающим в Пермском Предуралье было мясное направление, но позднее, вероятно, коровы стали использоваться и как дойное животное [Голдина, 1985]. Возможно, была известна и переработка молока, т.к. при раскопках ряда городищ встречены сосуды с многочисленными игольными проколами или одним отверстием в середине днища, которые могли использоваться для отцеживания сыворотки и приготовления сыра [Талицкий, 1951; Оборин, 1999]. Таким образом, прикамская система может относиться к зерново-мясомолочному подклассу, в рамках которого выделяются виды в зависимости от способов обработки продуктов [Арутюнов, 1989].

Древнейший вид приготовления блюд из зерновых – употребление в пищу зерна в сыром или обжаренном виде, а затем муки (в тех же видах). Они готовятся всухую, на масле, разбавляются водой или молоком. Археологически этот вид приготовления не доказывается, но находит этнографические подтверждения.

Второй вид – варка зерна или муки. Анализ посуды и столовых приборов показывает, что они предназначались для вареной, достаточно густой пищи типа каши. В обрядовой пище как финнов, так и обских угров каше отводится центральное место, что свидетельствует о древних корнях этого блюда. Любопытно, что у обских угров земледелие не было развито, но в обрядовой пище важнейшую роль играют блюда из злаков, в частности, каши [Шитова, Гаделгареева, 1979]. То, что хлебная пища использовалась издревле, подтверждает присутствие темы хлеба в наиболее ранних пластах мансийского фольклора, связываемого с процессами этногенеза и ранними этапами этнической истории [Федорова, 1996]. Это служит еще одним доказательством того, что в эпоху средневековья предки обских угров жили по восточную сторону Уральского хребта (в Пермском Предуралье), где активно занимались земледелием.

Третий вид – печеное тесто в самых различных типологических вариантах. Сложно предполагать, существовали ли какие-либо виды выпечного хлеба X-XI вв., но с развитием пашенного земледелия хлеб, несомненно, получил широкое распространение. Свидетельство тому – находка в слое XII в. Анюшкара обугленного куса пористого, дрожжевого хлеба. О позднем введении в рацион хлеба свидетельствуют фольклорные и этнографические источники как коми-пермяков [Ожегова 1971], так и обских угров. По мнению специалистов, включение в рацион предков манси хлебной пищи произошло под влиянием народов нетаежного круга, о чем свидетельствуют лингвистические материалы. В мансийском языке в названиях хлебных блюд присутствует компонент «нянь» (хлеб). Слова «нянь», «нон», «нан» служат для определения различных видов хлеба у ряда народов от Поволжья до Индостана, включая всю территорию Западной Сибири [Федорова, 1996].

Среди блюд из мяса первый вид – употребление его в сыром виде. По этнографическим данным известно, что обские угры зачастую рыбу и мясо ели сырыми, пили свежую оленью кровь, что могло существовать и прежде.

Второй вид – жарение на углях. Анализ костей животных, обнаруженных на поселениях, показывает, что кости нижних конечностей и ребра обычно встречаются в целом виде, вероятно ноги и грудинка зажаривались целиком, так как известные сосуды не настолько велики, чтобы вмещать такие объемные куски мяса. Остальные кости разрублены на части, и вполне могли использоваться как ингредиенты при приготовлении похлебок и иных вареных блюд – это третий вид. В фольклоре коми-пермяков и обских угров упоминаются именно такие способы приготовления мяса. Например, в коми преданиях для праздничных пиршеств «варили пахучее оленьё мясо», мясо жарили и парили, дикую птицу зажаривали целиком [Ожегова 1971].

Еще один вид связан с заготовкой мяса для длительного хранения. По этнографии обских угров известно, что мясо и рыбу вялили и коптили. Рыбу и уток засаливали на зиму. В северных районах Прикамья имеется значительное количество природной соли, которая издревле добывалась местным населением для удовлетворения собственных нужд в этом виде специй.

Важнейшими источником витаминов являлись дикорастущие растения: ягоды, грибы, кедровые орехи. Прямых свидетельств этого нет, но у соседей известно употребление подобных растений. Например, на Биллярском городище обнаружены семена калины, косточки вишни, семена яблока, малины [Фролова, 1979], на Сайгатинском IV могильнике – косточки черемухи, семена кедрового ореха, черники, голубики, брусники, фрагмент побега хвоща лесного [Корона, Косинцев, Терехова, 2002]. Побеги хвоща – пыстики – и по сей день широко используются в кулинарной традиции коми-пермяков, придавая ей особую специфику. В Прикамье известны находки скорлупы лесных орехов, хотя в этих широтах лещина не растет, они могли привозиться из Волжской Булгарии [Талицкий, 1951]. Вопрос об употреблении в пищу грибов является спорным. У обских угров грибы

считались «нечистыми», их не ели, коми-пермяки же, напротив, охотно употребляют грибы. Дикорастущие растения употреблялись сырыми, после предварительного обжаривания, были объектами варки на субстрате для приготовления различных блюд из дикорастущих и в сочетании с различными продуктами производящего хозяйства. Разнообразны были и способы их консервации: сушка, соление, квашение, замораживание.

Таким образом, система питания в Пермском Предуралье была многокомпонентной, со временем прослеживается устойчивая тенденция к увеличению как употребляемых продуктов, так и ассортимента блюд. Поэтому если, как показывают новейшие работы антропологов, в VI-IX вв. из-за погрешностей в питании возникали тяжелейшие формы рахита и другие отклонения в развитии, то позднее уровень жизни и питания значительно повысился.

Список литературы

- Арутюнов С.А., 1989.** Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М. С.206-207, 211-212, 219,
Бадер О.Н., Оборин В.А., 1958. На заре истории Прикамья. Пермь. С.63, 191, рис.49/13.
Белавин А.М., 2000. Камский торговый путь. Пермь. С.186
Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск. С.148
Корона О.М., Косинцев П.А., Терехова Л.М., 2002. Растительные продукты в погребальном обряде средневекового населения Сургутского Приобья// Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург – Ханты-Мансийск. С.171
Оборин В.А., 1999. Коми-пермяки //Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск. С. 278-281
Ожегова М.Н., 1971. Коми-Пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-Богатыре. Пермь. С.13, 19, 21, 22, 28, 34-35
Талицкий М.В., 1951. Верхнее Прикамье в X-XIV вв. //Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. В.III. МИА № 22. М.: АН СССР. С.46, 48, 50
Федорова Е.Г., 1996. Система питания манси: взаимодействие различных культурных традиций// Историческое познание: традиции и новации. Ч.1. Ижевск. С.111-112
Фролова В.И., 1979. Новые материалы к характеристике культурных и сорных растений болгарских полей в окрестностях Биляра // Новое в археологии Поволжья. Казань. С.140
Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г., 1979. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в к. XIX – н. XX в. М. С.95

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Л.А. Орлова

Институт геологии СО РАН, Новосибирск

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ*

Проблема абсолютной датировки древнетюркских памятников продолжает оставаться наиболее актуальной в рамках изучения культуры древних тюрок Южной Сибири и Центральной Азии. Используемый для датирования традиционный метод *типологического подразделения* тех или иных категорий массового погребального инвентаря является достаточно ограниченным и служит, в первую очередь, для выявления *эволюционного ряда* в развитии категорий предметов, их встречаемости друг с другом и относительной – как правило, в пределах двух столетий – датировки самих погребальных и поминальных комплексов.

Исследователи строят свои хронологические схемы на основе дробной типологии массового археологического материала и сопоставления полученных групп предметов с относительно узко датированными предметами импорта, либо монетными находками [Гаврилова, 1965; Амброз, 1971а, 1977б; Кызласов И.Л., 1983 и др.]. Сама процедура построения типологии во многом остается субъективной, а монеты и узко датированные предметы импорта не являются однозначным и безусловным основанием для датировки. Следствием этого являются значительные разногласия исследователей в датировке, достигающие иногда разницы в три столетия, а также разногласия в определении этнической принадлежности тех или иных раннесредневековых памятников.

Кроме того, предметы импорта и монеты являются редкими находками в древнетюркских погребениях Алтая (исключение составляет, пожалуй, лишь китайский шелк). Это обстоятельство ещё более затрудняет датирование древнетюркских памятников.

Датирование раннесредневековых древностей степной полосы Евразии имеет специфическую особенность, заключающуюся в тесной взаимосвязи хронологической и этнокультурной интерпретации. Абсолютное датирование раннесредневековых древностей не менее важно точного определения даты археологических памятников более раннего периода (эпохи бронзы или скифского времени), т.к. при интерпретации того или иного археологического объекта позволяет опереться на исторические факты и свидетельства, имеющиеся в письменных источниках. Благодаря руническим текстам собственно тюркоязычных народов Центральной Азии, а также летописям и династийным хроникам Китая, Византийской империи и других оседло-земледельческих государств, нам известна достаточно подробная историческая канва и имена крупных и мелких кочевых этносов и народностей степной полосы Евразии. Ошибка в датировании раннесредневекового памятника даже в 50 лет может привести к различным историко-культурным интерпретациям и выводам.

Культурно-хронологическая схема, разработанная А.А. Гавриловой [1965] для раннесредневековых древностей Алтая и используемая поныне, подразделяет историю региона на периоды в два столетия: 1 – одинцовский (IV–V вв.); 2 – берельский (V–VI вв.); 3 – кудыргинский (VI–VII вв.); 4 – катандинский (VII–VIII вв.); 5 – сrostкинский (VIII–X вв.); 6 – часовенногорский (XIII–XIV вв.). Как можно заметить, периоды охватывают достаточно протяженный отрезок времени в два столетия и граница между ними весьма условна – один и тот же памятник может быть отнесен как к одному, так и к другому периоду. Кроме того, под большинством

---

* Работа выполнена в рамках проектов «Древние кочевники Алтая и Центральной Азии: среда обитания, культурогенез, мировоззрение» и «Развитие комплекса методов абсолютного и относительного датирования древностей Сибири и Центральной Азии» по программе Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», а также в рамках научной школы академика В.И. Молодина №НШ-6568.2006.6.

твом периодов подразумеваются разнокультурные и разноэтничные памятники. Тем самым, хронологическая и этнокультурная характеристика в данной схеме остаются неразделенными.

По нашему мнению, самое детальное типологическое подразделение материала не позволяет достаточно обосновано распределить его (а значит и собственно погребально-поминальные памятники) по этапам-периодам даже в пределах одного столетия. Подобные попытки в большей степени являются декларативными [Горбунов, Тишкин, 2002]. Для этого совершенно необходимо использование методов естественных наук: радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование. Одним из первых шагов в этом направлении можно считать полученную небольшую откалиброванную серию радиоуглеродных дат для раннесредневековых погребально-поминальных памятников Российского Алтая, приведенную ниже в таблице. # [Часть радиоуглеродных дат (шифры: СОАН-1671, СОАН-1672, СОАН-1136, СОАН-1137) была выполнена Л.В. Фирсовым в лаборатории геохронологии Института геологии и геофизики СО АН СССР и опубликована ранее [Кубарев В.Д., 1979, с. 136, Орлова, 1995б, с. 209-210]. Остальные восемь определений выполнены в той же лаборатории Института геологии Л.А. Орловой и впервые вводятся в научный оборот. Их совместная публикация диктовалась необходимостью сведения в одну серию датировок для раннесредневековых памятников Алтая и калибровкой дат, полученных в 1970–80-х годах. Нами приведены все радиоуглеродные даты раннесредневековых памятников, включая те, которые являются заведомо ошибочными, т.к. даже не относятся к древнетюркской эпохе (СОАН-1137, СОАН-5915, СОАН-5918). Причины подобных ошибок могут быть различными и возможно позднее этому будет найдено своё объяснение].

№ п/п	Объект (курган, оградка)	Дата, л.н.	Шифр	Калиброванная дата(±σ), г. н.э.	Материал
1	Юстыд XII, кург. 28	1345±25 лет	СОАН- 1671	650-758	Дерево
2	Юстыд XII, кург. 29	1300±30 лет	СОАН-5914	660-777	»
3	Юстыд, скальное погр.	1365±45 лет	СОАН- 5916	604-767	»
4	Барбургазы I, кург. 20	3015±35 лет	СОАН- 5915	1389-1129 гг. до н.э.	»
5	Ак-Кобы, кург. у изваяния	1930±65 лет	СОАН- 5918	51 г. до н.э. –239 г. н.э.	»
6	Уландрык I, кург. 10	1460±35 лет	СОАН- 5921	539-657	Кость
7	Калбак-Таш, кург. 2	1120±25 лет	СОАН- 5920	886-987	Дерево
8	Камтыттугем, скальное погр.	1015±35 лет	СОАН- 5917	979-1151	»
9	Кызыл-Шин, оградка	1535±60 лет	СОАН- 5919	407-645	»
10	Дьер-Тобе, оградка	1025±25 лет	СОАН- 1136	981-1029	Уголь
11	Дьер-Тобе, оградка	1690±50 лет	СОАН-1137	240-435	Дерево
12	Юстыд, оградка № 2	1070±25 лет	СОАН-1672	897-1019	Дерево

Калибровка радиоуглеродных дат позволила получить отрезки календарного времени, в рамках которых и было совершено то или иное погребение. Как правило, они охватывают одно столетие или несколько его превышают. Значение радиоуглеродного датирования для древнетюркских погребений Алтая чрезвычайно велико, т.к. оно позволяет сузить датировку конкретных памятников с двух до одного столетия и получить ряд опорных дат для датирования как уже исследованных, так и новых памятников. Как и предполагалось, сооружение двух курганов (№ 28 и 29) в одном и том же могильнике Юстыд XII оказалось близким друг другу по времени сооружения. Оно приходится на середину VII – середину VIII вв. Радиоуглеродное датирование позволило сузить дату сооружения скального детского погребения на р. Юстыд до почти полутора столетий (604–767 гг.), что является несомненным успехом, учитывая отсутствие в этом захоронении каких-либо датирующих предметов. К наиболее раннему периоду в данной серии древнетюркских памятников относится погребение кургана 10 могильника Уландрык I (539–657 гг.), а к наиболее позднему – курган 2 могильника Калбак-Таш (886–987 гг.). Датировка калбак-ташского погребения позволяет говорить о том, что древнетюркских погребений выходящих за пределы I тысячелетия пока неизвестно. В тоже время древнетюркская оградка из местности Дьер-Тобе по одной из наиболее достоверных дат (СОАН-1136) датируется концом I – началом II тысячелетия (981–1029 гг.). Другая оградка (№ 2) с р. Юстыд также датируется этим поздним периодом (897–1019 гг.). Для ещё одной оградки – из местности Кызыл-Шин получена напротив ранняя дата – предтюркское и раннетюркское время (407–645 гг.). Вероятно, такой большой интервал в два с половиной столетия в датировке этой оградки можно объяснить возрастом образца лиственницы, использованной для радиоуглеродного датирования. Он насчитывает примерно 350 лет.

Наиболее ранним памятником в рассматриваемой серии выступает погребение кургана 10 в могильнике Уландрык I. Наши наблюдения относительно некоторых ранних категорий сопроводительного инвентаря (на-

пример, роговой наконечник стрелы с раздвоенным насадом, поясные бляшки-оправы с заклепками с лицевой стороны и др.), происходящих из данного погребения, подтверждает и его радиоуглеродная дата (539–657 гг.). По классификации Гавриловой А.А. уландрыкское погребение принадлежит к кудыргинскому этапу (VI–VII вв.) [1965, с. 51], однако по предметному комплексу оно разительно отличается от кудыргинских захоронений. Это может говорить об их синхронности и разной этнокультурной принадлежности.

Радиоуглеродное датирование не является панацеей для решения проблемы датировки раннесредневековых памятников степной зоны Евразии. Нерационально отказываться от традиционного метода типологических разработок и выявления характерных групп предметов и черт погребального обряда, вероятно, отвечающему определенному временному промежутку. Напротив археологическая датировка (как правило, она подразделяет историческую эпоху на периоды в два столетия) полученных подобным образом групп памятников должна верифицироваться большим числом радиоуглеродных, а также дендрохронологических определений.

Необходимо получение целой серии радиоуглеродных датировок, т.к. выявление хронологических границ археологической культуры, её членение на хронологические этапы не может опираться на единичные радиоуглеродные даты. Совокупность хронологических определений для отдельной культуры должна составлять 70–100 датировок. Например, только для памятников аварской эпохи с территории Центральной Европы к настоящему времени получена очень представительная серия из 160 радиоуглеродных [Stadler, 2005, S. 44,]. Тогда как число радиоуглеродных определений для раннесредневековых памятников Алтая едва превышает 10 датировок.

Учитывая тесную взаимосвязь хронологической и этнокультурной интерпретации раннесредневековых памятников, представительная серия радиоуглеродных дат позволит более обоснованно судить об этнокультурной обстановке на Алтае в рассматриваемую эпоху. Таким образом, необходимым представляется проведение дальнейшего радиоуглеродного датирования материалов древнетюркских памятников, а также его сочетание с дендрохронологическим анализом.

Список литературы

- Амброз А.К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. – 1971а. – № 2. – С. 96–124.
Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. – 1971б. – № 3. – С. 106–135.
Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ, как источник по истории алтайских племен. – М.-Л.: Наука, 1965. – 144 с.
Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – С. 227–229.
Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135–161.
Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X – XIV вв. // САИ. – 1983. – Вып. Е3-18. – 128 с.
Орлова Л.А. Радиоуглеродный метод датирования в археологии // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: ИАЭТ. – 1995а. – Ч. I. – С. 87–97.
Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: ИАЭТ. – 1995б. – Ч. II. – С. 207–232.
Stadler P. Quantitative Studien zur Archäologie der Awaren I. In: Mitteilungen der Prähistorischen Kommission. Bd. 60. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. – 238 S., 209 Tafel.

Н.В. Лопатин*Институт археологии РАН, Москва*

НОВОЕ В РАННЕСЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Многие вопросы археологии ранних славян остаются дискуссионными. К таковым относятся этническое определение конкретных групп древностей как славянских, а также время, пути и характер заселения славянами лесной зоны Восточной Европы.

Хорошо известны острые углы проблемы «этнос и археологическая культура», к дискуссиям по которой возвращается каждое поколение археологов. Многие известные ученые справедливо предостерегают от прямолинейного отождествления археологических древностей, особенно относящихся к дописьменным временам, с историческими этносами. Иногда приходится слышать и заявления о том, что археология не вправе изучать этногенез, а должна ограничиваться культурогенезом. Однако следование этому принципу означало бы, что археолог будет безучастным к истории современных народов, а это невозможно, тем более, если речь идет об истории собственного народа. Поэтому, если существует даже малейшая возможность использовать археологические источники для решения этногенетических проблем, эта тематика будет в археологии существовать и развиваться.

Археологическая аргументация этнической истории состоит главным образом в рассмотрении развития культурных остатков (древностей) вплоть до времени письменных источников и зарождения национальных государств, а также в сопоставлении культурных процессов в нескольких взаимосвязанных регионах. Важнейшим постулатом, лежащим в основе нашей уверенности в возможности изучения этногенеза по археологическим данным, является то, что преемственность культурных традиций наилучшим образом существует в рамках языкового единства, которое и обеспечивает передачу культурно значимой информации.

В последние десятилетия всё более авторитетной становится концепция отождествления киевской археологической культуры (культурно-исторической общности) с ядром раннего славянства (или существенной частью этого ядра) (П.Н.Третьяков, Е.А.Горюнов, Р.В.Терпиловский, А.М.Обломский и др.) [Терпиловский, 1984, с.83–85]. Крупнейший специалист по раннеславянской археологии В.В.Седов в целом отстаивал альтернативную точку зрения, относя киевскую культуру и наследующую ей колочинскую к числу культур балтских народов. В результате на его этно-культурных картах эпохи Великого переселения народов и получился «балтский заслон» между южной частью славянского мира (пражская и пеньковская культуры) и северной (длинные курганы). В то же время, в некоторых публикациях В.В.Седова позднего периода есть замечание, что, возможно, киевская культура представляет особую ветвь ранних славян [Седов, 2002].

Что касается киевской культуры на территории лесной зоны, то отсутствие развернутых публикаций этих материалов (древности типа Абидни в белорусском Поднепровье – верхнеднепровский вариант киевской культуры) в течение 1960-х – 90-х гг. затруднило и замедлило полноценное сопоставление разных вариантов киевской культуры между собой, а также анализ проникновения этих традиций еще дальше на север – в Верхнее Поднепровье и Подвинье. К настоящему времени этот пробел отчасти заполнен [Поболь, Ильютик, 2001 и др.].

К северу от территории верхнеднепровского варианта киевской культуры древности римского времени, отличные от местных культур эпохи раннего железа, стали известны уже с конца 1960-х гг. (работы А.Г.Митрофанова, Г.В.Штыхова, Е.А.Шмидта и др.). Но лишь в 1990-е гг. была сформулирована концепция об их южном происхождении и теснейшей взаимосвязи с киевской культурой [Лопатин, Фурасьев, 1995]. Данная культурная группа именуется «древности круга Заозерье-Узмень», предлагается считать ее западнодвинским вариантом киевской культурно-исторической общности [Лопатин, Фурасьев, в печати]. Важнейшим аспектом

Рис. 1. Керамика памятников круга Заозерье-Узмень.
1, 2 – Ермошино; 3 – Бельчица; 4, 5, 10, 11, 14, 15 – Узмень; 6 – Городок; 7–9 – Заозерье;
12 – Новое Село; 13 – Фролы.

анализа западнодвинского варианта является изучение лепной керамики, находящей аналогии в киевской культуре как верхнеднепровского, так и деснинского вариантов (рис. 1).

Таким образом, киевская культура определила перспективу культурогенеза днепро-двинского региона. Следовательно, этническая интерпретация древностей круга Заозерье-Узмень и наследующих им зависит в первую очередь от этнического определения киевской культуры.

Этническая принадлежность носителей киевской культуры неоднократно рассматривалась в археологической литературе. Мы присоединяемся к направлению, обосновывающему славянство этой культуры (см. выше). Постепенно накапливаются сведения о том, что целый ряд археологических культур, увязанных и со славянами древних авторов, и с населением ранних славянских государств, развиваются так или иначе на основе киевской культуры. Вероятно, не является исключением и наиболее известная славянская раннесредневековая культура – пражская, – которая предположительно складывается на основе памятников, родственных киевским, в бассейне Припяти [Терпиловский, 2003, с. 427; Гавритухин, Лопатин, Обломский, 2004, с. 45].

Вышеизложенное представление о древностях круга Заозерье-Узмень влечет за собой конкретные взгляды на заселение славянами Северо-Запада России (Новгородской и Псковской земель). Необходимо отметить, что В.В.Седов последовательно развивал идею западного (с территории Повисленья) происхождения славян Северо-Запада [Седов, 1999], приводя археологические аргументы и привлекая выводы лингвистов. В первую очередь это результаты исследования древненовгородского диалекта, выполненного А.А.Зализняком. Однако западные связи, прослеженные В.В.Седовым по металлическим вещам, не обязательно свидетельствуют о массовой миграции населения (подробнее см.: [Лопатин, 2006]). Не столь однозначны в последние годы и выводы лингвистов. Фактически и сам А.А.Зализняк, и его единомышленники, и критики сходятся на том, что арха-

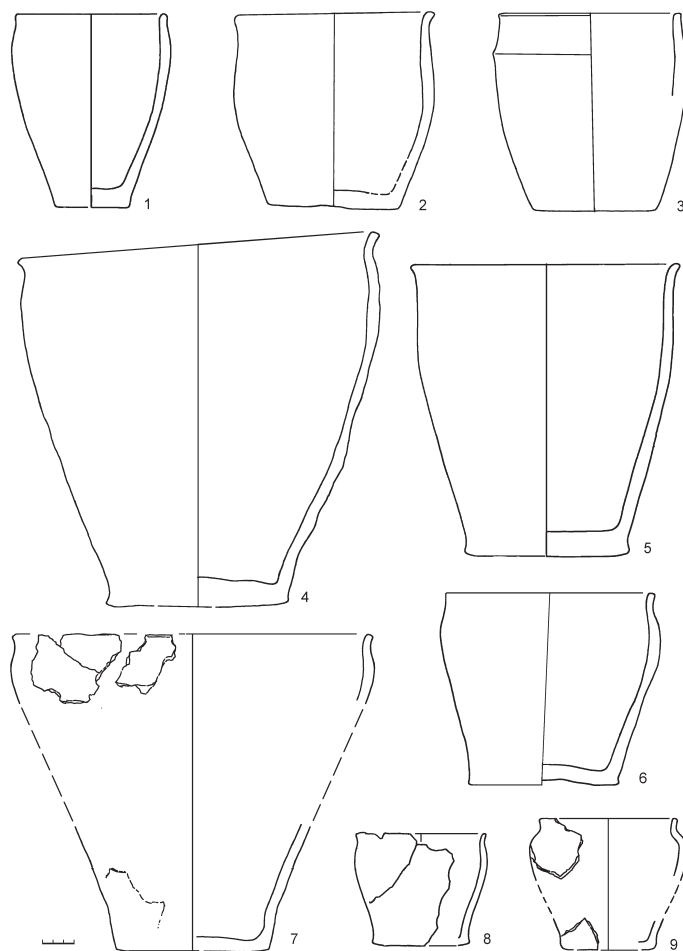

Рис. 2. Керамика культуры псковских длинных курганов (1–6) и ранней Руси (7–9).
1, 5 – Жабино; 2 – Жеребятино; 3 – Грядище; 4 – Михайловское; 6 – Подол; 7–9 – Изборск.

ичный славянский диалект, отраженный новгородскими берестяными грамотами, сближается определенными признаками с самыми разными славянскими языками, и отнюдь не только с западными [см., напр.: Зализняк, 1995; Шустер-Шевц, 1998].

На основе древностей круга Заозерье-Узмень формируются более поздние культуры – типа Тушемли-Банцеровщины и псковских длинных курганов [Лопатин, Фурасьев, 1995].

В результате исследования керамики культуры псковских длинных курганов намечены локальные (или локально-типологические) варианты ее наборов [Лопатин, 2003]. Все они связаны с разными вариантами киевской культуры, и в первую очередь с западновинским вариантом. Некоторые из намеченных вариантов, очевидно, являются тупиковыми (рис. 2: 2, 3, 5), другие же могут являться звеньями эволюционной цепочки, тянущейся от киевской культуры через культуру псковских длинных курганов к древностям ранней Руси Северо-Западного региона (рис. 2: 1, 4, 6–9).

Итак, в ходе дискуссии между сторонниками западного и южного происхождения «новгородцев», которая длится уже более столетия, получает новые аргументы концепция заселения Северо-Запада Руси славянами с юга, из Поднепровья.

Список литературы

Гавритухин И.О., Лопатин Н.В., Обломский А.М., 2004. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель.

Зализняк А.А., 1995. Древненовгородский диалект. М.

Лопатин Н.В., 2003. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА, вып. 214. М.

Лопатин Н.В., 2006. Основные концепции заселения славянами Северо-Запада Русской равнины // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г., 1995. О роли памятников III-V вв. в формировании культур Псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник, вып. 9. СПб.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г., в печати. Северные рубежи раннеславянского мира (монография).

Поболь Л.Д., Ильютик А.В., 2001. Жилища второй четверти I тыс. н.э. из поселения Абидня (по материалам раскопок 1960 г.) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі, № 3. Мінск.

Седов В.В., 1999. Древнерусская народность. М.

Седов В.В., 2002. Освоение славянами Восточноевропейской равнины // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.

Терпиловский Р.В., 1984. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев.

Терпиловский Р.В., 2003. Некоторые дискуссионные проблемы археологии и истории ранних славян // Stratum plus. 2001-2002, № 5.

Шустер-Шевц Х., 1998. К вопросу о так называемых праславянских архаизмах в древненовгородском диалекте русского языка // Вопросы языкознания, № 6.

Л.Д. Макаров*Удмуртский государственный университет, Ижевск*

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ПРИКАМЬЯ

По мере заселения северных районов Прикамья выходцами из Древней Руси шли процессы взаимодействия с местными финно-угорскими племенами, что нашло отражение в различных источниках, в т.ч. и археологических. В отечественной исторической науке сложилось представление о славяно-финском этнокультурном синтезе, как факторе, влиявшем на особенности процесса феодализации у народов иноязычной периферии, находившихся на дофеодальной стадии развития, под влиянием общественных структур Древней Руси. При этом выделялось три варианта синтеза: активный, уравновешенный, замедленный [Кизилов, 1984, с. 24-25]. Археологи также внесли свою лепту в разработку особенностей колонизации в районах активного синтеза (Волго-Окское междуречье, Костромское Поволжье, Русский Север [Рябинин, 1997, с.242-243], а также в ареале уравновешенного синтеза: (Карелия, Пермь Вычегодская [Археология, 1997, с.661-670], Верхнее Прикамье [Оборин, 1990, с.70-83; Макаров, 2001, с. 23-30; 2005, с. 129-131], Вятская земля [Макаров, 2001, с. 13-20; 2005, с. 131-132]). Бассейн р. Чепцы, судя по всему, являлся районом замедленного синтеза, поскольку, находясь на периферии Верхнего Прикамья и Средней Вятки, не был столь активно связан с русскими землями [Иванова, 1998, с. 205-208; Иванов, 1998, с. 149-170; Макаров, 2001, с. 21-22].

Особенности русской колонизации упомянутых выше регионов Северного Прикамья (Вятка, Верхняя Кама, Чепца) не раз рассматривались автором [Макаров, 2001, с.13-30]. Однако остается ряд проблем, требующих дальнейших усилий исследователей.

С тех пор как в свое время перечень слабо разработанных в истории Вятки проблем был озвучен (Макаров, 1992, с.45), часть из них удалось более или менее удовлетворительно разрешить. Отметим их. Истоки колонизации связаны с различными регионами Владимиро-Суздальского княжества и Новгородской земли, а опосредованно – и с выходцами из Южной Руси. Начало древнерусского заселения относится к домонгольскому времени, что подтверждается археологическими данными и сведениями местных источников. Колонизация вятского бассейна носила характер сочетания двух основных форм: стихийной (крестьянской) и дружинной (из новгородских и великокняжеских земель). Первоначально на Вятке сложилось несколько (от двух до четырех) древнерусских общин [Макаров, 2001, с.36-37, рис.26]). Затем происходит слияние общин в единое образование “Вятская земля” с центром в Вятке-Хлынове, имевшее вечевую форму правления, однако отличную от таковой в Новгороде и Пскове и происходящую, по-видимому, из вечевых структур с территории княжеств Северо-Восточной Руси. Предполагается участие в сложении и управлении Вятской земли представителей абригенной знати. Большинство городов на Вятке возникает не в XIV-XV вв., а в конце XII-XIII в., хотя их городской статус действительно фиксируется в документах конца XIV – начала XV вв.

Из числа проблем древневятской истории, остающихся решенными предположительно, отметим, в первую очередь, слабо представленный начальный этап колонизации, имеющий чрезвычайно малое число ранних находок (XII-XIII в.) и особенно их связь с хорошо стратифицированными комплексами. Не все вопросы сняты по хронологии древнерусской керамики и ее этнокультурным группам. Несмотря на очевидные успехи в изучении местных письменных источников, все же остаются не ясными отдельные сюжеты, которые могут быть решены археологическими методами. По-прежнему слабо исследуются, а потому не используются данные этнографии, топонимики, лингвистики, фольклористики.

Исследование средневековых древностей Верхнего Прикамья многие годы проводилось В.А. Обориним и его учениками [Оборин, 1990]. Однако древнерусские памятники изучались при этом не как объект специального исследования, а как один из средневековых археологических источников. По согласованию с В.А. Обориним автор обобщил выявленные на тот момент материалы [Макаров, 2001, с. 23-30, рис. 66-80]. К настоящему времени известно 55 памятников с древнерусскими импортными (славяно-финскими, скандинавскими, западноевропейскими)

находками [Макаров, 2001, рис. 1, 66, 69, 80]. Вместе с тем, удалось показать, что уже в XIII в. началось проникновение русских поселенцев в Верхнее Прикамье, а с XIV – начала XV в. наблюдается массовая русская колонизация, о чем свидетельствуют материалы около 25 памятников региона, причем на поселениях зафиксировано проживание смешанного русско-пермяцко-зырянского населения [Макаров, 2005, с. 130].

К числу спорных проблем русской колонизации Верхнего Прикамья по-прежнему относятся вопросы соотношения здесь русско-болгарского присутствия в XIII-XV вв., зарождения государственности в XIV – первой половине XV в., степень участия аборигенного компонента в управленческих структурах Перми Великой, происхождение великопермских удельных князей. На повестке дня и археологическое выявление летописных городков – Анфаловского, Урала, Покчи, древнейшего Соликамска.

Проблемы древнерусского компонента на памятниках чепецкой культуры также решены пока явно недостаточно. Не вызывает сомнений древнерусский импорт сюда в X-XII вв., зафиксировано присутствие древнерусских поселенцев в XII-XIII вв., выявлена роль русских ремесленников в чепецкой экономике X-XIII вв. Необходимо определить влияние древнерусского гончарства на керамическое производство чепецкого населения, роль русских купцов во внешних сношениях Чепцы и судьбу чепецкого населения после монгольского нашествия. Пока нет бесспорных данных и о взаимоотношениях Вятской земли и населения бассейна р. Чепцы.

Остальные регионы Прикамья отнесены Ю.А.Кизиловым к зоне замедленного типа общественно-политического синтеза [Кизилов, 1984], с чем, по-видимому, следует согласиться, поскольку, действительно, вовлечение их в сферу влияния Русского государства началось позднее и проходило менее интенсивно. Значительно сильнее по своему влиянию здесь были позиции тюркских или угорских племен и государственных образований. Так, на развитие финно-пермских и угорских племен Юго-Восточного Прикамья (бассейны Сылвы и Белой, Среднее Прикамье) в домонгольское время социально-политическое и культурное воздействие оказывали мадьяры, а после их оттока эти районы вошли в зону влияния башкирских племен и Волжской Болгарии. Тем не менее, археологические материалы фиксируют появление и здесь русских материалов. Так, в бассейне Сылвы обнаружено 15 поселений с древнерусской керамикой XIII-XVI вв. и отдельными предметами. В бассейне Белой русских вещей выявлено немного, в основном это случайные находки, но на р.Ай обнаружено 6 поселений с русской посудой XIV-XV вв. Несколько поселений с керамикой XIII-XV вв. найдено в Среднем Прикамье, известны и отдельные случайные находки в т.ч. древнерусский змевик XIV в. [Макаров, 2001, с.31-33, рис.81-83]. В целом, этот регион обеспечен русскими источниками весьма слабо, поэтому и вопросов в освещении раннего этапа русской колонизации его больше, чем ответов.

Нижнее Прикамье ранее других районов бассейна Камы стало заселяться выходцами с территории Древней Руси: еще по сведениям Ибн-Фадлана (922 г.) здесь упоминаются русы и славяне, как более или менее постоянные обитатели столицы Волжской Болгарии. Имеются и немногочисленные материалы X-XI вв. В городах удалось обнаружить и исследовать русские ремесленные комплексы, полуземляночные и наземные жилища и достаточно многочисленный и разнообразный материал XI-XV вв. [Хлебникова, 1956; Полубояринова, 1993; Макаров, 2001, с.7-12, рис.1-23]. Однако остались и нерешенные проблемы: пока выявлены единичные погребальные комплексы; слабо исследованы сельские поселения; неизвестны православные постройки, хотя обнаружена значительная коллекция культовых предметов; требует уточнения социальный состав русских поселенцев и их положение в болгарском обществе

Список литературы

- Археология** Республики Коми. – М.:ДиК, 1997. – 758 с.
- Иванова М.Г.** Иднакар: древнеудмуртское городище IX-XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ Уро РАН, 1998. – 294 с.
- Иванов А.Г.** Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья: конец V – первая половина XIII в. – Ижевск: УИИЯЛ Уро РАН, 1998. – 309 с.
- Кизилов Ю.А.** Земли и народы России в XIII-XV вв. – М., 1984. – 160 с.
- Макаров Л.Д.** Некоторые проблемы славянской колонизации бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. – Ижевск: Изд-во Удм. Ун-та, 1992. – С. 44-51.
- Макаров Л.Д.** Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. – Ижевск: Издательский дом “Удмуртский университет”, 2001. – 143 с.
- Макаров Л.Д.** Этноопределяющие маркеры в археологии и проблемы славяно-финского этнокультурного синтеза // Вестник Удмуртского университета. – 2005. – №7. – С.124-135.
- Оборин В.А.** Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 168 с.
- Полубояринова М.Д.** Русь и Волжская Болгария в X-XV вв. – М.: Наука, 1993. – 123 с.
- Рябинин Е.А.** Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. – СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та, 1997. – 260 с.
- Хлебникова Т.А.** Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК – Вып. 62. – М., 1956. – С. 141-146.

Н.А. Макаров, С.Д. Захаров
Институт археологии РАН, Москва

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Средневековые селища – самая многочисленная и малоизученная категория археологических памятников на Русской равнине. Общее число селищ с культурными напластованиями второй половины X–XIII вв., выявленных в настоящее время на территории Европейской России, составляет несколько тысяч. При этом по имеющимся на сегодняшний день данным в Центре и на Севере Европейской России раскопки на площади более 80 м производились всего на 62 селищах этого времени. Таким образом, лишь ничтожная часть общего массива древнерусских селищ затронута раскопкам. Понятно, что современные научные знания о древнерусской деревне формировались при значительном дефиците конкретного археологического материала, характеризующего культуру, хозяйство и социальный облик сельских поселений.

Эта ситуация во многом объясняется самим характером древнерусских селищ как археологических объектов. При всех индивидуальных и региональных различиях, в массе своей это памятники с небольшим по мощности культурным слоем, перемешанным распахкой. Длительная распахка затрудняет не только стратиграфическое расчленение слоя, но и реконструкцию планировки поселений, на которых остатки жилищ плохо читаемы. Результаты широких раскопок некоторых селищ, проведенных в 1950–60-е гг., отчасти разочаровали исследователей, переориентировав изучение древнерусской деревни на выявление поселенческих структур без вскрытия значительных площадей. Повторное обращение к стационарным раскопкам потребовало серьезной модернизации методов полевых работ, поиска более эффективных приемов исследования, предполагающих, в частности, более тонкую разборку культурного слоя, более полный сбор артефактов и широкое привлечение естественнонаучных методов для сбора и изучения палеоэкологических остатков.

Одним из крупных полевых проектов по изучению средневековых сельских поселений на северных окраинах Руси, выполненных в последнее десятилетие, стало исследование Мининского археологического комплекса на Кубенском озере в 70 км от Вологды. Выбор Мининской группы памятников для многолетних исследований определялся как необычной для северных поселений сохранностью культурного слоя, погребальных комплексов и ландшафтного контекста, так и географическим положением этого гнезда поселений, находящегося на пограничье той области, в которой археологически зафиксированы крупные стационарные поселения конца X–первой половины XIII вв. Мининский комплекс состоит из трех селищ общей площадью около 4,5 га, грунтового могильника и обнаруженных на его площадке остатков железодельного производства. За 9 лет раскопок комплекса на могильнике (Минино II) удалось исследовать остатки не менее 81 погребения с инвентарем второй половины X – начала XIII вв., а на двух синхронных ему селищах (Минино I и Минино VI) изучить около 900 кв. м культурного слоя. Раскопки в Минино с самого начала были ориентированы на возможно более тонкую разборку культурных напластований, тщательную фиксацию деталей стратиграфии и планиграфии и максимально полное извлечение артефактов из слоя, включая масштабную промывку и просеивание грунта с использованием металлических сит и промывочных столов. Благодаря промывке и просеиванию удалось собрать около 40% всех находок на поселениях. Просеивание гумусированного слоя на могильнике обеспечило полный сбор кальцинированных костей и небольших фрагментов пережженных вещей, рассеянных по всей площадке могильника и незаметных при ручной переборке грунта.

Другим принципиальным моментом стратегии полевых работ в Минино был возможно более полный сбор разнообразных палеоэкологических материалов, характеризующих природную среду и хозяйственную деятельность обитателей поселений. В раскопах собраны обширные карпологические и палеозоологические коллекции и серия образцов для датирования по C^{14} . Целенаправленный сбор палинологических материалов

позволил характеризовать палеосреду мининского микрорегиона на различных хронологических срезах. Особое значение приобрело комплексное исследование поселений и соответствующего им некрополя, открывающее дополнительные перспективы для изучения культурной ситуации и динамики освоения микрорегиона.

Тонкие методы разборки культурного слоя позволили получить огромную коллекцию вещей, насчитывающую более 10 000 предметов, из которых более 7 000 связаны с селищами. Это превосходит по численности все другие вещевые собрания, обнаруженные на древнерусских сельских поселениях. Стоит отметить, что на селище Введенское под Ярославлем, где раскопками вскрыта наиболее значительная площадь, в пять раз превышающая площади раскопов в Минино, найдено в 3 раза меньше артефактов. Даже если учесть присутствие в коллекции мелких малоинформативных обломков вещей, мининское собрание дает неизмеримо более полное представление о культуре, хозяйстве и повседневной жизни сельских поселений севера, чем коллекции других близких по характеру памятников.

Важным результатом раскопок в Минино можно считать обнаружение остатков семи жилых сооружений и специализированной постройки, связанной с обработкой цветных металлов. Сельское домостроительство до сих пор остается слабо разработанной темой в древнерусской археологии. Поэтому материалы, полученные в ходе раскопок, в первую очередь на селище Минино I, отличающемся относительно хорошей сохранностью культурных напластований, могут представлять значительный интерес. Именно на этом селище, несмотря на малую вскрытую площадь (300 кв. м), удалось выявить 6 жилых домов и ювелирную мастерскую. Тщательный анализ вещевого материала, стратиграфической ситуации и радиоуглеродных дат, свидетельствует о том, что исследованные дома относятся ко всем этапам жизни селища. Наиболее ранний дом функционировал во второй половине X – XI вв., а две наиболее поздние постройки датируются второй половиной XII – первой половиной XIII вв.

Из-за небольшой площади раскопов только две постройки были вскрыты полностью. Кроме того, выгодно отличаясь от других поселений группы хорошей сохранностью, Минино I относится, тем не менее, к разряду памятников с так называемым “сухим” культурным слоем. Средневековые напластования здесь сильно спрессованы и при небольшой мощности имеют значительную хронологическую емкость. В таких условиях не всегда удается однозначно определить границы построек и особенности внутренней планировки, что делает равновероятными несколько вариантов их реконструкции. Самым эффективным способом решения этого комплекса вопросов стал планиграфический анализ распределения различных категорий материала в напластованиях, относящихся ко времени существования построек. Наблюдения за изменением плотности залегания вещей, керамики, костей животных и рыбы, печной обмазки и печных камней внутри и за пределами построек наилучшей сохранности позволили выявить определенные закономерности в их распределении. Важно отметить, что фиксация многих деталей и нюансов стала возможной лишь благодаря огромным размерам анализируемой коллекции, значительная часть которой была получена в ходе промывки и просеивания слоя. В ряде случаев удалось предположительно установить и положение таких трудноуловимых археологически деталей, как дверные проемы. Прослеженные закономерности были использованы при исследовании остальных построек, отличающихся худшей сохранностью. Сопоставление планов расположения фрагментов дерева от стен и распределения камней от развалов печей с результатами планиграфического анализа всех групп археологических находок позволило предложить наиболее обоснованные варианты реконструкции построек, их размеров, ориентировки и внутренней планировки.

Все выявленные жилые постройки представляли собой наземные прямоугольные дома срубной конструкции. В качестве фундаментных опор часто использовали крупные плоские камни, положенные на землю. Необходимо отметить, что все дома, начиная с самых ранних, достоверно реконструируются как двухкамерные постройки с внутренней стеной-перегородкой. Стена разделяла дом на две неравные по площади камеры. Печь всегда ставилась в большей камере. Вход в дом во всех уверенно реконструируемых случаях осуществлялся через неотапливаемую камеру (сени). Дверь располагалась в короткой стене сеней. Лишь в одном случае можно предполагать наличие наружной двери в длинной стене сеней. В тех случаях, когда удастся восстановить положение обеих дверей (внешней и межкамерной), выясняется, что они были максимально удалены друг от друга, находясь в противоположных концах сеней. Вероятно, все жилые дома имели деревянные полы, но их остатки достоверно выявлены лишь в трех постройках. Размеры домов были различны. Самым большим был самый ранний из обнаруженных домов – 6,8 на более чем 6,2 м; площадь отапливаемой камеры около 27 кв. м. Общая внутренняя площадь одного из самых маленьких домов, относящихся к концу XI – первой половине XII в., составляла около 27 кв. м, теплой камеры – более 19 кв. м, сеней – 7 кв. м. Внутренняя площадь теплых камер, определенная у трех домов, колебалась от 19,3 до 26,6 кв. м. От 7 до 20 % этой площади занимали печи.

Именно наличие печи, помимо определенного набора находок, свидетельствует о том, что постройка представляла собой жилой дом, а не хозяйственное сооружение. Все обнаруженные в жилых домах селища Монино I отопительные сооружения представляли собой печи, близкие по своим конструктивным принципам. Они сооружены с использованием камня и глины. Основу конструкции составляли 5-6 крупных камней (размерами до $0,5 \times 0,6$ м), часто поставленных на ребро, которые оконтуривали заполненное глиной пространство подпрямоугольной формы. Размеры печей варьировались от $1,5 \times 1,2$ м до $2,3 \times 1,5$ м, а площадь – от 1,8 до 4,2 кв. м. Количество глины, использованной при их сооружении, колебалось от 532 до 10–25 кг. Стратиграфическая ситуация позволила в одном случае уверенно отделить печные камни, относящиеся к одному развалу печи. Измерения показали, что для сооружения этой печки было использовано около 1 куб. м камней.

Важно отметить и значительную плотность застройки Монино I, которая подтверждается не только общим количеством выявленных построек, но и тем фактом, что три из шести исследованных домов были возведены на месте ранее существовавших сооружений, частично или полностью перекрывая их остатки. Иная ситуация фиксируется на селище Монино VI, культурный слой которого существенно пострадал от многолетней распашки. Здесь, несмотря на в два раза большую вскрытую площадь, выявлена лишь одна достоверно жилая постройка, от которой сохранился только развал печи. Значительная разница отмечается и в насыщенности культурного слоя селищ разнообразными находками. Если на Монино I на 1 кв. м. вскрытой площади приходится в среднем более 17 вещевых находок и около 0,6 кг керамики, то на селище Монино VI эти показатели составляют около 3 предметов и 0,25 кг керамики.

За этими отличиями стоит, вероятно, и существенная разница в плановой структуре селищ. Проведенный анализ показывает, что застройка селища Монино I складывалась не стихийно. В общей организации жилого пространства поселения ощущается определенная система. Несмотря на отсутствие следов деления селища на участки можно говорить о наличии некоторых пространственных ограничений, заставлявших возводить дома на одних и тех же местах, что позволяет считать Монино I поселением с уличной планировкой. На селище Монино VI, напротив, жилые дома располагались более свободно, на значительном удалении друг от друга.

Вместе с тем, прослеживаемые отличия в плановой структуре, плотности застройки и насыщенности культурного слоя разнообразными находками нельзя рассматривать как свидетельство значимых различий в уровне жизни или системах жизнеобеспечения обитателей селищ. По общему набору и качеству находок, структуре вещевых и остеологических коллекций они чрезвычайно близки между собой. Возможно, основную причину различий следует искать в топографических особенностях расположения поселений. Сравнительно небольшая площадка, которую занимало селище Монино I, имела естественные границы и в момент расцвета поселения была застроена почти полностью. В то время как возможности территориального роста селища Монино VI были практически не ограничены. Однако этот показатель можно рассматривать и как проявление определенных различий в статусе поселений.

Таким образом, исследования поселений Мининской археологической группы, располагавшейся на отдаленной северной окраине Руси, позволяют по-новому взглянуть на характер и принципы организации жизни на сельских поселениях. Помимо высокого уровня благосостояния жителей, отразившегося в чрезвычайно яркой и насыщенной коллекции вещевых находок, и фиксации на селищах следов существования различных ремесел, следует отметить факт широкого распространения в сельской среде двухкамерных жилых построек и наличия уличной системы организации пространства поселений. Результаты раскопок свидетельствуют о том, что даже не выделяющиеся по размерам селища, могли представлять собой достаточно сложные образования.

А.Б. Малышев, П.Е. Тугушев
Саратовский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕЙ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (XVI – середина XVIII вв.)

Недостаточное количество письменных источников по данной тематике, и невозможность детально рассмотреть сложные процессы государственной, военной и стихийной (народной) колонизации, вынуждают историков обращаться к другим видам источников: прежде всего к археологическим, и попутно к этнографическим (фольклорным). Нельзя сказать, что данное научное направление не исследовалось историками и археологами. Существует большой пласт научной литературы по изучению засечных линий, других объектов оборонительного зодчества и поселений XV – XVII вв. на территории центральных областей, а также на Средней Волге [Никитин А. В. 1955]. Территория Нижнего Поволжья в этом отношении изучалась значительно меньше, хотя необходимость в подобных исследованиях была осознана ещё в XIX в., представителями Саратовской Учёной Архивной комиссии. Можно сказать, что в настоящее время такие исследования только начинаются [Павленко Ю. А. 2006]. Характеризуя объекты, интересные для данной тематики, необходимо разделить их на несколько групп, согласно специфике памятников.

Наверное, наиболее продуктивным было бы исследование группы городских памятников Нижнего Поволжья XVI – XVIII вв. Однако в Саратовской области современная застройка полностью перекрыла культурные отложения Саратова, Аткарска и Петровска. Предполагаемые места первоначального правобережного и левобережного Саратова застроены дачными массивами.

Наиболее интересной группой памятников представляются городища, оборонительные линии и связанные с ними объекты. Таких городищ на территории Саратовской области известно несколько. Следует добавить, что перспективность их изучения связана также с тем, что эти памятники, хоть и разрушаются, но не застроены современными населёнными пунктами.

Ещё в 1880-е гг. известный саратовский историк А. Н. Минх зафиксировал остатки оборонительной линии на территории современного Петровского района между сёлами Мокрое, Оркино и Вишнёвое. Оборонительная линия, по описанию А. Н. Минха, была насыпана из дикого камня длиной в несколько вёрст и состояла из двух параллельных валов, протянувшихся с юго-запада (со стороны степи) на северо-восток (в лес). Расстояние между валами было примерно 40-50 саженей. Вал, обращённый к юго-востоку был прерывистым. Сам А. Н. Минх назвал это сооружение «оборонительной чертой» и «лесной засекой» на старой дороге Саратов – Петровск, и связал её сооружение с деятельностью русской сторожевой службы в конце XVII – начале XVIII вв. Он также упомянул о мордовских и татарских преданиях, повествующих, о том, что «засака», на самом деле, защищала некое татарское поселение от русских. Кроме того, А. Н. Минх описал объекты, расположенные вблизи «черты»: две «Караульные» горы, гору «Каменный двор», якобы сохранившую стены (возможно городище), и другие о которых сохранились местные предания, связанные с деятельностью разбойников [Минх А. Н. 1881; 1882; 1888; 1910]. Оборонительная линия была осмотрена авторами в 2003 г. Описания А. Н. Минха почти полностью совпадают с результатами осмотра. Расстояние между двумя валами примерно 60 м, а общая длина линии более 1 км. Кроме того, в близи северо-восточной оконечности вала находится курганообразное возвышение.

Другим важным объектом является дозорный городок «Кудеярова гора», расположенный в 1,2 км к северу от с. Лох Новобураского района. Упоминание о Кудеяровой горе и пещере встречается у многих исследователей, однако рассматривать её в контексте оборонительных сооружений стали только с конца XIX в. В 2004 г. на Кудеяровой горе было обнаружено городище. Оно имеет четыре незамкнутых вала с разных сторон и на разных уровнях, а также курганообразное возвышение в северо-западной части памятника [Тугушев П. Е.

2005]. Показательно, что памятник расположен вблизи с. Лох, основанного в конце XVII в. для защиты южных рубежей государства. Топонимика окружающей местности имеет некоторые военные названия: Караульная гора, урочище Пушка, Майоров овраг.

Следующий объект – городище Петровский городок в Саратовском районе Саратовской области. Оно было видимо известно ещё представителям Саратовской Учёной Архивной комиссии [Кротков А. А. 1910]. Вновь памятник был обнаружен В. А. Лопатиным в 1982 г. и был зафиксирован рядом с курганным могильником эпохи средней бронзы [Лопатин В. А., Якубовский Г. Л. 1993]. На городище проводились многолетние сборы подъёмного материала, а также разведочные раскопки. Было обнаружено большое количество русской керамики XVII – XVIII вв., монеты-полушки 1719 г и 1721 гг., подковы, стремя, серп, фрагменты чугунной посуды, рыболовная пешня, средневековый наконечник стрелы. По монетному материалу памятник датируется началом XVIII в. Однако, наконечник стрелы и стремя, возможно, свидетельствуют о присутствии здесь средневековых кочевников. Городище имеет вал высотой до 1,5 м, который защищает его с напольной стороны – с запада, юго-запада, юга и юго-востока. На южном участке вал смыкается с курганообразным холмом [Мальшев А. Б. 2000; Кубанкин Д. А. 2005; Тугушев П. Е. 2006]. Возможно, городище было создано для охраны брода через р. Курдюм.

Ещё одно городище располагалось в 1,5 км к юго-западу от с. Старые Бурасы. На его территории находилась земляная курганообразная насыпь. Село Старые Бурасы было основано в конце XVII – начале XVIII вв., как поселение служилых людей для охраны границ государства [Минх А. Н. 1889]. Данный памятник археологами ещё не посещался. В Волгоградской и Астраханской областях Ю. А. Павленко приводит подобные городищам памятники – постоянные заставы: Круглинскую и Урустобскую, а также выделяет группу промысловых посёлков: Селитренный городок, Чаган, Камызяк, Иванчуг, Уваринский, Бахтемир, Бирюльский [Павленко Ю. А. 2006].

Ещё одна группа памятников – сельские поселения XVII – середины XVIII вв. Они известны во многих правобережных районах Саратовской области по письменным и архивным данным, по находкам отдельных предметов, однако в поле археологических исследований ещё не попали. Возможно, также на территории золотоордынского Укекского городища в XV – XVII вв. в районе переправы существовали сельские или промысловые поселения, так как там были найдены русские, европейские и крымские монеты (XV – XVII вв.) [Юдин А. И. 2003].

Другая группа памятников – грунтовые могильники рассматриваемого периода, которые могли относиться к различным этноконфессиональным группам. О мордовском компоненте в колонизации свидетельствует грунтовый могильник XVII – XVIII вв. в урочище Калма-Лисма (могильный колодец / источник) около с. Старая Яблонка Хвалынского уезда, на котором было исследовано около 30 погребений с большим количеством различных мордовских украшений, изделий, ткани, погребальной пищи и монет времени Петра I. Могильник исследовался в М. А. Радищевым в 1913 г., В. Ф. Ореховым и К. Ю. Гроссом в 1920-х гг. и Н. И. Поповой в 1983-1984 гг. [Радищев М. А. 1913, 1914; Орехов В. Ф. 1926, 1927; Непочатых В. А. 1989]. В 1920-1930-х гг. было обследовано большое количество мордовских могильников в северных районах Саратовской области (в основном в Кузнецком уезде, отошедшем к Пензенской области) [Рыков П. С. 1936]. Известен позднекочевнический могильник на территории Алексеевского городища в Волжском районе Саратова.

Таким образом, можно составить перспективу дальнейших исследований в данном направлении. Наиболее продуктивным представляется изучение городищ и оборонительных линий. Предварительно можно определить, что это укрепленные сооружения с искусственным холмом, оставшимся, наверное, от смотровой и сигнальной вышки. Пространственный анализ памятников позволяет предположить наличие сторожевой линии проходившей по полосе возвышенности заросшей лесом, которая тянется от с. Мокрое Петровского района на северо-восток до с. Калмантай Балтайского района Саратовской области и границ с Ульяновской областью. Также возможны раскопки грунтовых могильников XVI – XVII вв., чтобы проследить размещение местного, оставшегося со времён Золотой Орды населения и пришлого потока мигрантов с севера.

Список литературы

- Кротков А.А.** Об Усть-Курдюмском городке // Труды Саратовской Учёной Архивной комиссии. Т. XXVI. Саратов, 1910. С. 91-96.
- Кубанкин Д.А.** Отчёт об археологических разведках около посёлка Дубки и села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области в 2002 году. Саратов, 2005. С. 14-15.
- Лопатин В.А., Якубовский Г.Л.** Погребения эпохи поздней бронзы у села Усть-Курдюм // Археологические вести. Вып. 1. Саратов. Издательство СГУ. 1993. С. 138.

- Малышев А.Б.** Отчёт об археологической разведке в окрестностях села Усть-Курдюм, от устья реки Курдюм до деревни Расловка Саратовского района Саратовской области в 1999 г. Саратов, 2000. С. 7-10.
- Минх А.Н.** Замедведицкий край по р. Карамыша // Труды Саратовской Учёной Архивной комиссии. Т. I. Вып. 3. Саратов, 1888. С. 282-284.
- Минх А.Н.** Извлечение из историко-географического описания Озёрской волости Саратовского уезда // Мордовский этнографический сборник. СПб. Типография Императорской Академии Наук. 1910. С. 681-689.
- Минх А.Н.** Материалы для истории заселения Саратовского уезда // Труды Саратовской Учёной Архивной комиссии. Т. II. Вып. 1. Саратов, 1889. С. 26-27.
- Минх А.Н.** Поездка в Песчанку, Оркино и Лох // Саратовский сборник. Вып. I. Ч. 2. Саратов, 1881. С. 23-30.
- Минх А.Н.** Саратовский уезд // Саратовский сборник. Вып. II. Саратов, 1882. С. 213.
- Нечепатых В.А.** Материалы к археологической карте Хвалынского уезда и района. Дипломная работа. Саратов, 1989. // Архив Учебно-научной археологической лаборатории исторического факультета Саратовского государственного университета.
- Никитин А.В.** Оборонительные сооружения Засечной черты XVI – XVII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 44. Материалы и исследования по археологии Москвы. М., Издательство АН СССР. 1955. С. 116-214.
- Орехов В.Ф.** Отчёт о Разведках и раскопках в Вольско-Пугачёвском и бывшем Хвалынском уездах. 1927. // Архив Института Истории материальной культуры. № 140. д. 89.
- Орехов В.Ф.** Отчёт о раскопках в Хвалынском уезде. 1926. // Архив Института Истории материальной культуры. ф. 2. оп. 1. № 143.
- Павленко Ю.А.** Хозяйственные занятия, быт и материальная культура русского населения Нижнего Поволжья в позднем средневековье – начале нового времени. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.
- Радищев М.А.** Отчёт о раскопках грунтового могильника у с. Старая Яблонка. 1913. // Архив Института Истории материальной культуры. ф. 1. д. 45. л. 26-27.
- Радищев М.А.** Старо-Яблонский могильник // Труды Саратовской Учёной Архивной комиссии. Вып XXXI. Саратов, 1914. С. 145-148
- Рыков П.С.** Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов. Саратовское краевое издательство. 1936. С. 142-146.
- Тугушев П.Е.** Отчёт об археологических разведках 2005 года в Саратовском районе Саратовской области. Саратов, 2006. С. 8-12.
- Тугушев П.Е.** Отчёт об археологических разведках проведённых в Новобурасском районе Саратовской области в 2004 г. Саратов, 2005. С. 12.
- Юдин А.И.** Увекское городище: правовой статус, проблемы охраны и исследования // Золотоордынскому городу Уеку семь с половиной столетий. Саратов. Издательство Саратовской губернской торгово-промышленной палаты. 2003. С. 68.

А.В. Матвеев, С.Ф. Татауров

Омский государственный университет, Омский филиал объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Омск

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ XIV-XVI вв. В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

В 2003-2005 гг. в северной части Омской области авторами были проведены целенаправленные исследования (поиск и археологические раскопки) памятников, относящихся ко времени существования сибирских ханств (XIV-XVI вв.).

Городище Надеждинка VII было изучено раскопом общей площадью 400 м². Памятник располагается на небольшом останце (250x115 м) коренной террасы левого берега р. Нижняя Тунгуска в 7,2 км к югу от д. Кондратьево Муромцевского района, в 1,7 км от оз. Линево. На верхней площадке останца зафиксирована основная линия обороны, представленная рвом и валом. Ров шириной от 3 до 8 м и глубиной от 0,5 до 0,7 м. Вал шириной 10-17 м и высотой около 1 м. Кроме того, у подошвы останца имеется фортификационное сооружение, оно представляет вытянутый вдоль склона вал, который ограничивает площадку длиной 40 и шириной 10 м. Высота вала - 2-2,5 м, ширина - 2 м.

На городище семь овальных западин, которые в ходе раскопок 2003-2004 гг. были интерпретированы как легкие каркасные жилища (юрты) площадью около 40 м². Стены примыкавших к краю городища домов служили продолжением вала. Внутри жилищ вдоль стен располагались лежанки из тонких жердей и досок, в центре - небольшой очаг. В ходе работ у всех жилищ на остатках деревянных конструкций были зафиксированы следы огня, в очагах и рядом с ними обнаружены целые и разбитые сосуды.

Самый многочисленный комплекс керамической посуды на городище (две трети всей найденной посуды) относится к потчевашской культуре. Посуда орнаментирована уточкой, змейкой, прочерченными линиями, фигурным штампом. Но достаточно большое количество посуды имеет оригинальную профилировку и орнаментальные композиции.

В культурном слое, относящемся к XV-XVI вв., выделяется комплекс фигурноштампованной керамики (по нашему мнению, имеющей корни в посуде потчевашской культуры). Орнамент нанесен штампами, нехарактерными для потчевашской культуры: больших размеров, хуже по качеству, небрежно нанесены. Вместе с тем, подобного рода штампы - довольно обычное дело на татарской посуде XVI-XVIII вв. на памятниках Среднего Прииртышья. Второй комплекс представлен круглодонными баночными сосудами, полностью орнаментированными рядами семейковидных или овальных оттисков гладкого или зубчатого штампа. Эта посуда аналогична керамике с поселений тарских татар XVII-XVIII вв.

В процессе раскопок городища Надеждинка VII в центре жилища №1 был зафиксирован очаг и в нем найдены развалы трех сосудов, два из которых относятся к фигурноштампованной керамике, а один полностью покрыт рядами подтреугольных штампов, характерных для второго керамического комплекса. Исходя из этого наблюдения, можно утверждать о одновременном существовании этих комплексов.

В ходе раскопок установить время сооружения вала не удалось. Вероятно, оно связано с комплексом фигурноштампованной керамики. В заполнении вала фрагментов сосудов не найдено, но на глубине 0,2 м от поверхности был найден небольшой кинжал среднеазиатского происхождения, что позволяет предположить, что определенные подновления вала имели место.

Городище Кошкуль IV находится в 2,8 км от д. Кошкуль Тарского района, в 1 км от городища Кошкуль I (XIII-XIV вв.). Памятник расположен на высоком (до 30 м) мысу коренной террасы р. Уй. Площадь 1100 м² (длина - 56 м, ширина - 42 м). Ров шириной 3-4,2 м, глубиной 0,15-0,35 м и вал шириной 3,9-4,2 м, высотой 1-1,5 м. Поверхность площадки городища возвышается над окружающей местностью на 1,2-1,3 м. На территории памятника расположены шесть насыпей подпрямоугольной в плане формы, которые были интерпретированы, как остатки жилищ.

В 2003-2004 гг. на городище раскопано 76 м². Культурный слой - 0,3-0,6 м содержит многочисленные фрагменты костей крупных и мелких копытных животных, фрагменты орнаментированной и неорнаментированной керамики от 21 сосуда, обмазку, металлургический шлак, 9 индивидуальных находок.

Керамика делится на две группы: керамика XIII-XIV вв. с пережиточными орнаментальными традициями усть-ишимской культуры и посуда, имеющая аналогии в памятниках аборигенного населения южнотаежного Прииртышья и Барабы XVII-XVIII вв. Наличие этих групп позволяет предполагать их одновременное существование или генетическое перерастание одной керамической традиции в другую.

Характер культурного слоя позволяет отнести городище к сезонным поселениям или предположить его кратковременное существование. На его территории были расположены каркасные жилища подпрямоугольной в плане формы. Керамический комплекс городища Кошкуль IV занимает хронологический отрезок между XIV и XVI вв.

Екатерининское V (Ананьевское городище)

Памятник находится в Тарском районе Омской области, в 3,5 км от с. Екатерининское, на остром подтреугольном мысу террасы (14-16 м) правого берега р. Иртыш. Площадь 2200 м². Система укреплений представлена внутренним валом (высота – 1,75 м, ширина – 4-5 м), рвом (глубина до 1 м, ширина – 3-4 м.) и внешним валом (высота до 0,4 м, ширина – 3-5 м.).

Городище было исследовано в 1945 г. В.Н. Чернецовым и в 1962 г. В.А. Могильниковым, который датировал городище XIII-XVI вв.

В 2005 г. раскопано 200 м². Зафиксированы остатки пяти слабоуглубленных наземных жилищ с печами закрытого типа (чувалами), а также четырех хозяйственных построек. В котлованах обнаружена керамика раннего и позднего средневековья.

В ходе выборки культурного слоя на территории раскопа были получены две группы керамики. Первая группа – посуда потчевашской археологической культуры VI-IX вв. Она имеет аналогии в материалах Логиновского городища на р. Ишим в Тюменской области и Новоягодного II городища в Знаменском районе Омской области.

Вторая группа керамики – фрагменты керамических сосудов позднего средневековья. Имеет аналогии в памятниках, соотносимых с сибирскими татарами (XVI-XVII вв.) Среднего Прииртышья и Барабы.

Кроме фрагментов керамики на городище были обнаружены немногочисленные кости животных, фрагменты металлургического шлака и 11 индивидуальных находок. Наблюдения за характером общей стратиграфии и закономерностями распределения находок подсказали, что большинство объектов (печи и ямы) могут быть культурно и хронологически соотнесены с населением сибирских ханств XIV-XVI вв.

Стратиграфический разрез внутреннего вала городища показал, что он имеет сложную структуру. В основании его нижнего слоя зафиксированы остатки посуды потчевашской археологической культуры.

Материалы раскопок позволяют сделать следующие выводы:

- Большая часть находок датирует городища XIV-XVI вв. Отсутствие фрагментов русской посуды и орудий труда определяет границу существования памятников концом XVI в.

- Все исследованные комплексы расположены в труднодоступных местах с максимальным использованием для обороны рельефа местности.

- Ни одно городище не было построено собственно татарами, на всех имеется комплекс керамики конца I тыс. - начала II тыс. н.э. Возможно, татары просто использовали уже имевшиеся укрепленные пункты. Несколько особняком стоит городище Кошкуль IV, которое, возможно, было основано в XV в. группой населения носителей керамических традиций, характерных для усть-ишимских и татарских памятников. Такая ситуация произошла из-за того, что в это время население не смогло поддерживать в порядке и защищать огромный оборонительный комплекс городища Кошкуль I и было вынуждено основать новое городище.

- Характерной особенностью городищ конца I тыс. н.э. в лесостепных и южнотаежных районах Прииртышья является то, что они располагаются, в основном, на притоках Иртыша (Большая Пристань, Новоягодное I и II на р. Шиш, Мурлинское городище, Бергамак V на р. Тара и т.д.). Это может говорить о том, что местное население, не имея возможности открыто противостоять движущимся с юга по долине Иртыша тюркам, отступило в труднодоступные районы. Ситуация повторилась в конце XVI в., когда проживавшие на Иртыше татары оказались не готовы к военному противостоянию с русскими отрядами и ушли на притоки Иртыша, где использовали для обороны средневековые городища, а впоследствии, приняв подданство России, переселились обратно на свои прежние поселения. Возможно, что вместе с этими татарами переселилось на Иртыш и проживавшее на этих притоках население, например, жители городища Кошкуль IV.

- Для XIV - XVI в. на территории лесостепного и южнотаежного Прииртышья нет долговременных поселений. Татарские поселения Бергамак II, Черталы I датируются более поздним временем – кон-

цом XVII-XVIII в. До конца XVI в. татары вели полуоседлый образ жизни, используя эту территорию только в летний период времени. Подтверждением этому служат остеологические материалы. Например, на городище Надеждинка VII больше всего костей лошади, тогда как на поздних татарских памятниках преобладают кости МРС и КРС. До недавнего времени мы писали, что летние татарские временные поселения в Прииртышье представлены памятниками, на которых фиксируются прямоугольные насыпи, окруженные ровиками, но после исследования таких объектов на городище Кошкуль IV мы можем об этом говорить более определенно.

- Жилища представлены наземными конструкциями. Некоторое исключение представляет Екатерининское V городище, где зафиксированы углубленные в землю жилища с чувалами.

- Керамика, полученная в ходе раскопок культурного слоя XIV-XVI вв. на исследованных памятниках, состоит из трех комплексов. Первый – татарский, хорошо известный в Барабе и Прииртышье. Вторым комплексом соотносится с фигурноштампованной керамикой, оставленной населением, дожившим, по мнению В.А. Могильникова, до конца XIV-XV вв. Третий – южный тюркский комплекс, представленный толстостенной неорнаментированной или слабоорнаментированной посудой. Любопытно то, что чем севернее расположен памятник, тем меньше комплекс тюркской керамики и больше посуды первого и второго комплексов. После прихода русских у татар из трех вышеперечисленных комплексов керамики остается один – татарский, а два других примерно в том же соотношении заменяются русской посудой.

В керамическом комплексе каждого городища присутствуют фрагменты посуды «переходного» облика. В орнаментации присутствуют элементы, характерные для раннего керамического комплекса, однако грубость их исполнения, меньшее разнообразие в рамках орнаментальной композиции, монотонность нанесения четко выделяют ее в керамике городищ. В случае с городищем Кошкуль IV можно предполагать одновременное сосуществование трех керамических групп (усть-ишимской, переходной от усть-ишимской к татарской, татарской). В случае с городищами Надеждинка VII и Екатерининское V такое одновременное сосуществование кажется невозможным.

Г.И. Матвеева*Самарский государственный университет, Самара*

ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС СТАРОМАЙНСКОГО ГОРОДИЩА*

Именьковская культура в V-VII вв. занимала обширную территорию Среднего Поволжья от р. Суры на западе до р. Белой на востоке от правобережья р. Камы на севере до устья р. Самары на юге, т.е. лесостепные районы с плодородными чернозёмными почвами, пригодными для пашенного земледелия. Наличие широких заливных пойм способствовало развитию скотоводства. Изобилие рыбы в реках стимулировало рыболовство.

Поселения именьковской культуры располагались группами «гнездами», включающими от 3 до 10 селищ, удалённых друг от друга на 4-5 км. Они обычно занимали пологие склоны надпойменных террас Волги и особенно её притоков. Одной из наиболее заселённых была территория современного Старомайнского района Ульяновской области. Здесь на обоих берегах р. Майна было выполнено свыше двух десятков поселений.

«Гнездо», состоящее из 6 поселений находилось на правом берегу р. Майны в окрестностях современных сёл Волжское и Волостниковка. Среди них единственным укреплённым поселением было Старомайнское городище. Оно занимало центральное положение и видимо было общинным административно-хозяйственным центром.

Гнездо поселений принято считать местом обитания большесемейной общины или патронимии. Каждое входящее в состав «гнезда» поселение принадлежало большой патриархальной семье. Поселения группировались вокруг центрального самого крупного по размерам и самого древнего поселения, на территории которого сосредоточивалась общественная жизнь, находились жилища общинной знати, сооружения общественного пользования, ремесленные мастерские и культовые места [Тимошук, 1990, с. 72-73]. Именно таким общинным центром было Старомайнское городище, расположенное на мысу надпойменной террасы правого берега р. Майны, недалеко от впадения её в Волгу, в настоящее время мыс омывается Майнским заливом Куйбышевского водохранилища. Городище защищено системой укреплений, состоящей из четырёх валов и рвов.

С севера к городищу примыкает селище, площадь которого составляет около 80 тыс. м². Городище и селище интенсивно разрушаются водохранилищем и оврагами. За шесть полевых сезонов экспедицией Самарского университета было вскрыто свыше 2200 м² площади городища и выявлено четырнадцать жилищ и более двухсот ям хозяйственного назначения.

Жилища располагались более или менее правильными рядами, идущими параллельно берегу р. Майна. Расстояние между ними от 2 до 14 м. Пространства между жилищами были заполнены многочисленными хозяйственными ямами.

Выделяется два типа построек: полуземлянки квадратной формы со срубными наземными конструкциями и прямоугольные дома каркасно-столбовой конструкции со слабо углублёнными в материк основаниями. К первому типу относится 4 жилища, из них полностью сохранились только 2. Оба имели котлованы размером 8 × 8 м и 7,2 × 7,7 м, глубиной 50-60 см. Наземные конструкции видимо представляли собой срубы: в котловане жилища 20 обнаружено обугленное бревно лежавшее параллельно северной стенке. В обоих жилищах имелись центральные столбы, служившие опорами четырёхскатных крыш. Неподалёку от этих столбов обнаружены прокалы от открытых очагов-кострищ. В сооружении 20 кроме очага находился развал печи-каменки.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-26105а/В

В землянках находилось по несколько ям-погребов. Некоторые из них выходили за пределы жилищ и могли служить своеобразными дополнительными выходами. На полу и в ямах встречались целые сосуды, их развалы и отдельные фрагменты керамики.

Описанные полуземлянки по конструкции типичны для именьковских поселений, хотя по размерам значительно превосходят все исследованные жилища: обычно размеры жилищ 3×3 м или 4×4 м.

Постройки второго типа имели прямоугольную форму и были слегка (на 15-20 см) углублены основанием в материк. Вдоль стен жилищных котлованов прослеживаются ряды круглых или квадратных ям, служивших основаниями вертикально стоящих столбов. Стены построек состояли из горизонтально лежавших брёвен, затёсанные концы которых вставлялись в пазы вертикально врытых столбов. Ширина построек колеблется от 4,4 до 5,5 м, длина от 9,4 до 22,9 м. Внутри построек находились очаги-кострища.

Длинные прямоугольные дома до начала раскопок Старомайнского городища на поселениях именьковской культуры не были известны. Если жилой характер квадратных полуземлянок не вызывает сомнений, то назначение длинных домов может быть совершенно иным. Одни из них могли быть домами общественного пользования, где проводились собрания, справлялись большие праздники, совершались ритуальные обряды и т.д., другие могли быть производственными мастерскими.

Наибольший интерес представляет сооружение 18 – каркасно-столбовая постройка прямоугольной формы размером $22,9 \times 4,4$ м. По периметру жилища прослеживались столбовые ямы. Постройка была разделена на три неравные камеры. В самой восточной камере находился очаг-кострище и приочажная яма заполненная золой. На дне камеры найдено 10 пряслиц, шило, распиленный рог оленя или лося. В средней камере находилось два очажных пятна и было найдено 3 пряслица, шило, пронизка и нож. Самой обширной была западная камера. В ней находилось очажное пятно неправильной формы размером $2,25 \times 0,8$ м, мощность прокала весьма значительна – 12 см. К северу от пятна находились две примыкающие друг к другу ямы в которых обнаружены развалы нескольких сосудов, а также целый сосуд-корчага с высоким горлом ёмкостью около 12 литров. К западу от очага обнаружены развалы более десятка дисков-лепёшечниц, а чуть южнее жернов для размолва зерна. Каждая из камер имела выход, обращённый к югу.

Едва ли сооружение 18 было жилищем, скорее всего это общественное сооружение подобное длинным домам городищ – общинных центров, известным у восточных и западных славян [Тимошук, 1995, с. 18]. Наиболее распространёнными элементами этих длинных домов были очаги вокруг которых могло разместиться большое количество людей. В сооружении 18, несмотря на его значительную площадь, хозяйственных ям меньше, чем в жилых постройках, зато всё пространство вокруг сооружения занято многочисленными хозяйственными ямами, служившими видимо коллективными хранилищами. Наличие большого количества развалов дисков-лепёшечниц и крупного сосуда для напитков свидетельствует о проведении в западной камере многолюдных трапез. Возможно, члены общины собирались в двух других камерах этой постройки и выполняли там повседневные работы: женщины пряли, мужчины обрабатывали кость, шили обувь и т.д.

Кроме жилых и общественных построек на городище выявлены мастерские. Одна из них – сооружение 9, представляла собой прямоугольный котлован двухкамерной каркасно-столбовой постройки, вытянутой с северо-запада на юго-восток. Камеры разделялись капитальной перегородкой от которой сохранился ряд столбовых ям. Северная камера размером $6,25 \times 4,5$ м имела глубину от 0,8 м в северо-западной части, до 0,2 м в северо-восточной. В центре камеры располагался открытый очаг – пятно прокалённой глины размером $1,25 \times 0,85$ м, мощность прокала до 20 см. По близости находилась глубокая приочажная яма заполненная золой. К востоку от очага находился второй очаг – выложенный из небольших известняковых камней и сильно ошлакованных фрагментов сосудов. Возможно, очаги были одновременными. В углу камеры обнаружен известняковый жернов лежавший на подстилке из коры. На дне и в заполнении камеры найдено большое количество орудий труда (пряслица, ножи, рыболовный крючок и другие предметы, а также большое количество керамики).

В южной камере размером $4,5 \times 4,2$ м, глубиной в северо-восточной части 0,55-0,60 м, а в юго-восточной не более 0,15 м обнаружено очажное пятно и яма усечённо-конической формы диаметром около 2 м. Она не была похожа на ямы-погребов и видимо служила ёмкостью для воды. У перегородки, отделяющей южную камеру от северной находился материковый останец – лавка, деталь весьма характерная для мастерских [Тимошук, 1995, с.]. В сооружении и рядом с ним были найдены две льячки, тигель и несколько обломков таких же сильно ошлакованных тиглей. Найден также кусочек янтаря. Скорее всего южная камера была мастерской литейщика. В яме, расположенной рядом с описанной постройкой найдено орудие из рога, предназначенное для обработки кожи и кусочки кожи рядом с ним.

Длинный дом. Сооружение 18.

Таким образом, Старомайнскому городищу присущи все черты характерные для общинных центров: наличие больших жилищ, вероятно принадлежащих наиболее знатным членам общины, общественные длинные дома, где проводились собрания, праздники и коллективные работы а также производственные мастерские.

Обитатели Старомайнского городища видимо вели коллективное хозяйство. Многочисленные ямы-погребя представляют собой коллективные хранилища. Выращенный урожай частично распределялся между брачными семьями, об этом свидетельствуют хозяйственные ямы, располагавшиеся внутри жилищ.

Список литературы

Тимощук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. Издательство Московского университета, 1995.

Н.П. Матвеева

КУШНАРЕНКОВСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В СВЕТЕ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ПЕРИОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЗАУРАЛЬЕ*

В ареалах культур раннего железного века на севере лесостепной и в подтаежной зоне после Великого переселения народов образовались новые этнокультурные группы: петрогромская, потчевашская, бакальская, кушнаренковская. Носители первых трех традиций вошли в состав последующих этнокультурных объединений, а последние мигрировали по северной лесостепи на запад. Территория, на которой образовалась кушнаренковская группа памятников, долгое время была обозначена лишь несколькими точками на карте и тяготела к Омскому Прииртышью [Генинг, 1972]. Идея, что в ходе событий Великого переселения народов южная часть лесостепной зоны временно опустела в связи с откочевкой номадов на запад и юг [Могильников, 1983], получает теперь новое подтверждение. Так при раскопках Коловского городища на Исети установлено, что после оставления его саргатским населением в условиях усыхания климата сформировался тонкий эоловый песчаный слой, содержащий находки бакальской и кушнаренковской керамики.

Кроме известных ранее Бобровского, Перейминского могильников, Логиновского городища, на сегодня обнаружены 18 комплексов кушнаренковской культуры. Это находки в лесостепном Притоболье: на Коловском, на Большом Бакальском, Усть-Терсюком городищах. Единичные керамические серии происходят из Зауралья с селища Мурино, оз.Агази, городищ Усть-Утяк, Уфа-6, стоянки Веселовка, стоянки Сикияз-Тамак. Далее к востоку, в Прииртышье, имеются комплексы в Исаковке-1, Усть-Таре-7 и др. На рубеже конца раннего железа – начала позднего железного века изменение климатической и политической ситуации в лесостепи, действительно повлекло за собой подвижку групп таежного населения на юг. Открыты новые карымские комплексы в юго-западной части таежной зоны, подтверждающие миграцию населения из Нижнего Прииртышья в лесостепное Притоболье [Матвеева, 2005, с.176] и Омское Прииртышье [Могильников, 1990, с.17; Скандаков, Данченко, 1999]. В.М.Морозов считает, что причиной миграций таежных групп на юг было резкое увлажнение гумидной зоны в IV в. н.э. [Морозов, 2003, с.166], что весьма вероятно, но, тем не менее, нуждается в палеогеографических доказательствах.

Зарождение кушнаренковских форм и орнаментов мы можем отнести к финальной стадии раннего железного века. Л.И.Погодин усматривает возникновение куштерьякского типа в ходе взаимодействия позднесаровских и позднесаргатских традиций по материалам могильника Исаковка-1 [Погодин, 1993, с.177]. По новым данным в позднекарымских комплексах IV-V вв. н.э. присутствуют новации керамического производства, проявившиеся позднее в кушнаренковской культуре [Скандаков, Данченко, 1999, рис.17; Данченко, 2005, с.150]. Нами на Коловском городище на р. Исеть также встречена керамика лесного облика, переходная от карымской к потчевашской, залегающая в тех же слоях и горизонтах, что и кушнаренковская, таким же образом фрагментированная. Керамика орнаментирована наклонными отпечатками гребенчатого штампа, расположенного наклонно в виде полос или ромбов, имеются ямки и вдавления, фигурный штамп в виде прямого креста. Получается, что в Тоболо-Иртышском регионе в зоне северной лесостепи известны и позднекарымские и саргатские памятники [Корякова, Морозов, Суханова, 1988] с незначительным влиянием саровского компонента. В этом же регионе позднее как новый компонент культурогенеза появляются кушнаренковские комплексы. Поэтому предполагаем формирование последних на позднесаргатской основе с участием гунно-сарматского компонента, а также ряда южно-таежных суперстратных компонентов, в первую очередь, карымского, включая также и кашинский, с характерными для данной культуры приемами шнуровой орнаментации горловины горшковидных сосудов.

* Исследования поддержаны грантом РГНФ № 05-01-01233а.

С.Г.Боталов и С.Ю.Гуцалов в формировании средневековых культур Южного Урала отводят определенную роль кашинской культуре южно-таежного Зауралья [Боталов, Гуцалов, 2000, с.169], с чем трудно согласиться, так как сосуды из Малково, к.1, Байрамгулово, к.2 не имеют бордюрных композиций и шнурового орнамента, ее характерных черт. Это позднесаргатская керамика из северной лесостепи Притоболья, на ряде памятников заключительного этапа саргатской культуры она залегает совместно с кашинской, давая и синкретичные формы. Вызывает некоторые возражения и механизм реконструируемой миграции на северо-запад, в лесные районы по Чусовой на Каму, гунно-сарматского населения в IV-V вв., взаимодействующего, по их мнению, на пути своего движения с кашинско-прыговским из лесостепных районов Тобола и Исети [там же, рис.46]. Вряд ли такое масштабное продвижение было возможно, так как лесостепь в это время была занята саргатским населением. Проживание его в Притоболье в IV-V вв. доказано новыми материалами, в том числе серией радиоуглеродных датировок крепостей, например, Коловского и Рафайловского городищ [Матвеева и др., 2003]. Возможен, конечно, был единичный рейд гуннов, но такому пониманию событий противоречат датировки позднесаргатских памятников, имеющих хуннские импорты. Хуннское влияние, как нам уже приходилось писать, ощущается в инвентаре и погребальном обряде с I в. до н.э., но особенно многочисленные свидетельства дает со II в. н.э. [Матвеева, 1993, с.158]. Представляется, что продвижение отрядов гунно-сарматской орды на север могло иметь место вследствие ухудшения климатических условий в степи, и возможно, даже оно шло через притобольскую лесостепь. Но это была длительная серия войн во II-IV вв. н.э., и лишь затем передвижение совместно с его осколками после распада саргатской общности на запад. Существенная роль именно позднесаргатского компонента регистрируется по археологическим и антропологическим данным в Прикамье [Голдина, 1993, с.36; Багашев, 2000, с.31]. Возможно, серией гунно-сарматско-саргатских войн и объясняются высокий уровень милитаризации лесостепного населения во всех областях жизни в первые века н.э. [Матвеева, 2000].

Что касается хронологии, то следует согласиться с В.А.Могильниковым, который миграцию населения ранней кушнаренковской культуры из Западной Сибири относил к последней трети VI в., а находки более поздней керамики объяснял за счет сохранившихся контактов на родине [Могильников, 1994, с.63]. Мы считаем, что в западной части Западной Сибири автохтонной культурой раннего средневековья является бакальская. Этот термин остается общепринятым, несмотря на предложение Б.Б.Овчинниковой именовать ее «лыбаевской» [Овчинникова, 1993, с.160]. Она все еще остается малоизученной, так как исследовано всего лишь восемь поселенческих памятников из десятков выявленных, не известны могильники, не введены полностью в научный оборот Змеиная горка, Борковское, Красногорское, Коловское, Красноярское городища.

На Коловском городище основной комплекс средневекового периода представляют материалы бакальской культуры, в котором содержится коллекция кушнаренковской керамики примерно от 20 горшков. Кушнаренковские черепки более фрагментированы, чем бакальские, хорошо отличаются от нее по технологии, формам и орнаменту. Они собраны и на территории жилищной застройки, в частности, в заплывшей западине от самого позднего жилища 7, и на валу второй площадки. Она залегала в тех же горизонтах, что и бакальская. Инвентарь Коловского городища дает широкий хронологический диапазон – от VI до XII вв. Жилые постройки были легкими, переносными, а население, судя по остеологическим остаткам, занималось в основном скотоводством полукочевого типа. Две даты по дереву из клетки фортификационной линии относятся к концу VI – началу VII вв., одна из датировок падает на конец VII- VIII вв.

Таким образом, мы получили дополнительные аргументы для утверждения, что насельники лесостепи в начале средневековой эпохи вели подвижный образ жизни. К сожалению, новые хронологические материалы основаны только на результатах применения радиоуглеродного метода и относительной хронологии керамических комплексов. Но они относятся к раннему средневековью – VI-VIII вв., согласуются с залеганием в слое кушнаренковской керамики. Эти наблюдения свидетельствуют в пользу формирования в северной лесостепи в IV-V вв., кушнаренковских и караякуповских традиций, и возможно, об участии в сложении последних бакальского компонента, как это и предполагали исследователи средневековой эпохи в Приуралье [Г.И.Матвеева, 1975, с.21; Мажитов 1977, с.75]. Относительно ранние даты сибирских памятников позволяют определять направление миграции кушнаренковских коллективов как широтное, с востока на запад, по границе лесостепной и южно-таежной зон. Появление отдельных пунктов, далеко отстоящих от основной массы к югу, на карте миграций населения начала средневековья, такие как Варна, Бобровский могильник, пока выглядит случайным, не вполне ясно и то, почему главный поток локализуется именно в пограничной полосе разных природных зон. Миграции смешанных групп полукочевого населения, находящихся на различных стадиях нового культурогенеза, осуществлялись одновременно. Они были направлены преимущественно на юго-запад, запад, северо-запад, через Месягутовскую лесостепь в Северо-Восточную Башкирию, а затем в Западную ее часть и Прикамье, на что указывает сходство части керамических комплексов памятников Верх-Сая-1, Благодатское,

Морозковское-4* и некоторых других с нашими. По нашему мнению, это были обособленные в этнокультурном отношении коллективы. По-видимому, кушнаренковские группы формировались в подтаежном районе, а предки караякуповцев – в лесостепной зоне.

Список литературы

- Багашев А.Н.** Палеоантропология Западной Сибири. Лесостепь в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 372 с.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.** Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: «Рифей», 2000. – 268 с.
- Генинг В.Ф., 1972.** Южное Приуралье в III-VII вв. // Проблемы археологии и древней истории угров.- М.: Наука, 1972.
- Голдина Р.Д.** История финно-пермских народов Приуралья в эпоху железа по археологическим данным // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания. – Екатеринбург. 1993. – С.36-38.
- Данченко Е.М.** К изучению карымских памятников Среднего Прииртышья // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции.- Томск: 2005. – С.149-152.
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю., 1988.** Поселение Ипкуль-ХV – памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье// Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1988.- С.117-128.
- Мажитов Н.А.** Южный Урал в VII-XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 268 с.
- Матвеева Г.И.** Памятники караякуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып.V. – Куйбышев, 1975. – С.19-22.
- Матвеева Н.П.** Саргатская культура на Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 175 с.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск, “Наука”, 2000. – 399 с.
- Матвеева Н.П.** Средневековые материалы Коловского городища // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: 2005. – С.175-177.
- Могильников В.А.** Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: ТГУ, 1983. – С.77-90.
- Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти тт. – М.: Наука, 1987. – С. 163-235.
- Могильников В.А.** Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: Автореф. Дис... д-ра ист. Наук. – М.: ИА АН СССР, 1990. – 47 с.
- Могильников В.А.** К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности // Финноугроведение. №1. – 1994. – С.61-68.
- Морозов В.М.** Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения// Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы конф. – Пермь, 2003. – С.166-167.
- Овчинникова Б.Б.** Лыбаевская культура сылвенской этнокультурной общности на Урале // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы XII Уральского археологического совещания. – Екатеринбург, 1993. – С.160-162.
- Погодин Л.И.** Проблема исторической судьбы саргатской культуры // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы XII Уральского археологического совещания. – Екатеринбург, 1993. – С.175-177.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М.** Курганный могильник Усть-Тара VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Вып.3. – Омск: Омский госпедуниверситет, 1999. – С.160-186.

---

* Благодарю Р.Д.Голдину, И.Ю.Пастушенко, Т.К.Ютину за возможность ознакомиться с материалами.

С.В. Меснянкина*Институт археологии РАН, Москва*

КОСТОРЕЗНОЕ ДЕЛО СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ (по материалам поселений Минино I и Минино VI на Кубенском озере)

Многочисленные и разнообразные изделия из кости и рога составляют значительный пласт материальной и художественной культуры средневековой Руси. Вплоть до середины 90-х годов XX века представление о состоянии косторезного дела в Древней Руси базировалось, преимущественно на характеристиках готовых изделий. Гораздо меньшее внимание уделялось целостному изучению производственного процесса обработки кости и рога на основе анализа состава исходного сырья, концентрации и распределения отходов, и выделения производственных комплексов. Прделанная во второй половине 90-х годов Л.И. Смирновой целенаправленная работа по изучению обширного массива отходов косторезного ремесла из средневекового Новгорода [Смирнова, 1997; она же, 1998] обеспечила хорошую основу, чтобы обратиться к анализу и характеристике этого вида производства и на других древнерусских памятниках [Жарнов, 2003].

Среди многих сельских поселений Северо-Восточной Руси, определенное значение для изучения косторезного дела на рассматриваемой территории имеет материал, полученный в результате раскопок памятников второй половины X – XIII вв., расположенных на юго-западном побережье Кубенского озера у д. Минино Вологодской области. К ним относятся два поселения – Минино I и Минино VI и грунтовой могильник Минино II. На селищах было собрано более семи с половиной тысяч вещей и обильный массовый материал, необычайно ярко демонстрирующих различные стороны хозяйственно-бытового уклада и высокий уровень благосостояния поселенцев, при общем демократическом облике их культуры [Макаров, 2005].

По состоянию сохранности культурных напластований селище Минино I выгодно отличается от Минино VI и большинства других древнерусских поселений, культурный слой которых в значительной мере разрушен многолетней распашкой. Специфической особенностью культурного слоя в Минино является химический состав слагающего его почвенного гумуса, обеспечивший хорошую сохранность костной ткани [Макаров, Захаров, 2003]. Эти обстоятельства являются важными для представления производственного материала из Минино и реальной оценке косторезного дела на памятниках с “сухим” культурным слоем.

В Минино во второй половине X – XIII вв., как показали исследования массового остеологического материала, преобладали кости диких животных. Основными промысловыми видами являлись бобр, белка, лесная куница и лось. Охотились также на выдру, волка, зайца, медведя и северного оленя. В состав домашнего стада входил крупный и мелкий рогатый скот, свинья и лошадь [Динесман, Савинецкий, 2003].

На двух селищах были собраны 173 находки косторезного дела, что составляет 44% от общего числа изделий из кости и рога, встреченных на мининских памятниках. Из них 148 находок были собраны из раскопов, общей площадью 300 кв. м, на селище Минино I и 25 предметов происходят с Минино VI, исследованного на площади около 700 кв. м. Подавляющую часть производственных находок составляет сырьевой материал (92%) в виде стружки, обрезков, спилов, отрезков и срезанных концов, и лишь незначительная их часть (8%) является незаконченными или бракованными изделиями.

В мининской коллекции отходов производства представлены такие виды костной ткани как плотный рог, животная кость и кость рыбы. Отмечено отсутствие находок из полого рога и костей птиц. В качестве ведущего вида сырья в Минино выступает плотный рог. Его доля среди отходов, получивших фаунистические определения, составляет 68%. На долю животной кости приходится 31% и рыбьей кости – 1%. Близкое среднее соотношение плотного рога (52%) и животной кости (39%) было прослежено и в косторезном ремесле средневекового Новгорода [Смирнова, 1998].

Основную массу, собранных в Монино, производственных остатков составляют очень мелкие обрезки, опилки и срезы роговой и костной ткани, что существенно снижает их возможности для получения точных зоологических определений состава сырья, используемого в косторезном деле. Определимые отходы из плотного рога представлены 2 находками из рога лося и 5 - из рога северного оленя. Это - срезанные отростки, кусок ветви со снятыми отростками, пластинчатые обрезки, опиленное основание и одна заготовка в виде опилка цилиндрической формы. Подавляющее большинство в массовом материале среди представителей семейства оленей костей лося, некоторым образом свидетельствует, что в косторезной практике весьма широко использовался лосиный рог. Основным источником получения лосиного рога у жителей Монино, по-видимому, служила охота. Так, в массе костей лося чаще всего встречаются фрагменты метаподий и фаланг пальцев. Их присутствие и преобладание рассматривается как свидетельство охотничьего промысла лося, при котором разделка туш осуществлялась на месте охоты и только их часть (дистальные отделы и черепа) поступала на места обитания вместе со шкурами [Смирнова, 1997].

В видовом составе животной кости в отходах присутствует лось, северный олень, бобр, рысь, мелкий и крупный рогатый скот. Определимые находки из животной кости, также как и отходы из плотного рога, немногочисленны. Они представлены 2 пальцевыми фалангами лося, фрагментом метаподия северного оленя, 2 незаконченными проколками из лучевой кости рыси и локтевой кости бобра и заготовкой из большой берцовой кости коровы. К их числу относятся еще несколько менее определенных находок из различных костей мелкого и крупного рогатого скота. Несмотря на немногочисленность фаунистически определенных отходов косторезного дела в Монино, можно говорить о том, что их состав в целом соответствует видовому стаду животных, выявленных в массовом остеологическом материале. Этот факт безусловным образом свидетельствует о местной сырьевой базе косторезного производства мининских селищ.

Определенную роль в понимании характера косторезного ремесла имеет анализ планиграфического распределения и концентрации производственных отходов. Из двух раскопанных памятников наиболее информативное представление о концентрации производственных остатков дает материал селища Монино I. Культурный слой Монино I может быть охарактеризован как "сухой слой" со значительной концентрацией производственных находок. Коэффициент концентрации отходов Q на памятнике равен 49 (Q - количество находок на 100 кв. м. раскопанной площади, введенный Л.И. Смирновой), что в несколько раз превышает показатель для Новгорода, где его среднее значение составляет 5.4, а для раскопов со следами стационарной ремесленной деятельности он колеблется от 5.6 до 11.6 [Смирнова, 1998]. Культурные отложения Монино I содержали весомое количество обожженной кости, в том числе и фрагментов готовых изделий из костной ткани, в связи с чем, можно полагать, что в реальности отходов производства на селище было значительно больше. На селище Монино VI из 20 из 25 находок производственного характера находились в заполнениях материковых ям. Очевидно, что в оценке степени концентрации отходов необходимо учитывать и фактор их утилизации [Жарнов, 2003].

На селище Монино I отходы на исследованных участках были приурочены к постройкам, совмещавших жилые и производственные функции, в большинстве случаев, связанные не только обработкой кости, но и цветного металла. Находки, связанные с обработкой кости и рога были встречены и в производственном сооружении, представлявшим собой специализированную ювелирную мастерскую. Они сосредоточивались, как внутри построек, преимущественно в радиусах печей, так и за их пределами, в непосредственной близости от них. Их распределение указывает на то, что обработка кости и рога имела место на памятнике на протяжении всего его существования и при этом не претерпевала каких-либо существенных изменений, как в технических приемах, так и в ассортименте изделий.

Приемы обработки кости и рога, зафиксированные в Монино, находят повсеместные аналогии на многих других средневековых памятниках, что само по себе связано с природной стабильностью этого вида сырья и богатым опытом охотничьей жизни. В Монино процесс первичной обработки сырья, и отчасти последующего создания предметов, осуществлялся универсальным инструментарием – топором, пилой и ножом. К числу найденных специальных инструментов, применявшихся при работе с костью и рогом, относятся лучковое сверло и 2 скобеля. Имеющийся на некоторых вещах циркульный орнамент свидетельствует о применении циркульного инструмента. Изделия украшались также нарезным геометрическим узором.

Для изготовления определенных категорий предметов отбирались подходящие по размерам кости различных животных или части рога. К местному производству принадлежат такие предметы, как иглы, проколки, рукоятки, наконечники стрел, копоушки, пряслице и другие изделия, не требующие наличия "специальных" навыков. Большая серия изделий профессионального ремесла (односторонние расчески и двусторонние гребни), присутствующих в Монино, является привозной продукцией. Достоверных следов их производства среди отходов рогообработки не было выявлено.

Таким образом, рассмотренный материал, позволяет в настоящее время говорить о функционировании в Монино косторезного дела в форме развитого домашнего ремесла, удовлетворяющим непосредственные нужды жителей. Ранее высказанный тезис о домашнем характере косторезного производства сельских поселений, получил в материалах Монино более полное и конкретное выражение.

Список литературы

Динесман Л.Г., Савинецкий Б.А. Количественный учет костей в культурных слоях древних поселений людей // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина – М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 34 – 56.

Жарнов Ю.А. К вопросу о косторезном производстве в домонгольском Владимире-на-Клязме // Российская археология. – 2003. - № 1. – С. 43.

Макаров Н.А. Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты // Сельская Русь в IX - XIV вв.: От новых методов изучения к новому пониманию. Материалы научной конференции. Кириллов, 2005. – М.: ИА РАН, 2005. С. 3 – 10.

Макаров Н.А., Захаров С.Д. Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII века // Русь в XIII веке: Древности темного времени – М.: Наука, 2003. С. 131 – 150.

Смирнова Л.И. Обработка кости и рога на усадьбах Неревского и Людина концов средневекового Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства) // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного конгресса славянской археологии – М.: ИА РАН, 1997. Т. 1. С. 353 – 363.

Смирнова Л.И. Косторезное ремесло средневекового Новгорода: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998. – 19 с.

О.А. Митько*Новосибирский государственный университет, Новосибирск*

ТАШТЫКСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПО ОБРЯДУ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ ПОД КАМЕННЫМИ ВЫКЛАДКАМИ (по материалам раскопок могильника Маркелов Мыс II)

Многолетние раскопки могильника Маркелов Мыс II, расположенного на берегу Енисея в Новоселовском районе Красноярского края, изначально были ориентированы на максимально полное исследование памятника сплошными раскопами, включая межкурганное пространство и периферийные участки. Применение данной методики позволяет рассматривать полученные материалы как наиболее адекватно отражающие особенности могильника, на котором выделены погребальные комплексы таштыкского, кыргызского и древнетюркского населения. К настоящему времени на его площади выявлено более 170 объектов, из них 32 погребения относятся к средневековому периоду и имеют достаточно четкие этнокультурные признаки [Митько, Тетерин, 1998; Митько, Журавлева, 1999; Митько, 2003]. Остальные памятники относятся к таштыкской культуре, обобщающие сведения о них приводились лишь в кратких публикациях [Митько, 2002; Митько, 2004]. Это три склепа, остатки 12 стел, 8 детских и 2 погребения взрослых людей, совершенных по обряду трупоположения и 115 небольших каменных выкладок, расположенных к юго-западу от склепов. Они перекрывали грунтовые ямы с кальцинированными костями, но примерно в 20 случаях какие-либо признаки кремаций не были зафиксированы, хотя по своим конструктивным особенностям они ничем не отличались от тех, в которых содержались сожжения, за исключением большего числа сосудов, установленного в ямах. В одном из таких объектов (курган № 164), не содержавшем признаков кремации, находилось сгоревшее деревянное перекрытие, послужившее образцами для датирования. Радиоуглеродная дата, полученная в ходе анализов, сделанных в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН к. г-м. н. Л. А. Орловой, составляет 1510 ± 40 лет (СОАН-6298). Календарный возраст соответствует 440-620 гг. (1 sigma) и 440-640 гг. (2 sigma), что в историческом контексте может быть связано с финальной стадией таштыкской культуры и началом распространения культуры енисейских кыргызов, памятники которых ранее VII в. практически не выявлены.

В размещении кальцинированных костей можно выделить несколько вариантов: в виде компактного скопления на дне могильных ям, часто в сопровождении сопроводительной пищи и сосудов и выше уровня дна, причем встречаются случаи, когда кремированные останки отделены от него каменной плитой. Часто сожжения, не составляя компактного скопления, встречаются на различных уровнях заполнения могильных ям. Также можно отметить и размещение погребения на уровне древнего дневного горизонта и в неглубоких могильных ямках, причем в одном случае захоронение не было перекрыто каменной выкладкой, а в двух других каменная наброска скорее обозначала место погребения, чем перекрывала его.

В отличие от захороненных в склепах, скопления кальцинированных костей под каменными выкладками состоят в основном из фрагментов небольших размеров, порой менее 1 см в длину, что делает их мало пригодными для антропологических определений. Однако в отдельных случаях удалось выявить зубы и фаланги пальцев, принадлежавших человеку, что является дополнительной аргументацией в отнесении этих памятников к разряду погребальных. Инвентарь крайне незначителен и маловыразителен. Железные изделия, от которых зафиксированы лишь коррозированные фрагменты, не были на погребальном костре, в отличие от костяной булавки, обнаруженной в кургане № 19. Исключение составляет погребение 1 в кургане № 15, где были обнаружены две железные безщитковые и четыре типичных для таштыкских склепов бронзовых псевдопряжек с неподвижным шпеньком. Набор керамической посуды представлен в основном сосудами баночного типа, они плохого качества и изготовлены, по-видимому, специально для погребального ритуала. Из всей серии выбиваются три сосуда: в форме кубка, сосуд с небольшой слабо выделенной рукоя-

тью, имеющей отверстие для подвешивания и сосуд с налепами в средней части тулова. Сопроводительная пища представлена кусками мяса крупно и мелко-рогатого скота: ребра, лопатки, конечности ног и части хребтов.

Типологически близкие погребальные памятники были открыты в конце 30-х годов уже прошлого века С. В. Киселевым при раскопках на могильнике Уйбат II, Хотя, и это стоит отметить, существенной отличительной чертой уйбатских памятников является наличие деревянного перекрытия могильных ям. По мнению автора раскопок, «квадратные в плане курганчики» своими характерными чертами «особенно сближаются с кыргызскими», но при этом обнаруживают «ближайшее родство с классическими таштыкскими памятниками». Эти наблюдения позволили выделить «переходный тип погребений», датируемых докудыргинским временем (до V в. н. э.) [Киселев, 1951]. К «переходной стадии» между таштыкской и кыргызской эпохами отнесла эти памятники и Л. А. Евтюхова [Евтюхова, 1948].

Позднее Л. Р. Кызласов предложил именовать позднеташтыкский этап камешковским. Он включил в него 33 погребения, раскопанные в разное время С. В. Киселевым и М. М. Герасимовым на чаатасе Уйбат II, один курган, выявленный А. В. Адриановым на могильнике Малый Камешек, три могилы, исследованные А. Н. Липским в г. Абакане, а также памятники из собственных раскопок на Изыхском чаатасе. По мнению Л. Р. Кызласова, склепы на камешковском этапе уже не сооружались, а вместо них появились индивидуальные погребения в квадратных или прямоугольных ямах, под невысокими подквадратными каменными выкладками, которые очень близки каменным курганам енисейских кыргызов (хакасов по Л. Р. Кызласову). Во всех памятниках камешковского этапа сохранялся единый погребальный обряд — трупосожжения умерших и их индивидуальное захоронение. Каждая могила предназначалась для праха одного покойного, сожженного на стороне. От всех предшествующих, погребения камешковского этапа резко отличаются отсутствием масок, которых нет и в последующем периоде VI-VIII вв. Не встречаются и ритуальные votivные предметы, которые ранее в большом количестве находили в склепах. С погребенными ставилась керамическая и деревянная посуда, а также помещалась мясная пища, чаще всего баранина, нарезанная крупными кусками. По находке в одном из захоронений железного наконечника стрелы погребения камешковского этапа были датированы IV-V вв. н. э. [Кызласов, 1960].

При раскопках комплекса памятников у горы Тепсей М. П. Грязновым было выявлено более 65 поминов, представлявших собой вертикально вкопанные каменные стелы. В 47 случаях рядом с ними находились небольшие земляные ямки с остатками мясной пищи и сосудами. Как считал М. П. Грязнов, они устанавливались соплеменниками при совершении поминок по захороненным в склепах сородичам. В поминальнике Тепсей III в один ряд со стелами, на одной с ними глубине и под такой же каменной выкладкой оказался скелет женщины, положенной животом вниз. Рядом со склепом 4 в неглубоких ямах перед вертикально поставленным камнем оказались зарытыми, как в поминах, в одном случае мужчина, а в другом женщина, уложенная ничком. По мнению М. П. Грязнова, Это не могилы, а такие же помины, «только в жертву приносился человек». Конкретный смысл этих трех захоронений остается не разгаданным, но они были «связаны не с могилами, а с поминальником». По всей видимости, эта точка зрения стала ключевой и в решении вопроса об атрибуции захоронения сожженного человека в поминальнике Тепсей IV, где под такой же выкладкой, как и над поминами и на той же глубине лежали в ямке кучки пепла (могилы 7 и 8). Размеры ямок свидетельствуют о том, что были захоронены не куклы, а небольшой мешочек или коробка [Грязнов, 1979]. Смысл и значение «тепсейских» сожжений остался не выясненным, а в литературе утвердилась гипотеза, согласно которой каменные выкладки наряду со стелами однозначно отнесены в разряд поминальных.

При этом исследователями, и в частности Э. Б. Вадецкой, категорически отрицается возможность их отнесения к погребальным сооружениям. По ее данным, в 16 из 33 захоронений камешковского этапа никаких следов погребения, в том числе кремации, не было. В трех случаях под костями животных попадались сожженные косточки, в одном случае очень малая кучка косточек была обнаружена у одной из стенок ямы. По мнению Э. Б. Вадецкой, С. В. Киселевым и Л. Р. Кызласовым за могилы были ошибочно приняты помины, характерные для всех этапов существования таштыкской культуры [Вадецкая, 1999]. В материалах раскопок могильника Быстрая II, где на площади «поминальника» обнаружено 39 «поминов» с сосудами и мясом животных, пять ямок с пеплом человека и шесть ямок с частичными захоронениями человека можно найти подтверждение этой гипотезы. Рядом с 28 «поминами» были вкопаны стелы, в одном из погребений с остатками кремации, обнаружена бронзовая псевдопряжка, а в погребениях с остатками труположений прослеживаются черты, характерные для погребального обряда тесинского населения [Поселянин, 2003].

По мнению С. В. Панковой, типологические различия «поминов» могут быть связаны с локальными вариантами развития культуры. Достаточно высокой, как она считает, является и вероятность того, что «камешковские» выкладки сооружались на всем протяжении таштыкской эпохи [Панкова 1996]. Вместе с тем, мате-

риалы могильника Маркелов Мыс II свидетельствуют о том, что характер «поминальных сооружений» гораздо сложнее, а семантика намного глубже тех представлений, что сложились в современной научной литературе. В более детальном рассмотрении нуждается и вопрос о взаимосвязи меморативных и погребальных памятников таштыкской культуры, очевидно, что состав последних не ограничивается рамками только грунтовых могил, склепов и «традиционных поминов».

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. – Л.: издательство «Петербургское востоковедение», 1999. – С. 117.
- Грязнов М.П.** Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 114.
- Евтюхова Л.А.** Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: Издательство «Советская Хакассия», 1948. – С. 7.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – С. 469-472.
- Кызласов Л.Р.** Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Издательство Московского университета, 1960. – С. 151-156.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В.** О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 396-404.
- Митько О.А., Журавлева А.Д.** Древнетюркская керамика Среднего Енисея // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Издательство «Кузнецкая крепость», 1999. – Вып. 4. – С. 85-103.
- Митько О.А.** Характеристика древнетюркских керамических комплексов // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 257-260.
- Митько О.А.** Раскопки таштыкского склепа на могильнике Маркелов Мыс II // Археологические открытия 2003 года. – М.: Наука, 2004. – С. 442-444.
- Митько О.А.** Работы в Красноярском крае // Археологические открытия 2001 года. – М.: Наука, 2002. – С. 451-452.
- Панкова С.В.** О памятниках «камешковского» этапа таштыкской культуры // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – С. 42-44.
- Поселянин А.И.** // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 275-278.

В.С. Николаев, М.С. Кустов

Иркутский государственный технический университет

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЗНИ НА ПОСЕЛЕНИИ ТОТОК В ЮЖНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Поселение Тоток расположено на левом берегу одноименного залива в 1,5 км юго-западнее пос. Балаганск в Балаганском р-не Иркутской обл. Территория, на которой расположен объект, представляет собой ярко выраженный мысовидный уступ, образованный конусом выноса древних пород. Высота от уреза залива - 8-10 м. С северо-восточной и юго-западной сторон конус ограничен пологими распадками, с запада, северо-запада – крутым склоном горы, по которому и происходил сброс пород. Высота горы составляет 75 м.

Памятник обнаружен в 2001 г. Ангарским отрядом ГУ ЦСН под руководством В.С. Николаева. В 2004 г. на данном объекте производились спасательные археологические раскопки. Общая вскрытая площадь составила 490 кв. м. Помимо предметов (керамики, изделий из металла и кости), удалось проследить планиграфию средневекового поселения. Выявлены «жилая» и «производственная» зоны, а так же место предполагаемого загона для скота.

В «жилой» зоне отмечено два жилища (полуземлянка и наземное в виде чума). Рядом с жилищами находились хозяйственные ямы и погребки. В «производственной» зоне, отделенной от «жилой» деревянными изгородями, выявлены: кузня, печь для обжига керамики, сооружение для дымления кож. Рядом располагались хозяйственные ямы, погребка и погребки.

В данной публикации мы подробно рассмотрим одно из производственных сооружений, раскопанных на поселении Тоток, – кузню.

Описание сооружения

Кузня в плане подпрямоугольной формы с ярко выраженным входом и выступающими с СЗ, З, Ю сторон подсобными сооружениями. Имела три горна для разогрева заготовок и плавки металла, и три подсобные хозяйственные ниши для инструмента, заготовок, воды, угля и пр. Общие размеры конструкции (включая горны и ниши) 4,1 × 3,3 м (рис. 1).

Вход в сооружение находился с северо-восточной стороны. Он полуовальной формы с одной, ярко выраженной ступенькой. Рядом с входом фиксировались остатки деревянной конструкции навеса из трех опорных столбиков диаметром 8–12 см (два с одной стороны, один с другой), досок и жердей крыши. Под ступенькой входа, в углу, найден один колчаный крючок.

Внутреннее пространство кузни подпрямоугольной формы, средние размеры 2,35 × 1,35 м, глубина до 0,5 м. Низ (пол) сооружения плотный, утрамбованный, в средней части наблюдается небольшое до 5 см повышение, вероятно, в этом месте находилась наковальня.

Горны располагались в линию с ЮЗ стороны, слева от входа в сооружение (рис. 1).

Горн № 1, крайний левый, самый близкий к входу. Представлял собой круглую площадку из сырой, в последствии обожженной глины мощностью 15-20 см и диаметром до 0,35 м с фрагментами вертикальных стенок толщиной 2 - 5 см и высотой до 10 см. Вокруг площадки и внутри нее наблюдалось пятно прокала красно-кирпичного цвета и мелкий древесный уголь. У внешней стенки сооружения, с восточной стороны, на ребре находились две плиты песчаника, которые служили дополнительной опорой для стенок конструкции; размеры плит 15 × 20 и 25 × 20 см. Еще две плитки, которые так же могли служить дополнительной опорой стенки, найдены перед горном. Их размеры 5 × 10 см. Вероятно, первоначально горн имел купольный верх, с дымовым отверстием и топку, ориентированную в кузню.

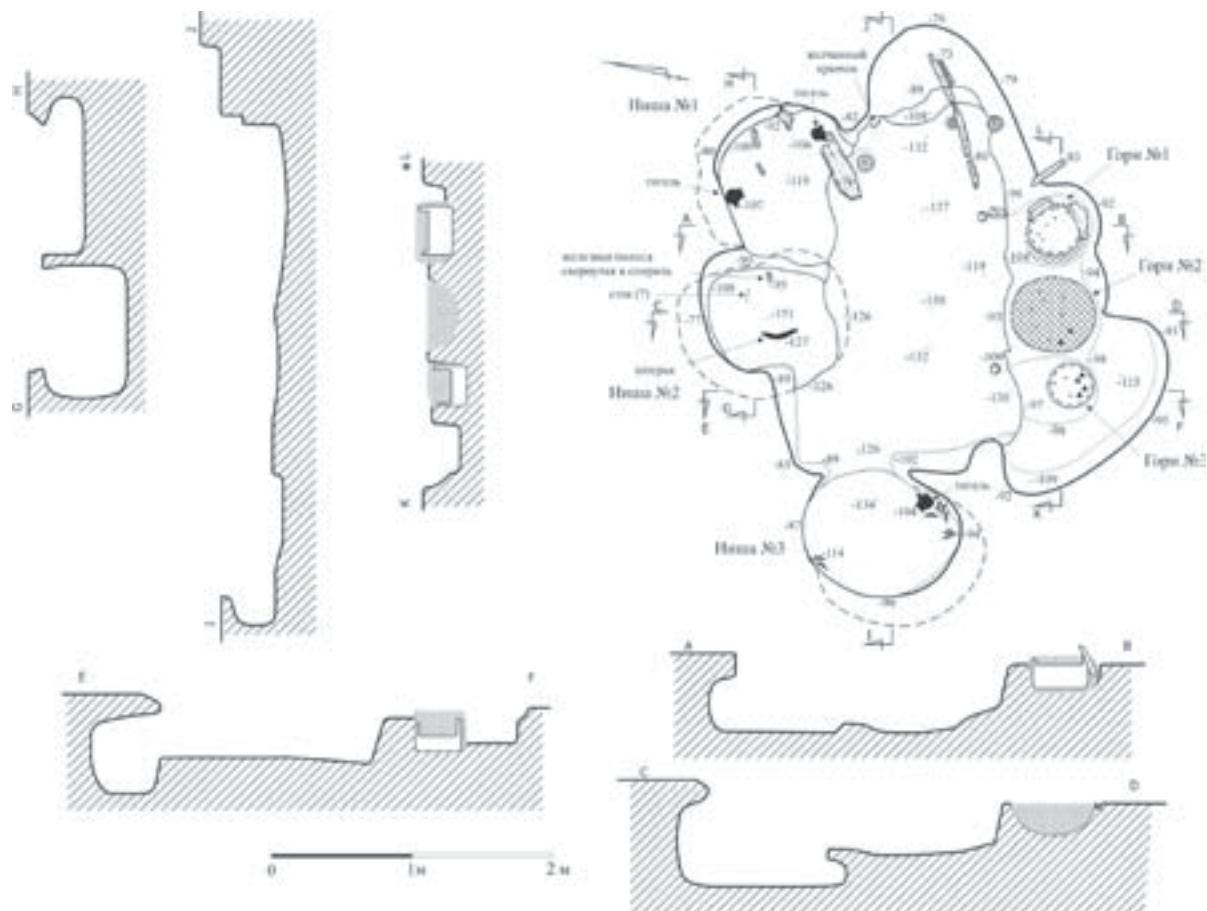

Рис.1. Поселение Тоток, планиграфия и разрезы кузницы

Горн № 2, располагался в середине, после горна № 1. Представлял собой округлую яму размером $0,55 \times 0,6$ м и глубиной до $0,25$ м, заполненную мелким древесным углем, кусочками железного шлака. Дополнительные конструкции в виде обмазки жидкой глиной не наблюдалось.

Горн № 3, крайний правый. Представлял собой круглую площадку из сырой, впоследствии обожженной глины мощностью 10 см и диаметром до $0,30$ м с фрагментами вертикальных стенок толщиной $2-5$ см и высотой до 15 см. Вокруг площадки и внутри нее наблюдалось пятно прокала красно-желтого цвета, кусочки железного шлака и мелкий древесный уголь.

Хозяйственные ниши располагались с СЗ стороны, справа и напротив входа в кузницу.

Ниша № 1, крайняя правая, самая близкая к входу. Представляла собой овальную яму размером $1,1 \times 0,8$ м с заплечиками-подбоями до $0,2$ м. Глубина ямы $0,4$ м. В нише находились два раздавленных керамических тигля и фрагменты бересты (рис. 1).

Ниша № 2, располагалась сразу за нишей № 1. Представляла собой овальную яму размером $0,90 \times 0,85$ м, с заплечиками-подбоями до $0,25$ м, глубиной до $0,7$ м. В верхней трети ямы, на глубине 15 см найдены: костяной фрагмент шила, железная полоса металла свернутая в спираль, ниже в средней части ниши, на глубине 47 см от края фиксировался железный шперак. В засыпке ниши встречались кусочки железного шлака, угольки (рис. 1).

Ниша № 3, находилась напротив входа, в самом конце кузницы. Ниша овальной формы, размерами $1,1 \times 0,9$ м, с заплечиками-подбоями до $0,25$ м, глубина до $0,4$ м. В верхней трети, на глубине $5-20$ см найдены колодые кости животных и один керамический тигель (рис. 1).

Описание предметов

Стек (?). Найден в нише № 2 в кузнице. Представляет собой приостренную кость, округлую в сечении. Основание срезано. Длина изделия $6,2$ см. Предмет мог служить стеком, с помощью которого наносился орнамент на керамические горшки, а также шилом (рис. 2 -7).

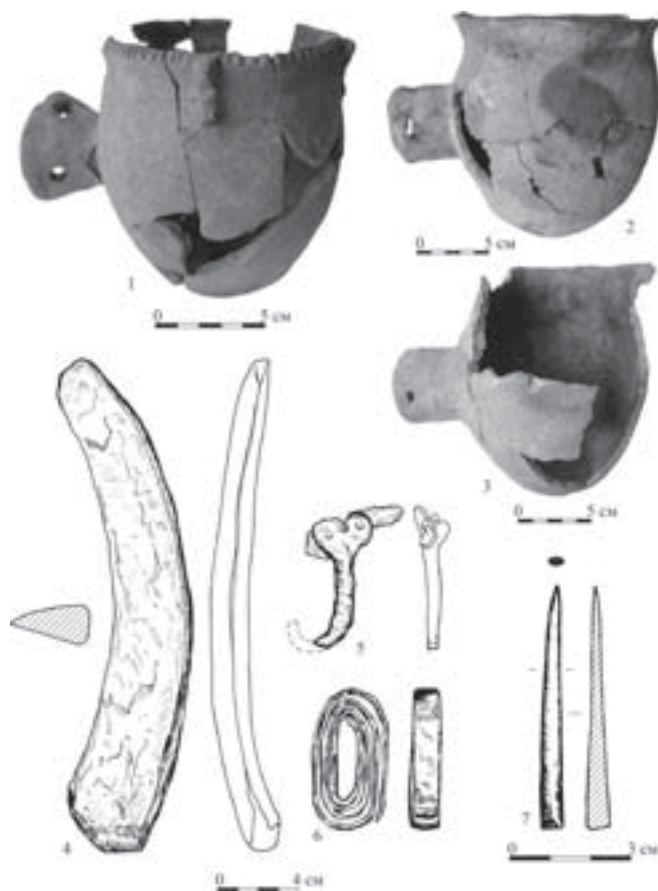

Рис.2. Поселение Тоток, предметы найденные в кузне
1,2,3 – тигли, 4 – шперак, 5 – колчаный крючок, 6 – железная полоса, 7 – стек из кости

Шперак (приспособление для фигурнойковки). Найден в нише № 2. Представляет собой массивный изогнутый железный стержень, в сечении подтреугольной формы. Длина изделия 25 см (рис. 2 -4).

Полоса металла (железо), свернутая в спираль. Найдена в нише № 2. Ширина полосы 1,2 см, толщина 0,2 см (рис. 2 -6).

Колчаный крючок. Изготовлен из железа. Имеет прямоугольную пластину – основу, на которой крепился клепками сам крюк. Место крепления крюка к пластинке оформлено в виде двух лепестков, из середины которых выходят две клепки. Крюк загнутый, кончик обломан, длина 7 см (рис. 2 -5).

Тигли. Три тигля найдены в кузне (ниша № 1 и 3), а также в кв. 17, пикет В-V и кв. 15, пикет С-V отмечены фрагменты ручек тиглей.

Два тигля, найденные в нише № 1, практически одинаковы. Они имеют округлое дно и слегка зауженную горловину, венчики отогнуты наружу, ручки прямые с четырьмя отверстиями крепления. Высота тиглей 14 -14,5 см, диаметр венчиков 6–6,5 см; длина ручек 4–4,5 см, ширина 5 см. Ручки изготавливались отдельно и прикреплялись к основной емкости с внешней стороны (рис. 2 -2,3).

Еще один тигель, найденный в нише № 3, имеет баночную форму и плоское дно. Высота сосуда 11,5 см, диаметр венчика 10 см, дна - 7 см. Венчик чуть отогнут наружу, по краю украшен узкими прямыми овальными вдавлениями, шейка сосуда усилена четырьмя вертикальными небольшими узкими наклепными выступами. Тигелек имеет ручку в виде конуса с четырьмя отверстиями крепления. Длина ручки 4 см; ширина - 5,5 см, в месте соединения с сосудом 3,5 см. Ручка изготавливалась отдельно от основного горшка, но крепилась в сквозное отверстие еще сырой стенки (рис. 2 -1).

По костям животных из слоя и сооружений поселения получена серия радиоуглеродных дат: 995±40 л.н. (СОАН-4586), 860±25 л.н. (СОАН-4587), 965±55 л.н. (СОАН-6333). Таким образом, время функционирования кузницы и всего поселения Тоток определяется нами IX – XI вв. н.э. и соотносится с курумчинской археологической культурой юга Средней Сибири.

А.В. Новиков
ИАЭТ СО РАН, Новосибирск

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАЗЫМСКИХ ХАНТОВ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XVIII – XIX вв. (на примере домостроительных традиций Казымского острога)

Исследование этнокультурных процессов XVIII – XIX вв. в Западной Сибири является актуальной научно-исследовательской и научно-практической проблемой, поскольку они лежат в основе современной этнокультурной ситуации в этом регионе и обуславливают ее специфику.

Казымский (Юильский) острог расположен на севере Западной Сибири, в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа, в 45 км вниз по течению р. Казым от пос. Юильск, на краю террасы старицы р. Ун - Вош – Юган. Памятник неоднократно привлекал внимание исследователей [Люцидарская, 1986, с. 153–172]. В начале 1970-х гг. проводились археологические и дендрохронологические исследования Казымского острога [Комин, 1980, с. 121–126; Молодин, Добжанский 1978, с. 191–203; Молодин, 1980, с. 127–140]. В 2005 г. автором проводились археологические исследования на восточной периферии острога.

Современные рельефные признаки острога значительно отличаются от зафиксированных исследователями в 1970-е гг. Полностью отсутствуют какие-либо наземные архитектурные конструкции, площадь острога хорошо задернована, поросла лесом и кустарником.

Территория острога и примыкающего к ней «Юильского городка» почитаются казымскими хантами. Святилище на площади острога возникло в память об их предках, некогда живших на этом месте. Здесь осуществляются обряды, которые сопровождаются подношениями в виде прикладов тканей различного цвета, шкурами и рогами жертвенных оленей и монет.

Для исследования был выбран объект за пределами юго-восточной периферии острога. Современные рельефные признаки объекта представляют собой прямоугольную, хорошо задернованную площадку. Размеры этой площадки приблизительно 4×4 м, высота над окружающим уровнем дерна – до 0,15 м. Она ориентирована углами по сторонам света. В западном углу площадки прослеживается хорошо выраженное повышение округлой формы, диаметром 2 м, высотой над уровнем дерна площадки до 0,2 м. В центре площадки расположено прямоугольное понижение размером $3,8 \times 3,2$ м, ориентированное углами по сторонам света. Глубина этого понижения от окружающего его современного уровня дерна до 0,45 м. Стенки и дно задернованы. С северо-востока и юго-запада к площадке примыкают две задернованные ямы округлой формы, диаметром 1,5 - 2 м, глубиной от общего уровня дерна до 0,2 м. На объекте был заложен раскоп размером 14×14 м (196 кв. м), ориентированный углами по сторонам света.

В раскопе были зафиксированы остатки деревянной конструкции квадратной формы размером $6,2 \times 6,2$ м. Сохранилось два нижних венца бревенчатого сруба, ориентированного углами строго по сторонам света. При снятии дерна и последующей зачистке бревен сруба и плашек обнаружено значительное количество пластов бересты. В центральной (пониженной) части конструкции бересты обнаружено значительно меньше. Очевидно, это покрытие крыши и береста упала после разрушения перекрытия.

Судя по взаиморасположению бревен, характеру их крепления в углах сруба («в обло»), первым венцом были бревна северо-западной («входной») и юго-восточной («задней») стен сруба, а бревна северо-восточной и юго-западной стен укладывались на них. При этом, юго-восточное и северо-западное бревна были изначально вкопаны в дерн наполовину диаметра, поэтому бревна северо-восточной и северо-западной стен укладывались в чаши также на уровне дерна. Зафиксированная длина бревен северо-восточной и юго-восточной стен – 7,2 м., юго-западной – 6,8 м., северо-западной – 7,2 м. За пределами сруба бревна и их фрагменты практически отсутствовали.

В центральной части расположено подквадратное в плане понижение размером $2,8 \times 2,8$ м. Глубина понижения от уровня материка $0,15 - 0,25$ м. Дно понижения также было покрыто плахами с ориентацией по линии ЮВ – СЗ (т.е. «вдоль сруба» по линии «Вход» – «Задняя стена»). Под плахами в центральной части зафиксировано наличие ориентированных поперек плашек лаг, на которые эти плашки укладывались.

В $1,75$ м к северо-западу от бревна первого венца «входной» (северо-западной) стены обнаружены остатки двух вертикально стоящих деревянных столбов. Высота столбов над уровнем материка $0,14 - 0,31$ м. Они были вкопаны в материк на глубину до $0,23$ м. Диаметр столбов составляет $0,12 - 0,14$ м., хотя возможно, они могли быть толще. Расстояние между ближайшими друг к другу точками этих столбов $1,5$ м. Линия между столбами параллельна ориентации «входной» стены (ЮЗ – СВ). Очевидно, эти столбы обозначают вход в помещение. Зафиксировать какие-либо конструктивные особенности или следы входа на самом срубе не удалось. Очевидно, что входной проем был прорублен в этой стене сруба выше уровня первого венца, а какие-либо вертикальные конструкции (столбы-опоры, косяки двери и т.п.), обозначающие вход в помещение, крепились уже выше него, непосредственно на уровне пола.

Вдоль стен, за исключением северо-западной («входной»), выявлены остатки нар, покрытых деревянными плашками. Эти плашки уложены плотными, примыкающими друг к другу рядами с ориентацией вдоль стен, к которым они примыкают. Зафиксированная ширина этих нар до 1 м, ширина плашек, которыми они покрывались $0,1 - 0,2$ м. Плашки очень плохой сохранности, они фиксировались только по наличию тлена. Плашки нар укладывались на слой смешанного песка светло желтого цвета, который очевидно являлся выбросом из понижения центральной части. Этот выброс лег прямо на древний (погребенный) дерн. Слой выброса песка отсутствует за пределами бревен сруба, а значит сооружение центральной, пониженной части (откуда и возник этот выброс) осуществлялось уже после сооружения сруба или, по крайней мере, его нижней части. К северо-восточной и юго-западным стенам нары примыкают «вплотную», а нары у юго-восточной стены отступают от нее на расстояние до $0,35$ м.

В западном углу сруба (справа от входа) обнаружены следы чувала. Они фиксировались и на уровне дерна в виде округлого повышения. После снятия дерна и зачистки здесь зафиксированы остатки 10-ти вертикально стоящих, небольших в диаметре (до $0,1$ м) столбиков – жердей поставленных вертикально полукругом. Диаметр полукруга в нижней части $0,8$ м. Расстояние между столбиками $0,1 - 0,15$ м. Эти столбики практически не сохранились и фиксируются лишь по следам древесного тлена, а в основном по углям. Пространство между столбиками было заполнено полуобожженной глиной – обмазкой чувала. Перед чувалом находилось скопление углей. Эти угли находились непосредственно на деревянных плашках, ориентированных вдоль «входной» стены. Под углями не было какой-либо глиняной «подушки».

Основное количество находок, обнаруженных при исследовании объекта, составляют кованые гвозди (86 экз.). Они фиксировались как среди бревен сруба и плашек нар, так и за пределами сруба. Также обнаружены следующие находки:

1. Кольцо из цветного металла.
2. Кольцо серебряное, изготовлено из серебряного рубля 1898 г.
3. Подвеска конусообразной формы, изготовлена из листового железа.
4. Кресало. Обнаруженный экземпляр относится к типу «калачевидных» кресал с сомкнутыми дужками.

Этот тип кресал, по крайней мере в Сибири, имеет более широкую хронологию, чем в Восточной Европе [Молодин, 1979, с. 86, 175, Табл. XLIII, 1].

5 - 6. Ножи (2 экз.). Оба экземпляра относятся к 1-й группе ножей «с черешком соосным клинку», V типу – «с симметричным лезвием, спинкой, закругленной к острию и приостренным черешком, отделенным с обеих сторон уступами» [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 68]. По ширине клинка ножи разделяются на 2 варианта: 1. Нож «с широким» клинком и 2. Нож «с узким» клинком. Современные хантыйские ножи также делаются 2-х вариантов: «широкие» и «узкие». «Широкие» ножи используются в быту и на охоте в различных целях, а «узкие» специально предназначены для заколки оленей.

7. Кремь (1 экз.). Появление кремней в регионе с отсутствием выходов соответствующих пород камня было связано с импортом. В документах с XVII и до 1-й половины XIX вв. неоднократно упоминается об их доставке в Сибирь и продаже в больших количествах на разных территориях [Бахрушин, 1955, с. 245].

8. Подвеска – пломба. Изготовлена из свинца (?). На печати нанесена надпись. Пломба датируется XX в.

9 – 10. Капсуль (2 экз.). «Жевело». Латунь. Не стреляные. Датируются XX в.

11 – 12. Монета (2 экз.). Желтый металл. 3 копейки. 1932 г.

Кроме того, на различных участках раскопа, вне каких-либо скоплений, были обнаружены кости (22 экз.) северного оленя (*Rangifer tarandus* L.). Все обнаруженные определяемые кости (10 экз.) не дублируются, возможно, они принадлежат 1 особи. Судя по их морфологическим особенностям, особь была молодой. Определить домашний это был олень или дикий для этого вида чрезвычайно сложно.

На основании дендрохронологического анализа Г.Е. Комин пришел к выводу, что «городок функционировал как минимум 70 лет – в 1704-1774 гг.» и к началу XIX в. территория острога уже была оставлена жителями [Комин, 1980, с. 126]. Судя по обнаруженным находкам, к началу XX в. объект уже воспринимался местным населением как давно оставленное («священное») место. Хантыйские, полностью задернованные сооружения расположенные в районе острога относятся к XVIII в. Наземные срубные конструкции хантов 1-й половины XIX в. во многих случаях еще не имеют полной задернованности, а порой, частично сохранились конструктивно. Очевидно, к концу XVIII – началу XIX в.в. можно отнести и изученный нами объект.

Исследованная конструкция является остатками жилого помещения и относится к типу срубных наземных жилищ. Учитывая, что в районе Казымского острога были строения как собственно хантыйские, так и созданные в ходе его строительства служилыми людьми по восточнославянским технологическим традициям, необходимо определить какие традиции определяли архитектуру данного строения.

Традиционной архитектуре хантов посвящено несколько работ, в которых выделены различные типы конструкций [Соколова 1957а, б; 1960; 1963; Попов 1961 и др.]. Замковые сопряжения исследованного сруба относятся к варианту «в обло» с двухсторонним остатком. По мнению З.П. Соколовой, ханты перешли к рубке срубов «в лапу» («в обло») лишь в XX в., что было результатом влияния «русской» культуры на местную строительную технологию [Соколова 1963, с. 200]. Обилие кованых гвоздей, использованных при строительстве, также не характерно для хантыйских домостроительных технологий. В то же время, характер оформления интерьера (центральное понижение, оформление нар, чувал) не является типичным для восточнославянских традиций, его можно связать с хантыйскими домостроительными традициями.

Таким образом, исследованный нами объект на периферии Казымского (Юильского) острога предварительно можно интерпретировать как остатки жилого строения, которое было построено местным (хантыйским) населением т.н. «Юильского городка» с использованием смешанных технологических традиций домостроения и оформления интерьера.

Это позволяет уточнить тезис З.П. Соколовой о сравнительно позднем (XX в.) заимствовании восточнославянских срубных домостроительных традиции хантами. Очевидно, что при наличии «примера» (в виде сооружений Казымского острога) в отдельных регионах проживания, в данном случае в среднем течении р. Казым, ханты значительно раньше (кон. XVIII – нач. XIX в.в.) начали использовать восточнославянские домостроительные традиции при сооружении срубных наземных построек.

Список литературы

- Бахрушин С.В.** Остяцкие и вогульские княжества в XV – XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды, т. III, ч. II. М., 1955, с. – 86 – 152
- Комин Г.Е.** Дендрохронология Казымского городка // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Новосибирск, 1980, с.- 121 – 126.
- Крадин Н.П.** Об основании Казымского (Юильского) острога // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Новосибирск, 1980, с.- 100 – 120.
- Люцидарская А.А.** Юильский острог на р. Казым (к вопросу о времени и причинах возникновения) // Проблемы охраны и освоения культурно – исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск, Наука, 1986, с.- 153 – 172.
- Молодин В.И.** Кыштовский могильник. Новосибирск, Наука, 1979 181 с.
- Молодин В.И.** Археологическая разведка на реке Казым // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Новосибирск, 1980, с.- 127 – 140.
- Молодин В.И., Добжанский В.Н.** Археологические исследования Казымского острога // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с.-191 – 203.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.** Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, Наука, 1990, 262 с.
- Попов А.А.** Жилище // Историко – этнографический атлас Сибири. М.Л. Изд-во АН. С.- 131 -226.
- Соколова З.П.** К истории жилища обских угров // СЭ №2, 1957 а, с. 88 – 105.
- Соколова З.П.** Обско-угорское жилище и его история. Автореф. кандидатской дисс. 1957 б.
- Соколова З.П.** Современные селения и жилища ваховских хантов // ТИЭ, М, АН СССР. 1960. Т. 56. С.-178 – 198.
- Соколова З.П.** Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ, М, Наука. Т. 84. 1963. с.-182 – 233.

Е.Н. Носов, Н.В. Хвоцинская

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРИИЛЬМЕНЬЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ С РЕГИОНОМ ЗАПАДНОЙ БАЛТИКИ В IX-X вв.

В середине IX в., а возможно, и несколько ранее в истоке Волхова в центре плотного славянского расселения и на пересечении двух торгово-военных путей (балтийско-волжского пути и пути из «варяг в греки») сформировался крупный военно-административный и торгово-ремесленный центр, получивший в литературе наименование Рюриково городище. Раскопки Городища последних лет подтвердили многообразие материальной культуры поселения, его широкие международные связи и разнотнический состав жителей. Основу материальной культуры раннего Городища безусловно составляет славянский этнический компонент. Чрезвычайно ярко на Городище проявился и комплекс находок скандинавского происхождения. Достаточно презентабельную коллекцию в период раннего Городища представляют вещи финно-угорского характера, происходящие из различных областей финского мира от Прикамья на востоке и до Балтики на западе. Финские находки, относящиеся к раннему этапу существования Городища (IX-X вв.), не принадлежат коренному финскому населению Приильмения, а появились здесь в результате межплеменных контактов.

В своем докладе мы хотели бы обратить внимание на некоторые находки непосредственно связанные с западно-финским регионом, а именно, прежде всего, с территорией Эстонии и Финляндии. К ним относятся костяные гребни с резным зооморфным орнаментом на спинке, в виде головок птиц («рыугского типа»), кресало с бронзовой рукоятью с изображениями коней и всадника, финская равноплечная фибула типа 7 (по классификации Э. Кивикоски), прототипами которых являлись аналогичные скандинавские образцы и обломки пяти лощенных мисок. Миски имеют вогнутый внутрь и уплощенный венчик. Переход от бортика к нижней части тулова выражен ребром. Все сосуды украшены прямыми линиями или зигзагообразным орнаментом по бортику. Три миски имели также валобразный валик, образованный при формовке изделий.

Можно наметить пути попадания вещей западно-финского типа на Волхов. Для этого чрезвычайно важно, что городищенские лощенные миски имеют ближайšie аналогии на поселении Иру под Таллинном. Этот путь трассируют также такие редкие находки как равноплечные фибулы типа Вальста.

Центром их производства, судя по находкам обломков глиняных литейных формочек, являлась Бирка. К 1994 г. в районе оз. Меларен было известно всего четыре целых фибулы. За пределами Швеции одна фибула найдена в Норвегии, одна – в Западной Финляндии и одна – в Эстонии на городище Иру. Общими чертами для фибул типа Вальста являлись ромбовидные плечи со звериными головами в форме выпуклин на трех свободных углах и пряди волос отходящие от голов. Кроме того, они сравнительно тяжелы, поскольку их обратные стороны менее вогнуты, чем у большинства скандинавских фибул эпохи викингов. Отметим, что фибулы данной группы относятся к раннему периоду эпохи викингов, то есть ко второй половине VIII – второй половине IX вв.

В начале 1990-х гг. столь редкая фибула была обнаружена и на Рюриковом городище, а соответственно городище Иру оказалось ближайшим пунктом на Балтике от истока Волхова с такой же уникальной находкой. Тем самым лощенные миски с городища Иру и рассматриваемая фибула маркируют один и тот же путь. Позднее на Рюриковом городище был найден еще один фрагмент фибулы типа Вальста, а в его ближайшей округе была обнаружена целая фибула такого типа. Четвертая фибула на территории Древней Руси происходит из Старой Ладуги – первом торгово-ремесленном центре на пути в континентальную часть Восточной Европы.

По письменным источникам XIII-XV вв. достаточно хорошо известен путь с территории Руси через Финский залив и Балтийское море в Швецию, Данию и Германию. Его специальный анализ был проведен И. П. Шаскольским. Он показал, что торговый путь из Новгорода на запад установился ранее XII в. Путь про-

ходил по Волхову и Неве в Финский залив, мимо острова Котлин и затем вдоль южного берега залива. Одним из наиболее удобных мест стоянки судов являлась ревельская бухта, где часть кораблей и пересекала залив, подходя к берегам Финляндии.

Городище Иру как раз и расположено в 10 км от центра современного г. Таллинна, на р. Пирита, в безопасном от внезапных нападений месте, на некотором удалении от моря. Именно здесь и был укрепленный центр, игравший важную роль промежуточной стоянки при трудном путешествии. Далее корабли, шедшие на Готланд и в Любек, продолжали плыть вдоль Эстонии мимо острова Саарема к Готланду. Маршрут кораблей, шедших в Сигтуну или далее, в Данию, - как полагал И.П. Шаскольский, - нам известен еще точнее, ибо до нас дошло описание этого пути в рукописи середины XIII в., хранящейся в Королевской библиотеке в Стокгольме. Из ревельской бухты путь поворачивал на север к финляндскому берегу, к мысу Порккала – Удд, и затем вел через шхеры вдоль юго-западной Финляндии и южнее Аландских островов к Швеции и далее – к Сигтуне; из Сигтуны корабли, шедшие в Данию, продолжали путь вдоль шведского берега. Вполне очевидно, что наиболее рациональный маршрут плавания по этой части Финского залива сложился еще в эпоху викингов и гораздо ранее, того времени, когда его описание попало на страницы письменных источников.

Итак, география распространения таких редких находок как равноплечные фибулы типа Вальста не случайна, она подтверждает наши наблюдения и трассирует путь: Швеция – Западная Финляндия – Северная Эстония – Старая Ладога - исток Волхова, подчеркивая роль укрепленного поселения Иру на этой магистрали. Дополнительным фактом того, что путь шел вдоль южного побережья Финского залива, являются находки монетных кладов.

Перед 1941 г. в районе г. Петергофа был найден клад куфических и сасанидских монет, младшая из которых отчеканена в 804/805 гг. Это определенно подтверждает, что уже в ранний период поступления восточного серебра на Балтику водный путь проходил вдоль южного побережья Финского залива. Также именно об этом свидетельствует концентрация кладов IX-XII вв. вдоль северного побережья Эстонии в районе Кохтла-Ярве и Таллина.

Подводя итог нашему рассмотрению находок западно-финских типов на Рюриковом городище, следует подчеркнуть, что имеющиеся материалы убеждают нас в том, что между Северной Эстонией и Приильменем в IX-X вв. была непосредственная связь в рамках проходившего здесь единого североевропейского пути.

Ю.И. Ожередов

Томский государственный университет, Томск

К ВОПРОСУ СЕМАНТИКИ РИТУАЛЬНОГО НАКОНЕЧНИКА ТРЕЗУБЦА У СЕЛЬКУПОВ

Среди ритуальных инструментов селькупов особо привлекает внимание стрела из Красноярского краеведческого музея с трезубым наконечником, предназначенным для обрезания пуповины у новорожденных (рис. 1. 7) [Пелих. 1972; Гемуев, Соловьев. 1984].

Кованая полоса разрезана вдоль на три заточенных клинка, два из которых, фигурно разогнуты в стороны и вниз, а центральный напоминает двулезвийный кинжал. На древко привязано 11 разноцветных тряпочек, знаков обрезанных пуповин и даров богам [Гемуев, 1980]. Предмет определенно входит в группу сакральных атрибутов богини Умай: сагайцы называют пуповину *ымай (умай)*, а по хакасскому поверью *ымай* означает душу или жизненную силу грудного ребенка, находящуюся у пуповины [Бутанаев. 1984]. В телеутском предании Май-энэ обрезает пуповину и охраняет новорожденных с луком и стрелой. В культовых изображениях шорцев Умай предстает в виде куклы, оснащенной теми же атрибутами [Скобелев. 1998].

По данным А. Геннепа, для отсечения пуповины использовались орудия мужского или женского труда. Например, у орайби в Аризоне эту операцию мальчишкам проводят, подложив под пуповину наконечник стрелы [2002].

В археологии, образцы, напоминающие селькупский ритуальный наконечник, находим в руках божества из Черновой-8 (рис. 1. 12), которым Ю.Н. Есин отводит в семантическом контексте кодовые значения змеи и растения, смыкающиеся в едином понятие Мирового столпа [Есин. 2005].

У кетов и селькупов именно так выглядел жезл или посох шамана (рис. 1. 1, 2, 6). Это орудие имело магико-боевое назначение, являясь апотропеем против злых духов. Видимо, последнее, обусловило такое же оформление флюгеров на кетских дощаниках (рис. 1. 3, 4). Вместе с тем, форма красноярского наконечника аналогична форме трезубца, символа Шивы (рис. 1. 9-11) [Бауер, Дюмоц, Головин. 1995] и бога морей Нептуна. Трезубец в качестве оружия реального боя так же известен в истории Евразии. Очевидно, в шаманских жезлах отложилось представление о древнем виде оружия и, видимо, сакрализованном символе божественной власти.

Комплекс погребальных и поминальных ритуалов стал другой сферой проявления идеи трезубца. В.И. Анучин отметил, что по завершении похорон кеты сваливали на могилу ворох ветвей и устанавливали "развилку" [1914] (рис. 1. 5), символизирующую дерево.

Ранние упоминания о мировом дереве имеются в Ригведе и китайской мифологии: в первом случае о столбе с вершиной похожей на рога животного, а во втором о ветвях на верхушке дерева «цзяньму». Последнее из контекста работы Я.А. Шера – есть мировое дерево [1980], семантически идентичное столбам с трехрогой вилкой. Индоиранцы идею такого столба пронесли еще дальше. Треглавостью отличались жертвенные столбы народа Vahlka (предположительно массагетов), привязанными к которым умерщвлялись жертвенные животные. [Лелеков. 1980]. Треглавый столб-дерево «*кассиль по*» с привязанным жертвенным оленем нарисовал селькупский шаман по заданию Е.Д. Прокофьевой [1949]. При этом он вряд ли был осведомлен о массагетских прототипах своего творчества (рис. 1. 8.)

По сведениям Ибн-Фадлана, средневековые «русы» после сожжения умершего, останки его хоронили под курган, а на вершину ставили «деревяшку хатанга (белого тополя)» и писали на ней имя умершего [1939].

Рогатые столбы проявляются в обычае якутов привязывать березы к верхушкам жертвенных столбов, воздвигаемых во время «*ысыаха*» [Сагалаев. 1991]. А духом-защитником селения коряков выступает столб, имеющий на верху развилку и служащий посредником между людьми и богами [Хэжель. 2001]. Ритуальный бронзовый столб, с тройной вершиной использовали для жертвоприношений в Бенине Западной Африки [Клемен. 2002].

Рис. 1. Трезубцы

1, 2 – посохи (жезлы) кетских шаманов; 3, 4 – флюгера кетских лодок; 5 – надгробие кетов (по: Анучин В. И., 1914. Рис.58, 59, 63, 64, 72); 6 – посох селькупского шамана (по: Прокофьева Е. Д., 1949. Рис. 36); 7 – ритуальная стрела селькупов (по: Гемуев И. Н., Соловьев А. И., 1984. Рис. 1.1); шаманское «дерево», селькупы (по: Прокофьева Е. Д., 1949. Рис. 38); 9, 10 – трезубец Шивы (трешул); 11 – европейский вариант трезубца (по: Бауер В., Дюмоц И., Головин С. 1995); 12 – окуневское изображение: Черновая-8 (по: Есин Ю.Н., 2005. Рис.1.1); 13 – антропоморфы Кавказа (по: Голан А. Рис. 332).

В целом ряде примеров с постоянством звучит информация о трехглавых жертвенных столбах, сопоставимых в семантическом аспекте с мировым деревом или «*axis mundi*» – «ось мира» [Элиаде, Кулиано. 1997]. Мировое дерево в доведийский период ассоциировалась с женским божеством, персонифицируясь в образе Богини матери. Р. Шарру писал, что «когда были созданы 14 миров с осью проходящей через них, и горой Кайлаша сверху, на вершине горы появился треугольник йони (вульва), а в ней лингам Этот лингам в других религиях жеманно называют «древом жизни» [1992]. Со временем женская ипостась мирового дерева вытесняется мужской. В южноиндийском обряде брака богини и демона столб персонифицирует мужской образ, а сосуд с водой – женский [Альбедиль. 1994]. Столб и 54 сосуда рядом с ним были обнаружены в одном из святилищ Харатты [Альбедиль, Гуров, Кнорозов. 1999]. Согласно антропоморфным формам культур Кавказа основой трезубца стало изображение мужчины с руками в позиции адорации (рис.1. 13) [Голан. 1994].

В соответствии с новым осмыслением, в инверсированном виде фигура Ψ трактуется в качестве знака мужчины с акцентом на половом органе [Лихт Г. 1995]. Одновременно, он осмысливается столбом, стоящим на корнях. Именно так выглядят селькупские и ненецкие идолы, персонифицирующие мужские и женские божества [Хомич. 1977; Ожередов. 1999] и подчеркивающие двуполость антропонимизма столбов-деревьев, которые получают идейное завершение в оленных камнях и каменных скульптурах, передающих образы сакральные персонажи кочевого юга. Кроме того, М.Ф. Альбедиль говорит, что развилка на голове – это головной убор одного из пяти главных божеств [1994]. Возможно с этими божествами коннотированы рогатые персонажи лодок на скальных панно, именуемые шаманами [Окладников. 1959]

Бытование двуполовых символов трезубцев в шаманской атрибутике не вызывает особого удивления если учесть особенность шаманизма, часто требующего от шаманов перевоплощений в противоположный пол. Не противоречит такой позиции и образ Шивы, носителя трехконечного копья. Известно, что его культу свойственна двуполость, в которой они именуются Ардханаришвара, с правой мужской и левой женской половинами [П.Г. 1991].

Все это вполне соответствует идее о божественном синкретизме и первобытной андрогинии, фиксирующихся в представлениях о мировом дереве.

На основании изложенного, можно предположить, что трезубый наконечник на селькупской стреле имеет синкретическую двуполоую семантику и форму, экстраполированные через образ Мирового дерева. А в обряде подразумевает использование для новорожденных обоих полов.

Список литературы

- Альбедиль М.Ф. Протоиндийская цивилизация. Очерки культуры. – М.: Восточная лит., 1994. – 295 с.
- Альбедиль М.Ф., Гуров Н.В., Кнорозов Ю.В. Штампованные надписи на протоиндийских сосудах. – СПб: Наука, 1999. – С. 5–22.
- Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков. – СПб. Сборник МАЭ ИАН. – Т. II, 2. – 1924. – 91 с.
- Бауер В., Дюмоц И., Головин С. Энциклопедия символов. – М. 1995. – 512 с.
- Бутанаев В.Я. Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. – Новосибирск. Наука, 1984.
- Геннеп А., ван Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. – М.: Вост. лит., 2002. – 198 с. (Этнографическая библиотека).
- Голан А. Миф и символ. – Иерусалим, М.: Русслит. 1994. – 375 с.
- Гемуев И.Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов // Этнография Северной Азии. – Новосибирск. Нука, 1980. – С. 86–138.
- Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. – Новосибирск. 1984. – С. 38–49.
- Есин Ю.Н. Семантика изображений копья в искусстве окуневской культуры // Мир на скального искусства. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – С. 96–99.
- Клемен К. Жизнь мертвых в религиях человечества. – М.: Интрада, 2002. – 224 с
- Лелеков Л.А. Проблема индоиранских аналогий к явлениям скифской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово. Кем. гос. ун-т, 1980. – С. 118–125.
- Ожередов Ю.И. К вопросу о западносибирской монументальной, культовой скульптуре из дерева // Проблемы документации исчезающих языков и культур. – Уфа-Томск. 1999. – Ч. 1. – С. 242–249.
- Окладников А.П. Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. – Иркутск. 1959. – 210 с.
- П.Г. Шива // Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 623–624.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 193 с.
- Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского шамана // СМАЭ. Т. XI. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 335–375.
- Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. – Новосибирск. Наука, 1991. – 155
- Скобелев С.Г. Вариации принадлежности понятия "кут" у тюрков Сибири и Средней Азии в эпоху средневековья. // Сибирь в панораме тысячелетий – Новосибирск. Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. – Т. I. – С. 534–542.
- Хомич Л.В. Религиозные культы у ненцев // СМАЭ. XXXIII. – Л.: Наука. – 1977. – С. 5–28.
- Хэжелъ Й. Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма). – Томск. Изд-во Том. ун-та. 2001. – 109 с.
- Шарру Р. Погибшие миры. – М.: Общество по изучению тайн и загадок Земли, 1992. – 239 с.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований. – М.: Рудомино, СПб.: Университетская книга, 1997. – 415 с.

Е.М. Пигарёв*Астраханский музей-заповедник, Астрахань*

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

«Город Сарай – один из красивейших городов, достигающий чрезвычайной величины на ровной земле, переполненной людьми, красивыми базарами и широкими улицами... В нем тринадцать мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей... В нем живут разные народы, как то монголы..., асы..., кипчаки, черкесы, русские и византийцы. Каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их». Таким увидел Сарай арабский путешественник Ибн-Батута в 30-х гг XIV века

[Тизенгаузен, 1884, с.306]. Город Сарай, Сарай ал-Махруса – столица улуса Джучи – в научном мире более известный, как Селитренное городище, расположен на берегу реки Ахтуба в Харабалинском районе Астраханской области. Селитренное городище является памятником археологии федерального значения и считается, по праву, одним из крупнейших археологических объектов Российской Федерации.

Развалины золотоордынской столицы издавна привлекали к себе внимание путешественников и исследователей. Целый ряд ученых оставил описание городища: И.П.Фальк, П.С.Паллас, И.Потоцкий, М.С.Рыбушкин, И.Шеньян, А.В.Терещенко, Н.П.Загоскин, А.А.Спицын [Рудаков, 2000].

Первые по настоящему научные раскопки городища были проведены в 1922 г Ф.В.Баллодом, который снял его план, условно разбил город на семь районов, дав им социальную характеристику, провел классификацию находок [Баллод, 1923].

С 1965г Селитренное городище исследуется Поволжской археологической экспедицией ИА РАН, руководство которой осуществлялось А.П.Смирновым, Г.А.Федоровым-Давыдовым, В.В.Дворниченко [Федоров-Давыдов, 1984]. За четыре десятилетия изучения города в руки ученых попала богатейшая археологическая информация, с помощью которой было изменено представление об улусе Джучи как о кочевом государстве с малочисленными и слабо развитыми городами. К настоящему времени на городище полностью исследовано сорок раскопов, находящихся в различных районах города, общей площадью почти 30000 м². Интенсивные работы ПАЭ ИА РАН позволили реконструировать цивилизацию Золотой Орды, представляющей собой симбиоз двух миров – городской культуры и степной стихии кочевников [Федоров-Давыдов, 1994].

В 2003 г в целях дальнейшего изучения и сохранения памятника был создан музей «Селитренное городище», являющийся филиалом Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника (АГОИАМЗ). Это позволило не только увеличить масштабы исследовательских работ на городище, но и более продуманно подойти к проблеме сохранения памятника, как объекта историко-культурного наследия народов Российской Федерации. К сегодняшнему дню в охранную зону памятника отнесена территория площадью 2061 га, ведется работа по созданию егерской службы, для защиты его от браконьерства и бесконтрольного строительства. Нам удалось сформировать на Селитренном городище профессиональную команду единомышленников, способных решать многочисленные проблемы, связанные с исследованием этого уникального памятника, в которую входят специалисты учебных заведений, музеев, исследовательских институтов Москвы, Казани, Йошкар-Олы, Волгограда, Астрахани.

Долгое время в науке бытовало мнение о том, что культурные слои Сарая XIII века находятся под современным селом Селитренное и потому являются недоступными для исследователей. Нахождение и изучение слоя этого раннего периода может помочь в разрешении проблемы, связанной с вопросом о существовании в Золотой Орде двух столиц [Гончаров, 2000].

В 2003-2004 гг нам удалось провести широкомасштабные исследования непосредственно на территории села. В разных частях Селитренного было заложено 29 раскопов и шурфов, общей площадью более 700 м²,

которые показали отсутствие мощного слоя под большей частью села. Более того, культурный слой здесь располагается отдельными пятнами и хронологически совпадает с датировкой культурного слоя городища за пределами села, в районах, традиционно исследовавшихся ПАЭ ИА РАН. Видимо, можно с уверенностью говорить о том, что под селом Селитренным не было центральной части городища со слоями XIII века, и вопрос о двух Сараях так и остается открытым.

Одной из важнейших задач современной науки должно стать не только изучение памятников, но и их сохранение для будущих поколений исследователей. Одним из механизмов решения проблемы сохранения объекта, является его музеефикация. Организация музея «Селитренное городище» ведется по двум направлениям: первое – строительство стационарного музея, с привычными оборудованием и экспозициями, где будут представлены предметы материальной культуры средневекового города; и, второе – создание музея под открытым небом, где в качестве главного экспоната выступает само городище и, раскопанные на его территории археологические объекты.

В 2005 году мы вплотную подошли к работе по второму направлению. В течение полевого сезона экспедицией были найдены, исследованы и подготовлены к глубокой консервации и музеефикации два хорошо сохранившихся архитектурных сооружения, раскрывающих различные стороны жизнедеятельности средневекового населения Сарая.

Первое сооружение относится к памятникам погребальной архитектуры и представляет собой подземный кирпичный склеп (гурхана) с квадратным основанием, переходящим через систему стрельчатых арок («парусов») в круглый купол. В склепе находился костяк погребенного, над которым был совершен обряд «обезвреживания трупа». Вход в сооружение охраняло захоронение собаки. Раскопанный объект вызывает интерес не только в плане научной новизны, но и из-за степени сохранности. Незначительные утраты (обрушение в древности части купола) позволяют произвести музеефикацию склепа без серьезных финансовых затрат. Это сооружение относится нами к ногайской культурной общности и датируются по найденной на полу монете 20-ми гг XV века.

Вторым объектом, заслуживающим внимание, является раскопанный нами промышленный горн для обжига гончарной керамики. Размеры сооружения (диаметр – 4 м, высота – 5 м) и его сохранность (обвалившаяся в древности купольная часть) также, в случае музеефикации, сделают его привлекательным не только для обычного туриста, но и для специалиста археолога. Расширение раскопа на данном участке, планируемое нами на полевой сезон 2006 года, позволит исследовать и сохранить для показа и последующего изучения гончарного ремесла крупную золотоордынскую мастерскую.

Нам видится, что именно такой подход к работе на крупных памятниках археологии, даст нам возможность для их дальнейшего детального изучения и, самое главное, сохранения для будущей науки. И в этом направлении главную роль должны сыграть не провинциальные музеи, департаменты и инспекции, а четко сформулированная государственная программа, направленная на создание археологических заповедников, как это уже происходило в нашей стране в 1960-70-х гг [Медведь, 2004].

Список литературы

- Баллод Ф.В.** Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды: (результаты археологических работ летом 1922 г.). – Казань. – 1923. – С.30–61.
- Гончаров Е.Ю.** Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. – Донецк: Изд-во Донец. ун-та. – 2000. – Т.1. – С.345–349.
- Медведь А.Н.** Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). – Москва. – 2004. – С. 35–44.
- Рудаков В.Г.** История изучения Селитренного городища // Российская археология. – 2000. – №2. – С. 180–191.
- Тизенгаузен В.Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – СПб. – 1884. – Т. 1.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // Советская археология. – 1984. – №3. – С.83.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Золотоордынские города Поволжья. –М.: Изд-во Моск. ун-та. –1994. –С.4.

К.А. Руденко*Национальный музей Республики Татарстан, Казань*

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В XI-XIV вв.: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, РАЗВИТИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Со второй половины XIX в. традиционным для казанской археологии было изучение средневекового города. Сельские болгарские поселения долгое время оставались малоисследованными. Только со второй половины XX в. работы в этом направлении активизировались. Работы в Ульяновской области (А.П.Смирнов), Чувашии (В.Ф.Каховский), Татарии (В.Ф.Генинг, Т.А.Хлебникова, Р.Г.Фахрутдинов, Е.П.Казаков) позволили выявить и картографировать значительную часть селищ, наметить динамику их существования, и определить основные черты материальной культуры [Руденко, 2001]. Работы 1990-х гг. расширили источниковую базу и наметили ключевые проблемы в этой области [Руденко К.А., 2004].

Тем не менее, раскопками за почти 150 летний период археологии Волжской Булгарии оказалось охвачено не более 2% от общего числа селищ X-XV вв. Отдельными исследованными памятниками представлен период X в. Это Малоиерусалимское поселение в Болгарах (исследователь П.Н.Старостин), Измерское, Семеновские селища (исследователь Е.П.Казаков). Немногочисленны раскопки селищ золотоордынского времени, как например Сухореченское селище (исследователь Г.И.Матвеева) или Песчаный остров (исследователь К.А.Руденко). Практически полностью «белым пятном» остается археологический «портрет» села второй половины XV - первой половины XVI в.

На первом месте в изучении селищ болгаро-татарского времени стоят вопросы генезиса болгарского сельского расселения. В этом комплексе взаимосвязанных тем можно выделить следующие: 1) седентаризация населения Ранней Волжской Булгарии с непрочной оседлостью; 2) миграционные процессы в Волго-Камье и их отражение на поселенческой структуре; 3) время (датировка) и этапность этого процесса; 4) соотношение и последовательность болгарской урбанизации и сельского расселения; 5) социальные, экономические и природные факторы в размещении средневекового населения. К этому необходимо добавить не разработанность в болгаристике археологической терминологии (село=селище?) и методических подходов к исследованию.

Ключевой темой здесь является датировка ранних болгарских поселений. Разночтения в решении проблемы о возникновении стационарных болгарских поселений (начало или 2 – 3 четверть X в.) во многом являются принципиальными в исследовании становления поселенческой структуры Волжской Булгарии.

Другим фактором пока детально не исследованным является влияние окружающей природной среды как на развитие селищной структуры, так и ее функционирования. Расселение в Волжской Булгарии и сопредельных территориях Волго-Камья в эпоху средневековья происходило в различных природных зонах к условиям, которых, переселенцам, очевидно, приходилось адаптироваться. Вопросы адаптации этносов в экосистеме являются основой решения многих вопросов связанных, в том числе и с проблемой этногенеза и этнокультурного взаимодействия народов. Такие исследования на археологическом материале разных эпох в последние десятилетия становятся достаточно распространенными (А.П.Бужилова; Н.А.Макаров), но болгарские поселения в этом контексте не рассматривались. Основные направления исследований в этом отношении можно представить в следующем виде.

Этническая территория волжских болгар VIII – IX вв. приходится на Ульяновское Поволжье и южную часть Казанского Поволжья. В последующее время территория распространения болгарского этноса охватила все Среднее Поволжье. Здесь в X веке формируется этнос волжско-камских болгар, по сути нового народа. Этнической территорией его стало Казанское Поволжье.

Феноменальность развития этногенетических процессов в регионе в IX-X вв. заключается в том, что новых условиях начинается процесс активного этнического взаимодействия – этнической фузии и межэтни-

ческой интеграции и как следствие этого нивелировка этнических границ. В результате этих процессов к третьей четверти X в. материальная культура болгарских поселений стала иметь столько общих элементов, что этнические особенности проживавшего там населения без детального исследования материальной культуры становятся не заметными.

Объяснялось это влиянием социально-политических факторов, новой волной этнического переселения или сочетанием нескольких факторов.

В решении этого вопроса важно исследование системы не только сельского расселения, но и системы землепользования. В этом плане микроуровень природной среды можно сопоставить с функционированием и дифференциацией территориальной человеческой группы в археологическом выражении сопоставимой с отдельным поселением (селищем) и его территорией. Эта структурная единица является частью микрорегиона – мезоуровня природной среды. Взаимодействие социального и природного должно сначала проявляться на микро и мезоуровне. На этой основе складывалась система землепользования, и затем землевладения, определялись различные процессы в формировании поселенческих структур. Именно на основе этого можно судить о причинах внутренних переселений и миграций.

Это в свою очередь связывает диагностируемые на археологическом уровне данные с палеодемографическими исследованиями: интенсивности естественного прироста населения, составом населения по полу и возрасту. Это дает возможность исследовать причины внутреннего движения населения и, в связи с этим, образования новых поселений, соотношение пришлого и аборигенного населения и различий в традиционной культуре соседствующих этнических групп. В этом отношении важным источником становятся данные антропологии и археозоологии.

Развитие болгарской поселенческой структуры XI-XIII вв. пока можно исследовать только на довольно ограниченном материале поселений Казанского западного Закамья и Чувашского Поволжья. Стационарным раскопкам на территории Татарстана подверглось менее десятка селищ. Из них наибольшая площадь изучена на Измерском (Е.П.Казаков), Рождественском (В.Ф.Генинг), Остолоповском (Т.А.Хлебникова, К.А.Руденко), VI Алексеевском, Мурзихинском, Песчаный остров (К.А.Руденко) селищах. О большинстве селищ можно судить только по сборам подъемного материала (Р.Г.Фахрутдинов). Используя имеющиеся на сегодняшний день данные можно рассмотреть следующую гипотезу.

Непосредственным «маркером» процессов адаптации является характер основных занятий населения. В период до второй половины IX – первой четверти X в., по археологическим данным процент земледельческих орудий среди других категорий вещевого инвентаря не велик. В Танкеевском могильнике имеются единичные находки серпа, мотыжек, топоров – кельтов и проушных топоров. Изменяется ситуация в X в. Хотя мы не имеем твердо датированных археологических находок относящихся к сельскохозяйственному производству этого времени, можно предположить, что появление массы постоянных селений свидетельствует о практике пашенного земледелия в регионе. В XI-XIII вв. наряду с земледелием было развито скотоводство, охота и рыболовство.

Таким образом, можно предполагать, что население болгарского государства в XI-XIII вв. вело комплексное хозяйство, максимально использовавшее возможности среды обитания для обеспечения своей жизнедеятельности.

По результатам наблюдений по количественному составу археологических памятников и с учетом опубликованных результатов раскопок можно предположить следующую схему развития антропокомплекса в казанском Поволжье.

Первый этап VII-IX вв.: появление «пионерного» тюркского населения на Самарской Луке (новинковские памятники) и затем правобережных племен болгар (Большетарханско-Кайбельская группа) при невысокой численности большинства из них. Происходит освоение края ставшего этнической территорией волжских болгар.

Второй этап X-XIII вв.: последующее формирование полиэтничного сообщества, при активных миграционных процессах (в условиях общей стабильности популяции), сопровождавшихся усилением метисации контактирующих этносов. Формирование адаптивного типа населения на территории Волжской Булгарии (территории расселения этноса).

Третий этап XIV-XV вв.: сокращение популяции, смена доминирующих этносов как результат социо-политических изменений.

Четвертый этап XVI в.: заметное сокращение численности населения, длительное сохранение последней стадии сукцессии.

Таким образом, процесс формирования средневекового болгарского расселения происходил спонтанно под воздействием нескольких факторов. Первый фактор демографический, имевший свои особенности в разных природно-климатических зонах. Так на территории Булгарии увеличение численности населения в VIII- IX вв.

происходит в основном за счет миграции, и демографическая стабильность устанавливается только в конце X – начале XI столетия. В X в. в казанском Поволжье складывается метисный тип населения одним из основных компонентов которого, наряду с тюркским был прикамский. Этот этнический «баланс» в регионе в общих чертах сохранялся вплоть до конца XIV в. с усилением доли поволжско-финского населения.

Второй фактор – природно-хозяйственный. До конца X в. происходило включение новых этнических групп и этнообъединений в новые природные условия и их экологической и межэтнической адаптации, то позже этот процесс заключался только в расширении антропогенной среды, уже видоизмененной человеческой деятельностью, и сбалансированный состав населения. Этот факт существенно повлиял как на состав предметных заимствований, так и на сам механизм этого процесса. Причем, отличия, отмечаемые в топографии поселений, составе и специфике находок на них, включая и типологические детали изделий, дают основания предполагать особенные условия их создавшие.

Список литературы

Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань, 2001. – 244 с.

Руденко К.А. Булгарские селища: некоторые итоги и перспективы исследования // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Археологические исследования: Сборник научных докладов и сообщений, посвященных 200-летию Казанского университета. Часть I. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004.– С.94–102.

С.Г. Скобелев

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

ХАРАКТЕРИСТИКА ВООРУЖЕНИЯ РУССКИХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ СРЕДНЕЙ СИБИРИ (по материалам раскопок поселенческих памятников)*

Материалы письменных документов и сохранившиеся в музеях предметы вооружения периода освоения Сибири дают нам лишь некое общее представление об уровне развития и особенностях вооружения русских людей в Сибири. К сожалению, вплоть до последних лет, территория Средней Сибири для русского времени в археологическом плане была фактически не изучена. К настоящему времени ситуация улучшилась. Изучено жилище конца XVII в. на площади Айканского селища на Енисее, где найден и комплекс предметов вооружения [Скобелев, Мандрыка, 1999]. Осуществлены раскопки Саянского острога XVIII в. на Енисее, ставшие в нашей стране пока единственным случаем столь полного изучения русского археологического памятника.

Наибольшее количество находок предметов вооружения сделано на площади Саянского острога. Нами найдены пушечное ядро, 7 фрагментов ружейных замков, включая винты, фрагмент спускового крючка, более 40 ружейных кремней и их фрагментов, 2 наконечника шомполов, фрагмент мерки для пороха, фрагмент пулелейки, пуля, 3 фрагмента клинков сабель, 10 фрагментов панцирных пластин, 2 заготовки для деталей лука, 8 железных и 6 костяных наконечников стрел, 2 части одной костяной свистунки для стрелы.

К тяжелому огнестрельному оружию уверенно относится железное кованое ядро весом около 400 г (т. е., для однофунтовой пушки) и диаметром около 5 см. В Сибири до этого было известно только одно ядро – из раскопок Красноярского острога, но оно было литым [Николаева, 1963, с. 120]. В русской артиллерии кованые ядра широко применялись в XVI – начале XVII вв. [Кирпичников, Хлопин, 1958, с. 176]. Надо полагать, что в Сибири кованые ядра использовались значительно дольше, чем в европейской России. Для пушек в остроге была изготовлена картечь – «для скорых зарядов... обшита в холст из мелкого галешнику и дресвы» [Ватин, 1913, с. 60]. Дресва в виде колотой речной гальки, особенно на площади башен острога, встречалась очень часто. Видимо, когда пушки были вывезены из острога, такую картечь просто высыпали.

К ручному огнестрельному оружию относится ряд находок. Фрагменты ружейных замков отличаются высоким качеством стали, зачастую – сложной формой, присущей обычно деталям механизмов. Опознаются фрагменты движущихся ударных частей кремневого замка с обломанными «губками», в которых зажимался кремль (рис. 1, 1-2). Уверенно определяются винты, служившие, вероятно, крепежными деталями спускового механизма (рис. 1, 4-5). Прочие фрагменты, к сожалению, плохо поддаются идентификации (рис. 1, 3), в т. ч. 3 предмета отнесены к фрагментам замков лишь предположительно. Имеется и спусковой крючок – роговое изделие сложной формы, «нижняя» часть которого представляет собой конус, «верхняя», обломанная – параллелепипед с узором из вырезанных на гранях треугольников. Подобные спусковые крючки известны в этнографических материалах шорцев. Обнаружено более 40 кремней и их фрагментов серого, розового или сине-сиреневого цветов, часть которых могла быть и ружейными. Деление кремней на ружейные и кресальные довольно условно, поскольку они взаимозаменяемы.

Два железных наконечника шомполов представляют собой стержни округлого сечения, один из концов которого оформлен в виде идеально круглой втулки, видимо, для деревянного штока, а другой – в виде круглого утолщения с прямым обрезом края и канавкой по окружности в средней части утолщения. Исходя из размеров втулок и утолщений, следует полагать, что один из шомполов мог использоваться для обслуживания оружия калибром не менее 9 мм, другой – не менее 10 мм.

---

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 05-01-66109а/Т

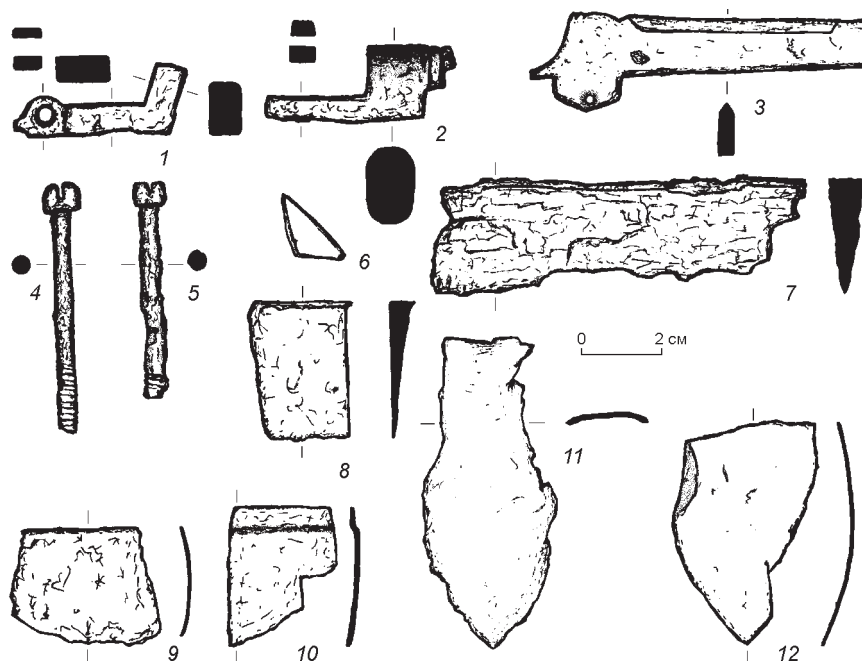

Рис. 1. Предметы вооружения с площади Саянского острога

1–3 – фрагменты деталей ружейных (пистолетных) замков; 4–5 – винты для крепления ружейных (пистолетных) замков; 6 – фрагмент свинцовой болванки; 7–8 – фрагменты клинков сабель (палашей); 9–12 – фрагменты панцирных пластин.
1–5, 7–12 – железо; 6 – свинец.

Фрагмент мерки для пороха – небольшое конусовидное роговое изделие с маленькой емкостью, вырезанной в широкой части. Верхний край обломан. Аналогии этому изделию встречаются среди предметов снаряжения русских охотников конца XIX – начала XX вв. из фондов Новосибирского областного краеведческого музея. Важно отметить, что был найден и кусочек серы. Вероятно, в остроге могло осуществляться собственное производство пороха.

Половинка формы для литья пуль в виде керамической плитки с двумя углублениями для фиксации ответной части и тщательно отшлифованным углублением в средней части в форме полусферы диаметром около 10 мм. С боковой стороны плитки прослеживается конусовидное углубление, которое соединяется с полусферой. Видимо, на данную плитку накладывалась вторая часть пулелейки с аналогичными углублениями полусферической и конусовидной форм, которая благодаря имевшимся на ней шипам, входившим в оба узких углубления, плотно прилегал к нижней половине; через конусовидное отверстие заливался расплавленный свинец, а после остывания металла обе половинки пулелейки разнимались и пуля выпадала из углубления. Боезапас к ружьям выдавался в виде слитков свинца и литье пуль осуществлялось на месте; керамические тигли и фрагменты свинцовых болванок (рис. 1, 6) в остроге обнаружены. Найденная нами лишь одна круглая свинцовая пуля диаметром около 10 мм, примерно, соответствует диаметру сферы пулелейки и одного из шомполов.

Найдены также детали луков, наконечники и свистунка на стрелы. Грубо вырезанный из рога оленя прямоугольник клиновидного сечения наиболее уверенно определяется как заготовка для концевой вкладыша лука, где прорезь для тетивы осталась еще не намеченной. Вторая находка, также заготовка из рога оленя, имеет относительно завершенную для фронтальной накладки лука форму. В костном материале острога имеется еще несколько фрагментов, по форме и размерам близких к плечевым накладкам позднесредневековых луков. Они могут быть условно определены в качестве таких заготовок. Все это означает, что в XVIII – начале XIX в. в остроге луки изготавливались и русскими людьми. Обнаружено два класса наконечников стрел – железные и костяные (роговые), а также две части одной бочонковидной роговой свистунки, по линии разлома складывающиеся в единое целое. Костяные наконечники отличаются грубостью изготовления и не завершенными формами.

К оружию ближнего боя относятся фрагменты клинков сабель (палашей). Это обломки как средней части клинков, так и фрагмент кончика острия (рис. 1, 7). Один из них использовался в качестве зубила и имеет деформированную обушную часть (рис. 1, 8). Ширина всех фрагментов больше, чем у ножей, найденных на территории острога, они имеют и более мощный обух.

К защитному вооружению относятся панцирные пластины разных типов и размеров. Изначальная форма большинства обнаруженных пластин, отличающихся высоким качеством стали, видимо, подпрямоугольная, с небольшой кривизной поверхности (рис. 1, 9, 11-12); одна из пластин – ярусная (рис. 1, 10).

Материалы Саянского острога полностью соответствуют подобным находкам оружия из Айканского селища. Там обнаружены аналогичные железные и костяные наконечники стрел, свистунка, панцирные пластины со следами рифления (уступов) на поверхности. Но найден и боевой топор, чего на остроге не обнаружено.

Таким образом, имеется достаточно наглядное представление о вооружении русских первопроходцев и старожилов Енисея. Наряду с огнестрельным оружием, включая пушки, они широко использовали луки и стрелы. Изготавливались железные и костяные наконечники стрел и как минимум, делались попытки изготовления луков или их отдельных деталей, например, для замены сломанных. Поэтому нет оснований соглашаться с мнением о том, что любой случай находок на площади русских памятников наконечников стрел, свистунок или деталей луков следует связывать исключительно с коренными жителями. В этой связи важно установить количественное соотношение числа предметов, принадлежавших ручному огнестрельному оружию и лукам, понимая всю условность такого приема, поскольку от каждой единицы огнестрельного оружия, как более сложного в изготовлении и применении, должно остаться больше деталей и принадлежностей, чем от лука и стрел. Нет и критериев для разделения кремней на кресальные и ружейные. Кроме того, в огнестрельном оружии присутствует и значительно меньше деталей из органических материалов, в то время как существовали, например, цельнодеревянные луки (ожидать же находок в культурном слое условно соответствующих ружейным кремням тетив луков вообще не приходится). Простое цифровое сравнение числа находок показывает, что огнестрельное оружие по степени использования, казалось бы, преобладало над луками и стрелами. Однако это преобладание, особенно с учетом двойного назначения кремней и весьма характерного обратного соотношения числа пуль и наконечников стрел – своеобразных индикаторов применения оружия, не может считаться подавляющим. Кроме того, в Айканском селище нет ни одной находки, относящейся к огнестрельному оружию. Предметов же, относящихся к иным видам вооружения (крупные ножи, фрагменты сабли и топор, панцирные пластины), в Саянском остроге и Айканском селище сделано меньше, чем относящихся к ручному огнестрельному оружию, луку и стрелам. Видимо, дистанционный бой являлся ведущим в военной подготовке служивых людей, а применение луков в нем играло в течение XVIII в. еще очень существенную роль.

Количество и разнообразие обнаруженных панцирных пластин позволяет предположить, что значительное количество служивых людей имело доспех типа куяка. Схожесть большинства пластин с находками в памятниках местного населения позволяет говорить об использовании некоего общего типа доспехов, сложившегося к XVIII в. в результате синтеза местных и русских традиций. Еще одной иллюстрацией подобного синтеза может служить костяной спусковой крючок, выполненный в местном стиле, но использованный в огнестрельном оружии.

В связи с тесными контактами в сфере материальной культуры между коренным и русским населением Приенисейского края в XVII–XVIII вв. в регионе сложился и развивался единый комплекс предметов материальной культуры, среди которых были также и предметы вооружения.

Список литературы

- Ватин-Быстрянский В. А.** Минусинский край в XVIII веке. Этнод по истории Сибири. - Минусинск: Тип. А.Ф. Метелкина, 1913. – 215 с.
- Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н.** Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках // МИА. - М.: Наука, 1958. - № 77. – С. 143-199.
- Николаева И. Б.** Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. - Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1963. – С. 115-123.
- Скобелев С. Г., Мандрыка П. В.** Проблемы хронологии некоторых предметов из археологических памятников Евразии русского времени (на материалах Саянского острога и Айканского селища) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Выпуск 2. Горизонты Евразии. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999. – С. 208-214.

К.М. Свирин*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЯЗЫЧЕСКИХ СВАТИЛИЩ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ VI–XIII вв.

В отечественной историографии проблема изучения культовых археологических памятников пока не вышла на уровень осмысления святилища как особого археологического объекта. Анализ языческих святилищ практически всегда связан с конкретной группой памятников, ограниченной регионально, хронологически и/или этнически. Это обусловлено сложностью выявления и интерпретации культовых памятников. Перечень археологических признаков культовых языческих комплексов настолько разнообразный и сложный, что требует длительного процесса выявления, названия и систематизации. Выявление признаков анализируемого объекта является обязательным этапом исследования. Полнота перечня признаков дает надежные результаты.

А.В. Тиваненко выделяет в любом святилище трехчленную структуру пространства: 1) идол - почитаемый объект; 2) жертвенный очаг – алтарь – место подношения жертвенных даров, хранения ритуальных предметов; 3) общественное место для проведения культовых действий [Тиваненко, 1994]. Эта археологически фиксируемая структура проходит от примитивных обществ до храмов современных классических мировых религий.

В.В.Седов отметил признаки славянских верхнеднепровских святилищ, а П.Н. Третьяков - признаки восточнобалтских святилищ левобережной Смоленщины [Седов, 1962; Третьяков, 1958]. Б.А. Тимошук выделил особый тип памятников - “городища-святилища” и обобщил их археологические признаки: наличие земляных валов и рвов со специальными площадками для культовых кострищ; небольшой размер площадок; овальная или круглая форма и приподнятость в середине; отсутствие следов поселения на их территории; расположение около них больших синхронных селищ; расположение на мысах, обращенных на восток [Тимошук, 1997]. Автор отметил, что обязательным признаком языческих святилищ восточных славян являются сакральные границы и выделил их типы: культовые валы, рвы, деревянные стены, каменные круги, зольно-угольные или вспаханные полосы.

Известны подобные исследования, касающиеся памятников финского и балтского населения [Данилов, 1992; Козлов, 2000; Смирнова, 2001].

Дальше своих предшественников пошла И.П. Русанова. Обобщив комплекс известных по письменным источникам и археологическим раскопкам славянских святилищ, автор предложила перечень *археологических признаков культовых объектов*: расположение в стороне от жилых построек, часто на изолированной возвышенности; наличие специальных культовых построек (жертвенных ям и площадок, круглых площадок – капищ, храмов); символическое ограждение от окружающего мира; сохранение остатков жертвоприношений; широкое применение камня и каменных вымосток; длительное употребление огня; расположение поблизости общественных длинных домов, священных колодцев и целебных источников. Различное сочетание этих признаков выделяет культовые объекты среди обычных жилых и производственных комплексов [Русанова, 1992].

Систематизация археологических признаков святилищ может быть представлена в виде модели (см. Таблица 1). Признаковая модель структуры языческого святилища разработана на основе анализа 80 памятников VI–XIII вв., расположенных преимущественно в лесной полосе Восточной Европы, принадлежащих восточным славянам, финно-уграм, балтам. Модель включает общие признаки ритуальных комплексов и их частные значения. Модель рабочая, количество значений признаков и их содержание может меняться с открытием новых памятников. Модель учитывает конструктивные признаки святилища до видов сооружений и категорий вещей и может быть использована как для выявления особенностей конструкции достоверно известного святилища, так и для определения сакрального статуса вновь выявленного памятника.

Таблица 1. Структура языческого святилища (признаковая модель).

признаки	признаки	значения признаков								
предмет поклонения	естественный	дерево	камень	водоем						
	искусственный	скульптура	столб							
культовые сооружения	ограждение	вал	ров	столбы	камни	стена	ямы			
	культовая постройка	храм	длинный дом	жертвенная постройка						
	жертвенник	яма	площадка	очаг	печь	алтарь	колодец	ящик		
жертвы	ритуальные остатки	кострище (угли, зола)	кости животных	кости человека	зерна злаков	шлак	янтарь	охра	воск	
	вещи	орудия труда	оружие	украшения	детали костюма	вотивные предметы	посуда	предметы быта	снаряжение воина	снаряжение коня

Определение культового статуса вновь выявленного памятника возможно на основании присутствия следующих признаков.

Предмет поклонения

Искусственный предмет поклонения. 1. Скульптура in situ. 2. Наличие предмета поклонения реконструируется по совокупности признаков: столбовая яма в центре площадки, огражденной валами, рвами, столбами, камнями, либо столбовая яма внутри небытовой и нежилой постройки - храма; рядом находятся жертвенники и жертвы (ритуальные остатки и вещи).

Естественный предмет поклонения. 1. Камень – часто поврежденный, с нанесенными знаками, необычной формы (антропоморфный, зооморфный) или размеров (огромные валуны); иногда расположен в особой местности (гора, остров, лес). 2. Дерево – реконструируется крайне редко; выявляется либо по совокупности признаков (рядом комплекс вещей и ритуальных остатков), либо в уникальных случаях при соотношении конкретного археологического святилища с данными письменных или этнографических источников. 3. Родник – наиболее распространенная форма почитания воды, часто огражден камнями.

Культовые сооружения

Ограждение

Ров – вал. 1. Вершина вала и дно рва плоские; на них располагаются площадки из камня или глины с костями животных, посудой и следами длительного использования огня; 2. Под насыпями валов зольно-угольные слои с остатками костей, посудой. 3. Валы сопровождаются внутренними рвами. 4. Валы по высоте ниже центральной площадки памятника 5. Необычное расположение: на крутом склоне или отделяют памятник от высокого коренного берега реки. 5. Особая конструкция рвов: небольшие углубления в виде сплошных кольцевых ровиков, лепестковых или серповидных ям.

Столбы и камни – явные виды сакральных ограждений, расположенные вокруг смыслового центра, особенно необычной формы или с нанесенными знаками. Ямы – углубления с жертвенными вещами, костями и кострищами, расположенные вокруг смыслового центра - предмета поклонения.

Культовая постройка. 1. Отсутствие очага (отопительного устройства). 2. Конструкция, нехарактерная для жилища или бытового сооружения.

Жертвенник. 1. Яма, площадка, очаг, печь, ящик - определяются, в основном, по совокупности других признаков – комплекс жертвенных вещей и ритуальных остатков. 2. Алтарь – сооружение из нескольких камней

или один камень, на котором иногда сохраняются следы от орудий. 3. Колодец – значительная по глубине яма, иногда со скрепляющими конструкциями, не достигающая воды.

Жертвы.

Ритуальные остатки.

Кострище (+другие элементы, связанные с символикой огня - шлак, охра, воск, янтарь).

Кости животных. 1. Видовой состав - обычно бедный; часто с резким преобладанием 1-3 видов, среди которых часто бывают виды, редкие на поселениях. 2. Состав элементов скелета с резким преобладанием отдельных частей скелета (часто головы и дистальных частей). 3. Раздробленность костей очень незначительная, но бывают скопления кальцинированных костей. 4. Пространственное распределение: скопление целых черепов и целых костей, реже частей скелета, изредка целые скелеты, иногда кости или части скелета особым образом ориентированы относительно друг друга [Косинцев, 1996].

Кости человека (аналогичное состояние с признаками 2 и 4 для костей животных).

Вещи.

Вотивные предметы: - антропоморфные и зооморфные фигурки; предметы культового литья (пластины с мифологическими сюжетами и образами); утилитарные предметы плохого качества (грубые формы или бракованные); утилитарные предметы, несинхронные комплексу (раритеты); миниатюрные формы утилитарных предметов; утилитарные предметы, встроенные в ритуал путем нанесения специальных знаков и символов.

Утилитарные предметы (орудия труда, оружие, украшения, детали костюма, предметы быта): скопление в пределах небытового комплекса (рядом с костями животных или человека, кострищем); фрагментированность (обломаны, разбиты, загнуты); неестественное расположение (воткнуты в землю, направлены в определенную сторону); особая форма (например, разомкнутость браслетов).

Фиксирование отмеченных археологических признаков в совокупности или отдельно позволяет отнести открытый памятник к культовому.

Список литературы.

Данилов О.В. Языческие культы древнего населения Марийского Поволжья: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. - М., 1992. - 24с.

Козлов А.Н. Славянские и марийские жертвенники: сравнительный анализ // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 14-17 ноября 2000г. - СПб.: издательство С.-Петербургского университета, 2000. - С. 120-123.

Косинцев П.А. Археозоологические критерии святилищ Урала и Западной Сибири // Полевой симпозиум "Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии". - Пермь, 1996. - С. 40-42.

Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI-XIII вв. // Российская археология. - 1992. - №4. - С. 50-67.

Седов В.В. Языческие святилища смоленских кривичей // КСИА. - 1962. - Вып.87. - С. 57-64.

Смирнова М.Е. Открытые культовые площадки северного побережья Самбии // Практика и теория археологических исследований. - М.: Институт археологии, 2001. - С. 150-173.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. - Новосибирск: ВО "Наука", 1994. - 150с.

Тимощук Б.А. Сакральные границы языческих святилищ // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Материалы по археологии России. - Вып.3. - М.: Русский мир, 1997. - С. 63-78.

Третьяков П.Н. Городища-святилища Левобережной Смоленщины // Советская археология. - 1958. - №4. - С. 170-186.

А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН

КЫШТОВСКАЯ КУЛЬТУРА

(перспективы исторического развития по материалам погребальных комплексов)

Во второй четверти II тыс. н.э. Обь-Иртышском предтаежье складывается особая погребальная традиция отличная от той, что существовала на Чулыме, в Томско-Нарымском, Сургутском, Юганском и Нижнем Приобье и практики захоронений сибирских татар бассейна Нижнего Иртыша, рано принявших ислам, и входивших в ядро Сибирского ханства. Можно говорить о существовании здесь особой угорской (южно-хантыйской) археологической культуры, вопрос о выделении которой по материалам культовых комплексов памятника Сопка-2, был поставлен в 90-х гг. В.И.Молодиным [Молодин, 1990].

Очевидно, что данная культура сложилась не позднее XI - XII вв. на периферии южной тайги в верхнем и среднем течении р. Тары и уже на этом этапе, который может быть назван садовкинским (по названию самого раннего и пока единственного памятника - могильника Садовка-2), имела много общих черт с тюркским миром, которые проявились в облике и наборе погребального инвентаря, представленного железным топором-кельтом, саблей, кочедыком из рога с отверстиями для вытягивания ремней, железной портупейной пряжкой с неподвижным язычком на рамке. Керамический же комплекс, представленный остродонным сосудом (рис.1.1) и, фрагментами керамики на дне и в заполнении могильной ямы, демонстрирует черты, тяготеющие к таежному кругу культур [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с.34-37, 117,118]. Погребальный обряд этого времени представлен ингумацией на спине в вытянутом положении внутри прямоугольного деревянного сооружения (рама?) на дне ямы и перекрытого полотнищем бересты. Ориентация на западный сектор и перпендикулярно течению реки.

Приблизительно к началу XIII в. население данной общности занимает бассейн всего среднего и верхнего течения р.Тара вплоть до Васюганья, где оно контактирует с самодийского населения, проникавшего сюда с территорией обского левобережья. Свидетельства этих контактов, обнаруживаются в инвентаре могильников Усть-Изес-1 и Сопка-2, маркирующих начавшееся на рубеже XIII - XIV вв. смещение части населения к югу, которое закончилось выходом в лесостепь. Здесь на левобережье среднего течения и низовьев р.Тартас происходят контакты с тюркоязычным населением – наиболее вероятными предками барабинских татар.

Керамический комплекс данных памятников демонстрирует развитие орнаментальной традиции предшествующего времени. Это остро- и круглодонные горшки с венчиком в форме широкого воротничка (Рис.1.2,3). У этих изделий отмечается устойчивое сочетание целого ряда элементов, обуславливающих единокультурную однородность серии – орнамента в виде горизонтальной елочка или сетки, нанесенный по срезу венчика и верхней трети сосуда крупным гребенчатым штампом и стабильное наличие поясков ямок (двух, реже – трех), нанесенных под венчиком и на тулове изделия [Молодин, 1990, с.137, Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с.174].

Носители этой керамической традиции, судя по материалам ныне известных памятников этого круга (Усть-Изес-1, Сопка-2, Туруновка-2), еще больше впитывают элементы культуры южных степных соседей и во многом воспринимают черты их погребальной обрядности (захоронения с “чучелами” лошади), инвентарь (лук и различные формы наконечников стрел, седла, предметы упряжи, одежда, обувь и т.д.), сохраняя при этом характерный колорит керамики, изделий сакрального плана, единичных форм бытовых вещей, а так же прежнюю ориентацию погребенных на закат солнца и расположения и ногами к реке. Исчезают внутримогильные сооружения из дерева, место которых занимают берестяные чехлы, фиксируется размещение близ могил толстой ветки или корня дерева.

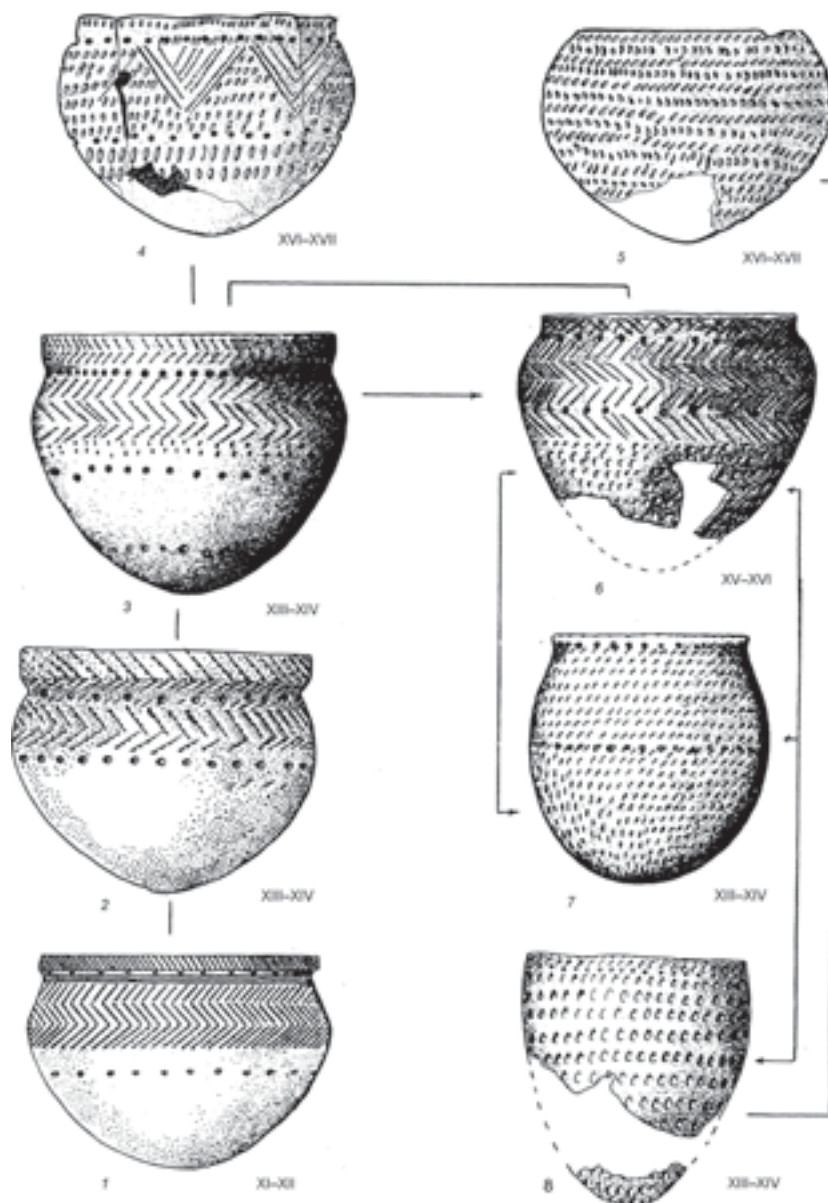

Рис. 1. Керамика южных хантов (1-4, 6) и барабинских татар (5,7,8)
 1 – Садовка-2; 2 – Сопка-2; 3 – Усть-Изес-1; 4, 5 – Кыштовка-2; 6 – Усть-Изес-2;
 7, 8 – Малый Чуланкуль-1.

Большинство находок из элитных погребений этого времени позволяют легко отнести вышеупомянутые некрополи к сооружениям поздних тюрок. Создается впечатление, что способ захоронения и отдельные предметы южного вещевого комплекса – упряжь, оружие, элементы всаднической экипировки приобрели социально-престижную значимость и стали маркером военно-дружинной верхушки. Рядовые же общинники продолжали хоронить своих умерших, руководствуясь исконными традициями – без шкур лошади рядом с могилой. Этот период наивысшего культурно расцвета рассматриваемого феномена можно назвать по имени другого базового памятника усть-изесским.

В XV-XVI вв. происходит обратный отток таежных пришельцев. Тех же, кто остался, полностью ассимилируют южные соседи, которые со сложением Сибирского ханства и расширением его границ, усиливают нажим в северном направлении, остановленный лишь с вхождением Сибири в состав Русского государства. На этом этапе, который по основной территории культурного ареала кыштовской культуры можно назвать тарским, происходит его сокращение, исчезают погребения с чучелом лошади и в берестяных чехлах, а юж-

нохантыйские памятники локализуются в прежних границах бассейна среднего течения р.Тары, черезполосно соседствуя здесь с группами татар. К концу XVII - началу XVIII вв. поступательное движение на север тюркоязычного населения и ассимиляционный порыв ослабевают, что незамедлительно используют лесные популяции. В это время усиливается их влияние на таежную периферию с севера, что отразилось в переходе от курганных форм захоронений к бескурганым, которые на протяжении всего II тыс. н.э. были распространены в Нижнем Приобье и на обском севере, в том числе в среде занимавшего территорию среднеобского плата хантыйского населения. Материалы синхронных и однокультурных могильников Кыштовка-2, Садовка-4, Льнозавод-4, расположенных на достаточно компактной территории правобережья р. Тара позволяют наметить линию развития социальных структур локальных популяций кыштовской культуры.

С той степенью точности, с какой мы их можем датировать эти памятники (по монетам, инвентарю, особенно украшениям, почти тождественным), они практически синхронны. Вместе с тем, их территориальная близость и некоторые различия погребального обряда позволяют связывать эти объекты с различными родовыми группами южных хантов. В то же время по степени представительности и богатства сопроводительного инвентаря эти могильники существенно различаются. Обилие топоров (19 экземпляров в Кыштовке-2 и по одному — в остальных), оружия, котлов, украшений ставит население, оставившее Кыштовку-2, в имущественном плане на целую ступень выше других. Кроме того, оно значительно превосходит других в военном отношении, на что указывают величина популяции, а так же количество, качество и разнообразие её вооружения. Таким образом, появляются определенные предпосылки говорить о вполне вероятном сложении здесь в конце XVI – XVII в. нового территориального объединения, военно-потестарного плана, сформированного, скорее всего, силой оружия под эгидой населения, оставившего памятник Кыштовка-2 и, включившего в сферу своего влияния старые родовые ареалы нескольких небольших родовых или даже семейных групп, которым принадлежали остальные, названные выше, могильники. В военном отношении их небольшие ополчения, возглавляемые местными «богатырями», а фактически главами семей или родов (погребения которых маркированы топорами и металлической посудой), едва ли могли оказать серьезное сопротивление численно превосходящему противнику, и вошли в качестве отдельных самостоятельных единиц в состав его войска.

Уточнить судьбы южно-хантыйского населения позволяют материалы угорского памятника Усть-Изес-2 и татарского Малый Чуланкуль-1. Сравнение их с находками из могильников Усть-Изес-1 и Сопка-2 позволяет сделать вывод о процессах размешения угорских и татарских популяций, что проявляется как в изменениях в погребальном обряде угров (наличие обожженной почвы вокруг могил и непосредственно над ними, размещение перевернутых сосудов на периферии курганных насыпей, изменение устройства берестяных погребальных чехлов при сохранении расположенных рядом с могилой кусков корней или ветвей дерева), так и в облике керамики. Последнюю можно описать как результат механического слияния угорских и татарских принципов оформления посуды (рис.1.6), нижняя часть которой оказывается украшенной характерными для последних частыми и плотно поставленными полукруглыми отпечатками торца небольшой палочки, а верхняя сохраняет вышеописанный орнамент (сетка, горизонтальная елочка, два ряда ямок). На материалах татарских памятников так же фиксируется влияние кыштовской традиции, которая прослеживается в появлении двух отчетливо читаемых рядов (один под венчиком, другой – на тулове) ямок на поверхности некоторых типичных для барабинских татар сосудов (рис.1.7). Как представляется, эти процессы дальнейшего развития которых прослеживается на материалах позднесредневековых могильников Кыштовка-2 (южные ханты) и Абрамово-10 (татары), указывают на один из истоков угорского компонента, неоднократно отмеченного исследователями в составе барабинских татар, и который, на наш взгляд, следует связывать с носителями кыштовской культуры.

Список литературы

Молодин В.И. Культурные памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов - Новосибирск: Наука, 1990. - С.128 – 140.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. - Новосибирск: Наука, 1990. - 262 с.

К.Ш. Табалдиев*Кыргызстан,***Йылмаз Аныл***Турция*

ИСТОКИ, ТРАНСФОРМАЦИИ И ИННОВАЦИИ ПОМИНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В СРЕДЕ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ

Традиция сооружения поминальных памятников в Тянь-Шане на археологическом материале прослеживается с начала эпохи раннего железного века. Поминальные памятники имеют округлую в плане форму, диаметр которых не превышает семи метров. В археологической литературе Центральной Азии они именуется «восьмикаменными» поминальными оградками.

В памятниках хуннского и предтюркского времени поминальные объекты неизвестны. Отсутствие археологических данных о поминальных памятниках эпохи Великого переселения народов изменяет взгляд о непрерывном развитии поминального обряда в среде кочевников Тянь-Шаня. Можно только предположить о том, что в эпоху Великого переселения народов, обряд поминания был произведен в другой форме и не оставил после себя материальных остатков, подобным поминальным памятникам эпохи раннего железного века и раннего средневековья. Вполне возможно, они могли быть в структурах, сопутствующих кургану. Так, например, следы кострищ в насыпи или под ней, рвы под насыпью или рвы, окружающие курганную насыпь. Исследуя памятники Алтая, часть авторов отмечают «о непрерывной традиции сооружения оградок ритуального характера, по крайней мере, начиная со скифской эпохи и до конца тюркской эпохи» [Соенов, Эбель, 1996]. Вопрос происхождения каменных изваяний в комплексе с оградой ранее рассматривался Я.А Шер [Шер, 1966]. В Тянь-Шане мы также не располагаем доказательствами для анализа непрерывной традиции сооружения ритуальных оградок, сооруженных из камня. Но, не попытаюсь установить близость их этнической близости разных отдаленных по времени на целое тысячелетие культур, отметим следующее. Установление «восьмикаменных» оград сакского времени и установление квадратных оград с изваянием в тюркского времени являются разными формами одного же поминального обряда ранних и средневековых кочевников.

В эпоху средневековья на Тянь-Шане складывается новая форма сооружения поминальных памятников, которые по содержанию близки с раннекочевническими. Их распространение также связано с восточными горными регионами Центральной Азии, носителями и распространителями были тюркские племена Алтая. Поминальные оградки, как правило, расположены на территории могильников древнетюркского времени или есть только места где устанавливались каменные оградки с каменными изваяниями или стелами.

Одиночные оградки наиболее распространены и составляют 94%. Поминальные оградки имеют квадратные и прямоугольные формы. Размеры от 0,70x0,80 до 8 × 8 м. Боковые стенки ориентированы по сторонам света, иногда с небольшим отклонением. Количество примыкающих одна к другой оградок доходит до девяти, каждая из них имеет свои отдельные стенки, расстояние между которыми составляют от 5 до 30 см; иногда боковые стенки частично соприкасаются. Ряды этих пристроенных оградок ориентированы по линии СЮ.

Внутри оградок всех типов имеются пологие насыпи из камней и земли. Под ними в подавляющем большинстве случаев находится материк (нетронутая почва), ямки, редко горизонтально уложенные плиты. Находки, встречающиеся при раскопках насыпей, свидетельствуют о ритуальных жертвоприношениях, имевших здесь место. Следы ритуальных действий многообразны, даже в пределах одной группы оградок. При раскопках поминальных оградок встречаются кости домашних животных (лошади и барана), керамический сосуд или их фрагменты, остатки древесного угля, следы кострищ, металлические изделия (бронзовая бляшка, бронзовый кинжал эпохи бронзы), кальцинированные кости, истлевшее дерево [Табалдиев, 1996].

Впервые на Тянь-Шане в могильнике Беш-Таш-Короо в могильной яме, расположенной в центре оградки, зачищены скелеты лошадей в анатомическом порядке. В одной из них, лошадь была в полном снаряжении, т.е. она была взнуздана, оседлана, с двух сторон от нее найдены стремена восьмерковидной формы. Лошадь

лежала на животе с подогнутыми ногами, череп находился в вертикальном положении с опущенной вниз мордой. Погребение лошади в поминальной оградке на Алтае известно из древнетюркского памятника. Лошадь находилась в юго-западной части оградки в неглубокой яме [Соенов, 1992]. Приведенные факты свидетельствуют о жертвенном характере древнетюркских оградок Тянь-Шаня. Формы жертвоприношения носили многообразный характер.

При проведении поминальных церемоний немаловажная роль принадлежала огню. При изучении поминальных памятников древних тюрков Алтая, Тувы, Монголии исследователи также не раз обращали внимание на это. Например, во всех кострищах у юстыдских оградок найдены обгоревшие кости животных – остатки пищи, употребляемой для кормления душ умерших [Кубарев В.Д. . Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука.1984. –С.75]. Каменные изваяния на Тянь-Шане располагаются, как правило, на западной, северо-западной или восточной сторонах оградки. Размещение каменных изваяний или стел с западной и северо-западной стороны преобладает и указывает на характерную особенность древнетюркских поминальных памятников Тянь-Шаня от поминальных памятников Алтая, Тувы и Монголии. На местности изваяния лицевой частью ориентированы в сторону ущелья, в сторону открытого пространства, в сторону высоких гор.

Алтайские тюрки помимо каменных изваяний у оградок устанавливали также камни-балбалы. В археологической литературе Кыргызстана имелись отрывочные сведения о рядах камней-балбалов [Бернштам, 1940; Бернштам, 1998; Кибиров, 1954]. Новые поиски показывают о том, что традиция сооружения рядов балбалов на Тянь-Шане широко не было распространено.

В целом, на основе исследования поминальных памятников древнетюркских племен прослеживаются некоторые стороны эволюции, трансформации этого обряда. Они связаны с политической обособленностью древнетюркских племен; с возможными изменениями в мировоззрении в среде тянь-шанских тюрков.

С принятием исламской религии, сооружение поминальных памятников типа каменных изваяний с оградками на территории Кыргызстана прекращается. Но это не говорит о том, что обряд поминания умерших, почитание духов предков прекращается. Они существуют в видоизмененной форме. Как пережиточное явление существовала практика возведения поминальных , объектов и сооружений. Обряд поминования под воздействием новой религии приобретает новую форму. Вместо каменных изваяний возле могилы умерших воздвигают мавзолеи, кайраки – каменные стелы с эпитафиями. Это касается тех регионов и локальных территорий, где непрерывно распространялись и диктовались поминальные традиции ислама. Но консервативный поминальный обряд тюрков продолжался совершаться. Мы располагаем данными о некотором их видоизменении. В чем же заключается их отличие? Во- первых, увеличение числа каменных изваяний женского облика с сосудом в обеих руках. Они устанавливались не рядом с поминальными оградками, а в середине или на краю каменной насыпи. В отдельных территориях Тянь-Шаня отмечаются их скопления. Например, каменные изваяния из Кош-Дёбё Ак-Талинского района. Здесь преобладают изваяния женского облика. Из-за чего среди местного населения распространено их название «келин-таш» (дословно камень-невеста (сноха)). Они по облику схожи с южно-казахстанскими каменными изваяниями. Их носителями могли быть группы населений, родственные с ними. В любом случае, они указывают на продолжении традиции возведения тюркских каменных изваяний в честь умерших и совершения поминального обряда в другой качественной форме. Как долго они продолжали данную традицию, надлежит исследовать в будущем. Ясно одно, в середине II тыс. н.э. традиция сооружения каменных изваяний для населения Тянь-Шаня была уже чуждым. Есть случаи, когда каменное изваяние использовалось как строительный материал для перекрытия входа подбойной могилы. Это одно из показателей трансформации поминальной практики в среде тяньшанских племен.

Рассмотренные типы поминальных памятников древности и средневековья не эволюционировали до современности, а менялись формы, близкие по содержанию обряда в среде кочевых культур Тянь-Шаня.

Местное население – кыргызы «восьмикаменные» поминальные объекты называют «таш-тулга» или «тулга-таш», что означает очаг, сложенный из камней (таган-треног). Название самого памятника на кыргызский язык переводится как очаг, сложенный из камней. Здесь, по кыргызской легенде, при посещении Сонкёля устроили ночлег Манас со своими кырк чоро (с сорока богатырями, соратниками) [Манас энциклопедиясы, 1995]. Рядом расположено кыргызское кладбище. Посетители читают коран в честь Манаса и умерших предков.

Специальные обращения к каменным изваяниям редко упоминаются в полевых этнографических наблюдениях. В эпосе «Манас» немало этнографических сведений. В том числе, среди них прослеживаются отголоски древних верований. Для примера к теме данного раздела соответствует эпизод, когда сподвижник Манаса Бакай, после смерти героя делает его фигуру из дерева для погребения в его могиле. Это не поминальный памятник как каменное изваяние, а замена для умершего.

Позднее, они нередко становятся объектами почитания, когда они находятся рядом с другим почитаемым объектом. Мы смогли проследить формирование этого процесса на примере гумбеза «Манас». Ранее, камен-

ное изваяние рядом с гумбезом отсутствовало. С формированием музейного комплекса, как места почитания и места посещения туристов, сюда были привезены археологические объекты. К числу которых входят каменный столб-колонна из средневекового городища Ак-Тобо, каменные изваяния, древнетюркская руническая надпись, зернотерки, камни различной величины необычного облика. Часть из них, по легенде, связывалась с Манасом.

Сюда приезжают различные течения паломников и для каждого из них специфичны различного рода ритуальные действия. Посещение гумбеца с четверга на пятницу, где обряд начинается с соприкосновения гумбеца руками. Часть паломников трогают руками гумбес и все археологические объекты, расположенные возле него. В их число входят и каменные изваяния. Последние всё чаще приобретает массовую форму, тогда как аналогичные же камни в других местах не являются объектами подобного обращения. Зачастую они являются обычными экспонатами музеев под открытым небом. Когда эти же каменные изваяния, расположенные возле гумбеца, переместили в другое место – около музея, расположенного поблизости, часть посетителей продолжают поклоняться, трогая их руками. Некоторые исследователи после одноразового посещения подобных объектов, воспринимают это как часть обряда, существовавший издревле.

Аналогичная ситуация характерна и для мусульманских почитаемых объектов (Сафед-Булан). К сагане – к месту основного захоронения внутри мавзолея приурочены различные камни с эпитафиями. Все посетители соприкасаются и гладят руками каждый камень. Встречаются и обратное, когда к необычным объектам приурочены погребения. Редко к могилам кыргызов приурочены каменный столб или плиты с петроглифом более раннего времени и камни необычной формы.

Таким образом, можно проследить связь природных объектов с погребальными, поминальными памятниками. И в свою очередь, мест захоронений или поклонений с другими археологическими объектами. Исследования подобных объектов важны для определения связи времен, различных, культурных традиций и специфических черт формирования новых традиций в отдельно взятых зонах.

Список литературы

- Бернштам А.Н.** К исторической топографии Чуйской долины // Вестник древней истории, 1940, 2 (11), С. 191–198.
- Бернштам А.Н.** Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 1998. С.45, рис. 4.
- Кибиров А.К.** Научный отчет Тянь-Шаньского археологического отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции за 1953 г. – Фрунзе, 1954. Отдел рукописей и публикаций АН Республики Кыргызстан. – Инв. № 1575. С. 7, 86.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука.1984. – С.75.
- «Манас» энциклопедиясы. -Бишкек. : Кыргыз Энциклопедиясынын Башкы редакциясы, 1995. 2-т. – С.273
- Соенов В.И., Эбель А.В.** Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. – № 3. – Новосибирск. – 1996. – С.115–118.
- Соенов В.И., Глебов А., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н.** Раскопки аварийных средневековых памятников на могильнике Мендур-Соккон // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (материалы конференции). – Горно-Алтайск. – 1992. – С. 90.
- Табалдиев К.Ш.** Курганы средневековых... – С. 72–76.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. М.; Л. 1966. С. 31–36.

Л.В. Татаурова

Филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Омск

АРХЕОЛОГИИ РУССКИХ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ 10 ЛЕТ

В 2006 году будет 10 лет с начала археологических исследований культуры русского населения в Омской области.

Начало им положил межведомственный научно-практический семинар «Этнографо-археологические комплексы народов Западной Сибири».

Первым опытом стали раскопки автором Бергамакского острога в 1996 году. Небольшие по площади работы дали многочисленный и интересный материал, доказали важность и необходимость подобных исследований. Изучение памятника было продолжено С.Ф. Татауровым в 1998 году. Открыты четыре постройки, остатки погребя, фрагменты деревянных строений, возможно, фортификации острога. Коллекция составила около 600 предметов: монеты XVIII века; деревянные (лопатки, крышки, коромысла, веретена) и берестяные изделия (туески, пуговицы, детали обуви); охотничий и рыболовный инвентарь. Керамика традиционная для русских – горшки, корчаги, латки, кринки, сковороды, сливочники. Анализ этих материалов представлен в ряде публикаций [Татаурова, 1996, 1997, 1997а, 1998, 1998а, Татаурова, Яковлева, 1996, Татаурова, Сорокумов, 1999].

В 1998 году был обследован участок по берегам Иртыша в Большереченском и Муромцевском районах Омской области с целью выявления русских поселений XVII–XVIII вв, нанесенных на карты С.У. Ремизова и описанных Г.Ф. Миллером. Как археологические памятники зафиксированы поселения Старое Шуево, Старологиново, Изюк. Наиболее перспективным оказалось поселение Изюк-I (Большереченский район) – его культурный слой не подвергся разрушению, известны даты существования.

С 1999 по 2004 год на Изюке были проведены раскопки на площади 1805 м².

Деревня Изюк (основана в 1648), собравшая в себе выходцев из русских севера России, и центральных губерний, Симбирска, Петербурга, Пскова, Костромы, Твери, Москвы, Тулы, Казани [Багашев, Антонов, 2004] была расположена на правом берегу р. Иртыш, напротив современного села Евгашино. Г.Ф. Миллер [1999], путешествуя по Сибири, отмечал, что близ озера Изюк, на правом берегу Иртыша расположено русское поселение, оно есть на карте С.У. Ремизова. Ежегодное затопление разливами реки, способствовало тому, что в 1796 году по инициативе братьев Евгашиных, жители его переселились на высокий левый берег, где сейчас и располагается село Евгашино.

В поселенческом слое обнаружено около двух тысяч находок, в том числе: нательные крестики, наконечники стрел, пулелейка, стеклянные бусы, костяные гребешки, фрагменты жерновов, изделия из дерева, коры и бересты (туески, поплавки, ножны, игрушки), большое количество кожаной обуви, железные ножи, рыболовные крючки. Монеты XVIII (с 1726 г.) – начала XIX (1832 г.) веков. Представительна коллекция керамики.

Раскопано пять жилищ: изба, пятистенки с прирубом и три избы-связи [Татаурова, 2004]. Дома стояли в два ряда, фасадной стороной к Иртышу.

В юго-западной части памятника было устроено кладбище. Из-за нехватки места хоронили и на территории поселения. Изучено 261 захоронение [Татаурова, 2005]. Могила расположена в четыре ряда, ямы часто общие для нескольких погребений практиковалось ярусность (друг над другом). Умерших укладывали на спину, в вытянутом положении в деревянные прямоугольные или трапециевидные колоды. Инвентарь – нательные кресты, кожаная обувь. Хоронили головой на ЮЗ.

В 2004 году было решено временно прекратить работы на Изюке. Несомненно, памятник эталонный во всех отношениях: не потревоженный культурный слой, есть упоминания в исторических документах, известны даты существования, представляет комплекс – поселение и могильник. Но он был единственным. Материалы Бергамака неполноценны, ибо большая часть их утрачена – памятник разрушается рекой.

Новым предметом исследования стало поселение Ананьино на одноименном озере в Тарском районе Омской области, в 60 км от Изюка к северу. Описано у Г.Ф. Миллера [1999]. Как памятник археологии, зафиксирован С.С. Тихоновым [2005].

В 1624 году деревня-однодворка Ананьино уже существовала, что отмечено в «Дозоре Василия Тыркова» [Буцинский, 1999], она дожила до начала XX века. Местные жители сообщили, что рядом было кладбище, оно располагалось за ручьем, к ЮЗ от поселения. Изучение комплекса начато в 2005 году: раскопано 360 м² на поселении и 200 м² кладбища. Исследовано четыре жилища и 48 погребений. Дома стояли фасадами на озеро. Умерших хоронили в колодах, головой на ЮЗ, с медными крестиками, взрослых часто в кожаных чирках.

Поселенческий инвентарь – 320 находок: деревянные – весла, фрагмент наличника с орнаментом, клепки от бочек; костяные гарпуны, иглы для сетей, наконечники стрел, кочедык; железные – ножи, фрагмент косы, стрелена, удила, пряжки, наконечники стрел, дверной ключ; медные крестики и монеты середины XVIII в; кости для игры в «бавки» залитые свинцом, свинцовая блесна. Глиняная посуда по формам и качеству аналогичная Изюку и Бергамаку. В культурном слое кладбища найдено 69 предметов: крохотные глиняные сосудики, созданные, вероятно, для культовых целей, наконечники стрел, ножи, монеты и керамика аналогичная поселенческой.

Раскопки памятников русских способствовали накоплению материалов и коллекций, их систематизации и интерпретации.

В связи с этим назрела необходимость обсуждения проблем учеными, которая способствовала решению следующих задач: интеграции научного потенциала; созданию информационного пространства; выработке единой методики исследования; определению перспектив развития этого научного направления. Возникла идея проведения конференции. Ее осуществление было поддержано дирекцией Омского филиала ОИИФФ СО РАН и кафедрой первобытной истории ОмГУ, а также грантом Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 02-06-85042.

В 2002 году в Омске прошла I Всероссийская научная конференция «Культура русских в археологических исследованиях». Научная конференция с такой проблематикой в Сибирском регионе проводилось впервые, и имела своей целью сократить разрыв в уровне развития русской археологии Европейской части России и Сибири. К началу работы издан сборник материалов [Культура русских..., 2002]. В Музее археологии и этнографии Омского государственного университета открыта выставка.

Повышение интереса к археологическому изучению культуры русских выявило множество проблем. Важнейшие из них – это систематизация и обобщение археологических материалов Европейской части России и Сибири [Татаурова, 2002]. На их решение была направлена дальнейшая работа, выполнение ее было поддержано различными фондами: 1999 год – проект «Керамическая посуда русских в ИНТЕРНЕТ», № ИЕВ 834v, Института «Открытое общество» (фонд Сороса); 2000 год – грант РГНФ на проведение полевых исследований «Археологическое изучение русских поселений XVI–XVIII вв. в Среднем Прииртышье» № 00-01-18063e; 2001 год – грант «Эволюция культуры русских при заселении Урала и Сибири» № E0268, ФЦП «Интеграция науки высшего образования России»; 2002 год – грант РФФИ на проведение первой Всероссийской научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях» № 02-06-85042; грант «Геоинформационные системы и цифровое видео в методике преподавания истории» № Ф0022/1244, ФЦП «Интеграция науки высшего образования России»; грант «Имитационные реконструкции памятников материальной культуры русских Сибири (на примере археологического комплекса Изюк-1)» № Г02-1.2-61, Министерства образования РФ; 2005 год - грант «Методы цифрового видео в археологических реконструкциях» № УР 10.01.232, программы «Университеты России». Результатами проектов стали: сайт «Керамическая посуда русских в ИНТЕРНЕТ» (<http://newasp.omskreg.ru/hist/caps/>); полевые исследования и конференция «Культура русских в археологических исследованиях»; графическая реконструкция Изюка и пять научных фильмов (авторы Л.В. Татаурова, П.В. Орлов).

Следуя решению первой конференции, в 2005 году состоялась вторая. Организаторы: ОмГУ имени Ф.М. Достоевского, Омский филиал ОИИФФ СО РАН и Министерство культуры Омской области. По итогам вышел сборник статей [Культура русских..., 2005].

Изучение поздних памятников требует своей методики и широкого привлечения этнографического источника. Подготовлены две программы сбора материала [Новиков, Татаурова, 2002; Татаурова, 2002]. Разработана методика исследования [Татаурова, 2004], подготовлены «Методические рекомендации по ведению полевой документации на раскопках памятников русских» [Татаурова, 2005], получившие высокую оценку Отдела полевых исследований Института археологии РАН.

Список литературы:

- Багашев А.Н., Антонов А.Л.** Антропологические особенности русских старожилов Омского Прииртышья // Русские. Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С.10–13.
- Буцинский П.Н.** Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень, 1999.
- Культура русских в археологических исследованиях** /Под ред. Л.В. Татауровой. – Омск, 2002. – 203 с.
- Культура русских в археологических исследованиях** /Под ред. Л.В. Татауровой. – Омск, 2005. – 415 с.
- Миллер Г.Ф.** История Сибири. – М., 1999. – Т.1.
- Новиков А.В., Татаурова Л.В.** Программа по изучению гончарства // Вопросы и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций студенческих практик Учебно-методическое пособие. Омск, 2002. – С. 68–78.
- Татаурова Л.В.** Процесс исчезновения традиционного гончарства у татар в низовьях Тары // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск-Омск, 1996. – Ч.2. – С.47–48.
- Татаурова Л.В.** Методика изучения средневековой керамики в рамках этнографо-археологического комплекса // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). – Новосибирск, 1997. – Т.2. – С. 85–90.
- Татаурова Л.В.** Исследования Бергамакского острога // Археологические открытия. – М., 1997а. – С. 357–358.
- Татаурова Л.В.** Система жизнеобеспечения русских в XVIII–XIX вв. по данным археологии // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. – Томск, 1998. – С. 142–144.
- Татаурова Л.В.** Изучение и охрана археологических памятников позднего средневековья и нового времени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998а.
- Татаурова Л.В.** Культура русских Сибири в археологических исследованиях: проблемы и перспективы // Культура русских в археологических исследованиях – Омск, 2002. – С. 3–8.
- Татаурова Л.В.** Программа по изучению применения посуды // Вопросы и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций студенческих практик Учебно-методическое пособие. Омск, 2002. – С. 78–81.
- Татаурова Л.В.** Домостроительство и техника деревообработки у русских Среднего Прииртышья в XVIII веке (по данным археологии) // Русские. Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С. 412–415.
- Татаурова Л.В.** Методика этноархеологического исследования русских поселений Сибири // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т.8. – С.36–48.
- Татаурова Л.В.** Этнокультурные аспекты погребального обряда русских Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв. по данным археологии // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 221–235.
- Татаурова Л.В.** Методические рекомендации по ведению полевой документации на раскопках памятников русских // Методика археологических исследований Западной Сибири. – Омск, 2005. – С. 155–189.
- Татаурова Л.В., Сорокоумов Д.В.** Этнограф и археолог или этноархеолог? // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Москва-Омск, 1999. – С. 90–92.
- Татаурова Л.В., Яковлева О.А.** Поселение Бергамак I // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск-Омск, 1996. – Ч.2. – С. 76–77.
- Тихонов С.С.** Ананьино: этнографо-археологический комплекс // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 361–369.

Ю.В. Ширин*Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», Новокузнецк*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МАРГИНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ КАК ИНДИКАТОР ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА НА ЮГЕ СИБИРИ

Уже, по крайней мере, с эпохи поздней бронзы нет никаких оснований говорить о культурной изоляции и независимом развитии обитателей каких либо регионов на юге Сибири, включая тайгу Алтае-Саянской горной страны. В частности, на горно-таежных поселениях найдены керамические комплексы аналогичные тем, которые присутствуют на памятниках сопредельных степных территорий. Вполне вероятно, что, к началу эпохи железа так называемые «степняки» и «лесные народы» Алтае-Саянского региона были интегрированы в относительно устойчивые хозяйственно-культурные комплексы. Сходная модель землепользования в дальнейшем сохраняется здесь вплоть до этнографической современности [Садовой, 1992]. Народы Южной Сибири не могли остаться в стороне и от процессов формирования и функционирования иерархических структур этносоциального подчинения. Эти процессы в эпоху железа составляли одну из типичных форм культурных контактов для лидирующих кочевнических объединений в степях Евразии [Крадин, 1992]. Многие исследователи вполне справедливо полагают, что Южная Сибирь в определенные периоды могла входить в сферу интересов некоторых из них.

Необходимость учета среди факторов культурогенеза особых условий, которые складываются в результате вовлечения населения тех или иных территорий в иерархические структуры социально-этнического подчинения, одним из первых отметил Д.Г. Савинов. Им был рассмотрен один из аспектов данной проблемы, а именно – положительный результат влияния этно-социальной стратификации на культурогенез ряда регионов Южной Сибири в эпоху средневековья [Савинов, 1988]. Не меньшего внимания заслуживает и обратный результат данного процесса, а именно – маргинализация зависимых этно-территориальных групп. Так, например, она возможна через навязывание зависимому населению ведения не сбалансированного хозяйства, иногда паразитического характера. При этом у этно-территориальной группы подвергаемой маргинализации, через определенное время, может сформироваться негативный культурный стереотип в стратегии жизнеобеспечения, который становится дополнительным, субъективным фактором культурогенеза.

Оценивая тенденции культурных изменений на «лесных» территориях Южной Сибири, можно говорить об особенно интенсивной маргинализации обитателей этих мест в эпоху развитого и позднего средневековья. Для «лесных народов» этот процесс, чаще всего, был связан с вынужденным чрезмерным пушным промыслом, в ущерб другим традиционным занятиям. Как результат – архаизация хозяйственно-культурных комплексов кыштымов. В ряде случаев, этот процесс зашел так глубоко, что материальная культура большинства «лесных народов» Саяно-Алтайского региона была воспринята этнографами как реликт древнейших комплексов пеших охотников Северной Азии. В настоящее время становится очевидным, что эта этнографическая интерпретация не вполне корректна. Содержание культурного развития региона, его этапы, динамика и тенденции, которые мы можем реконструировать при анализе накопленных археологических источников, показывают, что наблюдаемые этнографами факты – результат сравнительно недавней деградации [Ширин, 2003].

Проблема маргинализации применительно к изучению древних социально-этнических сообществ Южной Сибири весьма актуальна и требует внимательного специального рассмотрения. Тем не менее, существует еще один аспект вовлеченности населения Южной Сибири в системы «дальней эксплуатации», на который мало обращают внимание исследователи. Он состоит в том, что на юге Сибири есть такие регионы, обитатели которых с неизбежностью попадают в основание этно-социальных иерархических пирамид. Такие территории могут быть названы маргинальными.

Маргинальные, по отношению к более динамично развивающимся территориям, районы, в том числе и на юге Сибири, обладают сочетанием ряда общих признаков, обусловленных проявлением негативных факторов. Для выявления этих признаков, прежде всего, необходима оценка социально-экономического потенциала геосреды. Методика такой оценки требует:

- выявления биологических ресурсов вмещающего ландшафта, применительно к соответствующим ХКТ;
- определения степени ориентированности на микро ареальное освоение угодий (посемейный характер землепользования);
- определения степени зависимости обусловленных ландшафтом ХКТ от сопредельных социально-экономических структур;
- оценки степени развитости инфраструктур (в том числе и степени изоляции).

С точки зрения структурированности территорий, которые включены в этно-социальные иерархические отношения, население большинства из них, в той или иной степени, обладает признаками маргинальности по отношению к «центру» и друг к другу. Отличие маргинальных территорий от всех прочих в этой структуре заключается в том, что факторы, порождающие их негативные для населения свойства, зачастую, имманентны для конкретной геосреды. Но, естественно, что маргинальность этих территорий также является понятием относительным. Она проявляется только при условии социального давления извне.

Выявление маргинальных территорий на юге Сибири облегчается тем, что преодоление их негативных свойств невозможно без активной и целенаправленной преобразующей деятельности человека, а население маргинальных районов, как правило, к этому не склонно. В связи с этим, для сравнительного анализа возможно привлечение этнографических наблюдений, а также исторических источников нового времени. В частности, для выявления признаков маргинальных районов можно использовать исторические свидетельства о местах для насильственного переселения потенциальных врагов лидирующего племенного союза. В данном случае, вероятно, учитывалось естественное свойство маргинальной территории способствовать снижению социально-экономического потенциала их обитателей, а, следовательно, и политической активности.

Маргинальные по своим социально-экономическим и демографическим потенциалам территории на юге Сибири (например, такие как Кузнецкая котловина, предгорья и тайга Саяно-Алтая) в эпоху железа не следует воспринимать как области формирования самостоятельных культур. Традиционная полиэтничность, присущая данным регионам подсказывает, что здесь и в более раннее время должна наблюдаться культурная мозаичность, чересполосность расселения этно-территориальных групп [Ширин, 1997]. Если и возникают условия для тех или иных форм консолидации населения маргинальных районов, они почти всегда имеют внешний источник. Очевидно, что подходить к интерпретации археологических комплексов маргинальных территорий нужно особенно осторожно и взвешенно.

К сожалению, в современных археологических исследованиях, посвященных эпохе железа на юге Сибири, выявлению и анализу особенностей культурогенеза в маргинальных районах практически не уделяется внимания. Зачастую такая проблема даже не осознается. Особенно это легко заметить при рассмотрении предлагаемых археологами социально-экономических и демографических реконструкций, основанных на материалах тех или иных археологических культур эпохи железа, выделяемых на юге Сибири на неравнозначных по своему потенциалу территориях. Исследователи, конечно, учитывают, что конечный результат таких реконструкций во многом зависит от того, какое место в структурах этно-социального подчинения региона занимала данная общность. Но роль населения Южной Сибири в иерархии таких структур нередко преувеличена. Та или иная форма лидерства со стороны одной из групп населения Южной Сибири, конечно, могла возникать, но, при этом, только на местном, узко региональном уровне. Не исключено выделение на территории юга Сибири отдельных комплексов, имеющих отношение к присутствию в регионе представителей из отдаленного «центра влияния». Но эти единичные и, как правило, неординарные памятники, существенно выделяются на общем культурном фоне. Причина появления таких памятников не всегда ясна. Исторические источники свидетельствуют, что представители «центра», кроме прочего, могли временно укрываться на маргинальных, подчиненных им территориях. Но археологически эти факты засвидетельствовать практически невозможно.

Для изучения эпохи железа на юге Сибири, археологические комплексы выделяемых здесь маргинальных территорий исключительно интересны благодаря своим особым свойствам.

Так, в культурном облике памятников маргинальных территорий, с необычной чувствительностью и почти в «прокламационной» форме, отражается смена культурного стереотипа, если она происходит в «центре» при смене этноса-лидера. Следует отметить, что подверженность влияниям, а также легкость потери «традиционной культуры» – неотъемлемые признаки этнической специфики населения маргинальных территорий на юге Сибири вплоть до XVII-XVIII вв.

Необходимо учитывать, что инвентарные комплексы маргинальных территорий зачастую обладают признаками, занижающими датировку памятников. По-видимому, это связано с тем, что местные этно-территориальные группы с запаздыванием воспроизводят культурный стереотип этноса-лидера, либо являются потребителями для сбытчиков устаревших типов инвентаря. Эту тенденцию, проявляющуюся на разнообразном археологическом материале, уже начинают отмечать некоторые исследователи, внося поправки в прежние хронологические схемы, предлагаемые для маргинальных территорий [Васютин, 1997]. В качестве этнографического примера можно привести этнокультурный комплекс шорцев XX в., который в своей массе является калькой с местной русской культуры XVII-XVIII в. [Кимеева, 2003].

Памятники маргинальных районов интересны и тем, что в них могут сохраниться определенные категории вещей, создаваемые в регионах более близких к «центру», но там весьма редко встречаемые в археологических памятниках. На маргинальных территориях этот импорт, как правило, аккумулируется в сакрально-престижных комплексах – в «кладах», погребениях местной «знати». Таким образом, памятники маргинальных территорий позволяют уточнять картину историко-культурного развития связанных с ними субъектов влияния, а иногда и выявлять последних.

Список литературы:

- Васютин А.С.** Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V-IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 5-35.
- Кимеева Т.И.** Культурные аспекты этнического взаимодействия аборигенов и русских Притомья: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – Кемерово, 2003. – 21 с.
- Крадин Н.Н.** Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 240 с.
- Савинов Д.Г.** Система социально-этнического подчинения как фактор развития раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1988. – Вып. 1. – С. 83-84.
- Садовой А.Н.** Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX- начало XX вв.). – Кемерово, 1992. – 198 с.
- Ширин Ю.В.** Контактная зона в маргинальном районе: Особый путь развития или историческая судьба? // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 78-81.
- Ширин Ю.В.** Социально-этническое подчинение, как фактор культурогенеза в маргинальных районах Южной Сибири // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003. – С. 31-34.

Н.И. Шутова

Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, Ижевск

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ В КАМСКО-ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ*

Камско-Вятский регион, расположенный в Западном Предуралье, во второй половине I – начале II тыс. был заселен преимущественно финно-угорскими племенами, принимавшими участие в формировании современных удмуртов, бесермян, коми, марийцев. Важное место в системе традиционных верований этих народов занимали разнообразные культовые памятники.

Источники. К настоящему времени нами собраны данные о более 30 сакральных мест средневекового времени и около 130 святилищах XVI – начала XX в. [Шутова 2001; Культовые памятники 2004]. Информация о культовых объектах Средневековья получена в результате археологических изысканий, по фольклорно-этнографическим данным (легенды, предания, опрос информантов, осмотр местности), историческим свидетельствам (письменные документы, сведения краеведов, исследователей XVIII–XIX вв.). По нескольким десяткам священных рощ составлена географическая, флористическая, геоботаническая и зоологическая характеристика [Капитонов, Капитонова 2002]. Для выявления, интерпретации и реконструкции средневековых культовых мест широко привлекались многочисленные материалы по сакральным памятникам XVIII–XX вв.

Проблемы изучения. Главная проблема в выявлении средневековых капищ в Камско-Вятском междуречье состоит в том, что на них за редким исключением не встречаются специальные культовые предметы, не сохраняются жертвенные приношения органического происхождения и отсутствуют яркие признаки, позволяющие однозначно идентифицировать их как святилища. Чаще всего мы фиксируем остатки ям, площадок, очагов, на которых могли проводиться обрядовые церемонии, однако археологические сооружения подобного рода можно интерпретировать как культовые места лишь предположительно, ибо на современном уровне исследований трудно привести веские аргументы в пользу их безоговорочного отнесения к ритуальным объектам.

Следующая проблема связана с тем, что невозможно четко структурировать и разложить рассматриваемый материал по категориям, типам и подтипам. Как показали полученные данные, священные места средневековых племен Камско-Вятского региона достаточно разнообразны и уникальны как по планировке и организации сакрального пространства, так и по набору используемых для ритуала средств. Своеобразие каждого объекта обусловлено тем, что изменяются, варьируются, эволюционируют лишь отдельные элементы основных характеристик, либо те же самые элементы формируют новую комбинацию признаков. В целом же главные черты культовых мест, их топография, внешнее и внутреннее устройство, характер материальных остатков, как правило, остаются довольно близкими и однотипными.

Существуют проблемы и с определением этнической принадлежности культовых объектов средневекового времени. Как свидетельствуют археологические и этнографические данные, в районах контактных зон довольно часто одно и то же капище почиталось разными группами населения. Подобные примеры прослежены на материалах средневекового святилища Чумойтло на юге Удмуртии, Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места на Европейском Северо-Востоке, городищ-святилищ бассейна Вятки и Средней Камы. На это указывают и факты почитания некоторых современных деревенских святынь разными народами вне зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности.

Итоги изучения. Судя по локализации средневековых памятников на местности, их топографии, расположению относительно поселений, они подразделяются на две категории. Первая категория культовых мест

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

устраивалась на площадках укрепленных или открытых поселений. Среди них встречаются глиняные или каменные площадки, ямы, очаги со следами жертвенных приношений, захоронения черепов и скелетов животных. Приведем некоторые примеры.

На городище Вельякар (Глазовский район Удмуртии) в углу жилого сооружения на подушке-основе размерами $0,7 \times 0,8$ м, толщиной 5 см располагался очаг округлой формы. На его поверхности лежал толстый слой кальцинированных костей и голубовато-серой золы [Семенов 1985: 54–55]. Такие объекты можно предположительно идентифицировать как частные, семейные святыни.

В верхнем слое городища Анюшкар XII–XIII вв. (Ильинский район Пермской обл.) обнаружен жертвенник в виде заключенного в раму глинобитного очага квадратной формы. Он располагался в центре площадки памятника рядом с домницей и кузницей. Здесь в слое золы лежал медный птицевидный идол с человеческой личиной. Верхняя часть очага была сложена из обломков жерновов, рядом лежал железный ральник. Около большого очага находился очаг меньших размеров, вокруг него по кругу размещалось шесть скоплений обгорелого зерна, прикрытые черепками сосудов [Оборин 1999: 296]. Подобный комплекс находок и сооружений, несомненно, имел общественное значение и мог быть связан с выполнением обрядовых действий родовой или племенной группой.

На Подчуршинском городище (Слободской район Кировской обл.), неоднократно заселявшемся в древности (неолит, ананьинское время, XII–XV и XVII–XIX вв.), обнаружена огромная яма (размеры $3,8 \times 2,38 - 2,7 \times 1,14$ м) неясного происхождения. Она включала зольный слой со скоплениями шлака, обожженной глины и бересты, известку, кальцинированные кости, кости птиц, яичную скорлупу. Без всякого определенного порядка здесь были разбросаны орудия труда и рыболовства, украшения, бытовые вещи, предметы вооружения и охоты. В XVI–XVIII вв. обитатели этих мест (русские и обрусевшие удмурты) использовали площадку городища для захоронений [Макаров 2001: рис. 40]. С городищем связаны многочисленные легенды и предания о богатырях, которые будто бы насыпали его, основали его, жили на нем, зарыли там заветный клад. Городище почиталось окрестным населением еще в конце XIX в.

Вторая категория почитаемых объектов была устроена вдали от одновременных поселений, на участках свободной территории – горах, холмистых образованиях и увалах, а в равнинных и болотистых местах – на пригорках и небольших возвышениях, вблизи водных источников. На Юмском святилище X–XIV вв. (Свечинский район Кировской обл.) прослежены следы двух кострищ округлой формы диаметром 1,2 м (мощность 20 см) и 0,3 м (мощность 3–5 см), вокруг них располагались 7 ям с песчаным заполнением и 11 скоплений сырых, иногда слегка обожженных костей животных. Помимо этого, кости животных и несколько десятков фрагментов лепной глиняной посуды были беспорядочно разбросаны в центральной части памятника. Найдены также железные и костяные наконечники стрел, точильные бруски из песчаника и сланца, песчаниковая плита. В конце XIX в. здесь почитался пень от огромной сосны [Спицын 1891: 22–23; Халиков 1957: 178–184].

В окрестностях д. Гавриловки (Воткинский район Удмуртии) на невысоком холме около реки располагалось культовое место в виде округлой насыпи, окруженной каменной кладкой в виде сложной подтрапециевидной фигуры. Здесь же обнаружены захоронения коня и двух овец, очаги, монеты нож, фрагмент гончарного сосуда. Площадка использовалась для проведения аграрных молений в первой половине XVIII в. [Останина 2004].

Особую группу среди рассматриваемой категории священных мест составляют почитаемые природные святыни, приуроченные к выдающимся элементам ландшафта: наиболее высоким точкам местности, карстовым разломам, сильным родникам, необычным озерам, редким породам деревьев или деревьям с аномальным развитием. Иногда такие уникальные природные объекты образуют целый сакральный комплекс. К примеру, на Великоорецком святом месте (Юрьянский район Кировской области) объектами особого почитания паломников служат сильный родник, могучие сосны с искривленными стволами, двойными и тройными вершинами, крутой возвышенный пригорок.

Другой сакральный комплекс – Чумбулатов камень (Советский район Кировской области) включал скалы, утесы, отвесные стенки, пещеры, гроты, воронки, каньонообразный овраг. На правом крутом берегу р. Немды некогда возвышалась каменная скала – обиталище духа легендарного марийского богатыря Чумбулата. Святилище почитается марийским населением и в наши дни, несмотря на то, что Чумбулатов камень был взорван в 1830 г. К природным достопримечательностям этих мест относится и то, что в последние годы здесь выявлены промышленные запасы известняков, обладающих превосходными физическими и химическими свойствами.

Вполне возможно, что в древности таким же почитанием пользовался Буржатский комплекс, который объединял высокий утес, Береснятский водопад, известняковую «стенку» между ними, Нижневотское городище, расположенные в Советском районе Кировской области. Как свидетельствуют легенды и предания, особым почитанием в регионе пользовались озера карстового происхождения – озеро Лызи в Татарстане, озеро Шай-

тан в Кировской области. К сожалению, возле этих озер пока не удалось обнаружить площадки, используемые для обрядовых церемоний.

Заключение. Комплексные исследования священных мест, оставленных народами рассматриваемого региона, продолжаются. Применяются апробированные ранее способы и методы исследования. Собранные материалы будут способствовать дальнейшему углублению и расширению наших знаний о культурном своеобразии и особенностях духовной жизни народов Камско-Вятского края в разные исторические периоды.

Список литературы

Капитонов В.И., Капитонова О.А. Значение священных рощ в сохранении редких и исчезающих видов растений и животных Удмуртии // Гуманитарный экологический журнал. – 2002. – Т. 4. – С. 19–21.

Культовые памятники народов Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. – 228 с.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. – Ижевск: Удмуртский университет, 2001. – 140 с.

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. – С. 255–298.

Оганина Т.И. Культовый памятник около д. Гавриловки на р. Сиве (Воткинский район Удмуртской Республики) // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. – С. 67–89.

Семенов В.А. Городище Весья-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск: Удмуртский НИИ при СМ УАССР, 1985. С. 48–77.

Спицын А.А. Поездка летом 1891 г. на р. Юм (Котельнический уезд Вятской губернии). – Архив ЛОИА РАН, ф. 5, д. 86. – Л. 20–23.

Халиков А.Х. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции 1957 года. – Архив ИА РАН. Р–1, № 1470. – Л. 178–184.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. – 304 с.

А.С. Якимов*Институт криосферы Земли СО РАН, Тюмень*

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ НА ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ СТЕПЕЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (VIII-XIV вв. н.э.)

Палеопочвенные исследования археологических памятников как памятников природы позволяют получить репрезентативную информацию о состоянии природной среды, динамике и направленности изменения климатических условий в определённые исторические эпохи. Однако следует отметить, что природные реконструкции, проводимые на основе палеопочвенных данных, зачастую ориентированы лишь на палеогеографические аспекты. Поэтому данным исследованиям необходимо придавать палеоэкологическую ориентацию, т.е. имеющийся и вновь получаемый фактический материал о состоянии окружающей среды оценивать с точки зрения её влияния на жизнь древнего населения (Дёмкин и др., 1997).

Рассмотрим на основании полученного материала характер взаимодействия человека и природной среды в исследуемом регионе. Известно, что в жизни древнего населения природная среда в целом и климат в частности всегда занимали одно из важнейших мест, во многом определяя особенности хозяйственной деятельности и духовной жизни, регулируя миграционные процессы и расселение. С другой стороны, климат относится к числу ведущих факторов почвообразования. Его вековая динамика находила отражение в состоянии ландшафтов и почв, в особенностях их пространственно-временной организации и функционировании в течение той или иной исторической эпохи. На фоне существовавшей климатической ситуации складывалась своя почвенно-ландшафтная обстановка. Её качественные и количественные характеристики определяли степень комфортности природной среды для проживания древнего населения.

Например, в степной зоне к числу главных лимитирующих факторов развития древнего и современного земледелия и скотоводства (животноводства) относятся дефицит атмосферной влаги и высокая засоленность почво-грунтов. Причём они являются взаимосвязанными.

Увеличение количества осадков интенсифицирует процесс рассоления. Напротив, аридизация климата приводит к накоплению солей в почвенной толще. Пространственно-временная динамика их содержания регулирует интенсивность и направленность протекания процессов солонце- и гумусообразования, специфику водно-физических свойств почв, структуру почвенного покрова и другие. В итоге степень засоленности почв определяет их качество или естественное плодородие. Иными словами, в относительно влажные климатические эпохи в результате рассоления в почвах происходило увеличение содержания гумуса, рассолонцевание, улучшение водно-физических свойств. В составе почвенного покрова уменьшались площади солонцов, солонцеватых и засоленных почв. Подобные трансформации на фоне повышенной атмосферной увлажнённости способствовали существенному увеличению биомассы фитоценозов, то есть приводили к возрастанию продуктивности пастбищ. Следовательно, такие периоды в жизни древнего степного населения можно рассматривать как палеоэкологические оптимумы. С другой стороны, усиление засушливости климата, интенсификация негативных процессов соленакопления, дегумификации, осолонцевания, эрозии почв с последующим снижением продуктивности травянистой растительности способствовали возникновению кризисной палеоэкологической обстановки.

Завершение эпохи бронзы в степях Евразии сопровождалось коренной ломкой жизненного уклада древнего населения. Появившиеся здесь в начале I тыс. до н.э. кочевые племена раннежелезного века и затем средневековья, - явление уникальное для мировой культуры, не имеющее аналогов в истории. Номадизм или кочевой уклад жизни являлся своего рода способом адаптации людей к среде их обитания. Его суть отличают (Хазанов, 1975) скотоводство как преобладающий вид экстенсивной хозяйственной деятельности, характеризующейся круглогодичным вноскольным содержанием скота на подножном корму; периодическая подвижность в преде-

лах пастбищных территорий или между ними с участием в перекочевках всего или большей части населения; натуральный характер экономики. Как видно, все перечисленные признаки находятся в прямой связи с природной средой, в частности, с особенностями почвенно-растительного покрова, метеорологическими и климатическими условиями, характерными для определенного хроноинтервала и природного района.

Известно, что высокая подвижность кочевников находила выражение в сезонных и трансконтинентальных миграциях, которые играли чрезвычайно важную роль в древности и средневековье. Например, движения кочевых народов привели к сложению великих государств: Парфянская держава, Кушанское царство, Тюркские каганаты, Золотая Орда. Миграции гуннов и образование их империи обусловили «Великое переселение народов» и положили начало этногенезу современных европейских народов. Возникновение Золотой Орды стимулировало процесс консолидации русского народа в единую общность.

По современным представлениям миграции кочевого населения были обусловлены целым рядом причин, включая политические, социальные, идеологические, демографические, экологические. Как правило, подвижка племен вызывалась сочетанием ряда факторов, среди которых экологический играл далеко не последнюю роль. Сложение экстремальной почвенно-ландшафтной и климатической ситуации в том или ином районе степей при сравнительно ограниченных адаптационных возможностях кочевников вынуждало их полностью или частично покидать область экологической напряженности и переселяться в более благоприятный регион.

Сказанное проиллюстрируем археологическими данными, полученными для территории Волго-Уральских степей, которые входят в число наиболее ранних районов становления вначале пастушеского, а затем и кочевого скотоводства (Демкин, Сергацков и др., 2004). В скифскую эпоху (VI–IV вв. до н.э.) в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье обитали ираноязычные кочевники, которых исследователи соотносят с савроматами, дахо-массагетами и исседонами по сообщениям античных авторов. Считается, что Южное Приуралье было районом формирования культурно-археологического комплекса савромато-сарматских племен (Железчиков, 1997; Скрипкин, 1997). Отсюда в IV в. до н.э. началась экспансия раннесарматских (прохоровских) племен в Поволжье, на Дон и далее в Северное Причерноморье. В последние века до н.э. этнополитическая ситуация резко изменяется. Нижнее Поволжье становится центром Азиатской Сарматии, здесь сосредоточено основное количество памятников II–I вв. до н.э. Еще более контрастная картина сложилась в среднесарматское время в I–II вв. н.э. Южное Приуралье в этот период превращается в периферию, далекую окраину сарматского мира. В очередной раз положение меняется в позднесарматскую эпоху (II–IV вв. н.э.). Южноуральские степи вновь плотно заселяются кочевниками. После гуннского вторжения во второй половине IV в. н.э. степи Восточной Европы пустеют. Ситуация изменяется лишь в VII веке с возникновением в Нижнем Поволжье Хазарского каганата. В хазарское время (VIII–IX вв.) условия природной среды были засушливы и близки современным. Население было сосредоточено в долинах рек, открытые же пространства степей были практически не заселены. В IX–XII веках в регионе господствовали огузо-печенежские, а затем половецко-кыпчакские племена.

По палеопочвенным данным нами установлено резкое увеличение степени атмосферной увлажненности в нижеволжских степях в XIII–XIV вв. н.э. Гумидизация климата оказала столь существенное влияние на палеопочвы, что в ряде регионов произошёл сдвиг природных рубежей к югу. В это время активизировались процессы рассоления и деградации солонцов, произошла перестройка карбонатного профиля, резкие преобразования претерпели микробные сообщества почв. Подобные природные изменения не могли не сказаться на жизни средневекового населения.

На наш взгляд, одной из причин трансконтинентальной миграции в XIII веке центрально-азиатских кочевников в Среднюю Азию и Восточную Европу, наряду с политическими, социальными, демографическими, явилось улучшение палеоэкологических условий в евразийских степях. В свою очередь, благоприятная почвенно-ландшафтная и климатическая обстановка, сложившаяся в нижеволжском регионе в XIII–XIV веках, способствовала существенному изменению этнополитической ситуации в регионе и возникновению государства Золотая Орда. Начался переход кочевников к полуоседлому образу жизни. Чрезвычайно высокой стала плотность населения, появились многочисленные города и городища. В частности, численность постоянного населения в г.Сарай-ал-Джедид (?) (Царевское городище в Волгоградской области) достигала 50 тыс. человек. Таким образом, увлажнение климата в эпоху развитого средневековья и его последствия сыграли весьма заметную роль в жизни кочевых племен степей Евразии.

Список литературы:

Дёмкин В.А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. – Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997, 213с, ил.

Дёмкин В.А., Сергацков И.В., Дёмкина Т.С., Борисов А.В. Динамика природных условий и древнее население восточноевропейских степей с эпохи бронзы до средневековья. / Известия АН. Серия географическая, №3, 2004, с.41–47.

Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М. 1997. Вып.2, с.46–130.

Скрипкин А.С. Анализ сарматских погребальных памятников III–I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М. 1997. Вып.2, с.131–212.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975, 260с.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Н.Г. Артемьева

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток*

ВНУТРЕННЯЯ ПЛАНИРОВКА ВЕРХНЕЙ СТОЛИЦЫ ЧЖУРЧЖЭНСКОГО ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЕ СЯ

Большинство укрепленных поселений XIII в. на территории Приморья появляются в период образования и существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215-1233 гг.), которое было создано с целью защиты от монгольского вторжения. В основном это горные городища, возведенные по заранее намеченному, строго определенному плану и имеющие свои специфические черты. В настоящий момент мы уже имеем такое количество археологического материала, который дает возможность решить вопросы: что собой представляли эти поселения, какие осуществляли функции, и можно ли все горные городища, т. е., поселения обнесенные валами, называть городами.

Широкий интерес к изучению города, как к социально-экономическому организму, его исторической реконструкции, обусловлен, в первую очередь, необходимостью осознания общего значения города, расширением источниковедческой базы исследования урбанизации в археологии.

Безусловно, что для каждого региона, в разных эпохах город представлял собой совершенно разное явление. Нельзя сравнивать античный город с феодальным, средневековый русский город - с китайским, но все же есть нечто общее, что образует его специфику, как особого социального организма. Город – это неперменный атрибут любого государства. На процессы урбанизации в странах дальневосточного региона очень велико было воздействие городов императорского Китая. Главной причиной урбанизации в средние века было развитие производительных сил: рост общего объема сельского хозяйства и ремесленной продукции, часть которой поступала на рынки, расширение добычи металла и увеличение количества монет в обращении. Процесс урбанизации в Китае шел разными путями. Одни города возникали на совершенно новых местах: пограничные города крепости, торговые и ремесленные центры на больших реках и в местах добычи сырья, морские гавани. Другие – развивались на основе континуитета – продолжение городских традиций конца древности – начала средневековья, третьи - отстраивались заново на местах разграбленных древних городов [Стужина Э.П., 1979, с. 13-14].

Археология дает возможность изучать древние поселения, выявлять их характерные этапы застройки, планировку, делать анализ вещевого инвентаря и на основе этого строить социально-исторические реконструкции и выделять признаки города [Гуляев В.И., 1979. Сайко Э.В., 1973, 1996]. Сейчас только исследования, производимые широкими площадями, позволили нам отнести многие горные городища Приморья к статусу городов. Это, в первую очередь, выделяется на основе изучения внутренней планировки городов. Наиболее изученными на территории Приморья являются Краснояровское городище. Этот памятник был возведен не на пустом месте, а перестроен из уже существовавшего города. Судя по внутренней топографии этих памятника, в нем довольно четко выделяются зоны социальной застройки: Запретный город, Внутренний город, район проживания чиновников и знати, место пребывания военачальника или коменданта города, ведомства делопроизводителей, государственные склады и мастерские, а также места нахождения рядовых жителей города, заселение которых происходило квартально, выделяются районы ремесленников и воинов.

Краснояровское городище находится в 3 км к югу от г. Уссурийска Приморского края. По типу памятников оно относится к горным городищам, хотя его можно отнести к типу горно-равнинных укреплений, в которых прослеживаются традиции когурёской фортификации. Оно имеет площадь 180 га, протяженность валов 7 км. Внутренняя топография полностью подчинена рельефу местности. Распадок, находящийся в восточной части городища, проходящий в направлении северо-запад – юго-восток, делит его на две части, в каждой из которых находились обвалованные участки. В северо-восточной стороне городища их зафиксировано два.

Они представляют собой многоугольники площадью 1 га и 1,2 га, обнесенные валами высотой 0,5-0,7 м. В настоящий момент они практически уничтожены современными огородами. В юго-восточной части памятника расположен еще один обвалованный участок – Внутренний город, площадью 35 га, с высотой валов 3-5 м. Вся территория Внутреннего города земляными валами разделена на социально значимые участки. В центральной части находился Запретный город – императорская ставка, где располагались дворцовые сооружения. Южнее от них исследовано, возможно, культовое сооружение – буддийский храм. В восточной стороне располагались государственные склады, а северная часть была заселена кварталом чиновников и крупных должностных лиц. В западной части Внутреннего города раскопан рудут – четырехугольное укрепление размерами 20х30 м, ставка военачальника или коменданта.

В юго-западном направлении от центральной части города находится квартал административных учреждений. Здесь было исследовано ведомство Шаофудцзянь, которое, согласно описанию “Цзинь ши”, относилось к внутреннему управлению императорского двора и “ведало всеми государственными ремесленными и строительными делами”, а в Восточном Ся это ведомство изготовляло и эталоны веса.

Исследования внутреннего города показали, что первоначально на этом месте был построен город-крепость, существовавший до образования государства Восточное Ся. Это хорошо фиксируется археологически. Нами выделено три строительных горизонта в центральной части Внутреннего города, а также обнаружена достройка валов Внутреннего города и рудута.

Один строительный горизонт отмечается только на территории внешнего города. В северо-восточной части памятника вскрыты остатки 21 жилища, хозяйственные дворы, производственные объекты. Здесь было обнаружено четыре улицы, выявлены расстояния между домами, прослежена внутренняя топография этого участка. Практически во всех жилищах найдены следы перестроек канов. При их строительстве часто вмес-

Рис. 1. План Красноярского городища.

то камней, как строительного материала, применяли уже использованный кирпич, базы от колонн, обломки жерновов, облицовочных каменных плит. Стратиграфия этого участка очень простая: под слоем дёрна шёл наносной слой, под которым располагался культурный, покрывающий материк. Таким образом, внешний город является однослойным памятником. Заселение этого района идёт явно на втором этапе жизнедеятельности городища.

Наши исследования убедительно доказывают, что Красноярское городище – это многослойный памятник, относящийся к чжурчжэньской эпохе. Первоначально на месте, где сейчас располагается Внутренний город, был построен город-крепость, прикрывавший доступ в долину, где находились два чжурчжэньских долинных городища – Южно-Уссурийское и Западно-Уссурийское. Причём крепость существовала до 1215 г., то есть до образования государства Восточное Ся. После прихода Пусяня Ваньну и учреждения на этом месте нового города, старый – перестраивается. Его территория превращается в императорскую резиденцию, вокруг которой строится новый столичный город, по размерам значительно больше других средневековых памятников.

В нем были сосредоточены политическая власть и военно-административный аппарат. Он являлся узловым очагом торгово-ремесленной активности и духовной жизни государства, а также крупным центром, которому подчинялись и были с ним экономически связаны другие города. Об экономических связях можно судить даже по находкам сосудов, обнаруженных на Красноярском и Ананьевском городищах. Создается впечатление, что их изготавливал один мастер по – единому стандарту и обжигали в одной печи.

О том, что Красноярское городище было превращено в столичный центр, можно судить по огромной его площади, планировке Внутреннего города, также по эпиграфическим находкам, обнаруженные на памятнике – это печать Еланьского мэньяня, сделанная в 7-м году «Тянь-тай» (1222 г.) и шестнадцать эталонных весовых дисков с датой выпуска «7 год Да-тун» (1230 г.). Печать даёт письменное свидетельство существования топонима Елань в Приморье, в то же время, находка печати Еланьского мэньяня на территории Красноярского городища поднимает вопрос о местонахождении данной военно-административной единицы на этом памятнике. Сейчас Красноярское городище идентифицируется нами с Верхней столицей государства Восточного Ся – г. Кайюанем.

Хотелось бы подчеркнуть, что исследования на Красноярском городище дают нам возможность утверждать, что этот памятник имел статус столичного города. В них прослежены все признаки восточного средневекового города. Но, хотелось бы отметить, что в, первую очередь, чжурчжэньские города XIII в. были административными центрами, в которых находились представители центральной власти, управляющие соответствующими территориями. В тех военных условиях, в которых было образовано и существовало государство Восточное Ся, необходима была исключительно сильная государственная власть и строжайшая централизация. Несмотря на то, что товарно-денежные отношения в этот период были довольно развитые, ремесло носило преимущественно государственный характер, торговля также находилась под строгим контролем государства, поэтому города не могли играть заметной социально-экономической роли, а являлись преимущественно административно-политическими центрами с военными функциями, которыми были наделены мэньянь и моукэ.

Список литературы

- Гуляев В.И. Города-государства майя. - М.: Наука, 1979. – С. 11–24.
 Сайко Э.П. Становления города как производственного центра. - Душанбе: Изд-во «Дониш», 1973. – 112 с.
 Сайко Э.В. Древний город. Природа и генезис. Ближний Восток. IV-II тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1996. – 208 с.
 Стужина Э.П. Китайский город XI-XIII вв. - М.: Наука, 1996. – 408 с.

С.В. Баштанник*Институт экологии человека СО РАН, Кемерово*

АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩАХ КАЗАХСТАНА

В данной статье вводятся в научный оборот археоботанические материалы двух раннесредневековых городищ Казахстана, расположенных в среднем течении р. Сырдарьи – Коныр-тобе и Куйрук-тобе.

Археоботаническая коллекция городища Коныр-тобе. Городище расположено в 35 км к северу от железнодорожной станции Тимур. В слое VII-VIII вв., относящемся к послекангуйскому периоду, обнаружен хум, в заполнении которого вперемешку с песком и золой найдены многочисленные карбонизированные растительные остатки: ячмень двурядный пленчатый *Hordeum vulgare distichum*, семейство Злаковые Poaceae, зерновки размерами $5 \times 2,5 \times 1,7-2,2$ мм - 620 шт; горох посевной *Pisum sativum*, семейство Бобовые Fabaceae, семена диаметром 4-6 мм - 70 шт. (рис.1); виноград *Vitis vinifera*, косточки $3-6 \times 2-5$ мм - 10 шт; косточка персика *Persica vulgaris* - 1шт. Итого плодов и семян 701.

Археоботаническая коллекция городища Куйрук-тобе. Городище расположено в 15 км к югу от с. Шаульдер и является одним из наиболее крупных памятников Отрарского оазиса, расположенного в районе впадения в Сырдарью р. Арыси. Городище отождествляется со средневековым городом Кедером, бывшим в X-XI вв. столицей округа Фараб. Об этом городе сообщает анонимный автор персоязычного географического сочинения “Худут-ал-Алам”, географы Ибн-Хаукаль и ал-Макдиси. Согласно сведениям Худут-ал-Алам, в X в. “Фараб - богатый округ, главный его город называется Кедер, жители его воинственны и храбры, - это место стечения купцов”. Ал-Макдиси, труд которого также написан в X в, сообщает: “Кедер был новым городом, устройство в нем минбара (соборной мечети) вызвало междоусобные войны” [Бартольд, 1963, с.233-244]. Монеты, найденные при раскопках замка на полах и в обмозке стен, датируются VII-VIII вв., а время существования первоначальной постройки на цитадели определяется второй половиной VII-первой половиной IX в. Верхняя дата куйрукского комплекса связана с пожаром цитадели и ее разрушением и приходится на первую половину IX в. Возможно, гибель цитадели связана с походом в пределы Отрарского оазиса в начале IX в. арабского отряда Фадла ибн Сахля, который “убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей карлукского джабгу”, или с походом саманида Насра I ибн Ахмада на Шавгар в начале второй половины IX в. Хронологические рамки первого периода жизни цитадели, таким образом, охватывают вторую половину VII - первую половину IX в.

В исторических источниках I тыс. н.э. население присырдарьинских районов называлось “люди Канга” - кенгересы, кангары, что сопоставляется с древним названием Сырдарьи - Канг. Кенгересы расселились на средней Сырдарье, где в VI-VII в. сформировалось территориальное и политическое образование Кангу-Тарбан со столицей в Тарбан-Отраре под общим сюзеренитетом печенежских племен. Аргументом в пользу локализации кангаров-печенегов на средней Сырдарье и в Отрарском оазисе может послужить тамга на раннесредневековых монетах из раскопок Куйрук-тобе в виде знаков “X”, напоминающих перевернутую тамгу печенегов, приведенную Махмудом Кашгарским.

Новые археоботанические материалы позволяют проследить процессы формирования и развития раннеземледельческой культуры в Отрарском оазисе, и сопоставить их с определенной этнической группой, влившейся позднее в состав казахского народа.

На Куйрук-тобе взято несколько проб для археоботанического анализа.

Проба K18, объем 15 л., органический карбонизированный материал залегал компактно, вперемешку с закопченными осколками кухонной посуды IX-X вв.:

Рис. 1. Горох посевной *Pisum sativum*. Коньур-тобе

Рис. 2. Виноград винный *Vitis vinifera*. Куйрук-тобе

1. Многочисленные семена гороха посевного *Pisum sativum*, семейство Бобовые Fabaceae диаметром от 2,5-3 мм до 4,1 мм, четко виден зародыш треугольной формы или след от него. Некоторые семена сплюснутые и с потрескавшейся семенной кожурой, что указывает на то, обугливание подверглись свежие семена с большим содержанием влаги - ок. 200 шт.

2. Многочисленные зерновки проса развесистого *Panicum milliaceum*, семейство Злаковые Poaceae размерами 1,3-1,7 × 1,5-2 мм, встречены также зерновки в колосковых чешуйках с характерным блеском - 130 шт.

3. Семянки горца птичьего (спорыша) *Polygonum aviculare*, семейство Гречишные Polygonaceae - 2 шт. Произрастает по обочинам дорог, канав, песчаным и гравийным насыпям, по берегам рек, пойменным лугам, на сильно выбитых выпасом пастбищах; как сорняк встречается в посевах, на огородах. Засухоустойчив, выносит солонцеватость, характерную для поливных земель, уплотнение почвы. Хорошо отрастает после многократного скашивания. Переносит сильное вытаптывание и стравливание скотом. При отсутствии конкуренции со стороны других растений хорошо возобновляется семенами и образует чистые заросли на уплотненных почвах.

4. Семена черного цвета диаметром 0,6 мм и толщиной 0,4 мм, принадлежащие семейству Маревые Chenopodiaceae - 64 шт. Растение является рудеральным (сорным). Ее присутствие указывает на антропогенное воздействие на естественные ландшафты. Это типичный засоритель злаковых посевов, и ее присутствие указывает на земледелие. Так же она процветает на границах дорог, у построек, на мусорных кучах и заброшенных местах. Одно растение может произвести более 900 000 семян, и их потенциальный запас в старопашенных почвах и нарушенных местообитаниях очень высок. Это сорное растение является космополитом, т.е. распространено во всех природно-географических зонах.

Проба K19, объем 10 л., из заполнения бадраба (мусорно-помойной ямы) в виде рыхлой мелко-комковатой супеси зеленовато-серого цвета с осколками костей животных и керамики IX-XI вв.

1. Пшеница карликовая *Triticum compactum*, сем. Злаковые Poaceae, зерновка 4,5 × 3 × 1,5 мм-1 шт.

2. Многочисленные косточки винограда винного *Vitis vinifera* L. размерами: длина 5-8 мм, ширина 3,5-6 мм, сохранившиеся в некарбонизированном состоянии благодаря сухости вмещающего заполнения ямы, изолированности от воздействия кислорода и особой структуре ткани - 650 шт. (рис. 2). Культурный виноград не был импортирован в Отрарский оазис извне и происходит от дикого винограда *V. silvestris*, северной границей распространения которого являются близлежащие горы Каратау, где, как отмечает ботаник

П.М. Жуковский, он приурочен к местам древних поселений [Жуковский, 1964, с. 568]. Справедливость этой гипотезы, высказанной более сорока лет назад, блестяще подтвердилась последними археоботаническими исследованиями.

3. Белые косточки арбуза столового *Citrullus lanatus*, семейство Тыквенные Cucurbitaceae 10 × 6,5 мм - 3 шт. Сохранились в засушенном состоянии.

4. Белые косточки дыни *Cucumis melo*, семейство Тыквенные Cucurbitaceae 9 × 5,5 мм - 2 шт. Сохранились в засушенном состоянии.

5. Продолговатые коричневые косточки джиды (лоха) *Elaeagnus orientalis* L. 16 × 4 мм - 4 шт. Сохранились в засушенном состоянии.

Общий перечень видов растений, обнаруженных на памятниках представлен в таблице. Он представлен 4 видами на Коныр-тобе и 9 видами на Куйрук-тобе. Меньшее количество видов на первом памятнике объясняется тем, что исследовался закрытый комплекс – заполнение сосуда. На Коныр-тобе пробы отбирались в разных местах по уровню полов и в заполнениях ям.

На основании полученных данных установлено, что земледелие основывалось на возделывании злаков (преобладали ячмень и просо, пшеница заметно уступала), бобовых (горох посевной), плодовых культур (виноград, арбуз, дыня, джиды). Сорная и рудеральная растительность представлена горцем птичьим и марью, и в довольно малых количествах, что указывает на чистоту посевов.

Таблица. Археоботанические коллекции городищ Коныр-тобе и Куйрук-тобе

	Вид	Коныр-тобе	Куйрук-тобе
1	Пшеница мягкая <i>Triticum aestivum</i>		1
2	Ячмень двурядный пленчатый <i>Hordeum vulgare distichum</i>	620	
3	Просо развесистое <i>Panicum milliaceum</i>		130
4	Горох посевной <i>Pisum sativum</i>	70	200
5	Виноград винный <i>Vitis vinifera</i>	10	650
6	Персик <i>Persica vulgaris</i>	1	
7	Арбуз столовый <i>Citrullus lanatus</i>		3
8	Дыня <i>Cucumis melo</i>		2
9	Джиды <i>Elaeagnus orientalis</i>		4
10	Горец птичий <i>Polygonum aviculare</i>		2
11	Маревые <i>Chenopodiaceae</i>		64

Список литературы

- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.I. - М-Л. - 1963. – 760 с.
 Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. - Л. 1964.- 792 с.

Т.А. Васильева*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток*

НАЗНАЧЕНИЕ СЕВЕРНОГО ВНУТРЕННЕГО ГОРОДА ЕКАТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА (ПРИМОРСКИЙ КРАЙ)

Горные городища чжурчжэньского времени в Приморском крае давно стали объектом изучения археологов. Материалы, полученные при их исследовании в последние годы, не только воссоздают облик средневекового города, его внутреннюю топографию, но и позволяют перейти к решению вопросов о назначении отдельных элементов застройки чжурчжэньских городищ.

Города располагались на государственной земле и выполняли определенные функции – военно-оборонительную, административную, экономическую, культурную [Стужина, 1979]. Существовали строгие каноны по возведению и планировке городов. В средневековом Китае древние строители старались по возможности выстроить жилища и улицы по оси север – юг [Стужина, 1979].

Форма и фортификационные сооружения горных городищ Приморья зависели от рельефа местности, но основные принципы градостроительства соблюдались по возможности неукоснительно. По строго определенным правилам насыпались оборонительные валы, сооружались ворота и их защитные сооружения. На большинстве горных городищ присутствует традиционный элемент застройки – Внутренний город. Это небольшие участки произвольной формы внутри городища, обнесенные невысоким земляным валом [Артемьева, 1998]. Количество их может быть от одного до трех-четырех на разных городищах. На некоторых из них велись работы.

На Шайгинском городище в Партизанском районе их четыре [Шавкунов, 1990, с. 64; Артемьева, 1998]. Один застроен зданиями колоннадной конструкции с черепичной кровлей, на другом – общественные здания под черепичной кровлей, на третьем – государственные свайные амбары [Артемьева, 2004].

На Ананьевском городище (Надеждинский район) на высоком и частично обвалованном участке были вскрыты четыре ряда каменных баз, вероятно, остатки недостроенного общественного здания [Хорев, 1996].

Внутренний город Красноярского городища (Уссурийский район) был застроен административными комплексами и дворцовыми зданиями колоннадной конструкции, крытыми когда-то черепицей [Артемьева, 2004].

Два Внутренних города находились на Лазовском городище в Лазовском районе [Леньков, Артемьева, 2003]. В западном, ориентированном стенами по странам света, обнаружена мастерская с остатками печей для обжига керамики и горны. Во втором Внутреннем городе, ориентированном углами по странам света, найдено здание колоннадного типа и хозяйственная постройка.

Интересный материал, позволяющий объяснить назначение Внутренних городов, получен на Екатерининском городище (Партизанский район). Разделенный распадком на две части, склон сопки покрыт обвалованными искусственными террасовидными площадками различной величины, предназначенными для сооружения на них жилищ и хозяйственных комплексов. В южной части городища в 20 м друг от друга расположены два небольших Внутренних города. В плане это неправильной формы четырехугольники (52-54,5 × 61,5-70 м и 55-55,5 × 62-66,5 м), окруженные невысоким (до 1 м) валом и ориентированные углами по странам света. Входы в оба Внутренних города, оформленные в виде разрывов в вале, находились с северо-восточной стороны. Исследования юго-восточного Внутреннего города показали, что на естественном пологом склоне распадка была сооружена искусственная терраса из известняковых глыб, пространство между которыми забутовано

желто-серой глиной с дресвой. Края террасы укреплены кладкой из необработанных плит. Толщина подсыпки от 1,5 до 1,8 м. Никаких следов построек на террасе не обнаружено, но вся поверхность была покрыта прокаленной и оплавившейся до стеклообразного состояния обмазкой и древесной золой [Леньков, 1977].

Третий Внутренний город находился в северо-восточной части городища. Это неправильной формы четырехугольник размерами 33-35 × 39-41 м, строго ориентированный стенами по странам света и обнесенный насыпным земляным валом высотой до 0,5-1 м. Ширина вала в основании до 4 м. Никаких конструкций на гребне (типа изгороди или палисада) не обнаружено. Вход находился с восточной и южной сторон. К южному из распадка поднималась дорога. Оформлен вход был в виде разрыва в вале. Внутри хорошо видны шесть искусственных земляных платформ, укрепленных от оползания каменными кладками с восточной и южной сторон. А напротив восточного входа, ближе к западной стенке, возвышалась главенствующая здесь насыпная платформа овальной формы с земляной обваловкой-завалинкой и разрывом-входом с востока (рис. 1).

Перед входом во Внутренний город зачищена яма круглой формы, напротив неё – мостик из крупных камней, перекрывающий ровик-ливневку шириной от 0,6 до 0,75 м и глубиной до 0,2 м. Ров шел параллельно гребню восточной части вала. Западная его стенка, выложенная камнями, укрепляла край насыпной платформы шириной 19 м, которая занимала практически всю юго-восточную часть Внутреннего города. К этой площади примыкала возвышающаяся насыпь овальной формы с завалинкой, которая окружала остатки наземного прямоугольного в плане жилища (№ 29) площадью около 45 кв. м. Отапливалось оно Г-образным двухканальным каном с двумя очагами и трубой в северо-западном углу. Насыпная платформа не оплыла, потому что с востока и юга укреплена каменной кладкой.

В северо-восточном углу Внутреннего города зачищено прямоугольное в плане жилище № 27 площадью около 80 кв. м с тремя автономными прямыми канами, расположенными буквой «П» вдоль стен. Вход в него был с юга.

И в юго-западном углу Внутреннего города находились остатки жилища № 28, построенного на насыпной платформе, укрепленной с востока каменной кладкой с выступающим крыльцом перед входом. Жилище площадью около 80 кв. м было с тремя двухканальными автономными канами, расположенными вдоль жилища, четырьмя очагами и тремя трубами. Жилища (№№ 27 и 28) подобной конструкции и размеров не могли

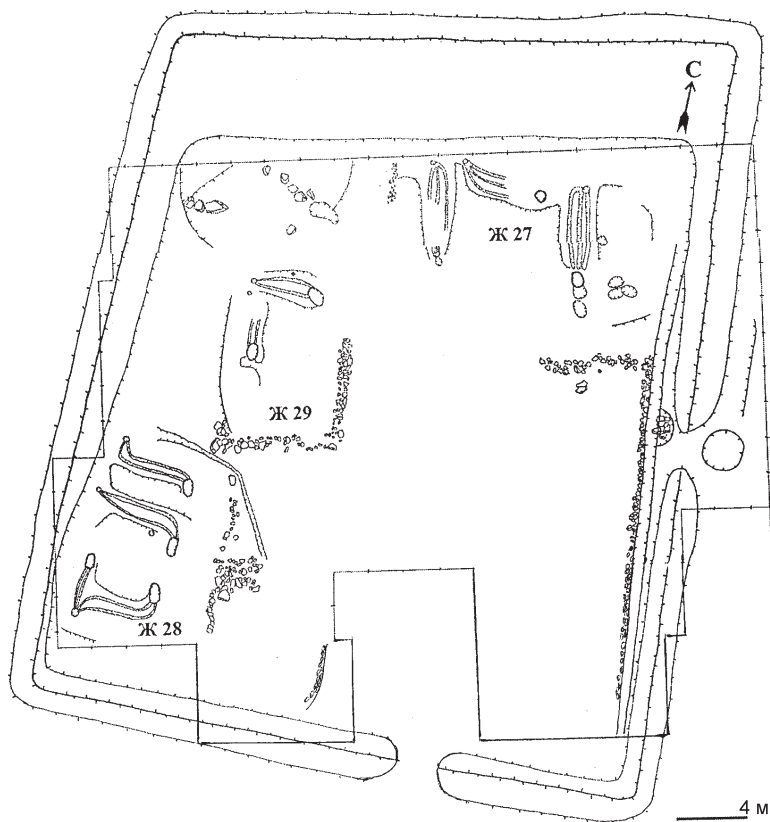

Рис. 1. Северный внутренний город Екатерининского городища.

служить для нужд одной семьи. Скорее всего, эти здания можно отнести к общественным (постоялый двор, казарма) или административным. Жилище № 29 преднамеренно построено на высокой насыпной платформе и занимало главенствующее положение на территории Внутреннего города. Перед ним была благоустроенная, выровненная площадь с дренажной канавой – место сбора горожан.

Своеобразен вещевой материал из Внутреннего города. Это керамическая тушечница в форме параллелепипеда с высокими бортиками, три железных цепи длиной от 3 до 3,4 м, причем одна с замком, и остатки станковых сосудов цилиндрической формы с чашечкой в центре горизонтальной поверхности. Их было не менее 12. Скорее всего, они использовались в качестве подставок или курильниц. Обычно в таких количествах они встречаются только в административных зданиях.

Северо-восточный Внутренний город был расположен вблизи центральных ворот, обнесен невысоким земляным валом. Расположение, характер и конструктивные особенности построек на этой площади, вещевой материал – все говорит о том, что эти строения не были обычными жилищами. Вероятно, это были присутственные места, где разрешением каких-то административных дел занимались государственные чиновники, наделенные соответствующей властью. Сами чиновники здесь не жили. А жилища 27 и 28 использовались для ожидания и временного приюта иногородних посетителей. Подобное назначение северного Внутреннего города известно в средневековом Китае [Стужина, 1979], ближайшем соседе чжурчжэней. Здесь функции, связанные с организацией повседневной жизни города, его благоустройством, выполняла государственная администрация [Стужина, 1979]. Таким образом, в северо-восточном Внутреннем городе Екатериновского городища находились государственные административные учреждения.

Список литературы

- Артемьева Н.Г.** Домостроительство чжурчжэней Приморья XII-XIII вв.) – Владивосток: Дальпресс, 1998. – 302 с.
- Артемьева Н.Г.** Исследования средневековых городищ в Приморском крае // Археологические открытия 2003 года. – М.: Наука, 2004. – С. 366-370.
- Леньков В.Д.** Отчет об археологических исследованиях на Екатериновском и Скалистом городищах на территории Приморского края в 1976 году // Архив Ин-та археологии РАН. Р-1, № 6087. – 65 с.
- Леньков В.Д., Артемьева Н.Г.** Лазовское городище. – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 284 с.
- Стужина Э.П.** Китайский город XII-XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. – М.: Наука, 1979. – 408 с.
- Хорев В.А.** Ананьевское городище – военно-земледельческое поселение чжурчжэней на юге Приморья // Археология Северной Пасифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 114-119.
- Шавкунов Э.В.** Культура чжурчжэней – удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 282 с.

Г.П. Визгалов*Научно-производственное объединение «Северная археология 1»
Нефтеюганск***МЕСТНЫЕ РЕМЕСЛА ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА МАНГАЗЕИ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2001-2005 гг.**

Городище Мангазея, как памятник археологии впервые обследовано в 1946г. В.Н. Чернецовым, а в 1968-1970гг. и 1973г. раскапывалось М.И. Беловым, О.В. Овсянниковым, В.Ф. Старковым. В 2000 году Г.П. Визгаловым были начаты новые археологические раскопки Мангазеи, которые продолжаются до настоящего времени на территории мангазейского посада. Новые археологические раскопки дали многочисленный и разнообразный вещевой материал, состоящий почти из 13 000 предметов, не считая мелких фрагментов керамики, обрезков кожи, фрагментов деревянных изделий.

По результатам исследований были сделаны выводы о проживании в мангазейском посаде литейщиков и косторезов [Белов, Овсянников, Старков 1981: 41-42,47-48] и местном ремонте и перешиве кожаной обуви [Курбатов, Овсянников 1999: 270].

Результаты исследований 2000-2005 гг. существенно дополнили выводы предшественников о вышеназванных ремеслах и обнаружили существование в городе других, например, гончарства, портняжного и ювелирного дела. Так исследователи 1968-70,1973 гг. сделали вывод об отсутствии местного производства на основе якобы малочисленности мангазейской керамики [Белов и др. 1981: 37; Овсянников 1973: 272]. Однако раскопки 2001-2005 гг. показали достаточно большую насыщенность керамикой культурного слоя (более 5 тыс. фрагментов, не считая мелких от не менее 450 сосудов на площади менее 300 кв.м.). Такое количество посуды, использовавшееся в городе, не могло быть полностью завезенным из европейской России. Значительную часть ее жители должны были изготавливать на месте.

В основу анализа научной обработки новой коллекции мангазейской керамики были положены технологический и морфологический принципы. По функциональному назначению керамика представлена тремя категориями: кухонной, столовой и канцелярской. Кухонная посуда представлена горшками с нагаром и сковородами, столовая – горшками без нагара и мисками, канцелярская – чернильницами. Проведенный в процессе изучения и обработки керамического материала спектральный полуколичественный анализ, сделанный в Центральной Тюменской лаборатории С.А.Головки и Н.А.Касаткиной, показал, что керамика была изготовлена в Мангазее из местного сырья. Очевидно, из европейской части России сюда завозили лишь нарядную столовую посуду, причем в небольшом количестве. Это подтверждается и отсутствием сведений о завозе керамики в таможенных книгах 1633 и 1635 гг.

Резьба по кости в Мангазейском городе, судя по материалам раскопок, стало действительно профессиональным занятием, в том числе по таким трудным для обработки материалам, как мамонтовый бивень, моржовый клык и китовый ус. В раскопе найдены расколотые заготовки из бивня мамонта и клыков морж и вырезанные из них прямоугольные в сечении брусочки для накладок на рукояти ножей, кубики-заготовки костей для игры в зернь и др.. Олений рог, как правило, шел на изготовление оленьей упряжи, рукояток ножей и т.п. Интересна находка блюда неправильной формы выдолбленного из широкой части лосиного рога.

Из кости изготовлены украшения в виде накладок, застежки, гребни, обушки рукоятей ножей, шахматы. Особенно нарядно выглядят рукоять ножа с вставками из резной кости. В культурном слое встречены точно такие же отдельные резные пластины. Кроме изделий и заготовок из кости мамонта, моржа, оленьего и лосиного рога, найдены куски китового уса и изделия из него – фрагменты плетеных веревочек. Все это находки подтверждают наличие собственного косторезного производства на Мангазее, о чем свидетельствуют также куски распиленных и колотых костей, рогов и незавершенные изделия. Судя по находкам полуфабрикатов, на поток было поставлено производство кубиков из бивня мамонта для игры в зернь, которая была очень популярна в заполярном городе.

Вполне вероятно, что некоторые изделия мангазейских косторезов из ценного местного сырья (бивень мамонта) могли поставляться на архангельский рынок.

В 2001-2005 гг. найдено немало предметов, свидетельствующих об изготовлении обуви, кожаных изделий и портняжном ремесле. Это шилья, швейные и скорняжные иглы, деревянные обувные колодки, фрагменты кроя обуви и около 18 тысяч мелких обрезков кожи. Самая распространенная разновидность кожаных изделий – обувь представлена 900 предметами. Скорее всего, на месте могли шить не только примитивные поршни, но и башмаки, за исключением сапог и башмаков на высоком каблуке, явно привозных. Вся обувь изготовлена из хорошо выделанной продубленной кожи – свиной и коровьей, хорошо выделанная и продубленная, скорее всего, привозная. Конечно, много обуви ремонтировалось и перешивалось на месте, подгонялось к местным условиям. Например, у многих изделий в подошву, каблуки, бока, головки и задники вставлены вырезки из бересты для гидро и тепло изоляции.

Кроме обуви из кожаных изделий найдены рукавицы, ножны, футляры для компаса. Если футляры для компасов с тисненым орнаментом, скорее всего, привезены вместе с компасами, то часть рукавиц и ножен могли быть сшиты на месте.

В культурном слое посада найдено много деталей одежды: вязаные и тканевые рукавицы, вязаные носки, тесемки, опояски, оборки из тканей, стельки, большое количество лоскутов тканей. Ткани и шерстяные нитки привозились в город, на месте вязали и плели тесемки, носки, рукавицы. Некоторые ткани, как показали технологические исследования [Визгалов, Пархимович, Глушкова, Киреева, Сутула 2006. С.127], изготовлены примитивным способом на вертикальном станке, который вполне мог быть использован в самом городе. В городе чинили и шили одежду, что подтверждают находки шарнирных ножниц, иголок, наперстков, мелких и крупных обрезков тканей.

Возможно, в городе существовало железодельное производство, что подтверждается многочисленными находками железных шлаков. Также косвенно об этом свидетельствуют находки в окрестностях и в слое города камней – лимонитов с высоким содержанием железа. Однако, пока остатки домниц ни нами, ни нашими предшественниками не обнаружены. В слое и в корабельных деталях найдено большое количество железных скоб, то есть население не испытывало недостаток в железе. Вероятно, местное железодельное производство находилось в посадской части Мангазеи и функционировало sporadически в течение небольшого периода.

О наличии в Мангазее местного ювелирного производства писали М.И. Белов, О.В. Овсянников и В.Ф. Старков, которые в центральной части посада обнаружили остатки двух литейных мастерских с керамическими тиглями, медными шлаками и литейными формочками для отливки бляшек и небольших крестов. Ими же среди ювелирных изделий, найденных на городище, была выделена небольшая группа отливок местного производства [Белов и др., 1981. С. 47-48].

При раскопках в 2001-2004 гг. были найдены пинцеты, тиглей для плавления цветного металла, формочки, две связки наборов ювелирных инструментов, аналогичных найденным в Пустозерске [Ясински, Овсянников 2003. С.125, Рис. 15-2]. Потребность в местном ювелирном и литейном ремесле была продиктована большим спросом на эти изделия у местного населения, что позволяло осуществлять очень выгодный обмен на пушнину.

Именно для местных литейщиков, судя по данным таможенных книг, в Мангазее завозили в виде сырья олово, свинец, медь, ртуть. Конечно, доля местных ювелирных изделий несравнима с долей привозных. При раскопках найдены качественные ювелирные украшения из драгоценных металлов и изделия с использованием драгоценных камней и жемчуга, которые могли быть выполнены специалистами из ремесленных центров России.

Благодаря мерзлоте культурного слоя, в 2001-2005 гг. собрано около 1000 различных деревянных изделий, не считая деталей построек (бревен, досок, кольев, дверей), нагелей, заостренных палочек, неопределенных фрагментов. Дерево резали ножами, скобелями, специализированными резцами, сверлили буравчиками, лучковыми сверлами, долбили долотами и теслами с использованием киянок, раскалывали клиньями, пилили.

При обработке дерева использовались ножи сверла, топоры, в изготовлении древков стрел применялись мелкие стружки с деревянными и костяными колодками. Пилы или пилки при раскопках не найдены, хотя следы пропилов на деревянных изделиях встречаются часто. Местная деревообработка включала также изготовление транспортных средств и архитектурных элементов, при этом в качестве сырья использовалась как местная древесина, так и судовые детали, из которых особую ценность представляли качественные корабельные доски из сосны.

Многие разновидности деревянных изделий имеют серийный характер: шахматные фигурки-самоделки, деревянные ножи для чистки рыбы, ложки, поплавки для сетей, шаблоны для вязания сетей, лопаточки, нартенные копылы и вязы, детские игрушки, оконные рамы, посуда (чашки, ковши, корыта), коробочки и пеналы.

Из бересты изготавливали вкладыши для обуви, посуду и украшения – «крашенину травчатую». Последняя представляет собой хорошо обработанную бересту с нанесенным с помощью тиснения и краски орнаментом. Подобная техника хорошо известна по тканям, но по бересте встречена впервые.

Результаты наших исследований позволяют сделать вывод о том, что постоянными жителями Мангазеи были не промысловики и большей частью даже не служилые люди, а население (торговцы, ремесленники, рыбаки, скотоводы, игроки и др.), занятое в инфраструктуре пушного промысла и обеспечивающее промысловиков и аборигенные народы всеми необходимыми по потребностям того времени товарами и изделиями.

Список литературы

Визгалов Г.П., С.Пархимович, Глушкова Т.Н., Киреева Е.В., Сутула А.В. Текстиль Мангазеи//Археология, этнография и антропология Евразии. Выпуск 25. М., 2006. С.117-131.

Белов М.И. Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М., 1981.

Курбатов А.В., О.В. Овсянников. Изделия кожевенного производства русского Заполярья XVI-XVII вв. (Мангазея)// Археологические вести. №6. М., 1999. С.245-271.

Овсянников О.В. О керамике древней Мангазеи//Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.С.269-272.

Овсянников О.В., Ясински М.Э. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003.

О.В. Дьякова

Институт истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВО РАН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ФОРТИФИКАЦИИ ПРИМОРЬЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ, ДАТИРОВКА, ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Фортификационные сооружения Приморья – одна из наиболее перспективных проблем в медиевистике Дальнего Востока, позволяющая расшифровать чрезвычайно сложные и бурные события в истории Дальнего Востока, связанные с «великим переселением народов», тунгусо-маньчжурским феноменом, возникновением государственных образований, завоевательными походами киданей, монголов и других этносов. В настоящее время на территории Приморья обнаружено более 150 укреплений, 60 из которых расположены на северо-востоке региона. Первые фортификационные сооружения появились в Приморье в эпоху палеометалла. Большая часть из них возведена носителями лидовской культуры в конце 1 тыс. до н.э. [Дьякова, 1996, 2005]. Средневековые укрепления возводились населением трех археологических культур: мохэской, бохайской, чжурчжэньской (периода империи Цзинь (1115–1234) и государства Восточное Ся (1217–1234), т.е. средневековыми тунгусо-маньчжурами, с которыми ассоциируются все знаковые исторические ситуации и события в регионе.

С дореволюционных времен средневековые городища и крепости классифицировались по топографическому месторасположению и делились на горные и долинные. [Арсеньев, 1947]. Такой подход оказался оправданным и в разных вариациях использовался практически всеми исследователями, касавшимися данного вопроса. [Воробьев, 1983; Шавкунов, 1990]. В настоящее время, помимо указанных двух типов, выделен третий – мысовый. [Дьякова, Сакмаров, 1998; Дьякова, 2005]. Каждый тип, за исключением отдельных их разновидностей, соответствует конкретной археологической культуре. Мысовые городища характерны для мохэской культуры, долинные городища присущи бохайской и чжурчжэньской (период империи Цзинь) культурам, горные атрибутируются с чжурчжэньским государством Восточное Ся.

Мохэская культура. Мысовые городища – это укрепления, расположенные на выступающих мысовых возвышенностях, перегороженных в наиболее узком месте оборонительными валами дугообразной конфигурации. С трех сторон они имели естественные укрепления в виде обрывистых, крутых, скальных склонов. Как правило, такие объекты располагались вблизи водных источников – рек, ручьев. Это самый простой тип укреплений. Он представлен на городищах Мыс Теплый, Усть-Соболевское, Кузнецовское, Оазис, Единкинское, Таловское, Известковое, Новоселищенское, Ветка [Дьякова, 1998]. Следовательно, география мысовых городищ охватывает все Приморье. Характерной особенностью мохэских мысовых городищ являлась почвенная структура вала без каких-либо каменных добавок и без чередования сыпучих и вязущих грунтов, а также оборудования входа дополнительным валом. Планиграфия таких укреплений простая, с естественным рельефом, без искусственных террас. Фортификации в виде башен, смотровых площадок, редутов не зафиксированы. Обычно площадь таких укреплений невелика и не превышает 2 га. По назначению они жилые, оборонительные.

Археологический материал, собранный на данных укреплениях, в целом укладывается в рамки найфельдской и троицкой групп мохэской культуры, что позволяет датировать их IV в.н.э. (Мыс Теплый, по наличию сосудов с косым устьем) – VIII в.н.э.

Как отмечалось выше, такой тип укреплений появляется в Приморье в конце 1 тыс. до н.э. в культурах эпохи палеометалла, в частности, в лидовской и доживает до первых вв. н.э., т.е. до момента проникновения мохэцев на данную территорию. Видимо, от них и был перенят мохэцами мысовый тип укреплений. Китайские фортификационные традиции в это время были иными и не оказали влияния на мохэские укрепления.

Бохайская культура. Основным типом городищ данной культуры является долинный, выделенный по топографическому месторасположению. Долинные городища – это укрепления, расположенные в долинах рек, как правило, на высокой пойме, на не затапливаемых водой участках с ровной поверхностью. Долинные укрепления строились в удобных для земледелия, часто болотистых, местах, в средней, нижней и приустьевой частях рек. По форме валов долинный тип городищ делится на два вида – квадратный и многоугольный. Квадратные (прямоугольные) городища – Брусиловское, Садовый Ключ, Эстонка, Пристанское, Черемшаны, Джигитовское, Красное Озеро, Малая Кема, Высокое, Саинбарское (Стеглянуха-1), Стеглянуха-4, Павловское, Самарка-кладбище, Лобановка-П. Многоугольные - Богополь, Кемское –Долинное, Краскинское, Окраинка, Новопокровское-1, Лобановка-1, Отрадненское, Николаевское-П, Николаевское-1, Марьяновское и др.

Квадратные городища отличаются простой планировкой, как правило, без внутреннего города и редута, с ровной нетеррасированной поверхностью, в основном, отсыпанной грунтом. Их строительство начиналось с углов, после разметки валов всего городища. Как правило, внешняя поверхность фортификационных углов облицовывалась камнем, иногда облицовывались и другие участки. На двух городищах – Джигитовском и Красном Озере – валы возведены способом ханту, т.е. слоено-почвенные. В валах городищ обычно прорезаны 2 или 4 противоположных входа – ворота, редко – одни. Ворота простые, в виде 2–5 метровых разрывов. Квадратные укрепления часто сопровождалось дополнительными валами и рвами, имевшими, как установил М.В.Воробьев, двойное назначение – дренажное и фортификационное. По назначению долинные городища жилые, оборонительные.

Внутри городищ встречаются колодцы и пруды

Происхождение. Возведение долинных городищ предполагает хорошие фортификационные знания. Квадратная форма с древности присуща равнинным укреплениям Китая. На российском Дальнем Востоке квадратный тип городищ появляется только после создания государства Бохай (698–926), следовательно, он был скалькирован бохайцами с китайских фортификаций.

Чжурчженская культура периода государства Восточное Ся (1217–1234)

Представлена *горными городищами, возведенными на отрогах.* Это укрепления, расположенные на господствующих высотах, позволяющих контролировать окружающую местность и все подходы к ней. По количеству они самые представительные, в Приморье их зафиксировано 26 – Краснояровское, Шайгинское, Скалистое, Екатериновское, Ананьевское, Юрковское, Кишиневское, Плахотюкинское, Горнохуторское, Новопокровское, Гусевское, Сибайгоу, Куналейское, Сопка Любви, Новогордеевское, Константиновское, Стоговское, Дубовая Сопка, Шкляевское, Кокшаровское-горное, Лазовское, Смоляниновское, Известковое, Щербаковское, Стеглянуха-3, Орловское.

Городища на отрогах возводились по жестким, однотипным канонам. Они всегда располагались в водоносном распадке, из которого, как правило, вытекал ручей, впадавший в горную, чистую и холодную речку. Городища находились в устьях притоков больших рек. Основным условием при выборе места построения горного городища был крутой рельеф с выходом в долину и наличие большой реки. Это свидетельствует о возведении их в важных точках речных и сухопутных путей для осуществления связи между крепостями, в первую очередь, внутри государства. Оборонительные валы отсыпались по гребню хребтов способом ханту, начинаясь от вершины сопки и спускаясь по нему вниз. Планиграфическая структура горных городищ всегда жестко выдержана и максимально вписана в рельеф местности. Внутреннее пространство делилось на три части: редут, внутренний город, жилая зона. Редут располагался вблизи вала, внутренний город возводился на возвышенных местах вблизи хребта, представлял собой обвалованный участок прямоугольной формы или несколько взаимосвязанных участков. Жилая зона располагалась в распадке. Для нее возводили специальные террасы на склонах сопки. Модуль строительства террас во всех случаях одинаков – врез в сопку и выравнивание площадки, насыпная подушка, почвенно-слоеная насыпка с чередующимися вязкими и сыпучими грунтами. Жилища стандартные с П или Г-образными каналами.

Фортификации представлены валами, в том числе дополнительными, башнями, камнеметными площадками, складами каменных ядер, сторожевыми помещениями, наблюдательными пунктами. По назначению горные городища являлись военно-административными единицами окружного и уездного статуса.

Происхождение. Горные городища чжурчженского государства Восточное Ся по своему происхождению синкретичны и восходят к корейским и китайским фортификационным традициям.

Когуресцы и чжурчжэни государства Восточное Ся при выборе места для укреплений руководствовались крутым горным рельефом и наличием большой реки. Вода являлась важным транспортным путем и естественной преградой. Как и чжурчжэни, когуресцы возводили над крепостными воротами смотровые вышки и башни. Возле ворот крепостная стена обычно была двойной, а перед воротами устраивали защитную стену с бойницами по бокам, известными как «чоктэ». Смотровые вышки укрепляли углы городищ и служили до-

полнительными командными пунктами. Подобные фортификационные сооружения характерны и для горных городищ чжурчжэней. Важную роль при обороне когуреских крепостей играли бойницы, расположенные на стенах в местах, с которых можно было обстреливать противника спереди и с боков. Корейские исследователи считают подобные бойницы когуреским изобретением, а такие сооружения как защитные стены, ворота в стене без башни, линии заграждения и двойные стены отличительными особенностями когуреских горных крепостей.

Таким образом, проанализировав приморские горные городища чжурчжэней государства Восточное Ся и горные когуреские укрепления, становится очевидным, что влияние когуреских фортификационных сооружений на формирование чжурчжэньского типа горных городищ было огромным. В то же время чжурчжэньские горные городища несли в себе и китайские фортификационные традиции. В первую очередь это касается земляных валов, сооруженных способом ханту. Известно, что китайские города с древности обносили земляными стенами, где земля насыпалась слоями, и каждый слой утрамбовывался специальными деревянными катками. В результате такие стены получались очень прочными и достигали 8 метровой высоты. Данная техника известна в Китае с I в. до н.э., а с У I в. до н.э. китайцы применяют каменную облицовку куртин и сооружают башни. Видимо, когуресцы еще в древности переняли способ возведения земляных стен от китайцев, но приспособили ее для горных ландшафтов.

Список литературы

- Арсеньев В.К.** Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии. Соч. Т.4. – Примиздат, 1947. – С. 313–318.
- Воробьев М.В.** Культура чжурчжэней и государства Цзинь. – М.: Главная редакция вост. лит-ры., 1983. – С. 78.
- Дьякова О.В.** Городища и крепости Дальнего Востока (северо-восточное Приморье). – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2005. – С.161–185.
- Дьякова О.В.** Городища и крепости Дальнего Востока (северо-восточное Приморье). – Владивосток, 2005. – С.171.
- Дьякова О.В.** Мохэские памятники Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – С. 17,22,36,39,173–174.
- Дьякова О.В., Сакмаров С.А.** Строительные приемы укреплений Джигитовского городища // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Издательство Алтайского университета., 2002. – С. 158–162.
- Шавкунов Э.В.** Культура чжурчжэней-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Главная редакция вост. лит-ры, 1990. – С. 55–70.

Ю.А. Зеленева*Институт археологии РАН, Москва*

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА в 1993-2006 гг.

Масштабные археологические исследования золотоордынских городов Нижнего Поволжья были начаты с 1959 года раскопками на Царевском городище (Сарай ал-Джедид). Впоследствии археологическими раскопками были охвачены и другие золотоордынские городища данного региона, в том числе Селитренное городище – первая столица Золотой Орды – город Сарай. В конце 20 века координацию исследований, а также основной их объём осуществляла Поволжская археологическая экспедиция ИА РАН, которую продолжал консультировать Г. А. Фёдоров-Давыдов. С начала 21 века эта роль принадлежала Поволжской археологической экспедиции Марийского государственного университета, а с 2006 г. координацию работ на золотоордынских городищах взяла на себя Волжская археологическая экспедиция ИА РАН.

Селитренное городище (Сарай ал-Махруса) как и в предыдущий период подвергалось наиболее интенсивным исследованиям.

В начале 90-х годов 20 века работы Поволжской археологической экспедиции были по-прежнему сосредоточены в центральной части городища на раскопах 19 и 20.

Раскопом 20 исследовались остатки большого и очень сильно разрушенного мавзолея. Было изучено несколько захоронений, планировка мавзолея и архитектурные детали. К сожалению, полностью объект не был выполнен в связи со смертью руководителя работ Н. М. Булатова (Булатов, 1993).

На раскопе 19 вскрывался участок торгово-ремесленной части городища с типичной для 14 века городской застройкой, при которой вдоль улиц прокладывались арыки (Зеленева, 1993. Рис. 1). В площадь раскопа вошли части двух городских дворишков отгороженных друг от друга изгородью, от которой сохранились столбовые ямки. Во дворах находилось большое количество хозяйственных ям различного назначения. Среди них хозяйственная постройка с земляной печью, погреб, бадрапы. Судя по находкам большого количества печного припаса и необожжённой чаши эта часть территории городища связана с гончарной мастерской исследованной в расположенном рядом раскопе 2 (Зеленева, 1994. С. 49-50).

С начала 21 века значительная часть работ на Селитренном городище проводилась вдоль разрушающегося берега Ахтубы. Здесь на материке были выявлены остатки золотоордынских сооружений и сделаны находки вещей золотоордынского времени. Но большая часть материалов полученных при раскопках берегового среза Больничного бугра – это материалы русского Селитренного городка первой половины 18 века. Были изучены жилые и хозяйственные (селитроварни) постройки. Сооружения датируются по монетам времени Петра I и Анны Иоанновны. В сооружениях на материке и в переотложенном состоянии найдены золотоордынские ювелирные изделия: золотой перстень, булава, серьга, серебряный браслет (Зеленева, Григорьев, Гордеев, Егоров, Казаков, Павленко, Пигарёв, 2003).

Остатки большого дома были раскопаны на Красном холме. Дом имел до 16 помещений различного назначения (Зиливинская, 2000. С. 1).

С 2003 года раскопы начали закладываться на территории занятой селом Селитренным, что дало любопытные данные по границам городища. Так, теперь вполне очевидно, что хотя под селом и находится определённая часть городища, но говорить о том, что село перекрыло какой-то его «центр» нет оснований. Раскопы, заложенные в восточной части села дают очень незначительный культурный слой, в котором не выявлены сооружения, что говорит о незаселённости данных участков в средневековье. Раскопы, заложенные в прибрежной части села фиксируют более насыщенный культурный слой с сооружениями из

сырцового кирпича. Объекты и находки на территории села датируются в основном второй четвертью – серединой 14 века, то есть временем, которым в основном датируются, и археологические объекты раскапываемые к северо-западу от села (Пигарёв, 2003. С. 55).

В 2003 и 2005 гг. изучались остатки большого мавзолея на Змеином бугре, по-видимому, вплотную прилегающему к городским кварталам (Гречкина, Зеленева, Кутуков, Павленко, Пигарёв, Румянцев, 2004).

На Царевском городище (Сарай ал-Джедид) в 90-е годы 20 века исследования проводились в торговле-ремесленной части города, которая наибольшие разрушения претерпела в период «великой замятни», т. е. в 60-х годах 14 века. Раскапывались объекты, связанные с обработкой цветных металлов и возможно с чеканкой медной монеты. Уже в верхних слоях раскапываемого участка встречались отходы от производства изделий из меди. Особенно много медных обрезков свёрнутых в спираль (Зеленева а, 1994. Рис. 10, 4). Здесь же найдены тигли и ювелирный молоточек (Зеленева, 1995. 36, 6; 39, 1). Скорее всего, в качестве мастерской использовалось сооружение, имевшее сырцовое основание стен и пол из сырцового кирпича. Отсутствие отопительных систем говорит о том, что оно не использовалось как жилое помещение. Но в нём выявлена яма, которую можно квалифицировать как литейную яму. Здесь же найден керамический тигель (Зеленева, 1995. Рис. 6).

Обращает на себя внимание тот факт, что монеты чеканенные в Гюлистане датируются, как правило, не ранее 60-х годов 14 века. Только несколько монет найденных при раскопках и чеканенные в Гюлистане датируются началом 50-х годов 14 века (Зеленева, 1998. С. 20-28). Возможно, что в связи с увеличением среди жителей города выходцев из Ирана, связанного с поступлением пленных оттуда в название города и появляется этот иранизм.

Незначительные раскопки на Царёвском городище проводились Волгоградским государственным университетом, под руководством А. Н. Дьяченко в 2000 году, а впоследствии под руководством А. А. Глухова. Фрагментарность этих исследований фактически не позволила полностью раскопать и интерпретировать выявленное в 2000 году сооружение, которое, скорее всего, является частью мавзолея (Дьяченко, 2000. С. 17).

Раскопки проводились и на других золотоордынских городищах Нижнего Поволжья. В частности на Ахтубинском городище (Дворниченко, Плахов, 1992-1993; Гречкина, 2001; Зеленева, 2003).

Более значительные исследования проводятся Волгоградским государственным педагогическим университетом на Водянском городище. В результате этих работ не только обеспечивается изучение разрушающейся части памятника, но и сделаны важные выводы о его возникновении в начале 20-х годов 14 века как русского посёлка с формированием впоследствии типичной городской золотоордынской культуры (Мысков, 2003).

Археологическими разведками изучалась округа золотоордынских городов. Так восточнее Селитренного городища (Сарай ал-Махруса) выявлены местонахождения золотоордынского времени, которые возможно имели отношение к самому городу или к его ближайшей округе (Румянцев, 2003). Широкими разведочными и раскопочными работами изучал округу Укека Л. Ф. Недашковский (Недашковский, 2000).

Таким образом, в конце 20 века – начале 21 века были продолжены традиционные направления полевой археологии золотоордынских городов. Результаты новых раскопок позволили уточнить планировочную структуру и принципы золотоордынского градостроительства (Блохин, 2001). Получило дальнейшее развитие изучение отдельных категорий археологического материала, например керамики (Курочкина, 2006). В то же время пополнилась источниковая база для ранее не изучавшихся тем исследований: об этнокультурном составе золотоордынского города, о продолжительности существования городов в Нижнем Поволжье и по некоторым другим аспектам золотоордынской истории (Зеленева, 2005).

Список литературы

- Булатов Н. М.** ПАЭ –93. Селитренное городище. Р. 20 // Архив ИА РАН. Р-1. № 20048.
- Блохин В. Г.** Градостроительные традиции Золотой Орды (на материалах Нижнего Поволжья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 2001. – 22 с.
- Гречкина Т. Ю.** Отчёт об охранных научно-исследовательских работах на Ахтубинском городище в Красноярском районе Астраханской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Гречкина Т. Ю., Зеленева Ю. А., Кутуков Д. В., Павленко Ю. А., Пигарёв Е. М., Румянцев Г. Г.** Исследования Поволжской экспедиции в Астраханской области // Археологические открытия 2003 года. – М.: Наука, 2004. – С. 255-258.
- Дворниченко В. В., Плахов В. В.** Отчёт о раскопках городища 13-14 вв., расположенного на территории пос. Комсомольский Красноярского р-на в 1992-1993 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17959.
- Дьяченко А. Н.** Отчёт о проведении охранных археологических раскопок разрушающихся участков Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области в 2000 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 23420.
- Зеленева Ю. А.** Отчёт о раскопках участка на 19 раскопе Селитренного городища (Сарай-Бату) в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18385.

Зеленева Ю. А. Отчёт о раскопках на Селитренном городище Харабалинского района Астраханской области в 1994 г. (раскоп 19) // Архив ИА РАН. Р-1. № 18366-18367.

Зеленева Ю. А. а. Отчёт о раскопках Царевского городища (Ленинский район Волгоградской области) в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18607.

Зеленева Ю. А. Отчёт о раскопках Царевского городища в Ленинском районе Волгоградской области за 1995 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 19213.

Зеленева Ю. А. Отчёт о раскопках Царевского городища в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21966.

Зеленева Ю. А. Отчёт об археологических раскопках Ахтубинского городища у посёлка Комсомольского в Краснояромском районе Астраханской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 24276.

Зеленева Ю. А. Этнокультурные традиции золотоордынского города // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). – Казань.: Школа, 2005. – С. 163-174.

Зеленева Ю. А., Григорьев Е. М., Гордеев В. И., Егоров В. Л., Казаков П. В., Павленко Ю. А., Пигарёв Е. М. Исследования Селитренного городища // Археологические открытия 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 242-244.

Зиливинская Э. Д. Отчёт о раскопках Селитренного городища в Харабалинском районе Астраханской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23409-23410.

Куручкина С. А. Керамика города Сарай ал-Джедида (своеобразие керамического комплекса): Автореф. Дис. ... канд. Ист. Наук. – Казань, 2006. – 25 с.

Мыськов Е. П. Раскопки Водянского городища в Волгоградской области // Археологические открытия 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 259-260.

Недашковский Л. Ф. Разведочные исследования в Саратовском районе // Археологические открытия 1998 года. – М.: Эдиториал УРСС. – С. 247-248.

Пигарёв Е. М. Отчёт об археологических раскопках на территории села Селитренное Харабалинского района Астраханской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 24265.

Румянцев Г. Г. Отчёт об археологической разведке в окрестностях села Селитренное в Харабалинском районе Астраханской области в 2003 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 24266.

А.Н. Масловский*Азовский историко-археологический и палеоантологический музей-заповедник*

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА АЗАКА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ

Крупные городские центры Золотой Орды, занимающие огромные площади, не ограниченные оборонительными сооружениями, выросшие на пустом месте в считанные десятилетия, представляют собой особый исторический феномен, заслуживающий самого пристального изучения. Синкретический характер золотоордынской культуры одним из своих следствий имел наличие локальных, часто достаточно сильно различающихся, её вариантов. Одним из таких локальных центров был Азак, достаточно долгое время оставшийся слабо изученным.

Изучение планировки Азака и даже определение его площади затруднено тем, что городище полностью застроено. Общие границы памятника были определены в предвоенный период директором музея И.Д. Тиуновым и были уточнены в 1986 г. Н.М.Фомичевым для проекта охранной зоны. По карте И.Д. Тиунова территория Азака составляет около 450 га (рис.1). При этом очерченной оказалась площадь сплошного распространения культурного слоя. Во время составления проекта охранной зоны в границы городища были включены участки, где культурный слой встречается очагами. Таким образом, площадь «большого Азака» составляет около 750 га.

Более детально изучать планировку города сложно из-за современной городской застройки. Однако за последнее время в связи с тем, что исследования идут во всех районах городища, стало возможным установить некоторые её черты. Городище Азак расположено в том месте, где высокий коренной берег Дона вплотную подходит к руслу реки. Отрезок длиной в 1,5 км, единственное подобное место на всем левобережье Нижнего Дона. Достаточно странна конфигурация города. Он вытянут по направлению с севера на юг, т.е. не параллельно, а перпендикулярно течению реки. При этом окраинные участки удалены от реки более чем на 2 км. Большая часть городища находится на плато, возвышающемся над рекой на 25 – 40 м и имеющим сглаженный рельеф. Вероятно, с запада и с востока рост города ограничивался оврагами. У южной границы городища расположена Водяная Падь – степное блюдце, в настоящее время заболоченное, но еще недавно водоносное. Вероятно в XIV в. водоснабжение удаленных от реки участков города осуществлялось за счет самого озера и берущих от него начало ручьев.

Город разделен на кварталы улицами, ориентированными по странам света. Ширина улиц составляет в среднем около 4 м. Расчищен отрезок магистральной улицы шириной 8 м, проходящей примерно вдоль продольной оси города (рис.1). Посередине улиц проходят ливнесточные траншеи. Причем ливнесточные траншеи проходят даже по улицам, находящимся у границы города (рис.1). Поскольку местность имеет уклон в северном направлении, именно улицы с меридиональной ориентацией фиксируются лучше. Улицы с широтной ориентацией уже и имеют ливнесточные траншеи меньших размеров. Ширина кварталов в широтном направлении составляла не более 20-30 м. Протяженность кварталов в меридиональном направлении пока определить не удалось. В свою очередь кварталы разделены на самостоятельные усадьбы небольших размеров. Поскольку никаких следов оград ни разу не зафиксировано, можно лишь предполагать, что эти ограды представляли собой легкие плетни. Ни одной большой усадьбы, которую бы можно было связать с аристократией, не найдено. О том, что в пределах одной усадьбы находилось 1-2 жилища, можно говорить на основании того, что у каждого из домов имеются свои погреба. Кроме того, каждый дом фасадом ориентирован на улицу. Из общего массива жилищ выделяются обширные землянки (7 × 7 – 14 × 17 м), которые представляют собой подвальные части больших домов. Как удалось проследить, эти подвалы использовались в качестве складских помещений и, вероятно, ремесленных мастерских. Судя по находкам и количеству

Рис. 1. План городища Азак

затрат на их сооружение, они принадлежали наиболее богатым горожанам. Очевидно, мы имеем дело с купцами и, вероятно, владельцами ремесленных мастерских. Интересно, что, хотя наблюдается концентрация этих домов в центральной части городища, они встречаются и на окраинах и не образуют обособленного района (рис.1). Возможно, аристократические усадьбы находились ближе к юго-восточной окраине, где зафиксированы остатки дворцового сооружения и усадебная баня (рис.1). Но район этот исследован очень слабо. С трех сторон он окружен городскими кварталами. С трех сторон городище окружено могильниками (рис.1). Большинство из них невелики: от нескольких сот квадратных метров до 1-2 га. Часть могильников находится на территории самого городища, в том числе наиболее крупный. Это объясняется исключительно быстрым ростом города.

По материалам, переотложенным при фортификационных работах XVIII в., известно о существовании на территории Азака поселения домонгольского времени. Учитывая район производства этих фортификационных работ и результаты исследований последних лет, это ещё не найденное поселение можно локализовать на небольшом участке в верхней части берегового склона (рис.1). Самые ранние материалы, датированные 3 четвертью XIII в., найдены на южной окраине этого домонгольского поселка. К концу XIII в. площадь города достигает 25 га. Максимальных свои размеров он достигает уже к концу 1 четверти XIV в. В середине XIV в., после эпидемии чумы, на территории города появляются заброшенные участки. На некоторое время главная городская магистраль оказывается заброшенной и частично застраивается. После гражданской

войны территория города сокращается в несколько раз, но и в последней четверти XIV в. площадь города превышает 120 га (рис.1). В это время даже восстанавливается главная городская улица.

Зафиксированы остатки оборонительных сооружений (вала и рва), возведенных во 2-й половине XIV в. и вскоре срытых. Хотя прослежен очень короткий их отрезок, судя по их местоположению, ими ограждалась почти вся территория города этого периода (рис.1).

Картографирование остатков ремесленных производств, как, например гончарного (рис.1), показывает, что, хотя мастерские одной специальности тяготели к отдельным районам города, всё же четко очертить их границы невозможно. В пределах одного раскопа встречаются, скажем, мастерские костореза, гончара, плотника, сапожника, металлурга, углежога, пекаря. Также невозможно очертить границы проживания отдельных этнокультурных групп, за исключением людей недавно перешедших от кочевой жизни к жизни в городе. Наиболее надежно район их проживания выделяется по остеологическим материалам, где очень большую долю составляют кости лошади, что подтверждается также находками онгонов, юртообразных жилищ и единичных грунтовых погребений.

Как и другие золотоордынские городища, Азак, не имевший изначально укреплений, занимал огромную территорию и прошел те же фазы бурного роста и столь же быстрого заката. И так же, как и остальные крупные золотоордынские центры, пытался возвести укрепления в период начавшейся политической нестабильности. Однако, в целом город имел существенные отличия, касавшиеся как домостроительства, так и общей структуры. В частности в отличие от поволжских городов, где основной структурной единицей были усадьбы, здесь основу города составляли кварталы. Второй особенностью являлось наличие на территории города кварталов, заселенных западноевропейскими, в основном итальянскими купцами. Обращает на себя внимание и значительное число купеческих домов, разбросанных по территории всего городища.

А.Е. Мусин*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА. АРХЕОЛОГИЯ ЦЕРКВИ ИЛИ ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ?

Более 15 лет назад мною был поставлен вопрос о перспективах изучения русской церковной культуры в российской археологии [Мусин 1993]. В это время в стране формировался специфический общественный интерес к религиозным древностям. Для академической науки было важно избавиться от идеологизированных подходов к этой категории памятников и определить их особенности как источника информации об историческом прошлом. Настоящая публикация подводит некоторые итоги исследований за прошедший период, отмечает возникшие проблемы и формирует задачи на перспективу.

Научным сообществом в значительной степени оказался востребованным предложенный подход, предполагающий активное вовлечение в исследование данных письменной традиции, рецепцию достижений российской церковной археологии второй половины XIX - начала XX вв. и интеграцию в мировую науку. В результате удалось уточнить сущность взаимоотношений исторического предания и вещественной древности как динамической системы [Беляев 1998 : 11, 161; Мусин 2002 : 13-15]. Произошел принципиальный перенос акцентов исследования с вопросов общей оценки идейного содержания древнерусской культуры, которая в предшествующий период неизбежно несла на себе печать идеологических стереотипов, на анализ конкретных артефактов, их серий и стоящих за ними явлений. В настоящее время характер этой культуры для большинства регионов, начиная с XI в., возможно определить как христианский с естественной поправкой на историчность этого характера. В силу этого христианские древности, обнаруженные в процессе раскопок, все чаще стали выделяться как самостоятельный объект изучения. В результате обобщающих исследований, выработавших методику выявления христианских инноваций в археологической культуре, было установлено, что время появления памятников христианской культуры на территории Древней Руси более чем на 100 лет опережает момент официального принятия христианства в качестве государственной религии.

В наибольшей степени оказались решены вопросы идентификации христианских элементов в погребальном обряде сельских территорий Северной Руси [Макаров 1997; Макаров, Захаров, Бужилова 2001; Мусин 2002]. Эффективность в решении этой темы была достигнута за счет исследовательского потенциала накопленного при изучении археологии погребального обряда в 1970-1980-ые гг. Зачастую эта задача решалась в комплексе со сплошным обследованием изучаемых территорий, а материальная культура христианства изучалась параллельно со сложением территориальной церковной структуры. При этом выяснились как определенные отличия, так и факт принципиального сходства городской и провинциальной христианских культур Древней Руси, как в области использования элитарных предметов культа, так и их массовых реплик.

Степень изученности древнерусских территорий остро поставила вопрос о подобном прорыве в изучении древнерусского города. Здесь в полной мере применим уже апробированный комплексный подход. Параллельное изучение социальной и храмовой топографии городской территории и совокупностей христианских древностей, рассматриваемых в археологически зафиксированных границах усадеб или в пределах выявленных комплексов, представляется наиболее перспективным [Беляев 1994; Мусин 2004]. В результате стало возможным выявление локальных субкультур на территории древнерусского города. В изучении христианских древностей ныне активно используются методы естественных наук. Подобное комплексное исследование оказывается результативным лишь тогда, когда оно сопровождается рассмотрением изучаемого археологического материала в контексте синхронных и типологически близких христианских древностей, характерных для Балкан, Восточного Средиземноморья, Центральной и Средней Европы [Корзухина, Пескова 2003]. Это позволяет не только проследить пути и обстоятельства проникновения конкретных предметов культа и их образцов на

Русь, но и определить место древнерусского общества в общеевропейском паломническом процессе. Вместе с тем были выявлены и принципиальные различия в области повседневной культуры, характерные для западной и восточной частей христианского мира. Они оказались обусловлены как местными этническими традициями, сложившимися в эпоху христианизации, так и особенностями официального богословия.

Нельзя не отметить и определенные проблемы, обозначившиеся в процессе решения поставленных задач. В ряде случаев выделение в публикациях христианских древностей в особый раздел, посвященный «духовной культуре», решало задачи иллюстративного характера. На задний план отошел вопрос континуитета дохристианской традиции в Древней Руси, тема соотношения язычества и христианства в обществе на разных этапах его развития. Решение вопросов социальной интерпретации древностей и отраженной в них системы культурных связей ограничено проблемой освоения археологами собственно исторической информации письменных источников, связанных как с политической историей, так и с церковной культурой. Сказывается оторванность исследований от корпуса археологических находок, каталожных и аналитических публикаций, сформировавшегося в мировой науке, несмотря на важный прорыв в этой области, определенный активными контактами с известными школами христианской археологии [Беляев 1998; Хрушкова 2002].

Церковно-археологическое наследие России второй половины XIX – начала XX вв. за последние годы гораздо активнее осваивалось смежными с археологией дисциплинами, чем самой наукой о вещественных древностях. Одной из основных нерешенных проблем продолжает оставаться комплексность исследований и взаимная верификация их результатов, что предполагает сопоставление выводов, полученных различными областями исторического знания, занимающихся параллельными сферами единой христианской культуры: историей прикладного искусства и иконописи, архитектурной археологией, конкретным вещеведением. Представляется, что в отечественной науке решение проблемы комплексности исследований может превзойти существующий уровень мировой науки, поскольку границы, разделяющие области научного ведения в зарубежной археологии оказываются почти непроницаемы в силу закрепившихся академических традиций.

Существующая панорама подходов в области изучения археологического варианта древнерусской христианской культуры распадается на ряд самостоятельных разделов, успех каждого из которых зависит от степени взаимной интегрированности. Можно выделить как минимум четыре общих подхода (историко-археологический, историко-вещеведческий, художественно-вещеведческий, иллюстративно-археологический), в рамках которых существует направления, зависящие от индивидуальной методологии.

В любом случае, новые подходы, сформировавшиеся в российской науке, предполагают активизацию социального измерения в изучении христианских древностей в силу неразрывной связи общественного и религиозного в эпоху средневековья. Это неизбежно трансформирует церковную археологию, как науку о христианских древностях, в археологию церкви как науку о христианской общине, городской или сельской, представленной совокупностью результатов материализации ее литургической и повседневной культуры.

Одновременно в характеризуемой области наметились нездоровые тенденции, связанные с опасностью формирования псевдонаучных представлений. Прежде всего, опасность лженауки формируется в области археологии погребального обряда, точнее, археологии мощей, где ненаучные факторы приводят к неверным выводам или же очевидным фальсификациям, как это произошло в истории обретения мощей прп. Никиты Переяславского, Стефана Махрищского, Александра Свирского или же идентификации останков из погребений, выявленных под Спасским собором Андроникова монастыря. Известны случаи несанкционированного вторжения в чтимые погребения без Открытых листов в отсутствие контроля специалистов. Вопросы хронологии археологических памятников и предметов прикладного искусства становятся способом идейной борьбы, иногда в контексте передачи памятников культуры религиозным организациям. Ситуация усложняется дивергентностью развития академического сообщества и церковного общества, последнее из которых осталось вне серьезного контакта с серьезной наукой. В большинстве случаев такое взаимодействие носит конъюнктурный, зачастую неравноправный характер и подчинено решению текущих практических задач. Наблюдается сознательное противопоставление «светских специалистов» и «верующих ученых». Искусственно затрудняется доступ заинтересованных специалистов к конкретным памятникам. Существуют тенденции к подмене церковно-археологического опыта с присущим ему историзмом модернизированными представлениями о развитии и содержании христианской традиции. Существующие политические ориентации не позволяют надеяться в настоящее время на успешное разрешение возникших противоречий. Выход из создавшейся ситуации может быть найден на пути создания консолидированной позиции академического сообщества, интенсификации процесса анализа и публикаций корпуса христианских древностей средневековой Руси и популяризацией полученного знания.

Список литературы

Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994.

Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М., 1998.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI-XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Мусин А.Е. К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в российской археологии // Археологические вести. – 1993. - №2. – С.145-156.

Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX-XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.

Мусин А.Е. Усадьба «И» Неревского раскопа. Опыт комплексной характеристики христианских древностей // Новгородские археологические чтения – 2. Великий Новгород, 2004. С.137-151.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.

Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV-VII века). М.: Наука, 2002.

Н.Г. Набиуллин*Институт истории Академии наук Республики Татарстан, Казань*

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАЗАНИ (по материалам раскопов XIII, XLVII, XLVIII)

Имея непрерывную историю развития от небольшого укрепленного поселения до современного города, Казань в археологическом отношении представляет собой многослойный памятник. В первую очередь речь, конечно, идет о Кремле – историческом ядре Казани, традиционном объекте пристального внимания археологов [Хузин, Ситдииков, 2002]. При этом основной материал был получен сравнительно недавно, в ходе ширококомасштабных и комплексных исследований, которые проводятся здесь на протяжении десяти последних лет. Преимущественно кремлевские материалы дали возможность для постановки и разработки вопросов археологии Казанского ханства и послужили для обоснования возраста города. Хорошая сохранность органических остатков, связанная с повышенной влажностью некоторых участков культурного слоя, до недавнего времени давала буквально уникальную возможность разработки подробной стратиграфии и хронологии памятника, в своем принципе приближающейся к шкале древностей типа новгородской.

К сожалению, обо всем этом сегодня приходится говорить в прошедшем времени. В очередной раз хотелось бы обратить внимание уважаемого сообщества археологов на то, что в результате строительных и хозяйственных работ многие памятники археологии Татарстана и Казани находятся под угрозой уничтожения или уже уничтожены. Не стал исключением и Казанский кремль (Государственный заповедник с 1994 г.), охраняемый в качестве памятника федерального значения и объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. В результате того, что Кремль продолжает рассматриваться властями в первую очередь как политико-административный, а не историко-культурный комплекс, теряются памятники как исторического окружения Кремля, так и расположенные непосредственно на его территории. В процессе «подготовки к 1000-летию Казани» и так называемой «реконструкции» Кремля безвозвратно уничтожена значительная часть историко-культурного наследия и научной информации. В авральные сроки казанским археологам удалось провести лишь спасательные раскопки, только частично покрывающие площадки строек.

Раскоп XIII (300 кв. м) был расположен в северо-восточной низменной части Кремля. Мощность слоя здесь достигает 4,5 м; прослежена следующая стратиграфия культурных напластований: слой I (XIX-XXI вв.), слой II (вторая половина XVI-XVIII вв.); слой III (середина XV - первая половина XVI вв.). Есть небольшой переотложенный материал слоев IV (золотоордынский, вторая половина XIII- первая половина XV вв.) и V (домонгольский, конец X- первая половина XIII вв.) по стратиграфической шкале Кремля.

Объекты раскопа представлены прежде всего такими интересными сооружениями как уличные и дворовые деревянные настилы. Самые поздние из них связываются с верхними горизонтами слоя II, самые древние – со средними горизонтами слоя III. Некоторые из них являлись самостоятельными настилами внутри отдельных комплексов типа усадеб. В комплексах выделяются жилые, хозяйственные постройки, ограждения. Жилые деревянные постройки – наземные. Выделяются объекты размерами 5 × 5 м и 3,8-4,0 × 3,8-4,0 м; определяются “пятистенки”; есть следы разнесенных печей; иногда есть погребца. Хорошо сохранились подземные части хозяйственных построек (средние размеры 3 × 3 м); в некоторых случаях с наружной стороны срубов прослежена кора, которой они были обложены для уменьшения доступа влаги. Комплексы имеют ограждения – обычно частоколы, в одном случае плетень.

Ценность исследовавшегося участка Кремля состоит в том, что не будучи его центральной, “парадной” частью, а наоборот, в некоторые периоды истории представляя собой своего рода задворки (иногда - практически свалку), он в целом избежал интенсивной застройки и перестроек. Наряду с естественным

Рис. 1. Комплекс зданий административного назначения первой половины XVI в. в Казанском кремле. Раскоп XLVIII.

процессом сползания и осыпания кремлевского холма и другими причинами это обусловило относительно удовлетворительную сохранность культурного слоя, а также формирование участков его “спокойного залегания”, причем с повышенной влажностью.

Раскоп XLVIII (540 кв. м) был расположен на территории, которая в историографии на основании отрывочных сведений письменных источников рассматривается как политико-административный центр Казани и носит название «Ханский двор». Такая локализация «Ханского двора» – своего рода «цитадели» крепости – и его отдельных элементов находит определенное археологическое подтверждение в виде остатков мавзолеев знати, фрагментов монументальных зданий и периметра стен двора и др. [Курбский, 1986; Материалы по истории Татарской АССР, 1932; Калинин, 1927; Ситдинов, 2002].

Чрезвычайно интересен основной объект раскопа XLVIII (рис. 1) – монументальный комплекс прямоугольных очертаний, расположенный на площади 18×23 м (по линиям запад – восток и север – юг соответственно) и ориентированный сторонами почти по странам света. Сохранилась только его подвальная часть в виде двух ленточных фундаментов шириной 1,6-1,8 м и высотой до 1,3 м, расположенных на расстоянии 3,8 м друг от друга и выложенных по периметру ям размерами $18 \times 11,6$ м (южная часть) и $18 \times 7,8$ м (северная часть). Поверхность площадки будущего фундамента была снивелирована, укрепле-

на, уплотнена сваями средней длины 50 см и диаметром 15 см, которые были расположены в ряды на относительно четко соблюдаемом расстоянии друг от друга, равном примерно 50 см. Стенки котлована были использованы в качестве опалубки, а внутренняя сторона выложена блоками со средней высотой 20 см (длина и ширина разные), которые были аккуратно отесаны и скреплены известковым раствором. Кладки были разделены поперечными, и, таким образом, образовались помещения размерами 6,6 × 4,4 м, 6,2 × 4,0-4,4 м, 6,8 × 8,4 м, 6,4 × 8,4 м; последнее было поделено кладкой по линии запад-восток на две одинаковые части размерами по 6,4 × 3,4 м.

Относительно функционального назначения этого далеко не рядового сооружения времени Казанского ханства пока можно делать лишь весьма осторожные предположения. Мы предварительно определяем его как остатки комплекса административного назначения, которое имеет отношение к резиденции казанских ханов – возможно, «Большой палаты» в «Царевом дворе» писцовою книги 1565-1568 гг. [Материалы по истории Татарской АССР, 1932].

В период первоначального заселения Кремля русским населением прослеживается преемственность планировки, обусловленная естественно-топографическими условиями, непосредственным использованием и приспособлением бывших объектов ханского времени (в том числе вышеописанного). В строительном деле фиксируются признаки деградации, в том числе в постройках, претендующих на монументальность.

Последнее вполне логично подтверждают и дополняют материалы другого объекта исследований – бывшей «Пятигранной» башни (рис. 2), построенной в конце XVI в. Она исследовалась на раскопе XLVII (728 кв. м), расположенном в западной части Казанского кремля. Контур ленточного фундамента башни с внешней стороны кремлевской стены,

за пределы которой выходит ее большая часть, представляет собой трапецию со срезанным углом. Основание башни имеет внешние размеры, равные 14-15 × 10-13 м; средняя толщина основания – 3,5-4 м.

Интересно, что «внутренность» башни заполнена массивом суглинка, что с точки зрения ее обороноспособности выглядит довольно странно. Возможно, здесь и таится прозаическая разгадка «оригинальности» Пятигранной башни – единственной глухой неугловой башни в Кремле. Не исключено, что она была задумана как проездная, но еще на стадии строительства проявились дефекты, связанные, видимо, в основном с недоучетом сложного характера местности. Допущенные инженерные ошибки были подправлены путем засыпки внутреннего пространства башни, и от идеи проездной башни пришлось отказаться.

Обеспечение устойчивости башни и защита ее от деформаций, связанных в основном с естественным движением кремлевского холма, являлось одной из серьезных проблем, которую приходилось ре-

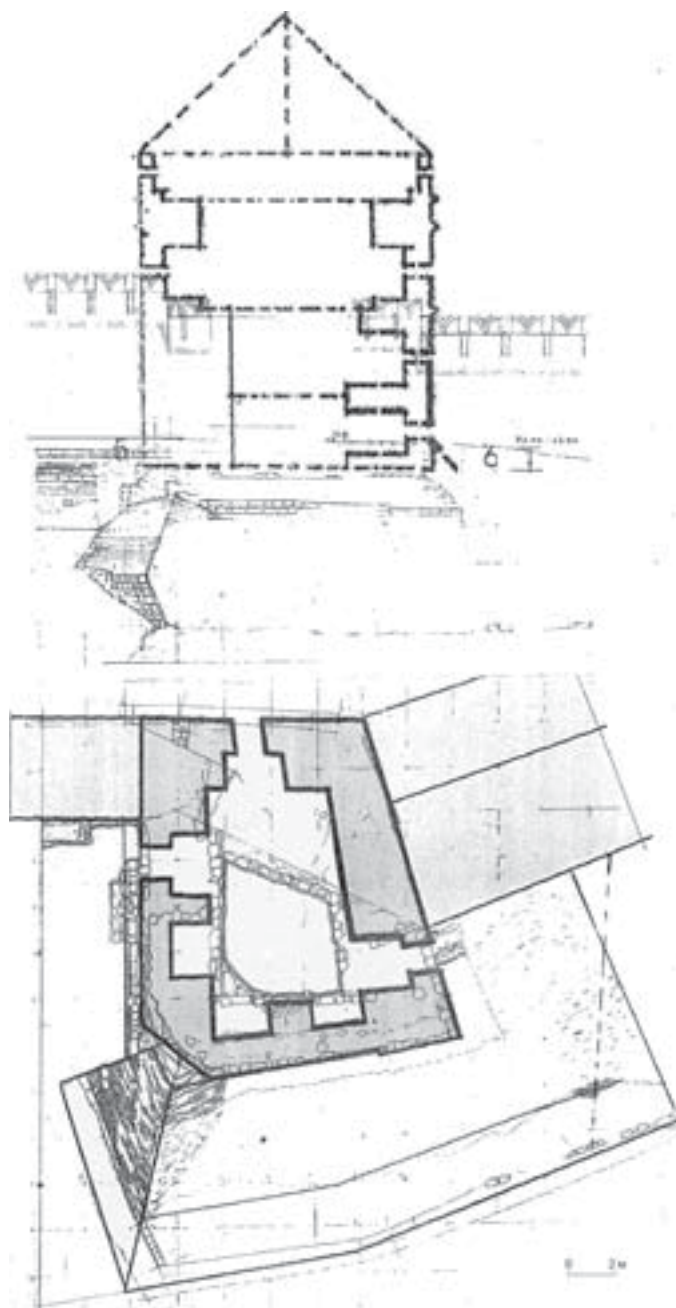

Рис. 2. Пятигранная башня Казанского кремля, конец XVI в. Раскоп XLVII.

шать на всем протяжении ее функционирования. Частично эта проблема решалась с помощью укрепления кремлевского склона. Простояв всего два столетия, башня была разобрана из-за ветхости в начале XIX в. Получить представления об ее внешнем облике позволяют архивные материалы и другие сохранившиеся башни этого строительного периода (Консistorская, Безымянная).

Список литературы

Курбский А. История о великом князе московском / Подготовка текста А.А. Цехановича, перевод А.А. Алексева // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. Составление и общая редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 229–261.

Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР. – М., 1932 – Вып. 2. – С. 2–8.

Калинин Н. Где был дворец казанских ханов? // Вестник Научного Общества татароведения. – 1927. – №7. – С. 81–96.

Ситдигов А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство». 5 февраля 2002 г. – Казань: Фэн, 2002. – С. 173–177.

Хузин Ф.Ш., Ситдигов А.Г. Средневековая Казань: Краткий библиографический указатель. – Казань: РИЦ «Школа», 2002. – 152 с.

Н.Г. Набиуллин

Институт истории Академии наук Республики Татарстан, Казань

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ДЖУКЕТАУ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Джукетау – один из немногих надежно локализованных среди исторически известных городов Волжско-Камской Булгарии. Упоминается в древнерусских летописях XIV в. в связи с военными походами ушкуйников и русских князей на Волжскую Булгарию, показан на западноевропейских картах того же времени. Археологические остатки расположены на левом берегу р. Кама на западной окраине г. Чистополя Республики Татарстан. Памятник исследовался К.С. Мильковичем, А.И. Артемьевым, И.А. Износковым, Н.А. Толмачевым, П.А. Пономаревым, А.С. Башкировым, Н.Ф. Калининым, Т.А. Хлебниковой, Ф.Ш. Хузиным, Н.Г. Набиуллиным и др.

Комплекс Джукетау X-XIV вв. (рис. 1) включает одноименное городище, селища, некрополи. Городище площадью 5,8 га укреплено системой оборонительных сооружений, сохранившихся в виде трех валов высотой 1,5-2 м и двух рвов глубиной до 2 м между ними. Длина оборонительных линий – 300 м, общая ширина – 40 м. На территории городища вскрыты жилые и хозяйственные сооружения, в том числе ямы типа погребов и зернохранилищ, остатки ограждений. Городище датируется временем со второй половины X по первую треть XIII вв.

Прилегающее к городищу Крутогорское селище площадью 5 га синхронно ему и исторически являлось восточным посадом домонгольского города. Западный посад (Донауровское селище) также начинает осваиваться в домонгольское время. Здесь выявлены жилые и хозяйственные объекты домонгольского и золотоордынского времени, сооружения производственного назначения золотоордынского времени (железо- и медеобработка, гончарное дело). В XIII-XIV вв. территория Джукетау расширялась к югу и юго-западу (до 150 га); теперь она становится основной частью города «открытого типа».

За переделами посадов расположены мусульманские могильники – Крутогорский, вскрытая часть которого датируется XI в., и Донауровский XI-XIV вв. На Крутогорском могильнике и изучавшейся домонгольской части Донауровского могильника наряду с в целом устоявшимся мусульманским обрядом погребения выявлены такие языческие пережитки как «культ огня», ритуальная пища.

В археологических остатках материальной культуры Джукетау отражены практически все области жизнедеятельности его населения – ремесло и сельское хозяйство, торговля и промыслы, военное дело, повседневный быт и духовная культура. Как и основная масса населения Волжской Булгарии, жители Джукетау занимались земледелием и скотоводством. Охота играла небольшую роль в жизни горожан, рыболовство – весьма существенную. В XIV в. город был одним из крупных и развитых ремесленных центров Закамья. Джукетау являлся одним из центров местно-региональной и внутривластной торговли. Город не только контролировал близлежащие переправы через Каму, но был одним из центров Камского торгового пути.

Являясь одним из представительных памятников археологии X-XIV вв., Джукетау в то же время обладает рядом особенностей материальной культуры его населения, в частности, наличием среди керамического материала весьма интересной и достаточно большой группы глиняной посуды типа «джукетау» – горшковидных и чашевидных сосудов с обильными включениями крупного песка в тесте, с подцилиндрической или раструбообразной горловиной, орнаментированных по плечу многорядной крутой волной. Особенности материальной культуры Джукетау как крупного ремесленного центра отражались на памятниках его округи.

Следует отметить, что средневековые памятники булгаро-татарского времени известны на территории современного Чистополя и его окраинах: на мусульманском кладбище в центральной части города находятся

Рис. 1. Аэрофотоснимок Джукетау.

эпиграфические памятники XIV в.; на юго-восточной окраине города – селища и местонахождение; на восточной окраине – два болгарских городища (Змеевские), три селища, кладбище. Наконец, в последнее время стало известно о находках болгарской керамики в исторической части города (пока датируется широко). В прибрежной части города прогнозируется открытие новых памятников.

Присутствие средневековых археологических объектов на территории современного города Чистополя говорит о традиционной освоенности ее задолго до образования здесь поселений нового времени. Памятники средневекового комплекса Джукетау являются здесь хронологически первыми объектами городской цивилизации, в определенной степени повлиявшими на их формирование в будущем. При этом нужно учитывать, что период Казанского ханства археологически не всегда уловим из-за слабой разработанности узкой хронологии поздне- и постзолотоордынских древностей.

Постановлением Кабинета Министров РТ №542 от 20.08.1999 комплекс «Джукетау» объявлен историко-культурной заповедной территорией федерального значения. К сожалению, такая форма охраны фактически носит декларативный характер, не обеспечивает сохранности, надлежащего использования и научного исследования памятника и не соответствует его статусу. Джукетау продолжает угрожать исчезновение: он интенсивно разрушается силами природы, в результате хозяйственной деятельности человека, кладоискателями. Многолетние (с начала 1990-х годов) попытки создания здесь государственного историко-археологического заповедника пока не принесли результатов.

Д.О. Осипов, Н.Н. Фараджева
Институт археологии РАН, Москва

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА МЕСТЕ ВОССОЗДАНИЯ УСПЕНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА В ЯРОСЛАВЛЕ

1. История ярославской археологии тесно связана с Успенским собором. Работы в данной части города проводились в 1937 г. под руководством М. К. Каргера и П.Н. Третьякова, а затем в 1940 г. под руководством Н.Н.Воронина. Исследователей интересовало местоположение и планировка древнейшего Успенского собора, построенного в 1215 г. князем Константином Ростовским, и его отношение к новым зданиям собора 1504 и 1646 гг. В результате проведенных работ Н.Н.Ворониным были исследованы (частично) фундаменты Успенского собора, который он датировал 1646 г. Исследователь выделил догородской ранний слой IX-X вв., а время возникновения города датировал XI-XII вв.

2. В июне-сентябре 2005 года были продолжены раскопки на территории Рубленого города (Кремля) г. Ярославля. Решение провести археологические исследования на Стрелке, связанное с проектом воссоздания Успенского собора, было принято летом 2004 года, по решению Администрации Ярославской области. Работы проводились Ярославской экспедицией Отдела охранных раскопок Института археологии РАН. Современные археологические раскопки в Ярославле - фактически первые масштабные работы в городе. В течение двух полевых сезонов 2004,2005 гг. исследуемая площадь составила 1200 м.

Исследования носили комплексный характер. Перед нами стояли задачи, касающиеся полного раскрытия фундаментов Успенского собора (в рамках проекта по восстановлению храма), его датировки и определения места данного собора по отношению к его предшественникам. Другая задача касалась изучения культурного слоя древнейшей части Ярославля: определение времени и характера первоначального освоения участка и его дальнейшего использования.

3. В результате археологических исследований на Успенском I раскопе полностью раскрыты фундаменты последнего Успенского собора, относящегося к 60-м гг. ХУП в., установлено, что данный храм был поставлен на новом месте по отношению к своим предшественникам. Частично исследованы пристройки к храму: фундаменты южного и северного крылец, западной паперти, апсиды теплой церкви Василия и Константина.

4. Фоновая мощность культурных напластований на данном участке города составила 2,8-3 м. В ходе работ исследованы напластования, датированные XI-ХУП вв., которые представляют огромный интерес для ранней истории Ярославля.

5. В процессе работ собрана богатая коллекция индивидуальных находок, насчитывающая около 1,5 тыс. единиц. Она включает фрагменты посуды, предметы вооружения, снаряжения коня и всадника, различные бытовые предметы из железа, кости и цветных металлов, бронзовые и серебряные монеты, а также большое количество стеклянных браслетов. В составе коллекции присутствуют находки раннего времени (XI в.: бубенчик бронзовый крестопорезной, плоско-выпуклая бронзовая накладка щитообразной формы, фрагмент узкопластинчатого бронзового перстня).

6. На Успенском I раскопе получена обширная коллекция глиняной посуды (лепной и гончарной). В составе коллекции присутствуют обломки местных и импортных сосудов. Значительная часть керамического импорта происходит из Ирана, Турции, Золотой орды и Византии.

7. В результате работ раскрыты остатки 25 сооружений различной степени сохранности, среди которых наземные деревянные срубные постройки, остатки настилов, углубленные строения (погребя и подклеты), остатки глинобитных печей и печей каменок. Среди исследованных комплексов - хозяйственная заглубленная постройка первой половины XIII в (сооружение №9), впоследствии использованная в качестве места для коллективного захоронения. Данный комплекс, содержащий останки около 100 человек, свидетельствует о факте

завоевания города в ходе татаро-монгольского нашествия, что позволяет по-новому интерпретировать важные моменты истории Ярославля.

8. В материке исследованы более 140 хозяйственных ям, в числе которых выделяются канавки от частоколов и плетней, регулярное обновление которых на одних и тех же линиях свидетельствует о стабильности планировки на данном участке в течение длительного времени. Устойчивая ориентировка застройки сохраняется с момента заселения и вплоть до середины XVII в. когда на месте усадебной застройки появляется новое здание Успенского собора.

9. Заселению участка предшествовало его сельскохозяйственное освоение. На материке нигде не сохранилась лесная подзолистая почва, а на отдельных участках профилей читаются следы неглубокой распашки над материком. Кроме того, на уровне предматерика в восточной части исследованной площади прослежены следы лопат: участок использовался под огороды.

10. Начало заселения исследованного участка началось не ранее XI в. В раскопе обнаружены отдельные находки раннего времени, несколько хозяйственных ям, в заполнении которых преобладает лепная керамика. Однако комплексов, содержащих исключительно лепную керамику, не выявлено.

Регулярное и активное накопление культурного слоя происходит здесь несколько позже. Выраженные следы усадебной застройки на данном участке фиксируются не ранее середины XII – начала XIII вв.

А.Г. Ситдиков*Институт истории, Казань*

ФОРТИФИКАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАЗАНИ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Исследование проблем истории и археологии средневековой Казани имеет важное значение для решения широкого круга вопросов – понимания общеисторического процесса образования и развития восточноевропейских городов, в первую очередь, конечно, болгаро-татарских. Одной из малоисследованных и спорных проблем является историческая топография Казани. Последняя включает в себя изучение динамики развития фортификационных сооружений, социально-экономической структуры, размещения производственных объектов, зданий, некрополей и др.

Первоначальные представления историков об укреплениях средневековой Казани опирались преимущественно на скудные летописные источники, поздние картографические материалы и иногда данные археологии. Эти построения, естественно, имели в основном гипотетический характер [Артемьев, 1844; Древняя Казань, 1996 и др.]. Сведения о планировке города были пополнены в результате археологических исследований 1994-2005 гг.

Как известно, городища мысового типа – а Казань относится именно к этому типу городищ – характерное явление для Восточной Европы эпохи средневековья [Губайдуллин, 1999]. Особенности топографии подобных городищ определялись рельефом, естественной защищенностью местности. Их заселение происходило с мысовой части холма с освоением более удобных для проживания районов, расположенных у его подножия близко к воде.

На основании анализа археологических материалов выделяется три этапа развития укреплений города, знаменовавшие их принципиальные изменения.

1. *Фортификация домонгольской и золотоордынской Казани* (XI – первая половина XV в.). Процесс заселения Кремлевского холма шел с глубокой древности. Появление болгар в бассейне р. Казанки связано с общим процессом их заселения Поволжья. Освоение ими района Казанки относится к IX-X вв.

Кремлевский холм болгары заселяли с северной мысовой оконечности. Одновременно осваиваются и низменные районы у подножия холма, находящихся у р. Казанки. Древнейшие культурные отложения начинают формироваться после возведения крепостных укреплений на площади около 6 га [Хузин, 1999]. На территории распространения слоя сохранились фрагменты лепной керамики салтово-маяцкого типа, монеты X в., металлические, каменные, стеклянные предметы украшения и быта. Встречаются изделия из Средней Азии, Западной Европы, Южной Руси, что указывает на торговый характер поселения. В древнейшем слое найдены предметы болгарских мастеров и финно-угорского населения. Среди них значительный комплекс – предметы вооружения, что соответствует характеру города-крепости.

Наиболее мощная линия укреплений была с южной, напольной, стороны. Она пересекала холм с востока на запад. Укрепления состояли из эскарпированного круглого Тезицкого рва шириной 14 м, глубиной 3,7-4 м, земляного вала шириной в основании 12 м и высотой до 3 м с проездными воротами. С внутренней стороны городища вал укреплен деревянными подпорными клетями. Восточная и северная линии укреплений в виде частого бревен диаметром 25 см шла по краю холма [Ситдиков, 1999]. Северо-западный край также был защищен валом деревянными конструкциями засыпанными землей.

Период X – первой половины XII в. знаменует в целом процесс сложения города. Определяются его границы, осваивается укрепленная территория поселения, намечаются контуры внутренней планировки.

Усиление роли Волжской Булгарии и набеги русских княжеств на ее территорию XII в., повлияли на развитие Казани. Впервые в ее истории создаются каменные укрепления [Ситдиков, 1999]. На месте деревянных

возводятся белокаменные стены толщиной около 2 м из рваного бута. Камни положены всухую, без раствора с сохранением горизонтальных рядов. Изредка в качестве связующего раствора использована глина. Восточная стена шла вдоль склона холма с неглубоким фундаментом.

С южной стороны крепости была выложена каменная обкладка вала, возведенная по краю рва. Найдены каменные проездные ворота с предмостными укреплениями и каменной мостовой. Они сложены из известняковых камней, скрепленных глиной, на срезанной насыпи вала и прослойках более ранней мостовой. Длина пилонов составляет 10 м. С южной стороны имеется округлые контрфорсы радиусом 1,5 м. Ширина пилонов 4 м, расстояние между пилонами, т.е. ширина проезда, составляет около 6 м. Проезд был выложен известняковыми камнями. Каменная мостовая датируется концом XII в.

В районе современной башни Сююмбике были построены каменные пилоны проездной башни [Халиков, 1992]. Горизонт ее разрушения перекрывается слоями строительства ханских мавзолеев середины XV в. [Халиков, 1997].

Таким образом, в XII – первой половине XIII в. город, сохраняя в значительной степени свое прежнее значение в качестве военной крепости и торгового центра, заметно преобразился. Его окружали белокаменные стены. За пределами крепости функционировал ремесленный посад.

В золотоордынский период Казань стала заметным экономическим и политическим центром Среднего Поволжья. Внутри города происходило уплотнение застройки в пределах домонгольской крепости. Укрепления сохранялись весь золотоордынский период в тех же размерах. В начале ханского времени они прекратили существование, что стало следствием активной перестройки.

2. *Укрепления Казани ханского времени* (вторая половина XV – первая половина XVI в.). В середине XV в. Казань становится административным центром государства, получившего название «Казанское ханство». Преобразование Казани в столицу ханства определило динамику ее роста.

В этот период происходят изменения в расположении укреплений города. Он разделяется на четыре части: неукрепленный и укрепленный посад, кремль, Ханский двор. Политический центр располагался в кремле площадью около 10 га с ханским двором на северной оконечности. Южную часть Кремлевского холма занимал посад 70 га, достигавший вместе с предместьями до 200 га.

Существование посада подтверждается упоминаниями его в письменных источниках. Самое раннее известие о неукрепленном посаде относится к 1469 г., когда описывается его захват русскими войсками воеводы И.Руна [Древняя Казань, 1996]. Об укрепленном посаде сообщается в связи с 1500 г., когда хан Абдул Латиф «повеле около града нарядити острог» [Древняя Казань, 1996].

Стена по периметру посада была в виде тарасов, заполненных землей и камнем: «согражден в семь стен, в велицех и толстых древесех: в стенах же сыпан внутри хрящ и песок и мелкое каменье, толстина же градная от рек, от Казани и от Булака, трех сажен...» [Древняя Казань, 1996]. Перед стеной был выкопан ров, местами глубиной в 10-15 м: «... и яко крепкими стенами и водами вокруг обведет бе град, и токмо со единая града с поля Арского приступ мал, но туда стена градная была в толстоту в 7 сажен и перекопана около ея стремяна велия, глубока» [Древняя Казань, 1996]. Остатки стен посада в виде вала шириной в 15 м и высотой в 3 м зафиксированы у высотного корпуса университета. Следы укреплений в виде вала высотой до 8 м выявлены на ул. Лобачевского. О них А.Курбский писал: «А от той реки (Булака) около места ров копан зело глубокий аж до озерка, речного протокою» [Древняя Казань, 1996].

В последние годы появились некоторые интересные факты, свидетельствующие о возможном сооружении донныне сохранившихся белокаменных стен кремля еще в ханские времена. В частности, были выявлены остатки каменной стены по восточному склону Кремлевского холма у современного Президентского дворца, существовавшие в период Казанского ханства. С этим временем связана и северная башня кремля.

Центром города являлся Ханский двор, где была сосредоточена вся полнота власти Казанского ханства. А.Курбский, описывая его во время штурма 1552 г., говорит: «Бо бе зело крепок, между палат и мечетей каменных, оплотом великим обточен» [Древняя Казань, 1996]. Большое количество каменных мечетей здесь упоминается в Писцовой книге 1565-1568 г. Эти факты совпадают и с археологическими материалами. Были выявлены остатки ханского мавзолея, мечети и дворца. В результате раскопок южнее Благовещенского собора обнаружены остатки каменных зданий мечети Кул-Шариф у Тезицкого рва, где по описанию была ожесточенная битва [Хузин, 1997]. Найдены остатки Ханской мечети, находящейся под современной башней Сююмбике.

3. *Фортификация Казани русского времени* (вторая половина XVI-XVIII вв.). После 1552 г. город быстро восстанавливается, расширяются границы. Об свидетельствует Писцовая книга 1565-1568 гг. [Древняя Казань, 1996]. Начинается процесс активного заселения Казани, ее окрестностей русскими переселенцами. В городе проживали переселенцы из более чем 40 регионов России. Происходит смена культурных тради-

ций, формируется новый уклад городской жизни. Все это приводит к увеличению посада. Они разрастается почти в два раза и выходят за пределы Черноозерской протоки и Булак. Общая длина деревянных стен посада с 11 проездными башнями составила около 5 км [Кунцевич, 1906]. За пределами укреплений возникли слободы, пригородные селения.

Эти изменения коснулись также кремля. Для строительства каменных укреплений и церквей в Казань были направлены каменщики из Пскова. Ими были построены или восстановлены стены кремля, возведены церкви. Кремлевские укрепления были увеличены в размерах [Древняя Казань, 1996]. С южной стороны они расширились на 100 м к югу от ханских стен, упоминаемых в Писцовой книге как «старые городни». Линия стен на остальных участках повторяла расположение укреплений ханского времени. Основная часть стен и башен кремля, как и посада, была из дерева [Древняя Казань, 1996]. Окончательная замена деревянных оборонительных сооружений кремля на каменные завершается в 90-е годы XVI в.

В описаниях Казанского кремля, сделанных Г.Соковниным и А.Никоновым в 1675 г., указывается общая протяженность стен и башен Казанского кремля [Кунцевич, 1906]. Она составляла 830 сажень (1794 м). Общая площадь крепости достигала почти 13 га. Оборонительные сооружения состояли из 5 проездных башен и 8 непроездных (7 круглой формы и одна Пятигранная).

Таким образом, город конца XVI-XVII вв. сохраняет свой средневековый облик, сочетавший в себе традиции болгаро-татарской культуры и влившейся в нее русской. Это сочетание можно увидеть в размещении укреплений, планировке улиц, в архитектуре зданий более поздних периодов, тоже отражающих в себе симбиоз культур.

Список литературы

- Артемьев А.И.** Нечто для истории Казани // Казанские городские ведомости. – 1844. - №№ 15, 18, 20.
- Губайдуллин А.М.** О классификации городищ Волжской Булгарии // Археологическое изучение болгарских городов. – Казань: Изд-во Мастер-лайн, 1999. – С. 72-76.
- Древняя Казань глазами современников и историков.** – Казань: Изд-во Фест, 1996. – 450 с.
- Кунцевич Г.З.** Описание города Казани (стен и башен) 1675 г. // Известия общества археологии, истории и этнографии. – Казань, 1906. – Т. XXII, вып. 1. – С.23-33.
- Ситдигов А.Г.** К вопросу о древнейших укреплениях Казани // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. – Болгар, 1999. – С. 60-63.
- Халиков А.** Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле (по материалам раскопок 1977 года) // Мавзолеи Казанских ханов. – Казань, 1997. – С. 22-49.
- Халиков А.** Что, башня, в имени твоём? // Татарстан, 1992. – №12. – С. 60-65;
- Хузин Ф.** Древняя Казань и проблемы ее возникновения // Международные средневековые торговые пути. – Казань: Изд-во Фест, 1999. – С. 196-226.
- Хузин Ф.Ш., Ситдигов А.Г., Шарифуллин Р.Ф., Набиуллин Н.Г.** Археологические исследования в Казанском Кремле (1994-1996 гг.) // Биляр и Волжская Булгария. – Казань: Фест, 1997. – С. 84-88.

А.Ю. Тарасов

*Служба по архитектуре и охране объектов культурного наследия
администрации Красноярского края, Красноярск*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В г. ЕНИСЕЙСКЕ

Территория г.Енисейска, старейшего города Восточной Сибири, до настоящего времени была «белым пятном» для археологов. Первая документированная археологическая находка, по данным Красноярского краеведческого музея поступает в его хранилище в конце XIXв.

В 1899г через А.С.Еленева от Т.П.Щепяковского в фонды передается найденная в Енисейске подвеска из клыка медведя [ККМ, инв.№211-115].

В связи с отсутствием (до настоящего времени) археолога в штате образованного в 1883г в Енисейске музея, основная часть хранящихся в фондах артефактов является отдельными, случайно найденными (в том числе на территории города) находками, поступившими в качестве пожертвований от местных жителей.

Специалисты открытого позднее (1889 г.) Красноярского музея организовали своеобразное «шефство» над археологическими коллекциями Енисейского музея, эпизодически посещая город и его окрестности., причем основное внимание уделялось приустьевым участкам многочисленных притоков Енисея и стрелки Ангары, наиболее перспективным для выявления археологических комплексов.

Внесший значительный вклад в изучение древностей Енисейского Севера археолог Красноярского музея Р.В. Николаев проводил сборы русской керамики в устье р.Мельничной в г.Енисейске [Николаев, 1960], уделяя особое внимание этноархеологическим комплексам, связанным с освоением этих территорий русскими землепроходцами.

В середине 90г XXв остатки разрушающегося русского погребения XVII-XVIIIвв. в устье Мельничной зафиксировал сотрудник Археологической экспедиции Красноярского пединститута В.П.Леонтьев.

Повышенное внимание к г.Енисейску как к историческому населенному месту, сохранившему уникальную градостроительную среду XVIII-XIXвв., включенному в предварительный список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО потребовало подготовки качественной градостроительной документации. В процессе разработки «Проекта зон охраны памятников истории и культуры г.Енисейска» сложилась парадоксальная ситуация, когда данных об объектах археологии на территории города просто не было, а границы старейшего на Енисее острога не установлены. Архитектурно-археологических исследований при производстве проектно-реставрационных работ не проводилось, так как до последнего времени культурные горизонты XVIII-XIXвв. археологическими методами не изучались, считались балластом, недостойным внимания.

Для устранения вышеперечисленных пробелов в 2004г Комитетом по охране и использованию памятников истории и культуры администрации Красноярского края было организовано предварительное археологическое обследование территории г.Енисейска.

Целью работ являлось изучение культурных напластований Енисейска, с перспективой вычленения слоев, относящихся к периоду существования Енисейского острога., и поиск более ранних («дорусских») археологических объектов на территории города.

В рамках запланированных исследований была проведена разведочная шурфовка исторического центра города и территории, занимаемой комплексом Спасо-Преображенского монастыря.

В историческом центре города серией шурфов изучена бровка Енисейской террасы от устья р.Мельничная до ул. Худзинского., правобережный приустьевой участок р.Мельничная от ул. Кирова до ул. Ленина, место размещения Гостиного двора в районе Базарной площади.

На территории Спасского монастыря проведено архитектурно-археологическое обследование Захарьевской надвратной церкви, разведочная шурфовка приалтарной части Спасского собора и периметра ограды монастыря.

В бровке Енисейской террасы от устья р. Мельничная до ул. Худзинского заложена серия из 15 разведочных шурфов и разрезов, вскрывающих кровлю покровных отложений террасы (шурфы № 5-19).

Археологических материалов, имеющих отношение к «дорусской» истории, не обнаружено. В шурфах зафиксированы культурные остатки города – фауна, фрагменты сероглиняной гончарной керамики, медные монеты (сибирский пятак 1767г (шурф № 9), 2 копейки 1839г (шурф № 7).

В шурфе № 8, заложенном в северо-восточном углу спортивной площадки школы, обнаружены остатки четырех погребений некрополя Преображенской церкви (начало строительства 1747 г.) – дощатые гробы (погребения взрослых-2) и колоды (детские-2), залегающие на глубине 1,1-1,6м от современной дневной поверхности. Во взрослом погребении был отлитый в двусторонней форме билоновый четырехконечный, с прямым средокрестием и прямоугольными лопастями (нижняя лопасть удлиненная) крестельник размерами 47х28мм. Средокрестие дополнительно украшено лучами, оканчивающимися шарами и волютами, сливающимися в венки [Винокурова, 1999].

В шурфе № 10, заложенном напротив уничтоженной восточной части Богоявленского собора (начало строительства 1709 г.), найдены многочисленные остатки разрушенных последующими захоронениями погребений некрополя собора. Разрозненные кости фиксируются уже на глубине 0,1м от современной дневной поверхности. Верхний горизонт непотревоженных захоронений начинается с отметки -0,9м.

В слое перекопа обнаружен череп 18-20-летней особи со следами отсечения (основание черепа срезано) и 3 четырехконечных с удлиненной нижней планкой нательных креста: медный прямой с прямоугольными лопастями (25х12мм), билоновый «страстной» с расширяющимися от средокрестия килевидно оканчивающимися лопастями (49х34мм), медный с расширяющимися от средокрестия, шлемовидно оканчивающимися лопастями и расходящимися из средокрестия лучами (52х40мм). Обе стороны последнего экземпляра покрыты остатками полихромной эмали.

Бровка правого берега р. Мельничная от ул. Кирова до ул. Ленина исследована серией из 4 шурфов (шурфы № 37-40). Вскрыт мощный (до 2м), пласт органических остатков (перегноя, щепа), нивелирующих бровку и поверхность террасы. Шурфом № 37 вскрыта сложенная из крупных (до 0,35м в диаметре) бревен стенка, которая может иметь отношение к опорным конструкциям ранее существовавшего деревянного моста ч/з р. Мельничная. В слое перегноя зафиксированы многочисленные фрагменты сероглиняной гончарной керамики орнаментированной прочерченными волнистыми линиями, распиленные поперек и вдоль расщепленные плюсневые кости лошади. В шурфе № 39, в яме, заполненной железными шлаками, найдена спиленная с бивня мамонта пластинка.

Заложенные в районе размещения первого в Енисейской губернии каменного здания – Гостиного двора (год постройки 1722г) шурфы (шурф № 1-4) позволили сделать интересные стратиграфические наблюдения и дали богатую коллекцию артефактов. В шурфе № 4 зафиксирован бутовый фундамент гостиного двора, перекрывающий более ранние деревянные конструкции срубного типа, в шурфе № 2 вскрыт северо-восточный угол рубленного «в обло» сруба с выборкой чаши в нижнем бревне, ниже которого находились хорошо сохранившиеся в сыром грунте остатки (обрубленные корни) раскорчевок. Шурф № 1 прорезан заполнение котлована XVIII-XIXвв., в котором обнаружены медные монеты (2 копейки 1799 г. и 2 копейки 1816 г.), обгоревшие ружейные кремни, костяные бусины (костяшки счет?), железные навесные замки, ключи, железная рукоятка палаша или сабли. Шурф № 3 заложен в центре бывшей торговой площади (в сквере за памятником В.И. Ленину), в нем обнаружена медная 5-и копеечная монета 1864 г., бронзовая пряжка, обломок спила с бивня мамонта.

Археологическое обследование территории комплекса Спасского монастыря.

Принимая во внимание то, что территория внутри монастырской ограды была занята захоронениями функционирующего до начала XXв кладбища, было принято решение о применении шадящей (в отношении погребений) методики размещения разведочных шурфов.

Заложенные по периметру сохранившейся кирпичной ограды монастыря (годы строительства 1787-1806) шурфы (шурф № 21, 26, 29-32, 35) помимо представления о конструкции и состоянии фундамента ограды дали долгожданный результат. В шурфе № 30 на глубине 0,6-0,8м в слое светло-серой опесчанной супеси зафиксированы артефакты, предварительно датированные эпохой энеолита - ранней бронзы. Материалы представлены развалом керамического сосуда параболической формы, украшенного горизонтальными рядами косых оттисков зубчатого штампа (венчик прямой, округлый в плане), заготовкой одноплощадочного галечного нуклеуса со снятым с него отщепом. Кроме вышеперечисленных артефактов обнаружено изделие, предварительно интерпретированное как дифлированный чоппер на кварцевой

гальке, которое может косвенно указывать на наличие на данной территории более древних археологических комплексов.

В приалтарной части Спасского собора (начало строительства 1730 г.) с целью фиксации следов существовавших ранее сгоревшей деревянной церкви было заложено 3 разведочных шурфа (шурф № 23, 27, 28). В шурфах № 27-28, заложенных с восточной (в 6м от фундамента) и северной (в 4м от фундамента) сторон на глубине 1,1-1,2м зафиксированы перекрытия деревянных конструкций (дощатых гробов и колод) погребений некрополя (погребения не вскрывались). В восточной части шурфа № 27 на глубине 1,1м зафиксирован кирпичный свод склепа. В восточной стенке шурфа № 28 сохранились следы достаточно свежих (первая половина XX в.) грабительских раскопок захоронения в виде грабительского шурфа, впущенного в могильную яму и перекрытого перевернутой мраморной надмогильной плитой. В шурфе № 23 на глубине 0,65м в слое светло-серой супеси и в заполнении могильных ям шурфа № 27 обнаружены отщепы.

В процессе проведения архитектурно-археологического обследования руин надвратной церкви Захарии и Елизаветы (начало строительства 1785 г.) разведочными шурфами и траншеями определены контуры фундаментов разрушенных участков келейных помещений.

Список литературы

- Винокурова Э.П.** Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы – М.: Наука, 1999. –С. 326-360.
- Николаев Р.В.** Археологические находки на севере Красноярского края // СА, 1960. № 1- с.254-256.

Н.А. Тропин

Государственный университет, Елец

ДРЕВНЕРУССКИЕ УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОСВОЕНИЯ ЮГО-ВОСТОКА РУСИ В XII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII вв. (по материалам Чернигово-Рязанского порубежья)

Историографическое осмысление современного этапа в изучении территории Юго-Востока Руси, прослеживаемое с начала 1980-х гг. и продолжающееся по настоящее время, характеризующееся более активными полевыми исследованиями и появлением работ обобщающего характера, весьма полно изложено в работах ряда исследователей [Винников, 1997; Пряхин, 1988; Тропин, 2002; 2004а; Цыбин, 2000; 2004; и др.]. Среди комплекса взаимосвязанных проблем в изучении Юго-Востока Руси, таких как заселение территории, границ княжеств, отдельных административных территорий, древнерусско-половецкого пограничья и др., заметное место занимают исторические оценки укрепленных древнерусских поселений XII-первой половины XIII вв.

Увеличение числа исследованных памятников разных типов, переосмысление результатов раскопок более раннего времени заставляет вновь обратиться к данному вопросу. Свое внимание мы концентрируем на одном из участков Юго-Востока Руси, географически расположенного в Верхнем Подонье, а политически связанного с Чернигово-Рязанским порубежьем.

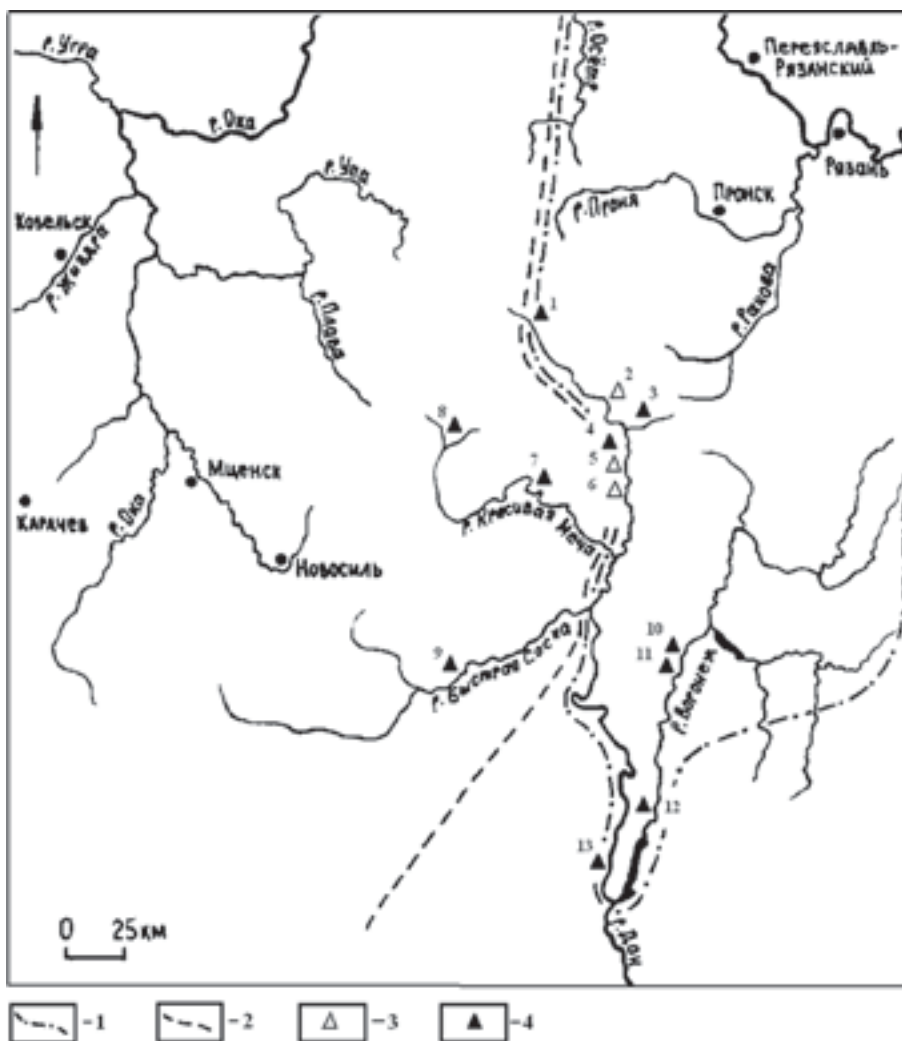
На этой территории известно 16 городищ XII-первой половины XIII вв. (рис. 1). По степени изученности их целесообразно разделить на три группы. Первую группу составляют исследованные раскопками или геофизическими методами памятники, результаты работ на которых дают подробное представление об их облике. К ней относятся 8 городищ (в районе Куликова Поля: п. Красные Буйцы, дд. Устье, Красное, Колодези [Гоняный, 2003]; у с. Долгое на Дону, с. Архангельского (Чюр Михайлов) на р. Кочуровке [Гоняный, 1996], Семилукское на р. Дон [Пряхин, Цыбин, 1991; 1996], Животинное на р. Воронеж [Винников, Кудрявцева, 1998]).

Во вторую группу входят городища, известные по результатам шурфовочных работ или незначительных раскопочных площадей, давших лишь предварительную информацию. Известно 5 памятников (на р. Красивая Меча: д. Зайчевка, с. Лаврово (Лубянское) [Гоняный, 1996]; на левом притоке Быстрой Сосны р. Ливенке - «Ключевка» [Краснощкова, Булатников, 1995], два городища I и II у с. Ленино (Романово) [Андреев, 2001]).

Третью группу составляют несохранившиеся городища, информация о которых содержится в писцовых книгах Данковского и Лебедянского уездов 1627/1628 гг., а результаты обследований территорий не противоречат возможностям их нахождения. В эту группу входят 3 городища (на месте Стрешневского городища – Старого Данкова 1568-1618 гг. [РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 229. Л. 431]; в устьях рр. Вязовни [РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 229. Л. 27 об. Л. 379] и Лебедянки) [РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 229. Л. 27 об. Л. 379].

Важность городищ первой группы, составляющих 50 % от известных укрепленных поселений этого времени в Верхнем Подонье, заключается в том, что результаты их исследований выступают важнейшими индикаторами в оценках освоения Чернигово-Рязанского порубежья в домонгольское время.

Изученные раскопками, в т.ч. геофизическими исследованиями в ряде случаев, городища первой группы интерпретированы исследователями. В оценках М.И. Гоняного городища Куликова поля, у сс. Долгое, Архангельское могли выполнять функции крепостей, своеобразных баз, где размещались небольшие военные гарнизоны, а также убежищ, вокруг которых формировались гнезда поселений [Гоняный, 2003. С. 12; Гоняный, 1996. С. 65]. Наиболее южное городище на р. Дон – Семилукское - по мнению А.Д. Пряхина и М.В. Цыбина, являлось сторожевой крепостью и административным центром, складывающейся сельской округи, на восточном порубежье Черниговской и южном пределе Рязанской земли [Пряхин, Цыбин, 1991. С. 105; 1996. С. 42-43]. Древнерусский пласт находок на многослойном Животинном городище А.З. Винниковым и Е.Ю. Кудрявцевой связывается с поселком, использовавшим более ранние славянские укрепления и выполнявшим функцию сторожевого поста на юго-западной границе Рязанского княжества [Винников, Кудрявцева, 1998. С. 82].

Чернигово-Рязанское порубежье во второй половине XII-первой половине XIII вв.

1 - западная и юго-западная граница Рязанской земли (по А.Н. Насонову с уточнениями автора в Верхнем Подонье); 2 - восточная граница Черниговской земли (по А.К. Зайцеву); 3 - предполагаемые городища (2 - Стрешневское, 5 - в устье Вязовни, 6 - в устье Лебедянки); 4 - городища (1 - в районе Куликова поля, 3 - Архангельское, 4 - Долговское, 7 - Лавровское, 8 - Зайчевка, 9 - Ключевка, 10-11 - Романовские, 12 - Животинное, 13 - Семилукское.

Однако данные исследователями оценки городищам нам представляются не полными и не раскрывают конкретных механизмов, объясняющих их появления в Подонье. Хотя на этом счет имеются свидетельства.

Общими признаками, характерными для городищ первых двух групп (исключение Животинное), считаем: 1) господствующее положение их площадок над местностью; 2) подчиненность городищ рельефу местности; 3) незначительные размеры как самих городищ, 4) так и примыкающих к ним селищ; 5) локализация у лесных массивов; 6) синхронность в рамках конца XII-первой половины XIII вв.

При общих чертах сходства заметны наиважнейшие признаки различий: 1) размеры укрепленных площадок; 2) степень застройки площадок; 3) количество селищ в округе.

С учетом этих различий городища разделены на 2 группы. К первой группе относятся все городища района Куликова поля, а также у сс. Долгое и Архангельское. Для них характерны: 1) незначительные размеры укрепленных площадок (0,1-0,35 га), 2) их нежилой характер, 3) непосредственно примыкавшие к городищу одно-два селища со слабонасыщенным, культурным слоем.

Вторую группу составляет достоверно пока лишь Семилукское городище, для которого характерно: 1) сравнительно большие размеры укрепленной площадки (более 1 га); 2) жилой характер площадки; 2) тяготеющие к городищу синхронные селища в округе на значительной площади. С высокой степенью вероятности

к этой группе примыкают еще 5 городищ, известных по результатам предварительных исследований (д. Зайчевка, с. Лаврово (Лубянское), «Ключевка», два городища I и II у с. Ленино (Романово). Характер застройки их площадок пока остается неизвестным в полной мере, однако заметим, что их размеры несколько больше городищ первой группы (0,4-0,66 га), за исключением «Ключевки» площадью 0,05 га, и они имеют ближайшую сельскую округу.

Интерпретация исследователями древнерусского поселка Животинного городища, как сторожевого форпоста, нам представляется завышенной. Раскопки укреплений не обнаружили на нем признаков древнерусской фортификации. Несмотря на значительную исследованную раскопками площадь (около 2,5 тыс. кв.м.) и обнаруженные четыре наземных жилища, на памятнике не встречены предметы вооружения дружинного сословия. Находки двух сулиц, рыболовного крючка, грузил указывают на промысловый характер кратковременного селища.

Полагаем, что возникновение городищ обеих групп, как впрочем, и масштабное освоение населением в одно и то же время в конце XII-первой трети XIII вв. территории Верхнедонского бассейна, было вызвано активизацией торговли в регионе, и необходимостью организации охраны Донского торгового пути в земли Чернигово-Северского и Рязанского княжеств.

Особенно преуспело в контроле торговли по р. Дон Рязанское княжество, откуда происходило освоение не только левого, но и правого берега Дона (Тропин, 2004. С. 195-199). Начавшееся в конце XII в. активное освоение территории Верхнего Подонья было результатом возрастания экономического и политического потенциала Рязани, стремящейся занять прочные позиции на востоке и юго-востоке Руси.

По своей изначальной задаче возникшие укрепленные поселения были городищами-крепостями, охраняющими торговые пути и дороги. Специфика Семилукского городища, как впрочем, и городищ второй группы, состояла в двойной роли, как крепости, контролирующей участок торгового пути, так и административного центра ближайшей сельской округи на самом южном рубеже Рязанской земли по р. Дон. Возможно, подобные функции выполняли и городища Чернигово-Северского княжества по рр. Красивой Мече, Быстрой Сосне, а также рязанские городища у с. Романово (Ленинино) на р. Воронеж.

Имеющиеся письменные источники о Донском торговом пути относятся к более позднему времени XIV-XVI вв., однако сообщают о нем как о давно сложившемся явлении [ПСРЛ. 1975. Т. XXXII. с. 38; Герберштейн, 1988. С. 136, 138]

Предметы византийского и восточного импорта встречены на многих памятниках в Верхнедонском бассейне. На Семилукском городище - амфоры, бусы, на поселениях Шиловском - бусы, браслет из стекла, Замятино 10 - амфоры, бусы, Каменное - перстень и браслет из стекла. Посуда болгарского круга памятников - на селищах Казинка и Хрущевка. На селище Куликовка 4 обнаружены свинцовая пломба, грузики [Гоняный, Кац, Наумов, 2003. С. 239, 245] и т.д. В значительном количестве предметы импорта представлены на Лавском открытом торгово-ремесленном поселении на Быстрой Сосне.

Освоение Верхнедонского бассейна от истоков Дона до устья р. Воронеж происходило в благоприятной внешнеполитической обстановке. Отметим, что в этом регионе отсутствуют столь хорошо укрепленные и значительные по площади крепости, характерные для южнорусских земель или ближайшего Курского Посеймья в условиях половецкой опасности. Отсутствует и ярко выраженный набор вооружения. Данные факты подтверждают ранее высказанное мнение М.В. Цыбиным о незначительной роли фактора половецкой опасности на Чернигово-Рязанском порубежье в конце XII-первой трети XIII вв. [Цыбин, 1999. С. 133].

Список литературы

Андреев С.И. Романово городище //Верхнедонской археологический сборник. – Липецк: Успех-Инфо, 2001. – С. 208-224.

Винников А.З. Славянская проблема в работе археологической экспедиции Воронежского университета //Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 10. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1997. – С. 34-41.

Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Древнерусское Животинное городище //Вопросы истории славян. Археология. Этнография. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1998. Вып.12. – С. 71-83.

Герберштейн С. Записки о Московии. –М.: Наука, 1988. – 262 с.

Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники XII – XIV вв. в бассейне Верхнего Дона //Липецк: начало истории. - Липецк: Липецкое издательство, 1996. – С. 62-69.

Гоняный М.И. Древнерусские археологические памятники конца XII-3-й четверти XIV вв. района Куликова поля. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Москва, 2003. – 22 с.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Древнерусские археологические памятники конца XII-третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке. Древности темного времени. - М.: Наука, 2003. - С. 228-252.

Краснощекова С.Д., Булатников О.Н. По дорогам минувших столетий. – Ливны: Орловский краеведческий музей, 1995. – 37 с.

Пряхин А.Д. Археология ... Наследие. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1988. – 182 с.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище на р.Дон (итоги раскопок 1984 – 1986 гг.) // Археология славянского юго – востока. – Воронеж: Воронежский пединститут, 1991. – С. 93-106.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987 – 1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1996. - С. 29-62.

ПСРЛ. 1975. Т. XXXII.

РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 229.

Тропин Н.А. Археология в Елецком государственном университете // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 16. Археология в российских университетах. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002. – С. 43-48.

Тропин Н.А. История изучения Чернигово-Рязанского порубежья // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 18. Отечественная археология XX века (исследователи, история исследований). – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2004 а. – С. 99-112.

Тропин Н.А. Сельские поселения XII-XV веков южных территорий Рязанской земли. – Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 2004 б. – 264 с.

Цыбин М.В. Половцы и Рязанская земля // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 13. Евразийская лесостепь в эпоху металла. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1999. – С.130-139.

Цыбин М.В. Юго-восточная граница Руси накануне монгольского нашествия (история развития идеи) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. - Тула: Тульский полиграфист, 2000. - С. 85-94.

Цыбин М.В. Юго-Восток Древней Руси и кочевнический мир (к оценке современного состояния проблемы по археологическим данным) // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 18. Отечественная археология XX века (исследователи, история исследований). – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2004. – С.113-121.

М.П. Чёрная

Томский государственный университет, Томск

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВЫСОТНЫХ ДЕРЕВЯННЫХ ПОСТРОЕК ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Существование высотной деревянной застройки в средневековой Руси, распространившейся в XVI–XVII вв. в Сибири, является историческим фактом, многократно описанным и проиллюстрированным. Однако, когда археолог обращается к объёмно-планировочной реконструкции раскопанного объекта, ему необходимо опираться на конкретные показатели высотности постройки. Сложности установления количества ярусов здания обусловлены не только тем, что в земле остаются лишь нижние части сооружения, степенью руинированности археологизированного объекта, но и тем, какие конструктивные детали изначально были атрибутами высокой постройки. В своё время П.И. Засурцев констатировал, что даже в условиях Новгорода нет бесспорных археологически уловимых признаков для определения этажности построек. Среди них им названы усложнённые фундаменты*, большие размеры строений, наличие врубленных перегородок и крылец [1963, с. 11, 67, 68, 163].

В русском домостроительстве от древности до этнографической современности деревянные сооружения ставились и прямо на землю и на фундаменты в виде «лежаков»-подкладок из обрезков брёвен, столбов-«стульев», камней, плит, глиняного «набоя» по периметру дома и проч. При этом двухэтажный дом могли поставить «на пошву», а под одноэтажный подвести фундамент. Точка зрения Г.Г. Громова, связывающая наличие фундамента с высотой деревянного здания [1979, с. 188], противоречит общераспространённой практике. Как справедливо заметил П.И. Засурцев, для деревянных построек, даже имеющих несколько этажей, нет прямой необходимости в подведении фундамента как элемента, воспринимающего нагрузку стен и передающего её на грунт, ведь тяжесть деревянных стен по сравнению с каменными невелика [1963, с. 12]. С ним согласился Ю.П. Спегальский: за исключением особых случаев, устройство фундаментов не считалось обязательным, поставленные на почву деревянные здания, даже очень высокие, веками устойчиво сохраняли первоначальное положение [1972, с. 162]. Подтверждением служат многие не имевшие фундаментов новгородские постройки больших размеров и не менее, чем в два этажа, башни Братского [Засурцев, 1963, с. 12, 13] и Алазейского острогов [Алексеев, 1996, с. 23], постройки на высоком подклете XVII–XVIII вв. в Прикамье [Соколова, 2001, с. 122], почти все мангазейские постройки [Белов и др., 1981, с. 12], жилища Пскова XI–XIV вв., наличие подкладок под стенами которых само по себе ещё не свидетельствует об этажности [Степанов, 1989, с. 5, 6].

Подведение фундамента под деревянное строение обуславливалось прежде всего рельефом (нивелировка неровности участка под застройку) и качеством грунта (его плотностью и влажностью). Для предотвращения осадки сруба в мягкий или рыхлый грунт приходилось подводить фундамент. С целью изоляции сооружения от сырости и застаивавшихся поверхностных вод сруб приподнимали над землёй с помощью «лежаков», «стояков», фундаментных площадок. Такой приём был универсальным и использовался в Новгороде и Пскове в X–XV вв. [Засурцев, 1963, с. 12–17; Степанов, 1989, с. 6], в Перми в XVIII–XIX в. [Корчагин

* Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00379а.

** По этому поводу П.И. Засурцев сделал существенную оговорку: наиболее сложные фундаменты прослеживались только в слоях XI – XII вв., в более позднее время фундаменты свелись к нескольким подкладкам, уложенным *в местах со слабым грунтом* [1963, с. с. 163; курсив мой – М. Ч.]. Современная исследовательница строительной культуры древнего Новгорода Н.Н. Фараджева связывает подведение усложнённых фундаментных площадок не с повышенной этажностью домов, а со стремлением обеспечить теплоизоляцию жилых помещений [1997, с. 404].

и др., 1997, с. 80, 81], в западносибирской деревне на рубеже XIX–XX вв. [Ащепков, 1950, с. 64, рис. 98]. Таким образом, наличие фундамента является весьма условным признаком этажности деревянного здания* не потому, что остатки фундаментов сложно обнаружить археологически, а в силу того, что изначально их ведущими функциями были нивелировочная и предохранительно-изоляционная.

Большие размеры и наличие внутренних перегородок в качестве критериев высотности должны рассматриваться совместно. Перегородки, врубленные в несущие стены на всю высоту постройки или только её часть, также воспринимали на себя несущую функцию и увеличивали жёсткость конструкции, что важно для крупногабаритных зданий, особенно, если они имели несколько ярусов. Но при всей конструктивной рациональности наличие врубленных перегородок не было ни единственно возможным, ни обязательным приёмом возведения больших высотных построек. Двухэтажная связь значительной площади могла иметь смешанную конструкцию со срубными избой и клетью, но столбовыми сенями, а шестистенок с рублеными сенями, и большой по габаритам, не превышать одного этажа. В то же время бытовали средние постройки «о двух жилах» или поставленные на подклет.

Следующим признаком, указывающим на то, что здание имело как минимум два этажа, является наличие крыльца, наружных и/или внутренних лестниц. Подчеркнём, что подразумевает высокое крыльцо, поскольку низкие крылечки пристраивались и к поземным постройкам и к первым этажам многоярусных домов. На археологизированных объектах факт существования высокого крыльца не всегда очевиден и доказуем. Крыльцо на *консолях* выявить при раскопках практически невозможно, поскольку опора крыльца покоится не на земле, а встроена в несущую стену здания. Для интерпретации *рубленого* крыльца в качестве двухъярусного необходимо, чтобы сруб сохранился до уровня верхнего рундука, это маловероятно, учитывая, что при сносе старой застройки разбиралось всё, что находилось выше выросшего культурного слоя. *Столбовое* крыльцо с высоким помостом зафиксировать не менее сложно. Столбовые постройки часто уничтожались без следа, заполнение столбовых ям могло не отличаться или почти не отличаться от окружающего слоя, как это было в Новгороде. Подытоживая свои наблюдения, П.И. Засурцев заключил: крыльцо со значительно приподнятой над землёй площадкой и навесом, опиравшимся на столбы или колонны, прослеживается в раскопе лишь в исключительных случаях [1963, с. 22, 44]. Такой очевидный признак ярусности сооружения, как высокое крыльцо, ведущее на верхний этаж, в ископаемом виде часто теряет свою бесспорность. Для того чтобы утверждать, что крыльцо имело верхний рундук, археологу необходимо иметь в своём распоряжении детали, определённо указывающие на это. Такие детали могут быть связаны с особенностями конструкции крыльца, как это имело место в Томске.

Попытаемся определить этажность главного здания – дома-шестистенка на дворе томских воевод, «примерив» к нему перечисленные признаки. Дом имел большие размеры (17х5 м), две дополнительные капитальные стены, делящие общий объём дома на три помещения, фундаментные столбы-стулья под окладным венцом. Стулья были подведены не под все углы и без соблюдения определённого расстояния между ними по периметру сруба. Отсутствие чёткой системы в расположении столбов, которая обеспечивала бы равномерное распределение тяжести стен на грунт, указывает скорее на нивелировочную, а не на опорную функцию столбов, хотя её тоже нельзя исключить. Этот дом стоял на слое коричневой супеси мощностью 15–50 см. Большое количество щепы и бересты в слое делало его рыхлым, что требовало подведения дополнительных фундаментных опор под стены. Видимо, столбы под домом выполняли двойную нивелировочно-опорную функцию. Однако это не является прямым подтверждением двухэтажности дома-связи. Под другими усадебными постройками столбов-стульев не обнаружено, а для выравнивания строительной площадки подсыпали песок.

Прямым показателем наличия второго этажа у главного на томской усадьбе дома-связи является парадное крыльцо с южной стороны. Особенности устройства его нижней части, выполненной в технике вертикальной набирки, определённо указывают на то, что крыльцо было высоким. Видимо, это один из тех исключительных случаев, о которых говорил П.И. Засурцев, когда ископаемые остатки доказывают высотность объекта. Столбы-опоры для лестницы, ведущей на верхний рундук крыльца, и для галереи-гульбища на втором этаже также служат важным доводом, свидетельствующим о двухэтажности томского дома-связи. Вместе с ведущим критерием определения этажности здания – высоким крыльцом с лестницей и галереей – фундаментные столбы, большие размеры дома, врубленные перегородки, не являющиеся самодостаточными признаками высотности,

---

* Видимо, поэтому в фундаментальном издании по Древней Руси в главе, обобщающей археологические данные по жилищу IX–XIV вв., фундамент исключён из перечня прямых свидетельств наличия второго и третьего этажа, среди которых названы упавшие сверху печи, лестницы, колонны, галереи [Древняя Русь. Город, замок, село, 1985, с. 143]. Добавлю, что в виде археологических остатков, эти признаки высотности не всегда сохраняются и однозначно интерпретируются в этом качестве.

приобретают значение дополнительного аргумента в пользу двухъярусности дома воеводы. Для остальных усадебных построек на томском воеводском дворе однозначные археологические показатели их этажности отсутствуют.

Анализ показывает, что реконструкции по археологическим данным принципиально возможны и методически обоснованы. Основанием для создания объёмно-планировочных моделей руинированных объектов служат: 1) признаки, изначально присущие постройкам повышенной этажности – высокие крыльца, лестницы, столбы-опоры галерей и балконов, 2) сохранность в ископаемом виде этих атрибутов высотности, к которым можно добавить упавшие сверху печи. Уязвимость археологических аргументов, обусловленная степенью разрушения объектов и конструктивными особенностями высотных показателей, ограничивает возможности реконструкции: не каждая постройка поддаётся восстановлению в полном объёме. Большие размеры сооружения, врубленные перегородки, фундаменты, как и уровень достатка, социальный, должностной статус владельца, не могут служить непосредственным доказательством повышенной этажности, хотя обязательно должны учитываться в качестве важных дополнительных доводов.

Неизбежные трудности и возможные ошибки при реконструкции построек по археологическим данным означают не отказ от восстановления их облика и ограничение лишь вскрытием и описанием руин, но тщательность раскопок, скрупулёзную фиксацию всех деталей, а при наличии оснований и строгом методическом подходе – обязательную реконструкцию памятника.

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии СА РАН. - 1996. - 152 с.
- Ащепков Е.А.** Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР. - 1950. - 140 с.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея.** Ч. I. Л.: Гидрометеиздат. - 1980; Ч. II. М. - 1981.
- Громов Г.Г.** Жилище // Очерки русской культуры XVII века. Ч. I. М. - 1979. с. 134-201.
- Древняя Русь: город, замок, село /** Археология СССР. М.: Наука. - 1985. 432 с.
- Засурцев П.И.** Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. № 123: Жилища древнего Новгорода. М.: Изд-во АН СССР. - 1963. с. 5-165.
- Корчагин П.А., Мельничук А.Ф., Соколова Н.Е.** Археологическое изучение исторического центра города Перми XVIII–первой половины XIX в. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Уфа. - 1997. - с. 80-84.
- Соколова Н.Г.** Городские усадебные постройки Прикамья XVII–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск. - 2001. - с. 122–125.
- Спегальский Ю.П.** Жилища Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. - 1972. - 273 с.
- Степанов С.В.** Некоторые данные о псковском жилище XV–XIV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков: БИ. - 1989. - с. 5-8.
- Фараджева Н.Н.** Становление и развитие строительной культуры древнего Новгорода // Славянский средневековый город. М.: НПБО «Фонд археологии». - 1997. - с. 401-410.

ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

А.И. Боброва

Томский областной краеведческий музей, Томск

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ*

Проблемы, связанные с культурной и этнической принадлежностью археологических памятников, происхождением и этнической историей западносибирского населения являются наиболее дискуссионными. Материалы развитого и позднего средневековья Нарымского Приобья отражают сложную картину взаимоотношений самодийцев, тюрков, угров. Они позволяют проследить пути продвижения последних на самодийскую территорию и участие в формировании аборигенной культуры.

Значительная часть современной Томской области, занимающая южный участок среднего течения р. Оби, относится к Нарымскому Приобью, специфической особенностью которого является процесс заболачивания: площадь болот и заболоченных земель в среднем составляет 39,5-50%, а в Обь-Иртышском иногда достигает 80-100%. Для подобных участков характерно чередование приречных дренированных полос, покрытых лесом, с заболоченными водораздельными и приводораздельными пространствами [География Томской области, 1988]. Такая ситуация сказывалась на освоении территории – оно осуществлялось в основном по бассейну р. Оби, ее большим и малым притокам.

В Томско-Нарымском Приобье известно около 600 памятников средневековья. Неравномерность территориального и хронологического их изучения сказалась на разработке периодизации и внутренней хронологии. В отличие от соседних регионов, где эти вопросы основательно разработаны для материалов X–XIV вв., в Нарымском Приобье до недавнего времени даже такие памятники были единичны. Впрочем, и до сих пор наиболее слабым звеном для реконструкции исторических процессов остается переходное время (IX–XI вв.), связанное с формированием новой культуры, сменившей релкинскую. Раскопки поселений и городищ IX–XI вв., некрополей XII–XIV вв. в Нарымском Приобье (Алдыган, Тяголовский, Бедеревский Бор III, ранние группы погребений Кустовского и Тискинского), наличие базовых памятников, таких как могильники Тискинский, Барклай, Кустовский, функционировавших по 7-8 столетий, позволяют охарактеризовать культурно-историческую ситуацию в Нарымском Приобье с IX в. до этнографической современности.

Изучение погребального обряда и инвентарных комплексов с сериями датирующих предметов, выявленные аналоги в материалах вожпайской, усть-ишимской, юдинской, нижеобской культур, позволяют ставить вопрос о существовании на территории Нарымского Приобья самостоятельной культуры, которая по основной территории ее формирования может быть названа нарымской [В.А. Могильниковым была выделена кустовская, А.П. Дульзоном – остяцкая, однако ни то, ни другое название не прижилось в специальной литературе; распространение получило понятие пострелкинское время/население]. Время ее существования охватывает IX–XVII вв. Сформировалась она на местной прасамодийской основе [Чиндина, 1977, 1991; Боброва, 1994]. Существует точка зрения об угорском происхождении местного населения – Молодин и др., 1995] и в своем развитии прошла ряд этапов. Ранний этап (IX–XIV вв.) прошел под знаком тюркской экспансии. Продвижение иноэтничного населения осуществлялось двумя путями: с юга по р. Оби и Обь-Томскому междуречью со стороны носителей сроткинской культуры (кимаков) [Могильников, 1976] и с юго-востока по рекам Яе и Кие – со стороны енисейских кыргызов. В Томском Приобье это привело к формированию басандайской культуры [Плетнева, 1997], а территория Среднего Чулыма в X–XIII вв. оказалась северо-восточной периферией культуры енисейских кыргызов (среднечулымский вариант) [Беликова, 1996].

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 06-01-00304а.

С севера и северо-запада в IX–X вв. на территорию Нарымского Приобья начинается проникновение вожпайского населения, ассимилированного впоследствии релкинцами. Оно сопровождалось появлением на территории релкинцев поселений и городищ с типичной керамикой вожпайского типа [Березовская, 1992; Боброва, 2001; Беликова, 2001].

Инвентарные и погребальные комплексы некрополей XII–XIV вв. (Бедеревский Бор III, Иготкинский, Тяголовский, Алдыган, Тискинский) свидетельствуют о достаточно сильном влиянии на местное пострелкинское население носителей нижеобской и усть-ишимской культур. Территория Нарымского региона становится местом экспансии и угорских племён. Участие этих двух компонентов в формировании новой культуры бесспорно, но оба они в итоге оказались поглощены аборигенным, самодийским в своей основе, населением, потомками релкинской культуры, сохранившими свои самобытные черты в погребальном обряде и глиняной посуде.

Вторая пол. XIV–XVII вв. были временем поступательного развития культуры, ее расцвета, несмотря на активизацию угров и начавшуюся колонизацию края со стороны Российского государства. На примере Тискинского могильника (вторая группа погребений) наблюдаются биритуализм в погребальной обрядности, сосуществование ингумации и кремации на месте захоронения с сохранением костей скелета в неповрежденном состоянии, сосуществование новых (митровидных) форм посуды с традиционными – ладьевидными и гошкovidными сосудами без карниза. В орнаментации наблюдается исключительное преобладание гребенчатых штампов, также характерных для носителей релкинской культуры.

Результатом взаимодействия пришлого и аборигенного населения, стало оформление нарымской культуры, входившей в Обь-Иртышскую культурно-историческую общность на ее восточной периферии. На ее основе на последующем этапе развитого средневековья и в эпоху позднего произошло формирование селькупского этноса.

Имеющиеся материалы позволяют наметить ареалы, занимаемые в эпоху позднего средневековья предками современных этносов – нарымскими селькупками и хантами.

Нижнее Причулымье и вся остальная территория Нарымского Приобья, включая право- и левобережье р. Оби с ее притоками Кетью, Тымом, нижним течением Васюгана, Парабелью, Чаей были местом расселения южных селькупов [Патканов, 1911; Долгих, 1960; Дульзон, 1955, 1955а, 1956; Пелих, 1981].

Расселение хантов из Прииртышья и бассейна р. Демьянки на Васюган исследователи относят к XIV в, а на Александровскую (Лунпокольску) Обь – на рубеже XVII в. Последнее событие связывается с поражением Пегой Орды, после чего прежняя территория селькупов оказалась заселенной хантами. В XVII–XIX вв. продолжалось начавшееся, по-видимому, в XIII–XIV вв., переселение хантов с р. Иртыша на р. Обь, в западные районы Сургутского Приобья и в бассейн р. Васюгана [Лукина, 1985; Мартынова, 1998]. О смене коренного населения во второй пол. XVIII и в конце XIX – нач. XX в. хантыйским на территории Александровского района Томской области свидетельствуют материалы грунтового могильника Колымухта [Березовская, 1999]. В конце XIX – нач. XX вв. васюганские ханты занимали территорию верхнего и среднего течения Васюгана и некоторых его притоков – Черталы, Ягыльяха, Егольяха, Нюрольки. Низовья реки от устья Нюрольки были заняты селькупками [Кулемзин, Лукина, 1977].

По-видимому, продвижение на восток не ограничивалось районами Васюгана и Ваха и шло не только из Прииртышья, но и с Нижней Оби. В XVII в. влияние северной группы хантов испытали селькупы р. Тыма. Выделенный автором по материалам некрополей (Бедеревский Бор I, II, Чистый Яр) IV тип погребального обряда особенно близок хантыйскому. Он характеризуется исключительно грунтовым способом захоронения, погребальными сооружениями в виде лодок-долбленок, колод, бревенчатых срубов, жердевыми перекрытиями, наличием рядом с могилами наконечников стрел, украшений, разбитой посуды [Боброва, Торопова, 1990]. Особенно близкие аналоги ему известны в Сургутском и Юганском Приобье [Терехова, Карачаров, 1994; Семенова, 2001], в ненецко-хантыйском кладбище Халас-Погор [Могильников, 1964; Мурашко, Кренке, 2001], что отражает достаточно тесные (возможно, брачные) связи нарымских селькупов и хантов в XVII в.

Контакты эти носили двусторонний характер. Не случайно Г.И. Пелих пришла к выводу о проживании на территории Сургутского Приобья в XVII в. одной из диалектно-локальных групп южных селькупов [1981]. Сторонником самодийской линии развития в этом регионе является В.И. Семенова [2001], а В.А. Могильников считал данную территорию контактной зоной взаимодействия угорского и самодийского этносов. По его мнению ряд черт погребального обряда свидетельствует о смешении угорских и самодийских этнических групп в этом регионе и о возможном их чересполосном проживании [Могильников, 1987].

Список литературы

- Беликова О.Б.** Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 272 с.
- Беликова О.Б.** Вожжайского типа керамика // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 43–45.
- Березовская Н.В.** Вожжайские памятники в Нарымском Приобье // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. С. 95–97.
- Березовская Н.В.** Александровский район – terra incognita Томской области // Земля александровская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 98–111.
- Боброва А.И.** Нарымское Приобье и Причулымье. Структура погребально-поминального обряда. Типология обряда // Очерки культуурогеиза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 293–321.
- Боброва А.И., Торопова Н.Н.** Бедеревский Бор 2 – поднесредневековый могильник Нарымского Приобья // Палеоэтнология Сибири. Иркутск, 1990. С. 72–73.
- География** Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 246 с.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. ИЭ. Новая серия, т. LV. М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Дульзон А.П.** Археологические памятники Томской области // Тр. ТОКМ. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–316.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 226 с.
- Лукина Н.В.** Формирование материальной культуры хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 364 с.
- Мартынова Е.П.** Очерки истории и культуры хантов. М.: Наука, 1998. 235 с.
- Могильников В.А.** Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. 2. С. 265–270.
- Могильников В.А.** К вопросу о самоедской принадлежности культур эпохи железа Среднего Приобья // ПАС, Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. С. 173–177.
- Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
- Могильников В.А.** Динамика и направление обменных и этнических контактов лесного населения Зауралья и Западной Сибири во второй половине I – начале II тысячелетия н. э. // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь: Изд-во Пермс. гос ун-та, 1990. С. 33–38.
- Молодин В.И., Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Мартынова Е.П., Шмидт Е., Федорова Н.Н.** Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 163 с.
- Народы** и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 252 с.
- Патканов С.К.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2. СПб. 432 с.
- Пелих Г.И.** Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, 1981. 176 с.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 351 с.
- Семенова В.И.** Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
- Терехова Л.М., Карачаров К.Г.** Среднеобская низменность // Очерки культуурогеиза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 277–289.
- Чиндина Л.А.** Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 193 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 181 с.

Д.П. Болотин*Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск*

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА ЭВЕНКОВ В РАБОТАХ АРХЕОЛОГОВ

Проблему этногенеза эвенков ученые решают, как правило, методами присущими их специализации: этнографическими, лингвистическими и археологическими. При построении гипотез чаще всего учитывается мнение коллег по своему цеху, т.к. слишком специфичны источники, а значит и методы работы с ними. Мы рассматриваем мнения археологов по означенной проблеме.

Интерес к этногенезу эвенков возник еще во второй половине XVIII в. у Г.Ф. Миллера. Позже этой проблемой интересовались М.А. Кастрен, Л.И. Шренк, Н.Я. Бичурин, И. Захаров, Г.Е. Грум-Гржимайло, В.И. Огородников, А.В.Кириллов, Ю.Д. Талько-Грынцевич, С.М. Широкогоров, М.Г. Левин, В.А. Туголуков и др.

Эвенки (тунгусы) – этнос, по языковой градации относящийся к тунгусо-маньчжурской группе, байкальскому антропологическому типу, малочисленный, но расселенный на огромной территории в Сибири, Маньчжурии и на Дальнем Востоке.

Крупнейшим специалистом по истории и культуре эвенков считают Г.М. Васильевич. Ее идеи были детерминированы археологическими открытиями А.П. Окладникова 30-х годов в Прибайкалье, предложенной им общей схемой периодизации неолитической культуры региона и мыслью «о принадлежности ее памятников древним тунгусам».

В конце 60-х начале 70-х годов А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко была предложена модель генезиса современных тунгусо-маньчжурских народов. По их мнению формирование пратунгусов шло в таежной зоне Прибайкалья и Забайкалья. Проникать на юг тунгусские племена начали в I тыс. до н.э. Тяга северных племен в долину Амура и далее на юг была вполне естественной: там было больше простора для развития хозяйства, и легче жить чем в тайге. Исследователи пишут, что никакого вторжения южан на север не было. Там им нечего было делать с их земледельческой основой хозяйства и оседлым образом жизни. О начале движения с севера на юг уже в раннем железном веке свидетельствуют результаты археологических исследований. А.П. Окладников и А.П. Деревянко описывают три знаковых артефакта, обнаруженных на памятниках I тыс до н.э., которые показывают наличие северного, тунгусского пласта в аборигенных земледельческих культурах Приамурья и Приморья. Первый предмет – это модель защитного щитка для большого пальца, употреблявшегося при стрельбе из лука почти всеми лесными племенами Сибири. Вторая находка – миниатюрная модель лодочки, повторяющая во всем существенном лодку-берестянку. Такие лодки характерны для таежной культуры тунгусов и рождены потребностями таежной жизни. Модель детской колыбели – третий вещественный аргумент. Колыбель в точности повторяет по своей форме аналогичные предметы сибирских тунгусов. Форма колыбели, по мнению ученых, являлась важнейшим этническим индикатором. А.П. Окладников и А.П. Деревянко свои аргументы усиливают выводами Г.М. Васильевич, которая считала, что тунгусская колыбель была рождена потребностями подвижной кочевой жизни в лесу.

Исходя из приведенных фактов исследователи сделали вывод, что процесс этнической и культурной ассимиляции в Приамурье и Приморье начался уже в раннем железном веке, что выразилось проникновением северных таежных элементов в южные культуры. В дальнейшем этот процесс активно продолжался. Появившись в земледельческих районах Среднего Амура, Зеи, Сунгари и Нонни мигранты неизбежно становились земледельцами, начинали разводить свиней, лошадей и коров вместо оленей. Вместе с земледелием и скотоводством они воспринимали от аборигенов новые формы жилищ, наряду с древней берестяной посудой выделяли глиняную. Но в то же самое время северные мигранты сохраняли свой язык, колыбели, шаманство и многое другое [Окладников, Деревянко, 1973, с.286-298].

Позднее А.П. Деревянко изменил первоначальную точку зрения, и опираясь на новые археологические источники, а так же материалы китайских ученых сделал вывод, что древнейшим центром формирования пратунгусов является территория Дунбэя (Маньчжурии). В этот район он включил и Средний Амур, так как здесь выявлены древние культуры, датированные IV – III тыс. до н.э., оказавшие непосредственное влияние на развитие современников из Дунбэя. Выделение северных тунгусов произошло, по мнению А.П. Деревянко, в конце III – II тыс. до н.э., когда в бассейн Среднего Амура продвигаются неолитические племена с Нижнего Амура, вытесняя и частично ассимилируя местное население. «Часть племен, вытесненная из Среднего Амура, могла двинуться на север в таежные районы, где произошло окончательное оформление своеобразной культуры северных тунгусов (эвенков)» [Деревянко, 1976, с. 274].

Реконструкция истории предков тунгусо-маньчжурских народов – мохэских племен связана с именем Е.И. Деревянко. Поддерживая гипотезу А.П. Окладникова исследователь на амурском материале показала миграционную основу культуры тунгусоидов данного региона. Она доказала, что носители урильской и польцевской культур имели иную этнокультурную основу нежели сменившие их в IV – VI веках мохэ. Е.И. Деревянко пишет: «район формирования мохэской культуры был не на юге Дальнего Востока. Для решения этой проблемы большой интерес представляют городища и поселения с идентичной архитектурой жилищ, керамикой и орудиями труда, обнаруженные в восточной части Забайкалья...Памятники первых веков позволяют предполагать, что на этой территории расселяются племена, очень сходные по материальной культуре с мохэцами. Восточное Забайкалье с Верхним Амуром и Северо-Восточная часть Монголии, видимо, и были теми районами, где проходило формирование протомохэской культуры». И так, в первых веках нашей эры, по мнению Е.И. Деревянко «на юге Дальнего Востока сформировалась большая этническая группа, которая и явилась основой дальнейшего формирования тунгусо-маньчжурских народов бассейна Амура» [Деревянко, 1972, с.73-75,78; Деревянко, 1975, с.181-196], в том числе вероятно и эвенков.

Сторонником забайкальской версии этногенеза тунгусов был Э.В. Шавкунов. Их предками он называет носителей культур карасукского типа, которые мигрировали в Южную Сибирь и Забайкалье из глубин Центральной Азии. Именно в Забайкалье шел процесс становления древнетунгусских племен. Из-за экспансии хунну, примерно во II в. до н.э. – II в. н.э., эти племена мигрировали в районы Верхнего Приамурья, а откуда затем на юг Маньчжурии и Приморья [Шавкунов, 1986, с. 91-92].

Особую позицию занял В.П. Алексеев. Он писал, что широчайшее распространение земледельческих культур с эпохи неолита на Среднем Амуре и в Приморье по-новому ставит проблему прародины тунгусо-маньчжурских народов по сравнению с тем, как она рассматривалась в этногенетической литературе ранее. Ранее господствовало мнение, иногда некритически повторяемое, что тунгусские народы сформировались в таежной зоне Сибири и затем расселились с севера на юг. Между тем достаточно скудное охотничье хозяйство в Сибири не могло дать никакого толчка избыточному расселению, что делает трудно объяснимым предполагаемое переселение предков тунгусских народов на юг. Археологический материал из Приамурья и Приморья демонстрирует большое число впечатляющих аналогий современному культурному комплексу тунгусов, уходящих до эпохи неолита. На тунгусо-маньчжурских языках говорили и жители древних государств на этой территории. Все это на новом этапе наших знаний заставляет вернуться к старой точке зрения С.М. Широкогорова о южной прародине тунгусских народов. Их переход в ходе избыточного расселения к охотничьему промыслу связан, по всей вероятности, с освоением на севере бескрайних лесных территорий [Алексеев, 1986, с.91-92].

Учитывая новый археологический материал и последние выводы антропологов, у нас сложилось определенное мнение по поводу проблемы этногенеза эвенков. Зная культуру эвенков последних столетий, попробуем выделить археологическую культуру, из которой она выросла. Территория Приамурья делится на зоны непригодные и пригодные для земледелия. К последним относятся долины Верхнего и Среднего Амура, а так же Нижней Зеи. По притокам этих рек, в таежной зоне, до прихода русских земледелие известно не было. Однако несомненно, что с момента появления на Амуре земледелия началось сосуществование двух типов хозяйства: производящего и присваивающего.

Мы рассмотрим лишь культуры 1-11 тыс. Зона, пригодная для земледелия, была населена в раннем средневековье тунгусоязычными мохэсками, в развитом - чжурчжэнями, позднем - даурами, дючерами. Сведения о неземледельческих этносах отрывочны. Зафиксировано, что в лесах Приамурья в XVII-XIX вв. кочевали орочны, манегры, бирары. Их предки жили здесь и ранее, но достоверная историческая информация об этом отсутствует. Если в Приамурье сосуществовало два хозяйственных типа, то это должно найти выражение и в археологических источниках. Исследования велись, как правило, на территории проживания земледельческих этносов, где зафиксированы следующие культуры: мохэская, амурских чжурчжэней, владимировская, дючерская.

Проблема возникает при поиске археологической информации о неземледельческих народах. Каковы причины? По нашему мнению, их несколько. 1. Средневековые охотники и рыболовы так же, как их потомки этнографического времени, в отличие от земледельцев хоронили покойников преимущественно воздушным способом или на земле, что привело к отсутствию могильников. 2. В связи с тем, что присваивающее хозяйство всегда ставило зависимость роста населения от объема получаемого продукта, число проживающих на Нижнем Амуре и в таежной зоне, достигнув предела, не увеличивалось. Это констатировал Б.О. Долгих, сравнив показатели XVII и XIX вв. 3. Культура народов, ведущих присваивающее хозяйство, археологически менее представительна из-за низкого уровня ремесленного производства. Как показывают исследования этнографов XIX в., многие изделия из металла, стекла, керамическая посуда, ткани были импортного происхождения. Основная масса этнопоказательных вещей изготавливалась из органических материалов (кожа, дерево, береста, кость), которые сохраняются в грунте крайне непродолжительное время. Особенно сложной мы считаем ситуацию, возникшую после распространения металлических котлов, в результате чего прекращается производство керамической посуды – основного индикатора этнокультурных особенностей в ископаемых культурах подвернувшихся долговременной археологизации. Таким образом, археологическую культуру эвенков обнаружить и выделить очень сложно, если вообще возможно.

Этногенез эвенков можно попытаться реконструировать, учитывая языковую и антропологическую принадлежность. Эвенкийский язык относится к тунгусо-маньчжурской языковой группе, к тому же эвенки и маньчжуры принадлежат к одному байкальскому антропологическому типу. Вне всякого сомнения, для того, чтобы возникли эти общие особенности, этносы должны были иметь общих предков, которые жили на одной территории, т.е. имели одну прародину. Представителями байкальского антропологического типа в Приамурье были троицкие мохэ. На материале Троицкого могильника, датированного концом I тыс., В.П. Алексеев установил, что они являлись носителями признаков, характерных для современных тунгусо-маньчжурских народов [Алексеев, 1980, с.128-129]. Появляются троицкие мохэ на Амуре в VII в., мигрировав из южной Маньчжурии. Их соседи найфельдские мохэ отнесены к дальневосточной расе, которая сегодня представлена у северных китайцев, корейцев, японцев [Чикишева, Нестеров, 2000, с.458-462]. Очень близкий троицкому археологический материал есть в бассейне р. Сунгари-могильник Чалиба. Вероятно, придя в Приамурье, сунгарийцы заняли не только районы пригодные для земледелия, но и таежную зону, откуда и мигрировали в Сибирь.

Учитывая вышесказанное, нам кажется логичным поддержать идеи А.П. Деревянко и В.П. Алексеева и признать прародиной тунгусо-маньчжурских народов, а значит и эвенков, южную Маньчжурию, а непосредственными предками – троицких мохэ.

Список литературы

- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. - Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1973. – 439с.
- Деревянко А.П.** Приамурье (1тыс. до н.э.). – Новосибирск: Наука, 1976. – 383с.
- Деревянко Е.И.** Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 249с.
- Шавкунов Э.В.** Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1986. – 282с.
- Алексеев В.П.** Этногенез. – М.: Высшая школа, 1986. – 176с.
- Алексеев В.П.** Материалы по краниологии мохэ // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 106-130.
- Чикишева Т.А., Нестеров С.П.** Некоторые результаты антропологического исследования могильника Шапка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Т.VI. – С.458-462.

**М.А. Губина, Л.Д. Дамба, А.Г. Ромащенко,
В.Ф. Кобзев, Р. Вилемс, М.И. Воевода**

ОСОБЕННОСТИ ГАПЛОТИПИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ мтДНК В НЕКОТОРЫХ ПОПУЛЯЦИЯХ СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Высокая информативность мтДНК в качестве генетического маркера при изучении различных популяционно-генетических процессов обусловлена такими ее свойствами, как наследование строго по материнской линии, отсутствие рекомбинаций, а также высокой скоростью мутирования особенно некодирующей области митохондриального генома человека. Ранее проведенные исследования, основанные на данных секвенирования гипервариабельных сегментов контрольного района (ГВС I, ГВС II) и рестрикционного анализа всего митохондриального генома показали, что для европеоидных популяций наиболее характерны гаплогруппы - HV, H, V, J, T, U, K, I, W, X а для монголоидных - A, B, E, F, Y, M (C, D, G, Z) [Wallace D.C. 1995; Richards M.B et al., 1998].

Высокая гетерогенность гаплотипов митохондриальной ДНК (мтДНК) в генофондах современных популяций Средней и Центральной Азии [Воевода М.И. и др., 2000], свидетельствует об относительной давности заселения этого региона человеком по сравнению с другими территориями евразийского континента. Популяции, проживающие на территории Алтае-Саянского нагорья, имея разную историю формирования генофондов и своеобразие межэтнических связей, по археологическим данным относятся к потомкам наиболее древних этносов Южной Сибири. Нельзя исключить того, что в генофондах этих этнических групп могли сохраниться наиболее древние предковые гаплотипы евразийцев. С другой стороны малочисленные аборигенные популяции человека севера Евразии, проживавшие в условиях относительной изоляции существенно дольше, по сравнению с другими этническими группами континента, представляют уникальную модель для выяснения эволюционных механизмов формирования особенностей структуры генофондов локальных популяций и оценки роли факторов, обуславливающих их дифференциацию по отношению друг к другу. Сравнительное изучение распространенности разных вариантов мтДНК в этих этнических группах позволит вычленить отдельные эволюционные составляющие структуры их генофондов: например, наличия общих родственных корней, вклада основателей, специфики исторических контактов с другими популяциями и т.д.

Материалы и методы

Образцы крови были собраны в ходе экспедиционных работ под руководством М.И.Воеводы. Всего было проанализировано 1585 образцов из 13 популяций: Центральная Азия (тувинцы - 339; хакасы - 188; алтайцы - 187; казахи - 145), Западная Сибирь (ханты - 42; манси - 38; русские - 272; шорцы - 140), Дальний Восток (чукчи - 98; нивхи - 10, коряки - 42, эскимосы - 40, эскимосы канадские - 44). ДНК выделяли фенольно-хлороформной экстракцией с использованием протеиназы К [Maniatis T. et al., 1982]. Определение последовательности нуклеотидов ГВС I осуществляли прямым секвенированием по методу Сенгера. Мутации выявляли методом сопоставления с Кембриджской последовательностью [Anderson S. Et al., 1981].

Результаты и обсуждение

Исследование структуры ДНК ГВС I контрольного района митохондриальной ДНК (мтДНК) 1585 человек из 13 этнических групп позволило выявить 21 гаплогруппу. Наибольшее число гаплогрупп обнаружено в центрально-азиатских этнических группах, а наименьшее в популяциях Дальнего Востока. Индекс гаплотипического разнообразия (h) представлен достаточно высокими значениями во многих популяциях, кроме популяции Азиатских эскимосов (0.55).

Нет ни одной гаплогруппы, которая встретилась бы во всех 13 популяциях. Обращает на себя внимание тот факт, что из восточно-евразийских гаплогрупп преобладают только 2 – это С и D.

Гаплогруппа D, выявлена в 11 популяциях и частота ее варьирует от 22.4% у чукчей до 1.8% у русских. Количество обнаруженных гаплотипов этой гаплогруппы варьирует от 27 у тувинцев до 1 у коряков.

Ранее было показано, что гаплогруппы С и Z, имеющие общее происхождение, характерны для этнических групп Азии и Восточной Сибири [Shurt et al., 1999; Starikovskaya et al., 1998]. В нашей работе достаточно высокая частота гаплогруппы С отмечается и в Западной Сибири в популяции шорцев (37.1%). В частности в популяции шорцев она составляет 37.1%. Гаплогруппа С обнаружена в 10 исследованных популяциях. С минимальной частотой - 2.5% встречается у эскимосов. Из предыдущих исследований известно, что градиент частоты гаплогруппы С варьирует от 50% в популяции эвенков и юкагиров до 10% и менее у береговых чукчей, эскимосов, ительменов, казахов и монголов. В странах Южной и Западной Европы гаплогруппа С либо отсутствует, либо ее частота составляет не более 1% [Di Rienzo A., et al., 1991; Starikovskaya et al., 1998; Villems R. et al., 1999].

Присутствие в пуле мтДНК хантов, манси и шорцев предковых вариантов гаплогрупп С, D сближает их с популяциями Центральной Азии. По всей видимости, эта составляющая их генофондов возникла примерно в одно время от единой протопопуляции.

Различия в представленности гаплогруппы F в пяти популяциях Центральной Азии и отсутствие ее в других исследованных популяциях, указывает на определенную дифференциацию их генофондов. Высокая частота гаплогруппы F у хакасов сближает их по этому компоненту генофонда мтДНК с народами Юго-Восточной Азии. По литературным данным эта гаплогруппа возникла в Юго-Восточной Азии 40 000-50 000 лет назад [Tolk N-V., et al., 2001]. Но высокая ее частота в Центральной Азии предполагает другой сценарий. Одно ясно, что гаплогруппа F возникла в Азии и вполне возможно, что не в Юго-Восточной, а в Центральной.

Среди западно-евразийских гаплогрупп, особое внимание заслуживают 2 гаплогруппы – H и U, которые являются древними гаплогруппами европейцев. Следует отметить, что западно-евразийские гаплогруппы не выявлены ни в одной популяции Дальнего Востока.

По литературным данным, максимальная частота распространения гаплогруппы H характерна для популяций Западной и Северной Европы (40-50%), промежуточная - для южной и юго-западной частей континента, Северной Африки, Восточной Европы, Турции (20-40%) и низкая - для Ближнего Востока, Индии и Центральной Сибири (менее 20%) [Lahermo P., et al., 1999].

Гаплогруппа H из западно-евразийских гаплогрупп в исследованных нами популяциях является самой распространенной. Она выявлена в 9 популяциях. Ее частота варьирует от 41.5% у русских до 4.3% у хакасов. Последовательности гаплогруппы H представляют собой производные Кембриджской последовательности. Среди выявленных гаплотипов, относящихся к этой гаплогруппе, только гаплотип CRS (кембриджская последовательность) обнаружен во всех популяциях – и частота его варьирует от 1.1 % у хакасов и алтайцев до 11% у русских. Гаплогруппа H возникла на Алтае, а затем распространилась в Европу. Большинство подгрупп гаплогруппы H имеют возраст, соответствующий началу их распространения в Верхней Эпохе палеолита. Варианты этой гаплогруппы, оказались широко представленными при колонизации Европы после Последнего Ледникового Периода [E-L. Loogvali et al., 2004]

Достаточно распространена на континенте также гаплогруппа U. Кластер U, возник на Евразийском континенте и считается одним из самых древних. Он включает несколько подгрупп U1 - U8, причем характер распространения каждого из них специфичен в географическом отношении. В Западной Европе выявлены гаплогруппы U1 - U5. Подкластер U6 обнаружен на африканском континенте, U7 является типичным для популяций Иордании, Кувейта, Ирана, Саудовской Аравии. К кластеру U относится и гаплогруппа K [Richards M., et al 1996, 1998; Macaulay V. et al., 1999]. В исследованных нами популяциях обнаружены гаплогруппы U*, U1, U2, U3, U4, U5, U7, U8. Самая высокая частота гаплотипов данного кластера выявлена у хантов – 38.1% и самая низкая у шорцев – 3.6%.

Гаплогруппа U4, наиболее характерная для населения северо-восточной части Западной Европы, обнаружена в 8 популяциях и ее частота варьирует от 26.2% у хантов, до 0.3% у тувинцев. Гаплогруппа U5 выявлена в 6 популяциях, максимальная ее частота достигает 8.5% у русских и минимальная 0.7% у шорцев. Эта гаплогруппа с наивысшей частотой распространена у саамов (53%), а также встречается в других североевропейских популяциях [Lahermo P., et al., 1999; Torroni A., et al., 1993(b); Wallace D.C., et al., 1999].

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о своеобразии и высокой гетерогенности генофондов мтДНК изученных популяций, что отражает сложные пути их этногенеза. В таблице 1 представлены частоты западно- и восточно-евразийских гаплогрупп (таб.1).

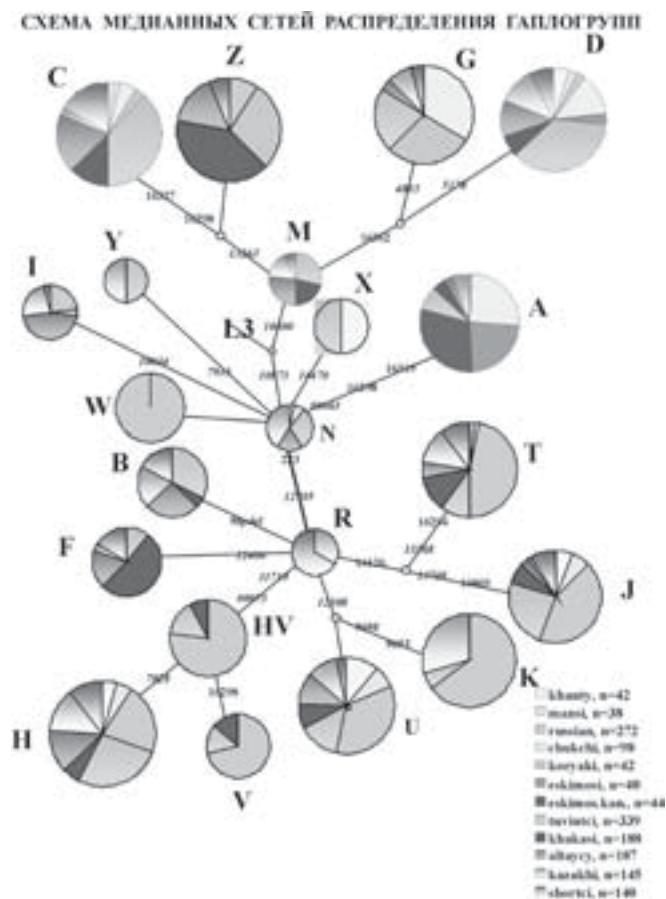

Таблица 1. Частота западно - и восточно-евразийских гаплогрупп в некоторых популяциях Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.

популяции человека	восточно-евразийские		западно-евразийские	
	n	%	n	%
чукчи	98	100	0	0
коряки	42	100	0	0
эскимосы	40	100	0	0
эск. канадские	44	100	0	0
хакасы	152	80.9	36	19.1
шорцы	102	72.9	38	27.1
тувинцы	241	71.1	98	28.9
алтайцы	133	71.1	54	28.9
казахи	79	54.5	66	45.5
манси	12	31.6	26	68.4
ханты	12	28.6	30	71.4
русские	9	3.3	263	96.7

Из данных таблицы следует: градиентное уменьшение восточно-евразийских гаплогрупп от 100% в популяциях Дальнего Востока до 3.3% у русских, и, начиная с популяций Центральной Азии, градиентное повышение западно-евразийских гаплогрупп от 19.1% у хакасов до 96.7% у русских. Специфика представленности состава и числа гаплогрупп в изученных популяциях схематически дана в виде медианных сетей (рис. 1).

Таким образом, характер распределения монголоидных и европеоидных гаплогрупп в анализируемых популяциях и особенности состава определенных гаплотипов в их генофондах, позволяет предположить, что значительная доля гетерогенного по составу генетического материала, по всей видимости, была привнесена исходно от ранее существовавшей популяции человека, прошедшей на континенте длительный исторический путь развития.

Список литературы

- Anderson S., Bankier A.T., Barrell B.G. et al.** Sequence and organization of the human mitochondrial genome // *Nature*. 1981. V. 290. P. 457 - 465.
- Di Rienzo A., Wilson A.C.** Branching pattern in the evolutionary tree for human mitochondrial DNA // *Proc. Natl Acad. Sci. USA*. 1991. V. 88. P. 1597-1601.
- Eva-Liis Loogväli, Urmas Roostalu, Boris A. Malyarchuk, et al.** Disuniting uniformity: a pied cladistic canvas of mtDNA haplogroup H in Eurasia // *Mol Biol Evol*. 2004. 21(11). 2012-2021
- Lahermo P., Sajantila A., Sistonon P., et al.** The genetic relationship between the Finns and Finnish Saami: analysis of nuclear DNA and mtDNA // *Am. J. Hum. Genet.* 1999. V. 64. P. 232-249.
- Macaulay V., Richards M., Hickey E. et. Al.** The emerging tree of West Eurasian mtDNA: A synthesis of control-region sequences and RFLPs // *Am. J. Hum. Genet.* 1999. V.58. P. 1309-1322.
- Maniatis T., Fritsch E.E., Sambrook J.** **Molecular Cloning: A Laboratory Manual.** N.Y.: Cold Spring Harbor Laboratory. 1982.
- Richards M., Corte-Real H., Forster P. et al.** Paoleolithic and neolithic lineages in the European mitochondrial gene pool // *Am. J. Human. Genet.* 1996. V. 59. P. 185 - 203.
- Richards M.B., Macaulay V.A., Bandelt H.-J., Sykes B.C.** Phylogeography of mitochondrial DNA in western Europe // *Ann. Hum. Genet.* 1998. V. 62. P. 241-260.
- Schurr T.G., Sukernik R.I., Starikovskaya Y.B., Wallace D.C.** Mitochondrial DNA variation in Koryaks and Itel'men: population replacement in the Ochotsk Sea-Bering Sea region during the Neolithic // *Am. J. Phis. Anthropol.* 1999. V. 108. P. 1-39.
- Starikovskaya Y., Sukernik R., Schurr T., et al.** MtDNA diversity in Chukchi and Siberian Eskimos: implications for the genetic history of Ancient Beringia and the peopling of the New Word. *Am. J. Hum. Genet.* 1998. V. 63. P. 1473-1491.
- Tolk H-V., Barac L., Pericic M., et al.,** The evidence of mtDNA haplogroup F in a European population and its ethnohistoric implications // *E. J. Hum. Genet.* 2001. 9:717-723
- Torroni A., Sukernik R.I., Schurr T.G. et al.** Mitochondrial DNA variation of aboriginal Siberians reveals distinct genetic affinities with Native Americans // *Am. J. Hum. Genet.* 1993 (b). V. 53. P. 591 - 608.
- Villems R., Adojaan M., Kivisild T. et. Al.** Reconstruction of maternal lineages of Finno-Ugric speaking people and some remarks on their paternal inheritance. In *The roots of peoples and languages of Northern Eurasia I.* Eds. Wiik K. Julku K. Turku: Societas Historiae Fenno-Ugricae, 1998, pp. 180-200 .
- Wallace D.C.** Mitochondrial DNA variation in human evolution, degenerative disease and aging // *Am. J. Hum. Genet.* 1995. V. 57. P. 201-223.
- Wallace D.C., Brown M.D., Lott M.T.,** Mitochondrial DNA variation in human evolution and disease // *Gene.* 1999. 238. 211-230.
- Воевода М.И., Ромашенко А.Г., Ситникова В.В., Шульгина Е.О., Кобзев В.Ф.** Сравнение полиморфизма митохондриальной ДНК пазырыкцев и современного населения Евразии // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2000. с. 88-94.

**И.В. Куликов, М.В. Нефедова, Е.О. Шульгина,
М.А. Губина, А.С. Пилипенко, Л.Д. Дамба,
В.Ф. Кобзев, М.И. Воевода, А.Г. Ромашенко**

Институт цитологии и генетики Сибирского Отделения Российской Академии Наук

«ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАНКОВ НОСИТЕЛЕЙ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ IV-II вв. до н.э.»

Настоящие исследования являются частью обширной программы, направленной на изучение проблем формирования рас и этнических групп, а также маршрутов заселения человеком континента Евразия. В данной работе предпринято выяснение филогенетических связей носителей Пазырыкской культуры с современными этническими группами Евразии.

В качестве объекта исследований использовали митохондриальную ДНК, представляющую собой относительно небольшую из 16569 пар нуклеотидов кольцевую молекулу дезоксирибонуклеиновой кислоты. Молекулярно-генетическому анализу подвергали структуру ДНК гипервариабельного сегмента (ГВС1 между поз. 16024 н.п. и 16400 н.п.) в составе наиболее изменчивого участка митохондриального генома, называемого контрольным районом или «Д-петлей». Своеобразие генетики мтДНК состоит в материнском характере её наследования, гаплоидности генома митохондрий, большим числом копий мтДНК в каждой клетке, отсутствием рекомбинаций и высокой скорости мутирования (в 10-20 раз выше, чем в ядерной ДНК) [Anderson S., Bankier A.T., Barrell V.G. et al. 1981]. Это является причиной широкого использования её в качестве генетического маркера в популяционных и эволюционных исследованиях. К данному моменту проведена огромная работа по изучению разнообразия мтДНК в современных популяциях земного шара. В качестве стандарта используется так называемая Кембриджская последовательность мтДНК, относительно которой выверяют полиморфные позиции. Совокупность полиморфных позиций каждой из мтДНК формирует её конкретный гаплотип. В генофонде мтДНК встречаются разнообразные гаплотипы с общими позиционными заменами, что свидетельствует об общности их происхождения. Совокупность гаплотипов, имеющих общие эволюционные корни, образуют специфические кластеры – гаплогруппы. Для евразийского материка различают гаплогруппы характерные для европеоидных популяций (H, V, J, T, U, K, I, W, X) и гаплогруппы, распространённые среди монголоидных популяций (A, B, E, F, Y, M (C, D, G, Z)). Совокупность всех известных гаплогрупп образует, таким образом, разветвлённую сеть гаплотипов, с корнями, ведущими в Африку. Считается, что сеть в достаточной мере отражает филогенетические отношения между современными этническими группами. Полагают, что полная версия сети позволит в будущем воспроизвести этапы формирования структуры генофондов каждой из этнических групп. Всё вышесказанное делает мтДНК подходящим генетическим маркером для воссоздания картины расселения человека по континенту Евразия, а также формирования рас и этнических групп, что представляется вполне вероятным, в особенности, если начать масштабно анализировать древний материал.

В настоящей работе источником для проведения генетических исследований стали антропологические образцы, предоставленные нам В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак из коллекций, собранных в результате их археологических раскопок на плоскогорье Укок (1990-1996 гг). Плоскогорье Укок расположено на юге Республики Алтай на стыке государственных границ Китая, Монголии, Казахстана и России. Основная часть обнаруженных захоронений относится к Пазырыкской культуре (IV-II вв до н.э.). В основном это захоронения, содержащие костные останки, однако отдельные пазырыкские курганы содержат замёрзшие захоронения.

В таблице №1 приводится список источников, из которых получен антропологический материал, а также результаты молекулярно-генетических исследований.

При всех современных достижениях методологии исследования структуры ДНК работа с древней ДНК, тем не менее, всегда осложнена многими непредвиденными трудностями, которые могут быть обусловлены разной степенью сохранности молекул ДНК в останках, наличием в биологических препаратах органических и неорганических

	Гаплогруппа	Замены в ГВС1 мтДНК	Погребение	Образцы тканей взятых в анализ	Число повт. выделений ДНК
1	HV	067-356	Ак-Алаха-5, курган 1 (жен)	мышечная ткань	3
2	C	129-223-298-327	Верх-Кальджин-II, кург.1 (муж)	мозговая ткань	3
3	U5	192-256-270-304	Верх-Кальджин-II, кург.3 (муж)	мышечная ткань	3
4	C	129-223-327	Ак-Алаха-2	костная ткань	4
5	D	223-239-319-362	Ак-Алаха-5, курган 3, погребение 1 мужчина (25-30 лет)	костная ткань	3
6	C	129-223-298-327	Ак-Алаха-1, курган 1, погребение 2, женщина	костная ткань	3
7	H	CRS	Ак-Алаха-5, кург 4, погребение 1	костная ткань	2
8	H	CRS	Ак-Алаха-5, курган 5	костная ткань	3
9	H	261	Кальджин-6, курган 32, погребение 1	костная ткань	2
10	H	CRS	Кутургунтас, курган 1	костная ткань	3

примесей, ингибирующих матричный синтез ДНК, опасностью загрязнения анализируемых образцов современной ДНК и её продуктами ПЦР. До проведения настоящего исследования использовали, как правило, фрагменты древних образцов ДНК относительно небольшого размера, что требовало использование нескольких пар праймеров для полного перекрытия контрольного района, и это создавало дополнительные трудности. При этом, если хорошо сохранившиеся мягкие ткани первых трёх образцов содержали ДНК полноразмерную и в достаточной для анализа количестве, то при работе с костным материалом мы столкнулись с фрагментарностью ДНК и относительно небольшими её количествами. Таким образом, для выделения ДНК из древнего материала необходим был метод, который максимально решал бы все эти проблемы. В наших исследованиях мы апробировали несколько методов выделения ДНК из костных останков и её очистки от примесей. Все эти методики включали в себя как минимум два этапа: непосредственно выделение максимально возможного количества ДНК из кости и её дальнейшую очистку от примесей. Для оценки чистоты эксперимента на всех этапах ставили контроли ко всем добавляемым реагентам на отсутствие примесей. Это позволяло отслеживать как контаминацию, так и наличие ингибиторов. В конечном итоге мы остановились на методе с применением иммобилизованных на магнитных частицах фрагментов ДНК, комплементарных анализируемому участку нуклеиновой кислоты контрольного района мтДНК.

Данный метод позволяет селективно экстрагировать из пула тотальной ДНК только те фрагменты, которые представляют интерес для исследователя. В нашем случае это - фрагменты, содержащие контрольный район митохондриальной ДНК. Основные этапы методики включают: 1) экстракцию ДНК из костной ткани и получение раствора, содержащего смесь всей ДНК (ядерной и митохондриальной); 2) добавление к раствору ДНК биотинилированного в 5'-положении олигонуклеотидного праймера и его отжиг с фрагментами ДНК, содержащими комплементарные праймеру последовательности; 4) удаление свободных молекул праймера для повышения эффективности последующего взаимодействия комплекса праймер-ДНК со стрептовидином; 5) добавление стрептовидина, иммобилизованного на парамагнитных частицах, и образование ковалентной связи между биотином, расположенном на 5'-конце праймера, и стрептовидином; 6) осаждение парамагнитных частиц со связанной ДНК на стенки пробирки в магнитном поле; 7) селективное отделение исследуемой ДНК от всей остальной ДНК и ингибиторов.

Предлагаемый метод имеет ряд очевидных преимуществ по сравнению с существующими методами выделения древней ДНК. Среди них:

1. Возможность извлечения требуемого фрагмента ДНК до необходимого количества благодаря отсутствию ограничений к переработке любого объёма ткани.
2. Извлечение и концентрирование из гетерогенной смеси геномной и митохондриальной ДНК лишь тех молекул, которые требуются для анализа, что позволяет кардинально решить проблему эффективного и специфичного проведения ПЦР.
3. Селективное отделение целевой ДНК от компонентов, ингибирующих полимеразную цепную реакцию, в частности при экстракции ДНК из археологических образцов.

В таблице №1 представлены результаты молекулярно-генетического анализа 10 образцов мтДНК, выделенной из древнего материала (1-3 – из мягких тканей, 4-10 – из костных останков). Из данных видно, что структура генофонда мтДНК пазырыкцев является достаточно гетерогенной по своему составу. В ней наличествуют как европеоидные (U, H), так и монголоидные (C, D) гаплогруппы в соотношении 60% к 40%.

При сравнении с центральноазиатскими популяциями человека, населяющими в данный момент территорию Горного Алтая и прилегающие к ней территории (алтайцы, тувинцы, шорцы, хакасы, казахи), было выявлено, что ни одна из них не отличается подобным соотношением гаплогрупп (Таблица №2). По данному критерию пазырыкцы оказались близки самодийцам и финно-угорским популяциям (манси).

Таблица 2. Распределение монголоидных и европеоидных гаплогрупп в некоторых этнических группах Евразии

Популяции	N	монголоидные гаплогруппы	европеоидные гаплогруппы
Финно-угры			
Ханты*	252	21.8	78.2
Манси	38	31.6	68.4
Коми*	78	14.1	85.9
Центральноазиаты			
Алтайцы	208	70.1	29.9
Тувинцы	371	73.0	27.0
Шорцы	171	72.0	28.0
Хакасы	181	82.4	17.6
Казахи	159	55.1	44.9
Самодийцы*			
Селькупы	122	38.4	61.6
Кеты	66	33.3	66.7
Ненцы	79	59.5	40.5
Пазырыкцы	10	40.0	60.0

*- Данные предоставлены Осиповой Л.П., Губиной М.А. и др.

Более подробное описание гаплотипического разнообразия пазырыкцев в сравнении с вышеуказанными этническими группами представлено в таблице 2.

При подробном рассмотрении представленности в современных популяциях гаплогрупп С и Н, которые были встречены у пазырыкцев не в единственном числе, оказалось, что два варианта гаплогруппы С, обнаруженные у пазырыкцев: 129-223-298-327 (в 2-х случаях) и 129-223-327 встречаются в современных этнических группах в разных пропорциях. Первый вариант был обнаружен у финно-угров с частотой меньше 1 %, у центральноазиатов его представленность доходит до 17% у тувинцев. Самодийские народности характеризуются промежуточными значениями частоты данного гаплотипа (в среднем около 4 %)[Дербенева О.А. и др.,2002]. Что касается второго выявленного варианта, то в единичном случае он был встречен среди современных тувинцев.

Гаплогруппа Н также была выявлена у пазырыкцев в двух вариантах: собственно, кембриджская последовательность (CRS, дважды) и гаплотип с заменой в 261 позиции. Кембриджская последовательность встречается у финно-угров с частотой от 5% у манси и коми и до 10 % у хантов. Среди популяций центральной Азии, CRS была обнаружена с частотой менее 1% (искл. казахи – 4 %). Вариант с заменой в позиции 261 гипервариабельного сегмента 1 контрольного района мтДНК из исследованных популяций встретился только у казахов с частотой 2,7%. Данный гаплотип более всего характерен для центральной Европы. Резюмируя вышесказанное, можно констатировать сходство генофонда пазырыкцев по составу гаплогрупп с одной стороны, с селькупам и кетам самодийского сообщества, а с другой – с некоторыми народностями финно-угров, например, манси. Расширение молекулярно-генетического анализа, как древних, так и современных образцов позволит получить более четкую картину филогенетических взаимоотношений Пазырыкцев с современными этносами Евразии.

Список литературы:

Anderson S, Bankier AT, Barrell BG, de Bruijn MH, Coulson AR, Drouin J, Eperon IC, Nierlich DP, Roe BA, Sanger F, Schreier PH, Smith AJ, Staden R, Young Sequence and organization of the human mitochondrial genome.// Nature. 1981 Apr 9;290(5806):457-65.

О.А. Дербенева., Е.Б.Стариковская, Н.В.Володько, Д.С.Уоллес, Р.И.Сукерник Изменчивость митохондриальной ДНК у кетов и нганасан в связи с первоначальным заселением северной азии.//ГЕНЕТИКА, 2002, том 38, №11, с.1554-1560.

А.М. Мурыгин*Коми научный центр УрО РАН, Сыктывкар*

КРАЙНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (по данным археологии)

Многолетними археологическими исследованиями на обширной территории европейского Северо-Востока определено три основных этнокультурных образования втор. пол. I тыс. н. э.

В полосе печорских тундр во втор. пол. I тыс. н. э. получила распространение археологическая культура “субарктического” типа. Ее памятники географически четко приурочены к заполярной зоне [Мурыгин, 1992]. Аналогии в керамике известны в обско-ямальских тундрах. Археологические материалы с поселений и жертвенного места показывают, что в континентальной части тундры в культуре “субарктического” типа преобладал промысел дикого северного оленя, а в прибрежно-береговой - добыча морского зверя. На южных окраинах ареала субарктические племена включали в зону хозяйственного освоения лесотундру, проникали в районы крайне северной тайги Припечорья. Этнокультурная принадлежность и генезис субарктического населения раннего средневековья точно не определены. Наиболее вероятно, что его происхождение тесно связано с угро-самодийскими племенами Нижнего Приобья.

Основой для изучения культурных особенностей населения таежного Припечорья во второй половине I тыс. н. э. являются археологические памятники бичевницкой культуры. В их число входят поселения и жертвенные места. Выявлены могильники [Васкул, 2001], характеризующие период становления культуры (втор. четв. I тыс. н. э.). Ареал бичевницкой культуры, в отличие от “субарктической”, кроме Большеземельской тундры захватывал бореальный пояс - таежное Припечорье, верхнюю, частью среднюю, Вычегду и левобережные притоки Нижней Оби. Хозяйственно-культурный тип носителей бичевницкой культуры определить затруднительно. Есть некоторые основания искать параллели для реконструкции в среде охотников на лесных копытных.

В формировании бичевницкой культуры приняли участие два основных компонента - субстратный, связанный с местной культурой эпохи раннего железного века типа печорского Гляденова (пиджская культура), и генетически не связанный с предшествующими культурами современной таежной зоны Припечорья. Смена традиций керамического производства в печорском ареале финно-пермских археологических культур при переходе от эпохи раннего железного века к средневековью, объясняется, в частности, инфильтрацией групп племен с территории или через территорию большеземельского Севера в современную таежную зону Припечорья [Мурыгин, 1992]. Этот процесс происходил, видимо, в течение длительного времени и в рамках примерно одного и того же, хотя и сокращающегося лесного ландшафта. Данные палеогеографии показывают, что если в период суббореального термического максимума (4300-3200 лет назад) на северо-востоке Европейской части России южная тайга простиралась до 64-65° с. ш., а северная достигала морского побережья, то в раннем субатлантикуме (2300-1800 лет назад) здесь происходит дальнейшее расширение тундровой зоны [Никифорова, 1982]. Граница лесной растительности смещается на 150 км к югу от современной. Кроме того, вероятно, на сложение раннебичевницкого керамического комплекса оказали влияние те же группы населения из Нижнего Приобья, которые приняли участие и в формировании культуры предшествующего (гляденовского) времени на Печоре (пиджской) [Васкул, 1997]. С сер. I тыс. н. э. таежное Припечорье полностью интегрировалось в угро-самодийский этнокультурный ареал.

В основе выявленной культурной дифференциации территории Печорского Приуралья (лесные и тундровые группировки) лежала, видимо, специализация населения в хозяйственной сфере. В их обособлении, кроме заметных ландшафтно-климатических и в соответствии с ними возникших хозяйственных

различий, сыграла свою роль степень соотношения тех или иных этнокультурных компонентов в разных частях ареала. Межзональная и межрегиональная проницаемость ареалов культур предполагают высокую степень подвижности, чересполосное сосуществование, наличие общих элементов хозяйства, материальной и духовной культуры у прибрежно-береговых и континентально-тундровых, континентально-тундровых и лесных племен.

Керамический комплекс Печорского Приуралья втор. пол. I тыс. н. э. отличается от сопредельных территорий (Нижнее Приобье, Прикамье, Вычегодско-Мезенская равнина). Вместе с тем, местная раннесредневековая посуда нередко сочетает признаки, генезис которых уходит к разным этнокультурным ареалам. Объективной предпосылкой ситуации (параллельное и чересполосное проживание разноэтничных или разнокультурных коллективов), в частности, являлись особенности географического положения территории проживания и ее естественно-географической среды (выраженная зональность растительного покрова, перекрещивание двух зоогеографических границ, широтной - тундра-тайга и долготной - Европа-Сибирь; значительные климатические изменения и большая зональная мобильность на протяжении многих тысячелетий; сравнительно позднее формирование современной границы между тундрой и лесом).

В этом культурно и природно неоднородном ареале должны были действовать факторы, способствовавшие сближению археологических явлений и выделению общих черт. К их числу следует отнести достаточно длительное постоянное смещение в предшествующие эпохи (не позднее, чем с периода энеолита - ранней бронзы), которое вело к интеграции как морфологических характеристик отдельных археологических типов и (или) культур, так и, возможно, этнических и языковых особенностей их носителей в рамках археологической общности, соответствующей определенной общности населения. Из-за многовекового совместного проживания, взаимовлияния и нивелировки традиционных исходных элементов культуры, к эпохе раннего средневековья (возможно - ранее) они были ассоциированы в этнокультурную общность - северно-приуральскую или печорскую. Населявшие ее племена были дифференцированы на основе ландшафтно-климатических, хозяйственных и соответственно этнокультурных различий, обладали высокой миграционной подвижностью сезонного характера, имели экономику присваивающего типа.

Данные археологии, антропологии, языкознания, этнографии позволяют считать, что такая общность населения существовала в средневековье на территории, которая охватывала на протяжении предшествующих тысячелетий окраинные районы постоянного обитания племен, относившихся к различным ветвям уральской языковой семьи и антропологическим типам. Такая специфическая ситуация, если она верна, предполагает перекрещивание, наряду с археологическими, языковых и расовых ареалов. Это заставляет с осторожностью определять археологические культуры или типы в пределах изучаемого региона (по крайней мере, для эпохи средневековья), как только финно-угорские или самодийские. Можно предположить, что на протяжении многих тысячелетий в Печорском Приуралье вплоть до раннего средневековья обитало в значительной степени смешанное население, в археологических культурах которого сочетались и сохранялись особенности разных, выделившихся впоследствии народностей.

В раннеписьменный период аборигенному субстрату Большеземельской тундры соответствовали «сииртя» ненецких преданий, таежного Припечорья - летописная «печера». В этих этнонимах отразился, возможно, относившийся к началу II тыс. н. э. распад северно-приуральской общности, археологически представленной в раннем средневековье «субарктической» и бичевницкой культурами, и консолидация населения в локальные этно-территориальные группы, ассимилированные в течение перв. пол. II тыс. н. э. поздними самодийцами на севере, уграми и коми на юге Печорского Приуралья.

Западнее Тиманского кряжа во втор. пол. I тыс. н. э. существовала ванвиздинская археологическая культура (VI-X вв. н. э.) Основной территорией обитания этноса, археологически представленного этой культурой, являлись бассейн Вычегды и восточные районы бассейна Мезени. При этом, на Мезени не происходило сложение ванвиздинской культуры, среднее и верхнее течение которой вычегодское население использовало в качестве дополнительной территории промыслового освоения (создание поселений в охотничьих и рыболовных угодьях) [Мурыгин, 2001]. В системе традиционного природопользования ванвиздинского населения преобладали присваивающие формы ведения хозяйства, наиболее адаптированные к существовавшим климатическим и ландшафтным условиям среды проживания (хозяйственно-культурный тип охотников и рыболовов таежной зоны с высокой степенью подвижности).

Становление ванвиздинской культуры связано как с районами восточного Привычегодья, так и южного Припечорья. Этот процесс, в котором принимали участие вычегодское финно-пермское позднегладеновское население и пришлые из Прикамья носители курганного обряда захоронения, сопровождался частичным перемещением в вычегодский бассейн групп близкородственного нижеобскому местного печорского (раннебичевницкого) угро-самодийского культурного комплекса. Один из этапов заметного рас-

пространения элементов угро-самодийских культур в бассейны рек Печоры и Вычегды следует отнести к IV - VI в. н. э. Нельзя исключить, что ванвиздинская культура – это сформировавшаяся на Вычегде к VI в. н. э. в результате активного межэтничного взаимодействия неоднородная общность населения, с преобладанием на северо-западных и восточных окраинах ее хозяйственно-культурного ареала угро-самодийского компонента, на западных - финно-пермского.

Материальная культура ранневиздинского населения (VI-VII вв. н. э.) на всей территории его распространения в целом очень близка и не претерпела каких-либо существенных изменений. На этом этапе происходит распространение ванвиздинских племен во всех направлениях от мест первоначального расселения (бассейн Вычегды), но, по-видимому, более всего в южном направлении. В развитом периоде (VII-VIII вв. н. э.) продолжается расширение ванвиздинского ареала - земли, достаточно прочно освоенные ванвиздинским населением, включают, по меньшей мере, районы Верхнего Прикамья. На финальном этапе развития культуры (к концу I тыс. н. э.) ванвиздинские группы становятся фактором постоянного присутствия на севере Прикамья и в междуречье правых притоков Северной Двины - Вычегды и Юга.

Список литературы

- Васкул И.О. Памятники гляденской культурной общности // Археология Республики Коми. - М.: ДиК, 1997. – С. 349-399.
- Васкул И.О. Погребения с бичевницкой керамикой в бассейне средней Печоры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. - Томск. 2001.
- Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. - М.: Наука, 1992. – 182 с.
- Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. – Екатеринбург: УрО РАН, 2001. – 222 с.
- Никифорова Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока Европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 154-162.

**А.С. Пилипенко¹, И.В. Куликов¹, А.Г. Ромашенко¹, В.Ф. Кобзев¹,
А.Е. Гришин², Д.В. Поздняков², В.И. Молодин²**

¹ Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск

² Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ОСОБЕННОСТИ ГАПЛОТИПИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ мтДНК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КРОВОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БАРАБЫ (предварительные результаты)

За последние 15 лет в результате интенсивных молекулярно-генетических исследований был накоплен большой объем информации о степени структурной дифференцированности генофондов различных рас и этнических групп. Это не только позволило прояснить многие вопросы расо- и этногенеза, дополнив данные археологии, антропологии и лингвистики, но и стало предпосылкой для развития новой области молекулярной генетики – палеогенетики. Изучение структуры генофондов групп древнего населения планеты, несомненно, позволит решить многие из существующих вопросов этно- и расогенеза.

Одной из таких проблем является получение доказательств наличия специфической генетической компоненты у представителей так называемой «западно-сибирской» или «уральской расы». К этому антропологическому типу относят некоторые этнические группы Западной Сибири и прилегающих к ней территорий. По антропометрическим признакам «западно-сибирская раса» занимает промежуточное положение между европеоидной и монголоидной расами. Существует два альтернативных предположения относительно механизмов ее возникновения. Согласно первому, она образовалась в результате процессов смешения европеоидов и монголоидов [Левин, 1956]. Вторая точка зрения, рассматривает «уральскую расу» как самостоятельную евразийскую формацию, сформировавшуюся не столько за счет поздних смешений древних европеоидов и монголоидов, сколько благодаря экспансии человека на ранних этапах расогенеза из районов Передней или Центральной Азии [Бунак, 1965].

Для установления исчерпывающей картины формирования «западно-сибирской расы» необходимо комплексное междисциплинарное исследование древнего населения региона. В настоящее время проводятся ширококомасштабные археологические и антропологические исследования населения, проживавшего на территории Западной Сибири с периода неолита до позднего средневековья, внесшего, несомненно, свой вклад в формирование антропологического типа современного коренного населения региона. Другим информативным подходом могут быть исследования, связанные с анализом структуры митохондриальных генофондов представителей древних культур региона, и оценка изменений их гаплотипического состава во времени. Важным фактором, позволяющим надеяться на результативность палеогенетических исследований, является создание классификации гаплогрупп митохондриальной ДНК (мтДНК) и установление генетических связей между ними [Torroni, Huoponen, Francalacci *et al.*, 1996; Kivisild, Tolk, Parik *et al.*, 2002].

В данной работе исследовались особенности гаплотипического разнообразия митохондриального генофонда населения так называемой кротовской культуры, которое проживало в Барабинской лесостепи и на сопредельных территориях в период с конца III до середины II тыс. до н.э. По антропометрическим показателям они близки к представителям эндемичных групп населения Западной Сибири.

Материалом для исследования послужили костные фрагменты скелетов 70 представителей культуры из могильника Сопка-2 в центральной Барабе (Венгеровский район Новосибирской области), монографически исследованного в восьмидесятые годы В.И. Молодиным [Молодин, 2001]. При формировании выборки мы учитывали ряд факторов. 1) Численная репрезентативность выборки. На памятнике Сопка-2 насчитывается около 650 погребенных носителей культуры. Таким образом, численность группы, отобран-

ной для молекулярно-генетического анализа, превышает 10 % от общей численности погребённых и может быть признана репрезентативной. 2) Планиграфические особенности памятника. Кротовские комплексы могильника Сопка-2 разделены археологами на 3 планиграфические группы (Сопка-2/4А, Сопка-2/4Б и Сопка-2/5), которые соответствуют последовательным периодам формирования могильника носителями культуры. 3) Особенности погребального обряда. Для представителей культуры характерна неоднородность типов погребальной практики, среди которых выделяют несколько основных и переходных. Все они представлены в выборке [Гришин, 2002]. 4) Степень сохранности скелетов погребённых.

Таким образом, сформированная нами выборка репрезентативна по отношению к популяции, сформировавшей могильник.

Изучение структуры древней ДНК осложняется такими факторами, как высокая степень деградации ДНК в останках, наличие веществ, ингибирующих полимеразную цепную реакцию (ПЦР), существование вероятности загрязнения изучаемых образцов следовыми количествами современной ДНК.

Биологическим материалом для выделения ДНК служили зубы и фрагменты посткраниального скелета, содержащие большое количество губчатой костной ткани. Выделение тотальной ДНК из мелкодисперсного костного порошка и ее очистку проводили разработанными нами методами [Воевода, Шульгина, Нефедова и др., 2003]. Амплификацию первого гиперварибельного сегмента контрольного района мтДНК (ГВСІ) проводили методом “вложенной” ПЦР. Определение последовательности нуклеотидов ГВСІ осуществляли прямым секвенированием продуктов амплификации. Структуру последовательностей ГВСІ мтДНК представителей кротовской культуры мы сравнивали с кембриджской последовательностью для выявления специфических нуклеотидных замен и установления гаплотипов.

Была проведена предварительная обработка и выделение ДНК из костной ткани 45 погребённых. Для 17 индивидов определена последовательность нуклеотидов ГВСІ мтДНК (табл. 1), и для 13 из них установлена принадлежность мтДНК к гаплогруппам. Для некоторых мтДНК необходим анализ дополнительных информативных сайтов, расположенных вне ГВСІ. Молекулярно-генетический анализ 13 образцов мтДНК «кротовцев» показал превалирование в их генофонде европеоидных гаплогрупп над монголоидными. Европеоидный компонент представлен гаплотипами, относящимися к гаплогруппам Н, V, Т и U. С наибольшей частотой в генофонде представителей культуры встречается гаплогруппа Н (7 индивидов), которая наиболее представлена в европеоидных популяциях Европы и Ближнего Востока. Она характеризуется высокой гетерогенностью гаплотипов (порядка 15 подгрупп). Полученные нами данные о последовательности нуклеотидов ГВСІ мтДНК носителей кротовской культуры не позволяют пока отнести их к конкретным подгруппам Н-гаплогруппы. Для этого необходим анализ дополнительных маркеров мтДНК.

Таблица 1. Гаплотипы митохондриальной ДНК представителей кротовской культуры из могильника Сопка-2 в Барабинской лесостепи.

№	№ погребения	Планиграфическая группа	Замены в ГВСІ	Гаплогруппа мтДНК
1	3	Сопка-2/4Б	92-127-261	-
2	50	Сопка-2/4Б	126-294-311	Т
3	177	Сопка-2/4Б	126-294-296-311	Т2а
4	184	Сопка-2/4А	298	V
5	185	Сопка-2/4А	CRS	-
6	187	Сопка-2/4А	354	Н
7	193	Сопка-2/4А	192-256-270	U5а
8	207	Сопка-2/4А	126	Н
9	208	Сопка-2/4А	293-311	Н
10	210	Сопка-2/4А	234-298	V
11	232	Сопка-2/4А	354	Н
12	323	Сопка-2/5	CRS	-
13	407	Сопка-2/4Б	223-298-325-327-344	С
14	554	Сопка-2/4А	126-211	-
15	587	Сопка-2/4А	304	Н
16	625А	Сопка-2/5	126	Н
17	276Б	Сопка-2/4А	304	Н

Примечание: Позиции варибельных нуклеотидов (-16000) приведены в сравнении с кембриджской последовательностью мтДНК человека (CRS).

Обнаружение в митохондриальном генофонде представителей кротовской культуры гаплогруппы V (комплексы № 184 и 210 (скелет а) (рис. 1 а), Сопка-2/4А) может указывать на автохтонность ее присутствия в генофонде современного населения Западной Сибири, в котором она встречается с низкой частотой. У двух изученных погребенных (погребения № 50 (рис. 1 б) и 177, Сопка-2/4Б) выявлены гаплотипы, относящиеся к гаплогруппе Т. Предковый вариант этой гаплогруппы, предположительно, возник на Ближнем Востоке. Среди современных популяций с наибольшей частотой Т-гаплогруппа встречается в популяциях Европы и Кавказа, а также в финно-угорских популяциях Западной Сибири и Волго-Уральского региона. МтДНК погребенного из могилы № 177 с нуклеотидными заменами в позициях 126-294-206-304 относится к подгруппе Т2а. Вероятно, этот компонент генофонда носителей культуры является общим древним субстратом для генофондов вышеуказанных европейских и финно-угорских популяций. МтДНК погребенного из могилы № 193 относится к европейской гаплогруппе U5a.

У одного из представителей кротовской культуры (комплекс № 407 – рис. 1 в) обнаружен гаплотип 223-298-325-327-344, относящийся к С-гаплогруппе. Этот факт свидетельствует о существовании в генофонде кротовского населения также и монголоидного компонента. Гаплогруппа С широко распространена в современных популяциях Северо-Восточной и Южной Сибири, а также среди самодийских народов и, в меньшей степени, у западно-сибирских финно-угров. Выявленный гаплотип пока не зарегистрирован в современных популяциях.

У 4-х носителей культуры из соседних рядов погребений некрополя Сопка2/4А (№ 193, 207, 208 и 210 (скелет а)), обнаружены разные гаплотипы мтДНК. Следовательно, изученные погребенные этого скопления не были родственниками по материнской линии. Этот вывод чрезвычайно важен для социологических реконструкций в рамках анализа некрополей кротовской культуры, поскольку свидетельствует о том, что в одном ряду хоронили не обязательно родственников по материнской линии.

Таким образом, определена структура генотипов мтДНК пока только для 24 % особей, включенных в выборку. Поэтому на данном этапе исследований проведение сравнительного анализа митохондриальных генофондов носителей кротовской культуры из разных планиграфических групп пока малоинформативно. Но можно констатировать, что уже в составе генофонда «кротовцев» встречаются гаплотипы, распространенные среди современного населения Западной Сибири.

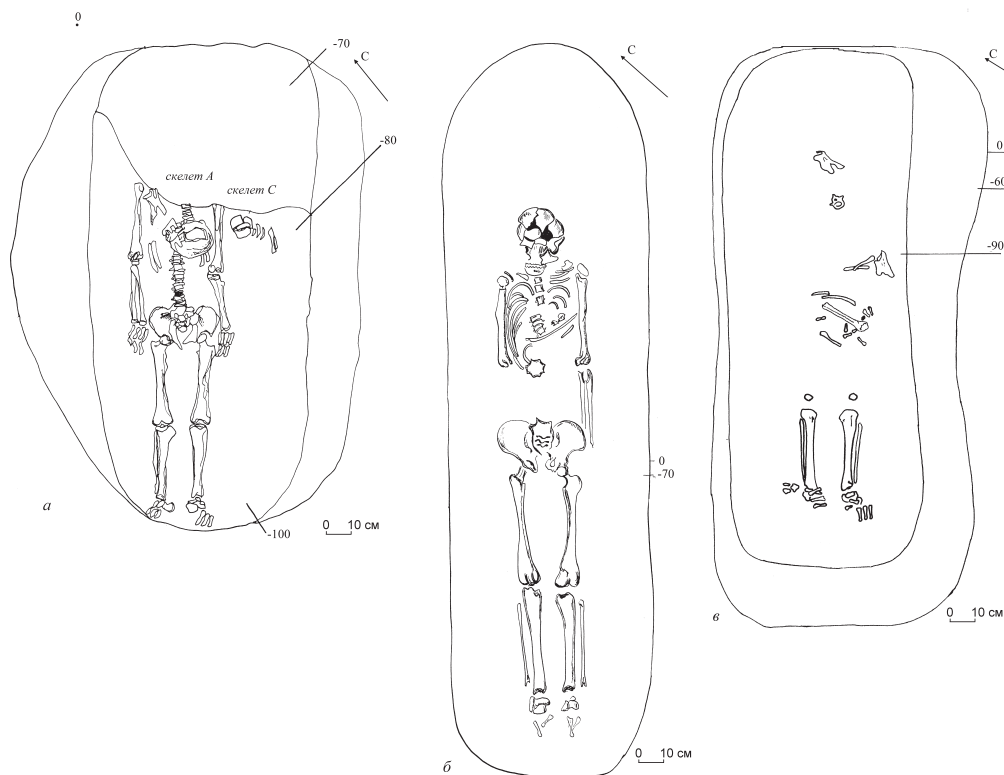

Рис. 1. Погребения кротовской культуры могильника Сопка-2. а - №210, нижний ярус, б - №50, в - №407.

Исследования поддержаны Интеграционными грантами СО РАН № 98 и 68.
Авторы выражают благодарность Кунгурцевой О.Н. за оказание технической помощи.

Список литературы:

- Бунак В.В.** Человеческие расы и пути их образования // Сов. Этнография. – 1956. - № 4. – С. 86-105.
- Воевода М.И., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф., Ромащенко А.Г.** Палеогенетические исследования носителей культуры раннего железного века Горного Алтая (плоского-рье Укок) // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Гл. 3. – С. 121-147.
- Гришин А. Е.** Погребальный обряд кротовской культуры: типология погребальной практики (по материалам могильника Сопка-2): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 20 с.
- Левин М.Г.** Антропологические типы Сибири // Народы Сибири. – Москва, Ленинград. Изд-во Академии наук СССР. – 1956. – С. 108-114.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.
- Torroni A., Huoponen K., Francalacci P., Petrozzi M., Morelli L., Scozzari R., Obinu D., Savontaus M., Wallace D.** Classification of European mtDNAs from an analysis of three European populations. – 1996. – V. 144. – P. 1835-1850.
- Kivisild T., Tolk H.-V., Parik J., Wang Y., Papiha S., Bandelt H.-J., Villems R.** The emerging limbs and twigs of the East Asian mtDNA tree // Mol. Biol. Evol. – 2002. – V. 19. – P. 1737-1751.

Ю.В. Балакин

КЕРАМИЧЕСКИЙ СОСУД В КОСМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Идея связанности древних керамических сосудов с космическим мировоззрением не раз высказывалась в научной литературе. В частности, известны рассуждения М.Ф.Косарева о посреднической космической роли погребальной керамики. М.Ф.Косарев своих исследованиях ставит акцент на сосуде самом по себе, полагая, что сама форма погребального сосуда уже вполне адекватно соответствует медиативной (следовательно, космической) роли этой категории вещей. Устье сосуда, пишет М.Ф.Косарев, было той округлостью, которое ассоциировалось с солнцем, в подтверждении чего автор приводил сообщение Г.И.Пелих о том, что у селькупов изображением солнца защищалось любое отверстие, ведущее в дом (Косарев, 1974: 68). Далее, логичным и не случайным М.Ф.Косарев считает ассоциацию сосуда с лодкой, что непременно должно учитываться при раскрытии семантики погребальной и вообще ритуальной посуды (Косарев, 1984: 209). Но наиболее последовательными и плодотворными усилиями на этом пути исследователь считает ассоциацию сосуда с шаманским бубном, семантика которого может стать основой в понимании идейного значения погребального сосуда (Косарев, 1984: 209). Ритуальный (в том числе и по преимуществу погребальный) сосуд и шаманский бубен близки функционально – автор предполагает, сосуд мог служить транспортным средством, а также своеобразным “компасом”, при помощи которого душа умершего перемещалась в потустороннем мире (Косарев, 1991: 193).

Наблюдения М.Ф.Косарева, думается, должны быть расширены и распространены не только на погребальную (ритуальную) посуду, но на посуду вообще.

Последние десятилетия представлено немалым количеством археологических работ западносибирской тематики, в которых с разных позиций обсуждается проблема отношения сосудов и их орнаментики к космологическим сюжетам. Одно из последних по времени исследование принадлежит новосибирским археологам (Ларичев, Елагин, Новиков, 2005).

В настоящее время представляется если не полностью теоретически обоснованным, то вполне вероятным взгляд на керамический сосуд как на предмет, обладающий космическим статусом. В исследовании этого статуса исследователи нередко исходят из мысли о сосуде как в некотором роде «модели» космоса, «микрокосма», копирующего большой космос. Основанием для этого заключения служит ряд разнообразных мифологических текстов, из которых вытекает, что «геометрия» космоса вполне может складываться соответствии с контурами сосуда. Отождествление небесного свода и чаши вообще широко распространено. Например, в ведической Индии все мироздание соотносилось с двумя чашами, - земной и небесной (Ригведа, с. 338). Горшок, предназначенный для жертвенного огня, сразу же приобретал в глазах участников космическое измерение, - жрец обращался к нему со словами: «Ты – небо, ты – земля» (Эрман, 1980, с.137). В мансийской традиции в мифе о творении мира упоминается небо размером с сосудик с клеем для склеивания оперения стрел (Munkacsı, 1908, S.208). Укажем также на хеттскую (Ардзинба, 1988, с.296) и якутскую традиции (Романова, 1997, с.12), в которых небесный свод рассматривается как перевернутая чаша. Но и земля, в ряде мифологических традиций, также представляется в виде сосуда – это мы видим в древнегреческой мифологии (Богаевский, 1916: 44) и в географически далекой от нее мифологии манси. В одном из сакральных текстов лес сравнивается с котлом, стоящие вокруг дерева образуют его стенки, и идущий по лесу человек ступает как бы по днищу котла (Kannisto, 1951: 287, 448, прим. 3).

Но при более внимательном рассмотрении материала обнаруживается, что в мифологических текстах эти космические сосуды имеют одну важнейшую функцию, напрямую не вытекающую из ее чисто

внешнего сходства с небесной сферой, а именно: быть носителем некоего творческого начала, концентрировать идею порождения. В той же мансийской традиции небо и земля связаны в пару, как мужик и баба (Munkacsi, 1906, S.286-292). Небо и земля обладают способностью взращивать деревья, по которым вверх и вниз перемещается (в виде белки) один из предков (Чернецов, 1971, с. 92). Здесь прозрачно выступает мифологема мирового дерева, причем космическая вертикаль, к мы видим, своим происхождением обязана порождающей силе, заключенной в сосуде. В «Ригведе» также подчеркивается воспроизводящее значение двух космических сосудов, ибо они порождают Индру (Ригведа, с. 338). В упомянутом тексте, записанном А.Каннисто, в котором сосуд ассоциируется с лесом (землей), мы обнаруживаем идею изобилия и плодородия, ибо сам текст представляет собой обращение к богам с просьбой о ниспослании животных перед предстоящей охотой. Этот текст типологически однороден кетскому обряду кормления дорожной старухи, при проведении которого от «старухи» требуют: «в кетские котлы добычу спускай» (Крейнович, 1969-2: 240).

Это уводит от «чистой геометрии» в рассмотрении космоса. Можно полагать, что сосуд не только и не столько моделирует некий локус (в пределе – вселенную), сколько связан с идеей изобилия, для сосуда важнейшей и хорошо документированной. Космическое измерение сосуда, не столь очевидное, тем не менее, также следует отнести к его фундаментальным и древнейшим. Но это измерение не должно сводиться к толкованию космического статуса сосуда как «модели». Возможное соотнесение сосуда с пространственно-упорядоченным космосом (в той мере, в какой эта упорядоченность извлекается из мифологических текстов) не может игнорировать его другие многообразные и не менее важные функции. Сосуд как предмет домашнего обихода, как повседневно необходимая вещь, очевидно сосредотачивает вокруг себя огромную сумму представлений и выступает во множестве функций. Это множество с большим затруднением иерархически структурируется, даже если мы ограничим себя только полем этнографических наблюдений, тем более подобную совокупность функций трудно реконструировать применительно к археологическим реалиям. Если мы ставим акцент на космическом толковании сосуда, то делаем это с большой долей исследовательской абстракции.

В рассмотрении сосуда с интересующей нас в данном случае позиции в первую очередь нередко привлекается именно форма сосуда, опять же – как «модель» космоса. М.Ф.Косарев считал непременно значимым признак богатства орнаментики, но это признак приобретал лишь внешнее значение, выделяя погребальный сосуд из ряда других по критериям, привнесенным самим исследователем; ибо, как вытекает из рассуждений М.Ф.Косарева, семантические толкования сосуда как лодки, как бубна, как солнца (имея в виду его устье) обосновываются прежде всего его формой.

Однако богатство орнаментики свойственно не только погребальной керамике, применительно к керамическому производству целых эпох это «общее место». Можно полагать, что в немалом числе случаев трудовые затраты на процедуру нанесения орнамента занимали очень значительный удельный вес от затрат на производство всего сосуда, тем более, что почти ювелирно-тонкая работа производилась на уже изготовленном, но еще сыром сосуде и требовала особого навыка. Практически повсеместная и на протяжении тысячелетий существовавшая традиция орнаментирования глиняной посуды не может быть случайной сама по себе, вызванной единственно эстетической потребностью. Устойчивость традиции косвенно свидетельствует о громадном объеме мощно проявляющих себя мировоззренческих принципов. Известно – чем мощнее подобные принципы, тем ближе они к космологическим и космогоническим аспектам мифологии. Орнамент сосуда, наряду с его формой, в полной мере несет признаки космического измерения. Орнамент – не иллюстрация, не изобразительное описание космического пространства, что так или иначе читается в рисунках на шаманских бубнах, но особый вид мифопоэтического мышления, особый вид мифического творчества. Изредка исследователи получают в свое распоряжение сосуды с рисунками, но это не дает ключ к пониманию семантики керамического орнамента в целом. Проникнуть в мир семантики древнего орнамента чрезвычайно трудно, если не сказать – невозможно. И все-таки остается интуитивная уверенность в насыщенности космическим смыслом орнаментальных построений.

Ясно, что архаический образ космоса весьма подвижен и пластичен. Идея космоса в архаическом сознании не сводилась к некоторым архитектурным контурам, а в ряде случаев последние вообще не играли никакой роли. Образ космоса может формироваться из мысли о каком-то антропоидном существе, о животном, ассоциироваться с жилищной конструкцией. Представление о космосе как сосуде на этом фоне не выглядит ни широко распространенным, ни особо предпочтительным. Возможно, что зримый образ вообще далеко не главный в архаическом понимании космоса; метафорическая отсылка к сосуду в связи с пространственными описаниями отнюдь не обязательно отсылает к зрительному восприятию сосуда.

На материале античной философии А.Ф.Лосев показал, что при всей скульптурности, зрительной выпуклости в понимании космоса древними эллинами, главное, что по настоящему волновало людей при обращении к образу космоса – это его судьба. Образ космоса содержит не столько физические и астрономические составляющие, сколько социальные и личностные. (Здесь вполне уместно вспомнить об антропном принципе в современных физических и философских представлениях о космосе). Космогонические и космологические представления архаической эпохи нельзя оделить друг от друга. Представления о космосе насковзь эсхатологичны. Разумеется, интерес к физическому пространству у человека носил в высшей степени практический характер, но это был интерес к пространству географии, а не к космосу в целом. Но и эсхатологические рассуждения отнюдь не были результатом праздного любопытства, а самым непосредственным образом связывались с представлениями о личном существовании. Судьба мира и судьба человека и коллектива не разделялись ни пространственно, ни хронологически. Они были теснейшим образом переплетены, ибо человек своей ритуальной деятельностью творит космос, если космос понимать в его первичном значении – упорядоченность мира. Человек постоянно воспроизводит условия своего существования не только производственной деятельностью, но и ритуальной практикой. Космическое измерение понятия «судьба» не существовало само по себе в своей отделенности и самодостаточности, не было отделено от ее бытового, житейского, повседневного измерения. И когда мы посмотрим на это понятие (судьба) с позиции нераздельности, слитности двух измерений – космического и «бытового» (выделенных нами как исследовательские абстракции), - мы увидим, насколько велика и органична здесь роль сосуда.

К числу замечательных этнографических работ последнего времени, связанных с обсуждаемой темой, относится работа Е.Н.Романовой (1997), созданная на материале якутской этнографии. Е.Н.Романова приходит к выводу, что концепция судьбы в якутском языке реализовывался через разные значения, но, видимо, одним из древнейших и наиболее важных их значений было представление судьбы как «делания» - «действие» «дело», «устройство», «предназначение» «судьба». Судьба как делание несет в себе отголоски космогонического акта творения (Романова, 1997: 80). Это «делание» может быть соотнесено с разными технологическими операциями, но не последнюю роль в этом ряду должно играть производство глиняных сосудов. Это следует, во-первых, из того, что это производство было самым массовым на протяжении тысячелетий, во-вторых, из того этнографического материала, который был собран и очень интересно интерпретирован Е.Н.Романовой. Этот материал в сильной степени фиксирует связь представлений о судьбе и представлений о глине, исходном материале для керамического производства. Лингвистический анализ указывает на близость понятий «судьба» и «говорение». Слово «кэп», имеющее отношение к слову 'говорить', многозначно. Кэп туонар – петь о своей худой, т.е. плохой участи (жаловаться на судьбу). У слова «туой» (песня) есть другое значение – глина (Романова, 1997, с.143-144). Далее, процесс производства посуды был вместе с тем формой предсказания - когда в семье рождался ребенок, для него специально заказывали глиняный горшок. Если горшок выходил технологически хорошим, это было благоприятным предзнаменованием. Очевидно, пишет Е.Н.Романова, горшок выступал здесь ритуальным символом, в котором была заложена жизненная субстанция ребенка (Романова, 1997, с.31). Вообще, гадание с использованием посуды – явление нередкое. Например, в Китае древнейшим способом гадания было гадание по трещинам на лопнувшей керамической посуде, а гадалками-прорицательницами были женщины-горшечницы. В древнейшей письменности знак, изображающий битую, порченную посуду, получил значение «беда» (Серкина, 1982, с.160-161). Книга Е.Н.Романовой дает также немало выразительных примеров использования посуды у якутов как защитного средства. Это, в частности, совершаемый шаманом обряд закрытия дороги смерти (при участвовавшей смерти детей); обряд включал семантический ряд - Луна - доля - глиняный черепок (Романова, 1997, с.84).

Таким образом, само производство керамической посуды (включая нанесение орнамента) через соотнесение с понятиями «доля», «судьба» уже приобретало космическое измерение.

Список литературы

- Ардзинба В.Г.** К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток. Этнокультурные связи. - М.: Наука, 1988. - С. 263-306.
- Богаевский, 1916** - Богаевский Б.Л. Земледельческая религия Афин. Т.1 - Пг.,1916. VIII, 241 с.
- Косарев М.Ф.** Западная Сибирь в древности. - М.: Наука,1984. 245 с.
- Косарев М.Ф.** Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. - М.: ИЭ РАН, 1993.

Крейнович Е.А. Обряд кормления “дорожной старухи” у кетов // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. - М.: Наука, 1969. С. 236-242.

Ларичев В.Е., Елагин В.С., Новиков А.В. Потчевашское время: календари и космология эпохи раннего Средневековья юга Западной Сибири (по материалу “прочтения знаковых записей на сосуде из Турновки) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. К 100-летию со дня рождения В.Н.Чернецова. – Томск: ТГУ, 2005. – С. 318-320.

Ригведа. Мандалы I – IV. – М.: Наука, 1989.

Романова Е.Н. “Люди солнечных лучей с поводами за спиной”: (Судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов). - М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. - 200 с.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. - М.: Наука, 1971. 120 с.

Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. - М.: Наука, 1980. 232 с.

Kannisto A. Wogulische Volksdichtung. - Helsinki, 1951. - Bd.I - 483 S. (Memoires de la Societe Finno-Ougrien. 101).

Munkacsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie. (Dritte Mitteilungen) // Keleti Szemle. - Budapest, 1908. - Bd.IX. - H.3. - S.206-227.

Munkacsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie. I // Keleti Szemle. - Budapest, 1906. - Bd. VII. - Hr. 3. - S. 285-315.

Д.Л. Бродянский*Дальневосточный государственный университет, Владивосток*

ИСКОПАЕМОЕ ИСКУССТВО ПРИМОРЬЯ

Восемь лет назад, на конференции, посвященной 90-летию А.П. Окладникова, мне уже довелось выступить с докладом о ископаемом искусстве Дальнего Востока [Бродянский, 1998]. Регулярные работы в Приморье привели к росту числа находок произведений древнего искусства в памятниках каменного века и палеометалла: более ста находок в 2002-2005гг. Большинство из них сделаны в жилищах, погребениях, слоях раковин, их можно назвать ископаемыми. Наземные открытия единичны: стела на р.Шайга, личина на дольмене возле бухты Врангеля. Работа с источниками позволила полнее представить технику древних ваятелей, разнообразие объектов их творчества и увеличить число попыток проникнуть в систему образов, семантику.

Самая массовая категория произведений ископаемого искусства в Приморье – мобильные петроглифы на плитках, желваках, гальках. Среди них, в свою очередь, преобладают «чашечные» камни – камни с углублениями – лунками: круглыми, овальными, в сечении – конус, полусфера, глубина от 2 до 40 мм, диаметр от 3 до 90 мм, число лунок от одной до десятков на одной плоскости. Лунки нередко соседствуют с желобками, скульптурно – выпуклыми, рельефными деталями, дополняются подшлифовкой, пикетажем, используется цветовая гамма камня. Выполненные в такой технике изображения (технику можно назвать «чашечно-желобчатой» или рельефной) на Дальнем Востоке, в регионах приамурско-маньчжурской археологической провинции, в неолите и палеометалле, есть не только на мобильных петроглифах, но и на массивных стелах и на монументальных петроглифах. В Приморье, кроме упомянутой стелы с р. Шайги, к стелам можно отнести камни №4 и №7 из первого Бойсманского могильника. Массивная плита найдена в Канпчённи, в соседней с Приморьем провинции Сев. Хамгён, КНДР [Хван Ги Док, 1957]. Монументальный петроглиф в Приморье пока найден один – на плите дольмена у бухты Врангеля. В соседних регионах от 50 до 100 таких изображений есть на валунах Сакачи – Аяна [Окладников, 1971; Медведев, 2001], в Корее – среди петроглифов Чильпо [Ли Ха У, 1994] и Баньгудэ [Hwang Su Yong, Moon Myung Dae, 1984].

Мобильные гравированные петроглифы встречаются в Приморье реже. 26 галек найдены в Рудной Пристани: острым тонким орудием с одной или двух сторон гравированы параллельные линии, сетки, сложные композиции из линий – это гальки – чуринги. В Бойсмана II найдены 2 круглых гальки с серией гравированных зооморфных изображений. На мысе Шелеха найден янковский сланцевый нож с гравированным рисунком. В янковском слое Бойсмана II найдена галька – грузило с личиной: рисунок образован единственным сколом, дополнившим цветовую раскраску камня. Эта находка подтверждает высказанное ранее предположение о вероятности открытия в Приморье расписных петроглифов.

Заметным событием стала находка в 2003 г. в янковском жилище №2 в Бойсмана III плиты и куранта, на тыльной стороне этих изделий из туфа (серый, с оранжевыми полосами) пикетажем и гравировкой нанесены изображения животных: 2 медведя, 4 тигра, лиса и два лисенка, волк, заяц, кабан, черепаха, сокола. Сокол на куранте создан природой – оранжевыми линиями. Курант в одном из ракурсов смотрится как голова сома, в другом – змея. Все остальные животные помещены внутри сома – змеи. Ранее в Приморье, в Петровичах, в слое руднинской культуры найдена скульптура – петроглиф, исполненная в той же технике, дополненной сверлением камня, изображен амурский сом, внутри которого помещены тигр и медведь и две антропоморфные личины. Полиэпичность (многоракурсность) этих вещей – одна из характернейших черт ископаемого искусства в Приморье и в целом на Дальнем Востоке.

Объемная (круглая) скульптура из камня, керамики, кости, рога не менее массовая категория находок. Реже встречается скульптура плоская: ретушированные фигурки из камня, фигурки из кости, кабаньего клыка, сланца, раковин. В культурах палеометалла – синегайской, лидовской, янковской распространены простейшие фигурки кабанов, изготовленные из гальки или керамические.

Сравнительно редки рельефы на керамике: два рельефа из Валентина – Перешейка, изображающие женщину – моллюска (кальмара, осьминога), изображения змей из Бойсмана II, Кировского, Оленьего А, Синего Гая А, отсюда же, из Синего Гая две керамические личины, два тигра и леопард из Валентина – Перешейка. Часть этих рельефов – на пряслицах зайсановской неолитической культуры, на них же – изображение морских ежей, календарная графика. В синегайской культуре бронзового века найдены пластины древнего костяного панциря, две из них – силуэты женщины, украшенные рельефным рисунком – сочетание плоской скульптуры и рельефа.

Объектами внимания древних художников были люди и животные, реже – растения. Пейзаж, в отличие от художников дальневосточного средневековья и нового времени, древних не интересовал.

Центральное место занимают антропоморфные, но отнюдь не портретные образы. В первую очередь, это личины – два глаза и рот или только два глаза. А.П. Окладников назвал такие личины парциальными. Есть вполне реалистичные личины. На пряслице из Синего Гая А – личина из трех завитков – спиралей. Большинство личин бесполо, но в ряде случаев можно выделить мужские и женские образы. В скульптуре преобладают женские фигурки, мужчин представляют фаллические фигурки. В Бойсмана II найдены 6 изображений человека в капюшоне, в трех случаях это женщина.

Анималистическая скульптура и петроглифы запечатлели более 60-ти видов животных, в т.ч. 17 видов птиц: утки, лебеди, гуси, гагары, цапли, колпица, ибис, орлан, соколы, выпь, угод, совы, вороны, куропатка, баклан, кулик, рябчик, есть неопределенные, фантастические птицы. Из млекопитающих изображены медведи, тигры, леопард, кот, рысь, кабаны, олени, лось, косули, волк, собаки, лисы, мыши, еж, летучая мышь, заяц. Морскую фауну представляют ларга, сивучи, котик, акула, дельфины, белуха, скат, краб, морские ежи, кит, кит – нарвал, среди древнейших устиновских фигурок – нерпа и лахтак (морской заяц), группа рыб: лососи, сарган, камбала, стихей Григорьева, собака – рыба, из речных – сом и осетр. Земноводных представляют змеи, в т.ч. узорчатый полоз, дальневосточная кожистая черепаха – амида, морские черепахи. Есть фигурки насекомых – гусеница и личинки. Из моллюсков – туррителла, кальмар, осьминог. В зайсановском слое Оленьего А найдена фигурка из базальта, изображающая эмбрион. Почти каждый полевой сезон увеличивает этот список.

Растительный мир отражен много скромнее, есть две группы изображений. Первая по времени – естественные отпечатки на сланцевых плитках, найденные А.А. Крупянку в устиновском слое Суворово VI. Вторая, более многочисленная группа, – дендритовые отпечатки и рисунки на сосудах: ветки сосны, кедра на стенках зайсановских сосудов, отпечатки и прорисовки жилок листьев дуба, клена на донцах зайсановских, лидовских, янковских сосудов. Такие же дендритовые рисунки есть на керамике культур гунсан, осанни в Корее, дзёмонских, яёйских в Японии, урильской на Амуре – в культурах с очевидным присутствием земледелия. В Естафии 4 А.В. Гарковик нашла керамическую фигурку гриба.

С 2002 г., благодаря помощи астрономов А.Г. Сухих и В.А. Лукашенко, на «чашечных» камнях бойсманской и янковской культур обнаружены изображения созвездий Персей, Овен, Рака, Большая Медведица, Плеяды, Лебедь, Волопаса со звездой Арктур. Это качественно новый пласт объектов в ископаемом искусстве Дальнего Востока. В нижнем слое Бойсмана II найдены 42 календаря – лунных, солнечных, вечных, беременности. Обнаружены календари на пряслицах и других предметах зайсановской, синегайской, анучинской культур. Очевидно, что календари – массовая категория объектов, распространенных в древности повсеместно. Не менее массовы космограммы [Бродянский, 1996]: на сосудах, зеркалах. Впрочем, последние – уже из области сюжетного анализа.

Полиэпиграфические изображения в скульптуре и петроглифах – это своеобразные трансформеры – тексты, в работе с которыми строится билингва, где ключом к прочтению могут стать записи мифов, этнографическое искусство, фольклор. Женщина в капюшоне – в эскимосском искусстве Хозяйка моря. В бойсманской культуре найдены 3 фигурки, где женщина в капюшоне соединена в ряд с морскими животными – тюлень или акула и наземными – кабан или самец горбуши во время нереста, в реке. В берингийской мифологии Хозяйка моря в виде косатки гонит к берегу моржей, китов, выходит на берег в виде волка. Бойсманцы, по Т.А. Чикишевой и Е.Г. Шпаковой, – арктические монголоиды [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997]. В их культуре – морская охота, развитый гарпунный комплекс, лабретки, модели лодок. Поиск в берингийской мифологии ключей к прочтению бойсманского искусства оправдан. Двухсторонний петроглиф с изображением Ворона и рассеченного волка стал первым достаточно надежным ключом к прочтению «текста» бойсманской вещи. В этом же ряду берингийских персонажей фигурки полярной гагары, куропатки, тюленя – кита («тюлень приводит кита») [Мелетинский, 1979].

Животные внутри сома неизбежно ассоциируются с нанайской легендой о Пуймуре, огромном соме, способном проглотить лодку с людьми. К образам амурской мифологии, возможно, относятся изображения птицы с мощным прямым клювом (птица Кори), фигурки медведей. Евразийские сюжеты представлены связкой олень-верх – кабан-низ (верхний слой Синего Гае А, бойсманский слой в Бойсмана П), оленем-птицей – серия фигурок птиц на конце оленьего рога, фигурками водоплавающих, (сотворивших сушу во время потопа?). И, наконец, мощный пласт дальневосточной мифологии – корейской, китайской, японской. Здесь наиболее прозрачен семантический ряд, повторяющийся на памятниках: каменная черепаха – женщина–Солнце–ее муж (фаллос, личина с искривленным ртом). Такой ряд найден в Синем Гае А, нижний слой, в Лидовке, в Кондоне, жилище №3, в Ёскэоно – в Японии (в последнем случае роль каменного корабля играет каменный столбик). Миф о горе–черепахе, рождающей от брака с драконом (змеем) женщину–Солнце и солнечных супругах М.И. Никитина считала главным корейским мифом [Никитина, 2001].

Лис–оборотень, солнечный сокол–«принадлежность солярного стрелка», тигр–хозяин гор–образы дальневосточной мифологии.

Дендритовые рисунки на сосудах сопоставимы с ритуалом Дайдзёсай – совместной трапезы японского императора и богини солнца Аматаэрасу, на листьях подается рис нового урожая [Там же].

Автор, ограниченный объемом доклада, не приводит иллюстраций, читатель найдет их в книге «Искусство древнего Приморья» [Бродянский, 2002].

Список литературы.

Бродянский Д.Л. Космограммы дальневосточного неолита и палеометалла// Древнее искусство тихоокеанских культур./ Тихоокеанская археология. Вып. 9. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 220с.

Бродянский Д.Л. Искусство и мифология на Дальнем Востоке//Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Т1. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998.–С. 88 – 92.

Бродянский Д.Л. Искусство древнего Приморья (каменный век – палеометалл). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 220с.

Ли Ха У. Петроглифы Чильпо. – Кёнцзю. – 1994. – 137с. Кор. яз.

Медведев В.Е. Проблема истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре// Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. - №4. – С. 77 – 94.

Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. – М.: Наука, 1979. – 230с.

Никитина М.И. Миф о Женщине – Солнце и ее родителей и его «спутники» в ритуальной традиции древней Кореи и соседних стран. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.–560с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336с.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2).–Новосибирск: Изд-во Инст-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 96с.

Хван Ги Док. Остатки и памятники каменного века в пров. Сев. Хамгён// Мунхва юсан. – 1957. - №1. – С. 72-102. Кор. яз.

Hwang Su Young, Moon Myung Dae. Ban – Gu Dae Rock Picture in Ul – Ju. Seoul: Dongguk University. – 1984. – 262 p. Кор. яз.

Е.Г. Дэвлет, Е.А. Миклашевич, М.Б. Слободзян

Институт археологии РАН, Москва

Государственный университет, Кемерово

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

О НОВЫХ РАБОТАХ НА ЧУКОТКЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПЕГТЫМЕЛЬСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ

В июле–августе 2005 г. Петроглифическая экспедиция ИА РАН проводила работы по исследованию наскальных изображений в Шмидтовском районе Чукотского АО на р. Пегтымель* [Дэвлет, Кочанович, Миклашевич, Слободзян, 2005]. Петроглифы Кайкуульского обрыва выполнены на сложенные песчаником скальных выходах по правому берегу р. Пегтымель (географические координаты 69° 32' с.ш. и 174° 31' в.д.), они локализируются на протяжении около полутора км в 1 км ниже впадения Кайкуульского ручья в р. Пегтымель. Петроглифы были обнаружены в 1965 г. геологом Н.М. Саморуковым. В 1967-1968 гг. на Кайкуульском обрыве экспедицией Лаборатории археологии. Истории, этнографии СВ КНИИ ДВНЦ АН СССР под руководством заведующего лабораторией Н.Н. Дикова было зафиксировано 103 композиции на одиннадцати скальных выступах, условно названных «камнями», обнаружены следы двух позднеолитических стоянок, а также грот с наскальными изображениями и археологическим материалом, относящимся к древнеберингоморской культуре. В 1986 г. Н.Н. Диков вновь посетил Кайкуульский обрыв и выявил несколько ранее незамеченных изображений. Новое местонахождение петроглифов было открыто недалеко от устья ручья Двурогого [Диков, 1967, 1969, 1971, 1992; Dikov, 1999]. Обследования пегтымельских наскальных изображений производившиеся в последние годы показали перспективность новых систематических работ на этом памятнике [Головнев, 2000; Питулько, 2000; 2002; Слободзян 2003, 2004а; Дзини, Соколов, 2005].

В 2005 г. работы экспедиции ИА РАН проводились с целью обследования состояния сохранности петроглифов Пегтымеля, выявления новых и фиксации на современном уровне не учтенных ранее изображений, ставилась задача определения основных факторов, угрожающих их сохранению. Учитывая опыт, накопленный за два предыдущих сезона работы на Пегтымеле [Слободзян, 2003, 2004], удалось составить описание, произвести фотофиксацию 267 выявленных камней с изображениями. Маршрутом разведки было пройдено 92 км. Были осмотрены скальные выходы на обрывах правого берега р. Пегтымель, заканчивающихся ниже устья ручья Кычакваам, где начинается низкая заболоченная дельта р. Пегтымель. Разведка памятников по правому берегу р. Пегтымель, на участке от Кайкуульского обрыва до устья реки и от устья до мыса Шалаурова изба на побережье Восточно-Сибирского моря, подтвердила справедливость прежде высказанных суждений об отсутствии на этом участке ранее не известных наскальных изображений, кроме плоскости с петроглифами в районе устья р. Двурогого (69°33.593' с.ш. и 174°25.117' в.д.) и петроглифа 104 (69°34.153' с.ш. и 174°21.323' в.д.) по публикации Н.Н. Дикова [Диков, 1971]. В ходе разведки были осмотрены скалы-останцы (кекуры), расположенные в районе мыса Шалаурова Изба. Особенность слагающих останцы пород, судя по всему, практически исключает возможность нанесения петроглифов на эти скалы.

На Кайкуульском обрыве выявлено значительное число как новых одиночных фигур, так и их групп. Наскальные изображения обнаружены преимущественно в скоплениях II-VIII на различной высоте от самых верхних ярусов до прибрежной линии. Два камня оказались в воде. Один из них, на котором представлено несколько разнотипных лодок, олень и птицы, в настоящее время перевернут. Перспективным оказалось тщательное обследование плоскостей, прикрытых ветками, заросших лишайниками, частично присыпанных оползнями. Наибольший интерес представляют изображения на камнях V-23 и IV-69. Камень V-23, привлекающий

* Исследование осуществлялось при поддержке РФФИ (грант №05-06-80325) и спонсорской поддержке С. Дзини

внимание своей необычной формой, находится вблизи берега и при повышении уровня воды бывает полностью скрыт. Группа петроглифов, расположенных на торцевой грани, обращенной на северо-восток, была присыпана нанесенным рекой песком и прикрыта укоренившимися кустами ивы чозении. Композиция включает изображения оленей, среди которых одно уникально – на корпусе символ в виде круга с точкой в центре. Пока это единственное изображение «отмеченного» животного. В группе тщательно выполненные фигуры соседствуют с парциальными (или незавершенными-?).

Камень IV-69 находится в средней части склона. Он практически полностью был скрыт осыпью, обрасателями и кустами, удаление которых позволило не только выявить изображения на двух его гранях, но также обнаружить под ним кости и фрагменты рогов северного оленя. Петроглифы на камне IV-69 включают различные по размеру фигуры северных оленей и схематичных антропоморфных персонажей. В этой группе уникально изображение конструкции, в которой размещены два антропоморфа. Предположительно ее можно интерпретировать как изображение жилища. Заслуживает внимания выявленная группа, по-видимому, одновременных изображений (IV-35). Она была практически полностью прикрыта заброшенным орлиным гнездом, но небольшие фрагменты выбитых петроглифов все же просматривались. После удаления гнезда на очищенной скальной поверхности было обнаружено несколько фигур оленей, расположенное горизонтально фертообразное антропоморфное изображение с грибовидным силуэтом над головой, а также фигура лучника, выполненная в технике выбивки и гравировки.

Апробировался новый способ изготовления копий наиболее интересных камней с изображениями с помощью современных реставрационных технологий. Были выполнены матрицы, с которых в Государственном НИИ реставрации были изготовлены позитивные отливки [Дэвлет, Кочанович, Миклашевич, Слободзян, 2005]. Отливки были затонированы акриловыми красками в цвет оригинала. Теперь они являются полноценными резервными копиями изображений, которые дают возможность изучать технику выполнения петроглифов, даже в стационарных условиях снимать микалентные копии, экспонировать петроглифы, труднодоступные не только для публики, но и для специалистов. На основании этих копий можно составить представление об оригинале в случае его утраты. Необходимо подчеркнуть, что копирование на силиконовые материалы – сложный технологический процесс, который может осуществлять только подготовленный специалист-реставратор, поскольку от его квалификации и навыков зависит сохранность петроглифов.

В процессе изучения техники нанесения изображений на скалы выяснилось, что кроме выбивки находила применение гравировка и шлифовка. На многих выполненных в точечной технике фигурах животных прослежены тонкие линии предварительных эскизов. Привлекает внимание серия миниатюрных изображений, выявленных как в окружении крупных фигур, так и расположенных отдельно на скальных гранях (рис. 1). Их сюжеты и стилистические особенности те же, что и в композициях, состоящих из более крупных фигур. Особый интерес представляет миниатюрное изображение головы оленя (IV-1).

Рис. 1. Миниатюрные гравированные и выбитые изображения, Кайкульский обрыв

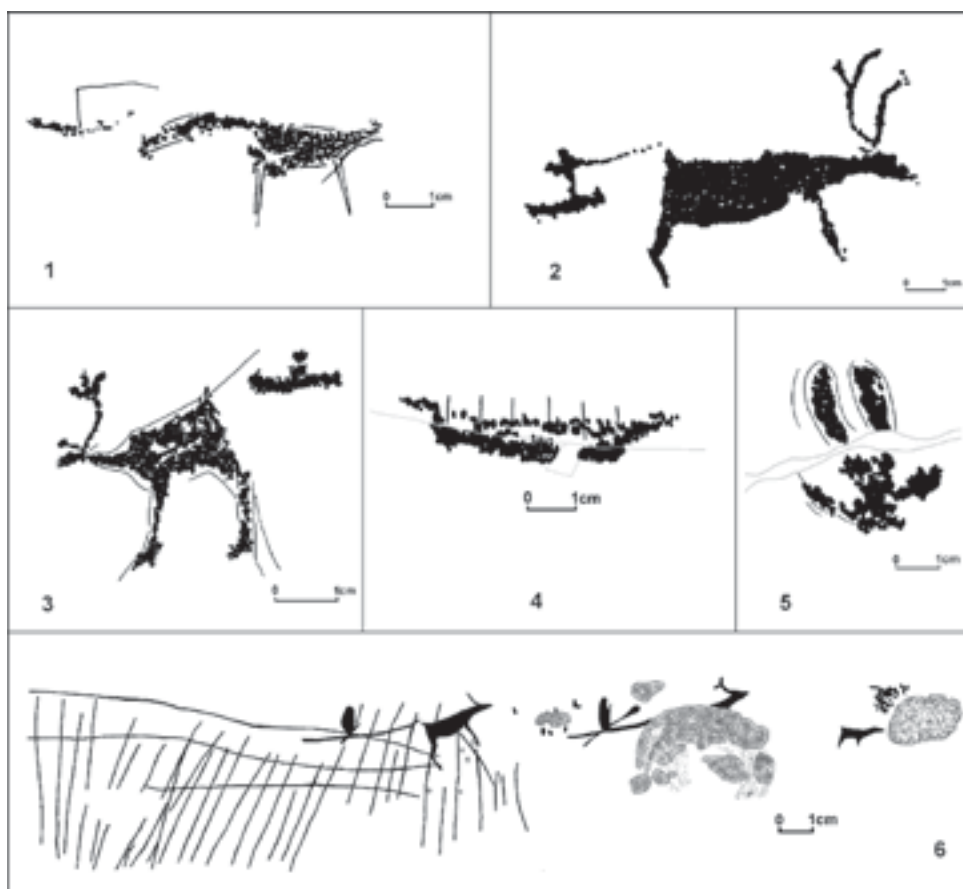

Рис. 2. Изображения на камне X-1, Кайкуульский обрыв

На Кайкуульском обрыве встречаются одиночные петроглифы и многофигурные группы, которые могли создаваться и не одновременно: на одной плоскости могут соседствовать изображения, выполненные в разной технике, имеющие разные стилистические характеристики и степень сохранности. Все же в некоторых группах прослеживается композиционный замысел. Обращает на себя внимание большое количество частичных фигур, помимо них есть и одиночные неоконченные изображения, позволяющие проследить последовательность их выполнения.

Северный олень – центральный образ наскального искусства Кайкуульского обрыва. Различаются два основных варианта его трактовки: условно говоря, реалистический и схематический. В первом случае корпус и голова животного переданы сравнительно натуралистично с проработкой деталей, иногда бывают обозначены глаза навывкате, ноги показаны присогнутыми, в некоторых случаях подогнутыми. Таких изображений немного, они отличаются довольно глубокой выбивкой и большей степенью патинизации. Более схематизированные фигуры оленя с корпусом подтреугольных очертаний, прямыми ногами, без проработки деталей – составляют абсолютное большинство всех изображений, для них в целом характерны неглубокая выбивка и слабая степень патинизации. Многие фигуры оленей сопровождаются изображением лодки типа каяка с сидящим в ней человеком и линией, означающей брошенное копьё или литье гарпуна, подобным образом передаются сцены так называемой «охоты на плавающих». Иногда человека в лодке и морду оленя соединяет линия, таким же образом бывает соединены лодка с сидящим в ней человеком и фигура медведя, например в группе IV-15. Своеобразна манера показывать копыта оленей как бы раскрытыми. В некоторых композициях древнему художнику удалось с предельным лаконизмом изобразить плывущих оленей. Уникальна сцена транспортировки убитого животного. Встречаются сцены охоты на обитателей моря. В этих композициях представлен другой тип лодок – большие силуэтные изображения баркасов с обозначенными несколькими вертикальными черточками фигурами людей, иногда им сопутствуют своеобразно трактованные профильные фигуры птиц с длинными ногами (рис. 2). Появление подобных сюжетов на скалах можно объяснить относительной близостью Кайкуульского обрыва к морскому побережью (около 50 км). Сцены пешей охоты с рогатиной на медведя или лося встре-

чаются реже, но их количество все же возросло. Впервые на данном памятнике выявлены фигуры лучников. Неповторимое своеобразие пегтымельских петроглифов связано с образом антропоморфных персонажей с грибовидным силуэтом над головой – их коллекция также пополнена. Среди прочих сюжетов петроглифов, отмеченных нами в качестве устойчиво повторяющихся, – следы (стопы). Встречаются своеобразные современные гравировки, которые передают новые реалии жизни чукчей.

Список литературы

- Головнев А.В.** Пространственный анализ петроглифов Пегтымеля (по полевым наблюдениям 1999 г.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Владивосток; Омск, 2000. – С. 185-188.
- Головнев А.В.** Пегтымель // Северные просторы. – 2000. - №2-3. – С.42-47.
- Диков Н.Н.** К изучению культурного наследия коренного населения Чукотки (петроглифы на реке Пегтымель) // Проблемы науки на Северо-Востоке СССР (Тр./ СВ КНИИ СО АН СССР; Вып. 31). – Магадан: [Б.и.], 1967. – С. 87-92.
- Диков Н.Н.** Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов // Этногенез народов Северной Азии. Материалы конф. – Вып. 1. – Новосибирск, [Б.и.], 1969. – С.125-127.
- Диков Н.Н.** Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. – М.: Наука, 1971. – 130 с.
- Диков Н.Н.** Пегтымельские петроглифы – уникальный археологический памятник Заполярной Чукотки // Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С.44-49.
- Дзини С., Соколов А.** Петроглифы реки Пегтымель. Новые находки // Мир наскального искусства. Сб. докладов междунар. конф. – М.: ИА РАН, 2005. – С.65-66.
- Дэвлет Е.Г., Кочанович А.В., Миклашевич Е.А., Слободзян М.Б.** Петроглифы Пегтымеля: сорок лет спустя // Мир наскального искусства. Сб. докладов междунар. конф. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 79-91.
- Кирьяк М.А.** Пегтымельские петроглифы как этнокультурный источник // Диковские чтения. Материалы науч.-практ. конф., посв. 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан, [Б.и.], 2001. – С. 81-90.
- Питулько В.В.** Отчет об экспедиции на р. Пегтымель (Западная Чукотка) в августе-сентябре 1999 г. – Архив ИА РАН. Р-1. №23642. 2000.
- Питулько В.В.** Пегтымельские петроглифы: датировка и события // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посв. 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВ РАН, 2002. – С. 4 08-415.
- Слободзян М.Б.** Новые исследования петроглифов реки Пегтымель // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. – М.: [Б.и.], 2003. – С. 89-98.
- Слободзян М.Б.** Отчет об археологической разведке в долине реки Пегтымель (Шмидтовский район Чукотского автономного округа) в 2003 г. – Архив ИА РАН. Р-1. № 24645. 2004.
- Слободзян М.Б.** Петроглифы Пегтымеля (по результатам исследований последних лет) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004а. – С. 467-471.
- Dikov N.N.** Mysteries in the Rocks of Ancient Chukotka (Petroglyphs of Pegtymel?). Anchorage, 1999.

М.А. Дэвлет

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ МОЗАГА-ХОМУЖАК В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ САЯНСКОЙ ГЭС*

Памятник наскального искусства Мозага-Хомужак расположен на правом берегу Енисея в 1-1,5 км от Чингенской воронки выше по течению. Он был открыт в ходе работ Отряда по изучению петроглифов в зоне затопления Саянской ГЭС. В середине 1970-х после консультации с тюркологом Д.Д. Васильевым данное местонахождение петроглифов получило название Мозага-Хомужалыг. Затем в результате дополнительного опроса местных жителей это название было исправлено на Мозага-Хомужак (Мозага-Комужак). После первых разведочных работ в 1973-1974 гг. исследования на памятнике не производились до середины 1980-х и были продолжены лишь в 1985 г.

Местонахождение петроглифов Мозага-Хомужак представляет собою горный массив, протянувшийся полосой вдоль реки. Условно его можно разделить по естественным распадам на три части. Наскальные изображения сосредоточены в основном на трех вершинах горного массива: в западной части на высоте около 30 м, в центральной и восточной на высоте 30-40 и более метров. Между восточной оконечностью массива и берегом протянулась вдоль реки полоса из двух десятков камней с петроглифами, ныне ушедшими под воду. В данном случае «камень» - понятие условное. Оно включает изображения на одном скальном выходе, валуне или обломке скалы. На камне бывает выбито от одной до нескольких десятков фигур. Техника нанесения наскальных рисунков точечная, реже резная, иногда встречаются петроглифы, выполненные в комбинированной технике. Всего на памятнике учтено 119 камней с петроглифами, все скопированные изображения перебелены, составлен каталог с их описанием в порядке номеров с первого по 119.

Набор сюжетов ограничен, это изображения животных: козлы, баран, олени, быки, кабан, змея, антропоморфные персонажи, знаки. Отсутствуют фигуры лосей, верблюдов, рыб, птиц, синкретических существ, которые нередко встречаются на других памятниках. Значительная часть петроглифов – это изображения горных козлов (около 370 фигур), в большинстве своем они довольно единообразные, «стандартные». На многих камнях фигуры козлов единичны. Не всегда удается определить возраст этих изображений. Похоже, что они могли создаваться на протяжении всех эпох. Изображения быков на верхнем Енисее представляют сюжет, особенно характерный для эпохи бронзы. Однако на Мозага-Хомужак они немногочисленны. Очевидно, одновременно существовали несколько вариантов трактовки бычьих рогов. Эпохой бронзы датируются изображения быков на камне 118 (рис. 1). На южном склоне в западной части массива на обломке скалы представлены 19 фигур животных, в большинстве быков с рогами разных очертаний, с кисточками на хвостах, несколько изображений козлов и одна собака. Некоторые фигуры не завершены. Техника нанесения изображений различна. Основная часть петроглифов выполнена в резной технике, резные линии встречаются также внутри контура фигур животных, некоторые линии шлифованы. Точечная выбивка сплошная и сплошная по контуру (5 фигур). Иногда вдоль некоторых резных линий проходят ряды точечной забивки. Встречаются изображения животных с вьюками на спинах. Эпохой бронзы – ранним железным веком датируются фигуры человечков в грибообразных головных уборах, с предметом округлых очертаний у пояса или же с хвостом. Подобным персонажам в настоящее время посвящено значительное число публикаций разных авторов, мнения которых в отношении семантики этих изображений нередко кардинально расходятся. Иногда антропоморфные фигуры изображались без шляп, но с луком. В одном случае между двумя быками представлен охотник с луком, в грибообразном головном уборе, с хвостом таким же, как у находящихся рядом быков. Своеобразна фигура лучника с предметом подпрямоугольных очертаний за спиной, по всей вероятности, щитом (рис. 2).

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 05-01-01165а

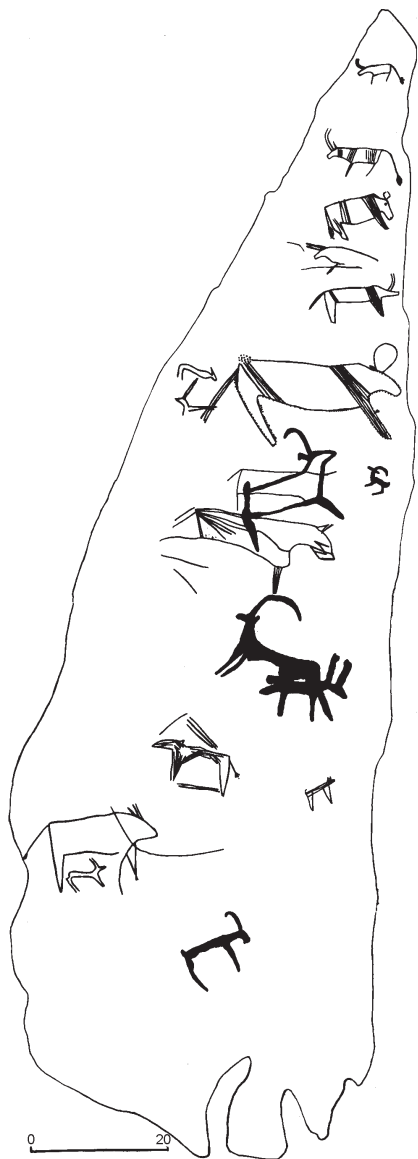

Рис. 1. Мозага-Хомужа. Камень 108.

Рис. 2. Мозага-Хомужак. Камень 104.

Рис. 3. Мозага-Хомужак. Камень 99.

Следующий пласт наскальных изображений Мозага-Хомужак – это петроглифы раннего железного века. Изображения оленей – характерный сюжет искусства скифо-сибирского звериного стиля. Самые совершенные изображения раннего железного века выбиты на камне 84. Подобно оленям, козлы в скифскую эпоху изображались на скалах Мозага-Хомужак с деталями, свойственными фигурам животных на оленных камнях. Встречаются фигуры с горбом и клювовидной мордой, с завитком на крупе, с точкой в центре рога, с головой, повернутой назад, в позе «внезапной остановки», с ногами, подогнутыми под брюхо, на кончиках копыт, то есть в позе жертвенного животного, мчащимися с раскинутыми в прыжке ногами. Иногда на рогах горных козлов бывают обозначены валики в виде коротких отростков. На камне 62 изображен горный баран. Это единственное изображение на памятнике. Отличительная черта этих животных – огромные массивные закрученные в спираль рога, иногда до двух полных витков у самцов. У самок рога меньше и тоньше. На камне 114 изображены четыре лошади с длинными хвостами. Еще одна с тремя ногами и длинным хвостом на камне 54. На скалах встречаются фигуры волков и собак. Единична фигура кабана, выбитая по контуру на камне 84. Встречаются изображения бегущих животных с подогнутой под брюхо ногой. Этот стилистический прием был свойственен искусству гунно-сарматской эпохи. Для Саянского каньона едва ли не уникально изображение змеи на камне 33. Антропоморфные фигуры немногочисленны и в большинстве случаев довольно схематичны и прими-

тивны. Более детально проработаны изображения охотников, вооруженных луками. Среди антропоморфных персонажей обращают на себя внимание разновеликие фигуры на камне 99 (рис. 3). Сотрудники Отряда по изучению петроглифов, копировавшие композицию, называли ее изображением семейства. Возможно, это так и есть, хотя подобные «бытовые картинки» крайне редко встречаются в наскальном искусстве. Напоминает колесо знак в виде креста, вписанного в окружность. Этот знак может также обозначать солярный символ или что-то еще. Среди знаков обращает на себя внимание отпечаток конского копыта.

Встает вопрос, каково место комплекса Мозага-Хомужак в системе археологических памятников микрорайона, среди прочих местонахождений петроглифов Саянского каньона. Первым в эпоху бронзы возникло святилище на правом берегу Енисея в местности Мугур-Саргол. Это был крупный культовый центр, где люди не жили постоянно, а только посещали эту местность во время сезонных праздников. Представляется, что на противоположном берегу реки на скалах Алды-Мозага наиболее семантически значимые изображения были выбиты уже после того, как святилище Мугур-Саргол стало утрачивать значение центра коллективных ритуальных действий. Наскальные рисунки жилищ, наряду с личинами-масками и ямками-лунками, составляют наиболее ранний пласт петроглифов на этих святилищах, как и изображения распластанных шкур. На горе Устю-Мозага выше по течению Енисея подобные петроглифы эпохи бронзы единичны. Так, на святилище Мугур-Саргол известно около 250 изображений личин, на горе Алды-Мозага менее 40, на Устю-Мозага всего 5. И их вовсе нет на скалах Бижиктиг-Хая, «Дорога Чингисхана», Мозага-Хомужак, что является хронологическим показателем. Наиболее ранние изображения Мозага-Хомужак относятся ко времени перехода от бронзового века к скифскому времени. Основной пласт петроглифов датируется ранним железным веком. Мозага-Хомужак можно было бы назвать «рядовым» памятником, мало отличающимся от многих других местонахождений петроглифов в Туве, если бы не уникальная композиция на камне 84 и еще несколько высокохудожественных произведений первобытного искусства.

Публикация новых источников позволит составить полноценное представление о микрорайоне, в котором сосредоточены как первоклассные, так и «рядовые» петроглифические памятники, уже утраченные в результате строительства и функционирования Саянской ГЭС или же находящиеся в зоне риска.

Г.Г. Гурьянова,
ООМНИ им. М.А. Врубеля, Омск

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЪЕМНЫХ БРОНЗО-ЛИТЕЙНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТАЕЖНОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Одна из актуальных проблем в изучении древнего и средневекового искусства Сибири – выявление ширины и полноты семиологического поля, как самих изображений, так и их носителей предметов. Поэтому понятно то особое внимание, которое проявляется в современных исследованиях в отношении сложных изображений, а также образов, «прочтение» которых выявляет несколько точек зрения. Круг терминов, связанный с этими находками, разнообразен: многоракурсные, полисемантические, полиэikonические, полиморфные изображения, изображения-перевертыши.

Каждое из действующих характеристик не безупречно по-своему. Понятие перевертыш, используемое в ряде работ [Ларичев, 1987; Симонова, 2002; Труфанов, Труфанова, 2002], предполагает «вращение» предмета в одной плоскости на 180, 90 градусов и характеризует как процесс современного восприятия так и, возможно, процесс создания, ритуального поведения. Наиболее точно это понятие выражает особенности бронзового литья кулайцев, т.к. изделия кулайской общности плоскорельефны, графичны и их прагматика не проявлена [Гурьянова, 2000; Труфанов, Труфанова, 2002; Яковлев, 2001].

Термин «многоркурсное изображение» [Симонова, 2005] также связан с деятельностью современного исследователя, который, вглядываясь в предмет и переворачивая его, находит несколько возможных положений предметов в пространстве, предоставляющих новую трактовку изображению. Понятие «многоркурсность» полнее выражает свой смысл при работе с объемными изображениями, т.к. «ракурс» предполагает не просто способ смотрения, использующий разные точки зрения, положения в пространстве предмета, но, прежде всего, такой способ смотрения, при котором происходит изменение пропорций изображения – перспективное сокращение. Таким образом, увиденное в ракурсе следует отличать от увиденного в трех графических проекциях. Поэтому к графически «подаваемым» древним и средневековым сибирским изображениям – плоскому литью, петроглифам, граффити, дефиниция «многоркурсность» неприложима.

Определение «полиэikonическое» [Симонова, 2004, 2005], прилагаемое к древнему изображению, предполагает множественность его трактовки вне заданности процесса переворачивания или поиска очередной, не выявленной еще точки зрения на изображение. По существу, применение термина «полиэikonизм» возможно в отношении как изображений, чья множественность трактовки выявлена в процессе переворачивания в пределах одной плоскости, выявления ракурсных «углов», так и изображений, сложных по своему композиционному составу.

Понятие же «полисемантическое изображение» еще шире. Кроме перевертышей и сложных изображений, сюда же можно причислить и изображения, чье первичное семантическое определение-название расплывчато.

Особо выделим понятие «полиморфность» [Чекрыжова, 2004], которое ближе всего связано с выявлением определенного изобразительного принципа, системы. Существование системы изображения видится в определенных способах сочетания образов, в особых приемах изображения.

Проблема поиска множества значений и характеристик образов связана с развитием ряда направлений в русле археологического и искусствоведческого исследований. Прежде всего, актуализируется роль археологического рисунка и тесно связанного с ним археологического описания предмета. Именно в процессе создания археологического рисунка (как «полевого», так и «лабораторного») обнаруживается возможность множественного восприятия образа. Поэтому роль художника, ориентированного на археологическое исследование или археолога, владеющего основами изобразительной грамоты, оказывается очень важна. Изучение полиморфиз-

ма и полиэikonизма древнего и средневекового искусства позволяет расширить границы семантического и прагматического «полей» археологического предмета.

Для историка искусства существенной также оказывается возможность изучить изобразительную систему древности и средневековья, позволявшую создавать образы, не имеющие однозначной трактовки.

Представляется актуальным рассмотрение того варианта полиморфизма изображения, который связан с определенными приемами трактовки объемной формы, позволяющими ей быть полиэikonичной, т.е. в разных проекциях передавать особый образ. Этой цели и посвящен данный материал.

Чаще всего с точки зрения полиэikonии рассматриваются находки эпохи камня или раннего железного века. Круг находок, предлагаемых к рассмотрению, является частью археологической коллекции Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля и датируется VI – VIII вв.

Все три предмета происходят из грунтового могильника Окунево III Омского таежного Прииртышья. Первое описывается следующим образом: «подвеска плоского литья со сложным орнитозооморфным изображением, в виде фигуры ушастого филина объемной головой. В слабом рельефе на груди птицы помещена личина, в верхней части хвоста – голова и лапы медведя в «жертвенной позе» [Сибирские древности..., 2002. С.31]. Семантический анализ аналогичных предметов Прикамья, проведенный Е.И. Оятевой, обеспечил сложную подвеску новой трактовкой – «крылатая медведица» [Оятева, 2001]. Таким образом, начальная интерпретация изображения, построенная автором находки на выявлении аналогий в животном мире, определила качества птицеподобного образа (крылья, хвост, клюв, высокие ушки – филин). А семантический анализ, подключивший этнографические фольклорные сведения, явил еще одну возможную интерпретацию головы этого образа – голова медведя.

Если взглянуть в фасное положение подвески, то мы действительно видим изобразительно-выразительные приемы, создающие объемное изображение птичьей головы: объемная литая форма резко сужается кпереди и к центру, однозначно образуя заостренную невеликую вертикаль, которая по аналогии с природными формами вполне может трактоваться как клюв. При повороте изображения в профиль, мы видим иную картину. Профильная точка зрения тяготеет к рельефу, плоскости. Объем читается общей формой, в которой заметна жесткость линии контура, очерчивающей лобастую голову, короткий, притупленный нос – признаки изображения медвежьей головы (Рис. 1).

Примечательно, что это изображение имеет четко выраженных два положения – фас и профиль, промежуточные фазы ничего нового в трактовку объема не привносят, да и птицевидность и медвежеподобность воспринимается только в точном фасе и профиле. Подобная хитроумная уловка появлялась в ассирийском

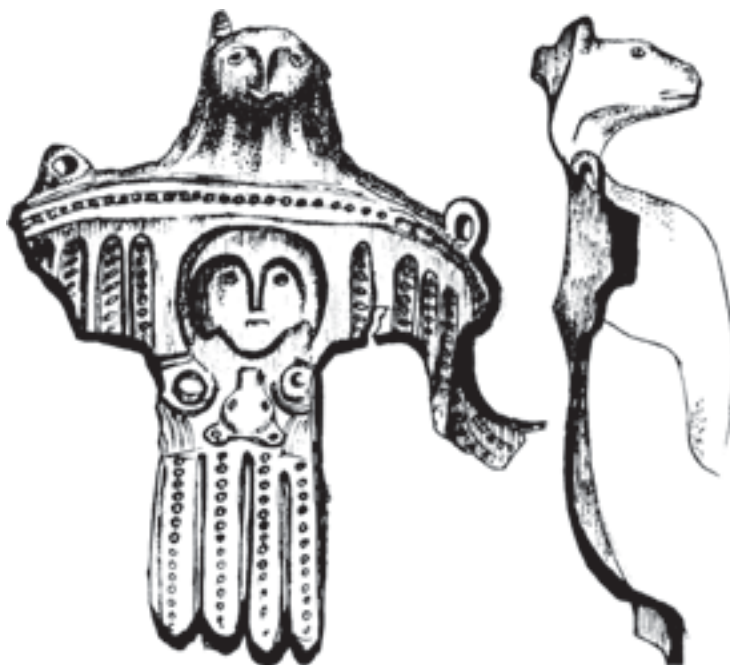

Рис. 1 Орнитозооантропоморфная литая подвеска. Бронза. Потчевашская культура. Могильник Окунево III

искусстве, когда в статичную фигуру шеду закладывались элементы динамики. Но в I тыс. до н.э. полифункциональность образа крылатого быка обеспечивалась за счет механического увеличения отдельных элементов (прибавления дополнительной ноги). Сближает же художественный опыт ассирийцев и средневековых сибирских таежников умение сочетать состав изображения и точку зрения зрителя.

Другой предмет определяется как: «сложная зооморфная подвеска плоского литья, включающая голову медведя, выполненную объемно, крылья и геральдически расположенные фигуры соболей» [Сибирские древности..., 2002. С.32]. В этом предмете образы и точки зрения поменялись местами. В фазе перед нами – голова медведя, в профиле – птицевидная, трактуемая за счет хищно заостренного книзу клюва.

Последний предмет данного круга – плоская подвеска, изображающая орла. Принцип изображения объемной головы птицы сходен со сложной орнитоантропозооморфной подвеской. Но профильное изображение глаза с обозначенным зрачком не помогает образу обрести медвежьих качества, скорее перед нами – земноводное.

Общим для этих трех предметов является возможность семантически двояко трактовать объем головы, существующая благодаря умению средневековых мастеров сочетать в пределах одной формы выразительные возможности объема и плоскости. Безусловно, свидетельствовать о существовании особых изобразительных принципов по трем примерам невозможно. Среди памятников релкинской культуры существуют подобные потчевашским плоско-объемные изображения, сочетающие образы птиц и медведей [Финно-угры и балты..., 1987. Табл. LXXVIII, XCVIII, CI]. Точный рисунок в основных проекциях помог бы дальнейшему изучению изобразительной системы таежников раннего средневековья.

Список литературы

- Гурьянова Г.Г.** «Сибирские древности» А. Гейкеля и древовидные изображения // Словцовские чтения-2000. Тюмень: Тюм. обл. кр. музей, 2000. С. 231 – 232
- Оятева Е.И.** Мифологические персонажи и их отражение в художественной пластике Прикамья I – начала II тыс. н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 35. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 152 – 165
- Сибирские древности** в собрании ООМИИ им. М.А. Врубеля. Каталог. Омск: ООМИИ им. М.А. Врубеля, 2002
- Симонова И.Л.** Изображения-перевертыши в произведениях искусства саргатской культуры // Сибирские древности. Материалы осеннего colloquium. Омск: ООМИИ им. М.А. Врубеля, 2002. С. 43 – 49
- Симонова И.Л.** Двусторонние полэйконические изображения в поясной гарнитуре Западной Сибири // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 313 – 317
- Симонова И.Л.** Многофактурные полэйконические композиции в мобильной скульптуре (к вопросу изучения) // Памятники археологии и художественное творчество. Материалы осеннего colloquium. Вып. 3. Омск: ООО «Издательский дом “Наука”», 2005. С. 79 – 83
- Труфанов А.Я., Труфанова Ж.Н.** Кулайские перевертыши // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. С. 133 – 140
- Финно-угры и балты** в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987
- Чекрыжова О.И.** Полиморфные образы в древнем искусстве Алтая (эпоха раннего железа). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Барнаул: Изд-во АГУ, 2004
- Яковлев Я.А.** Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: Изд-во ТГУ, 2001

Ю.Н. Есин

Хакасский НИИ языка, литературы и истории, Абакан

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ Г-ОБРАЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

В лесостепной полосе Азии от Урала на западе до р. Енисей на востоке найдена серия предметов из камня и глины Г-образной формы. Каждый такой предмет состоит из двух частей: 1) основания, полукруглого или подтреугольного в сечении; 2) стержня, округлого или овального в сечении (рис. 1). Из 47 учтенных нами предметов 8 не имеют надежных культурных контекстов, 31 относится к самусьской археологической культуре Приобья, 4 предмета принадлежат кротовской культуре Прииртышья, 2 предмета происходят с поселений афанасьевской культуры Минусинской котловины и Алтая, по 1 предмету найдено в южной части бассейна р. Обь на памятниках неолитической кузнецко-алтайской культуры и энеолитической большемысской. Таким образом, данные предметы использовались населением разных культурных сообществ в конце IV – начале II тыс. до н.э. Различия в отношении длины стержня к длине основания, оформлении, материале демонстрируют территориальную, хронологическую и культурную обусловленность. Назрела необходимость рассмотреть основные проблемы их изучения, выйдя за рамки отдельных археологических культур и регионов.

Функция. Существует несколько гипотез о назначении Г-образных предметов: 1) разглаживание швов на кожаной одежде [Спицын, 1915; Кирюшин, Кунгуров, 1994]; 2) растирание зерна [Дмитриев, 1935; и др.]; 3) горно-металлургические операции [Вальков, 1997; Ларин, Кунгурова, Степанова, 1998]; 4) обряд плодородия [Магющенко, 1973; Гусев, 1999; и др.]; 5) наковальня для уплотнения стенок керамических сосудов [Славнин, 1978].

Среди признаков использования наиболее типична изношенность плоской грани основания. Заполированность этой поверхности и слабые продольные царапины похожи на изношенность рабочей поверхности курантов зернотерок, а также каменных жатвенных ножей и серпов [Семенов, 1969; 1974]. Это свидетельствует в пользу гипотезы об использовании Г-образных предметов для растирания растительных продуктов. Данное объяснение подтверждается декором на основании. Видимо растирание имело важное обрядовое значение, т.к. залощенность присутствует даже у предметов миниатюрного размера. Возможно, допускалось также дробление и растирание ими других объектов. У четырех самусьских Г-образных предметов на боковых и торцевой сторонах основания имеются “стесы”, связанные с подгонкой под какое-то крепление. Креплением может быть вызвана залощенность внутреннего угла между стержнем и основанием еще одного изделия. Вероятно, при таком использовании основание предмета располагалось вертикально, стержнем сверху, и привязывалось к твердой основе. О неутилитарном использовании свидетельствуют сохранившиеся на ряде изделий следы красной краски и сажи.

Генезис формы. Культурные контексты свидетельствуют, что распространение в Северной Азии данных предметов связано с проникновением различных групп европеоидного населения с более южных территорий, которое началось в неолите и продолжалось в эпоху бронзы. Предлагалось сравнение самусьских Г-образных предметов с сидящими женскими статуэтками древних земледельцев [Славнин, 1978; Ченченкова, 1995; Кирюшин, 2004]. Однако ранние Г-образные предметы лишены антропоморфных признаков. Это не позволяет связывать их генезис со статуэтками. Короткое основание ранних находок указывает на возникновение на базе песта. Видимо, расширение использования песта при растирании привело к необходимости увеличить площадь основания, от которой зависит производительность такого труда. Преимущественно прямолинейные возвратно-поступательные движения предметом при растирании обусловили его удлинение в одну сторону.

Семантика и прагматика декора. Оформление стержня, чаще всего, моделирует форму фаллоса. Кроме того, Г-образные предметы со следами крепления, видимо, использовались в качестве детали костюма лиц, исполнявших обрядовые функции. Положение стержня в случае крепления на поясе эквивалентно положению эрегированного фаллоса. Изображение закрепленного на поясе фаллоса, возможно воспроизводящее обрядовую практику, известно на скульптуре эпохи бронзы Туркмении и Передней Азии [Массон, Сарияниди, 1973].

У одного предмета фаллическая головка стержня совмещена с изображением головы человека (рис. 1, 2). У 2-х изделий на окончании стержня изображена голова коня. Зооморфные формы, совмещенные с фаллическими признаками, имеют стержни еще 2-х предметов. Сочетание на одной части предмета признаков фаллоса с признаками головы человека или животного нарушает естественную иерархию признаков и таксономические границы, противоречит формальной логике. Вместе с тем оно не противоречит особенностям человеческого мышления, способного создавать ассоциативные связи между объектами безотносительно к реальным сходствам и различиям между ними. Реализацию таких связей в языке и тексте принято называть метафорой. Как изобразительную мифологическую метафору [Есин, 2005] можно рассматривать и оформление стержня Г-образных предметов. Цель метафоры – охарактеризовать свойства одного объекта при помощи сходных свойств другого. Чтобы понять метафору, нужно выявить аналогию в некоторых признаках двух отождествляемых объектов действительности. При этом важно учитывать, что для мифологических отождествлений весомую роль играли обобщения по действию, тесно связанные с чувственными качествами объектов.

В оформлении стержня самусьских Г-образных предметов можно выделить несколько метафор. Первая – это отождествление предмета с фаллосом. Она основана на идентичности ритмичных прямолинейных возвратно-поступательных движений терочника при растирании и фаллоса при оплодотворении. Особенно наглядно об этом свидетельствует сработанность не только на плоской грани основания, но и на вершине стержня. С хозяйственной точки зрения растирание стержнем неэффективно, объяснение оно находит только в контексте семантики и прагматики самого действия. Закрепление в оформлении Г-образного предмета ассоциативной связи с фаллосом является дополнительным способом усиления у него соответствующего качества, важного для обрядовой сферы. Вторая метафора – совмещение изображения фаллоса с головой антропоморфного или зооморфного персонажа. Изображение эрегированного фаллоса олицетворяет важнейший для определенной ситуации признак мужчины – оплодотворяющую силу. Несомненно, такой силой, но особого качества, обладал и совмещенный с фаллосом образ коня или другого персонажа. На самусьских ритуальных сосудах изображения головы коня (парные), располагаются в приустьевом орнаментальном ярусе, соотношенном с небом и водами [Есин, 2004]. По этим признакам самусьские кони сопоставимы с двумя противопоставленными конями древнеиранской мифологии (Тиштрый и Апаоша), с одним из которых связана функция оплодотворителя мирового значения. Побеждая противника, он оплодотворяет воды моря Воурукаша, в дальнейшем становящи-

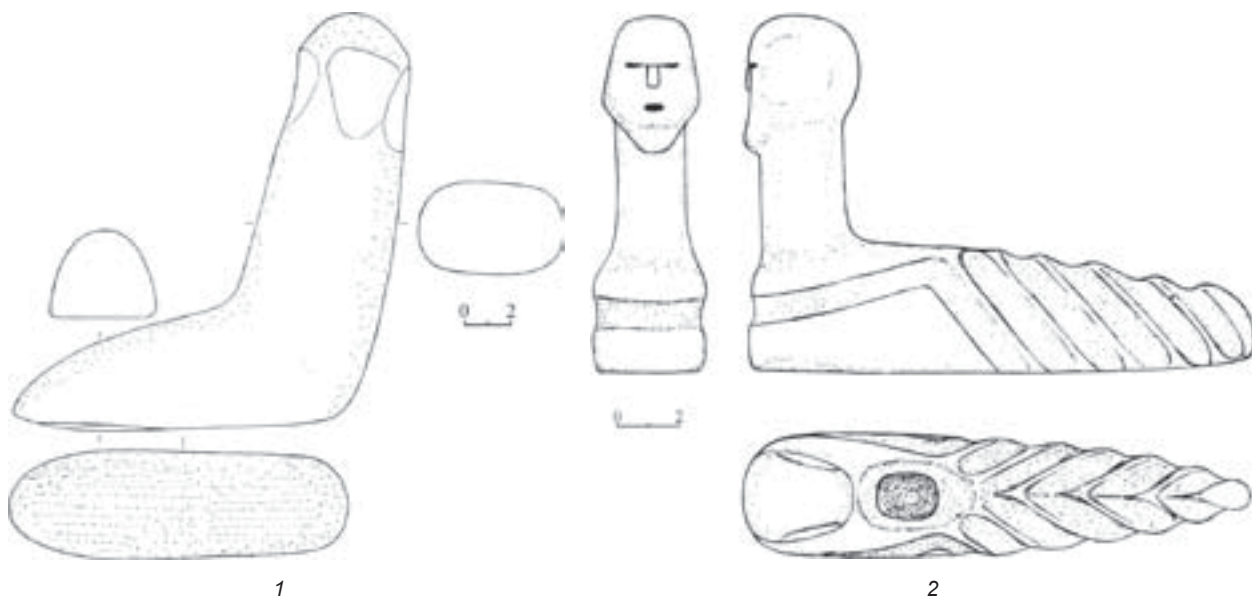

Рис. 1. Г-образные предметы: 1 – Минусинская котловина, с. Восточное; 2 – Нижнее Притомье, пос. Дзержинский.

еся дождем, вызывающим земное плодородие [Бойс, 1994]. Кроме зооморфного облика он имел и человеческое воплощение. Таким образом, совмещение фаллических признаков с антропоморфными или зооморфными нацелено на еще большее возвеличение производительных способностей предмета через отождествление воплощаемой им мужской оплодотворяющей силы с выдающейся репродуктивной силой связанного с небом мифологического персонажа. Близкую магическую цель имело окрашивание Г-образных предметов. Цвет краски сопоставим с цветом крови и кожи, поэтому окрашивание, видимо, было призвано наделить предмет жизненной силой.

Редко встречающийся декор на основании (овальная ямка, расходящиеся под углом желобки, треугольные зубцы и др.) соединяет образ растительности и женского порождающего начала. Растительный декор на основании может являться дополнительным указанием на тот материал, который подвергался растиранию. В обрядово-магическом контексте растирание Г-образным предметом, отождествляемым с фаллосом и соотносимым с мужским небесным божеством, вероятно, олицетворяло брачные отношения. Женское начало представлял растираемый объект растительного происхождения, воплощавший божество земли.

В целом, оформление Г-образных предметов ассоциативно связывает плодородие растительного, животного мира и человеческого коллектива. Видимо именно представление о такой взаимосвязи и взаимообусловленности плодородия человека и природы лежало в основе прагматики обрядового использования данных предметов и обеспечивало их магическую эффективность. Целью этого обряда было стимулирование плодородия природы и повышение жизнеспособности коллектива. Несомненна вариативность самого обряда, допускавшего тот или иной акцент в оформлении и использовании предмета при сохранении смыслового и прагматического ядра.

Список литературы

- Бойс М.** Зороастрийцы. Верования и обычаи. – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1994. – 288 с.
- Вальков Д.В.** О “фаллических формах” на поселениях эпохи поздней бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. – Саратов: СГПИ, 1997. – С. 109-112.
- Гусев С.В.** Фаллос в шаманской атрибутике народов таежной зоны и тундры (археологический и этнографический аспект) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – С. 226-228.
- Дмитриев П.А.** К вопросу о земледелии в восточно-уральском родовом обществе // Изв. Гос. Академии истории материальной культуры. – М.-Л., 1935. – Вып. 106. – С. 206-219.
- Есин Ю.Н.** Искусство самусьской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 22 с.
- Есин Ю.Н.** О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 114-128.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. – 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л.** Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катунь // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 111-123.
- Ларин О.В., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф.** Поселение афанасьевской культуры Нижняя Соору // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 67-72.
- Массон В.М., Сариниди В.И.** Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
- Матюшенко В.И.** Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 191-198.
- Семенов С.А.** Каменные орудия эпохи ранних металлов // СА. – 1969. – № 2. – С. 3-14.
- Семенов С.А.** Происхождение земледелия. – Л.: Наука, 1974. – 318 с.
- Славнин В.Д.** Некоторые аспекты развития ранних форм религии в лесном Приобье в эпоху металла // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. – С. 13-25.
- Спицын А.А.** Археологический альбом // ЗОРСА. – 1915. – Т. 11.
- Ченченкова О.П.** Древняя скульптура Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. – СПб., 1995. – 26 с.

А.Л. Заика*Красноярский государственный педагогический университет, Красноярск*

ФЕНОМЕН ЛИЧИН В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ (об истоках изобразительной традиции)

Антропоморфные личины, как феномен мировой культуры, получили свое яркое отражение в древнем наскальном искусстве Северной Азии. Вопросы генезиса данного явления - одни из остро дискуссионных в современной науке. В рамках данной статьи трудно дать всеобъемлющий историографический анализ работ, посвященных данной проблеме. Ограничимся кратким изложением своей точки зрения по данному вопросу.

Под личиной мы понимаем фронтальное изображение лицевой (головной) части антропоморфного облика. Под маской-личиной в данном исследовании подразумеваются гипертрофированные контуры с деталями внутреннего и внешнего оформления на месте головной части антропоморфных фигур.

Первые антропоморфные образы появляются в древнем искусстве в эпоху палеолита, но уровень экономического и социального развития общества не предполагал широкого распространения в искусстве палеолита антропоморфных образов вообще и их персонификации в частности. Определенную популярность имело искусство малых объемных форм. Примечательно, что в контексте натуралистичности первобытного искусства большинство скульптурных женских образов обезличено. (Табл. 1, рис. 1). Профильные плоскостные изображения несли традиции анималистического искусства, часто представлены в виде карикатурных образов «уродцев» с гипертрофированно выраженными деталями лица (Табл.1, рис. 3,5,6). Попытки фронтальной экспозиции человеческого лица были единичны, случайны и не всегда удачны (Табл.1, рис. 2,4).

Неолитическое искусство продолжает традиции анимализма и, в определенной степени, профильных антропоморфных «уродцев» эпохи палеолита. Вместе с тем, получают развитие кардинально новые сюжеты - личины. Появление данной категории антропоморфных образов не случайно.

Глобальные климатические изменения в эпоху голоцена, повлекшие исчезновение крупных представителей плейстоценовой фауны, явились причиной значительного снижения пищевых ресурсов древнего человека. Это заставило его искать другие источники существования, «окунуться» в прямом и переносном смысле в стихию водоемов. Результаты рыбного промысла, значительно восполнили недостаток в пищевом рационе на ранних стадиях присваивающего хозяйства. Соответственно, аквафауна и связанная с ней водная среда должны были занять приоритетные позиции не только в хозяйственной, но и культурной жизни древнего населения.

Вместе с тем, узнаваемые образы представителей ихтиофауны, практически, отсутствуют или единичны в сюжетах наскального искусства. Используя метод исключения при анализе композиций петроглифов эпохи неолита по параметрам соответствия образа и его среды обитания (лось, марал, медведь, кабан - лес, тайга и т.д.) нетрудно прийти к выводу о том, что с водной средой, рекой, морем, их обитателями семантическую связь может иметь оставшаяся категория наскальных изображений - личины. Сюжеты росписей керамической посуды китайской неолитической культуры яншао (этап баньпо), где изображения рыб не только дополняют, но и являются составной частью антропоморфного образа; каплевидное оформление глаз («рыбки») у личин на неолитических сосудах Нижнего Амура и в окуневских петроглифах могут наглядно иллюстрировать данный вывод (Табл.1, рис. 12, 16-18). Являясь в определенной степени ипостасью водной среды, данные образы в контексте сюжета петроглифов «личины - лодки» могли исполнять роль «проводников» душ умерших во время их путешествия в загробный мир - «страну предков» [Заика, 2003]. Непосредственное отношение к культуре мертвых, культу предков определило иконографию образа, придав многим личинам череповидный облик, демонические черты. Сакральная связь их с водоемами (подводным, подземным, запредельным миром) объясняет широкое распространение череповидных образов в искусстве именно прибрежных народов Пасифики (Табл. 1, рис. 23).

Табл. 1. Антропоморфные образы в искусстве Евразии, Америки и Океании.

1 – женская статуэтка (Виллендорф); 2-5 – пещерные росписи (2-Труа Фрер, 3-Руффиньяк, 4-Комбарелль, 5-Альтамира); 6 – гравировка на кости (Ла Мадлен); 7-9 – Петроглифы В. Сибири (7-Тальма, 8-Саган-Заба, 9-Шишкино); 10 – роспись на щите папуасов (Норт-Вест-ривер, о. Новая Гвинея); 11 – петроглифы Ретерн-Ченчел (СЗ Америки); 12,16,17, – роспись керамики яншао (Китай); 13 – рисунок женщины кадувео, 1935 г. (Южная Америка); 14 – окуневские петроглифы (Минусинская котловина); 15 – изображение медведя индейцев хайда (СЗ Америки); 19 – петроглиф Пэрри-Пэссадж (СЗ Америки); 20,21,23 – личины Ниж. Амура (Сакачи-Алян, Вознесеновка); 22 – петроглиф на Долгом пороге (Ангара); 24 – роспись лица вождя маори, 19 век (Океания).

1-6 – по З.А. Абрамовой; 11,19,20 – по Е.А. Окладниковой; 12,16,17 – по В.В. Евсюкову; 13,15,24 по К. Леви-Строссу; 7-9,21-23 – по А.П. Окладникову; 14,18 – по А.Я. Шеру; 10 – по И. Эйбл-Эйбесфельдту.

Одной из архаичных форм выражения данной категории образов являются сердцевидные личины, характерной особенностью которых является типичный межглазный прогиб в верхней части контура (Табл. 1, рис. 21). Труднообъяснимо широкое распространение в эпоху неолита и последующие периоды на территории Северной Азии подобных образов. Не ясны истоки этой своеобразной изобразительной традиции.

По нашему мнению в основе иконографии образа лежит принцип развертывания на плоскости объемного изображения лица (головы) человека посредством симметричного совмещения двух его профилей. Соответственно, при этом в верхней части изображения, на месте контакта контуров лба появлялся характерный прогиб. Изначально натуральным макетом для сердцевидных личин (и маской в ритуальных целях) могла служить развернутая на плоскости голова рыбы, которая графически гармонично вписывается в данный образ [Заика, Емельянов, 1998]. Наглядно иллюстрирует данный процесс трансформации и семантическую связь образов композиция американских петроглифов, где изображения головы рыбы и антропоморфной личины не только композиционно сочетаются, но и иконографически (в контексте концепции автора) соответствуют друг другу (Табл. 1, рис. 11). Многочисленные линии надбровных дуг, в таком случае, могли первоначально моделировать жаберные щели (Табл. 1, рис. 22).

Подобный художественный прием (симметричная развертка, “удвоение”, “расчленение” образа пополам) широко распространен в изобразительных традициях народов Тихоокеанского бассейна [Заика, 2001; Леви Стросс, 1983, с. 219 – 220] (Табл.1, рис. 10,13,15,24). О том, что он использовался, например, окуневцами, свидетельствуют: сдвоенные изображения фрагментов головы хищника (принцип симметричного совмещения

двух профилей), графическое сходство известных барельефов и плоскостных изображений личин, как промежуточный вариант – факты помещения личин на ребрах плит в петроглифах по обе стороны океана (Табл. 1, рис. 14, 19, 20).

Таким образом, принцип разворачивания объема на плоскости был известен еще в древности, получив широкое распространение в этнографической современности у многих народов мира. Данный прием иллюстрирует переходную стадию преобразования на плоскости профильных форм в фронтальные, объемных – в плоскостные.

Следствием симметричного удвоения образа объясняется также появление в наскальном искусстве Северной Азии фигур «адорантов». Фигуры симметричны, показаны с непропорционально широкими плечами и зауженной талией, неестественно развернутыми нижними конечностями. Каждая половина фигуры часто встречается как самостоятельный образ «танцующих человечков» в неолитическом искусстве региона (Табл. 1, рис. 7-8). Семантическая связь личин и фигур «адорантов» прослеживается на примерах взаимной полиэйкопии образов [Заика, 2002].

Симметричная развертка антропоморфного образа иллюстрирует не только новый художественный прием, но и отражает более глубокий смысл – принцип бинарности оппозиций, как на уровне социальных отношений, так и на мировоззренческом уровне, маркируя архаичную горизонтальную модель мироустройства, где стержневую роль играет река, водоем. Соответственно, устойчивость иконографии сердцевидных личин (во времени и пространстве), по всей видимости, определена мифологической основой дуалистического характера, которая проявлялась в различных сторонах жизни древних обществ.

Таким образом, появление в искусстве Северной Азии антропоморфных образов в виде личин связано с наступлением голоценового потепления и активным освоением человека водных ресурсов и пространств, которые стали предметом сакрализации. Формировалась горизонтальная модель мира, которая требовала свое графическое выражение через развернутую проекцию объема на плоскость. Любая абстрактная идея в архаичном сознании отождествлялась с реальными объектами окружающего мира и наоборот. Учитывая базовые позиции водоема в данной структуре, первоначально его обитатели, затем метафоричные их образы в виде личин фантастического облика несли синкретические функции и как символы мироздания, и как мифические образы, и как объекты промысловых культов. Усложнение социальной, по всей видимости, дуалистической организации общества, предполагало антропоморфизацию сакральных объектов и символов. Универсальной графической формой сочетания различных аспектов социо-культурной жизни древних обществ явились антропоморфные образы в виде сердцевидных личин.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. – М.-Л.: Наука, 1966. – 223 с.
- Евсюков В.В.** Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. - Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1988.- 128 с.
- Заика А.Л.** Вопросы семантики и хронологии антропоморфных изображений в виде личин (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // Древности Приенисейской Сибири. - вып. 2. - Красноярск: РИО КГПУ, 2001. - С. 48-58.
- Заика А.Л.** О полиэйкопичности антропоморфных изображений в петроглифах Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2002.- С. 39-43.
- Заика А.Л.** Личины и лодки (анализ сюжетного сочетания в петроглифах Нижней Ангары) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Материалы международной конференции. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. - С. 128-130.
- Заика А.Л., Емельянов И.Н.** О личинах нижней Ангары // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово. 1998.- С. 98-99.
- Леви – Стросс К. Структурная антропология. - М.: Наука, 1983. - 535 с.
- Окладников А.П.** Шишкинские писаницы: Памятник древней культуры Прибайкалья. - Иркутск, 1959.- 210 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Нижнего Амура- Л.: Наука. Лен. Отд-ие, 1974.- 273 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Верхней Лены- Л.: Наука. Лен. Отд-ие, 1977.- 322 с.
- Окладникова Е.А.** Загадочные личины Азии и Америки. - Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ие, 1979. - 167 с.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М.: Наука, 1980.- 327с.
- Эйбл-Эйбесфельдт.** Биологические основы эстетики // Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. – М.: Мир, 1995. – С. 29-73.

А.А. Зинченко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

ИКОНОГРАФИЯ ХИЩНИКА ПОРОДЫ КОШАЧЬИХ, СВЕРНУВШИЙСЯ В КОЛЬЦО: ВАРИАНТЫ И МОДИФИКАЦИИ (на примере памятников восточного казахстана)

С территории Восточного Казахстана происходят ряд изображений хищника породы кошачьих, свернувшегося в кольцо. На мой взгляд, достаточно детальное рассмотрение иконографических вариантов, связанных с одной территорией, позволит более чётко проследить возможные направления в процессах генезиса и взаимодействия определённого вида изображения. Для рассмотрения были взяты изображения хищника породы кошачьих, свернувшегося в кольцо на бляшках из Чиликтинского кургана № 5, датируемых кон. VIII в. до н.э. [Марсодолов.2000.С.22]; на золотых пластинах из кургана близ урочища Майэмир, датируемых вт.пол. VIII-VII до н.э. [Марсодолов.2000.С.22]; на щитке бронзового зеркала из могильника у с. Измайловка, датируемого VII-VII вв до н.э [Археологические памятники.1987.С. 94]; на бронзовой бляшке (?) из захоронения у с. Чистый Яр, датируемой VII-VI вв. до н.э. [Арсланова.1972]; на навершии бронзового ножа, обнаруженного случайно близ г. Усть-Каменогорска и датируемого VII-VI вв. до н.э. [Самашев...2004. С.235]. Таким образом, выбранные для рассмотрения изображения ограничены не только одной территорией, но и определённым временным периодом — вт. пол. VIII-VI вв. до н.э.

Во всех отмеченных выше примерах рассматриваемых изображениях присутствует соблюдение всех основных иконографических параметров, присущих иконографии хищника, свернувшегося в кольцо, что делает образы достаточно схожими между собой. Более же детальное рассмотрение выявляет наличие определенного количества разночтений в построении «формульной» схемы, создающей основу данного иконографического типа. Единственный элемент этой схемы, обладающей постоянной повторяемостью — это ноги зверя, всегда расположенные в центре свернувшегося в кольцо туловища и тем самым фиксирующие жёстко фиксирующую позу свернувшегося в кольцо зверя. Таким образом, главным элементом при передаче позы свернувшегося хищника является наличие композиционного центра, акцентированного особым расположением ног и, иногда, хвоста. В связи с наблюдающимися разновариантными решениями композиционного центра, возникла необходимость более подробной статической обработки этих данных, что позволило подкрепить выводы, полученные в результате исследования формальных признаков (см. Таб.). В рассматриваемых образах мы наблюдаем две вариации расположения ног «пантеры» - встречно-параллельное и встречно-перпендикулярное. М.Н.Погребова и Д.С.Раевский определили положение ног у некоторых раннескифских «пантер» как «встречно-параллельное» (Погребова, Раевский. 1992. С.118). Подобное положение ног подразумевает, что линии их параллельны друг другу и когти передних конечностей упираются в коленные суставы задних и наоборот. Но встречается и иная передача расположения ног: нет строгой параллельности в их линиях, когти только одной пара конечностей упираются в коленный сустав другой пары конечностей и лапы образуют между собой разный величины угол от прямого до 45°. Позволим себе условно обозначить подобный тип компоновки конечностей как «встречно-перпендикулярное». Для изображений, происходящих с Восточного Казахстана в количественном отношении преобладает встречно-параллельное расположение конечностей, встречно-перпендикулярное отмечено у чиликтинских образов и на навершии ножа.

Теперь обратимся к такому элементу в иконографии образа как определенное расположением хвоста. Здесь наблюдается два варианта — хвост либо загнут в центр свернувшегося тела, либо расположен рядом с мордой (или прижат к ней). При этом наблюдается зависимость между компоновкой лап и определенным выбором положения хвоста по отношению к туловищу. Схема встречно-параллельного направления лап уже сама по себе формирует самодостаточный центр композиции. Схеме же, связанной с передачей встречно-перпендикулярного направления для композиционной уравновешенности требуется введение дополнительного

третьего элемента – хвоста. Введение во внутрь свернувшегося тела зверя такого элемента как хвост позволяет по-иному акцентировать центр. Тип позы, связанной с передачей встречно-параллельного положения лап и хвоста рядом (или прижатого к морде) более популярен в восточно-казахстанских памятниках, когда как тип, сочетающий встречно-перпендикулярную компоновку конечностей с загнутым во внутрь хвостом опять будет представлен только в чиликтинских «пантерах». К сожалению, не имеется возможности рассмотреть этот мотив на навершии ножа (случайная находка близ г. Усть-Каменогорска), т.к. хвост животного утрачен (Самашев...2004. С. 234). Оформление центра композиции также имеет несколько модификаций: 1) круг либо овал, образованный лапами и когтями (при этом центрообразующие элементы находятся на одной прямой); 2) треугольник, образованный окончаниями лап и хвоста, вписанный в круг либо овал. Во всех рассмотренных образах присутствует достаточно четко отмечаемая взаимосвязь между оформлением центрального ядра композиции и выбором определенного типа передачи направления лап и положением хвоста. Так центр в виде круга или овала практически всегда сочетаются со встречно-параллельным расположением лап и хвостом, находящимся рядом с мордой. Центр в виде треугольника, замкнутого в круг - со встречно-перпендикулярным расположением лап и хвостом, загнутым во внутрь свернувшегося туловища зверя.

Также наблюдается и разница в передачи согнутых суставов лап. В иконографическом типе свернувшегося в кольцо хищника породы кошачьих прослеживается три варианта: коленные суставы согнуты под прямым углом, под острым или же коленный сустав передней конечности передан почти под прямым углом, а задней – под острым. Последний вариант в количественном соотношении опять таки преобладает в восточно-казахстанских памятниках (малые майэмирские, измайловская и чистоярская «пантеры»). Что касается чииктинских «пантер», то лапы передаются под острым углом, а у «пантеры» на навершии ножа — под прямым. Передача конечностей только под острым углом или под прямым больше связана с встречно-параллельным направлением в расположении лап, - что, возможно, оправдано композиционно, т.к. позволяет более жестко (с точки зрения уравновешенности композиционных элементов) фиксировать центр композиции с помощью введения почти тождественных и симметричных друг другу геометрических форм и легче транслировать данный элемент в передаче позы. Трактовка лап, когда используется схема, совмещающая в себе одновременно показ коленных

Статистические данные по элементам, формирующим центр композиции при изображении «пантеры»

		Встречно-перпендикулярное положение ног						Встречно-параллельное расположение ног					
		Трактовка коленных суставов						Трактовка коленных суставов					
		Под острым углом		Под прямым углом		Под прямым углом + под острым		Под острым углом		Под прямым углом		Под прямым + под острым	
		Хвост прижат или расположен рядом с мордой	Хвост расположен внутри свернувшегося туловища	Хвост прижат или расположен рядом с мордой	Хвост расположен внутри свернувшегося туловища	Хвост прижат или расположен рядом с мордой	Хвост расположен внутри туловища	Хвост прижат или расположен рядом с мордой	Хвост расположен внутри туловища	Хвост прижат или расположен рядом с мордой	Хвост расположен внутри свернувшегося туловища	Хвост прижат или расположен рядом с мордой	Хвост расположен внутри туловища
Трактовка окончаний лап	кольцо		Чиликты Келермесс (малые «пантеры» на золотой пластине из кургана №1)	Случайная находка близ г. Усть-Каменогорск (?)	Случайная находка близ г. Усть-Каменогорск (?)			«Пантера» из Бейского	«Пантера» из Сибирской коллекции	Большая майэмирская «пантера».	Келермесс, «пантера» на уздечной пронози		На ножнах меча из Гудермеса
	«поджатые пальцы»				Аржан		«Пантеры» из погребения 164 Тлийского могильника ()	Малые майэмирские «пантеры» (?)				Малые майэмирские (?), Измайловка, «младшая» уйгарская	
	округлое завершение с ладонной посередине						21 курган могильника Нартан					Чистый Яр	
	петлеобразный изгиб						«Пантеры» из погребения 216 Тлийского могильника						

суставов под прямым и острым углами, используется при передаче как встречно-параллельного, так и встречно-перпендикулярного расположения лап. При чем для восточно-казахстанских памятников более употребим первый тип расположения конечностей, чиликтинские памятники избирают второй тип.

Подведём итоги проведённому анализу иконографического типа, представленного хищником породы кошачьих, свернувшегося в кольцо в памятниках Восточного Казахстана. Рассмотрение подобных элементов слагающих данный образ крайне важно не только для означенной территории, т.к., они являются важнейшими компонентами, сохраняющими изначальность формулы иконографического «скелета», а разница в трансляции данной формулы, представленная в иконографических вариантах, возможно, показывает разницу в источниках получения и усвоения этого иконографического типа. Выделяются несколько иконографических вариантов: 1. встречно-перпендикулярное положение ног с расположением суставов под острым углом и трактовкой окончаний лап в виде «кольца» (чиликтинские «пантеры»); 2.встречно-перпендикулярное положение ног с расположением суставов под прямым углом и трактовкой окончаний лап в виде «кольца» («пантера» на навершии ножа); 3.встречно-параллельное положение ног с расположением суставов под прямым и острыми углами и трактовкой лап в виде «поджатых пальцев» (малые майэмирские и измайловская «пантеры»); 4.встречно-параллельное положение ног с расположением суставов под прямым и острыми углами и трактовкой лап в виде округлого завершения с дырочкой по середине (чистоярская «пантера»); 5.встречно-параллельное положение ног с расположением суставов под острым углом и трактовкой лап в виде «поджатых пальцев» (большая майэмирская «пантера»); 6.встречно-параллельное положение ног с расположением суставов под прямым углом и трактовкой лап в виде «поджатых пальцев» (малые майэмирские «пантеры»). Возможно, стоит объединить выделенные варианты в два — вариант со встречно-перпендикулярным положением ног (1,2) и вариант со встречно-параллельным положением (3-6). В таком случае более дробная разница между стилистическими элементами могут быть охарактеризована как модификации выбранных иконографических вариантов. Что касается выделения различных модификаций на примере майэмирских «пантер», то вполне возможно допустить, что это дробное деление не вполне имеет место быть, т.к. здесь большую роль играет сохранность памятника. В результате выделения данных иконографических вариантов получается, что майэмирские, измайловская и чистоярская «пантеры» принадлежат к одному варианту, подчас чётко его соблюдая, о чём свидетельствует малая разница в модификациях. Подобный иконографический вариант будет также представлен в памятниках тагарской культуры, в бляшках из Сибирской коллекции Петра I и могильника Уйгарак, укладывающиеся в хронологические рамки, близкие к восточно-казахстанским памятникам. Чиликтинские «пантеры» и изображение на навершии ножа, относимые ко другому иконографическому варианту достаточно близки изображению «пантер» на детали золотой пластины из кургана № 1 Келермесского могильника, а также изображению из кургана Аржан (на это сходство чиликтинских образов первыми обратили внимание М.Н.Погребова и Д.С.Раевский [Погребова, Раевский. 1992. С.118-119]). Безусловно, приведённые выводы носят предварительный характер, но более детальное изучение используемых той или иной территорией иконографических вариантов, возможно, позволит точнее определить процессы генезиса и эволюции определённых образов скифского звериного стиля.

Список литературы:

- Арсланова Ф.Х.** Новые материалы VII-VI вв. до н.э. из Прииртышья // СА. – 1972. - № 1. СС. 253-258.
Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. –Алма-Ата, 1987. –280 С.
Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX-III вв до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ...доктора культурологии. – СПб., 2000. – 56 с.
Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М: Наука, 1992. – 264 С.
Самашев З., Базарбаева Г.А., Жумабекова Г.С., Куш Г.А., Суворова Г.И. Археологические изыскания в Казахском Алтае // Известия НАН РК. Серия Обществ. наук. – 2004.- № 1. – СС. 223-235.

М.Е. Килуновская

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ САЯНСКОЙ ГЭС – ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И МОНИТОРИНГА

В результате строительства и эксплуатации крупнейшего в России гидроэлектростанции, расположенного в Карловом створе реки Енисей – Саяно-Шушенской ГЭС было создано гигантское водохранилище протяженностью 250 км с подъемом воды более 200 м. Воды резервуара заполнили Саянский каньон Енисея, поднялись по его притокам – рекам Кантегир на 70 км, Ус на 35 км, Хемчик на 35 км, не говоря уже о десятках более мелких горных рек. Наибольшую ширину разлива акватория резервуара достигает при подходе к каньону – от впадения р.Эйлиг-Хем и до р.Беделиг – около 20 км. Эти территории были густо населены в древности особенно в эпоху ранних кочевников (скифское время VIII-II вв. до н.э.), гунно-сарматское время (II в. до н.э. – IV в. н.э.), сложение тюркских каганатов, кыргызское великодержавие (VI-XII вв. н.э.). Эти кочевые народы оставили сотни курганных могильников, петроглифов, рунических надписей, которые, попадая в зону размыва берегов, абрис которой протянулся более чем на 1500 км (точный километраж этой экстремальной линии не поддается измерению) неизбежно разрушаются.

В Саянском каньоне были обнаружены стоянки от эпох палеолита до бронзы, а также уникальные местонахождения петроглифов, самые ранние из которых датируются бронзовым веком. Большая часть памятников древней истории находится под водой. Но режим работы электростанции предусматривает «срабатывание» водохранилища в его верхней части и заполнение до максимальных отметок в августе-сентябре. В мае-июле открываются большие пространства суши, что дает возможность исследовать памятники, которые, несомненно, в скором времени совсем исчезнут при разрушающем воздействии береговой абразии.

Наскальные рисунки располагаются на всем протяжении Улуг-Хема, в одних случаях образуя скопления, большинство которых можно с полным основанием назвать святилищами, а в других встречаясь на отдельных камнях. С большой рекой связывается целый комплекс мифо-ритуальных представлений, которые нашли свое воплощение в изображениях на скалах. Ритуальный центр в эпоху бронзы, а может быть и позднее, располагался в самом узком месте при входе в Саянскую «трубу», удобном для переправы и имеющем обширные скальные выходы, покрытые темной блестящей коркой загара. Петроглифы были сосредоточены на обоих берегах Улуг-Хема: слева в ур.Мугур-Саргол, справа Алды-Мозага и Устю-Мозага. Уникальные рогатые личины, воспроизводящие духов-хозяев места, как бы смотрели друг на друга с двух сторон реки и на воду могучего Улуг-Хема. Эти памятники монографически опубликованы М.А. Дэвлет [Дэвлет 1980, 1998, 2005 и др.].

Святилище Мугур-Саргол полностью уничтожено. Памятник Алды-Мозага находится на грани полного уничтожения. Петроглифы, которые сохранились лишь на вершине горы, подвергаются разрушительному воздействию воды. Те плоскости, которые открываются при сбросе воды, рисунков уже не содержат, так как изображения были нанесены на поверхностном размываемом слое скалы, образованном пустынным загаром и уже разрушенном. Такая же участь ждет и рисунки на горе Устю-Мозага, находящейся чуть выше Алды-Мозага слева от впадения р.Чинге. По нашим наблюдениям на верхних выступах скал здесь сохранилось большое количество поверхностей с петроглифами. На одной из них показаны две антропоморфные фигуры с длинными хвостами в окружении 4 быков – все фигуры миниатюрные – 5-6 см, сделаны очень тщательной и мелкой выбивкой. На другой выбиты более крупные фигуры быков, туловища которых гипертрофировано массивные, округлые. Кроме этих рисунков эпохи бронзы есть фигуры оленей с ветвистыми рогами в варчинском стиле, а также петроглифы скифского времени – триквестры, контурные фигуры оленей и козлов в аржанской манере. На одном из самых верхних камней выбиты и подновлены фигуры козлов и двухгорбого верблюда в позе размашистой рыси. Четвертый крупный памятник в Саянском каньоне – Бижиктиг-Хая подвергается частичному

затоплению. На его вершине лежат камни с чашечными углублениями, сделанными в определенной последовательности, которые М.А.Дэвлет связывает с изображением звездного неба. Памятник Мозола-Хомужап расположен выше по течению Улуг-Хема. Вода здесь находится у самого подножия скал с петроглифами. Наиболее впечатляющей является плоскость с многофигурной композицией, главными персонажами которой являются летящие олени, выполненные в монголо-забайкальском стиле. У кромки воды на нескольких камнях выбиты фигуры быков с серповидными рогами.

Между всеми этими памятниками вдоль троп по берегу реки практически непрерывно на отдельно стоящих больших камнях и выходах скал находятся выбитые рисунки, которые могут быть отнесены к различным историческим эпохам. В основном это схематичные фигуры козлов – главного персонажа наскального искусства центральноазиатских социумов. Так маркируется кочевая тропа, которая проходила вдоль берега Улуг-Хема с древнейших времен. Встречаются также и многофигурные композиции – преследования копытных (оленей, козлов) хищниками (волками, собаками), сцены охоты и др. Мы зафиксировали около сотни таких плоскостей с рисунками по правому берегу Улуг-Хема от Мозола-Хомужап до р.Чинге, по правому и левому берегу р.Чинге. Выборка была случайной, так как в этих местах проводились археологические разведки и спасательные раскопки по программе Министерства культуры РФ «Культура России». Наиболее интересны петроглифы над могильником Чинге (правый берег) – это многофигурная композиция с изображениями в стиле оленных камней, сцена охоты скифского времени, где лучник окружен фигурами козлов и оленя преследует собака, сцена преследования оленя собаками эпохи раннего средневековья. На отдельно лежащем камне выбиты две фигуры козлов, которых преследует собака и которые идут в сторону прямоугольной фигуры с острыми выступами, интерпретация которой затруднена. Подобные отдельные камни с петроглифами зафиксированы нами и выше по течению Улуг-Хема в месте впадения р.Беделиг. Здесь можно отметить наличие оленей с большими ветвистыми рогами позднескифского облика. Задачей дальнейшего исследования этих памятников является их картографирование, описание и графическая фиксация, что позволит осуществлять их мониторинг, а также более четко проследить пути передвижения отдельных групп, населявших Верхний Енисей в разные исторические периоды.

Интереснейшие памятники древнего наскального искусства были изучены нами в устье р.Куйлуг-Хем, правобережного притока Улуг-Хема. Один из них находится на правом берегу р.Куйлуг-Хем, перед входом реки в ущелье. Это отдельно стоящая горная вершина, обозначенная на карте как гора Ийме, южный склон которой покрыт выбитыми изображениями. Большая часть петроглифов опубликована М.А. Дэвлет под названием Куйлуг-Хем [Дэвлет 2001]. Здесь фиксируется 26 плоскостей со 177 петроглифами, большинство которых расположено на горизонтальных или лежащих под небольшим углом блоках, покрытых коркой темно-коричне-

Изображение оленя с местонахождения Ийме на р.Куйлуг-Хем (Республика Тыва).

вого загара. Изображения сделаны глубокой выбивкой с четким резным контуром. Большинство их относится к раннескифскому времени – это олени с клювовидными мордами и запрокинутыми на спину большими рогами с серповидными отростками, уникальная фигура кошачьего хищника, триквестры и олень с громадным витым рогом, в несколько раз превышающим по размерам фигуру животного, напоминающий золотых оленей из Филипповских курганов в Оренбургской области.

Второй памятник – гора Шолде-Тей, которая находится в центре Куйлуг-Хемского плато, простирающегося на правом берегу Улуг-Хема между реками Куйлуг-Хем и Ортаа-Хем, притоками Енисея. Это отдельно стоящая небольшая гора - в переводе с тувинского “гора на поле”. Она вытянута параллельно берегу Улуг-Хема и образует некий амфитеатр, обращенный к Енисею. Все склоны горы Шолде-Тей, обращенные к Енисею, покрыты рисунками. Петроглифы были обнаружены А.Д. Грачом во время работы в 1960-х годах на Куйлуг-Хеме. М.А. Дэвлет называет это местонахождение Биче-Хая и Улуг-Хая. Мы переименовали его, согласуясь с топографическими картами и информацией, полученной от местного населения. В процессе наших исследований было выявлено 63 группы петроглифов, которые составляют 237 плоскостей, содержащие 850 рисунков. Петроглифы расположены преимущественно на плоскостях с южной и юго-западной экспозицией. На водохранилище как раз господствуют ветры этих направлений. Скалы разрушаются и из-за увлажнения климата рисунки покрываются лишайником. Одно из отличий этого местонахождения то, что есть и другая ориентация плоскостей. Среди изображений доминируют козероги, встречаются изображения коней, иногда со всадником на спине, оленей, быков, иногда навьюченных, собак/волков, людей - грибовидные и фаллические фигуры, знаки. Петроглифы датируются от эпохи бронзы до тюркского времени [Килуновская 2004]. С писаницей Ийме этот памятник сближают изображения оленей в монголо-забайкальском стиле, выбитые также на горизонтально лежащих камнях, покрытых темно-коричневой коркой загара. Фигуры оленей доминируют в композициях. Показаны длинные клювовидные морды и большие рога с серповидными отростками, запрокинутые на спину с треугольным горбом.

Местонахождения петроглифов в зоне Саяно-Шушенского водохранилища нуждаются в постоянном мониторинге. Главной задачей в настоящее время является тщательное картографирование всех пунктов, составление полного реестра и выяснение наиболее уязвимых, находящихся в аварийном состоянии объектов. Сохранение этих памятников имеет первостепенное значение для науки и культуры. Опубликованный памятник наскального искусства может быть только его репродукций. Каждая плоскость с рисунками является уникальной и должна сохраняться в своем окружении ведь для нашего эстетического восприятия важно все – цвет скалы, трещины, окружающая природа, освещение в разное время суток, что в свою очередь позволяет проникнуть в мировоззрение их создателей.

Список литературы

- Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. – М.: Наука, 1980. – 271 с.
 Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря. – М.: «Памятники исторической мысли», 1998. – 287 с.
 Дэвлет М.А. Петроглифы Куйлуг-Хема // Мировоззрение древнего населения Евразии - М.: ТОО «Старый сад», 2001. – С.370-438.
 Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. – М.: Алетея, 2005. – 472 с.
 Килуновская М.Е. Памятники Тувы (Республика Тыва) // Памятники наскального искусства Центральной Азии – Алматы, 2004. - С.29-37.

Т.А. Ключников , А.Л. Заика

Красноярский государственный педагогический университет, Красноярск

ОБРАЗ ВСАДНИКА В ПЕТРОГЛИФАХ НИЖНЕЙ АНГАРЫ

Изображения всадников в таежных писаницах Нижней Ангары немногочисленны, как правило, встречаются одиночно, как самостоятельно, так и в составе многофигурных композиций. Исключение составляет связанный по смыслу сюжет на писанице Усть-Кова-1 (Табл. 1, рис. 14-16).

Рисунки присутствуют как на скалах, так и на отдельных береговых валунах (Мурожные камни-1,2,3), не зависимо от породы камня (известняки, песчаники, сланцы, траппы, базальты, диабазы), выполнены в различной технике (выбивка, гравировка, прорисовка сухими и жидкими красителями). Встречаются в различных частях региона (восточном, западном, центральном участках нижнего течения Ангары).

Поэтому, вопросы датировки и семантики изображений необходимо решать через стилистический и сюжетный анализы.

По стилю изображения всадников можно подразделить на реалистичные, нереалистичные, условно-схематичные.

Всадников (седоков, наездников) можно подразделить на 2 категории: поясные фигуры и ростовые (Табл., рис. 6-9). Отдельную категорию могут составить условные изображения на спинах животных, которые с определенной долей уверенности можно трактовать как схематичные фигуры седоков (Табл., рис. 11, 17, 18). Но соотносить их с узнаваемыми образами можно только при наличии иконографического сходства ездовых животных.

Ездовые животные различаются по видовому составу: лошади (Табл., рис. 2-5, 12, 16), олени, некопытные («зверьки») (Табл., рис. 1, 7).

Ростовые фигуры всадников, как правило, показаны фронтально, сочетаются с относительно реалистичными изображениями оленей и мифических некопытных животных. Причем, в отличие от фактов добавления всадников к более ранним изображениям животных в петроглифах Южной Сибири, нами зафиксирована обратная комбинация в петроглифах Нижней Ангары (Табл., рис. 6).

Грудные фигуры всадников показаны как во фронтальной, так и профильной экспозиции. В ездовых животных угадываются лошади, неумелые варианты их воспроизведения на скале и трудноопределимые образы других представителей териофауны.

В целом скотоводческие сюжеты не характерны для наскального искусства Нижней Ангары. Вместе с тем, культурное влияние кочевников Минусинской котловины часто прослеживается на материалах погребальных, культовых комплексов региона (Гревцов, 1997; Заика, 1999, 2000; Заика и др., 2003; Леонтьев, 1999; Привалихин, 1993; Тарасов, 1991, 1999). Наиболее ярко свидетельствуют о тесных межкультурных контактах изделия художественной металлопластики, как «имортного» происхождения, так и в виде местных дубликатов. Что касается существования если не местных вариантов коневодства, то почитания лошади. То об этом может свидетельствовать факт ритуального захоронения краниальных остатков и фрагментов конечностей лошади (СОАН – 4362: 2295±45 лет) на культовом комплексе Каменка (Заика и др., 2003).

Натуралистичностью отличаются самостоятельные изображения лошадей, сгруппированные на одной плоскости писаницы Зергулей (Табл., рис.). Отсутствие сопряженных с ними человеческих фигур, грузность корпуса, реалистичность образа, мощные известковые отложения поверх красящего пигмента предполагают архаичность рисунков. Вместе с тем, единичность подобного факта, сравнительная близость культового захоронения лошади на Каменке не исключают их хронологического соответствия.

Табл. 1. Изображения всадников в петроглифах Нижней Ангары.

1-Мурский порог; 2,5 – Писанный Камень; 3,10,12 - Каменка-1,2,5; 4,7,11,13 – Ивашкин Ключ-2,3; 6 – Мурожная-3; 8,9 – Олений утес; 14-16 – Усь-Кова-1; 17 – Рыбное; 18 – Мурожный камень-3; 19 – Выдумский Бык-1; 20,21 – Зергулей (1-3, 5,7, 10-13, 19-21 – красная охра; 4 – черный пигмент; 6,8,9,17,18 – выбивка; 14-16 – гравировка).

С эпохой раннего железа соотносятся изображения всадников на лошадях, показанных в позе «внезапной остановки», что характерно для петроглифов скифо-сибирского «звериного стиля» (Табл. 1, рис. 2,4,5). Узнаваемость образа лошади, как ездового животного, свидетельствует о хорошем знании природы автором рисунков. Некоторая условность, стилизация образов говорит о существовании определенных художественных канонов, устоявшихся изобразительных традициях в духовной культуре местного населения. Исходя из вышесказанного, мы не исключаем возможность прямого проникновения в таежные районы Ангары в конце 1-го тыс. до н.э. носителей скотоводческих культур Южной Сибири (Заика, 2000).

Позднекурыканские влияния в наскальном искусстве Нижней Ангары прослеживаются на примере гравированной композиции, выявленной на крайнем восточном участке региона (Табл. 1, рис. 14-16). Прорисованные по песчанику линиями показана сцена встречи передвигавшихся в одной связке всадников с более доминирующей фигурой наездника. Стилизованные контуры животных увенчаны «столбиками» седоков. Именно в такой манере показаны гравированные всадники в петроглифах «восьмого этапа» Тальмы и Куленги на Верхней Лене, когда в сюжетах стали популярны «перекочевки скотоводческих общин», а в сти-

листке – «схематизация в передаче реальных объектов» (Окладников, 1977, с. 118). Линейные «столбики» на спинах животных мы можем наблюдать и в сюжетах других петроглифов Нижней Ангары (Табл. 1, рис. 17-19), что может свидетельствовать о дальнейшей (в пространственном аспекте) редукции изобразительных традиций «позднекурыканского стиля».

По всей видимости, с эпохой средневековья соотносятся несколько «эмоциональные» изображения всадников, «посаженных» на лошадей или нечто подобное. В последнем случае мы, вероятно, встречаемся с фактом формальной утилизации привнесенных мифологем, где центральная роль была отведена образу конного всадника. Инерционно, сюжет еще бытовал в местной культуре, но формы его выражения постепенно трансформировались в более непонятные образы (Табл. 1, рис. 10-13). И наоборот, мифические персонажи (они маркированы сложными головными уборами) под влиянием кочевых культур «оседлали» известным местному населению представителей окружающей териофауны (Табл. 1, рис. 1,7).

В контексте проблемы определения места возникновения и времени распространения оленеводства на территории Сибири сложно однозначно выявить культурно-хронологическую принадлежность наскальных рисунков с участием оленных охотников (Табл. 1, рис. 8,9). Сюжетная связь в композициях конных и оленных всадников, изображений оленей и лошадей предполагает сосуществование двух форм ведения скотоводческого хозяйства и, возможно, разных этно-культурных общностей на территории Нижней Ангары (Ключников, Заика, 2001).

Как мы видим, взаимовлияние различных культур не только внесло существенные коррективы в хозяйственном укладе жизни местного населения, но и повлекло существенные изменения в духовной культуре. Степной компонент в религиозных представлениях местного таежного населения, консервативно просуществовав на протяжении многих веков (несмотря на этнические процессы), в рудиментарной форме сохранился вплоть до нач. XX в. и нашел свое отражение в виде так называемого «культы коня». По этнографическим свидетельствам к приходу русского населения данный культ существовал у нижнеангарских эвенков, который был заимствован ими от предшествующих народов («чуди»), т.е. кетоязычных ассанов и котов (Туголуков, 1985). Примечательно, что ангарские крестьяне «тунгусского происхождения» в начале XX века хоронили в амбарах и сараях деревянные и железные изображения лошадей, более того «в прошлом шаманили по коню» (Чеканинский, 1914).

Дальнейшее изучение петроглифов (не только на примере рассмотренной категории изображений) позволит выявить не только семантическую нагрузку многих рисунков и определить их культурно-хронологическую принадлежность, но и поможет в определенной степени решить сложные проблемы расо- и этногенеза современных народов Сибири.

Список литературы

- Гревцов Ю.А.** К проблеме интерпретации образа грифона и его подражаний // Древности Приенисейской Сибири. - вып. 1. - Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. - С. 116- 120.
- Заика А.Л.** Результаты исследования культовых памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири. XXIX РАЭСК, ч.2. Чита. 1999. - С. 11-16.
- Заика А.Л.** О датировке петроглифов «Писаного Камня» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой юбилейной сессии ИАиЭ СО РАН. Декабрь 2000 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2000. – Т. VI. - С. 282- 286.
- Заика А.Л., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Орлова Л.А.** Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАиЭт СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2003. – Т. IX., часть I. – С. 347-351.
- Ключников Т.А., Заика А.Л.** Позднейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам 2000 г.) // Народы Приенисейской Сибири. История и современность – Красноярск: РИО КГПУ, 2000. – С. 85- 90.
- Леонтьев В.П.** Железный век Северного Приангарья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1999. - 25 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Верхней Лены - Л.: Наука. Лен. Отд-ие, 1977.- 322 с.
- Привалихин В.И.** Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Кемерово, 1993. - 24 с.
- Тарасов А.Ю.** Культовый комплекс «Мыс Арбан» на р.Тасеева // Молодая археология и этнология Сибири. XXXIX РАЭСК. Часть 1. Чита. 1999. С. 148-152.
- Тарасов А.Ю.** Археологическое местонахождение «пещера Графская» на реке Тасеевой. // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока – Красноярск, 1991. Том 2. С. 19-20.
- Туголуков В.А.** Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 283 с.
- Чеканинский И.А.** Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях по реке Чуна в Енисейской губернии // Этнографическое обозрение, № 3-4. 1914.

И.В. Ковтун

КОМПОЗИЦИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛОШАДИ НА ВТОРОЙ НОВОРОМАНОВСКОЙ ПИСАНИЦЕ

До последнего времени среди петроглифов Нижнего Притомья не встречались изображения лошади. Возможно, указанный персонаж передают некоторые рисунки огластинско-томской группы «геометрической» изобразительной традиции [Ковтун, 2001, с. 74-75, табл. 48, 49]. Но данные изображения слишком абстрактны для окончательного вывода о содержании запечатленных образов. Ландшафтная ниша нижнетомских писаниц, также отличается от традиционных местонахождений наскальных изображений лошади. Тем не менее, появились основания полагать, что в Нижнем Притомье имеются петроглифы подобного рода.

На многофигурной композиции Второй Новоромановской писаницы (табл. 1,4) изображен зооморфный персонаж с диагональным «крестом» в круге на корпусе животного (табл. 1,3). Похожие символы присутствуют на рисунках разлиско-черновской группы «окуневской» изобразительной традиции (табл. 2,1-8). Подобные знаки равно как и «петли» на мордах запечатленных животных являются своеобразными индикаторами разлиско-черновских изображений [Ковтун, 2001, с. 168] (табл. 2,1-8). Последняя деталь, в стилизованном виде, имеется и у рассматриваемого персонажа. Отмеченное сочетание свидетельствует о неслучайности данного соответствия, указывая на системную преемственность, или системное заимствование. Учитывая наличие «петли» у зооморфных изображений разлиско-черновского типа (табл. 2,9-14), приведенное совпадение подтверждает продвижение элементов данного канона в Нижнее Притомье [Ковтун, 2001, с. 168]. Дополнительным свидетельством предполагаемой связи с «окуневской» традицией представляются входящие в композицию антропоморфные персонажи, особенно «солнцеголовое» существо (табл. 1,4).

Ранее перечень среднеенисейских зооморфных образов с «петлей» на морде исчерпывался рисунками быков, коров или волов. Но исследование Е.А. Миклашевич дополнило этот список образом лошади [Миклашевич, 2003-2004, с. 17-22]. Сопоставление рисунков из Черновой VIII, а особенно из могильника Лебяжье (табл. 1,1,2) с изображением Второй Новоромановской писаницы допускает, что и в нижнетомской композиции запечатлена лошадь. Голова и морда данного персонажа отличаются от морд и голов лосей этой композиции (табл. 1,3,4). Сравнительно с конфигурацией последних, голова нижнетомской лошади более массивна, а морда значительно короче (табл. 1,3). Вместо двух ушей прорисовано только одно, выполненное как у лебяжинской лошади, сужающимся кверху контурным абрисом (табл. 1,1,3). Весьма показательным отличием в манере изображения передних ног. У лосей с этой плоскости они отличаются характерным выбросом с изгибом в колене под тупым углом (табл. 1,4). Ноги новоромановской лошади переданы прямыми, расставленными по расходящимся диагоналям (табл. 1,3). Как и у среднеенисейских параллелей (табл. 1,1,2) на нижнетомском рисунке отсутствует выраженная грива (табл. 1,3). Вероятно, не случайно и занимаемое данным изображением место в центральной части композиции (табл. 1,4).

Каждый рисунок т.н. «окуневских» лошадей уникален. В этом усматривается отсутствие какого-либо иконографического канона для упомянутого персонажа. В контексте вероятной связи с «окуневской» изобразительной традицией нижнетомский экземпляр также не составляет исключения. Но стилистические параллели в нижнетомских петроглифах у данного изображения безусловно есть. Поэтому, при детальном анализе плана выражения зооморфных образов Нижнего Притомья возможен пересмотр плана содержания некоторых стилистически близких рисунков.

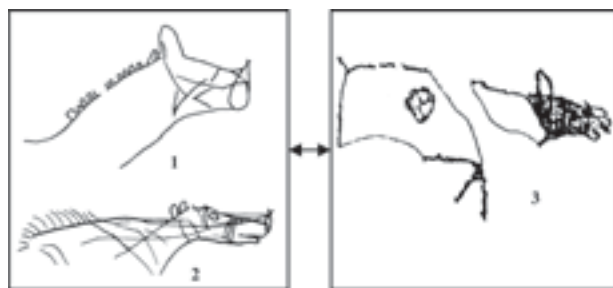

Таблица 1.

1 – Лебяжье; 2 – Черновая VIII; 3 – Вторая Новоромановская писаница;
4 – Вторая Новоромановская писаница, пункт III, грань I
(по Бариновой, Миклашевич, Русаковой).

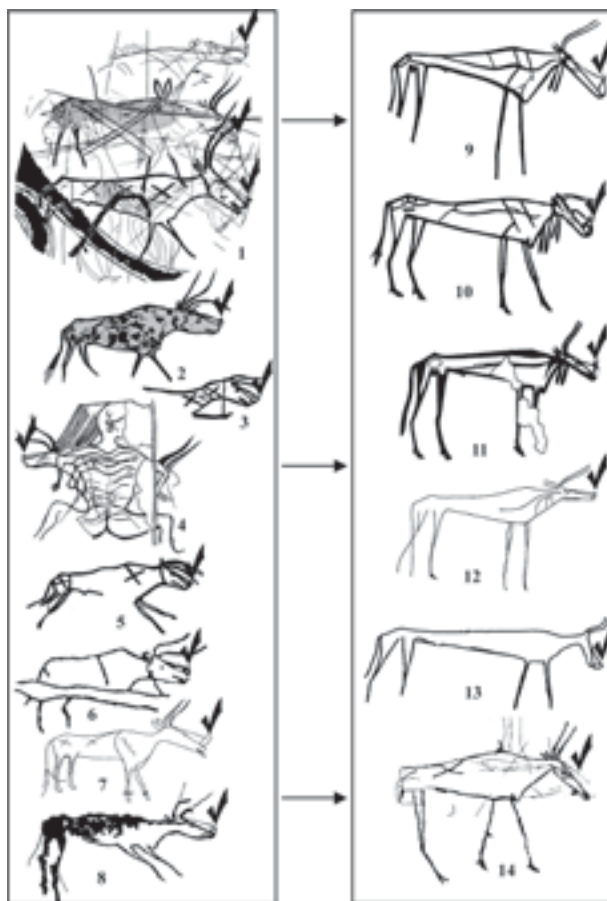

Таблица 2.

1–5 – Черновая VIII; 6 – Знаменская стела; 7 – Уйбат V; 8, 14 – Оглахты;
9–13 – Разлив X (по Вадецкой, Капелько, Лазаретову, Леонтьеву,
Максименкову, Миклашевич, Пяткину, Советовой, Шеру).

Список литературы

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001.-184 с.

Миклашевич Е.А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье. // Вестник САИПИ - Кемерово: Изд-во САИПИ, «Кузбассвузиздат», 2003-2004. – Вып. 6-7 – С. 17-27.

В.Д. Кубарев*Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск*

КОНЬ И ВСАДНИК В ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЯ

В традиционном хозяйстве тюркоязычных народов Центральной и Средней Азии лошадь занимает особое место. Она используется как тяговая сила и под седло, а снаряжение и система тренинга лошади, судя по археологическим и письменным источникам, мало изменились со времени ее приручения. Можно согласиться с Вячеславом Даржей, что и в наши дни кочевники алтайских гор выпасают, "...ловят, обучают коней, ездят на них, находят потерявшихся по следам, – также как обращались со своими лошадьми древние скифы, гунны, турки, монголы и другие народы, тысячелетиями населявшие великую степь, подарившие миру коня" [2003, с. 5]. Но главную роль лошадь играла в духовной сфере: в мировоззрении, различных ритуалах и обрядах [Ковалевская, 1977; Нестеров, 1990]. Образы священной лошади и волшебного коня сохранились в мифах и героическом эпосе кочевников. В древних алтайских сказаниях конь рождается в один день с героем, а воином становится только тогда, когда приобретает своего коня [Жирмунский, 1974]. В эпосе "эпитетами коня обычно являются слова эржине и койлоо. Последним словом в древности называли коня, которого хоронили вместе с хозяином" [Суразаков, 1985, с. 31]. Этот погребальный обычай, характерный для алтайских тюрков, возможно, связан с похоронной обрядностью населения пазырыкской культуры Алтая. Он сохранился у алтайцев и тувинцев до этнографической современности.

В течение последних одиннадцати полевых сезонов в Баян-Улэгэйском аймаке Монголии работала небольшая экспедиция, в основном, нацеленная на изучение древних наскальных рисунков. В реализации международного проекта "Алтай" принимали участие сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН, Института истории (ныне институт археологии) АН Монголии и университета штата Орегон (США). Особое внимание было уделено исследованию, огромного по площади, петроглифического комплекса, открытого в долинах рек Хар-Сала и Цагаан-Гол. Эти две высокогорные реки берут свое начало в отрогах, пограничного с Россией, Сайлюгемского хребта и являются северо-западными истоками Кобдо – главной реки Монгольского Алтая. Основным водоразделом рек служит гора Шивээт-Хаирхан – ламаистская святыня Монгольского Алтая. Надо предположить, что священная гора почиталась с глубокой древности, о чем свидетельствует высокое обо и многочисленные петроглифы у её подножия.

Наскальные изображения, в основном, относятся к позднему бронзовому веку и к эпохе древних кочевников. Сюжеты представлены рисунками колесниц, быков, лучников в серповидных головных уборах, снежных барсов, волков-собак? и кабанов. Очевидно, одновременны им крупные изображения пятнистых оленей, диких ослов? и лошадей. Но особенно любопытны фигуры всадников на породистых скакунах (рис. 1, 1–3). Они вооружены клевцами, луками и запечатлены в момент охоты на оленей и козлов. По стилю и технике исполнения всадники могут быть датированы эпохой поздней бронзы или даже началом аржано-майэмурского этапа. Здесь же контурным желобком выбито огромное изображение коня (рис. 1, 4). Большие размеры рисунка (185 см в длину) могут свидетельствовать о зарождении культа коня в мифологии древних кочевников Алтая. Пропорции фигуры явно не соответствуют реалистическому стилю (большая голова с открытым ртом, короткое туловище, тонкие и короткие ноги опираются на кончики копыт). Поза животного создает иллюзию какой-то неустойчивости, и одновременно передает момент внезапной остановки. На шее коня можно предположить награвник с двумя черточками-выступами, наверху в виде рога быка или козла? на тонком хвосте узел, завязанный в виде петли. В подобной стилистической манере выполнены ещё несколько, менее крупных фигур «рогатых» коней в этом же комплексе. Общее число изображений составляет около 50 экз., а по значимости образ коня, несомненно, стоял в одном ряду с солнечным оленем.

Рис. 1. Изображения коней и всадников в петроглифах Алтая.
1 – 4, 6 – гора Шивээт-Хаирхан; 5 – урочище Биллут (по Kortum, et al, 2004); 7 – левый берег ручья Татых.

Изображения коней из Шивээт-Хаирхана, имеющих на головах наверхия в виде рогов, можно попытаться сравнить с настоящими конями, захороненными в больших курганах Алтая и Восточного Казахстана [Самашев и др., 2000, с. 30]. Головы отдельных коней украшали деревянными имитациями рогов горного козла, снаружи обклеенных золотым листом. В парадном убранстве коней также обнаружены позолоченные деревянные и кожаные нагивники, а хвосты некоторых коней завязаны в узел. Точно такие же детали воспроизведены и на самом большом изображении коня в Шивээт-Хаирхане. Небольшие округлые утолщения на хвосте коня из петроглифов Биллут (рис. 1, 5), очевидно, могут интерпретироваться, как узлы, завязанные на хвосте. Эти рисунки всадников, открытые Монголо-Американско-Казахской экспедицией на восточном побережье озера Хотон-Нуур, также как и “небесный” конь из Шивээт-Хаирхана, имеют большие размеры (первая фигура всадника – 206 × 159 см; вторая фигура – 224 × 193 см) [Kortum, et al, 2004, fig. 14].

Покрытые золотом фигурки коней с рогами козла служили главным украшением сакрального головного убора молодого воина, погребенного в кургане Иссык [Акишев, 1978]. И в рядовых курганах пазырыкской культуры Алтая были найдены миниатюрные фигурки коней, которые украшали мужские головные уборы [Кубарев, 1987]. Все они выполнены из дерева в виде объемной скульптуры и покрыты листовым золотом. В головах коней проделаны отверстия для вставных ушей и рогов, которые изготавливались из кожи или дерева и также обертывались листовым золотом. Как правило, это всегда были рога козла. Среди рисунков коней из Шивээт-Хаирхана, только одна фигура имеет рога козла (рис. 1, 6), – у остальных рога напоминают бычьи и направлены острием вперед. Как объяснить такое различие в форме рогов? Возможно, оно связано с традицией древних кочевников украшать головы коней наверхиями различной формы: в виде оленьих или козлиных рогов, и еще более усложненных, в виде скульптурных фигур грифонов и птиц [Руденко, 1953, рис. 134, 136, 137].

В петроглифах Алтая сюжет: “конь-козерог” встречен впервые, но, возможно, ещё одно похожее изображение (рис. 1, 7) найдено нами у восточного подножия горы Шивээт-Хаирхан, около устья ручья Татых. Рисунок “коня-козерога” есть и в известном петроглифическом комплексе Тамгалы. Казахские ученые в палимпсесте (первоначально бык, после подновления лошадь и всадник) также видят изображение коня в рогатой маске [Самашев и др., 2001, рис. 32].

Натурой древнему художнику послужили домашние и дикие лошади. Домашних животных можно различить в сценах хозяйственной жизни номадов, – диких лошадей в сценах охоты на них. Последние сюжеты можно интерпретировать и как инсценировку ритуального убийства лошади: жертвоприношение при обрядах поклонения предкам или высшим божествам, при заключении клятвенных договоров и т.д. Подобная практика была широко распространена у многих азиатских кочевых народов, а лошадь всегда числилась первой среди других жертвенных животных. Лошадь, очевидно, также являлась не только культовым, но и тотемным животным древних монголов, о чем свидетельствует “тот факт, что среди киданей было одно из племен, носивших имя *Морин* – лошадь” [Викторова, 1980, с. 150]. Древние тотемистические представления монголов, связанные с конем или лошастью послужили основой для более поздних мифологических сюжетов о *Хий Морь* – Небесном Коне [Там же, с. 152]. Он часто фигурирует в монгольском эпосе о Гэсэре, являясь посредником между героем и духами предков, общеплеменными божествами, и даже ассоциируется с самим Вечным, Синим Небом.

Надо предположить, что многие идеологические представления о лошади зародились, очевидно, уже сразу после ее приручения и использования ее в качестве тяглового средства и для верховой езды. Это произошло в Центральной Азии, возможно, уже в конце IV тыс. до н.э., хотя прямых и достоверных свидетельств, приручения дикой лошади в этом регионе пока нет.

Список литературы

- Акишев К.А.** Курган Иссык. – М.: Наука, 1978. – 131 с.
- Викторова Л.Л.** Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 234 с.
- Даржа В.** Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. – Кызыл: ТуВИКОПР СО РАН, 2003. – 184 с.
- Жирмунский В.М.** Тюркский героический эпос. Л.: Наука 1974. – 727 с.
- Ковалевская В.Б.** Конь и всадник. – М.: Наука, 1977. – 152 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.
- Нестеров С.П.** Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. – 143 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: АН СССР, 1953. – 402 с.
- Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С.** Берел. – Алматы: Берел, 2000. – 57 с.
- Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А.** Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. – Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2001. – 108 с.
- Суразаков С.С.** Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1985. – 256 с.
- Kortum R., Batsaikhan Z., Edelkhan, Gambrell J.** Another new complex in the Altai mountains, Bayan Olgii ainag, Mongolia: Biluut 1, 2 and 3 // International Newsletter on Rock Art (INORA). – 2004. – No. 41. – P. 7 – 14.

В.Е. Ларичев, В.И. Сазонов

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия*

МЕТОДЫ КОРРЕКТНОЙ РЕСТАВРАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ УНИКАЛЬНОГО ОБЪЕКТА ИСКУССТВА (на примере мальтинской календарно-астрономической пластины)

*Столетию со дня рождения
М.М. Герасимова посвящаем*

Вводные замечания. Видение в предметах искусства малых форм палеолита документов внимания человека ледниковой эпохи к Небу и светилам восходит к началу второй половины XIX в. В общей, концептуально-порядка форме эту мысль высказал тогда Буше де Перт [Boucher de Pertes, 1857; подробности см. Ларичев, 1989; 2001]. Практическое же решение «непопулярной» в традиционной археологии проблемы началось в первые десятилетия XX в. [Baudouin, 1926]. Открытие М.М. Герасимовым в Мальте пластины из бивня мамонта, «украшенной» спиралями и фигурами змей, положило начало подключения сибирских материалов к разработке идеи овладения палеолитическим человеком астрономическими знаниями [Hentze, 1932; подробности см. Ларичев, 1988; 1989; Евсюков, Ларичев, 1985].

Постановка проблемы. Извлечение из объектов искусства не только гуманитарной, но также естественнонаучного разряда информации предопределяет использование предельно высокого качества источников и разработки специальной методики их исследования [см. Ларичев, Арустамян, 1987; Ларичев, Сазонов, 1989; 1999; 2000]. Иногда, однако, сохранность избранного для изучения предмета искусства оставляет желать лучшего. Поскольку же он уникален, а по значимости беспрецедентно высок, то возникают следующие научно-познавательные интересы и проблемы: *а* – предельно корректной реставрации его и как физического тела, и как носителя знаково-символической системы со значительными утратами ее элементов; *б* – возможной ее структурной реконструкции и смысловой интерпретации. По высоте значений и проблем именно к такой категории объектов относится мальтинская календарно-астрономическая таблица (рис. 1).

Методические установки и программная цель поиска. Удовлетворительная сохранность знаковых структур правой половины пластины предопределила методику начала задуманного исследования: сначала следовало осуществить точные замеры расстояний между центрами всех без исключения подлинных древних лунок, а затем всех лунок, восстановленных М.М. Герасимовым. Для проведения такой операции был изготовлен специальный измерительный контейнер, в котором размещалась пластина [описание ее, способы закрепления объекта и приемы съема информации см. Ларичев, Сазонов, 1989]. Прежде всего, определялся центр каждой лунки. Трудность заключалась в том, что они обладали разной степенью неправильности формы. Поэтому-то общий центр между каждой лункой неопределенной формы и приходилось определять композиционно-графическим способом. Для этого в каждую нишу-лунку вписывался вариативным подбором единый модульный круг (одного для всех диаметра с одинаковыми взаимно перпендикулярными диаметрами). Опираясь на композиционно-графическое чувство равновесия и ощущения совпадения центра круга с воображаемым центром лунки, фиксировалось единое место центров (искомый центр той или иной лунки). Круг с его взаимно перпендикулярными диаметрами определялся с помощью композиционного чувства равновесия, что и превращало реальные объекты в «идеализированные объекты», пригодные для теоретико-прикладного исследования.

Цель этой части исследования, как поиска обоснований результатов его, состоит в том, чтобы доказать следующее: пластина в ее числовой (вернее – графоаналитической) компоненте есть репрезентативный, т. е. корректный, хотя и несколько искусственный источник достоверной информации, поскольку он может и потому должен восприниматься необходимым и вполне достаточным подобием подлинного документа архи-

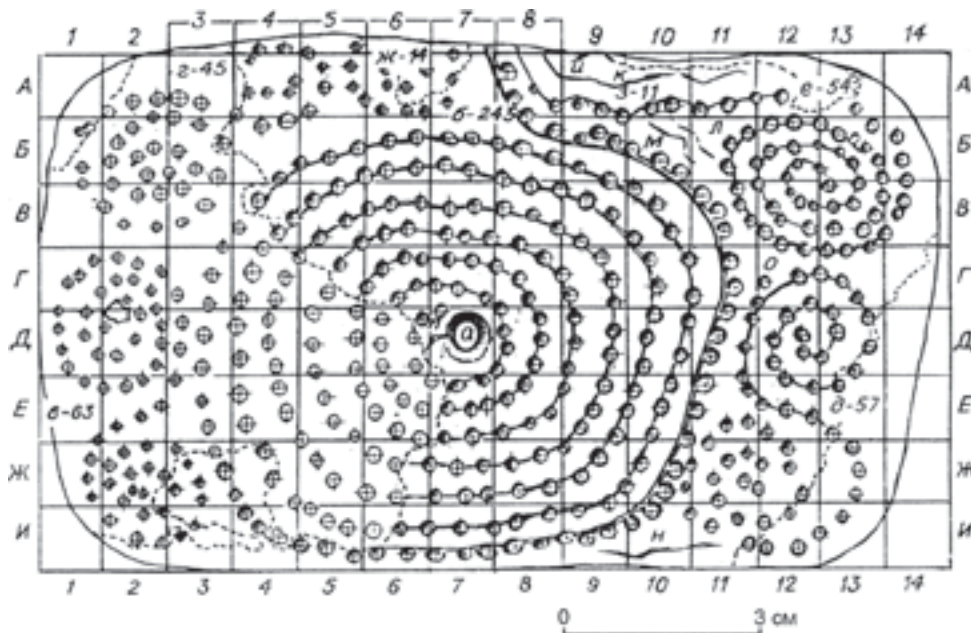

Рис. 1. Мальгинская пластина. Ортогональная проекция выпуклой стороны ее со всеми элементами формы и знаковой системы на одну из координатных плоскостей измерительного прибора В.И. Сазонова.

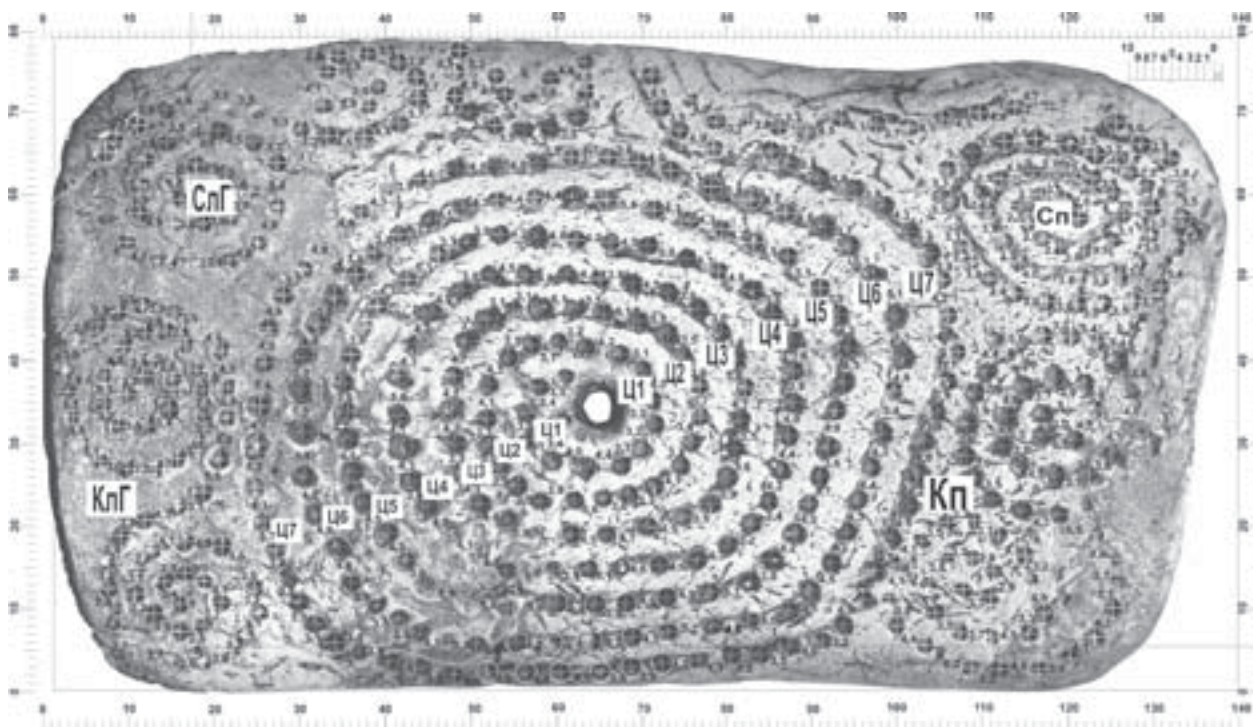

Рис. 2. Позиционирование знаков, спиралей и клотоид мальгинской пластины по среднестатистическому единому модулю и с учетом топологического тождества фигур.

вного хранилища. Подтверждение тому – полная картина количественных отношений между всеми соседними лунками по всем разновидностям их цепочек – по клотоидам и спиральям.

Естественная устремленность подлинной науки, а не эрзаца ее, к наибольшему, по возможности, приближению к истине требует установления меры точности реставрации М.М. Герасимова. Это, в свою очередь, по-

нуждает создать условия для решения второй (вслед за первой – познавательной и реконструктивной) задачи: репрезентативна ли (корректно представительна ли) восстановленная археологом часть подлинному замыслу структурирования «узора», созданного древним автором.

Установление меры точности реставрации М.М. Герасимовым местоположений отдельных лунок создает условия для решения второй реконструктивной проблемы – точности позиционирования клотоид левого края пластины.

Результаты решения первой проблемы. После завершения обмеров всех без исключения интервалов, было произведено сравнение по единому подходу двух информационных пластов – сохранившейся части знаковой системы пластины, исполненной древним мастером и реставрированной М.М. Герасимовым. Итоги работы представлены в нижеследующей таблице разными блоками для наглядного и удобного их постадийного и общего корректного среднестатистического сравнения как на стадии обмера, так и на этапе сопоставления:

Автор	Ц ₁	Ц ₂	Ц ₃	Ц ₄	Ц ₅	Ц ₆	Ц ₇	КлГ	СлГ	КпГ	СцлГ	Спв	Кпн	Итог обоб.
Древн. автор	4,46	3,54	4,1	4,4	4,34	4,45	4,02	--	--	--	--	3,33	3,72	3,86
Обобщ.	4,18							---				3,52		3,86
Герасимов	3,48	3,51	4,12	4,39	4,12	4,19	4,50	3,39	4,16	3,77	4,11	---	----	3,95
обобщ.	4,04							3,86						3,95
	Ритмометрический резонанс -							Совпадения				На		98%

Условные обозначения: Ц₁–Ц₇ – витки центральной спирали; КлГ – клотоида левая Герасимова; СлГ – спираль левая Герасимова; КпГ – клотоида правая Герасимова; Спв – спираль правая верхняя; Кпн – клотоида правая нижняя.

Выводы из анализа зафиксированных фактов напрашиваются следующие:

- художественно-выразительные темпераменты древнего и современного мастера оказались сходными. Близость чувствительности к восприятию, разнесенная на два десятка тысячелетий, не может не удивить;
- незначительные различия можно, по большей части, объяснить несовпадением значимости целей двух мастеров: М.М. Герасимов осуществлял *реставрацию* и при том не догадывался в 1929 г. об истинном предназначении пластины (в частности, он не занимался подсчетами числа лунок в спиральных), а между тем, древний мастер изготовлял предмет, нужный ему для целей, связанных с астрономией и календаристикой.
- к основному недостатку реставрации М.М. Герасимова можно (да и то пока лишь предположительно) отнести утерянную трапециевидность левой части центральной спирали (эта особенность просматривается в правой, сохранившейся части ее);
- в целом корректность реставрации М.М. Герасимова подтверждается графоаналитической самодеятельностью почти на 100% (невольные, конечно же, просчеты составляют ничтожную долю – ≈2%).

Результаты решения второй проблемы. Точность позиционирования М.М. Герасимовым клотоид левого края пластины подтверждается графоаналитически. Размещение их близко (подобно) первоначальному, как это было задумано палеолитическим мастером. Структуры правой и левой окраин пластины смыслообразующе тождественны, по крайней мере, по двум основополагающим аспектам: как по среднестатистическому единому модулю, так и по топологическому тождеству фигур, и, надо полагать, по основному содержанию. Положительный ответ на поставленный вопрос может быть обоснован следующим образом. Как бы не “выверялась” восстановленная часть композиции для достижения наибольшего подобия к сохранившейся части пластины (в том числе трапециевидности центральной спирали), однако, смыслообразование в основном зависит от главной структурной организации в виде подобных друг другу клотоид и спиралей.

Краткие итоги поиска. Главное достижение его – подтверждение точности числовой компоненты пластины на участках информационного поля ее, реставрированной М.М. Герасимовым, что означает возведение объекта с «узорами» и фигурами змей в ранг достоверного источника. Божественного ранга художественный талант М.М. Герасимова сохранил для современной науки источник протонауки древней, равный по ценности клинописным календарно-астрономическим трактатам, созданным во II тыс. до н.э. жрецами Вавилона.

Список литературы

- Герасимов М.М. Мальга – палеолитическая стоянка. – Иркутск, 1932.
 Евсюков В.В., Ларичев В.Е. Карл Хентце – исследователь древних культур Восточной Азии // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1985.

Ларичев В.Е. Мальтинская пластина – счетная календарно-астрономическая таблица древнекаменного века Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988.

Ларичев В.Е. Мудрость Змеи. Первобытный человек, Луна и Солнце. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989.

Ларичев В.Е. Первые образцы искусства малых форм древнекаменного века Центральной Азии (принципы выявления нестандартных объектов художественного творчества и семантика образов) / А.П. Деревянко и др. Палеолит Восточных предгорий Арц-Богдо. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001.

Ларичев В.Е., Арустамян А.И. Ачинская скульптура из бивня мамонта – аналоговый вычислитель древнекаменного века Сибири // Древности Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987.

Ларичев В.Е., Сазонов В.И. Ачинская скульптура из бивня мамонта: инструментарий и метод геометрически корректного пространственного обмера форм и графоаналитической реставрации на ее примере // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989.

Ларичев В.Е., Сазонов В.И. Стереоскопический метод восприятия спиральной знаковой записи Ачинского жезла // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1999.

Ларичев В.Е., Сазонов В.И. Геометрическая гармония центральной подвески мальтинского ожерелья // Обзорные 94–96. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000.

Baudouin, M. La Préhistoire par les Étoiles. Un Chronomètre Préhistorique. – Paris, 1926.

Boucher de Pertes. Antiquités Celtiques et Antédiluviennes. Vol. II. – Paris, 1857.

Hentze, K. Mythes en Simboles Lunaires. – Anvers, 1932.

А.И. Мартынов, В.Ю. Чигаева

Кемеровский государственный университет, Кемерово

КОМПОЗИЦИОННОЕ РАССМОТРЕНИЕ СЮЖЕТОВ С ПТИЦАМИ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Наскальное искусство – особый способ отражения человеком окружающего его объективного мира в символической форме, в котором находят своё запечатление взаимоотношения человека с окружающей средой, человека с человеком и человека с его мистическим миром. При помощи наскального искусства могла быть отражена текущая бытовая информация, например об удачной охоте, предназначенная для своих соплеменников, социальная информация об истории коллектива и его тотемных предков, которая передавалась молодёжи в форме инициаций и информация этнокультурного характера о принадлежности человека к тому или иному племени [Цетлин, 2004]. Кроме того, наскальное искусство является, отчасти, запечатлением на камне сцен мифологии, эпоса, сказок и др. Мифы, в свою очередь, подразделяются на этиологические, космогонические, антропологические [Хлобыстина, 1987]. Эпос отражает разные сферы жизни культурного героя, а в сказках культурным героем вообще мог быть не только человек, но и животное, и птица, и т. д. Таким образом, возможности интерпретации наскального искусства достаточно обширны и разнообразны.

Данное исследование предполагает композиционно-сюжетное рассмотрение запечатления птиц на скалах Северной Азии. Все выделенные нами композиции, содержащие изображения птиц, можно охарактеризовать следующим образом: изолированное изображение птицы (вертикально парящая, идущая/ стоящая); одиночное изображение птицы (вертикально парящая, стоящая/ идущая/ сидящая, летящая); две птицы; птица на человеке; человек на птице; птица рядом с «шаманом» (либо птицеголовый человечек с бубном); птица на животном; птицы, идущие одна за другой; несколько птиц, расположенных вертикально одна над другой и иногда слившихся между собой; несколько птиц, парящих рядом; птица (одна-две), а под (над) ней чуть выше/ниже пятно (одно-два); птица (одна-две) и чуть выше (ниже) неё диск; птица (ы) и рядом или вокруг пятна; птицы (одна или несколько), а рядом оградка (чаще с пятнами); птица (одна или несколько) вблизи животных и / или людей; птицы (одна или несколько) в окружении неопределённой символики; ярусная композиция. Безусловно, каждая композиция несёт в себе свой сакральный смысл. Обратимся первоначально к характеристике этих композиций и сюжетов в работах авторов, опубликовавших, в большинстве своём, исследуемые нами источники.

Итак, в Кемеровской области на Томской и Новоромановских писаницах исследователи-предшественники отмечают наличие космогонического мифологического сюжета – «сотворения мира», в котором на передний план выходит утка. С изображением сокола (на Томской писанице) связывается запечатление души и различные представления о потустороннем мире. Журавль воспринимается как носитель доброго начала, а сова – как символ мудрости и богатства [Окладников, Мартынов, 1972].

В Хакасии на горе Сагыт и рисунках южного склона Оглахтинских гор исследователи отмечали сцены охоты на орлов и ястребов [Кызласов, Леонтьев, 1980]. Возможно, эти сцены отражали культ хищной птицы и иллюстрировали отлов этих птиц для последующей продажи в другие страны. На памятнике Оглахты V отмечена сцена терзания (гриф терзает косулю + солярный символ между ними) [Пяткин, Советова, Миклашевич, 1995]. На наш взгляд, эта сцена может быть интерпретирована двояко, и второй её смысл заключается в том, что это сцена борьбы двух начал: добра и зла, света и тьмы, соприкосновение земного мира (косуля) и потустороннего (гриф). На памятнике Тас-Хааза, по мнению Кызласова, изображены птицеголовые боги: Тот и Хонсу, а сам сюжет является запечатлением солнечного культа [Кызласов, 1986]. Другая семантика этого сюжета – это похищение мифического, культурного героя за добычей – Солнцем (миф «О разорителе орлиного гнезда», похитившем огонь, солнце), где птицы (орёл, ястреб, сокол) – спутники культурного героя и его тотемное воплощение [Хлобыстина, 1987; 1978]. Сокол (ястреб) также являлся солнечным символом победы

[Советова, 2003]. На Усть-Тубе (I, III, IV), считается, была отражена вертикальная структура мирового дерева – трёхчленное деление – вверху – птица, в средней части – олени, кони, люди, внизу – волк, змея [Шер, 1980; Советова, 1990]. А на Бычихе – изображён мифический орёл [Пяткин, Черняева, 1980]. На памятнике рядом с улусом Бурахты изображены особые «светлые» птицы, возможно, души умерших, улетающие в потусторонний мир [Вадецкая, 1983]. Бейская стела содержит целый ряд орнитофорфных образов и сюжетов, связанных с ними. По мнению М.А. Дэвлет, на ней отображена сцена противопоставления - противостояния белого и чёрного лебедя (?) (жизнь и смерть, добро и зло) и противостояния ворона и лебедя – двух мифических героев [Дэвлет, 1990]. На памятнике Черновая VIII, предположительно, изображены родовые тотемы и запечатлены представления, связанные с культом предков в сочетании с шаманизмом и промысловым культом [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980]. Памятники Шарыповского района Красноярского края (Ключ I, Малое Озеро VIII, Апрельев лог II и III и др.) содержат орнитоморфные тамги – знаки отличия отдельных кланов. Птицы же, изображённые на них, являются переносчиками или воплощением душ умерших, связаны с нижним миром, также являются и олицетворением солнечной энергии, ветра, считаются коммуникаторами [Семёнов, Килуновская, Красниенко, Субботин, 2003].

На Алтае на памятнике Каракол изображена сцена – солнцеголовый + животное + птица. Исследователи дают двоякую расшифровку древнего сюжета: либо это изображение шамана, птицы - его помощника, а вокруг символы неба и звёзд, либо изображён погребальный обряд, а животное и птица – духи-проводники душ мёртвых в иной мир [Кубарев, 1988]. На Кызыл-Кёле птица является образом мирового дерева [Окладникова, Окладников, 1985]. На Сары-Сатак отмечается солярная принадлежность орнитоморфных композиций, их связь с небом, звёздами [Окладников, Окладникова, Запорожская, Скорынина, 1982]. На писанице Каянча II, по словам исследователей, птица выступает, как существо космического порядка. Возможно, здесь изображена гигантская птица-помощник шамана – Хан-Керде – орёл или коршун, дух-помощник. Кроме того, на памятниках Средней Катунь (Каянча, против устья Сумульты) отмечены крестообразные фигуры – модификация мотива птицы (птица-крест – живая икона чтимых духов, оберег от сил зла и тьмы, залог счастья и благоденствия) [Окладникова, 1984]. На Гачурте в сюжетах переданы обрядовые действия, связанные с идеей реинкарнации, переходом душ жертвенных животных, как необходимым условием существования кочевников (изображения культово-генеалогического цикла). Птицы выступают в роли переносчиков душ [Савинов, 1999]. На памятниках Карагем (Джурамал) и Туэкта изображён сюжет охоты на птицу (хищную; голенастую) [Маточкин, 1997; 1999; Советова, 2003]. На Кара-Оюке, Арал-Толгое и Калбак-Таше (I) запечатлены сцены охоты, военных действий, угона скота, шествия зверей и хозяйственная деятельность. Усть-Канская писаница является иллюстрацией охотничьего эпоса о герое-мергене (охотнике). Здесь целый ряд сцен: загонная соколиная охота на животных, охота на птиц, сцена размножения [Молодин, 1992; Елин, Некрасов, 1994], одиночная птица – сокол – помощник шамана, летевшая впереди него во время пути его к богу Ульгеню [Елин, Некрасов, 1994]. На Ине изображены орлы, охотящиеся на копытного (сайгу) [Соёнов, Суханов, 2000]. На Хар-Салаа – сцена соколиной охоты [Кубарев, 2001]. Писаница Черек-Таш содержит композиции: соколы+козлы, олени. Здесь сюжет с птицами – это одна из форм моления светлым духам, божествам неба, гор, вод и зверей [Окладникова, 1983].

В Тубе крестообразные фигуры также воспринимаются как схематическое изображение птицы. Гора Алды-Мозага рисует пред нами картины смены дня и ночи, круговорота жизни и смерти [Дэвлет, 1990].

В Бурятии на скалах Шишкино, Никольский ручей, рисунки за мельницей отражены обряды размножения и магического убиения животных – «шингкэлавун». Это – беглые зарисовки с натуры, изображающие группы птиц, стаи уставших после перелёта гусей [Окладников, Запорожская, 1959]. На писаницах Забайкалья (Худжир, Табангутское Обо, «Деревенская гора», Усть-Кяхта и др.) исследователями отмечается солярная принадлежность птиц (крест-птица-человек – символы неба, связанные с культом солнца, как источника производительной силы природы, изображения птиц – это поклонение небу как верховному божеству, прошение у него богатства и плодородия; крест – символ Вселенной, неба – космогонический сюжет) [Окладников, Запорожская, 1971]. Птица – это образ верховного покровителя скотоводческих общин. В этой связи, сюжеты с птицами в Забайкалье – это магические формулы или заклятья (дворы + духи-хранители + орлы - «Силою вечного неба да будет счастье!») [Тиваненко, 1990]. Основным образом забайкальских писаниц являются хищные птицы (орлы, ястребы, соколы, коршуны). Есть мнение, что орёл – божество Ихе-Шубу-уна – сын могущественного шаманского божества Хан-Хутэ-баабая – властителя о. Ольхон, изображаемого в виде человека-птицы, от которого пошли первые шаманы [Тиваненко, 1990]. Таким образом, в этих рисунках запечатлена шаманская мифология и элементы культа хищных птиц, шаманские призывания-молитвы к хищным птицам. Достаточно частым сюжетом является изображение на скалах кода «птица + лошадь». По мнению археологов, это призывание богини подательницы плодородия конного скота, то есть так называемой «орлицы горбоносой с атрибутами её космической природы» [Тиваненко, 1990]. Таким образом, на скалах Забайкалья имеются два

основных сюжета: обращение к духам-божествам и описание испрашиваемой у них цели. Сцены «человек (люди) + птица» трактуются в науке как изображения «сынов (хозяев) Неба», молитвы ниспослания счастья и благополучия; оградки с животными и пятнами – это идея количественного выражения домашнего скота; люди рядом с оградками – это предки общин у своих загонов, полных скота; орёл с оградкой, в которой пятна-скот означает духа-покровителя общины [Тиваненко, 1990]. На памятниках Приангарья (Каменка, Верхняя Буреть и др.) также запечатлены мифологические представления, связанные с солнцем, небом и потусторонним миром [Окладников, 1966].

Наскальные рисунки Якутии (писаницы ниже дер. Тинной, р. Юедяй, Ат-Дабан, Суруктах-Хая и др.) тоже содержат изображения птиц. Например, изображение «прямого креста» – запечатление летящей птицы, солнца, «жар-птицы» или креста с крючкообразно загнутыми в одну сторону концами (называется «хас», что в переводе обозначает – «гусь»). Этот крест считается у монголов и бурят символом благополучия и счастья, благополучия, милости Неба [Окладников, Запорожская, 1972]. Рисунки на писаницах на р. Мая, Дерпукан, Бэс-Юрэх и др. также, считается, наносились с целью способствовать охотничьей магии, размножению зверей и птиц, благополучию человеческого рода и являлись отражением охотничьих культов [Окладников, Мазин, 1976], как и изображения на скалах в Читинской и Амурской областях (Бутиха, Кара, Средне-Шайкино и др.) [Мазин, 1986]. В свою очередь, на памятниках Амурской области Сакачи-Алян, р. Кия и Шереметьевское запечатлен и космогонический миф – рассказ о сотворении и детстве Вселенной, о лебедях – птицах-демиургах, ныряющих в воды первичного океана и сотворяющих Землю [Окладников, 1971].

На основании полученных сведений, мы можем выделить ряд основных сюжетов-сцен в наскальном искусстве исследуемой территории: соколиная охота; охота на птицу; поклонение божествам – покровителям рода, просьба увеличения плодородия, поголовья скота; «сыны неба»; сюжет противостояния (либо охота хищной птицы на водоплавающую); бег времени; 3-х членная вертикальная структура мира, где птица – представитель верхнего мира; поклонение Небу, как верховному божеству; стая птиц («птичьи базары» во время перелётов, вереница); охота хищной птицы на животное; сцена 2-х миров (земного и потустороннего); бытовая сцена; «небесная пара»; птица с птенцом; небесное животное (либо птица – покровитель); космогоническая сцена - «птица-демиург»; шаманское действие; сцена терзания; неопределённая сцена; нет сцены (одиночное изображение птицы). Как видно, содержание этих сцен сведено до минимума и формулировка достаточно упрощена. Это связано, в первую очередь, с тем, что зачастую на скалах мы можем определить лишь это примерное содержание, а все обращения к мифологии, эпосу, сказкам, обрядовой практике не более, чем предположительны, поскольку наскальное искусство лишь отражает основные идеи, а не напрямую иллюстрирует «миф».

Список литературы

- Вадецкая Э.Б.** Проблема интерпретации Окуневских изваяний // Пластика и рисунки древних культур. Первобытное искусство. - Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1983. – С. 86-97.
- Дэвлет М.А.** О космогонических представлениях древних жителей Среднего Енисея. Изображения на Бейской стеле из Хакасии // Семантика древних образов. Первобытное искусство - Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1990. – С. 83-90.
- Елин В.Н., Некрасов В.А.** Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая - Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛИ, 1994. – С. 116-281.
- Изображения** на плитах тагарских курганов (Шарыповский р-он Красноярского края) / Семёнов Вл.А., Кицуновская М.Е., Красниченко С.В., Субботин А.В. - Санкт-Петербург: Наука, 2003. – 121 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. - Новосибирск: Наука, 1988. – 170 с.
- Кубарев В.Д.** Сюжеты охоты и войны в древне-тюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии - 2001. - № 4 (8). – С. 95-107.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. – 168 с.
- Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В.** Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, Изд-во восточной литературы, 1980. – 176 с.
- Мазин А.И.** Таёжные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 259 с.
- Маточкин Е.П.** Архетипические образы в скифском искусстве Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Международная науч. конф. - Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – С. 122-126.
- Маточкин Е.П.** Лучник и птица петроглифов Карагема // Гуманитарные науки в Сибири. – 1997. - № 3. – С. 57-63.
- Молодин В.И.** Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии: Первобытное искусство - Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1992. – С. 91-93.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангары. - М.-Л.: Наука, 1966. - 322 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Нижнего Амура. - Л.: Наука, 1971. – 340 с.

- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Ленские писаницы (наскальные рисунки у дер. Шишкино). - М.-Л: Наука, 1959. - 295 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Забайкалья. - Л.: Наука, 1971. - Т. 2. - 262 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Средней Лены. - Л.: Наука, 1972. - 272 с.
- Окладников А.П., Мазин А.И.** Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1976. - 189 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.** Сокровища томских писаниц. - М.: Наука, 1972. - 257 с.
- Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А.** Петроглифы урочища Сары-Сатак (р. Елангаш). - Новосибирск: Наука, 1982. - 149 с.
- Окладникова Е.А.** Ритуальные скульптурки животных из сыра кумандинских Алтай-кижи // Пластика и рисунки древних культур (Первобытное искусство) – Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1983. – С. 161-173.
- Окладникова Е.А.** Петроглифы Средней Катуня. - Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1984. – 111 с.
- Окладникова Е.А., Окладников А.П.** Древние рисунки Кызыл-Кёля. – Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1985. – 147 с.
- Памятники окуневской культуры / Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.** - Л.: Наука, 1980. – 148 с.
- Пяткин Б.Н., Советова О.С., Миклашевич Е.А.** Петроглифы Оглахты-V (публикации и коллекции) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 86-109.
- Пяткин Б.Н., Черняева О.С.** Новые петроглифы Бычихи (р. Сыда) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока - Новосибирск: Наука, 1999. – С. 85-88.
- Савинов Д.Г.** Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Сб. Международной конференции по первобытному искусству - Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999, Т. 2., С. 205
- Советова О.С.** Изображения птиц на писаницах Енисея // Археолого-этнографический сборник – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 98-124.
- Советова О.С.** К вопросу о семантике среднеенисейских петроглифов скифского времени // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР - М.: Наука, Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 169-174.
- Соёнов В.И., Суханов Г.П.** Плита из Ини // Обзорение 1994-96 гг. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 47-49.
- Тиваненко А.В.** Древнее наскальное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука: сиб. отд-е, 1990. – 208 с.
- Хлобыстина М.Д.** Говорящие камни (сибирские мифы и археология). - Новосибирск: Наука, 1987. – 127 с.
- Хлобыстина М.Д.** Тотемно-космогонические образы в искусстве южно-сибирской бронзы // первобытное искусство. У истоков творчества - Новосибирск: Наука, сиб. отд-е, 1978. – С. 155-163.
- Цетлин Ю.Б.** Предметная изобразительная деятельность древнего человека: её природа и содержание // Российская археология. – 2004. - № 3. – С. 87-94.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. - М.: Наука, 1980. – 328 с.

Л.В. Панкратова*Томский государственный педагогический университет, Томск*

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОГО ИЗ ТИПОВ КОМПОЗИЦИЙ ПОЗДНЕКУЛАЙСКОЙ ОРНАМЕНТИКИ

Рассмотрение орнамента с позиций семиотического подхода предполагает исследование орнамента как системы. Орнамент как система состоит из функционально обособленных элементов разных уровней, связанных между собой. Исходя из этого, автор разделяет позицию исследователей, понимающих орнамент как знаковую систему, служащую целям коммуникации, то есть как язык. В результате исследования позднекулайской орнаментики на керамической посуде нами было установлено, что одним из основных элементов её структуры является мотив [Панкратова, 2005]. Каждый из мотивов в отдельности или в сочетании с другими образует композицию. Не останавливаясь на принципах выделения мотивов в структуре композиции, отметим, что орнаментальные композиции на позднекулайской посуде предстают конструкциями фразового типа, в которых структурные компоненты – мотивы – представляют собой последовательности элементов орнамента, воспроизведённые вдоль вертикальной оси сосудов. Орнаментальные компоненты выполнены в соответствии с синтаксическими требованиями симметрии, а, значит, и ритма. На уровне пространственной организации композиции представляют собой розетки. На уровне плоскостной организации представлены несколькими типами [Панкратова, 2005]. Целью данной работы является реконструкция одного из типов позднекулайских орнаментальных текстов – композиций, состоящих из бордюров без окаймления. Вслед за В.Н. Топоровым полагаем, что «реконструируемые тексты не должны непременно доводиться до словесной формы», хотя каждый из них мог иметь таковую. «При реконструкции достаточно установить некоторые основные семантические (в надязыковом понимании) единицы текста, реализуемые как в языковых, так и в неязыковых формах, и правила их комбинации». При этом текст должен обладать такими свойствами как общий семантический набор и «некоторые правила организации текста, распознаваемые потребителем текста на заданном фрагменте» [Топоров, 1972]. Наличие таких ритмических повторов элементов (в широком смысле слова), их «правильная» повторяемость внутри текста, позволяют предположить умение отождествления и знание синтаксических структур. В повторах элементов и воспроизведении самих структур в условиях мифопоэтического сознания предполагается обнаружение и подчёркивание и структуры, и её элементов. А соотнесение повторов с повторяемостью в ритуалах, в природе «обусловило сакрализацию самих текстов и момента, когда они порождались» [Топоров, 1972]. Иначе говоря, наличие повторов как элементов разных уровней внутри текстов, так и повторов структур текста – явление не случайное, а напротив, наполненное сакрализованным смыслом. Структура подобных текстов может быть сопоставлена с другими структурами цельной семиотической модели.

Структуры позднекулайских орнаментальных текстов сопоставимы со структурами иных текстов традиционных культур. Принципом организации подобных текстов является принцип последовательности (термин заимствован из математики). Последовательность обозначает множество, элементы которого можно «выстроить в ряд». Одним из способов реализации последовательностей является повтор. Он задан речи самим языком, поскольку язык всегда ограничен количеством фонем. Повтор характеризует художественную и обыденную речь, он используется для эстетического воздействия. В художественной речи упорядоченности частично канонизируются, превращаясь в твёрдые нормы, имеющие место в стихосложении, частично остаются более свободными. Звуковая организация художественной речи является отраслью поэтики. Аналогичные звуковым повторам в поэтике, обнаруживаются при анализе структуры орнаментов на уровне мотивов и композиции.

Одним из вариантов композиций, состоящих из бордюров (мотивов) без окаймления, является последовательность мотивов, элементы которых идентичны, а их количество во всех мотивах одинаково. То есть композиция представляет собой последовательность, состоящую из одинаковых мотивов. Обозначая элементы

мотива строчными буквами, а мотивы заглавными, можем представить такую запись в формализованном виде как: аб-аб (А-А) или более расширенный вариант аб-аб-аб (А-А-А) (рис. 1–1, 2). Звуковые повторы подобного вида в поэтике классифицируются как сложные полные повторы (АВС...АВС...АВС), двойные, тройные и т.д. в зависимости от количества звуков. Подобные последовательности в фольклоре существуют, например, в виде бесконечной «Сказки про белого бычка». Многократные повторы слогов лежат в основе организации скороговорок. К числу аналогичных повторов можно отнести любые многократно повторяющиеся процессы: монотонные действия, связанные с различными видами хозяйственной деятельности, покачивания колыбели, повторяющиеся движения танца, тренировки перед охотами и т.д. Как многократные повторы можно рассматривать и более сложные тексты культуры – обряды, ритуалы, праздники, смысл которых как раз и состоит в полном периодическом повторении. В сфере музыки примерами являются репетиции и музыкальные конкурсы, на которых участники могут исполнять одно и то же произведение. В целом, полные повторы – явление не редкое, а скорее типичное для архаических и традиционных культур, в которых они являются механизмом передачи и закрепления информации.

Другим вариантом композиций рассматриваемого типа, является последовательность мотивов, элементы которых идентичны, а их количество в разных мотивах может быть разным. Существует большое количество вариантов подобных записей, ограничимся несколькими примерами: абббб-абб (А-Б), аб-ааб-ааб (А-Б-Б) (рис. 1-3, 4).

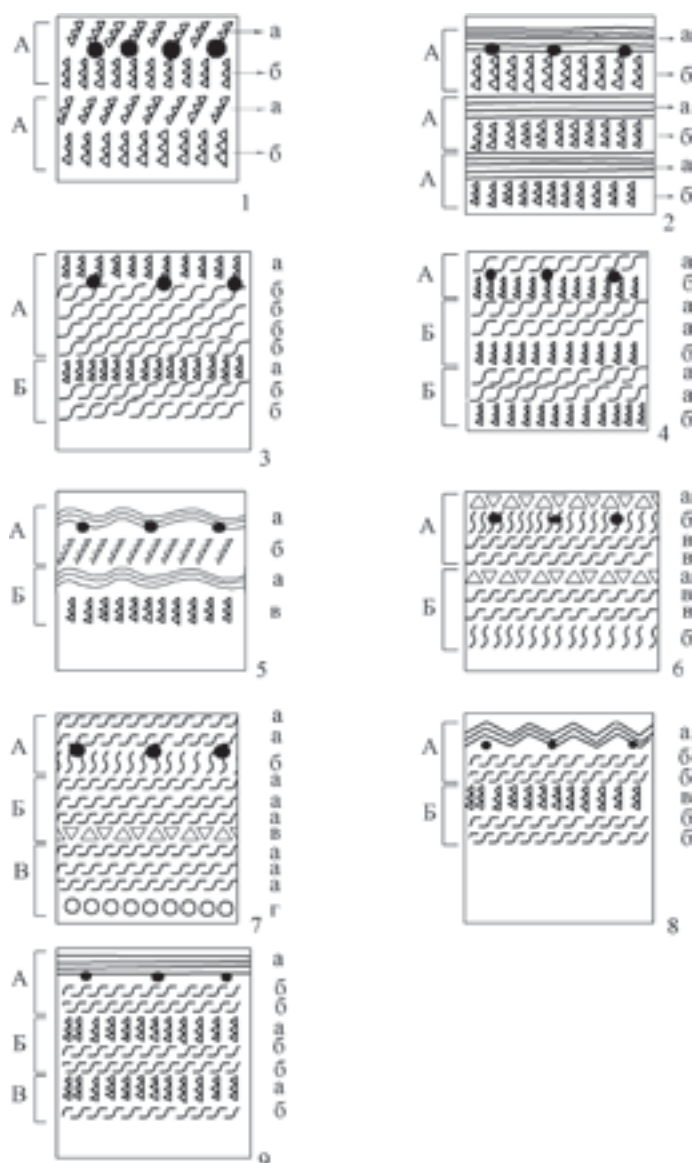

Рис. 1. Композиции, состоящие из бордюров без окаймления, на керамике позднекулайского времени.

В данном случае повторы демонстрируют расположение одинаковых элементов мотива в одинаковых позициях. Повторы данного варианта близки по структуре повторам предыдущего, но вместе с тем они не являются полными. В музыке мелодии с часто повторяющимися звуками называют речитативами. Речитативы характерны для религиозных католических песнопений. Используются они и в классической авторской музыке. Часто повторы музыкального текста сопровождаются повторами поэтического. Аналогичные описанным выше «правильные» последовательности элементов В.Н. Топоров называет «отмеченными», полагая, что данный термин более приемлем для архаического искусства, носящего синкретический характер [1972].

Менее «правильной» выглядит последовательность мотивов третьего варианта бордюров без окаймления. Все мотивы в композициях данного варианта имеют как минимум один повторяющийся элемент, который может состоять как из одинакового количества элементов орнамента, так и из разного. Общим принципом строения бордюров данного варианта является то, что повторяющиеся элементы мотивов стоят во всех мотивах в одной позиции. Например, *аб-ав* (А-Б), *абвв-аввб* (А-Б); *ааб-аав-аааг* (А-Б-В), *абб-вбб* (А-Б), *абб-вбб-вб* (А-Б-В) и др. (рис. 1-5-9). Аналогичные структуры художественной речи рассматриваются как сложные неполные повторы. По расположению повторов они делятся на анафоры (А...-А...), которым соответствуют бордюры с повторяющимися элементами в первой позиции (рис. 1-5-7), и эпифоры (...А-...А), которым соответствуют композиции с повторяющимся элементом в последней позиции бордюров (рис. 1-8, 9). Структуры подобного типа характерны для таких фольклорных жанров как сказки, баллады, песни. Примерами могут быть тексты русских народных песен «Ой, Осень», «Посеяли девки лён», «По-за городу гуляет» [Русская..., 1999]. Тексты организованы таким образом, что в каждой строфе повторяются две последние строки. Аналогичную структуру имеют песни, в которых после каждого запева повторяется один и тот же припев (эпифора). В позднекулайской же орнаментике преобладают записи, в которых повторяющиеся элементы стоят в первой позиции каждого мотива (анафора). В то же время анафоры типичны для текстов венгерских народных песен [Варга и др., 1981]. Примерами текстов, содержащих схожие структуры, могут быть русские сказки «Лисичка со скалочкой», «Колобок», мансийские «Эква Пыргись и Менквы», «Рассказ о роде Хатаневых» [Сказки оленевода, 2001]. В шаманских песнях ненцев Ямала можно обнаружить и эпифору, и анафору [Мифы и предания..., 2001]. В соответствии с описанным принципом выстаиваются и некоторые церковные обряды и ритуалы. Во время богослужения священник произносит слова молитвы или псалма, а все присутствующие подхватывают и повторяют его слова или произносят другие, предписанные ритуалом. В древности подобным же образом распределялись роли между солистом и хором. Изменения в исполнении могли выражаться в громкости звучания, в высоте тона, артикуляции и т.п. Подобный принцип, определяющий структуру древних индоевропейских текстов, именуется аллитерирующей звукописью. Языковым условием использования аллитерационного стиха является наличие обязательного начального ударения [Поливанов по Иванову, 1976]. «Это же можно сказать и о рифме, во всяком случае, в некоторых системах» [Соссюр по Иванову, 1976].

Орнаментальные композиции, состоящие из бордюров без окаймления на керамике саровского типа, имеют структуру, определённую набором элементов и выстроенную в соответствии с синтаксическими правилами организации текста. Повторяемость структур позволяет предполагать возможность семантического анализа орнаментальных текстов. Наличие структур, выстроенных в соответствии с жёсткими требованиями синтаксиса, позволяет предположить наличие в кулайском обществе категории людей, владеющих специальными знаниями и, возможно, обладающих специфическими социальными функциями.

Список литературы

- Иванов В.В.** Очерки по истории семиотики в СССР. – М.: «Наука», 1976. – 303 с.
- Мифы и предания ненцев Ямала** / Автор-составитель Л.А. Лар. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – 300с.
- Панкратова Л.В.** Терминология и синтаксис позднекулайской орнаментики // «Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета». – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2005. – С. 260-267.
- Русская народная песня для детей** / Сост. Е.И. Яковишина. – СПб.: Детство-Пресс, 1999. – 40 с.
- Сказки оленевода. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы** / Перевод, составление, предисловие, примечания С.А. Поповой. – Томск, Изд-во Томского университета, 2001. – Вып. 1. – 104 с.
- Топоров В.Н.** К происхождению некоторых поэтических символов (Палеолитическая эпоха) // Ранние формы искусства. – М.: Изд-во «Искусство», 1972. – С. 77-102.
- Язык.** Музыка. Математика. / Варга Б., Димень Ю., Лопариц Э. – М.: Изд-во «Мир», 1981. 247 с.

Ю.Б. Сериков

*Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
Нижний Тагил*

НОВЫЕ (ЗАУРАЛЬСКИЕ) РАЙОНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КРЕМНЕВОЙ СКУЛЬПТУРЫ

На территории России первая кремневая скульптура была найдена еще в 1877 г. Это хорошо известное кремневое изображение тюленя со стоянки Зимняя Золотица (Белое море). В 1881 г. большая часть известных к тому времени кремневых фигурок была опубликована в «Археологии России» А.С. Уварова. Позднее доверие к фигурным скульптурным изображениям из кремня было подорвано в связи с развернувшейся в середине 80-х гг. XIX в. полемикой по поводу кремней Бреонио. Только через 60 лет, после выхода в свет классической работы С.Н. Замятнина кремневые фигурки стали полноценным объектом исследования. В своей работе С.Н. Замятнин опубликовал изображения 140 кремневых фигурок из России (84 экз.), Аляски, Канады, Соединенных Штатов, Мексики, Гондураса, Патагонии и Египта. В нашей стране выделенная С. Н. Замятниным область охватывает всю северную половину Европейской части России, от побережья Белого моря и Большеземельской тундры на севере, до Волги в широтной части ее течения (от верховьев до Казани) и среднего течения Оки и Суры и от Валдайской возвышенности до Камы. На этой территории сейчас располагаются такие крупные регионы как Карелия, Татария, Архангельская, Ленинградская, Вологодская, Ивановская, Костромская, Тверская, Нижегородская, Пензенская, Ярославская области. На Дальнем Востоке С.Н. Замятнин отметил находки кремневых скульптур на Камчатке, в окрестностях Владивостока и Красноярска [Замятнин, 1948]. В настоящее время к этим районам нужно добавить Чукотку, Приморье и Приамурье [Кирыяк (Дикова), 2003; Бродянский и др., 1998]. Урал в работе С.Н. Замятнина предстает белым пятном. Упомянется лишь впоследствии утерянная кремневая скульптура с устья р. Чусовой (Пермская обл.), а также сломанная кремневая фигурка человека с Большеземельской тундры. С.Н. Замятнин подчеркивал большое значение данных находок, так как они не только расширяют наши знания об области распространения кремневых скульптур, но и показывают, что отсутствие подобных находок в том или ином районе зависит лишь от степени их изученности [Замятнин, 1948].

Первые кремневые скульптуры на Урале стали известны в 1965 г., когда Г.М. Буров опубликовал фигурки рыбы (стоянка Ягкодж I) и млекопитающего (поселение Вис II) (Республика Коми) [Буров, 1965]. В следующие 20 лет на западном склоне Урала было найдено и опубликовано свыше двадцати кремневых скульптур. По последним данным на территории Северного Приуралья известно 10 кремневых фигурок, в Среднем Приуралье – 12, в Южном – всего 1 [Буров, 1967; Ошибкина, 1976; 1984; Матюшин, 1982]. Следует отметить, что некоторые находки значительно расширили наши знания о кремневой скульптуре. На энеолитическом поселении Юртик (Кировская обл.) найдены скульптуры животных, образы которых в кремневой скульптуре ранее представлены не были. Это миниатюрная (2,5 см) фигурка дикого кабана, выполненная из светлого кварца, и скульптурное изображение горноста в настороженной позе [Ошибкина, 1976]. А на поселении Студенцы II (окрестности г. Вятки) обнаружены первые кремневые скульптуры эпохи мезолита – две фигурки рыб, изготовленные на пластинах [Ошибкина, 1992].

Открытие кремневой скульптуры на восточном склоне Урала состоялось в 1973 г. и связано с работами автора на территории Среднего Зауралья. В 1978 г. им были опубликованы две кремневые скульптурки (человека и птицы) со стоянки Юрьино IV (Свердловская обл.) [Сериков, 1978]. Однако необходимо заметить, что еще в 1966 г. В.М. Раушенбах был опубликован скребок-резчик (рис. 1, 14), в котором она увидела изделие, очень напоминающее фигурные кремни волосовской культуры [Раушенбах, 1966]. Интуиция не подвела опытного археолога: по мнению автора, данный «скребок-резчик» является скульптурой, изображающей голову медведя [Сериков, 2005].

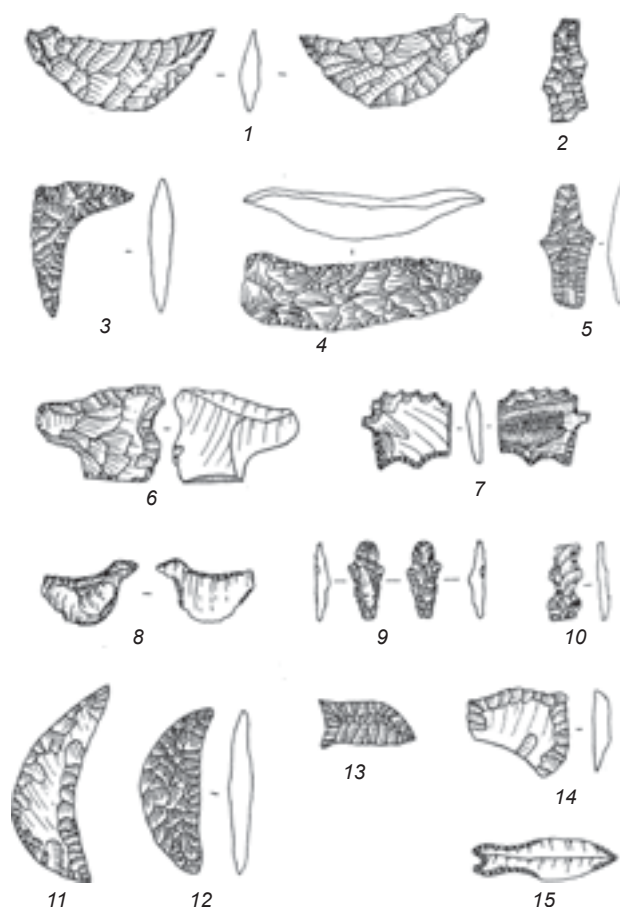

Рис. 1. Кремневая скульптура Среднего Зауралья

Новые публикации кремневой скульптуры с территории Среднего Зауралья последовали только через 20 лет. В 1998 г. сборнике, посвященном духовной культуре Урала, сразу в трех статьях были опубликованы новые находки кремневой скульптуры [Чаиркина, 1998; Усачева, 1998; Литвиненко, Сериков, 1998]. В основном это находки из раскопок 1970-80 гг., переосмысление которых произошло только в последнее время. В настоящее время на территории Среднего Зауралья кремневая скульптура встречается уже на 23 памятниках в количестве свыше 50 экз. [Сериков, 2005].

В кремневой скульптуре Среднего Зауралья представлены все основные образы, присутствующие и на других территориях. Это антропоморфные, зооморфные, орнитоморфные скульптуры, а также изображения рыб и символов (рис. 1). Единственным отличием можно считать кремневую фигурку ежа (рис. 1, 7), изображений которого на других территориях неизвестно. Своеобразием кремневой пластики Среднего Зауралья является обилие скульптурных изображений голов животных, в то время как в Европейской России преобладают изображения полных фигур.

Также нет особых различий и в технике изготовления кремневых скульптур. В коллекции Среднего Зауралья присутствуют скульптуры, оформленные как путем сплошного ретуширования фигур с двух сторон, так и обработкой краевой ретушью по периметру. Причем скульптуры, оформленные краевой ретушью, преобладают. В этом можно было бы видеть еще одно своеобразие кремневой скульптуры Зауралья. Но оба способа обработки кремневых фигур присутствуют и в Европейской части России.

Для изготовления скульптур использовались различные виды каменного сырья: кремль, кремнистый сланец, яшма, халцедон, алевротуф, молочный кварц, углистый сланец. Можно предполагать, что в некоторых случаях при оформлении скульптуры для подчеркивания особого семантического значения использовался цвет минерального сырья, из которого она изготавливалась.

Большая часть кремневых фигур Среднего Зауралья датируется эпохой энеолита. Небольшую серию скульптур можно отнести к неолиту. А одна скульптура – изображение головы медведя – найдена на однослойном мезолитическом поселении Уральские Зори V и датируется эпохой мезолита.

Таким образом, анализ имеющихся материалов дает все основания включить территорию Среднего Зауралья в зону распространения кремневой скульптуры. Со временем эта территория, возможно, расширится еще дальше на восток и юг. Первые находки кремневых изображений на этих территориях уже известны. В Западной Сибири найдено уже три кремневые скульптуры птиц (поселения Паром 1, Южный берег Андреевского озера VIII и могильник Бузан 3) [Сериков, 2005]. Еще один фигурный кремень (предположительно изображение птицы) найден в Средней Азии на поселении Джанбас 12 [Ошибкина, 2000].

Также следует отметить, что скульптура с западного склона Урала по образам и технике изготовления тяготеет к комплексам Европейской части России. В то время как восточный склон Урала со временем, возможно, будет выделен в самостоятельный центр распространения оригинальной уральской скульптуры [Сериков 2005].

Список литературы

- Бродянский Д.Л., Гарковик А.В., Крупяно А.А.** Древнейшие произведения искусства в Приморье и Приамурье // Мир древних образов на Дальнем Востоке. - Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – С. 5-18.
- Буров Г.М.** Вычегодский край. - М.: Наука, 1965. – 198 с.
- Буров Г.М.** Древний Синдор. - М.: Наука, 1967. – 220 с.
- Замятнин С.Н.** Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. - 1948. - Т. X. – С. 85-123.
- Кирьяк (Дикова) М.А.** Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век). - Магадан: СВКНИИ ДВОРАН, 2003. – 276 с.
- Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б.** Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. - Вып. 23. – Екатеринбург: Полиграфист, 1998. – С. 216-227
- Матюшин Г.Н.** Энеолит Южного Урала. - М.: Наука, 1982. – 328 с.
- Ошибкина С.В.** Поселение Юртик на Средней Вятке // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. - М.: Наука, 1976. – С. 176-192.
- Ошибкина С.В.** Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). – М.: Наука, 1992. – С. 7-40.
- Ошибкина С. В.** Кремневая скульптурка из Джанбас 12 в Средней Азии // Тверской археологический сборник. - Вып. 4. - Т. 1. - Тверь: ТГОМ, 2000. – С. 233-235.
- Раушенбах В.М. Новое поселение эпохи неолита в Среднем Зауралье // Труды Государственного Исторического Музея. - Вып. 40. - М.: гос. изд-во культ.-просветит. лит-ры, 1966. – С. 15-28.
- Сериков Ю.Б.** О находках произведений искусства на стоянке Юрьино IV (Зауралье) // СА. - 1978. - № 4. – С. 245-247.
- Сериков Ю.Б.** Кремневая скульптура Урала (вопросы хронологии, происхождения и семантики) // Проблемы археологии и древней истории Урала. - Нижний Тагил: НТГСПА, 2005. – С. 108-140.
- Усачева И.В.** К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам мелкой глиняной и кремневой пластики эпохи неолита – бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // Вопросы археологии Урала. - Вып. 23. -Екатеринбург: Полиграфист, 1998. – С. 105-134.
- Чаиркина Н.М.** Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. - Вып. 23. -Екатеринбург: Полиграфист, 1998. – С. 81-104.

Список сокращений

- НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
 СВКНИИ ДВОРАН – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН
 ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей

И.Л. Симонова*Музей имени М.А. Врубеля, Омск*

ДВОЙСТВЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПОЯСНЫХ ПРЯЖКАХ СКИФО- СИБИРСКОГО МИРА (к вопросу интерпретации)

Для степных культур скифо-сибирского мира на многих изделиях зафиксированы полиморфные изображения, названные в психологической литературе двойственными. Подобный способ художественного формообразования Е.Ф. Королькова охарактеризовала как метонимию, заключающуюся в замещении одного образа другим. [Королькова, 1996]. Психологами двойственные изображения определяются как композиции, допускающие различные соотношения «фигуры» и «фона» в зависимости от имеющихся у субъекта представлений. Двойственные изображения характерны для поясной гарнитуры Забайкалья, Тувы, Алтая и Западной Сибири. Их восприятие неоднозначно: одно изображение читается справа налево, другое – слева направо. В ряде случаев, связанных с симметричным расположением композиционных элементов, наблюдается их слияние в третий образ. Наличие подобных изображений с формальной точки зрения можно объяснить высокой степенью стилизации металлопластики раннего железного века. А их семантика, вероятно, связана с мифологическими представлениями изготовителей.

Наиболее часто на поясных пряжках хуннского времени встречается изображение парных птичьих или грифоновых голов, образующих голову хищного или фантастического животного (Сидоровский мог., Исаковский мог., кол. Н.- К. Витсена, Сибирская кол. Петра I). Последнее изображение известно и в иных сочетаниях: с головой быка или козла, парным изображением драконов или змей (Дзрестуйский мог.; Красноярский к.; Иволгинский мог., Косогольский клад), парными фигурами волков (кол. Лопатина). Сакральность данных композиций практически не вызывает сомнения.

Парность грифонов, согласно Д. С. Раевскому, помогает показать на плоскости повсеместность влияния этого мифического персонажа. Б. А. Рыбаков рассматривал его как прямое соответствие четырехчастной композиции, в основе которой лежит идея о четырех сторонах света. Ю. А. Гревцов на примере археологических материалов Сибири (Усть-Тасеевский культовый комплекс) выстроил эволюционный ряд трансформации образа грифоновых или птичьих голов от наиболее древних реалистических изображений до более поздних стилизованных и сопоставил его с китайским символом «инь и ян», означающим «Юпитер (Ян, Тай-суй, Великий год) и Анти-Юпитер (Инь, так же Тай-инь, Великая тень)». [Гревцов, 1996]. Косвенным доказательством заимствования иконографии грифона и символа «Инь и Ян» Китаем у народов скифо-сибирского мира могут быть комплексные исследования в области языкознания и сравнительной мифологии, согласно которым названия коня, грифона, верблюда, льва в китайском языке заимствованы из индоиранского, как и мифологические представления об этих персонажах. [Кузьмина, 1995]. Мы также допускаем возможность происхождения парного изображения грифона из общеиндоевропейских космогонических представлений о возникновении Вселенной из мирового яйца, снесенного птицей или парой птиц. По Юань Кэ, в энциклопедии «Императорское обозрение годов Тай-пин» X в. цитируется сочинение автора III в. н.э. Сюй Чжэна: «Небо и земля пребывали в хаосе, подобном содержимому куриного яйца... Спустя 18000 лет начала создаваться вселенная, чистое начало ян образовало небо, мутное начало инь образовало землю». [Юань Кэ, 1987]. Учитывая последующие смысловые наслоения, можно предположить, что грифон являлся носителем целого комплекса идей: плодородия, рождения и смерти, принадлежности к той или иной стихии или ярусу мифологической вселенной. С выдвижением воинской знати и распространением культа вождя (царя), он стал восприниматься как символ высшей власти и часто связывался с образом верховного божества в пантеоне. Грифон, возможно, был символом народа «грифов» и выступал как родоначальник племени, культурный герой и охранительный персонаж. [Артамонов, 1973. Переводчикова, 1994. Полосьмак, 1994. Полосьмак, 2001].

Композиция из парных голов грифонов нередко осложнена третьим компонентом – головой хищного животного или фантастического существа. Ряд исследователей отождествляют его с тигром или барсом. Известно, что сибирский барс водился прежде на Алтае и был хорошо известен его населению. Из шкур барса изготавливали одежду, ковры, прикрепляли к рукояти шаманского бубна. Изображения головы хищного или фантастического зверя широко известны в Ордосе, Синьцзяне, Казахстане и Северном Причерноморье, но более характерны для востока. Сходные иконографические трактовки присутствуют на стелах из Окунево, буддийских масках тао-те, бронзовом литье средневековых культур Урала и Западной Сибири, жертвенных сосудах иньского и даосского Китая, хуннских тканях. По Д. С. Раевскому, изображение кошачьего хищника в скифском искусстве относилось к хтоническому миру и воплощало идею смерти и возрождения, что, кстати, перекликается с семантикой грифона, рассмотренной выше. Согласно Ю. С. Худякову и А. Ю. Борисенко этот образ обозначал силу, жестокость, кровожадность, в связи с чем мог также служить охранительным символом. [Худяков, Борисенко, 2002].

Композиции с изображением головы хищного или фантастического животного, как правило, датируются II в. до н. э. – II в. н. э., т. е. связаны с хуннской культурой и, возможно, китайским влиянием. На наш взгляд, данный образ можно соотнести с Чи-ю – китайским мифологическим персонажем, нередко изображавшимся на жертвенных сосудах эпох Инь-Чжоу и поясных пряжках. «У этого животного страшная отвратительная голова и нет туловища, справа и слева к голове прикреплено по крылу, издали напоминающего ухо. Люди звали его Тао-те – ненасытное чудовище». В древних сочинениях V – VI вв. рассказывается, что Чи-ю был потомком государя Янь-ди. Победив Янь-ди и захватив южные земли, Чи-ю начал войну с правителем Хуан-ди (по другой версии Чи-ю пошел войной на Хуан-ди, мстя за Янь-ди). После битвы с Хуан-ди «у него... осталась только одна отрубленная голова». [Юань Кэ, 1987]. Культ Чи-ю был особо распространен на севере Китая, где жертвоприношения в его честь совершали вплоть до VI в. н. э. В I-х вв. н. э. изображения Чи-ю использовали как охраняющие от злых духов. [Неклюдов, 1982]. Интересно также, что в преданиях III в. до н. э. – III в. н. э. Чи-ю был рогат, и бодал Хуан-ди. «Игры с боданием, созданные в эпоху Хань, позднее при династии Цзинь в III-IV вв. были дополнены «играми Чи-ю», бытовавшими преимущественно в Северном Китае, где сохранились вплоть до XX в.: люди по двое, по трое надевали на головы бычьи рога и начинали бодать друг друга». [Юань Кэ, 1987]. Этим можно объяснить сочетание изображения данного мифологического персонажа на пряжках с головой быка или козла. А его связь с образами хищных птиц или грифонов косвенно может свидетельствовать о «крылатости» головы Чи-ю.

Таким образом, рассмотренная композиция на поясных пряжках, вероятно, являлась продуктом слияния китайских и сибирских мифологических традиций посредством хуннского влияния; и выполняла ряд функций: социальную – маркировала принадлежность владельца к определенному социальному рангу (вождь, шаман); охранительную – защищала его от вредных влияний; посредническую – участвовала в переходных обрядах, осуществляя связь между мирами; а также мифологическую, являясь визуальным воплощением ряда мифологических сюжетов.

Список литературы

- Артамонов М. И.** Сокровища саков. – М: Искусство, 1973. – 279 с.
- Гревцов Ю. А.** К проблеме интерпретации образа грифона и его подражаний // Древности Приенисейской Сибири. - Вып. 1. – Красноярск: Издательство КГУ, 1996. – С. 116-121.
- Королькова Е. Ф.** Теоретические проблемы искусствоведения и «звериный стиль» скифской эпохи. К формированию глоссария основных терминов и понятий. – СПб: Искусство, 1996.
- Кузьмина Е. Е.** Методы раскрытия информационного потенциала наскальных изображений // Наскальное искусство Азии. – Вып. 1. – Кемерово, 1995.
- Неклюдов С.Ю.** Чи-ю // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. – Т.2. – М: Советская энциклопедия, 1992. – С. 720.
- Переводчикова Е.В.** Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Восточная литература, 1994. – 206 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2001. – 336 с.
- Полосьмак Н.В.** «Стерегищие золото грифы». – Новосибирск: Наука, 1994. – 122 с.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю.** Изображения барса и сайгака из памятников Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. – 2(10) 2002. – С. 105-110.
- Юань Кэ** Мифы Древнего Китая. – М.: «Наука», 1987. – 508 с.

О.С. Советова

Кемеровский государственный университет, Кемерово

ТЕМА СМЕРТИ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Идеи, связанные с различными аспектами естественной и насильственной смерти, с переходом и обитанием умершего в загробном мире, и мн. др. подобного рода, являются типичными для мировоззрения как древних, так и многих современных народов. Эта тема поистине неисчерпаема и привлекает специалистов самых разных областей знаний. Актуальна эта тема и для историков. Так, А.Я Гуревич писал: «Смерть – один из коренных параметров коллективного сознания... Смерть – компонент картины мира, существующей в сознании членов данного общества в данный период. Изучение установок в отношении к смерти... может пролить свет на установки людей в отношении к жизни и основным ее ценностям. ... отношение к смерти служит эталоном, индикатором характера цивилизации» [1989]. Активно разрабатывается эта тема и археологами, реконструирующими представления о смерти и загробной жизни на основе разнообразных археологических материалов, полученных главным образом из погребений. Огромное желание «заглянуть» в умы древних, постичь особенности их менталитета часто наталкивается на большие трудности, обусловленные прежде всего отсутствием письменных источников. Может ли наскальное искусство хотя бы частично реконструировать представления давно ушедших поколений по интересующей нас проблеме? В изобразительном искусстве народов всех континентов, начиная с древности, тема смерти является одной из наиболее существенных. Сцены поединков богов и героев, сражений пеших и конных отрядов, охота и тому подобные эпизоды неизбежно связаны с темой поражения и смерти. Триумф и жертвоприношение, ритуальные сцены и мн. др., также тесно переплетены с этой вечной темой. Причем, те же идеи занимают законное место в мифах и в эпических произведениях. Как известно, археологические материалы Минусинской котловины связаны, в основном, с погребальными памятниками. Представляется, что и наскальное искусство также не осталось «в стороне» от процесса формирования подобных представлений. Так, например, петроглифы тагарской эпохи позволяют проследить целый комплекс идей, связанных с темой смерти. Это сюжеты, связанные с *поражением* одного из противников в боевой схватке; попытки отразить сам *факт смерти*; и, возможно, иллюстрация моментов *церемоний*, сопровождающих *переход* покойного в загробный мир.

1. **Поединок и поражение (смерть) одного из его участников.** В сценах поединков пораженец запечатлен по-разному: еще *стоящим на ногах*, но пронзенным стрелой, оглушенным булавой или пораженным другим видом оружия; упавшим, и таким образом, *лежащим* у ног противника (часто такие фигуры лежат «лицом вниз», как и на многочисленных памятниках изобразительного искусства древности); а также *перевернутым вниз головой*. Почему художник избирал именно такой вариант изображения *убитого*, а именно так трактуются эти фигуры большинством исследователей? Можно привести любопытное сообщение о традиции гурулийцев (проживавших в Малой Азии), которые своих мертвых опускали в могильные ямы в вертикальном положении, вверх ногами [Лаврин, 1995]. Но поскольку эта традиция нетипична для большинства народов, обратимся к изобразительным источникам. Следует отметить, что в искусстве Древнего Востока, как и в античности, человек в момент смерти изображался по-разному. Наряду с другими, в древнем искусстве можно обнаружить сцены, в которых убитый изображен *вниз головой* (это, главным образом, фигура *падающая*, сброшенная со стен крепости, со скалы или с корабля в воду и т.п.). По мнению исследователей, ныряющий или летящий строго вертикально, *вниз головой*, воплощает опрокинутый космос, а сам этот акт является частью ритуала возрождения. Так, на Гундеструпском котле (Дания) (II-I вв. до н.э.) изображена богиня (?), опускающая в котел головой вниз юношу. Возможно, здесь изображены молодые юноши, подготовленные для проведения воинской инициации. В конце испытания они должны пройти через ритуальную смерть. Тех, кто прошел испытание,

ожидает рождение в новом качестве. Этот обряд совершает богиня – покровительница инициации. Она берет «умершего» юношу (*он представлен ногами вверх*) и бросает его в котел, в котором кипит влага жизни [Маразов, 2004]. *Перевернутое изображение, как и перевернутый предмет, символизировало в древности кончину, смерть.* Наряду с антропоморфными фигурами, в изобразительном искусстве часто и животных изображали головой вниз, нередко подвешенными за задние ноги. В наскальном искусстве во многих сценах, особенно связанных с охотой, мертвое животное также изображено перевернутым. Наши предположения подтверждаются и этнографическими материалами. Например, в верованиях сибирских аборигенов при определенных обстоятельствах верх мог стать низом, а низ верхом, соответственно зло – добром, тьма – светом, и наоборот. Отсюда и распространенный в сибирском язычестве магический прием «переворачивания», символизирующий замену одного пространства другим. Известно, что с подобным явлением сибирские археологи не раз сталкивались при раскопках жертвенно-ритуальных комплексов энеолита, бронзового века и более поздних эпох, где найдены, в частности, стоящие вверх дном культовые сосуды с солярно-астральной орнаментацией [Косарев, 2001]. Согласно этнографическим свидетельствам, переворачивание у сибирских аборигенов считалось одним из важных условий попадания в Преисподнюю.

2. Жертвенные животные и идеи, с ними связанные. Для искусства петроглифов раннего железного века изображение животных в жертвенных позах явление нередкое. К таким позам исследователи относят, например, изображения оленей, выполненных *в позе «на цыпочках»*, позу животных *с подогнутыми ногами*, жертвенной считают и позу животного *с вывернутым крупом* (рис. I-1-5). Показательной в этом контексте яв-

Рис. I: 1- типичные изображения на оленных камнях (по М.Е. Килуновской); 2 – Абакано-Перевоз (по И.Д. Русаковой); 3 – Куня (по А.В. Адрианову); 4-6, 8, 10 – Оглахты; 7 – Майнак (по З.С. Самашеву); 9 – Туран (по Т.В. Николаевой).

ляется сцена со скал Оглахты (рис. I-6), где в жертвенной позе – с неестественно вытянутыми вперед ногами – лежит украшенный конь, очевидно, специально подготовленный для проведения ритуала: грива его подстрижена зубцами (или завязана узелками), хвост подвязан. Все тело коня «расчерчено» на квадраты продольными и поперечными линиями. Возможно, что и это признак жертвенного или мертвого животного, поскольку с древности известен магический обычай «расчленения». Например, «расчленение» иероглифов, изображавших живые существа, означало победу над ними, а соответственно свидетельствовало об их поражении [Колобова, 1951]. Рядом с конем изображена антропоморфная фигура, вписанная в дугу, в позе с поставленными на талию руками, в развесистом головном уборе и, очевидно, в специальной одежде, с которой свисают ленты (шаман?). Аналогичные фигуры известны и на других памятниках (рис. I-9).

3. Переход умершего в загробный мир. Продолжение этой темы проявляется еще в одной из сцен Оглахты. Здесь представлена *церемония перехода* умершего в потусторонний мир (рис. I-10). Не исключено, что в саму эту процедуру включено и ритуальное убийство коней, поскольку у сопровождающего животных «великана» в руке находится чекан (известно, что чекан часто использовался для ритуального убийства лошадей). Один из всадников этого кортежа с необычным предметом в руке - очевидно, умерший - направляется в загробный мир. С темой благополучного «перехода» в «потусторонний» мир, определенными ритуальными действиями, связаны, очевидно, и рисунки Боярских писаниц, включающие изображение «поселка мертвых», жертвенных животных, погребальных нарт и т.д. [Савинов, 2003].

Итак, даже эти немногочисленные примеры демонстрируют особое отношение создателей рисунков к одной из вечных мировоззренческих проблем человечества – смерти. На скалах отражены такие чрезвычайно важные явления, как поединки и триумф победителя; подготовка к жертвоприношению (причем, мы видим не только саму жертву, но и «лиц» - исполнителей данного ритуала), церемония перехода покойного в загробный мир и некоторые иные ритуальные действия, способствующие благополучному исходу этого «перехода». Следует подчеркнуть, что судя по петроглифам, в тагарскую эпоху особое значение приобрела не только тема героических деяний, но и тема достойного погребения. Проводя параллели с героическим эпосом, подчеркнем, что весь он пропитан идеями о славе, причем эта слава связана со смертью. Вечная слава – вот то, на что надеется и к чему стремится эпический герой. Причем, слава в потомстве – это не только слово и песня, но и надгробный курган. Именно заботой о надгробном кургане и похоронах мертвых озабочены, например, герои гомеровского эпоса [Шталь, 1983].

Список литературы

- Гуревич А.Я.** Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. - М.: Наука, 1989. - С. 114-135.
- Колобова К.М.** Из истории раннегреческого общества. - Л., 1951. - 322 с.
- Косарев М.Ф.** Пространство и время в сибирско-языческом миропонимании // Мировоззрение древнего населения Евразии. - М.: ТОО «Старый сад». – 2001. - С. 439-454.
- Лаврин А.П.** Хроники Харона: энциклопедия смерти. – Новосибирск: Наука, 1995. - 667 с.
- Маразов И.** Опыт прочтения сцены «воины вокруг мирового дерева» на котле из Гундеструпа // Изобразительные памятники. Стиль, эпоха, композиции. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. - С. 91-93.
- Савинов Д.Г.** К интерпретации изображений Боярских писаниц // Археология Южной Сибири.- Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 100-105.
- Шталь И.В.** Гомеровский эпос. – М.: Высшая школа, 1975. – 246 с.

Д.В. Черемисин
ИАЭТ СО РАН, Новосибирск

СЕМАНТИКА ИСКУССТВА ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам рядовых мерзлотных погребений Юго-Восточного Алтая)

Актуальность изучения семантики пазырыкского искусства звериного стиля обусловлена тем, что раскопками В.Д. Кубарева, Н.В. Полосьмак, В.И. Молодина на юго-востоке Российского Алтая, З.С. Самашева и А.-П. Франкфора на юго-западе Алтая, в пределах Республики Казахстан исследован большой корпус источников [Кубарев, 1987, 1991, 1992; Полосьмак, 1994, 2001; Феномен..., 2000; Самашев и др., 2000]. Здесь раскопаны многочисленные неразграбленные рядовые погребения и более редкие захоронения пазырыкской знати, в которых благодаря мерзлоте в неповрежденном виде сохранен первоначальный контекст ритуальных атрибутов, в т.ч. артефактов из органических материалов с богатым изобразительным рядом. Это зооморфная атрибутика головных уборов, нашейные гривны, а также оружие и другие бытовые и ритуальные предметы с изображениями в зверином стиле.

Для погребений, чья целостность не разрушена грабителями, реальна достоверная фиксация контекстуальных связей артефактов, “номенклатура” которых максимально полно сохранена в мерзлоте, благодаря чему возможно детальное изучение набора зооморфных образов пазырыкского искусства звериного стиля. Эти сведения служат отправной точкой для анализа семантики образов животных, значения артефактов с данными изображениями в структуре погребального комплекса.

Особую ценность для изучения семантики древнего искусства имеют целостность и полнота источника. Неразграбленные пазырыкские захоронения представляют именно такой источник, позволяющий достоверно судить как об иконографии зооморфных персонажей, так и об их месте в системе образов, о роли изобразительного ряда в структуре погребения. Статистически пазырыкская коллекция ритуальных атрибутов с изображениями в зверином стиле столь представительна, что можно фиксировать существование устойчивой традиции помещать определенные изображения на определенные артефакты.

Автор проанализировал соответствия зооморфных образов пазырыкского звериного стиля различным категориям погребального инвентаря рядовых захоронений. Это стандартный набор ритуальных предметов, связанных с головными уборами (навершия, диадемы и “эгреты”), нашейные гривны с зооморфными изображениями, оружие, зеркала, а также убранство коней, сопровождающих человеческие погребения (маски, изображения на псалях, украшениях узды, седельных подвесках). Устанавливалось, существуют ли какие-либо соответствия для тех пазырыкских захоронений мужчин, женщин и детей, в которых представлен стандартный набор погребального инвентаря и сохранен изначальный контекст артефактов.

Зафиксирована традиция помещать на конскую упряжь украшения в виде кабаньих клыков. В рядовых пазырыкских памятниках известны большие конские наборы (более 60-ти натуральных клыков на одном коне) и наборы деревянных имитаций клыков кабана в количестве до 50 экземпляров. В рамках общевразийской традиции середины – второй половины I тыс. до н.э. кабаньи клыки и их имитации украшались изображениями в зверином стиле, при этом острый конец клыка оформлялся в виде головки хищной птицы, часто фантастической (“птицы” имеют ухо, зубы), а тупой - в виде оскаленной морды хищника. Схему изобразительного оформления клыков повторяют роговые псалии из рядовых пазырыкских погребений (Алагаил, Коксу, Талдура и т.д.). Семантическое тождество образов фантастической птицы (“грифона”) и хищника (волка, кошачьего) приводит к устойчивому сочетанию изображений данных образов с оружием и конской упряжью.

С убранством погребенных коней связан самый популярный персонаж пазырыкского звериного стиля - фантастическая хищная птица, грифон или, по С.И. Руденко, “алтайский гриф”. Для пазырыкской культуры фантастическая ушастая птица - наиболее распространенный персонаж, образ имел устойчивую иконогра-

фию в изобразительном искусстве. Особенности иконографии пазырыкских “грифов”, на мой взгляд, следует трактовать как отражение семантического ряда “волк-гриф”. Представляется, что природа реальных прототипов персонажей пазырыкского искусства, в т.ч. крупных хищных птиц-падальщиков, послужила основой для формирования мифологических представлений, которые обусловили семантическое тождество образов хищника (волка, кошачьего) и фантастической птицы (“грифона”), а также традицию помещать их изображения на оружие и конское убранство. В сопряженности образа фантастической ушастой птицы (“грифона”) с конской упряжью (ансамбли украшений узды из Пазырыка, Ак-Алаха, Уландрыка), я вижу имплицитное выражение сюжета терзания.

Отмечалось, что в пазырыкской культуре “образ грифона со- и противопоставляется образу коня”, играя роль “небесной птицы, терзающей коня” и роль небесного коня-птицы [Балонов, 1981]. Отражение данного сочетания можно усмотреть также в восходящем к античности выражении “скрещивать грифов с лошадьми”, представлениях о вражде и “неясной связи между грифами и лошадьми”. “Грипы – особый вид животных, водится на гиперборейских горах”, “всеми частями тела они - львы; крыльями и лицом похожи на орлов; чрезвычайно враждебны по отношению к лошадям. Увидев человека, разрывают его на части” [см: Тигрица и грифон..., 2002]. В убранстве коней, сопровождающих пазырыкские захоронения (в погребальных или культово-церемониальных масках, на парадной узде, седельных подвесках) развернуты сложные ансамбли зооморфных образов, связанные с презентацией сюжета благого терзания, в котором жертвенный конь представлял терзаемое хищниками животное [Черемисин, 2005]. Следует принимать во внимание исключительную роль птиц-падальщиков в иранской эсхатологической концепции и зороастрийской обрядности, в которых отражен комплекс представлений о благой ипостаси грифона, связанной со значением грифов как “животных-погребателей”.

Стилизованные изображения рыб в оригинальной пазырыкской иконографии связаны с определенным классом артефактов, среди которых подвески к поясу (Узунтал-III, к. 4; Уландрык-IV, к. 3; Барбургазы-I, к. 25), татуировка на голени вождя из Пазырыка-II, поножи из Туэкты-II, большие седельные подвески в виде рыб (Пазырык-I, Башадар-II, Ак-Алаха-I). “Топография” этих бытовых и ритуальных предметов - помещение изображений рыбы ниже пояса человека, в частности, на голени, определена семантикой рыбы как маркера нижнего мира, образа, связанного с плодородием, возрождением, воскресением и т.п. В этом плане татуировка в виде рыбы на голени вождя из Пазырыка-II является наиболее наглядной экспликацией данного семантического комплекса, который нашел отражение в ансамбле пазырыкских артефактов, а также в лексике индоевропейских и финно-угорских языков (существование лексемы со значением “икра” для обозначения мышц голени и личинок рыб).

Материалы и рядовых, и элитных пазырыкских курганов свидетельствуют о том, что нашейная гривна является атрибутом, с которым связаны изображения кошачьих хищников и волков. На мой взгляд, как неременная категория погребального обряда, гривна в наибольшей степени демонстрирует то общее в пазырыкском обществе, что объединяло весь социум. Признать за гривнами показатель “клановой принадлежности” людей, носивших их на шее, мешает тот факт, что на гривнах из погребений на обширной территории Горного Алтая практически исключительно помещены изображения хищников. Равная представленность данного атрибута в погребениях мужчин, женщин и детей заставляет предполагать его связь с общезначимыми ценностями пазырыкского общества. Язык изображений, использованных для оформления ритуальных атрибутов и реальных пазырыкских артефактов – един для мужчин и для женщин.

Раскопками Н.В. Полосьмак и В.И. Молодина на плато Укок были получены полные образцы пазырыкских головных уборов, что позволило бесспорно определить их форму и назначение деталей с зооморфными изображениями [Полосьмак, 2001; Феномен..., 2000]. Выделяются типы украшений – зооморфных деталей уборов, строго соответствующие мужским и женским экземплярам, при этом с разными типами диадем в мужских и женских уборах связан образ оленя. Анализ изображений на головных уборах позволяет сделать вывод о том, что система зооморфных образов пазырыкского убора служит манифестации картины мира, в которой “верхний мир” маркирован образом птицы (форма головного убора, наверхия), “средний мир” представляют копытные – олени на диадемах и рогатые травоядные с признаками разных копытных животных в средней части убора. В изобразительный ряд с данными персонажами, закрепленными за атрибутами разных зон головного убора, также включены зооморфные образы, помещенные на нашейные гривны.

Парные зооморфные наконечники гривен занимают нижний регистр в ряду изображений, связанных с головой погребенного человека и несут образ хищника (волка, барса). Копытным с налобной зоны головного убора противопоставлены изображения на гривнах - это хищники, маркирующие языком зооморфных образов “нижний мир”. В целом изобразительный ряд пазырыкских погребальных атрибутов с птицами в верхней части головного убора, оленями на диадемах и с хищниками на шее погребенных, а также рыбами, соответствующими сфере телесного “низа”, связан с презентацией картины мира, переданной посредством зооморфных образов.

Реконструкция семантики сюжетов и образов изобразительного искусства пазырыкцев возможна благодаря сохраненному в условиях курганной мерзлоты контексту древних артефактов. Достаточно четко явленная структура ансамблей зооморфных изображений, очевидно, отражала существовавшую у пазырыкцев иерархию животных, в соответствии с которой за разными образами звериного стиля было закреплено определенное место в системе изображений на ритуальных атрибутах. Актуализация мифологем происходила путем создания визуального ряда и манифестации изобразительных текстов в парадно-церемониальных ритуалах, в т.ч. в погребальном обряде. Изобразительный строй или система зооморфных изображений на артефактах, задействованных в погребальной обрядности - лишь часть языка погребального комплекса, отражающего определенный мифом и реализованный в ритуале сценарий.

Обращение к контексту зооморфных изображений на предметах, связанных с погребальной обрядностью пазырыкской культуры, позволяет утвердить структурно-семиотический метод анализа семантики искусства звериного стиля (Д.С. Раевский, Е.Е. Кузьмина, А.К. Акишев и др.) и демонстрирует несостоятельность критики данного метода, предпринятой В.А. Коренько с позиций охотоведения и музеологии [Коренько, 2002].

Список литературы

- Балонов Ф.Р.** Ворсовый пазырыкский ковер: семантика композиции и место в ритуале (опыт предварительной интерпретации) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. –М., Наука, 1991. –С. 88-122.
- Коренько В.А.** Происхождение скифо-сибирского звериного стиля (прагматические аспекты семиотики) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Том. 1. –Донецк, ДНУ, 2002. –С. 131-188.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. –Новосибирск. –Наука, 1987. –301 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. –Новосибирск. –Наука, 1991. –189 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. –Новосибирск. –Наука, 1992. –219 с.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы” (Ак-Алахинские курганы). –Новосибирск. –Наука, 1996. –124 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. –Новосибирск. –ИНФОЛИО-пресс, 2001. –335 с.
- Самашев З.С., Базарбаева Г., Жумабекова И., Сунгатай С.** Берел. –Алматы. –ОФ Берел, 2000. –56 с.
- Тигрица и грифон.** Сакральные символы животного мира // Подг. текста, перевод А.Г. Юрченко. –Петербургское востоковедение, С-Пб., 2002. –391с.
- Феномен** алтайских мумий. –Новосибирск, Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. –318 с.
- Черемисин Д.В.** О семантике рогатых маскированных лошадей пазырыкских курганов // Археология, этнография, антропология Евразии. –Новосибирск, 2005, № 2 (22). –С. 129-140.

И.Н. Швец

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы

СЦЕНЫ СОВОКУПЛЕНИЯ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Репертуар петроглифов Центральной Азии характеризуется богатством и многообразием представленных в нем образов, сцен и композиций. Некоторые из выбитых образов оставались популярны на протяжении тысячелетий, трансформируясь в своей иконографии. Для других характерна привязанность к определенной эпохе и исчезновение вместе с ней.

Типичным сюжетом наскального искусства Центральной Азии являются так называемые „coitus“-сцены или сцены совокупления, за которыми в советской научной литературе закрепилось определение «эротические сцены». Они встречаемы в регионе повсеместно и в своей иконографии мало чем отличаются друг от друга.

Попытка типологии данных сцен по композиционному строению и сюжетам в наскальном искусстве Монгольского Алтая была предпринята В. Д. Кубаревым. Среди большой группы „coitus“-сцен им были выделены: 1) фасные и профильные пары, 2) антиподальные пары, 3) антиподальные и профильные фигуры мужчин и женщин с присутствием третьего антропоморфного существа в рогатом головном уборе и с луком [Кубарев 2001, 70]. Третий тип сцен, на который впервые обратил внимание исследователь, был метаморфически им назван «любовный треугольник», в котором третья фигура мужчины могла бы трактоваться в качестве мифического героя-небожителя или же соперника в борьбе за овладение женщиной [Кубарев 2001, 71].

Имеющийся в наличии материал сцен совокупления из Центральной Азии (рис. 1) позволяет расширить типологию, предложенную В.Д. Кубаревым, добавив к манере изображения участников сцены – 1) фасное изображение, 2) профильное изображение, 3) антиподальное, также позиции участников сцен совокупления (как мужчин, так и женщин) – 1) лежа, 2) сидя, 3) стоя. 4) на коленях, 5) изогнувшись вперед. Контекст изображенного позволяет также выделить определенные сексуальные техники участников – 1) „a tergo“/“dorsal“ (со спины) – мужчина изображен в сцене совокупления впереди женщины, 2) „ventral“ – участники сцены направлены животами к друг другу (в позиции стоя, лежа, сидя). При этом довольно сложно определить, какой из сексуальных техник в изображении на скалах отдавалось предпочтение.

Количество участников позволяет выделить – 1) парные „coitus“-сцены и 2) многофигурные (три и более участников) (рис. 1, 11). В данном случае речь идет о активном участие в половом акте всех участников, а не о пассивном наблюдателе, со стороны. Подобные сцены встречаются повсеместно, они известны среди петроглифов Казахстана, Киргизии и Монголии. Если в петроглифах Центральной Азии третий участник в композициях «любовный треугольник» больше ассоциируется с соперником в борьбе за овладение женщиной, то наскальные рисунки Африки демонстрируют сцены, в которых третья фигура мужчины, пенис которого изображен в состоянии эрекции по направлению к совокупающимся, больше идентифицируется как вуайерист [U.Hallier/V. Hallier 2001, рис. 1-2].

Существование в наскальных рисунках Африки „coitus“-сцен, где один из участников (в основном мужчина) имеет ярко выраженные зооморфные черты, позволяет предположить, что схожий ритуал отражен и в сценах совокупления наскального искусства Центральной Азии. Среди петроглифов местонахождений Ешкиольмес, Казахстан, и Саймолы-Таш, Киргизия, присутствуют сцены полового акта, в которых участники наделены/замаскированы звериными чертами – головные уборы в виде рогов (?), кисти рук, имитирующие рога. Интересным является тот факт, что бинарные антропоморфные фигуры с поднятыми вверх и согнутыми в локтях руками – «ручные маски», имитирующие рога животного, интерпретируемые некоторыми исследователями как адоранты, абсолютно идентично изображены и в ритуальном танце-поединке и в „coitus“-сценах [Швец 1999а, 90] (рис. 1, 10, 11). Возможно что, таким образом, древний художник пытался передать сходство идеи, выраженной на пер-

Рис. 1. 1 – Тюлькенэ, Казахстан; 2 – Тсагаан Салаа III, Монголия; 3 – Бага-Ойгор IV, Монголия; 4 – Тсагаан Салаа IV, Монголия; 5, 8 – Саймолы-Таш, Киргизия; 6, 9 – Монголия; 7 – Жепешке, Казахстан; 10 – Байконур II, Казахстан; 11 – Ешкиольмес, Казахстан.

вый взгляд в двух абсолютно разных сценах. Высокая сексуальная активность связана с победой в поединке и наоборот. По мнению физиологов, обязательным выражением мужской природы является схватка, поединок, соперничество. Борьба является в данных сценах больше демонстрацией, носит условный характер, позы и атрибутика помогают выражать наличия превосходства или поражения. Бинарные композиции в первобытном искусстве являются наиболее универсальным средством описания модели мира. Набор двоичных символов характеризует повсеместно существующий дуализм. Именно такие сюжеты в первобытном искусстве подразумевают композиционную неделимость, целостность, где идеологическому и тематическому уровню подчинено все остальное (атрибутика, позы, пропорции, акценты) [Швец 1999б, 14]. Дуализм восприятия помогал не только классифицировать представления о мире, но вносить в него элементы организации, гармонии. Некоторые сцены совокупления отражали сакральную идею – «священный брак», положивший начало всему живому. Данная идея присутствует практически во всех мифологиях мира, и часто имеет полное или частичное зооморфное воплощение (один из культурных героев/героинь вступает в брак с каким-либо животным).

Особый интерес представляет многофигурная композиция в петроглифах Саймолы-Таш, Киргизия, в которой изображены многочисленные пары совокупающихся антропоморфных фигур [Tashbayeva 2001, рис. 48]. Пары (предположительно в двух случаях трое участников) показаны в различных сексуальных позициях и демонстрируют различные сексуальные техники. Более детальное рассмотрение композиции позволяет предположить, что фигуры мужчин наделены необычным головным убором, который напоминает рога животного. В центре композиции изображен горный козёл, несомненно, имеющий символическое значение и магическое воздействие на происходящее. Козел известен у многих народов через свою особую плодовитость. У народов Средней Азии горный козел имел также репутацию животного, обладающего очищающей силой и приносящий счастье [Жуженазаров 1995, 93]. Композиция их Саймолы-Таш является редчайшей иллюстрацией культа плодородия оргиастического толка, демонстрируя непосредственную связь образа козла с данным культом, широко известную в древнегреческой и древнеегипетской мифологии.

Своеобразную группу изображений составляют сцены совокупления человека и животного. Они, по имеющимся опубликованным материалам, встречаются в центрально-азиатском регионе не часто, редки они и в других областях существования наскального искусства. Подобные сюжеты интерпретируются не однозначно. Некоторые из них могут иллюстрировать один из мифов создания мира, в котором начало жизни на земле происходит от брака человека и определенного животного. Не исключено, что данные сцены наскального искусства отражают одно из проявлений сексуальной практик древнего человека.

Как и в других регионах сосредоточения древнейшей изобразительной деятельности, сцены совокупления, являются неотъемлемой составной частью репертуара наскального искусства Центральной Азии, отражая социальные и духовные ценности общества. По словам М. Анно, подобные сюжеты в наскальном искусстве Австралии являлись обязательными и имели силу закона, так как различные сексуальных практики являлось составной частью инициации («социализации») членов древних обществ [Anno 1997, 156].

Наличие подобных сцен во многих культурах мира позволяет сделать вывод, что они принадлежали к так называемому архетипу изобразительного искусства, отражающему определенную ступень развития общества

Датировка данного вида изображений довольно проблематична и требует индивидуального анализа каждой сцены и композиции. Иконография сцен совокупления, патина данных рисунков и ее соответствие с сюжетами эпохи бронзы, выполненными на той же плоскости, например в рисунках местонахождений Тамгалы, Казахстан, и Саймолы-Таш, Киргизия, предполагают их датировку эпохой ранней и развитой бронзы.

Список литературы

Анно М. Сексуальные изображения в искусстве Австралии: вклад этноистории в интерпретацию археологических данных // Развитие культуры в каменном веке. Тезисы международной конференции, посвященной столетию отдела археологии МАЭ – СПб.: Наука, 1997. – С. 156-158.

Кубарев В. Д. Анализ петроглифов и комментарии // *Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D.* Mongolie du Nord-Ouest Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des pétroglyphes D'Asie centrale. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. – Paris: De Boccard, 2001, – Т. V.6. – С. 60- 84.

Хужаназаров М. Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся. – Самарканд: Изд-во АН Республики Узбекистан, 1995. – 121 с.

Швец И. Н. Ритуальные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Известия МОН РК, Серия общественных наук. –1999а. –№1. – С. 85–91.

Швец И. Н. Образ человека в наскальном искусстве Центральной Азии: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Алматы, 1999б. – 30 с.

Hallier U., Hallier B. Neue Felsbilder im Oued in Djerbne und Nord-Tibesti // *Stone Watch. Magazin der Gessellschaft zur Erfassung vor- und frühzeitlicher Felsbilder.* –2003. –№ 2. – С. 31-48.

Tashbayeva K. Petroglyphs of Kyrgyzsta // *Petroglyphs of Central Asia.* –Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 2001, Гл. I. – С. 9-79.

А.С. Шишкин*Новосибирский гуманитарный институт, Новосибирск*

ИЗОБРАЖЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ В КУЛАЙСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ

Среди предметов культового литья кулайской культуры выделяется группа изделий, запечатлевших зооморфных персонажей либо сочетающих признаки нескольких видов, либо фантастических. В литературе за этой категорией персонажей закрепилось название «хтонических». Целью данной работы является рассмотрение семантики образов хтонических существ на основе их видовой классификации и сюжетного анализа.

Категория 1. Одиночные изображения. По особенностям передачи образа запечатленного существа выделяется несколько вариантов изображений.

Категория 1. Группа 1. Изображения фантастического персонажа с чертами копытного животного. Известно не менее семи экземпляров. Иконографически изделия почти идентичны характерным для кулайской культуры изображениям лося, но в отличие от них, образ дополнялся рядом деталей, характерных для представителей других видов. Это наличие острых зубов в пасти, полукруглая («лунообразная») нижняя челюсть, характерная для бобра, окончание ноги в виде растопыренных пальцев, напоминающих лапы амфибии, вздыбленная шерсть на холке. В изображении может использоваться одна такая деталь или сочетаться несколько.

Категория 1. Группа 2. Изображения массивного хищного животного. Известно четыре экземпляра (три из Саровского культового места, одна – из Новообинцевского клада). Три фигурки согнуты по поперечной линии, от одной из них сохранилась только передняя часть. Наиболее характерные черты изображенного существа совпадают у всех изделий – видимо, можно говорить о сложившемся образе некоего мифологического персонажа со своей иконографией. Запечатленный персонаж не относится к существующим видам. Это хищное животное с крупным продолговатым туловищем; голова занимает около трети всего изделия. Шея короткая или отсутствует. Конечности только намечены. Особое внимание уделено пасти зверя – тяжелые длинные челюсти, усеянные острыми зубами, напоминают крокодильи. Нижняя челюсть полукруглая. На голове показаны отростки – скорее всего, рога (в одном случае – слаборазветвленные).

Категория 1. Группа 3. Изображения животного с сильно вытянутым туловищем и длинной мордой. Известно семь экземпляров.

Для этой группы характерен следующий набор признаков: узкое вытянутое туловище; ноги едва намечены или не показаны совсем. Челюсти широко раскрытой пасти вытянуты, впереди обозначены клыки. Лоб невысокий и покатый, шея отсутствует. На голове отмечены приостренные отростки – уши или рога. В отдельных случаях зафиксированы дополнительные детали: выступ под нижней челюстью (лосиная серьга?) и ряд вертикальных выступов за головой (вздыбленная шерсть?); лапа в виде «ладони» из четырех пальцев и др.

Категория 2. Изображения фантастических животных в составе композиций. В большинстве случаев изображены только головы.

Категория 2. Группа 1. Изображения голов фантастических животных в составе сложных многофигурных ажурных зооморфных композиций (не менее семнадцати экз.). Отдельные зооморфные образы фиксировались относительно друг друга несколькими способами.

Вариант 1. Размещение вертикальными ярусами вдоль центральной оси, увенчанной головой животного или птицы; общими очертаниями изделие напоминает древовидную фигуру. Головы фантастических животных размещены в нижнем ярусе. Известно четыре экземпляра.

Вариант 2. Подковообразные изделия. Наиболее многочисленны (11 экз.). В одном случае вместо округлой «подковы» головы двух зооморфных персонажей расположены под углом друг к другу. Количество зооморфных персонажей колеблется от двух до шести; их головы вырастают из одного основания. Относительно

друг друга они могут располагаться на одной линии или ярусно. На одной линии помещаются зооморфные персонажи одного вида. При помещении третьего персонажа в центр композиции его изображение несколько приподнимается или опускается относительно других двух, т.е. композиция становится ярусной.

Вариант 3. Профильные изображения лося с добавочными головами. Известны три экземпляра. Первое из них (с г. Кулайка) представляет собой изображение копытного с двумя головами. Верхняя представляет лося, вторая голова расположена ниже первой, «вырастая» из груди зверя. Голова округлая с длинными тонкими челюстями. Пасть раскрыта, видны острые зубы. Второе изделие (Кривошеинский клад) в основных чертах аналогично первому, но голов три – средняя и верхняя представляют лосей. Парабельское изделие фрагментировано. Сохранившаяся часть – туловище животного с намеченными конечностями. Головы сохранились частично. Первоначально изделие напоминало кулайское.

Категория 2. Группа 2. Изображение фантастических животных как часть образа антропозооморфного персонажа.

Вариант 1. Головы фантастических животных, увенчивающие антропоморфную личину. Личина как бы обрезана на уровне очелья и над ней помещены по три равноудаленных вертикальных отростка наподобие трехлучевой короны. Крайние отростки можно уверенно определить как профильные изображения поднятых вертикально вверх голов фантастических животных. По смысловому значению к этому варианту можно отнести некоторые из кулайских решетчатых диаде, увенчанных профильными изображениями фантастических животных.

Вариант 2. Изображения голов фантастических животных в качестве частей антропозооморфной фигуры. Уверенно определяемо в этом качестве только одно изделие из Кривошеинского клада: стоящая антропоморфная фигура с вытянутыми вдоль тела конечностями. Правая рука и голова отсутствуют. Сохранившиеся конечности оканчиваются головами фантастических животных. Сюжетной аналогией этому изделию является антропозооморфное изображение с г. Кулайка, выполненное более реалистично. Изображена стоящая антропоморфная фигура; контур тела ниже шеи заполнен фигурами и головами животных и птиц. Из плечевых суставов человека вырастают две лосиные головы, составляя его «руки», распростерты в стороны. По обеим сторонам головы мордами вниз помещены бобры. На уровне бедер на ногах – две летящие птицы. Ступни ног выполнены в виде стилизованной фигуры бобра и головы лося.

Таким образом, в изобразительном искусстве кулайцев сформировались три иконографических типа фантастического животного (Категория 1, группа 1-3), каждый из которых характеризуется определенным устойчивым набором видовых признаков. Их основой послужили образы хорошо знакомых кулайцам животных. В первом случае – лося, во втором – хищного животного (медведя), в третьем, вероятно, рыбы (щуки?).

В мировоззрении сибирских аборигенов маркером Нижнего мира, его хранителем или хозяином выступает существо, для обозначения которого в научной литературе принят термин «мамонт». Представления о нем бытовали чрезвычайно широко – от Китая до северной Европы, т.о. мамонт – архетипический образ. Общими являются такие его характеристики, как жительство под землей, рогатость, огромные размеры. У мамонтов нет потомства, ими становятся некоторые обитатели Среднего мира. В представлениях селькупов образу мамонта близок образ медведя. Обские угры считали, что мамонтами становятся старые лоси, олени, обросшие мхом щуки, собаки, грызущие перед смертью землю. Превращение происходит либо после смерти, либо в глубокой старости, т.е. при переходе в иное состояние, вблизи врат в Нижний мир. Фигура мамонта довольно неоднозначна. Хотя он традиционно связан со сферой низа, и его эпитеты – “хозяин земли”, “водный зверь”, его облик свидетельствует в пользу того, что мамонт – обитатель всей совокупности космоса. Он полиморфен, видоизменившись, им могут стать не только обитатели Середины, но и “верхние” существа, каковыми считаются лось или олень. Известны мифы и сказания сибирских народов, в которых мамонт предстает в качестве древнейшего, изначального существа. Следовательно, образ мамонта – один из самых архаичных, связан с эпохой творения; его место обитания – вода, первичная стихия, из которой возникает все мироздание. Однако, наиболее актуальна его фигура в качестве обитателя и стража нижнего мира, а основная функция – охранительная.

Очевидно, что в рассмотренных выше кулайских изделиях запечатлен образ мифологического персонажа, аналогичного этнографическому «мамонту» в разных ипостасях: лося, медведя, рыбы.

Сложные ажурные изделия кулайской культуры интерпретировались в качестве символов плодородия, изобилия, молитвы об охотничьей удаче (Косарев М.Ф. 1984, с.201; Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. 1991, с. 54-61). Однако такой точке зрения противоречит включение в эти композиции хтонических фантастических животных.

Древовидные изделия могут являться своеобразными изображениями Космоса в вертикальной проекции. Дерево – символ центра Вселенной, основа ее вертикальной структуры. Сидящая на вершине птица может являться и верховным божеством, и зоологическим маркером сакральной верхней части Космоса. Голо-

вы расположенные ниже, маркируют собой различные «миры». Нижний ярус, часто маркируют две головы «фантастических» животных. Изображения трехголового лося по смысловому значению близки древовидным изделиям. Лось является одним из древнейших элементов мифоритуальной картины мира. Наиболее архаичным и устойчивым является мотив, представляющий лося в качестве воплощения Вселенной (Новиков А.В., Шишкин А.С. 2002, с.420). В данном случае три расположенные вертикально друг над другом головы лося символизируют соответственно три слоя Космоса, одновременно демонстрируя три ипостаси лося как покровителя или маркера этих слоев. Аналогичным образом можно трактовать и подковообразные многофигурные изделия. Большинство из них повторяют бинарную структуру: изображены расходящиеся из одной точки головы двух животных, в одном из которых угадывается лось, а в другом – хтонический персонаж. Близкими по смысловому содержанию можно считать изображения фантастических животных в образном ряду решетчатых диадем и в качестве «венца» над антропоморфными личинами. Их убедительная интерпретация предложена Я.А. Яковлевым: в мифоритуальном плане эти изделия связаны с представлениями о смерти; их основная функция – сопровождение души умершего в Нижний мир (2001, с. 207 и далее).

Антропоморфный образ, дополненный чертами зверя или птицы, воплощает образ медиатора, способного свободно перемещаться между мирами. Функции медиатора, как правило, осуществляют животные, качества которых позволяют им обитать в обоих мирах. Эту функцию может выполнять и мифологический персонаж, в образе которого соединяются черты человека и животного (Шишкин А.С. 2000). Изделие из Кривошеинского клада и аналогичные ему могут воплощать образ антропозооморфного проводника в Нижний мир или его хозяина.

Список литературы:

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. - М.: Наука, 1984. - 245 с.

Новиков А.В., Шишкин А.С. Новая находка бронзового литья в Ояшинском археологическом микрорайоне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том VIII. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. - С. 414-422.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. - 96 с.

Шишкин А.С. Мотив оборотничества в мировоззрении народов Западной Сибири. // Пятое исторические чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск. 2000. - С. 145-147.

Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам. Саровское культовое место. - Томск. Издательство Томского университета, 2001. - 274 с.

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.Е. Антипина

Институт Археологии РАН, Москва

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТАВА СТАДА ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В АРХЕОЛОГИИ

Реконструкция состава стада сельскохозяйственных животных – одна из главных задач палеоэкономических построений, касающихся систем жизнеобеспечения. Традиционно считается, что информацию для этого может дать подсчет количества животных, забитых на поселении. При этом подразумевается, что весь разводимый на поселении скот в конечном итоге съедался жителями, и тогда именно его костные остатки составляют основу остеологической коллекции. Соотношение же в ней сельскохозяйственных видов по особям прямо переносится на состав древнего стада. Эта традиция опирается на хорошо известные работы В.И.Цалкина, П.Д.Либерова и Ю.А.Краснова. Но такие теоретические посылки могли бы быть правомерными только при выполнении двух условий: полном сохранении всех костей домашних животных в культурном слое, и уверенности в том, что именно эти животные разводились обитателями поселения.

Детальный же анализ археозоологических коллекций показывает, что главным лимитирующим фактором для подсчета особей и вообще для получения достоверной информации о костных остатках является объективная неполнота самого остеологического материала. Показано, что к моменту раскопок от костей изначально оказавшихся на памятнике сохраняется от 20 до 80% [Савинецкий, 1995]. Иными словами, как минимум одно из указанных выше двух необходимых условий для прямой экстраполяции остеологических данных на количество разводимых животных оказывается в принципе невыполнимым.

Однако возможности реконструкции древнего стада все же остаются, и для их реализации требуется: а) как-то компенсировать неполноту материалов, б) принять остеологический спектр сельскохозяйственных видов за исходную оценку для дальнейших вычислений, в) иметь информацию обо всех практиковавшихся на поселении отраслях хозяйства, в частности, о земледелии [Антипина, Лебедева, 2005].

Объективная неполнота остеологических материалов компенсируется за счет значительных объемов изучаемых коллекций (тысяч и десятков тысяч костей) [Антипина, 2004]. Подчеркну, что эта «минорная» характеристика исходных данных предопределяет относительность всех конечных оценок. Результатом исследования станут относительные объемы мяса или относительная численность видов, но не килограммы (или тонны) съеденных мясных продуктов, и не количество особей на поселении.

В качестве примера реконструкции древнего стада выбраны изученные автором кухонные материалы из четырех поселений: селища срубной культуры Горный (Оренбургская обл.), дьяковского городища Настасьино (Московская обл.), комплекса сельских усадеб Замятино гуннского времени (Липецкая обл.) и древнерусского села Ближнее Константиново (Нижегородская обл.). На этих памятниках проведены археоботанические изыскания и построены модели хозяйства [Антипина, Лебедева, 2005].

Первый шаг реконструкции состоит в переходе от выборки кухонных остатков к относительным объемам мясной продукции. Точкой отсчета здесь становится остеологический спектр сельскохозяйственных видов (табл. I, I). Но этот спектр отражает лишь количество отходов – костей, а не объемы съеденного мяса. Когда же подсчитываются объемы мяса, то необходимо ввести переменную, которая фиксирует разницу в весе – кратность веса туш – у разных животных (табл. I, II). Трансформация остеологических спектров в относительные объемы мясной продукции сразу меняет статус видов на указанных памятниках (табл. I, I и III). На этом этапе еще нельзя оценить состав стада. Но подсчитанные относительные объемы потребления мяса указывают на интенсивность мясной эксплуатации вида. Она и будет следующим звеном для моделирования состава стада, при условии, что разведение животных осуществлялось в рамках изучаемого хозяйства. Именно на этом этапе реконструкции необходимо убедиться в том, что изучаемый материал не является результатом торго-

вых поставок мяса, а отражает состав животных, содержащихся на поселении и съеденных там же. Поэтому в таблицу 1 введена дополнительная независимая информация о других формах хозяйственной деятельности на поселениях.

Когда речь идет о составе стада и его численности, то в зоотехнии под этим подразумевается постоянная величина – маточное и рабочее поголовье каждого вида. Маточное поголовье обеспечивает появление приплода, в том числе и забиваемых на мясо животных, а рабочее или продуктивное – получение прижизненных продуктов (молока, шерсти) и использование мускульной силы. Нередко маточная и рабочая части стада представлены одними и теми же особями. При успешном разведении фиксированное их число поддерживается из года в год. А забиваемые на мясо животные считаются переменной величиной, которую как раз и позволяют оценить расчеты относительных объемов потребления мяса каждого вида. Общая же численность животных в хозяйстве зависит не только от мясной эксплуатации вида, но и от того, насколько интенсивно было его прижизненное использование. Соотношение между двумя указанными выше частями поголовья любого вида определяется зоотехническими законами устойчивого разведения животных. Для крупного рогатого скота (далее КРС) и лошадей с их низкой плодовитостью и длительным циклом воспроизводства интенсивная мясная эксплуатация возможна, если их маточное поголовье в 8–10 раз превышает количество ежегодно забиваемых особей. Для свиньи – вида с коротким циклом воспроизводства, высокой плодовитостью и разведением только на мясо – напротив, маточное стадо всегда оказывается меньше, чем число ежегодно забиваемых особей. Численность коз и овец – животных с коротким периодом воспроизводства, но низкой плодовитостью – напрямую зависит от хозяйственных приоритетов в их использовании. При натуральном хозяйстве потребности жителей в мясе и прижизненных продуктах от этих видов фиксируют маточное поголовье на уровне, которое в 5–7 раз превышает число ежегодно забиваемых животных. А вот товарное шерстное направление эксплуатации увеличивает продуктивное стадо уже в сотни раз. Так что, наряду с оценкой мясной эксплуатации видов необходимо учитывать и другие существовавшие формы их использования. Для этого требуется уже детальные половозрастные характеристики съеденных животных. Однако полученная половозрастная структура отражает лишь интенсивность изъятия особей того или иного возраста и пола из стада, но не живое поголовье. И перед исследователем встает вопрос, как перевести «негатив» изъятых в «позитив» оставшегося.

Археозоологический анализ возрастной структуры забитого на поселении скота позволяет сформулировать три наиболее общих правила.

1. Когда не более 40% особей забивается еще до момента завершения формирования их скелета (до 2-х лет – для средних копытных и до 4-х лет для крупных копытных), то можно реконструировать мясную и/или мясомолочную эксплуатацию вида с его устойчивым воспроизводством.

2. Когда доля молодых животных превышает 60% в возрастной структуре, то это свидетельствует об интенсивной мясной эксплуатации вида с потенциально неустойчивым его воспроизводством.

3. Корректная же трактовка исключительно прижизненной эксплуатации домашних копытных – получение молока, шерсти или использование мускульной силы – возможна лишь в случае, когда не менее 20% забитых на поселении взрослых особей окажется в группе самых старших возрастов.

Теперь понятно, для чего в таблицу 1 включены сведения о вероятных формах эксплуатации скота (табл. 1, V). Подчеркну, что для Ближнего Константинова установлено использование КРС как тяглового. Кроме того, к XV веку навоз был единственным эффективным удобрением полей в Древней Руси. В итоге, учитывая потребление мяса и молока, для памятника указаны четыре формы эксплуатации коров и быков.

И только теперь, когда все данные для реконструкции состава стада на рассматриваемых памятниках представлены, его моделирование становится возможным. Итак, на уровне остеологических спектров и объемов потребления мяса наиболее близки поселение горняков и комплекс Замятино (табл. 1, I и III). Но уже моделирование относительной численности видов по этим селищам приводит к разным ситуациям. У горняков отсутствовала всякая сельскохозяйственная деятельность, в том числе и скотоводство, а жители Замятино, напротив, занимались и скотоводством, и земледелием. Состав разводимого ими стада напоминал таковой у обитателей древнерусского села с доминированием КРС (табл. 1, VI). Но если в Замятино исходные данные давали хотя бы намек на такой состав (доля костей КРС – 70%), то для Ближнего Константинова результат выглядит неожиданным, т.к. доля костей КРС и лошади в спектре невелика. Но статус их повысился после расчетов потребления мяса, при этом установлено и интенсивное прижизненное их использование (табл. 1, I, III, V). Такое сочетание в эксплуатации этих видов будет эффективным только, если их маточное стадо в 8–10 раз превышало часть поголовья, ежегодно изымаемого на мясо. Так что, формально можно увеличить долю мяса КРС в структуре потребления (50%) в 10 раз, а долю мяса лошади (16%) – в 8, как отражение разного числа форм их эксплуатации. Но таким же образом надо увеличить долю мяса мелкого рогатого скота, хотя бы в 5 раз, потому что на поселении зафиксированы две формы его эксплуатации – мясная и шерстная. А вот долю мяса

Таблица 1. Схема расчетов относительных объемов потребления мяса сельскохозяйственных животных и реконструкция состава стада для разных археологических памятников Восточной Европы

Памятники (число костей с/х видов в кухонных остатках)	крупный рогатый скот (КРС)	лошадь	овца/коза (МРС)	свинья	
I. Остеологические спектры					
Горный (370 000)	80	3,5	15	1,5	100%
Настасьино (16 600)	6	26	8	60	100%
Замятино (2 120)	71	9	13	7	100%
Бл.Константиново (6100)	23	8	24	45	100%
II. Кратность веса туш с/х животных по отношению к одной туши овцы/козы					
	6	5,5	1	1,5	
объемы мясных продуктов в условных единицах*					
Горный	480	19,25	15	2,25	516,5
Настасьино	36	143	8	90	277
Замятино	426	49,5	13	10,5	499
Бл.Константиново	138	44	24	67,5	273,5
III. Соотношение объемов мясных продуктов					
Горный	92,9	3,7	2,9	0,4	100%
Настасьино	13,0	51,6	2,9	32,5	100%
Замятино	85,4	9,9	2,6	2,1	100%
Бл.Константиново	50,5	16,0	8,8	24,7	100%
IV. Информация по другим отраслям хозяйства и промыслам					
Горный	Специализация на горном деле и отсутствие земледелия Натуральное хозяйство с ведущей ролью скотоводства Натуральное хозяйство с равным участием всех отраслей Товарное хозяйство с ведущей ролью земледелия				
Настасьино					
Замятино					
Бл.Константиново					
V. Вероятное число форм эксплуатации видов на поселениях, включая мясную					
Горный	1	1	1	1	
Настасьино	2	3	2	1	
Замятино	3	3	2	1	
Бл.Константиново	4	3	2	1	
VI. Иерархия видов по относительной численности или модель древнего стада					
Горный	Нет собственного стада				
Настасьино	2	1	4	3	
Замятино	1	2	3	4	
Бл.Константиново	1	2	3	4	

* получены умножением данных по остеологическим спектрам (раздел I) на кратность веса с/х животных (раздел II), далее в разделе III они переведены в проценты.

свиньи придется уменьшить, по крайней мере, вдвое, в соответствии с рассмотренными выше зоотехническими законами. Теперь ясно, почему первое место в стаде Ближнего Константинова будет занимать крупный рогатый скот, второе – лошадь, третье – мелкий рогатый скот, и последнее свинья (табл. 1, VI). Установленный таким образом порядок видов в стаде на всех четырех памятниках мало похож на их ранжирование в исходных остеологических спектрах и в объемах потребления мяса (табл. 1, I, III и VI). И это не должно удивлять. Число

сохранившихся костей и структура мясной диеты дает лишь возможность реконструкции состава стада, которая далеко не всегда реализуется. Сходные остеологические спектры или одинаковые объемы потребления мяса могут характеризовать поселения разных культур или эпох. И наоборот, разные остеологические спектры могут трансформироваться в сходную структуру стада. Однако ни в том, ни в другом случае такое сходство не является индикатором одного типа хозяйства. Переход от остеологического спектра к модели относительной численности домашних животных в древней экономике (т.е. того, что и должно называться составом стада) возможен только при анализе множества независимых археобиологических и археологических данных, что и становится решающим моментом в реконструкции той или иной системы животноводства любого исторического периода.

Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ № 05-06-80155.

Список литературы

- Антипина Е.Е.** Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. // Новейшие археозоологические исследования в России. М.: Языки славянской культуры. 2004. – С. 7-33.
- Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю.** Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия. // Российская археология. - 2005. - №4. – С.70-78.
- Савинецкий А.Б.** Кости птиц из древнего эскимосского поселения Дежнево (Чукотка). // Бюлл. МОИП. Отд. биол. М.: Изд-во МГУ. Т. 100. Вып. 2. 1995. – С. 33–39.

Э.Б. Вадецкая*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург*

ТИПЫ ЕНИСЕЙСКИХ МУМИЙ (по мультидисциплинарным исследованиям)

Достопримечательностью юга Красноярского края являются большие курганы хунно - сарматского времени с могилами, где захоронены десятки человек, а иногда и свыше ста. В основу относительной хронологии этих коллективных могил положены постепенные тенденции, связанные с превращением могил в самостоятельные кладбища, эволюцией погребальных изделий в сторону их откровенной бутафории (с вытеснением бронзового оружия железным), усложнением конструкции погребальной камеры, завершившимся ритуалом её сожжения вместе с останками покойников. Но в независимости от времени могил, в них, как правило, находят целые скелеты, их части, а также одни черепа. Необычность сочетания таких останков вызвала дискуссию о том, хоронили ли трупы или скелеты, помещали их сюда сразу или переносили из других временных мест захоронения. На некоторых скелетах сохраняются следы обработки мертвых тел в виде либо глиняных обмозков черепов, либо остатков травы, находящейся внутри черепов или на костях, либо берестяных обмоток вокруг шейных позвонков. При всем интересе к этим находкам они не повлияли на дискуссию о том, одновременно или последовательно заполнялись коллективные могилы. Возник лишь новый вопрос: мумифицировали ли трупы или реставрировали скелеты.

В 1981г. по материалам кургана у д. Береш (верховья р. Чулым) удалось восстановить тип наиболее поздних (III-IVвв.) мумий. Их скелеты были заполнены и обернуты травой, обшитой кожей. Позвоночники скреплены с черепами прутьями, проложенными с двух сторон позвоночника. На лицевой части одного черепа сохранилось глиняная скульптура лица, обшито кожей, поверх которого вылеплена тонкая гипсовая маска со следами росписи. Мумия была в одеждах и в глиняном головном уборе с подлинной косичкой. По деталям убора устанавливаются аналогичные мумии в некоторых позднейших тагарских курганах у с. Шестаково [Вадецкая, 1996, с.106-108; 1999, с.146, рис.74; 2004, с.308, рис.2,3].

К сожалению, никаких анализов для травы, глины или гипса мумии сделано не было. Их научное значение я поняла много позже при изучении остатков черепов, моделированных глиной, от мумий, раскопанных в кургане Новые Мочаги, недалеко от г.Саяногорска. Медицинская экспертиза (с патологоанатомическим и судебно-медицинским уклонами) установила, что все операции, производившиеся на этих черепах (трепанация, заполнение травой мозгового отдела и глиной ротовой полости, а также моделирование глиной черепа) совершались после естественного разложения трупа, но еще при сохранении позвоночника, связок, мембран, кусочков высохших тканей в каналах черепа, внутренней оболочки мозга [Вадецкая, Протасов, 2003, с.41-45]. Таким образом, версия о мумификации трупов не подтвердилась, и было доказано, что коллективные могилы содержат вторичные захоронения людей. Но не скелетов и отдельных черепов, а имитаций трупов, сделанных в виде чучела на подлинном скелете мертвого. С одной стороны, называть их мумиями некорректно. С другой стороны, чучелами или погребальными куклами уже называются имитации покойника в таштыкской культуре [Вадецкая, 1999, с.22-24, рис.7]. Поэтому я вынуждена использовать условное название “мумия“, но с эпитетом “енисейские“.

Хотя способ крепления мумий из Новых Мочагов не установлен, они не отличались от берешских ничем, кроме прически. Травяное тело чучела обшивали кожей, а череп моделировали глиной, обшивали кожей и поверх кожного лица лепили гипсовую раскрашенную маску. Химический анализ гипсовых масок (с использованием серии разных методов исследования) позволил установить, что кожаные лица глиняных голов окрашивали и на них оставляли открытыми глаза и рот, чтобы создать впечатление живого или ожившего покойника. Спустя определенный срок глаза и рот закрывали кусочками ткани, замазывали гипсом и лепили

гипсовую маску мертвого человека, окончательно фиксируя его смерть. Судя по тому, что некоторые маски на мумиях неоднократно ремонтировали, эти чучела, уже в качестве мертвых долго собирали для одновременного захоронения [Вадецкая, Гавриленко, 2006].

Мумии с аналогичными гипсовыми масками были в курганах Кызыл-Куль, в Уйбатской степи, и Барсучихе IV, на левом берегу Енисея. Отличительной особенностью инвентаря в них является отсутствие бронзовых миниатюр и наличие железного оружия [Вадецкая, 1999, рис.65.]

Более древние мумии, условно относящиеся к I-II вв., были в курганах: Тепсей XVI, на правом берегу Енисея; Черногорск под г. Абаканом; Березовский 21, у ст. Дубинино. Для них характерны грубые глиняные обмазки черепов, обернутых травой. Вместо гипсовых масок у них, возможно, были несохранившиеся кожаные. Обшивались тела берестой, войлоком; могли вообще поверх травы не иметь обшивки.

Лучше сохранились остатки с голов тепсейских мумий. Толстым слоем стеблей травы обертывали кости скелета и череп, закрепляя траву ремешками и веревками. То и другое четко видно на внутренней стороне обмазок черепа с шейей, а часто и груди. В трепанационное отверстие черепа и глазницы вставляли куски глины разных форм. Один глаз по форме и размеру соответствует главному яблоку человека. Очевидно, кусочек глины был вставлен внутрь высохшего мешочка глазного яблока скелета. Согласно химическому анализу, в отверстие черепа и рот вместо глины иногда вставляли кусок из суглинка или древесной золы с мелким песком. В глиняное тесто добавляли немножко травы или шерсти, а также известь для скрепления. Сплошная обмазка глиной, сохранившаяся на одной мумии, создавала грубое подобие человеческого лица, которое окрашивали охрой. Но при горении склепа трава под глиной выгорала, поэтому куски глины, как правило, отделены от черепа. Одна из тепсейских мумий была изготовлена в другом районе, поскольку обмазка черепа была из серой, а не коричневой, как другие, глины. Кроме того, в неё был добавлен гипс, а не известь. Глина серого цвета с гипсом использовалась для берешских мумий. [Вадецкая, 2004, с.300-302]

С мумиями из кургана в Черногорске найдены палочки для скрепления костей. Черепа трепанированы, заполнены растительностью и обмазаны глиной. Большинство скелетов тоже обмазаны глиной, включая шею, грудь, по пояс и бедра. Возможно, первоначально они полностью были обмазаны слоем глины толщиной до 5см, поскольку иногда глина сохранилась даже на кистях рук. Кроме глины скелеты частично или полностью покрыты органикой бело-серого цвета, в которой визуально предполагается либо войлок, либо береста. Видимо, глина использовалась вместо травы, которой в других случаях обмотаны кости скелета. Одна мумия, очевидно, привезенная с другого места, была обмазана красноватой глиной, а все другие серо-зеленой.

От описанных мумий отличаются 5 отдельных черепов, моделированных желтоватой глиной, толщиной 1-1,5см. Поверх глины на них вылеплены маски толщиной до 3-4мм, выкрашенные в красный цвет [Вадецкая, Протасов, рис.1,2]. Они схожи с головами мочагинских мумий.

На мумиях из кургана 21 Березовского могильника была глина на черепках и обертка шейных позвонков берестой [Вадецкая, 1999, с137. рис.68-69].

Во всех перечисленных курганах имеются как миниатюрные бронзовые изделия, так и железные.

Наиболее древними (II-I вв. до н.э.) из известных мумий, являются обернутые травой и обшитые берестой. Для них глина не использовалась. Их остатки встречались как в одиночных курганах (Степновка II, Сабинка III), так и в оградах, содержащих по две - три коллективные могилы (Толстый Мыс V к.1 м. 3, Медведка II к.1м.1). В одиночных курганах у мумий трепанированные и заполненные растительной массой черепа, а сами они (судя по положению костей), во что-то обернуты [Ефимов, Паульс, 1997 с.67-69; Кузьмин, 1997 с.113-114]. В оградах от мумий остались берестяные обмотки шей и ног, искусственные косы, палочки для крепления костей. [Курочкин, 1988, с.2—22; Боковенко, Красниенко, 1988, с.25 – 35].

. Но детально мумии этого типа были исследованы А.И. Поселяниным в 2004г. в одиночном кургане Белый Яр –VI., на правом берегу р. Абакан, в 3,5-4 км от с. Белый Яр. С разрешения автора, на раскопках которого я присутствовала, даю их краткое описание. Способ изготовления около 200 мумий взрослых людей и подростков был одинаков. Сквозь позвоночник, еще заполненным мозгом, протыкали ивовый прут. Верхний край входил в яремные отверстия черепа и крепился, видимо, на распорках. Нижняя часть прута крепилась на крестце, также на распорках. Бедра, голени и руки прикреплялись к палочкам. Область груди и живота заполнялась смесью трав, сохранившихся слоем толщиной до 3-7 см. Кости рук, ног, включая кисти, стопы и шейные позвонки, а также ребра плотно обматывались жгутами из злаковых трав, часто со стеблями, и обшивались берестой. Для заполнения черепа травой вырезали одно отверстие: либо на затылке, либо на левом виске и реже на правом виске. Вырезанное отверстие затыкали куском бересты, реже дерева, а сам череп обматывали травой, предварительно забивая её в носовой проход и глазницы. В нескольких местах травяную голову обвязывали прутьями и затем обшивали берестой. Предположительно некоторые берестяные мумии раскрашивали в красный цвет, особенно лица, поскольку следы краски сохранились иногда на переносице и в глазницах, либо на затылке или верхней челюсти.

Определение частиц трав и прутиков от 21 мумии сделано в отделе научно-технической экспертизы Эрмитажа М.И.Колосовой. Во всех случаях для крепления костей использованы прутики ивы. 18 мумий были заполнены (черепа, грудь, живот) и обернуты злаковыми травами, в большом количестве и разнообразии растущими в хакасской степи, в частности на месте кургана. Для одной мумии, использован белый (сфаговый мох), а для двух – можжевельник. То и другое растет на влажных почвах, в подтаёжной зоне, на грани леса и степи. В частности, в Ачинской лесостепи, в верховьях Белого и Черного Июсов, около озер Фыркал, Белое и Черное. Значит, эти мумии были издалека привезены для захоронения именно в этом кургане.

В кургане найдены бронзовые миниатюрные ножи и кинжал, а также обломанный железный нож. В других курганах встречены только бронзовые миниатюры, иногда импортные бусины и бисер Iв. до н.э.-Iв. н.э.

Выделенные основные типы мумий подтверждаются их горизонтальными захоронениями в могиле кургана Сабинка II (Лисий), расположенном недалеко от курганов Сабинка III и Новые Мочаги. В ней сначала захоронили берестяные мумии, видимо, белоярского типа, от которых остались раздавленные трепанированные черепа, заполненные травой, и остатки берестяной обшивки. Спустя приблизительно сто лет захоронили мумии тепсейского типа, черепа которых обмазаны глиной и окрашены. Первым положены преимущественно бронзовые миниатюры, а вторым железные изделия. Только 5 верхних черепов (из 200 поздних) были моделированы глиной, поверх которой вылеплены гипсовые маски [Павлов, 1987, с.110-112].

Таким образом, изучение разных типов енисейских мумий доказывает, что коллективные могилы были вторичными захоронениями, куда после длительных и разнообразных ритуалов клали имитации людей (их части, и одни головы) умерших в разные сроки и в разных местах.

Список литературы

- Боковенко Н.А., Красниенко С.В.** Могильник Медведка II // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Ленинград: Наука - 1988, - С.25-35
- Вадецкая Э.Б.** Исследования коллективных могил позднетагарского времени в верховьях реки Чулым (раскопки кургана 2 у деревни Береш) // Археологические Вести. – Санкт-Петербург: Петро-РИФ - 1995 – №4. – С.96-112
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1999 – 438 с.
- Вадецкая Э.Б.** Сибирские погребальные маски (Предварительные итоги и задачи исследования) // Археологические Вести. – Санкт-Петербург: Изд-во Дмитрий Буланин – 2004 - №11 – С298-323
- Вадецкая Э.Б., Протасов В.А.** Енисейские мумии (археологические источники и их анатомическая экспертиза) // Археология, этнография и антропология Евразии – 2003 - №4 – С.36-47
- Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С.** Технология и роспись гипсовых масок енисейских мумий // Археология, этнография и антропология Евразии – 2006 – в печати
- Ефимов В.Г., Паульс Е.Д.** К методике исследования позднетагарских склепов из работ Среднеенисейской экспедиции на Означенской оросительной системе // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. - Омск: Изд-во Омского Гос. университета – 1987 - С.67-69.
- Кузьмин Н.Ю.** К вопросу о формировании раннетесинских культурных традиций // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Омского Гос. университета – 1987 - С.113-114
- Курочкин Г.Н.** Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы //Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Ленинград: Наука – 1988 - С.2—22.
- Павлов П.Г.** Преемственность тагарских и тесинских памятников на юге Хакасии // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Омского Гос. университета – 1987 - С.109-112

Т.Г. Горбунова, А.А. Тишкин, С.В. Хаврин

*Алтайский государственный университет; Барнаул
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург*

ТЕХНИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УКРАШЕНИЙ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ

В современной археологической науке все чаще используется мультидисциплинарный подход при изучении материалов древних и средневековых культур. Он позволяет не только получить дополнительную или порой единственную информацию по зафиксированным источникам, но и выйти на более качественный уровень интерпретации накопленных сведений. Подобная практика реализуется в разных сферах научно-исследовательской деятельности. Применительно к средневековой археологии в этом отношении показательны комплексные исследования Л.В. Коньковой и Г.Г. Король [1999, 2001, 2002], которые, проанализировав определенный массив изделий из цветных металлов, пришли к выводу, что социальная значимость предметов торевтики и распространение «моды» на них вызвала потребность в экономии металла. В связи с этим в средние века возникло литье со вставкой с использованием воска и последующее производство требуемого предмета по оттиску готовой матрицы. Такая технология позволяла изготовить «...большое количество изящных изделий с затратой минимума металла» [Конькова, Король, 1999, с. 58–59]. Свои выводы Л.В. Конькова и Г.Г. Король распространяют на все средневековые кочевые культуры степного пояса Евразии. Вне их внимания оказался обширный блок материалов из тюркских памятников Горного Алтая (2-я половина V–XI вв.) и комплексов сrostкинской культуры Алтайской лесостепи (2-я половина VIII–XII вв.). Последние в достаточном количестве представлены в музеях г. Барнаула: в Алтайском государственном краеведческом музее (18 коллекций), в Историко-краеведческом музее БПУ (две коллекции). В фондах Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ в настоящий момент хранится 23 археологических коллекции, включающих 183 украшения конского снаряжения сrostкинской культуры. Предметы аналогичного назначения в значительном количестве находятся в фондах Государственного Эрмитажа. Эти материалы были использованы при проведении технико-технологического и спектрального анализа. Среди рассмотренного массива источников представлены следующие категории изделий:

1. **Наконечники** ремней – декоративно-функциональные детали конского снаряжения, которые крепились к зафиксированному в пряжке или свободно свисающему концу ремня. Наконечник включает бортики – боковые параллельные стороны изделия, носик (край изделия в месте соединения бортиков) и основание (противоположный край наконечника ремня, на который «опираются» боковые стороны). Для эпохи раннего средневековья на территории Алтая можно обозначить наконечники трех традиций: «тюркской» (короткие с геометрическим декором или без орнамента), «сrostкинской» (овально-прямоугольные и килевидные изделия, с растительным или геометрическим орнаментом) и «кыргызской» (изделия с насыщенной растительной орнаментацией).

2. **Распределители** ремней представляют собой украшения и функциональные детали конской амуниции. Они служили для сочленения ремней и указывали их направление. Изделия также выполняли укрепительную функцию, не позволяя расходиться ремням в стороны. Составляющие распределителя – центральная часть (середина изделия) и лопасти (части, отходящие от центра). На протяжении раннего средневековья сложилось несколько традиций в их оформлении: «тюркская» (изделия с «перехватами» и трехлобным делением центра с помощью нервюр), «сrostкинская» (вещи без «перехватов» с растительным, геометрическим орнаментом) и «кыргызская» (предметы с фигурноскобчатыми окончаниями лопастей и насыщенным растительным орнаментом либо железные распределители с серебряной инкрустацией и сетчатым декором по всей поверхности).

3. **Султанчики** (султанские украшения) представляют собой украшения конского снаряжения, состоящие из втулки и пластины и служащие для закрепления волосяного или перьевого султана на ремне. Такие изделия

состоят из султанной втулки (полая трубка, зафиксированная в пластине перпендикулярно ей или непосредственно на ремне) и пластины (горизонтальная основа султанчика). Возникновение султанских украшений узды в Южной Сибири соотносится с тюркской культурой, с влиянием которой связано распространение этой традиции в рассматриваемом регионе.

4. **Бляхи** – фигурные пластины, изготовленные из цветного металла или железа. Такие изделия располагались как на основных (функциональных), так и на декоративных ремешках амуниции верховых лошадей. Среди многообразия блях можно обозначить бляхи-накладки, налобные бляхи-подвески и бляхи-подвески на нашечные ремни узды, нагрудник и накручник снаряжения. В оформлении блях-накладок прослеживаются две традиции. Первая связана с тюркской культурой и представлена полусферическими, четырехлепестковыми, подовальными и прямоугольными бляхами с выпуклинами и нервюрами по центру. Вторая традиция оформилась в рамках сроткинской культуры и характеризуется качелевидными, пятиугольными, прямоугольными и четырехлепестковыми бляхами с петельчатыми или сплошными выступами. Первые налобные бляхи появились у тюрков Горного Алтая во 2-й половине VII в. и при их участии попали на юг Западной Сибири. Для сроткинской культуры характерны сердцевидные налобные бляхи с гладкой лицевой частью или оформленные с помощью полусферической выпуклины, имитирующей колокольчик [Тишкин, Горбунова, 2003, 2004].

В Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа было осуществлено изучение металлических украшений конской амуниции из раннесредневековых памятников Алтая. Исследования проводились с использованием прибора рентгено-флюоресцентного анализа (РФА) поверхности ArtTAX (при напряжении 50 кВ, силе тока 700 мА, время накопления спектра 100 с. Нижний предел чувствительности составляет для большинства элементов 0,1–0,2%, для цинка и никеля – 0,5 %). Проанализировано около 300 (более 250 сроткинской культуры и более 40 тюркской) предметов конского снаряжения из сплавов на основе меди или серебра. Изделия происходят из 19 памятников эпохи средневековья Горного и Лесостепного Алтая и найдены в 34 захоронениях. Кроме этого, привлекались две случайные находки.

Среди полученных анализов медных сплавов, в соответствии с существующими классификациями, можно выделить такие группы: медь (с незначительным количеством естественных примесей), низкооловянистая бронза, свинцово-оловянистая бронза, латунь, многокомпонентная латунь. Но на данном этапе исследования ясно, что наиболее важным показателем является наличие или отсутствие в составе сплава цинка [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2005]. Так, практически все проанализированные изделия могильников раннего этапа сроткинской культуры (2-я половина VIII в. – 1-я половина IX в.) Иня-1 и Борковский Елбан-6 оказались выполненными из латуни – к этому типу сплава можно отнести 17 из 20. Оставшиеся три предмета, хотя и являются бронзовыми, но содержат в составе 1–2 % цинка. Поверхность многих находок из рассматриваемой коллекции покрывалась слоем олова (лужение) либо золота (золочение). В применении этих технологических приемов украшения поверхности изделия также прослеживаются определенные закономерности. Судя по составу сплава, все предметы из могильников Иня-1, Борковский Елбан-6, Поповская дача должны были иметь желтоватую или золотистую окраску, что не требовало изменения цвета изготовленной вещи. Однако поверхность некоторых блях и наконечника ремня была полужена для придания ей цвета серебристо-белого металла. Гораздо чаще лужение применялось для изделий из чистой меди и бронз, содержащих небольшое количество олова и свинца, металл которых имел красный цвет – Ивановка-III, Филин-1, Шадринцево-1, Нижний Кучук VII, Рогозиха-I (X – 1-я половина XI вв.). Такой технологический прием, как лужение, не всегда можно проследить. При исследовании бронз, содержащих значительное количество олова и/или свинца и прошедших стадию археологизации, метод РФА чаще всего фиксирует повышенное (в результате коррозионных процессов) наличие этих легирующих компонентов на поверхности изделия, даже при отсутствии намеренного лужения.

Внешняя поверхность некоторых предметов конского снаряжения позолочена и почти во всех случаях РФА зафиксировано присутствие ртути, что свидетельствует об огневом золочении (амальгама). Золотая амальгама определена для серебряных, а также для медных (или почти медных) украшений из могильников Грань, Екатериновка-III, Белый камень, Щепчиха-I (IX – начало XI вв.). Лишь в некоторых случаях она нанесена на поверхность предметов из качественной оловянистой или свинцово-оловянистой бронзы. На наносном султанчике из могильника Шадринцево-1 (середина X в.) совмещены две техники украшения поверхности – лужение медной пластины и золочение бронзовой втулки султанчика. Серебряный распределитель ремней из кургана №1 могильника Михайловка (середина IX в.) позолочен (позолота сохранилась плохо). Однако в спектре отсутствуют следы ртути. Скорее всего, и в данном случае использовано амальгамное золочение, но метод РФА оказался недостаточно чувствительным. Поэтому необходима эмиссионная спектрография. Золочение также зафиксировано на изделиях из кургана №1 памятника Чинета-II (2-я половина IX в.). На наконечнике

ремня, обнаруженном в окрестностях с. Чесноково, прослежена не только золотая амальгама, но и техника черни, более нигде не отмеченная. Технология золочения отсутствует на украшениях конского снаряжения тюркской культуры из памятника Кудыргэ (2-я половина VI в. – 1-я половина VII в.) и на изделиях из комплексов раннего этапа сротскинской культуры Иня-1, Борковский Елбан-6, Мало-Панюшово (2-я половина VIII в. – 1-я половина IX в.).

Набор основных рудных примесей в составе подавляющего большинства исследованных изделий на медной основе (мышьяк, сурьма, свинец, серебро) обычен для Саяно-Алтая как для средневековья, так и для предшествующего периода. Выпадает из этой группы наносный султанчик – случайная находка из Лесостепного Алтая, датируемая XI в. Обе его части выполнены из латуни, которую, кроме отсутствия традиционных примесей в сплаве, отличает высокое содержание цинка (15–25 %).

В целом, имеющиеся материалы и полученная серия спектральных анализов дают возможность сравнить состав металла, использованный для изготовления украшений конской амуниции из тюркских комплексов Горного Алтая и памятников сротскинской культуры Алтайской лесостепи. Кроме этого важно соотнести технологические приемы и выявить сырьевые базы. Полученные сведения позволят не только обозначить дополнительные критерии для реконструкции процесса создания и распространения предметов торевтики в рамках выявленных этнокультурных традиций, но и шире проследить систему взаимодействий народов (миграции, контакты и т.д.) на Алтае в эпоху средневековья.

Список литературы

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование спектрального анализа при изучении украшений конского снаряжения из средневековых памятников Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 151–157.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл) // ЭО. – 1999. – №2. – С. 56–68.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в степной Евразии эпохи средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – №1 (5). – С. 94–100.

Король Г.Г., Конькова Л.В. Центральная Азия и ее роль в формировании художественных и технологических традиций в раннем средневековье // Мир Центральной Азии. Т. III: Культурология. Философия. Источниковедение. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – С. 38–44.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Техничко-морфологические и этнокультурные особенности украшений конской амуниции раннесредневековых кочевников Алтая // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 2. Вып. 3: Археология и этнография. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – С. 57–63.

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. у-та, 2004. – 126 с.: ил.

В.А.Демкин, Т.С.Демкина, А.В.Борисов, А.О.Алексеев, Т.Э.Хомутова

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино

ПАЛЕОПОЧВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОЛОГИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА*

Проблема истории развития природной среды и ее отдельных компонентов в голоцене (последние 10-12 тыс. лет) занимает важное место в сфере интересов отечественных и зарубежных специалистов в области естественнонаучных дисциплин. В ее решении используется весьма широкий спектр методов и объектов исследований. В последние десятилетия особый интерес вызывают погребенные палеопочвы грунтовых археологических памятников, которые относятся к числу наиболее надежных и информативных свидетелей состояния и динамики природных условий в различные исторические эпохи. Такими памятниками прежде всего являются курганы энеолита, бронзового, раннежелезного веков и средневековья, время сооружения которых приходилось на вторую половину голоцена. Исследования подкурганых педохронорядов позволяют получить принципиально новые и весьма детальные данные об истории развития почв и природной среды за последние 5000-6000 лет. С другой стороны, использование методов и данных палеопочвоведения и смежных наук в изучении курганных погребальных комплексов дает возможность получить новую информацию о духовной и материальной культуре древних степных племен. Широкий круг взаимных интересов послужил причиной активизации в 70-е...80-е гг. прошлого столетия комплексных почвенно-археологических исследований грунтовых памятников древней и средневековой истории общества [Золотун, 1974, Иванов, 1978, Александровский, 1983, Демкин, Иванов, 1985, Демкин и др., 1989 и др.]. В итоге уже в 90-е гг. сложилось новое междисциплинарное научное направление под названием археологическое почвоведение [Демкин, 1993, 1997, Иванов, Васильев, 1995, Дергачева, 1997]. К настоящему времени достаточно четко обозначился круг его задач и проблем, к числу которых, в частности, относятся: разработка региональных концептуальных моделей эволюции почв и ландшафтов за историческое время; установление закономерностей вековой динамики почвенных свойств и процессов в связи с изменчивостью условий почвообразования; реконструкция природных условий в эпохи энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья; оценка влияния палеоэкологических условий на хозяйственную деятельность, расселение и миграции древнего и средневекового населения; культурно-исторические реконструкции с использованием данных и методов почвоведения и смежных наук.

Остановимся на наиболее важных результатах, полученных нами в последние годы при почвенно-археологических исследованиях разновозрастных курганов степей Восточной Европы. Объекты исследований приурочены к различным геоморфологическим областям: Средне-Русская, Приволжская, Ергенинская, Ставропольская возвышенности и Прикаспийская низменность. В почвенно-географическом отношении регион включает зоны сухих и пустынных степей соответственно с темно-каштановыми и каштановыми, светло-каштановыми и бурыми полупустынными почвами. Исследованные педохроноряды представлены палеопочвами эпох позднего энеолита (IV тыс. до н.э.), бронзы (конец IV-II тыс. до н.э.), раннего железа (V в. до н.э. – IV в. н.э.) и средневековья (VIII-XIV вв. н.э.). Всего исследовано свыше 300 памятников в составе более чем 30 могильников, объединяющих от 5-10 до 20-30 курганов, относящихся, как правило, к различным культурно-хронологическим этапам развития древних обществ. При изучении погребенных и современных фоновых почв использовался комплекс методов почвоведения, микробиологии, биохимии, минералогии, геофизики.

---

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН.

На основе полученных результатов разработана новая концептуальная модель педогенеза в степях Восточной Европы во второй половине голоцена. Установлено, что периодическая смена аридных и гумидных климатических эпох вызывала эволюционные преобразования почв на уровне типа (подтипа) и неоднократные сдвиги границ почвенно-географических зон (подзон).

Впервые установлено, что в хроноинтервале 4400-3900 лет назад в регионе резко активизировались процессы соленакопления, дегумификации, окарбоначивания, эрозии почв, что привело к опустыниванию ландшафтов и широкому распространению в конце III тыс. до н.э. эродированных, засоленных, карбонатных каштановидных палеопочв, не имеющих аналогов в современном почвенном покрове. Причиной этого послужила катастрофическая аридизация климата, вызвавшая самый масштабный палеоэкологический кризис в степях Восточной Европы за последние 6000 лет. Произошедшие природные события в определенной мере обусловили бульшую сезонную подвижность позднекатакомбных племен с освоением более широкой территории.

Исследования подкурганных палеопочв золотоордынского времени (XIII-XIV вв. н.э.) позволили установить, что по сравнению с предшествующей и современной эпохами они характеризовались повышенной гумусированностью, меньшим содержанием легкорастворимых солей и гипса, большей величиной магнитной восприимчивости. В эпоху развитого средневековья произошла смена засушливых условий почвообразования более гумидными, причем пик увеличения увлажненности приходился на XIII-XIV века, когда среднегодовая норма атмосферных осадков превышала современные показатели на 70-80 мм. Изменение климата обусловило эволюцию каштановых почв на уровне родовых признаков, а в пограничных областях природных зон – на уровне подтипа. Благоприятная почвенно-ландшафтная и климатическая обстановка, сложившаяся в нижневожских степях в этот исторический период, способствовала существенному изменению этнополитической ситуации в регионе.

На примере восточноевропейских степей статистическими расчетами установлена прямая корреляция между величинами магнитных характеристик современных почв и среднегодовым количеством атмосферных осадков [Алексеев, Алексеева, Махер, 2003]. На основании установленной зависимости по данным магнитных измерений палеопочв серии хронорядов, приуроченных к Приволжской и Ергенинской возвышенностям, определено количество атмосферных осадков в прошлые исторические эпохи [Демкин и др., 2004]. К сравнительно влажным периодам относились I, IV и XIII-XIV вв. н.э., когда количество атмосферных осадков в среднем составляло 380, 370 и 420 мм/год соответственно (в настоящее время около 350 мм/год). В наиболее засушливую климатическую эпоху (рубеж III-II тыс. до н.э.) среднегодовая норма осадков была 250-300 мм/год.

Впервые установлено, что в подкурганных палеопочвах степной зоны до настоящего времени сохранились микробные сообщества, отражающие состояние и вековую динамику условий почвообразования за историческое время [Демкина, Борисов, Демкин, 2000]. Смена аридных и гумидных климатических периодов фиксировалась в структуре микробных сообществ палеопочв на эколого-трофическом, метаболическом и генетическом уровнях. Во влажные периоды в эколого-трофической структуре возрастала доля микроорганизмов, использующих легкодоступные органические вещества и снижался коэффициент олиготрофности. В связи с аридизацией климата на протяжении III тыс. до н.э. биомасса метаболически активных почвенных микроорганизмов, реактивируемых глюкозой, снизилась почти в 40 раз. На рубеже III-II тыс. до н.э. вследствие палеоэкологического кризиса произошла перестройка генетического разнообразия (риботипов) микробных сообществ палеопочв.

Нами показано [Демкин, 1997], что методическая оснащенность почвоведения предоставляет возможность выявить стратиграфические особенности памятников, восстановить технологические приемы их сооружения и исходную архитектуру. По качественным и количественным характеристикам палеопочв возможно определение относительного возраста памятников в рамках одного культурно-хронологического этапа, а также время их сооружения в случаях антропогенного нарушения и отсутствия датирующих артефактов. Использование ряда минералогических и химико-аналитических методов, применяемых в почвоведении, дало возможность внести коррективы в существующие представления об отдельных атрибутах погребального обряда. Например, это касается идентификации встречающихся в захоронениях обломков минералов и пород, а также так называемых “меловых” посыпок и побелок, за которые ошибочно принимались аккумуляции легкорастворимых солей, сформировавшиеся естественным путем на дне и стенках могильных ям. С использованием фосфатного метода нами была разработана шкала для реконструкции погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений [Демкин, Демкина, 2000].

Таким образом, интеграция палеопочвоведения и археологии привела к возникновению качественно нового этапа в познании голоценовой истории развития почв и природной среды. Комплексные почвенно-ар-

хеологические исследования погребальных археологических памятников позволили дополнить и уточнить существующие представления о культуре и хозяйственном укладе древних народов, о роли природной среды в их жизни.

Список литературы

- Александровский А.Л.** Эволюция почв Восточно-Европейской равнины в голоцене. - М.: Наука, 1983. - 150 с.
- Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Махер Б.А.** Магнитные свойства и минералогия соединений железа степных почв // Почвоведение. - 2003. - №1. - С.62-74
- Демкин В.А.** Почвы сухих и пустынных степей Восточной Европы в древности и средневековье: Автореф. дисс. ... д-ра биол. наук. – МГУ, 1993. - 48 с.
- Демкин В.А.** Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. - Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. - 213 с.
- Демкин В.А., Иванов И.В.** Развитие почв Прикаспийской низменности в голоцене. - Пушкино: ОНТИ НЦБИ АН СССР, 1985. - 165 с.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г., Алексеев А.О., Олейник С.А., Губин С.В., Лукашов А.В., Кригер В.А.** Палеопедологическое изучение археологических памятников степной зоны // Изв. АН СССР. Сер.географ. - 1989. - №6. - С.40-51
- Демкин В.А., Демкина Т.С.** О возможности определения погребальной пищи в керамических сосудах из курганов бронзового и раннежелезного веков // Этнографическое обозрение. - 2000. - №4. - С.73-81
- Демкин В.А., Ельцов М.В., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Демкина Т.С., Борисов А.В.** Развитие почв Нижнего Поволжья за историческое время // Почвоведение. - 2004. - №12. - С.1486-1497
- Демкина Т.С., Борисов А.В., Демкин В.А.** Микробные сообщества палеопочв археологических памятников пустынно-степной зоны // Почвоведение. - 2000. - №9. - С.1117-1126
- Дергачева М.И.** Археологическое почвоведение. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. - 228 с.
- Золотун В.П.** Развитие почв юга Украины за последние 50-45 веков. Автореф. дисс. ... д-ра с/х наук. Киев. 1974. 74 с.
- Иванов И.В.** Почвоведение и археология // Почвоведение. - 1978. - №10. - С.18-28
- Иванов И.В., Васильев И.Б.** Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. - М.: Интеллект, 1995. - 264 с.

А.Ю. Дунаев¹, А.М. Юминов¹, С.А. Григорьев², В.В. Зайков¹

¹Институт минералогии УрО РАН,

Миасс, Челябинская обл., Ильменский заповедник, 456317, Россия

E-mail: zaykov@ilmeny.ac.ru

²Институт истории и археологии УрО РАН

ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия

E-mail: stgrig@mail.ru

РОЛЬ ГЕОАРХЕОЛОГИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ РУДНОЙ БАЗЫ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ*

В последние годы на многих археологических памятниках начали активно проводиться геологическое и минералого-геохимическое исследования. Подобные работы, как в нашей стране, так и за рубежом, объединяются под термином геоархеология. Одними из основных задач этой дисциплины являются определение петрофонда каменной индустрии, составление петрографических карт сооружений, изучение минерально-сырьевой базы древних обществ и установление конкретных источников сырья, разрабатываемого в древности [Зайков и др., 1999].

В 80-90 гг. прошлого века в степной зоне Южного Зауралья сотрудниками Челябинского государственного университета была открыта Страна городов – группа компактно расположенных укрепленных протогородских поселений, существовавших в период XV-XX вв. до н.э. Археологические раскопки, проведенные на данных объектах, выявили следы синташтинской и, частично, петровской культуры, датируемых эпохой конца средней – начала поздней бронзы [Зданович, 1995]. Во всех городищах фиксировались остатки сложных металлургических печей а также большое количество металлургических шлаков. В захоронениях были обнаружены многочисленные металлические предметы. Несомненно, данные поселения являлись специализированными металлургическими центрами. До последнего времени предполагалось, что они, помимо производства металла, могли выполнять функцию охраны и обороны многочисленных медных рудников Южного Зауралья.

Минералогическое исследование металлургических шлаков показали присутствие в подавляющем большинстве из них большого количества зерен хромшпинелидов [Григорьев, 2000]. Данный минерал характерен только для медных месторождений, связанных с ультраосновными породами. Эти породы на территории Страны городов имеют локальное распространение, и большинство поселений находятся на значительном удалении от них.

Хромшпинелиды не обладают постоянным химическим составом. По набору отдельных элементов на различных типах месторождений, в зависимости от условий образования, они могут значительно отличаться друг от друга. Это позволяет идентифицировать отдельные образцы руд с конкретными рудниками [Григорьев и др., 2005]. Кроме того, хромшпинелиды являются тугоплавкими и инертными минералами. Во время относительно кратковременного металлургического передела они не реагирует с другими компонентами шлака, и их химический состав практически не меняется.

Авторы провели изучение хромшпинелидов в шлаках из шести археологических памятников Южного Урала: Синташты, Аркаима, Аландского, Устья, Родников и Куйсака. Полученные данные были сопоставлены с их аналогами в колчеданных и окисленных рудах Ишкининского, Ивановского и Дергамышского месторождений, расположенных в ультраосновных породах Главного Уральского разлома [Зайков и др., 2005]. К зонам окисления месторождений приурочены древние карьеры, выявленные при проведении геолого-разведочных и геоархеологических исследований. Также были изучены хромшпинели из серпентинитов древнего рудника Воровская яма.

* Исследования выполнены при финансовой поддержке проекта совместных исследований УрО – СО РАН, грантов РГНФ 05-01-85112а/У «Рудная база и социально-экономические условия горно-металлургического производства эпохи средней бронзы в Южном Зауралье» и Минобрнауки и науки РФ РНП.2.1.1.1840.

Хромшпинелиды из древних рудников. Все изученные сульфидные и окисленные апосерпентинитовые руды месторождений повсеместно содержат вкрапленность хромшпинелидов, которые представлены эвгдральными и субгдральными зернами размерами до 0.5 мм в поперечнике. Часто отмечены магнетитовые каймы мощностью до 100-150 мкм с четкими ровными границами с хромшпинелидом.

Состав хромшпинелей разнообразен. Хромшпинелиды из руд Ишкининского месторождения характеризуются незначительными колебаниями хромистости – $100\text{Cr}/(\text{Cr}+\text{Al})$, где она находится в пределах 62.98-76.83 %, разброс магнезиальности – $100\text{Mg}/(\text{Mg}+\text{Fe}^{2+})$, составляет 38.60-57.00 %, доля трехвалентного железа 4.80-14.00 %. Концентрации TiO_2 достигают 0.35 вес. %, MnO 0.48 вес. %.

На Ивановском месторождении хромшпинелиды характеризуется более высокими содержаниями рехоксида хрома и магнезия. Хромистость шпинелей варьирует в пределах 58.86-89.98 %, а магнезиальность 29.50-68.20 %. Доля трехвалентного железа достигает 9.65 %. Концентрации марганца и титана незначительны и составляют до 0.48 вес. % и 0.28 вес. % соответственно.

В рудах Дергамышского месторождения включения хромшпинелидов более редки, они имеют размер 0.1-0.3 мм. Соотношение основных минералообразующих оксидов показывает, что хромшпинелиды аналогичны шпинелидами Ишкининского и Ивановского месторождений. Хромистость хромшпинелей составляет 60.12-83.77 %, магнезиальность 22.11-65.35 %, а доля трехвалентного железа не превышает 10.35 %. Содержания MnO и TiO_2 достигают 0.20 вес. % и 0.39 вес. %.

Хромшпинелиды и серпентинитов древнего рудника Воровская яма представлены преимущественно субгдральными и амбеновидными зернами, размерами около 0.3 мм. Часто зерна разбиты микротрещинами. Состав хромшпинелей отличается от хромшпинелидов из руд колчеданных месторождений. Хромистость шпинелидов варьирует в пределах 60.60-70.95 % (при единичных значениях 26.68-27.51 %), магнезиальность 6.30-62.60 % (до 84.40 %), доля трехвалентного железа достигает 10.85 %. Содержания марганца весьма значительны, до 3.24 вес. %, в то время как содержания титана находятся ниже предела обнаружения зонда.

Хромшпинелиды шлаков. Во всех изученных шлаках хромшпинелиды – эвгдральные и субгдральные, редко округлые, размер зерен 0.1-1 мм, часто с силикатными включениями. Магнетитовая кайма устанавливается во многих зернах шпинелей, мощность ее не превышает 75 мкм. В большинстве случаев кайма имеет простое строение с ровными границами с хромшпинелидом.

Анализ химического состава хромшпинелидов из шлаков древних поселений выявил широкий разброс содержаний основных компонентов. Это касается не только составов хромшпинелидов отдельных поселений, но хромшпинелидов внутри отдельных образцов шлаков. Часто в одном шлаке отмечены зерна, обладающие существенно глиноземистыми составами, и зерна с высокохромистым составом. Например, хромистость шпинелидов из образца шлака поселения Устья колеблется в пределах 48.92–82.35 %, а хромшпинелей Куйсака – 58.82–82.90 %.

Сравнительный анализ химического состава минералов показал сходство хромшпинелидов из шлаков и руд трех охарактеризованных месторождений и отличие от хромшпинелидов из рудовмещающих пород рудника Воровская яма. В то же время установлены различия хромшпинелидов из шлаков, отличающиеся по составу от хромшпинелей руд. К ним относятся шпинели поселения Устья, часть которых обогащена трехокисью алюминия и магнезией, Синташта, некоторые хромшпинелиды которого обладают наибольшей долей трехвалентного железа, и Аландское, где хромшпинелиды представлены высокомагнезиальными разновидностями.

Составы хромшпинелидов из шлаков поселений близки между собой, но обладают некоторыми различиями. По соотношению марганца и титана выделяются три поселения, для хромшпинелей которых свойственны более марганцовистые и менее титанистые составы – Аландское, Синташта и Аркаим по сравнению с поселениями Куйсак, Родники и Устье, где хромшпинелиды включают наиболее титанистые и менее марганцовистые разновидности. По остальным минеральным компонентам хромшпинелиды поселений близки между собой.

Полученные материалы показывают, что основными источниками медных руд, связанных с серпентинитами, для металлургов синташтинской культуры, вероятно, являлись Ишкининское, в меньшей степени Ивановское и Дергамышское месторождения (судя по остаткам карьеров, на Ишкининском месторождении добыча руд имела гораздо более значительный масштаб, чем на Дергамышском и Ивановском месторождениях, где объем выработок был на порядок меньше), либо это были объекты сходные с ними. В пользу последнего предположения свидетельствуют различия в составе хромшпинелидов из шлаков поселений и колчеданных руд месторождений. А также различия составов хромшпинелидов из шлаков поселений между собой, связанные с использованием разных источников малахитсодержащих руд. На поселении Устье древними металлургами использовались руды с хромшпинелидами, обогащенными алюминием и железом, на Синташте – с более железистыми хромитами, на Аландском – с магнезиальными шпинелидами. Это

требует поиска источников аналогичных хромшпинелидов. Поселения располагаются вблизи крупных гипербазитовых массивов, на которых проводилась интенсивная разработка никеленосных кор выветривания и следы древних рудников могли быть уничтожены. Возможный путь решения данной проблемы состоит в установлении принадлежности таких хромшпинелидов к ультраосновным массивам, расположенных вблизи поселений. Наиболее вероятными ультраосновными массивами с медной минерализацией могут служить Амамбайский, Кацбахский и Варшавский массивы, хромшпинелиды которых обладают наиболее сходными чертами химического состава.

Список литературы

- Григорьев С.А.** Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Рифей, 2000. – С. 444–531.
- Григорьев С.А., Дунаев А.Ю., Зайков В.В.** Хромшпинелиды как индикатор источника медных руд для древней металлургии // Доклады РАН, 2005, №2. – С. 228–232.
- Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Зданович Г.Б., Таиров А.Д.** Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала: задачи, результаты, перспективы // Уральский минералогический сборник № 9. - Миасс: ИМин УрО РАН, 1999. – С. 186–205.
- Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю., Зданович Г.Б., Григорьев С.А.** Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005, № 4. – С. 101–115.
- Зданович Г.Б.** Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия.– Челябинск, 1995. – С. 21–43.

И.В. Журбин*Физико-технический институт УрО РАН, Ижевск*

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНИРОВКИ И СТРУКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ИДНАКАР*

Иднакар относится к числу городищ, которые возникли в среднем течении р. Чепцы в конце I тысячелетия и связаны с именами богатырей удмуртского эпоса – Дондыкар, Восьякар, Зуйкар, Иднакар, Гурьякар, Уччакар. Городища функционировали с конца IX до XII-XIII вв. Иднакар занимает обширный мыс высокой коренной береговой террасы. Общая длина площадки составляет около 300 м. Ширина ее на самом мысу около 80 м, но постепенно расширяется и достигает 130-134 м. С востока, с напольной стороны, визуальнo фиксируются два мощных вала [Иванова, 1998].

Электрoметрические исследования на базе археологической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (начальник экспедиции д.и.н., профессор М.Г. Иванова) позволили восстановить планировку центральной части и систему фортификационных сооружений поселения. Постановка задачи геофизических измерений отличалась от традиционного подхода. В большинстве случаев археогеофизика рассматривается как метод, который предшествует раскопкам и позволяет прогнозировать расположение объектов. Однако в результате планомерных археологических исследований поселения в 1970-1980-х гг. был выявлен характер культурного слоя и установлен общий принцип планировки. Следовательно, такая задача была не актуальна. Основная проблема, которая решалась с использованием электроразведки, состояла в восстановлении планировки той части городища, на которой не предполагались археологические раскопки. Геофизические исследования проводились с использованием специализированного для археологии многоэлектродного автоматизированного электроразведочного комплекса «Иднакар», разработанного в Физико-техническом институте УрО РАН (г. Ижевск). Оригинальная программная система обеспечивает обработку и отображение результатов измерений [Журбин, Груздев, 2004; Журбин, Зверев, 1998].

По геофизическим данным построена карта расположения основных археологических объектов, определяющих структуру и планировку городища – фортификационные сооружения, глинобитные площадки сооружений, очаги и ямы [Иванова, Журбин, 2006]. Общая площадь измерений составляет более 6000 кв. м. В частности, был восстановлен контур внутреннего оборонительного вала, расположенного поперек площадки городища по линии север – юг. В настоящее время внутренний вал визуальнo не прослеживается, так как не позднее XI в. он утратил свое значение, верхняя часть была срыта, в заполнении рва разместились производственные сооружения [Иванова, 1999, с. 107-108]. Кроме того, определено местоположение площадок из обожженной глины, которые являлись основаниями жилых и производственных сооружений, а также отдельных ям или групп ям различного назначения. На карте распределения удельного сопротивления площадкам соответствуют локальные аномалии пониженного сопротивления подпрямоугольной формы, а ямам – компактные аномалии повышенного сопротивления. Достаточно уверенная интерпретация перечисленных археологических объектов основана на сравнении результатов археологических раскопок и предварительных геофизических исследований [Алексеев и др., 1995; Журбин, Зелинский, 1999; Иванова и др., 1998]. Кроме того, выделены протяженные аномалии низкого сопротивления, расположенные вдоль северного и южного склонов холма на участке между внутренним и средним оборонительными валами. Форма, размеры и уровень сопротивления соответствуют параметрам внутреннего оборонительного вала. На всех указанных участках визуальнo не фиксируются изменения рельефа и растительности.

* Исследования выполняются при финансовой поддержке программы РГНФ-Урал, грант № 05-01-80104а/У

Это позволяет предположить, что в древности внутренняя часть городища, кроме естественной защиты (крутые склоны холма на севере и юге), была защищена дополнительными оборонительными сооружениями. Основания этих сооружений и вызывают «горизонтальные» аномалии, описанные выше. Безусловно, это предположение требует проверки.

Проведенные электрометрические исследования позволили восстановить планиграфию археологического памятника. Однако для повышения достоверности археологической интерпретации геофизических данных требуется оценить и стратиграфию культурного слоя. Необходимость совместного анализа геофизической «планиграфии» и «стратиграфии» определяется тем, что это позволит достаточно точно оценить глубину залегания объектов планировки и выявить на вертикальном разрезе границы дерна, основного культурного слоя, поверхность материка и других напластований. Комплекс из «планиграфических» карт кажущегося сопротивления и вертикальных геоэлектрических разрезов позволяет детально реконструировать пространственную структуру культурного слоя археологического памятника.

Получение стратиграфической информации гораздо сложнее, чем планиграфической. Это определяется тем, что необходимо перейти от поля кажущегося сопротивления к распределению удельного сопротивления по глубине, то есть провести интерпретацию геофизических данных. Для решения этой комплексной задачи применяют специальные методики полевых измерений и программное обеспечение при интерпретации [Бобачев и др., 1996; Dahlin, 2001; Griffiths, Barker, 1993].

Для экспериментальных исследований был выбран участок в центральной части городища. Результаты интерпретации данных «планиграфических» геофизических измерений позволили предположить наличие на этом участке различных типов археологических объектов – вал, ров, ямы. Эти объекты существенно отличаются по составу грунтов и особенностям пространственного расположения в культурном слое. Следовательно, комплексный анализ результатов «планиграфических» и «стратиграфических» геофизических исследований позволит оценить достоверность реконструкции формы различных типов археологических объектов по данным электрометрии. Кроме того, вблизи экспериментального планшета в 1992-1994 гг. проводились археологические раскопки, что позволяет прогнозировать состав, геометрические характеристики и структуру культурного слоя. Таким образом, экстраполяция результатов раскопок может быть использована для проверки геофизических данных. Предварительная информация о размерах археологических объектов, глубине залегания и особенностях формирования культурного слоя необходима для оценки достоверности количественной интерпретации результатов комплексных электрометрических исследований.

Экспериментальные измерения проводились на прямоугольном планшете размерами 30*6 м. По всей территории были проведены «планиграфические» послойные измерения. Кроме того, построены «стратиграфические» геофизические разрезы по трем параллельным профилям (методика измерений разработана сотрудником кафедры геофизики МГУ, к.ф.-м.н. А.А. Бобачевым). По результатам «планиграфических» измерений однозначно выделяется местоположение и контуры внутреннего оборонительного вала. При этом фиксируется «разрыв» в аномалии, вызванной валом. Геоэлектрические разрезы позволили выявить причины искажений: на «стратиграфических» разрезах отражаются разрушения монолитного массива вала поздними врезками. При этом участок вала, расположенный в центральной части экспериментального планшета, разрушен в большей степени – верхняя граница выявляется только на глубине 1 м от поверхности. Очевидно, что такое существенное изменение геометрических характеристик основания вала и определяет «разрыв» в аномалии. Вероятно, разрушения массива внутреннего вала связаны с археологическими раскопками городища Иднакар в 1927-1928 гг., которые проводил С.Г. Матвеев.

По результатам «планиграфических» геофизических исследований ров внутренней линии оборонительных укреплений практически не фиксируется, но его геометрические характеристики хорошо реконструируются на «стратиграфических» псевдорезах. При этом возникает возможность оценить его ширину и глубину. Геометрические параметры основания вала и рва, определяемые по «планиграфическим» и «стратиграфическим» геофизическим данным хорошо согласуются с результатами раскопок.

Следовательно, методы геофизической «планиграфии» и «стратиграфии» взаимно дополняют друг друга. Благодаря их комплексному применению на этапе качественной интерпретации археогеофизических данных возникает возможность пространственной реконструкции структуры культурного слоя археологических памятников на основе геофизических измерений. На этапе количественной интерпретации сравнительный анализ разноплановой геофизической информации позволяет существенно уточнить геометрические параметры объектов и повысить достоверность археологической интерпретации результатов геофизических исследований.

Список литературы

- Алексеев В.А., Журбин И.В., Зверев В.П., Иванова М.Г., Куликов К.И.** Некоторые итоги использования автоматизированного электроразведочного комплекса в исследованиях городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С. 131-141.
- Бобачев А.А., Модин И.Н., Перваго Е.В., Шевнин В.А.** Многоэлектродные электрические зондирования в условиях горизонтально-неоднородных сред // Разведочная геофизика. Обзор. АОЗТ «Геоинформмарк». Вып. 2. - М., 1996. – 50 с.
- Журбин И.В., Груздев Д.В.** Многоэлектродная аппаратура и программное обеспечение для малоглубинной электроразведки в археологии // Разведка и охрана недр. - 2004. - № 12. – С. 37-38.
- Журбин И.В., Зверев В.П.** Многоэлектродный автоматизированный электроразведочный комплекс // Научное приборостроение. - 1998. - Том 8. - № 1-2. – С. 46-50.
- Журбин И.В., Зелинский А.В.** Электрометрические исследования городища Иднакар: методика, моделирование и реконструкция археологических объектов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Международного полевого симпозиума. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 215-229.
- Иванова М.Г.** Иднакар: Древнеудмуртское городище IX – XIII вв.: Монография. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.
- Иванова М.Г.** Древнеудмуртское городище Иднакар: некоторые итоги и перспективы исследований // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Международного полевого симпозиума. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 103-110.
- Иванова М.Г., Журбин И.В.** Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2006 (в печати).
- Иванова М.Г., Журбин И.В., Зелинский А.В.** Исследование планировки городища Иднакар методом электрометрии (1991-1997 гг.) // Естественно-научные методы в полевой археологии. - М.: ИА РАН, 1998. – С. 36-49.
- Dahlin T.** The development of DC resistivity imaging techniques // Computers & Geosciences. - 2001. - Vol. 27. – P. 1019-1029.
- Griffiths D.H., Barker R.D.** Two-dimensional resistivity imaging and modelling in areas of complex geology // Journal of Apply Geophysics. - 1993. - Vol. 29. – P. 211-226.

О.В. Зайцева, А.А. Пушкарев, Е.В. Барсуков

Томский государственный университет, Томск

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ С ПОМОЩЬЮ СОВРЕМЕННЫХ ГИС - И ДЗ – ТЕХНОЛОГИЙ

Среди всех разновидностей культурного наследия археологическое имеет одну существенную особенность: оно исчерпаемо и конечно. Памятников археологии уже никогда не станет больше, даже если принять во внимание тот факт, что далеко не все они сегодня открыты и поставлены на государственный учет. В связи с этим сегодня перед археологами, работающими в области охраны памятников, встают две взаимосвязанные задачи: эффективная охрана большого количества уже известных памятников и сохранение памятников, которые еще даже не выявлены.

Для решения последней задачи, особенно в связи с бурным хозяйственным освоением огромных труднодоступных территорий важное значение имеют методики, с помощью которых можно было бы прогнозировать местоположение неизвестных археологических памятников. Особую актуальность этот вопрос приобретает в наши дни, когда специалисты, к сожалению, не редко вынуждены проводить историко-культурные экспертизы огромных по площади участков в весьма сжатые сроки. В этой связи очень интересен опыт зарубежных исследователей развивающих в археологии такое направление как «прогностическое моделирование», возникшего относительно недавно - в 80-е года прошлого века. Краткий обзор этого направления на русском языке дан в работе Г.Е. Афанасьева [Афанасьев, 2004].

Появление «прогностического моделирования» стало возможным после широкого внедрения в практику археологических исследований технологий информационных систем (ГИС) и дистанционного зондирования (ДЗ). Специфической чертой ГИС, отличающей ее от компьютерного картографирования, и позволяющей создавать прогностические модели является наличие инструментов анализа информации. Исходная позиция разработчиков прогностической модели состоит в том, что распределение местоположения памятников не случайно и зависит от окружающей среды и социальных факторов. Выделяются различия в территориях, где есть определенные типы памятников, и где их нет, осуществляется многомерный анализ, выявляются корреляционные зависимости. Построенная математическая прогностическая модель по запросу позволяет выделять области с гипотетическим расположением тех или иных типов памятников.

В принципе каждый археолог, имеющий определенный практический опыт археологических разведок в определенном регионе сознательно или подсознательно выделяет перспективные территории для поиска того или иного типа памятников на основе учета эмпирически выявленных им закономерностей. Другое дело, что только ГИС позволяет оперировать огромным количеством пространственной информации, наглядно ее представлять и анализировать, что в итоге дает принципиально новую информацию о взаимоотношениях археологических памятников различных типов и эпох с окружающей средой.

Одной из основных проблем, вставших перед нами при проведении ГИС-анализа памятников Томского Приобья в программной среде ArcGIS 9.0, явилась подготовка исходных геоинформационных данных, которые можно разделить на две группы:

1) Карты земной поверхности. Чаще всего используются Данные дистанционного зондирования: космокарты, цифровые модели рельефа, карты растительности и др. Помимо ДДЗ большое значение имеют оцифрованные (отсканированные) бумажные топографические карты.

2) Данные GPS съемки, представленные в виде точечных (археологические памятники или отдельные объекты внутри памятника), а также линейных (край террасы, дороги и др.) и полигональных (озера, населенные пункты и др.) объектов.

Современные технические средства дистанционного зондирования, установленные на космических спутниках Земли позволяют получать очень подробные снимки земной поверхности. Одним из основных параметров любого космоснимка является его разрешение, которое измеряется в количестве метров на один пиксель изображения. В на-

стоящее время в отечественной науке накоплен солидный многоплановый опыт использования данных ДДЗ для выявления и изучения памятников археологии [Афанасьев, 2004; Довгалева, 2005; Рукавишников, 2005; Шингирей, 2006].

К сожалению, эти методики, особенно основанные на аэрофотосъемке, практически неприменимы для исследований в таежной зоне. Космоснимки использовались нами только для дополнительного анализа географической среды вокруг археологических памятников: приуроченность к определенным типам ландшафтов, водоемам, типам растительности и т.п. Для подобных целей можно использовать общедоступные в сети Интернет космоснимки с разрешением 14 м/пиксель. Снимки такой точности доступны на всю поверхность нашей планеты.

Цветные космоснимки имеют несколько важных преимуществ перед обычными «бумажными картами» - на них поверхность земли отображена с «фотографической» точностью, а в топокарты изначально заложена схематичность описания. При расшифровке космокарт возможно получать недоступную другими путями информацию. Так нами были четко установлены границы антропогенно нарушенного вырубками ландшафта и сделан вывод о том, что произрастающее в настоящее время на территории Шайтанского археологического микрорайона вторичные осиново-березовые высокоотравные леса появились только в середине прошлого века. До этого, в том числе в момент функционирования средневековых памятников эта территория была занята сосновыми борами. Немаловажным оказывается и тот факт, что ограничения по секретности на космокарты значительно ниже, чем у топокарт.

Помимо космоснимков, в сети Интернет в свободном доступе имеются Цифровые модели рельефа (ЦМР) земной поверхности в формате SRTM. Они представляют собой сетку квадратов с расстояниями сторон 90 м, в узлах этой сетки содержатся снятые спутником высотные значения. В англоязычной литературе ЦМР соответствует термину digital elevation model (DEM), который дословно переводится как цифровая модель относительных высот земной поверхности, что достаточно точно определяет суть используемого способа представления моделируемого объекта. Получаемые трехмерные ландшафтные модели представляют собой очень значимый для нашей ГИС слой, поскольку содержат сведения необходимые для анализа рельефа местоположения археологических памятников.

Поиск и получение данных дистанционного зондирования осуществляется через порталы, расположенные в сети Интернет. Наиболее удобным и известным среди них является портал Global Land Cover Facility (<http://glcfapp.umd.edu>) Национального агентства по авионавигации и исследованию космического пространства (NASA).

Таким образом, даже на основе общедоступных и свободно распространяемых данных ДЗ, возможно создание и комбинирование различных карт для полнофункциональных ГИС.

В ходе планомерного полевого обследования юга Томской области и создания ГИС «Археологические памятники Томского Приобья» на основе программного пакета ArcGis 9.0. компании ESRI Inc. нами были выявлены некоторые устойчивые закономерности расположения археологических памятников различных типов и эпох. Самыми значимыми факторами для памятников всех эпох оказались: высота местоположения, близость источников воды и основной водной артерии, естественный уклон местности, экспозиция, характер растительности. Для некоторых периодов и типов памятников удалось выявить четкие специфические закономерности местоположения. Так городища развитого средневековья обязательно располагаются на удалении 2-5 км от основного русла и приурочены к местам впадения небольших правых притоков в протоки р. Оби. Интересно, так же что закономерности расположения оказались различными для памятников правобережья и левобережья Оби, независимо от эпохи.

Для отработки методики ГИС – анализа в качестве полигона было выбрано именно Томское Приобье, т.к. изученность этой территории и наличие четких географических привязок – координат, полученных с помощью GPS-приемников позволяли оперировать большим количеством проверенной и атрибутированной пространственной информации. Полученная прогностическая модель выделила несколько областей вероятного расположения «кустов» памятников, в местах еще никогда не подвергавшихся археологическому обследованию. Правомочность сделанных выводов, будет проверена на практике в следующем полевом сезоне.

Список литературы

Афанасьев Е.Г. Основные направления ГИС и ДЗ – технологий в археологии // Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях». Сборник докладов. М.: Институт археологии РАН, 2004. Электронный ресурс.

Довгалева А.А. Использование ГИС-технологий и ДДЗ для выявления памятников археологии // Археология и геоинформатика. Выпуск 2. М.: Институт археологии РАН, 2005. Электронный ресурс.

Рукавишников Д.В. Применение низковысотной аэрофотосъемки в археологии // Археология и геоинформатика. Выпуск 2. М.: Институт археологии РАН, 2005. Электронный ресурс.

Шингирей И.Л. Применение археологических методов дистанционного зондирования в изучении природных и культурных особенностей Черных Земель в Калмыкии // Археология и геоинформатика. Выпуск 3. М.: Институт археологии РАН, 2006. Электронный ресурс.

Л.В. Конькова, Г.Г. Король

*Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток
Институт археологии РАН, Москва*

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ *

Изучение художественных и технологических традиций в Центральной Азии в раннем средневековье насчитывает не один десяток лет, и объект привлекает постоянное внимание исследователей. Особый интерес вызывают художественные изделия из цветного металла – украшения всадника и коня (торевтика малых форм). Они насчитывают сотни экземпляров в разных коллекциях. Среди исследователей нет единого мнения об их происхождении. Большинство считают, что кочевники были самодостаточны не только в военном деле, хозяйствовании – скотоводстве, но и в различных ремеслах (Л.А. Евтюхова, С.В. Киселев, Н.В. Кочешков, Л.Р. и И.Л. Кызласовы, Я.И. Сунчугашев и др.). Что касается обработки железа, кожи, это документируется не только археологически, но и письменными источниками. Но в какой степени их хозяйство было адаптировано для обеспечения своих потребностей в ремесле, и в первую очередь в производстве художественных изделий из цветного металла, – остается неясным.

Авторами были предприняты значительные усилия по сбору образцов торевтики малых форм степной зоны Евразии, в том числе Центральной Азии с целью изучения ее морфологических, художественных особенностей, включая состав металла. Для Центральной Азии (от Забайкалья до Средней Азии) удалось собрать более 2 тыс. экземпляров, относящихся преимущественно к концу I – началу II тыс. н.э., с декором характерного стиля того времени.

Проведенное комплексное сравнительное изучение позволяет выявить ряд особенностей. В первую очередь, это отчетливое многообразие художественных и технологических традиций. Во-вторых, также строго фиксирующиеся несколько уровней качества изготовления вещей, что проявлено в качестве отливки, особенностях состава металла, четкости исполнения декоративных композиций (в деталях). Кроме того, выделяется категория предметов разного уровня качества, носящих следы ремонта. При этом встречаются вновь изготовленные отливки по отремонтированным предметам. Формы изделий представлены характерным для тюрков набором.

В-третьих, наиболее интересно соотношение разных уровней качества изготовления изделий с одинаковым (практически идентичным) художественным оформлением. Еще Л.А. Евтюхова отметила не просто аналогичность декора некоторых предметов из разных регионов Саяно-Алтая, но их тождественность настолько, «что можно утверждать их изготовление в одной литейной форме» [Евтюхова, 1948, с. 72]. Внешний облик таких предметов наводит именно на эту мысль. Но при детальном исследовании, включающем состав металла, выясняется, что это далеко не так. Система формирования комплектов сбруи и пояса (с одной декоративной композицией) могла быть гораздо сложнее.

В-четвертых, сами художественные композиции отчетливо отражают разные историко-культурные источники их появления (разнообразный растительный декор, имеющий аналогии в Средней Азии, Восточном Туркестане, на мусульманском Востоке; буддийские символы; китайские элементы, а также элементы традиционного иранского кочевнического мира, восходящие к скифскому времени, – изображения некоторых животных). Интересен пласт украшений-личин. Среди них есть группы, включающие изоб-

---

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

ражения мужских лиц, отличающихся типичностью и реалистичностью. При этом они отражают многообразие антропологических типов, характерное для Центральной Азии в раннем средневековье (судя по палеоантропологическим данным), которое сохранилось до настоящего времени.

Все выявленные особенности массива изученного материала вызывают закономерный вопрос – какие исторические реалии в них отражаются? Вероятно, за всем этим стоит несколько уровней мастерства и соответственно несколько уровней организации ремесленного производства. Очень важным в исследовании ремесленных традиций (художественных и технологических) является учет и анализ условий, необходимых для их функционирования, развития, передачи и накопления. Среди них можно выделить: 1) стабильность ситуации (политическая, экономическая); 2) покровительство развитию ремесла со стороны верхушки общества (правителя); 3) наличие глубинных истоков художественных и технологических традиций в определенной этнической среде; 4) ремесленные кварталы и центры, в которых было возможно накопление и передача опыта ученикам и подмастерьям; 5) стабильный значительный спрос на определенные категории изделий с разным уровнем социальной значимости (для правящей верхушки и для воинов разного статуса); 6) стабильные источники качественного сырья в значительных объемах, особенно что касается высокохудожественных изделий, которые трудно изготовить из смешанного вторичного металла; 7) в условиях средневековья нередким явлением была государственная монополия на добычу металла и его распределение (например, в Китае); 8) традиционно сложившееся этническое разделение труда.

Очевидно, что большинству этих условий отвечали городские центры (включая города на территории Китая, центры на Великом шелковом пути – в Монголии, Восточном Туркестане, Северной Индии, Афганистане, Иране; города Средней Азии). Но самим городским жителям не требовались изделия, о которых идет речь, в значительном количестве. Это со всей очевидностью было продемонстрировано в ходе изучения коллекций в музеях Средней Азии, где такие предметы единичны по сравнению с массивом находок из Саяно-Алтая. При этом в Средней Азии хорошо известны не только центры изготовления ремесленной продукции из цветного металла, но и средневековые рудники. В Саяно-Алтае ситуация обратная: отсутствует документированное ремесленное производство цветного металла и рудники, использовавшиеся в эпоху средневековья. Все известные свидетельства о рудниках относятся к ранним эпохам и к освоению русскими этого региона с начала XVIII в. (Г.Ф. Миллер, Л.В. Громов, Я.И. Сунчугашев, В.М. Чекалин).

Из всего сказанного выше следует, что высококачественные художественные изделия (первый уровень качества) изготовлены в городских ремесленных центрах, с богатыми и древними традициями, с высоким уровнем профессионализма. Следующий уровень качества, вероятно, связан с мастерскими, в которых работали мастера с более низкой квалификацией, обеспечивавшие массовый спрос. Кроме того, в системе массового производства также выявляются свои подуровни – от изделий среднего качества по всем параметрам до самых низкокачественных. Такое многоуровневое качество изделий (не только разных по форме и декору, но и идентичных по этим параметрам, которые, как говорилось выше, визуально можно принять за изготовленные в одной литейной форме) предполагает сложную систему организации производства.

Многотысячные войска центральноазиатских тюрок (учитывая традицию использования нескольких запасных лошадей для каждого из них), участвовавших в постоянных войнах, требовали большого объема продукции такого рода. Кроме того, значительная ее часть с гибелью воинов «уходила» в погребения. Часть неизбежно ломалась или изнашивалась в процессе интенсивной эксплуатации. Требуемый для обеспечения воинов объем могли изготовить только многочисленные ремесленники, расположенные не в единичных центрах. Сложившийся спрос заметно стимулировал развитие производства в направлении его адаптации к нему в конкретных исторических условиях.

Адаптация технологических традиций проявилась в оптимальных системах литья, в создании специфической технологии изготовления накладок с помощью восковой модели, позволяющей создавать объемные тонкие предметы со сложным декором. Именно такая технология, экономящая металл и при этом создающая имитацию массивного предмета, дающая возможность использовать готовые изделия в качестве матрицы для их тиражирования, позволяла удовлетворять огромный спрос [Конькова, Король, 2001]. Некоторые художественные композиции были особенно популярны, тиражировались в значительном количестве (известны десятки таких «серийных изделий») и получили широкое распространение в Саяно-Алтае. Отдельные находки известны в Средней Азии, единичные реплики на такие предметы – в Восточной Европе [Конькова, Король, 2006].

Адаптация художественных традиций проявилась в формировании определенного набора орнаментальных мотивов и композиций, которые были понятны и отвечали запросам «заказчиков» из разных регионов Центральной Азии. При этом большинство составляющих этого набора возникло в иноэтничной

среде земледельческих народов (среди которых был распространен, по-видимому, буддизм и, вероятно, манихейство, использовавшее буддийскую символику) с давними традициями их применения (например виноград, плоды граната или буддийские символы), но был адаптирован в ремесленных центрах к запросам тюрков в соответствии с их мировосприятием, верованиями и религиозными предпочтениями правящей верхушки.

Адаптация художественных и технологических традиций, сформировавшихся в городских центрах земледельческих районов, к потребностям скотоводов и воинов Центральной Азии (во главе с разными племенами тюрков) проходила в рамках их симбиозного развития и существования и достигла пика художественного и технологического развития на базе городского ремесла, обслуживавшего «кочевое» сообщество рубежа I–II тыс. н.э. Распространение торевтики малых форм в Центральной Азии было связано не с конкретными этносами, а с более широкой и сложной системой их производства. Она включала ремесленные центры надэтнического типа и разного уровня развития ремесленных традиций и специализации, в целом какое-то время стабильно обеспечивала народы (племена) однотипной продукцией. Последняя различалась по качеству, что могло быть связано, как уже говорилось, с несколькими социальными уровнями «заказа»; могла отличаться по художественным особенностям в зависимости от запросов «заказчика-потребителя» (возможно, в рамках государственных объединений и в соответствии с какими-то официальными или этническими предпочтениями художественного ряда населения отдельных регионов огромной территории), но часто была объединена единой технологической базой в виде источников металла и ремесленных центров по производству самих вещей, позволявших создавать тысячи предметов и обеспечивать колоссальный спрос на них.

Дальнейшие исследования, а главное – выявление этих ремесленных центров позволят детализировать структуру ремесленного производства и выяснить происхождение разных уровней качества производства.

Список литературы

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). - Абакан, 1948. – 110 с.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в степной Евразии эпохи средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2001. - № 1 (5). - С. 94-100.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X-XIII вв. // Археологические Вести. – 2006. - Вып. 14 (в печати).

Г.Ф. Коробкова, В.Е. Щелинский

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Научно-исследовательские работы Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН за последние годы в основном сохраняют свою традиционную научную направленность. Сотрудниками лаборатории на археологических источниках от палеолита до средневековья и на основе экспериментально-го моделирования продолжают разработки и совершенствование методики трасологического и технологического анализов археологических материалов.

Изучение палеолита

Важные результаты были получены в разработке методики трасологического и палеотехнологического исследований и изучении конкретных археологических материалов раннего, среднего и позднего палеолита с применением этих методов.

Е.Ю. Гирей выявлена обширная группа так называемых «повреждений», большая часть которых происходит от влияния естественных агентов во время залегания артефакта в культурном слое или появления во время «жизни» артефакта [Gyria 2002].

Е.Ю. Гирей в основном завершена обширная программа экспериментов, направленных на выяснение пластических свойств мамонтового бивня в различных состояниях. Установлено, что в зависимости от температуры окружающей среды и влажности, пластические свойства бивня кардинально изменяются. Выявлены несколько видов состояний данного вида материала, в которых он выступает фактически как различные виды сырья.

С целью изучения технологии производства бивневых копий и дротиков из Сунгирьского позднепалеолитического погребения, была произведена успешная попытка изготовления длинных прямых стержней из бивней мамонта [Гиря 2002].

В 2003 г. В.Е. Щелинским и С.А. Кулаковым на Таманском полуострове (Западное Предкавказье) была открыта и систематически исследуется стоянка раннего палеолита Богатыри (Синяя Балка), возраст которой по представленной в ней фауне крупных млекопитающих таманского тереокомплекса (южный слон позднего типа, эласмотерий и другие) определяется в интервале времени от 1,2 до 0,8 млн. лет тому назад [Щелинский и др. 2004; Щелинский, Кулаков 2005; Bosinski et al., 2003]. Эта стоянка оказалась самой древней из известных в настоящее время раннепалеолитических стоянок на территории Восточной Европы. У нас впервые появилась возможность на отечественных археологических материалах детальнейшим образом изучить орудия труда, весь технический, производственный и культурный потенциал наиболее древних людей начальной поры раннего палеолита, обитавших на Юге Европейской части территории нашей страны. Об уровне и характере культуры охотников многое говорят каменные орудия, найденные на стоянке. Они изготовлены довольно простой техникой преимущественно на угловатых обломках местного окремнелого алевролита. Наиболее показательными являются крупные массивные частично двусторонне обработанные пиковидные орудия (от слова pick-кирка), чопперовидные скрёбла, скрёбла высокой формы, разнообразные нуклевидные скребки. Ими выполнялись работы, связанные с разделкой туш животных, раскалыванием костей, разрезанием мяса. Наряду с ними представлены мелкие орудия с зубчатым и выемчатым краем и просто бесформенные отщепы, которые использовались для менее грубого разрезания и скобления. В культурном (техничко-типологическом) отношении каменный инвентарь

стоянки не находит близких аналогий в материалах других раннепалеолитических стоянок Восточной Европы и Кавказа. Типологически индустрия стоянки Богатыри может быть предварительно определена как протоашельская.

Интересные наблюдения и выводы сделаны В.Е. Щелинским при раскопках и исследованиях материалов Ильской среднепалеолитической стоянки, расположенной в Западном Закубанье в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Были изучены обширные коллекции каменных изделий, полученные масштабными раскопками этой стоянки в 1920-е-1930-е годы С.Н. Замятниным и В.А. Городцовым и хранящиеся в настоящее время в МАЭ РАН. Наряду с обычными для среднепалеолитических стоянок, но типологически в определённой мере своеобразными одно- и двусторонне обработанными остроконечниками (несколько категорий) и скрёблами, в старых коллекциях Ильской стоянки выделены специфические формы орудий, в частности, разнообразные двусторонне обработанные ножи (кайльмессеры), близкие такого рода орудиям из позднесреднепалеолитических индустрий, входящих в культурный ареал так называемой кайльмессер-группен (Keilmesserguppen), охватывавший значительную часть Центральной и Восточной Европы.

Важные результаты получены В.Е. Щелинским новыми раскопками Ильской стоянки на её ранее неизвестном восточном участке [Щелинский 2005]. Подтвердились наблюдения В.А. Городцова о многослойности стоянки. Раскопками зафиксирована целая серия в целом неплохо сохранившихся культурных слоёв среднего палеолита (7), залегающих, как оказалось, не только в покровных делювиальных отложениях, но и в толще аллювия одной из низких верхнеплейстоценовых террас р. Или. При этом достаточно хорошо видно, что эти культурные слои различаются как по остаткам фауны млекопитающих (мамонт раннего типа, степной бизон и другие), так и по технико-типологическим показателям каменного инвентаря

Надо отметить также комплексное исследование В.Е. Щелинского, посвящённое изучению источников первичного каменного сырья позднепалеолитической стоянки ориньякского облика Широкий Мыс, расположенной на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа вблизи г. Туапсе. Работа имеет важное значение для изучения экономических и культурных связей в позднем палеолите [Щелинский 2004].

Интересно исследование А.К. Филиппова изделий с резцовым сколом из поздепалеолитической стоянки Рашков 7 (Молдавия) с применением трасологического, технологического и экспериментального методов. Они показали, что обработка резцовым сколом является особым техническим приёмом оформления разных орудий. Варианты технической формы связаны с функциональным процессом или его циклом и являются устойчивыми.

Наконец, важные наблюдения сделаны Н.Н. Скакун при изучении крупной серии микроострий из стоянки позднего палеолита Шестаково, расположенной в лесной зоне Западной Сибири. Тщательный микроанализ поверхности микроострий, осуществлённый путём применения большого и малого увеличения, позволил выявить на них различные следы утилизации, связанные с резанием мягкого материала типа кожи и креплением их в торец рукояти.

Изучение неолита – средневековья

Принципиально важные результаты получены при изучении материалов поселений эпох энеолита – бронзы, что явилось новым направлением экспериментально-трасологической лаборатории, так как до последних лет трасологические изыскания не распространялись на объекты поры палеометалла. В этих целях были проведены крупные экспериментальные работы под руководством Г.Ф. Коробковой для получения признаков, характерных для определенных типов орудий. При анализе материалов поздних эпох стал применяться комплекс методов: трасологического, технологического, типологического, функционально-планиграфического, функциональная типология и физическое моделирование, что дало выход на многоплановую информацию.

В результате полевых исследований трипольского поселения-мастерской Бодаки открыты жилища слегка углубленного типа, остатки кремнеобрабатывающих мастерских, работающих на внутреннее потребление населения и на обмен с соседними племенами. Особенность этого поселения в том, что оно являлось специализированным памятником, ориентированным на обработку высококачественного волынского кремня, демонстрирующим все стадии расщепления и изготовления орудий. В настоящее время раскопки поселения такого типа являются единственными в Юго-Восточной Европе и представляют большой интерес для раскрытия вопросов межкультурных экономических связей и решения палеоэкономических проблем. Результаты комплексного анализа материалов Бодаков позволили выявить хозяйственную структуру его обитателей, в которой значительную роль играли продукты кремнеобрабатывающих мастерских, часть которых подлежала обмену [Скакун 2004].

Г.Н. Поплевко проведено полное комплексное исследование материалов поселения Константиновское среднестоговской (константиновской) культуры поры энеолита, расположенного в Подонье, восстановлена скотоводческая направленность памятника, раскрыта его внутренняя структура [Поплевко 2003].

Большая работа проведена по трасологическому изучению индустрии энеолитического поселения домайкопской культуры Свободное. Т.А. Шаровской проанализирована под микроскопом вся коллекция памятника, определены функции орудий, разработана функциональная типология, выявлена земледельческо-скотоводческо-охотничья направленность хозяйства его обитателей с тенденцией усиления роли скотоводства на позднем хронологическом отрезке заселения поселка. В комплексе традиционных производств появилась металлообработка, возникшая на местной основе [Шаровская 2004].

Сенсационные результаты были получены при изучении материалов многослойного поселения Михайловское, расположенного в Нижнем Поднепровье и представленного остатками энеолитической нижнемихайловской культуры (нижний слой) и древнеямной культурной общности (два верхних слоя) периода ранней и средней бронзы. Благодаря функционально-планиграфическому анализу материалов вскрылась сложная дифференцированная картина внутренней структуры Михайловского поселения, раскрывающая многоочаговый характер общинно-ремесленных мастерских [Коробкова, Шапошникова 2005].

Первые трасологические исследования материалов культур линейно-ленточной керамики, воронковидных кубков и Лендель проведены в Польше [Чайкина 2003], которые выявили конкретную хозяйственно-производственную ситуацию для каждого изученного памятника, обозначив следы изменений в пределах отдельных хозяйств.

Комплексное фундаментальное изучение значительных материалов многослойного поселения Алтын-депе эпохи энеолита – бронзы заставило обратить особое внимание на каменные орудия, представленные макрокомплексами, которые стали особым археологическим источником.

Специализация дифференцированных отраслей – металлургии, металлообработки, ювелирного дела, художественного мастерства, камнеобработки, кожевенного дела, их локализация в пределах поселения позволяют рассматривать Алтын-депе как центр концентрации специализированных ремесел. Автор доказывает, что каменные орудия явились важным технико-технологическим фактором в развитии всех видов производств, формировании ремесел, расширении сферы обмена и торговли, сложении протогородской цивилизации, динамике и прогрессе культуры Алтын-депе в целом. Алтын-депе продемонстрировал культурно-хозяйственный тип развитых раннеземледельческих обществ, перерастающих в протогородскую цивилизацию восточного типа [Коробкова 2001].

Проведено первое в мировой практике комплексное изучение античного и раннесредневекового городища Афрасиаб, знаменитого на весь мир своей настенной живописью. И хотя о производственной жизни населения известно по письменным источникам, самим артефактам, свидетельствующим о функционировании производств, но их ничтожно мало. В основном это остатки керамики, предметы из стекла, немногочисленные металлические изделия. Однако собранные в ходе раскопок французским академиком П. Бернаром значительные коллекции каменных изделий позволили заметно дополнить информацию о хозяйственно-производственной деятельности населения Афрасиаба. Среди материалов оказались серии кожеобрабатывающих орудий, включая орудия для изготовления ремней и поясов, абразивов, отбойников, лоштил, молотков и молоточков дляковки металла, гладилок-выпрямителей для изготовления фольги из золота или серебра и многих других. Даже палитры для разведения и смешения красок были сделаны из каменных плиток. Подобные исследования не имеют аналогов в мировой археологической практике.

Проведенные сотрудниками Экспериментально-трасологической лаборатории изыскания являются уникальными в плане применения комплекса методов к изучению массовых индустрий конкретных памятников и регионов, охватывающих периоды от нижнего палеолита до средневековья. Они уникальны и по своему содержанию и рассмотренным проблемам, раскрывающим хозяйственно-производственный блок вопросов, технологию и функции орудий труда и производств, связанных с ними, функциональную направленность памятников и их внутреннюю структуру.

Список литературы

Гиля Е.Ю О возможностях выпрямления стержней из бивня мамонта // Верхний палеолит-верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. Материалы международной конференции, посвящённой 90-летию А.Н. Рогачёва. – СПб.: ООО АкадемПринт, 2002. – С. 87–88.

Коробкова Г.Ф. Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. Материалы ЮТАКЭ.– Вып. 5. СПб.: Европейский Дом, 2001. – С. 146–212.

Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнейшей культуры. – СПб.: Европейский Дом, 2005. – 315 с.

Поплевко Г.Н. Комплексный анализ хозяйства энеолитического поселения Константиновское на Нижнем Дону // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. – СПб.: Европейский Дом, 2003. – С. 81–108.

Скакун Н.Н. Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии по материалам эпох палеолита – бронзы. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – С. 57–79.

Чайкина Л.Г. Орудия труда культуры Лендель (по материалам стоянок Фирлус и Швече) // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. – СПб.: ООО АкадемПринт, 2003. – С. 312–318.

Шаровская Т.А. Орудия труда энеолитического поселения Свободное и разработка проблемы жизнеобеспечения // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии по материалам эпох палеолита – бронзы. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – С. 50–56.

Щелинский В.Е. Поздний палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. – 2004. – Вып. 4. – Краснодар. – С. 3–96.

Щелинский В.Е. О стратиграфии и культурной принадлежности Ильской стоянки // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. – Краснодар, 2005. – С. 309–316.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А., Бозински Г., Киндлер Л. Открытие нижнепалеолитической стоянки на Таманском полуострове // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А.А. Формозова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 223–233.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Стоянка Богатыри на Таманском полуострове – древнейший памятник раннего палеолита Восточной Европы // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. – Краснодар, 2005. – С. 304–309.

Bosinski G., Ščelinskij V.E., Kulakov S.A. und Kindler L. Bogatyri (Sinja Balka) – Ein altpaläolithischer Fundplatz auf der Taman-Halbinsel (Russland) // Erkenntnisjäger. Kultur und Umwelt des frühen Menschen. Festschrift für D. Mania. Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie. – 2003. – Band 57/I. Halle/Saale. – S. 79–89.

Girya E.Yu. Apropament a la producció d'instruments lítics i seu ús Durant lapre història a través de la recerca experimental // Cota Zero. Revista d'Arqueologia i Ciència.– 2002. – No. 17. – P. 98–105.

П.А. Косинцев*Институт экологии растений и животных УрО РАН, г. Екатеринбург*

ИСТОРИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Природно-климатические условия тундровой и лесотундровой зон Западной Сибири очень благоприятны для накопления и сохранения объектов историко-экологических исследований в культурных слоях археологических памятников железного века. Почво-грунты представлены здесь главным образом песчано-глинистыми отложениями, что способствует формированию выраженного культурного слоя. В хозяйственно-бытовой деятельности древнее население широко использовало древесно-кустарниковую растительность и моховой покров, что приводило к достаточно быстрому нарастанию мощности культурного слоя и придавало ему хорошие теплоизоляционные свойства. В результате, культурный слой не протаивал полностью и часть его постоянно находилась в мерзлом состоянии. По мере увеличения его мощности, мерзлота «поднималась» вместе с ним и все большая часть слоя переходила в мерзлое состояние. Таким образом формировались археологические памятники с замороженным культурным слоем и законсервированными в них различными органическими остатками. Наличие многолетней мерзлоты обеспечивает хорошую сохранность органических остатков в слое. Ареал этих памятников охватывает тундровую, лесотундровую и северные окраины таежной зоны. Этот тип памятников позволяет привлечь для их исследований комплекс естественнонаучных методов. Историко-экологическое изучение этих памятников на севере Западной Сибири началось в начале 1990-х годов.

Тундровая зона. Здесь исследовано 11 памятников, которые датируются поздним железным веком. Для 8 проведено определение костных остатков млекопитающих, птиц и рыб и 2 памятника исследованы более полно.

На поселении Тиутей-Сале 1 сделаны споро-пыльцевой анализ образцов из культурного слоя [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998; Панова, 1998]. На поселении Ярте 6 проведены палеопочвенные исследования и карпологический, палеоэнтомологический, гельминтологический и дендрохронологический [Шиятов и др., 2000] анализы.

Лесотундровая зона. В этой зоне историко-экологические исследования проведены на 10 памятниках. Два из них датируются ранним железным веком, 7 – поздним железным веком и 2 – историческим временем. На всех них проведено определение костных остатков млекопитающих и на большей части – птиц и рыб [Косинцев, 1995; Косинцев, Лбанова, 2006; Некрасов, 2003; Пантелеев, Потапова, 2000].

Ряд памятников исследован более детально. На археологическом комплексе «Зеленый Яр» проведены карпологические и дендрохронологические исследования и палеоклиматические реконструкции [Александренко и др., 2005; Корона, 2005; Шиятов, Хантемиров, 2005]. На Надымском городке и в Мангазее проведены серии карпологических, палеоэнтомологических, гельминтологических и дендрохронологических анализов [Кардаш, 2005; Косинцев, Лбанова, 2005; Шиятов и др., 2000].

Север таежной зоны. На 6 памятников позднего железного века проведено определение костных остатков млекопитающих [Косинцев, 1997] и на части из них – птиц и рыб. На Усть-Войкарском городке проведены так же карпологический, гельминтологический и дендрохронологический анализы.

Таким образом, самым распространенным анализом историко-экологических материалов является археозоологический и только на отдельных памятниках применены другие методы: дендрохронологичес-

* Работа выполнена по проекту РФФИ-05-06-80233

кий, палинологический, карпологический, гельминтологический и палеоэнтомологический (табл. 1). Комплексные историко-экологические исследования проведены на трех памятниках – Мангазея, Надымский городок и Усть-Войкарский городок. Полученные в результате анализов данные еще полностью не проанализированы. Однако, уже сейчас они позволяют сделать ряд важных выводов.

Во-первых, на Ямале не найдено не одного зимнего поселения. Это свидетельствует о том, что в тундровой зоне люди обитали только в теплое время года. Таким образом гипотеза об обитании до прихода ненцев автохонов Арктики, так называемых сихиртя, должна быть оставлена.

Во-вторых, не найдено следов культуры оседлых (полуоседлых) охотников на морского зверя [Чернецов, 1935], то есть гипотеза о Циркумполярной культуре не подтвердилась.

В-третьих, подтвердилась гипотеза о «челночных» миграциях в Субарктике в древнее время [Симченко, 1976], по крайней мере в Западной Сибири, когда значительная часть населения теплое время проводила в тундровой зоне, а в холодное – в лесотундровой.

В-четвертых, установлено, что население Мангазеи занималось животноводством – разводило крупный рогатый скот и свиней, а так же в Мангазее в большом количестве завозили орехи лещины.

В-пятых, установлено, что аборигенное население лесотундровой зоны начинает с начала 17 века содержать и разводить в очень небольшом количестве свиней.

Так же установлена широкая зараженность людей и собак описторхисом, а домашних животных в Мангазее – дифиллоботриозом и стронгилезом. Изучено несколько десятков образцов волос человека из Мангазеи и более 10 образцов волос из Надымского городка и не найдено следов педикулеза (вшей). Проведен дендрохронологический анализ более 1000 образцов дерева из Надымского и более 150 образцов из Усть-Войкарского городков, а так же ряд образцов еще из 5 памятников. Установлен видовой состав и структура промысловой добычи из 15 археологических памятников железного века (табл. 1).

Таблица 1. Основные археологические памятники с историко-экологическими данными

Дата	Природная зона	Памятники	Количество костей (экз.)	Прочие данные
Ранний железный век	лесотундра	Усть-Полуй	11407	дендрохронология
	—“—	Катравож	358	
6-7 вв. н.э.	Северная тайга	Каксинская гора 1	161	—
8-9 вв. н.э.	—“—	Каксинская гора 5	225	—
8-9 вв. н.э.	—“—	Питляр	315	—
13-14 вв. н.э.	—“—	Усть-Войкар	1961	карпология, гельминтология
15-16 вв. н.э.	—“—	Каксинская гора 1	203	
15-16 вв. н.э.	—“—	Вермульган 1	167	
17-18 вв. н.э.	—“—	Усть-Войкар	5754	карпология, гельминтология, дендрохронология
6-7 вв. н.э.	лесотундра	Зеленый Яр	1275	карпология, дендрохронология
13-14 вв. н.э.	—“—	Зеленая горка	2056	дендрохронология
15-16 вв. н.э.	—“—	Обдорский городок	3786	
17-18 вв. н.э.	—“—	Надымский городок	54585	карпология, палеоэнтмология, гельминтология, дендрохронология
17 в. н.э.	—“—	Мангазея	9576	карпология, палеоэнтмология, гельминтология, дендрохронология
6-8 вв. н.э.	тундра	Тиутей-Сале 1	295	палинология
12-14 вв. н.э.	—“—	—“—	3327	палинология
6-14 вв. н.э.	—“—	—“—	5347	
6-14 вв. н.э.	—“—	Тиутей-Сале 3	413	
11-12 вв. н.э.	—“—	Ярте 6	19791	карпология, палеоэнтмология, палеопочвоведение, гельминтология, дендрохронология

Список литературы

- Алексащенко Н. А., Брусницына А. Г., Литвиненко М. Н., Косинцев П. А., Первалова Е. В., Ражев Д. И., Федорова Н. В.** Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. – Екатеринбург – Салехард: УрО РАН, 2005. – 368 с.
- Кардаш О. В.** Комплексное изучение Надымского городища. Итоги исследований 1998-2003 годов // Научный вестник. – 2005. – №4(35). – С. 31-35.
- Корона О. М.** Результаты палеокарпологического анализа // Алексащенко Н. А., Брусницына А. Г., Литвиненко М. Н. И др. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. – Екатеринбург – Салехард: УрО РАН, 2005. – С.320.
- Косинцев П. А.** Хозяйство населения Усть-Полюя // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск: ТГУ, 1995. – С. 89-91.
- Косинцев П. А.** Крупные млекопитающие и охота населения севера таежной зоны Западной Сибири в голоцене // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. – Челябинск: «Рифей», 1997. – С. 165-177.
- Косинцев П. А., Лобанова Т. В.** Крупные млекопитающие лесотундровой зоны Западной Сибири в позднем голоцене // Динамика современных экосистем в голоцене. – М.: Т-во научных изданий КМК, 2006. – С. 113-116.
- Некрасов Е. А.** Костные остатки птиц из поселения Тиутей-Сале 1 // Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фицхью В. В. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. – Екатеринбург: «Екатеринбург», 1998. – С. 99-108.
- Некрасов А. Е.** Костные остатки птиц из голоценовых местонахождений Урала и Западной Сибир // Четвертичная палеозоология на Урале. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. – С. 158-170.
- Панова Н. К.** Палеоэкология поселения Тиутей-Сале 1 по результатам споро-пыльцевого анализа // Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фицхью В. В. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. – Екатеринбург: «Екатеринбург», 1998. – С. 91-98.
- Пантелеев А. В., Потапова О. Р.** Позднеголоценовые птицы из археологической стоянки окрестностей г. Салехарда (север Западной Сибири) // Российский орнитологический журнал. – 2000. – Экспресс-выпуск. – №106. – С. 3-31.
- Симченко Ю. Б.** Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М.: Наука, 1976. – 312 с.
- Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фицхью В. В.** «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. – Екатеринбург: «Екатеринбург», 1998. – 132 с.
- Чернецов В. Н.** Древняя приморская культура на полуострове Ямал // Советская этнография. – 1935. – №4-5. – С. 109-133.
- Шиятов С. Г., Мазепа В. С., Хантемиров Р. М., Горячев В. М.** Итоги и перспективы использования дендрохронологического метода для датировки археологических, исторических и этнографических памятников ЯНАО // Научный вестник. – 2000, – №3. – С. 49-56.
- Шиятов С. Г., Хантемиров Р. М.** Климат Полярного Урала в 7 – 14 вв., реконструированный при помощи древесных колец деревьев // Алексащенко Н. А., Брусницына А. Г., Литвиненко М. Н. И др. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. – Екатеринбург – Салехард: УрО РАН, 2005. – С.301-303.

Я.В. Кузьмин*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток***В.К. Попов***Дальневосточный геологический институт ДВО РАН, Владивосток*

ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ОБСИДИАНОВОГО СЫРЬЯ

Геоархеологические исследования древних культур Приморья, Приамурья и Сахалина ведутся уже более полувека, хотя основные результаты были получены лишь в последние 20-25 лет. Широкое применение методов естественных наук в современных археологических исследованиях обусловлено тем, что именно они позволяют получить достоверные данные о таких аспектах жизни первобытного общества, как возраст и природная обстановка существования древних культур, состав промысловой фауны и стада домашних животных, виды возделываемых культурных растений, основные источники белковой пищи, петрографический и химический состав каменных орудий, и др. (см. [Кузьмин, 2005, с. 12-23]).

Особое внимание, начиная с 1992 г., авторы уделили одному из наименее разработанных в то время направлений в геоархеологии региона – геохимическому исследованию вулканического стекла (обсидиана) в археологических комплексах. Это один из первых примеров такого рода работ в России и сопредельных странах бывшего СССР, проведенных на уровне международных стандартов. Идентификация источников обсидианового сырья на основе инструментальных геохимических анализов является наиболее надежным методом для выявления его коренных источников и, соответственно, характера его добычи, обработки, обмена у древних сообществ, а также направлений и времени миграций древнего населения [Archaeological Obsidian Studies, 1998; Shackley, 1998; Glascock et al., 1998]. В настоящее время с высокой степенью надежности определены основные источники обсидиана в древних культурах Приморья, Приамурья и Сахалина, и установлены пути поступления обсидианового сырья от источников к древним поселениям [Вулканические стекла ..., 2000; Kuzmin et al., 2002a, 2002b; Попов и др., 2005a]. Подобные работы начаты нами в 2004 г. на сопредельных территориях Камчатки [Попов и др., 2005b; Speakman et al., 2005] и Чукотки. В настоящем сообщении дается краткая характеристика основных источников обсидиана Дальнего Востока России и сопредельных территорий, а также главные черты распространения обсидиана в данном регионе от источников к местам утилизации (рис. 1).

Для древних культур Приморья выделены три источника обсидиана: 1) Шкотовское базальтовое плато; 2) бассейн р. Гладкой; 3) вулкан Пектусан на плато Чанбайшань (граница КНР и КНДР) [Вулканические стекла ..., 2000; Kuzmin et al., 2002a; Попов и др., 2005a] (рис. 1). Использование вулканического стекла базальтового (основного) состава древним населением в качестве сырья является весьма редким фактом, так как основные источники обсидиана в пределах Тихоокеанского вулканического кольца имеют риолитовый (кислый) состав. Важнейшим фактом, установленным авторами, является широкое распространение обсидиана кислого щелочного состава источника Пектусан в древних культурах Приморья и центра Корейского полуострова, на расстоянии более чем 700 км от источника (рис. 1, А).

На о. Сахалин неизвестны достоверные коренные источники обсидиана; при этом в доисторических комплексах этот тип сырья весьма обычен и иногда преобладает. Геохимическое изучение обсидиановых артефактов Сахалина и основных источников вулканического стекла соседнего о. Хоккайдо (Япония) [Kuzmin et al., 2002b] подтвердило предварительные выводы российских и японских археологов о том, что именно источники Хоккайдо использовались древним населением Сахалина. Обсидиан транспортировался на огромные расстояния, до 1000 км от источников (рис. 1, Б).

Предварительные результаты геохимического исследования редких обсидиановых орудий в Приамурье и вулканических стекло Облучинского базальтового плато показали, что практически все артефакты изготовле-

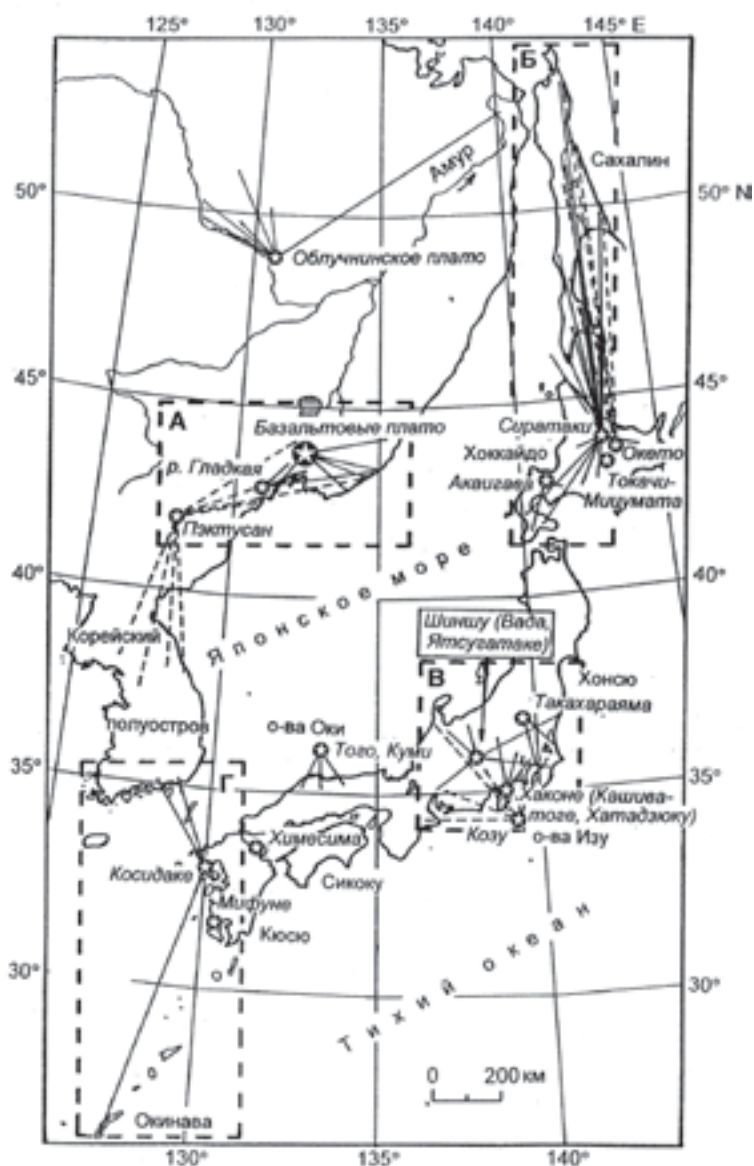

Рис. 1. Системы распространения обсидиана в каменном веке Северо-Восточной Азии. А – система Приморье-Корея; Б – Хоккайдо-Сахалин; В – центральное Хонсю; Г – Кюсю-Корея-Окинава ([Вулканические стекла ..., 2000; Atlas ..., 1992].

ны из стекла основного состава, характерного для базальтовых плато в среднем течении р. Амур (рис. 1). Таким образом, существовавшее ранее представление об “обсидиановом пути” с Хоккайдо через Сахалин на Амур (см. обзор: [Sato, 2004]) не подтверждается фактическими данными.

Также не существует надежных геохимических данных, которые могли бы подтвердить выводы о транспортировке обсидиана источника Пектусан на Амур (стоянка Хумми; см. [Sato, 2004]), и вулканических стекол из основных источников Японских островов на материковый Дальний Восток России (см. [Вулканические стекла ..., 2000, с. 158-159]). Обсидиан источника Косидаке на о. Кюсю достигал юга Корейского полуострова, но не распространялся далее на север (рис. 1, Г). Распространение обсидиана других источников о. Хонсю не выходило за пределы Японских островов (рис. 1, В).

Перспективными для дальнейших исследований источников обсидианового сырья на Дальнем Востоке России, которые позволяют получать наиболее надежную информацию о размахе и направлениях доисторических контактов и миграций, являются в первую очередь Камчатка, Чукотка и Курильские острова, а также северное побережье Охотского моря и верховья бассейна р. Колымы. Использование о. Сахалин как модели

эксплуатации нескольких удаленных источников обсидиана (начиная с верхнего палеолита, около 19000 л.н.) даст важнейшую информацию о способах получения и транспортировки сырья от источника к месту использования. Остается неизвестным источник высококачественного вулканического стекла на севере Приморья либо на юге Хабаровского края [Вулканические стекла ..., 2000].

Исследования, положенные в основу настоящего сообщения, поддержаны РФФИ (гранты №№ 06-06-80258, 02-06-80282), U.S. Civil Research and Development Foundation (№ RG1-2538-VL-03).

Список литературы

Вулканические стекла Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты. – Владивосток: ДВГИ ДВО РАН, 2000. – 168 с.

Кузьмин Я. В. Геохронология и палеосреда палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2005. – 282 с.

Попов В. К., Пташинский А. В., Кузьмин Я. В., Гласкок М. Д., Гребенников А. В., Спикман Р. Дж., Леонов В. Л., Гриб Е. Н., Горбач А. А. Геохимия вулканических стекол и источники археологического обсидиана на Камчатке (Дальний Восток России) // Северная Пасифика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцене. – Магадан: Северный международный университет, 2005б. – С. 106-111.

Попов В. К., Сахно В. Г., Кузьмин Я. В., Гласкок М. Д., Цой Б.-К. Геохимия вулканических стекол вулкана Пектусан // Доклады Академии наук (РАН). – 2005а. – Т. 403. – № 2. – С. 242-247.

Archaeological Obsidian Studies / M.S. Shackley (editors). – New York and London. Plenum Press, 1998. – 243 p.

Atlas of Japanese archaeology / A. Ono, H. Harunari, S. Oda (editors). – Tokyo: University of Tokyo Press, 1992. – 229 p. (in Japanese).

Glascok M.D., Braswell G.E., Cobean R.H. A systematic Approach to Obsidian Source Characterization // Archaeological Obsidian Studies / M.S. Shackley (editors). – New York and London. Plenum Press, 1998. – P. 15-65.

Kuzmin Y. V., Glascok M. D., Sato H. Sources of archaeological obsidian on Sakhalin Island // Journal of Archaeological Science. – 2002а. – Vol. 29. – № 7. – P. 741-749.

Kuzmin Y. V., Popov V. K., Glascok M. D., Shackley M. S. Sources of archaeological obsidian in the Primorye (Maritime) Province, Russian Far East // Archaeometry. – 2002b. – Vol. 44. – № 4. – P. 505-515.

Sato H. Prehistoric obsidian exploitation in the Russian Far East // Obsidian and its use in Stone Age of East Asia (Obsidian Summit International Workshop Meiji University Session). – Tokyo: Meiji University Center for Obsidian and Lithic Studies, 2004. – P. 43-51.

Shakley M.S., Gamma Rays, X-Rays and Stone Tools: Some Recent Advances in Archaeological Geochemistry // Journal of Archaeological Science, 1998. – Vol. 25 – № 4. – P. 259-270.

Speakman R. J., Glascok M. D., Popov V. K., Kuzmin Y. V., Ptashinsky A. V., Grebennikov A. V. Geochemistry of volcanic glasses and sources of archaeological obsidian on the Kamchatka Peninsula (Russian Far East): first results // Current Research in the Pleistocene. – 2005. – Vol. 22. – P. 11-13.

К.И. Лохов, Н.Г. Бережная, Д.И. Матуков

Всесоюзный Геологический институт (ВСЕГЕИ), Изотопный Центр, Санкт-Петербург

И.Н. Капитонов

Физико-Технический институт им. А.Ф.Иоффе РАН, Санкт-Петербург

Н.А. Боковенко, Г.И. Зайцева

Институт истории материальной культуры РАН,

К.В. Чугунов

Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург

Е.М. Скотт

Университет Глазго, Шотландия

КОМПЛЕКСНЫЕ ИЗОТОПНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Культуры (тагарская и алды-бельская) I тыс. до н.э. в Центральной Азии характеризуются развитой металлообработкой, которая позволяла создавать совершенные по форме и качеству различные бронзовые изделия, конкурирующие в этом регионе с железными вплоть до III - II вв. до н.э.

В основном, бронзовые предметы (ножи, кинжалы, чеканы, шилья, наконечники стрел, зеркала, украшения) этого периода исследовались методом спектрального анализа, который давал возможность сравнить их по различным примесям в металле и выявить определенные сходство и различие по составу [Пяткин 1983, Хаврин 2000, Хаврин 2003]. Практически во всех случаях отмечалось малое количество свинца в металле, содержание которого не давало возможности провести качественное сопоставление по сравнению с другими примесями [Хаврин 2000]. Сейчас современные приборы позволяют определить не только химический состав и микропримеси, но и использовать стабильные изотопы для решения проблем, связанных с вопросами технологии изготовления. В настоящей работе были использованы изотопы свинца, позволяющие более тонко определять возможные различия в составе металлов и сплавов. Для исследования были выбраны бронзовые артефакты из памятников скифского времени Минусинской (Хакасия и юг Красноярского края) и Уюкской (Тува) котловин. Промежуточное положение между Тувой и Хакасией занимает долина реки Ус, расположенная среди хребтов Западного Саяна. Памятники, исследованные здесь, и материалы которых использованы в работе (могильники Баданка и Теплая), входят в круг тувинских культур скифского типа и большинство из них имеют радиоуглеродные даты [Евразия в скифское время 2005]. Вопрос о взаимодействии всех этих регионов в древности давно стоит перед исследователями. Были исследованы различные категории предметов: топоры, ножи, зеркала, наконечники стрел, предметы украшений.

Проанализированы бронзовые изделия из элитного кургана Аржан 2 (Тува) - бронзовые котлы, молот, наконечники стрел; могильников Теплая и Баданка III - IV (юг Красноярского края) - зеркала, ножи, удила, псалии; могильников тагарской культуры (Минусинская котловина) Иптыг, В.Аскиз, Казановка II - III, Б.Ерба I, Шаман Гора и Колок - боевые топоры, чеканы, кинжалы, ножи, зеркала и украшения одежды. Памятники исследованы Н.А.Боковенко и К.В.Чугуновым (к сожалению, практически не опубликованы) и датируются в пределах от IX до III вв. до н.э.

* Работа выполняется при поддержке гранта ИНТАС, проект № 03-51-4445 и программе Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям.»

Основы применяемой методики

Изотопная систематика по свинцу основана на том, что в природных минералах, в частности в рудах, всегда присутствует некоторое количество долгоживущих изотопов урана и тория: ^{235}U , ^{238}U , ^{232}Th . За счет их радиоактивного распада с момента образования той или иной горной породы или минерала образуются радиогенные изотопы свинца: ^{207}Pb , ^{206}Pb и ^{208}Pb соответственно. Поскольку константы распада изотопов урана различны, в геологических объектах разного возраста наблюдаются различные величины отношений $^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$, а из-за различий Th/U отношений, соответственно и разные величины отношений $^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb}$. В процессе обработки руд и последующего металлургического процесса получения бронзы изотопные составы свинца не изменяются и сохраняются изотопные метки различных месторождений. С другой стороны, если при изготовлении различных бронзовых изделий использовались сплавы, полученные за счет смешения металла, полученного из различных месторождений, будет наблюдаться и соответствующее смещение по изотопам свинца, с образованием неких промежуточных изотопных составов.

Разработана методика локального изотопного анализа свинца (изотопы ^{206}Pb , ^{207}Pb и ^{208}Pb) методом LA-ICPMS в материале изделий из бронзы и золота.

Анализы были выполнены во ВСЕГЕИ (Санкт-Петербург) при помощи измерительного комплекса, который состоит из ICP масс-спектрометра NEPTUNE (производство Thermo Finnigan), оснащенного источником ионов с индуктивно-связанной плазмой и системы лазерного пробоотбора DUV193 (производство New Wave Research США), а также ультрафиолетовым эксимерным лазером COMPEX-193.

Для анализа крупных изделий, при помощи специального инструмента, выполнялся отбор микрофрагмента (до 1 мм). Далее, серия этих отобранных проб по особой технологии помещалась на поверхность шайбы из эпоксидной смолы, которая после застывания полировалась до получения максимально ровного среза фрагментов. Эта шайба помещалась в абляционную ячейку системы лазерного пробоотбора измерительного комплекса. Мелкие изделия (до дюйма длиной) могут быть помещены в абляционную ячейку целиком.

Выбор точки анализа и позиционирование пробы выполнялись при помощи программного обеспечения системы лазерной абляции, с визуальным увеличенным отображением поверхности шайбы на экране компьютера. Диаметр пучка лазера составлял от 10 до 250 мкм, частота следования импульсов – от 2 до 20 герц. Эти параметры выбирались в зависимости от концентрации свинца в пробах. Глубина образующегося при анализе кратера – до 200 мкм.

При взаимодействии импульсного лазерного излучения и поверхности образца образуются микрочастицы пробы. Во время анализа ячейка продувается потоком газаносителя (аргон) и частицы пробы транспортируются в ионный источник массспектрометра. Масс-спектрометрический анализ выполнялся в многоколлекторном режиме, с одновременным измерением всех изотопов свинца.

Результаты исследований.

Среди всей совокупности исследованных бронзовых изделий содержанию изотопов в изделиях можно выделить три группы, различающиеся по изотопному составу свинца:

- 1). $0.850 < ^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 0.860$ и $2.07 < ^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 2.10$;
- 2). $0.860 < ^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 0.875$ и $2.10 < ^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 2.11$,
- 3). $0.875 < ^{207}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 0.880$ и $2.11 < ^{208}\text{Pb}/^{206}\text{Pb} < 2.12$.

По-видимому, эти три группы могут отражать различные пропорции смешения двух крайних типов металла, полученного из различных исходных руд. Классификация по предметам не позволяет выделить определенную закономерность. Более успешной является классификация по территориальному признаку.

Наиболее отлична и стоит особняком первая выделенная группа, к которой принадлежат все топоры, в то время как ножи и другие изделия из тех же памятников принадлежат ко второй или реже третьей группе. Так, в первой группе топоры из могильников Колок и Казановка III, хотя и относятся к различному времени, но находятся в одном юго-западном регионе Минусинской котловины, что свидетельствует о преемственности в использовании рудных источников и технологии производства бронзовых вещей. Видимо, к этому центру металлообработки тяготеют нож из Б.Ербы и один из трехперых наконечников стрел из могильника Теплая из Усинской долины Западного Саяна. Один из бронзовых котлов из кургана Аржан 2 [Чугунов 2004], который относится к типу I E1 [Боковенко 1981] также находится в этой обособленной группе. Не исключено, что он был изготовлен именно в Минусинской котловине, где для скифского времени их обнаружено уже около сотни.

Во второй группе относятся практически все анализируемые бронзовые изделия из Аржана 2, наконечники стрел из соседней с Аржаном Усинской долины из могильника Теплая и зеркало из могильника Ба-

данка IV, а также предметы вооружения из могильника Казановка III (кинжал, боевой топор) и кинжал из В.Аскиза, которые находятся опять таки в юго-западной части Минусинской котловины, наиболее приближенной к Западному Саяну и Туве. Не исключено, что эта группа характеризуется не только принадлежностью к одной рудной провинции, но и тем, что в ней представлены предметы вооружения, требующие от состава бронзы определенных оптимальных характеристик твердости.

К контрастной третьей группе, напротив, принадлежат ножи из могильников Колок и Казановки III, зеркало из могильника Б.Ерба, наконечники стрел из могильника Шаман Гора и котел №2 из Аржана-2. Поскольку большинство предметов тяготеют к центральным и северным районам Хакасско-Минусинских котловин, то вполне реально, что рудный источник и центр металлообработки также находится севернее по отношению к предыдущим группам вещей.

Таким образом, в результате изотопного анализа свинца в различных изделиях из памятников скифского времени Тувы и Минусинской котловины наметились определенные различия содержания этих компонентов, которые позволяют наметить две рудных провинции и центров металлообработки: одна тяготеет к горной системе Западного Саяна, другая – к северной части Кузнецкого Алатау. Пока что это первый опыт исследования в данной области, который не предполагает получение немедленного результата, но показывает его перспективность в анализе археологического материала. Кроме того, первая проведенная работа по изотопному и химическому анализу образцов из археологических памятников позволяет скорректировать направления исследований и выработать оптимальный методологический подход в решении конкретных задач.

Список литературы

Боковенко Н.А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа – Новосибирск – 1981. – С. 42-52.

Евразия в скифскую эпоху (Радиоуглеродная и археологическая хронология) // А.Ю. Алексеев, Н.А.Боковенко, С.С. Васильев, В.А.Дергачев, Г.И.Зайцева, Н.Н.Ковалюх, Г.Кук, Й. Ван дер Плихт, Г. Посснерт, А.А. Семенов, Е.М.Скотт, К.В. Чугунов–Санкт Петербург : изд-во Теза, 2005–290 с.

Пяткин Б.Н. Металлообрабатывающее производство как одна из характеристик культурного прогресса (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул –1983–С. 23-26.

Хаврин С.В. Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура– 2000–СПб–С. 183-193.

Хаврин С.В. Металл скифских памятников Тувы и курган Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье –СПб.: Гос.Эрмитаж, 2003– Книга II–С. 171-173.

Чугунов К.В. Аржан–источник // Аржан –источник в долине царей – СПб: Гос.Эрмитаж, 2004–С. 10-40.

Н.И. Платонова¹, В.И. Кашкевич², Н.Н. Блохин²

¹ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

² ФГУ НПП “Геологоразведка”, Санкт-Петербург

СЕЙСМОТОМОГРАФИЯ: РАЗРАБОТКА НОВОГО МЕТОДА НЕРАЗРУШАЮЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ (на материалах передольских сопок IX-X в.)*

Центральная группа сопек у Передольского погоста (Новгородская обл., Батецкий р-н) включает один памятник, к которому обычные методы современного археологического изучения неприменимы. Это Шум-гора (сопка № 5), представляющая собой уникальный “большой” курган с уступом (террасой) на середине высоты. Высота ее от основания составляет 12 м, а с учетом естественной возвышенности – 13.5 м. Диаметр варьирует в пределах 70-75 м. Можно считать эту насыпь самой высокой из всех известных сохранившихся “больших курганов” I-II тыс. н. э. в Европе, включая “королевские курганы” Скандинавии и Дании. Раскопки “на снос” означали бы уничтожение уникального памятника. В связи с этим было начато исследование Шум-горы с использованием геофизических методов [Platonova N.I. et al., 2003].

Началу этих исследований предшествовал долгий период определения возможных методик [см.: Носов, Платонова, Кашкевич и др., 2006]. Большая часть известных геофизических методов оказалась непригодной для исследования многометровой толщи курганной насыпи, слабо контрастной по своим физическим свойствам. Однако наши работы 2003-2006 гг. показали высокую перспективность использования для этой цели методов *инженерной сейсморазведки*.

Сейсмические методы разведки с последующей томографической обработкой результатов все чаще применяются в последние годы для решения инженерно-геологических, гидрологических, экологических и других задач, требующих применения неразрушающих технологий и обеспечивающих высокую детальность исследований. В археологии применение сейсмической томографии является совершенно новым, пионерским направлением. Указанный подход практически не имеет аналогий ни в отечественной, ни в мировой практике геофизического изучения археологических памятников. Метод сейсморазведки даже не упомянут в авторитетном новейшем руководстве по геоархеологии, изданном в США [Goldberg, Holliday, Ferring (eds.), 2001]. Конечно, в методическом плане он еще требует специальной разработки, применительно к различным видам объектов, актуальных в археологии. Но только он позволяет разработать адекватную археофизическую модель памятников, сложенных средами, слабо контрастными по магнитным и электрическим свойствам (именно к такой категории памятников относятся сопки Передольского погоста, представленные почво-грунтовыми насыпями с включениями валунного материала). Предпосылками для использования сейсморазведки являются здесь *ощутимая контрастность изучаемых объектов по скоростям* (песок, пустоты, валуны и пр.) и высокая разрешающая способность используемой аппаратуры.

В настоящий момент сейсмическими исследованиями затронуты две передольские сопки – № 5 (Шум-Гора) и № 6. Однако наибольший интерес представляют собой результаты работ на Шум-Горе. Профильные наблюдения 2003-2004 гг. выявили целый ряд особенностей этого памятника [Блохин, Кашкевич, Анисимов и др., 2006; Носов, Платонова, Кашкевич и др., 2006]. Так оказалось, что с точки зрения скоростного строения наиболее интересна нижняя часть кургана (от основания до высоты ~ 8м). Именно здесь были выявлены как высокоскоростные (~1.8км/с) образования, так и низкоскоростные (до 0.5 км/с). Однако выполненных сейсмических наблюдений в профильном варианте оказалось явно недостаточно, чтобы делать заключительные выводы о внутреннем строении кургана.

Поэтому в 2005 г. были проведены *площадные* сейсмические наблюдения с целью получения дополнительной информации о распределении скоростей в теле кургана (основное внимание было уделено нижней части Шум-Горы). Для этого квадрат размером 100х100м, в центре которого расположена Шум-Гора, был разбит сетью 10х10м, а непосредственно в пределах Шум-Горы сеть сгущалась до 5х5м. Пункты приема упругих колебаний располага-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту 04-06-80384а

лись по сети 5x5 м и равномерно покрывали курган от основания до высоты примерно 10 м. (рис.1). Пункты возбуждения в пределах тела Шум-Горы перемещались с шагом 5 м, а за ее пределами шаг ПВ увеличивался до 10 м. Положение пунктов приема оставалось неизменным на протяжении всего периода выполнения работ. Отсутствие пунктов возбуждения в юго-восточной и юго-западной частях объясняется наличием в этих местах густого лесного массива, где проведение топографических и сейсмических работ без предварительной вырубki оказалось невозможным. Такая система наблюдений обеспечивала максимальную плотность лучевых траекторий в нижней части кургана (от основания до высоты 8-9 м).

По всей сети наблюдений были выполнены топографические работы для определения относительных высот пунктов приема и возбуждения. В результате чего в цифровом виде был построен рельеф Шум-Горы.

В качестве чувствительных элементов применялись сейсмоприемники GS-20DX производства СП «ОУО-Геоимпульс». Регистрация упругих колебаний велась с использованием инженерной 24-х разрядной сеймостанции «Диоген-24/24СЛ». Длина записи составляла 1024 отсчета, шаг дискретизации по времени – 0.25 мс. Возбуждение упругих колебаний выполнялось посредством источника типа «падающий груз».

Для улучшения отношения сигнал-помеха использовалось группирование сейсмоприемников и накопление сейсмических сигналов на каждой точке.

Томографическая обработка полученных данных была проведена с использованием программы Dogstomo (Дитмар П.Г., Рослов Ю.С.). В качестве начальной модели была выбрана однородная скоростная модель со средней скоростью 0.5 км/с, состоящая из ячеек с линейными размерами граней 2.9x2.9x2.4 м. Размер элементарной ячейки, в пределах которой скорость считается постоянной, определялся плотностью лучевой информации в изучаемой модели (более 9200 лучей) и превышал минимально допустимые линейные размеры неоднородностей, выявление которых возможно при данной длине волны.

Полученная в результате томографической обработки объемная скоростная модель позволила получить горизонтальные разрезы Шум-Горы и послойно изучить внутреннее строение объекта от основания до высоты 8-9 м. Горизонтальный разрез трехмерной скоростной модели на уровне -1 м (1 м ниже основания Шум-Горы) представлен на рис. 2, где видно, что основание кургана характеризуется крайне неоднородным скоростным строением. Четко выделяется периферийная часть основания кургана шириной порядка 3 м, где скорости распространения упругих колебаний составляют в среднем 0.4-0.6 км/с. На фоне низких скоростей в этой зоне встречаются и локальные высокоскоростные (до 1.2 км/с) аномалии размером 1-2 м.

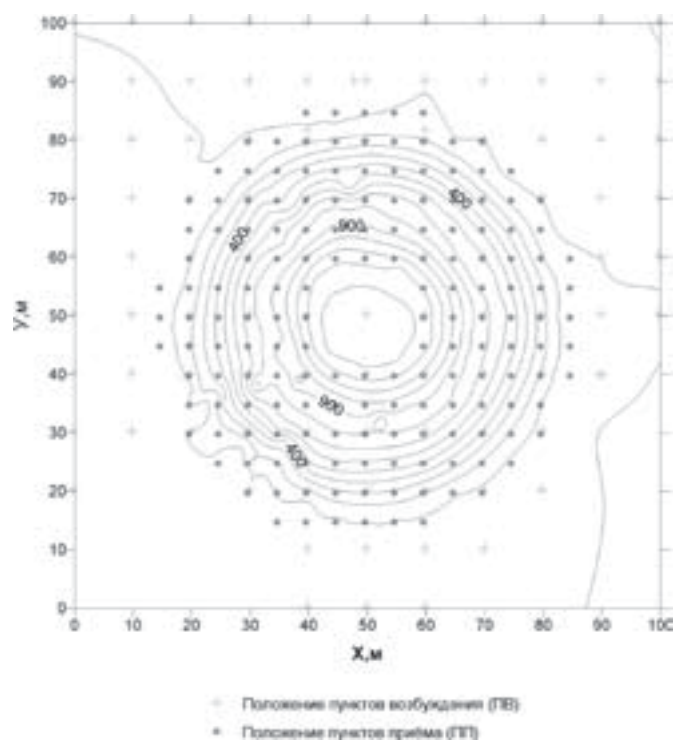

Рис.1. Система наблюдений при сейсмическом просвечивании Шум-Горы (вид сверху).

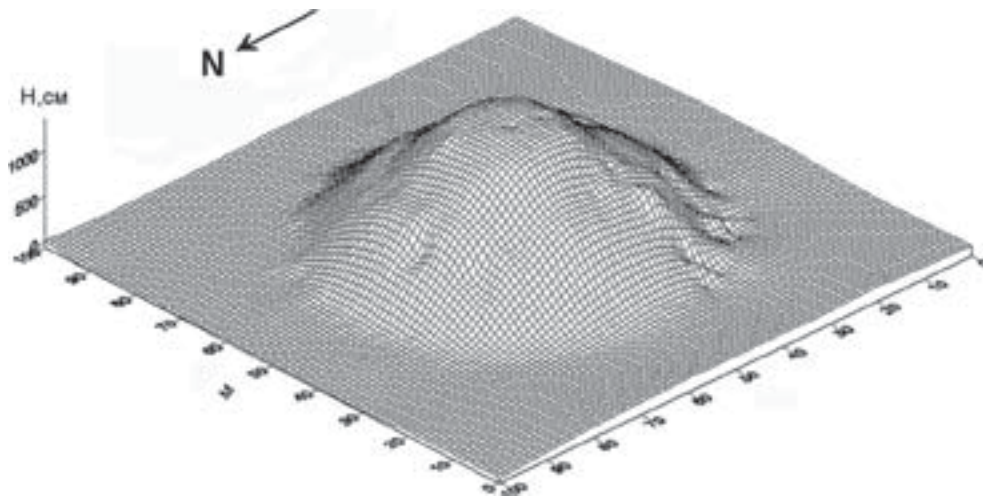

Рис.2. Рельеф Шум-Горы по данным нивелирной съемки.

От периферии к центру наблюдается довольно быстрое увеличение скорости. На общем скоростном фоне ~ 1.2 км/с выделяются области аномально высоких скоростей – до 2.5 км/с. Горизонтальные размеры высокоскоростных образований достигают 6-7 м! Схожая картина наблюдается и на скоростном разрезе на уровне 1 м выше основания кургана. Четкой закономерности в расположении высокоскоростных неоднородностей, расположенных в центральной части Шум-Горы, не наблюдается (если не считать некой «лучеобразности» от центра к периферии).

Значительно меньшими скоростями характеризуются породы, залегающие на уровне 3 м выше основания кургана. Максимальные значения скоростей (0.8 км/с) наблюдаются в центральной части разреза, к периферии скорости понижаются до 0.2 км/с. На разрезе 5 м выше основания Шум-Горы значения скорости в центральной части еще меньше и составляют в среднем 0.4 км/с. Обращает на себя тот факт, что наблюдается постепенное понижение скорости в самом центре разреза. Эта закономерность еще четче видна на разрезе 9 м выше основания кургана

Основные выводы:

- Низкоскоростное обрамление основания Шум-Горы объясняется, вероятно, наличием рва глубиной ~ 1 м и шириной ~ 3 м, который впоследствии был заполнен сыпучим материалом, скорости распространения упругих колебаний в котором порядка 0.4 км/с.

- Отдельные локальные повышения скоростей в периферийной части Шум-Горы, выявленные на разрезах -1 м и 1 м, связаны, возможно, с наличием в этой зоне отдельных валунов.

- Четко выделяются высокоскоростные объекты со скоростями до 2.5 км/с в центральной части Шум-Горы на разрезах -1 м и 1 м. Горизонтальные размеры высокоскоростных образований достигают в некоторых случаях 6-7 м, а их вертикальные размеры – до 2-3 м. Выявленные объекты могут быть связаны с большим скоплением валунного материала в центральной части основания кургана, которое привело к резкому увеличению скорости. Принимая во внимание линейные размеры высокоскоростных аномалий, не исключена их связь с остатками какого-то древнего сооружения.

ЛИТЕРАТУРА:

Блохин Н.Н., Кашкевич В.И., Анисимов А.А., Кашкевич М.П., Платонова Н.И., Шитов М.В. Опыт применения малоуглубинной сейсморазведки для решения археологических задач // Вопросы геофизики. Вып. 38. – С.-Пб. – 2006. В печати.

Носов Е.Н., Платонова Н.И., Кашкевич В.И., Блохин Н.Н., Шитов М.В., Кашкевич М.П., Короткевич Б.С. Шум-гора: проблемы междисциплинарного исследования памятника // Северная Русь и народы Балтики. – С.-Пб.: ИИМК РАН-Дмитрий Буланин. – 2006. В печати.

Goldberg P., Holliday V.T., Ferring C.R. (eds.) 2001: Earth Sciences and Archaeology. – Kluwer Academic/Plenum Publishers. – New York, Boston, Dordrecht, London, Moscow. – 514 p.

Platonova N.I., Kashkevich V.I., Anisimov A.A., Blokhin N.N. 2003: The new investigations of “Shum-Gora” // European Association of archaeologists. 9-th Annual Meeting. 10-14 September 2003. Final Programme and Abstracts. – St.- Petersburg. – P. 42-43.

Н.П. Салугина*Институт истории и археологии Поволжья, Самара*

К МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАКОВИНЫ В СОСТАВЕ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ*

Проблема идентификации исходного сырья и составов формовочных масс является одной из важных при изучении керамики. О навыках отбора, добычи и подготовки исходного сырья и составлении формовочных масс археологи могут судить только по описанным итогам, т.е. по результатам исследования самой керамики. Существует несколько видов примесей в керамике, которые являются как компонентами исходного сырья, так и используются в качестве искусственно введенных добавок при составлении формовочной массы. К таким примесям относятся песок, тальк, раковина и некоторые другие. Различать естественные и искусственно введенные примеси принципиально важно, т.к. они дают информацию по разным ступеням гончарной технологии. Квалифицированное заключение об этом позволяет более четко идентифицировать характер исходного сырья и особенностей составления формовочных масс, что, в свою очередь, влечет за собой строгую характеристику навыков работы на разных ступенях технологии. Важность данного различения диктуется и тем, что в керамике разных археологических культур Поволжья от неолита до позднего средневековья фиксируется раковина.

Данная работа посвящена разработке проблемы определения характера раковины в составе археологической керамики. Известно, что обломки раковины присутствуют как естественная составляющая глины [Бобринский, 1978], птичьего помета [Бобринский, 1999], илов [Бобринский, Васильева, 1998.]. Кроме того, раковина используется как специальная примесь при составлении формовочных масс.

Решение поставленной проблемы возможно только с помощью эксперимента. Одной из основных программ в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства в течение последних десяти лет была экспериментальная программа «Раковина». Первые результаты экспериментов были опубликованы в виде тезисов [Салугина, 1994]. Целью последующих экспериментов было выявление качественных признаков раковины, естественно присутствующей в исходном сырье и специально введенной в качестве компонента формовочной массы. Ниже приводится краткое описание и результаты проведенных экспериментов.

Раковина как естественная примесь в сырье.

Качественные особенности раковины как естественной составляющей илов подробно описаны авторами выделения илов [Васильева, 1994; Бобринский, Васильева, 1998], поэтому я остановлюсь только на качественных особенностях раковины как естественной составляющей глины и как компонента птичьего помета.

Для выделения качественных особенностей раковины как естественной составляющей глины были проанализированы глины с естественной раковиной, происходящие из Северного Прикаспия: берег р.Ахтуба и стоянка Каир-Шак. Следует отметить, что большая часть раковины принадлежала морским видам и относилась, видимо, к периоду формирования пластов глины. Она характеризуется следующими качественными и количественными особенностями: 1) форма включений в основном окатанная, но встречаются и остроугольные; 2) представлены как обломки, так и мелкие почти целые экземпляры; 3) цвет поверхностей и излома раковины серовато-белый и молочно-белый; 4) не наблюдается расщепления раковины по горизонтальным слоям; 5) размер включений от менее 1 мм до 5 и более мм при преобладающем размере 1-2 мм.

Для изучения раковины как составляющей птичьего помета в экспериментальной экспедиции в 1999 г. была куплена утка, которая содержалась в изолированных условиях (в доме) и в течение 10 дней кормилась

---

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 05-01-26106а/В

по специально разработанной схеме. В рацион входили каши разных видов, овощи и раковина улитки вместе с ряской, которые собирались в ближайшем озере. Ежедневно велся дневник, где фиксировался рацион питания утки и сбор помета. Анализ помета утки позволил выделить следующие качественные особенности раковины: 1) форма включений раковины – сильно окатанная, остроугольных частиц нет; 2) цвет раковины в основном белый, иногда с розоватым оттенком; 3) структура включений однородна; 4) размер зафиксированных включений раковины 1-2,5 мм.

Для определения качественных особенностей раковины как компонента формовочной массы дроблению подвергалась раковина без моллюска и с телом моллюска; сырая, «вареная» и нагретая на углях. В результате неоднократно повторенных экспериментов выделились следующие ее качественные признаки:

для сырой и «вареной» раковины: 1) раковина дробится с трудом, полученные частицы всегда имеют четкую геометрическую форму; 2) остроугольная форма включений; 3) расщепления по горизонтальным слоям практически не наблюдается, отслаивается иногда только перламутровый слой; 4) цвет поверхностей раковины от молочно-белого до темно-серого, излом всегда молочно-белого цвета; 5) после обжига в условиях восстановительной атмосферы при температурах ниже температур калия раковина в образце сохраняется, при обжиге в условиях окислительной атмосферы при температурах калия раковина приобретает белый цвет, сам образец после изъятия его из обжигового устройства разрушается;

для раковины, нагретой на углях: 1) раковина очень легко разминается руками, плохо нагретые участки дробятся легко; 2) форма большинства включений округлая, но встречаются и остроугольные частицы, поскольку степень нагревания разных частей раковины различна; 3) раковина легко расщепляется на горизонтальные слои, в результате чего приобретает вид чешуек; 4) цвет поверхностей и изломов в основном пепельно-серый, сохраняется перламутр; 5) в результате обжига образцов в условиях окислительной атмосферы при температурах калия раковина приобретает белый цвет, но сам образец при этом не разрушается.

При использовании раковины вместе с моллюском после обжига в условиях восстановительной атмосферы тело моллюска выглядит в черепке в виде темного, хрупкого, стекловидного включения, напоминающего коралл. После обжига в условиях окислительной атмосферы при температурах калия тело моллюска выгорает и его можно зафиксировать в черепке по аморфным пустотам разного размера со специфической складчатостью их стенок.

Еще один сюжет, на котором следует остановиться, это определение наличия или отсутствия тела моллюска в составе керамики химическими методами. В сибирско-дальневосточной археологии для этих целей используют метод фосфатного анализа [Жущиховская, 1994; 2004; Мыльникова, 1999]. Суть этого метода заключается в том, что в раствор молибдена аммония $(\text{MoH}_4)_2\text{AmO}_4$ помещается фрагмент керамики и, в случае, если в черепке присутствует моллюск, в растворе выпадет желтоватый осадок, показывающий наличие фосфатов. Мы повторили этот эксперимент, но не только с телом моллюска, но и с другими органическими компонентами. Для нашего эксперимента мы взяли фрагменты экспериментальных сосудов с примесью моллюска, навоза, выжимки из навоза, а также изготовленных из ила, и поместили их в указанный раствор. Во всех случаях наблюдалось выпадение осадка. Справедливости ради надо отметить, что его мощность была разной. Не отрицая самой возможности проведения такого анализа, хотелось бы, чтобы этому предшествовали продуманные эксперименты, позволяющие вычленив из всего массива органических компонентов именно присутствие тела моллюска. Иначе все выводы, построенные на результатах такого анализа вызывают вопросы [Жущиховская, 2004].

В результате проведенных работ на сегодняшний день можно выделить следующие качественные особенности естественной и искусственно введенной раковины в составе керамики.

Раковина, как естественная составляющая исходного сырья характеризуется следующими особенностями: 1) преимущественно окатанные очертания; 2) встречаются обломки и целые экземпляры в основном мелких улиток; когда представлены части раковины, то их горизонтальная структура не разрушена; 3) цвет раковины, как правило, молочно-белый, иногда сероватый; слой перламутра разрушен; 4) включения довольно мягкие, они царапаются иголкой, оставляя след на поверхности; 5) размер частиц от менее 1 мм до 5-10 мм, почти нет пылевидной фракции.

Искусственно введенная раковина характеризуется: 1) остроугольностью включений, даже мелкая фракция (менее 1мм) позволяет рассматривать ее как определенную геометрическую фигуру; 2) разрушение раковины при дроблении всегда сопровождается отслоением только верхнего перламутрового слоя, иногда – столбчатого слоя; практически нет расщепления по горизонтальным слоям; 3) цвет как поверхности, так и излома раковины молочно-белый, иногда внешние слои серые; 4) размер включений от 0,5 до 5-6 мм, практически отсутствует пылевидная фракция. Все эти признаки фиксируются, когда дробится «сырая» или «вареная» раковина. Совершенно иная картина наблюдается, когда используется раковина, нагретая на углях. В этом случае

она даже не дробится, а разминается руками. В результате в керамике фиксируются следующие ее проявления: 1) сглаженность очертаний частиц раковины, остроугольные частицы если и встречаются, то очень немного и представлены они теми частями раковины, которые менее всего подверглись термическому воздействию; 2) расщепление по горизонтальным слоям, наличие большого числа “чешуек”; 3) однотонный пепельно-серый цвет излома и поверхности; 4) разнообразие размерности, но отличительной особенностью является наличие пылевидной фракции; 5) сохранение перламутра; 6) после термического воздействия в условиях окислительной атмосферы такие фрагменты сосудов не разрушались.

Список литературы

- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. - М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н.** О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. - Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. – С.193-217.
- Бобринский А.А.** Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. - Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – Гл.1-3. - С 5-109.
- Васильева И.Н.** Илы как исходное сырье для древнейшей керамики Поволжского региона // Материалы международной конференции по применению методов естественных наук в археологии. Тез. докл. - Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 1994. - С.111.
- Жущиковская И.С., Раков В.А.** Древняя керамика с примесью раковины: новые методы анализа // Материалы международной конференции по применению методов естественных наук в археологии. Тез. докл. - Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 1994. - С.132.
- Жущиковская И.С.** Очерки по истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДО РАН, 2004. – 312 с.
- Мыльникова Л.Н.** Гончарство неолитических племен Нижнего Амура. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 159 с.
- Салугина Н.П.** Раковина в составе древней керамики // Материалы международной конференции по применению методов естественных наук в археологии. Тез. докл. - Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 1994. - С.148.

С.С. Тихонов*Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН
Омск*

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ*

Для более глубокого изучения прошлого археологи используют данные наук, которые обычно называют смежными: этнографии, антропологии, геологии, географии, и других. При этом этнографические материалы занимают далеко не последнее место, например, при проведении археолого-этнографических сопоставлений, или в рамках этноархеологии, или при проведении археологического эксперимента. Относительно недавно ученые стали изучать этнографо-археологические комплексы (ЭАК). Наиболее активно этим занимается группа ученых из Омска (М.Л. Бережнова, М.А. и С.Н. Корусенко, А.В. Матвеев, Л.В. и С.Ф. Таураовы, К.Н. и М.Н. Тихомировы, С.С. Тихонов), возглавляемая Н.А. Томиловым. За время работ в свет выпущено восемь томов серии научных трудов «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» [Этнографо-археологические комплексы...], проведено тринадцать семинаров «Интеграция археологических и этнографических исследований [Интеграция...], опубликовано несколько сотен работ по этой тематике. К исследованию в данной области подключились ученые из научных центров Сибири, Дальнего Востока и Урала. Омскими учеными совместно были изучены этнографо-археологические комплексы тарских татар близ деревень Черталы, Бергамак, Инцисс, Чеплярово, Киргап, Айткулово, Междуречье и других, расположенные по берегам Иртыша и Тары в Большереченском, Муромцевском, Тарском районах Омской области. Предварительные археологические работы были проведены в Знаменском и Седельниковском районах Омской области. Этнографы работали в Усть-Ишимском, Тевризском, Колосовском районах. В ходе работ сложилось представление о компонентах (природно-географическом, культурном и социальном) и структуре (территории распространения и пространственной организации ЭАК, населенным пунктам, домостроению, погребальном обряде, хозяйству, вещественному комплексу и т.д.) ЭАК. Полученные материалы стали основой подготавливаемой монографии, посвященной истории, теории, методологии, методике и практики изучения и реконструкции ЭАК.

Конечно, в ходе исследования ЭАК постоянно появляются новые проблемы. Н.А. Томилов считает, что можно углублять изучение ЭАК на 1,5-2 тыс. лет. Но, в настоящее время удалось связать этнографические и исторические комплексы XIX-XX веков с археологическими памятниками XVII-XVIII веков, и появилась возможность сопоставлять их с поселениями и городищами XIV-XV вв., т.е. достичь глубины около 500-600 лет. Поэтому необходимо изучать памятники XII-XIV веков, и соотносить их с неплохо изученными археологическими культурами Среднего Прииртышья – усть-ишимской и потчевашской. Возможно, население, оставившее эти культуры вошло в состав тарских татар, но сами эти культуры ученые к тюркским, как правило, не относят. Поэтому сразу встает проблема их этнической принадлежности. Интересно, что некоторые комплексы, относимые к татарским, содержат керамику потчевашскую.

Дальнейшее изучение ЭАК предполагает расширение географии исследований и изучение ЭАК других народов Сибири – угров, самодийцев, русских и сопредельных территорий – Алтая, Казахстана, что необходимо для их сравнения и выявления этнической специфики. Об этом еще в 1990 годах говорил Н.А. Томилов. Но приемлемый для исследования район, в котором бы существовали современные населенные пункты, поселенческие и могильные комплексы, оставленные предками этих людей в эпоху позднего средневековья, а также связанные с ними более ранние памятники найти не так легко. Например, в 2004-2005 при изучении

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 05-06-80470а и РГНФ, грант 06-01-18075е

системы расселения и землепользования в Кемеровском, Крапивинском, Новокузнецком, Юргинском районах Кемеровской области выявлено два перспективных района для изучения ЭАК района. Первый – верхнее течение Томи в районе – устье Мрассу – устье Верхней Терси (Новокузнецкий район). Здесь можно было бы изучать ЭАК русских XVII–XX веков и кузнецких татар XVIII в. и более ранних. Второй район расположен между бывшими деревнями Ажндарово и Малое Осипово (Крапивинский район). Здесь наиболее перспективно изучение ЭАК в районе д. Салтымаково и Лачиново (ныне не существует). Археологами Кемерова и Новокузнецка на этих участках открыты археологические памятники разных эпох. К сожалению, коренного населения на этом участке практически не осталось.

Если методика полевого исследования ЭАК в общих чертах сложилась, то процедуры интерпретации результатов этих исследований необходимо совершенствовать. Например, традиционные и применяемые для материалов эпох бронзы и раннего железа методики изучения социальной структуры, палеодемографии, палеоэкономики дают не всегда удовлетворительный результат, и поэтому самым тщательным образом должны быть сопоставлены с письменными источниками.

Интересна проблема границ и содержания ЭАК. Например, ЭАК, скажем, тарских татар един и должен быть сконструирован по данным всех татарских комплексов, либо ЭАК каждого населенного пункта самостоятелен и уникален. Тогда надо говорить об ЭАК Бергамака, Чеплярово и т.д. Пока неясно, нужно ли ранжирование ЭАК и выделение первой, второй и т.д. ступеней, по аналогии с концепцией В.И. Матющенко об археологических микрорайонах.

Конечно, есть и другие проблемы, допустим, кадрового обеспечения исследований, определение достоверности полученных результатов, создание этнографо-археологических атласов народов Сибири, но выше-названные мне представляются первоочередными.

Список литературы

Интеграция археологических и этнографических исследований. - Омск, 1994; Омск, 1995; Новосибирск, 1996; Уфа, 1997; Санкт-Петербург, 1998, Москва, 1999; Владивосток, 2000; Нальчик, 2001; Ханты-Мансийск, 2002; Омск, 2003, Алматы, 2004, Омск, 2005.

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. - Т. 1. – Новосибирск, «Наука», - 1996; Т. 2. – Новосибирск, «Наука», - 1997; Т. 3. – Новосибирск, «Наука», - 1998; Т. 4. – Новосибирск, «Наука», - 1999; Т. 5. – Новосибирск, «Наука», - 2002; Т. 6. – Новосибирск, «Наука», - 2003; Т. 7. – Новосибирск, «Наука», - 2003; Т. 8. – Омск, Издательский дом «Наука», - 2004;

А.А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКА ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ЯЛОМАН-II*

В настоящее время раскопано значительное число курганов гунно-сарматского времени (II в. до н.э. – V в. н.э.), относимых к булан-кобинской археологической культуре. Нами уже указывалось, что название рассматриваемого периода не совсем удачно по отношению к Горному Алтаю, хотя, по всей видимости, может употребляться при определенной доле условности. Логичнее использовать более адекватное словосочетание – хуннско-сяньбийско-жужанское время. Этот термин включает в себя последовательное название народов (хунну, сяньби, жужани), активно участвовавших в военно-политической и культурной жизни Азии и оставивших заметный след в истории огромного региона [Тишкин, 2004].

Благодаря раскопкам, проведенным на памятнике Яломан-II, получен значительный по объему материал, требующий всестороннего изучения [Тишкин, Горбунов, 2003]. В этом плане намечена и осуществляется программа междисциплинарных исследований [Тишкин, 2004]. В данной работе представим только два аспекта полученных результатов. Первый отражает использование радиоуглеродного метода, а второй связан с применением спектрального анализа.

В настоящее время пока нет репрезентативной базы радиоуглеродных дат как для булан-кобинской культуры в целом, так и для ее отдельных этапов [Тишкин, Горбунов, 2005а]. Такая работа только начинается. Поэтому важно представить имеющиеся сведения. Все приводимые ниже калиброванные данные, т.е. переведенные из радиоуглеродного показателя в календарный возраст, сделаны при использовании специальной программы, разработанной в лаборатории Вашингтонского университета (RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAMM REV 4.3) (автор выражает благодарность Л.А. Орловой за предоставление программы и регулярные консультации по вопросам радиоуглеродного датирования).

В свое время по образцу древесины и древесного угля из печи №1 раскопа I с комплекса керамических печей на Юстыде [Кубарев, Журавлева, 1986] была получена радиоуглеродная датировка 1830 ± 40 лет [Орлова, 1995]. Калиброванные показатели ее выглядят следующим образом: 1 sigma cal AD 129–241 (133–164, 166–231); 2 sigma cal AD 80–321 (82–258, 283–288, 300–320). При проведении раскопок на памятнике Тыткескень-VI исследовано несколько погребений булан-кобинской культуры [Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992]. Неподалеку от них обнаружены остатки кострища. По отобранному образцу углей получена радиоуглеродная дата 1970 ± 105 лет (СОАН-2988) [Орлова, 1995]. Установлен такой календарный возраст: 1 sigma cal BC 89 – cal AD 130 (cal BC 112 – cal AD 134, cal AD 161–169, 198–208); 2 sigma cal BC 345 – cal AD 318 (cal BC 348–319, 228–222, cal BC 205 – cal AD 259; cal AD 282–290, 298–321).

Основная масса имеющихся данных получена по образцам, взятым из двух групп погребальных объектов могильника Яломан-II. Анализ осуществлялся в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН (г. Новосибирск). Наиболее многочисленны абсолютные показатели для раннего усть-эдиганского этапа (II в. до н.э. – I в. н.э.) рассматриваемой культуры, что, в общем, отражает период существования державы Хунну [Крадин, Данилов, Коновалов, 2004, с. 3–4]:

СОАН-5499. Проба представляла собой часть деревянного перекрытия в кургане №23а. 2000 ± 55 лет. 1 sigma cal BC 48 – cal AD 67 (cal BC 51 – cal AD 71); 2 sigma cal BC 164 – cal AD 126 (cal BC 161–130; cal BC 119 – cal AD 91; cal AD 98–126).

* Работа выполнена при поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №06-01-91809а/Г).

СОАН-5500. Образец взят от фрагмента деревянной колоды из кургана №49. 2100±45 лет. 1 sigma cal BC 196–43 (cal BC 171–86, 83–52); 2 sigma cal BC 348 – cal AD 1 (cal BC 349–318, 228–221, 206–15; cal BC 15 – cal AD 2).

СОАН-5501. Проба отобрана из жерди деревянного перекрытия в кургане №49. 2220±50 лет. 1 sigma cal BC 381–200 (cal BC 375–373, 364–346, 322–268, 263–226, 224–203); 2 sigma cal BC 396–124 (cal BC 392–170).

СОАН-5502. Образец древесины взят из кургана №52. 2045±35 лет. 1 sigma cal BC 91 – cal AD 1 (cal BC 94 – cal AD 2; cal AD 14–16); 2 sigma cal BC 167 – cal AD 50 (cal BC 165–128; cal BC 122 – cal AD 27; cal AD 42–48).

СОАН-5048. Проба представляла собой кости лошади из кургана №52. 2060±40 лет. 1 sigma cal BC 150–1 (cal BC 149–134, 115–38, 31–21, 11–1); 2 sigma cal BC 196 – cal AD 48 (cal BC 173 – cal AD 25; cal AD 43–47).

СОАН-4982. Образец состоял из костей лошади, обнаруженных в кургане №51. 2025±35 лет. 1 sigma cal BC 50– cal AD 22 (cal BC 86–83; cal BC 53 – cal AD 24; cal AD 44–46); 2 sigma cal BC 112 – cal AD 60 (cal BC 150–134; cal BC 114 – cal AD 35; cal AD 35–63).

Кроме этого, в лабораторию Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) были отданы для анализа две дублирующие пробы костей (Je-7433, 7434) соответственно из курганов №51 и 52 для сравнения показателей с ранее полученными данными. Результаты оказались следующими:

Je-7433. 1900±60. 1 sigma cal AD 31–210 (30–40, 52–140, 149–177, 191–212); 2 sigma cal BC 38 – cal AD 243 (cal BC 39–27, 9; cal BC 2 – cal AD 244).

Je-7434. 2110±80. 1 sigma cal BC 347 – cal AD 3 (cal BC 388–319, 227–222, 205–39, 28–23, BC 9–2); 2 sigma cal BC 381 – cal AD 64 (cal BC 364–268; cal BC 263 – cal AD 30; cal AD 40–51).

Еще одна небольшая группа данных получена по образцам из курганов верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры, раскопанных на памятнике Яломан-II и датированных 2-й половиной IV – 1-й половиной V вв. н.э. В разных лабораториях получены противоречивые результаты.

СОАН-5049. Проба представляла собой кости человека из погребения в могиле-1 кургана №33. 1990±35 лет. 1 sigma cal BC 40 – cal AD 56 (cal BC 2 – cal AD 33; cal AD 37–55); 2 sigma cal BC 51 – cal AD 81 (cal BC 54 – cal AD 83; cal AD 105–116).

СОАН-4981. Образец состоял из человеческих костей погребенного в могиле-2 кургана №33. 2020±30 лет. 1 sigma cal BC 47– cal AD 22 (cal BC 47 – cal AD 5; cal AD 6–22); 2 sigma cal BC 92 – cal AD 54 (cal BC 95 – cal AD 63).

Je-7432. На анализ отбирались кости лошади из могилы-2 кургана №33. 1590±100 лет. 1 sigma cal AD 361 – (433) – 598 (364–365, 383–585, 585–597); 2 sigma cal AD 240 – (433) – 656 (247–646).

Ситуацию в определенной мере проясняет серия калиброванных радиоуглеродных дат, полученных по костям из погребений базового памятника позднего этапа Верх-Уймон: **СОАН-5386** – 257 – (419) – 559 гг. н.э.; **СОАН-5387** – 344 – (429) – 559 гг. н.э.; **СОАН-5388** – 441 – (599) – 652 гг. н.э.; **СОАН-5389** – 415 – (538) – 639 гг. н.э.; **СОАН-5390** – 362 – (434, 525) – 600 гг. н.э. [Соенов, Трифанова, Вдовина, Черепанов, 2005].

Таким образом, в настоящее время имеется 18 калиброванных радиоуглеродных датировок, которые маркируют время существования булан-кобинской культуры и отражают ранний и поздний этапы ее развития.

Для объективности сведений о металле, из которого сделаны найденные на памятнике Яломан-II зеркала, результаты спектрального анализа были получены разными методами. Сначала по отобраным пробам в Лаборатории минералогии и геохимии ТГУ осуществлялся спектральный полуколичественный анализ (исполнители Е.Д. Агапова и Е.М. Цымбалова). Потом в Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ было проведено исследование самих предметов с использованием прибора рентгено-флюоресцентного анализа поверхности ArtTAX (аналитик С.В. Хаврин). Такие результаты уже частично опубликованы [Тишкин, Хаврин, 2004]. Все представленные ниже предметы датированы II в. до н.э. – I в. н.э. и зафиксированы с комплексом предметов, характерных для материальной культуры хунну [Тишкин, Горбунов, 2005б]

В кургане №51 найден сильно корродированный фрагмент зеркала, на отдельных участках которого просматривается «белый» цвет металла. Результаты из лаборатории ТГУ выглядят следующим образом: Cu – >5; Sn – >2; P – 0,1; Mg – 0,07; Ca – 0,04; Pb – 0,03; Fe – 0,03; As – 0,01; Co – 0,003; Bi – 0,003; Zn – 0,003; Ti – 0,002; Si – 0,001; Al – 0,001; Mn – 0,001; Cr – 0,001; Ag – 0,0005; Ga – 0,0003; Ni – 0,0006; In – 0,0006 (здесь и ниже полученные данные отражены в весовых процентах, т.е. сотая часть какой-либо массы:

1 вес.%=10 кг/т). В лаборатории ГЭ определены такие показатели: Cu – основа; Sn – <30%; Pb – <0,5%; As – следы; отмечено присутствие Ag, Bi. Эти два анализа подтверждают медно-оловянистый сплав, который сопровождают другие компоненты, придающие, в том числе, бело-серебристый цвет изделию.

В кургане №52 обнаружен фрагмент от зеркала, которое было довольно крупным (диаметром около 10 см). Цвет изделия – «белый», местами просматривается орнамент и другие элементы декора. Спектральный анализ сделан дважды: в лаборатории ТГУ – Cu – >5; Sn – >2; Pb – >>1; As – 0,7; Bi – 0,06; Zn – 0,03; Fe – 0,01; Sb – 0,007; Ag – 0,005; Ca – 0,005; Ni – 0,002; Co – 0,002; In – 0,0015; Mn – 0,001; Mg – 0,001; Ti – 0,001; Cr – 0,001; Al – 0,0005; Ge – 0,0007; в лаборатории ГЭ – Cu – основа, Sn – 20–25 (30–35)%; Pb – 10–15 (15–20)%; Ag – <0,6%; As – <0,5%; Ni – <0,5%; Sb – следы. В скобках указано количество элементов на блестящей поверхности изделия, покрытой «благородной» патиной. В данном случае обозначенные показатели также в основном совпадают и демонстрируют сложный медно-оловянисто-свинцовый сплав, который использовали китайские мастера для изготовления зеркал.

Спектральный анализ фрагмента изделия из кургана №56 дал следующие результаты: в лаборатории ТГУ – Cu – >5; Sn – >>2; Pb – >>1; Fe – 0,03; Zn – 0,02; As – 0,01; Bi – 0,01; Ca – 0,005; Ga – 0,003; Co – 0,003; In – 0,001; Ni – 0,001; Mn – 0,001; Mg – 0,0003; Ge – 0,0006; Ti – 0,0007; Ag – 0,0007; в лаборатории ГЭ – Cu – основа; Sn – 20–22 (25–30)%; Pb – 8–10%; Ni и Co – присутствие. И в этот раз данные совпали при выявлении основных компонентов медно-оловянисто-свинцового сплава, характерного для китайских изделий. Таким образом, можно утверждать, что оба метода работают эффективно и демонстрируют возможности адекватной атрибуции предметов из цветного металла.

Еще один маленький фрагмент китайского зеркала с орнаментом изучен только с помощью рентгенофлуоресцентного анализа. Он был найден в кургане №61 и имеет следующий характерный состав металла: Cu – основа; Sn – 20 (35)%; Pb – 8–10 (25–30)%; As – 1–2%; Ni – следы; Ag – присутствие [Тишкин, Хаврин, 2004, рис. 1.-8, с. 303].

Полученные анализы дополняют специальные исследования И.В. Богдановой-Березовской [1975, с. 140–141], которая указала, что оловянистая бронза со свинцом являлась прекрасным сплавом для изготовления орнаментированных зеркал, а соответствующее содержание в них олова, свинца, конкретных примесей и следов индия может быть хорошим индикатором для установления подлинности импортных изделий из Китая.

Престижные китайские вещи пытались подделывать. Такой случай зафиксирован при изучении спектрального анализа зеркала из кургана №57 памятника Яломан-II и подробно описан [Тишкин, Хаврин, 2004, с. 305].

В заключение стоит указать, что получены и другие результаты с использованием естественно-научных методов (дендрохронологический, ксилотомический, палеокарпологический и другие анализы), которые позволяют существенным образом расширить наши знания о булан-кобинской культуре Горного Алтая.

Список литературы

Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М.: Наука, 1975. – С. 131–149.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескен-VI на Средней Катуни // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С. 125–130, 222–226.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 106 с.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101–119.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. – Ч. II. – С. 207–232.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Черепанов М.А. Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003–2004 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. XIV. – С. 169–171.

Тишкин А.А. О необходимости междисциплинарного изучения материалов гунно-сарматского времени Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 296–300.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. 200 с.+вкл.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005б. – Ч. I. – С. 327–333.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 300–306.

Список сокращений

БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт.

ГЭ – Государственный Эрмитаж.

ИргТУ – Иркутский государственный технический университет.

РАН – Российская академия наук.

СО – Сибирское отделение.

ТГУ – Томский государственный университет.

С.В. Хаврин, Д.В. Папин

*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
Алтайский государственный университет, Барнаул*

ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТАВА ЗОЛОТЫХ АНДРОНОВСКИХ УКРАШЕНИЙ АЛТАЯ*

Большинство специалистов занимающихся вопросами исследования андроновской культуры в той или иной степени рассматривают такую важную категорию инвентаря как украшения. В настоящее время, общепризнанной является классификация, предложенная Н.А. Аванесовой [1991], в этой работе основанной на типологическом подходе, были показаны разнообразные виды и варианты украшений, а так же их дифференцирующие этнокультурные показатели. Но в последнее время в археологии усиливается интерес к получению новой информации, позволяющей получить данные принципиально иного качества.

Интерес к исследованию химического состава древних золотых изделий Евразийских степей возник лишь в последние годы. В настоящее время мы находимся на стадии накопления данных и не имеем еще возможности проводить сравнительное исследование изделий из золота синхронных памятников различных регионов или разновременных памятников одного региона. Такие исследования проводились для ювелирных изделий скифского времени Казахстана [Кузнецова, Мадина 1990; Кузнецова, Тепловодская 1994, с. 98-103], нескольких предметов из памятников от эпохи бронзы до средневековья Южного Урала [Зайков и др., 1999, с. 196-199; Бушмакин и др., 1999], а также изделий из памятников скифского времени, раскопанных на плато Укок в Горном Алтае [Малахов и др., 2000; Щербаков, Рослякова, 2000].

Основной массив изложенных в этих исследованиях данных составляют ювелирные изделия скифского времени, к эпохе бронзы относятся лишь 2 фрагмента фольги из кургана Чекотай (сер. II тыс. до н.э., Южный Урал) и 2 украшения из андроновских могильников Аксу-Аюлы и Айбас-Дарасы (XIV-XII вв. до н.э., Центральный Казахстан). Поэтому, вводимые настоящим исследованием данные по составу золота 54 образцов из четырех грунтовых могильников андроновской культуры Алтайского края являются самой крупной серией.

Типологически анализируемая серия представляет стандартный набор украшений входящих в состав андроновского погребального костюма (золотые серьги с раструбом, серьги трубчатые, желобчатые подвески в полтора оборота, «лапчатые» привески, пронизи и подвески в виде конуса). Из данных предметов только серьги с раструбом относятся к цельнолитым, у остальных основа была сделана из тонкой бронзовой пластины и обернута золотой фольгой. В погребениях, как правило, эти изделия встречаются как отдельно, так и в составе сложносоставных украшений.

Аналогии рассматриваемым предметам широко известны по материалам андроновских могильников Верхнего Приобья, Прииртышья и Центрального Казахстана [Аванесова, 1991, с. 51-53, 61; Демин, Ситников, 2000, с. 121; Молодин, 1985, с. 70; Позднякова, 2000, рис. 1-1, 2; Кирюшин, Позднякова, Папин, Шамшин, 2006]. А, по мнению ряда исследователей, такие украшения, как лапчатые привески и серьги с раструбом следует считать принадлежностью федоровской культуры [Аванесова, 1991, с. 51, 61; Усманова, 2005, с. 120].

Исследования образцов андроновских золотых украшений проводились в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа на приборе рентгено-флюоресцентного анализа (РФА) АгТАХ. Анализировались данные, полученные в 4-6 точках каждого образца. Поскольку большинство андроновских золотых украшений – это золотая обкладка наложенная на медную или бронзовую основу, то при проведении РФА, когда исследуется химический состав на поверхности изделия, процентное содержание меди оказывается сильно завышенным. Поэтому внешняя и внутренняя поверхность каждого образца предварительно зачищалась от грязи и продуктов коррозии медной основы.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ проект № 05-01-01183а

Могильник Чекановский Лог-2 (раскопки М.А. Демина). Все 12 проанализированных образцов золотых изделий происходят из одной могилы, но представляют почти все многообразие типов андроновских украшений. Колебания содержания основных компонентов – золота (61-67,5 %), серебра (30,4-35 %) и меди (1,2-3,5 %) – незначительны и можно с уверенностью говорить, об одновременности изготовления всего этого набора украшений.

Могильник Чекановский Лог-10 (раскопки С.М. Ситникова). Проанализировано 15 образцов. Здесь состав металла не столь однороден. Большинство изделий выполнено также из золота невысокой пробы (65,6-80,8 % золота), однако здесь выделяется группа украшений из более высокопробного золота (90,6-96,3 %), содержавшего 2,6-8,1 % серебра и 0,1-1,5 % меди.

Могильник Фирсово XIV (раскопки А.Б. Шамшина). Проанализировано 14 образцов, из которых 13 имеют также невысокую пробу (60-77,4 % золота), а одно выполнено из высокопробного золота (98-98,5 %). Обращает на себя внимание низкое содержание меди (менее 1 %) в большинстве ювелирных изделий могильника. Кроме того, отметим, что украшения одной из могил имеют различный состав: обойма и лапчатая подвеска содержали 61-62 % золота, конус лишь немногим больше – 67-68 %, а вот пронизка сделана из золота высокой пробы.

Могильник Рублево VIII (раскопки Д.В. Папина). Проанализировано 13 образцов, более половины из них происходят из одной могилы. Состав металла близок составу золотых изделий из могильника Чекановский Лог-10: 65-83,5 % золота. В составе украшений из могилы 85 выделяется группа из 3 предметов (пронизка, лапчатая подвеска и лапчатая подвеска от пекторали), состав которых очень близок: 78,5-80 % золота, 19,5-20,5 % серебра и 0,7-1,2 % меди. То есть, также можно уверенно говорить об одновременности их изготовления.

Использованное для изготовления андроновских украшений золото можно разбить предварительно на 2 основные группы: высокопробное (более 90 % золота) и низкопробное (60-80 % золота)*. Среди немногочисленных опубликованных данных по месторождениям Алтая золото высокой пробы можно было получать, например, из самородного золота Синюхинского месторождения, золото второй группы – на Змеиногорском месторождении [Розен, 1995; Щербаков, Рослякова, 2000, с. 186-187].

Если сравнивать полученные результаты с ранее опубликованными, то определенно можно говорить о близости состава невысокопробного золота андроновских украшений и золотой фольги из пазырыкских курганов плато Укок, где содержание золота составляет 60-70 %, серебра – до 30 %, меди – 1,5-4 % [Малахов В.В. и др., 2000, с. 170], отличие заключается лишь в несколько большем количестве меди в пазырыкской фольге. Близкую пробность (69-71 % золота), но с еще большим содержанием меди (4,6 % и 7,8 %) имеют браслет и височное кольцо из андроновских погребений Центрального Казахстана [Кузнецова, Мадина, 1990, таб. 2, №№ 25, 26].

Хотя начатое исследование располагает пока не большой серией золотых изделий, но полученные результаты имеют значительную информативность. Во-первых, анализ химического состава металла позволил в ряде случаев установить одновременность изготовления украшений для одного погребения; во-вторых, возможность идентифицировать вероятные месторождения; в-третьих, получены данные для сравнения различных металлургических традиций. Главной задачей является расширение источниковой базы исследования, за счет привлечения материалов из синхронных памятников, но разных регионов.

Список литературы

- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. - Ташкент: ФАН, 1991. - 200 с.
- Бушмакин А.Ф., Зайков В.В., Юминов А.М., Таиров А.Д.** Состав золотых изделий из комплекса Курган с «усами» Солочанка I // Курган с «усами» Солочанка I. - Челябинск, 1999. с. 80-84.
- Демин М.А., Ситников С.М.** Аварийные раскопки в Третьяковском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул: «Азбука», 2001. - Вып. XII. - С. 82-85.
- Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Зданович Г.Б., Таиров А.Д.** Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала: задачи, результаты, перспективы // Уральский минералогический сборник. - № 9. - Миасс, 1999. - с. 186-204.
- Киришин, Позднякова, Папин, Шамшин, 2006**
- Кузнецова Э.Ф., Мадина С.Ш.** Исследование древнего золота Казахстана // Советская археология. – 1990. - № 2. - с. 136-148.

* По классификации Н.В. Петровской (Петровская 1973), наша первая группа соответствует весьма высокопробному (998-951) и высокопробному золоту (950-900), вторая – относительно низкопробному (799-700) и низкопробному (699-600), лишь два образца из Рублево VIII, содержавшие 80-84 % золота попадают в группу золота средней пробы (899-800).

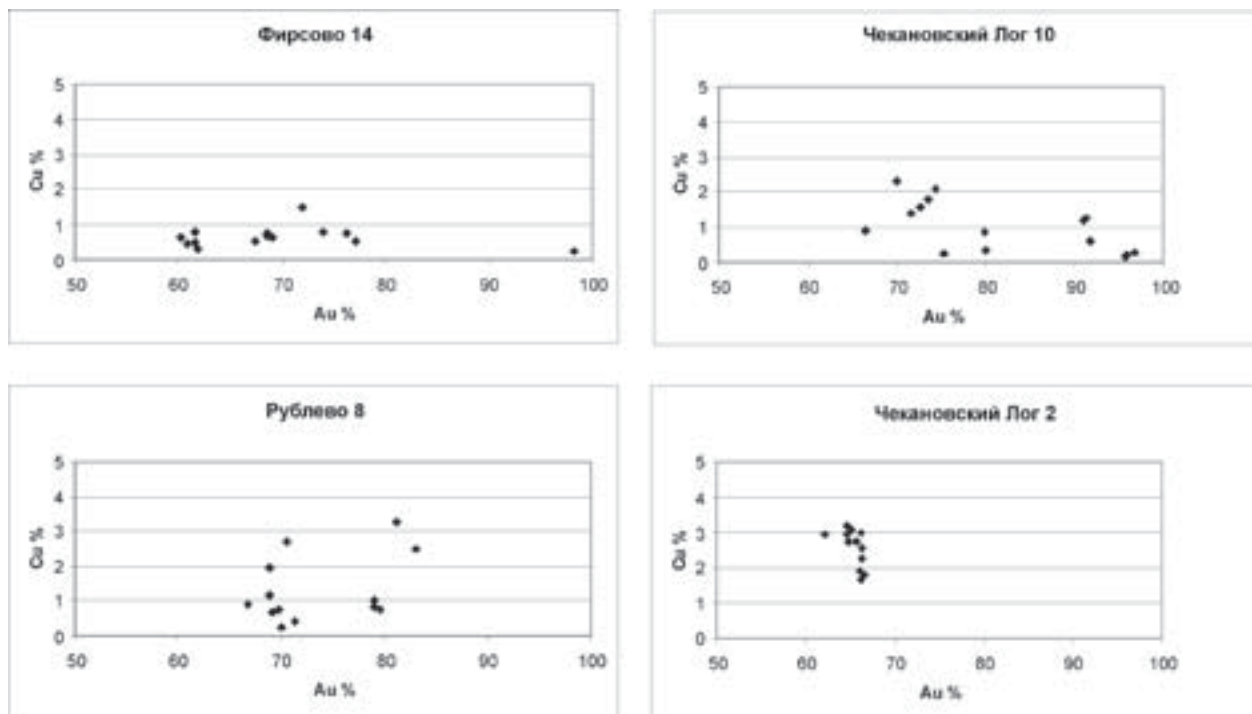

График зависимости содержания меди от содержания золота в андроновских золотых украшениях.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. 1994. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. – Алматы, 1994. – 207 с.

Малахов В.В., Власов А.А., Овсянникова И.А., Плясова Л.М., Краевская И.Л., Цыбуля С.В., Степанов В.Г. Вещественный состав находок из «замерзших» захоронений пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – с. 162-175.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск: Наука, 1985. - 200 с.

Петровская Н.В. Самородное золото. - М., 1973.

Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. - Новосибирск: НГУ, 2000. - Т. 3. - С. 47-53.

Розен М.Ф. Россыпи, связанные с известными коренными источниками рудного золота // Золото Алтая: история и современность. - Барнаул, 1995. - с. 112-121.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. - Караганда-Лисаковск, 2005. - 232 с.

Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. 2000. Состав золотых и бронзовых изделий, источники металлов и способы их обработки // Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – с. 179-187.

Т.А. Чикишева*, **А.П. Бужилова****, **М.В. Добровольская****, **М.В. Медникова****

* Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

** Институт археологии РАН, Москва

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССОВ АДАПТАЦИИ НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ КРОВОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

В рамках научно-исследовательского проекта были начаты комплексные исследования антропологических материалов из могильника Сопка-2, подробно изученного академиком РАН В.И. Молодиным.

С использованием обширной методической программы палеоантропологического обследования с целью реконструкции природной и социальной среды [Историческая экология..., 1998], были описаны различные морфологические и патологические изменения по костным остаткам 595 индивидов различного пола и возраста. Поскольку в ходе многолетних раскопок при формировании коллекции комплектность скелетов определялась избирательно, из общего числа изученных индивидов только у 345 были оставлены кости посткраниального скелета той или иной степени сохранности. Поэтому намеченный план статистического изучения некоторых индикаторов физиологического стресса осуществить в полной мере не удалось. Большая численность серии и разделение основной массы на хронологические периоды согласно археологическим культурам позволили найти соответствие между встречаемостью маркеров физиологического стресса, характером травматизма и культурно-хронологической дифференциацией скелетных материалов [Бужилова и др, в печати].

Палеоантропологическое изучение останков представителей кротовской культуры было дополнено изучением особенностей скелетной конституции. По стандартной остеометрической программе были обследованы 136 скелетов.

Кротовская выборка характеризуется достаточно высокой морфологической неоднородностью, связанной с присутствием различных конституциональных вариантов. Средние величины основных признаков посткраниального скелета, характеризующих продольное развитие длинных трубчатых костей и толщину их диафизов, были сопоставлены с данными по скелетной морфологии в 88 сериях эпох бронзы и раннего железа с территории Евразии [Медникова, 1998]. По длине плечевой кости мужское кротовское население, в среднем, находит наиболее близкую аналогию в Южной Сибири среди карасукского населения Минусинской котловины и еще более близкую в группе из среднеазиатского Джаркутана (круг памятников культуры Сапалли). Продольные размеры костей предплечья у кротовских мужчин также наиболее сходны с размерами классических карасукцев, с мужчинами Кара-Депе, Геоксюра, Кокчи 3. Вместе с тем, повышенная массивность диафиза трубчатых костей верхней конечности объединяет кротовцев с населением эпохи бронзы Южной Сибири и отличает их от более грацильных в этом отношении среднеазиатских групп.

По длине бедренной кости кротовцы сближаются с андроновцами Минусинской котловины и с Джаркутаном, по обхватным размерам диафиза, в большей степени – с Джаркутаном. По длине костей голени кротовские мужчины вновь наиболее близки андроновцам Южной Сибири, в то время как синхронное население Средней Азии обладает значительно более удлиненной голенью.

Учитывая повышенную вариабельность кротовской суммарной выборки, мы разделили ее на четыре подгруппы в соответствии с археологическими рубриками. Эти данные позволили нам судить об эпихальной динамике размеров тела и линейных пропорций.

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация как фактор формирования антропологического своеобразия древнего и современного населения Евразии»

Кротовцы первой группы (без курганов) характеризовались, в целом, гармоничным развитием наряду с относительным удлинением плечевой и бедренной кости. Кротовцы второй группы (с курганами) выделяются из общего однокультурного массива относительным и абсолютным укорочением сегментов руки и удлинением – сегментов ноги. Противоположный вариант строения наблюдается в поздний период бытования кротовской культуры – относительное и абсолютное удлинение руки и укорочение ноги. Отчетливо прослеживается эпохальное укорочение костей голени. Диахронная изменчивость параметров посткраниального скелета у кротовского населения может быть вызвана воздействием разных факторов: наследственных и экологических. Не исключено, что период распространения курганов мог быть сопряжен с появлением в составе кротовской культуры морфологических вариантов, имевших значительно более южное происхождение. Заметные изменения габитуса у поздних кротовцев также не исключают участия мигрантов, на сей раз, с более северных, возможно, лесных территорий. В то же время консервативность многих признаков, прежде всего, отражающих внешнюю диафизарную массивность, заставляет предполагать устойчивое воздействие природно-климатических факторов внешней среды. Эпохальное укорочение костей голени также может быть интерпретировано как следствие продолжительной адаптации к условиям резко континентального климата.

Также было проведено исследование химического состава минеральной части скелетных тканей с целью реконструкции особенностей питания и реконструкции ландшафтно-климатических условий проживания людей, погребенных в могильнике Сопка-2. Для этого были определены концентрации цинка, меди и стронция методом атомной абсорбции в минеральной составляющей зубных тканей. В качестве объекта использовались (эмаль и дентин). В качестве образцов использовались коронки зубов хорошей сохранности без патологических проявлений, стертости и прижизненных или посмертных нарушений. Из 98 отобранных зубов пригодными для выполнения анализа оказались 79. Аналитические работы выполнялись в Лаборатории Геохимии ландшафта Географического факультета МПГУ (Москва).

Подобные масштабные исследования химического состава костной ткани на одном памятнике проводились впервые. Были проанализированы группы из погребений энеолитической игрековской культуры, курганных погребений кротовской культуры, грунтовых погребений кротовской культуры, бескурганных погребений кротовской культуры эпохи развитой бронзы и грунтовых погребений поздней кротовской культуры.

Выявляются различия в химическом статусе тканей носителей традиций игрековской и кротовской археологических культур. Переход от энеолита к бронзе характеризуется явной сменой и условий жизни населения и структуры питания. Для носителей традиций игрековской культуры характерны в целом более низкие концентрации всех трех элементов индикаторов питания и ландшафтно-геохимического окружения. Люди энеолита обитали в условиях лесных ландшафтов с достаточно ограниченной активностью доступных форм основных биогенных элементов. Концентрации цинка, меди и стронция отражают смешанный характер питания населения, в котором присутствуют как белки животного происхождения, так и растения. Такой рацион питания характерен для охотников-собирателей. Население бронзового века в целом характеризуется более высокими концентрациями всех трех элементов. Сходная картина характерна для всего степного населения евразийских степей [Добровольская, 2005]. Поэтому изменения химического статуса населения эпохи бронзы могут быть связаны и с различными сочетаниями двух причин: появлением более южного степного населения и распространением самих степных ландшафтов.

Важно отметить, что изменяются не только концентрации основных биогенных элементов, но и их соотношения. Отношение концентрации цинка к концентрации стронция составляет 0,38 для энеолитической группы. Для четырех подгрупп «кротовцев» определена достаточно стабильная величина 0,43 (за исключением выборки бескурганных погребений эпохи развитой бронзы -0,48). Изменение этого соотношения говорит о том, что в рационе питания населения увеличивается белковый компонент и снижается доля растительной пищи. Вероятно, наблюдаемая нами динамика химического состава скелетных тканей отражает переход к производящему хозяйству.

Обнаружены различия в химическом статусе скелетных тканей групп из курганных погребений и грунтовых могил. Концентрации всех трех химических элементов в тканях индивидов из курганов выше, чем в тканях индивидов из грунтовых могил. Однако соотношение концентраций цинка и стронция оказываются неизменными – 0,43. Таким образом, можно предположить, что структуры питания этих двух групп населения сходны, но «курганное» население имеет несколько более южное происхождение. Также важно отметить то, что в группе «курганного» населения определена более высокая индивидуальная изменчивость концентраций цинка, чем в группе из грунтовых погребений. Это может быть интерпретировано как большее разнообразие индивидуальных рационов питания в группе «курганного» населения.

Внутригрупповая изменчивость концентраций стронция – маркера растительной пищи – стабильна в этих двух описываемых группах. Обращает на себя внимание высокая внутригрупповая изменчивость концентрации меди в группе из курганных погребений. Как общее повышение среднего значения концентрации меди, так и повышение изменчивости связано с появлением в группе небольшого числа индивидов, с резко повышенными концентрациями меди. Возможно, это индивиды, связанные с обработкой металла.

Среди индивидов из грунтовых могил таких «всплесков» концентрации меди не обнаружено. Всего один индивид с экстремально высокой концентрацией меди обнаружен в группе «грунтовые могилы эпохи развитой бронзы». Эта группа показывает относительно высокую индивидуальную изменчивость концентраций всех трех определенных элементов, что позволяет предполагать более разнородный характер этого населения, как в отношении пищевых традиций, так и условий обитания. Группа индивидов позднекротовского времени, в основном, походит на выборку «курганные погребения». Основное отличие группы – отсутствие индивидов с экстремально высокой концентрацией меди.

Полученные данные расширили представления об экологии населения Северной Барабы эпох энеолита и бронзы и позволили проследить динамику хозяйственной деятельности древнего населения в эпоху перехода от присваивающего к производящему хозяйству. Результаты комплексного анализа скелетных материалов на примере многослойного археологического комплекса Сопка-2 подтверждают высокую информативность палеоантропологического источника для реконструкций в области исторической экологии человека.

Список литературы

Добровольская М.В. Человек и его пища. – М.: Научный Мир, 2005. – 367 с.

Историческая экология человека: Методика биологических исследований / А.П. Бужилова, М.В. Козловская и М.Б. Медникова, Г.В. Лебединская. – М.: Старый сад, 1998. – 260 с.

Медникова М.Б. 1998. Остеометрическая методика в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. Изд-во Старый Сад, С. 33-86

О.Б. Беликова

Томский государственный университет, Томск

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А.В. АДРИАНОВА 1915-1916 гг. В УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ

В Урянхайском крае (территория современной Республики Тыва) состоялись последние экспедиционные исследования выдающегося сибиряка – археолога, этнографа, путешественника, общественного деятеля Александра Васильевича Адрианова (26 октября (7 ноября) 1854 г. – 7 марта 1920 г.). 25 июня 1915 г. в шестидесятилетнем возрасте он приезжает в Туву для отбытия административной ссылки, где пробыл до сентября 1916 г. Здесь А.В. Адрианов провёл объёмные археологические исследования, но их материалы ему не суждено было опубликовать. 22 декабря 1919 г. в Томске он арестован большевиками, обвинён в борьбе с советской властью и в марте 1920 г. расстрелян.

Издание материалов последних раскопок А.В. Адрианова в полном виде (дневники и коллекция) до сих пор отсутствует, что не раз отмечалось исследователями. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. полевой дневник без приложения рисунков вещей подготовили в Томском государственном университете (ТГУ) к публикации В.И. Матюшенко и Л.Г. Игольниковы, однако до издания их работа не была доведена. Из археологической коллекции публиковались некоторые вещественные комплексы [Кызласов И.Л., 1983; и др.]. Биография А.В. Адрианова, результаты его научной и общественной работы времени урянхайской ссылки подробно исследованы М.А. Дэвлет [1990; 1996; и др.]. К оригинальным материалам именно раскопок учёного в 1915-1916 гг. обращены мои интересы. Готовится монографическое издание, основная цель которого – их полное представление по археологическим комплексам и интерпретация.

Основные источники о раскопках А.В. Адрианова 1915-1916 гг. в Туве хранятся в ТГУ: Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского (МАЭС), Кабинет антропологии, Научная библиотека.

В декабре 1919 г., накануне ареста трагические предчувствия не оставляли А.В. Адрианова. Это отчётливо понимаешь при чтении его последнего дневника, в котором сохранились записи событий 18-22 декабря 1919 г. [Крюков В.М., 2004, с. 52-60]. Он принимает меры по сохранению своих научных фондов. Ещё в конце 1970-х гг. факт поступления в декабре 1919 г. материалов урянхайской экспедиции А.В. Адрианова 1915-1916 гг. в кабинет географии Томского университета обосновал В.А. Дрёмов [Краинологические, 1979, с. 6].

Их историю отражают документы архива МАЭС (д. 111, 112): 1) заявление А.В. Адрианова от 10 декабря 1919 г. с просьбой принять на хранение на два года в географический кабинет Томского университета личные научные коллекции и материалы; 2) «Опись материалов, относящихся к исследованиям А.В. Адрианова в Урянхайском крае в 1915 и 1916 г. Томск, 10 декабря 1919 г.»; 3) на обороте предыдущего документа – «Краткая опись археологических и этнографических коллекций из Урянхайского края, передаваемых на хранение в Томский университет. Приложение к заявлению А.В. Адрианова. Копия. Томск, 10 декабря 1919 г.»; авторы – А.В. Адрианов, С.И. Руденко, С.А. Теплоухов; 4) заявление дочери А.В. Адрианова – М.А. Адриановой-Колмаковой с просьбой принять материалы в отдел археологии и этнографии; и др.

В итоге, 10 декабря 1919 г. урянхайские материалы 1915-1916 гг. впервые поступили в Томский университет, в кабинет географии, заведующим которого с 1 сентября 1919 г. был С.И. Руденко. А в 1920-х гг. их передали в археолого-этнографический музей (ныне – МАЭС) университета.

Основная археологическая коллекция из раскопок 1915-1916 гг. в Туве хранится в МАЭС под №6041 (есть ещё небольшая колл. № 5976). Экспонаты обоих сезонов, как практиковалось в те времена, были нашиты А.В. Адриановым на 27 картонных планшетов («таблицы» I-XXVII). Определённо, 21 планшет

был сфотографирован, о чём сегодня мне известно по 23-25 фотографиям. Видимо, при изготовлении планшетов была заложена та неудачная нумерация вещей коллекции, которая существует и поныне. Коллекцию переоформили уже после поступления в университет: предметы срезали с планшетов, на них наклеили бумажные этикетки, но бессистемность нумерации осталась.

В момент начала моей работы с коллекцией (август 1999 г.) она находилась в МАЭС в существенно разрозненном и неупорядоченном состоянии. Приоритетной задачей явилось восстановление целостности коллекции и определение принадлежности её отдельных предметов к конкретным комплексам, что в основном и выполнено. Она включает вещи из металла (железо, бронза), а также из кости, рога, камня, керамики, фаянса, бересты и др.

Краниологическая коллекция из трёх черепов хранится в Кабинете антропологии ТГУ: два – из могильника в местности Салдам, третий – на р. Уюк.

Основным письменным источником о результатах раскопок является *полевой дневник* А.В. Адрианова (архив МАЭС, д. 78) из двух шаблонных тетрадей в 194 общих рукописных страницы (в компьютерном наборе – около 4,5 печ. л.). Как вспомогательный источник мною использовались две *машинописные копии оригинала полевого дневника* (архив МАЭС, д. 182, 194), подготовленные В.И. Матюшенко и Л.Г. Игольниковой для печати. Текст оригинала подвергся в них изменениям по содержанию и объёму. Была востребованной «*первая*» *опись колл. №6041* (предметы № 1-349; без рисунков), составленная, вероятно, уже после передачи материалов из кабинета географии в музей. В 1954-1955 гг. появилась «*вторая*» *опись колл. №6041* (предметы № 1-363). Переплетённая вместе с *реестром*, она содержит рисунки вещей, что имеет большое значение в их атрибутировании.

Исследования в Урянхайском крае отражают *эпистолярные документы* А.В. Адрианова 1913-1916 гг. (хранятся в МАЭС и Научной библиотеке ТГУ и других учреждениях). Они подробно исследованы М.А. Дэвлет, в настоящее время готовятся к подробной публикации Н.В. Васенькиным (ТГУ).

Будучи прекрасным фотографом, А.В. Адрианов много внимания в экспедиции 1915-1916 гг. уделял фотосъёмке (на стеклянные пластины). Его *негативы*, как уже отмечала М.А. Дэвлет, «то ли утрачены, то ли ещё не обнаружены» [1996. С 222]. В двух *фотодневниках* А.В. Адрианова (архив МАЭС, д. 79/8, 79/9) перечислены 254 снимка. Но их содержание мне известно лишь примерно для 43 (16,9%) снимков, представленных 48 *фотографиями*. Их наличие, особенно связанных с раскопками (28-29 экз.), значительно облегчило камеральную работу с коллекцией №6041. Большая часть фотографий хранится в фотоархиве ИИМК: об этом источнике мне сообщила его заведующая Г.В. Длужневская, которой я искренне признательна.

Основные результаты. В Урянхайском крае А.В. Адрианов с 28 августа по 23 сентября 1915 г. и с 31 мая по 5 сентября 1916 г. исследовал 8 могильников, в которых раскопал 60 погребальных и иных объектов (обозначены в первоисточниках как «курганы» №1-60), а также 3 других памятника. В 1915 г. раскопаны курганы № 1-22, в 1916 г. – № 23-60. К сожалению, использовалась не только общая (по ходу работ) нумерация курганов разных могильников, но и перемежающаяся для одного могильника. Ниже топонимы, местонахождение памятников и пр. соответствуют оригиналам (дневники, фотографии планшетов с вещами), а также «первой» описи; датировка предварительна.

Памятники, раскопанные А.В. Адриановым в 1916-1916 гг.:

1. Могильник. Расположение: степи в местности Салдам (Салдан) по левой стороне р. Улуг-Хем (другое название реки – Верхний Енисей). Планиграфически в этой группе А.В. Адрианов описал 16 курганов. Раскопано им в 1915 г. 11 объектов – курганы 1, 2, 9-17. Предметы обнаружены в курганах 2, 12, 14, 15, а в колл. №6041 хранятся вещи из курганов 2, 12, 14 (вторая половина I тыс. – начало II тыс. н.э.).

2. Памятник «Чингизханова дорога» по левому берегу р. Улуг-Хем. Раскапывался в 1915 г. фрагментарно: напротив кургана 13 предыдущего могильника – на Салдаме. Артефакты А.В. Адриановым не выявлены.

3. Могильник. Расположение: гребень горы Куржй по левой стороне р. Улуг-Хем, против Салдама. По планиграфическому описанию А.В. Адрианова в группе состояло 16 курганов. Раскопано в 1915 г. 6 объектов – курганы 3-8, а вещи обнаружены лишь в кургане 3: колл. №6041 (вторая половина I тыс. н.э.).

4. Могильник. Расположение: степь по левой стороне р. Элегест (левый приток р. Улуг-Хем), под горой Чиней (Чинге). Раскопано в 1915 г. 3 объекта – курганы 18-20. Но артефакты выявлены только в курганах 18, 20, из которых они и присутствуют ныне в колл. №6041 (средневековье).

5. Древнемонгольское городище вверх по р. Элегест (левый приток р. Улуг-Хем), в 30 верстах от устья. В 1915 г. А.В. Адрианов, его случайно обнаружив, провёл пробные раскопки.

6. Могильник. Расположение: Бай-Булунская степь (средняя часть) по левой стороне р. Улуг-Хем, «7 вёрст ниже р. Элегеса». Раскопано в 1915 г. 2 объекта – курганы 21, 22, предметы из которых хранятся в колл. №6041 (конец I – начало II тыс. н.э.).

7. Могильник. Расположение: «левая сторона Пий-Хема (т.е., Большого Енисея)», терраса. В группе А.В. Адрианов планиграфически описал 40 курганов. Раскопано в 1916 г. 11 объектов – курганы 23-33. Предметы найдены в курганах 23-26, 28-30, из всех которых они и хранятся в колл. №6041 (гунно-сарматское время; средневековье; XVII-XIX вв.).

8. Могильник из двух групп курганов. Расположение одной – «лог Мунгаш-Чирик на левой стороне р. Бегре, вёрст 6 от устья и версты от русла речки к горам»; в ней А.В. Адрианов выявил по плану не менее 15 курганов. Другая – «группа курганов около версты ниже предыдущей», в ней 11 курганов. Раскопано в 1916 г. в обеих группах 7 объектов – курганы 34-40. Предметы обнаружены в курганах 34-37, 39-40, но ныне в колл. №6041 в наличии – вещи из курганов 34, 35, 39, 40 (средневековье).

9. Могильник. Расположение: р. Уюк (правый приток р. Пий-Хем). Раскопано в 1916 г. 13 объектов – курганы 41-53, 55-60. Предметы обнаружены в курганах 41-43, 46, 47, 49-52, 56-58. А в колл. №6041 хранятся вещи из курганов 41, 42, 46, 47, 50-52, 56, 58 (VI-V вв. до н.э.; вторая половина I – начало II тыс. н.э.; XVIII-XIX вв.).

10. Могильник. Расположение: урочище Коктоп – степь между р. Уюк и курганом Аржан. (Аржан находится «по левой стороне Уюка на степи близ сухого русла Ченгазаша на Коктопе»). Раскопан в 1916 г. курган 54 (вещи в колл. №6041). Возможно, он представляет одно целое с предыдущим могильником.

11. «Загадочное сооружение» в степи по левой стороны р. Уюка, саженной двести от его берега – «прямоугольник, ограждённый со всех сторон выступающими кое-где на дневную поверхность краями плит». В 1916 г. А.В. Адрианов заложил на объекте «пробную канаву». Сведений о взятии им в коллекцию материала нет.

Полное введение в научный оборот материалов археологических раскопок А.В. Адрианова 1915-1916 гг. в Урянхайском крае поможет выявить и представить весь объём его богатейшего творческого и научного наследия, понять его глубже как археолога и полевого изыскателя, соприкоснуться со временами последних лет жизни честного и мужественного человека.

Список литературы

Дэвлет М.А. А.В. Адрианов и изучение петроглифов Тувы и Западных Саян // История археологических исследований Сибири: Межведомственный тематический сборник научных трудов. - Омск: Издание Омского гос. ун-та, 1990. - С. 41-64.

Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII – начало XX вв.). - М., 1996. - 249 с.

Краниологические коллекции Кабинета антропологии Томского университета. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. - 119 с.

Крюков В.М. Александр Адрианов: Последние годы. - Томск: Изд-во научно-технической литературы, 2004. - 80 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. - М.: Наука, 1978. - 128 с. (Археология СССР: Свод археологических источников. Вып. ЕЗ-18).

С.В. Берлина

г. Тюмень

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТЕРМИНА «АРХИТЕКТУРА» К АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Из всех видов искусства архитектура, пожалуй, наиболее разносторонне и очевидно связана с обществом. Без всякого преувеличения можно сказать, что трудно найти такой вид социальной деятельности или такую особенность культуры определенного общества, которые в той или иной степени не нашли бы воплощения в создаваемой этим обществом архитектуре [Сунягин, 1973].

Эта роль архитектуры - способность концентрировать в себе как в фокусе особенности определенного общества - хорошо может быть проиллюстрирована тем, какое место занимает архитектура в истории культуры вообще. Архитектура выступает здесь в качестве стилеобразующего начала, выражающего в предметно-чувственной форме самые общие черты эпохи в целом. Достаточно назвать такие широко применяемые термины, как «эпоха готики» или «эпоха барокко» [Сунягин, 1973].

Однако возникает вопрос – на каком этапе антропогенеза возникло такое явление, как архитектура, когда можно говорить об архитектурных памятниках, объектах – где грань между природным объектом – пещерой, в которой жил первобытный человек; и жилищем – искусственно организованной среде. По каким критериям отличать архитектурные памятники от не архитектурных. Имеется ли та грань в техническом исполнении объекта, после которой его можно относить к архитектурному? То есть будет ли являться пещера, шалаш, навес архитектурными объектами. Ведь в основном архитектурными объектами считают какие-либо монументальные сооружения (храмы, пирамиды, здания), поражающие воображение своим исполнением, и редко какие исследователи изучают архитектуру рядового населения различных эпох - чаще ее описывают этнографы. Кроме аспекта монументальности имеется еще вопрос и в мобильности: а будет ли являться объектом архитектуры повозка кочевника, юрта, или современные трейлеры, в которых люди также живут годами.

Уже со времен древнего мира в термин архитектура включались несколько аспектов: уже у Витрувия можно найти упоминание, что в архитектуре выступают в единстве «прочность, польза и красота». [Книга об..., 1973], однако и им под архитектурными объектами понимались, прежде всего, монументальные здания и строения.

Позже, в средневековье, большой вклад в изучение теории архитектуры внес Альберти, который уделял внимание в своем труде «Десять книг о зодчестве» социальной значимости архитектуры, архитектуре как искусству, как своеобразному языку, архитектурной организации и т.д. [Зубов, 2001].

В целом историю архитектуры (которая описана в ряде учебников, энциклопедиях, сборниках трудов и т.д.) начинают с появления первых монументальных памятников – камней-менгиров, сырцовый архитектуры Средней Азии и т.д., и продолжают описанием архитектуры Египта, Греции, и т.д., до наших дней, уделяя основное внимание выдающимся памятникам, массовым явлениям в оформлении и т.д.

Но некоторые аспекты истории архитектуры остаются неизвестными, в частности, касающиеся дописьменных времен. Конечно, многими авторами производилось описание построек, планировки поселений, определение функций различных строений, поселений – однако все это рассматривается, в основном, с точки зрения реконструкции части материальной культуры древнего населения, процессов культурогенеза и т.д., а не с точки зрения изучения памятников как архитектурных объектов.

В археологии термин «архитектура» начинают употреблять применительно к сырцовой архитектуре эпохи неолита [Монгайт, 1973], хотя в это время на других территориях были не менее сложные постройки – срубные, свайные и т.д., которые воспринимались, вероятно, лишь как часть материальной культуры; а ведь

преобразовывать природное пространство человек начал с эпохи палеолита – уже тогда люди приспособивали пещеры как убежище от неблагоприятных природных условий, и строили жилища, о конструкции которых имеются некоторые данные [Монгайт, 1973].

В дальнейшем в археологии наметилось несколько подходов к описанию и изучению архитектуры древних обществ, хотя в ряде работ этот термин не употребляется: это описание пространственного расположения поселений, жилищ в них, реконструкция внешнего вида построек, установления их функционального назначения, экспериментальное строительство с целью уточнить какие-либо нюансы в строении, функционировании, технологии строительства, определении количества трудозатрат и т.д. [Афанасьев, 1987; Матвеева, 2000; Зданович, 1997; Массон, 1976; Молодин, Глушков, 1989; Зданович, 1997, и мн. др.]. Изучаются отдельные отрасли в архитектуре, например, деревообработка [Мыльников, 1994, 2003]. В последнее время больше используют собственно архитектурные методы для выяснения параметров отдельных элементов построек (несущих конструкций жилищ, оборонительных сооружений) для более точного выяснения внешнего вида построек, их устойчивости, размеров и т. д. [Молодин, Глушков, 1989; Овчаренко, 2003; Тарасов, 2002Ф; Берлина, 2004; Массон, 1976; Матвеева, 2003; Чикунова, 2003, Глушков, 1992; Малинова, Малина, 1988]. Имеются примеры моделирования древних построек [Грязнов, 1965; Семенов, Коробкова, 1983; Глушков, 1992].

Таким образом, многие исследователи пытались реконструировать основные характеристики организации жилого пространства и особенности его использования, при этом в большинстве работ не употребляется термин «архитектура», так как под ним многие привыкли подразумевать что-то монументальное, значимое и т.д., и можно задаться вопросом – будет ли рядовая постройка населения древних и традиционных культур считаться архитектурным сооружением, какими качествами она должна обладать.

Итак, мы снова возвращаемся к вопросу – что же считать архитектурным объектом применительно к археологическим памятникам? Многие исследователи видят выход в изучении функций архитектуры, которые позволили бы провести черту между природными и архитектурными объектами.

Через непрерывное функционирование отдельных мелких подструктур, элементов поддерживается непрерывное существование структуры [Рэдклифф-Браун, 2001]. Функция - это роль, которую данная часть играет в жизни структуры в целом. Рассмотрим понятие функции в природе и в архитектуре.

Функция в живой природе – это система биологических процессов, обеспечивающая жизнедеятельность организма (рост, питание, размножение) [Лебедев и др., 1971]. И для каждого органа имеется своя функция: то есть функция желудка – подготовить в приемлемом виде еду для усвоения. Биологический организм в течении жизни не меняет структурного типа [Рэдклифф-Браун, 2001] – то есть свинья в слона не превращается. А архитектура способна поменять свой структурный тип без нарушения непрерывности существования (то есть меняется строение зданий, а функции остаются прежними, или же в течении жизни здания может поменяться его функция, например, в здании купеческого дома – музей, библиотека, и т.д.).

Функция в архитектуре – способность к созданию условий не только биологического существования человека, но и для его общественной деятельности. Следовательно, здесь функция включает в себя и материальную, и духовную сторону архитектуры.

Еще одно отличие функции в природе - функция и форма (строение) максимально сближены – а в архитектуре функция предметов и объектов может меняться или их может быть несколько (функция жилища – непосредственная для проживания в нем, однако зачастую его приспособливают и для торговли, как домашнюю гостиницу, и т.д.).

Таким образом, у нас наметились основные отличия функции в природе и функции в архитектуре. Во-первых – это смена функции объекта при константе его формы (комната, здание может использоваться как жилое помещение, как рабочее место, как место отправления религиозных или бытовых мероприятий), то есть функцию объекта определяет общество. Во-вторых, при неизменности функции может меняться форма – внешний вид жилищ немало изменился с эпохи первобытности, однако остается неизменной его основная функция. И в заключение - может меняться структура общества при неизменности функции и формы основных объектов в архитектуре. При этом если в природе и обществе функция направлена на поддержание своей системы, то основная функция архитектуры – обеспечить функционирование другой системы – общества - в некоей среде – то есть формирование пространства для обеспечения жизнедеятельности человеческого сообщества.

Так что же мы будем считать архитектурой? Предварительно мы можем сказать, что архитектурным будет являться такой объект, на который было направлено специальное действие человеческого общества (зодчество, строительство) с целью обеспечить себе пространственную среду для успешного функционирования, деятельности и осуществления основных биологических и общественных потребностей, и функция которого будет определена самим обществом.

Традиционно воспринимаемые нами архитектурные объекты – это здания. Почему-то мы не воспринимаем как архитектурный объект повозку кочевников или юрту народов севера. А исходя из определения архитектуры – они вполне удовлетворяют ему – это целенаправленно организованная среда для проживания, в строении которой отображены космогонические представления, общественные традиции и т.д. История знает много кочевых племен и даже империй – в них многие люди рождались, жили и умирали в кибитке или юрте, которая также могла быть собрана и перенесена на другое место в течение дня – они были основным элементом в организации жилого пространства того народа и времени.

Таким образом, мы можем считать, что памятники археологии, будь это стоянка, временное поселение или городище – будут являться еще и памятниками архитектуры, и к изучению их нужно предпринимать соответствующий подход, в таком случае появится возможность не только выявить какие-либо особенности его строения, конструкции и функционального использования, но и много других аспектов жизни древних людей: вопросы строительной техники, форм адаптации к природным и социальным условиям, формы трансформации различных традиций и т.д.

Список литературы

- Афанасьев Г.Е.** Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII - X вв. М., 1987.
- Берлина С. В., Филисюк В. Г.** К проблеме реконструкции кровли древних полужемлячных жилищ (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004 г. Вып. 5.
- Глушков И. Г.** Реконструкция и моделирование неолитического жилища (по материалам поселения Чилимка-5) // Экспериментальная археология: извест. лаб. эксперим. археологии Тобольского пединститута. Тобольск, 1992.
- Зданович Д.Г.** Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997. 93 с.
- Грязнов М. П.** О кельтеминарском доме // Новое в археологии. МИА. 1965. № 130.
- Зубов В.П.** Архитектурная теория Альберти. СПб.: Алетейя, 2001. 464 с.
- Книга об архитектуре.** М., 1973.
- Лебедев Ю.С., Вознесенский С.Б., Гоциридзе О.А.** От биологических структур к архитектуре. (Бионика и архитектура). М., «Знание», 1971.
- Массон В.М.** Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. 192 с.
- Малинова Р., Малина Я.** Прыжок в прошлое: эксперимент раскрывает тайны древних эпох. М.: Мысль, 1988. 271 с.
- Матвеева Н. П., Коновалов А. А., Берлина С. В.** Фортификации раннего железного века: палеоэкономический аспект // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Изд-во ИПОС СО РАН, вып. 4. Тюмень, 2003.
- Монгайт А.Л.** Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры населения раннего железного века западносибирской лесостепи. Новосибирск, 2000.
- Мыльников В.П.** Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 232 с.
- Мыльников В.П.** Деревообработка в эпоху палеометтала (Северная Азия). Автореф. на соискание ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2003.
- Молодин В. И., Глушков И. Г.** Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989.
- Овчаренко А. П.** К вопросу о применении метода архитектурного проектирования при реконструкции древних жилищ // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003. С. 67-69.
- Рэдклифф-Браун А.Р.** Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.** Технология древнейших производств. Л., 1983.
- Сунягин Г.Ф.** Архитектура и общество. Л. «Знание», 1973.
- Тарасов В. Д.** Оборонительная стена укрепленного поселения Устье-1 эпохи бронзы (к проблеме абсолютных параметров) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего востока. Омск, 2002. С. 274-275.
- Чикунова И. Ю., Берлина С. В.** Особенности домостроительства саргатских племен (по материалам Рафайловского комплекса) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Изд-во ИПОС СО РАН, вып. 4. Тюмень, 2003.

Ю.М. Васильев*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток*

ДВУХАКТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

В мировой археологической практике самые известные и распространенные способы захоронения – трупоположения и кремации. Известен также обряд вторичного или повторного погребения, при котором разрозненные кости умерших вдали от родины доставляли на родовое кладбище и хоронили кучками (в мешках). Некоторые исследователи этот обряд называют комбинированным, погребениями расчлененных, некомплектных костяков; погребениями особых форм, в том числе погребениями, где кости уложены в анатомическом порядке. Но во многих археологических культурах существуют погребения *преднамеренно разрытые в древности*, т.е. эксгумированные. Причем раскопаны они были в течение ближайших 3-10 лет со дня похорон. Специфическая черта таких погребений: кости нижних конечностей обычно сохраняют положение *in situ*, в то время как все остальные переворочены или отсутствуют. К тому же оставшиеся кости нередко изломаны и подвержены значительному разложению и фоссилизации, что объясняется переменным действием аэробных и анаэробных микроорганизмов.

Сомнений в том, что погребения потревожены, в большинстве случаев не возникает, но какова причина этого? Вот одно из мнений на этот счет: «... надо учесть и то, что не всегда потревоженные в той или иной степени погребения поддаются четкому диагностированию: преднамеренное ограбление? Случайное разрушение или рытье новой могилы? Или следствие проникновения в них грызунов?» [Медведев, 1991]. Нет, случайными такие разрушения не назовешь: их слишком много. И причины здесь не в ограблениях, не в раскапывании могил врагами, не в разрушении мигрантами и не в обезвреживании вредоносного действия умерших. И тем более не причем грызуны (сколько же их должно быть?!)

В таких погребениях просматривается определенная тенденция. Их характерной чертой являются западины над ними, «рваные» контуры грунтовых могил в верхней части (коллективные поиски их) и ямы-западины на вершинах курганов. Очень характерной чертой в грунтовых могильниках покровской культуры Приамурья являются сторевшие гробы, т.е. следы «огневого обезвреживания».

Погребальный обряд базируется на определенных религиозных представлениях о жизни, смерти и потустороннем мире. Это древнейшая форма религиозных представлений, поскольку смерть венчала жизнь каждого человека, независимо от его желаний. Древний человек, не лишенный разума и наблюдательности, отмечал, что со смертью прекращались два основных проявления жизни — *дыхание* и *сердцебиение*. Недолго оставалось без изменений и тело умершего: биологические процессы разложения действовали безотказно в любых условиях, превращая его в скелет. «...На биосферном уровне происходят процессы упрощения, которые ведут к замене высших животных микроорганизмами (гниение трупов): превращение живого вещества в косное; распад косного вещества на молекулы, молекул на атомы, внутриатомных реальных частиц — на виртуальные и перенос фотонов в «бездну», т.е. в вакуум» [Гумилев, 2003].

Одним из немаловажных факторов погребального обряда является представление о внешнем виде души умершего родственника. И, естественно, возникал вопрос: что же происходит с этой незримой субстанцией человека, его душой после смерти? В каком виде она существует и каков ее дальнейший путь? Например, у селькупов местонахождение души «кор» в человеческом теле не совсем ясно. Селькупы считали, что человек может потерять душу «кор» еще при жизни... По их поверьям, после смерти человека душа «кага» уходит вместе с телом в могилу. Лишь в исключительных случаях она задерживается на поверхности земли. По их представлениям, «с одной стороны, душа связывается «с внешним обликом, одеждой человека, с другой, душа «кор» может сохраняться у человека и после его смерти – в «голом» человеческом скелете [Пелих, 1980].

«Коп-кор» — «человеческий скелет, идол в кольчуге, как говорят селькупы. Так, самоедский шаман, попав в подземный мир, видит живущих там мертвецов — «людей голых с одними обнаженными костями. Зубы у них оскалены» [Пелих, 1980].

Можно отметить две тенденции обращения с трупом.

1. Останки ни в коем случае не должны быть нарушены. Так, у китайцев важно было сохранение костяков целыми, где превалирует очень бережное отношение к костям. «Глубоко убежденный в том, что между душой и останками усопшего существует тесная связь, верующий страшился не самой смерти — к этому он был морально подготовлен верой в загробную жизнь, — а боялся появиться в «мире теней» обезглавленным или изувеченным: без рук, без ног. Суеверный человек верил в потустороннюю жизнь, и эта вера помогала ему переносить любые страдания. Ужаснее всех земных мук считал он для себя появление на том свете без головы, ибо душа человека, обезглавленного при жизни, была обречена навеки бродить в загробном мире без пристанища. Такая душа лишалась всякого утешения, не будучи в состоянии ни выразить мысль, ни услышать голос других душ» [Сидихменов, 2000]. «...Хоронить покойника без головы считалось неслыханным делом: как он, обезглавленный, предстанет перед предками в «мире теней»? Мужчина мог бы, например, в загробном мире жениться, но какая женщина выйдет замуж за человека без головы или за калеку?» [Сидихменов, 2000]. Следовательно, тело крайне необходимо душе в ее загробных странствиях и поэтому верующие заботились о том, чтобы останки усопших предков бережно сохранялись. Видимо, этим обусловлены «яшмовые одежды» [Крюков, 1983] и «сетчатые костюмы» для знатных людей [Tomb., 1993].

2. Скелет через определенное время намеренно разрушали. Естественно, ни о каком возрождении или реинкарнации в этом случае не могло быть и речи.

Например, в покровской культуре скелетирование трупа было обязательным условием погребального обряда, но оно проходило после совершения положенных традиций захоронения в относительно стабильных условиях могилы и гроба. Покойника снаряжали на «тот свет» согласно обычаям и в соответствии с достатком, во всем следуя негативным представлениям о загробном мире. Поскольку умершему предстояло добраться до «того света» за определенный срок, то вещи должны были сохранять свое функциональное назначение, поэтому порча инвентаря носила превентивный, щадящий характер. Так у сосудов только отбивали край венчика. Финальным этапом была засыпка могилы или возведение насыпи кургана.

По прошествии определенного срока, обусловленного разложением мягких тканей, все отношения живых с мертвыми завершались эксгумацией, обрядом обезвреживания. Основной целью разрушителей был череп, поскольку именно в нем, по поверьям древних, жила душа человека. Недаром враги стремились уничтожить череп, а родственники сохранить. И хотя все черепа в принципе выглядят одинаково, все же требовалось уничтожать лицевую часть, чтобы ликвидировать индивидуальные черты. Черепу все равно: есть у него лицо или нет — на «том свете» можно его и не иметь. Образное выражение «потерять лицо» имело под собой реальное действие. Это значит, что умереть физически было мало, надо было еще и лишиться физического облика. При этом нередко затылочную кость оставляли на месте. Большой процент разрушений приходился и на левую часть груди. Видимо, это было неслучайно, поскольку именно здесь билось сердце, которое тоже, видимо, связывалось с местонахождением души, которую надо было высвободить. Могли разрушать не только верхнюю часть туловища, но и весь костяк. В ряде погребений кости отсутствуют совсем. Значит, существует и еще одно действие, при котором скелет или, скорее, не полностью разложившийся труп вообще выбрасывали из могилы. Свидетельством этого являются «пустые» могилы на некрополях, которые принимаются за кенотафы или детские погребения.

При эксгумациях окончательно ломали все вещи, переворачивали вверх дном горшки, вставляли один в другой и проч. Но есть случаи, когда в погребения добавляли какой-то инвентарь: керамику, пояса и проч. Значит, появляется новый аспект, который позволяет предположить, что, скорее всего, это не только обряд обезвреживания, но и подведение черты под линией земной жизни умершего.

Вскрыв погребение, уничтожив череп и нарушив целостность скелета, нередко закрывали получившийся шурф (воронку-западину) в раскопанной могиле днищем сосуда, берестой, древесиной (комлевой частью дерева, горбылями) или камнями и засыпали землей. Дополнительно сооружали преграды из углей сгоревших костров и гробов, заполняли могилу глиной, галькой и камнями. Бывало и так, что некоторые погребения после эксгумации оставляли открытыми. Тогда она постепенно заплывала грунтом и засыпалась пылью и лесным опадом. Над отдельными могилами, случалось, совершали жертвоприношения: разбивали или оставляли целыми один или несколько сосудов, клали зубы лошади и т.п.

Возникает естественный вопрос: почему же эксгумировали все могилы и «обезвреживали» всех умерших? Чем объяснить варварство в уничтожении лицевой части черепов, костей верхнего пояса и выбрасывание скелетов?

Исходя из всего сказанного, такой погребальный обряд можно было бы назвать *двухактным*. Первый акт — ингумация, *проведение похорон* в полном объеме традиций, чтобы получить в могиле скелетированный труп, т.е. голые кости. Видимо, перед окончательным уходом на «тот свет» умерший должен был «дозреть», т.е. какую-то часть времени, определенную сроком разложения внешней оболочки, «прожить» в могиле. Второй акт — эксгумация, образно говоря, *разбрасывание костей*. Сюда входило и уничтожение черепа или его лицевой части, выбрасывание либо всего скелета, либо только костей верхних конечностей. Конечно, это предположение может показаться парадоксальным: первоначально создать порядок, а потом сознательно разрушить его. Вероятно, с разрушением черепа и скелета окончательно обрывалась и жизнь умершего на «этом свете», освобожденная безликая душа отправлялась на «тот свет». Но в погребальном обряде многое иррационально и, прежде всего, вера в загробную жизнь.

Список литературы

- Васильев Ю.М.** Деструкция органических веществ при двухактных погребениях.//Вестник ДВО РАН, 2005, № 2, с.31-42.
- Гумилев Л.Н.** Этносфера. История людей и история природы. Спб-М., «Кристалл», 2003.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.** Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., Наука, 1983.
- Медведев В.Е.** Корсаковский могильник: хронология и материалы. Новосибирск, Наука, 1991.
- Пелих Г.И.** Материалы по селькупскому шаманству. Фетиши селькупских шаманов.//Этнография Северной Азии. Наука, Новосибирск, 1980. с. 31.
- Сидихменов В.Я.** Китай: страницы прошлого. Смоленск, «Русич», 2000.
- Tomb of the princess of state Chen (with an English abstract)** by Inner Mongolian Institute of Cultural Relics and Archaeology and Zhelimu League Museum. Beijing. 1993.

С.А. Васютин*Кемеровский государственный университет, Кемерово*

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Современное состояние «социальной археологии» позволяет разрабатывать комплексные методики изучения социальной организации древних обществ [Генинг, 1989; Бобров, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003 и др.]. Одним из ведущих направлений «социальной археологии» является изучение на основе археологических материалов общественной структуры кочевников. В рамках данных палеосоциологических исследований получены существенные результаты. Однако при этом приходится констатировать, что степень изученности социальной организации ранних и поздних (средневековых) кочевников по данным археологии и апробации различных методов палеосоциологического анализа не одинаковы. Так, археологические памятники скифской эпохи были неоднократно типологизированы по «социодиагностирующим» признакам еще в 1970-е – 1980-е гг. [Грач, 1975; Мозолевский, 1979; Суразаков, 1983; Бунятян, 1985 и др.]. Эти традиции были продолжены в современных исследованиях. [Марсадолов, 2000; Тишкин, Дашковский, 2003; Социальная структура..., 2005 и др.]. При всей условности подобных классификаций они давали исследователям исходный материал для реконструкции половозрастной структуры, общественной дифференциации, позволяли оценивать степень сложности социальной системы в целом.

К сожалению, аналогичные разработки общественной структуры кочевников древнетюркской эпохи (VI–X вв.) не так многочисленны [Длужневская, 1976; Худяков, 1980, 1989, 1994, 2003; Азбелев, 1990; Добжанский, 1990; Флеров, 1993 и др.]. В определенной степени это объясняется спецификой погребений раннесредневековых кочевников и их недостаточной изученностью. Во-первых, погребальные памятники древнетюркского времени в сравнении с памятниками скифской эпохи гораздо слабее дифференцированы по размеру насыпей, внутримогильных сооружений, сопровождающему инвентарю и т. д. Во-вторых, стандартность погребального обряда не всегда позволяет проследить зависимость между богатством / бедностью сопроводительного инвентаря, наличием сопроводительных конских захоронений и размерами надмогильных и сложностью внутримогильных сооружений. В-третьих, малочисленны факты монографического изучения могильников древнетюркской эпохи. В-четвертых, не изучены захоронения каганов и других представителей элиты кочевых объединений VI–X вв., а исследование таких памятников позволяет существенно продвинуться в реконструкции социальной организации. В-пятых, практически не проводилось изучение социальной структуры раннесредневековых кочевников по данным погребений в Монголии, которая была эпицентром раннесредневековых кочевых политий. В итоге мы не располагаем реконструкцией общественной системы кочевников на образцовых материалах Монголии важных для сравнительного анализа. К тому же социальные отношения на периферии каганатов могли в определенной степени «копировать» ту модель социальной структуры, которая сложилась в Монголии.

Преодоление указанных трудностей, связанных с изучением социальной структуры кочевников VI–X вв. по данным археологии возможно при использовании комплексных методик. Опыт такого исследования был предпринят А.В. Кондрашовым на материалах сроскинской культуры [Кондрашов, 2004]. Однако данная работа показывает необходимость дальнейшей разработки программы комплексного исследования социальной структуры по археологическим данным. Во многом именно методические недостатки снизили значимость исследования А.В. Кондрашова. Отметим лишь наиболее показательные факты. В ходе анализа материалов сроскинской культуры (486 погребений) А.В. Кондрашов выделил 7 (!) детских, 5 женских и 27 (!!!) мужских социальных групп, при этом массив данных, включающий погребения со второй половины VIII по XII вв., анализируется в рамках одной генеральной совокупности, хронологические группы не

выделяются. Сомнение вызывает как само понятие «социальная группа» (автор называет «социальными» и имущественные, и профессиональные группы), так и критерии их выделения («два предмета вооружения и четыре из снаряжения верхового коня» одна «социальная группа»; «два предмета вооружения и три из снаряжения верхового коня» – другая «социальная группа» и т. д.). При такой дробности некоторые «социальные группы» включали от двух до пяти человек. Искусственно, на наш взгляд, были разделены властные, профессиональные и имущественные группы, в то время как в реальной практике традиционных кочевых групп эти социальные роли чаще всего выполняли одни и те же лица.

Конечно подобные «механические» технологии палеосоциологического анализа дают определенный материал для размышлений и могут использоваться исследователями. Однако представляется более оправданной другая поэтапная методика палеосоциологического анализа. На первом этапе осуществляется исследование половозрастной и социальной структуры на материалах конкретных могильников, а также анализ отдельных погребений за исключением ограбленных памятников. На основе этих сведений и их сопоставления на втором этапе вырабатываются критерии для определенных «социальных групп» (моделей). Эти критерии должны учитывать состав инвентаря (в т. ч. наличие социально значимых вещей – оружие, наборные пояса, украшения и др.) и сопровождающих конских захоронений, сложность внутримогильных сооружений, положение захоронения и/или на площади кургана и могильника (центральное или периферийное), т. е. все группы артефактов между которыми прослежена взаимосвязь на первом этапе. Параллельно возможно осуществить процедуру, благодаря которой в базу данных будут включены и ограбленные погребения (или их часть). На третьем этапе выявляются основные «социальные модели» для взрослого населения с учетом возрастных групп (массив данных должен быть распределен по хронологическим периодам) и разрабатывается «генеральная типология». На четвертом этапе проводится сравнение «генеральной типологии» с материалами отдельных могильников с целью выявления особенностей этих локальных социумов в общей социальной структуре. Последующие этапы предполагают выборочную проверку отдельных социальных моделей, дополнение в генеральную типологию детских погребений и ряд других процедур. Данная «исследовательская стратегия» была отчасти реализована при анализе погребальных памятников Забайкалья хуннского времени [Крадин, Данилов, Коновалов, 2004].

Таким образом, комплексный анализ социальной организации кочевников древнетюркской эпохи по данным погребений даст наибольший эффект при разработке и апробации корректной процедуры исследований. Данные такого анализа могут быть дополнены поиском отражений различных социальных стереотипов в поминальных комплексах, изобразительных материалах, каменных изваяниях и других археологических объектах. Это в свою очередь станет основой более широкого комплексного знания о кочевых обществах средневековья, позволит по-новому проинтерпретировать данные письменных, эпических и других источников.

Список литературы:

Азбелев П.П. Опыт археологической реконструкции социальной структуры населения кыргызского каганата (VII–X вв.) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1990. – С. 74–76.

Бобров В.В. Современное состояние развития социального направления в археологии Сибири // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2003. – С. 3–6.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э.). – Киев: Наукова думка, 1985. – 228 с.

Генинг В.Ф. Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования). – Киев: Наукова думка, 1989. – 296 с.

Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 158–182.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. – 164 с.

Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1976. – Вып.21. – С. 193–200.

Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации населения сроскинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII – XII вв. н. э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Барнаул, 2004. – 25 с.

Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2004. – 106 с.

Марсадалов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... доктора культурологии. – СПб., 2000. – 56 с.

Мозолевский Б.Н. Товста могила. – Киев: Наукова думка, 1979. – 248 с.

Социальная структура кочевников Евразии: монография / Васютин А.С., Васютин С.А., Гаврилюк Н.А., Данилов С.В., Дашковский П.К., Коновалов П.Б., Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Матвеева Н.П., Матренин С.С., Савинов Д.Г., Тихонов С.С., Тишкин А.А., Харинский А.В. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2005 – 312 с.

Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 72-87.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. – 430 с.

Флеров В.С. О социальном строе в Хазарском каганате (на материалах Маяцкого могильника) // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев). – М.: Наука, 1993. – С. 119-133.

Худяков Ю.С. Типология погребений VI–XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 193-205.

Худяков Ю.С. Половозрастная дифференциация погребальной обрядности кок-тюрок Среднего Енисея // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. – Вып. I. – С. 25-26.

Худяков Ю.С. Тюрки и уйгуры в Минусинской котловине // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I - II тысячелетие н.э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 85-95.

Худяков Ю.С. Динамика соотношения кыргызов и кыштымов на Енисее в эпоху средневековья // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и средневековье). – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2003. – С. 113-116.

В.А. Волков*Саратовский государственный университет*

РОЛЬ САРАТОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ В ОХРАНЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Начальный этап общественного движения по охране памятников археологии в России следует относить к середине XIX века. Именно в этот период начинает формироваться охранное законодательство. Возникают столичные историко-археологические общества, взявшие на себя некоторые функции по сохранению историко-культурного наследия и осуществлявшие свою деятельность вплоть до советского времени. В последней четверти века на базе кружков любителей-краеведов начинают образовываться провинциальные научные (историко-археологические) общества, одним из видов деятельности которых был контроль за состоянием известных в то время памятников древности.

В середине XIX века обязанности по наблюдению за историко-культурными ценностями были законодательно возложены на МВД. А в 1859 году было принято положение о создании Императорской археологической комиссии (ИАК). Были определены и задачи охраны памятников археологии, стоявшие перед этим государственным органом. Губернские структурные подразделения ИАК так и не были образованы. Их роль взяли на себя провинциальные историко-археологические общества – Губернские ученые архивные комиссии и различные негосударственные объединения любителей «старины».

Роль Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) в охране памятников истории, культуры и археологии Нижнего Поволжья до сих пор мало известна, представляется весьма важным обратиться к исследованию этого вопроса.

Практически с первых дней своей деятельности Комиссия обратила пристальное внимание на погибавшее Увекское городище. В 1890 г. Общество официально поставило вопрос о необходимости охраны этого памятника, подвергавшегося многовековому расхищению местным населением и заезжими кладоискателями. Изучив доступные письменные и вещественные источники, отражавшие историю Увека, Комиссия готовилась к масштабному изучению памятника. С этой целью СУАК ходатайствовала перед Императорской комиссией о разрешении на раскопки городища. ИАК выделила средства, и саратовские краеведы под руководством Л. Л. Голицына и С. С. Краснодаровского произвели раскопки. В ходе работ были обнаружены остатки четырех кирпичных зданий золотоордынского времени [Краснодубровский, 1904]. Фактически это событие открыло новое направление в краеведческой деятельности СУАК, которая решительно была настроена продолжать подобные работы на Уеке. После проведенных разведочных работ члены Комиссии ожидали приезда археологов-профессионалов для продолжения и расширения охранно-исследовательских мероприятий, но этот вопрос так и не был решен столичными научными обществами.

К нему вновь вернулись уже в январе 1893 г., когда на общем собрании Комиссии были заслушаны доклады ее членов об имевшихся свидетельствах варварского «расхищения археологических ценностей... при проведении земляных работ» на месте сооружения Рязано-Уральской железной дороги (РУЖД). По личному решению саратовского губернатора Б. Б. Мещерского правительству дел Комиссии А. О. Лебедеву был выдан «билет» на право наблюдения за работами на Уеке. Императорская комиссия передала аналогичные полномочия другому члену СУАК Ф. В. Духовникову [Протокол экстренного заседания общего собрания СУАК 18 ноября 1893 года..., 1894], который вел эти работы вплоть до 1897 года.

Одним из направлений археологической деятельности СУАК, связанных с охраной памятников археологии, была популяризация знаний по древней истории края. «Архивщики» помещали статьи о своих открытиях в местных газетах, устраивали показательные раскопки, проводили лекции, как в аудиториях общественных организаций, так и непосредственно на месте работ, привлекали к раскопкам молодежь и всех интересующихся из числа местных жителей, доступно объясняя им задачи археологической науки.

К наблюдениям за продолжавшимся на Увекестроительством Комиссия смогла вернуться лишь в 1908 году. С этого времени здесь постоянно работали С. А. Щеглов, А. А. Кротков, П. Н. Шишкин. Они скупали у местного населения предметы древности, как за свои деньги, так и на средства Комиссии, фиксировали места нахождения ордынских построек, расчищали случайно обнаруженные строителями погребения.

Накопив существенный опыт в охранных мероприятиях, с целью более эффективного осуществления этой задачи, в рамках СУАК планировалось образовать в 1912 г. дочернюю комиссию по охране памятников. В соответствии с той же задачей «суаковцы» проводили археологическое картографирование. Составление археологической карты Саратовской губернии Комиссия начала еще в 1888 г. А. А. Кротков завершил работу в 1911 г., но и впоследствии карта постоянно пополнялась новыми материалами [Волков, 2005]. Учет и систематизация археологических объектов позволяли более эффективно осуществлять надзор за их состоянием. Специфика основного направления деятельности Комиссии – архивное дело, а также ничтожное финансирование на протяжении почти 25 лет, позволили осуществлять надзор лишь за некоторыми наиболее крупными памятниками, и, прежде всего, Увекским городищем. Тем не менее, создав за четверть века работы мощную источниковедческую базу, а также наладив свои финансы, Комиссия начала проводить действительно охранные раскопки (правда, лишь в небольшом объеме), а не только наблюдать за разрушением памятников.

Ярким примером этого является исследование курганных полей близ слободы Покровской. Многим из этих курганов угрожало полное разрушение вследствие хищнических раскопок местного населения и долговременной распашки. В 1911 году здесь начал проводить исследования С.А. Щеглов, раскопавший два кургана [Щеглов, 1913]. В 1914 г. он продолжил охранные работы, было вскрыто еще два кургана на краю карьера кирпичного завода, где некоторые насыпи уже были повреждены, поскольку здесь брали глину для выделки кирпича. В 1918 – 1920 гг. в Покровском могильнике, уже под руководством П. Н. Шишкина, было вскрыто еще шесть курганов [Шишкин, 1923]. Таким образом, в тот период СУАК положила начало исследованию знаменитых покровских курганов, в том числе и юго-восточной группы, являющейся одним из ключевых комплексов в понимании процессов эпохи поздней бронзы Евразийской степи.

Наиболее известные раскопки Увекского городища 1913 г. также можно отнести к разряду охранных исследований. Несколькими годами ранее в юго-восточной части Увека были обнаружены остатки «татарских» зданий, но средств на их изучение у Комиссии не было. Угроза распашки этой территории заставила «архивщиков» срочно направлять на исследования личные средства, и в этом значительная помощь была оказана саратовским губернатором А. А. Ширинским-Шихматовым, который, к тому же, принимал участие в руководстве раскопками мавзолея вместе с П. Н. Шишкиным [Кротков, 1915].

Как уже было отмечено, патронаж над историко-культурным наследием на государственном уровне вменялся Министерству внутренних дел. Однако указанный департамент, ссылаясь на отсутствие времени, постоянно делегировал эти обязанности губернским комиссиям, в том числе и СУАК. Так в сентябре 1913 г. Саратовской комиссии было поручено вести наблюдения в зоне строительства «орудийного завода» близ г. Царицына. Это решение было инициировано письмом Б. В. Зайковского, в котором он предупреждал СУАК об опасности, угрожавшей руинам Мечетного городища, открытого им в 17 верстах выше Царицына. Зная, что местные жители имеют обыкновение выламывать на древних городищах камень и продавать его в виде щебня на постройку, он небезосновательно опасался за участь нового памятника. Правление комиссии сообщило об этом в столицу, царицынской администрации, а также управлению строящегося неподалеку завода. Одного из своих краеведов, проживавшего в Царицыне, Саратовское общество просило принять все возможные меры к сохранению названного памятника [Археологическая хроника..., 1914]. В 1914 г. саратовский губернатор А. А. Ширинский-Шихматов провел на городище небольшие раскопки [Отчет об археологических раскопках..., 1915].

В 1912 г. Комиссия занялась охраной Водянского городища. Ввиду неурожая 1911 – 1912 гг., посадская дума Дубовки разрешила беднейшему населению извлекать из культурного слоя кости для их поставки в виде сырья на перерабатывающие предприятия. Добыча здесь ордынского кирпича и расхищение археологических ценностей в неурожайные годы приобрели особый размах [Щеглов, 1915]. Комиссия обращалась к саратовскому губернатору с просьбой о принятии мер против разгрома городища и в то же время телеграфировала ИАК и директору Археологического института в Санкт-Петербурге. Часть вещей, найденных «копателями костей», была приобретена Комиссией с помощью жителя Дубовского посада А. И. Кудряшова. В 1914 г. решено было связаться с археологами Москвы и Петрограда и ходатайствовать об отпуске средств на исследование Водянского городища. На помощь вновь пришел неперменный попечитель Комиссии саратовский губернатор А. А. Ширинский-Шихматов. Под его наблюдением и на

его личные средства были осуществлены частичные раскопки погибавшего памятника [Общий отчет о деятельности комиссии за 1914 год..., 1915]. Исследования дали богатый материал для музея Комиссии, а также подтвердили давнее предположение саратовских археологов о перспективности изучения этого городища золотоордынского времени.

В конце XIX – начале XX вв. СУАК оставалась единственной организацией губернии, осуществлявшей надзор за охраной памятников археологии. Эта важная функция, адресованная государством губернским комиссиям, так и не была оформлена законодательно. Охрана памятников осуществлялась за счет личного энтузиазма членов провинциальных научных обществ, она была логично скоординирована с другими направлениями археологической деятельности Саратовской комиссии – проведением разведок и раскопок, картографированием памятников, а также пропагандой в широких общественных кругах популярных знаний по древнейшей истории Нижневолжского края.

Список литературы

- Археологическая хроника** (за вторую половину 1913 года) // Известия ИАК. Прибавление к выпуску 52-му (Хроника и библиография. Вып. 25). С.-Пб., 1914. – С. 46.
- Волков В.А.** Археологическое картографирование в Саратовском Поволжье в досоветский период // Саратовский краеведческий сборник. - Саратов: Приволжское книжное издательство, 2005. - Вып. 2. – С. 229-239.
- Краснодубровский С.С.** В защиту старины (Открытое письмо правлению общества Рязано-Уральской железной дороги): Отдельный оттиск. - Астрахань, 1904. – 2 с.
- Кротков А.А.** Раскопки на Увек в 1913 году // Труды СУАК. - Саратов, 1915. - Вып. 32. – С. 111-133.
- Общий отчет** о деятельности комиссии за 1914 год // Труды СУАК. - Саратов, 1915. - Вып. 32. – С. 169-176.
- Отчет** об археологических раскопках князя А. А. Ширинского-Шихматова // Труды СУАК. - Саратов, 1915. - Вып. 32. – С. 159-163.
- Протокол** экстренного заседания общего собрания СУАК 18 ноября 1893 года // Труды СУАК. - Саратов, 1894. - Т. 4. - Вып. 3. – С. 250-267.
- Щеглов С.А.** Курганы с окрашенными костяками в Новоузенском уезде Самарской губернии // Труды СУАК. - Саратов, 1913. - Вып. 30. – С. 235-246.
- Щеглов С.А.** Раскопки на Водянском городище // Труды СУАК. Саратов, 1915. - Вып. 32. – С. 145-152.
- Шिशкин П.Н.** Курганы на общественном выгоне близ г. Покровска // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Сар. ун-те. Саратов, 1923. - Вып. 34. - Ч. 1. – С. 22-26.

Р.Д. Голдина, Е.М. Черных

*Удмуртский государственный университет
Ижевск, Россия*

ПРОБЛЕМЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ВУЗОВСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (на примере Урало-Поволжья)

Урало-Поволжская археология отражает в целом общую тенденцию развития этой науки в России. Во второй половине XIX в. выдающиеся энтузиасты-одиночки составили археологическую славу Урала (А.А.Спицын, П.В.Алабин, М.В.Малахов и др.). Драматические события начала века и последующая за ними эпоха жесткого централизованного руководства государством всеми отраслями жизни населения привели к полному исчезновению кадров местных исследователей. Только в послевоенное десятилетие (1945-1955 гг.) возникли археологические кружки в некоторых центрах Урала (Екатеринбург, Казань, Пермь, Уфа). Именно в них сформировались первые ученые высокой квалификации (А.Х.Халиков, Э.А.Савельева, В.Ф.Генинг, В.А.Оборин, Г.И.Матвеева, Н.А.Мажитов и др.). Особенно быстрыми темпами провинциальная Урало-Поволжская археология стала развиваться с 70-х гг. XX в. с открытием новых университетов (Самара, Волгоград, Сыктывкар, Ижевск, Челябинск и др.). За 30 лет активной работы здесь были созданы новые коллективы, заслужившие право называться научными школами.

Однако сокращение финансирования вузовской науки в начале 90-х гг. привело к резкому сокращению объемов работ. Особую тревогу вызывает отставание публикации материалов. Полученные коллекции лежат в хранилищах по 10 и более лет, утрачивают научную ценность, публикуются в усеченном виде. В последнее время обозначился целый поток псевдонаучной литературы, изобилующей опечатками, недоброкачественными иллюстрациями и откровенными ошибками. Все это - следствие недостаточной научной квалификации археологов. Такая ситуация определяется, прежде всего, несовершенством подготовки кадров археологов. Сейчас большая часть провинциальных археологов готовится через систему специализации, но чаще всего – через практику, студенческий кружок, индивидуальную работу, курсовые и дипломные сочинения. Но даже эта весьма несовершенная система под угрозой распада. Уже сейчас налицо попытки сокращения археологических специализаций. С введением в вузах бакалавриата и магистратуры, при которых узко специализировать студентов можно только в магистратуре, мы потеряем реальную возможность формировать полноценного специалиста.

Необходимо на всех уровнях ставить вопрос о безотлагательном развертывании подготовки специалистов по охране памятников истории, культуры и природы. В каждом административном районе должен быть такой специалист, а может быть и не один. В последнее время растет число случаев варварских раскопок известных памятников (Варнинский могильник в Удмуртии, Кудашевский - в Пермской области и др.) и продажи материалов любителям старины в стране и за рубежом. За 4 года житель Санкт-Петербурга вывез в контейнерах около 12 т костей мамонтов, пещерных медведей, бизонов, шерстистых носорогов и других, добытых на древнейших памятниках Пермской области. Погибли бесценные культурные напластования. Ущерб составляет десятки миллионов рублей (газета "Звезда", №196/23894). Этого можно было бы избежать, если бы на местах действовали специально подготовленные органы охраны памятников истории и культуры.

Еще одна проблема современной провинциальной археологии - хранение полученных материалов. Во многих научных подразделениях система хранения отлажена плохо. Основной груз ответственности здесь лежит на руководителях археологических подразделений вузов, лабораторий, институтов. Должна быть создана государственная система, финансово стимулирующая авторов раскопок к передаче полученных материалов в государственные хранилища - музеи.

Хотелось бы обратить внимание молодых исследователей на то, что успех археологии в конце XX в. был обеспечен активной разработкой теоретических и методологических проблем археологической науки

(работы Ю.Н.Захарука, В.Ф.Генинга, Л.С.Клейна и др.). Конечно, далеко не каждому исследователю под силу участие в решении этих проблем, но наиболее талантливая, работоспособная часть археологической молодежи должна стремиться к усвоению, пониманию и дальнейшей разработке теории и методологии археологии. Современная археология невозможна без интеграции с другими областями знания: антропологией, этнографией, диалектологией, топонимикой, фольклористикой, мифологией, экологией, биологией и др. Только такое взаимодействие позволит достичь совершенно нового уровня обобщений в историко-археологических исследованиях.

Очень важно, чтобы все археологи четко осознавали значимость своей науки для воссоздания исторического прошлого человечества. В условиях отсутствия письменных источников и других оснований для абсолютной датировки явлений, ни одна из сопредельных наук (этнография, антропология, лингвистика) не располагает такими уникальными возможностями как археология. Только археологические материалы, реально отражающие конкретные общности древности, могут стать основой для исторических реконструкций дописьменного периода.

С.В. Данилов
ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ

СТАНОВЛЕНИЕ СКОТОВОДСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ КОЧЕВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Человечество, история которого насчитывает многие сотни тысяч лет, имело на всем ее протяжении самые разнообразные способы адаптации к природно-климатическим условиям среды обитания, и одним из главных условий выживания было выработка разнообразных способов добывания пищи и изготовление предметов, необходимых вначале для удовлетворения самых насущных, а затем и все более растущих потребностей. Охота и собирательство - типы хозяйствования, ведущие свое начало с самого начала становления вначале *homo habilis*, а затем и *homo sapiens*, постепенно дополнялись в XI-X тыс. до н.э. земледелием и скотоводством, берущих свое начало от domestikации различных форм диких растений и животных и получившим в дальнейшем ходе истории все большее распространение. Постепенно в течение сотен и тысяч лет распространение производящих форм хозяйства приводило к появлению все новых типов экономики, зависевшей от природных условий, в которых происходило становление и развитие человеческих коллективов.

Скотоводство, возникшее в комплексе с сельскохозяйственным хозяйством, постепенно выделялось в отдельную отрасль. У населения, занимающимся преимущественно скотоводством, формируются своеобразные способы ведения хозяйства, выражавшиеся в создании кормовой базы, получении приплода, стихийной селекции и т.д. Увеличение количества скота, содержащегося в одном хозяйстве, приводившее к перевыпасу и истощению пастбищ, инициировало переход к полукочевым и кочевым формам ведения хозяйства. Разнообразие природно-климатических и географических обстановок, в которых проживали древние скотоводы привело к формированию многообразия типов хозяйства. Степные, пустынные, полупустынные, горно-долинные, высокогорные пастбищные пространства, разнообразие водных источников и растительного мира породили, в результате адаптации населения к условиям среды, множество способов разведения и содержания домашних животных, максимально приспособленных к местным условиям. С течением времени под влиянием природных условий и специфичной экономики складываются культурные особенности, определившие облик степных цивилизаций. При более детальном рассмотрении всех особенностей хозяйства и культурно-этнических характеристик выявляются различия не только между крупными регионами, но и между отдельными областями и районами

В регионе Центральной Азии, расположенном в глубине азиатского континента, также проходили процессы становления производящих форм экономики. Население центральноазиатского региона, его богатая и разнообразная культура формировалась, в основном, в зависимости от географических и природно-климатических обстановок, обусловивших хозяйственно-экономические и культурные особенности.

Археологические исследования разнообразных по типам и хронологии памятников дали возможность выделить археологические культуры, ставшие своеобразными вспомогательными ориентирами, маркирующими отдельные периоды истории центральноазиатских народов. Для отдельных исторических эпох данные археологии стали единственным видом источников по раскрытию многих сторон жизнедеятельности древнего населения. Археологические культуры, за которыми стоит население с хозяйством, основанном на полупоседлом, полукочевом и кочевом скотоводстве, занимают значительные по размерам территории, часто превыша-

---

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» проект «Древние скотоводы севера Центральной Азии»)

ющие размер распространения культур, основанных на комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве с преобладанием земледелия. Афанасьевская, андроновская, карасукская, скифские и хуннские, тюркские, монгольская, тунгусо-маньчжурская археологические культуры или историко-культурные общности занимали большие по площади территории, связанные с особенностями хозяйства, требовавшего обширных пастбищных пространств для скота, и где основная, необходимая населению продукция получалась за счет переработки животного сырья.

Однако основные памятники, оставленные древним населением региона, не дают конкретной информации о том, что захороненные в них индивидуумы являлись скотоводами и тем более ведущими кочевой образ жизни. Такое восприятие древних насельников региона появилось, во-первых, под влиянием этнографических данных, когда европейские исследователи, появившиеся в степных, полупустынных и пустынных пространствах Азии, застали здесь население, ведущее кочевое скотоводческое хозяйство, и полностью приспособленный к нему образ жизни, во-вторых, сведения письменных источников о европейских и азиатских народах, ведущих непривычный с точки зрения античных, средневековых и древнекитайских авторов кочевой образ жизни, нашедшей отражение в расхожей формулировке «передвигаются вслед за скотом в поисках воды и травы», и в-третьих, сама экология открытых пространств Центральной Азии, когда занятие кочевым скотоводством являлось едва ли не единственно возможным способом (кроме оазисов) обеспечить население пищевыми и прочими ресурсами.

Археологические же погребальные комплексы, оставленные древними обитателями центральноазиатских степей, дают конское снаряжение и остатки жертвоприношений животных, находки, которые часто встречаются и в погребениях, оставленных оседлыми земледельцами, в особенности элиты общества и не дают возможности однозначно определить, что население вело кочевой скотоводческий образ жизни, тем более что для кочевника не характерны какие-то особые орудия труда наподобие серпов, плугов, зернотерок земледельцев.

Тем не менее, тщательное изучение памятников оставленных древним населением позволило выделить ранних кочевников, время существования которых определено эпохой поздней бронзы раннего железа. Хозяйство более ранних обитателей евразийских степей, носителей андроновской срубной культуры, было определено как комплексное скотоводческо-земледельческое. Критериями выделения эпохи ранних кочевников послужило появление в погребениях металлических удил, костей домашних животных, захоронений коней [Грязнов, 1955; Левин, Чебоксаров, 1955]. Хотя по замечанию Л.С. Клейна жесткие металлические удила появляются с массовым использованием лошадей для военных целей [Клейн, 1980]. Для пастбы скота и простого передвижения достаточно было и более мягкого управления конем. Металлические стремяна, седло с жесткой конструкцией, шпоры - все эти нововведения появлялись впоследствии исключительно в связи с ведением боевых действий, когда от мобильного управления конем зависела жизнь всадника и, следовательно, исход боевых действий, сражений, войн в целом.

Ряд ученых считает, что подвижные формы ведения хозяйства, связанные с кочеванием, возникают с самого начала появления в евразийских степях скотоводства [Артамонов 1977]. В Центральной Азии появление скотоводства произошло по всей видимости в IV-III тыс до н.э. и было связано с населением афанасьевской культуры, памятники которой встречаются на Алтае, в Тыве, Минусинской котловине, Синьцзяне, Западной и Центральной Монголии. Достаточно веских данных о формировании кочевого скотоводства в это время пока нет. По всей видимости, переход к кочевому скотоводству мог эпизодически происходить в отдельных районах, там, где происходило резкое увеличение домашнего поголовья. Более конкретно можно говорить о том, что подвижное скотоводство начало формироваться в карасукское время, причем было очевидно связано не только с карасукской культурой Минусинской котловины, а в большей степени с населением монгольских степей, Ордоса и Синьцзяна, оставивших характерные для карасука предметные комплексы и памятники. Для монгольских степей такими памятниками являются керексуры и оленные камни [Новгородова, 1989; Цыбиктаров, 2004]. На одновременных жертвенниках, в состав которых входили керексуры и оленные камни, раскопаны каменные кладки, под которыми находились черепа, шейные позвонки и копыта лошадей. В состав жертвенников входили десятки и сотни таких кладок, что говорит о массовых жертвоприношениях животных. Однако конь, животное сильное и быстроногое, и чтобы поймать его и принести в жертву требовался не пеший пастух, а конный табунщик на обьезженной лошади. Но для этого времени не известны металлические удила, которые, по мнению многих исследователей, являются показателем появления верховой езды. Однако, возможно, что применялись какие-то иные варианты узды, косвенным свидетельством которого являются деревянные псалии и деревянные украшения конской сбруи, встречаемые в погребениях раннего железного века. Мягкая узда с применением кожаных ремней и деревянных конструкций могла предшествовать сделанным из металла удилам и псалиям. Дисковидные костяные псалии, так называемого микенского типа встречались в погребениях Синташты памятника первой половины II тыс. до н.э. [Генинг, 1977].

Уже во II тыс. до н.э. в скотоводческих обществах евразийских степей количество скота достигает большого количества достаточного для принесения многочисленных жертв. Например, в одном из погребений Синташты было погребено семь лошадей, а в одном из жертвенников было найдено шесть черепов коней, четыре черепа быков, черепа баранов [Генинг, 1977]. По всей видимости, хозяйство было настолько специализированным, что позволяло получать большое количество прибавочного продукта в виде стад скота. Надо полагать, что население всех природных зон евразийских степей, в том числе и Центральной Азии, имело возможность при благоприятных условиях иметь довольно большие стада скота. Возможность создавать немалое количество прибавочного продукта в виде разнообразной животноводческой продукции имело и оборотную сторону – легко отчуждаемую собственность – скот. Одно семейство было не в состоянии защитить свое богатство от похитителей скота, необходима была система безопасности не только для одного семейства, но и для целого ряда семейств, объединенных в кровнородственные группы. Для защиты не только скота, но и пастбищных территорий не достаточно сил одного рода, необходимо было объединение родов в более крупную таксономическую единицу, определяемое как племя или вождество. Однако скотоводы объединялись не только для защиты своих стад и территорий. При благоприятном стечении обстоятельств они не упускали случая завладеть скотом более слабых соседей или захватить их пастбища и по возможности поставить население в зависимое положение. Такая ситуация складывалась в степях, по всей видимости, с самого начала формирования скотоводческого хозяйства и способствовала созданию нестабильного положения для простых скотоводов.

Сложный процесс перерастания или перехода племенной организации к общественно-политической системе более высокого уровня, связывается с появлением вождя наделенного как талантами военачальника, политического деятеля так и человеческими качествами, притягательными для всех слоев населения. В полной мере этим требованиям отвечали предводители хунну, сяньби, жужаней, тюрков, уйгуров, киданей, монголов. Наблюдая за их деятельностью, описанной в источниках, можно представить, как шел сложный и противоречивый процесс объединения родов и племен и формирование кочевых империй. Во время их существования наступает внутренняя стабилизация общества, прекращаются набеги и междоусобные военные действия. С введением административного контроля над завоеванной территорией устанавливаются определенные маршруты кочевков, равномерно распределяются пастбища, то есть наступает ситуация, удовлетворяющая подавляющее число мирного кочевого населения. Элита общества, также использует создавшуюся обстановку для упрочения власти и накопления богатств. Таким образом, внутренне кочевое общество, включая почти все слои населения, было заинтересовано в создании сильной централизованной власти. Хотя ряд объективных и субъективных причин приводили к тому, что вместо мирной жизни кочевые государства становились на путь завоевательных войн.

Список литературы:

- Артамонов М.И.** Возникновение кочевого скотоводства //Проблемы археологии и этнографии - Л.: 1977. - Вып.1. - С. 4-13.
- Генинг В.Ф.** Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен //СА. 1977. - № 4. - С. 53-73.
- Грязнов М.П.** Некоторые вопросы сложения и развития ранних кочевников Казахстана и Южной Сибири //КСИЭ. 1955. - Вып. 24. - С. 19-29.
- Клейн Л.С.** Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство - Кемерово, 1980. - С. 30-36.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.** Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области //СЭ. 1955. - № 4. - С. 3-17.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. - М.: Наука, 1989. – 384 С.
- Цыбиктаров А.Д.** Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья //Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. Вып. 2. - С. 35-49.

Е.В. Детлова*Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск*

ГЕРО ФОН МЕРГАРТ И РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ

Имя Геро фон Мергарта, первого штатного профессора древней истории Германии, основателя так называемой «марбургской школы», почетного члена многочисленных научных обществ, прочно вошло в историю археологических исследований Австрии, Германии и России. В России он известен в первую очередь как исследователь сибирских древностей и специалист по эпохе палеометалла. В Сибирь Мергарт попал в качестве военнопленного первой мировой, жизнь которого зависела от прихотей судьбы и очередных властей в «сотрясаемой лихорадкой революции и гражданской войны» [Merhart, 1960] стране. Не только призрак голодной смерти, отсутствие нормальных бытовых условий и необходимых для работы вспомогательных средств и рабочей силы, физическое истощение, усугубленное перенесенной малярией, парализовали его исследовательскую деятельность, но и первоначальная неосведомленность в области сибирской археологии. Багаж знаний о российских древностях, с которым Мергарт попал в Сибирь, был крайне скуден, если обратиться к сведениям, которыми в начале века располагала западноевропейская наука. А возможность заполнить информационный вакуум поначалу ограничивалась немногочисленными отчетами русских коллег, которые, в силу несовершенного владения русским языком, Мергарту приходилось «расшифровывать слово за словом» [Merhart, 1960].

Тем не менее, за неполных два года работы в Сибири Мергарту удалось сделать многое. Впечатляет объем проделанной им музейной работы, которая заключалась в «инвентаризации, классификации, музейно-технической обработке новых находок и консервации старых материалов», подготовке постоянной выставки, «устраиваемой в новом систематическом порядке» [Архив КККМ, ф. 1600, оп. 1, д. 357]. За время пребывания Мергарта в должности заведующего отделом археологии Красноярского музея был существенно пополнен археологический фонд. В течение 1920 г. совместно с коллегами Мергарт провел серию разведочных экскурсий в окрестностях г. Красноярска и на обширной территории от д. Означенной на юге края до г. Енисейска, в результате которых было выявлено немало памятников различных эпох, заметно расширился ареал распространения палеолитических стоянок в долине Енисея и были намечены вехи для дальнейших исследований в регионе, позже успешно продолженных его коллегами. Заметное влияние Мергарт оказал на формирование взглядов и мировоззрения сибирских ученых (Г.П. Ауэрбаха, Г.П. Сосновского, Б.Э. Петри и др.). Этот факт был отмечен многими российскими историографами.

После возвращения ученого на родину в зарубежной печати выходит ряд его публикаций по древней истории Сибири. Тематика их очень обширна и охватывает практически все эпохи. Эти работы снискали Мергарту, наряду с А.М. Тальгреном, славу «лучшего знатока древней истории России» [Werner, 1959] в Европе. В этом году исполняются две памятные даты: 120 лет со дня рождения Геро фон Мергарта и 80 лет, как была издана самая известная его книга - «Бронзовый век на Енисее», «первое в сибирской археологии крупное исследование, целиком посвященное бронзе и раннему железному веку Среднего Енисея» [Белокобыльский, 1986].

Однако научное наследие Мергарта не исчерпывается лишь опубликованными работами: значительный его пласт составляет личный архив ученого, рассеянный по разным странам, городам, учреждениям. Опираясь на уже имеющиеся документы, рукописи Мергарта можно разделить на две основные группы. К первой относятся рабочие материалы: заметки, черновики, наброски и изображения предметов (по меткому выражению Мергарта – «лоскутки бумаги с текстами из красноярского гербария»), а также неопубли-

кованные произведения – законченные работы, которые в силу обстоятельств не поступили в печать. Примером последних может служить доклад «Предложения об организации археологических исследований в Приенисейском крае», который в двух вариантах - русском и немецком - хранится в архиве Красноярского краевого краеведческого музея [Архив КККМ, ф. 1813, оп. 1, д. 570, л. 1-5], и в архиве университета г. Марбурга в Германии. Автор обращается в нем к проблемам сохранения памятников старины и охраны культурных ценностей, организации системы распространения знаний по археологии, роли музеев в этом процессе, дается характеристика в целом уровня археологических исследований в Приенисейском крае.

Вторую, более обширную группу составляет переписка Мергарта с русскими и зарубежными коллегами. В круг респондентов Мергарта входят «патриархи российской археологии» (В.А.Городцов, А.А.Спицын), известные сибирские археологи (С.А.Теплоухов, Б.Э.Петри, Г.П.Сосновский), сотрудники Красноярского музея и многие другие. Многолетняя переписка связывала Мергарта с известным финским ученым А.М.Тальгреном, для которого российская археология была столь же родной, как и для него самого.

В эпистолярном наследии Мергарта можно выделить несколько тематических направлений. Во-первых, личные документы являются источником ценных биографических сведений, дополняют характеристику личности ученого, освещают оставшиеся ранее в тени факты жизни и деятельности, к примеру, перипетии возвращения на родину, испытания, выпавшие на его долю в Австрии и Германии, обстоятельства, из-за которых Мергарту пришлось «покончить с восточной любовью» и обратиться к западноевропейской тематике. В письме из Мюнхена от 22.6.1923 он сообщает:

«Я обрабатываю мои сибирские вещи, которые все же интереснее моих здешних довоенных раскопок и которые захватывают меня все больше. Но я очень боюсь, что после окончания этих материалов восток постепенно меня лишится, т.к. у кого есть сейчас в Германии применение для специалиста по восточной области?... Когда я завершу исследования бронзового века, придет очередь стоянок, и если тогда не произойдет чуда, которое позволит мне остаться верным востоку, мне, вероятно, нужно будет перейти к местному материалу, и, самое большее, в лекциях выражать свою восточную мечту» [РОБХУ, коллекция 230-9].

Во-вторых, по письмам можно проследить динамику взаимоотношений Мергарта с русскими коллегами. С большинством из них его связывали не только профессиональные интересы, но и личное уважение и симпатия («старый дорогой Александр Андреевич»). Однако с рядом ученых отношения с течением времени претерпели значительные изменения, как, например, в случае с В.А.Городцовым. Восторженные отзывы о гостеприимстве и любезности Городцова в ранних письмах, датированных 1921-22 гг («это теплое чувство, когда тебя так сердечно принимает столь компетентный и более старший зарубежный товарищ по профессии» [Архив КККМ, ф. 1615, оп. 1 д. 372]) сменяются на диаметрально противоположные несколько лет спустя, что было связано с произошедшим в 1925 г. конфликтом. Причиной разлада стало выступление В.А.Городцова по вопросам сибирского палеолита 31 августа 1924г. на заседании объединенного Совета РГО и Коллегии музея Приенисейского края в Красноярске. В критических замечаниях Городцова Мергарт усмотрел не только сомнение в его профессиональной компетенции, но и личное оскорбление. С этого момента мнение Мергарта о Городцове - резко негативное, иногда это выражалось в не вполне корректных выпадах, которые позволял себе ученый в более поздних письмах. Однако случай с Городцовым – редкое исключение. В большинстве писем Мергарт подчеркивает свою лояльность по отношению к русским коллегам и готовность к сотрудничеству с ними. И к Тальгреному, который время от времени бывал в России, неизменно обращается с просьбами «передавать приветы всем знакомым – Штернбергу, Спицыну, в первую очередь и особенно сердечные – Теплоухову, Тугаринову, Фельдструпу и неизвестному Руденко, мимо которого я, к сожалению, всегда проезжал мимо» [РОБХУ, коллекция 230-9].

Третье, наиболее важное направление, прослеживаемое в текстах писем – обсуждение вопросов, связанных с российской археологией. Как и в опубликованных трудах, так и в эпистолярном наследии равное внимание Мергарт уделяет всем эпохам: от палеолита, который, по мнению ученого, является все же «побочным продуктом его экскурсий», до раннего железного века. Но если вопросы, связанные с каменным веком - возраст сибирского палеолита, его специфика, возможность соотнесения с западноевропейской шкалой, пути распространения неолитической культуры, и.т.д. - более подробно рассматриваются в ранних письмах, то позже акцент смещается на круг проблем, связанных с эпохой металла. Становится ясна цепь логических рассуждений Мергарта относительно датировки бронзового века в Сибири, исконной области сибирской бронзы, видоизменений ее форм с запада на восток, взаимосвязи ее с культурами европейской части России. Ошибочность некоторых его предположений может объясняться чрезмерной ориентацией

на типологический метод и нехваткой фактического материала. Помимо этого, в письмах Мергарт подробно описывает ход работы над «книжицей о бронзе», пышное название которой, данное издательством, по мнению самокритичного Мергарта, «не соответствует скудности содержания».

Хотя большая часть материалов из личного архива ученого все еще недоступна, но уже на основании имеющихся документов можно наметить круг задач, связанных с дальнейшим изучением его научного наследия. В конечном итоге это позволит в полной мере оценить вклад и значение деятельности Геро фон Мергарта в развитие российской археологии.

Список литературы:

Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований XVIII – первой трети XX в. – Новосибирск: Наука, 1986.

Merhart, G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. – Ladis/Tirol: Privatdruck, 1959

Werner, J. Gero Merhart von Bernegg//Der Schlern. – 1959. – 33.Jg. – S.93 – 96

А.В. Жук
ОмГУ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Приступая к периодизации любого направления научной мысли, следует помнить, что наука есть *живой*, органичный процесс. Всякая систематика, в том числе периодизация - жесткая структурная решетка, которая накладывается на этот процесс извне, а потому никогда не сможет отразить его во всей полноте, исчерпать его содержание. Однако, для того, чтобы сделать живой поток научного исследования доступным для изучения, его необходимо упорядочить, установить этапы процесса развития.

Ценность периодизации определяется не тем, сколь полно она отражает естественный ход вещей, ибо исчерпывающей полноты всё равно никогда не достичь. Периодизация ценна тем, насколько она способствует пониманию предмета. А для этого необходимо соблюсти два основных принципа. Во-первых, периодизация должна быть единой для изучаемого предмета в целом. Какой бы аспект науки ни рассматривался, рамки периодизации должны оставаться действенным рабочим инструментом, который позволяет получать искомый результат. Периодизация должна быть такой, чтобы всё без исключения, что ты рассматриваешь, было сопоставимо.

Во-вторых, периодизация должна соответствовать внутреннему механизму развития науки, объяснять науку из неё самой. Более того: сама внутренняя логика науки должна проявлять себя посредством этой периодизации, раскрываться из её структуры. Иначе говоря, избранная периодизация должна обеспечить рассмотрение как археологии в целом, так и любого её аспекта в качестве подчиненного внутренней логике развития гносеологического феномена.

Теперь – о критерии периодизации. С одной стороны, периодизация, отвечающая столь высоким требованиям, может быть основана лишь на одном критерии, из области категорий. С другой стороны, история науки – это история мысли, и в первую очередь – история научного самосознания, т.е. понимания исследователем своей науки. А потому искомый критерий - понимание одной из категорий (иерархически важнейшей). Меняется понимание такой категории – меняется лицо и язык науки, наступает новый этап её развития.

Категории есть наиболее общие понятия, которые выделяют данную науку из совокупности прочих наук, придают ей особое лицо. Соответственно, в археологии можно выделить четыре категории (или пять, если дополнительно структурировать категорию под № 3):

1. **памятник** – результат человеческой деятельности, непосредственно данный исследователю (объективно существующий артефакт, артефакт в его онтологическом аспекте);
2. **источник** – информация, которую исследователь извлекает из памятника (осмысленный, понятый артефакт, артефакт в его гносеологическом аспекте);
3. **объект (предмет)** – то, что изучается посредством источника, то, что воссоздается на его основе;
4. **метод** – приемы и способы, умения и навыки, которые делают возможным познавательный археологический процесс.

При этом, памятник превращается в источник, объект (предмет) изучается посредством источника, а для того, чтобы всё это стало возможным, метод прилагается к источнику. И, строго говоря, для исследователя реально существует только источник. Ведь памятники перестают существовать по мере того, как археолог создает источники; в 1910 г. об этом афористично сказал А.А. Спицын: «раскопка уничтожает навсегда памятник древности». Иными словами, для того, чтобы создать источник, нужно уничтожить памятник. Объект и предмет исследования – всё равно, как бы их ни понимать – неизменно воссоздаются, т.е. представляют собой вторичную, умозрительную конструкцию. Метод же вообще существует лишь там и постольку, где и поскольку возникает археологический источник.

С другой стороны, общий памятник может быть, к примеру, у археолога и почвоведов – но мы всегда отличим археолога от почвоведов. Общий метод может быть у археолога и геолога – но мы всегда отличим археолога от геолога. Общий объект может быть у археолога и этнографа – но мы всегда отличим археолога от этнографа. И, наконец, общий предмет может быть у археолога и историка – но мы всегда отличим археолога от историка. Еще И.Е. Забелин обратил внимание на это: «Задача археологии – воссоздать минувшую действительность во всех подробностях народного быта. Но ведь такая же задача и истории; где границы между тою и другою наукою?». В данном случае не так уж важно, *как именно* Иван Егорович провел эту границу; важно то, что он её действительно *провел*. Возможность же сделать это даёт нам источник, т.е. информация, которую исследователь извлекает из памятника и которая делает его особенно человеком той или другой науки.

Вот почему источник – иерархически высшая категория науки. Только эта категория позволяет рассматривать науку о древностях в качестве самостоятельной, т.е. как цельный, подчиненный внутренней логике развития гносеологический феномен. На уровнях памятника, предмета и метода археология часто сливается (и это очень хорошо) со многими другими науками. Но только особый, *археологический* взгляд на памятник, особое, *археологическое* осмысление памятника превращает исследователя именно в *археолога*. Иной *взгляд*, иное *осмысление* того же самого памятника дадут нам человека иной науки.

Однако, источник – очень сложная категория. В разное время разные типы источника определяют собой движение науки, структуру как источниковой базы, так и того, что воссоздается на её основе. Соответственно, каждая стадия развития археологической мысли характеризуется тем, какой из типов источника оказывается в тот или иной период основным. Проблема развития археологической мысли – это проблема основного археологического источника.

И прежде, чем возвыситься до уровня самостоятельной науки, археологической мысли предстоял долгий путь. Его первая стадия, которая охватывает *архаичные* нормы восприятия древностей, может быть определена как *отсутствие археологического интереса*, т.е. непризнание вещественного памятника за исторический источник.

Разумеется, во всякой культуре есть старые вещи, сооружения, культурно значимые природные объекты и проч. материальные «следы и остатки» прошлого. В каждой культуре такие артефакты занимают важное место в культовой практике. Но столь же очевидно и то, что этим памятникам отказано в гносеологической содержательности. В рамках архаичного понимания, древности имеют лишь утилитарный или сакральный смысл. Как говаривал ещё К.Н. Бестужев-Рюмин, «важность памятника определялась его святостью или его ценностью».

Своеобразное восприятие этих вещей, комплекс идей и представлений, связанных с ними могут быть названы прото-археологическим сознанием. Из прото-археологического сознания вытекает собственно археологическое сознание, которое, в объективном аспекте, соответствует археологической науке. Иначе говоря, археологическое сознание это такое сознание, для которого вещь есть исторический источник.

Возникновение собственно археологии происходит на волне рационализма, утверждающей новое европейское сознание. В общемировом плане это совершается в кругу идей раннего Возрождения, т.е. в XIV в. (Ф. Петрарка, К. ди Риенцо и проч.). В других странах археология появляется позже; так, в России наука о древностях возникает на рубеже XVII-XVIII вв.

Сравнительно позднее возникновение археологии как науки позволяет отследить этапы её становления. Прежде всего, археологии было суждено долгое несамостоятельное существование. Исходный гносеологический смысл древностей возникал через уподобление их памятникам иных наук. В России эпохи Просвещения, риторической культуры, этот смысл формировался через уподобление артефактов тексту. Памятник древности имел тогда для археологов тем большую ценность, чем ближе он был, по своим характеристикам, традиционному историческому источнику (идеальные случаи – это сооружение, с которого можно снять план, или же предмет с надписью). Налицо, таким образом, *вещь аналогичная тексту как основной археологический источник*.

Когда можно говорить об археологии как самостоятельной науке? Тогда, когда её категории наполняются особым, присущим только ей содержанием. А для этого необходим, прежде всего, собственный источник, отличный от источников других наук. Основы этого источника заложил в начале 1760-х гг. И.-И. Винкельман, который одним из первых стал рассматривать историю древнего искусства как историю развития форм памятников этого искусства.

Разумеется, едва зародившись, типологический ряд не мог претендовать на роль основного археологического источника. Ему предстоял долгий путь становления – по 1880-е гг. На первых шагах, в качестве основных должны были выступить «ино-типы» этого источника. Любой типологический ряд состоит из

отдельных предметов. И прежде, чем реально взойти на уровень типологии, нужно было познать вещь как таковую, во всём её своеобразии. Так что, характерная черта первого этапа становления археологии как самостоятельной науки – **отдельно взятый предмет как основной археологический источник**.

Конец этого этапа - 2-я пол. 1830-х гг. К этому времени гносеологические возможности отдельно взятого предмета как основного источника были исчерпаны, и археологи принимают «анти-тезис». Отныне цель археологических изысканий - отслеживание того, как артефакты соотносятся в памятнике, т.е. «совокупность признаков» (термин графа А.С. Уварова). Иными словами, для второго этапа становления археологии как самостоятельной науки характерен **археологический комплекс как основной археологический источник**.

Ну а поскольку всякий комплекс есть система отношений, то предметом археологии автоматически стала история – «восстановление действительной жизни посредством памятников». Тогда едва ли не каждый, кто всерьёз изучал памятники древности, автоматически превращался в историка. Образ археолога как «историка с лопатой» - это образ археолога именно данной эпохи (хотя сама формулировка появится несколько позже).

К 1880-м гг. окончательно складывается формально-типологический метод, что гениально зафиксировал О. Монтелиус. Возникает особое, археологическое источниковедение и, соответственно, берет начало исходный этап существования археологии как самостоятельной науки – этап, которому присущ **типологический ряд как основной археологический источник**.

В результате, поэтапное развитие отечественной археологической мысли предстает в следующем виде:

1. **Отсутствие археологического интереса** (нижняя хронологическая граница открыта, верхняя – рубеж XVII-XVIII вв.);
2. **Вещь аналогичная тексту как основной археологический источник** (рубеж XVII-XVIII вв. – 1760-е гг.);
3. **Отдельно взятый предмет как основной археологический источник** (1760-е – 1830-е гг.; первая стадия становления археологии как самостоятельной науки);
4. **Археологический комплекс как основной археологический источник** (1830-е – 1880-е гг.; вторая стадия становления археологии как самостоятельной науки);
5. **Типологический ряд как основной археологический источник** (нижняя хронологическая граница – 1880-е гг., верхняя граница открыта; первая стадия существования археологии как самостоятельной науки).

О.В. Зайцева*Томский государственный университет, Томск*

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДИАГНОСТИКИ ВТОРИЧНОСТИ ПОГРЕБЕНИЯ: ПОГРЕБЕНИЕ 3 КУРГАНА 17 МОГИЛЬНИКА ШАЙТАН II

Обряд вторичного погребения в понимании, принятом в западной культурной антропологии, предполагает периодическое перезахоронение полностью освобожденных от мягких тканей останков всех умерших членов сообщества [Hertz, 1960; Schroeder, 2001].

Термин «вторичное погребение» был заимствован отечественными этнографами, а затем и археологами и является калькой с английского -«secondary burial». Однако в настоящее время в российской археологии эта дефиниция приобрела весьма размытое значение. Как вторичные обозначаются самые разнообразные формы погребений с преднамеренными и непреднамеренными нарушениями анатомической целостности тела до его погребения. «Вторичными» считаются и погребения «полуразложившихся» трупов, отдельные скелетные элементы которых еще сохраняют связки, а возможно и мягкие ткани. В таком широком понимании существование практики вторичных погребений может иметь очень широкий спектр причин, как ритуального, так и не ритуального характера, а за общим термином «вторичное погребение» в некоторых случаях могут скрываться семантически совершенно несопоставимые явления [Зайцева, 2004а].

Основная методическая проблема при исследовании таких погребений заключается в определении того, было ли в могилу помещено тело с уже нарушенной анатомической целостностью, или же наблюдаемое анатомическое несоответствие в положении костяка вызвано постдепозиционными смещениями и нарушениями. На основе чисто археологических методов это зачастую оказывается невозможным. В зависимости от устройства погребального сооружения и от позы приданной покойному может наблюдаться разная степень естественного смещения скелетных элементов в ходе процесса разложения мягких тканей и распада связок. Некомплектность костяка также может быть вызвана естественными процессами разложения части скелетных элементов при относительной сохранности других [Зайцева, 2004б].

Достоверное установление факта помещения в могилу тела с нарушенной анатомической целостностью при археологических раскопках возможно только при условии применения методов «полевой антропологии». Специалист, осуществляющий анализ открываемых человеческих останков непосредственно в поле должен обладать достаточными знаниями из области анатомии, тафономии и судебно-медицинской экспертизы [Зайцева, Ражев, 2005].

В настоящем сообщении мы остановимся на практическом опыте выявления наиболее трудно доказуемого варианта вторичного погребения, при котором скелетные элементы, уже утратившие полностью или частично связки, размещаются в порядке, имитирующем анатомический. Выложить несочлененные кости четко в анатомическом соответствии процедура достаточно трудоемкая и требующая определенных знаний о строении человеческого скелета. Отрицать возможность наличия подобных знаний у древнего населения, конечно, нельзя. Однако если часть костей утрачивается и «выкладывается» неполный костяк, то соблюсти все пропорции строения скелета даже при наличии анатомических знаний очень трудно.

Так, при исследовании погребального обряда амурских чжурчженей (покровская культура) в ряде погребений было установлено несоответствие между расчетной длиной корпуса, определяемой по длинным костям и длиной корпуса по чертежу, т.е. реально наблюдаемой в погребении. «Выложенные» костяки оказались заметно короче. Это обстоятельство, а также отсутствие в погребениях определенных устойчиво повторяющихся скелетных элементов, позволило выдвинуть предположение о вторичном характере таких погребений [Нестеров, 1998, с.75-85]. Еще один показательный случай был зафиксирован при исследо-

вании могильника Сант-Микаэль во Франции. Исследователями было установлено, что скелет взрослого человека был выложен из отдельных костей с явными «анатомическими ошибками». «Рука» погребенного была составлена из двух плечевых костей, так что они соприкасались дистальными концами в месте, где должен бы был находиться локтевой сустав [Roksandic, 2002, p.110]. Очень интересную картину удалось установить и при исследовании неолитического могильника Фусельз-Лодж на юге Великобритании. В одном погребении содержались отдельные кости от двух женских костяков, причем из них был выложен один костяк с имитацией правильного анатомического положения [Shanks, Tilley, 1982, p.146].

Анализируемое в данном сообщении погребение открыто в исследуемом автором могильнике Шайтан II, находящемся в Кожевниковском районе Томской области. Могильник включен в круг памятников басандайской культуры и пока датируется в широких рамках развитого средневековья.

Погребение 3 кургана 17 содержало останки женщины, умершей в возрасте 25-35 лет. Сориентировано головой на север. Костяк некомплектен и представлен черепом, фрагментами длинных костей конечностей (правая и левая плечевые кости, правая локтевая, правая и левая бедренные кости, правая и левая большеберцовые кости, все без эпифизов) и небольшим фрагментом правой тазовой кости. Погребение непотревоженное, причем на его глубине корни деревьев уже отсутствовали, норы животных также не зафиксированы.

Подобная некомплектность костяка сама по себе еще никак не может служить доказательством вторичности погребения, поскольку присутствующие скелетные элементы являются одними из самых устойчивых к естественному разложению [Зайцева, 2004].

О нарушении анатомической целостности тела до его погребения свидетельствует, прежде всего, положение скелетных элементов. Хотя при погребении им и было предано положение близкое к анатомическому соответствию, зафиксированы некоторые весьма существенные «отклонения». Нижняя челюсть находилась не в сочленении и была «сдвинута» более чем на 20 см, при этом сам череп установлен строго на основание. Подобная ситуация была бы невозможна, если бы при помещении в могилу височно-нижнечелюстной сустав и соединения позвоночного столба с черепом еще не распались.

Анатомические пропорции скелета существенно нарушены. «Смещены» обе плечевые кости. Особо ярко демонстрирует то, что костяк был «выложен» положение правой локтевой кости, которая лежала параллельно правой плечевой кости, а должна бы была находиться значительно ниже, параллельно отсутствующей лучевой. Имеющиеся кости нижних конечностей находятся в анатомическом соответствии, лежат на дорсальных поверхностях и несколько сближены в области коленных суставов, что вполне соответствует естественному положению ног при погребении в позе «вытянуто на спине». Возможно, их связки на момент погребения еще не распались, что не противоречит выдвинутому тезису о «вторичности» данного погребения, поскольку именно соединения нижних конечностей являются одними из самых устойчивых к разложению. Не исключен и вариант размещения костей ног максимально близко к анатомическому соответствию.

Из всего вышесказанного следует, что нарушение анатомической целостности тела погребенной произошло до помещения его в могилу: на момент погребения, все связки, возможно, только за исключением некоторых связок нижних конечностей уже распались, а костям при погребении было предано положение близкое к анатомическому. В пользу «вторичности» погребения косвенно свидетельствует также и неестественно «зауженная» форма могильной ямы: ее наибольшая ширина, зафиксированная в месте расположения плечевых и тазовых костей – 0,3 м. Помещение в такую могилу целого тела взрослого человека достаточно проблематично.

Для басандайской культуры подобные «вторичные» погребения в целом не характерны [Плетнева, 1997, с.71]. К описанному выше способу погребения могли привести какие-то экстраординарные обстоятельства, сделавшие необходимыми долгое сохранение непогребенного тела, например смерть, вдали от родового кладбища. Не исключена и возможность переноса останков из другого «первичного» места захоронения. Рассматриваемое погребение очень заметно выделяется из других исследованных в могильнике обилием и разнообразием погребального инвентаря, представленного набором сердоликовых, агатовых, хрустальных и стеклянных бус, серебряными височными кольцами, сосудом, стремянами и целой серией других предметов.

Известно, что останки выдающихся лиц нередко становятся объектами манипуляций со стороны живых, стремящихся с их помощью легитимировать свою власть в моменты социальной нестабильности. Не удивительно, что особенно часто перезахоранивались останки людей высокого социального статуса [Weiss-Krejci, 2001]. Впрочем, это лишь одна из многих возможных гипотез и существуют и совершенно иные мотивы перезахоронений.

Список литературы

- Зайцева О.В.** Между жизнью и смертью: к проблеме интерпретации вторичного погребального обряда // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Колл. Монография. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004а.- С. 163-174
- Зайцева О.В.** Факторы, влияющие на сохранность костной ткани в слое, и проблема интерпретации «некомплектных» костяков // Шестые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004б. – С. 66-69
- Зайцева О.В., Ражев Д.И.** Тафономические индикаторы вторичности погребения // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда. Тезисы докладов всероссийской научной конференции. - Москва: Институт археологии РАН, 2005. С. 9-11
- Нестеров С.П.** Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - 184с.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. - 350с.
- Hertz R.** The collective Representation of Death // Death and the Right Hand. Glencoe, 1960, p.75-103
- Roksandic M.** Position of skeletal remains as a key to understanding mortuary behavior // Advances in Forensic Taphonomy: Method, Theory and Archaeological Perspectives. – CRC Press, 2002. - P. 100-117
- Schroeder S.** Secondary disposal of the dead: cross-cultural code // World cultures. -2001. - № 12. - P. 77-93.
- Shanks M., Tilley C.** Ideology, symbolic power and ritual communication: a reinterpretation of Neolithic mortuary practices // Symbolic and Structural Archaeology. - Cambridge: Cambridge University Press, 1982. - P. 129-154
- Weiss-Krejci E.** Restless corpses: “secondary burial” in the Babenberg and Habsburg dynasties // Antiquity. - 2001. - Vol. 75 - P.769-780

А.В. Кениг*Центр охраны культурного наследия, Ханты-Мансийск*

ТЕОРИЯ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сущность и возможности этноархеологических исследований становятся понятны тогда, когда мы отвечаем на вопрос, для чего необходимы подобные исследования. Общеизвестно, что археологические источники сами по себе не дают информации о социально-экономических, хозяйственно-бытовых и духовных отношениях в первобытном обществе. Для того чтобы реконструировать эти процессы, археологи используют самый широкий набор информации, выходящий за рамки собственно археологического знания. В этом смысле, любая археологическая реконструкция - это лишь огрубленная модель прошлой исторической действительности [Глушков И.Г., 1996]. Ее ценность и значимость зависят от системы логических доказательств, основанных на конкретных фактах. Кроме того, каждая версия должна быть верифицируема. Неслучайно работу археологов сравнивают с работой криминалистов. Однако, в отличие от последних, археологи восстанавливают события не просто по вещам, а по древним вещам. В этом состоит особенность исследовательской процедуры в археологии, сталкивающейся с двойным разрывом [Клейн Л.С., 1978, с.61; Глушков И.Г., 1996]. С одной стороны, это хронологический разрыв (между прошлым и современностью), с другой - идейно-информационный (между вещами и идеями, в них заложенными).

Единственная возможность преодолеть эти разрывы - это наблюдать процессы, происходящие в современном мире, в живых этнографических сообществах. Теоретическим основанием для подобных наблюдений и переноса их на археологические материалы могут служить общечеловеческие стереотипы поведения. Например, данные сравнительно-этологического исследования, охватывающего область поведения человека различных рас и культур, несмотря на разнообразие историко-культурных стереотипов народов и этносов, свидетельствуют о том, что все важнейшие черты поведения оказываются универсальными, т.е. природа человека остается неизменной на протяжении тысячелетий [Плюснин Ю.М., 1994].

Основная проблема заключается в том, на что именно необходимо обращать внимание при наблюдении за современными процессами в традиционных сообществах, чтобы результаты этих наблюдений были максимально адаптированы к археологической реконструкции.

Еще в 50-е годы XX века немецкий археолог Г.Ю.Эггерс заметил, что живое культурное достояние (*lebendes Gut*), которое изучают этнографы, имеет принципиальное отличие от мертвого достояния (*totes Gut*), попадающего в руки археологов [Eggers H., 1950]. Чаще всего, археологи имеют дело с вещами, которые еще в период функционирования культуры приходят в негодность, выходят из употребления или меняют свое функциональное и социальное назначение.

Тем не менее, поведение человека имеет временную детерминанту и всегда представлено в физической среде, в пространстве. Следовательно, «система социальных отношений любого общества, любой группы людей каким-то определенным образом транспонируется в систему пространственных диспозиций; последняя, в свою очередь, каким-то образом способна отпечататься физически в этом пространстве - и самыми многоразличными способами...» [Плюснин Ю.М., 1994].

Задача этноархеологического эксперимента заключается в том, чтобы определить набор правил, по которым социокультурная среда транспонируется в материальные предметы, размещенные в определенном пространстве. Таким образом, для того, чтобы мы могли использовать этнографическую информацию в археологических целях, необходимо не просто изучать поведение человека в этнографических сообществах, а устанавливать закономерности отражения поведения в материальных остатках. Другими словами, изучать «живую» действительность в археологическом контексте.

Прямые этнографические аналогии, в данном случае, не отвечают необходимым требованиям, поскольку процедуры этнографического и археологического исследования имеют взаимнообратную последовательность: этнографы реконструируют реальные связи объекта через обобщение и проверку идеальных (в концептуальном плане) представлений информаторов об этих связях. Археологи, напротив, реконструируют саму реальность в ее объективной, наблюдаемой форме, и лишь потом они могут строить предположения о возможных «родственных связях» [Renfrew C., 1984]. Вместе с тем, этнография обеспечивает контролируемые и проверяемые условия наблюдения. Важно применить соответствующую методологию. По мнению Л.Бинфорда, вполне приемлемой основой для методологического обоснования этноархеологии могут служить, так называемые «когнитивные схемы» процесса опредмечивания деятельности [Binford L., 1977, 1981]. Эти «схемы» были разработаны одним из ведущих теоретиков этноархеологии М.Шиффером [Schiffer M., 1972, 1976].

В вышедшей в 1976 году монографии «Поведенческая археология» М.Шиффер отмечал, что нельзя отождествлять структуру археологических остатков и структуру прошлой деятельности [Schiffer M., 1976]. Поэтому, необходимо хотя бы в общих чертах проследить путь, который проделывают артефакты прежде, чем попасть в руки археолога. Исходя из этого, М.Шиффер выделил два источника воздействия на археологический материал: сам человек и природа. Отсюда вытекают два источника трансформации: «культурные трансформации» и «природные трансформации». Выделив два источника воздействия на археологические объекты, М.Шиффер объединил их в «системный контекст» - совокупность поведенческих условий и «археологический контекст» - совокупность природных условий. Для того, чтобы не происходило смешения разноуровневой терминологии, автор предложил установить эквиваленты в обоих контекстах. Поскольку основная единица археологического наблюдения - артефакт, в системном контексте ему должна соответствовать основная единица человеческого поведения - деятельность. Впоследствии эту схему частично продублировал Л.С.Клейн [Клейн Л.С., 1978]. В силу специфики археологического источника археологию интересуют именно предметные компоненты деятельности, соответствующие артефакту в археологическом контексте. Вещественный эквивалент деятельности и системный эквивалент артефакта М.Шиффер называет «элементами», определяя их через три основные категории:

1. Предметы длительного пользования (оружие, орудия, устройства и т.д.).
2. Предметы потребления (главным образом, пища и топливо).
3. Источники энергии (человек и внешние природные силы).

В данном случае деятельность понимается как продукт взаимодействия какого-либо элемента культуры с источником энергии [Schiffer M., 1976].

Разграничив системные процессы (С-процессы) и археологические процессы (А-процессы), М.Шиффер устанавливает более дробную классификацию процессов формирования археологического памятника:

С-А процесс - образование культурных отложений.

1. Нормального типа - характеризует повседневную жизнедеятельность исследуемого района. Выделяются три разновидности процессов этого типа:

- a). выброс вещи;
- b). использование вещи в качестве погребального инвентаря;
- c). утеря вещи.

2. Оставление - характерно для районов, покинутых населением:

a). обычные отбросы. Сюда попадают вещи, утратившие свою пригодность;

b). псевдо - отбросы, это вещи пригодные к использованию, но оставшиеся в покинутом районе. В данном случае важно выяснить не характер использования вещей, а причины по которым район был оставлен.

А-С процесс - выметание мусора.

1. Использование мусора в строительстве (например, для подсыпки монументального сооружения), коллекционирование древностей и даже археологические раскопки.

А-А процесс.

1. Любая деятельность, вызывающая переотложение культурного слоя (вспашка почвы, рытье каналов и т.д.).

С-С процесс.

1. Любое изменение функции и социального контекста вещи без прекращения ее использования. Выделяется четыре типа этого процесса:

a). обратный цикл - использование сработанной вещи в качестве сырья, либо для воспроизводства старой вещи, либо для изготовления новой вещи с новыми функциями (например, заточка серпа или переделка его в нож);

b). вторичное использование - например, использование зернохранилища в качестве мусорной ямы;

c). консервация - изменение социального контекста вещи. Типичный пример - музейная коллекция;

d). побочный цикл - изменение социального контекста вещи при полном сохранении ее функционального контекста (например, переход вещи от одного владельца к другому):

— формальный переход (через узаконенные каналы);

— неформальный переход (дарение, кража и т.п., неофициальные каналы перехода вещей из рук в руки)

[Schiffer M., 1976].

В данной схеме представлены процессы только культурной трансформации памятника. Природных трансформаций М.Шиффер не затрагивает.

Представленные в качестве примеров модели являются обобщенными. Для применения их в конкретной археологической ситуации они требуют тщательной модификации. Тем не менее, в общей оценке направленности этноархеологического исследования, классификационная схема М.Шиффера представляется вполне продуктивной, хотя и не лишенной определенной условности.

Таким образом, использование этнографической информации для археологических реконструкций является вполне обоснованным и приемлемым. Главная составляющая этноархеологических исследований - это допущение универсальности человеческого поведения, где объектом наблюдения становится социально-экономическая деятельность, выраженная в пространственно-временном распределении материальных остатков и их качественном содержании. При этом, важное значение приобретают исследования процессов «дезорганизации» (археологизации) живой культуры.

Список литературы

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. - Новосибирск, 1996. - 327с.

Клейн Л.С. Археологические источники. - Ленинград, 1978. - 118 с.

Плюснин Ю.М. Этологические подходы к проблеме археологических реконструкций // Методология и методика археологических реконструкций. - Новосибирск, 1994. - С. 37-43.

Binford L.R. General Introduction // For Theory Building in Archaeology // Ed. L.R. Binford. - New York: Academic Press, 1977.

Schiffer M.B. Archaeological context and systematic context // American Archaeology. - 1972. - v. - 37. - Pp.156-165.

Renfrew C. Approaches to Social Archaeology. - Cambridge / Mass. /: Harvard Ethnoarchaeology, 1984.

Л.Ю. Китова*Кемеровский государственный университет, Кемерово***ТЕОРИИ И КОНЦЕПЦИИ В СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 1920-х гг.**

1920-е гг. явились одним из ключевых периодов в становлении археологии как науки в Сибири. Они ознаменовались крупными открытиями, созданием С.А. Теплоуховым первой классификации культур, началом широкого планового изучения края. Были заложены основы для развития археологии как науки, в Сибири начинают работать археологи-профессионалы. В 1920 гг. наблюдался бурный рост краеведческого движения в стране, а интерес краеведов-любителей к археологическим памятникам стимулировал и ускорял процесс их изучения специалистами-археологами. На активизацию археологических исследований в Сибири положительно повлияли: открытие университета и кафедры истории первобытной культуры в Иркутске в 1918 г.; кафедры географии и антропологии в Томском университете в 1919 г., в связи с приездом в Томск С.И. Руденко и С.А. Теплоухова; деятельность в 1919 – 1921 гг. Г. фон Мерхарта в Красноярске.

В советской историографии археологии время после Октябрьской революции 1917 г. и до середины 1930-х гг. исследователи характеризовали как период распространения на археологию принципов и методов марксизма-ленинизма [Генинг, 1982; Пряхин, 1986]. В 1990-е гг. появились иные оценки этого периода [Матющенко, 1992; Формозов, 1992; Клейн, 1993; Китова, 1993]. В 1920-е гг., по мнению учёных, продолжалось развитие традиций дореволюционной археологии [Матющенко, 1992, с. 91; Формозов, 1992, с. 70-82; Клейн, 1993, с. 18;]. На наш взгляд, в истории отечественной археологии в 1920-е гг. вырисовывается двойственная ситуация. С точки зрения организационной перестройки науки или взаимоотношения науки и власти – это совершенно новый период. Если рассматривать методологическую основу науки, то в 1920-е гг. – в археологии господствовали идеи предшествовавшего периода. Изменения в мировоззрение не могли произойти сразу же после Октября 1917 г. Для подготовки высококвалифицированных специалистов требуется длительное время. В научном мире оставались старые кадры. Ученые придерживались традиционных взглядов. В 1920-е годы большевистская идеология была государственной, но еще не господствующей. Методологической основой отечественной археологии оставались эволюционизм и палеоэтнологические концепции. Кроме того, на становление сибирской археологии значительное влияние оказали взгляды известного австрийского археолога Геро фон Мергарта (1886-1959).

Доминирующие в начале XX в. в Европе антиэволюционистские направления в науке сыграли решающую роль при формировании взглядов австрийского ученого. Г. Мергарт был сторонником теории культурных кругов. В сибирском неолите он выделил западную - северо-азиатскую культурную область с гребенчатой керамикой и иркутскую - восточную культурную область. Красноярский округ, по мнению Мергарта занимал промежуточное положение. Г. Мергарт пришёл к выводу об одновременном существовании в различных районах Среднего Енисея несовпадающих по уровню культур. В тот период времени, когда неолитическая культура проникла от Байкала вдоль Ангары и ее притоков в Красноярско-Канский район, Минусинской котловиной она овладеть не смогла, так как последняя уже была заселена народом богатой бронзовой культуры. Бронзовые изделия минусинского типа были обнаружены и на стоянках Красноярско-Канского района. Одновременное употребление наряду с каменными орудиями современного типа южных бронз свидетельствовало, по мнению Г. Мергарта, об обмене между соседними племенами. Однако были найдены и бронзовые предметы, характерные только для северных районов: кельты с геометрическим орнаментом, без ушков, обоюдоострые кривые ножи, центр изготовления которых находился в Красноярском уезде (плавильни у деревень Коркиной и Тетериной). Проникновение подобных изделий в Сибирь австрийский ученый объясняет диффузией из Европейской России. На основании специфических

черт бронзовых изделий северного типа Г. Мергарт делает вывод о «...собственной бронзовой эпохе для севера, которая базируется на неолитической культуре, причем употребление металлических орудий не изменяет этого неолита». Красноярская «бронзово-неолитическая культура» существует до заключительной стадии минусинской бронзовой культуры и вытесняется последней вследствие вторжения в Минусинскую котловину с юга тюркского населения, носителя железной культуры. [Мергарт, 1923, с. 29-36]. Сибирские культуры Г. Мергарт рассматривал как далекие провинции, развивающиеся только в результате диффузии из Передней и Центральной Азии или Европы. Уязвимость теоретических взглядов Г. Мергарта можно усмотреть в объяснении им развития древних культур Сибири исключительно заимствованиями достижений более цивилизованного мира. Однако, с другой стороны, кропотливое определение связей между соседними и дальними культурами, прослеживание диффузии и усвоение конкретных элементов чужой культуры поставили на повестку дня перед отечественными учеными вопрос о реально существующих в истории общества явлениях.

Ведущими для сибирской археологии явились эволюционно-палеоэтнологические концепции Б.Э. Петри и С.А. Теплоухова [Савельев, 1991, с. 75-93; Китова, 1994, с. 57-68]. По образованию они оба были естественниками и считали обязательным проводить комплексные исследования по археологии, этнологии и антропологии в сочетании с изучением естественной среды обитания древнего человека. Комплексный подход давал учёным необходимые материалы для понимания культурно-исторических процессов, происходивших в Сибири. Палеоэтнологические исследования должны были помочь восстановить древнейшую историю человеческого общества. Только с помощью комплексных палеоэтнологических исследований в Азии, считал С.А. Теплоухов, можно решить «... такие основные вопросы, как происхождение человека, переселение народов, возникновение и распространение тех или иных культур и культурных влияний, их смену» [Теплоухов, 1929, с. 41]. Б.Э. Петри писал, что «...конечной целью всякого археологического исследования является выделение комплекса связанных между собой находок (культур), пределов распространения и, наконец, отнесения их к доисторическому прошлому тех или иных народов» [Петри, 1922, с. 2]. Большое значение Б.Э. Петри и С.А. Теплоухов придавали природно-климатическим условиям, в которых развивались первобытные культуры. Б.Э. Петри связывал появление неолита в Сибири с изменением климата в конце четвертичного периода. Отмечая роль географического фактора, он считал, что граница леса послужила непреодолимой преградой для проникновения в северные районы скотоводческой бронзовой культуры [Петри, 1926, с. 34]. Б.Э. Петри полагал, что в период существования в степях развитой бронзовой культуры скотоводов, в лесах Прибайкалья продолжала существовать поздняя неолитическая культура рыбаков. Эти культуры, по его мнению, безусловно, имели какие-то контакты, торговые, военные. Возможно даже ограбление курганов. Поэтому археологически отмечается проникновение бронзовых изделий в таежную зону. Исследователь не видел оснований для существования бронзовой культуры в Прибайкалье и считал, что эпоха камня в Прибайкалье сменилась эпохой железа. Смена культур, согласно Б.Э. Петри, произошла за счет перемещения кочевников Центральной Азии на север [Петри, 1928, с. 52-54].

Внимание С.А. Теплоухова, как ученого натуралиста и географа, привлекала разнообразная ландшафтная зона Минусинского края. Он рассматривал этот район как контактный и считал его изучение «ключом к пониманию древних культур всей Северной Азии» [Теплоухов, 1929, с. 41 – 42]. Раннее развитие бронзовой культуры на юге в Минусинском крае он объяснял наличием больших запасов руды. С.А. Теплоухов так же, как и Б.Э. Петри, в своих работах неоднократно подчеркивал определяющее значение географической среды на развитие исторического процесса: «В то время, как за Саянами, в изолированной природными условиями Минусинской котловины, развивается как на острове, богатая культура поздней бронзы с коллективным строем ..., в степных районах Средней Азии (включая и внешнюю Монголию) мы видим иную картину. ... Есть некоторые основания предполагать, что причинами миграции народов были периодические изменения в климатических условиях Азии» [ГАПО, ф. 613, оп. 3, д. 167, л. 1-2]. С.А. Теплоухов писал, что «...в благоприятных условиях Европы детализировались те культурно-исторические процессы, которые, возникая в Азии, в зависимости, по-видимому, от изменений физико-географических условий, охватывали громадные пространства всего обширного материка» [Теплоухов, 1929, с. 41]. Развитие степных племен Европы и Азии ученый рассматривал как единый исторический процесс, оставляя первенство в развитии культуры за Азией. Область проживания отдельных этносов С.А., Теплоухов ставил в зависимость от географических границ района: «С естественно-историческими районами совпадают и культурно-бытовые зоны. Как бы ни были велики колебания этнических границ в различные моменты жизни народов Северной и Центральной Азии, они всегда, в конце концов, останавливались на географических границах» [Там же, с. 41 – 42].

На основе эволюционно-палеоэтнологических взглядов без абсолютизации постепенного поступательного развития С.А. Теплоухов смог установить схему смены одной археологической культуры другой более развитой, не отрицая влияние извне, контактов с соседними территориями и миграционных процессов. Эволюционные концепции, утверждающие общий прогресс человечества, использовались советскими археологами в дальнейших исследованиях. В целом, научные взгляды Г. Мергарта, Б.Э. Петри, С.А. Теплоухова стали основой для сибирской археологии на многие годы вперёд.

Список литературы

- Генинг В.Ф.** Очерки по истории советской археологии. – Киев: Наукова думка, 1982. – 226 с.
- Китова Л.Ю.** Изучение археологии Сибири эпохи палеометалла в 1920-30-е гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 22 с.
- Китова Л.Ю.** Эволюционно-этнологические концепции С.А. Теплоухова // Методология и историография археологии Сибири. – Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 1994. – С. 57-68.
- Клейн Л.С.** Феномен советской археологии. – СПб.: Фарн, 1993. – 128 с.
- Матющенко В.И.** История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). – Омск: Изд-во Омского ун-та, 1992. – 138 с.
- Мергарт Г.К.** Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Известия Красноярского Отдела Русского Географического Общества. – Красноярск, 1923. – Т. 3. – Вып. 11. – С. 29-36.
- Петри Б.Э.** Первые следы доисторического человека в Сибири. – Чита, 1922. – 12 с.
- Петри Б.Э.** Сибирский неолит. – Иркутск, 1926. – 40 с.
- Петри Б.Э.** Далёкое прошлое Прибайкалья. – Иркутск, 1928. – 73 с.
- Пряхин А.Д.** История советской археологии. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. – 286 с.
- Савельев Н.А.** Вклад Б.Э. Петри в изучение сибирского неолита // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. – С. 75-93.
- Теплоухов С.А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 41-62.
- Формозов А.А.** Археология и идеология (20-30-е годы) // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 70-82.

Л.Н. Корякова*Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург*

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Включение российской археологии в мировую науку имеет не только позитивные результаты, но и вызывает определенные трудности, касающиеся теоретических установок и интерпретации материала. Хотя не трудно увидеть, что многие «теоретические открытия» были сделаны независимо по обе стороны «железного занавеса». Более существенна разница в терминологии, связанной с концепциями, вытекающими из разных философских позиций и культурных контекстов.

Культурно-исторический подход в российской археологии

Этот подход достаточно много критиковался в англо-американской археологии. В отечественной науке он прочно сохраняет свои позиции, позволяя учитывать многообразие хронологических и ареальных вариаций культуры и фиксируя их археологическими средствами.

Как известно, понятие «археологической культуры» «родилось» ради восприятия многообразия прошлой человеческой культуры. Оно пережило несколько драматических моментов в своей истории, например, когда АК прямо отождествлялась с каким-либо народом и использовалась для политических и националистических целей. Г. Чайлд определял АК как повторяющийся набор остатков: посуды, орудий труда, украшений, погребального ритуала, форм жилища [Childe 1929]. Из-за своей нормативной природы это определение практически вышло из употребления за рубежом. Однако, как заметил Томас [Thomas 1999, с. 440], Чайлд сконденсировал данные о тысячах артефактах, изготовленных и использовавшихся определенными группами людей в определенное время, в культурные ансамбли. Эти культуры стали строительными блоками доистории, актуальной и сегодня. Системный подход к культуре, предложенный Кларком [Clarke 1968], сыграл важную роль в развитии инструментария археологии. Его стратегия моделирования помогла лучше осознать тот факт, что связи между прошлой культурой и археологическим материалом сложны, а археологическое исследование это не что иное, как их непрерывное моделирование [Clarke 1972, с. 3]. В таком контексте, археологическая культура приобрела статус многомерной модели и более-менее строгую форму, доступную для статистических и математических операций. Однако ее изначальная нормативная природа и большая степень неопределенности «сопротивлялась» строгой исследовательской процедуре, предложенной процессуалистами. Последние заменили АК «квадратным образом культуры» [Binford 1962; Jones 1997], а историю культуры – системным эволюционизмом и функционализмом [Thomas 1999].

Нет сомнения, что археологическая культура как эвристический археологический инструмент, то есть как маркер сходства и повторяемости, зафиксированной археологическим материалом, имеет полное право на существование. «Хотя интерес к локальным особенностям, присущий культурно-историческому подходу, уступает по популярности элементам археологии, ориентированной на теорию, он вполне согласуется с недавним интересом к проблеме связи между материальной культурой и этничностью, а также с контекстуальной археологией [Gosden 1999, с. 476].

Отрицая прямую корреляцию между археологической культурой и конкретным социальным образованием, мы, однако, не можем отбрасывать тот факт, что археологические паттерны дают представление об обобщенном (кумулятивном) образе пространственно выраженного человеческого опыта (культуры), который реализовался в определенное время, в определенном месте, и относился к определенной группе людей.

Но концепция АК имеет большие ограничения. Изучение исторически известных народов свидетельствует о разнообразии и иерархии социальных и культурных образований. Близкие экологические условия влияют на образование сходных культурных стереотипов в экономической сфере, быте и верованиях. Это способствует формированию общего культурного фона, в котором горизонтальные связи между народами, независимо от их возраста, играют очень большую роль. Для обозначения такого явления используется понятие историко-культурной общности. Таксономически близкое, но неидентичное понятие – «семья культур», которое необходимо для того, чтобы подчеркнуть возможные генеалогические отношения внутри некоторой территории [Корякова 1991; Матвеев 1998]. Термин «культурный мир» в основном употребляется по отношению к эпохе железа. Он понимается как конгломерат экономических, социальных, этнических, политических, психологических детерминант [Щукин 1994].

Очевидно, что эти и другие понятия культурно-исторической систематики сохраняют свое значение в археологии России, где плотность исследованных памятников гораздо меньше, чем, к примеру, в Европе. Необходимо найти соответствие, или, по крайней мере, большее понимание, между российскими и западными теориями и «укрепить» мост между культурно-историческим подходом и социальной археологией.

Некоторые социальные модели и проблема социальной интерпретации археологических источников

До недавнего времени развитие социальных систем рассматривалось через призму эволюционной теории, в соответствии с которой уровень цивилизации, ассоциирующийся с государством, являлся высшим на социальной шкале.

В сравнении с проблемой происхождения государства, социальная организация эпохи бронзы и железа не получила системного внимания в российской литературе, она долгое время определялась в терминах «военной демократии» или в рамках широкого толкования «разложения первобытного общества», хотя разница между этими двумя периодами была очевидной. Попытки найти новые парадигмы характеризуют современную ситуацию в отечественной социальной археологии, которая, как кажется, отходит от схематической стадийной перспективы в сторону научно обоснованных оценок социального порядка.

На Западе, как заметил Стейн, недавний отход от эволюционистских объяснительных моделей в археологии Старого Света связан с критическим пересмотром традиционной типологии: локальная группа, племя, вождество и государство, а также с общей критикой преувеличения роли системной теории процессуальными моделями [Stein 1998, с. 4]. Этот тренд сопровождается тенденцией рассматривать региональные линии развития как исторически и географически уникальные явления.

В целом, теория социальной сложности, широко принятая на Западе, полезна для изучения траектории развития общества в компаративном пространстве. Вопросы не возникают, когда, приходится иметь дело, например, с государством и замкнутыми общинами охотников-собираателей. Разногласия становятся более существенными в изучении ранних форм социальной сложности из-за их большого разнообразия.

Исследования показывают, что природа социальной сложности может по-разному выражаться в материальной культуре и не всегда соответствовать ее классическим определениям. Достаточно напомнить, что археологические индикаторы социальной сложности в пастушеских обществах отличны от таковых в земледельческих коллективах.

В изучении вождества, как модели переходного общества, в настоящее время делается упор на стратегии элиты (например, сетевые и корпоративные), используемые для поддержания экономической и политической власти. Признано также, что понятие вождества слишком обширно, и нужно различать его варианты [Stein 1998, с.6-8].

Недавние антропологические исследования показали, что в социальной эволюции существуют альтернативы вождеству как иерархической форме социальной организации. В социальной эволюции прослеживаются как минимум две стратегии: иерархическая или «вертикальная» (вождество и государство) и не-иерархическая или «горизонтальная» (демократические горские общины и греческие полисы) [Библиографию см. в Крадин 2001].

С другой стороны, для ряда случаев в археологии Старого и Нового Света предложена концепция «гетерархии» (heterarhy), которая может определяться отношениями элементов общества между собой, когда они не ранжированы или когда они обладают лишь потенциалом для ранжирования тем или иным путем [Stein 1998, 7].

Стоит, однако, признать, что археологи не очень дружелюбны по отношению к социальным теориям из-за невозможности найти археологические соответствия антропологически выделенным критериям. Поэтому

вечная проблема – как представить общества, которые обозначены только археологическими остатками, и как найти следы и средства объективизации прошлых реалий. Шеннан считает, что археологи должны реконструировать социальные практики, а не обобщенные социальные институты [Shennan 1993]. По мнению Йoffee археологам следует развивать их собственные стандарты кросс-культурных исследований и освободиться от заимствования неподходящих теорий из других областей. Новая социальная теория должна исследовать как непрерывные, так и дискретно изменяющиеся археологические секвенции средствами кросс-культурного, внутри-археологического сравнения [Yoffee 1993].

Разделяя многие из вышеотмеченных идей, добавлю, что социальный анализ должен проводиться как на микро-уровне со ссылкой на реальных участников социальной практики – людей, чей опыт материализован в археологических культурах, так и на макро-уровне – в плане обращения к длительному тренду социального развития.

Список литературы

- Крадин Н.Н.** Политическая антропология. – М.: Ладомир, 2001.
- Корякова Л.Н.** Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале эпохи железа). – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991.
- Матвеев А.В.** Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998.
- Щукин М.Б.** На рубеже эр. – Санкт-Петербург: Фанн, 1994.
- Binford, L. R.** Archaeology as Anthropology // *American Antiquity*. – 1962. - № 28. – P. 217-225.
- Clark, D. L.** Analytical Archaeology. - London: Methuen, 1968.
- Clark, D. L.** Models and paradigms in contemporary archaeology // *Models in Archaeology*. - London: Methuen&Co. LTD, 1972. – P. 1-108.
- Childe, V. G.** The Danube in Prehistory. - Oxford: Oxford University Press, 1929.
- Gosden, C.** 'The organization of society // *Companion Encyclopaedia of Archaeology*. – London&New York: Routledge, 1999. – P. 470-503.
- Jones, S.** The Archaeology of Ethnicity. - London&New York: Routledge, 1997.
- Shennan, S.** After social evolution: a new archaeological agenda? // *Archaeological theory: who sets the agenda?* - Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 53-59.
- Stein, G. L.** Power and Political Economy: Some Current Issues in the Archaeology of Old World Complex Societies // *Journal of Archaeological Research*, 1998. – Vol. 6 (1). - P. 1-229.
- Thomas, J. S.** Culture and Identity // *Companion Encyclopaedia of Archaeology*. - London and New York: Routledge, 1999. – P. 431-469.
- Yoffee, N.** Too many chiefs? (or Safe text for the 90s) // *Archaeological theory: Who Sets the Agenda?* Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 60-79.

А.Я. Мартынов

*Соловецкий государственный историко-архитектурный
и природный музей-заповедник, Соловки*

КАМЕННЫЕ ЛАБИРИНТЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ И «КУЛЬТОВО- ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ» СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Одной из тем северной археологии, интересующей исследователей более 100 лет [Спицын, 1904; Виноградов, 1927; Гурина, 1948; Куратов, 1973; Kraft, 1984; Мартынов, 1990; 2004; Odner, 1961; Olsen, 2002 и др.], были и остаются каменные лабиринты Северной Европы. К настоящему времени в обширном регионе зафиксированы более 500 таких выкладок, более 50 из них находятся на территории России, в том числе около 30 были обнаружены на Соловецких островах. Согласно классификации А.А. Куратова лабиринты можно разделить на кругло-спиральные, подковообразные «простые», «классического типа», биспиральные и концентрически-круговые. Значительная часть лабиринтов Соловецкого архипелага, сопровождающихся валунными насыпями и выкладками «символического характера», были предположительно интерпретированы как первобытные «святилища» «культово-погребальные комплексы» [Куратов, 1973].

Проблематика каменных лабиринтов и сопровождающих их выкладок обширна и сложна. Наряду с традиционными проблемами датировки, культурной принадлежности и назначения сложений требуют ответов такие вопросы, как причины разнотипности лабиринтов, присутствия на островах «одиночных» и сгруппированных «вавилонов», расположения их на разных высотах над уровнем моря, структурные различия кладок и т.д.

Продолжительные полевые исследования в районе распространения лабиринтов и «святилищ» на островах Белого моря привели автора к выводу об отсутствии в «лабиринтоведении» общепринятой методики изучения данных памятников, что и обуславливает спорность многих научных построений.

Как методологически правильно сформулировать «традиционные» проблемы каменных лабиринтов? Были ли они объектами какого-то одного хронологически чётко очерченного исторического периода, аналогичными по функциональному назначению, или принадлежали разным эпохам, а их функции различались и трансформировались во времени? Где обитали их строители, и что объединяло создателей лабиринтов, вероятно, разделённых расстоянием и временем? Взаимосвязаны ли проблемы каменных лабиринтов, или их можно рассматривать независимо друг от друга? Какие из сотен каменных выкладок Соловецкого архипелага можно объединять понятием «святилище»? Каково их древнее назначение? С какими памятниками материальной культуры связаны лабиринты и комплексы?

На наш взгляд, лишь аргументированные ответы на эти вопросы и формирование полного банка данных о каменных сложениях могут привести к выработке необходимой методики изучения ключевых проблем каменных лабиринтов и «культово-погребальных комплексов», а на её основе – к их решению.

Прямых археологических источников, позволяющих дать достоверные ответы на сформулированные выше вопросы, не существует, поэтому мы можем опираться лишь на некоторую сумму косвенных данных. Среди них:

- различная топография [высоты над уровнем моря от 2 до 40 м], не допускающая отнесения всех валунных выкладок только к одному [раннему или позднему] узкому хронологическому периоду;
- факт типологического разнообразия каменных лабиринтов Северной Европы, за которым скрываются какие-то явления или процессы культурного, или социального - религиозного характера;
- факт существования «одиночных» каменных лабиринтов в местах традиционных морских промыслов и групп сложений данной категории [от 2 до 13], сопровождающихся десятками или сотнями валунных насыпей;

- существенный набор структурных и технологических различий. В их ряду: наличие или отсутствие насыпей в структуре лабиринтов, «стандартные» и специально оформленные «входы», стенки, сложенные в один ряд или в виде «горки», разные размеры [от 3.4 м до 25.4 м в диаметре] и т. д.;

- наличие под некоторыми из раскопанных валунных насыпей Соловецкого архипелага культурных остатков в виде кварцевого и кремнёвого инвентаря [скребков, нуклеусов, заготовок], отходов каменной индустрии, кальцинированных косточек млекопитающих, птиц, рыб, и человека разного времени;

- присутствие в непосредственной близости (100 – 300 м) от «культово - погребальных комплексов» древних стоянок, датированных по керамике и кремнёво-кварцевому инвентарю эпохами бронзы и раннего железа;

- обилие разновременных аналогов каменных лабиринтов в виде изображений на различных объектах и предметах мировой культуры, датированных в хронологических рамках II тыс. до н.э. – сер. XX в. [Чарнолуцкий, 1972].

Совокупность фактов и логика позволяют отойти от упрощённых «традиционных» формулировок основных проблем [какова датировка, культурная принадлежность и назначение каменных лабиринтов], а priori предполагающих существование исчерпывающих ответов, касающихся ВСЕХ памятников данной категории. Такую постановку вопросов нельзя признать научно корректной. Этому противоречит наличие признаков сложения данных выкладок в разное историческое время [в рамках II-I тыс. до н.э., в I тыс. н.э., в XII – XVII вв.]. Иной формулировки проблем требует и факт распространения лабиринтов на обширной [в том числе, трудно-доступной] территории.

Методологически верными, таким образом, представляются следующие формулировки основных проблем:

- каковы основные датировки каменных лабиринтов Северной Европы, в какие рамки укладывается весь процесс их сооружения и использования;

- какие территориально очерченные группы первобытного и средневекового населения Северной Европы были их создателями;

- существовали ли связи между данными группами населения, объясняющие сам факт распространения лабиринтов на столь широкой территории;

- в каких хронологических рамках осуществлялось создание «культово – погребальных комплексов» Соловецких островов;

- в чём заключалось первоначальное назначение одиночных каменных лабиринтов, выложенных в местах бытования морских промыслов;

- каковы древние функции лабиринтов, составляющих часть «святилищ»;

- трансформировались – ли функции лабиринтов и «святилищ» во времени;

- существовали ли функциональные различия между материковыми и островными лабиринтами.

Обобщая имеющиеся археологические данные, и учитывая гипотезы о датировании каменных лабиринтов, можно констатировать, что данные сложения разного времени присутствуют, как минимум, на территории Швеции, Финляндии и России. Это позволяет отнести начало процесса их создания ко II тысячелетию до н.э., а окончание – к XIX в. Внутри данных хронологических рамок и следует искать датировки локальных групп и одиночных каменных лабиринтов на всей территории их распространения. Временем наиболее активного сооружения лабиринтов можно, видимо, считать отдельные периоды эпох бронзы, раннего железа и классического средневековья.

В соответствии с данным методологическим подходом представляется бессмысленным с научной точки зрения занятием определение какого - то общего этноса [или археологической культуры], с которыми можно было бы связывать лабиринты Северной Европы. Перспективно иное – поиски локальных памятников первобытной или средневековой материальной культуры, территориально и хронологически близких данным сложениям, их сопоставление с целью выявления наличия или отсутствия между ними культурных связей.

Вместе с тем, как устойчивый и ярко выраженный культурный признак, каменные лабиринты могли быть сооружены людьми, близкими по уровню развития сознания и культуры, что предполагает наличие между локальными группами их создателей каких-то связей как географических, так и пространственно – временных. Выявление таких связей представляется методологически оправданным для решения вопроса о причинах и путях распространения данного культурного явления на археологической карте Европейского Севера.

Проблема функциональных назначений каменных лабиринтов может рассматриваться, на мой взгляд, только в комплексе с вопросами датирования и культурной принадлежности локальных групп данных выкладок. Наиболее сложен вопрос о первоначальном назначении лабиринтов, при решении которого исследователям трудно опираться на аналоги и этнографические данные. В отношении «одиночных вавилонов»

наиболее убедительной выглядит гипотеза Н.Н. Гуриной об объектах культово – промысловой магии, сооружавшихся для отправления магических обрядов с целью обеспечения успеха в морском промысле и возобновления стада промысловых животных и рыб [Гурина, 1948]. Функции лабиринтов – элементов древних «святилищ» Соловецкого архипелага – могли быть более разнообразными. Артефакты, обнаруженные в процессе стационарного изучения «святилищ», их география и топография, а также символический характер одного из элементов «культово – погребальных комплексов», позволяют предполагать существование, как минимум, двух функций лабиринтов в древности: символа «нижнего мира», и магического инструментария, обеспечивавшего действенность совершавшихся здесь обрядов, связанных с верованиями их создателей [Мартынов, 2004. С. 14].

Трансформировались ли первоначальные функции каменных лабиринтов во времени? Вероятно, на это указывает разнообразие функций «вавилонов», нашедшее отражение в позднесредневековой микротопонимии [«тройная игра», «танец юных дев», «ограда монахинь» и т.д.]. Невозможность исполнения некоторых из них [«камен город», «крепость»] в древние времена может означать, что тогда их функции были другими.

На основании выше изложенного допустима следующая рабочая гипотеза, возможно, объясняющая, географию и широкие хронологические рамки существования «культуры» каменных лабиринтов Северной Европы. Возникшие на одной, более четко очерченной территории [Швеции, обладающей наибольшим количеством данных памятников-?], каменные лабиринты, как один из основных символов древней культуры данного региона, проникли в процессе распространения культурного влияния на прилегающие и отдалённые территории. При таком развитии данного исторического явления была неизбежна постепенная трансформация символики и функционирования лабиринтов, появления новых или видоизмененных функций этих загадочных сложений. Появление поздних каменных лабиринтов могло быть связано с трансформацией античных мифов в христианской культуре и разного рода экспансиями, часто происходившими в Северной Европе в последние века нашей истории.

Список литературы

- Виноградов Н.Н.** Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников // Материалы Соловецкого общества краеведения. – Соловки, 1927. – Вып. 4.
- Гурина Н.Н.** Каменные лабиринты Беломорья // Советская археология. – 1948. - № 10. - С. 125-142.
- Kraft J.** Aldrig vilse i en labyrinth Norrbotten 1980-81. – 1982. –С. 7-32.
- Куратов А.А.** Древние лабиринты Архангельского Беломорья // Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1973. – С. 63-76.
- Мартынов А.Я.** О некоторых проблемах соловецких святилищ // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. – С. 282-300.
- Мартынов А.Я.** Первобытное археологическое прошлое островов Белого моря: итоги и проблемы изучения // Вестник Поморского университета. Архангельск, 2004. – № 1 [5]. – С. 5-17.
- Odner K.** To ny-oppdagede labyrinter i Ost-Finnmark. Viking, XXV. 1961.
- Olsen B.** Labyrinths of the North // Natural and Cultural Heritage of the White Sea Islands – Petrozavodsk, 2002. – P. 40-51.
- Спицын А.А.** Северные лабиринты // Известия Археологической комиссии. - 1904. – Вып. 6. – С. 101-112.
- Чарнолуский В.В.** В краю летучего камня. М., 1972. – С. 87.

О.М. Мельникова*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск*

ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИИ: В ПОИСКЕ НОВЫХ СМЫСЛОВ?

В последнее десятилетие стало очевидным фактом признание археологическим сообществом историографии как самостоятельного раздела науки. Увеличение числа исследований по истории археологии на рубеже XX-XXI вв. знаменует новые явления и изменившуюся роль истории науки, которые подлежат осмыслению. Оно имеет исследовательское значение – выработка научных подходов, и педагогический смысл – обучение студентов в процессе освоения ими профессиональных ценностей. Остроту обращения к методологическим проблемам историографии придают и неоднозначные монографии последних лет А.А.Формозова [Формозов, 2004; 2005].

В условиях возможностей методологического синтеза новых исследовательских подходов, расширяющих факторы исторических объяснений, приобретает значение определение места археологии в обществе и в системе наук, понимание тенденций в ее развитии, изучение дисциплинарной организации и структур научного сообщества. Поэтому важно определиться с понятием и термином, характеризующим процесс изучения истории археологии. Термин «историография археологии» стал результатом долгих поисков через понятия «история археологических знаний», «история отечественной археологии». Причем, нельзя сказать, что он является однозначно утвердившимся и обладает общепринятым содержанием. Терминологическое определение раздела археологии, изучающего ее историю, важно для понимания предмета историографии. В последние годы в археологии постепенно преодолевается узость в его понимании только как истории археологических знаний. Публикуемая литература убеждает в том, что историография изучает процесс накопления знаний, выявляет изменения в организации научной деятельности, исследует социальные функции археологии, рассматривает систему подготовки кадров, характеристику формальной и неформальной коммуникаций в науке, гендерную составляющую дисциплинарного сообщества. Интеллектуальная история археологии гармонично сочетается с социальной историей науки.

Успешность историографическому исследованию придает активный поиск и введение в научный оборот источников, хотя многие из них редко подвергаются специальному анализу. До сих пор не определена их познавательная ценность. Классификация историографических источников, показывает, что в большинстве работ в качестве таковых выступает массовый историографический источник – опубликованные работы. В меньшей мере используются черновики, наброски рукописей, отстраненные варианты текстов, выписки; диссертации, авторефераты; неопубликованные рукописи; тексты лекционных курсов; учебные программы; документы личного происхождения; периодическая печать; библиографические обзоры; статистические источники; делопроизводство учреждений. Работы последнего времени убеждают в том, что расширение круга источников придает обоснованность выводам, позволяет глубже понять процессы истории науки.

Особая проблема - понятийный аппарат историографии. Она пришла в историографию археологии из историографии исторической науки, где, к сожалению, до сих пор нет однозначного определения содержания понятий, характеризующих научное сообщество: «научное направление», «научная школа», «проблемная область», «течение», «движение».

В историографии археологии, за редким исключением, не раскрываются теоретико-методологические подходы авторов историографических работ. Их можно проследить вслед за исследователями лишь при анализе целей исследования, которые состоят в том, чтобы «проанализировать», «обобщить», «выявить», «описать» историографические факты. Возможно, что одним из выходов из этой ситуации являет-

ся формирование представлений о наличии нескольких последовательных уровней историографического исследования, связанных с описанием и объяснением историографических фактов. К сожалению, такое понимание логики историографического исследования встречается крайне редко [Генинг, 1982; Ганжа, 1987; Лебедев, 1992; Матющенко, 2001]. Каждый из уровней историографического исследования - фактологический, историографический, науковедческий - имеет собственные методы изучения. Они также заслуживают обсуждения.

В основе историографических методов лежат общенаучные методы. Широко применяются специальные научные методы исторического исследования - генетический, сравнительный, типологический, системный, хотя в историографии преобладают два первых. Частно-научными методами историографии являются методы выделения социальных структур в археологии (научных направлений, школ, течений, движений, разделов науки). Но неопределенность содержания этих понятий приводит к тому, что в качестве критериев их выделения используются разные признаки. Направления выделяются как тематические разделы науки (первобытная, античная, восточная, славяно-русская) (Формозов А.А.), на основе теоретических и методологических концепций (диффузионизм, эволюционизм, географический детерминизм) (Монгайт А.Л.), (процессуализм, постпроцессуализм, неомарксизм) (Корякова Л.Н.), влияния господствующих парадигм (эволюционное, классическое, палеоэтнологическое, социологическое) (Генинг В.Ф.), (культурно-историческое, историческое, бытописательское, этнологическое, экологическое) (Лебедев Г.С.). Это затрудняет сопоставление направлений в структурном и генетическом контексте. Подобная проблема возникает и при выделении научных школ, где в качестве критериев называют национальную принадлежность, общность методов исследования, проблематику работ, принадлежность к университетам, географический признак, общность учителя, наличие исследовательской программы [Мельникова, 2003].

Особого разговора заслуживает метод периодизации истории археологии, поскольку он обеспечивает структуру для изучения истории мировой, российской и региональной археологии. Появляются периодизации, связанные с развитием археологии в учебных заведениях [Тихонов, 2003. С.223-227]. Имеется опыт использования науковедческой периодизации развития исследовательских программ научных школ [Мельникова, 2003]. Проблема периодизации истории археологии вытекает как из недостаточной фактологической изученности истории археологии в масштабах страны, так и возможностей множества критериев периодизации. Значимость обоснованных критериев неразрывно связана с определением хронологии выделяемых периодов, которая так же является предметом дискуссии. Особенно это касается определения временных границ между периодами.

Интересен метод биографический метод, хотя, как показывают работы А.А.Формозова [Формозов, 2004, 2005], в его нынешнем виде он уязвим для критики. Особая проблема здесь состоит в определении предмета биографического изучения – должен ли он включать только интеллектуальную биографию ученых или следует изучать персональную биографию в целом. Актуален в его реализации микроисторический подход, дополняемый историко-антропологической методологией, предполагающей изучение разнообразных форм научного быта, в том числе, с использованием метода включенного наблюдения. Преодоление проблем биографического жанра может быть снято при освоении методологии устной истории. Ее реализация в практике археологии отчасти заменит почти полное отсутствие мемуарной литературы, о чем вполне справедливо сожалел на грязновских чтениях С.С.Тихонов [Тихонов, 2004. С.30]. На стадии разработки и систематизации историографических фактов представляют интерес методы исторической информатики [Холушкин, Воронин, 2004. С.42].

Предметом изучения историографии археологии пока не была индивидуальность как аспект личности ученого. Врожденные свойства человека, ум, склад мышления, интеллект, черты характера, темперамент, воспитание и образование, наложенные на человеческие особенности, в конечном счете, определяют восприятие внешнего мира [Вандалковская, 2001. С.258]. В том виде, как это исследует А.А.Формозов, подход явно не приемлем [Формозов, 2004; 2005]. Поэтому методология историографии должна делать шаги в направлении изучения персональной биографии археологов.

Следует обратить внимание на еще одну животрепещущую, но, возможно, пока четко не осознаваемую археологическим сообществом проблему историка науки как очевидца и участника событий. Как соединить в одном лице исследователя истории науки и свидетеля события? Каковым должен быть синтез позиций очевидца и отстраненного наблюдателя? История археологии практически не была предметом рассмотрения ни публицистов, ни мемуаристов. Поэтому и возник этот новый нюанс в историографической практике археологии. Полагаю, что постановка и разрешение этой проблемы позволит вести более корректные исследования. Ее важность обуславливается еще и тем, что в науке одновременно работает несколько поколений ученых, для каждого из которых существуют свои собственные научные предпоч-

тения, авторитеты, отношение к прошлому науки. Введение в познавательный процесс историографии археологии категории «поколение археологов» приобретет не только эмоциональный, но и важный структурно-содержательный смысл. Эта категория в историографии исторической науки уже позволила вести сравнительное изучение поколений историков, каждое из которых было носителями определенной субкультуры [Сидорова, 2002]. Рассмотрение истории археологии с позиций концепции поколений может выстроить более взвешенную оценку деятельности ученых в науке.

В условиях рефлектирующего состояния наука обращается к своему прошлому опыту. Он должен быть исследован в рамках научного подхода, методология которого, что теперь совершенно очевидно, нуждается в обосновании, поскольку является важным инструментом продуктивности научного творчества.

Список литературы

- Вандалковская М.Г.** Индивидуальность в научном творчестве историка // Мир историка – М.: Институт российской истории РАН, 2002. – С.258-279.
- Ганжа А.И.** Этнические реконструкции в советской археологии 40-60-х гг. как историко-научная проблема // Исследования социально-исторических проблем в археологии – Киев: Наукова думка, 1987. – С.137-159.
- Генинг В.Ф.** Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20 -е – первая половина 30-х годов). – Киев: Наукова думка, 1982. – 225 с.
- Лебедев Г.С.** История отечественной археологии. 1700-1917. - СПб, 1992. – 485 с.
- Матюшенко В.И.** Триста лет сибирской археологии. - Т.1. – Омск: Омск.гос.ун-т, 2001. –179 с.
- Мельникова О.М.** Свердловская научная археологическая школа В.Ф.Генинга. – Ижевск: УдГУ, 2003. – 194 с.
- Сидорова Л.А.** Поколение как смена субкультур историков // Мир историка - М.: Институт российской истории, 2002. – С.38-54.
- Тихонов И.Л.** Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. - СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. –332 с.
- Тихонов С.С.** К вопросу об изучении истории археологии Сибири // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Омск. гос.ун-т, 2004. – С.27-32.
- Формозов А.А.** Русские археологи в период тоталитаризма. - М.:Знак 2004. – 320 с.
- Формозов А.А.** Человек науки.– М.: Знак, 2005. – 224 с.
- Холушкин Ю.П., Воронин В.Т.** Проблема качественного историографического анализа // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова - Омск: Омск.гос.ун-т, 2004. – 42-45.

О.М. Мельникова*Удмуртский государственный университет, г. Ижевск*

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ

Среди неотложных мер, которые необходимы для развития археологии, важно обратить внимание научного сообщества на состояние профессионального археологического образования в России. Становление специализации «археология» в отечественных университетах связано с развитием исторического образования в СССР и в содержательном плане полностью совпадало с идеями марксистской парадигмы исторического процесса. Ориентируясь на унитарно-стадиальный подход к истории, образование предполагало последовательное изучение всех археологических эпох. Методология и теория науки изучались в рамках спецкурсов «Методы полевых и камеральных исследований» и «История археологического знания». Учебный план включал археологическую практику, сдачу госэкзаменов и написание дипломных работ.

Длительное время подготовка археологов велась в столичных университетах. С начала 70-х гг. XX в. значительное количество провинциальных университетов открыли специализацию «археология». С этого момента расширяется тематика спецкурсов. Она была связана со спецификой становления археологических центров в университетах. На ее содержание повлияли региональные традиции, интересы ученых-организаторов науки, актуальность научных проблем, подлежащих решению. Сложилась практика приглашения ведущих специалистов для краткосрочного чтения спецкурсов. В 90-е годы XX в. возникла возможность приглашения для этих целей зарубежных археологов.

Все это позволяет эффективно вести подготовку археологов в университетах России. Кроме того, в рамках классических университетов стало возможным создавать научные центры, связанные с исследовательской деятельностью. Такая первая хоздоговорная лаборатория была создана в 60-е гг. XX в. В.Ф.Генингом в Уральском университете и существует как Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория. В Ижевске в Удмуртском университете создан Институт истории и культуры народов Приуралья. Подобный опыт существует и в других вузах России. Он дает возможность эффективно проводить научные изыскания и динамично вводить их результаты в учебный процесс, результативно распорядиться археологической практикой, отбирать способных к науке студентов, планомерно воспитывать их, постоянно подпитывать кадрами университеты и научные центры. Университетская археология способствует укреплению междисциплинарных связей в решении научных проблем путем привлечения специалистов разного профиля, что приводит к продуктивному использованию потенциала классического университета для решения задач археологии.

Но модернизация высшего профессионального образования обнажает целый ряд проблем, нуждающихся в обсуждении. Часть их связана с необходимостью корректировки межпредметных связей в учебном процессе, другая имеет внешние по отношению к учебному процессу причины. В настоящее время разрабатываются стандарты высшего профессионального образования третьего поколения. К сожалению, археологическое сообщество не принимает в нем сколько-нибудь активного участия. Не все археологи, даже преподающие в университетах, знают, что в действующем с 2000 г. государственном образовательном стандарте для бакалавров по направлению «история» археология отсутствует вообще как учебная дисциплина! При этом не ясно, почему этот же стандарт предполагает проведение археологической практики! Действующий стандарт магистра истории по содержанию основных дидактических единиц предполагает изучение общей археологии, ее методологии, историографии, междисциплинарной методологии, проблем сохранения культурного наследия. В целом, по стандартам и программам разного уровня археологического образования нужна публичная профессиональная экспертиза с привлечением специалистов, преподающих археологию в университетах.

Вненаучные факторы, влияющие на развитие археологического образования, связаны с изменением роли археологии в обществе. Несмотря на то, что в последнее время в России на самом высоком уровне обращается внимание на деятельность археологов, их заслуги находят общественное и государственное признание, при этом теряется престижность профессии археолога в глазах студентов. Это в значительной мере связано с изменившимися социальными ценностями: затратный по времени и усилиям труд мало привлекателен для молодежи, романтика ночных костров сдается перед натиском быстрого материального благополучия, которое можно достичь в других сферах. Поэтому возникает проблема привлечения студентов на специализацию «археология». Конечно ее привлекательность зависит от личности преподавателей. Но, полагаю, что проблема скрывается и в содержательной составляющей, предлагаемой студентам для изучения. Безусловно, археолог не может обойтись без знаний частно-научной методологии, археологических характеристик изучаемых периодов. В изучении археологии до сих пор господствует унитарно-стадиальный подход. Думается, что его следует вписывать в контекст новых методологических подходов, которые сложились в исторической науке в последнее время и изучаются студентами в рамках общепрофессиональных дисциплин (микроисторический подход, гендерная история, историческая антропология, история повседневности, даже устная история и др.). Одним из значимых элементов подготовки археолога должны быть спецкурсы по историографии, теории и методологии археологии. Это сделает студентов более социально адаптированными в случае смены тематики научных исследований и профессиональной деятельности.

Другая сторона проблемы касается осмысления основ профессии археолога. В научном сообществе должно быть выработано понимание того, какой археолог нам нужен – исследователь, романтик, менеджер, научный турист, хранитель культурного наследия – и, исходя из этого, определять образовательные стандарты подготовки специалиста. При этом они должны учитывать и факт возможной смены специализации выпускником университета. Поэтому формирование, наряду с компетентностью в науке, навыков исследовательской работы, понимания содержания различных методологических и теоретических подходов, умений самостоятельной мыслить и принимать решения является одной из значимых задач специализации «археология».

К большому сожалению, студенты до сих пор не обладают учебником по археологии, учитывающим тенденции как в исторической науке, причем, не только отечественной, но и мировой археологии. В других исторических дисциплинах мы наблюдаем даже переизбыток конкурирующих учебников. Появившийся недавно учебник А.И.Мартынова прекрасно оформлен, но имеет практически недоступную стоимость даже для университетского преподавателя [Мартынов, 2005]! Пожалуй, лишь первое учебное пособие А.В.Арциховского «Введение в археологию» [Арциховский, 1940] имело связь с мировой наукой. Очевидно, что необходимы учебники как по общей и региональной археологии, отдельным периодам, введение в археологию, по теории, методологии, историографии археологии. Отбор конкретного археологического материала должен учитывать отечественный и мировой опыт, а также современные общедидактические подходы к созданию подобной литературы [Коржуев, Попков, 2003]. Очевидно, вся учебная литература должна последовательно представлять и сопоставлять различные интерпретации с их аргументацией и взаимной критикой, демонстрировать различия в постановках вопросов, возможности разных подходов и альтернативных решений.

Создание учебной литературы упирается в различные обстоятельства, в том числе и материального плана. РГНФ в условиях своих конкурсов особо подчеркивает, что им не принимаются к рассмотрению учебники. Очевидно, настало время, чтобы создавать такие учебники на конкурсной основе. Возможно, что ИА РАН мог бы инициировать в контексте программы интеграции науки и образования создание учебников по археологии на конкурсной основе. Широкая экспертиза и обсуждение на страницах научной периодики, способствовали бы приращению подобной литературы в корпусе археологических изданий. Возможно предварительное обсуждение этой проблемы с преподавателями археологии на специальном научно-методическом семинаре. Не исключено, что следует создать научно-образовательный центр по археологии, наподобие центра по всемирной истории, успешно работающий на базе Института Всеобщей истории РАН.

Проблемы археологии как учебной дисциплины имеют общенаучный характер. В археологии в начале 90-х гг. XX в., к сожалению, затухли дискуссии об объекте и предмете науки в археологии, о содержании археологических понятий, о периодизации истории археологии, о границах археологии. Археологическая периодика практически не публикует материалы общенаучных дискуссий. Полагаю, что в обсуждении теоретико-методологических проблем археологии, должна проявляться интеграция науки и образования.

Современному состоянию археологической науки должна соответствовать новая практика обучения археологии, активное внедрение археологии в содержание других учебных дисциплин, что вполне уместно.

тно в связи с расширяющимися границами предметной сферы археологии. Важнейшую роль в учебном процессе призвана играть самостоятельная и научная работа студентов – участие в научных конференциях, подготовка научных публикаций, работа в студенческих научных обществах. Имеются традиции студенческих конференций с приглашением студентов из разных вузов (например, Урало-Поволжских).

Важным разделом специальной подготовки археологов является региональная составляющая в преподавании археологии. Она, как правило, приоритетна в научной работе университетских преподавателей. Региональные темы позволяют раскрыть общие вопросы археологии на местных материалах. Очевидно, в подходах, методиках преподавания региональной археологии в различных университетах сложились свои традиции, которые были бы весьма интересны и полезны коллегам. В этой связи интересен еще один аспект научной операции - горизонтальные связи между вузами. Периодически на научных конференциях происходит обмен информацией о новациях в учебном археологическом процессе. Стихийно идет процесс обмена учебно-методическими изданиями. Главное – существует разный опыт учебно-методической работы, издания учебных пособий. Он должен распространяться и обсуждаться.

Вынося проблемы вузовского археологического образования на съезд, я сознаю, что это проблемы всего археологического сообщества. От того, в какой мере усилия классических университетов и академической науки будут реализованы на практике, будет зависеть облик археологии завтрашнего дня. Полагаю, что необходимо проведение особого научно-методического семинара, который бы мог обсудить содержание археологического образования в условиях модернизации высшей школы, продемонстрировать имеющийся опыт в преподавании археологических курсов. Очевидно, что и на страницах академических изданий должна существовать рубрика «Археологическое образование».

Список литературы

Арциховский А.В. Введение в археологию. М., 1940.

Коржуев А.В., Попков В.А. Учебник для вуза: общедидактический подход и постановка проблемы // Традиции и инновации в высшем профессиональном образовании. - М.: Изд-во МГУ. - С.99-142.

Мартынов А.И. Археология. - М. Высшая школа, 2005.

Н.И. Платонова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 1880-1930-х гг.

Понятие “научная школа” подразумевает как идейную общность исследователей, так и их групповую сплочённость во имя решения неких научных проблем. Первая означает единую платформу и наличие комплекса более-менее оригинальных идей. Для рождения второй необходимо присутствие безусловного лидера – “центра притяжения” – и постоянный оперативный научный обмен – как по формальным, так и по неформальным каналам. На этой основе в рамках научного сообщества образуется сеть разнообразных, многоуровневых связей. В ней быстро аккумулируются результаты, достигнутые на различных направлениях поиска. Возникает сознание сопричастности ряду научных достижений, цеховая солидарность и более-менее отчетливое противопоставление “мы – они”, закрепленные в комплексе “эпических преданий о науке”. На мой взгляд, именно такую общность, сохраняемую на протяжении двух и более поколений исследователей, следует называть *научной школой*. В истории науки данное понятие является ключевым.

В археологическую историографию кон. XIX – нач. XX вв. прочно вошли понятия: “школа Кондакова”, “школа Розена”, “школа Городцова”, “палеоэтнологическая школа” (=школа Анучина – Волкова). Хронологически они очень близки: две первых сформировались в России в 1880-х гг., две других – в 1890-1900-х. В 1 третьи XX в. все упомянутые школы существовали параллельно. Остановимся кратко на их идейном содержании.

Н.П. Кондаков был ведущим теоретиком археологии (в ее современном понимании) в России конца XIX в. Введя в науку понятие “иконографического типа”, он, по сути, открыл явление, названное позднее “культурным типом”. В зарубежной археологии указанное понятие было сформулировано У. Тэйлором – через полвека после работ русского ученого. Суть подхода Кондакова заключалась в том, чтобы подвергнуть вещи сравнительному исследованию с точки зрения *формы, техники, стиля*, выяснить их происхождение и характер развития и уже на этой основе сделать допустимые исторические выводы. Понятие “формы” у него было достаточно емким, включая не только внешний вид предмета, но и “технические и материальные условия”, вызвавшие возникновение и дальнейшее развитие типа. Развитие материальной и художественной культуры понималось как непрерывная историческая связь явлений, которую никак не следует сводить к истории племен. “В общую сокровищницу русской древности вносил свою лепту и огреченный скиф, и корсунский мастер, и генуэзский торговец в Крыму, и немчин в Москве” [Толстой, Кондаков, 1889: I-II]. Это чёткое разделение понятий культуры и этноса стоит отметить особо.

К “школе Кондакова” принадлежали Б.В. Фармаковский, Я.И. Смирнов, М.И. Ростовцев, Д.В. Айналов, С.А. Жебелев и др. Развитие ее в 1890-1910-х гг. шло в направлении от изучения эффектных вещей, выхваченных из общего контекста памятников – к исследованию всего контекста как единого целого. Идеи и методы этой школы, во многом, определили развитие отечественной археологии начала XX в. (в первую очередь, античной и скифо-сарматской). Велика роль Н.П. Кондакова и в сфере организации науки. Это был прирождённый лидер. Дом его называли “Свободной Академией”. Став сами известными учёными, члены кондаковского кружка по-прежнему продолжали собираться у своего учителя для обсуждения насущных проблем.

В.Р. Розен был выдающимся ориенталистом, создателем школы комплексного востоковедения в России. Как и Н.П. Кондаков, он высказывал мысль о “культурном общении” как факторе и стимуле формирования *новой культуры*. В том же русле следовали догадки Розена о *смешанном характере всех культур*, об их многоэтнической природе. По сути, это была гипотеза, по-своему объясняющая факт появления культурных инноваций.

Стремление разделить “культуру и этнос”, отойти в трактовке материала от чисто этнических интерпретаций культурных явлений, обнаружить источники развития внутри самой культуры, а не вне её, нашло воплощение и в археологических исследованиях учеников В.Р. Розена. На материалах раскопок Ани, Н.Я. Марр постарался показать сложный, смешанный характер средневековой культуры Закавказья, плодотворность взаимодействия там христианского и исламского элементов.

Научный авторитет и организаторские способности В.Р. Розена позволили ему привлечь к сотрудничеству в стенах Восточного отделения ИРАО специалистов самых разных направлений. Там же родилась мысль о необходимости создания “Академии археологических знаний” и объединения различных подходов к археологическому материалу – этнолого-антропологического, историко-бытового (“археологического”) и художественно-исторического (“кондаковского”). Хотя такая академия была основана лишь после революции (РАИМК/ГАИМК), вопрос о ней начал обсуждаться гораздо ранее. В деле воплощения указанного проекта в жизнь ведущую роль сыграли ученики и последователи В.Р. Розена (Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд) в тесном сотрудничестве с учениками Н.П. Кондакова (Б.В. Фармаковским, С.А. Жебелевым и др.) [Платонова, 1989].

С В.А. Городцова, по сути, начинается широкое применение типологического метода к исследованию российских древностей. В 1910-х гг. им было осуществлено первое в русской науке построение региональной *культурной стратиграфии*, основанной как на конкретных стратиграфических наблюдениях, так и на типологическом анализе памятников и их контекста. Эти обобщения В.А. Городцова [1915] называли блестящими даже его недоброжелатели. Его методически строгий подход к исследованию материала на всех уровнях – от полевых работ до полной его систематизации и построения колонки культур – стал той базой, от которой отталкивались все отечественные археологи XX в.

В трактовке В.А. Городцова археология представляла собой самостоятельную дисциплину – *науку о вещах, о феномене их развития*. Ещё до революции он пришел к мысли о необходимости сформулировать ряд универсальных закономерностей культурно-исторического развития и исследовать механизм распространения культурных явлений на археологическом материале. Интенсивная педагогическая деятельность В.А. Городцова способствовала формированию новой научной школы. В противовес влиятельной этнологической парадигме (см. ниже), В.А. Городцов считал, что археология – наука не только самостоятельная, но и *точная*, способная лишь собственными средствами установить законы существования и развития вещественных памятников. Тем не менее, в его работах отмечалась необходимость “естественно-исторического и этнологического базиса” археологического исследования.

Старшее поколение учеников Городцова – В.В. Гольмстен, П.С. Рыков, Н.К. Ауэрбах и др. – наиболее полно унаследовало разносторонние интересы своего учителя. Ставя во главу угла систематику и типологию, они, тем не менее, не чуждались ни этнографии, ни естествознания. Поэтому были вполне способны найти общий язык с исследователями, стоявшими на платформе палеоэтнологии (так в 1920-х гг. Н.К. Ауэрбах работал в Сибири в тесном контакте с Б.Э. Петри и Г.П. Сосновским, а В.В. Гольмстен вела исследования совместно с П.П. Ефименко).

Более молодое поколение учеников Городцова (1920-х гг.) действовало в русле веяний нового времени. В 1929 г. оно уверенно заявило (устами А.В. Арциховского), что роль этнографии в анализе археологического материала вполне можно свести к отдельным удачным иллюстрациям. Археология из всех наук тесно связана лишь с историей и социологией. В результате, положение В.А. Городцова о “естественно-историческом и этнологическом базисе” археологического исследования отпало само собой. Впрочем, его ученики остались верны ему в главном. Стержнем археологии всегда был для них типологический метод, причём именно в редакции их учителя. Сохранение этого ядра – типологического метода – по сути, сохранило археологию, как таковую, в работах советских исследователей периода тоталитаризма [Платонова, 2002, с. 272].

В основе развития *палеоэтнологической школы* в русской археологии кон. XIX. в. лежала традиция изучения памятников каменного века учёными-естественниками с помощью методов, подсказанных им их основной специальностью. К числу таковых принадлежали А.А. Иностранцев, В.В. Докучаев, И.С. Поляков, К.С. Мережковский, Э.Ю. Петри и др. Но по большому счёту, отечественная первобытная археология XX в. обязана своим развитием двум людям, без которых она просто не смогла бы состояться. Эти двое – **Д.Н. Анучин и Ф.К. Волков**.

Они принадлежали одному поколению – оба начали работать в науке в 1870-х гг. Оба учились во Франции у П. Брока. Оба, вслед за учителем, считали антропологию синтетической наукой, центром, куда сходятся, как в фокусе, достижения всех отраслей знания. Оба обладали энциклопедическими знаниями и являлись “центрами притяжения” для студентов. Оба оставили многочисленные труды по доистори-

ческой археологии, антропологии и этнографии. Представление об органической связи этих дисциплин, объединённых единством предмета изучения – Человека – до сих пор называется “анучинской триадой”. Однако с не меньшей настойчивостью эту связь обосновывал Волков...

Для “школы Городцова” был характерен комплекс представлений о полной самостоятельности археологии и возможности установить *законы вещного мира* исключительно на археологическом материале. Палеоэтнологи не признавали такой возможности. Интерпретировать памятники следовало, с их точки зрения, на основании тех частных или общих закономерностей, которые устанавливаются на материалах *живой этнографической культуры*. Чтобы сопоставления не носили случайного характера, источники следовало “безупречно исследовать самыми современными методами”. Отсюда проистекало важнейшее требование – *параллельность археологического, этнографического и антропологического обследования каждого конкретного региона*. Кстати, подобный план *всестороннего изучения населения* явился своеобразным научным завещанием Д.Н. Анучина.

По определению А.А. Миллера, конечное обобщение археологического материала должно было предвзаться наблюдением “самой природы и механизма происходящих в материальной культуре изменений” Между тем материалы разновременных раскопок, накопившихся к 1920-м гг. в музейных фондах, не годились для таких целей, “не удовлетворяли элементарным требованиям, предъявляемым к источнику” [Миллер, 1927]. Так параллельно с формулировкой новых задач и новых вопросов, которые следовало поставить перед материалом, вставала проблема *сбора и оформления нового корпуса источников*.

На этом новом материале предполагалось изучить процессы диффузии и заимствования, этнического смешения и миграции, выявить их *законы* и проследить характер отражения этих явлений в материальной культуре. Создание корпуса эталонных источников предполагало совершенствование полевой методики и пристальное внимание к этой стороне исследования. Масштабные полевые исследования 1920-х гг. в СССР являлись для археологов не самоцелью и не свидетельством “эмпиризма” русской археологии. Это был сознательно определенный план действий, имевший целью вывести науку на новый этап. Такое направление развития археологической мысли было характерно в 1920-х гг. для А.А. Миллера, С.И. Руденко, Б.С. Жукова, Г.А. Бонч-Осмоловского и др. [Платонова, 1997; 2002]

Следует отметить, что ведущие российские палеоэтнологи были далеки от однозначного зачисления первобытной археологии в разряд естественных наук. Более того, ими высказывалось категорическое требование распространять “научные методы” не только на исследование первобытности, но и на *все* разделы археологии (в том числе, на эпоху, отражённую в письменных источниках). В сущности, подобное требование представляло собой не что иное, как важный шаг на пути признания археологии единой источниковедческой наукой.

Список литературы

- Городцов В.А.** Культуры бронзовой эпохи в Средней России. – М. – 1915.
- Миллер А.А.** Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии. – Т.4. – Вып.1. – Л.: Изд. Русского музея. – 1927. – С.15-76.
- Платонова Н.И.** Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления // СА. – 1989. – № 4. – С. 5-16.
- Платонова Н.И.** Об одной попытке уточнения методов в русской археологии (по материалам журнала “Человек” за 1928 год) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. – Т.2. – С.-Пб.-Псков. – 1997. – С. 147-151.
- Платонова Н.И.** Панорама отечественной археологии на “Великом переломе” (по страницам книги В.И.Равдоникаса “За марксистскую историю материальной культуры”) // Археологические Вести. – 9. – С.-Пб.: ИИМК РАН-Дмитрий Булантин. – 2002. – С. 261-278.
- Платонова Н.И.** Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – 1 треть XX века: Н.П. Кондаков, В.Р. Розен, А.А. Спицын, Ф.К. Волков, А.А. Миллер) // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященных 77-летию Л.С. Клейна. – С.-Пб.: Изд. С.-ПбГУ. – 2004. – С. 43-73.
- Толстой И.И.,** Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. – Вып. 1. – С.-Пб. – 1889.

М.А. Рудковская*Томский государственный педагогический университет, Томск*

К ВОПРОСУ О ФИКСАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ

На этапе реконструкции реальной древней традиционной культуры посредством археологической культуры (как системы устойчиво взаимосвязанных типов явлений материального мира и типов отношений между ними) встаёт вопрос об интерпретации тех или иных явлений, фиксируемых на археологическом материале. Выявление аналогий фрагментам определённой археологической культуры в иной культуре даёт право исследователю предполагать между ними *культурные контакты*. Более корректно говорить о *межкультурных контактах* и, в целом, о *межкультурной коммуникации*, так как существуют и внутрикультурные контакты как информационный обмен в рамках одной культуры.

Любой коммуникативный акт (и внутри- и межкультурный) предполагает взаимодействие двух или более индивидов и является межличностной коммуникацией. В таком ракурсе культурные взаимодействия исследуются этнопсихологией и лингвистикой. Если речь идёт о межкультурной коммуникации, то в контакт вступают представители разных культур (этносов, лингвокультур). Переходя на уровень обобщений, коммуникаторами являются культуры; в таком масштабе с межкультурными коммуникациями может работать археология. Внутрикультурные коммуникации не поддаются подобному обобщению, они в любом случае остаются межличностными процессами, и, как таковые, археологическими методами исследования не прослеживаются. Именно поэтому в археологии не прижилось деление на внутрикультурную и межкультурную коммуникации, и, говоря о культурных контактах, археологи имеют в виду межкультурные. Но и здесь не возможно полноценное исследование, так как межкультурная коммуникация – также межличностный процесс, а в археологии в качестве объекта исследования нет самого индивида, соответственно, нет языка, нет коммуникативного поведения, коммуникативного сознания и т.п. Нам не доступен ни коммуникативный акт, ни коммуникативная система в целом. Археолог может исследовать только её отдельные элементы и структуры.

В теории межкультурной коммуникации, выделяемой в отдельную науку лингвистами и культурными антропологами, существует два основных объекта исследования – процесс коммуникации, проявляющийся в коммуникативных актах (событиях, ситуациях) и коммуникативная система культур. Индивид-коммуникатор является её важнейшим элементом, разносторонне интегрированным в неё, поэтому даже при намеренном ограничении исследования только межличностными взаимоотношениями, так или иначе, под рассмотрением попадает и культурное окружение (сравните понимание объекта теории межкультурной коммуникации лингвистами Воронежской школы: Гришаева, Цурикова, 2003, с. 326). О неразрывности процесса коммуникации с культурным контекстом с позиции философа говорит Ю.Хабермас: «Коммуникативное действие можно понимать как круговой процесс, в котором положение актора двояко: он является инициатором действий, рассчитав которые, может овладеть той или иной ситуацией; и в то же время продуктом традиций, в которых он живёт, сплочённых групп, к которым он принадлежит, и процессов социализации, в которых он достигает зрелости» [Хабермас, 2000, с. 202].

Коммуникативная система выделяется в каждой культуре как одна из её многочисленных подсистем. Это система, призванная обеспечивать эффективное взаимодействие индивидов внутри культуры, и функционирование их в окружающем мире. Элементами системы можно выделить языковое (этническое) сознание, коммуникативное поведение, включающее вербальные и невербальные средства общения, правила этикета, совокупность культурных символов, т.е. различных предметов и явлений, обладающих знаковыми функциями и используемых в коммуникации для кодирования и декодирования сообщений [Христофорова, 2001, с. 100]. Отдельно можно выделить язык и этнические стереотипы, то есть, обобщённые суждения о представителях

другой культуры, формирующиеся в каждом сообществе как склонность людей к сверхобобщениям (сведения об отдельных индивидах становятся характеристикой всей группы, в результате чего упрощается восприятие и не замечаются различия между её отдельными представителями) и «страху перед чужими» (чужой всегда враждебный, угрожающий, вызывающий страх) [Залевский, 2004, с. 305]. Все вышеперечисленные коммуникативные явления не прослеживаются через археологический материал, но есть и доступные археологам элементы коммуникативной системы. Доступные, имеется в виду, поддающиеся реконструкции не во всех, но в некоторых ситуациях, иногда только гипотетически. Эти элементы находятся в той части системы, которая направлена на взаимодействие с окружающим миром. Среди них можно выделить самих субъектов коммуникации и передаваемые сообщения – те из них, которые выражены предметно или в явлениях культуры, имеющих материальное отражение. Структурой коммуникативной системы культуры являются взаимосвязи и взаимодетерминанты этнического сознания, поведения, языка и т.д., из археологически фиксируемых, – некоторые из каналов передачи информации.

Если выделить все каналы внешних контактов культуры, в том числе и опосредованные, и нанести их на карту в виде линий, соединяющих культуры-коммуникаторы, то получится внешняя коммуникативная схема исследуемой культуры. Подобное картографирование информационных связей было предложено С.А. Арутюновым [Арутюнов, 1989, с. 20], но в отношении личностных контактов, устных и письменных, не подразделяя их на внутри- и межкультурные взаимодействия. Схожую идею, также в отношении межличностных контактов, выдвигает Э.А. Орлова. Она вводит понятие «коммуникативные сети» – это конфигурации личностных связей, благодаря которым осуществляется обмен информацией [Орлова, 2004, с. 201]. Если увеличить масштаб применения понятия, то оно окажется тождественным понятию внешней коммуникативной схемы культуры – конфигурации межкультурных связей, направления контактов в географическом пространстве. Основными свойствами личностных коммуникативных сетей Э.А. Орлова выделяет размер, взаимную симметричность, многозначность и плотность. Данные характеристики применимы и к внешней коммуникативной схеме культуры: 1) размер схемы – это число культур, включённых во взаимодействие с центральной; 2) взаимная симметричность – степень, до которой обмен между двумя культурами осуществляется на базе равенства; 3) многозначность – степень содержательного разнообразия сообщений, которыми обмениваются культуры; 4) плотность – степень интенсивности и частота взаимодействий коммуникаторов. О плотности контактов как о главной черте коммуникативной схемы говорит С.А. Арутюнов. Им предложено в процессе картографирования регулировать толщину наносимых линий в зависимости от интенсивности информационных потоков, полученную карту он называет «карта плотности информационных связей» [Арутюнов, 1989, с. 20].

Исследование динамики коммуникации и посредством её динамики культуры происходит через анализ отдельных коммуникативных актов. Суть любого акта коммуникации – трансляция информации. Информация в широком понимании – всё то новое, что вносит изменения в культуру, соответственно, информацией является и устное сообщение, и вещь, и, в целом, любое культурное явление. Для археолога один из самых явных маркеров состоявшегося коммуникативного акта – перемещение вещей или явлений во времени и/или в пространстве. О реконструкции коммуникативного акта в археологии можно говорить очень ограниченно, т.к. нам доступен только его результат (в лучшем случае). Коммуникативный акт нам представлен в виде процесса взаимодействия двух коммуникативных систем разных культур, без межличностной составляющей. В ряде случаев есть возможность установить тип коммуникации (например, торговые отношения или заимствование технологии изготовления керамики), реконструировать акт как информационный процесс, т.е. выявить передаваемую информацию (сообщение), коммуникаторов (донора и реципиента), канал передачи, но вне наших возможностей остаётся вербальная и невербальная составляющая акта.

Можно проанализировать основные составляющие коммуникативного акта как информационного процесса:

1. Отправитель. В ситуации инокультурного заимствования это общество-донор. Для изучения коммуникативного акта важны следующие его характеристики: уровень социально-экономического развития, наличие и сложность внутренней социальной дифференциации, внешняя открытость общества или гетерофильность. Гетерофильность, в отличие от гомофильности, – склонность принимать другие культуры с интересом, признание правомерности существования иных моделей культур, норм и ценностей, нравов и обычаев [Орлова, 2004, с. 202]. Это понятие вводится Э.А. Орловой как характеристика коммуникативных сетей. Безусловно, уровень гетерофильности культуры влияет на конфигурацию межкультурных связей, но, всё-таки, это характеристика культуры.

2. Получатель – общество-реципиент. Как и у донора имеет значение его уровень социально-экономического развития, социальной дифференциации, гетерофильности, причём эти характеристики важны в срав-

нении с характеристиками донора. Соотношение уровней развития двух взаимодействующих культур учтено в классификации межкультурных контактов Ю.Б. Цетлина [Цетлин, 1998], но автор ограничивается констатацией: одного или разного социально-экономического уровня развития общества.

3. Сообщение – культурная инновация. Это может быть как целая вещь, так и её элемент, например, новый орнамент на традиционном сосуде. В качестве передаваемой инновации может быть технология изготовления вещи, полная или отдельный технологический этап; культурный обряд или способ действия.

4. Канал передачи (способ связи, механизм коммуникации). Сообщение может быть передано при вхождении донора в культуру реципиента, при вхождении реципиента в культуру донора, на третьей нейтральной территории или с помощью посредника.

Как любая реконструкция исторической действительности посредством археологических источников, реконструкция сложных взаимоотношений древних культур всегда фрагментарна. Исследовать коммуникацию археолог может только на уровне взаимодействия культур, абстрагируясь от межличностной составляющей контакта. Потенциал археологических источников в этом отношении помогает раскрыть разработку археологической теории межкультурной коммуникации.

Список литературы

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989.

Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2003. – 369 с.

Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). – М., Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2004. – 460 с.

Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. – М.: академический проект, 2004. – 480 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Пер. с немецкого. – СПб.: Наука, 2000.

Христофорова О. Национальные стереотипы коммуникативного поведения и их влияние на межэтнические взаимодействия // Язык и этнический конфликт. – М.: Гендальф, 2001. – С. 99 – 114.

Цетлин Ю.Б. Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // Тверской археологический сборник – Тверь, 1998. – Вып. 3. – С. 50 – 63.

О.С. Свешникова*Омский государственный университет, Омск*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВА В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ 1930-1950-х гг.: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вопрос о статусе археологии как науки, и прежде всего, ее соотношении с историей, на современном этапе развития науки вновь приобрел актуальность. Поэтому представляется уместным обратиться к опыту предшественников, анализируя не столько теорию, сколько исследовательскую практику. Особенно интересным в этой связи представляется опыт советских археологов 1930-1950-х гг., которые в силу политических (в широком смысле слова) обстоятельств обязаны были делать исторические выводы и потому искали пути интерпретации материала. Мы сосредоточили свое внимание на анализе практики реконструкции хозяйственного развития древних обществ, потому что, в отличие от социальной структуры, это вопрос, который, как показало развитие науки, может быть решен средствами археологии.

В качестве источников были выбраны работы в области первобытной археологии, поскольку именно для дописьменных обществ проблема возможности восстановления исторического развития стояла и стоит наиболее остро. Из круга источников в силу своей многочисленности и скудности исторических выводов были исключены сообщения о раскопках. Основу источниковой базы составили работы, обобщающие материалы археологических исследований и создающие картину исторического развития древних обществ, такие как "Родовое общество степей Восточной Европы" А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого [Круглов, Подгаецкий, 1935], "Древняя история Южной Сибири" С.В. Киселева [Киселев, 1949] и другие [Артамонов, 1933; Брюсов, 1952; Гольмстен, 1933, Гольмстен, 1940; Грязнов, 1955; Грязнов, 1956; Грязнов, 1957; Дмитриев, 1935; Ефименко, 1934; Истории СССР, 1939; Киселев, 1933; Левашова, 1939; Окладников, 1938; Окладников, 1950; Окладников, 1956; Равдоникас, 1939; Руденко, 1947; Руденко, 1948; Руденко, 1953; Сосновский, 1933; Сосновский, 1940; Третьяков, 1935; Чернецов, 1953; Чернецов, 1946].

На основании анализа указанной источниковой базы мы можем утверждать, что к началу 1940-х гг. складывается практика восстановления форм хозяйства на основании общего для большинства работ набора признаков.

Предполагалось, что формы присваивающего хозяйства – собирательство и охота – существуют с момента появления человека и составляют основу хозяйства всех обществ до неолита. Соответственно их существование нужно не доказывать, а лишь иллюстрировать. Поскольку собирательство по археологическим материалам проследить невозможно, его существование подразумевалось а priori. Для охоты основными археологическими свидетельствами выступали: 1) остатки костей диких животных, 2) орудия охоты, в качестве которых рассматривались наконечники стрел, копий, кинжалы, 3) изображения диких животных или сцен охоты. Рыболовство требовало уже доказательств, а не иллюстраций. Основными археологическими свидетельствами рыболовства являлись: 1) находки чешуи и костей рыб; 2) наличие рыболовных орудий, к которым относились грузила и поплавки от сетей и неводов, гарпуны, удильные крючки; 3) расположение стоянок и поселений по берегам рек и озер.

С неолита начинается поиск признаков производящего хозяйства, которое в эпоху бронзы становится основным для всех обществ. Показателем интереса к истории скотоводства и земледелия является существование специальных исследовательских групп по изучению этих форм хозяйства в составе Государственной Академии истории материальной культуры. Результаты работы этих групп, как показывают архивные материалы (Архив ИИМК РАН. Ф. 2. ГАИМК. Оп. 1), были передовым для своего времени, но не получили широкого влияния на исследовательскую практику, т.к. итоговые коллективные монографии не были опубликованы.

Основным, единственным необходимым признаком скотоводства выступают кости домашних животных. При этом процесс домостикации в абсолютном большинстве работ описывается как автохтонный. В качестве дополнительных признаков развитого скотоводства выступают свидетельства всестороннего использования скота: остатки шерстяных изделий или нитей, остатки или изображения повозок или всадников, псалии, керамические сосуды с дырочками (для сыра), коновальные инструменты и т.д.

Устойчивого набора признаков для определения существования земледелия в работах археологов рассматриваемого периода не сложилось. Наиболее объективным признаком считались находки остатков зерен. Самыми распространенными признаками земледелия выступали находки серпов, зернотерок, наконечников мотыг, признаков оседлости. Бесспорным существование земледелия считалось при наличии комплекса этих признаков.

Вопрос об основной форме хозяйства был тесным образом связан с вопросом об оседлости. Археологическими свидетельствами оседлости выступали: 1) бревенчатые срубы в погребениях, 2) плоскодонная посуда, 3) группировка памятников вдоль рек и в лесах, 4) наличие признаков развитого земледелия.

Таким образом, можно констатировать, что в ходе реконструкции форм хозяйства в качестве источников использовались как артефакты, так и остатки флоры и фауны, изображения, особенности ландшафтного расположения памятников.

Список литературы

- Артамонов М.И.** К истории средств передвижения // Проблемы истории материальной культуры. – Л., 1933. – № 5-6. – С. 23-32
- Брюсов А.Я.** Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 263 с.
- Гольмстен В.В.** Возникновение скотоводства в Восточной Европе (Материалы к истории древнейших домашних животных) // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т.1. – С. 121-134.
- Гольмстен В.В.** К вопросу о древнем скотоводстве в СССР // Проблема происхождения домашних животных. Вып. 1. – Л.: Изд-во АН СССР, 1933. – С. 79-107.
- Грязнов М.П.** История племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. – М.;Л.: Изд-во ИИМК АН СССР, 1956. – 161 с.
- Грязнов М.П.** Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // Краткие сообщения Института этнографии. – Вып. 24. – 1955. – С. 19-29
- Грязнов М.П.** Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Института этнографии. – 1957. -Вып. 26. – С.21-28
- Дмитриев П.А.** К вопросу о земледелии в восточно-уральском обществе / Из истории родового общества на территории СССР. – М.; Л.: Госуд. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 206-219 (Известия ГАИМК. Вып. 106).
- Дмитриев П.А.** Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе // Из истории родового общества на территории СССР. – М.; Л.: Госуд. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 181-205 (Известия ГАИМК. Вып. 106).
- Ефименко П.П.** Родовое общество. Очерки по истории первобытно-коммунистического общества. – М.;Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. – 532 с.
- История СССР.** Т. 1. С древнейших времен до образования Древнерусского государства. Макет / Под общ. ред. М.И. Артамонова. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – Кн. 1. – Ч.1-2. – 424 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. (МИА. № 9).
- Киселев С.В.** Разложение рода и феодализм на Енисее. – Л., 1933. – 34 с. (Известия ГАИМК. Вып. 65).
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В.** Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства. – М.;Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 176 с. (Известия ГАИМК. Вып. 119).
- Левашова В.П.** Из далекого прошлого Красноярского края. – Красноярск: Красноярское краеведческое гос. изд-во, 1939. – 68 с.
- Окладников А.П.** Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // Вестник древней истории. – 1938. – № 1. – С. 244-260
- Окладников А.П.** Далекое прошлое Приморья. – Владивосток: Приморск. кн. изд-во, 1959. -292 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. – Ч. 1-2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с. (МИА. № 18).
- Окладников А.П.** Приморье в I т.л. до н.э. // СА. – XXVI. – 1956. – С. 86-87
- Равдоникас В.И.** История первобытного общества. Ч. 1 – Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1939. – 286 с.
- Руденко С.И.** Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. – М.;Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. – 135 с.
- Руденко С.И.** Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. – 1948. -№1. – С. 153-179

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 404 с.

Сосновский Г.П. Древнейшие следы скотоводства в Прибайкалье// Известия ГАИМК. – Вып. 100. – 1933. – С. 210-220

Сосновский Г.П. К истории скотоводства в Сибири// Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. – М.; Л., 1940. – Т.1. – С. 135-150

Сосновский Г.П. Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. – Вып. 8. – 1940. -С. 36-42

Третьяков П.Н. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья// Из истории родового общества на территории СССР. – М.; Л.: Госуд. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 97-180 (Известия ГАИМК. Вып. 106)

Третьяков П.Н. Первобытная охота в Северной Азии // Из истории родового общества на территории СССР. – М.; Л.: Госуд. соц.-экон. изд-во, 1935. – С. 220-262(Известия ГАИМК. Вып. 106)

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 7-71(МИА. №. 35).

Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал// Советская этнография. – 1935. – № 4-5. – С. 109-133

Чернецов В.Н. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н.э. (Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ 27 мая 1942 г.)// КСИИМК. – 1946. – Вып. 13. – С. 153-156

Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 221-241(МИА. №. 35).

А.С. Смирнов*Институт археологии РАН, Москва*

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

Археология в дореволюционной России развивалась, в основном, в рамках общественных научных объединений. Чаще всего в форме научных обществ. Первое реально действующее историческое общество в России – Общество истории и древностей российских, образованное в 1804 г., хотя формально состояло при Московском Университете, в реальности было чисто общественным объединением. Российская дореволюционная археология формировалась и развивалась усилиями Одесского общества истории и древностей (основано в 1839 г.), а особенно Российского Археологического Общества в С.Петербурге (основано в 1846 г.) и Московского Археологического Общества (основано в 1864 г.). А так же целого ряда региональных научных обществ, многие из которых (например, в Митаве – 1817 г., Риге – 1834г., Дерпте – 1838г.) были родоначальниками подобного рода объединений в России. Наиболее ярко роль научной общественности и ее объединений в прогрессе российской археологии проявилась в регулярном проведении Археологических съездов, проходивших с 1869 года.

Государственные учреждения, целью которых были те или иные действия в области археологии более чем немногочисленны. Формально, это только возникшая в 1850 г. при Кабинете Его Императорского Величества, а затем действовавшая в составе Министерства Двора Его Императорского Величества, Археологическая Комиссия. Первоначально она делила свои полномочия с некоторыми археологическими обществами, например с Московским археологическим обществом. Но с 1889 г. Археологическая Комиссия становится единственным в Империи учреждением, осуществляющим регламентацию и надзор за проведением археологических исследований и реставрационных работ. Археологическая Комиссия рассылала «инструктивные» документы по поводу археологических исследований во многие ведомства Империи, в том числе и в Военное министерство, которому подчинялись и так называемые военно-гражданские управления на Кавказе, в Средней Азии, руководившие огромными территориями. Появление Археологической Комиссии явилось следствием развития археологии как науки и, как результат, формирования во властных структурах Империи понимания ее специфических особенностей и неизбежной связи археологических исследований с имущественно-правовыми отношениями в государстве и обществе. Сыграл свою роль и субъективный фактор. Император Николай Александрович, ярый патриот и активный поборник отечественной истории, не мог оставить этот род научной деятельности вне своей личной властной вертикали. Недаром, Археологическая Комиссия была образована Николаем I при своем кабинете, а его наследники, вплоть до Николая II, сохранили ее при Министерстве Императорского Двора.

Решающая роль археологических обществ и Археологической Комиссии в деле охраны археологических памятников отмечалась неоднократно. Хотелось бы остановиться на кажущихся сейчас удивительными и курьезными случаях, в которых отразилось отношение общества и ученых конца XIX века к историческому наследию. Определенные реминисценции этого отношения прослеживаются и сейчас. В последнем случае интересна переписка Московского археологического общества с Московским генерал-губернатором. В этом споре МАО, следуя явно наперекор действовавшим в Империи законам, требовало прекратить преследование за торговлю антиквариатом, даже если эти действия уголовно наказуемы. «Благодаря этой торговле и составились все наши драгоценные археологические собрания: Графа Румянцева (что ныне Московский Публичный музей), Графа Ф.А. Толстого, М.П. Погодина, Князя М.А. Оболенского, купца Н.Н. Царского (потупившие ко мне и к Графу Орлову-Давыдову) купца Кастерина и Коротаяева... Задерживать и стеснять такую торговлю, значит лишать русскую историю и археологию одного из глав-

ных ее источников» писала П.С. Уварова [ЦИАМ, фонд 454, опись 2, дело 3]. Сейчас сходные проблемы преломляются в дискуссии о кладоискательстве и его правовых формах. Но мнение МАО это, во многом, мнение любителей. Что же государственный орган – Археологическая Комиссия?

Здесь ситуация, нередко, сходная. Глава Археологической комиссии, граф С.Г. Строганов, в дискуссии о реставрации Успенского собора во Владимире, проходившей в 1860-1861 гг., сожалел, что в угоду царившему тогда представлению, невозможно снести не только пристройки XVIII века, но и галереи XII века [Беляев Л.А. Христианские древности. СПб., 2001. С. 420]. Чем не спор о правомочности «стилевой реконструкции», развернувшейся недавно по поводу реставрации Царицынского дворцового комплекса в Москве.

Но спустя сорок лет Археологическая Комиссия, при ее новом руководителе графе А.А. Бобринском, приняла куда более «оригинальное» решение. В августе 1901 г. Туркестанский генерал-губернатор с возмущением докладывал Военному министру, «что ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Комиссия, решила, в видах исключения, С.Петербургскому Центральному училищу технического рисования барона Штиглица снять изразцовую облицовку в мечети Шах-Зиндэ в Самарканде, в том соображении, что древние Самаркандские мечети вообще подвергаются разрушению от частых землетрясений, а отпадающая от стен облицовка иногда расхищается.

Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего Высокопревосходительства, я не могу не представить Вашему вниманию то обстоятельство, что Археологическая Комиссия сделав распоряжение о снятии изразцов с важнейшей исторической мечети, находящейся во вверенном мне крае, не сообщила мне предварительно своих соображений по этому предмету. Это тем более, по моему мнению было необходимо, что снятие облицовки как с наружных, так и со внутренних стен этого чтимаго всеми мусульманами древнего сооружения (построено около 600 лет тому назад), послужит к скорейшему разрушению этого здания даже без участия землетрясения». Далее, уже не в силах сдерживаться, генерал-губернатор с армейской прямотой пишет о реакции по отношению к власти местного населения, если оно увидит «ободранное по нашему распоряжению историческое здание» [РГВИА, фонд 400«Главный Штаб», опись 1, дело 2839. Л.1]. Справедливости ради, следует сказать, что генерал-губернатора очень беспокоило возможное отношение мусульманского населения Самарканда к подобному «ободранию» мечети.

Военный министр, коим был тогда А.Н. Куропаткин, прославившийся в будущем своими неудачами в русско-японской войне, а ранее сам служивший в Средней Азии, разделял возмущение Туркестанского генерал-губернатора столь «оригинальным» решением Археологической Комиссии. Он немедленно отправил соответствующее отношение Министру Императорского двора барону Фредериксу, на которое последний ответил письмом с грифом «Весьма нужное», где сообщал об отмене решения Комиссии и согласованном с Министерством финансов «прекращении... исполнения возложенного... С.Петербургским Центральным Училищем технического рисования поручения...». А.Н. Куропаткину этого показалось мало. О происшедшем он доложил самому Императору. Николай II, который лично знал многих членов Археологической Комиссии и интересовался археологией, наложил на рапорт министра следующую резолюцию: «Совершенно одобряю мнение Туркестанского Генерал-Губернатора. Отпавшие отдельно изразцы можно посылать в это училище или другие музеи».

В сложившейся ситуации, Археологической Комиссии, дабы сохранить лицо, не оставалось ничего иного, как выступить, в разрез со своими прежними указаниями, с максималистскими предложениями об охране мечети. В своем письме на имя Военного министра, которое комиссия составила спустя год после описываемых событий, в ноябре 1902, после многочисленных слов о сохранности памятников и грабеже их для продажи иностранцам, предлагается поручить наблюдение за памятниками кому-либо из местных чиновников, доплачивая ему за это 500-600 руб. и выделяя средства на предохранение от разрушения, в общей сумме 1000-1200 руб. Подобные предложения не требовали от Комиссии каких-то реальных действий и, даже, средств, которые предлагалось выделить из сумм генерал-губернаторства, т.е. Военного министерства.

И Генерал-губернатор согласился с этими предложениями. Он нашел возможность выделить средства и возложил выполнение обязанностей на «делопроизводителя Самаркандского Областного Правления г. Вяткина, смотрителем древних памятников в Самарканде с правом привлечения к ответственности лиц, виновных в их повреждении». Положено Вяткину за это было 50 руб. в месяц. Пожалуй, это один из первых, если не первый инспектор по охране памятников в России. Он получал за это государственное жалование, имел средства на охранные работы, а главное, обладал серьезными юридическими правами – даже «привлечения к ответственности лиц, виновных в их (памятниках древности – А.С.) повреждении». Этого так не хватает современным инспекторам органов охраны памятников!

Несколько слов о самом господине Вяткине. Это не был случайный чиновник. Этот делопроизводитель владел местными языками, что чрезвычайно важно при его деятельности, являлся знатоком местных древностей. Он был хорошо известен в научных кругах, состоял членом созданного в 1895 г. в Ташкенте «Туркестанского кружка любителей археологии». Вяткин, совместно с В.В. Бартольдом, проводил археологические раскопки в Самарканде, а так же осуществлял самостоятельные раскопки. Так что его назначение не было чисто формальным шагом местной администрации. Как часто подобных специалистов не хватает в органах охраны в наши дни.

В дальнейшем Генеральный штаб в лице его Азиатского отдела реагировал на заявления научных обществ и общественной печати на сообщения о разрушении древностей в Средней Азии.

Археологическая Комиссия не замедлила проявить свою благосклонность к действиям генерал-губернатора. Весной 1903 г. граф А.А. Бобринский изъявляет свою благодарность министру А.Н. Куропаткину за охрану памятников Самарканда и сообщает, что Комиссия разрабатывает проект ремонтных работ памятников. Обычный канцелярский подход – разработка планов на будущее!

В этой парадоксальной ситуации действующие лица как бы поменялись местами. Археологическая Комиссия, выполнявшая функции органа охраны памятников, санкционировала разрушение древнего памятника. А Военное министерство, в котором, по традиции, следует видеть виновника разрушений, оказалось активнейшим участником сохранения древностей, и организатором в Средней Азии, причем за свой счет, реально действующей системы охраны памятников. Пользуясь случаем, следует сказать, что военное ведомство, в силу свойственной ему жесткой иерархии и постоянного контроля, достаточно часто фиксировало находки древностей при различных работах. Подобные факты отмечаются уже в первой половине XVIII в., особенно многочисленны в период существования «округов пахотных солдат» (военных поселений) и в течение всего XIX в. Распоряжения о сохранении и сборе древностей Военное министерство отдавало во время военных конфликтов XIX в., военно-научных и финансируемых им научных экспедиций. Так что люди в погонах внесли немалый вклад в изучение и сохранение исторического наследия.

Список сокращений

ЦИАМ – Центральный исторический архив г.Москвы

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

Н.А. Томилов

ПЕРИОДИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Приступая к проблеме периодизации археолого-этнографического направления в российской науке – а это и есть основная цель данной работы, нам пришлось учитывать несколько факторов, определявших развитие этого направления. Среди них и то обстоятельство, что археология и этнография – это относительно молодые науки – пролог научных археологических исследований относят к началу XVIII в., а выделение этнографии в самостоятельную науку датируют самое раннее 20-ми годами XIX в., а в России фактически серединой 40-х годов XIX в. Учитывался и тот факт, что связи археологических и этнографических исследований имели и имеют разную степень плотности и сопряженности – на уровне контактов и координации, на уровне консолидации и на уровне интеграции.

Отмечу также и то, что при разработке нижеизложенной схемы периодизации мне оказал помощь своими советами А.В. Жук, когда в апреле 2000 г. мы обсуждали с ним раздел по истории интеграции археологических и этнографических работ учебной программы курса «Введение в этноархеологию», который читается в Омском государственном университете (учебная программа и учебное пособие подготовлены А.В. Жуком, С.С. Тихоновым и Н.А. Томиловым). Так, я учел мнение А.В. Жука о начальной дате выделения в российской науке археологии, которую он определяет не началом XVIII в., как это общепринято, а концом XVII в., по-другому, рубежом XVII – XVIII вв., учитывая работы Н.К. Витзена, С.У. Ремезова и других исследователей XVII в.

Первый период охватывает конец XVII в. - 1820-е гг. Тогда в качестве основного источника исследователю служил отдельно взятый предмет и, соответственно, этноархеологические идеи проявлялись через прямое сопоставление (сравнение) археологических и этнографических материалов. В этом периоде просматриваются 2 этапа. На первом этапе этого периода (с конца XVII в. до 1760-х гг.), когда всякий источник воспринимался лишь аналогично письменному тексту, делаются первые попытки сопоставлений археологических и этнографических вещей, идентификации археологических находок по исторически известным этносам, т.е. попытки археологические вещи определить этнически через исторически известные в то время в России этносы. На втором этапе (с 1760-х гг. до конца 1820-х гг.) этот опыт обогащается только что зародившейся формальной типологией и плодами бурного развития выделявшейся в то время в самостоятельную науку этнографии, что приводило порой к созданию синтезированных археолого-этнографических источниковых баз. Именно тогда осуществлялось внедрение в соотнесение археологических и этнографических материалов положений разрабатываемых тогда теорий о типологии вещей по видам форм, о развитии формы вещей и др.

Во втором периоде (1830-е - конец 1920-х гг.) основной источник приобретает системный характер, причем эти системы отличались методологическим разнообразием. Первый этап (по 1870-е гг.) отмечен повышенным интересом к реальным соотношениям вещей в археологических памятниках и этнических общностях - к тем соотношениям, что определялись в то время как “совокупности признаков”, характеризующие культуру. Соответственно, и археолого-этнографические разработки строятся комплексными методами. Исследователи соотносят уже не вещи, но культуры, воссоздавая, как тогда выражались, “действительную жизнь посредством памятников”.

Ко второму этапу второго периода (с 1880-х гг. до конца 1920-х гг.) завершается длительный процесс складывания формально-типологического метода, который становится основным. Отныне, базируясь на историческом исследовании форм и стиля предметов, исследователи выходят, как они сами определяли, на “связь исторических явлений”, открывают в вещах “свидетелей народной жизни”. В свою очередь, археоло-

го-этнографическая систематика выходит в это время на уровень соотношения наук в грандиозной триаде антропологии, археологии и этнографии. Будучи самостоятельными, эти дисциплины обретают некий общий предмет, относительно которого их совокупность именуется палеоэтнологией, палеоэтнографией или, реже, социологией. Этноархеология как бы теряется в этой грандиозной триаде, становится частным случаем обширных комплексных исследований. В лучшем случае, кто-нибудь из представителей той или иной научной школы проявляет себя именно как этноархеолог. А это почиталось ограниченностью, методологической ущербностью - как и тогда, когда коллега оказывался антропологом, археологом или же этнографом собственно как таковым.

Настолько значительны были научные результаты в сфере комплексных археолого-этнографических исследований и особенно четко это проявилось в третьем десятилетии XX в., что отдельные ученые высказывают (правда, в основном в устной форме) мнение, что именно тогда сложилась в нашей стране этноархеология как самостоятельная наука, хотя по отношению к ней этот термин не употреблялся, а этноархеологические знания наращивались в рамках палеоэтнологии. Не вдаваясь в вопрос о соотношении этноархеологии и палеоэтнологии (палеоэтнографии), заметим все же, что необходимых социальных, научных и организационных условий для выделения этноархеологической области знаний в самостоятельную науку тогда все же не сложилось. Формировавшееся так называемое палеоэтнологическое направление фактически было ликвидировано в начале 1930-х гг.

Третий период, начало которого приходится на начало 1930-х гг., а верхняя хронологическая граница остается открытой и доходит в целом до настоящего времени, изучен на сегодняшний день крайне слабо. Его определяют прежде всего те значительные совместные археолого-этнографические исследования, которые проводились крупными, хорошо организованными комплексными экспедициями, созданными временными коллективами и выдающимися специалистами, работавшими одновременно в археологии и этнографии и значительно способствовавшими получению новых этноархеологических знаний (В.А.Куфтин, С.И.Руденко, С.П.Толстов, В.Н.Чернецов и др.). Из ныне здравствующих ученых существенных успехов в этом направлении достигли С.И.Вайнштейн, В.П.Дьяконова, томские археологи и этнографы, создавшие с привлечением ученых из Екатеринбурга, Новосибирска, Омска и некоторых других городов многотомный труд «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» (под редакцией Н.В.Лукиной), а также омские этноархеологи в сфере теоретических и методологических разработок в этноархеологии.

В этом периоде, наиболее слабо изученным и определяемым нами как современный, видимо можно выделить три этапа. Для первого этапа этого периода (с 1930-х гг. приблизительно - по окончании Великой Отечественной войны т.е. до середины 1940-х гг.) показательно свертывание палеоэтнологических школ и поиск новых подходов к сопряжению археологического и этнографического материалов. Он характеризуется не столько масштабами экспедиций, сколько формированием и развитием внутренних научно-интерпритационных подходов к проблеме сопряжения археологических и этнографических знаний.

Второй этап третьего периода (со второй половины 1940-х гг. и, возможно, до конца 1970-х гг.) отмечен крупными, хорошо организованными археолого-этнографическими экспедициями в Сибири, Средней Азии, отчасти на Кавказе и в некоторых других регионах СССР, которые непрерывно работали по многу лет и объединяли в своем составе широкий круг специалистов. Во главе таких комплексных экспедиций стояли выдающиеся исследователи, работавшие одновременно и в археологии, и в этнографии, и в других смежных дисциплинах. В результате существенно расширилась источниковая база, что позволило приступить к наработке новых этноархеологических методик и концепций.

Для крайнего же, современного этапа, начавшегося где-то на рубеже 1970-х - 1980-х гг., точнее с конца 1970-х гг., характерно повышенное внимание к историографическим и теоретико-методологическим проблемам этноархеологии, а также осмысление соотношения двух наук на уровне интергации и формирования науки этноархеологии. Это сопровождается достаточно заметными результатами в области комплексных исследований культур, общества, этносов. В результате, где-то с середины 1990-х гг. можно констатировать явный качественный перелом. На сегодняшний день уже достаточно четко оформилось понимание этноархеологии как отрасли научных знаний, определены ее предмет, объект, проблемы, источники, методы. Обозначены пути организационного оформления этноархеологии как дисциплины, начата поэтапная профессиональная подготовка в данной области.

И.В. Тункина*Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург***О ПРОЕКТЕ ПУБЛИКАЦИИ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПОЛЯ ДЮБРЮКСА***

Не секрет, что огромное число научно значимых материалов по истории русской археологии XVIII–XX в., по ряду причин оставшихся неизданными ни при жизни, ни после смерти авторов, остаются погребенными в архивах и недоступны широкому кругу специалистов. Подобную судьбу разделило и научное наследие пионера боспорской археологии, французского эмигранта-роялиста Поля (Павла Алексеевича) Дюбрюкса (Paul Du Bux, 1770–1835). В 1810 г. он поселился в Керчи и начал археологические исследования в Восточном Крыму и на Таманском полуострове, первоначально имевшие кладоискательский характер. Начав с раскопок античных некрополей, он вскоре перешел к изучению остатков поселений. С 1816 г. Дюбрюкс стал составлять дневники своих работ, выполнял масштабные схемы, рисунки, чертежи и подробные текстовые описания открытых памятников [Латышев. 1889; Бич. 1959]. Благодаря интуиции, врожденной наблюдательности и 25-летнему опыту полевых работ его способность «видеть землю» лишь оттачивалась. Наибольшую ценность для современной науки представляют планы и описания руин Восточного Крыма, составлявшие им в 1820–1830-х гг. по просьбе великого князя Михаила Павловича, при содействии и научном руководстве керчь-еникальского градоначальника, члена-корреспондента Парижской академии надписей и изящной словесности И.А. Стемпковского (1788–1832). Цели, поставленные еще в начале XIX в. Дюбрюксом и Стемпковским в области археолого-топографического изучения античных городов и поселений Керченского полуострова, стали актуальными для русской науки лишь к концу XIX в.

К фронтальному разведочному исследованию археологических остатков Восточного Крыма Дюбрюкс приступил с четко поставленной научной задачей и планом – собрать подробные сведения о недвижимых памятниках древности на европейском берегу Боспора Киммерийского. Используя планшет с bussолью для промера углов и веревку для определения расстояний, Дюбрюкс занимался снятием и уточнением каждого своего плана, возвращаясь на одно и то же место по 20–30 раз, порой отстоящих от Керчи на расстоянии до 60 км. Этим исследованиям, проводившимся с необычайной тщательностью и кропотливостью, он посвятил 14 лет жизни и ими навечно воздвиг себе памятник в истории мировой археологии.

Дюбрюкс обращал внимание на руины городов, поселений, крупные курганы, древние дороги и другие памятники археологии в связи с окружающим антропогенным и природным ландшафтом, т. е. параллельно изучал прилегающую территорию в русле землеописательных традиций XVIII в. Он оставил точные описания и обмеры многих археологических памятников античного времени, частично уничтоженных еще при его жизни из-за выборок камня и полностью исчезнувших впоследствии. Обследованные памятники были им описаны, тщательно промерены и нанесены на планы и карту. Графическую фиксацию объектов Дюбрюкс осуществлял сначала в черно-белых черновых набросках, а затем в точно выверенных красочных планах и рисунках. Его материалы позволяют восстановить общий абрис оборонительных сооружений городов Боспора – Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, Илурата, Китея, Киммерика и др., а также состав раскопанных в первой трети XIX в. археологических комплексов первостепенной важности (курганы Патиниоти, Куль-Оба, ряд памятников некрополя Пантикапея и др.).

Планы Дюбрюкса в течение 170 лет безуспешно пытались отыскать несколько поколений антиковедов [Тункина. 1999]. Рассеянное по архивам разных стран рукописное наследие Дюбрюкса практически осталось недоступным для исследователей античного Причерноморья. Редкие, а порой отрывочные и искажен-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-01-000164.

ные публикации отдельных трудов Дюбрюкса (в русском переводе) не восполняли этой лакуны [Дюбрюкс. 1858; Тизангаузен. 1888]. Заполнить ее предназначено планируемое издание собрания сочинений и писем зачинателя керченской полевой археологии, учитывающее все выявленные к настоящему времени документы об археологической деятельности П. Дюбрюкса. В ходе 20-летних поисков в архивах мною обнаружены подлинные рукописи Дюбрюкса и ряд списков с них, а также документы о его жизни и археологической деятельности и материалы о семье Дюбрюксов [Тункина. 1999; Тункина. 2005]. В Государственном архиве Российской Федерации в 2001 г. удалось обнаружить наиболее полную рукопись основополагающего труда Дюбрюкса с описанием руин Восточного Крыма, иллюстрированную цветными планами и картой, которые ранее считались утраченными [см., например: Толстикова. 1999]. В Киеве была найдена черновая рукопись этого труда, а в Архиве Государственного Эрмитажа – авторские исправления и дополнения к ней и более точные планы [Тункина. 2002. С. 144-157, 167-179]. Действительный член Парижской Академии надписей и изящной словесности Вероника Шильц и ее ученики обнаружили ряд манускриптов П. Дюбрюкса в Париже, ряд документов о нем и его семье в других архивах Франции, в их числе опубликованный ими отчет о раскопках кургана Куль-Оба в 1830 г. [Gavignet, Ramos, Schiltz. 2000. P. 344-374].

Благодаря исследовательскому гранту РГНФ в ближайшее время предполагается издать полное комментированное собрание сочинений и писем Дюбрюкса на русском и французском языках, включающее реконструкцию всех без исключения текстов Дюбрюкса 1810–1830-х гг. по архивным рукописям, хранящимся в Москве (Государственный архив Российской Федерации, Отдел письменных источников Государственного исторического музея), Петербурге (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Научный архив Института истории материальной культуры РАН, Архив Государственного Эрмитажа), Киеве (Институт рукописи Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского), Одессе (Государственный архив Одесской области) и Париже (Архив Парижской академии надписей и изящной словесности). Работа по подготовке собрания сочинений Дюбрюкса началась в Петербурге в 2001 г., причем В. Шильц любезно предоставила копии парижских рукописей для сверки и публикации. Таким образом, планируемое издание включит все выявленные к настоящему времени в архивах России, Украины и Франции авторские материалы Дюбрюкса по археологии Боспора, сверенные с разными авторскими редакциями и их писцовыми копиями, а также все предыдущие публикации его трудов.

Оригиналы рукописей Дюбрюкса рассматриваются составителями собрания сочинений в качестве первоисточника, позволяющего при необходимости исправить погрешности перевода, не способного заметить подлинник. Тексты П. Дюбрюкса изобилуют неправильностями и явными ошибками, даже с точки зрения менее нормированного французского языка конца XVIII – начала XIX столетий, в том числе научного, имевшего свою специфику. Рукописи П. Дюбрюкса публикуются на французском языке и в новом русском переводе, который ориентирован на передачу сводной редакции текста и точную передачу сообщаемых археологических сведений. Неопубликованные архивные материалы представлены критической редакцией текста по наиболее полной авторской рукописи или сохранившейся писцовой копии, сверенной со всеми выявленными вариантами текста. В постраничных примечаниях к французским текстам переводчиком Н. Л. Сухачевым (Институт лингвистических исследований РАН) отмечены основные разночтения между разными архивными списками. В соответствии с уже сложившейся применительно к рукописям Дюбрюкса традицией, специфика французского оригинала, по возможности, отражена, но это не дипломатическое его воспроизведение, а отчасти отредактированный текст, т. к. в ряде случаев речь идет о палеографической дешифровке рукописных материалов.

В собрании сочинений публикуются оригинальные зарисовки, черновые и окончательные чертежи и топографические планы Дюбрюкса, в том числе цветные. Издание предваряет статья о жизни и деятельности пионера археологии Боспора. В научном комментарии приведена оценка данных П. Дюбрюкса с учетом современных представлений об истории и археологии Боспорского царства, отражена история изучения конкретных памятников Восточного Крыма. Статьи подготовлены специалистами по археологии Европейского Боспора (Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский, М. Ю. Вахтина (ИИМК РАН), О. Ю. Соколова (ГЭ), Е. А. Молев (Нижегородский университет), В. П. Толстикова (ГМИИ им. А. С. Пушкина)).

Впервые публикуемые в полном виде описания и планы Дюбрюкса помогут современным исследователям лучше понять и реконструировать исчезнувшие объекты античной эпохи, проследить конструктивно-планировочные особенности утраченных или частично разобранных на камень городищ и курганов Европейского Боспора, восстановить состав раскопанных в первой трети XIX в. погребальных комплексов первостепенной важности. Ввод в научный оборот всего научного наследия Дюбрюкса равноценен новым полевым археологическим открытиям, и свидетельствует о чрезвычайно высоком познавательном потенциале издаваемых источников. Собрание сочинений Дюбрюкса, без сомнения, станет настольной книгой для всех историков-антиковедов и археологов, изучающих памятники Боспорского царства.

Список литературы

- Бич О.И.** Первые раскопки некрополя Пантикапея: Дневник раскопок П.Дюбрюкса в 1816-1817 гг. // МИА. – 1959. – № 69. – С. 296-321.
- Дюбрюкс П.** Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море / Пер. с франц. А.Дюбрюкса // ЗООИД. – 1858. – Т. 4. -Отд. 1. – С. 3-84.
- Латышев В.В.** Неизданная рукопись Дюбрюкса: Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 годах // ЗООИД. – 1889. – Т. 15. – Отд. 1. – С. 116-149.
- Тизенгаузен В.Г.** Записка Дюбрюкса «Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи» // Тр. VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). – Одесса, 1888. – Т. 2. – С. 135-139.
- Толстик В.П.** Утраченный план Пантикапея Поля Дюбрюкса (К проблеме реконструкции) // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Мат-лы междунар. научн. конф., декабрь 1999. – СПб.: б.и., 1999. – С. 41-46.
- Тункина И.В.** Новые архивные материалы о роде Дюбрюксов в России // Учен. Зап. Таврич. Национ. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «История». – 2005. – Т. 18 (57). – № 1: Спец. выпуск: Историческое краеведение Крыма на рубеже столетий: Вопросы истории крымоведения и охраны памятников: Сб. научн. тр. в честь 150-летия со дня рожд. А.И. Маркевича. – С. 175-178.
- Тункина И.В.** О судьбе рукописного наследия Павла Дюбрюкса // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Мат-лы междунар. научн. конф., декабрь 1999. – СПб.: б.и., 1999. – С. 8-35.
- Тункина И.В.** Русская наука и классических древностей юга России (XVIII-середина XIX в.). – СПб.: Наука, 2002. – 676 с.
- Gavignet J.-P., Ramos E., Schiltz V.** Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: présence de Paul Du Brux dans les archives françaises // Journal des Savants. – 2000. – Juillet-Décembre. – P. 323-374.

Список сокращений

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

А.В. Шаманаев*Уральский государственный университет, Екатеринбург*

ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НА ПЕРВОМ ВСЕРОССИЙСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СЪЕЗДЕ

Всероссийские археологические съезды, организовывавшиеся Московским археологическим обществом с 1869 по 1911 гг., представляли собой исключительное явление в российской археологии. В целом, они оказали большое влияние на распространение знаний об археологических памятниках, координации исследований отечественных археологов, повышению методического уровня провинциальных исследователей. Библиографическое наследие съездов включает 37 томов трудов, отразивших все многообразие докладов, научных проблем и остроту дискуссий российских и зарубежных участников этих форумов.

Уже современники понимали значимость Археологических съездов и давали высокую оценку результатам их работы [Уварова, 1909, С.409–427; Анучин, 1916, С.ХI–XXIV; Иловайский, 1916, С.1–4]. Однако объем информации, связанной с деятельностью съездов столь велик, что до сих пор рассмотрены только общие принципы их организации и деятельности, разработана историография отдельных вопросов [Бржостовская, 1972; Комарова, 1988; Жервэ, 1992; Непомнящий, 2002].

Большой интерес представляют вопросы сохранения археологического наследия, которые рассматривались на каждом съезде. К этой стороне их работы обращались А. М. Разгон и А. А. Формозов, которые дали ее общую характеристику [Разгон, 1957, С.106–107, 111–114; Формозов, 1961, С.103; 1986, С.163]. Однако эта тема заслуживает более пристального внимания.

Проблемы охраны исторических памятников России были подняты уже на Первом съезде (16–28 марта 1869 г., Москва). При подготовке съезда в число предложенных к обсуждению вопросов был включен и «о мерах к сохранению и приведению в известность памятников как языческой, так и христианской древности в России». Он активно обсуждался на общем собрании 21 марта [Протоколы заседаний, 1871, С. XLVIII–LIV]. Кроме того, проблемы сохранения археологических древностей затрагивались на заседаниях, посвященных обсуждению преподаванию археологии в российских учебных заведениях и составлению археологических карт.

Круг проблем, рассмотренных на заседании 21 марта, оказался чрезвычайно широким. Выступавшие констатировали многочисленные случаи разрушения памятников старины вследствие невежества населения, чиновников и служителей церкви. Об этом говорили А. А. Мартынов (1818–1903, архитектор, историк и археолог), Н. А. Попов (1833–1891, профессор Московского университета, историк), П. И. Мельников (1818–1883, русский писатель, историк и этнограф) и др.

Однако разговор не был сведен только к критике существующего положения, одновременно предлагались конкретные меры по изменению ситуации. Д. П. Сонцов (1803–1875, нумизмат, один из основателей МАО) предложил активизировать работу археологических обществ по собиранию сведений о древностях от местных жителей и надзору за состоянием памятников старины.

Профессор Санкт-петербургского университета К. Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897) систематизировал публикации в прессе по вопросам охраны памятников и предложения ряда участников съезда представил программу развития системы охранной деятельности. Она предусматривала проведение регулярных археологических съездов, создание новых археологических обществ и музеев в провинции, более широкое привлечение губернских статистических комитетов к собиранию сведений о памятниках. Иллюстрируя свое сообщение, К. Н. Бестужев-Рюмин представил проект учреждения музея на развалинах древнего Булгара, разработанный К. Г. Евлентьевым (1824–1885, псковский краевед, член Псковского губернского статистического комитета). Идею о привлечении археологических обществ и статистических комитетов к надзору за памятниками церковной архитектуры поддержал И. А. Гольшев (1839–1896, иконописец из Мстеры, историк и археолог-любитель) [Гольшев, 1869].

Д. М. Струков (1827–1899, архитектор, художник, археолог) заострил внимание на уничтожении старинных вещей, приобретаемых скупщиками металлического лома. Он указал, что «хотьба», как промысел, наносит существенный вред и необходимо правительственное его запрещение или ограничение. Интересный проект создания и деятельности археологических отделов при губернских статистических комитетах был изложен в записке Н. П. Горажанского, опубликованной в трудах съезда [Горажанский, 1869, С.101–104]. М. В. Толстой (1812–1896, историк церкви) обратил внимание на необходимость издания рисунков памятников, которым грозит разрушение.

Подводя итоги заседания А. С. Уваров (1825–1884) отметил, что суть проблемы заключается в отсутствии в России правительственного органа охраны древностей, официального реестра памятников и жесткого законодательства и привел примеры из опыта Франции. Кроме того, он изложил свои представления об основных положениях закона об охране памятников старины. В итоге было принято решение о создании комиссии из членов Московского и Русского археологических обществ для разработки мер по охране отечественных древностей [Протоколы заседаний, 1871, С.XLVIII-LIV].

В дни работы съезда М. П. Погодин (1800–1875) представил обзор истории отечественной археологии (доклад читался 16, 19 и 28 марта). На заключительном заседании (28 марта) он рассмотрел современное состояние и перспективы археологических исследований в России. Кроме того, М. П. Погодин обобщил высказанные участниками съезда предложения по организации охраны исторических памятников. Он отметил необходимость популяризации знаний об археологических древностях и создания описания отечественных достопримечательностей, издания свода памятников и организации мер по физическому сохранению древностей. Особое предложение было связано с развитием железнодорожного строительства: должна быть разработана практика выявления артефактов, находимых при земляных работах и их покупки научными обществами. М. П. Погодин высказался за необходимость централизованного хранения коллекций, прекращение рассеивания комплексов между центральными и провинциальными музеями. Также он предложил принять меры к разработке правил научной реставрации памятников, собиранию Археологической комиссией публикаций о новых находках в прессе [Погодин, 1869, С.36-40].

Проблемы охраны памятников возникли и при обсуждении вопросов о преподавании археологии в русских учебных заведениях (19 и 21 марта). Дискуссия развернулась вокруг сообщений на эту тему Ф. И. Буслаева (1818–1897, историк, филолог, академик, профессор Московского университета) и П. С. Казанского (1819–1878, историк, профессор Московской духовной академии) [Буслаев, 1869; Казанский, 1869]. Докладчики и участники съезда, выступившие в прениях, отметили важность распространения знаний о национальных древностях, как необходимое условие развития интереса и бережного отношения общества к памятникам старины. В итоге было признано целесообразным введение курсов археологии в светских и духовных учебных заведениях, устройство при них [Протоколы заседаний, 1869, С.XL-XLVIII].

Разработка вопросов учета археологических памятников рассматривалась при обсуждении методики картографирования курганов на общем собрании 21 марта музеев [Протоколы заседаний, 1869, С.LIV-LV].

Можно отметить, что уже в 1869 г. были намечены основные формы охранной деятельности и меры по предотвращению гибели памятников старины. Результатом работы комиссии (А. С. Уваров, А. Ф. Бычков, В. В. Вильяминов-Зернов, Н. Н. Мурзакевич, П. И. Савватов, В. Г. Тизенгаузен), созданной для разработки предложений по охране памятников, стал «Проект мер охранения памятников старины», одобренный Вторым археологическим съездом в Санкт-Петербурге (1871) [Краткие протоколы, 1881, С.59–61]. В 1876 г. на его основе был разработан первый официальный проект закона об охране памятников [Разгон, 1957, С.114]. Обсуждение вопросов охраны археологического наследия на Первом съезде оказало существенное влияние на развитие этого направления в России.

Список литературы

- Анучин Д. Н.** Графиня П. С. Уварова в ее служении науке о древностях на посту председателя Императорского Московского археологического общества // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. – М., 1916. – С. XI-XXIV.
- Бржостовская Н.В.** Вопросы архивного дела на археологических съездах в России // Археографический ежегодник за 1971 год. – М.: Наука, 1972. С. 89-105.
- Буслаев Ф. И.** О преподавании археологии // Труды первого археологического съезда в Москве. 1869. – М.: Синодальная типография. – 1871. – Т.1. – С. 75-82.
- Гольшев И. А.** О сохранении памятников // Труды первого археологического съезда в Москве. 1869. – М.: Синодальная типография. – 1871. – Т.1. – С. 105-107.
- Горожанский Н. П.** О мерах для сохранения памятников в Волынской губернии // Тр. первого археологического съезда в Москве. 1869. – М.: Синодальная типография. – 1871. – Т.1. – С. 96-104.

Жервэ Н. Н. Пятнадцатый археологический съезд // Советская археология. – 1992. – № 1. – С. 245–254.

Иловайский Д. И. Всероссийские археологические съезды // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. – М., 1916. – С. 1-4.

Казанский П. С. О преподавании археологии // Тр. первого археологического съезда в Москве. 1869. – М.: Синодальная типография. – 1871. – Т.1. – С. 83-88.

Комарова И. И. Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России // Археографический ежегодник за 1989 год. – М.: Наука, 1990. – С. 80-87.

Краткие протоколы заседаний, в их последовательном порядке // Тр. второго археологического съезда в Санкт-Петербурге. – СПб.: Типография АН. – 1881. – Вып. 2. – С. 2-67.

Непомнящий А. А. Крымоведческие исследования на Всероссийских археологических съездах // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2002. – Вып. 9. – С. 579-590.

Погодин М. П. Судьбы археологии в России // Тр. первого археологического съезда в Москве. 1869. – М.: Синодальная типография. – 1871. – Т.1. – С. 1–61.

Протоколы заседаний археологического съезда. Общие собрания // Тр. первого археологического съезда в Москве. 1869. – М.: Синодальная типография. – 1871. – Т. 1. – С. XL-LXII.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1801–1917 гг.) // История музейного дела в СССР. – Тр. НИИ музееведения. – 1957. – Вып. 1. – С. 73-128.

Уварова П. С. Обзор деятельности 12-ти первых археологических съездов // Тр. двенадцатого археологического съезда в Харькове. – М., 1909. – С. 409-427.

Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. – М.: Изд-во АН СССР. – 1961.

Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука. – 1986.

Я.А. Шер

Кемеровский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В РОССИИ: РЕАЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Реальности. Некое подобие объективного анализа состояния теоретических исследований в нашей науке возможно на основе подсчета количества соответствующих публикаций и их доли в общем потоке археологической литературы, вышедшей с 1917 по 1987 гг. по данным 11-томной библиографии, которая издается сотрудниками библиотеки ИИМК РАН [Винберг и др., 1965 - 2003]. «Подобие» – потому, что пока никто точно не определил, какие работы можно считать теоретическими, а какие – прикладными, общearchеологическими или общеисторическими. До 1973 г. в «Указателе» не было отдельной теоретической рубрики, и все теоретические работы объединялись в рубрике «Общие вопросы археологии». Тогда и до 90-х гг. главными теоретическими задачами были марксистские трактовки результатов наших исследований, и они доминировали в этой рубрике.

Недостаток места не позволяет привести данные по годам или хотя бы по отдельным томам «Указателя». Если считать публикации по «общим вопросам археологии», то в среднем они составляют 2,13 %. Но это – чисто формальная, количественная картина, подобная «средней температуре по больнице». В ней смешаны социологическая, общеисторическая, и внутриархеологическая проблематика. Для того, чтобы оценить уровень развития и динамику публикаций именно по теоретической археологии, необходимо отделить их от других, а сделать это не просто.

Очень редкие статьи и книги тех лет не содержат цитат и ссылок на классиков марксизма. Такими, например, были статья М. П. Грязнова о классификации кельтов [Грязнов, 1941], тезисы докладов М. И. Артамонова, Г. П. Григорьева, М. П. Грязнова и П. Н. Третьякова на теоретическом семинаре ЛОИА АН СССР [Теоретические основы..., 1969]. Учитывать только работы, нацеленные на «внутриархеологическую» проблематику (типология, классификация, хронология, стратиграфия и т.д.) – значит искусственно ограничить область теории. Из нее нельзя исключить обобщающие исследования по антропогенезу, этногенезу, по миграциям и смене культур, по закономерностям зарождения и развития духовной культуры и искусств и т.д.

Не претендуя на исчерпывающую объективность, мною учтены только те работы, в которых в наименьшей степени отразился идеологический пресс. При этом оценка средней получается около 1,6 %, т.е. при более жестком отборе доля теоретических работ уменьшилась не очень существенно (примерно на 0,5 %). Их удельный вес в советские годы был незначительным, но в целом довольно стабильным.

До 1917 г. на ежегодных всероссийских и областных археологических съездах иногда звучали теоретические доклады, а в научных изданиях появлялись статьи по типологии, классификации, стратиграфии, картографии (В. А. Городцов, А. С. Уваров, А. А. Спицын и др.), т.е. на такие темы, которые актуальны всегда. С 1918 по 1941 гг. в СССР прошло около 30 крупных археологических конференций. В эти годы наблюдается некоторый всплеск теоретических работ (3,2 %), но в нем, конечно, отразилась «борьба за марксистскую археологию» в 30-е гг. Далее, наоборот, происходит спад числа теоретических публикаций (0,8 %), по-видимому, связанный с тягостной обстановкой во всей науке в 40-е – 50-е гг., до XX съезда КПСС. Затем ситуация выравнивается, и удельный вес теоретических работ за последующие 30 лет незначительно колеблется от 1,9 % до 3,8 %. Таким был реальный уровень интереса к теоретическим вопросам археологии в нашей стране за 1917 – 1987 гг. Не располагая точными данными за 1988 – 2005 гг., можно предположить, что и сейчас он не превышает 4 – 4,5 %.

С конца 30-х гг. в СССР регулярно проводились всесоюзные археологические пленумы. В пленарных докладах постоянно поднимались «общеисторические» проблемы, в частности, этногенез тех или иных народов (Б. Д. Греков, А. Д. Удальцов, С. П. Толстов и др.), но в них, у одних меньше, у других больше, доминировал тот

же подход борьбы с «буржуазной наукой». Доходило до фантастических построений, по которым, например, предков славян обнаруживали чуть ли не в верхнем палеолите (Б. А. Рыбаков), однако с конца 50-х гг. ситуация стала меняться не без влияния хрущевской оттепели.

Статистика не в состоянии отразить отдельные факты науки, которые, почти не влияя на количественные показатели, все же становятся заметными, качественно новыми событиями. Первым из таковых было Всесоюзное совещание по применению в археологии методов исследования естественных и технических наук 1963 г. (Москва), где, помимо методических вопросов, обсуждались и проблемы теории. На Всесоюзной сессии по итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 г. (Москва) впервые получила вполне официальный статус секция теории и методики (рук. Ю. Н. Захарук). Количество докладов на этих форумах растворилось в общей массе, но их резонанс был весьма заметным и послужил толчком к ускорению развития нового направления в советской (российской) археологии.

В 1985 г. в ИА АН СССР был образован отдел теории и методики, которым последовательно руководили Ю. Н. Захарук, В. И. Гуляев и И. С. Каменецкий. В результате несколько сотрудников института, своего рода добровольцев-теоретиков получили официальный статус. Директор ИА Б. А. Рыбаков принял такое решение, несмотря на свой скепсис к теории археологии. Через 10 лет, в 1995 г. подобное подразделение было создано в ИАЭА СО РАН. В отличие от московского института, здесь сначала главным направлением были задачи статистического анализа морфологии и типологии палеолитических каменных орудий, а затем внимание сотрудников сконцентрировалось на теоретических вопросах «археологического науковедения» [Холушкин, 2004]. Пока только в этих двух институтах функционируют штатные теоретические подразделения. В других научных археологических коллективах вопросы теории разрабатываются отдельными исследователями по личной инициативе.

При обезличенном статистическом анализе легко потеряются весьма незаурядные публикации «волонтеров» т.е. тех, для кого теоретическая работа не была служебной обязанностью. Исторически сложилось так, что наибольший теоретический потенциал сложился в Санкт-Петербурге (Л. С. Клейн, М. В. Аникович, В. С. Бочкарев, Л. Б. Вишняцкий, Г. П. Григорьев, Е. М. Колпаков, Г. С. Лебедев, Б. И. Маршак и др.), хотя там и нет ни в ИИМКе, ни в университете такого специального теоретического подразделения, как в Москве и Новосибирске. В алфавитном списке питерских теоретиков не случайно первое место отдано Л. С. Клейну. По количеству и содержанию теоретических работ он является бесспорным лидером. Правда, в его книгах и статьях достаточно того, с чем можно не соглашаться или спорить, но это неизбежно и даже нужно в такой области, как теория.

В Москве в 60-е – 70-е гг. увидели свет работы Ю. Н. Захарука, И. С. Каменецкого, В. Б. Ковалевской, А. Л. Монгайта, А. П. Смирнова, Г. А. Федорова-Давыдова, А. А. Формозова, Е. Н. Черных, Ю. Л. Щаповой и др., в которых в разной мере затрагивались теоретические проблемы. Особенно следует отметить активность Ю. Н. Захарука, и не только, как автора теоретических статей (отягощенных марксистской риторикой), но и как организатора и первого руководителя сектора теории и методики. Перечень российских археологов-теоретиков был бы неполным без уральских коллег В. Д. Викторовой и В. Ф. Геннинга.

За 70-е – 80-е гг. состоялось более двух десятков всесоюзных конференций, полностью или частично посвященных вопросам теории и методов археологического исследования. Их названия и география говорят сами за себя: «Историзм археологии: методологические проблемы» (Москва, 1976); «Физико-математические методы в археологии» (Москва, 1978); «Методологическая школа молодых археологов» (Усть-Нарва, 1980); «Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири (Барнаул, 1983); «Археологические источники и проблема их интерпретации» (Москва, 1985); «Компьютерные банки данных музейной и археологической информации» (Тбилиси, 1988); «Теоретические проблемы современной археологии» (Кишинев, 1988); «Комплексные методы исследования археологических источников» (Москва, 1989); «Археологические культуры и проблемы их интеграции» (Санкт-Петербург, 1991); «Керамика как исторический источник» (Самара, 1991); «Опыт компьютерной обработки археологических материалов» (Москва, 1993) и целый ряд других (полными данными за последние 10 лет я не располагаю).

Названия некоторых конференций звучат как прикладные, но практически на всех из них, так или иначе, поднимались теоретические вопросы (методы описания, классификации, хронология, типология, интерпретация и т.п.). Правда, из полного списка конференций не видно какого-то системного планирования теоретической работы. Так в 1976 г. было две конференции, хотя и разные по названию, но близкие по существу. В 1981 г. – четыре близких по сути конференции, а в другие годы (1977, 1982, 1984 и др.) не было ни одной конференции с теоретическим уклоном. Разумеется, не нужно такие конференции проводить каждый год, но совершенно необходима координация и соответствующая подготовка. Все же в целом можно думать, что общий рост теоретической работы в нашей науке стал заметным. Показательно, что стали появляться учебные пособия по методам и теории в археологии [Авдусин, 1980; Дервянко и др., 1994; Клейн, 1978/1995; 2004; Мартынов, Шер, 1988/2002 и др.].

Теоретики и практики в археологии. Наука создается людьми, и соотношение между теорией и практикой в науке напрямую зависит от того, кто и сколько занимается тем и другим. Везде – и в естественных, и в гуманитарных науках теоретиков на порядок меньше, чем практиков. Археология не исключение. Соотношение между «теоретиками» и «практиками» подробно описано Л.С.Клейном [2004, с. 12 - 21]. Кавычки в моем тексте – знак того, что я не совсем согласен с такой жесткой дихотомией. Я согласен, что теоретиков нужно готовить смолоду, но не согласен с тем, что их нужно как-то *специально* готовить. Разумеется, для студентов старших курсов необходимо предусматривать теоретические спецкурсы. Однако выбор между практикой и теорией студент делает сам, исходя из своих творческих предпочтений и способностей.

В отличие от физики, у нас нет оснований к четкому разграничению между теоретиками и практиками. Все из перечисленных выше теоретиков начинали свою научную работу с раскопок и анализа конкретных находок. Даже Л.С.Клейн в свое время занимался и памятниками эпохи бронзы, и скифами, и раскопками сарматских курганов. Думается, что это вполне естественно. Например, в физике теоретики и экспериментаторы разделены значительным количеством специальных знаний: математика для теоретиков и технические знания и навыки для экспериментаторов. А у нас в 60-х гг. теорией стали заниматься практики. И за редким исключением, не из какого-то отвлеченного интереса, а на основе конкретных задач исследования. Например, И.С.Каменецкий, В.Б.Ковалевская, Б.И.Маршак, Г.А.Федорова-Давыдов, Е.Н.Черных, автор этих строк и др. пришли к теории от практических задач описания и обработки массовых материалов, от дескриптивных и статистических задач к теоретическим обобщениям.

В отличие от археологии, в естественных науках существует постоянная необходимость в теоретиках, которые помогают экспериментаторам обобщить и осмыслить результаты их исследований. А у нас, по-видимому, такой необходимости нет и долго еще не будет. После 80-х гг. наша активность в области теории стала постепенно угасать, и большинство теоретиков сосредоточились на исследовании конкретных памятников и культур в соответствии со своей научной специализацией. Но это не был возврат к прежним методам работы. Знания и навыки, полученные в теоретической сфере, помогли нам во многом. Стала заметной более четкая структурированность наших отчетов и публикаций, рассуждения стали более логичными, упорядочилась терминология, классификации становятся верифицируемыми, исходные данные, факты и гипотезы лучше различаются между собой и т.д. и т.п. Из этого следует очевидный общий вывод: теоретические исследования замыкаются обратной связью на практику (включая практику раскопок) и оказывают на нее положительное влияние.

Проблемы. За последние 35 лет было опубликовано немало статей и книг теоретического содержания (не перечисляю из-за недостатка места). Если, например, книга Д.Кларка «Аналитическая археология» [Clarke, 1968] стала в Европе и США предметом бурной дискуссии, то близкие по духу наши издания не вызвали какого-то необычного резонанса, не считая единичных, в целом положительных рецензий. И хотя проблемы, поднятые в тех изданиях, в основном, остались и сейчас и, по-видимому, останутся еще надолго, тем не менее, теоретические работы 60-80-х гг., безусловно, были вполне результативны и свою задачу на том этапе выполнили. Об этом говорит, прежде всего, широкое распространение тех теоретических принципов, методов, логических и математических конструкций и критериев (уже даже без ссылок на первые публикации), которые были созданы и опробованы на конкретных материалах.

Повышение интереса к теории в 60-70-е гг. было вызвано, во-первых, потребностями ряда археологов-практиков и практически полным отсутствием какого-либо теоретического понятийного аппарата и, во-вторых, это была реакция на марксистскую догматику, как правило, намного более ортодоксальную, чем у классиков марксизма.

Между тем существует разное понимание сути теоретической археологии и способов ее построения. Одни авторы считают, что теория должна строиться «сверху вниз» как некая дедуктивная система, а практические задачи должны решаться путем их «встраивания» в те или иные звенья теории. Другие, наоборот, рассматривают теорию, как обобщение практического опыта и, соответственно, строят ее «снизу вверх».

Сейчас, при полном отсутствии идеологического пресса, ситуация существенно изменилась. Практические потребности существуют и будут существовать всегда [Шер, 1976]. Всеобщая компьютерная грамотность уже сама по себе подспудно воспитывает потребность в более четкой логике рассуждений и позволяет намного шире, чем раньше пользоваться возможностями новых информационных технологий, а трудоемкие когда-то статистические выкладки выполняются автоматически с предложением на выбор широкого спектра наглядных диаграмм, схем и графиков.

К числу насущных теоретических проблем современной археологии, по мнению автора, можно отнести следующие.

Общеисторические.

1. Заполнение лакун в теории антропогенеза: переходы от австралопитеков к *Номо* и от ранних *Номо* к сапиенсу. Являются ли эти лакуны пробелами в наших знаниях или результатами мутаций?
2. Теория перехода от ашеля и мустье к верхнему палеолиту. Причины и механизм верхнепалеолитической «революции».
3. Причины и последствия неравномерности темпов развития культур в эпоху неолита и бронзы. Взаимодействие между пастушескими (степными) и земледельческими (оазисными) культурами.
4. Взаимодействие между древними цивилизациями и варварской периферией. Как вариант – средневековый город и кочевая степь.

Внутренние.

1. Стандарты описания археологических объектов и материалов. Унификация языка описания.
2. Теории классификаций: типология, хронология, стратиграфия.
3. Археологическая культура и ее варианты. Количество названий культур в современной литературе превысило все возможные рамки.
4. Развитие и унификация типовых программных оболочек для археологических и музейных баз данных.

Разумеется, в этом перечислении не могли не отразиться личные представления и предпочтения автора. Но любая конструктивная дискуссия расставит все на свои места. Впрочем, не исключена вероятность возвращения к уже знакомой по 60-м гг. формуле: «нам ваша теория не нужна, мы обходились и обойдемся без нее».

Список литературы.

- Авдусин Д. А. Полевая археология СССР, 2-е изд. – М.: «Высшая школа». – 1980. – 335 с.
- Винберг Н. А., Всевиов Л. М., Заднепровская Т. Н., Левина Р. Ш., Любимова А. А., Рытов А. Г. Советская археологическая литература. Библиография. – Л. – «Наука», «Петербургское востоковедение». Тт. 1 – 11. – 1965 – 2003.
- Грязнов М. П. Древняя бронза минусинских степей // Труды ОИПК ГЭ. – т. I. – Л. – 1941. – с. 237–271.
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение. Введение и основы. – Новосибирск: «Наука». – 1994. – 288 с.
- Клейн Л. С. Археологические источники. Изд. 2-е. – СПб.: «Фарн». – 1995. – 349 с.
- Клейн Л. С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1. Метаархеология. Учебное пособие. – СПб.: «Бельведер». – 470 с.
- Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. – М.: «Высшая Школа». – 2002. – 240 с.
- Теоретические основы советской археологии. – Л.: Лениздат. – 1969. – 33 с.
- Шер Я. А. Методологические вопросы археологии // Вопросы философии – 1976. - № 10. – С. 67–79.
- Холюшкин Ю. П. Введение в археологическое науковедение. – Новосибирск, РИЦ НГУ. – 2004. – 99 с.

Е.А. Шинаков

Брянский государственный университет им. И.Г.Петровского, Брянск

ОПЫТ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА ВЕНЧИКОВ ДРЕВНЕРУССКИХ КРУГОВЫХ СОСУДОВ

Опыт корреляционного анализа венчиков древнерусских круговых сосудов впервые применен автором в 1987–90 гг. для классификации массового подъемного материала Стародубского ополья. Ранее автор применял метод для создания типологии лучевых височных колец и наборов украшений погребальных комплексов Восточных территорий Юго-востока Руси [Шинаков 1977, 1980, 1981, 1982, 1991]. Однако созданные еще в конце 80-х варианты методов математической классификации керамики пока не получили должного освещения, кроме краткой информации и графического отображения процесса [Шинаков 1991а, 2004, рис.52-54]. Методической основой послужили предшествующие разработки [Щапова 1988, Федоров-Давыдов 1987, Шинаков 1980]. Работа требует развернутой аргументированной публикации, многолетние исследования подтвердили ее выводы. Пока на обсуждение вынесена базовая методическая часть. Корреляционный анализ проведен только для венчиков круговых сосудов, без контаминации с размерами и формами сосудов в целом, цветом, фактурой теста. Выбор материала определялся тем, что на сплошь распаханном ополье, из которых состояла наиболее заселенная в древнерусское время часть Среднего Подесенья, фрагментированные венчики – порой единственный датирующий материал и источник по большинству сельских поселений. Слой распахан, беден, раскопки дают меньше материала, чем подъемка. Выбор метода определялся тем, что материал не имел стратиграфических привязок, и источником классификации могла быть только керамика сама по себе, взятая абстрагировано от условий находки.

Поселение Левенка I, III обладает самой большой площадью в ополье и вообще в междуречье Ипути и Оки, за исключением некоторых летописных городов. Его культурный слой в плане разбит на 10 участков, сравнительно изолированных друг от друга полосами стерильной почвы, выявленных в т.ч. космоаэрофотосъемкой (расшифровка К.В.Шишкина). Слой культурно однороден (даже лепной роменской и колочинской керамики почти нет; каждая встречена только на 2 участках) и относится по предварительным раскопкам (св.400 м²) к X–XII вв., а участками к более узким периодам. Нижняя дата существования древнерусского поселения обоснована и материалами близлежащей курганной группы II пол.X–н.XI вв. (Самоковасов 1878, 1908). Материал с каждого из 10 участков собран (одновременно, при одинаковых погодных и почвенных условиях, равным числом людей) и обработан отдельно с целью последующего сравнения. На 6 участках проведены раскопки (наибольшие по площади, давшие закрытые комплексы керамики в ямах и жилищах – на участках 2 (распаханное древнерусское городище) и 10 (приречная южная часть селища Левенка III с частично распаханном слоем)).

Корреляционный анализ по сокращенной формуле Я.А.Шера $kj=s^2/mn$, где kj – коэф. сопряженности, s – к-во общих признаков у двух сравниваемых вариантов, m , n – общее к-во общих признаков у каждого из вариантов. За показатель положительной связи брался коэф. 0,5-0,6 (обозначен 1 линией, при 0,4-0,5 – прерывистая). Коэф. 0,6-0,7 – 2 линии, 0,7-0,8 – 3 и т.д. (рис.2). В связи с большой измельченностью материала, с помощью 34 признаков, разбитых на 6 категорий, описывались только венчики, без шеек и плечиков. Венчик разделен на 4 зоны, каждой соответствовала категория формализованного описания: верхне-обратный край, верхне-передняя грань, нижнее-передняя грань (уступ) (рис. 1-А). Весь список признаков выглядит так: I.Общая характеристика формы: 1-заостренная или заостренно-круглая (близкая шестовицкой керамике), 2-ребристая, 3-округло-ребристая, 4-округлая (в основном венчики XII в.). II.Соотношение верхней и нижней передних граней: 1-верхняя длиннее, 2-равны обе грани, 3-нижняя длиннее. III.Верхне-обратный край: 1-острый, 2-округлый, 3-плоский, 4-прямоугольный желоб с внутренней стороны, 5-плавный прогиб с внутренней стороны, 6-бороздка с внутренней стороны. IV.Верхне-передняя грань: 1-вертикальная, 2-горизонтальная, 3-наклонная

вперед, 4-прямая, 5-вогнутая, 6-выгнутая, 7-бороздка на грани. V. Нижне-передняя грань: 1-вертикальная, 2-наклонная вперед, 3-наклонная назад, 4-прямая, 5-вогнутая, 6-выгнутая, 7-бороздка на грани. VI. Нижняя грань (уступ): 1-скошенная (наклонная) вниз (манжет), 2-горизонтальная, 3-скошенная вверх, 4-прямая, 5-вогнутая, 6-выгнутая, 7-бороздка на грани.

В последних трех категориях значения признаков дублируются. На одной грани возможны сочетания 2-4 признаков (например: наклонная назад вогнуто-выгнутая ниже – передняя грань с бороздкой в нижней части). Описание дается признаками V,3,5,6,7. Чем сложнее профиль венчика, тем большим количеством признаков он описывается. Основная масса венчиков имеет 10-12 признаков, 9 или 13 очень редко. Так, из 51 венчика участка I (западный мыс Левенка I) 9 признаков имели 2, 13 – 4, остальные – 10-12. В результате корреляционного анализа материала сгруппировался в 7 типов.

Самым поздним, вероятно, является тот, что имеет эволюционный выход на округлые венчики XII в., самым ранним – на шестовицкую раннекруговую керамику. Визуально очевидное и прослеживаемое по более южным и юго-восточным материалам, в т.ч. киевским, генетическое родство широкофасных без манжета венчиков круговых сосудов XI в. с более ранней шестовицкой керамикой математически не прослеживается. Два венчика шестовицкой керамики с подрезанным манжетом (тип А на уч. I) не имеют минимально положительной связи (0,4) ни с типом Б, как можно было ожидать, ни с другим вариантом. Объяснить это можно двумя причинами. 1). Поскольку керамика шестовицкого типа не производилась на окраинах роменской культуры,

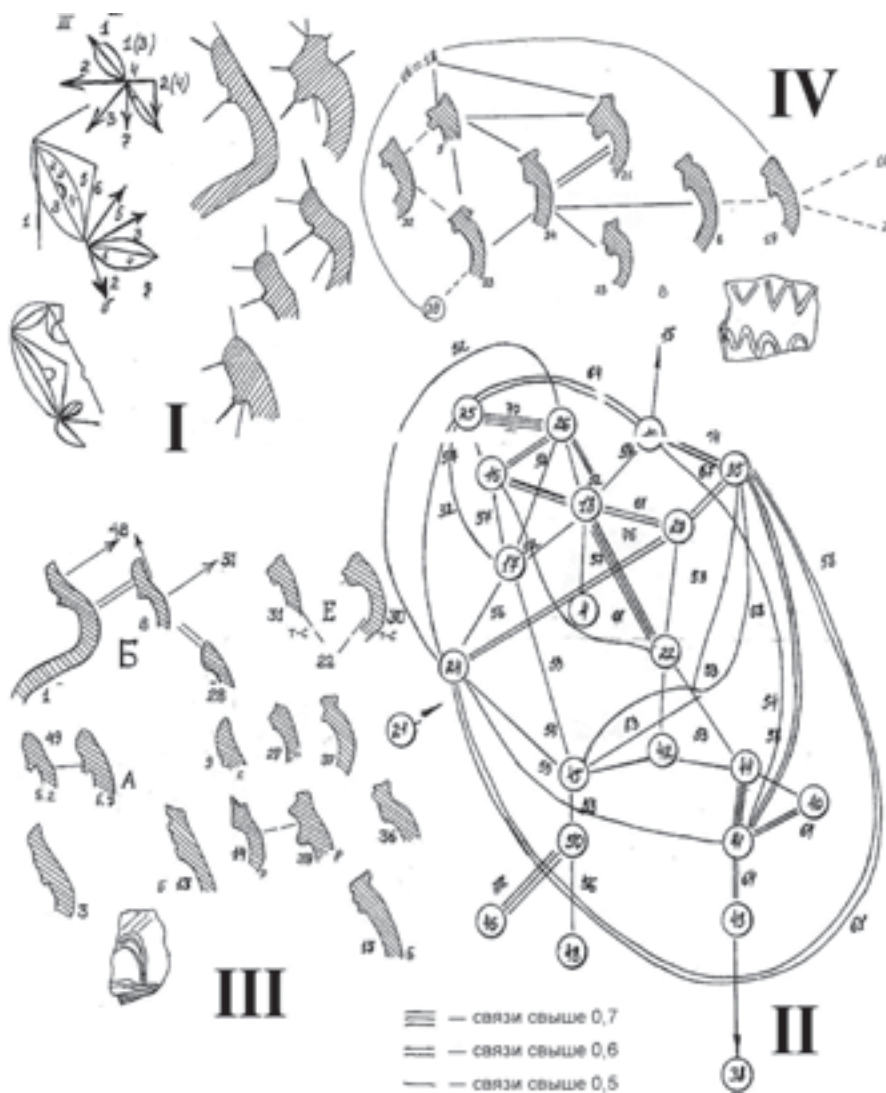

Рис.1. I – Принципы и схемы классификации керамического материала. II – Образцы графов корреляции вариантов типа Г. III – Типы А, Б, Е, IV – Тип В.

а завозилась из крупных древнерусских центров [Григорьев 1990], то относилась к разнообразным вариантам. Так как процесс перехода шестовицкой раннекруговой в круговую широкофасную керамику проходил, вероятно, за пределами исследуемой территории (в районе Чернигов-Седнев), то в Левенку могли попасть варианты шестовицких сосудов (тип А изолированный), которые не стали основой конкретных вариантов постшестовицкой керамики (тип Б). 2). Наличие хронологического разрыва между венчиками на данном участке памятника (допустимы даты – конец X и середина XI в.) и, соответственно, пропуск некоторых эволюционных звеньев.

Естественно, многие из признаков сами по себе случайны, но их сочетание позволяет разделить круговую керамику Левенки на 4 основных типа. Типообразующие признаки сконцентрированы в категории I (общая характеристика форм). Для типа Б такой признак №1,1 (заостренно-округлая форма), для типа В - №1,2 (ребристая форма) (рис.4), для типов Г и Е (окраинный) - №1,3 (округло-ребристая форма), для типа Д - №1,4 (округлая форма). Достаточно тесно связан с тремя из 4 основных типов цвет теста (для Б - белый и светло-серый, для В - темно-серый, для Д - оранжевый).

Сопоставление с материалами раскопов (участки 10 и 2), на приречных окраинах которых культурной слой частично сохранился, дает картину аналогичную созданной по анализу подъемного материала. Об относительно более ранней дате некоторых из них свидетельствует наличие в комплексах керамики типа А и переходной от раннекруговой с прямо срезанным краем венчика и круговой типа Б (рис.3), о более поздней – присутствие венчиков типа Д или переходных к нему от типа Б. Средние по хронологии ямы могут иметь чистое от примесей сочетание типов В и Г, сочетание типов В и Б, а также только керамику типа Г. Вся хронологическая цепочка ям укладывается в рамки конца X–XI вв. В целом же керамический комплекс Левенки I, III без учета лепных сосудов датируется концом X – серединой XII в.

Список литературы

- Григорьев А.В.** О соотношении роменской и древнерусской керамики // Тезисы семинара Чернигов и его округа в IX-XIII вв. - Чернигов, 1990. С.169-172.
- Самоковасов Д.Я.** Северянские курганы и их значение для истории // Тр. III АС. Т.1. Киев, 1878.
- Самоковасов Д.Я.** Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. - М., 1908.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Статистические методы в археологии. – М.; Высшая школа, 1987.
- Шинаков Е.А.** Типология, хронология и ареал пяти- и семилучевых височных колец. Дипл. раб., каф. арх. МГУ. – М., 1977.
- Шинаков Е.А.** Классификация и атрибуция лучевых височных колец. СА, 1980. С.110-127.
- Шинаков Е.А.** Население Междуречья Десны и Ворсклы в конце X – первой половины XIII в. Канд.дисс. - М., МГУ, 1981.
- Шинаков Е.А.** Население верхнего течения реки Пселл в XI – XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ.1982. Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII веков (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991. С.82-93.
- Шинаков Е.А.** Керамический комплекс севера «Русской земли» и возможные источники его заселения // Проблемы вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. Київ. 1991а. С.101–103.
- Шинаков Е.А.** Основы археологии. Учебное пособие. – Брянск: Изд. БГУ, 2004.
- Щапова Ю.Л.** Естественнонаучные методы в археологии. – М., 1988.

Ю.Л. Шапова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

ПРА- И ПРОТОИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА

Пра- и протоисторию объемлет все прошлое человечества за исключением последних пяти тысяч лет. Это прошлое, по традиции представленное в «системе трех веков», изучает археология. Его общая продолжительность которого 6,8 млн. л. [Бутовская, 2000].

Собственная история человечества, которую изучают по письменным источникам и документам, началась пять тысяч лет тому назад, однако история древневосточных цивилизаций, античности и раннего средневековья – предмет совместного изучения истории и археологии. Сложное теоретическое, методическое и научно-техническое оснащение делают современную археологию мультидисциплинарной и наукоемкой. Рядом с проблемой особенного и специфики возникла проблема порядка и хаоса, законов развития и общей картины мира.

Предлагаемые вниманию результаты моделирования и есть своего рода общая картина древнейшей истории человечества с момента его возникновения. Моделирование процесса, его периодизация и структурирование было произведено в хронологической моделью археологической эпохи, построенной на основе ряда и чисел Фибоначчи. Эволюция в археологическую эпоху имела три фазы: центральная фаза – явная, ей предшествовала скрытая фаза соответствии с моделью эволюции и развития, соотнесенной с хронологической моделью археологической эпохи, построенной на основе ряда и чисел Фибоначчи [Шапова: 2005].

Эволюция в археологическую эпоху имела три фазы: центральная фаза – явная, ей предшествовала скрытая фаза становления, ее завершала скрытая фаза инволюции. Согласно модели, каждая полная эволюция в археологическую эпоху развертывалась на протяжении шести периодов: явная фаза включала три периода, скрытая становления – два, скрытая инволюции – один. Итого шесть периодов разной продолжительности вместо общепринятых трех, равных по длине. Эволюционные этапы пра- и протоистории, согласно модели, имеют явные фазы – жирный курсив и скрытые фазы – прямой шрифт.

6765–4181– **2584–1597– 987– 610**–377 археолит

1597– 987– **610–377–233–144**–89 ашель

377–233–**144–89–55–34**–21 мустье

верхний палеолит

89–55– **34–21–13–8–5–3**

неолит- энеолит

21–13–**8–5–3–2**

Археолит – это новое совокупное название дано взамен названий доашель, преашель, олдувай и периоду эволюции *Homo habilis* (Подробнее [Шапова: 2005. С. 139 – 149.. С. 141, рис. 11]).

Совокупный объем эмпирики и теорий, на котором построена модель, достаточен для рассмотрения пра- и протоистории как единого целого. Это целое развивается в разных масштабах времени. Макросемантические события последнего миллионолетия, измеренные в тысячах лет, предложено называть археологическим. Мегасемантические события, измеряемые в миллионолетиях, называют глобальными. Антропогенез, история *Homo habilis* и первый период скрытой фазы эволюции археоантропа – глобальные события, подчиняющиеся законам природы [Шорников, 2005].

Предлагаемая форма записи делает очевидным, что каждый эволюционный этап пра- и протоистории имеет собственного носителя: *Homo habilis* – археолит (австралопитек исключен из модели); все разновидности археоантропа – ашель; все палеантропы

(неандерталец) и ранний сапиенс – мустье; *Homo sapiens* и «сапиенс неандертальский» – верхний палеолит; *Homo sapiens neolithicus* – неолит-энеолит.

Очевидно, что продолжительность каждого следующего периода пра- и протоистории короче предыдущего в 1,6. Этот показатель – возможный коэффициент ускорения развития человечества соответствует «золотому сечению». Это свидетельствует о было гармоничном широкой гармонии, свойственной развитию человечества в рассматриваемую эпоху.

Другая черта про- и протоистории – закономерная смены доминант эволюции: физическое становление носителя эволюции и численный рост населения, уступили место освоению унаследованного и созданию технико-производственного потенциала, затем создание нового потенциала за счет создания и распространения новых материалов и технологий. Каждый эволюционный этап имеет свою археологически выраженную доминанту: чопперы и чоппинги, всего лишь – приспособления, не орудия, расширили диапазон действий *Homo habilis*. Другой пример: в привычном чоппере археоантроп увидел не только ударник, но и его действительную суть, скрытую известковой коркой. Нуклеусы и сколы – свидетельство превращения булыжника (сырья) в материал, пригодный для изготовления изделий. Использование орудий сколов и самого нуклеуса, – результат мыслительных операций, таких как инверсия и рефлексия. Воплощение мысли в дело, как сделал археоантроп, – признак второй сигнальной системы, ее появление нужно относить к первой скрытой фазе его эволюции. Появление кремневых изделий без корки – один из признаков проявления рефлексии. [Тейяр де Шарден: 1967].

Модель позволила уточнить некоторые другие моменты пра- и протоистории: например что созидательная деятельность была присуща *Homo habilis* после 4181 тыс. л., что продукты питания – первый объект созидательной деятельности, что материальным подтверждением такой деятельности стали чопперы, правда, через 1,5 млн. л. Появление материального производства в 610 тыс. л., согласно модели – также событие глобального масштаба.

Полезность модели заключается в том, что начало всех явлений и процессов, характерных для явной фазы эволюции, она позволяет относить к более раннему времени, к скрытым фазам становления, а их конец – к скрытой фазе инволюции. Это существенно меняет представления об истории новых материалов и новых технологий. Например, керамика, столь характерная для неолита, должна бы появиться в конце верхнего палеолита. Именно так и произошло на Дальнем Востоке. Появлению керамического теста и обжига керамики должны предшествовать применение и необожженных смесей, и чистой, без примесей, глины в чистом виде и в качестве материала связующего материала в сочетании с прутьями, деревом, костью.

Изготовлению сосудов, утилитарных изделий из глины, должно предшествовать применение нового материала в сфере непромышленной: изготовление украшений и мелкой пластики, набивания макетов и т. д. Приметы подобного использования глины относятся к ранней поре верхнего палеолита. Обжиг посуды – это применение огня в производственной сфере, и относят его ко второму периоду явной фазы эволюции верхнего палеолита, согласно модели, речь идет о уровне 21 – 13 тыс. л. Применению огня в производстве предшествовало применение огня. Окончательное освоение, вернее приручение огня, произошедшее около 400 – 300 тыс. л, означало, преодоление первого теплового барьера стало свершившимся фактом, Применение огня для обогрева жилищ и приготовления пищи соответствует преодолению первого теплового барьера. Это событие также глобального масштаба свершилось около 400 тыс.л. и принадлежит праистории.

Модель позволяет по-новому взглянуть на так называемую «неолитическую революцию» Ее признаками считают оседлость, земледелие и скотоводство (на самом деле животноводство), изготовление керамики, освоение металлов, возведение общественных сооружений (гражданских, военных, культовых). Однако многие признаки «неолитической революции, кроме последних двух, сложились в верхнем палеолите. Материальное производство со сложной отраслевой структурой, которое существует более миллиона лет, В неолите стала явной его новая отрасль – производство продовольствия.

Действительная новизна, которая возникла в неолите, - это освоение металлов, и возведение больших общественных сооружений, в том числе ирригационных, возникновение первых цивилизаций, городов и связанный с этим процесс урбанизации. Такая новизна в развитой форме характеризует государственность и цивилизация. Археологическое начало процессов урбанизации и цивилизации – это неолит. Согласно модели, свою – это Именно в это время скрытую, фазу становления цивилизация и государственность переживает в 8 – 5 – 3 тыс. л. и принадлежит протоистории,

Самый главный результат моделирования: модель показывает, что в каждый исторический момент свершается, по меньшей мере, два параллельных эволюционных процесса, и что историческое время пра- и протоистории вдвое продолжительнее времени физического и астрономического. Из модели следует, что каждый начавшийся эволюционный процесс имеет исторический шанс быть завершённым. Модель показывает, что существуют узловые моменты, когда происходит эволюционный скачок и смена парт-

неров. Предложенная модель создает впечатление, что каждая эволюционная линия самостоятельна, и синхронные процессы могут быть сходными и совместными (одинаковыми по строению), оставаясь вне родства и корреляционной связи между собой. Хронологическая модель описывает эволюцию археологической эпохи, по отношению к которой развитие, очевидное на высоких уровнях обобщения, выступает как интегрированное динамическое состояние.

Список литературы

Бутовская М.Л. Мы и они: эволюция социальности в отряде приматов и проблема происхождения человеческого общества // *Opus: Междисциплинарные исследования в археологии* (2000), 1–2,

Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. - М.: «Наука», 1967. – 239 с.

Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология: Учебник. – 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. – 400с.

Щапова Ю. Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизации, теория, модель. – М.: УРСС, 2005. – 189 с.

Шорников Б.С. Проблемы идентификации, классификации и масштабной интерполяции в задачах ОЦЕНКИ хроноэволюционной периодизации рядами Фибоначчи (Постановка естественнонаучной числовой диагностической задачи в системе 4М) // Щапова Ю. Л. Археологическая эпоха: хронология, периодизации, теория, модель. – М.: УРСС, 2005. – Приложение 2.

Ж.В. Щурова*Музей Археологии и Этнографии Сибири ТГУ, Томск*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А.В. АДРИАНОВА В МАТЕРИАЛАХ ФОТОАРХИВА МАЭС ТГУ

Адрианов Александр Васильевич (26 октября / 7 ноября 1854 г. – 7 марта 1920 г.) – публицист, путешественник, историк, этнограф и археолог. Адрианов был крупнейшим исследователем наскального искусства Сибири, им раскопано большое количество курганов, собраны археологические коллекции, которые занимают видное место в музеях (Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого, Минусинском краеведческом музее им. Н.М.Мартыанова, Красноярском краеведческом музее, Иркутском областном краеведческом музее, Музее археологии и этнографии Сибири Томского Государственного Университета).

Всего в фонде А.В.Адрианова МАЭС ТГУ хранится 748 фотографий (данная цифра названа предварительно, т.к. фотоархив находится в стадии обработки). Это как фотографии, сделанные самим Адриановым во время своих экспедиций, так и фотографии, приобретенные им для музея. Фотографии археологического характера из экспедиций А.В.Адрианова (229 фотографий) поступили в музей уже после смерти исследователя: большая часть в 1922 г., скорее всего, от его дочери Марии Александровны и несколько фотографий в 1950 г. от его сына Александра Александровича. Часть фотографий поступили в МАЭС вместе с архивом А.В.Адрианова в 1976 г. от Г.А.Торициной (внучки Адрианова). Они были изъяты из общего числа архивных документов (Архив МАЭС ТГУ, №868).

Александр Васильевич овладел искусством фотографии еще в университете. В дальнейшем в своих экспедициях он фотографировал в основном сам, не прибегая к помощи фотографов профессионалов. Уже в первой своей экспедиции сразу же после окончания университета в 1879 г. (экспедиция Г.Н. Потанина в Северо-Западную Монголию) он выступает в качестве фотографа. В 1880 г. РГО присудило А.В. Адрианову серебряную медаль за участие в этой экспедиции и коллекцию фотоснимков «о типе и расе» монгольских племен, которая экспонировалась в 1881 г. в помещении РГО в Петербурге.

С 1890 по 1905 года Адрианов жил и работал в Восточной Сибири (Минусинск, Красноярск, Иркутск). Поступив на акцизную службу, сочетал служебные обязанности с исследовательской работой – раскопками курганов, составлением археологических, петрографических коллекций, гербариев, сбором этнографического материала. В МАЭС хранится несколько коллекций фотографий, связанных с исследовательской деятельностью Адрианова в этот период.

Коллекция «Фотографии Минусинских древностей» содержит снимки в основном бронзовых предметов и керамических сосудов из раскопок А.В.Адрианова в 1895-1898 гг. в Минусинском округе (у горы Самохвал, у Абаканской управы, чаатаса за рч. Ташебой), у села Частоостровское Красноярского уезда в 1902 г. (19 фотографий). Коллекции Адрианова были всегда хорошо документированы. Он нашивал находки на планшеты, делал отметки о месте раскопок, номере кургана и каждой вещи соответственно порядковому номеру в полевом дневнике; на планшете также указывались автор раскопок и год; затем планшеты фотографировались.

В 1903 г. Адриановым были проведены раскопки курганов в улусе Саргове Минусинского уезда (находки поступили в Исторический музей). В МАЭС хранятся фотографии 8 планшетов с находками из этих раскопок (коллекция №60).

В этот период жизни широко развернулась деятельность Адрианова как исследователя петроглифов Енисея. В 1902 г. по поручению Археологической комиссии он совершил поездку по рр. Мане и Колбе для изучения писаниц. А.В.Адрианов обследовал восемь накрашенных охрой писаниц, с которых скопировал рисунки, с двух писаниц сделал фотографии. Таблицы с рисунками писаниц сделаны на клетчатой бумаге, как пишет Адрианов «для более точного воспроизведения фигур и для сохранения действительных размеров их: размеры отдельных фигур и взаимное расположение их соответствует поэтому на моих таблицах вполне точно действи-

тельности» [Адрианов, 1913, с.3]. Таблицы с рисунками и одна фотография были подготовлены к статье «Писаницы по р. Мане», которая была опубликована только в 1913 г. В МАЭС хранятся фотографии с этих таблиц с рисунками (№60). Подлинные таблицы, рукопись данной статьи были переданы в архив Императорской Археологической комиссии.

В 1906г. Адрианов переезжает в Томск, здесь он занимается активной общественной деятельностью, изучением исторического прошлого Томска. В этот период продолжается активное исследование писаниц. В 1907 г. Адрианов обследовал писаницы Оглахтинскую и Кунинскую, совершил маршруты по речной системе Абакана, далее обследовал писаницы по правому берегу р.Тубы, обследовал петроглифы близ с. Кавказского, копировал Шалаболинскую писаницу. По данным фотодневника А.В.Адрианова (№79-3) за лето 1907 г. сделано 56 фотографий по археологии, из них по писаницам – 29, по «бабам» – 27. Часть этих фотографий хранится в МАЭС в коллекциях №53 и №59.

Коллекция №53 содержит фотографии Оглахтинской писаницы. Адрианов обследовал Оглахтинскую писаницу ХLI (уже известная в литературе того времени) на левом берегу Енисея, пониже устья р. Тубы. С нее он сделал 118 эстампажей и 9 фотографий (8 фотографий сделано с писаницы ХLI, а 1 с «курганного камня» в том же районе). Также А.В.Адрианов обследовал новую Оглахтинскую писаницу ХL, расположенную на южном боку горы Оглахты, протянувшейся перпендикулярно к течению Енисея, в 4 верстах от улуса Красный Яр (Кызыл гас). Здесь им сделано 86 эстампажей, много карандашных рисунков и 2 фотографии. В музее имеются все 11 фотографий с двух писаниц.

Коллекция №59 («Фотографии минусинских писаниц, чаа-гас, пещер») содержит фотографии из этой же поездки летом 1907 г. по Минусинскому краю (Биджинский чаатас, чаатас на р.Бире, чаатас на Уйбате, курганы на р.Еси, Абаканско-перевозной писаница). Всего в коллекции 57 фотографий (из них часть снята Н.В. Федоровым).

В МАЭС хранится коллекция фотографий (№54), сделанных на Томской писаницы у д. Писаной на р. Томи (22 фотографии). В каком году были произведены съемки точно неизвестно.

В 1915-1916 гг. совершил последнюю свою экспедицию в Урянхайский край (современная Тува). Здесь им была проведена огромная работа, заложившая фундамент для последующего исследования древностей края. Он раскопал около 60-ти погребальных и поминальных сооружений, открыл и скопировал серию древних надписей и наскальных изображений, нашел каменные изваяния. Результаты своих исследований он опубликовать не успел. Большая часть предметов из раскопок этих лет, дневники с полевыми записями и описи негативов хранятся в МАЭС.

В МАЭС имеется несколько коллекций фотографий из этой экспедиции. Коллекция №56 (16 фотографий) и часть коллекций №153 и №154 (16 фотографий, предварительно отнесены к этому периоду) содержат фотографии, запечатлевшие продвижение каравана путешественников по Усинской дороге в Урянхайском крае, фотографии писаниц, раскопок курганов, культовых мест. Коллекция «Фотографии находок из Урянхайского края» (8 фотографий) представляет снимки планшетов с предметами из раскопок А.В.Адрианова в 1915 г. в местности Салдан на р.Улухема, в районе р.Элегес, случайных находок в районе р. Ха-хема (названия даны согласно надписям А.В.Адрианова на планшетах). Коллекция №164 содержит фотографии каменных изваяний из Урянхайского края, сделанные в 1916 г.

Наследие А.В.Адрианова в виде полевых дневников, отчетов, эстампажей и фотографий представляет огромную ценность для современных исследователей Сибири, особенно в связи с утратой на настоящий момент множества памятников и продолжающимся их разрушением.

Список литературы.

Адрианов А.В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. (Из писем секретарю комитета) // Изв. РКИСВА. – СПб., 1908. - № 8 – С. 37-46.

Адрианов А.В. Писаницы по р. Мане. // Зап. Отд. рус. и славян. археологии РАО. – СПб., 1913. – Т. 9. – С. 1–34.

Адрианов А.В. Фотодневники экспедиций 1903, 1904, 1906, 1907, 1909, 1915, 1916 гг. Архив МАЭС ТГУ. №79.

Длужневская Г.В. Археологические исследования Императорской Археологической комиссии в Южной Сибири (по материалам фотоархива ИИМК РАН) // Археология южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, 2005. – С. 238-240.

Дэвлет М.А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 68 с.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.В. Коробейников

Удмуртский Государственный Университет, Ижевск

ОБ ИДЕОЛОГИИ РЕЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ ДАННЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ

Исследователи, которые изучили массив данных о применяемых в России типологиях стрел [Руденко, 2003] приходят к выводу о том, что сегодня среди археологов общепринятой является типология, предложенная около сорока лет назад А.Ф.Медведевым [Медведев, 1966], либо клоны этой типологии. Однако, на наш взгляд заложенная в них идеология в принципе не может быть использована в качестве основы архитектуры современной базы данных, которая рассчитана на применение научного аналитического аппарата. Поэтому, не отвлекаясь на рассмотрение эволюции исследовательских подходов (обширная сводка на эту тему имеется в названной работе К.А.Руденко) попытаемся обосновать свою точку зрения.

Круг задач современного исследователя не ограничивается описанием артефактов по той или иной модели. Так, появившиеся за рубежом (и в небольшом количестве в нашей стране) публикации археологов, историков войн и вооружений, баллистиков, криминалистов и т.д. убеждают нас в том, что наконечник стрелы является не только археологическим артефактом, который можно описать и выложить в музейную витрину. Нет, наконечник несёт информацию о параметрах стрелы в сборе, в свою очередь, габариты стрелы коррелированы параметрами лука, и последний может быть реконструирован [Коробейников, 2005а], а параметры метательного оружия позволяют оценивать характеристики фортификаций, для обороны (или захвата) которых это оружие было использовано [Коробейников 2006б]. Для решения новых исследовательских задач создано соответствующее программное обеспечение расчёта баллистических характеристик стрел, а интерфейсы программ требуют ввести вполне определённые параметры наконечника. Но эти параметры, как правило, не находят пока своего отражения в полевых отчётах археологов, ибо археолог пока не понимает, какие именно из зафиксированных им параметров будут использованы для исторической реконструкции.

Итак, логикой развития современной науки продиктована задача создания реляционных баз данных, которые позволяют выявлять отношения (реляции) между различными признаками объектов. Реляционные базы данных, построенные по иерархическому принципу предоставляют исследователю возможность табличного представления данных и выборки объектов по совокупности признаков. Для создания такой базы необходимо во-первых обосновать выбор параметров наконечников, которые образуют соответствующие поля таблицы. Поэтому оправданным представляется избрать перечень принципиально важных признаков, значения которых необходимы для исследования баллистических характеристик наконечников и влияют на технический результат применения того или иного изделия. Избранный нами подход логически приводит к тому, что сводная информация в объёме значимых признаков артефакта может быть отражена либо в таблице, либо краткой формулой, в которой буквы латинского алфавита чередуются с цифрами, причём описание параметров производится от носика наконечника к его насаду.

1. Наиболее очевидным признаком наконечника является его материал. Такой параметр материала, как удельный вес используется в баллистических расчётах. Поэтому предлагаем обозначать материал литерами:

-W (от Wood для утолщений на концах древков и иных деревянных устройств, утяжеляющих головную часть стрелы)

-S (от Stone для кремнёвых и каменных наконечников);

-O (от Osseous для костяных наконечников);

-C (от Cuprum для бронзовых, латунных, медных и наконечников из медесодержащих сплавов);

-F (от Ferrum, для наконечников из железосодержащих материалов);

Кроме того, для баллистического расчёта требуется знать массу наконечника. Полагаем обозначать её в граммах. Тогда, например: “O12” увиденное в формуле следует прочесть, как “Костяной наконечник массой 12г.”

2. Как мы показали в предыдущих работах [Коробейников, 2005в] всякая стрела, предназначенная для поражения живой силы вследствие особенностей рабочей части наконечника (степени заостренности, величины сечения, удаления миделя от носика) может нанести либо поверхностные повреждения, либо проникающее ранение, приводящее, как правило, к летальным последствиям.

Таким образом, параметр проникающей способности (но не останавливающего действия!) наконечника принимает две области значений. Полагаем возможным обозначать его двумя литерами латинского алфавита: P (от английского Penetrative-проникающий) и H (от Hammer-ударник). Соответственно, длину рабочей части обозначаем в миллиметрах. Например “H45” следует прочитать, как “Наконечник, способный причинять поверхностные повреждения (наконечник ударного действия) с длиной от носика до насада 45мм”

3. Сечение рабочей части наконечника, измеряемое, как площадь геометрической фигуры можно свести к четырём типам, которые обозначаются литерами:

-R (от Round -округлое, т.е. собственно круг и близкие к нему по форме многоугольники площадь которых допустимо вычислять как площадь круга соответствующего диаметра)

-L (от Low-profile-уплощенный: растянутый прямоугольник, ромб с большой диагональю, двояковыпуклая линза, овал и иные уплощенные формы, близкие к пластинчатой, площадь сечения которых допустимо вычислять как произведение толщины пластины на её ширину.)

-T (Triangular -треугольник)

-Q (Quadrate-квадрат)

Соответственно, площадь сечения, которую необходимо знать для расчёта сил торможения стрелы в среде полагаем обозначать цифрами, которые обозначают величину в мм².

4. Способ насада полагаем свести к трём типам:

-A (Втульчатый; здесь предлагаемая литера несколько похожа на втульчатый наконечник в разрезе);

-V (Черешковый, здесь литера несколько похожа на черешок);

-N (Фрикционный насад костяных наконечников, здесь предлагаемая литера похожа на сопряжение контактных площадок наконечника и древка).

Представляется целесообразным через дробь указывать здесь же и диаметр упора и диаметр насада там, где он определяется однозначно, например в области упора, для более точных оценок вероятной толщины древка и указывать длину насада. Там где насад обломлен, или сильно корродирован помечаем конструктивный параметр знаком вопроса. Соответственно, глубина втулки может быть обозначена в мм., а длину черешка там, где нет упора для торца древка, видимо, следует определять моделируя узел крепления таким образом, чтобы материал древка окружал насад, при условии, что диаметр древка ограничен (или близок к пределу) 10 мм.

Для уточняющего описания внешнего вида наконечников полагаем целесообразным сохранить существующие вербальные характеристики: лавролистный, шиловидный, долотовидный и т.п.

И тогда составленную по описанному принципу формулу F16-H35-L80-V8/4/30 следует прочесть так:

-F16- железный наконечник массой 16г;

-H35-предназначенный для поверхностных ранений с длиной до насада 35 мм.;

-L80-представляющий собой пластину, которая имеет площадь сечения 80мм²;

-V8/4/30-с черешковым насадом, который имеет диаметр упора 8 мм.,

и максимальный диаметр черешка 4 мм., а длину 30мм.

Изложим предлагаемую классификацию в виде таблицы 1.

Для того, чтобы получить инструмент для создания осмысленной реляционной базы данных поместим в таблицу лишь наиболее вероятные области значений выделяемых признаков: так, например, каменный наконечник, представляющий собой пластину или ретушированный отщеп, вряд-ли может оказаться втульчатым, и маловероятно, что его сечение в рабочей части и в области насада будет отлично от уплощенного и представлять разные геометрические фигуры. Трудно предположить и костяной наконечник в виде широкой тонкой пластины, ведь кость является относительно хрупким и многослойным материалом с различными прочностными характеристиками слоёв. С другой стороны, металлы дают возможность изготовления и втульчатого и черешкового компактного насада, и фрикционный узел крепления для металлического наконечника не нужен.

Таблица 1. Существенные признаки наконечников стрел.

Признак и область его значений					
Материал: W,S,O,B,F	Wood	Stone	Osseous	Cuprum	Ferrum
Назначение: P,H	P,H	P,H	P	P,H	P,H
Сечение: R,L,T,Q	?	L	R,T,Q	R,L,T,Q	R,L,T,Q
Насад: A,V,N	?	V,N	A,V,N	A,V	A,V

Предложенная типология остаётся открытой системой, которая благодаря заложенному в неё принципу резервности может быть улучшаема, и с её помощью могут быть описаны артефакты, параметры которых образуют неизвестные доселе сочетания.

Так с помощью предложенной формулы можно описать любые наконечники (за исключением, пожалуй, многозубых гарпунных наконечников). В свою очередь, перечень параметров артефактов, отражённых в формуле (или в табличной записи) даёт возможность введения их в интерфейсы соответствующего программного обеспечения для баллистических расчётов в интересах исторических реконструкций. Используемые нами литеры представляют несомненное удобство применения, так как каждая из них во-первых в любой из формул может быть встречена лишь однажды, а во-вторых эти буквы вызывают у читателя и исследователя ассоциативные связи. Данный способ кодирования был осуществлён автором для исследования нескольких множеств наконечников, а статьи в которых описаны результаты корреляционного анализа находятся в печати.

Список литературы

Коробейников А.В., Митюков Н.В.(2005а) Программа реконструкции проектных параметров стрелы по археологическим следам «Osseus v 1.0» // Отраслевой фонд алгоритмов и программ. – Заявл. 21.12.2005 № 03524577.01297-01 99 01.

Коробейников А.В., Кроуфорд К.Р., Митюков Н.В., Мокроусов С.А.(2005б) Компьютерный расчет таблиц стрельбы метательных снарядов на дозвуковых скоростях // Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов: Мат. Всеросс. конф. (Глазов, 18–21 июля 2005 г.). – Ижевск: Изд-во НИСО УрО РАН, 2005. – С. 106–110.

Коробейников А.В.Митюков Н.В. (2005в) Проблематика баллистики цели по археологическим данным.//Модели взаимодействия народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Международная научно-практическая конференция.- Ижевск, 22-24 июня 2005.: Удмуртский университет. (в печати)

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII-XIV вв. // Свод Археологических Источников. – Вып.ЕІ-36. – М., 1966. – 184 с.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Болгарии. Исследование и каталог.-Казань: “Заман”, 2003.-512с.

В.Г. Ломан*Сарыаркинский археологический институт, Караганда*

КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА ДЛЯ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФОРМ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ

В основе археологической классификации и типологии керамических сосудов лежит их морфологический анализ. К сожалению, до настоящего времени не сложилось методики такого анализа, которая была бы признана всем археологическим сообществом. Практически каждый археолог пользуется своими субъективными критериями, причем основа для их выделения может не совпадать, даже если коллекция изучается одним исследователем. Можно назвать достаточно примеров, когда в той же самой работе одни типы сосудов выделяются и называются по принципу похожести на какой-либо вид гончарных изделий, известный по этнографическим данным (горшки, миски, корчаги), другие – по принципу визуальной аналогии с каким-либо предметом (банковидные, котловидные, бомбовидные), третьи – получают абстрактные эпитеты (стройные, приземистые, изящные).

Как отмечалось ранее и другими исследователями [Горбов, 2001], подобная картина наблюдается уже в начале морфологического анализа – при изучении формы отдельного сосуда. Нет общего мнения о том, что такое «венчик» сосуда – это может быть или «верхний край емкости», «край устья» или «верхняя часть шейки». У одних авторов шейка может «переходить» в плечо, у других – сразу в тулово. К так наз. «банкам» могут относиться или только сосуды без шейки (в виде усеченного конуса или цилиндра), или еще и имеющие «слабовыраженную» шейку. Тулово сосуда может быть «округлым», «выпуклым», «раздутым», шейка – «высокой», «низкой» или «короткой», без пояснения, где же границы между этими понятиями. Во многих работах преобладают «художественная» описательность и субъективизм, отсутствуют четкие критерии параметров сосуда.

Всё это в большой степени затрудняет сравнение опубликованных коллекций – для того, чтобы получить целостное представление об имеющемся керамическом комплексе археологической культуры требуется по сути заново провести всю работу по классификации и типологии форм посуды на основе какой-либо единой методики.

Попыток создания такой методики было немало (В. А. Городцов, А. Шепард, Б. И. Маршак, В. Ф. Генинг, А. А. Бобринский, В. Б. Ковалевская, И. С. Каменецкий и др.) и, поскольку научная мысль не стоит на месте, будет еще предостаточно. Никаким декретом, однако, нельзя заставить всех археологов оказать предпочтение одной из них. Многие в своем выборе руководствуются не только личными вкусами и пристрастиями, инерцией традиции своей археологической школы, но, наверное, прежде всего тем, насколько доступна и понятна для них данная методика, как быстро можно с ее помощью обработать серию посуды. К сожалению, все означенные методики требуют большого объема ручной работы по снятию значений различных параметров сосуда и вычислению их соотношений и потому, очевидно, ни одна из них не так и не получила общего признания и распространения. Некоторые вообще применяются только их авторами.

На мой взгляд, единственной методикой, с помощью которой возможно получить не только формальное описание сосуда, но еще и культурно- историческую информацию, является методика А.А. Бобринского, изложенная им в трех статьях [Бобринский, 1986, 1988, 1991].

Очень коротко суть ее сводится к следующему: первоначально устраняется асимметрия контура сосуда – получается контур, который можно назвать «идеальным»; далее выделяются так наз. точки наибольшей локальной кривизны (НЛК); соединение точек НЛК противоположных сторон контура и между собой дает набор геометрических фигур, обозначающих на самом деле функциональные части емкости сосуда. Таким образом, мы получаем естественную структуру формы [Бобринский, 1986]. Эта структура отражает представление о ней не археолога, а самого гончара, поскольку точки НЛК выделяются не умозрительно, а в соответствии с местами приложения мастером физических усилий, необходимых для создания формы.

Каждая функциональная часть имеет свое название [Бобринский, 1988, с. 6], взятое из лексики русских гончаров, которым, как и гончарам всего мира была свойственна антропоморфизация сосуда: 1 – губа (верхнее окончание емкости); 2 – щека (сливное устройство); 3 – шея (устройство для дозирования слива); 4 – плечо (ограничитель наполнителя); 5 – предплечье (добавочный наполнитель емкости); 6 – тулово (основной наполнитель емкости); 7 – дно (нижнее окончание емкости). Из этих семи частей складывается 11 конструкций, к которым сводится практически всё разнообразие существующих керамических форм [Бобринский, 1988, с. 7].

Далее с помощью специальных процедур [Бобринский, 1991] выделяются традиционные, привычные для гончара формы и формы-подражания, а также определяются поколенческие особенности гончаров, их профессиональный стаж.

В основу всей методики положено «исследование навыков труда гончаров, овеществленных в формах глиняной посуды» [Бобринский, 1986, с. 149]. Объективность и результативность ее проверены в ходе эксперимента на изделиях современных гончаров [Бобринский, 1991], эффективность продемонстрирована в ряде археологических работ [Волкова, 1996; Мочалов, 1997, 2003; Никитина, 1995].

Естественно, обработка одного сосуда «вручную» занимает массу времени, не говоря уже о серии. К счастью, сегодняшний уровень компьютерных технологий позволяет справиться с этой проблемой. Автором, совместно с группой программистов, была разработана компьютерная программа «ГОНЧАР», в основе которой лежит указанная методика А. А. Бобринского по анализу форм керамических сосудов. Всё, что требуется от археолога – это ввести в программу фотографию сосуда и данные о его местонахождении. На выходе мы получаем паспорт сосуда с его фотографией, реальным контуром и идеальным контуром с выделенными функциональными частями, характеристиками общей пропорциональности, «стажа» гончара, а также сведениями о том, является ли данная форма традиционной или новой. После анализа всех имеющихся сосудов программа выдает результаты по каждому сооружению и всему памятнику в виде графиков и сводных таблиц, в одной из которых сосуды группируются по типам конструкции, в другой – по общей пропорциональности и традиционности форм. В программе имеется также инструментарий для определения некоторых размеров сосуда (высоты, диаметра устья и диаметра дна).

Таким образом, с помощью программы «ГОНЧАР» можно достаточно быстро и точно выполнить всю рутинную работу по типологии и классификации любых керамических комплексов. Для тех археологов, которые заинтересованы в получении не формальной, а культурно-исторической информации, она будет хорошим подспорьем в исследованиях (ознакомиться с демо-версией можно в ИНТЕРНЕТе по адресу <http://www.i-tis.com/gonchar.html>).

Список литературы

- Бобринский А.А.** О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1986. – С. 137-157
- Бобринский А.А.** Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики - Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1988. – С. 5-21
- Бобринский А.А.** Оболочки функциональных частей глиняной посуды // Археологические исследования в лесостепном Поволжье - Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 1991. – С. 3-35
- Волкова Е.В.** Гончарство фатьяновских племен. - М., 1996. – 120 с.
- Горбов В.Н.** О наименовании частей сосудов позднего бронзового века // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона. - Киев-Воронеж, 2001. – С.29-32.
- Мочалов О.Д.** Керамика эпохи средней бронзы Волго-Уральской лесостепи и проблема формирования срубной культуры: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Воронеж, 1997.
- Мочалов О.Д.** О керамике бронзового века бассейна р. Самары // Материальная культура населения бассейна р. Самары в бронзовом веке. - Самара: Изд-во СГПУ, 2003. – С. 52-76
- Никитина Г.Ф.** Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. - М.: Наука, 1995. – 230 с.

Г.В. Требелева*Институт археологии РАН, Москва*

ПРИМЕНЕНИЕ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА СИСТЕМ ФОРТИФИКАЦИЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ*

Геоинформационные системы (ГИС) являются компьютерными системами для сбора, проверки, интеграции и анализа информации, относящейся к земной поверхности. Использование геоинформационных методов в археологии началось сравнительно недавно. Наиболее активно это направление развивается на протяжении последних 10-15 лет. Основные достижения в этой области осуществлены зарубежными учеными. Однако в последнее время ГИС-технологии нашли применение и в отечественной археологии [Афанасьев, 2004; Коробов, 2004; Смекалов, Федоров, 2004; Довгалева, 2005; Требелева, Горлов, 2005]. Началу применения ГИС-технологий в археологии предшествовали десятилетия адаптации теорий и методов пространственного анализа, заимствованных из экономической географии, биологии, и собственно геометрии.

Не все археологические памятники Боспорского царства имеют равную степень сохранности и изученности. Часть памятников достаточно хорошо исследована в ходе раскопок, но многие из известных объектов не раскапывались вовсе. Поэтому для анализа памятников фортификации, были применены только те параметры, которые можно определить для всех памятников, вне зависимости от их степени изученности (тип, площадь и датировка – данные, которые определяются при проведении разведок). Следует отметить одно существенное преимущество применения ГИС-технологий для анализа археологического материала. В случае появления новой информации или уточнения уже имеющейся информации о мало исследованных памятниках, нет необходимости переделывать работу заново или ставить под сомнение полученные выводы. Изменение какого-либо параметра в базе данных ГИС позволяет оперативно скорректировать все ранее полученные выводы, подтвердить их или опровергнуть на новом этапе исследований.

Методика археологического исследования с помощью ГИС-технологий предполагает два основных этапа:

- создание ГИС, т.е. картографирование памятников, ландшафта, разработка и заполнение баз данных;
- анализ, состоящий из классификации данных и пространственной обработки результатов картографирования.

В данной работе для анализа использовались модули пространственного анализа программы Arc Map 8.3: Spatial Analyst, 3-D Analyst, Geostatistical Analyst.

Для картографирования памятников использовались как данные уже ранее существующие базы данных и ГИС [Требелева, Горлов, 2004], так и географические координаты памятников, полученные непосредственно автором в 2004 г.

Для картографирования и создания модели ландшафта использовались современные топографические карты масштаба до 1:100 000, которые геокодировались в программе ArcMap 8.3. Далее, с уже геокодированных карт в качестве отдельной точечной темы вносились данные о высотах. Всего для территории Азиатского Боспора было сделано 28168 определений, сравнительно равномерно распределенных по всей территории.

Картографирование линий берегов производилось с учетом особенностей развития каждого региона на основании существующих карт моделей палеогеографических реконструкций. В отечественной историко-археологической литературе существует два основных направления в реконструкции палеогеографической ситуации на Таманском полуострове. Сторонники первого направления придерживаются той точки зрения,

* Данная статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 06-01-12103в

что в древности данная территория представляла собой систему островов. [Montpereux, 1843; Поночевный, 1891; Башкиров, 1927; Войцеховский, 1929; Абрамов, Паромов, 1993] Представители второго считают, что современный Таманский полуостров в древности являлся единым островом. [Латышев, 1909; Ростовцев, 1989; Горлов, 1996; Горлов, Поротов, 2000]. Поэтому, для полноты картины, пространственный анализ расположения оборонительных сооружений проводился отдельно для двух моделей реконструкции палеогеографической ситуации. В дальнейшем полученные результаты были сопоставлены.

На втором этапе исследования важным моментом стала классификация данных. На основании соотношений типа и площади укреплений была выведена иерархия военных крепостей. Основанием для этого служила примерная численность гарнизона крепости, которая в свою очередь рассчитывалась исходя из площади укрепления (примерно 100 человек на 0,2 га). Такая пропорция в свое время была выведена независимо друг от друга С.Д. Крыжицким и С.Б.Ланцовым [Крыжицкий, 1985; Ланцов, 1999]. Далее, на ее основании строились возможные взаимосвязи административного характера.

Для проведения пространственного анализа расположения крепостей был использовано ряд нескольких основных функций. Первое, это расчет коэффициентов плотности укрепленных и неукрепленных поселений на заданной территории. Ключевым моментом здесь явилось определение «подконтрольных территорий» для каждого конкретного укрепления и для административных центров. Для чего использовался метод построения полигонов Тиссена. Следующей функцией применяемой для характеристики системы расположения укреплений являлся «анализ видимости». В рамках этой функции, с одной стороны выделялись видимые и невидимые зоны, которые позволяли смоделировать общую картину визуального контроля над территорией, с другой стороны реконструировалась непосредственная визуальная связь между укреплениями. Эта реконструкция позволила проследить возможность подачи немедленного сигнала от одного укрепления к другому.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. В организации обороны территории Азиатского Боспора выделяются два хронологических периода: середина I в. до н.э. - конец I – начало II вв. н.э. и конец I – начало II вв. н.э. – середина III в. н.э.

В первый хронологический период ядром территории Азиатского Боспора являлся Таманский полуостров. Здесь царской властью была создана единая система обороны, нацеленная на обеспечение безопасности всей территории через охрану основных границ и коммуникаций. Одним из элементов этой системы следует считать сеть визуальных связей, которая обеспечивала своевременное предупреждение об опасности, прежде всего, с востока и юго-востока. Район Прикубанья был тесно связан с Таманским полуостровом, что позволяло контролировать значительную часть поймы р. Кубань. Районы Северокавказского побережья Черного моря и Нижнего Дона государство не пыталось включить в единую систему обороны. Существовавшие там полисы (Горгиппию и Танаис) оно рассматривало как анклав и предоставляло им решать задачу обеспечения безопасности собственными силами и средствами.

Во втором хронологическом периоде форма организация обороны изменилась. После значительных разрушений произошедших на рубеже I-II веков единая система оборонительных сооружений Тамани-Прикубанья нацеленная на обеспечение безопасности всей территории через охрану основных границ и коммуникаций была разрушена. Новая организация обороны была основана на принципе преимущественно непосредственной защиты населения от грозящей опасности, т.е. позволяла населению укрыться за стенами укрепления, в случае нападения врага. Такая система организации является одной из самых простых форм. Но, по всей видимости, именно она наиболее соответствовала насущным задачам и экономическим возможностям государства во II – середине III вв. н.э.

Список литературы:

Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова. // Боспорский сборник. – 1993. – № 2. – С. 25-98.

Афанасьев Г.Е. Основные направления применения ГИС- и ДЗ-технологий в археологии. // Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях» (Москва, 2 апреля 2003 г.) Сборник докладов. – М., 2004. – [Электронный ресурс] CD-ROM

Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. // Труды этнографо-археологического музея МГУ. – 1927. – №3. – С. 1-15.

Войцеховский С.Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени. // Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и эпиграфики. – 1929. – кн.1 (т. III). Вып. 5 – 6. – С. 4-9.

Горлов Ю.В. Палеогеография Азиатского Боспора. // Сборник 20 лет музею М.Ю.Лермонтова в Тамани. II раздел, Тамань археологическая, Таманский музейный комплекс. – Ст. Тамань. – 1996. – С. 60-71.

Горлов Ю.В., Поротов А.В. Палеогеографическая ситуация в устье Кубани (Таманский полуостров) в эпоху позднего голоцена.// Антикведение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных). – М., 2000. – С. 24-26

Довгалева А.А. Использование ГИС-технологий и ДДЗ для выявления памятников археологии.// Археология и геоинформатика. Вып. 2. – М., 2005. – [Электронный ресурс] CD-ROM.

Коробов Д.С. Применение ГИС и аэрофотосъемки при картографировании следов древнего земледелия в Кисловодской котловине// Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях» (Москва, 2 апреля 2003 г.) Сборник докладов. – М., 2004.– [Электронный ресурс] CD-ROM

Крыжицкий С.Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе// Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. – Тбилиси, 1985.

Ланцов С.Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак – Афинеоне (?) Псевдо-Арриана.//ВДИ. – 1999. – №1.– С. 121-136

Латышев В.В. Краткий очерк истории Боспорского царства. СПб., 1909.

Пончевный М.О. Географический очерк Боспорского царства // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1891.– Т. II. – С. 1-60.

Ростовцев М.И. Глава VI Государство и культура Боспорского царства. Часть 2. Государство и социальный строй римского протектората.// ВДИ. – 1989. – №3. – С.183-203.

Смекалов С.Л., Федоров Д.Л. Геоинформационные технологии в археологических исследованиях. – СПб, 2004.–103 с.

Требелева Г.В., Горлов Ю.В., Применение ГИС-технологий в комплексных палеогеографических и археологических исследованиях на Тамани и Абхазском побережье.// Проблемы истории филологии и культуры. – 2004.– Вып. XIV. – С. 434 – 441.

Требелева Г.В., Горлов Ю.В. ГИС-технологии: использование в исследованиях на Тамани и Абхазском побережье.// Археология и геоинформатика. Вып. 2. – М., 2005.– [Электронный ресурс] CD-ROM.

Ю.П. Холюшкин, В.Т. Воронин, В.С. Костин, А.Н. Нуртдинов

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ КОМПЛЕКСНОЙ ОБРАБОТКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ МЕТОДАМИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ (проблемы и решения)

За 300 лет археологической науки накопились огромные объемы данных исследований, зафиксированных в многочисленных публикациях, отчетах и коллекциях. Обработка и обобщение результатов этих исследований и разработок проводилось преимущественно в описательно-интерпретационной манере применительно к наглядным сопоставлениям с учетом опыта и квалификации археологов. В меньшей мере к обработке и обобщению результатов привлекались статистические методы и технологии структурного анализа данных, нашедшие широкое и повсеместное применение в естественнонаучной, инженерной, социологической и эконометрической практике. Более того, в практике археологических исследований до сих пор относительно мало применяются методы анализа данных для выявления глубоких структурных изменений археологических объектов и образуемых ими археологических комплексов и систем.

Причина этого феномена обусловлена в значительной степени существенными особенностями предмета и объектов исследования археологической науки. Естественнонаучная, инженерная, социологическая и эконометрическая практика, в которой широко применяются современные методы статистического анализа, имеет дело с массовыми и (или) воспроизводимыми объектами с возможностью многократного измерения и исследования.

Однако объектам археологии свойственна уникальность или редкость, невозпроизводимость, а также существенная неполнота, неоднородность и малая сопоставимость данных о них. Эти особенности существенно ограничивают возможности применения в археологии традиционной технологии статистической обработки данных.

Следовательно, требуется более адекватная к нуждам археологической науки парадигма статистического анализа (прежде всего концепция и технология). Одним из важных требований к парадигме анализа данных археологических исследований является комплексность, обеспечиваемая многократными расчетами по различным вычислительным схемам и алгоритмам при достаточной устойчивости и надежности результатов и гарантирующая обоснованность (валидность) его итогов.

Нам представляется целесообразным включить в качестве отдельных методов и инструментов, встроенных в технологию обработки археологической информации, следующие методы анализа данных:

– методы серого (черно-белого или спектрального) анализа, суть которого состоит в том, что анализируемая таблица дополняется графической схемой – образом таблицы в виде прямоугольника, разделенного подобно клеткам исходной таблицы на ячейки разной окраски (черно-белой, серой или цветной) и оттенков. Окраска ячейки или ее оттенок соответствует числовому интервалу (коридору), в который попадает значение соответствующей клетки таблицы, согласно правилу: чем больше (меньше) значение клетки таблицы, тем темнее (светлее) ячейки ее графического образа;

– упорядочение данных – перестановка строк и (или) столбцов для более отчетливого представления неоднородности структуры данных таблицы; например, для контрастного выделения внутри ее зон (областей) сгущений и разреженностей; в зонах сгущений (кластерах) концентрируются клетки с заметными (существенными) значениями признаков, а в зонах разреженностей значения признаков представлены малыми (или нулевыми) значениями признаков;

– выделение смежных областей (упорядочение данных с последующим выделением смежных областей – замкнутых множеств клеток–соседей слева, справа, сверху или снизу). В выделенных смежных областях расстояния (разности значений) между клетками внутри любой области должны быть существенно меньшими по сравнению с расстояниями между ее любыми клетками и клетками из соседних областей;

- методы регрессионных моделей – для восполнения пробелов, пропусков и недостающих данных;
- методы дисперсионного анализа – для выявления количественных связей между признаками объектов;
- методы факторного анализа и многомерного шкалирования – для выявления скрытых связей между объектами и признаками их описания;
- методы группирования и кластерного анализа – для выделения кластеров и типов объектов (метод кластерного анализа таблиц с использованием логики группирования по множеству “независимых” переменных и методы кластерного анализа с использованием информационных метрик); в классических вариантах кластерного анализа логика группирования и информационные метрики не используются; для выявления степени релевантности результатов выделения кластеров и типов объектов в методы группирования целесообразно встраивать алгоритмы повторной выборки (bootstrap). Эти алгоритмы строятся на предположении о том, что вновь собранные данные репрезентативны (т.е. двумерные распределения для каждой изучаемой таблицы соответствуют или почти соответствуют распределению генеральной совокупности);
- метод сравнения классификаций, построенных на разных признаковых пространствах и возможно, разными методами;
- метод построения обобщенной классификации, основанной на анализе совпадения разных классификаций одних и тех же объектов, на завершающих этапах анализа. При построении обобщенной классификации с выделением наиболее устойчиво совместно классифицирующихся объектов в ядра кластеров в работе введена статистика для измерения степени близости объектов по результатам классификаций.

По нашим представлениям, полный цикл процесса комплексного анализа данных в археологии, предшествующий интерпретации и содержательному анализу его результатов при подготовке публикаций и отчетов должен включать четыре этапа:

- 1) предварительный (восполнение пробелов, пропусков и недостающих данных, упорядочение данных, серый анализ, выделение смежных областей);
- 2) базовый (многократные аналитические расчеты по разным вычислительным схемам и алгоритмам на одних и тех же массивах данных, проводимые для выявления структурных характеристик этих массивов и скрытых связей между объектами и признаками: дисперсионный анализ, регрессионный анализ, факторный анализ, многомерное шкалирование, кластерный анализ, типологическое группирование);
- 3) сопоставительный (сравнение классификаций, построенных на разных признаковых пространствах и разными методами);
- 4) итоговый (построение обобщенной классификации, основанной на анализе совпадения разных классификаций на базовом и сопоставительном этапах).

Предлагаемая концепция и основанная на ней технология комплексного анализа опробована в серии исследований, проведенных в секторе археологической теории и информатики Института археологии и этнографии СО РАН в течение последних 14 лет по материалам публикаций по археологии палеолита Евразии, и доказала свою жизнеспособность и эффективность [Деревянко, Холушкин, Ростовцев, Воронин, 1998; Деревянко, Холушкин, Ростовцев, Воронин, 2001; Dürivianko, Kholiouchkine, Voronine, Rostovtsev, 2001; Деревянко, Холушкин, Ростовцев, Воронин, 2002а; Деревянко, Холушкин, Ростовцев, Воронин, 2002б; Деревянко, Холушкин, Ростовцев, Воронин, 2002в; Derevianko, Kholuchkin, Rostovtsev, Voronin, 2004; Деревянко, Холушкин, Воронин, Костин, 2005а; Деревянко, Холушкин, Воронин, Костин, 2005б; Холушкин, Васильев, Воронин, Костин, Нуртдинов, 2005].

Список литературы

Correlation des industries paleolithique Moyen du Proche Orient et du Caucase / *Derevianko A.P., Kholuchkin U.P., Rostovtsev P.S., Voronin V.T.* – Новосибирск: Редакционно-издательский Совет НГУ, 2004 – 116 с.

L'analyse statistique desensembles de Paleolithique moyen du proche –et Moyen-Orient / *Dürivianko A.P., Kholiouchkine Y.P., Voronine V.T., Rostovtsev P.S.* - Новосибирск: НГУ, 2001 – 48 с.

Динамика развития позднепалеолитической культуры на Верхнем Енисее: опыт статистического исследования (материалы отчета) / *Холушкин Ю.П., Васильев С.А., Воронин В.Т., Костин В.С., Нуртдинов А.Н.* - Новосибирск: РИЦ НГУ, 2005, 114 с.

Корреляция мустьерских индустрий Ближнего Востока и Кавказа / *Деревянко А.П., Холушкин Ю.П., Ростовцев П.С., Воронин В.Т.* - Новосибирск: СО РАН, 2002в. – 188 с.

Корреляция среднепалеолитических индустрий Ближнего Востока и Кавказа. Часть II. Типология. / *Деревянко А.П., Холушкин Ю.П., Воронин В.Т., Костин В.С.* - Новосибирск: РИЦ НГУ, 2005а – 94 с.

Неандертальская проблема как задача статистического анализа. / *Деревянко А.П., Холушкин Ю.П., Ростовцев П.С., Воронин В.Т.* - Новосибирск: НГУ, 2001 – 71 с.

Статистический анализ позднепалеолитических комплексов Северной Азии / *Дервянко А.П., Холюшкин Ю.П., Ростовцев П.С., Воронин В.Т.* – Новосибирск: РИЦ НГУ, 1998 – 89 с.

Статистический анализ среднепалеолитических индустрий Кавказа. Технологические индексы / *Дервянко А.П., Холюшкин Ю.П., Ростовцев П.С., Воронин В.Т.* - Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002а – 53 с.

Статистический анализ среднепалеолитических индустрий Кавказа. Типология / *Дервянко А.П., Холюшкин Ю.П., Ростовцев П.С., Воронин В.Т.* - Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002а – 43 с.

Статистическое исследование среднепалеолитических индустрий Средней Азии и Казахстана / *Дервянко А.П., Холюшкин Ю.П., Воронин В.Т., Костин В.С.* - Новосибирск: РИЦ НГУ, 2005б, 94 с

СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ

Н.В. Березовская¹, Г.Г. Кравченко², Н.В. Торощина², И.В. Чернова²

¹*Областное государственное учреждение «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры», Томск*

²*Томский государственный университет, Томск*

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ И МЕТОДИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПРИТЫМЬЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ*

В исторической науке проблема изучения освоения Сибири не теряет актуальности. При выявлении характера, особенностей, этапов процесса освоения Сибири на современном уровне развития науки преобладают междисциплинарные исследования, в том числе и локальных районов. Одним из таких районов является Притымые – бассейн р. Тым, правого притока р. Оби (Каргасокский административный район Томской области). По данным археологических источников его заселение началось с неолита, а освоение продолжается и по сей день. В ближайшее время в этом регионе предполагается активизация хозяйственной деятельности в связи с утверждением программы освоения правобережья р. Оби.

Комплексное исследование историко-культурного наследия региона требует формирования соответствующей источниковой базы, разработки методик и использования современных средств информационной поддержки исследований. В ходе изучения Притымыя выявлен представительный корпус источников, нуждающихся в систематизации. Подавляющее большинство объектов историко-культурного наследия имеет пространственную привязку, что позволяет использовать для их систематизации и комплексного изучения геоинформационные системы. В рамках исследования предполагается сформировать комплексную базу данных для инвентаризации (с пространственной привязкой), научного изучения и организации охраны и мониторинга состояния объектов историко-культурного наследия региона.

База данных должна формироваться с учётом пространственных и временных характеристик и связей, быть ориентированной на долговременное использование (необходимо исключить повторный поиск материалов и обеспечить возможность пополнения новыми данными). Разнородные данные в базе приводятся к одному стандарту представления.

Картографируются в виде тематических слоёв соответствующих цифровых карт следующие группы пространственных объектов (объект может быть зафиксирован в нескольких группах):

- Археологические объекты (могильники, поселения, городища, культовые места, случайные находки (местонахождения) и др.);
- Этнографические объекты (некрополи, поселения (села, юрты и др.), культовые места, промысловые угодья, места коллекционных сборов и др.);
- Антропологические объекты (краниологические и остеологические коллекции с указанием места сбора, места хранения и инвентарных номеров; в перспективе с этими объектами могут быть связаны результаты анализа ДНК);
- Географические названия (наименования населённых пунктов, объектов гидрографии, урочищ, связанные в изучаемом регионе с селькупским, хантыйским, кетским, эвенкийским, а также русским населением);
- Объекты, относящиеся к архитектуре, искусству;
- Объекты, связанные с общественно-политическими событиями (места массовых захоронений; места, имеющие отношение к жизнедеятельности политических ссыльных и репрессированных и др.);

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-01-64107 а/Т «Геоинформационная система «Объекты историко-культурного наследия бассейна р. Тым»: синтез исторического опыта и новейших технологий»

Дополнительным, но очень важным картографируемым слоем должны быть маршруты научных экспедиций и обследований региона. Сюда же могут быть отнесены участки интенсивного хозяйственного освоения региона (геологоразведка, лесозаготовки, прокладка коммуникаций), в ходе которых были выявлены памятники.

К настоящему времени сформированы объекты двух групп: археологической и этнографической. Последняя группа картографируется в виде следующих слоёв: поселения, некрополи, культовые места. Основными источниками для формирования слоя археологических объектов стали научные публикации [Археологическая карта Томской области, 1990] и др. Привлекались отчеты о полевых исследованиях и полевые дневники, хранящиеся в архивах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета и Томского областного краеведческого музея. На цифровую карту нанесено 144 объекта, из них по данным ОГУ «Центр по охране и использованию памятников истории и культуры» 51 включен в список памятников, стоящих на государственной охране, 76 имеет статус выявленных объектов археологии, остальные объекты не состоят на государственном учете (Рисунок 1).

Для привязки поселений использовались старые и современные карты. Работу осложняет противоречивость этих источников. Так, «Карта Томской губернии» масштаба 50 верст в 1 английском дюйме [Картографическое заведение А. Ильина в С. Петербурге, 1902 г.] была преобразована в растровый вид и математически преобразована в современную систему координат. Но выяснилось, что географические объекты этой карты далеко не всегда совпадают с современными. Вероятно, это следствие того, что карта на эту часть губернии (достаточно отдаленную и труднодоступную) была составлена по описаниям, либо на основе глазомерной съёмки. Можно считать, что она лишь правильно отражает последовательность расположения населённых пунктов вдоль реки. Уточнение местоположения объектов производилась по современным топографическим картам и описаниям. Окончательно данные по населённым пунктам выявлены в результате сопоставления старых карт, современных топографических карт и материалов церковного делопроизводства Тымского прихода, хранящихся в Государственном архиве Томской области и Муниципальном архиве администрации Каргасокского района. Привязками служили современные населённые пункты, а в случае их отсутствия, урочища и объекты гидрографии с одноименными названиями. В настоящее время нанесено на карту 26 мест поселений с разной точностью локализации. Культовые места и некрополи локализованы по данным Я. А. Яковлева [Яковлев Я.А., 1988; 1994], а также на основе анализа крупномасштабных топографических карт региона. Всего на карту нанесено 16 культовых мест и 19 некрополей (Рисунок 2). Также в базу данных внесено 530 наименований географических объектов.

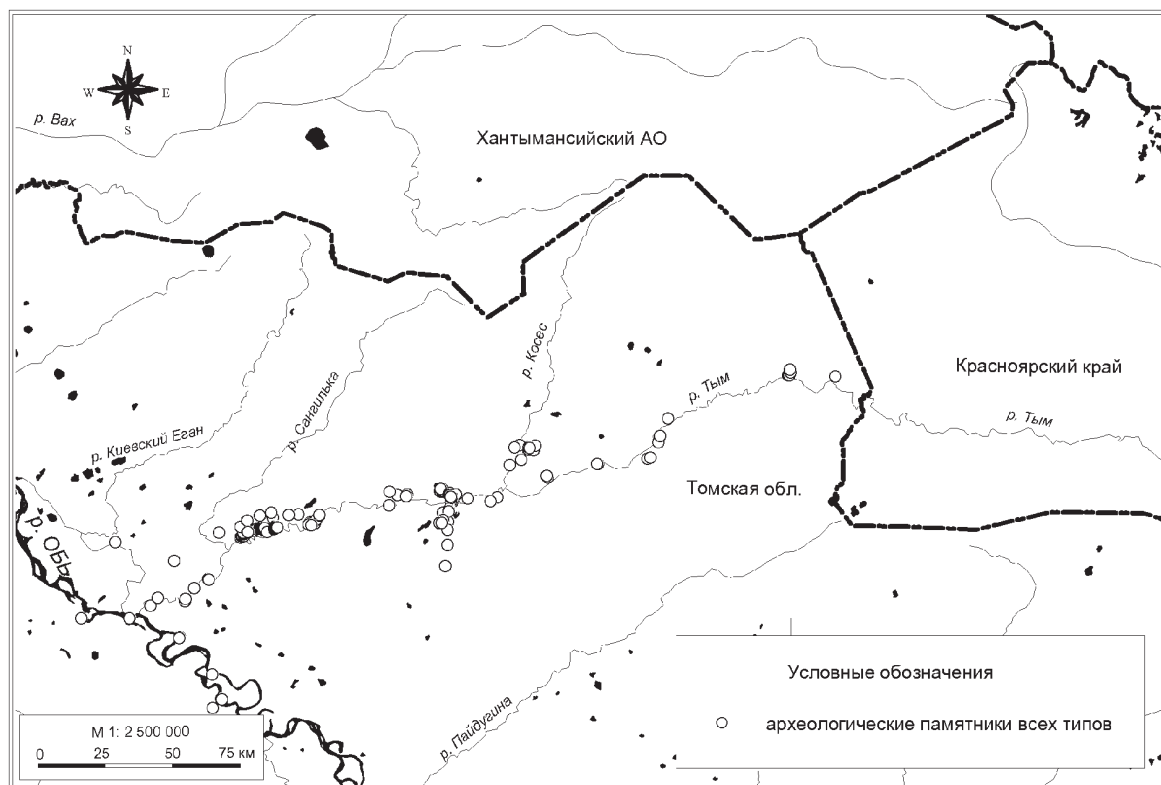

Рис. 1. Карта расположения археологических объектов

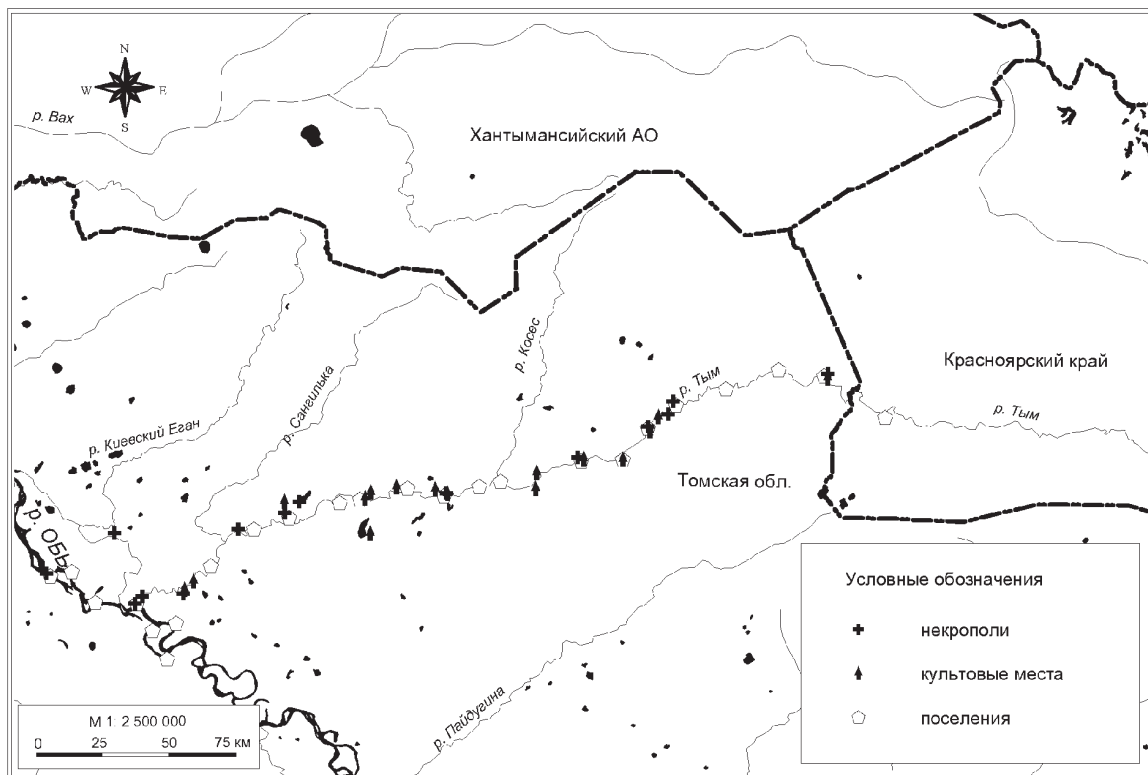

Рис. 2. Карта расположения поселений, некрополей и культовых мест

Для каждой группы объектов формируется минимально-достаточный набор атрибутивных характеристик (который может быть представлен одной таблицей). Для археологических памятников это следующее: название памятника, синоним названия памятника, тип памятника, культурная принадлежность, относительная датировка (эпоха), абсолютная датировка наиболее ранняя, абсолютная датировка наиболее поздняя, техническое состояние памятника (в том числе степень изученности), состояние памятника в отношении учёта, ссылка на источник, по которому памятник нанесён на карту и атрибутирован.

Используемый при формировании базы данных геоинформационный подход позволит интегрировать разработки различных наук (истории, археологии, этнологии, лингвистики, генетики и т.д.) и рассматривать регион как единое культурно-историческое пространство. Такая база данных поможет оптимизировать работы по сохранению историко-культурного наследия Притымья. Картографирование всех собранных данных позволит в дальнейшем создать охранные зоны для уже выявленных объектов и выделить зоны наиболее перспективные для прогнозирования и поиска новых историко-культурных объектов.

Притымье, на сегодняшний день – это территория, хозяйственное освоение которой еще не нанесло значительного ущерба ее историко-культурному наследию. Превентивные меры к его сохранению необходимы в связи с опасностью возможных утрат уже на этапе разведки углеводородного сырья, а тем более, на этапах его добычи.

Список литературы

Археологическая карта Томской области / Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 1. – 340 с.

Яковлев Я.А. Культовые места XIX – XX в. на территории Томской области // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Сборник научных трудов. Новосибирск: Наука, 1988. – С. 35 – 53.

Яковлев Я.А. Могильники дорусского населения XVIII – начала XX вв. на территории Томской области // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Т. VII. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – С. 28 – 54.

А.Г. Векслер

*Заместитель Председателя Комитета по культурному наследию г. Москвы -
Главный археолог г. Москвы, Академик Российской Академии Архитектуры
и строительных наук и Академии архитектурного наследия, профессор*

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ г. МОСКВЫ. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Интенсивная застройка Москвы – современного мегаполиса, исторический центр которого располагается на месте крупного средневекового города, со всей серьезностью ставит перед градостроителями проблему сохранения археологического наследия.

На протяжении всего XX столетия археологические поиски в Москве производили разнообразные учреждения – научные, музейные, реставрационные. Деятельность их длительное время была разобщена. Лишь в конце 1980-х годов в связи с началом нового этапа реконструкции исторического центра в структуре городских органов охраны памятников решением руководства города впервые была организована специальная археологическая служба.

В настоящее время это подразделение, действующее в системе Москомнаследия, выполняет многоплановый комплекс охранных археологических работ. В него входят: согласование проектов инженерных коммуникаций, строительства зданий и сооружений, находящихся в археологически значимых зонах; координация охранных археологических раскопок и наблюдений; контроль за камеральной обработкой археологических материалов, включающий в частности, их реставрацию, консервацию; обследование объектов геофизическими и др. естественно-научными методами; составление банка данных по археологическим объектам в г. Москве для компьютерной обработки информации; подготовка предложений по музеефикации памятников археологии.

2. Ответственной задачей Службы является руководство разработкой проектной документации по организации охранных работ при строительстве и реконструкции объектов на исторически значимых территориях. В эти проекты закладываются необходимое финансирование, методика, время, рабочая сила, техника. Таким образом, памятник изучается на стадии строительства, избираются наиболее рациональные методики охранных исследований, и тем самым неизмеримо сокращается стоимость самих археологических работ.

Историко-археологические опорные планы, проекты и заключения по организации охранных исследований охватили значительную часть исторической территории города, и в настоящее время археология вносится на все уровни проектирования Москвы.

В городе произведено археологическое зонирование территории и исторический центр в пределах Камер-Коллежских валов – городской черты XVIII века т.е. площадь в 20 тыс. гектаров (12% территории Москвы в пределах административной границы города) теперь имеет юридический статус памятника археологии. Такой же статус за период деятельности службы получили еще более ста важнейших памятников археологии за пределами бывших валов.

В соответствии с проектной документацией при научно-методическом руководстве муниципальной археологической службой проведены опережающие исследования, экспресс-раскопки и наблюдения в ходе строительства и реконструкции более чем на 800 исторических объектах застройки и реконструкции города.

3. Крупномасштабные спасательные археологические раскопки велись в связи с реконструктивными работами на Манежной площади и в самом Манеже, на Старом Гостином дворе, Третьяковском проезде, на Театральной и Арбатской площадях, улицах Волхонке, Б. Никитской, переулках Китай-города, улицах Замоскворечья, Заяузья и других местах.

Чрезвычайный интерес представляют новейшие исследования, проведенные на улицах Никольской и Ильинке, в Третьяковском и Вознесенском переулках, улицах Тверской и Большой Дмитровке в Белом городе, в Замоскворечье и на территории Гончарной слободы в Земляном городе, на Театральной и Сухаревской площадях.

Среди спасательных исследований в Москве на территории за пределами средневекового города крупнейшими являются работы в исторических усадьбах и парках Лефортово, Коломенское, Царицыно. На новейших исследованиях в Царицынском музее-заповеднике, где аспект исследования сохранения и музеефикации памятников археологии заслуживает серьезного внимания остановимся особо. Возрождение ансамбля Большого дворца в Царицыно вызвало необходимость широких предпроектных археологических изысканий во всех 58-ми помещениях грандиозного сооружения. Эти работы не только дали исходные данные для возрождения архитектуры Казаковского дворца, но и позволили проследить, зафиксировать и сохранить внутри него фрагменты сооружений В.И. Баженова, дворца Кантемиров, элементы усадеб XVII века – Голицыных, Стрешневых, Годуновых. В конце 2005 - начале 2006 г.г. проведено раскрытие несохранившихся сооружений в историческом парке на месте разобранных М.Ф. Казаковым – 1-го Кавалерского и Камер-Юнфарского корпусов П.И. Баженова. В ходе раскопок обнаружены уникальные по декору резьбы белокаменные детали нижнего яруса Дворца Кантемиров. Эти сооружения заслуживают музеефикации и, несомненно, расширят представления и о величественном ансамбле Баженова, и об облике доселе совершенно неизвестного нам Кантемировского дворца. Археологию Царицына отнюдь не исчерпывают усадебные комплексы – на 650-ти гектарах заповедника прослежены памятники не только позднего средневековья, но и дофеодального прошлого: поселения каменного, бронзового и раннежелезного веков, ранние средневековые селища и восемь курганных групп славян вятичей. Дальнейшие исследования их позволят создать интереснейшую экспозицию музеев «под открытым небом» в парке. Таким образом, в Москве находятся в стадии научной разработки и организации археологические ландшафтные музеи в парках Царицына и в районе Митина, где также музеефицируются памятники раннежелезного века и эпохи средневековья. Крупномасштабные раскопки Государева двора в Коломенском и проводимые на территории того же заповедника новые исследования памятника классической российской археологии Дьяковском городище так же дают возможность организации здесь археологических музеев «под открытым небом». Такая наглядная пропаганда сохранения и организации экспонирования памятников археологии, как представляется, будет способствовать развитию исторического туризма в Москве.

4. На рубеже XX-XXI в.в. в Москве сформировалась принципиально новая и вполне устойчивая система взаимоотношений между строительным комплексом и археологической службой, тесно увязанная с проектированием и строительством. Правительство Москвы, Комплекс архитектуры, реконструкции и строительства, уже требуют предварительных археологических исследований в качестве столь же необходимой части «производственного цикла», как изыскательские геологические или геодезические работы. Связанные с внедрением в культурный слой структуры (проектные, строительные, инженерные и др.) начали воспринимать широкое постоянное и активное участие археологов в их деятельности как нормальную «штатную» ситуацию.

Отметим что, и сами археологи активно развивают методику охранных работ, включая их проектирование, организацию, финансирование и обеспечение исследований всем необходимым, взаимодействие со строителями, использование новейших технических средств, выбор для раскопок наиболее сохранных участков и т.д.

Суммируя то новое, что произошло на современном этапе в московской археологии, нельзя не отметить такие явления, как:

- возникновение городской муниципальной археологической службы в системе Москомнаследия – принципиально новой научно-методической и охранной структуры, отражающей коренное изменение взаимоотношений археологов с архитекторами и строителями;
- невиданные прежде по масштабам вскрытия широкой площадью, при которых сочетаются надзор и фиксация механических раскрытий техногенного слоя XIX-XX вв., что отражает интересы истории градостроительства, и отвечающие общей методике полевых работ раскопки, выполняемые археологами;
- выделение специального подготовительного этапа, удельный вес которого постоянно возрастает и который обеспечивает согласованность действий археологов со всей системой города, позволяя выполнять работы иногда в предельно напряженные, но реальные сроки.

И, конечно, чрезвычайную важность при этом представляет развитие археологического проектирования, постоянное творческое сотрудничество археологов с градостроительной наукой.

На основании новых материалов об основании территории, о возникновении феодального города, об его топографии в динамике и историческом развитии, о его ремеслах и торговле, о культуре и быте горожан создаются новые археологические экспозиции, в том числе, музеи «под открытым небом», зримо представляющие живую связь времен исторического города.

М.Г. Иванова, К.И. Куликов

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ УДМУРТИИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В результате планомерных исследований археологических памятников научными центрами Удмуртии накоплены огромные коллекции, сосредоточенные в фондах Национального Музея Удмуртской Республики, Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар», Удмуртского государственного университета, Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Активное введение их в научный оборот в 1990-е годы привело к появлению устойчивого интереса к ним со стороны работников культуры и различных жанров искусства.

Особенно большую популярность в Удмуртии получили материалы памятников бассейна р. Чепцы, составляющего в Прикамье своеобразный археологический микрорайон, насыщенный разнообразными памятниками, оставленными прямыми предками северных удмуртов. В самом центре чепецких земель расположено городище Иднакар – одно из наиболее крупных поселений Волго-Камья и Урала эпохи средневековья. Прекрасно обозреваемый со стороны Чепцы и Глазова, Иднакар и сегодня являет собой эталон средневековой крепости лесной зоны, благоприятно сочетающий в себе многие факторы, необходимые для музеефикации: великолепное природное и археологическое окружение с поселениями и могильниками; прекрасную обозреваемость структурных частей и линий обороны; расположение в черте города с его коммуникациями и инфраструктурой, позволяющими обеспечивать посещаемость, и т.д. Поэтому создание здесь музея-заповедника было в какой-то степени исторически определено. Тем не менее, решающим фактором открытия музея стали богатейшие материалы, полученные в результате многолетних исследований археологической экспедиции Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН, настоятельная необходимость сохранения как самого памятника, так и его материалов [Куликов К.И., Иванова М.Г., Коробейникова О.Н., 2002].

Создание Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар» в г. Глазове в 1997 г. можно признать самым выразительным результатом совместной деятельности учреждений науки, культуры, охраны памятников последних десятилетий. Этапы его создания и развития уже нашли отражение в ряде публикаций [Останина Т.И., 1999; Куликов К.И., 2004; Куликов К.И., Иванова М.Г., 2004; Коробейникова О.Н., 2004]. В настоящее время музей-заповедник включает в свой состав территорию городища; помещение по ул. Советской с действующей небольшой экспозицией и выставочным залом, с весьма ограниченными служебными помещениями; здание по ул. Сибирской, где проводится коренная реконструкция; фонды с археологическими материалами, фото- и видеотекой в Удмуртском ИИЯЛ УрО РАН в г. Ижевске с сотрудниками, обрабатывающими поступающие в фонды коллекции. Музей значительно расширил формы деятельности, приступил к изготовлению реплик, копий-новделов украшений, оружия, орудий труда, к реконструкции костюмных комплексов с наборами украшений, организует театрализованные представления воинов в костюмах и доспехах средневековья, которые притягивают зрителей.

В целом, благодаря созданию Историко-культурного музея-заповедника Удмуртской Республики «Иднакар» в 1997 г., объединению усилий научного коллектива, специалистов музееведения, охраны памятников, активному введению материалов в научный оборот, в практику культурной жизни Республики, городище стало символом удмуртских древностей, его материалы – источником зарождения новых тенденций и направлений культурном процессе.

Коллекции памятника с великолепными образцами разнообразных орудий труда, изделий из цветных металлов, кости и рога с зоо-, орнито-, антропоморфными изображениями, отражающими различные стороны материальной и духовной деятельности населения, заключают в себе сложный комплекс исторически сложив-

шихся архаических воззрений, глубинные пласты финно-угорской мифологии. Не случайно они вызывают неослабевающий интерес представителей художественной интеллигенции, творчески переосмысливающей традиции народного искусства.

В драматургических, поэтических произведениях писателей и поэтов, в живописи и графических работах художников с середины 1990-х гг. стали отражаться темы богатырского периода удмуртского народа, фольклорные и мифологические мотивы, создан полнометражный художественный фильм «Тень Алангасара» (1996). Знаменательным событием является использование в оформлении герба Удмуртской Республики птицы с развернутыми крыльями, найденной на Кузьминском могильнике XI–XIII вв.

Заметным явлением в культурной жизни стало возрождение старинного ритуального музыкального инструмента “*крезь*”, занявшего сегодня прочное место в культуре Удмуртии. По находкам на городище Иднакар подставки под струны восстановлен и музыкальный инструмент. Не менее значимым направлением является реконструкция костюмных комплексов на основе археологических материалов различных хронологических периодов, представленных в экспозиции Национального музея Удмуртской Республики, используемых в спектаклях театров Удмуртии, а также в различных художественных коллективах.

В 1990-е гг. сформировался Национальный центр декоративно-прикладного искусства и ремесел Удмуртской Республики с сетью районных и сельских домов ремесел. В научной концепции была поставлена задача создания высокохудожественных этнически узнаваемых изделий [Куликов, Иванова, 2001, с. 14], внимание народных умельцев направлено на древнюю культуру, и в первую очередь – уникальные коллекции городища Иднакар. Археологическое наследие оказалось созвучно устремлениям, ментальности мастеров и стало основой для создания особого, «удмуртского» стиля в современном народном искусстве.

По просьбе мастеров специально подготовлено и издано методическое пособие “Вдохновение в древних истоках” (Иванова М.Г., 1999), неценимой оказалась роль фотоальбома «Древнее искусство Удмуртии» (Иванова М.Г., Куликов К.И., 2000). В результате систематической работы ученых с народными мастерами в последние годы на ежемесячных выставках появляются многочисленные образцы высокохудожественных изделий с использованием символики, образов, сюжетов древнего искусства, которые органично вписываются в сегодняшний день. Богатейшее археологическое наследие используется в большей степени в традиционных направлениях: обработке дерева, бересты, ткачестве, гобелене, вышивке, соломке. Наиболее привлекательными и популярными оказались образы коня, лося, медведя, птицы с развернутыми крыльями, изображение мирового древа, матери Солнца (*Шунды-мумы*), отождествляемой с красочными височными подвесками с амфоровидной привеской.

Благодаря знакомству с коллекциями Иднакара возрождено утраченное искусство резной кости в Центре ремесел с. Алнаши мастером Ю.В. Конюховым. При изготовлении подвесок, брошей, кулонов и ожерелий мастер находит приемы лаконичного изображения образов зверей и птиц из древнего искусства удмуртов, пермского звериного стиля. Многие его изделия практически являются копиями-репликами древних предметов, другие – близки по форме, но отличаются декором, пропорциями. Скульптурные композиции созданы по мотивам, навеянным мифологическими преданиями и легендами. Позднее к обработке кости и рога обратились мастера ряда домов ремесел, и можно с уверенностью констатировать, что в косторезном искусстве Удмуртии утвердился стиль, органически сочетающий высокое искусство резьбы, мотивы и элементы декора, основанные на традициях средневековья.

Значительным событием в культурной жизни Республики стали ежегодные конкурсы-фестивали садово-парковой скульптуры, проводимые городах и районных центрах. В последние годы расширяется изготовление украшений из цветных металлов в г. Глазове, керамических изделий в с. Алнаши, получает развитие кузнечное дело в пос. Игра. Выставки изделий декоративно-прикладного искусства, мастер-классы стали непременным атрибутом и украшением республиканских праздников, мастера Удмуртии неизменно завоевывают призовые места на международных, всероссийских, региональных конкурсах, фестивалях. В Центрах ремесел организована кружковая работа для детей по обучению их основам художественных ремесел, передачи традиций.

В итоге за последнее десятилетие в области народного прикладного творчества Удмуртия стала одним из ведущих регионов, где стажировются специалисты многих республик, краев и областей России. Выразительным показателем результатов совместной деятельности ученых-историков, археологов, этнологов, искусствоведов, Национального Центра декоративно-прикладного искусства и ремесел в возрождении народного искусства, является публикация альбома с наиболее характерными и яркими произведениями, демонстрирующими неразрывную связь культурных ценностей древности и современности, значимость опыта поколений для творческой деятельности в новых условиях и формах [Куликов, 2005].

Список литературы

Иванова М.Г. Вдохновение в древних истоках. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – 76 с.

Иванова М.Г., Куликов К.И. Древнее искусство Удмуртии. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000 – 216 с.

Коробейникова О.Н. Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики: Опыт создания и перспективы развития // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 281–283.

Куликов К.И. Академическая наука и музеи: Опыт, перспективы сотрудничества // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 65–74.

Куликов К.И. Возрожденная древность. Народное декоративно-прикладное искусство Удмуртии. Альбом. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005 – 196 с.

Куликов К.И., Иванова М.Г. Научная концепция развития народного декоративно-прикладного искусства и ремесел в Удмуртской Республике Ижевск, 2000. – 109 л. - РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН, ОП 2-Н, д-1252.

Куликов К.И., Иванова М.Г. Некоторые особенности создания научной концепции реконструкции городища Иднакар: К постановке проблемы // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 284–290.

Куликов К.И., Иванова М.Г. Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 64 с.

Куликов К.И., Иванова М.Г., Коробейникова О.Н. Научная концепция и программа развития Историко-культурного музея-заповедника “Иднакар” на 2002–2010 гг. - Ижевск, 2002. – 144 с. - РФ НОА УИИЯЛ УрО РАН, ОП 2-Н, д-1265.

Останина Т.И. Историко-культурный заповедник-музей “Иднакар”: Перспективы развития // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Международного полевого симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова и 25-летию исследований городища Иднакар. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 253–258.

Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин, Ю.В. Кирюшина, В.П. Семибратов

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАРКА «ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ»

В программе развития туризма в Алтайском крае туркомплекс «Бирюзовая Катунь» занимает особое место. Это один из наиболее крупных и динамично развивающихся туристических комплексов, который за короткое время стал визитной карточкой края.

До 2002 г. на территории туристического комплекса «Бирюзовая Катунь» был известен только один памятник археологии – «Большая Тавдинская пещера». В апреле 2002 - мае 2005 г. на территории «Бирюзовой Катунь» выявлено восемь объектов археологического наследия и раскопан курган тюркского времени у подножия Большой Тавдинской пещеры [Кирюшин К.Ю., 2005]. В мае 2005 г. между руководством туркомплекса «Бирюзовая Катунь» и АлтГУ заключён договор о сотрудничестве, по которому АлтГУ проводит работы по интеграции объектов археологического наследия туркомплекса в сферу туризма. В рамках этого договора летом 2005 г. начались работы по созданию археологического парка «Перекрёсток миров».

В июне 2005 г. в лесу, на берегу р. Катунь раскопан курган тюркского времени в котором исследовано погребение человека с конём. Судя по костям скелета, захоронен мужчина преклонного возраста [Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терёхина Т.А., 2005]. В погребении встречено много предметов сопроводительного инвентаря: наконечники стрел, долото, нож, два поясных набора, предметы конского снаряжения, встречены остатки погребальной пищи (астрагалы барана), но особенно интересна находка зернотёрки в ногах у погребённого и зёрен проса) [там же]. Реконструированный около Большой Тавдинской пещеры, курган включен в программу посещения туристов.

В июле 2005 г. под руководством В.П. Семибратова начались раскопки в гроте Тавдинском. Выявлены три горизонта обитания. Комплекс скифского времени представлен фрагментами керамики, костями животных, рыб и птиц. В процессе работ возникло предположение что, мы имеем дело не с обычным поселением, а с культовым местом [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2005, С. 334]. Особенно интересна находка изделия, выполненного из рога крупного самца косули. Интерпретация этого изделия не однозначна. Во-первых, выдвинуто предположение, что резная часть рога в виде трех выступов является антропоморфным изображением а сам предмет навершием шаманского посоха [там же]. Во-вторых, по трассологическому определению П.В. Волкова этот роговой предмет использовался как крюк для подвешивания мяса [Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2006 С. 217].

Не менее интересные находки были сделаны при исследовании комплекса финального неолита – раннего энеолита. Находка фрагментов тонкостенных сосудов орнаментированных гребенчатым штампом и толстостенной неорнаментированной керамики позволяет отнести этот комплекс к позднему этапу среднекатунской поздненеолитической культуры. Каменные артефакты найденные в гроте пока немногочисленны, но достаточно выразительны. Интересны находки изделий из отростков рога косули, одно из которых, скорее всего, использовалось как отжимник [Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2006 С. 217]. Очень интересна находка медного шила. Неожиданными оказались находки 29 перламутровых бусин, как правило, такие артефакты характерны для погребальных комплексов.

Летом 2005 г. организованы экскурсии, включающие в программу посещение Тавдинского грота и курганов у подножия Большой Тавдинской пещеры. Для туристов были изготовлены копии защитных доспехов тюркского времени и национальная одежда теленгитов, в которых желающие могли сфотографироваться. Организован тир, где отдыхающие могли попрактиковаться в стрельбе из лука. Построен павильон около Боль-

шой Тавдинской пещеры, в котором летом 2006 г. будет реконструировано погребение тюркского времени, и развернута экспозиция по древней истории Горного Алтая. Летом 2005 г. около 4000 человек посетили археологические раскопки.

При планировании дальнейших работ перед нами достаточно актуально встала проблема с определением статуса и организационной формы создаваемого археологического комплекса. Наиболее оптимальной формой соответствующей нашим целям является археологический парк, в котором в отличие от археологического музея-заповедника, памятники могут дополняться этнографической экспозицией, современными реконструкциями древних сооружений и т.д. Прекрасным примером такого парка является «Томская Писаница» в Кемеровской области. При разработке проекта археологического парка, возникает желание создать оригинальный продукт, отличающийся от других археологических комплексов такого же типа. Кроме того, от правильно выбранной тематики археологического парка зависит его популярность у населения. Как нам кажется название «Перекрёсток миров» наиболее соответствует целям проекта. В археологической литературе Алтай рассматривается как регион лежащий на стыке различных историко-культурных и климатических зон: Китая, Монголии, Казахстана, Хакассии, Тувы. Долина р. Катунь традиционно считается своего рода «коридором», по которому осуществлялось продвижение элементов материальной и духовной культуры, а также носителей этих традиций. Изученные памятники туркомplexа принадлежат как минимум трём историческим периодам: 1) неолит-энеолит; 2) скифская эпоха; 3) тюркская эпоха. Позиционирование комплекса как «Перекрёстка миров» соответствует современным представлениям об этнокультурных процессах на территории Горного Алтая в древности и средневековье, и позволяет при создании парка привлекать широкий круг аналогий с сопредельных территорий.

Само понятие «перекресток» является символичным для данного проекта. Перекресток – это место выбора пути и – шире – участи, судьбы. Подобно кресту (древнейшему сакральному знаку, основному архетипическому мотиву в мировой орнаментике), перекресток соотносится со сторонами света и тем самым выступает в качестве горизонтальной проекции мироздания, отождествляется с осью Мира. В настоящее время разработан вариант эмблемы археологического парка «Перекрёсток миров». Центральное место в композиции занимает роговое изделие найденное при раскопках Тавдинского грота (рис. 1). Вся композиция построена на контрасте черного и белого цветов. Это важнейшее символическое противопоставление, стоящее в одном ряду с такими универсальными мифопоэтическими оппозициями, как «верх - низ», «левый – правый», «свет – тьма», «рай – ад». Пространство квадрата разделено на два вертикальных поля – чёрное

Рис. 1. Эмблема археологического парка «Перекресток миров».

и белое, на границе которых расположен фрагмент стилизованного рисунка рогового изделия, отбрасывающего тень на белую половину. По периметру белого поля проходит чёрная полоса. Таким образом создаётся эффект приоткрытой двери. В данном проекте реализованы две идеи. Первая отражает представление о перекрёстке как символе перехода в иное измерение; границе между прошлым, настоящим и будущим, и между мирами (подземным, земным и небесным). Вторая идея отражает восприятие археологического памятника как «чёрного ящика», содержимое которого остаётся неизвестным до момента раскрытия (раскопок). Разработка соответствующей атрибутики должна способствовать популяризации проводимых работ среди широких масс населения и привлечению новых туристических потоков.

Летом 2006 г. работы по созданию археологического парка «Перекрёсток миров» будут продолжены. Для туристов будут организованы экскурсии в Тавдинский грот, в котором продолжатся раскопки. Планируется изучение ещё несколько курганов эпохи средневековья. В июле 2006 г. начнутся работы по созданию площадки на которой будут проводиться эксперименты по реконструкции древних технологий обработки камня, гончарного производства и т.д. В настоящее время продолжают работы по созданию защитных доспехов эпохи средневековья и национальных костюмов народов Алтая.

Интеграция археологического наследия в сферу туризма является одним из основных условий сохранения и популяризации древности родного края. На примере зарубежного опыта можно говорить о том, что результатом подобного подхода является связь между археологами и общественностью. Когда широкие слои населения информированы о результатах работ археологов и о потребностях научного сообщества, в обществе есть понимание проблем, стоящих перед археологами. В этом случае на качественно ином уровне решаются вопросы охраны объектов археологического наследия.

В заключении хотелось бы отметить, что проведение всех работ по созданию археологического парка было бы невозможно без активного содействия, моральной и материальной поддержки директора туркомплекса «Бирюзовая Катунь» Е.И. Вострикова. Работы нашли поддержку в администрации Алтайского района. В июне-августе была организована работа летних школьных археологических лагерей, в которых приняли участие преподаватели и учащиеся с. Алтайского и с. Ая. В работах по интеграции археологического наследия туркомплекса в сферу туризма на протяжении ряда лет активно принимает участие директор Алтайского краеведческого музея П.А. Тырышкин.

Мы надеемся, что возникшее сотрудничество между бизнесом и научным сообществом будет развиваться, и результатом этого будет создание высокоинтеллектуального, качественного, и самое главное востребованного туристического продукта.

Список литературы:

Кирюшин К.Ю. Работы по интеграции объектов археологического наследия туркомплекса «Бирюзовая Катунь» в сферу туризма // Состояние, проблемы и перспективы развития туризма на Алтае. Экологическая безопасность как фактор инвестиционной привлекательности территории. Материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во «АзБука», 2005. С. 29-32.

Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П., Силантьева М.М., Терёхина Т.А. Исследование памятников древнетюркского времени на территории «Бирюзовой Катуни» в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XI. Часть I. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 339-344.

Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Роговые изделия Тавдинского грота // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Выпуск XV. Барнаул: Изд-во ООО «Азбука», 2006. С. 216-222.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Исследования Тавдинского грота в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XI. Часть I. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 333-339.

Л.В. Кондрашев*Комитет по культурному наследию г. Москвы, Москва*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ И НОРМИРОВАНИЯ СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

Сохранение объектов культурного (в том числе археологического) наследия требует комплексного подхода - соединения научной методики археологических исследований со строительными нормативами и правилами. Исследование процессов ценообразования и нормирования спасательных археологических полевых работ невозможно без тщательного изучения современной научной методики археологических изысканий.

Система сметного нормирования и ценообразования в строительстве, действующая с 1984 г., включает совокупность технически и экономически обоснованных сметных норм, цен и единичных расценок. Наиболее полно указанная база разработана в СНиП IV-84, шестнадцать глав которого содержат в систематизированном виде положения, определяющие принципы и методы разработки и применения сметных норм и цен, а также порядок их использования при составлении сметной документации. Данная уникальная система сметных нормативов, содержащая более 300000 норм, создавалась в условиях жёсткого централизованного планового хозяйства. Относительная стабилизация цен, достигнутая в строительстве после 1997 г. позволила поднять вопрос о переходе на сметно-нормативную базу 2001 г. В результате были созданы государственные элементные сметные нормы (ГЭСН-2001) и федеральные единичные расценки (ФЕР-2001). Поскольку федеральные расценки создавались в ценах на 01.01.2000 для условий Московской области, в большинстве регионов разработаны территориальные единичные расценки (ТЕР-2001). При необходимости могут быть выпущены отраслевые единичные расценки (ОЕР). В настоящее время в составе ГЭСН-2001 представлены 30 сборников по сохранению объектов культурного наследия, однако раздел по вопросам археологии отсутствует. В связи с изложенным, Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ инициировало разработку сборника по данному направлению охраны культурного наследия. Таким образом, актуальность новой разработки определения норм и расценок на археологические работы назрела давно. За последние десятилетия качественно изменилась система спасательной археологии. Если ранее спасательные археологические раскопки проводились лишь эпизодически, то теперь строительство сопровождается постоянным комплексом спасательных археологических мероприятий. Для упорядочения экономических отношений между организациями застройщиками и специализированными археологическими органами использовались сборники СЦНПР-91 и РНиП 4.05.01.93. Опыт применения данных сборников можно считать, в общем, положительным. Однако, эти расценки специально разрабатывались для археологических исследований, сопровождающих реставрацию памятников архитектуры, что вело к некоторым затруднениям их использования при расчёте стоимости других видов спасательных археологических работ. Существует два возможных подхода к определению стоимости археологических работ. Первый способ опирается на затратный принцип и исходит из логики бюджетного финансирования археологической экспедиции. Указанный метод подходит для плановых работ академических структур, постоянно финансируемых из государственных источников. Противоположный подход расчёта стоимости исследований исходит из физического объёма выполненных работ, что ближе к общестроительным принципам определения стоимости. Именно такая методика легла в основу 6 раздела сборника СЦНПР-91, наиболее широко и удачно применяемого в последнее время. Однако, опыт использования данного сборника показал, что необходима более детальная детализация выполняемых операций, характерных для проведения спасательных археологических работ. Целью данного исследования является всестороннее изучение процессов ценообразования и нормирования спасательных археологических работ. Указанная проблематика нашла своё отражение в действующем в Москве сборнике «Методика определения стоимости археологических исследований при проведении градостроительных работ в зонах охраны Москвы МРР – 3.2.27.02-03», в подготовке которого автор принимал участие.

Составлению смет предшествует подсчет физических объемов работ. Ведомость подсчета объемов работ является исходным документом для определения сметной стоимости строительных работ.

Следует отметить, что термин «сметный объем» отличается от понятия «объем», принятого в математике. Под сметными объемами подразумеваются любые количества работ и конструкций, измеряемые в м³, м², т, шт. и других единицах измерения, определяемые по данным проекта и используемые для подсчета их сметной стоимости.

Подсчеты объемов работ рекомендуется проводить по приведенным схемам, позволяющим наглядно представить ход расчетов и последовательность их выполнения, что облегчает проверку подсчетов.

Объемы работ подсчитываются в единицах измерения, принятых в сметных нормах и расценках.

Формулы подсчета должны быть по возможности короткими, с этой целью расчеты следует членить.

Отметим, что отдельно определяется объём научно-исследовательской составляющей археологических исследований: полевой фиксации, обработки археологических находок, и т.п.; и собственно земляных археологических работ.

Для подсчета объема земляных археологических работ, как правило необходимо знать: отметки «современной дневной поверхности», в строительной литературе называемые «черные» отметки поверхности земли; уровень грунтовых вод; силу притока грунтовых вод (до 30 м³/ч; до 60 м³/ч); классификацию грунтов по группам; условия производства работ.

«Черными» называются существующие отметки дневной поверхности земли до начала земляных работ. Они принимаются по данным геодезической съемки и в чертежах проставлены на картограмме земляных работ.

«Черные» отметки указаны также на геологических разрезах буровых скважин, однако пользоваться ими можно только при отсутствии данных съемки. На участке строительства, как правило, бывает зафиксировано несколько отметок разного значения. При спокойном рельефе местности на участке строительства для подсчетов можно принять среднее значение «черных» отметок.

Геодезические и геологические съемки привязываются к нивелировочным реперам, фиксирующим отметки, называемыми абсолютными. На строительных чертежах даются отметки от условного уровня ±0,000, за который принимается, как правило, чистый пол первого этажа или обрез фундамента. Эти отметки называются относительными. В проекте на чертежах фундаментов показаны обычно абсолютные и относительные отметки, что дает возможность при подсчете объема земляных работ абсолютные отметки перевести в относительные.

В соответствии с инженерно- геологическими данными по земляному участку, отведенному под строительство, определяются характеристики грунтов, лежащих в основании здания, и уровень грунтовых вод. Исходя из этих характеристик устанавливается группа грунта для разработки и наличие «мокрых грунтов».

В нормах и расценках предусмотрена разработка грунтов естественной влажности и плотности, не находящихся во время разработки под непосредственным воздействием грунтовых вод. Затраты на разработку мокрых грунтов определяются с применением коэффициентов к нормам и расценкам. При определении объема разработки мокрых грунтов к мокрым грунтам относят грунты, лежащие ниже уровня грунтовых вод, а также грунты, расположенные выше этого уровня: на 0,3м- для песков крупных, средней крупности и мелких, на 0,5м- для песков пылеватых и супесей, на 1м-для суглинков, глины и лессовых грунтов.

Разработка ранее разработанных грунтов принимается на одну группу ниже.

Котлован или траншея могут разрабатываться с откосами или с вертикальными стенками.

Сложнее обстоит дело с определением научной составляющей археологических работ. Существующие сборники норм и расценок оперируют, в основном, понятием площадь исследований. Однако, современное многообразие методов исследований не отражается в скупых сметных позициях. Как правило, при приёмке работ у организаций застройщиков возникает непонимание принципов составления исполнительной сметной документации.

Ранее отмечалось, что в соответствии с археологической методикой раскоп копается пластами, глубиной 20 см., при этом дополнительно фиксируется «современная дневная поверхность» («черные» отметки поверхности земли) и уровень, не затронутый антропогенным воздействием – «материк» по археологической терминологии. Указанные пласты фиксируются графически и фотографически, также создаётся графическое и фотографическое отражение вертикальных стенок раскопа и так называемых бровок – вертикальных стенок внутри площади раскопа.

Таким образом, мы можем посчитать обусловленные методикой необходимые объёмы фиксации. Для этого необходимо знать: площадь раскопа – S, глубину верхнего техногенного грунта (балласт по археологи-

ческой терминологии) – **L1**, глубину культурного слоя – **L2**. Отметим, что в одном метре глубины раскопок содержится пять пластов по 0,2 м. археологической фиксации. Напомним, что к основным пластам фиксации добавляется ещё два – «современной дневной поверхности» и «материка»

Итак, площадь горизонтальной фиксации («горизонтальной зачистки» по археологической терминологии) будет равна $(L1-L2) \times 5 \times S + 2S$.

Фиксацию вертикальных стенок раскопа (вертикальной зачистки по археологической терминологии) можно подсчитать по фактическим обмером. Если требуется определить сметный объём вертикальной зачистки до начала раскопок, можно представить «идеальный» раскоп в форме квадрата. Зная площадь раскопа – **S**, а, следовательно, протяжённость одной стенки или бровки = $\sqrt{S}$, и глубину раскопа – **L**, площадь вертикальной зачистки рассчитывается по формуле $(\sqrt{S} \times 4 \times L) + (\sqrt{S} \times 2 \times L)$.

Традиционно объём проектной документации подсчитывается в форматах – листах бумаги размера А4 (21 см. × 29,5 см.). Поскольку основным масштабом археологической фиксации является 1 : 20, на одну форматку умещается фиксация 24 кв. м. горизонтальной зачистки и 6 погонных метров вертикальной.

Сметные нормативы - это обобщенное название комплекса сметных норм, расценок и цен, объединенных в отдельные сборники.

Сметная норма устанавливает расход производственных ресурсов: затраты труда рабочих в чел.-ч, время работы строительных машин и механизмов в маш.-ч, потребность в материалах, изделиях и конструкциях в натуральных показателях, - на принятый измеритель строительных, монтажных и других работ.

Различают сметные нормы элементные, разработанные на отдельные виды работ и элементы конструкций, и укрупненные – на комплекс работ по возведению конструктивных элементов или зданий и сооружений в целом.

На основе сметных норм и цен на ресурсы составляются расценки в рублях, соответственно – единичные (на виды работ) и укрупненные (на комплекс работ).

В нормировании сложились и получили теоретическое обоснование два метода: расчетно-исследовательский и расчетно-аналитический. Первый основан на исследовании данных, получаемых в результате специальных нормативных наблюдений. Второй метод базируется на использовании уже имеющихся нормативных и технических данных. Оба метода могут применяться в комбинированном виде.

Расчетно-исследовательские методы применяются преимущественно в техническом нормировании для разработки производственных норм расхода ресурсов. Методы технического нормирования строго регламентированы и основаны на элементном подходе к изучаемым строительно-монтажным работам и нормативных наблюдениях. Элементный подход предполагает разложение рассматриваемого процесса на составные элементы: рабочие операции, приемы, движения. Нормативные наблюдения включают разработку нормали; выбор объекта наблюдения; замеры рабочего времени рабочих или времени работы машин; замеры продукции, произведенной за время наблюдения.

В зависимости от технических особенностей нормируемого процесса применяются различные способы нормативных наблюдений: хронометраж, фотоучет (прямое наблюдение), технический учет.

Способом хронометража замеряют полезных затраты времени на выполнение каждой операции технологического процесса. Хронометраж имеет высокую точность данных (0,2-1,0 сек.), но требует предварительной подготовки: разбивка процесса на операции, установление фиксажных точек (границ между отдельными операциями), определения коэффициентов перехода от измерителей продукции к измерителю продукции процесса.

При помощи фотоучета изучают все виды затрат рабочего времени при точности записи времени 5 секунд-1 минута. Этот способ чаще всего применяется в нормировании, т.к. с достаточной точностью и более просто он позволяет определить необходимые затраты времени на выполнение процесса.

С помощью технического учета фиксируют общие размеры нормируемых затрат и потерь рабочего времени без подразделения по операциям при точности записи времени не более 5 минут. Этим способом обычно проводят наблюдения за работой бригад с целью определения уровня выполнения действующих норм выработки.

Проектирование первичных (впервые разрабатываемых) норм для немеханизированных процессов осуществляется по формуле:

$$H_{BP} = t_{OP} \frac{100}{[100 - (H_{ПЗР} + H_O + П_{ТП})] \times 60} ,$$

где

H_{BP} - норма времени, час;

t_{OP} - затраты времени на оперативную работу (выполнение рабочих операций), мин;

$H_{ПЗР}$ - норматив на подготовительно-заключительную работу, %;

H_O - норматив на отдых и личные надобности, %;

P_{TP} - проектная величина технологических перерывов, %.

Сметные нормы обычно разрабатывают на основе производственных норм расчетно-аналитическими методами. Основополагающими принципами сметного нормирования являются укрупнение и усреднение норм, чтобы обеспечить удобство их использования и снизить трудоемкость определения стоимости строительства.

Порядок сметного нормирования расчетно-аналитическим методом изложен в Методических указаниях о порядке разработки государственных элементных сметных норм на строительные, монтажные, специальные и пусконаладочные работы, утвержденных постановлением Госстроя России от 24.04.98 г. № 18-40. Они могут быть использованы для разработки сметных норм любого уровня (от государственных до фирменных) и на все виды работ, включая ремонтно-строительные и реставрационные.

При определении сметных норм затрат труда на основе калькуляций, составленных по производственным нормам, следует учесть поправочный коэффициент (коэффициент перехода от производственных норм к сметным). Для немеханизированных процессов его обычно принимают 1,03 для учета мелких, трудно поддающихся учету операций.

Таким образом, создание единообразных основ ценообразования в археологической отрасли на базе методического нормирования упомянутого выше является одной из важнейших задач в политике по сохранению культурного наследия.

Список литературы:

Барановская Н.И., Котов А.А. Основы сметного дела в строительстве. – М., С-Пб 2005, - 474 с.

Методика определения стоимости археологических исследований при проведении градостроительных работ в зонах охраны Москвы. МРР – 3.2.27.02-03. – М., 2003 – 28 с.

Смирнов А.С. Энгватова А.В. Роль отдела в разработке теории охранной деятельности. // 30 лет Отделу охранных раскопок: Труды отдела охранных раскопок. Том 2. – Тула, 2004. -188 с.

Составление смет в строительстве на основе сметно-нормативной базы 2001 года (Практическое пособие под общей редакцией П.В. Горячкина). - М., С-Пб 2003, - 547 с.

Хайкин Г.М. Ценообразование в строительстве. – М. 1988 – 302 с.

**В.В. Попов, А.Е. Дудин, И.В. Котлярова,
Т.В. Попова, А.Ю. Пустовалов, С.С. Чернышов**
*Государственный археологический музей-заповедник «Костенки»
ул. Кольцовская 56а, Воронеж, 394030, Россия
E-mail: kostenki-museum@yml.ru*

МУЗЕЕФИКАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В КОСТЕНКОВКО-БОРЩЕВСКОМ РАЙОНЕ НА ДОНУ*

В этом году исполнилось 127 лет со дня открытия верхнепалеолитических памятников в Костенках. За эти годы открыто 26 памятников, 11 из которых многослойные, всего около 60 поселений. Подобная концентрация стоянок – явление уникальное. В основном, на материалах Костенок, П.П. Ефименко и П.И. Борисовский создавали свои стадиальные схемы верхнего палеолита Восточной Европы. Исследования многослойных стоянок позволило А.Н. Рогачеву сформулировать концепцию о существовании в верхнем палеолите локальных археологических культур и доказать необходимость изучения геологических условий залегания культурных слоев для реконструкции конкретно-исторического процесса. В результате многолетних комплексных исследований в Костенках собраны громадные коллекции каменного инвентаря, произведений первобытного искусства, изучены разнообразные комплексы поселений и остатков жилищ и др. Исследования многослойных памятников позволяют реально увидеть различия в материальной культуре первобытных коллективов, а комплекс естественно - научных данных, представить картину изменений среды их обитания.

Целями создания Музея-заповедника являются: сохранение, выявление и исследование археологических памятников Костенковско-Борщевского палеолитического района; хранение, научное комплектование, изучение и публикация музейных предметов и коллекций; осуществление научно-исследовательской, культурно-просветительной, образовательной и туристической деятельности.

Протяженность Костенковско-Борщевского района по правобережью долины Дона составляет около 12 км, глубиной, по балкам, более 3 км. Большинство памятников расположено в балках Попов, Покровский, Аносов, Александровский и Борщевский лога; на территории усадеб жителей сел Костенки и Борщево. Если в прошлом их приусадебные земельные участки, хотя бы теоретически, являлись государственной собственностью, то сейчас они находятся в частной собственности. Ранее только под давлением органов власти крестьяне позволяли производить раскопки на своих огородах; сейчас же это в принципе невозможно.

Возникает проблема и с производством археологических разведок. Местные жители скрывают находки кремней на своей земле и не разрешают какие-либо изыскания. В настоящий момент известно около десятка местонахождений, которых невозможно включить в реестр памятников. В результате полевые исследования производятся не там где нужно, но там где возможно; где удалось договориться с хозяином земли.

Оптимальным выходом из данной ситуации является выкуп усадеб, на которых расположены охранные зоны памятников. В настоящее время их около 50, но вместе с тем происходит процесс разделения усадеб, их перепродажа, строительство новых домов и др. В весенне-летне-осеннее время необходим практически ежедневный мониторинг за состоянием охранных зон. Кроме этого, репера установленные А.Н.Рогачевым в 50-х годах на границах охранных зон, сейчас почти все уничтожены. По сравнению с этими годами значительно изменилась топографическая ситуация. Необходимо производство новой геодезической съемки местности и установление новых реперов. При этом необходимо скоординировать с прежними раскопами; поэтому потребуются вскрытие углов раскопов или шурфов.

Здание музея, построенного на территории многослойного памятника Костенки 11 в 1979 г., сооружено над раскопом, площадью 150 кв. м, в котором залегают in situ остатки жилища аносовско-мезинского типа. Жилой комплекс представлен округлым в плане скоплением костей мамонта, диаметром 9 м, окруженным

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 05-06-80493]

пятью ямами, заполненными костями. Всего расчищено 573 крупные кости мамонта, принадлежащие минимально 40 особям. В пределах площади раскопа оставлена не расчищенная часть остатков жилища нижележащего второго слоя.

В процессе комплексных исследований многослойного памятника Костенки 11 собраны значительные коллекции каменного инвентаря, произведения первобытного искусства, изучены остатки жилищ аносовско-мезинского и аносовско-гмелинского типов. Музеефикация стоянки и строительство на ней здания музея определило некоторые особенности методики полевых исследований.

Основная проблема заключалась в выборе оптимального соотношения между стремлением к максимальной изученности объекта и его сохранением в качестве музейного экспоната. Здесь, наверное, уместно процитировать определение музеефикации. «Музеефикация – направление музейной деятельности и охраны памятников, сущность которого – преобразование историко-культурных и природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности и включения их в актуальную культуру» [Каулен, Коссова, Сундиева, 2003: 363]. В соответствии с этим производились раскопки первого жилого комплекса аносовско-мезинского типа: сохранение всей конструкции и каждой отдельной кости *in situ*, при максимальной их расчистке и одновременной консервации; исследование внутреннего заполнения жилища только на участках свободных от костей и т.д. Изучение второго жилого комплекса производилось лишь в той мере, которая дала возможность убедиться в сходстве сооружений и вместе с тем сохранить объект для будущего. В пределах раскопа в здании музея оставлена не расчищенная юго-западная часть жилища аносовско-гмелинского типа II культурного слоя. Препарирование данного сектора и демонстрация, залегающих друг над другом, остатков жилищ различной конструкции, позволит посетителям реально представить хронологический промежуток между их существованием. С этой же целью, в южной половине здания, сохраняются не расчищенные участки Iб, II и III культурных слоев, залегающих друг над другом. Надеюсь, что в будущем появится возможность во вскрытии пола здания и препарирования объектов для экспонирования.

Всего за годы исследований вскрыта площадь около 640 кв. м или 8% предполагаемой площади памятника. Тем не менее, есть достаточно четкое представление о двух жилых комплексах аносовско-мезинского типа. Система шурфов, заложенных на различных участках стоянки, позволило определить их взаимоотношение, распространение культурных остатков вне жилищ и т.д. То же самое можно сказать и об изучении поселения II культурного слоя, а также, в какой-то мере, всех остальных культурных слоев. Исследования, залегающих друг над другом, культурных слоев, с выразительным инвентарем, жилищами различных конструкций, позволили отчетливо увидеть разнообразие конкретных форм материальной культуры, в их хронологической последовательности.

Именно разнообразие и своеобразие конкретных форм проявления материальной культуры, представленных на многослойных стоянках, являются идейной установкой экспозиции музея, построенного на памятнике Костенки 11. Вместе с тем это подчеркивает уникальность Костенковско-Борщевского района, как особого региона концентрации разнокультурных памятников, в палеолите Восточной Европы.

Экспозиция, как основная форма музейной коммуникации, должна содействовать реализации образовательных и культурно-просветительных программ, рассчитанных на различные категории посетителей. Одновременно, учитывая специфику музея, следует использовать методику «двойного показа»: сочетание в экспонировании методов коллекционного, систематических рядов и комплексно-тематического, позволяющих удовлетворять познавательные потребности, как специалистов, так и всех остальных категорий посетителей.

Содержанием экспозиции станет отображенная артефактами совокупность характерных признаков культуры верхнего палеолита. Современный уровень изученности некоторых проблем, неоднозначность оценок, а иногда и полярность суждений принуждает к необходимости проблемного подхода в экспонировании материалов. Структуру экспозиции предполагается создавать на основе культурно-хронологического принципа. Экспозиционные темы должны раскрываться последовательным сочетанием проблемно-тематической и тематико-хронологической группировки материалов экспозиции, что позволит художественно-оформительскими средствами создавать познавательные образы. В случае отсутствия подлинников, необходимых для раскрытия концептуальных тем, возможна замена их воспроизведениями (муляжи, копии и др.).

Список литературы

А.С. Рябуха*Институт степи Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург*

КАРГАЛИНСКИЕ РУДНИКИ – ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ*

Центральное место среди медных рудников Приуралья, разрабатывавшихся в древности, а затем и в Новое время, занимает Каргалинское рудное поле, расположенное примерно в 50-60 км к северо-западу от г. Оренбурга. История Каргалинского горно-металлургического центра (ГМЦ) вбирает в себя эксплуатацию огромного рудного поля от рубежа IV-III тыс. до н.э. до начала XX в., жизнь поселений горняков-металлургов в древности и поселки крестьян-рудодокопов Нового времени, тысячи разновозрастных рудников и шахт, горные заводы XVIII-XIX вв., переработавшие миллионы тонн руды. В истории Каргалов выделяются две крупные эпохи горных разработок, разделенные трехтысячелетним хиатусом – длительным периодом забвения рудников. Одна из этих эпох охватывает ранний и поздний периоды бронзового века, другая связана с разработками Нового времени. Всего в истории Каргалинского древнего ГМЦ на основе комплексного анализа археологических, исторических, этнографических источников и документов выделяется 3 этапа.

I этап приходится на начало бронзового века и включает три последовательных фазы: 1) начала разработки Каргалов на рубеже IV-III тыс. до н.э. носителями древнеямной археологической культуры [Богданов, 2004]; 2) время вхождения Каргалинского ГМЦ в Циркумпонтийскую металлургическую провинцию и широкомасштабного использования каргалинской меди племенами ямной культурно-исторической общности; 3) фаза СБВ выделяется пока крайне условно, на основе химизма металла из «полтавкинских» захоронений Волго-Уральского степного субрегиона.

II этап связан с эксплуатацией Каргалинского месторождения в ПБВ и состоит также из трех фаз: 1) «покровской» (I период срубной культуры), когда Каргалинские рудники становятся одним из центральных очагов металлообработки Евразийской металлургической провинции [Черных, 2002]; 2) расцвета горных промыслов и металлургии на территории Каргалов в постпокровское время (II период срубной культуры) – период максимального заселения рудников в древности и закладки подавляющего количества древних шахт; усиление присутствия на территории Каргалинских рудников носителей алакульской культуры приводит к формированию своеобразного сусканского комплекса; 3) заключительная (сусканская) фаза эксплуатации рудников в ПБВ.

III этап, целиком относящийся к Новому времени, вбирает в себя несколько последовательных фаз: 1) стремительного строительства заводов 40-50-х гг. XVIII в. и расцвета Каргалинского ГМЦ в 50-х – начале 70-х гг. этого столетия, неожиданно прерванного Крестьянской войной 1773-1775 гг.; 2) послевоенного восстановления, раздела «каргалинских заводов» и кризиса южно-уральской металлургии 90-х гг. XVIII в.; 3) период собирания Каргалинских заводов в руках Пашковых и период «пашковского взлета» в медеплавильной промышленности Южного Урала 40-50-х гг. XIX в.; 4) отмена крепостного права 1861 г. и последовавший за реформой кризис и закат Каргалинского ГМЦ в конце XIX в. – начале XX в.

В ходе исследований в 90-е гг. XX в. на территории района Каргалинских рудников Е.Н. Черных выделено 12 участков сосредоточения объектов горнорудной деятельности (I – Верхнетокский, II – Каргала – исток, III – Паника, IV – Мясниковский, V – Усолка – левобережный («Горный»), VI – Усолка – правобережный, VII – Ордынский, VIII – Ершовский (Северный), IX – Портновский, X – Орловский, XI – Петропавловский, XII – Восточный (периферийный)) [Каргалы, Т.1, 2002. С. 25-38.]. А.А. Чибилевым выде-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 06-01-81101а/У.

лены, как наиболее репрезентативные объекты природного и историко-культурного наследия, три участка с антропогенным горнорудным ландшафтом: «Паника», «Мясниковский», «Староордынский» («Горный») и один эталонный участок – «Сыртово-Каргалинские лески» [Энциклопедия..., 2000. С. 141-142.]. Ведущим критерием выделения природно-культурных и природных комплексов является их репрезентативность, рекреационный ресурс, возможность использовать при организации Национального парка, проектируемого по инициативе Е.Н. Черных, А.А. Чибилева, С.В. Богданова [Богданов, Чибилев, 1998]. Основным принципом выделения историко-археологических памятников послужила их топографическая локализация на сравнительно ограниченной территории, названия участкам давались согласно местной топонимике.

На территории Каргалинских рудников зафиксировано четыре группы объектов историко-культурного и природного наследия.

I. Объекты горнорудной деятельности эпохи бронзы и Нового времени. Данный вид объектов наиболее многочислен, он включает 7 типов ландшафтных урочищ, соответствующих определенным видам горно-проходческих работ и их следов: 1) провалы, представляющие собой воронкообразные следы обвалов кровли над неглубоко залегающими штольнями или подземными залами, образованными на месте выработки крупных линз руды; провалы обычно концентрируются большими скоплениями, состоящими из нескольких десятков или сотен отдельных, перемежаясь с другими типами ландшафтных урочищ, поля провалов на Каргалинских рудниках напоминают лунный пейзаж, изрытый кратерами метеоритов; 2) отвалы – относительно-многочисленный тип горнотехнических объектов Каргалинских рудников, обычно они располагаются бугристыми ассиметричными кучами высотой 1,5-5 м вокруг штолен и шахт на площадях в несколько сотен квадратных метров и состоят из отработанных пород; визуально крайне сложно отличить отвалы Нового времени от древних; 3) осыпи – весьма специфический тип урочищ, образующихся на склонах балок в результате свала отработанной породы из штолен и шахт; 4) разносы – тип горно-технических урочищ, представляющих собой неглубокие, но широкие поисковые разрезы, пробитые по дну и склонам шурфами и штольнями, окаймленные отвалом подковообразной или кольцевидной формы, частично оплывшем внутрь; на каждом из 12 участков Каргалинских рудников выделяется по 1-2 разноса, заросших кустарниками и березовым криволесьем; 5) штольни – горизонтальные или наклонные (до 10-15°) выработки-проходки, вырубленные в коренном массиве песчаников в крутых бортах балок или вертикальных стенах разносов; 6) шахты – вертикальные проходки шириной от 1,5 до 3 м, опускающиеся на глубину от 30-40 м до нескольких сотен метров; среди полей псевдокарстовых провалов шахты, в том числе, обрушившиеся и оплывшие, выделяются каймой бугристых отвалов; на глубине свыше 5-7 м шахты сообщаются с горизонтальными штреками и штольнями; часть шахт сохранила возле устьев следы деревянного крепежа в виде симметричных отверстий, прорубленных по сторонам; отдельные шахты Нового времени оборудованы короткими, но широкими и высокими боковыми штольнями, служившими для вывоза пустой породы и руды на поверхность на телегах; 7) технологические площадки по первичному обогащению медной руды расположены возле разносов, шахт и штолен, как правило, выше отвалов и осypей; отчетливо видны с поверхности в виде кольцеобразных или подковообразных скоплений малахитовой крошки.

II. Историко-археологические памятники горняков-металлургов бронзового века и постройки Нового времени, относящиеся к горнопромышленной деятельности. Древнейшим археологическим памятником, непосредственно связанным с разработкой Каргалинских рудников, является курган № 1 Першинского могильника, где исследовано захоронение древнеямной культуры начала III тыс. до н.э. с каменной литейной формой [Черных, Кузьминых, Лебедева, Луньков, 2000]. На территории трех участков Каргалов зафиксированы следы поселений бронзового века, нарушенных горнопромышленными сооружениями XVIII-XIX вв. Лишь одно из этих поселений на участке «Горный» подвергалось стационарным раскопкам с 1992 по 2002 гг. [Каргалы, Т.2, 2002; Каргалы, Т.3, 2004]. Курганные некрополи горняков-металлургов изучены О.И. Пороховой и Н.Л. Моргуновой возле с. Уранбаш в 1991-1992 гг. и С.В. Богдановым возле с. Першин и Комиссарово в 2000-2001 гг. В ходе работ Е.Н. Черных на холме «Горный» изучено одно из строений XVIII в. [Каргалы, Т.1, 2002. С. 94-102].

III. Археологические объекты, не относящиеся к периодам разработки рудников. Возле хутора Новенький обнаружены следы неолитического поселения V тыс. до н.э., предшествующего по времени периоду разработки рудников. В Першинском и Комиссаровском могильниках выявлены группы впускных погребений раннесарматского времени (IV-II вв. до н.э.) – периода, когда Каргалинские рудники были уже более пяти столетий заброшены.

IV. Объекты природного наследия. На территории Каргалинских рудников выделено 20 объектов природного наследия, являющихся эталонами природы Общего Сырта, среди них: Дикаревский утес с истоком р. Верхняя Каргалка, Сыртово-Каргалинские лески, Мясниковская разнотравно-злаковая степь, осиновые колки Мясниковского и Ордынского оврагов и др.

Район Каргалинских рудников крайне перспективен с точки зрения развития рекреационно-туристической деятельности, а также музеефикации объектов историко-культурного и природного наследия [Богданов, Рябуха, Рыбаков, 2002]. Указом Президента РФ от 20 февраля 1995 г. Каргалинским рудникам присвоен статус памятника федерального значения. В 1999 г. Каргалинские рудники внесены в кадастр Российского Общества Спелестологических Исследований [Долотов, 1999]. Сами рудники и связанные с ними объекты историко-культурного наследия представляют особый, «забытый мир» по словам Е.Н. Черных [1997], нуждающийся в дальнейших специальных исторических, археологических, этнографических, геологических, палеонтологических, спелестологических и других исследованиях.

Список литературы

- Богданов С.В.** Эпоха меди степного Приуралья. - Екатеринбург: УрО РАН, 2004. - 284 с.
- Богданов С.В., Рябуха А.С., Рыбаков А.А.** Перспективы организации Национального парка на базе объектов историко-культурного и природного наследия Каргалинского древнего ГМЦ // Заповедное дело в России: принципы, проблемы, приоритеты. Т. 2. – Жигулевск: Жигул. заповед., 2003. - С. 450-452.
- Богданов С.В., Чибилев А.А.** Перспективы организации Оренбургского ландшафтно-археологического заповедника // Проблемы степного природопользования и сохранения природного разнообразия. - Оренбург: ДиМур, 1998. - С. 108-114.
- Долотов Ю.А.** Подземные архитектурные сооружения России: обзор и опыт кадастра // Conference «Rock-cut Megalithic Monuments: Problems and ways of solving them». - Sofia, 1999. - С. 56-72.
- Каргалы.** Том I. Геолого-географические характеристики. История открытий, эксплуатации и исследований. Археологические памятники. / Составитель и научный редактор Е.Н. Черных. - М.: Языки славянской культуры, 2002. - 112 с.
- Каргалы.** Том II. Горный – поселение эпохи поздней бронзы: топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология. / Составитель и научный редактор Е.Н. Черных. - М.: Языки славянской культуры, 2002. - 184 с.
- Каргалы.** Том III. Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. / Составитель и научный редактор Е.Н. Черных. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 320 с.
- Черных Е.Н.** Каргалы. Забытый мир. - М.: Nox, 1997. - 177 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю.** Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. - Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. - Вып. IV. - С. 63-84.
- Энциклопедия «Оренбуржье»:** Т. 1. Природа. - Калуга: Золотая аллея, 2000. - 159 с.

Ю.А. Семькин*Ульяновский государственный педагогический университет, Ульяновск*

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

На рубеже II – III тысячелетий Россия столкнулась с перспективой утраты в ближайшие десятилетия значительной части археологического наследия. Особенно резко эта проблема обозначилась после распада СССР и разрушения относительно неплохо налаженной системы контроля над использованием и состоянием археологического наследия. Среди причин кризиса в деле сохранности археологических памятников действуют природные и антропогенные факторы. Последние из них за 15 прошедших лет стали более ощутимыми. Переход к рыночной экономике превратил отдельные археологические артефакты в товар, на который сформировался устойчивый спрос среди частных отечественных и зарубежных коллекционеров. И это вызвало к жизни гигантский всплеск археологического браконьерства, получившего в последние десятилетия неправомерное название «черная археология». Конечно, и в советскую эпоху археологические памятники подвергались разрушению в ходе реализации гигантских строительных проектов, а также по другим причинам. Однако утрата археологических объектов в советскую эпоху происходила чаще по причине культурного невежества и бездумного отношения отдельных граждан к наследию прошлого. Факты умышленного вандализма по отношению к археологическим памятникам, как и случаи археологического браконьерства – сбора археологических артефактов с целью продажи или создания частных коллекций, в советское время были относительно редки.

Ульяновское Поволжье принадлежит к числу регионов России, где темпы разрушения и уничтожения археологического наследия стали угрожающе велики. На территории Ульяновской области в ходе общегосударственной инвентаризации историко-культурного наследия в 1992 г было выявлено более 700 недвижимых археологических памятников. Значительная часть памятников, не имеющих ярко выраженных внешних признаков, остается еще не выявленной. В процессе инвентаризации было отмечено неудовлетворительное состояние сохранности многих археологических памятников. Большинство курганных насыпей интенсивно распахивалось тяжелыми плугами. Многие из них уже утратили внешние признаки, что может привести к полной потере их для науки. Сильнейшим разрушениям продолжают подвергаться многочисленные памятники археологии, находящиеся в зоне Куйбышевского водохранилища. Немалая часть памятников в зоне водохранилища, несмотря на многолетние предварительные охранные исследования в 30- 50-е годы XX в, вероятно, не была выявлена и безвозвратно утрачена для науки. В зоне водохранилища ежегодно разрушается береговая полоса вместе с культурным слоем памятников шириной до 1,5 – 2 м. С этим фактом приходится мириться, но необходима значительная интенсификация охранных археологических исследований в зоне Куйбышевского водохранилища. А пока здесь активно действуют археологические браконьеры.

Археологическое наследие Ульяновского Поволжья, тем не менее, пострадало от рук человека и в послевоенные советские времена. В Карсунском, Майнском и Ульяновском районах в 70-е – 80-е годы прошлого столетия значительным разрушениям подверглись оборонительные сооружения Карсунско-Симбирской засечной черты, выполнявшей во 2-й пол. XVII в. функцию пограничной линии Русского государства в Среднем Поволжье. В эти же годы на территории области был нанесен существенный ущерб археологическим памятникам более ранних эпох. Почти полностью было уничтожено песчаным карьером и скотомогильником раннесредневековое волжскобулгарское поселение у с. Красная Река в Старомайнском районе, где найдены материалы круга скандинавских древностей [Семькин Ю.А. 2002].

В 70-е годы XX. в. было значительно разрушено булгарское городище у с. Ивановка в Чердаклинском районе области. Тогда же под сплошную дачную застройку попало раннесредневековое Юрманское посе-

ление в Чердаклинском районе. В 1990 г. в Ульяновском районе области у д. Красное Сюдюково огромным разрушениям подверглось болгарское городище, территория которого была отведена под строительство поселка немцев Поволжья. Одним из строительных котлованов был полуразрушен фундамент кирпичной (плинфовой) усадебной бани XI–XII вв. [Семыкин Ю.А. 1993].

В конце советской эпохи, в начале 90-х годов XX в. руководство областного Управления культуры недооценило надвигающуюся угрозы сохранности археологических памятников. В частности, в Ульяновской области не было создано Научно-производственного центра, какие по рекомендации министерства культуры СССР в начале 90-х годов создавались во многих республиках, краях и областях страны. И до сих пор в Ульяновской области нет государственного органа, специально занимающегося контролем над сохранностью и использованием археологических памятников. Эти вопросы находятся в ведении лишь одного из чиновников Управления по делам культуры и искусств администрации области.

В 90-е годы после распада СССР и перехода к рыночной экономике резко сократилось финансирование археологических исследований. Охранные археологические работы в Ульяновской области тогда проводились в основном в рамках выполнения учебной студенческой археологической практики педагогического университета. Лишь в последнее время вновь появляется возможность проведения охранных археологических исследований в Ульяновской области.

В 1990-е – в начале 2000-х годов положение дел с сохранностью археологических памятников в Ульяновской области продолжало оставаться кризисным. Даже на территории г. Ульяновска в конце 2000 г. перед проходной Ульяновского автомобильного завода земляными строительными работами был значительно разрушен ранее не известный раннеболгарский грунтовый могильник. Площадь разрушения могильника, сопоставимого по значимости с Б. Тарханским, составила около 600 кв. м. В результате проведения охранных археологических раскопок удалось исследовать 9 частично или полностью сохранившихся древнеболгарских погребений [Казаков Е.П., Семыкин Ю.А. 2002.]. В августе 2004 г. в Вешкаймском районе при сооружении плотины для пруда у д. Архангельское-Куроедово также был сильно разрушен ранее не известный позднесредневековый мордовский языческий могильник. Здесь имело место варварское разрушение памятника как строителями, так и местным населением [Семыкин Ю.А. 2006]. Но никто за разрушение этого могильника, как, впрочем, и других памятников в Ульяновской области, не понес никакой ответственности. Примеров интенсивной утраты значительного числа археологических памятников в Ульяновском Поволжье за последние десятилетия можно привести множество. Но, полагаем, что и этого достаточно.

В тоже время в правительстве Ульяновской области и в Управлении по делам культуры и искусства до сих пор не выработано четкой программы, направленной на сохранение и использование археологических памятников. И в целом работа чиновников Управления по делам культуры и искусства областной администрации по контролю над состоянием и использованием археологического наследия в Ульяновской области на протяжении последних 8 лет носит узко келейный характер, без привлечения работающих в области специалистов-археологов.

Одной из самых сложных проблем постсоветского периода в деле сохранности археологических памятников стало археологическое браконьерство. В Ульяновске и области действуют несколько групп так называемых «черных археологов». Некоторые из них использовали в начале своей деятельности самодельные металлодетекторы, а сейчас многие из них в основном вооружены новейшими мощными импортными приборами. Характерно, что отдельные представители движения «черных археологов» выступают, как бы, под флагом «народной археологии», ратуя за безусловное право каждого гражданина проводить сборы археологических материалов и создавать частные коллекции. При этом соблюдение научной методики и необходимость готовить научный отчет по итогам исследования, по их мнению, не является обязательным и отвлекает от основной «деятельности». Отдельные представители движения черных археологов, полемически отстаивая свое право собирать археологические коллекции, ссылаются, на якобы отсутствие со стороны государства интереса к проблемам сохранения археологических памятников, находящихся в зонах разрушений. Свою деятельность они рассматривают как выполнение общественно полезной культурной миссии по сохранению «пропадающего» археологического наследия. К этому движению в Ульяновской области относятся авторы интернетсайта www.Simbir-archeo.narod.ru. Отдельные археологические браконьеры прямо указывают, что для них путеводителем по археологическим памятникам Ульяновской области является названный сайт. Кажется, что в области уже не осталось такого памятника, где бы не ступала нога археологического браконьера. Создается впечатление полной вседозволенности для деятельности археологических браконьеров на территории Ульяновского Поволжья. В тоже время со стороны чиновников Управления по делам культуры и искусств областной администрации установлен жесткий контроль над работой профессиональных археологов.

Что же можно предложить для выправления ситуации? К сожалению, даже существующие нормы действующего законодательства в области охраны памятников истории и культуры практического применения в Ульяновском Поволжье пока еще не получили. Очевидно также, что давно назрела необходимость разработки специальной программы по борьбе с деятельностью археологических браконьеров в масштабах Российской Федерации. Мы также полагаем, что научное археологическое сообщество должно выработать однозначно отрицательное отношение к профессиональным археологам, допускающим сотрудничество, либо потворствующим деятельности археологических браконьеров. А такие факты, к сожалению, имеют место [www.Simbir-archeo.narod.ru].

Список литературы

Статья в сборнике:

Кзаков Е.П., Семькин Ю.А. Новые памятники раннеболгарского времени Ульяновского Поволжья. Материалы вторых Халиковских чтений 23 – 30 мая 2002 г. Казань. 2002. – С. 121– 127.

Статья в сборнике:

Семькин Ю.А. Исследование бани на Красносундюковском I городище. Археологические исследования в Поволжье. Самара. 1993. – С 219–230.

Статья в сборнике:

Семькин Ю.А. Находка кольцевой скандинавской фибулы из Ульяновского Поволжья. Великий Волжский путь. История формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Казань-Астрахань-Казань. 6–16 августа 2001 г. Часть II. Казань 2002. – С. 246–253.

Статья в сборнике:

Семькин Ю.А. Результаты предварительных охранных археологических исследований Архангельско-Куроедовского грунтового могильника в 2004 г. Краеведческие записки. Выпуск 12. Ульяновск. 2006. – С. 107– 124.

Сайт в интернете:

www.Simbir-archeo.narod.ru

С.А. Терёхин*Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ КАДАСТР

Подавляющее большинство объектов культурного наследия на территории России представлено археологическими памятниками. Разнообразные по составу, культурной принадлежности, датировке, они олицетворяют собой связь времён – от древнейшего периода в истории человека, до новейшего времени. Для периода дописьменной истории человечества археологические памятники являются единственным источником информации. Благодаря информационной насыщенности памятников, их распространённости во всех регионах, археологическое наследие является основой историко-культурного потенциала государства.

В то же время археологические объекты являются наиболее уязвимой составляющей историко-культурного наследия. Они разрушаются в процессе антропогенного воздействия на ландшафт и в результате естественных природных процессов (абразия берегов, эрозия и пр.).

Поэтому одной из наиболее важных социальных задач современного общества является задача сохранения и рационального использования древних памятников.

Вопрос о бережном отношении к археологическому наследию является актуальным с момента осмысления обществом важности сохранения исторической памяти. Разговоры о необходимости сохранения археологических памятников ведутся десятки лет и не только в научных кругах, но и на разных уровнях системы госорганов охраны культурного наследия. Не изменилась ситуация и после принятия Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Общественные институты и госорганы охраны памятников воспринимают археологические объекты, прежде всего, как кладёшь исторических знаний, рассматривая своё отношение к ним через призму научных интересов и слабо востребованных обществом культурно-рекреационных ресурсов. Поэтому и задачи охраны ставятся, как правило, перед соответствующими специализированными научными ведомствами и структурами управления «от культуры». Соответственно, определяются и методы охраны, среди которых основным является ведомственный учёт, т.е. определение количества памятников путём подсчёта с отражением данных в списках разных уровней: региональном, федеральном. В целях учёта осуществляется и паспортизация объектов. В результате научно-исследовательских работ списки учтённых памятников регулярно пополняются. Объекты же продолжают разрушаться.

Положение усугубляется ещё и тем, что приоритетом государственной охранной политики является архитектура. Она приносит доход, формирует исторический облик городов, привлекает туристов. Археология же остаётся предметом интересов в основном специалистов и грабителей. Организации же, ведающие земельными отношениями, как правило, не учитывают в своей работе имеющуюся у госорганов охраны памятников информацию о древних объектах.

Одним из механизмов сбора данных об археологических памятниках, достаточных для учёта в земельных отношениях, должна бы быть их инвентаризация. В ряде субъектов были проведены определённые работы и получены значительные результаты. Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации ежегодно выделяет регионам средства на эти работы из федерального бюджета. Однако археологи, проводившие инвентаризацию, вынуждены отмечать, что «комитеты по землеустройству игнорируют сведения об археологическом наследии», что «нередко приводит к гибели памятников при решении о землеотводах, принимаемых без учёта данных по наличию на тех или иных территориях объектов древней истории» [Субботин, 2000]. Налицо скрытый ведомственный конфликт. Однако при этом исследователями совершенно не при-

нимается во внимание то, что информация, получаемая обычно в процессе инвентаризации археологических объектов, носит, как правило, общий научный характер, далёкий от интересов учёта земель и, соответственно, может использоваться лишь в качестве статистических, но не как не земельно-кадастровых или имущественно-учётных данных.

Кроме того, при решении вопроса организации охраны археологических памятников упускается момент организации самого памятника как территориально-имущественного комплекса. Поэтому имущественные и земельные характеристики остаются в стороне. Археологический объект, не учтённый в качестве объекта имущественных отношений, существует условно: как объект имущества, но с неучтённым имущественным составом, без собственника и стоимостных показателей; как земельный участок, но территориально не определённый и не обособленный.

Таким образом, незащищённость археологического наследия определяется следующими основными причинами:

1. Ведомственный подход в решении вопросов сохранения археологического наследия, при котором археологический памятник воспринимается как объект сферы ответственности, прежде всего, культуры и науки;
2. Отсутствие отработанного механизма учёта данных о территориях, занимаемых археологическими памятниками в государственном реестре земель.
3. Отсутствие механизма отнесения археологических объектов к институту собственности.

Археологический памятник – прежде всего имущественный комплекс, поэтому ключевым звеном в цепи действий по организации его охраны должно являться определение, фиксация и оформление имущественных характеристик и, прежде всего, площади и границы занимаемой им территории.

Казалось бы, всё просто: археологический объект должен иметь имущественные показатели (предмет охраны), должен быть учтён в реестре госимущества, а занимаемая им территория – в государственном земельном кадастре. Однако первые попытки оформления археологического объекта в качестве единицы госимущества выявили существенные, а часто непреодолимые трудности. Так формирование в едином государственном реестре земель данных о земельном участке, занятом археологическим объектом, неизбежно связано с соответствующими землеустроительными мероприятиями, которые требуют специализированного оборудования, специальных знаний, весьма дорогостоящи и возможны при наличии соответствующих лицензий. В этих условиях, привлекая специализированные землеустроительные предприятия, можно сформировать, скажем, десятки или сотни участков, но ведь выявленных археологических объектов значительно больше. Кроме того, образование нового земельного участка, как единицы кадастрового учёта, предполагает наличие собственника памятника, который и должен инициировать процесс. А право собственности, как известно, возникает после соответствующей регистрации этого права, что невозможно до завершения процесса разграничения государственной собственности на памятники археологии.

При этом, земельный участок, занятый археологическим объектом, как любая имущественная единица, должен иметь стоимостные показатели, что сложно при отсутствии общепринятой методики расчёта стоимости земель историко-культурного назначения.

Территория археологического объекта – это всегда чья то собственность (государственная, муниципальная, частная..), но вопрос состоит в том, знает ли собственник, что владеет общенародным достоянием, которое пространственно ограничено, как и сам участок на котором оно расположено. До тех пор, пока археологический памятник не имеет установленной с ведома собственника участка границы, его территория будет являться понятием абстрактным, а предмет охраны неопределённым.

В этих условиях очевиден вопрос – возможно ли вообще решить задачу кадастрового учёта археологических объектов, не запутавшись в вопросах собственности и земельно-правовых отношений. Нужно ли вообще межевать земельные участки в границах археологических объектов или есть другой путь учёта данных в едином государственном реестре земель?

В соответствии с Федеральным законом 73-ФЗ законодатель определил своё отношение к вовлечению археологических объектов в гражданско-правовой оборот тремя основными позициями:

1. Археологические объекты находятся в государственной собственности (ст. 49, п. 3);
2. Объект археологического наследия и земельный участок, в пределах которого он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно (ст. 49, п. 2);
3. Земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия относятся к землям историко-культурного назначения (ст. 5).

Данные позиции содержат в себе определённые противоречия. Так, например, в соответствии с Государственным земельным кадастром все земли делятся на категории, среди которых выделяются земли историко-культурного назначения. При этом каждый участок может быть отнесён только к одной категории. Соответс-

твенно, при организации земель историко-культурного назначения, земля в границах археологического объекта должна быть переведена из категории в категорию, т.е. изъята из существующей ранее категории с процедурой формирования земельного участка - всего комплекса землеустроительных и организационно - правовых действий. Формирование земель историко-культурного назначения повлечёт за собой необходимость организации непосредственного контроля представителем собственника (госорган охраны памятников соответствующего уровня) за целевым использованием земель. Что весьма проблематично.

Разрешить известные противоречия представляется возможным отказавшись от применения в широкой практике понятия «земельный участок в границах археологического объекта», заменив его понятием «территориальная зона».

Федеральный закон «О государственном земельном кадастре» определяет понятие «территориальной зоны» как части территории (участка), характеризующейся особым правовым режимом землепользования. При этом территория археологического объекта может рассматриваться как часть существующего земельного участка, ограниченная в землепользовании, будь то садово-огородное хозяйство или, скажем, земля муниципального образования. В этом случае бремя ответственности за состояние и целевое использование части участка - территориальной зоны в границах археологического объекта лягут на плечи собственника или пользователя этим участком.

Установление границы территориальной зоны не требует процедуры равнозначной установлению границы земельного участка и возможно без проведения землеустроительных работ и межевания. Территориальная зона может оформляться в качестве проектного решения и учитываться в государственном земельном кадастре в составе проекта территориального землеустройства с относительной точностью привязки поворотных точек, декларативной заявленной площадью и неоднозначным описанием границы до момента начала сделок с землёй. Она может включать любое количество условных участков одной категории в рамках одного землепользования. В этом отношении речь может идти, например, о знаменитой Барсовой Горе. При этом данные о пространственной организации границ памятника могут быть получены непосредственно археологами с использованием GPS навигаторов типа «GARMIN» в доступной системе координат - WGS-84.

Не смотря на то, что отсутствие чётких контурных элементов археологических объектов определяют некоторую специфику установления границ их территорий, точность определения параметров границ должна предполагать возможность однозначной идентификации участка на местности на основании проектного плана. В дальнейшем, в случае планирования в пределах проектных границ археологического объекта какой-либо хозяйственной деятельности или в случае изъятия территории объекта из землепользования, в процессе землеустроительных работ на основании данных дежурной кадастровой карты может быть произведено восстановление границ в натуре профессиональными землеустроителями. Затраты на формирование отдельного землепользования, проведение межевания лягут, в этом случае, на нарушителя установленного режима землепользования, либо - землепользователя, иницирующего сделку с земельным участком, в пределах которого расположен археологический объект. При этом граница археологического объекта становится условной линией определяющей право собственности государства, вместо условной линии, ограничивающей право землепользователя.

Список литературы:

Субботин А.В. К вопросу о перспективах археологического мониторинга//Мониторинг археологического наследия и земельный кадастр- М., 2000. - 28 с.

Н.А. Томилов

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Культурное наследие человечества, сосредоточенное в музеях исторического и историко-краеведческого профилей, вузах и научных институтах, в современном мире – это не собрание ненужных сегодня предметов, которое лишь дает информацию о прошлом, в том числе о культуре, социуме и исторических процессах. Оно играет значительную роль и в современной жизни человечества. Фактически это часть настоящего и будущего бытия.

Историко-культурное наследие, полученное в результате раскопок археологических памятников, по своим социальным функциям сопряжено со всем историко-культурным наследием. Но особенностью его является то, что оно прирастает за счет раскопок и, в конечном счете, чаще всего сопровождается уничтожением памятников и соответственно части археологической среды. Поэтому и актуальна проблема совместных действий археологических учреждений России в изучении и сохранении археологических памятников.

Но сначала в целом об основных социальных функциях историко-культурного наследия, которое в значительном объеме состоит из музейных предметов.

Функция документирования – через музейные предметы доказываются явления и процессы в социуме и его культуре.

Функция интеграции – обеспечивает связи между современной социокультурной действительностью и социокультурными явлениями прошлых эпох. Историко-культурное наследие через эту восполняющую функцию тесно связано с культурой современного общества и входит в нее как часть системы, часть целого.

Функция идентификации – вызывает осознание людьми сходства и различия современных социокультурных систем с прошлым. Это поиск знаков (социокультурных знаков), соответствующих современному социокультурному образу.

Познавательная (научно-исследовательская) функция – дает возможность моделирования исторических и историко-культурных процессов, возможность воспроизведения прошлой действительности в мышлении людей (итог: новое знание)

Образовательная функция – передает людям знания об историко-культурном прошлом через информативную значимость музейных предметов; помогает более полноценно через предметность и наглядность культурного наследия усваивать систематизированные знания.

Мировоззренческая функция – формирует установки людей на общность человечества и его многообразие в социокультурной среде, формирует систему обобщенных взглядов на историю и мир культуры

Коммуникационная функция – способствует пониманию и общению людей в рамках хронологической глубины истории человечества и его культуры, способствует восстановлению (или установлению) взаимопонимания между поколениями, между социумами разных культур, между конфессиями и т.д.

Дифференцирующая функция – разделяет человечество на социокультурные границы, сохраняет возможность существовать человечеству и его общностям как системам с разными историко-культурными ценностями и установками.

Экономическая функция – увеличивает ценности человечества, в том числе в финансовом исчислении, позволяет (и даже вызывает необходимость) использовать историко-культурные музейные ресурсы на благо людей, в т.ч. и с целью дальнейшего наращивания ценностей.

Политическая функция - позволяет использовать историческое социокультурное наследие для доказательства объективных политических процессов и явлений в этнической истории, позволяет использовать ресурсы этого наследия в сфере отношений между разными социумами (общностями, группами) и в сфере формирования государственной деятельности, определения ее форм, направлений, задач и содержания.

Воспитательная функция – вызывает уважение к прошлому человечества и его народов, развивает патриотические установки и чувства, направляет духовное развитие личности, действует против дестабилизации исторической памяти молодых поколений.

Эстетическая – формирует вкусы в сфере красоты и ценностные оценки художественной деятельности людей.

Созидательная функция – увеличивает объем участия историко-культурных ресурсов музеев в развитии общества, в том числе через проведение научных исследований прикладного характера и увеличение объема самих историко-культурных ресурсов.

В современном периоде жизни человечества основная задача ученых и работников культуры состоит в усилении действия комплекса социальных функций историко-культурного наследия каждой страны.

В Российской Федерации в условиях преодоления социально-экономического и отчасти мировоззренческого и интеллектуального кризиса и создания базы для стабильного развития российского общества большую значимость в современных ситуациях социальной и культурной жизни страны приобретают мировоззренческая, коммуникационная, политическая, воспитательная, эстетическая и созидательная функции историко-культурного наследия. Основные виды действия этих функций – это музейная работа, научно-пропагандистская деятельность ученых, работа археологических, историко-краеведческих, искусствоведческих и этнографических научных кружков и студий в системе высшего и среднего образования, развитие исторического краеведения и др. Научную базу для повышения эффективности действия вышеназванных функций составляет успешное развитие археологических, историко-краеведческих, искусствоведческих и этнографических исследований, а также усиление в научной и социальной сферах жизни России научно-документационной, познавательной функций культурного наследия в областях интеграции, идентификации социокультурных систем прошлого и настоящего.

От результативности развития и действия общественных функций историко-культурного наследия зависит и понимание ценности и необходимости сохранения и пополнения самого этого социокультурного наследия.

24 ноября 2005 г. в Москве состоялось организованное Отделением историко-филологических наук Российской академии наук (ОИФН РАН) и Институтом археологии РАН рабочее Всероссийское совещание «Взаимодействие археологических учреждений и органов охраны объектов культурного наследия России в изучении и сохранении археологических памятников». Руководил работой совещания академик – секретарь ОИФН РАН академик А.П. Деревянко. С заглавным докладом «Основные проблемы изучения и сохранения археологических памятников в современной России» выступил на совещании директор Института археологии РАН член-корреспондент РАН Н.А. Макаров. После обсуждения доклада и выступлений ряда специалистов было принято Решение этого всероссийского совещания. Ниже приведем некоторые положения этого решения:

«Считать одним из наиболее актуальных направлений археологической деятельности в РФ обследование территории России, возможно более полный учет объектов археологического наследия, составление учетной документации, соответствующей современным научным стандартам, подготовку археологических карт субъектов РФ, создание электронной археологической карты России. Обратиться в Агентство по культуре и кинематографии РФ с предложением увеличить финансирование этих работ.

Обратить внимание руководства субъектов федерации РФ на обязательность организации историко-культурной экспертизы территорий с проведением полевых археологических обследований при передаче земельных участков в частную собственность.

Считать целесообразным более тесное сотрудничество археологических учреждений РАН, органов охраны культурного наследия в субъектах федерации РФ и научно-производственных центров при организации охранных раскопок в зонах строительства крупных хозяйственных объектов. Усилить ответственность археологических учреждений за научные результаты охранных археологических исследований и сохранность коллекций. Считать целесообразным организацию контроля над проведением спасательных работ на объектах археологического наследия силами научных учреждений РАН и профильных подразделений ВУЗов.

Активировать разработку методологии спасательной археологии, подготовку нормативов проведения спасательных работ на объектах археологического наследия.

Считать одним из приоритетных направлений развития органов охраны объектов культурного наследия в субъектах федерации РФ укрепление их кадрами профессиональных археологов.

Учитывая продолжающийся рост грабительских раскопок в России, совместно с правоохранительными органами и Минкультуры РФ и Росохранкультуры проработать возможные пути совершенствования нормативно-правовой базы с целью предотвращения расхищения археологического наследия.

Обратиться в Правительство РФ с просьбой в полной мере учесть предложения РАН при принятии «Положения о порядке выдачи Открытых листов на производство работ на объектах археологического наследия».

Обратиться в Федеральное собрание РФ с просьбой ускорить ратификацию «Европейской конвенции об охране археологического наследия». Изучить возможности подготовки «Закона об археологическом наследии РФ» как отдельного нормативно-правового акта, регламентирующего охрану археологического наследия и археологическую деятельность».

При обсуждении решения выступавшие ученые внесли еще некоторые более конкретные предложения. В частности, омские археологи предложили создать по археологическим объектам XVI – XIX вв. подробную базу данных и провести научную экспертизу по определению тех комплексов, которые представляют собой и культурную ценность, с тем, чтобы поставить их на охрану и при необходимости провести спасательные работы. С.Ф. Татауров считает, что в Сибири «сложилась ситуация, когда исторические памятники, свидетельствующие о походах Ермака, о строительстве первых острогов и слобод, о заселении этого края российскими переселенцами, оказались не нужными нашему государству». Еще одной проблемой, по мнению С.Ф. Татаурова, является археологическое изучение малых городов Сибири. На совещании было принято также решение проводить в России Археологические съезды. Представляется, что такие съезды как раз и создадут возможности для более тесной координации всех заинтересованных сторон в областях охраны, сохранности, использования и изучения археологического наследия России.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРЫ И ОБЩНОСТИ СКИФСКОГО МИРА И АНТИЧНОСТИ

Боковенко Н.А. НАЧАЛО СКИФО-САКСКОЙ ЭПОХИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	3
Бородовский А.П. РЕЗНЫЕ РОГОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НИЖНЕЙ КАТУНИ	5
Бородовский А.П., Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П. ИЗДЕЛИЯ ИЗ РОГА КОСУЛИ В ПЕЩЕРНЫХ КОМПЛЕКСАХ ГОРНОГО АЛТАЯ	8
Боталов С.Г., Любчанский И.Э., Таиров А.Д. КУРГАНЫ С «УСАМИ»: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ	11
Виноградов Ю.А. РАБОТЫ БОСПОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК РАН В 2001–2005 гг.	14
Гаиров В.А. НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ПАРФЯНСКОЙ МАРГИАНЫ: БУЛЛЫ ИЗ РАСКОПОК ГЕБЕКЛЫ-ДЕПЕ	17
Дашковский П.К., Типкин А.А. ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ – ПАМЯТНИК ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ	20
Зайцева Г.И., Алексеев А.Ю., Чугунов К.В. СООТНОШЕНИЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ШКАЛ ЕВРОПЕЙСКИХ И АЗИАТСКИХ ПАМЯТНИКОВ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ	23
Кошеленко Г.А., Гаиров В.А., Требелева Г.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА МАРГИАНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	26
Кузнецов Н.А. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ЭПИГРАФИКИ ЮЖНОЙ СИБИРИ (СКИФСКОЕ ВРЕМЯ)	29
Лукьяшко С.И. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ДОНА (VI-V вв. до н.э.)	32
Мальшев А.А. К ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА В VI – I вв. до н.э.	35
Марсадолов Л.С. ГОРДИОН В АНАТОЛИИ (ТУРЦИЯ) – ВОЕННАЯ «БАЗА» КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ В VIII-VI веках до н.э.	40

Мец Ф.

О НЕДАВНЕЙ НАХОДКЕ В БАДЕН-ВЮРТЕМБЕРГЕ 43

Мыльников В.П.

ФЕНОМЕН ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЗЬБЫ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ НА АЛТАЕ.....46

Папин Д.В., Фролов Я.В.

О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУР СКИФСКОГО КРУГА НА ВЕРХНЕЙ ОБИ 49

Пшеницына М.Н.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПАМЯТНИКОВ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ПРЕДГОРЬЯХ САЯН НА ЮГЕ ХАКАСИИ 52

Табалдиев К.Ш.

«ВОСЬМИКАМЕННЫЕ» ПАМЯТНИКИ И «ОЛЕННЫЕ» КАМНИ ТЯНЬ-ШАНЯ 55

Туаглагов А.А.

ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ О ПРЕБЫВАНИИ КОЧЕВНИКОВ СКИФО-
САВРОМАТСКОГО КРУГА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ.....58

Туркин Г.В.

К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАСЕЛЕНИЯ
ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДБАЙКАЛЬЯ В I тыс. до н.э. 60

Фролов Я.В.

МАТЕРИАЛЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ НОВОАЛТАЙСКОГО МОГИЛЬНИКА.....63

Чикунова И.Ю.

КЕРАМИКА КАШИНСКОГО ТИПА В КОМПЛЕКСАХ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЗАУРАЛЬЕ 67

Чугунов К.В.

СИНХРОНИЗАЦИЯ КУЛЬТУР НАЧАЛА РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ЮЖНОЙ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА 69

Шульга П.И.

О ДАТИРОВКЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ
РАННЕГО ЭТАПА ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....72

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ГУННО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Глазов И.А.

К ПРОБЛЕМЕ ВТОРИЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛИТАРНЫХ
ИМПОРТНЫХ ПРЕДМЕТОВ У КОЧЕВНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ФАЛАРОВ
ИЗ САРГАТСКОГО ВОИНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ У д. СИДОРОВКА 75

Готлиб А.И.

НОВЫЕ СЮЖЕТЫ ТАШТЫКСКОГО ИСКУССТВА
(предварительная публикация) 78

Кисель В.А.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВОЗМОЖНОЙ МИГРАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУВУ 81

Кокуркина О.В.

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ДИАГОНАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ I-II вв. н.э. 84

Раев Б.А.

К АБСОЛЮТНОЙ ХРОНОЛОГИИ РИМСКОГО ИМПОРТА
В АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ 88

Савинов Д.Г.

МИНУСИНСКАЯ «ПРОВИНЦИЯ» ХУННУ 91

Харинский А.В.	
НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРЕДБАЙКАЛЯ И ЕГО СОСЕДИ В КОНЦЕ I тыс. до н.э. – НАЧАЛЕ I тыс. н.э.	96
Худяков Ю.С.	
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ХУННОВ И СЯНЬБИ С НОМАДАМИ ЮЖНОЙ СИБИРИ.....	99
Чемякин Ю.П.	
КУЛАЙСКИЙ МОГИЛЬНИК НА БАРСОВОЙ ГОРЕ.....	102
Яблонский Л.Т.	
НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ В САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ	105

СЛАВЯНСКОЕ, ФИНСКОЕ И ТЮРКСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕВРАЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Бачура О.П., Некрасов А.Е., Федорова Н.В.	
ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ УСТЬ-ВОЙКАРСКОГО ГОРОДИЩА	108
Белавин А.М.	
ДРЕВНЯЯ АФКУЛА (РОЖДЕСТВЕНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС X-XIII вв. В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ).....	111
Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.	
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КРЕМИРОВАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ КОНЦА I тыс. н.э. НА ВЕРХНЕЙ ОБИ.....	114
Гайдуков П.Г.	
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НАЧАЛЕ РУССКОЙ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ В XIV в.	118
Зайцева И.Е.	
МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ОКРАИНАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ: ДАЛЬНЯЯ ТОРГОВЛЯ ИЛИ МЕСТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО?.....	120
Иванова М.Г.	
ГОРОДИЩЕ ИДНАКАР IX–XIII вв.: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ	123
Кардаш О.В.	
ВООРУЖЕНИЕ ВОИНА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVII-XVIII вв. (по материалам археологических исследований надымского и обдорского городков).....	126
Король Г.Г.	
ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВА И ЭПОСА ТЮРКОВ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	130
Крадин Н.Н.	
КИДАНЬСКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ	133
Крыласова Н.Б.	
ПИЩА СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (проблемы археологической реконструкции)	136
Кубарев Г.В., Орлова Л.А.	
РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ.....	139
Лопатин Н.В.	
НОВОЕ В РАННЕСЛАВЯНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	142
Макаров Л.Д.	
ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ПРИКАМЬЯ.....	146
Макаров Н.А., Захаров С.Д.	
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ	148

Мальшев А.Б., Тугушев П.Е. ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕЙ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (XVI – середина XVIII вв.).....	151
Матвеев А.В., Тагауров С.Ф. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ XIV-XVI вв. В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ.....	154
Матвеева Г.И. ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС СТАРОМАЙНСКОГО ГОРОДИЩА.....	157
Матвеева Н.П. КУШНАРЕНКОВСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В СВЕТЕ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ПЕРИОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЗАУРАЛЬЕ	160
Меснянкина С.В. КОСТОРЕЗНОЕ ДЕЛО СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ (по материалам поселений Минино I и Минино VI на Кубенском озере).....	163
Митько О.А. ТАШТЫКСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПО ОБРЯДУ ТРУПОСОЖЖЕНИЯ ПОД КАМЕННЫМИ ВЫКЛАДКАМИ (по материалам раскопок могильника Маркелов Мыс II).....	166
Николаев В.С., Кустов М.С. ИССЛЕДОВАНИЯ КУЗНИ НА ПОСЕЛЕНИИ ТОТОК В ЮЖНОМ ПРИАНГАРЬЕ	169
Новиков А.В. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАЗЫМСКИХ ХАНТОВ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В XVIII – XIX вв. (на примере домостроительных традиций Казымского острога).....	172
Носов Е.Н., Хвощинская Н.В. ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРИИЛЬМЕНЬЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ С РЕГИОНОМ ЗАПАДНОЙ БАЛТИКИ В IX-X вв.	175
Ожередов Ю.И. К ВОПРОСУ СЕМАНТИКИ РИТУАЛЬНОГО НАКОНЕЧНИКА ТРЕЗУБЦА У СЕЛЬКУПОВ.....	177
Пигарёв Е.М. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА	180
Руденко К.А. СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ В ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В XI-XIV вв. : ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, РАЗВИТИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ.....	182
Скобелев С.Г. ХАРАКТЕРИСТИКА ВООРУЖЕНИЯ РУССКИХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ СРЕДНЕЙ СИБИРИ (по материалам раскопок поселенческих памятников).....	185
Свирин К.М. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЯЗЫЧЕСКИХ СВАТИЛИЩ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ VI–XIII вв.	188
Соловьев А.И. КЫШТОВСКАЯ КУЛЬТУРА (перспективы исторического развития по материалам погребальных комплексов)	191
Табалдиев К.Ш., Ыльмаз Аныл ИСТОКИ, ТРАНСФОРМАЦИИ И ИННОВАЦИИ ПОМИНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В СРЕДЕ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ	194
Тагаурова Л.В. АРХЕОЛОГИИ РУССКИХ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ 10 ЛЕТ	197
Ширин Ю.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МАРГИНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ КАК ИНДИКАТОР ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА НА ЮГЕ СИБИРИ.....	200

Шутова Н.И.	
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ В КАМСКО-ВЯТСКОМ РЕГИОНЕ.....	203
Якимов А.С.	
ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ НА ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ СТЕПЕЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (VIII-XIV вв. н.э.)	206

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Артемьева Н.Г.	
ВНУТРЕННЯЯ ПЛАНИРОВКА ВЕРХНЕЙ СТОЛИЦЫ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОГО ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЕ СЯ.....	209
Баштанник С.В.	
АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩАХ КАЗАХСТАНА	212
Васильева Т.А.	
НАЗНАЧЕНИЕ СЕВЕРНОГО ВНУТРЕННЕГО ГОРОДА ЕКАТЕРИНОВСКОГО ГОРОДИЩА (Приморский край).....	215
Визгалов Г.П.	
МЕСТНЫЕ РЕМЕСЛА ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА МАНГАЗЕИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2001-2005 гг.....	218
Дьякова О.В.	
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ФОРТИФИКАЦИИ ПРИМОРЬЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ, ДАТИРОВКА, ПРОИСХОЖДЕНИЕ.....	221
Зеленец Ю.А.	
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА В 1993-2006 гг.	224
Масловский А.Н.	
ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА АЗАКА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОСТИ В РАЗВИТИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ.....	227
Мусин А.Е.	
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА. АРХЕОЛОГИЯ ЦЕРКВИ ИЛИ ЦЕРКОВНАЯ АРХЕОЛОГИЯ?	230
Набиуллин Н.Г.	
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАЗАНИ (по материалам раскопов XIII, XLVII, XLVIII).....	233
Набиуллин Н.Г.	
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД ДЖУКЕТАУ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	237
Осипов Д.О., Фараджева Н.Н.	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА МЕСТЕ ВОССОЗДАНИЯ УСПЕНСКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА В ЯРОСЛАВЛЕ	239
Ситдинов А.Г.	
ФОРТИФИКАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАЗАНИ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ.....	241
Тарасов А.Ю.	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В г. ЕНИСЕЙСКЕ	244
Тропин Н.А.	
ДРЕВНЕРУССКИЕ УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОСВОЕНИЯ ЮГО-ВОСТОКА РУСИ В XII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII вв. (по материалам Чернигово-Рязанского порубежья)	247
Чёрная М.П.	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ВЫСОТНЫХ ДЕРЕВЯННЫХ ПОСТРОЕК ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	251

ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Боброва А.И. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ	254
Болотин Д.П. ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА ЭВЕНКОВ В РАБОТАХ АРХЕОЛОГОВ	257
Губина М.А., Дамба Л.Д., Ромашенко А.Г., Кобзев В.Ф., Вилемс Р., Воевода М.И. ОСОБЕННОСТИ ГАПЛОТИПИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ мтДНК В НЕКОТОРЫХ ПОПУЛЯЦИЯХ СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И СРЕДНЕЙ АЗИИ	260
Куликов И.В., Нефедова М.В., Шульгина Е.О., Губина М.А., Пилипенко А.С., Дамба Л.Д., Кобзев В.Ф., Воевода М.И., Ромашенко А.Г. «ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАНКОВ НОСИТЕЛЕЙ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ IV-II вв до н.э.»	264
Мурыгин А.М. КРАЙНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (по данным археологии).....	267
Пилипенко А.С., Куликов И.В., Ромашенко А.Г., Кобзев В.Ф., Гришин А.Е., Поздняков Д.В., Молодин В.И. ОСОБЕННОСТИ ГАПЛОТИПИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ мтДНК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БАРАБЫ (предварительные результаты).....	270

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

Балакин Ю.В. КЕРАМИЧЕСКИЙ СОСУД В КОСМИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	274
Бродянский Д.Л. ИСКОПАЕМОЕ ИСКУССТВО ПРИМОРЬЯ.....	278
Дэвлет Е.Г., Миклашевич Е.А., Слободзян М.Б. О НОВЫХ РАБОТАХ НА ЧУКОТКЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПЕГТЫМЕЛЬСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ.....	281
Дэвлет М.А. НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ МОЗАГА-ХОМУЖАК В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ САЯНСКОЙ ГЭС	285
Гурьянова Г.Г., ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЪЕМНЫХ БРОНЗО- ЛИТЕЙНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТАЕЖНОГО ПРИИРТЫШЬЯ	288
Есин Ю.Н. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ Г-ОБРАЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ	291
Занка А.Л. ФЕНОМЕН ЛИЧИН В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ (об истоках изобразительной традиции)	295
Зинченко А.А. ИКОНОГРАФИЯ ХИЩНИКА ПОРОДЫ КОШАЧЬИХ, СВЕРНУВШИЙСЯ В КОЛЬЦО: ВАРИАНТЫ И МОДИФИКАЦИИ (на примере памятников восточного Казахстана)	297
Килуновская М.Е. НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ САЯНСКОЙ ГЭС – ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И МОНИТОРИНГА	300

	519
Ключников Т.А., Заика А.Л. ОБРАЗ ВСАДНИКА В ПЕТРОГЛИФАХ НИЖНЕЙ АНГАРЫ	303
Ковтун И.В. КОМПОЗИЦИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛОШАДИ НА ВТОРОЙ НОВОРОМАНОВСКОЙ ПИСАНИЦЕ	306
Кубарев В.Д. КОНЬ И ВСАДНИК В ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЯ	308
Ларичев В.Е., Сазонов В.И. МЕТОДЫ КОРРЕКТНОЙ РЕСТАВРАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ УНИКАЛЬНОГО ОБЪЕКТА ИСКУССТВА (на примере мальтинской календарно-астрономической пластины)	311
Мартынов А.И., Чигаева В.Ю. КОМПОЗИЦИОННОЕ РАССМОТРЕНИЕ СЮЖЕТОВ С ПТИЦАМИ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ	315
Панкратова Л.В. К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОГО ИЗ ТИПОВ КОМПОЗИЦИЙ ПОЗДНЕКУЛАЙСКОЙ ОРНАМЕНТИКИ	319
Сериков Ю.Б. НОВЫЕ (ЗАУРАЛЬСКИЕ) РАЙОНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КРЕМНЕВОЙ СКУЛЬПТУРЫ	322
Симонова И.Л. ДВОЙСТВЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПОЯСНЫХ ПРЯЖКАХ СКИФО- СИБИРСКОГО МИРА (к вопросу интерпретации)	325
Советова О.С. ТЕМА СМЕРТИ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ	327
Черемисин Д.В. СЕМАНТИКА ИСКУССТВА ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам рядовых мерзлотных погребений Юго-Восточного Алтая)	330
Швец И.Н. СЦЕНЫ СОВОКУПЛЕНИЯ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	333
Шипкин А.С. ИЗОБРАЖЕНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ В КУЛАЙСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ	336

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Антипина Е.Е. ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТАВА СТАДА ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В АРХЕОЛОГИИ	339
Вадецкая Э.Б. ТИПЫ ЕНИСЕЙСКИХ МУМИЙ (по мультидисциплинарным исследованиям)	343
Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. ТЕХНИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И СПЕКТРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УКРАШЕНИЙ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ	346
Демкин В.А., Т.С.Демкина, А.В.Борисов, Алексеев А.О., Хомутова Т.Э. ПАЛЕОПОЧВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОЛОГИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА	349
Дунаев А.Ю., Юминов А.М., Григорьев С.А., Зайков В.В. РОЛЬ ГЕОАРХЕОЛОГИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ РУДНОЙ БАЗЫ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ	352

Журбин И.В.

ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛАНИРОВКИ И СТРУКТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА ИДНАКАР 355

Зайцева О.В., Пушкарев А.А., Барсуков Е.В.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ
МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ С ПОМОЩЬЮ
СОВРЕМЕННЫХ ГИС - И ДЗ – ТЕХНОЛОГИЙ 358

Конькова Л.В., Король Г.Г.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 360

Коробкова Г.Ф., Щелпский В.Е.

НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ДОСТИЖЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-
ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ 363

Косинцев П.А.

ИСТОРИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 367

Кузьмин Я.В., Попов В.К.

ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ДАЛЬНОГО
ВОСТОКА РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ
ОБСИДИАНОВОГО СЫРЬЯ 370

Лохов К.И., Бережная Н.Г., Матуков Д.И., Капитонов И.Н.,**Боковенко Н.А., Зайцева Г.И., Чугунов К.В., Скотт Е.М.**

КОМПЛЕКСНЫЕ ИЗОТОПНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ
СКИФСКОЙ ЭПОХИ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 373

Платонова Н.И., Кашкевич В.И., Блохин Н.Н.

СЕЙСМОТОМОГРАФИЯ: РАЗРАБОТКА НОВОГО МЕТОДА НЕРАЗРУШАЮЩЕГО
ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНОВ (на материалах Передольских сопок IX-X в.) 376

Салугина Н.П.

К МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАКОВИНЫ В СОСТАВЕ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ 379

Тихонов С.С.

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НАРОДОВ СИБИРИ
И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ 382

Тишкин А.А.

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ
ПАМЯТНИКА ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ЯЛОМАН-II 384

Хаврин С.В., Папин Д.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТАВА ЗОЛОТЫХ АНДРОНОВСКИХ УКРАШЕНИЙ АЛТАЯ 388

Чикишева Т.А., Бужилова А.П.,**Добровольская М.В., Медникова М.В.**

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССОВ АДАПТАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ 391

ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ

Белкова О.Б.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А.В. АДРИАНОВА 1915-1916 гг.
В УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ 394

Берлина С.В.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ТЕРМИНА «АРХИТЕКТУРА»
К АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ 397

Васильев Ю.М.	
ДВУХАКТНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В АРХЕОЛОГИИ.....	400
Васютин С.А.	
ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ	404
Волков В.А.	
РОЛЬ САРАТОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ В ОХРАНЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	406
Голдина Р.Д., Черных Е.М.	
ПРОБЛЕМЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ВУЗОВСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (на примере Урало-Поволжья)	409
Данилов С.В.	
СТАНОВЛЕНИЕ СКОТОВОДСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ КОЧЕВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	411
Детлова Е.В.	
ГЕРО ФОН МЕРГАРТ И РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: НОВОЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ	414
Жук А.В.	
ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ	417
Зайцева О.В.	
ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДИАГНОСТИКИ ВТОРИЧНОСТИ ПОГРЕБЕНИЯ: ПОГРЕБЕНИЕ 3 КУРГАНА 17 МОГИЛЬНИКА ШАЙТАН II	420
Кениг А.В.	
ТЕОРИЯ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	423
Китова Л.Ю.	
ТЕОРИИ И КОНЦЕПЦИИ В СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 1920-х гг.	426
Корякова Л.Н.	
О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ	429
Мартынов А.Я.	
КАМЕННЫЕ ЛАБИРИНТЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ И «КУЛЬТОВО- ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ» СОЛОВЕЦКИХ ОСТРОВОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ	432
Мельникова О.М.	
ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИИ: В ПОИСКЕ НОВЫХ СМЫСЛОВ?	435
Мельникова О.М.	
ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ.....	438
Платонова Н.И.	
НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 1880-1930-х гг.	441
Рудковская М.А.	
К ВОПРОСУ О ФИКСАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ	444
Свешникова О.С.	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВА В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ 1930-1950-х гг.: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	447
Смирнов А.С.	
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ	450
Томилов Н.А.	
ПЕРИОДИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ	453

Тункина И.В.	О ПРОЕКТЕ ПУБЛИКАЦИИ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ПОЛЯ ДЮБРЮКСА.....	455
Шаманаев А.В.	ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ НА ПЕРВОМ ВСЕРОССИЙСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СЪЕЗДЕ	458
Шер Я.А.	ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В РОССИИ: РЕАЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ.....	461
Шинаков Е.А.	ОПЫТ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА ВЕНЧИКОВ ДРЕВНЕРУССКИХ КРУГОВЫХ СОСУДОВ.....	465
Щапова Ю.Л.	ПРА- И ПРОТОИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА	468
Щурова Ж.В.	АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А.В. АДРИАНОВА В МАТЕРИАЛАХ ФОТОАРХИВА МАЭС ТГУ	471

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Коробейников А.В.	ОБ ИДЕОЛОГИИ РЕЛЯЦИОННОЙ БАЗЫ ДАННЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ.....	473
Ломан В.Г.	КОМПЬЮТЕРНАЯ ПРОГРАММА ДЛЯ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФОРМ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ	476
Требелева Г.В.	ПРИМЕНЕНИЕ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА СИСТЕМ ФОРТИФИКАЦИЙ АЗИАТСКОГО БОСПОРА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ	478
Холошкин Ю.П., Воронин В.Т., Костин В.С., Нуртдинов А.Н.	К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ КОМПЛЕКСНОЙ ОБРАБОТКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ МЕТОДАМИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ (проблемы и решения)	481

СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ

Березовская Н.В., Кравченко Г.Г., Торощина Н.В., Чернова И.В.	ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ И МЕТОДИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПРИТЫМЬЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ.....	484
Векслер А.Г.	ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ г. МОСКВЫ. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	487
Иванова М.Г., Куликов К.И.	АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ УДМУРТИИ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ	489
Киришин Ю.Ф., Киришин К.Ю., Киришина Ю.В., Семибратов В.П.	ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАРКА «ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ».....	492
Кондрашев Л.В.	ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ И НОРМИРОВАНИЯ СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ	495

Попов В.В., Дудин А.Е., Котлярова И.В., Попова Т.В., Пустовалов А.Ю., Чернышов С.С.	
МУЗЕИФИКАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В КОСТЕНКОВКО- БОРЩЕВСКОМ РАЙОНЕ НА ДОНУ	499
Рябуха А.С.	
КАРГАЛИНСКИЕ РУДНИКИ – ОБЪЕКТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ	501
Семькин Ю.А.	
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАННОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ	504
Терёхин С.А.	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ КАДАСТР	507
Томилов Н.А.	
СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	510

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ

Том II

Материалы Всероссийского археологического съезда

Статьи публикуются в авторской редакции,
иллюстрации и таблицы соответствуют авторским оригиналам

Технический редактор *Н.В. Третьякова*
Дизайн обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано к печати 12.09.2006 г. Бумага офсетная. Формат 60×84/8
Гарнитура *Times New Roman*. Офсетная печать. Усл. печ. л. 60,9
Уч.-изд. л. 61. Тираж 700 экз. Заказ № 131. Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН.
Лицензия ИД № 04785 от 18.05.2001 г.
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.